РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт лингвистических исследований

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute for Linguistic Studies

ACTA
LINGUISTICA
PETROPOLITANA

ТРУДЫ
ИНСТИТУТА ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Том XII, часть 2

Ответственный редактор Н. Н. Казанский

Санкт-Петербург
«Наука»
2016

ACTA
LINGUISTICA PETROPOLITANA

TRANSACTIONS
OF THE INSTITUTE FOR LINGUISTIC STUDIES

Vol. XII, part 2

Edited by N. N. Kazansky

St. Petersburg
«Nauka»
2016

УДК 81
ББК 81.2
А 38

ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН / Отв. ред. Н. Н. Казанский.
Т. XII. Ч. 2. Исследования по теории грамматики. Выпуск 7: Типология перфекта / Отв. ред. Т. А. Майсак, В. А. Плунгян, Кс. П. Семёнова. СПб.: Наука, 2016. — 840 с.

ISSN 2306-5737
ISBN 978-5-02-039626-5

РЕДКОЛЛЕГИЯ «ТРУДОВ
ИНСТИТУТА ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ»:

академик РАН Н. Н. Казанский (председатель),
PhD Assoc. Prof. A. Barentsen / А. Барентсен, (Нидерланды, Амстердамский ун-т), член-корр. РАН А. В. Бондарко, д. филол. наук, проф. Н. Б. Вахтин, д. филол. наук М. Д. Воейкова, член-корр. РАН Е. В. Головко,
PhD Prof. L. Grenoble / Л. Гренобль (США, ун-т Чикаго), PhD, к. филол. наук Н. М. Заика (секретарь), к. филол. наук А. Ю. Кожевников, д. филол. наук В. М. Круглов, д. филол. наук С. А. Мызников, д. филол. наук, проф. В. И. Подлесская (Москва, РГГУ), PhD Prof. J. Russell / Дж. Рассел (США, Гарвардский ун-т), д. филол. наук А. Ю. Русаков, д. филол. наук, проф. А. Н. Соболев (заместитель председателя), к. филол. наук С. С. Сай, к. филол. наук А. Ю. Урманчиева, д. филол. наук, проф. В. С. Храковский,
Dr. Habil. Prof. J. A. Janhunen / Ю. А. Янхунен (Финляндия, ун-т Хельсинки)

Составители и редакторы тома Т. А. Майсак, В. А. Плунгян, Кс. П. Семёнова

Отвественный за выпуск от редколлегии А. Ю. Урманчиева

Рецензенты Е. В. Головко, А. Ю. Русаков

Выпуск подготовлен при поддержке гранта РНФ «Диахронически нестабильные аспектуальные категории» № 14-18-02624.

Материалы сборника доступны в электронном виде на сайте ИЛИ РАН https://alp.iling.spb.ru/ru/issues.html

ISSN 2306-5737
ISBN 978-5-02-039626-5

© Коллектив авторов, 2016.
© ИЛИ РАН, 2016
© Редакционно-издательское оформление. Издательство «Наука», 2016

ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ТЕОРИИ ГРАММАТИКИ

ВЫПУСК 7:

ТИПОЛОГИЯ ПЕРФЕКТА

В. А. Плунгян

Институт языкознания РАН, Москва

К ТИПОЛОГИИ ПЕРФЕКТА В ЯЗЫКАХ МИРА: ПРЕДИСЛОВИЕ[1]

Настоящий сборник посвящен различным аспектам описания одной из наиболее сложных и загадочных глагольных граммем в языках мира. Самое распространенное название для нее — *перфект* (англ. *perfect*, или *present perfect*, если признается возможность ее сочетаемости с граммемами времени, о чем см. ниже); в современной англоязычной литературе (особенно ориентирующейся на работы Дж. Байби, но не только) используется также термин *anterior* (ср. [Bybee et al. 1994: 51—105]). Иногда для обозначения форм перфекта используется термин *результатив*, хотя это обозначение является неточным: в современной типологии (по крайней мере после работ А. А. Холодовича, В. П. Недялкова и Ю. С. Маслова) принято считать, что перфект и результатив — это разные семантические и грамматические сущности, между которыми, впрочем, существуют тесные диахронические связи (см. [Недялков, Отаина, Холодович 1974; Недялков, Яхонтов 1983; Маслов 1983]; ср. также [Nedjalkov (ed.). 1988; Coseriu 1976]; данное терминологическое различие активно поддержано в [Bybee et al. 1994] и стало практически общепринятым, ср. [Ritz 2012]).

Можно выделить три круга проблем, связанных с типологическим описанием перфекта. Первая и самая очевидная сложность — это определение семантики соответствующих глагольных показателей. Сущности, отождествляемые как перфект, демонстрируют высокую степень полисемии, контексты их употреблений в разных языках, как правило, не совпадают, иногда весьма существенно. Это верно даже для типологически и ареально достаточно близких языков: например, для того, чтобы

[1] Исследование выполнено в рамках проекта РНФ «Диахронически нестабильные аспектуальные категории» № 14-18-02624.

найти контексты, где форма, одинаково называемая перфектом, будет равным образом употреблена в новогреческом, в португальском, в шведском и в немецком, придется приложить нерядовые усилия; в подавляющем большинстве случаев для перфекта одного из этих языков будет требоваться неперфектный эквивалент в переводах на другие (ср. сходные рассуждения и разнообразные примеры, обсуждаемые в [Кашкин 1991; Dahl, Hedin 2000; Squartini, Bertinetto 2000] и др., а также в статье Д. В. Сичинавы в настоящем сборнике). По-видимому, простого способа решить проблему определения семантики перфекта нет: для типологически корректного описания необходимо либо разбить семантическую зону перфекта на несколько различных областей (признав в таком случае наличие нескольких «перфектов», возможно, слабо или вовсе никак не связанных друг с другом), либо существенно сузить универсальное понимание перфекта (признав в таком случае несовпадение показателей, называемых перфектными в конкретных языках, с универсальной категорией перфекта, реализующейся лишь в ограниченном подмножестве языков).

Вторая группа проблем связана с местом перфекта в системе других глагольных категорий (как в грамматических системах конкретных языков с наличием перфекта, так и в универсальной классификации глагольных категорий). Почти все общие очерки категории перфекта (от [Comrie 1976] до [Ritz 2012]) начинают с хрестоматийного утверждения о том, что необходимо понять, является ли перфект граммемой «вида или времени» — и, как правило, не дают на этот вопрос однозначного ответа. Разумеется, ответ здесь существенно зависит от того, как исследователь определяет семантику перфекта, но у этой проблемы есть и собственное измерение, связанное с взаимодействием перфекта с другими глагольными категориями.

Наконец, важная специфика перфекта связана с диахроническим аспектом его функционирования. Общепризнано (начиная по крайней мере с работы [Anderson 1982]), что перфект имеет множество разных диахронических источников, обнаруживает множество нетривиальных моделей постперфектного развития и в целом характеризуется тем, что можно назвать эволюционной (или диахронической) *нестабильностью*; последнее — вообще одна из наиболее ярких и, как ни странно, наиболее универсальных черт перфекта в языках мира (ср. [Bybee et al. 1994; Ritz 2012]).

При всём сказанном, перфект остается одной из наиболее распространенных глагольных граммем (по данным в [Dahl 1985; Bybee et al. 1994], им обладают не менее трети языков мира); в частности, аналитический перфект является характерной особенностью многих языков европейского ареала, а аналитический перфект, образованный с помощью глагола ‘иметь’ (так называемый «посессивный перфект»), даже считается практически уникальной типологической особенностью языков «среднеевропейского стандарта» ([Dahl 1995, 2000; Thieroff 2000; Haspelmath 2001; Cysouw 2011][2]).

Ниже мы рассмотрим каждую из этих проблем несколько подробнее, а затем дадим обзор структуры и содержания настоящего сборника.

1. Семантика перфекта: как определить перфектное значение глагольной формы?

В современной грамматической типологии преобладает такое определение семантики перфекта, которое так или иначе соотносит перфект с понятием *результатива* (или *результирующего состояния*) и определяет первый через второе. Таким образом, для теории перфекта понятие результата оказывается первичным. Этот подход имеет целый ряд уязвимых мест, однако для перфектов «европейского» типа он долгое время казался весьма привлекательным и в той или иной степени сохраняет позиции во многих теориях перфекта и до настоящего времени (см. подробнее, например, [Depraetere 1998; Nishiyama, Koenig 2010]). Во многих случаях трактовка перфекта с опорой на результативную семантику находит подтверждение в диахронических факторах — однако такое положение дел имеет место далеко не всегда.

Термин *результатив* был введен в современную лингвистику в середине 1970-х годов В. П. Недялковым и Э. Косериу (по-видимому, независимо и практически одновременно). Общепри-

[2] Скорее всего, европейский посессивный перфект прямо или косвенно возник под влиянием поздней латинской модели, распространившейся впоследствии внутри (западно)европейского ареала под воздействием различных контактных механизмов; более подробное обсуждение этой проблемы см., например, в [Drinka 2003, 2013].

нятое определение результатива ([Недялков и др. 1974; Coseriu 1976; Недялков, Яхонтов 1983; Маслов 1983; Nedjalkov 1988; Wiemer, Giger 2005]) трактует его как выражение результирующего состояния (объемлющего окно наблюдения) у предельного процесса, т.е. как аспектуальное значение «линейного» типа, описывающее ту фазу предельного процесса, которая наступает после достижения собственно предела [Плунгян 2011: 377—387]. Тем самым, результатив оказывается достаточно слабо грамматикализованной глагольной формой: он имеет существенные ограничения на образование (будучи возможен только у предельных процессов, а в некоторых языках даже у определенного их подмножества) и хорошо предсказуемую «узкую» семантику, выводимую из лексического значения глагола. Существенно, что результатив — это, вообще говоря, одноместный стативный предикат, обозначающий лексически детерминированное состояние, которое приписывается субъекту (в случаях типа ‘мёртв’) или объекту (в случаях типа ‘закрыт’) исходной ситуации. Его аспектуальная и аргументная структура является достаточно простой, а границы употребления обычно четко очерчены.

В этом отношении перфект очень заметно отличается от результатива именно по формальным признакам: перфект не имеет ограничений на образование, сохраняет аргументную структуру исходного глагола и к тому же имеет достаточно сложную и размытую семантику. В наибольшей степени с результативом сближается перфект от тех же предельных глаголов (и называемый обычно результативным, по крайней мере начиная с работ [McCoard 1978; McCawley 1981]). В тех языках, где грамматикализован и результатив, и перфект, различие этих двух форм в данной группе глаголов оказывается достаточно тонким, ср. английские результативы типа *is gone* и соответствующие перфекты типа *has gone* [Lindstedt 2000] или противопоставление восточноармянских форм типа *nstac ē* ‘сесть:RES AUX:3SG:PRS’ и *nstel ē* ‘сесть:PERF AUX:3SG:PRS’ [Козинцева 1983, 1998].

Вне группы предельных глаголов, однако, результативные и перфектные формы различаются достаточно сильно, хотя попытки приписать перфекту подобие результативного значения (трактуемого, естественно, в той или иной степени вольно) и в этих случаях постоянно воспроизводятся (ср. в особенности ста-

тью [Nishiyama, Koenig 2010], авторы которой настаивают именно на «стативном» инварианте перфекта — в данном случае, английского). Фактически, общим у результатива и перфекта оказывается в большинстве языков не столько семантика, сколько дискурсивные функции: обе формы часто характеризуются невозможностью выступать в качестве обозначения событий основной линии повествования в нарративной цепочке (хотя, строго говоря, это сходство скорее отрицательное, чем положительное). Кроме того, обе формы обычно считаются невозможными в контексте указания на определенный отрезок или точку на временной оси — «обстоятельств точного времени». Следует заметить, однако, что перфект нередко нарушает оба эти запрета — продолжая при этом противопоставляться другим неперфектным формам глагола, т.е. оставаясь в каком-то смысле перфектом — ср., например, [Klein, Vater 1998; Ландер 2002; Nishiyama, Koenig 2010], а также статьи Е. В. Горбовой и И. А. Фридмана в настоящем сборнике. Вообще, следует иметь в виду, что особые дискурсивные функции — это, может быть, наиболее явная специфика перфекта во многих глагольных системах с сильной грамматикализацией перфектных форм; данная проблема, к сожалению, является одной из наименее изученных в области семантики перфекта — и наиболее трудной для рассмотрения.

Отличие результатива от перфекта, таким образом, сводится к тому, что результатив выражает именно и только результирующее состояние, а перфект, при возможности также выражать некоторое состояние, обязательно выражает и «что-то ещё»; вопрос состоит в том, как определить семантику этого «перфектного приращения». В формальном отношении это семантическое различие часто коррелирует с ограничениями на сочетаемость: так, только результативные формы сочетаются с континуативными обстоятельствами типа *всё ещё*, см. [Недялков, Яхонтов 1983]. При этом перфект, в отличие от результатива, не чувствителен к акциональному классу глагола и сохраняет набор актантов исходной ситуации: если формы объектного результатива в принципе не допускают выражения агенса (ср. русск. *изба* [*всё ещё*] *заперта* [**Иваном*]), то внешне сходные с ними формы пассивного перфекта вполне могут иметь агентивное дополнение (ср. русск. *изба* [**всё ещё*] *заперта Иваном*; ср. также севернорусские конструкции типа *у Ивана избу заперто*); активный перфект от переходных глаголов

тем более является не только возможным, но и вполне обычным (ср. севернорусские конструкции типа *Иван избу заперши*).

Всё сказанное наиболее естественным образом вписывается в такую диахроническую теорию перфекта, при которой перфект предстает как своего рода «разрушенный» результатив, т.е. результатив, подвергшийся определенным преобразованиям в ходе дальнейшей грамматикализации и распространения на все акциональные классы глаголов. Семантическая эрозия результативного значения обычно описывается с помощью (намеренно) расплывчатого понятия «текущей релевантности» («current relevance»), призванного заменить понятие результирующего состояния. Это понятие впервые было введено в работе [McCoard 1978] как одна из составных частей достаточно специфической теории «расширенного настоящего» («extended now»), предлагавшейся МакКордом для описания семантики английского перфекта. Позднее понятие текущей релевантности обособилось от того контекста, в котором возникло, и стало независимо использоваться большим числом теоретиков, занятых поиском инвариантного значения перфекта, восходящего к результативу (главным образом, на английском материале). Наиболее эксплицитно это понимание выражено, по-видимому, в работе [Dahl, Hedin 2000], где текущая релевантность представлена как градуальный признак, отражающий степень удаления от результативного прототипа; перфект, таким образом, занимает промежуточное положение в «континууме релевантности», на одном полюсе которого расположен результатив настоящего времени, а на другом — нерезультативное прошедшее время (аорист или претерит). Известны различные попытки модифицировать это понятие или предложить другую семантическую основу для описания общего значения перфекта: так, значение перфекта связывалось с указанием на какие-либо «последствия» прошлой ситуации в настоящем, на (любую?) связь прошлой ситуации с текущим положением дел ([Michaelis 1998]), либо даже на простое «участие субъекта в ситуации» ([Giorgi, Pianesi 1997]). Последняя формулировка фактически переносит центр тяжести семантического описания перфекта с результативного на экспериенциальное значение (см. ниже), что может иметь определенные резоны: одним из проявлений грамматикализации результатива часто как раз и является появление и развитие экспериенциальных контекстов (этот процесс прослежен, в частности, в статье Кс. П. Семёновой в настоящем

сборнике на древнеармянском материале). Однако и этот анализ остается в ряде отношений проблематичным.

Менее удачным нам представляется восходящий ещё к Рейхенбаху чисто «темпоральный» подход к перфекту ([Declerck 1991; Klein 1992, 1994; Kiparsky 2002], отчасти [Bybee et al. 1994] и др.), популярный также у представителей формальной семантики, при котором значение перфекта связывается в первую очередь с таксисной функцией предшествования моменту речи (или некоторому специальному интервалу, включающему момент речи). Такой анализ создает более удобные предпосылки для унифицированной трактовки английских перфекта и плюсквамперфекта (как преимущественно таксисных форм в обоих случаях, поскольку таксисные употребления у них действительно в заметном количестве присутствуют), однако как раз такая унифицированная трактовка представляется типологически неоптимальной, поскольку она противоречит фактам многих других языков мира; более того, даже и для плюсквамперфекта (в значении которого таксисный компонент играет более существенную роль) таксисно-ориентированное описание не всегда оправдано. Мы вернемся к этому вопросу ниже.

Итак, даже результативный перфект не тождествен результативу; но перфектные формы, как правило, полисемичны и выражают и другие значения (в том числе и нерезультативные); так, хорошо известен классический анализ английского перфекта в [McCawley 1981] с выделением «результативной», «экспериенциальной» (перенос фокуса на свойства субъекта), «континуальной», или «универсальной» (продление времени ситуации до момента речи) и «иммедиатной» (перенос фокуса на малую временную дистанцию) разновидностей. Типологически все эти значения относятся к разным семантическим зонам, но совмещение с результативным значением у них нередко (хотя и кажется скорее европейским ареальным явлением). Однако попытка называть перфектом именно «кластер МакКоли» в целом (как в [Dahl 1985] и др.) является смешением типологически возможного конкретно-языкового грамматического кластера и универсальной граммемы. Наблюдение МакКоли о семантической неоднородности английского перфекта совершенно справедливо, но из него, разумеется, никак не следует, что в других языках в точности тот же

набор значений всегда будет совмещаться в одном показателе. (Сходную ошибку совершали многие аспектологи, полагая, что если в языке имеется категория вида, то она непременно будет состоять из бинарного набора граммем «совершенного» и «несовершенного» вида с широким набором значений у каждой, как в славянских языках — однако сущности типа славянского «совершенного вида» являются конкретно-языковыми кластерами, а не универсальными элементами грамматического набора, и видовые системы в языках мира устроены очень по-разному.)

На конкретно-языковой характер кластера МакКоли указывает простой факт отсутствия по крайней мере некоторых его элементов в большом числе языков с перфектом, даже в близкородственных английскому скандинавских. Наиболее специфичен для английского языка континуальный перфект, отсутствующий практически во всех других глагольных системах (даже в тех из них, где имеется грамматикализованный прогрессив, он далеко не всегда сочетается с перфектом; см. подробнее также [Iatridou et al. 2003]). Не обладает универсальной встречаемостью и иммедиатное значение — перфект, в принципе, нередко развивает иммедиатную семантику (это явление, как известно, помимо английского даже в большей степени характерно для романских идиомов Южной Франции и Северной Испании, как, впрочем, и для многих других языков, ср. [Dahl 1985: 125; Fleischman 1989; Schwenter 1994]), но это происходит далеко не во всех случаях. С другой стороны, хорошо засвидетельствованы примеры перфектных кластеров совсем другого типа, где с результативным перфектом оказывается совмещен принципиально иной набор значений, что указывает на возможность альтернативных путей постперфектной грамматикализации. В первую очередь среди таких альтернатив следует упомянуть эвиденциальный перфект, распространенный в языках мира едва ли не шире иммедиатного или экспериенциального перфекта. Как известно, семантическая эволюция перфекта в показатели косвенной эвиденциальности — один из самых распространенных путей возникновения эвиденциальных противопоставлений в глагольных системах. Такие системы с «перфектоидной» эвиденциальностью обычно бинарны и противопоставляют прямую засвидетельствованность непрямой. Последняя (как раз и возникающая на базе различных форм перфекта), как правило, выражает неэлементарный набор эвиденци-

альных значений «непрямого доступа к ситуации» [Plungian 2001], объединяющий по крайней мере инферентивную и репортативную эвиденциальность; часто к ним добавляется миративное значение (строго говоря, выходящее за пределы собственно эвиденциальной семантики). Весь этот кластер перфектоидной эвиденциальности иногда называют «медиативным» (термин впервые предложен Жильбером Лазаром) или «неконфирмативным» (термин Виктора Фридмана); в том или ином виде перфектоидные системы широко распространены в языках Евразии и Кавказа (в том числе в тюркских, финно-волжских, иранских, индоарийских, тибетских, нахско-дагестанских, армянском, картвельских, болгарском, албанском, литовском и др.). Перфектоидные эвиденциальные системы языков Старого Света сравнительно хорошо изучены (хотя, разумеется, многие детали их эволюции и внутренние различия остаются предметом исследований, как и аналогичные системы других ареалов). Они обсуждаются уже в работах [Dahl 1985: 152; Bybee et al. 1994: 95—97]; из дальнейших исследований укажем по крайней мере сборники [Guentchéva (éd.) 1996; Guentchéva, Landaburu (éds.) 2007; Johanson, Utas (eds.) 2000; Храковский (ред.) 2007], статьи [Lindstedt 2000; Tatevosov 2001].

Таким образом, семантика перфекта, как бы ее ни определять и ни интерпретировать, существенным образом зависит от источника и пути грамматикализации перфекта, а также от структурного типа перфекта. Как кажется, наиболее плодотворный подход к пониманию специфики перфекта в языках мира и мог бы состоять в том, чтобы попытаться найти корреляцию между этими внешними параметрами и семантикой перфектной граммемы. В этом отношении особую важность приобретают данные неевропейских языков, демонстрирующих существенные отличия по всем упомянутым признакам.

2. Структурные и ареальные типы перфекта

При нынешнем уровне исследованности проблемы наиболее правдоподобным кажется деление наблюдаемых в языках мира перфектных систем на два больших класса, которые можно условно назвать «стативным» и «терминативным» перфектом, соответственно. Вопрос о том, можно ли в действительности говорить о

единой межъязыковой категории, пока остается открытым: между двумя типами перфекта существует очень значительная разница, контексты их употреблений пересекаются весьма слабо. В то же время, и внутри этих классов также наблюдаются существенные различия. По-видимому, целесообразнее пока считать, что детальная типология перфектной семантической зоны ещё не разработана, и сосредоточиться на тщательном анализе разнообразного языкового материала — что, впрочем, и является центральной задачей данного сборника.

То, что мы понимаем под *стативным* перфектом, включает прежде всего стандартный «европейский» перфект, образованный на основе перфективного[3] причастия. Такой перфект выражается, как правило, конструкциями с одним из двух вспомогательных глаголов: бытийным типа ‘esse’ (ср. итал. *è uscito* ‘вышел’, сев. русск. *он уехавши*) или посессивным типа ‘habere’ (ср. итал. *ha chiuso la casa* ‘запер дом’ / *ha risposto* ‘ответил’[4]). Как можно ви-

[3] Часто причастия такого типа в грамматиках характеризуют как «пассивные», что, с одной стороны, не совсем точно (так как синхронно они не выражают пассивных значений, особенно в перфектных конструкциях с одноместными глаголами), но с другой стороны имеет некоторые формальные основания, если результативные / перфектные причастия образуются с помощью пассивной морфологии (ср. нем. *geschrieben* и *gegangen* или севернорусск. *помыто* и *уйдено*); впрочем, во многих случаях не точен и термин «причастие», так как атрибутивных употреблений у соответствующих форм нет или почти нет. О связях между пассивом и перфектом см. подробнее ниже, раздел 3. Следует отметить, что в некоторых случаях в перфектной аналитической конструкции используется не причастие, а иная форма смыслового глагола (как в новогреческом перфекте), но в целом такая стратегия не типична — не случайно и новогреческий перфект является далеко не типичным перфектом (см. раздел 4).

[4] Вообще говоря, с посессивным перфектом сближаются и конструкции типа севернорусских *у него избу заперто* / *в город уехано*, о которых см. прежде всего [Трубинский 1983, 1984; Соболев 1998; Tommola 2000; Wiemer, Giger 2005]. Статус дополнения, вводимого локативно-посессивным предлогом *у*, в этих конструкциях не тождествен статусу соответствующей предложной группы в литературном русском языке в отчасти сходных конструкциях типа *у него сделаны уроки* (но ср. *у Олега дочь награждена медалью*, где агентивное понимание ‘Олег [сам] наградил дочь’ полностью исключено): если в севернорусском таким образом выражается «синтаксически пониженный» субъект, то в

деть, посессивный перфект характерен прежде всего для переходных глаголов с прототипическим прямым дополнением, но может распространяться и на непереходные глаголы, охватывая их целиком или большую их часть.

Выбор вспомогательного глагола в перфектной конструкции (а также распределение вспомогательных глаголов по языкам при наличии единственного вспомогательного глагола) является отдельной интересной проблемой, которой в последнее время было уделено большое внимание. Вообще говоря, имеются языки, использующие только бытийный глагол (финский, болгарский, некоторые севернорусские говоры), использующие только посессивный глагол (английский, испанский), а также языки, где сосуществуют оба вспомогательных глагола и правила выбора имеют сложный и диахронически нестабильный характер (так называемые «split auxiliary systems», представленные, например, в итальянском, французском, немецком и нидерландском). Кроме того, в языке могут иметься несколько различных перфектных конструкций, противопоставленных в том числе и вспомогательным глаголом (как в македонском или в литовском). Обсуждение нетривиальных правил выбора вспомогательного глагола вызвало обширную полемику в недавней литературе (подробнее см., например, [Sorace 2000; Aranovich (ed.) 2007; Сичинава 2008]). В этом плане существенно отметить, что в разных (даже близкородственных) языках круг глаголов, употребляющихся в бытийной и в посессивной конструкциях, в целом не совпадает и, кроме того, для многих лексем характерны диахронические переходы из одного класса в другой (с многочисленными колебаниями).

Семантическая основа стативного перфекта — в первую очередь, выражение состояния, приписываемого одному из участников ситуации. Диахронически исходной точкой для такого перфекта является, как уже говорилось, результативная конструкция, быстро теряющая сочетаемостные ограничения и эволюционирующая в различных направлениях — обычно, проходя через стадию перфекта, к выражению различных типов претерита, перфективного либо эвиденциального. О различных сценариях эволюции перфекта см. подробнее также ниже, раздел 4.

литературном русском — в общем случае, скорее пассивно затронутый бенефициант ситуации. Подробнее о проблемах семантико-синтаксического и диахронического анализа севернорусского перфекта см., в частности, [Вайс 1999; Kuteva, Heine 2004; Jung 2007; Seržant 2012].

Совершенно иной характер имеет *терминативный* перфект, образованный на основе конструкций с вспомогательным фазовым глаголом типа ‘finire’. В ряде контекстов терминативный перфект действительно может произвести впечатление межъязыкового эквивалента стативного перфекта (и, собственно, по этой причине он, как правило, и отождествлялся с перфектом в описательных грамматиках). Однако тождество этих двух глагольных показателей весьма условное. На существование этой проблемы в типологическом плане одной из первых обратила внимание Дж. Байби ([Bybee et al. 1994: 55—78], ср. также [Howard 2000]). В ареальном отношении терминативные конструкции доминируют практически во всех не-европейских ареалах, в частности, в Тропической Африке, Океании, Юго-Восточной Азии и др.

Семантическая основа терминативного перфекта — попадание в «пост-терминальную» (в терминах Л. Юхансона [Johanson 2000]) фазу ситуации, т.е., проще говоря, указание на то, что ситуация в момент наблюдения завершена, с естественной импликацией того, что какие-то последствия этой ситуации имеют место. Однако в отличие от стативного перфекта, существование результата (или следствия) ситуации в момент наблюдения не утверждается, а имплицируется. Отсюда возможная эквивалентность двух типов перфекта — и отсюда же значительные различия между ними. К одним из наиболее ярких отличий относится возможность свободного употребления терминативных показателей не только с непредельными процессами (что для стативного перфекта, в отличие от результатива, тоже возможно), но и с предикатами состояния. В последнем случае значение терминативной конструкции обычно интерпретируется просто как прекращение состояния, часто с дополнительным компонентом нарушенного ожидания (‘уже’); следует заметить, что ‘уже’ как маркер нарушенного ожидания и перфект вообще связаны тесным и нетривиальным образом, вплоть до того, что в некоторых языках соответствующие показатели интерпретируются как (слабо) грамматикализованные элементы перфектных конструкций: такая ситуация, согласно [Tommola 2001], имеет место в верхнелу-

жицком[5]. Более иконический способ выражения той же самой терминативной семантики — конструкции с временными предлогами типа ‘после’. В качестве перфектных показателей они засвидетельствованы в современном ирландском и в разговорном чешском (*jsem už po snídaní* ‘я уже позавтракал’); см. подробнее [Tommola 2001], а также статью В. В. Байды в настоящем сборнике. Особенностям терминативного перфекта в разных языках (в том числе и в таких, где терминативные и стативные перфектные конструкции сосуществуют, как в языках майя или в сонинке) посвящены также статьи И. А. Виноградова, И. М. Горбуновой, А. С. Шварц (Хорошкиной), А. Б. Шлуинского и нек. др.

3. Статус перфекта в глагольной системе

Давний (и отчасти могущий показаться схоластическим) вопрос, касающийся места перфекта среди других грамматических категорий глагола, состоит в том, следует ли считать перфект особой видовой граммемой (как полагал Ю. С. Маслов), описывать ли его в рамках выражения таксисно-временных отношений (как предлагали О. Есперсен или В. Клейн) или приписывать ему некоторый «промежуточный» статус, относя одновременно к аспектуальным и к темпоральным категориям (к такому решению, по-видимому, склонялся Б. Комри). Более того, если считать перфект видом, то как в таком случае он соотносится с другими видовыми граммемами в языке (если они имеются)? Перфект может выделяться в языках со скудным — или даже вовсе отсутствующим — набором аспектуальных противопоставлений (таких, как литовский, финский или немецкий), и в этом случае признание у перфекта аспектуального статуса заставляет всё-таки говорить о подобных языках как о «видовых» (пусть и в несколько специфическом смысле). Но перфект может

[5] Эта связь, не раз отмечавшаяся, даже способствовала изобретению остроумного термина «ямитив» (или «ямитивный перфект», от лат. *iam* ‘уже’), описывающего приблизительно тот же (или даже более широкий) круг явлений, которые подпадают под понятие терминативного перфекта. Термин принадлежит ученику Э. Даля Б. Ульссону [Olsson 2013] и, как кажется, имеет неплохие перспективы в грамматической типологии.

выделяться и в языках с развитой аспектуальной системой, и в этом случае встает вопрос, каким образом он соотносится с другими видовыми граммемами: исключает их, образуя единую категорию, или сочетается с ними как представитель отдельной разновидности аспекта. В частности, подобный вопрос не раз обсуждался и применительно к русскому языку: если выделять в русском языке стативный перфект (или результатив, если говорить о литературном языке), то образует ли он в русском языке граммему особого «третьего вида»? Как кажется, к такому решению (во многом вслед за Ю. С. Масловым) склонялись целый ряд славистов, ср., в частности, [Бидэм 1988; Гаврилова 1998; Князев 2002, 2007] и др.

С другой стороны, если считать перфект таксисно-временной граммемой, то выражает ли он референцию к настоящему (как полагал О. Есперсен), к прошедшему (ср. анализ для английского языка в [Michaelis 1998][6]), или же имеет особую «комплексную» временную соотнесенность, ср. [Comrie 1976]?

Заметим, что далеко не все типологи считали такого рода вопросы важными: подходы типа тех, которые представлены школой Дж. Байби (и отчасти Э. Даля), преимущественное внимание обращают на возможность межъязыкового отождествления грамматических категорий (cross-linguistic gram types, comparative concepts, и т.п.), а также на особенности их диахронического развития, но в гораздо меньшей степени интересуются принципами таксономической классификации выделяемых категорий (справедливо считая многие из существующих классификаций априорными, а задачу получения «окончательного» ответа — неразрешимой при современном уровне наших знаний).

---

[6] Проблема также может заключаться в том, что в языках типа английского (результативный) перфект структурно относится скорее (еще) к презенсу, а семантически — скорее (уже) к претериту. Эта ситуация является проявлением частой в языках мира асимметрии между формальным устройством грамматической системы и выражаемыми в ней содержательными противопоставлениями. Основная причина такой асимметрии — действие различных механизмов внутрисистемной семантической эволюции граммем (для которых в свое время А. Ю. Урманчиевой был предложен удачный термин «грамматический дрейф», см. [Урманчиева 2008]; ср. также [Плунгян 2011: 88—93]).

Тем не менее, типолог должен уметь принимать какие-то решения по этому поводу, пусть даже и осознавая их условный и предварительный характер.

По-видимому, при полном учете существующих данных наиболее целесообразно рассматривать перфект как *аспектуальную* граммему особого типа (выражающую результативные или близкие к результативным «посттерминальные» значения). Вопрос же о временной референции перфекта зависит от того, признается ли у перфекта вообще «темпоральная парадигма».

В простом случае перфект, как и многие другие аспектуальные категории, обладает «темпоральной подвижностью» [Плунгян 2006] и противопоставляет как минимум формы презентного и претеритального ряда (аналогично, например, прогрессиву или проспективу). Однако такая ситуация типична скорее для результативных, а не для перфектных форм. По мере эволюции перфекта семантическое противопоставление между презентным перфектом и претеритальным плюсквамперфектом всё более усложняется и идиоматизируется, приводя в конечном счете к их включению в разные семантические зоны. Если перфект перестает быть «результативом настоящего времени» (расширяя лексическую сочетаемость и развивая временную референцию к прошлому), то плюсквамперфект в той же (если не большей) степени перестает быть «результативом прошедшего времени», утрачивая не только результативное, но зачастую и таксисное значение и развивая значения из семантической зоны «сверхпрошлого», см. [Squartini 1999; Плунгян 2001; Plungian, van der Auwera 2006]: аннулированный результат, «прекращенное прошлое» (framepast по [Dahl 1985]), ирреальные и контрафактические ситуации и нек. др. Тем самым, формально сходные перфект и плюсквамперфект в содержательном плане всё больше начинают претендовать на то, чтобы считаться представителями разных категорий. Такая трактовка (особенно в отношении плюсквамперфекта) подтверждается ещё и тем, что в языках мира нередки системы, в которых плюсквамперфект встречается в отсутствие перфекта (как правило, утраченного): такова ситуация в классическом латинском языке, в идише и др. Более подробное обсуждение этой проблематики, помимо указанных выше работ, см. также в [Comrie 1985; Salkie 1989] и особенно [Сичинава 2013].

Не менее сложным и тесным, чем связь перфекта и времени, является соотношение перфекта и залога (собственно, пассива). Хорошо известно, что синтаксическое повышение объекта (свойственное пассиву) коррелирует с выражением результирующего состояния, приписываемого этому объекту (т.е. с результативом). Это объясняет бóльшую частотность пассивного (или восходящего к пассиву) результатива или перфекта в языках мира (ср. уже раннюю работу [Comrie 1981]; ср. также более систематический обзор в [Недялков, Яхонтов 1983]). Так, в литературном русском языке результатив преимущественно пассивный (*дверь сломана* / *открыта*), но почти отсутствуют специализированные результативные формы от непереходных глаголов типа *упасть*, если не считать «квазипассивов» типа *влюблён*, *растерян*, ср. [Трубинский 2001; Князев 2002]. Заметим, что обратное не верно: литературный русский пассив может быть и не результативным, а акциональным, хотя по современной норме только в прошедшем времени, ср. *ошибка была быстро исправлена* при запрете конструкций типа **ошибка быстро исправлена* в современном языке, ср. [Падучева 1998, 2004].

4. Диахроническое развитие перфекта

Как уже много раз было сказано, одно из главных типологических свойств перфекта — это его особая *диахроническая нестабильность*. С диахронической точки зрения, перфект является не столько четко очерченной областью внутри универсального грамматического пространства смыслов, сколько своего рода промежуточным этапом на пути от одного устойчивого семантического прототипа (например, результативного или фазового) к другому (например, перфективному или эвиденциальному).

Диахроническая нестабильность перфекта проявляется как в отсутствии явно выделяемого перфектного прототипа в языках мира (грубо говоря, в каждом языке свой тип перфекта с множеством идиосинкратических отличий — достаточно сравнить, например, ситуацию в литовском vs. испанском, шведском vs. английском, итальянском vs. немецком, болгарском vs. сербском и т.д., и т.п.) и в большом числе моделей полисемии у перфектного кластера, так и в сравнительно небольшом «времени жизни» в языке категории перфекта. Действительно, от появления первых

грамматикализованных конструкций с перфектным значением (т.е. как минимум с отсутствием значительных ограничений на сочетаемость с глагольными лексемами) до появления явных следов «постперфектного» развития (в виде перфективных или эвиденциальных форм) в языках, как правило, проходит всего несколько столетий — для грамматического показателя это очень краткий срок, в особенности если вспомнить, что некоторые грамматические показатели (например, главных синтаксических падежей или таких аспектуально-темпоральных категорий, как аорист или имперфект) способны без значительных семантических изменений функционировать на протяжении не одного тысячелетия.

В связи со сказанным диахронический аспект при типологическом изучении перфекта почти всегда оказывается центральным. Как кажется, наилучшая классификация типов перфекта — это не априорная синхронная таксономия, а диахроническая, т.е. учитывающая специфику эволюции перфекта, его непосредственный источник и постперфектное развитие.

На основе данных типологических исследований (ср. также предварительное обсуждение в [Плунгян 2011: 387—394]) мы можем выделить следующие три типа эволюции перфекта, или основные «перфектные сценарии»: «расширенный перфект», «специализированный перфект» и «слабый перфект».

А. «Расширенный перфект» является наиболее обычным сценарием для европейских языков (в частности, германских, романских и славянских, ср. [Abraham 1999, 2004]): он предполагает эволюцию от результатива к перфекту и далее к (перфективному или нейтральному) претериту, сохраняющему и результативные употребления. Иначе говоря, перфект, не переставая обозначать результативные ситуации, начинает обозначать и нерезультативные, постепенно смещаясь в сторону глагольной формы с претериальной временной референцией. Именно такое развитие мы наблюдаем в истории русского, польского, чешского, румынского, венгерского, идиша и южных немецких диалектов). Важным параметром сценария А является судьба той глагольной формы, которая существовала в момент начинающейся грамматикализации результатива в качестве противопоставленного ему «старого» нерезультативного претерита или

аориста. Как правило, такой «старый» претерит исчезает, отдавая в некоторый момент свои функции эволюционировавшему перфекту (что, собственно, и превращает его в перфект «расширенный» — расширенный именно за счет нерезультативных, претеритальных употреблений). Однако развитие может быть и не столь прямолинейным: в каких-то случаях старый претерит может сохраняться в особых «реликтовых» контекстах (что нередко при грамматическом дрейфе, ср. выше), сложным образом соотносясь с формами нового расширенного перфекта; такая ситуация характерна, например, для современного французского, см. [Waugh, Monville-Burston 1986] или сербскохорватского языков. С другой стороны, продолжением сценария А может быть (повторное) появление «нового» результатива, отбирающего часть функций у расширенного перфекта — обычно в таких случаях говорят о «перфектном цикле» [Маслов 1983], который считается одним из наиболее хрестоматийных примеров «грамматического цикла» в эволюции глагольных систем вообще [van Gelderen 2011]. Через такие циклы прошли романские языки, развив результативные конструкции в дополнение к унаследованному из латыни расширенному перфекту, впоследствии полностью утратившему перфектные функции и во многих частях романского ареала исчезнувшему [Harris 1983; Squartini 1998; Squartini, Bertinetto 2000]; сходная ситуация наблюдается в севернорусских говорах (см. выше) и в современном польском, развившем (по всей вероятности, под влиянием немецкого) новую посессивную перфектную конструкцию с глаголом *mieć* ‘иметь’ вида *mam zdane wszystkie egzaminy* ‘у меня сданы все экзамены’, см. [Piskorz, Abraham, Leiss 2013] и цитируемую там литературу. Конечно, в языке могут независимо появиться несколько различных перфектных форм, которые могут начать конкурировать и вне этого сценария, т.е. не вытесняя старый претерит, но этот случай гораздо более редок; самый известный пример такого «избыточного» развития засвидетельствован в македонском языке с тремя синхронными типами перфекта и старым аористом (ср. [Fici Giusti 1995; Graves 2000], а также статью А. Л. Макаровой в настоящем сборнике). О возможной связи сценария А с сохранением “split auxiliation” см. [Сичинава 2008].

B. «Специализированный перфект» возникает в том случае, когда, отдаляясь от результативного прототипа, перфект специализируется в каком-либо одном из значений «перфектного кластера», например, в экспериенциальном, ср. [Вострикова 2009] или в иммедиатном, см. [Fleischman 1989; Schwenter 1994], но чаще всего — в эвиденциальном. Такая эволюция типична, в частности, для языков «Большого эвиденциального пояса» (Балканы, Кавказ, Южная Азия, Поволжье, Южная Сибирь, ср. обсуждение в разделе 2), а также для языков Прибалтики, в особенности литовского, см. [Wiemer 2006]. Сценарий B является, в отличие от сценария A, не «аккумулирующим» развитием граммемы, а напротив, быстрым «сквозным» проходом через перфектную зону к одному из постперфектных наследников. Но следует иметь в виду, что и для этого сценария характерен такой этап, когда собственно перфектное значение ещё не утрачено окончательно и функционирует наряду с более поздним (иммедиатным, эвиденциальным и т.п.); специалисты по эвиденциальности, выделяя такие переходные случаи, предпочитают говорить не о полноценной граммеме эвиденциальности, а об «эвиденциальных стратегиях», ср. [Aikhenvald 2004].

C. Наконец, наиболее своеобразный «слабый перфект» отражает такой путь грамматикализации, когда результативный перфект не эволюционирует в сторону претерита и не развивает особые употребления, а в какой-то момент просто исчезает (или резко сужает функции), передавая результативные употребления «старому» претериту или аористу. В каком-то смысле применительно к этому случаю можно говорить об «обратимой», или «прерванной» грамматикализации: перфект начинает развиваться, но не реализует свой потенциал, и происходит возврат к первоначальной системе. Этот тип наименее изучен (и практически не освещался в существующей литературе), но, тем не менее, есть основания предполагать, что именно такой (или сходный) сценарий имел место в двух весьма распространенных языках с хорошо засвидетельствованной историей. С одной стороны, это американский английский, демонстрирующий угасание перфекта (возникшего в среднеанглийский период; ср. [Миллер 1997, 1998; Michaelis 1998]). Так, для перфекта в американском английском (если он вообще употребляется) наиболее характерны эксперien-

циальные контексты (по [Michaelis 1998], обороты типа *Harry's left* “sound British”; Дж. Миллер отмечает рост «новых результативов» типа *I have my leg broken* и в британском английском, в целом тяготеющем к сценарию B, с эксперименциальной постперфектной стадией).

Другим важным примером сценария C может быть новогреческий язык, в котором после утраты синтетического древнегреческого перфекта (уже на этапе койне, ср. [Haug 2004; Crellin 2014]) возникла новая аналитическая форма посессивного перфекта, однако употребительность ее в современном языке невысока и, более того, эта форма далеко не всегда используется в результативных контекстах (подробнее см. также [Moser 2003; Елоева, Черноглазов 2016] и указанную там литературу).

Подобные случаи представляют особый интерес для теории грамматикализации; впрочем, приведенный список сценариев не является, по-видимому, исчерпывающим.

5. Об этом сборнике

Настоящий сборник входит в серию «Исследования по теории грамматики»[7], издаваемую Проблемной группой по теории грамматики Института языкознания РАН (Москва); как и предыдущий сборник этой серии, он подготовлен совместно с ИЛИ РАН и является результатом тесного сотрудничества московских и петербургских типологов.

Сборник отражает результат длительной работы (частично продолжающейся и в настоящее время: в интересующих нас терминах, это скорее инклюзивный перфект). Так, большинство авторов данного сборника участвовали в конференциях Проблемной группы по теории грамматики «Перфект на Балканах и вне Балкан», прошедшей в апреле 2011 года в Греческом институте

[7] Ранее в этой серии были опубликованы: Вып. 1: *Глагольные категории* (М.: Русские словари, 2001), Вып. 2: *Грамматикализация пространственных значений* (М.: Русские словари, 2002), Вып. 3: *Ирреалис и ирреальность* (М.: Гнозис, 2004), Вып. 4: *Грамматические категории в дискурсе* (М.: Гнозис, 2008), Вып. 5: *Объектный генитив при отрицании в русском языке* (М.: Пробел, 2008) и Вып. 6: *Типология аспектуальных систем и категорий* (СПб.: Наука, 2012 = ALP VIII, 2).

СПбГУ и «Семантика перфекта в языках мира», прошедшей в ИЛИ РАН в апреле 2013 года; в сборнике отражены также результаты работы по проекту «Диахронически нестабильные аспектуальные категории» (2014–2016), поддержанного грантом Российского научного фонда 14-18-02624.

Сборник, состоящий из 20 статей, условно разбит на три части. Статьи группируются скорее по ареальному признаку, хотя это разбиение не является вполне строгим.

В первой части анализируются преимущественно языки европейского ареала с «неканоническим» перфектом; в ряде статей затрагиваются также более общие проблемы описания перфекта. В статье Е. В. Горбовой (Санкт-Петербург) «Результативность, экспериенциальность, инклюзивность, иммедиатность: чем определяется значение перфекта?» обсуждаются проблемы различных подходов к семантике перфекта; показано, что детальный учет данных испанского языка разрушает целый ряд стереотипов о «каноническом» перфекте, в том числе о его дискурсивных функциях. В статье М. Л. Федотова и О. Ю. Чуйковой (Санкт-Петербург) «Русские делимитативные предикаты и семантика перфекта» предпринимается попытка ввести в дискуссию о типологии перфекта данные русского языка: как показано авторами, семантические пересечения между делимитативными и перфектными глагольными формами являются нетривиальными и заслуживают подробного исследования. Статья Д. В. Сичинавы (Москва) «Европейский перфект сквозь призму параллельного корпуса» предлагает сопоставительный анализ на корпусном материале «перфектных контекстов» в большом количестве европейских языков; данная статья фактически продолжает — после значительного перерыва и с использованием современных корпусных инструментов — функционально-сопоставительный подход, предложенный в свое время Ю. С. Масловым и реализованный в диссертации его ученика В. Б. Кашкина (1991). В статье П. М. Аркадьева (Москва) «Взаимодействие перфекта и отрицания в литовском языке: ареальная и типологическая перспектива» на широком типологическом фоне рассматривается проблема отрицательных форм литовского перфекта (заметим, что результативные и перфектные отрицательные формы редко становятся предметом специальных исследований). В статьях В. В. Байды (Москва)

«Перфектные конструкции в ирландском языке» и А. Л. Макаровой (Санкт-Петербург) «О формах и функциях перфекта в западномакедонских диалектах» рассматриваются перфектные конструкции в двух «периферийных» европейских языках, данные которых, однако, являются крайне важными для типологии европейского перфекта, как результативного (различных типов), так и терминативного.

Статьи второй части посвящены, главным образом, древним и новым языкам Кавказа, хотя открывает ее работа И. А. Сержанта (Лейпциг) об аналитическом перфекте-результативе в тохарском (материал которого крайне редко обсуждается в типологических работах). Далее следуют статьи Кс. П. Семёновой (Москва) «Семантика форм перфекта в древнеармянских евангелиях», Т. А. Майсака (Москва) «Перфект и аорист в ниджском диалекте удинского языка» и совместная статья Т. А. Майсака и С. Р. Мердановой (Москва) «Перфект и смежные значения в агульском языке». В этих статьях разбираются различные случаи реализации результативного перфекта, в той или иной степени отходящие от результативного прототипа, и вводятся в научный оборот малоизвестные данные языков кавказского ареала, весьма богатого на выражение разнообразных перфектных значений.

В третью часть сборника входят статьи, посвященные языкам Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока. В совместной статье О. В. Ханиной и А. Б. Шлуинского (Москва) «Энецкий перфект: дискурсивные употребления у эвиденциально-адмиративного перфекта» затрагивается важная для типологии перфекта проблема развития «эвиденциальных стратегий» у перфектных форм. Самодийская проблематика продолжается в статье А. Ю. Урманчиевой (Санкт-Петербург / Москва) «“Антиподы” перфекта в самодийских языках: ненецкое прошедшее время», где рассматривается, в отличие от подавляющего большинства статей сборника, скорее антирезультативная, чем результативная форма ненецкого глагола; изучение такого рода форм, однако, как мы видели, в типологическом отношении крайне важно для более глубокого понимания семантики перфекта и его дискурсивных функций. В совместной статье О. С. Волкова (Москва) и М. Ю. Пупыниной (Санкт-Петербург) «Категория перфекта в чукотско-камчатских языках» предпринимается попытка вписать в типологию пер-

фекта весьма своеобразные глагольные формы чукотского, корякского, алюторского и ительменского языков, существенно отклоняющиеся от европейского прототипа. Описанию более или менее «экзотических» с европейской точки зрения перфектных форм посвящены также статьи Е. В. Перехвальской (Санкт-Петербург) «Перфект в удэгейском языке», А. С. Шварц (Хорошкиной) (Москва) «Показатели перфекта в современном китайском языке» и И. М. Горбуновой (Москва) «О перфекте и смежных категориях в атаяльском языке»; отметим, что в двух последних статьях достаточно детально обсуждаются примеры терминативного перфекта, характерного для данного ареала.

Наконец, в четвертой части сборника собраны работы о перфектных формах в языках Африки и Центральной Америки. Это статьи И. А. Фридмана (Москва) «Семантика и прагматика перфекта в амхарском языке», В. Ф. Выдрина (Париж) «Перфект в языке манинка Гвинеи», А. Б. Шлуинского (Москва) «Терминатив в языке сусу: к типологии терминативной разновидности перфекта» и И. А. Виноградова (Москва) «Причастные и финитные перфектные формы в языках майя». Описываемые в этих статьях глагольные формы существенно разнообразят и без того широкую типологическую картину, представленную в статьях предыдущих разделов.

Составители надеются, что настоящий сборник послужит ценным источником сведений о типологии перфекта и поможет создать более полное и адекватное представление об имеющихся в языках мира разновидностях этой необычайно сложной и изменчивой глагольной формы.

Литература

Бидэм 1988 — К. Р. Бидэм. Видовое значение конструкции «*быть* + страдательное причастие» // *Вопросы языкознания* 6, 1988. С. 63–68.

Вайс 1999 — Д. Вайс. Об одном предлоге, сделавшем блестящую карьеру (вопрос о возможном агентивном значении модели «*у* + имя$_{род}$») // Е. В. Рахилина, Я. Г. Тестелец (ред.). *Типология и теория языка: от описания к объяснению. К 60-летию А. Е. Кибрика*. М.: «Языки русской культуры», 1999. С. 173–186.

Вострикова 2009 — Н. В. Вострикова. Экспериентивные предложения: грамматикализация дискурсивных функций // *Вопросы языкознания 3*, 2009. С. 19–31.

Гаврилова 1998 — В. И. Гаврилова. Краткое причастие на *-н-/-т-* как форма статального вида страдательного залога // М. Ю. Черткова (ред.). *Типология вида: проблемы, поиски, решения*. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 99–114.

Генюшене 1990 — Э. Ш. Генюшене. Перфект и вид в литовском языке // В. С. Храковский (ред.). *Типология и грамматика*. Л.: Наука, 1990. С. 135–140.

Елоева, Черноглазов 2016 — Ф. А. Елоева, Д. А. Черноглазов. Греческий перфект как стилистический прием // *Вопросы языкознания* 1, 2016. С. 7–24.

Кашкин 1991 — В. Б. Кашкин. *Функциональная типология перфекта*. Воронеж: ВГУ, 1991.

Князев 2002 — Ю. П. Князев. Пассивный перфект в русском языке // А. В. Бондарко (ред.). *Основные проблемы русской аспектологии*. СПб: Наука, 1991. С. 80–98.

Князев 2007 — Ю. П. Князев. *Грамматическая семантика: Русский язык в типологической перспективе*. М.: Языки славянских культур, 2007.

Козинцева 1983 — Н. А. Козинцева. Результатив, пассив и перфект в армянском языке // В. П. Недялков (ред.). *Типология результативных конструкций*. Л.: Наука, 1983. С. 204–216.

Козинцева 1998 — Н. А. Козинцева. Перфект в болгарском языке в сопоставлении с армянским // Н. А. Козинцева, А. К. Оглоблин (ред.). *Типология. Грамматика. Семантика: К 65-летию В. С. Храковского*. СПб: Наука, 1998. С. 185–200.

Ландер 2002 — Ю. А. Ландер. Перфект и обстоятельства конкретного времени // *Языки мира. Типология. Уралистика. Памяти Т. Ждановой*. Сост. В. А. Плунгян, А. Ю. Урманчиева. М.: Индрик, 2002. С. 300–312.

Маслов 1983 — Ю. С. Маслов. Результатив, перфект и глагольный вид // В. П. Недялков (ред.). *Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект)*. Л.: Наука, 1983. С. 41–54.

Миллер 1997 —Дж. Э. Миллер. Исчезает ли английская перфектная форма глагола? Прошлое, ближайшее прошлое и результативность в современном английском языке // М. Ю. Черткова (ред.). *Труды аспектологического семинара филологич. ф-та МГУ им. М.В. Ломоносова*, том 3. М.: МГУ, 1997. С. 103–120.

Миллер 1998 — Дж. Э. Миллер. Типология и варианты языка: английский перфект // М. Ю. Черткова (ред.). *Типология вида: проблемы, поиски, решения*. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 304–314.

Недялков, Отаина, Холодович 1974 — В. П. Недялков, Г. А. Отаина, А. А. Холодович . Диатезы и залоги в нивхском языке // А. А. Холодович (ред.). *Типология пассивных конструкций: Диатезы и залоги*. Л.: Наука, 1974. С. 232–251.

Недялков, Яхонтов 1983 — В. П. Недялков, С. Е. Яхонтов. Типология результативных конструкций // В. П. Недялков (ред.). *Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект)*. Л.: Наука, 1983. С. 5–41.

Падучева 1998 —Е. В. Падучева. Неоднозначность как следствие метонимических переносов: русский перфект на *-н-/-т-* // Н. А. Козинцева, А. К. Оглоблин (ред.). *Типология. Грамматика. Семантика: К 65-летию В. С. Храковского*. СПб: Наука, 1998. С. 142–156.

Падучева 2004 — Е. В. Падучева. *Динамические модели в семантике лексики*. М.: Языки славянских культур, 2004.

Петрухин 2004 — П. В. Петрухин. Экспансия перфекта в древнерусском летописании как типологическая проблема // Ю. А. Ландер и др. (ред.). *Исследования по теории грамматики, вып. 3: Ирреалис и ирреальность*. М.: Гнозис, 2004. С. 313–329.

Петрухин, Сичинава 2006 — П. В. Петрухин, Д. В. Сичинава. «Русский плюсквамперфект» в типологической перспективе // А. М. Молдован (ред.). *Вереница литер. Сборник в честь В. М. Живова*. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 193–214.

Плунгян 2001 — В. А. Плунгян. Антирезультатив: до и после результата // В. А. Плунгян (ред.). *Исследования по теории грамматики, вып. 1: Глагольные категории*. М.: Русские словари, 2001. С. 50–88.

Плунгян 2006 — В. А. Плунгян. К описанию армянской глагольной парадигмы: «темпоральная подвижность» и перфектив // *Армянский гуманитарный вестник*, 2006, № 1, 7–20.

Плунгян 2011 — В. А. Плунгян. *Введение в грамматическую семантику*. М.: РГГУ, 2011.

Сичинава 2008 —Д. В. Сичинава. Связь между формой и семантикой перфекта: одна неизученная закономерность // А. В. Бондарко и др. (ред.). *Динамические модели: Слово. Предложение. Текст. Сб. статей в честь Е. В. Падучевой*. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 711–749.

Сичинава 2013 — Д. В. Сичинава. *Типология плюсквамперфекта. Славянский плюсквамперфект*. М.: АСТ-Пресс, 2013.

Соболев 1998 — А. Н. Соболев. О предикативном употреблении причастий в русских диалектах // *Вопросы языкознания* 5, 1998. С. 74–89.

Трубинский 1983 — В. И. Трубинский. Результатив, пассив и перфект в некоторых русских говорах // В. П. Недялков (ред.). *Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект)*. Л.: Наука, 1983. С. 216–226.

Трубинский 1984 — В. И. Трубинский. *Очерки русского диалектного синтаксиса*. Л.: ЛГУ, 1984.

Трубинский 2001 — В. И. Трубинский. Пассив или перфект? // В. И. Трубинский (ред.). *Тенденции развития русского языка: сб. статей к 70-летию проф. Г. Н. Акимовой*. СПб: СПбГУ, 2001. С. 204–212.

Урманчиева 2008 — А. Ю. Урманчиева. «Сад расходящихся тропок»: дискурсивные и пропозициональные значения на семантической карте // В. Ю. Гусев и др. (ред.). *Исследования по теории грамматики*, вып. 4: *Грамматические категории в дискурсе*. М.: Гнозис, 2008. С. 87–127.

Храковский (ред.) 2007 — В. С. Храковский (ред.). *Эвиденциальность в языках Европы и Азии. Сб. статей памяти Н. А. Козинцевой*. СПб: Наука. 2007.

Abraham 1999 — W. Abraham. Preterite decay as a European areal phenomenon // *Folia linguistica*, 33.1, 1999. P. 11–18.

Abraham 2004 — W. Abraham. The European demise of the simple past and the emergence of the analytic perfect: Areal spread or autonomous evolution? // W. Abraham (ed.). *Focus on Germanic typology*. Berlin: Akademie-Verlag, 2004. P.241–272.

Aikhenvald 2004 — A. Y. Aikhenvald. *Evidentiality*. Oxford: Oxford University Press, 2004.

Anderson 1982 — Lloyd B. Anderson. The «perfect» as a universal and as a language-particular category // P. J. Hopper (ed.). *Tense-aspect: Between semantics and pragmatics*. Amsterdam: Benjamins, 1982. P. 227–264.

Aranovich (ed.) 2007 — R. Aranovich (ed.). *Split auxiliary systems: A cross-linguistic perspective*. Amsterdam: Benjamins. 2007.

Bybee, Perkins, Pagliuca 1994 — J. L. Bybee, R. Perkins, W. Pagliuca. *The evolution of grammar: Tense, aspect and modality in the languages of the world*. Chicago: The U. of Chicago Press, 1994.

Comrie 1976 — B. Comrie. *Aspect: An introduction to the study of verbal aspect and related problems*. Cambridge: Cambridge University Press, 1976. (rev. ed. 1981).

Comrie 1981 — B. Comrie. Aspect and voice: some reflections on perfect and passive // Ph. J. Tedeschi, A. Zaenen (eds.). *Syntax and Semantics 14*: *Tense and Aspect*. New York: Academic Press, 1981. P. 65–78.

Comrie 1985 — B. Comrie. *Tense*. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.

Coseriu 1976 — E. Coseriu. *Das romanische Verbalsystem* / Hrsg. und bearb. von H. Bertsch. Tübingen: Narr, 1976.

Crellin 2014 — R. Crellin. The Greek perfect through Gothic eyes: Evidence for the existence of a unitary semantic for the Greek perfect in New Testament Greek // *Journal of Greek Linguistics* 14, 2014. P. 5–42.

Cysouw 2011 — M. Cysouw. Quantitative explorations of the world-wide distribution of rare characteristics, or: the exceptionality of north-western European languages // H. J. Simon, H. Wiese (eds.). *Expecting the unexpected: exceptions in grammar*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2011. P. 411–431.

Dahl 1985 — Ö. Dahl. Tense and aspect systems. Oxford: Blackwell, 1985.

Dahl 1985 — Ö. Dahl. Areal tendencies in tense-aspect systems // P. M. Bertinetto et al. (eds.). *Temporal reference, aspect and actionality*, vol. 2: *Typological perspectives*. Turin: Rosenberg & Sellier, 1995. P. 11–28.

Dahl 2000 — Ö. Dahl. The tense-aspect systems of European languages in a typological perspective // Ö. Dahl (ed.). *Tense and aspect in the languages of Europe*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2000. P. 3–25.

Dahl, Hedin 2000 — Ö. Dahl, E. Hedin. Current relevance and event reference // Ö. Dahl (ed.). *Tense and aspect in the languages of Europe*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2000. P. 385–402.

Declerck 1991 — R. Declerck. *Tense in English: its structure and use in discourse*. London: Routledge, 1991.

Depraetere 1998 — I. Depraetere. On the resultative character of present perfect sentences // *Journal of Pragmatics* 29.3, 1998. P. 597—613.

Drinka 2003 — B. Drinka. Areal factors in the development of the European periphrastic perfect. *Word* 54.1, 2003. P. 1–38.

Drinka 2013 — B. Drinka. Sources of auxiliation in the perfects of Europe // *Studies in Language* 37.3 2013. (Special issue on multiple source constructions in language change). P. 599–644.

Fici Giusti 1995 — F. Fici Giusti. The perfect in Slavic // P. M. Bertinetto et al. (eds.). *Temporal reference, aspect and actionality*. Vol. 2: Typological perspectives. Torino: Rosenberg & Sellier, 1995. P. 221—237.

Fleischman 1989 — S. Fleischman. Temporal distance: a basic linguistic metaphor // *Studies in language*, 13.1, 1989. P. 1–50.

Guentchéva (éd.) 1996 — Z. Guentchéva (éd.). *L'énonciation médiatisée*. Louvain: Peeters, 1996.

Guentchéva, Landaburu (éds.) 2007 — Z. Guentchéva, J. Landaburu (éds.). *L'énonciation médiatisée II — Le traitement épistémologique de l'information: illustrations amérindiennes et caucasiennes*. Louvain: Peeters, 2007.

Giorgi, Pianesi 1997 — A. Giorgi, F. Pianesi. *Tense and aspect: From semantics to morphosyntax*. Oxford: Oxford University Press, 1997.

Graves 2000 — N. Graves. Macedonian — a language with three perfects? // Ö. Dahl (ed.). *Tense and aspect in the languages of Europe*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2000. P. 479–494.

Harris 1983 — M. Harris. The "past simple" and the "present perfect" in Romance // N. Vincent, M. Harris (eds.). *Studies in the Romance verb: Essays offered to Joe Cremona on the occasion of his 60th birthday*. London: Croom Helm, 1983. P. 42—70.

Haspelmath 2001 — M. Haspelmath. The European linguistic area: Standard Average European // M. Haspelmath et al. (eds.). *Language typology and language universals*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2001. P. 1492–1510.

Haug 2004 — D. Haug. Aristotle's *kinesis / energeia*-test and the semantics of the Greek perfect // *Linguistics*, 42.2, 2004. P. 387—418.

Howard 2000 — K. M. Howard. The notion of current relevance in the Thai perfect // *Linguistics*, 38.2, 2000. P. 373–407.

Iatridou, Anagnostopoulou, Izvorski 2003 — S. Iatridou, E. Anagnostopoulou, R. Izvorski. Observations about the form and meaning of the Perfect // A. Alexiadou et al. (eds.). *Perfect Explorations*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2003. P. 153–204.

Johanson 2000 — L. Johanson. Viewpoints operators in European languages // Ö. Dahl (ed.). *Tense and aspect in the languages of Europe*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2000. P. 27—187.

Johanson, Utas (eds.) 2000 — L. Johanson, B. Utas (eds.). *Evidentials: Turkic, Iranian and neighbouring languages*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2000.

Jung 2007 — H. Jung. Internally conditioned language change: the development of the North Russian *-no*/*-to* perfect // *Russian Linguistics* 31, 2007. P. 137—156.

Kiparsky 2002 — P. Kiparsky. Event Structure and the Perfect // D. I. Beaver et al. (eds.). *The Construction of Meaning*. Stanford: CSLI Publications, 2002.

Klein 1992 — W. Klein. The present perfect puzzle // *Language*, 68, 1992. P. 525–552.

Klein 1994 — W. Klein. *Time in language*. London: Routledge, 1994.

Klein, Vater 1998 — W. Klein, H. Vater. The perfect in English and German // L. Kulikov, H. Vater (eds.). *Typology of verbal categories: Papers presented to Vladimir Nedjalkov on the occasion of his 70th birthday*. Tübingen: Niemeyer, 1998. P. 215–235.

Kuteva, Heine 2004 — T. Kuteva, B. Heine. On the possessive perfect in North Russian // *Word*, 55.1, 2004. P. 37–71.

Lindstedt 2000 — J. Lindstedt. The perfect — aspectual, temporal and evidential // Ö. Dahl (ed.). *Tense and aspect in the languages of Europe*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2000. P. 365—383.

Michaelis 1998 —L. A. Michaelis. *Aspectual grammar and past-time reference*. London: Routledge, 1998.

McCawley 1981 — J. D. McCawley. Notes on the English perfect // *Australian journal of linguistics*, 1, 1981. P. 81–90.

McCoard 1978 — R. W. McCoard. *The English perfect: Tense-choice and pragmatic inferences*. Amsterdam: North Holland, 1978.

Moser 2003 — A. Moser. Tense, aspect, and the Greek Perfect // A. Alexiadou et al. (eds.). *Perfect Explorations*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2003. P. 235–252.

Nedjalkov (ed.) 1988 — V. P. Nedjalkov (ed.) *Typology of resultative constructions*. Amsterdam: Benjamins, 1988.

Nishiyama, Koenig 2010 — A. Nishiyama, J.-P. Koenig. What is a perfect state? // *Language*, 86.3, 2010. P. 611–646.

Olsson 2013 — B. Olsson. *Iamitives: Perfects in Southeast Asia and beyond*. University of Stockholm, MA thesis, 2013.

Piskorz, Abraham, Leiss 2013 — J. Piskorz, W. Abraham, E. Leiss. Doppelter Grammatikalisierungszyklus und funktionale Universalgrammatik: Am Beispiel des analytischen Perfekts und des Präteritums in der Sprachgeschichte des Polnischen // *Die Welt der Slaven* LVIII, 2013. S. 276—307.

Plungian 2001 — V. A. Plungian. The place of evidentiality within the universal grammatical space // *Journal of Pragmatics*, 2001, 33.3. P. 349-357.

Plungian, van der Auwera 2006 — V. A. Plungian, J. van der Auwera. Towards a typology of discontinuous past marking // *Sprachtypologie und Universalienforschung*, 59.4, 2006. P. 317–349.

Ritz 2012 — M.-E. Ritz. Perfect tense and aspect // R. I. Binnick (ed.). *The Oxford handbook of tense and aspect*. Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 882–907.

Salkie 1989 — R. Salkie. Perfect and pluperfect: what is the relationship? // *Journal of Linguistics*, 25.1, 1989. P. 1–34.

Schwenter 1994 — S. A. Schwenter. “Hot news” and the grammaticalization of perfects // *Linguistics*, 32.6, 1994. P. 995–1028.

Seržant 2012 — I. A. Seržant. The so-called possessive perfect in North Russian and the Circum-Baltic area: A diachronic and areal account // *Lingua* 122, 2012. P. 356–385.

Sorace 2000 — A. Sorace. Gradients in auxiliary selection with intransitive verbs // *Language*, 76, 2000. P. 859—890.

Squartini 1998 — M. Squartini. *Verbal periphrases in Romance: Aspect, actionality, and grammaticalization*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1998.

Squartini 1999 — M. Squartini. On the semantics of the Pluperfect: evidence from Germanic and Romance // *Linguistic typology*, 3.1, 1999. P. 51–89.

Squartini, Bertinetto 2000 — M. Squartini, P. M. Bertinetto. The Simple and Compound Past in Romance languages // Ö. Dahl (ed.). *Tense and aspect in the languages of Europe*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2000. P. 403–439.

Tatevosov 2001 — S. G. Tatevosov. From resultatives to evidentials: Multiple uses of the Perfect in Nakh-Daghestanian languages // *Journal of pragmatics*, 33.3, 2001. P. 443–464.

Thieroff 2000 — R. Thieroff. On the areal distribution of tense-aspect categories in Europe // Ö. Dahl (ed.). *Tense and aspect in the languages of Europe*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2000. P. 265–305.

Tommola 2000 — H. Tommola. On the perfect in North Slavic // Ö. Dahl (ed.). *Tense and aspect in the languages of Europe*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2000. P. 441–478.

Tommola 2001 — H. Tommola. Неужели перфект? Не перфект ли уже? // A. Barentsen, Y. Poupynin (eds). *Functional Grammar: Aspect and aspectuality, tense and temporality. Essays in honour of Alexander Bondarko*. München: LINCOM Europa, 2001. P. 113—120.

van Gelderen 2011 — E. van Gelderen. *The linguistic cycle: language change and the language faculty*. Oxford: Oxford U. Press, 2011.

Waugh, Monville-Burston 1986 — L. R. Waugh, M. Monville-Burston. Aspect and discourse function: the French simple past in newspaper usage // *Language*, 62.4, 1986. P. 846–877.

Wiemer 2006 — B. Wiemer. Grammatical evidentiality in Lithuanian (a typological assessment) // *Baltistica*, 41.1, 2006. P. 33—49.

Wiemer, Giger 2005 — B. Wiemer, M. Giger. *Resultativa in den nordslavischen und baltischen Sprachen: Bestandsaufnahme unter arealen und grammatikalisierungstheoretischen Gesichtspunkten*. München: LINCOM Europa, 2005.

I.

Е. В. Горбова

СПбГУ, Санкт-Петербург

РЕЗУЛЬТАТИВНОСТЬ, ЭКСПЕРИЕНЦИАЛЬНОСТЬ, ИНКЛЮЗИВНОСТЬ, ИММЕДИАТНОСТЬ: ЧЕМ ОПРЕДЕЛЯЕТСЯ ЗНАЧЕНИЕ ПЕРФЕКТА?[1]

1. Введение

Семантический спектр перфекта в соответствии с уже устоявшейся с начала 70-х гг. XX в. традицией может быть представлен как перечень четырех «типов употребления» (у Б. Комри — «типов перфекта», см., в частности, [McCawley 1971; Comrie 1976: 56–61; Dahl 1985: 132; Ritz 2012: 883; Howe 2013: 23]):

i. результативный перфект (perfect of result, stative perfect);
ii. экспериенциальный (или экзистенциальный) перфект (experiential, existential, ‘indefinite’ perfect);
iii. перфект наличной ситуации (perfect of persistent situation), инклюзивный перфект, континуальный перфект, универсальный перфект;
iv. иммедиатный перфект (perfect of recent past, ‘hot news’ perfect)

(порядок следования дан в соответствии с [Dahl 1985: 132–133]; в [Michaelis 1998: 115] представлен перечень из трех «прочтений» англ. Перфекта — отсутствует (iv), в [Dahl, Velupillai 2013] в качестве основных типов употребления перфекта названы результативное и экзистенциальное, т.е. (i) и (ii), а универсальное (iii) и иммедиатное (iv), к которым добавлено эвиденци-

[1] Работа была поддержана грантом Президента РФ для государственной поддержки ведущих научных школ РФ «Школа общего языкознания Ю. С. Маслова» НШ-1778.2014.6 и включена в Тематический план фундаментальных НИР СПбГУ «Петербургская лингвистическая традиция в свете современных направлений мировой лингвистики».

альное, охарактеризованы как возможные и производные (further uses) от названных выше [Ibid.]).

Представленный перечень (основанный на анализе употребления англ. Перфекта (Present Perfect), взятого в качестве наиболее типичного представителя универсального перфекта[2]) служит семантическим основанием для двух очень существенных дискурсивных ограничений, ожидаемых по отношению к перфекту: невозможности формировать нарративную цепочку (см., в частности, [Lindstedt 2000: 371; Плунгян 2011b]) и несочетаемости с указанием на специфицированную точку или отрезок на оси времени (напр., [Comrie 1976: 54; Плунгян 2011a, 2011b][3]).

Весьма существенной является также оценка перфекта как диахронически неустойчивой граммемы (см. работу В. А. Плунгяна в данном сборнике, цитату ниже из [Плунгян 2011a], а также [Черткова 1998, 2004: 116–117; Squartini, Bertinetto 2000; Сичинава 2008]), являющей собой промежуточный этап в рамках магистрального пути развития *результатив* > *перфект* > *перфектив* / *претерит* [Bybee, Perkins, Pagliuca 1994: 105]. В [Плунгян 2011b] такой путь развития рассматривается как один из возможных сценариев и обозначается как «расширенный перфект», альтерна-

---

[2] Б. Комри приводит следующее соображение по этому поводу: «Most of the examples in this chapter will be from English, where there is a clear formal distinction between forms with perfect meaning, and those with nonperfect meaning» (с оговорками в сноске, что в английском имеется вариативность в области разграничения перфекта и неперфекта и в особенности это касается американского варианта) [Comrie 1976: 53]. О вариативности в английском языке, имеющей отношение к сочетаемости с указанием на определенное время ситуации см., в частности, [Миллер 1998].

[3] Б. Комри, впрочем, (совершенно справедливо) указывает на то, что эта несочетаемость характерна для англ. Перфекта, но не для перфекта вообще: «It is not clear that the mutual exclusiveness of the perfect and specification of the time of a situation is a necessary state of affairs in a language. In Spanish, for instance, where the Perfect does have specifically perfect meaning, it is still possible to specify exactly the time of the past situation, as in *me he levantado a las cinco* ‘I got up at five o’clock’ (in replay to a question why I am looking so tired), *Gustavo Ferrán ha muerto ayer ... se ha estrellado anoche en los montes de nieve* ‘Gustavo Ferrán died yesterday … he crashed last night on the snow-covered mountains’, where the Perfect would be impossible in the English glosses» [Comrie 1976: 54].

тивой которому являются «специализированный перфект» (как правило, в экспериенциальном, иммедиатном или эвиденциальном значении; как возможный путь он рассматривается и в [Bybee, Perkins, Pagliuca 1994: 105]) и «слабый перфект» (с постепенным исчезновением результативного перфекта, передающего свои функции «старому» претериту или аористу).

Немаловажно также иметь в виду признание перфекта одним из “crosslinguistic gram type” (в принятой в рамках подхода Э. Даля — Дж. Байби терминологии, в частности, в [Dahl (ed.) 2000]), сложившееся в типологически ориентированной литературе за последние три-четыре десятилетия (см. также [Dahl, Velupillai 2013]).

Относительно семантики перфекта можно утверждать, что преобладающей является трактовка, базирующаяся на понятии «текущей релевантности» (present relevance в [Comrie 1976: 56; Harris 1982: 55; Fleischman 1983]; current relevance, в частности, в [Klein 1992; Lindstedt 2000; Dahl, Hedin 2000; Squartini, Bertinetto 2000; Сичинава 2008; Плунгян 2011а: 388–394]), понимаемой как: «the continuing present relevance of a past situation» [Comrie 1976: 56], «прагматически актуальное событие в прошлом» [Сичинава 2008: 712 (сноска 2)], «сохранение результата в точке отсчета» [Ландер 2002: 300 (сноска 2)]. Встречаются и более развернутые описания, как у С. Флейшман, описывающей перфект как показатель, обозначающий ситуацию, которая «began or first occurred at an earlier moment and *is still going on*, or a situation whose reference period satisfies this criterion (e.g. *today, in the past ten years* ⟨…⟩) or *a completed past situation regarded as still relevant at the present moment*» [Fleischman 1983: 194] (собственно говоря, о «текущей релевантности» речь идет в последней части определения; курсив принадлежит автору цитаты). Ю. С. Маслов, характеризуя «семантическую категорию перфектности», не апеллирует к «текущей релевантности», но высказывает близкие мысли о семантике перфектной «предикативной единицы», которая характеризуется «соединением ⟨…⟩ двух так или иначе связанных между собой временных планов — предшествующего и последующего. Связь между этими двумя планами является причинно-следственной в самом широком смысле слова: предшествующее действие (или, шире) “положение дел” вызывает некие последствия для субъекта действия, для его объекта или для всей ситуа-

ции в целом, некое новое состояние, новое “положение дел”» [Маслов 1987/2006: 195]. В. А. Плунгян, подчеркивая переходный (в диахронии) характер перфекта, характеризует его «как “ослабленный результатив”, описывающий не конкретное, лексикографически детерминированное состояние, возникшее в результате завершения действия, а любой (пусть даже косвенный) результат ситуации, релевантный в последующий момент (обычно в момент речи), — так сказать, любое “эхо” ранее имевшей место ситуации, если это “эхо” еще звучит в тот момент, когда говорящий описывает ситуацию» [Плунгян 2011a: 389][4].

Однако понятие «текущей релевантности» подверглось серьезной критике в [Klein 1992: 531–532], будучи оценено как интуитивно сильное, но само по себе не определенное и поэтому практически не опровергаемое[5], взамен которого автор предлагает другое решение. Оно основано на видоизменении рейхенбаховской системы [Reichenbach 1947] трех точек отсчета (с заменой R (point of reference) на TT (topic time)) и введении прагматического ограничения на соотношение двух актуальных для перфекта точек: TT (topic time, фокуса) и TU (time of utterance, момента реализации высказывания)[6].

В связи с наличием перечня из четырех «типов употребления» (= частных значений?) перфекта небезынтересным представляется вопрос о соотношении этого семантического перечня

---

[4] Сходные мысли о результате в более узком и более широком смысле находим в [Dahl 1985: 135], причем перфект характеризуется именно последним: «For instance, if a person dies, the result in a narrower sense is that he is dead: the result in the wider sense include e.g. his relatives being sad. It is results in the narrower sense that characterize resultative constructions: in the case of PFCT, the delineation is much harder to draw, and that is one of the reasons why the resultative use of the perfect shades off into the experiential use».

[5] Ср. также с такой оценкой: «empirically intractable notion of current relevance» [Torres Cacoullos 2011: 13].

[6] Более подробное обсуждение концепции В. Клейна представляется довольно полезным, в частности, и по той причине, что все аргументы автора против объяснительной силы понятия «текущей релевантности», подкрепляемые английскими иллюстрациями с Present Perfect, оказываются неубедительными при замене английских иллюстраций аналогичными испанскими. Оно представлено в [Горбова 2013b].

и понятия «текущей релевантности»: совпадает ли «текущая релевантность» с одним из включенных в перечень значений? возможно, она является инвариантом перфекта? или базовым значением семантической сети? или наличествует иное соотношение? Можно сформулировать и более частные вопросы — о взаимоотношении выделенных четырех типов употребления перфекта: они дополнительно распределены (например, относительно акциональной характеристики глагольного предиката и/или элементов контекста)? Или они частично пересекаются?

Обсуждение поставленных вопросов и попытка дать на них ответы и является задачей этой работы.

2. Семантический спектр перфекта

Рассмотрим чуть более подробно перечень «типов употребления» перфекта, отслеживая имеющиеся в литературе пояснения и типичные примеры.

I. результативный перфект (perfect of result, stative perfect);
"[i]n the perfect of result, a present state is referred to as being the result of some past situation: this is one of the clearest manifestations of the present relevance of a past situation" [Comrie 1976: 56];
типичные примеры по [Dahl 1985][7]:

(1) A.: It seems that your brother never finishes books. (That is no quite true.) He READ this book (= all of it).
[Dahl 1985: 131–132]

II. экспериенциальный (или экзистенциальный) перфект (experiential, existential, 'indefinite' perfect);
"[t]he experiential perfect (other terms found in the literature are 'existential' perfect, 'indefinite' perfect) indicates that a given situation has held at least once during some time in the past leading up to the present" [Comrie 1976: 58];

[7] Здесь и ниже приведены фрагменты из анкеты Э. Даля, предназначенной для перевода информантом на его родной язык. Глаголы, набранные заглавными буквами, стоят в инфинитиве чтобы снизить возможное влияние английского языка на выбор информанта. Контекст при этом призван вызвать использование перфекта.

типичные примеры по [Dahl 1985: 132]:

(2) Q: You MEET my brother (at any time in your life until now)?

III. перфект наличной ситуации (perfect of persistent situation), инклюзивный перфект, континуальный перфект, универсальный перфект[8]; “[o]ne use of the English Perfect, indeed one that seems to be characteristic of English, is the use of the Perfect to describe a situation that started in the past but continues (persists) into the present, as in *we've lived here for ten years*, *I've shopped there for years*, *I've been waiting for hours.* Many other languages use the present tense here: French *j'attends depuis trois jours*, German *ich warte schon drei Tage*, Russian *ja ždu uže tri dnia* ‘I have been waiting for three days’” [Comrie 1976: 60];
типичные примеры по [Dahl 1985: 132]:

(3) *Context:* (Of a coughing child:) For how long has your son been coughing?
Sentence: He COUGH for an hour

IV. иммедиатный перфект (perfect of recent past, ‘hot news’ perfect); “In many languages, the Perfect may be used where the present relevance of the past situation referred to is simple one of temporal closeness, i.e. the past situation is very recent” [Comrie 1976: 60] (далее Комри отмечает, что сочетаемостное ограничение англ. Перфекта на обстоятельства конкретного времени не распространяется именно на наречие *recently* и его ближайшие синонимы: *I have recently learned that the match is to be postponed; Bill has just (this minute) arrived*;
типичные примеры по [Dahl 1985: 132–133]:

(4) *Context:* The speaker has just seen a king arrive (an unexpected event)
Sentence: The king ARRIVE

Начнем с поставленных выше частных вопросов. Итак, в каком отношении друг к другу находятся выделенные значения? I и IV (результативное и иммедиатное), как отметил Э. Даль [Dahl 1985: 133], в существенной степени пересекаются (не слу-

[8] В литературе неоднократно указывалось на неуниверсальность данного типа перфекта: [Comrie 1976: 60; Dahl 1985: 136–137; Iatridou et al. 2008: 155]. По словам Э. Даля, “In many languages, a present tense or an unmarked category is used in these contexts” [Dahl 1985: 137].

чайно, по-видимому, IV тип (иммедиатный перфект) отсутствует в [Michaelis 1998: 115]). С другой стороны, I и III тип, т.е. результативный и инклюзивный перфект, находятся в отношении дополнительного распределения по отношению к акциональным характеристикам глагольного предиката: предельный (соотнесенный с внутренним пределом) / непредельный. В частности, в [Iatridou et al. 2008: 154] утверждается, что для реализации инклюзивного значения предикат должен быть непредельным, что понимается либо как не соотнесенный с пределом, либо как не достигающий предела — состояние, прилагательное либо глагол в прогрессиве [Ibid.]. С учетом пересекаемости I и IV типа, получаем следующее: I (IV) и III типы перфекта дополнительно распределены относительно предельности предиката, т.е. являют собой подклассы внутри одного класса.

Вне этих отношений остается II тип — экспериенциальный перфект. Особое положение экспериенциального перфекта, не вступающего, в отличие от результативного, в конкуренцию с претеритом (или аористом), отмечено в [Ritz 2012: 901] (со ссылкой на [Mittwoch 2008]). С другой стороны, в литературе активно обсуждаются взаимоотношения универсального (инклюзивного) и экспериенциального типа употребления перфекта, поскольку в ряде случаев наблюдается возможность и той и другой интерпретации одного и того же языкового материала, см. [Iatridou et al. 2003, 2008; Howe 2013: 72–80] и библиографию в этих работах.

Дело в том, что для экспериенциального перфекта, утверждающего наличие у субъекта ситуации некоего опыта вследствие имевшей место ранее момента речи ситуации, акциональность предиката не является, по-видимому, релевантным признаком. В [Iatridou et al. 2008] утверждается, что в отличие от универсального перфекта, экспериенциальный может быть образован от лежащего в основе ситуации события, «способ действия» (в терминологии авторов) которого не релевантен, т.е. может быть любым. Это демонстрируется в (5) (в [Iatridou et al. 2008: 155] — (3)).

(5a) *I have read* Principia Mathematica *five times*.

(5b) *I have been sick since 1990.*

(5c) 1990 _____ СЕЙЧАС (= момент речи)

(5d) <u>1990 СЕЙЧАС</u> (= момент речи)

Далее авторы поясняют, что (5b) имеет более одного возможного прочтения: при экспериенциальном имеет место утверждение, что в рамках временного интервала, простирающегося с 1990 года до момента речи, расположен (по крайней мере) один подынтервал, заполненный болезнью субъекта. Эта интерпретация иллюстрируется (5c), где время существования ситуации обозначено подчеркиванием (в этом случае возможно следующее продолжение: *I was sick for three month in the fall of 1993*). Второе возможное прочтение — инклюзивное (= универсальный перфект), оно иллюстрировано схемой в (5d) (при этом прочтении ситуация болезни сохраняется и в момент речи) [Iatridou et al. 2008: 155–156]. Следовательно, экспериенциальное прочтение перфекту обеспечивается либо поддержкой контекста — наличием в нем обстоятельств с семантикой ‘однажды (один раз)’, ‘несколько раз’, ‘(указанное количество) раз’, ‘никогда’, ‘всегда’, ‘еще (не)’ и т.под., либо возникает двусмысленность (как в (5b)), которая может быть снята в более широком контексте (в том числе — ситуативном)[9].

Обсудим положение IV типа — иммедиатного перфекта. Выделен он был, по-видимому, в немалой степени на том основании, что англ. Перфект, строго соблюдающий ограничение на сочетание с обстоятельствами конкретного времени, делает исключение лишь для обстоятельств с семантикой иммедиатности — *recently* и его синонимов. С другой стороны, иммедиатность, «отмеряющая» расстояние на оси времени от имевшей место в прошлом ситуации до точки отсчета — момента речи — и указывающая на краткость этого промежутка, семантически является понятием из зоны временной дистанции. И одновременно — наиболее естественным основанием для возникновения эффекта «текущей релевантности». Примечательны в этой связи рассуждения Б. Комри: «The perfect

[9] Возможность двух прочтений — континуативного (универсального) и экспериенциального (экзистенциального) — у высказываний типа англ. *I have lived in Athens for four years* со ссылками на [Dowty 1979, Mittwoch 1988, Portner 2003] обсуждается также в [Howe 2013: 74]. Ниже автор отмечает, что при наличии в испанском языке двух способов выражения континуативности (инклюзивности) — Перфектом и Презенсом (ср.: a. *He vivido (PRF) en Athens durante cuatro años* ‘Я живу в Афинах в течение четырех лет’; b. *Hace cuatro años que vivo (PRES) en Athens* ‘[Вот уже] четыре года, как я живу в Афинах’) — однозначно континуативность выражается Презенсом, но не Перфектом [Ibid.]. См. также обсуждение в 3.1.

does not, of course, in general necessarily imply that the past situation is recent, since present relevance does not necessarily imply recentness: the sentence *the Second World War has ended* will be perfectly acceptable to someone who has been on a desert island, cut off from all sources of news since 1944. However, while present relevance does not imply recentness, recentness may be a sufficient condition for present relevance» [Comrie 1976: 60].

Интересен также опыт анализа иммедиатного перфекта в [Dahl, Hedin 2000]. Первоначальная цель этой работы была сформулирована следующим образом: «to see if one could identify anything like “hot news” use of the perfect, as defined by McCawley (1971)» [Dahl, Hedin 2000: 385]. С этой целью авторы обследовали газетные новостные заметки в ряде языков Европы, (т.е. пошли от ситуации, характерной для жанра, призванного формулировать “hot news”). Исследование показало, что в большинстве включенных в выборку языков (шведский, норвежский, американский английский, британский английский, испанский, финский, новогреческий) газетные новости формулировались с использованием претерита (Simple Past), сопровождаемого наречием ‘вчера’. Однако случаи использования перфекта также были зафиксированы (17 из 47 шведских новостных заметок начинались перфектной формой, так же, как и 12 из 53 заметок из *The International Harold Tribune* — издания, репрезентирующего американский английский) [Ibid.]. Исследователи пришли к следующему выводу: «It therefore appears difficult to attribute any decisive role to the “hot news” status as such in determining what news items are presented in the Simple Past and the Perfect, respectively. It may of course still be true, as argued in Schwenter (1994b), that the “hot news use” of the Perfect is a valid notion, but being a piece of hot news is clearly not a sufficient condition for being presented in the Perfect» [Dahl, Hedin 2000: 386]. Сформулировав этот вывод, авторы обращаются к другому традиционно связанному с перфектом понятию — «текущей релевантности», и в дальнейшем их анализ строится с использованием именно этого семантического инструмента.

В работе [Howe 2013: 80–83] также находим обсуждение иммедиатного (Hot News) перфекта, но на испанском материале (с учетом диалектного его варьирования). В частности, анализируются наблюдения С. Швентера из [Schwenter 1994] относительно существенно меньшей частотности иммедиатного перфекта в мексиканском испанском по сравнению с иберийским (14 и 45% соответст-

венно в 30-минутных выпусках новостей), а также трактовку этих данных как подтверждения существенно большей продвинутости иберийского Перфекта по пути перфективно-аористического дрейфа (perfect-to-perfective path) по сравнению с мексиканским аналогом. В [Howe 2013: 82–83] отмечено, что эти данные не убеждают в том, что иммедиатный тип употребления играет сколько-нибудь значимую роль в развитии «перфективных функций» перфекта, поскольку, с одной стороны, иммедиатный перфект является принадлежностью в первую очередь письменной речи и не оказывает существенного воздействия на устные регистры. С другой стороны, поскольку иммедиатный перфект обнаруживается не только во всех диалектных разновидностях испанского языка, но и в тех языках, которые не демонстрируют признаков активно протекающего перфективного дрейфа (в частности, в английском), следует сделать следующий вывод: иммедиатный перфект существует параллельно, наряду с другими типами перфекта, и его наличие не предполагает роли катализатора перфективных функций перфекта.

Все приведенные рассуждения и наблюдения позволяют, на мой взгляд, сделать вывод о весьма периферийном статусе данного «типа употребления» перфекта и о иммедиатности перфекта как о, возможно, контекстно определяемом эффекте, специфицирующем более общую перфектную семантику, в основе которой лежит «текущая релевантность».

Выскажем также некоторые соображения по поводу результативного перфекта (тип I). Здесь возникает проблема, на которую указывает Э. Даль: данное Б. Комри в [Comrie 1976: 56] определение результативного перфекта (см. цитату выше) вполне приложимо к конструкции, которая соответствует результативу (отличному от статива и перфекта) в [Недялков и др. 1983]. Результатив, о котором идет речь, отличается от перфекта сочетаемостью: он допускает обстоятельство с семантикой ‘все еще’. Поскольку результативный тип перфекта не может быть приравнен к результативу в том понимании, которое введено в [Недялков и др. 1983] (результативу в узком понимании), мы вынуждены принять расширенное понимание результативного значения перфекта. Собственно, именно к такой трактовке и отсылает определение Б. Комри, ср.: “[i]n the perfect of result, a present state is referred to as being the result of some past situation: this is one of the clearest manifestations of the present relevance of a past situation” [Comrie 1976: 56]. Как раз здесь появляется упомина-

ние о «текущей релевантности» (в формулировке present relevance). То есть при расширенной трактовке результативного перфекта мы получаем не что иное, как «текущую релевантность»! (любопытно сравнить с переключением авторов работы [Dahl, Hedin 2000] именно на это понятие после обнаружения отсутствия корреляции между ситуацией иммедиатности — “hot news” — и употреблением перфекта в рассмотренной выборке). Но если результативность у перфекта оказывается равной «текущей релевантности», это значение (тип употребления) перфекта следует исключить из перечня четырех значений — на том основании, что иерархически «текущая релевантность» оказывается выше, претендуя на статус инвариантного значения перфекта.

Однако если мы исключим из перечня тип I (результативный перфект), то следует исключить из него и тип IV (иммедиатный перфект) — на основании их (по крайней мере, частичного) пересечения, отмеченного в [Dahl 1985], и вывода из работы [Dahl, Hedin 2000] о том, что контекст “hot news” не является необходимым условием для реализации перфекта (см. выше).

После изъятия из нашего перечня I и IV типов, у нас останется следующее: два значения — II и III типы перфекта (экспериенциальный и инклюзивный) и «текущая релевантность». Однако «текущая релевантность» (по имеющимся и общепризнанным определениям) явно включает в себя и экспериенциальность и инклюзивность. Сопоставим еще раз экспериенциальный и инклюзивный типы употребления перфекта:

экспериенциальный (экзистенциальный) — для соответствующего прочтения формы перфекта (обычно) требуется поддержка (адвербиального) контекста, но отсутствует ограничение на акциональность глагольного предиката;

инклюзивный (универсальный, континуальный) — ограничение на акциональность (соответствующее значение реализуют исключительно непредельные предикаты: либо не соотнесенные с пределом либо не достигающие предела (с блокированием кульминации имперфективной граммемой — например, прогрессивом, т.е. в случае прогрессивного перфекта); необходимость поддержки контекста для реализации именно данного значения в литературе также отмечается (см. [Iatridou et al. 2003, 2008]).

Если в предшествующих рассуждениях все верно, то экспериенциальное значение перфекта (II тип) представимо через «те-

кущую релевантность» и значение ряда специфических обстоятельств (типа ‘однажды (один раз)’, ‘несколько раз’, ‘(указанное количество) раз’, ‘никогда’, ‘всегда’, ‘еще (не)’). В то же время, инклюзивный перфект (III тип), обнаруживающий, с одной стороны, ограничение на акциональную характеристику глагольного предиката, с другой стороны, обнаруживает признаки не универсального (несмотря на одно из своих распространенных наименований), а наиболее специфического типа перфекта. Ближайшим конкурентом инклюзивного («универсального») перфекта для кодирования ситуации, расположенной ранее точки отсчета — момента речи, но и параллельной моменту речи, в языках мира является презенс. При этом инклюзивный перфект также может быть представлен через «текущую релевантность», но со спецификацией последней через непредельность ситуации и, возможно, способствующие инклюзивному прочтению элементы контекста.

Итогом приведенных рассуждений является вывод о том, что «текущая релевантность» может рассматриваться как инвариант граммемы перфекта.

Ниже будут приведены вытекающие из обзора литературы положения о семантике испанского Перфекта и результаты небольших корпусных исследований, посвященных выяснению вопроса о наличии инклюзивного (континуального, универсального) (раздел 3.1) и экспериенциального перфекта (раздел 3.2) в испанском языке.

3. Семантический спектр испанского Перфекта

Данная тема достаточно подробно освещена в недавно вышедшей в свет академической грамматике ИЯ [Nueva gramática 2009][10]. В этом труде представлено детальное обсуждение семантики Перфекта и особенностей его употребления в различных вариантах современного ИЯ (см. [Nueva gramática 2009: 1721–1736]), результаты которого сведены в таблицу, воспроизводимую ниже [Ibid: 1735–1736]:

[10] В недавней работе [Howe 2013], целиком посвященной испанскому перфекту с учетом его диалектного варьирования, семантический анализ осуществляется в соответствии с приведенным в разделе 1 перечнем значений (типов употребления). Только в главе, посвященной перуанскому перфекту, приводятся подкрепленные анализом языковых данных соображения о наличии «инноваций» — эвиденциальных значений (прямой засвидетельствованности) [Ibid.: 110-116].

Таблица 1. Реализуемые исп. Перфектом значения в различных вариантах ИЯ

Пример	*Географич. область распространения*	*Комментарии*
Экспериенциальный (Перфект)		
Ha viajado muchas veces a Europa ‘(Он/а) много раз путешествовал(а) по Европе’	Все	Действие может иметь место один или несколько раз в течение установленного периода или на протяжении жизни
Континуальный (от глаголов состояния и деятельности) (Перфект)		
He vivido aquí treinta años ‘(Я) (про)жил(а) здесь 30 лет’ (в смысле ‘(Я) продолжаю здесь жить’)	Все, но обозначенная инференция (‘(Я) продолжаю здесь жить’) факультативна в европейском испанском и в странах зоны Анд. В остальных регионах она обязательна.	Описываемая ситуация остается открытой и может продолжиться до момента речи.
Континуальный с «отрицанием + пунктивный предикат» (Перфект)		
Luisa no ha llegado. Esperémosla. ‘Луиса не пришла. Давайте ее подождем’	Все, но интерпретация «открытого действия» более выражена в американском испанском, чем в европейском.	В момент речи ситуация не закрыта.
(Перфект) недавних событий, ограниченных сегодняшним днем (Иммедиатный, ходиернал. — *Е.Г.*)		
Luisa ha llegado hace un rato. ‘Луиса недавно пришла’	Бóльшая часть Испании, Перу, Боливия, Парагвай, северо-запад Аргентины; также в некоторых районах Центральной Америки.	Описываемая ситуация имеет место в точке, предшествующей моменту речи, но в рамках дня, в который было произнесено высказывание.

Таблица 1. (продолжение)

(Перфект) событий, представленных как актуальные, но без эксплицитной привязки к настоящему		
Luisa me ha regalado este vestido. ‘Луиса подарила мне это платье’	Бóльшая часть Испании, Перу, Боливия, Парагвай, северо-запад Аргентины; также в некоторых районах Центральной Америки.	Говорящий подразумевает, что действие имеет место в расширенном настоящем.
Эвиденциальный нарративный Перфект (после Аориста / Имперфекта)		
Se prepararon a disparar y en ese momento han arreciado los gritos. ‘(Они) приготовились (Аор.) стрелять, и в этот момент крики усилились (Перф.)’	Некоторые районы Центральной Америки и Анд.	Перфект приближает имевшие место события к адресату (слушателю или читателю).
Эвиденциальный результативный (Перфект)		
¡Cómo han subido los precios! ‘Как цены выросли!’	Все	Достигается эффект результирующего состояния (‘Цены очень высоки’) и вместе с тем подчеркивается новизна или неожиданность только что полученной информации.
Эвиденциальный нерезультативный (Перфект)		
Ha sido caro (узнав цену товара) ‘(Это) дорого’	Анды (некоторые районы)	Не обозначается ни прошедшее действие, ни изменение состояния. Подчеркивается новизна или неожиданность только что полученной информации.
Перфективный, или аористический (Перфект)		
Luisa ha llegado a esta ciudad hace tres años. ‘Луиса приехала в этот город три года назад’	Боливия, морское побережье Перу, Парагвай, северо-запад Аргентины.	С обстоятельствами времени, характерными для претерита.

Как видим, в этом перечне присутствуют и известное нам по «типологическому» семантическому спектру перфекта инклюзивное (континуальное, универсальное) значение, и экспериенциальное[11], и иммедиатное, и результативное. Также в нем фигурируют «перфективное (аористическое)» (выходящее за рамки перфекта с точки зрения типологии) и целая группа эвиденциальных значений. В последнем случае, на мой взгляд, ставить знак равенства между этой группой и упомянутым в [Плунгян 2011b] эвиденциальным перфектом (или «перфектоидным» эвиденциалисом) не вполне корректно, скорее здесь реализуется все та же прагматическая «текущая релевантность» ситуации. При этом до момента речи имела место либо сама эта ситуация, либо ее осознание говорящим (в Таблице 2 — различие между «эвиденциальным результативным» и «эвиденциальным нарративным», с одной стороны, и «эвиденциальным нерезультативным», с другой). О ходиернальном употреблении и «аористическом дрейфе» исп. Перфекта см. в [Горбова 2013a].

Поскольку нашей целью является анализ признанного типологией перечня из четырех перфектных значений, обратимся к инклюзивному и экспериенциальному значениям в семантическом спектре исп. Перфекта.

3.1 Инклюзивное значение исп. Перфекта: есть ли оно?

Лингвоспецифический характер отбора испанским языком (ИЯ) перфектных значений из имеющегося типологического ассортимента не раз отмечался в литературе. В частности, имеются указания на отсутствие у испанского Перфекта так называемого инклюзивного (континуативного, универсального) значения[12]

[11] Отметим отсутствие фиксации экспериенциального значения у Перфекта в пиренейской («кастильской») разновидности ИЯ в [Bergareche 2008: 98] при более обычном его включении в кластер реализуемых значений (например, в [Squartini, Bertinetto 2000: 414-415; Nueva gramática 2009: 1735]).

[12] Оно же в литературе обозначается как (perfect of) Persistent situation [Dahl 1985: 132; Zagona 2008: 120] (со ссылкой на McCawley 1971, Comrie 1976), Perfecto U(niversal) [Iatridou et al. 2008: 154], Perfecto Continuativo [Martínez-Atienza 2008:206]. В работах В.Б. Кашкина, впрочем, инклюзивность и континуативность не являются абсолютными синонимами: континуативная функция входит в набор аспектуальных

[Bergareche 2008: 98; Martínez-Atienza 2008: 206]. Аргумент — сравнение внешне синонимичных английского и испанского предложения:

(6) *James has been sick since 2003.*

(7) *Jaime ha estado enfermo desde 2003.*

В [Martínez-Atienza 2008: 206] утверждается, что в пиренейской разновидности ИЯ высказывание (7) имеет следующий смысл: ситуация, выраженная предикатом *ha estado enfermo,* началась так же, как и в англ. (6), в 2003 году, но, в отличие от своей английской параллели, не существует в момент речи, завершившись ранее и, таким образом, на него не распространяясь. Отмечено также, что для выражения того смысла, который имеет (6), в ИЯ следует использовать глагольную конструкцию <*llevar* + gerundio>. Впрочем, в литературе представлено и противоположное мнение, см. [Dahl 1985: 137; Squartini, Bertinetto 2000; Kempas 2008]. Например, в [Squartini, Bertinetto 2000: 414] и в [Kempas 2008: 242] наличие того же инклюзивного значения Перфекта (в [Kempas 2008] оно обозначено как Perfecto Continuativo) иллюстрируется примером (одним и тем же в обеих работах!) —

(8) *He vivido aquí toda mi vida.*
‘(Я про)жил здесь всю свою жизнь’,

который в работе Ильпо Кемпаса интерпретируется как обозначающий «событие как длящийся (continuo) процесс, продолжающийся в референциальной точке, не обнаруживая (признаков) своего окончания» [Ibid.][13].

функций перфекта, а инклюзивная — темпорально-таксисных [Кашкин 1991: 69]. Мы будет следовать терминоупотреблению, сложившемуся в англоязычной типологии, считая указанные термины синонимичными и избрав в качестве основного наименования инклюзивное значение.

[13] На мой взгляд, в этой фразе интерпретация ситуации как длящейся и в момент речи (он же — референциальный) не является единственно возможной. Фраза (как минимум) двусмысленна, поскольку возможна и противоположная интерпретация — ‘(про)жил, но больше не живу’. Для гарантирования первого прочтения следовало употребить

Для обсуждения вопроса о реализации и конвенциализованности инклюзивного значения у исп. Перфекта приведем данные небольшого корпусного исследования на материале «Корпуса испанского языка» Марка Девиса (Corpus del Español)[14]. Целью являлось выяснить следующее:

(i) с какими формами сочетается обстоятельство *toda mi vida,*
(ii) какие имеются аргументы в пользу реализации исп. Перфектом в данном контексте именно инклюзивного значения.

Запрос был сформулирован как *toda mi vida* ‘вся моя жизнь / всю мою жизнь’, (данное обстоятельство было выбрано в первую очередь потому, что именно оно присутствовало в языковой иллюстрации инклюзивного значения в ИЯ, представленной в (8)), временной период выборки ограничивался 20 веком. Выдача составила 103 текстовых фрагмента, 41 из которых был отбракован по синтаксическим причинам: интересующая нас конструкция выполняла не адвербиальную, а иную функцию — подлежащего, дополнения, несогласованного определения. По вычитании этого «брака» осталось 62 текстовых фрагмента с (исключи-

конструкцию <*llevar* + gerundio> или просто презентную форму глагола: *vivo aquí toda mi vida* ‘я живу здесь всю мою жизнь’. Эта интуиция поддержана также в [Nueva gramática 2009], где отмечается, что «предложение *He trabajado veinte años para él* ‘(Я) (про)работал на него 20 лет’ может породить инференцию ‘Sigo trabajando para él — (Я) продолжаю на него работать’ (прочтение *antepresente continuo*) или ‘Ya no trabajo para él — (Я) уже не работаю на него’ (прочтение *antepresente no continuo*). Обе инференции с одинаковой степенью естественности допускаются в европейском испанском (за исключением Канарских островов и северо-запада Пиренейского полуострова), на Антильских островах, в Андах (особенно в Боливии и Перу) и на северо-западе Аргентины, при наличии, с другой стороны, явного предпочтения первой из этих инференций на остальной испаноязычной территории Америки» [Там же: 1726].

[14] Корпус, включающий тексты с XIII по XX век включительно, содержит более 100 миллионов слов, причем в рамках XX века в нем учтены как письменные источники (по функциональным жанрам: научные тексты, медийные, беллетристика), так и устная речь (URL: http://www.corpusdelespanol.org/).

тельно) обстоятельственным *toda mi vida.* Глагольный предикат в контексте этого обстоятельства был оформлен следующими формами и конструкциями: Перфектом — 33 вхождения, Аористом — 17, Имперфектом — 3, Плюсквамперфектом — 3, Презенсом — 3, Футурумом — 2, прогрессивно-инклюзивной конструкцией *llevar* + *gerundio* (по мнению автора [Martínez-Atienza 2008] надежно выражающей инклюзивное значение) — 1 вхождение. Таким образом, с *toda mi vida* сочетается целый ряд темпорально-аспектуальных граммем, и это ответ на первый из поставленных вопросов. После абстрагирования от не представляющих интереса в рамках данного обсуждения форм Футурума и Плюсквамперфекта, получаем количество вхождений 57 (принимаем за 100%). Тогда сочетаемость с оставшимися формами и конструкциями выглядит следующим образом: Перфект — 58% (33), Аорист — 30% (17), Имперфект — 5% (3), Презенс — 5% (3), *llevar* + *gerundio* — 2% (1). То есть Перфект явно преобладает, хотя не исключены и другие варианты видо-временного оформления предиката. Интересно, что имеются контексты с тем же глаголом, что и в (8), но в форме Аориста:

(9) *Siempre odié los excesos de ruido porque* ***viví*** (AOR) *t o d a m i v i d a en el centro de una inhóspita ciudad.*
(Я) всегда ненавидел (AOR) чрезмерный шум, потому что **(про)жил** (AOR) в с ю с в о ю ж и з н ь в центре одного не слишком радушного города’
(http://home.cc.umanitoba.ca/~fernand4/atrasados.html)

Чтобы ответить на второй вопрос, обратимся к количественно преобладающим текстовым фрагментам с Перфектом. Как уже было отмечено выше (см. сноску 13), Перфект в контексте *toda mi vida* имеет, как представляется, более одной интерпретации: ту, что соответствует инклюзивному (континуальному, универсальному) значению перфекта, и другую, при которой обозначенная Перфектом ситуация в референциальный момент как денотат уже не существует (что не лишает нас возможности усмотреть «эхо» этой ситуации, ее «текущую релевантность»). В разрешении этой неоднозначности должен, по-видимому, помочь правый контекст. В частности, если испаноговорящий после употребления Перфекта с целью обозначить наличие ситуации в

момент речи использует презентную форму той же глагольной лексемы, это (косвенный) аргумент в пользу отсутствия конвенциализованного инклюзивного значения у Перфекта в ИЯ (в противном случае употребление Презенса становится явно — и неконвенционально — избыточным и в значительной степени лишается смысла, подобный аргумент об избыточности, возникающей при правом контексте с презентной формой см. в [Iatridou et al. 2008: 163; сноска]). Приведем пример именно такой последовательности (Перфект — Презенс):

(10) *Como que estas cosas no sólo las aconsejé (AOR) yo en aquella ocasión, sino que las* ***he aconsejado*** *y* ***practicado*** *(PRF) t o d a m i v i d a, las aconsejo y las practico (PRES) ahora, y las aconsejaré y practicaré (FUT) siempre.*
‘Дескать, это (букв.: эти вещи) не только посоветовала я в той ситуации, но (я) это **советовала** и **практиковала** в с ю ж и з н ь, (я) это советую и практикую сейчас и (я) буду это советовать и практиковать всегда’
(http://www.cervantesvirtual.com/FichaObra.html?Ref=1297)

Имеется еще один аргумент в пользу отсутствия инклюзивности как стандартной (или — еще сильнее — единственно возможной) интерпретации Перфекта в контексте *toda mi vida*. Рассмотрим пример (11):

(11) *¡Es la oportunidad que* ***he estado esperando*** (PRF.PROG) *t o d a m i v i d a y no estoy dispuesto a desperdiciarla!*
‘Это тот случай (= возможность), которого (я) **ждал** *в с ю с в о ю ж и з н ь* и (я) не намерен упустить его!’
(http://www.cervantesvirtual.com/FichaObra.html?Ref=4797)

Здесь имеется не просто Перфект, а Прогрессив(ный Перфект), который, как ожидается, должен только усиливать континуативность (= инклюзивность). Однако правый контекст (*no estoy dispuesto a desperdiciarla* ‘(я) не намерен упустить его’), свидетельствует уже не о (длящемся) в момент речи ожидании, а о реализации ранее ожидаемой ситуации, т.е. осуществлении, поскольку речь идет уже о том, что нельзя позволить себе ее упустить.

Итак, даже если инклюзивность исп. Перфекта время от времени и возникает как (вероятное) прочтение, то она, по-види-

мому, является не более чем инференцией, причем эта инференция легко подавляется контекстом (см. также по вопросу об инференциях у инклюзивного исп. Перфекта в сноске 13 ссылку на [Nueva gramática 2009] и Таблицу 2 ниже).

Приведем примеры из собственного материала — (неэлектронного) параллельного испано-русского корпуса, созданного на основе романа современного испанского писателя Артуро Переса-Реверте «Фламандская доска» (была осуществлена сплошная выборка фрагментов текста, содержащих исп. Перфект в изъявительном и сослагательном наклонении и соответствующие текстовые фрагменты из перевода на русский язык[15]). В (12) инклюзивное прочтение исп. Перфекта, скорее, реализуется, в (13) — скорее, более предпочтительна интерпретация с его нереализацией; и в том и в другом случае решение принимается на основе правого ситуативного контекста.

(12) *Pero desde que enviudé* (AOR) *sólo* ***he mantenido*** (PRF) *relación con algunos amigos*.
‘Но с тех пор, как (я) овдовел, (я) **поддерживал** отношения только с несколькими друзьями. (Но после ее смерти я поддерживал отношения только с несколькими друзьями.)’

В (12), скорей всего, реализуется континуальное (инклюзивное) значение Перфекта, что подсказывается общими знаниями об авторе этой реплики — старом музыканте, инвалиде-колясочнике, о котором читателю известно, что он поддерживает общение с некоторыми старыми приятелями, хотя и изредка. (Об этом свидетельствует правый контекст: *Esteban Cano, por ejemplo; usted es demasiado joven para haberlo conocido cuando era un violinista de éxito*... ‘Эстебан Кано, например; Вы слишком молоды, чтобы знать его (в те времена), когда он был успешным

[15] Общая картина (со стороны ИЯ) в этом параллельном корпусе такова: исп. Перфект — 297 вхождений (из них 294 Непрогрессивных Перфекта на 3 — Прогрессивных; по формам наклонений: 287 форм Индикатива на 10 — Субхунтива (= конъюнктив)). Из этого количества вхождений Перфекта с некоторой долей уверенности можно утверждать, что в 7 случаях (2,4%) реализован инклюзивный Перфект, в 19 (6,4%) — экспериенциальный.

виолончелистом’.) Но если в послетексте мы имели бы, например: ‘Но теперь уже никого в живых не осталось, я совсем один’, эффекта континуальности (распространения ситуации на момент речи), по-видимому, мы бы не получили. Отметим, что глагол в форме Перфекта имеет именно непредельный (= несоотнесенный с правым пределом) характер.

(13) — *Es duro, ¿verdad? — apuntaba César, riendo suavemente –, durante todo este tiempo, usted* ***ha estado jugando*** (PRF.PROG) *contra un simple ordenador*; ⟨…⟩
‘– Это нелегко, правда? — спросил Сесар, тихонько посмеиваясь. Все это время вы **играли** против обыкновенного компьютера.’ ⟨…⟩

В отличие от примера (12), в (13) контекст (развитие сюжета) однозначно указывает на то, что субъект действия ‘играть’ эту ситуацию не продолжает — партия в шахматы к данному моменту завершена. Следовательно, инференция распространения ситуации на момент речи здесь снимается, и инклюзивного прочтения (Прогрессивного) Перфекта не возникает.

3.2. Экспериенциальное значение исп. Перфекта: как определить?

Наименьшие сомнения относительно того, что мы имеем дело именно с реализацией экспериенциального значения, возникают в случаях наличия поддержки этой экспериенциальности эксплицитным (чаще — адвербиальным) контекстом. Как в случаях (14), (15), (16) и (17) ниже:

(14) – *Frívola suposición la tuya, cariñito... ¿Me* ***has visto*** (PRF) *jugar alguna vez?*
‘– Абсолютно безосновательное предположение, дорогая… Ты хоть раз **видела** меня за шахматной доской?’ (букв.: видела, как я играю)

(15) – *Plantéeselo como una partida distinta a las que* ***ha jugado*** (PRF) *hasta ahora...*
‘– А вы попытайтесь представить себе, что речь идет о шахматной партии — абсолютно отличной от всех, какие вам **приходилось играть** до сих пор.’

(16) *Usted ya lo conoce: no* ***ha trabajado*** (PRF) *e n s u v i d a.*
‘Вы же знаете его: он н и к о г д а в ж и з н и не **работал**.’
(букв.: Вы же его знаете: (он) за всю свою жизнь не работал)

(17) *Nadie* ***ha demostrado*** (PRF) *t o d a v í a que Álvaro no resbalase* (IMPF.SUBJ) *en la bañera.*
‘П о к а е щ е никто не **доказал**, что Альваро не поскользнулся в ванне.’

В тех же случаях, когда поддержки контекста нет, проблематичным становится и описание семантики Перфекта в качестве экспериенциальной, как, напр., в (18)–(21):

(18) *En ajedrez lo que cuenta es la práctica, la experiencia; así que estoy seguro de que nos* ***ha mentido*** (PRF).
‘В этой игре важны практика, опыт; поэтому (я) уверен, что (вы) (**со**)**лгали** нам.’

(19) *O d u r a n t e e s t o s a ñ o s jugó* (AOR) *mucho, a solas, o alguien le* ***ha ayudado*** (PRF) *en esto.*
‘Или (Вы) много играли з а э т и г о д ы, или [теперь] кто-то **помогал** Вам.’

(20) *Pero te* ***he visto*** (PRF) *nacer, y te conozco* (PRES) .
‘Но я **видел**, как ты родилась, и я тебя знаю.’ (‘Но я был рядом с тобой с самого твоего рождения, и я знаю тебя.’)

(21) *Tal vez* ***hayan oído*** (PRF) *hablar de ella.*
‘Может, вам **приходилось слышать** ⟨…⟩’

В подобных случаях, на мой взгляд, поручиться за то, что реализована именно экспериенциальная семантика, невозможно. Особенно интересен материал в (19), где имеется обстоятельство *durante estos años* ‘в течение этих лет’, но в его контексте используется как раз Аорист, стоящий в первой клаузе, а не Перфект, употребленный во второй (т. е. если наличествует именно экспериенциальная семантика, то она выражается Аористом). С другой стороны, семантика «текущей релевантности» во всех этих случаях использования перфектной конструкции очевидным образом выражается (по наличию / отсутствию этого семантического эффекта говорящим осуществляется выбор между Перфектом и Аористом). Кроме того, «текущая релевантность» характерна и для примеров

(9)–(11). Таким образом, можно, по-видимому, говорить о том, что «текущая релевантность» является более надежно распознаваемым семантическим компонентом Перфекта, который, к тому же, обнаруживается и при других случаях использования перфектной конструкции в ИЯ (ср. примеры (2)–(3) и (5)–(8) с инклюзивным употреблением Перфекта).

3.3. А что если оно не инклюзивное, не экспериенциальное, не иммедиатное и не результативное или, напротив, одновременно то, другое и третье?

В нашем небольшом корпусе параллельных текстов наличествует значительное количество случаев, в которых определить частное значение (= тип употребления) Перфекта в рамках предложенного перечня из четырех затруднительно. Приведем несколько таких случаев.

(22) ⟨…⟩ *de que la vida es una especie de restaurante caro donde siempre terminan pasando la factura, sin que por ello sea forzoso renegar de lo que* ***se ha saboreado*** (PRF) *con felicidad o placer.*
⟨…⟩ ‘о том, что жизнь — это некое подобие дорогого ресторана, где всегда под конец предъявляют счет, однако из этого вовсе не следует, что необходимо отказаться от того, что **смаковалось** с (ощущением) счастья или наслаждения’

(23) *¿****Te has fijado*** (PRF) *en la data de esa pintura?*
‘(Ты) **обратила** внимание на дату (создания) этой картины?’

(24) *¿Quieres decir que alguien te* ***ha hablado*** (PRF) *de él antes que yo?*
‘(Ты) хочешь сказать, что кто-то тебе **говорил** о нем раньше, чем я?’

(25) *Podría ser uno de éstos, tal vez el guerrero con la celada cubierta que, en mitad de la refriega, ofrece su caballo al rey de Francia, a quien le* ***han matado*** (PRF) *el suyo, y sigue peleando a pie...*
‘(Он) мог бы быть одним из них, возможно, вот этот рыцарь в шлеме с опущенным забралом, который в самый разгар сражения предлагает своего коня королю Франции, у которого его (коня) **убили**, а сам продолжает биться пешим’

Во всех этих случаях (список которых с легкостью можно расширить), на мой взгляд, возможно одновременное приписывание от двух до трех значений из нашего списка (не четырех, поскольку инклюзивное и экспериенциальное прочтения исключают друг друга), но невозможно с уверенностью остановиться на одном единственном значении. Вернее, последнее возможно, но это единственное значение оказывается результативным в широком понимании, что эквивалентно понятию «текущей релевантности».

Из данного положения вытекает следующий вывод: по крайней мере для исп. Перфекта мы имеем инвариантное перфектное значение, равное не чему иному, как «текущей релевантности», «эху» имевшей место ранее ситуации в расположенной правее на оси времени другой ситуации (обычно равной моменту речи). При этом степень релевантности сообщаемой ситуации (ее достаточность для кодирования перфектом) в данной точке дискурса оценивается говорящим, ср.: «Relevance ⟨…⟩ is an epistemic notion, based on the speaker's subjective determination of the relationship between a proposition and the discourse topic» [Howe 2013: 152].

4. Итоги

Обсуждение семантического спектра перфекта как граммемы «универсального грамматического набора» и ее испанского репрезентанта позволяет, как думается, выдвинуть аргументы против равной для всех перфектных языков степени пригодности сформированного на основе изучения семантики английского Перфекта перечня из четырех основных значений этой граммемы. И одновременно — получить аргументацию в пользу «текущей релевантности» как значения перфекта, близкого к статусу инварианта (по крайней мере, на материале ИЯ). Основание — реализация семантики «текущей релевантности» во всех без исключения случаях использования исп. Перфекта, в том числе и в тех, в которых отсутствуют серьезные основания усматривать какое бы то ни было из следующего набора значений: инклюзивное, иммедиатное, экспериенциальное, результативное.

Источники

Corpus del Español — URL: http://www.corpusdelespanol.org
Pérez-Reverte, Arturo. La tabla de Flandes. Barcelona: Debolsillo, 2005.
Перес-Реверте, Артуро. Фламандская доска. СПб.: Азбука, 2001 (пер. с исп. Н. Кирилловой).

Литература

Горбова 2013a — Е. В. Горбова. Испанский перфект: еще перфект или уже перфектив / претерит? // Вопросы языкознания 3, 2013. С. 90–118.
Горбова 2013b — Е. В. Горбова. Проблемы испанского перфекта // Глагольные и именные категории в системе функциональной грамматики: Сборник материалов конференции 9–12 апреля 2013 г. Санкт-Петербург: Изд-во ИЛИ РАН, 2013. С. 58–63.
Кашкин 1991 — В. Б. Кашкин. Функциональная типология перфекта. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1991.
Ландер 2002 — Ю. А. Ландер. Перфект и обстоятельства конкретного времени // Языки мира. Типология. Уралистика. Памяти Т. Ждановой. Статьи и воспоминания. М.: Индрик, 2002. С. 300–312.
Маслов 1987/2006 — Ю. С. Маслов. Перфектность // Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. М.: Комкнига, 2006. С. 195–209.
Миллер 1998 — Дж. Э. Миллер. Типология и варианты языка: английский перфект // Типология вида: проблемы, поиски, решения. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 304–315.
Плунгян 2011a — В. А. Плунгян. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: Изд-во РГГУ, 2011.
Плунгян 2011b — В. А. Плунгян. К типологии перфекта в языках мира. Доклад на конференции «Перфект на Балканах и вне Балкан», СПб., СПбГУ, Греческий центр, 25 апреля 2011 г.
Сичинава 2008 — Д. В. Сичинава. Связь между формой и семантикой перфекта: одна неизученная закономерность // Динамические модели: Слово. Предложение. Текст: Сборник статей в честь Е. В. Падучевой. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 711–749.
Черткова 1998 — М. Ю. Черткова. От категории вида к категории времени или наоборот? // Типология вида: проблемы, поиски, решения. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 498–508.

Черткова 2004 — М. Ю. Черткова. Вид или аспект? К типологии романской и славянской категории (на материале русского и испанского языков) // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология, 2004, №1. С. 97–122.

Bergareche 2008 — B. C. Bergareche. El perfecto compuesto (y otros tiempos compuestos) en las lenguas románicas: formas y valores. // Gutiérrez (ed.) 2008. P. 65–102.

Bybee, Perkins, Pagliuca 1994 — J. Bybee, R. Perkins, W. Pagliuca. The evolution of grammar: tense, aspect, and modality in the languages of the world. Chicago: University of Chicago Press. 1994.

Comrie 1976 — B. Comrie. Aspect: An introduction to the study of verbal aspect and related problems. Cambridge: Cambridge University Press, 1976.

Dahl 1985 — Ö. Dahl. Tense and aspect systems. Oxford: Blackwell, 1985.

Dahl 2004 — Ö. Dahl. The growth and maintenance of linguistic complexity. Amsterdam: John Benjamins, 2004.

Dahl, Hedin 2000 — Ö. Dahl, E. Hedin. Current relevance and event reference // Ö. Dahl (ed.). Tense and aspect in the languages of Europe: Empirical approaches to language typology. Berlin, 2000. P. 385–401.

Dahl, Velupillai 2013 — Ö. Dahl, V. Velupillai. The Perfect. // M. S. Dryer, M. Haspelmath (eds.) The World Atlas of Language Structures Online. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology. 2013. (Available online at http://wals.info/chapter/68, accessed on 2014-03-23)

Dahl (ed.) 2000 — Ö. Dahl (ed.). Tense and aspect in the languages of Europe: Empirical approaches to language typology. Berlin: Mouton de Gruyter, 2000.

Dowty 1979 — D. Dowty. Word meaning and Montague grammar. Dordrecht: Kluwer, 1979.

Fleischman 1983 — S. Fleischman. From pragmatics to grammar: diachronic reflections on complex pasts and futures in Romance. Lingua 60, 1983. P. 183–214.

Gutiérrez (ed.) 2008 — Á. C. Gutiérrez. Tiempos compuestos y formas verbales complejas. Lingüística Iberoamericana, 34. Iberoamericana Editorial Vervuert Verla, Madrid. 2008.

Harris 1982 — M. Harris. The ‘past simple’ and the ‘present perfect’ in Romance. // N. Vincent, M. Harris (eds.). Studies in the Romance Verb. London & Canberra: Croom Helm. 1982. P. 42–70.

Howe 2013 — Ch. Howe. The Spanish Perfect: Pathways of Emergent Meaning. New York: Palgrave Macmillan, 2013.

Iatridou et al. 2003 — S. Iatridou, E. Anagnostopoulou, R. Izvorski. Observations about the forms and the meaning of the Perfect. // A. Alexiadou, M. Rathert, A. von Stechov (eds.). Perfect explorations, ed., 153–204. Berlin: Mouton de Gruyter. 2003.

Iatridou et al. 2008 — S. Iatridou, E. Anagnostopoulou, R. Izvorski. Algunas observaciones sobre la forma y el significado del Perfecto. // Gutiérrez (ed.) 2008. P. 151–200.

Kempas 2008 — I. Kempas. El pretérito perfecto compuesto y los contextos prehodiernales. // Gutiérrez (ed.) 2008. P. 231–273.

Klein 1992 — W. Klein. The present Perfect Puzzle // Language. V. 68, 3, 1992. P. 525–552.

Lindstedt 2000 — J. Lindstedt. The perfect — aspectual, temporal and evidential. // Dahl (ed.) 2000/ P. 365–383.

Martínez-Atienza 2008 — M. Martínez-Atienza. Dos formas de oposición en el ámbito románico entre el pretérito perfecto compuesto y el pretérito perfecto simple. // Gutiérrez (ed.) 2008. P. 203–229.

McCawley 1971 — J. D. McCawley. Tense and time reference in English. // Ch. Fillmore, T. Langendoen. (eds.) Studies in Linguistic semantics. New York: Holt, Rinehart & Winston. 1971. P. 96–113.

Michaelis 1998 — L. A. Michaelis. Aspectual grammar and past-time reference. London & New York: Routledge. 1998.

Mittwoch 1988 — A. Mittwoch. Aspects of English aspect: On the interaction of perfect, progressive, and durational phrases. // Linguistics and Philosophy 11, 1988. P. 203–254.

Mittwoch 2008 — A. Mittwoch The English resultative perfect and its relationship to the experiential perfect and the simple past tense. Linguistics and Philosophy 31, 2008. P. 323–351.

Nueva gramática 2009 — Nueva gramática de la lengua española. Real Academia Española, Asociación de Academias de la Lengua Española. Madrid: Espasa Libros, 2009.

Portner 2003 — P. Portner. The (temporal) semantics and (modal) pragmatics of the perfect. // Linguistics and Philosophy, Vol. 6, N° 4, 2003. P. 459–510.

Reichenbach 1947 — H. Reichenbach. Elements of Symbolic Logic. New York: Macmillan, 1947.

Ritz 2012 — M.-E. Ritz. Perfect Tense and Aspect. // R. I. Binnick. (ed.) The Oxford Handbook of Tense and Aspect. Oxford University Press, 2012. P. 881–907.

Schwenter 1994 — Scott A. Schwenter. Hot news and the grammaticalization of the perfect. // Linguistics 32, 1994. P. 995–1028.

Squartini, Bertinetto 2000 — M. Squartini, P. M. Bertinetto. The Simple and Compound Past in Romance languages. // Dahl (ed.) 2000. P. 403–439.

Torres Cacoullos 2011 — R. Torres Cacoullos. Variation and grammaticalization. // M. Díaz-Campos (ed.). The Handbook of Hispanic Sociolinguistics. Malden, MA-Oxford: Wiley-Blackwell, 2011. P. 148–167 URL: http://www.personal.psu.edu/rct11/Resources/Publications/Torres-Cacoullos.Variation%20and_grammaticalization.pdf (дата обращения — 10.08.12).

Zagona 2008 — K. Zagona. Grammatical Aspect and construal of compound perfect tenses // Gutiérrez (ed.), 2008. P 119–150.

М. Л. Федотов, О. Ю. Чуйкова

ИЛИ РАН, СПбГУ, Санкт-Петербург

РУССКИЕ ДЕЛИМИТАТИВНЫЕ ПРЕДИКАТЫ И СЕМАНТИКА ПЕРФЕКТА[1]

1. Введение

Делимитативная деривация в русском языке представляет собой образование делимитативных предикатов — глагольных предикатов совершенного вида (СВ) с ограничительной («лимитативной» в терминологии В. А. Плунгяна [2011: 396–397]) семантикой — от соответствующих предикатов несовершенного вида (НСВ) при помощи префикса *по-*. Ср. следующие иллюстрации:

(1а) *Максимилиан Андреевич* ***покашлял***, ***потопал*** *ногами, и когда дверь кабинета открылась, и в переднюю вышел Коровьев, Максимилиан Андреевич поклонился ему вежливо, но с достоинством, и сказал: — Моя фамилия Поплавский…*
[М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита, часть 1 (1929–1940)]

(1б) *Мы приехали, поели, спать легли,* ***поспали****, встали, посмотрели кино, спать легли, встали.*
[Разговоры ульяновских студентов //
Из коллекции Ульяновского университета, 2009]

(2а) *Я немало* ***помыкался*** *по белу свету и могу сказать, что хорошо знаю жизнь.* [А. И. Куприн. Собачье счастье (1986)]
(пример из работы [Петрухина 2000/2012])

(2б) *Сегодня совершил подвиг —* ***поубирал*** *у себя в комнате.*
[http://mirage-world.ucoz.ru/forum/48-13467-50]

---

[1] Работа выполнена при поддержке гранта Президента РФ для государственной поддержки ведущих научных школ РФ «Школа общего языкознания Ю. С. Маслова» НШ-1778.2014.6 и входит в Тематический план фундаментальных НИР СПбГУ «Петербургская лингвистическая традиция в свете современных направлений мировой лингвистики».

Приведённые выше примеры иллюстрируют, соответственно, употребления делимитативных предикатов в нарративном (примеры (1а–б)) и в речевом (примеры (2а–б)) режимах[2].

В настоящей статье мы сосредоточимся на примерах второго типа — «речевых» — и на появлении в таких примерах у делимитативных предикатов перфектной («текуще-релевантностной») интерпретации.

Примечание. Необходимо учитывать, что процесс образования делимитативных предикатов по многим свойствам отклоняется от прототипического словообразования, приближаясь к собственно грамматическим явлениям, к словоизменению. Так, делимитативный показатель *по-* имеет практически абсолютную продуктивность, он семантически и морфологически регулярен и его семантику можно считать собственно грамматической. Употребление показателя отличается систематичностью: показатель является выбором «по умолчанию» в нескольких семантических контекстах. К примеру, он систематически используется для «встраивания» непредельных глаголов в нарративную цепочку — ср. *Петя вышел из дома,* **(по)гулял, вернулся*.

Мы считаем, что в грамматической системе русского языка делимитативному значению можно присвоить статус как минимум «квазиграммемы» (в терминологии [Плунгян 2011: 66–70]). Для базового грамматического значения, выражаемого делимитативными предикатами, можно предложить следующую формулировку: ‘На протяжении немоментального времени ассерции («окна наблюдения») реализуется только срединная стадия ситуации; в конце времени ассерции ситуация прекращается; время ассерции не пересекается с временем отсчёта (= неодновременность)’.

Подробнее о семантике русских делимитативных предикатов и об их грамматическом статусе см. в [Федотов, Чуйкова 2013].

Наблюдения и выводы, представленные в статье, опираются, помимо авторской интроспекции, на данные анализа коллекции из 200 предложений, содержащих делимитативные предикаты. Эти предложения были получены из разных источников: по результатам

---

[2] Мы следуем концепции Е. В. Падучевой [Падучева 1996/2011: 258–284], в рамках которой выделяется три режима интерпретации дейктических элементов: речевой (*На столе лежит книга*; *Петя включил свет час назад*), нарративный (*Петя пришёл домой и включил свет. На столе лежала книга*), а также синтаксический (*Я видел, что на столе лежит книга / что Петя включил свет*). Отметим, что синтаксический режим далее рассматриваться не будет (хотя можно предположить, что в отношении интерпретации делимитативных предикатов он будет подобен речевому).

(несистематических) запросов в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ; http://www.ruscorpora.ru) и в поисковых системах Яндекс и Google; также привлекались примеры из других исследований, затрагивающих проблематику делимитативной деривации. Отдельно в целях проверки выдвинутых гипотез был произведён анализ всех вхождений в устном корпусе НКРЯ ряда глаголов: *погулять* (100), *поработать* (220), *посидеть* (204), *полежать* (20), *поспать* (42), *поболеть* (1), *поделать* (3), *почитать* (126) в формах изъявительного наклонения прошедшего времени. Также было проанализировано некоторое количество употреблений менее тривиальных делимитативных предикатов *повникать*, *позаставлять*, *поубирать* и *попереводить*, полученных при помощи поисковой системы Яндекс.

2. Перфектные употребления делимитативных предикатов в речевом режиме — основные положения и обзор материала

Делимитативные предикаты ведут себя различным образом при употреблении в **нарративном** и в **речевом** (диалогическом) режиме.

В нарративном режиме (приведённые выше примеры (1а–б)) мы наблюдаем простое «встраивание» не достигающих предела ситуаций в нарративную цепочку.

При употреблении же в речевом режиме (примеры (2а–б)) делимитативные предикаты (в формах прошедшего времени) обязательно выражают, как нам представляется, **перфектное** значение[3]. Определим здесь его следующим образом: ‘В момент речи ситуация P обладает **текущей релевантностью**[4]’.

Аргументы в поддержку тезиса об обязательности перфектной интерпретации в речевых употреблениях мы приведём в

[3] Отметим, что о перфектном значении в подобных употреблениях делимитативных предикатов говорилось и ранее — ср. [Dickey 2006: 20].

[4] Термин «текущая релевантность» (current relevance) мы будем использовать в понимании [Dahl, Hedin 2000]. По-видимому, к текущей релевантности можно отнести наличие причинно-следственной или логической связи, а также «актуальность», важность ситуации для участников коммуникативного акта. Также, в отличие от экспериенциального значения (см. раздел 4 и сноску 14), собственно перфектное значение (значение текущей релевантности) указывает на конкретную реализацию ситуации.

следующем разделе, пока же продемонстрируем более наглядно, о каких именно случаях идёт речь.

Среди рассматриваемых употреблений можно обнаружить по крайней мере два различных типа перфектной интерпретации.

В примере (2а) и в приведённом ниже примере (3) представлены случаи «**причинной**» текущей релевантности — высказывание выполняет дискурсивную функцию объяснения сложившегося положения вещей (ср. [Dahl, Hedin 2000: 393]). В примере (2а) ситуация-референт ‘немало помыкался по белу свету’ представляется как объяснение, подтверждение того факта, что сейчас говорящий ‘хорошо знает жизнь’. В примере (3) ситуация-референт ‘поспал на закате (и перегрелся)’ приводится в качестве одной из возможных причин другого положения вещей — один из участников диалога плохо себя чувствует.

(3) — *С чего это у тебя такая р е а к ц и я*[5]*? Воды может нахлебался?*
— *Перегрелся наверно правда, может правда* ***на закате поспал****…*
— *Л о б когда б о л и т, когда чё, когда мигрень?*
[Разговоры в компании у костра // Из коллекции Саратовского университета, 2002]

В примере (2б) и примере (4) скорее представлен случай «**актуальности**» ситуации для коммуникантов (ср. [Dahl, Hedin 2000: 391–392]):

(4) — [входит в лифт] *Вам какой?*
— *Десятый.*
— [молча нажимает кнопку своего этажа, который ниже] ***Погуляли****?*
— *Да, х о р о ш о.*
— *Сегодня погода хорошая, первый день весны…*
[Разговоры в лифте // М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова. Речь москвичей: Коммуникативно-культурологический аспект. М., 1999, 1991–2002]

---

[5] Здесь и далее в этом разделе р а з р я д к о й будут отмечаться языковые единицы, указывающие на следствие или «эффект» ситуации, выраженной делимитативным предикатом.

В тех же примерах (4) и (2б) можно усмотреть также семантику, близкую к семантике «**результативного**» **перфекта**[6]. С одной стороны, ситуация ‘убирать комнату’ в примере (2б) не достигает своего естественного предела, а ситуация ‘гулять’ и вовсе является в принципе непредельной — то есть у обеих ситуаций не реализуется либо вообще отсутствует специализированная результирующая стадия. С другой стороны, обе ситуации всё же порождают некоторый (побочный) эффект — чувство удовлетворения от собственного труда или от прогулки. Причём этот эффект явно сохраняется в момент речи — подобно лексически закреплённой результирующей стадии при собственно результативном перфекте.

С вышесказанным можно связать также следующее наблюдение. При речевых употреблениях делимитативных предикатов зачастую обнаруживаются обстоятельства **оценки накопленного эффекта** — *хорошо*, *отлично*, *серьёзно*, *плодотворно*, *достаточно*, *немало* (ср. пример (2а) выше), разг. *ничего* и др., либо аналогичные по функции междометия (ср. ***О**, погуляли-то*; ***Ух**, погуляли!*)[7]:

(5) *Вот… вам за работу, вы х о р о ш о* ***поработали****, мы вас задержали… Пожалуйста, не возражайте!*

[Кира Муратова и др. Настройщик, к/ф (2004)]

(6) *Да. В общем так и н т е р е с н е н ь к о* ***посидели****.*

[Разговор двух студенток при встрече (2000-2005)]

При этом для употреблений делимитативных предикатов в нарративных клаузах присутствие таких единиц, напротив, нехарактерно:

(7) *Нашёл я его, познакомились, съездили к нему на дачу в Малы,* ***побеседовали*** *там, (?? интересненько)* ***посидели****, немножечко выпили.*

[Псковское братство. Д/ф из цикла «Письма из провинции» (ТК «Культура») // Т/к «Культура», 2009]

---

[6] Ср. англ. *England has declared war on Germany* ‘Англия объявила войну Германии [и сейчас они находятся в состоянии войны]’ [Dahl, Hedin 2000: 390].

[7] Данные наблюдения также согласуются с наблюдениями С. Дикки [Dickey 2006: 19–22].

(8) *Мы приехали, поели, спать легли, (?хорошо)* ***поспали****, встали, посмотрели кино, спать легли, встали.*

[Разговоры ульяновских студентов //
Из коллекции Ульяновского университета, 2009]

Примечание: В работе [Dickey 2006: 21–22] приводятся примеры из нарративного режима, которые могут показаться противоречащими только что высказанному тезису, ср. следующий пример:

(9) *Мы прекрасно* ***поели****, славно* ***поболтали****, выпили немного чудесного вина — в общем, атмосфера воцарилась самая что ни на есть отменная.*

Однако этот и другие подобные примеры, как нам представляется, предполагают на самом деле не цепочки событий, а ретроспективность, «обзор» произошедшего (и имевшего эффект) к определённому моменту в прошлом. По-видимому, участники не выполняли все эти действия последовательно — действия подаются как независимо внесшие вклад в воцарившуюся к описываемому моменту атмосферу. Таким образом, и здесь мы имеем дело со случаями перфектной интерпретации (в плане прошедшего) — использование оценочных обстоятельств в таком случае оказывается вполне закономерным.

В завершение обзора приведём также несколько примеров из русско-английского параллельного корпуса НКРЯ. Показательно, что при переводе русского делимитативного предиката в речевом режиме в английском последовательно используются формы непрогрессивного перфекта — ср. примеры (10)–(11):

(10) *Ну, ну… чего же ты плачешь?* ***Пожил****, и слава богу! Небось, шесть десятков прожил — будет с тебя!*

[А. П. Чехов. Горе (1885)]

*Come, come!.. What are you crying for? You****'ve lived your life****, and thank God for it! I suppose you have had sixty years of it — that's enough for you!…* [Anton Chekhov. Sorrow]

(11) *Конечно, товарищи, благодаря вот вам, благодаря всех рабочих, которые действительно* ***поработали*** *не за страх, а, товарищи, за совесть.*

[И. А. Ильф, Е. П. Петров. Двенадцать стульев (1927)]

Yours, of course, Comrades-and that of all workers who ***have*** *really* ***worked****, not from fear, Comrades, but from conscience.*

[Ilya Ilf, Evgeny Petrov. The Twelve Chairs]

При этом в нарративном режиме (в собственно нарративных клаузах) в английском закономерно используются формы простого прошедшего:

(12) *В первое время Машенька, чтоб скучно не было, взяла к себе мать; та* ***пожила*** *до родов, когда вот этот самый Кузька родился, и поехала в Обоянь к другой дочке* ⟨…⟩
[А. П. Чехов. Бабы (1891)]
At first Mashenka got her mother to stay with her, that she mightn't be dull all alone; she ***stayed*** *till the baby — this very Kuzka here — was born, and then she went off to Oboyan to another married daughter's* ⟨…⟩ [Anton Chekhov. Peasant Wives]

3. Перфектность (текущая релевантность) — импликатура или полноправный компонент значения делимитативных предикатов?

Итак, как уже было сказано выше, мы предполагаем, что в речевом режиме делимитативные предикаты в формах прошедшего времени обязательно приобретают перфектную интерпретацию[8] — а следовательно, перфектный компонент является частью их значения. В этом разделе мы приведём аргументы в поддержку приведённого тезиса.

С одной стороны, известно, что перфектная интерпретация вообще свойственна всем русским глаголам СВ при употреблении их в речевом режиме (ср. [Падучева 1996/2011: 154; Ландер 2003]). Ср. следующие примеры из устной речи и новостных заголовков:

(13) *Потому что я* ***пришла****, и есть на ком отыграться.*
[Беседа участников реалити-шоу «Дом-2», ТНТ // практиканты, 2005]
('пришла — и всё ещё здесь')

(14) *Они* ***нашли*** *смысл в этом союзе, используют политически.*
[Беседа в Новосибирске // Фонд «Общественное мнение», 2004]
('нашли — и теперь союз для них имеет смысл')

[8] Возможное исключение составляет класс случаев нерематического употребления, о которых см. далее в разделе 4.

(15) *В Якутии* ***нашли*** *крупное месторождение золота. ⟨…⟩ Прогнозный ресурс объекта — 200 тонн золота.*

[http://sochi-24.ru/print/60143.html]

(‘нашли — и теперь будут разрабатывать’)

Тем не менее, в отличие от делимитативных предикатов, другие классы глаголов СВ — в первую очередь «трансформативные»[9] глаголы — в речевом режиме могут и не иметь перфектной интерпретации (в том числе при употреблении в составе ремы). Для них она частотна, но необязательна. Ср. следующие сконструированные примеры, где в сильном контексте перфектная интерпретация у трансформативных глаголов СВ легко отменяется:

(16) *[Какие события случились в Вашей семье в 1960-х?] Ну, к примеру, в 1967-ом отец* ***купил*** *свою первую машину.*

(высказывание допускает, что машина уже давно снова продана, что отца нет в живых — и событие уже является простым биографическим фактом, не имеющим актуальности для настоящего момента)

(17) *[Что Вы знаете о Великой Отечественной войне?] Великая Отечественная война* ***началась*** *22 июня 1941 года.*

(высказывание отнюдь не предполагает, что Великая Отечественная война продолжается на момент речи — ср. пример в сноске 6)

Похожие примеры с трансформативными глаголами СВ в речевом режиме можно найти и в записях реальной устной речи:

(18) [Экскурсовод сообщает разнородные факты о зданиях на Пьяцца деи Мираколи в Пизе и о самой площади] ⟨…⟩ *Ээ… считается, вы знаете, что Ференц Лист, композитор, побывав именно на этой площади, после этого* ***написал*** *своё произведение «Пляска смерти»* ⟨…⟩

[Рассказ экскурсовода о Пизе (Италия) //
Из коллекции НКРЯ, 2009]

---

[9] Глаголы СВ, которые указывают на достижение естественного предела — типа *открыть*, *прийти*, *купить*, *написать* (термин Х. Р. Мелига).

(19) ⟨…⟩ *Вот этот год он памятен тем, что именно… э-э-э… Именно 250 лет тому назад 28 сентября, вот* ***родился*** *в Страсбурге Франц Белль. Этот год юбилейный.* ⟨…⟩

[Выступления на празднике в п. Белогорка // Из коллекции С. Леонтьевой, 2008]

Однако с делимитативными предикатами наблюдается обратное. В аналогичном ненарративном контексте называния единичного факта из прошлого (в котором явно отсутствует текущая релевантность) они оказываются неприемлемыми. Ср. следующие пары сконструированных примеров, в которых используется контекст единичного факта из биографии покойного vs. живого человека[10]:

(20) $^{??}$*[Представляете себе,] покойный Иван Иванович в молодости* ***поработал*** *учителем* (/ ^{OK}…***работал***…).

— ср. в контексте, допускающем перфектную интерпретацию:

(20′) ^{OK}*Я в молодости* ***поработал*** *учителем (поэтому теперь з н а ю, что такое иметь дело с детьми).*

(21) [Единичный факт из жизни писателя:] $^{??}$*Пушкин* ***пожил*** *некоторое время в Одессе* (/ ^{OK}…***жил***…).

— ср. в контексте, допускающем перфектную интерпретацию:

(21′) ^{OK}*В молодости Петя* ***пожил*** *некоторое время в Одессе (и до сих пор с ч и т а е т те дни одними из самых счастливых в его жизни).*

В пользу обязательности перфектной интерпретации делимитативных предикатов в речевых употреблениях можно также привести другой аргумент.

---

[10] На неудачность использования форм английского Перфекта в таких контекстах указывал ещё Н. Хомский. Ср. пример из [Chomsky 1972] (цитируется по [Borik 2006: 152]): $^{\#}$*Einstein has lived in Princeton* (из высказывания следует ошибочный вывод, что Эйнштейн всё ещё жив).

В случаях «результативного перфекта» (см. сноску 6) указание на сохранение результата ситуации в точке отсчёта **не должно отменяться** контекстом. Так, английское предложение *I have lost my glasses* ‘Я потерял очки’ будет неприемлемо в контексте, предполагающем, что очки уже снова найдены[11] [Iatridou et al. 2002: 156].

Учитывая обсуждавшееся выше сходство некоторых употреблений делимитативных предикатов с результативным перфектом, можно попытаться применить тест на «отмену результата» и к ним. Предположим, если из контекста ясно, что «эффект», накопленный от вовлечённости в ситуацию, уже (или изначально) отсутствует, то употребление делимитативного предиката будет нежелательным.

Действительно, как показывают следующие примеры, употребление делимитативного предиката в таких случаях затруднено (более удачным кажется «общефактический» НСВ; см. об этом в разделе 5):

(22) *Ну что, Сеня,* ***погулял****? Теперь давай работать.*
[Павел Арсенов, Кир Булычев.
Гостья из будущего, к/ф (1984)]
(погулял → сейчас **отдохнувший**, поэтому можно работать)

(22′) *[ОК]Ну что, Сеня, ты ведь* ***гулял*** *— а сейчас снова такой усталый, что надо тебе опять идти гулять.*

(22″) *[?]Ну что, Сеня, ты ведь* ***погулял*** *— а сейчас снова такой усталый, что надо тебе опять идти гулять.*

(23) *Так, девочки,* ***поработали*** *— теперь можно и отдохнуть.*
[Александр Стриженов, Андрей Курейчик.
Любовь-морковь, к/ф (2007)]
(поработали → **устали** и/или что-то **сделано**)

(23′) *[ОК]Так, девочки, вы вроде* ***работали*** *— а результата не видно.*

(23″) *[?]Так, девочки, вы вроде* ***поработали*** *— а результата не видно.*

---

[11] За исключением возможного только в специальном контексте экспериенциального прочтения: ‘Я (уже) терял очки’.

Наконец, отметим также встреченную нами в материале устной речи конструкцию «***поделал и хватит***». Она по своей семантике предполагает перфектную интерпретацию (наличие достаточного накопленного эффекта от вовлечённости в ситуацию) — и при этом требует использования в своём составе именно делимитативного предиката (**сделал и хватит* / **делал…* / **долго делал…* / **проделал весь день…*).

(24) *Вы уж меня извините, я за мужем пришла.* ***Погулял, потрепался, и хватит****.*

[Глеб Панфилов, Евгений Габрилович. Начало, к/ф (1970)]

Таким образом, русская делимитативная деривация функционально оказывается своеобразным специализированным «текуще-релевантностным» **перфектом**. При этом используется это грамматическое средство только применительно к не достигающим предела (или не соотнесённым с пределом) ситуациям.

4. Нерематические употребления делимитативных предикатов

Положение об обязательном наличии перфектного компонента в значении делимитативных предикатов в речевом режиме, по-видимому, нельзя распространить на случаи их использования **внеремы**.

Такое использование делимитативных предикатов (речевое нерематическое) принципиально возможно — ср. примеры ниже (рема подчеркнута). Перфектная интерпретация в этих случаях, как кажется, не является обязательной, хотя и остаётся возможной:

(25) *Игорь сегодня всего два часа* ***поиграл*** *на скрипке, утром и вечером по часу* (пример из работы [Mehlig 1994]).

(26) *Я* ***поболел*** *всего неделю*

(пример из работы [Петрухина 2000/2012]).

(27) *А почему она* [игрушечная машинка] *разрядилась-то? Я всего пять раз* ***поиграла*** *ей. А?*

[Разговоры на рынке (2008)]

(28) По вашей информации приняты своевременные меры, лица, подозреваемые в злоупотреблениях, задержаны. Так что поработали вы не зря. Спасибо вам.

[Александр Миндадзе, Вадим Абдрашитов. Плюмбум, или Опасная игра, к/ф (1986)]

Примечание. Как представляется, при этом явно нерематические употребления делимитативных предикатов для речевого режима скорее нехарактерны — в нашей коллекции примеров из устного корпуса НКРЯ они единичны. Также в устном корпусе не удалось обнаружить ни одного употребления делимитативного предиката после вопросительных слов (*К т о (уже)* ***погулял****?*) или после слов *только*, *это*, *именно*, маркирующих в качестве ремы один из актантов глагола (*Э т о м ы* ***поработали****, а не вы*). Впрочем, сами по себе употребления обоих этих типов представляются авторам приемлемыми.

Отметим, что снятие обязательности перфектной интерпретации делимитативных предикатов вне ремы согласуется с типологическими наблюдениями. Известно, что перфектная семантика в языках мира «предпочитает» вхождение в состав ремы, что объясняется наличием у перфектного значения ингерентного фокуса (рематичности). В некоторых языках, где существуют сильнограмматикализованные показатели предикатного vs. аргументного фокуса[12], показатели перфекта и вовсе «блокируют» маркирование этого противопоставления. То есть в высказывании с формой перфекта фокус может быть только предикатный. К примеру, так дело обстоит в языке гбари (< нупоидные < бенуэ-конго) [Hyman, Watters 1984: 247–248].

5. Противопоставленность делимитативных предикатов в речевом режиме «общефактическому» НСВ

По-видимому, в речевом режиме делимитативные предикаты в рассмотренной функции оказываются также семантически противопоставлены «общефактическим» употреблениям **предикатов НСВ** (ср. *спал*, *сидел*).

Формы прошедшего времени глаголов НСВ в речевом режиме, в отличие от делимитативных предикатов, не могут получать собственно перфектную — конкретную текуще-релевантно-

[12] Эти показатели указывают на вхождение в рему либо предиката, либо одного из его аргументов.

стную — интерпретацию. Ср. сконструированные примеры (29а) и (29б) ниже.

(29а) *Я (сегодня)* ***поспал***.

(текущая релевантность: (ожидаемая) единичная конкретная ситуация сна осуществилась, и это актуально — к примеру, человек страдает бессонницей уже несколько дней, а сегодня ему наконец удалось полноценно поспать, и он чувствует себя лучше)

(29б) *Я (сегодня)* ***спал***.

(либо экспериенциальное — говорящий сообщает, что не хочет спать, поскольку в последнее время уже вовлекался один или несколько раз в ситуацию сна, — либо «экзистенциальное» прочтение ([Что ты сегодня делал?] Я спал) — но не текуще-релевантностное)

По-видимому, в формах прошедшего времени в речевом режиме глаголы НСВ могут передавать только два ретроспективных[13] значения. Это либо «общефактическое» **экспериенциальное** значение[14] (первая интерпретация примера (29б)), либо же более общее «**экзистенциальное**» значение[15] (вторая интерпретация примера (29б), ср. также варианты в скобках в примерах (20) и (21)).

---

[13] Имеется в виду противопоставление значений с «синхронной» и «ретроспективной» точкой отсчёта в [Падучева 1996/2011: 9–23]. Отметим, что глаголы НСВ могут, в принципе, выражать в речевом режиме также дуративное (актуально-длительное) значение — ср. *[Что Вы делали сегодня в полдень?] В полдень я выступал на конференции.* Однако дуративное значение в обсуждаемом противопоставлении не участвует, поскольку является синхронным, а не ретроспективным.

[14] Экспериенциальное значение: ‘Характеристика участника такова, что он уже вовлекался в подобную ситуацию по крайней мере один раз в неопределённом прошлом’ — ср. *Выступали ли Вы (когда-нибудь) на конференции? Да, (однажды / несколько раз) выступал.* Это же значение называется «экспериентивным» в [Вострикова 2010].

[15] «Экзистенциальное значение» — термин, предложенный в [Вострикова 2010: 8–10] для значения, близкого к экспериенциальному, но лишённого идеи характеризации — ср. *Должна быть у вас моя карточка, я записывался* (утверждается существование ситуации в неопределённом прошлом) [там же: 9]. Не следует путать с термином «обще-

Аналогичные результаты даёт рассмотрение примеров из устной речи и попытка замены в них делимитативных предикатов предикатами НСВ:

(30) *Сегодня вышел из бюджета. С Аллой* ***посидели*** *в «Юбилейном», раз пять только челентановскую «Сюзанну» заказывал, то, сё.*

[Г. Бежанов, А. Эйрамджан.
Где находится нофелет?, к/ф (1987)]

(«причинная» текущая релевантность: ‘посидели — и поэтому вышел из бюджета’)

(30′) *Сегодня вышел из бюджета. С Аллой* ***сидели*** *в «Юбилейном»…*

(в этом случае второе предложение уже не воспринимается как объяснение факта, сообщённого в первом предложении; оно может иметь либо дуративное прочтение (и начинать собой нарратив, ср. *Мы сидели в кафе. Вдруг ко мне подошёл мужчина. Он спросил, помню ли я его…*), либо, с меньшей вероятностью, «экзистенциальное» (ср. *[Что вы сегодня делали?] Сидели в кафе, ходили в кино и на танцы*) — но не текуще-релевантностное)

Отдельного рассмотрения в связи с обсуждаемыми явлениями заслуживает также противопоставление в русском языке в речевом режиме **конструкций с *уже*** — «*уже* + СВ» и «*уже* + НСВ».

Конструкция «*уже* + СВ» в речевом режиме с любым предикатом СВ всегда выражает конкретную текуще-релевантностную семантику (в сочетании с фазовой семантикой и семантикой нарушенного ожидания):

(31а) *Я* ***уже сделал*** *уроки.*

(собеседнику предположительно интересно, совершился или не совершился конкретный единичный факт выполнения домашнего задания; возможно, также предполагается нарушение ожиданий собеседника — он не ожидал, что в данный момент факт (уже) совершился; наконец, налицо семантика результативного перфекта — ‘домашнее задание сейчас является выполненным’)

фактическое экзистенциальное», введённым Е. В. Падучевой для того значения, которое здесь называется экспериенциальным.

Конструкция «*уже* + НСВ» в речевом режиме, напротив, всегда выражает экспериенциальную семантику — обозначает сам факт вовлечения участника в ситуацию безотносительно к кратности:

(31б) *Я* ***уже делал*** *уроки*.

(то есть ‘один или несколько раз вовлекался в эту ситуацию’; возможная естественная интерпретация: ‘сегодня я уже достаточно времени потратил на это и больше не хочу’)

Немаловажно, что точно таким же образом ведут себя в сочетании с *уже* делимитативные предикаты (подобно «*уже* + СВ» — только текуще-релевантностная интерпретация) и предикаты НСВ, обозначающие непредельные ситуации (подобно «*уже* + НСВ» — только экспериенциальная интерпретация). Ср. следующую пару сконструированных примеров:

(32а) *Я* ***уже погулял***.

(как и предполагалось, один конкретный раз; уже вернулся; актуален факт завершения ситуации)

(32б) *Я* ***уже гулял***.

(один или несколько раз; ‘хватит, больше не пойду’)

Ср. аналогичную пару примеров из устной речи:

(33) *Димок, ты* ***уж погулял****? Что-то очень быстро сегодня*.
[Илья Фрэз, Вольф Долгий. Я купил папу, к/ф (1962)]

(из контекста понятно, что неожиданным оказалось именно раннее завершение конкретной единичной запланированной прогулки, а не факт гуляния в принципе)

(34) — *Поспали-поели-поспали… идите гулять, на улице хорошо.*
— *Мы* ***уже гуляли***.
[Домашний разговор //
Из материалов Ульяновского университета, 2006]
(один или несколько раз; ‘больше не хотим’)

6. Выводы

В статье мы попытались показать, что рематические речевые употребления претеритных форм делимитативных предикатов прак-

тически обязательно получают перфектную интерпретацию. Это свойство отличает их от других предикатов СВ (в первую очередь трансформативных), у которых, независимо от их рематичности, перфектная интерпретация легко отменяется.

При этом в речевом режиме делимитативные предикаты оказываются семантически противопоставлены «общефактическим» употреблениям предикатов НСВ. Первые выражают, по-видимому, собственно перфектное (конкретное текуще-релевантностное) значение (*Я поспал*; *Я уже погулял*), а вторые — экспериенциальное (экспериентивное) или более общее «экзистенциальное» значение (*Я спал*; *Я уже гулял*).

Таким образом, делимитативная деривация функционально выступает в русском языке (пусть и ограниченно с точки зрения контекста: только в речевом режиме и только в рематических употреблениях) в роли текуще-релевантностного перфекта, используемого специализированно — при референции к не достигающим предела или не соотнесённым с пределом ситуациям. Роль «неперфектного» грамматического средства в аналогичных условиях выполняют предикаты НСВ.

Литература

Вострикова 2010 — Н. В. Вострикова. *Типология средств выражения экспериентивного значения* / Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 2010.

Ландер 2003 — Ю. А. Ландер. *Перфект и обстоятельства конкретного времени* // В. А. Плунгян, А. Ю. Урманчиева (сост.). Языки мира. Типология. Уралистика. Памяти Т. Ждановой. М.: Индрик, 2003. С. 300–312.

Падучева 1996/2011 — Е. В. Падучева. *Семантические исследования*. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996; 2-е изд., испр. и доп. М.: Языки славянской культуры, 2011.

Петрухина 2000/2012 — Е. В. Петрухина. *Аспектуальные категории глагола в русском языке в сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарским языками*. М.: Издательство МГУ, 2000; 2-е изд. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012.

Плунгян 2011 — В. А. Плунгян. *Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. Учебное пособие*. М.: Изд-во РГГУ, 2011.

Федотов, Чуйкова 2013 — М. Л. Федотов, О. Ю. Чуйкова. *К определению аспектуального значения лимитатива и к вопросу об особенностях «делимитативной» деривации русского глагола* // Е. И. Грехова (ред.) Из прошлого в будущее. Сборник статей и воспоминаний к 100-летию профессора Ю. С. Маслова. СПб: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2013. С. 153–203. (http://www.academia.edu/9138255/)

Borik 2006 — O. Borik. *Aspect and Reference Time*. Oxford: Oxford University Press, 2006.

Chomsky 1972 — N. Chomsky. *Studies on Semantics in Generative Grammar*. The Hague: Mouton, 1972.

Dahl, Hedin 2000 — Ö. Dahl, E. Hedin. *Current relevance and event reference* // Ö. Dahl (ed.). Tense and Aspect in the Languages of Europe. (Empirical Approaches to Language Typology, 20: EUROTYP, Vol. 6). Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2000. P. 385–401.

Dickey 2006 — S. M. Dickey. *Aspectual pairs, goal orientation and PO-delimitatives in Russian* // Glossos. Issue 7. Spring 2006. (http://www.seelrc.org/glossos/issues/7/dickey.pdf)

Hyman, Watters 1984 — L. M. Hyman, J. R. Watters. *Auxiliary focus* // Studies in African Linguistics 15(3). P. 233–273.

Iatridou et al. 2002 — S. Iatridou, E. Anagnostopoulou, R. Izvorski. *Some Observations about the Form and Meaning of the Perfect*. // M. Kenstowicz (ed.). Ken Hale: A Life in Language. Cambridge (MA): MIT Press, 2002. P. 189–238.

Mehlig 1994 — H. R. Mehlig. *Гомогенность и гетерогенность в пространстве и времени: о категории глагольного вида в русском языке* // Revue des études slaves. T. 66. F. 3. 1994. P. 585–606.

Д. В. Сичинава

ИРЯ РАН, НИУ ВШЭ, Москва

ЕВРОПЕЙСКИЙ ПЕРФЕКТ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ПАРАЛЛЕЛЬНОГО КОРПУСА[1]

1. Введение

Исследование распределения граммем в параллельном многоязычном корпусе, с привлечением статистических механизмов для выделения типологически близких «пучков» грамматических показателей, — достаточно хорошо разработанная область исследований (ср. тематический номер журнала STUF, посвященный роли «массовых параллельных текстов» в типологии [Cysouw, Wälchli 2007]; см. также список основанных на параллельном корпусе работ Б. Вэльхли и других современных лингвистов в статье [Майсак 2013]). Собственно, уже типологическое выделение граммем как таковых в классической работе [Dahl 1985] опиралось, в частности, на статистический анализ распределения видо-временных граммем в выполненных информантами переводах анкет. Эти анкеты могут рассматриваться как своего рода искусственный многоязычный параллельный корпус, создаваемый специально для нужд исследования, которое объединяет, таким образом, как корпусные методы, так и элицитацию (ср. о методике типологического анкетирования также [Кашкин 1991: 20]).

В последние годы популярным является анализ грамматики в параллельных корпусах классического типа (базирующихся на существующих переводах естественных текстов на множество языков) методом измерения расстояний между рядами данных — в частности, в программе NeighbourNet/SplitsTree, первоначально применявшейся в биологических исследованиях [Huson, Bryant 2006]. Например, в работе [von Waldenfels 2014] (и в предшествующем ей цикле докладов и публикаций) исследуется выбор

[1] Статья написана при поддержке проекта РГНФ 15-04-12018 «Развитие специализированных модулей НКРЯ». Благодарим Т. А. Майсака, М. М. Макарцева, Н. В. Перкову и В. А. Плунгяна за ценные советы при написании этой статьи.

вида формы императива в переводах романа «Мастер и Маргарита» на славянские языки, которые группируются в зависимости от схожего выбора вида в аналогичных контекстах; при помощи указанной программы построены графы, визуализирующие расстояние между различными языками.

Важным для нашей работы прецедентом является нетипичная для своего времени работа недавно умершего воронежского лингвиста В. Б. Кашкина [1991], в которой активно используется методология параллельного корпуса (уже с использованием термина «корпус»): в ней на базе параллельных переводов русской классики на пять европейских языков (английский, немецкий, французский, испанский, итальянский), а также оригинальных текстов на этих же языках выделяются функциональные типы перфекта. По оценке автора, это «проспективное исследование» (pilot study). Программа, согласно которой выполнена работа Кашкнна, была намечена Ю. С. Масловым, одним из первых давшим типологическое определение перфекта [Маслов 1983].

Одновременно с написанием настоящей работы (первые результаты которой были доложены на Рабочем совещании по перфекту в апреле 2013 г.) исследования перфекта в многоязычном корпусе переводов Библии, на материале нескольких германских и романских языков, а также финского, были проведены Эстеном Далем [Dahl 2014], используется в его работе и методика NeighbourNet (статье предшествовал доклад Э. Даля и Б. Вэлхли на круглом столе в рамках конференции Ассоциации лингвистической типологии в Лейпциге в августе 2013 г., посвященный сравнению перфекта в нескольких сотнях языков мира; насколько нам известно, его материалы еще не опубликованы). В частности, используя корпус, Даль построил «индекс перфектности» или «совершенный индекс» (perfect index, намеренный каламбур) — показатель близости перфекта в том или ином языке к типологическому прототипу. Один из важных выводов, который делается в статье Даля (и который мы на нашем материале не могли проверить) — высокая степень вариативности распределения граммемы перфекта в разных переводах одного и того же текста на один и тот же язык [Dahl 2014: 288]. Например, между шестью версиями шведской Библии расхождения в выборе между перфектом и претеритом иногда сильнее, чем между переводами на разные языки. Не вполне ясно, в той же ли мере этот вывод верен и для других граммем;

нам представляется, что с наблюдаемым явлением может быть связана типологическая (в том числе диахроническая) нестабильность перфекта и высокая степень синонимии этой граммемы с другими элементами видо-временной системы (ср. [Lindstedt 2000: 379]).

Также на материале параллельных библейских текстов (а именно Евангелия от Луки, ветхозаветных книг Руфи и пророка Ионы) проведено корпусное исследование перфекта в ниджском диалекте удинского языка, сопоставляемого с английским перфектом [Майсак 2013, 2014]; привлечены все контексты, в которых перфект встречается хотя бы в одном языке.

Упомянем также работы о родственной перфекту граммеме — плюсквамперфекте, выполненные на материале параллельных корпусов: [Santos 1999] (об английском и португальском), [Барентсен 2014] (о славянских языках, включенных в многоязычный корпус ASPAC; конкретные результаты ещё не опубликованы, хотя докладывались в ноябре 2014 г. в Петербурге на конференции памяти Ю. С. Маслова) и некоторые подразделы нашей монографии [Сичинава 2013] (о русском *было* в сопоставлении с английским и немецким языками — с. 268–271; о белорусском и украинском языках — с. 296–313; более развернутый текст о корпусном сопоставлении белорусской и русской конструкций со статистическими данными — особая публикация, не полностью вошедшая в книгу, [Сичинава 2012]).

Исходный пункт настоящего исследования — английский перфект, выражающий значения определенного кластера значений, см. [McCawley 1981], и системно противопоставленный претериту). В первом разделе статьи рассмотрен перфект в двух многоязычных параллельных текстах Национального корпуса русского языка с английским оригиналом (а именно, «Алисе в стране чудес» Кэрролла [AW] и «Винни-Пухе» Милна [WP]; римская цифра указывает главу). В отличие от исследования Э. Даля, бралось только по одному переводу на каждый язык. Привлекаются также предложения, где перфект выбран в переводах, хотя в оригинале отсутствует. Таким образом, «точки перфектности» в тексте не определяются исключительно английской формой, которая не считается «идеальным / прототипическим перфектом», а может иметь, как и любая другая, некоторые лингвоспецифические свойства. Необходимо учитывать также, что при переводе с английского на другой язык с аналитическим перфектом переводчик может просто скалькировать грамма-

тическую форму, даже если её употребление в данном контексте не является особенно частотным или обычным в этом языке. Ср. предложение В. Б. Кашкина использовать при типологическом исследовании граммемы в качестве языка-источника «типологически несходный язык, чтобы рассматриваемые языковые явления не имели отражения в явной грамматике исходного языка. Такой прием исключает интерференцию или сводит ее к минимуму, т.е. повышает ‘чистоту эксперимента’» [Кашкин 1991: 21]. Поэтому расхождение между оригиналом и переводом (появление перфекта в переводе при отсутствии его в английском тексте или, наоборот, замена английского перфекта другим временем) более информативно, чем сохранение формы. Отметим также, что кашкинской методологии в нашем материале удовлетворяет литовский перевод «Винни-Пуха», в основе своей сделанный с промежуточного польского текста (см. подробнее 2.1.1).

Второй раздел настоящей статьи посвящен сопоставлению перфекта в английских оригиналах (двуязычный англо-русский параллельный корпус) с переводами на русский язык, в котором перфекта нет, но другие грамматические значения (ср. [Федотов, Чуйкова (наст.сб.)] о русском делимитативе типа *поспать*), а также лексические средства («модели перевода») могут нести дополнительную информацию о семантике граммемы оригинала. Ср. аналогичный подход к семантике русского *было* в [Сичинава 2013: 268–271], где выявлены соответствующие ему лексические средства английского и немецкого языков (‘на мгновение’, ‘едва’ и т. д.).

2. Многоязычный корпус: языки разных групп с перфектом

При анализе английских оригиналов в многоязычном корпусе учитывались вхождения перфекта настоящего времени (в том числе пассива и прогрессива); идиоматические глаголы на базе перфекта (***I have got*** *a fish* = ***У меня есть*** *рыба*) не учитывались.

Выбор временной формы в английском тексте сопоставлялся с выбором в переводных текстах на европейских языках разных групп, имеющих перфект, противопоставленный претериту, пусть даже это противопоставление и носит ослабевающий характер (как в немецком, итальянском или нидерландском; впрочем, в литературных переводах на немецкий утрата перфектом своей специфики не зашла еще далеко, ср. [Dahl 2014: 280]).

В отличие от [Кашкин 1991] и [Dahl 2014], изначально не учитывается французский язык и форма passé composé, распределение которой с формой претерита (passé simple) в текстах, сохраняющих эту последнюю, уже носит иной характер, не столько семантический, сколько дискурсивный и регистровый. «Претеритальность» французского перфекта видна и из данных [Кашкин 1991: 29–30, 34], ср.: «семантика французской перфектной формы соответствует конечному этапу эволюции перфекта, распада категории перфектности как таковой в рамках грамматики данного языка» [там же: 71]. Практическое отсутствие простого прошедшего в прямой речи — характерная черта уже ранних французских переводов Библии [Dahl 2014: 279–280].

Затем, как уже было сказано, привлекались предложения, в которых английский перфект отсутствует, но появляется в переводах. Из текста «Алисы» всего учтено 68 предложений, из текста «Винни-Пуха» — 72, всего 140 контекстов. Количество таких точек текста, таким образом, сопоставимо с охваченным в работах [Dahl 2014], где, например, учтено 188 вхождений перфекта в одном из шведских переводов или от 142 до 173 вхождений в разных английских переводах, а также материалу одной из упомянутых работ Т. А. Майсака [2013], где представлены 145 английских и 126 удинских перфектных форм (всего 218 перфектных контекстов, где форма представлена хотя бы в одном языке). Однако оно существенно меньше корпуса В. Б. Кашкина (объём выборки которого — 1000 «перфектных ситуаций»). Для ряда контекстов, обсуждаемых в этой работе, в нашей выборке (и, вероятно, также в выборках Даля и Майсака) просто нет достаточного материала; прежде всего это касается конкретных лексических ограничений на перфект [Кашкин 1991: 72–76].

Для текста «Алисы в стране чудес», кроме английского (EN) оригинала, использовались переводы на следующие языки (тексты взяты из разработанного А. Барентсеном корпуса ASPAC и дополнительно точнее выровнены при включении в Национальный корпус русского языка):

- германские: нидерландский (NL), немецкий (DE), шведский (SV)
- романские: испанский (ES), португальский (PT), итальянский (IT)
- славянские: болгарский (BG), македонский (MK),
- греческий (GR).

Для текста «Винни-Пуха» по сравнению с текстом «Алисы» не были доступны переводы на португальский и греческий, но зато использовались переводы на два балтийских языка (латышский, LV, и литовский, LT). Романские и балтийские переводы в корпусе А. Барентсена отсутствовали, внесены в корпус и выровнены нами самостоятельно.

Каждый контекст был размечен с точки зрения семантики формы перфекта («текущая релевантность», «продолженное прошедшее», «экспериенциал», «результатив», «инферентив»), а также конструкции («перфект с прогрессивом», сочетания с наречиями ‘когда-либо’ или ‘еще’, вопросительной полярностью).

Таким образом, всюду, где ниже идёт речь, например, об «экспериенциальных контекстах», имеются в виду не все вообще места в этих двух текстах, где можно усмотреть такую семантику независимо от средства выражения, но именно те места с такой семантикой, которые при этом еще и кодируются перфектом или в оригинале, или в переводах. Аналогичная методология выделения «перфектных ситуаций» использована и в [Кашкин 1991: 27].

2.1. Семантические группы

2.1.1. Экспериенциальность. Экспериенциальные контексты способствуют появлению перфекта во включенных в выборку языках Европы наилучшим образом. Из всех показательных контекстов «Алисы в стране чудес» (в этом тексте достаточно часто обсуждается предыдущий опыт как Алисы, так и других персонажей) именно экспериенциальность в 76% всего фонда контекстов во всех рассматриваемых языках кодируется перфектом (в «Винни-Пухе» — в 71%). Заметно более низкий и очень близкий для обоих текстов показатель, 59% (соответственно 60%), дают английские оригиналы. Выбору экспериенциального перфекта в английском тексте благоприятствуют дополнительные условия, а именно адвербиалы *often, many (times)* и *yet*. В то же время после наречия *ever* ‘когда-либо’ употребляется только претерит (эта последняя особенность английского перфекта, отличающая его, например, от наиболее близкого к нему из обсуждаемых языков шведского, отмечена и в [Dahl 2014: 282–283]), а после *never* ‘никогда’ лишь в 40% случаев встречается отрицательный перфект.

В текстах переводов «Алисы» процент перфекта в экспериенциальных контекстах не падает ниже 80%, кроме греческого

(63%) и португальского, где перфект (конструкция с вспомогательным глаголом *ter*) вообще крайне редко используется переводчиком (для экспериенциальных контекстов это всего 19% случаев). Отметим, что те же адвербиальные элементы (‘много раз’, ‘часто’, ‘ещё’), которые дополнительно способствовали выбору английского перфекта, способствуют и появлению португальского: в сочетании с ними перфект появляется уже втрое чаще, чем в среднем в экспериенциальных контекстах, — в 60% случаев. Греческий перфект, как и английский, заметно реже (только в половине случаев) встречается с отрицанием. Известно, что португальская и греческая конструкции представляют собой ограниченный по распределению пограничный случай (borderline) перфектной граммемы [Dahl 1985, 2014]. В. А. Плунгян [наст. сб.] относит греческий перфект к «слабым перфектам», исчезающим без дальнейшей семантической эволюции, хотя, вероятно, можно рассматривать эту форму как «специализированную» (в его же терминологии), а именно на экспериенциальном значении. Португальская форма преимущественно означает именно «дуративность или итеративность, охватывающую неопределенное количество событий» [Dahl 2014: 283–284, ср. Squartini 1998], таким образом, наблюдаемые статистические показатели не случайны.

В переводах «Пуха», где экспериенциальных контекстов не так много, картина в общем та же: формы перфекта в этих предикациях для романских, германских и славянских языков дают показатели выше 80%. Как уже отмечалось, греческий и португальский переводы данного текста нам остались недоступны, но их место относительно «слабого звена» в общей картине занимают дополнительно привлеченные балтийские языки: латышский (50%) и литовский (30%). При этом в других контекстах литовский перфект (включая сюда и форму перфекта конъюнктива типа *būčiau gyvavęs*, и перфекта в будущем типа *būsi palikęs*) переводчик Виргилюс Чепайтис употребляет даже еще реже. Отметим, что он, в отличие от остальных переводчиков, был лишён стимула просто механически копировать перфектную конструкцию при переводе: как известно, первая редакция перевода Чепайтиса делалась не с английского оригинала, а с польского текста Ирены Тувим, и едва ли даже последующая правка с учетом английского текста затрагивала выбор глагольных форм.

Приведем иллюстрацию выбора перфекта во всех исследованных переводах «Алисы» (включая даже португальский). Подобные предложения в [Кашкин 1991: 27] отнесены к воплощающим «межъязыковой инвариант» перфекта[2].

(1) EN: *«**I've** often **seen** a cat without a grin», thought Alice; «but a grin without a cat!»* [AW: VI]
NL: *«Ik **heb** vaak een kat zonder grijns **gezien**», dacht Alice, «maar een grijns zonder kat!»*
DE: *«Oho, ich **habe** oft eine Katze ohne Grinsen **gesehen**,» dachte Alice, «Aber ein Grinsen ohne Katze!»*
SV: *Katter utan flin **har** jag **sett** ofta, tänkte Alice, men flin utan katter!*
IT: ***ho veduto** spesso un gatto senza ghigno; — osservò Alice, — mai un ghigno senza Gatto.*
ES: ***He visto** muchísimas veces un gato sin sonrisa, ¡pero una sonrisa sin gato!*
PT: *«Eu **tenho visto** muitos gatos sem sorriso», pensou Alice, «Mas um sorriso sem um gato!»*
GR: ***Έχω δει** πολλές φορές γάτες χωρίς χαμόγελο, σκέφτηκε η Αλίκη, αλλά χαμόγελο χωρίς γάτα!*
MK: *«Често **сум виѓавала** мачка без исклештена уста», си мислеше Алиса; «но никогаш исклештена уста без мачка!»*
BG: *«Наистина, често **съм виждала** котка без усмивка — помисли Алиса, — но сега видях усмивка, без котка!»*
'**Видала** я котов без улыбки, но улыбки без кота! Такого я в жизни еще не встречала'[3]

---

[2] В материале Кашкина таких «инвариантных» предложений 10%. Поскольку мы используем, хотя и меньше контекстов, но вдвое больше языков, причем и таких (португальский, балканские, балтийские), в которых перфект употребителен существенно реже, чем в германских и романских (кроме португальского), в переводе «Алисы» таких предикаций только 6%, а в «Винни-Пухе», где экспериенциальных контекстов гораздо меньше и привлечен особенно бедный перфектами литовский перевод, их не встретилось вообще (и даже контекстов, где перфект выбирают все языки, кроме литовского, только 4%).

[3] Здесь и далее для «Алисы» и «Пуха» используются, кроме оговорённых случаев, русские переводы соответственно Н. Демуровой и Б. Заходера (последний в «полной» редакции 1990 г., не включенной в корпус ASPAC А. Барентсена).

Отклонения в экспериенциальных контекстах по сравнению с оригиналом нередко связаны с выбором переводчиком презенса (не простого прошедшего):

(2) EN: *«Well, perhaps you **haven't found** it so yet,» said Alice* [AW: V]
SV: *— Du kanske inte **tycker*** (PRAES) *det än, sade Alice —* букв. ‘еще так не считаешь’
‘— Вы с этим, верно, еще не **сталкивались**, — пояснила Алиса.’

(3) EN: *Why, I **haven't had** a wink of sleep these three weeks!* [AW: V]
IT: *Sono tre settimane che non **chiudo*** (PRAES) *occhio! —* букв. ‘не смыкаю глаз’
‘Вот уже три недели, как я глаз **не сомкнула** ни на минутку!’

Приведем пример возникновения перфекта в большинстве переводов (кроме шведского и латышского, где перевод вольный, причем выбрана одна и та же парафраза ‘ты (не) можешь себе вообразить’) на месте конструкции «*ever* + претерит» оригинала. В итальянском языке используется диктуемый такой конструкцией перфект конъюнктива:

(4) EN: *It had the biggest head you ever **saw**, Christopher Robin.* [WP: V]
NL: *De grootste kop die je ooit **gezien hebt**, Christoffer Robin.*
DE: *Es hatte den größten Kopf, den du je **gesehen hast**, Christopher Robin.*
SV: *Den hade det största huvud du kan tänka dig, Christoffer Robin*
IT: *Aveva la testa più grossa che tu **abbia** mai **visto**, Christopher Robin.*
ES: *Tiene la cabeza más grande que **has visto** en tu vida, Christopher Robin.*
LT: *su didžiausia makaule, kokią **esi** gyvenime **matęs**, Jonuk.*
LV: *Tu nevari iedomāties, kas viņam par galvu, Kristofer Robin!*
MK: *Имаше најголема глава што досега **сум видел**.*
BG: *Има най-голямата глава, която **си виждал** някога!*
‘У него (букв.: была) самая большая голова (из всех), какие ты только **видел**, Кристофер Робин[4]’

[4] У Заходера вольный перевод: «С вот такой головищей!».

2.1.2. Физический результат. Значение достигнутого физического результата (50% контекстов в переводах, 75% в оригинале «Алисы»; для «Пуха» соответственно 58% и 68%) существенно менее характерно для трёх балканских языков (не выше 40% контекстов), чем для романских и германских (ср. [Lindstedt 2000: 371] о соответствующем свойстве болгарского). При переводе это значение активно заменяется выражающим результативное значение пассивом, стативным презенсом, акциональным претеритом. В примерах (5) и (6) ниже испанская конструкция (формально — перфект в будущем, фактически уже форма ирреального наклонения) обусловлена модальным контекстом (‘куда бы могли подеваться’); ср. аналогичные итальянскую и литовскую формы при переводе конструкции *must have* в примере (18).

(5) EN: *And where* ***have*** *my shoulders* ***got*** *to?*[5] [AW: V]
ES: *¿Y dónde se* ***habrán marchado*** *mis hombros?*
GR: *Και πού να* ***πήγαν*** (AOR) *οι ώμοι μου;*
MK: *И каде ли ми* ***останаа*** (AOR) *раменските?*
‘И куда **девались** мои плечи?’

(6) EN: *I wonder if I'****ve changed*** *in the night?* [AW: II]
ES: *Me pregunto si* ***habré cambiado*** *durante la noche.*
GR: *Αναρωτιέμαι μήπως εγώ* ***άλλαξα*** (AOR) *μέσα στη νύχτα.*
‘Может, это я **изменилась** за ночь?’

(7) EN: *The flood-level* ***has reached*** *an unprecedented height* [WP: IX]
DE: *Der Pegelstand* ***issst*** (PRAES) *unverhältnisssmäßßßig hoch.*
‘Уровень паводка **достиг** небывалой высоты’

2.1.3. «Текущая релевантность», непосредственное предшествование. Контексты «текущей релевантности», нематериального прагматического «эхо-последствия» некоторого события (current relevance; см. об этом понятии, в частности, [Dahl, Hedin 2000]) и «непосредственного предшествования» кодируются перфектом в среднем примерно в половине случаев. Активно используемые в германских, итальянском и испанском (не

[5] Здесь и далее в примерах курсив оригинала.

случайно именно контексты типа «Вера твоя спасла тебя» на материале романских и германских языков отнесены в [Dahl 2014] к прототипическим), они нехарактерны для балканских языков (не более трети случаев, в греческом вообще 14%), где в таких случаях употреблен аорист либо имперфект. См. также ниже пример (24) на заменяющую перфект иммедиатную конструкцию *acabar de* в иберо-романских языках. Отметим, что в примере (10) в болгарском языке в одинаковых контекстах используется и перфект, и презенс (букв. ‘всякий побеждает’).

(8) EN: *I must go back and see after some executions I* ***have ordered*** [AW: IX]
MK: *Јас морам да се вратам за да видам што станало со неколкуте смртни пресуди што ги* ***изреков*** (AOR).
BG: *Аз трябва да се върна и да се погрижа за някои присъди, които* ***произнесох*** (AOR) *преди малко.*
‘А мне надо возвращаться, я там **приказала** кое-кого казнить, надо присмотреть, чтобы все было как следует’

(9) EN: *I'm afraid I****'ve offended*** *it again!* [AW: II]
GR: *Πολύ φοβάμαι, πως πάλι το* ***πρόσβαλα*** (AOR)
MK: *Се плашам дека пак те* ***навредив*** (AOR)!
BG: *Пак я* ***обидих*** (AOR)!
‘По-моему, я ее опять **обидела**!’

(10) EN: *But who* ***has won****? <…> Everybody* ***has won****.* [AW: III]
GR: *Μα ποιος* ***νίκησε*** (AOR); *<…>* ***Νίκησαν*** (AOR) *όλοι.*
MK: *Кој, кој* ***беше*** (IPF) *прв? <…> Никој не* ***беше*** (IPF) *прв.*
BG: *Кой* ***е спечелил****? <…> Всеки* ***печели*** (PRAES).
‘А кто же победил? <…> Победители все!’

(11) EN: *Oh, I****'ve had*** *such a curious dream!* [AW: XII]
NL: *O, ik* ***had*** (PRAET) *zo'n eigenaardige droom*
GR: *Αχ,* ***είδα*** (AOR) *ένα τόσο παράξενο όνειρο!*
BG: *О,* ***сънувах*** (AOR/IPF) *такъв чуден сън!*
‘Какой мне странный сон **приснился**!’

Особо следует рассмотреть контексты, где речь идёт о неудачной попытке (с глаголом *try*); в этих случаях релевантность ситуации для текущего момента стирается, и в большем количестве языков выбирается не перфект, а претерит:

(12) EN: *Well, I'**ve tried** to say* How Doth The Little Busy Bee*, but it all came different!* [AW:V]
SV: *Jo, jag **försökte*** (PRAET) *läsa upp* Bä bä vita lamm*, men det blev inte alls som det skulle vara, svarade Alice sorgset*
ES: *Bueno, **intenté*** (AOR) *recitar los versos de «Ved cómo la industriosa abeja...» pero todo me salió distinto*
GR: *Να, **προσπάθησα*** (AOR) *να πω το «Κοίτα την προκομμένη μελισσούλα», αλλά μού βγήκε τελείως διαφορετικό!*
MK: *Па, **почнав*** (AOR) *да ја кажувам* Еве ја малата пчела, *но на крајот излезе нешто сосема друго!*
BG: ***Опитах се*** (AOR) *да кажа «Как е лъснал малкият ни лекокрил...» наизуст, а то излезе съвсем друго!*
'Я **пробовала** прочитать «Как дорожит любым деньком...», а получилось что-то совсем другое'

Ср. сочетание неудачного опыта с экспериенциальностью:

(13) EN: *I'**ve tried** every way, but nothing seems to suit them.* [AW: V]
GR: ***Δοκίμασα*** (AOR) *τα πάντα, αλλά τίποτα δεν φαίνεται να τα ησυχάζει!*
MK: ***Се обидував*** (IPF) *на секаков начин и никако не можам да им побегнам!*
BG: ***Опитах*** (AOR) *всичко, но изглежда не може да им се угоди!*
'Я все **испробовала** — и все без толку.'

Отметим интересный контекст с глаголом 'начать' в зависимом предложении, в котором перфект пропадает не только в балканских, но и во всех включенных в корпус германских языках (причем в португальском, крайне редко использующем перфект, он как раз налицо):

(14) EN: *I'm glad they'**ve begun** asking riddles* [AW: VII]
PT: *Fico feliz que ele **tenha começado** a propor charadas*
DE: *Ich bin so froh, daß sie **anfangen*** (PRAET) *Räthsel aufzugeben*
NL: *Ik ben blij dat ze **begonnen*** (PRAET) *zijn raadsels op te geven*
SV: *Jag är glad att de **börjar*** (PRAET) *gissa gåtor*
GR: *Χαίρομαι που **άρχισαν*** (AOR) *να λένε αινίγματα*

MK: *Драго ми е што* ***почнаа*** (AOR) *да кажуваат гатанки*
BG: *Радвам се, че* ***почнаха*** (AOR) *да задават гатанки*
‘Я рада, что они **начали** загадывать загадки[6]’

Ещё один статистически значимый для некоторых языков параметр — вопросительность. Вопросительные предложения с семантикой текущей релевантности существенно реже кодируются перфектом, чем утвердительные, в английском языке (33% против 59% для «Алисы», 0% против 38% для «Пуха»), различие в ту же сторону (с такими же цифрами) есть и для наиболее близкого к английскому шведского перфекта, в то время как, например, в нидерландском, романских или балканских переводах никакой значимой корреляции перфекта с вопросительностью не усматривается.

2.1.4. «Расширенное настоящее» (континуатив). Перфект «расширенного настоящего» (extended present, см. [McCoard 1978]), охватывающего точку отсчёта, характерен для английского языка, но даже в других германских языках сохраняется не всегда (в примере ниже играет роль и то, что для немецкого языка перфект от глагола ‘быть’ типа *habe gewesen* вообще не характерен; о лексическом характере этого ограничения см. [Кашкин 1991: 72]). Иначе он выражается также в македонском и болгарском языках:

(15) EN: *«The atmospheric conditions* ***have been*** *very unfavourable lately», said Owl.* [WP: IX]
DE: *«Die atmosssphärischen Konditzzzionen* ***waren*** (PRAET) *in letzzzter Zzzeit sehr ungünssstig», sagte Eule.*
MK: *«Атмосферските услови во последно време не* ***се*** (PRAES) *благопријатни», рече Уткатa.*
BG: *— Атмосферните условия* ***са*** (PRAES) *много неблагоприятни напоследък — каза Бухала.*
‘Атмосферные условия в последнее время **были** несколько неблагоприятными, — сказала Сова’

Наиболее ярко это выражено в примере, где говорящий противопоставляет настоящее и перфект «расширенного настоя-

[6] У Демуровой вольный перевод: «Загадки — это гораздо веселее...».

щего» при помощи наречия *so far* ‘до сих пор’ (перевод презенсом, таким образом, невозможен):

(16) EN: *«Friends», he said, «including oddments, it* ***is*** *a great pleasure, or perhaps I had better say it* ***has been*** *a pleasure so far, to see you at my party».* [WP: X]
NL: *«Vrienden», zei hij, «vrienden en alles wat daarbij hoort, het* ***is*** *mij een groot genoegen, of misschien moet ik zeggen, tot nu toe* ***was*** (PRAET) *het een groot genoegen om jullie allen op mijn partijtje te zien».*
DE: *«Freunde», sagt er, «und sonstiges herumwuselndes Kroppzeug eingeschlossen, es* ***ist*** *ein großes Vergnügen oder vielleicht sollte ich eher sagen, Es* ***war*** (PRAET) *bisher ein großes Vergnügen euch auf meiner Party zu sehen».*
BG: *Приятели — каза той, — колкото и да ви е странно, аз* ***изпитвам*** *голямо удоволствие, или може би по-добре е да кажа, че* ***изпитвах*** (IPF) *голямо удоволствие досега, да ви видя на моя прием!*
‘Друзья, — начал он, — друзья мои… включая прочих! Для меня большая радость — во всяком случае, до настоящей минуты **было** большой радостью — видеть вас на моём Пиргорое’.

2.1.5. Оценка ситуации / инферентив. В примере (17) перфект со значением оценки ситуации («оказался») или вывода из наличной информации (инферентив; ср. «перфект умозаключения» в [Кашкин 1991: 41]) переводится на немецкий простым претеритом, на нидерландский — конструкцией без глагола («так глупо меня (можно) ввести в заблуждение»). Из германских языков только шведский, где разграничение перфекта и претерита четче, сохраняет форму. Романские языки и македонский сохраняют перфект, но в балтийских и болгарском выступают другие времена:

(17) EN: *«I* ***have been*** *Foolish and Deluded,» said he* [WP: III]
DE: *«Ich* ***war*** (PRAET) *ein verblendeter Narr», sagte er.*
NL: *«Stommerd om me zo op een dwaalspoor te laten brengen,» zei hij.*
SV: *— Jag* ***har varit*** *enfaldig och blivit lurad, sa han.*
ES: *«****He sido*** *Crédulo y Estúpido», dijo.*
IT: *«****Sono stato*** *Stupido e Ingenuo» disse.*

LT: — ***Buvau*** (PRAET) *žioplas Apsigavėlis, — pridūrė jis.*
LV: — *Es* ***biju*** (PRAET) *muļķis un piekrāpos, — viņš bēdājās.*
MK: *«Колку* ***сум бил*** *глупав и забудален» рече.*
BG: — *Аз* ***съм*** (PRAES) *Глупав и Измамен...*
‘— Я **был** Глуп и Сбит с толку, — сказал он’[7].

Дважды встретившаяся в «Алисе» инферентивная конструкция *must have done* ‘должно быть, сделал’ (*He must have imitated somebody else’s hand*) в большинстве наличных в корпусе контекстов сохраняет форму перфекта (только два отклонения в романских языках). В тексте «Винни-Пуха» эта конструкция встретилась один раз, и во всех девяти переводах перфект (финитный или инфинитивный) так или иначе сохранён (в итальянском и литовском используется основанная на перфекте форма предбудущего с эвиденциальным значением, ср. аналогичную испанскую форму в (5) и (6)):

(18) EN: *«You must* ***have left*** *it somewhere,» said Winnie-the-Pooh.* [WP: IV]
NL: *«Je* ***hebt*** *hem misschien ergens laten* ***liggen****,' zei Winnie-de-Poeh.*
DE: *«Du musst ihn irgendwo* ***gelassen haben****», sagte Winnie-der-Pu.*
SV: — *Du måste* ***ha glömt*** *den nånstans, sa Nalle Puh.*
IT*: «L’****avrai dimenticata*** *da qualche parte», suggerì Winnie Puh.*
ES: *Debes* ***haber****lo* ***dejado*** *en alguna parte, dijo Winny de Puh.*
LT: ***Būsi*** *ją kur nors* ***palikęs****, tarė Pūkuotukas.*
LV*: Tu varbūt* ***esi*** *to kaut kur* ***aizmirsis****? — ieminējās Vinnijs Pūks.*
MK: *«Мора да* ***си*** *ја* ***оставил*** *некаде», рече Вини Пу.*
BG: — ***Оставил си*** *я някъде — каза Пух.*
‘— Ты, наверно, его где-нибудь **позабыл**, — сказал Винни-Пух.’

В балканских и балтийских языках выбор в этой точке перфекта поддерживается эвиденциальным, в том числе инферентивным значением, которое перфект там развивает.

[7] У Заходера новизна информации подчеркнута: «Я даже не думал, что я такой глупый простофиля! – сказал Винни-Пух».

2.1.6. Перфект в плюсквамперфектном значении. Особое типологическое значение перфекта, известное в целом ряде языков — предшествование точке отсчёта в прошлом (то есть семантика, обычная для формы плюсквамперфекта). Такое употребление отмечено не только в языках, где плюсквамперфекта нет, например, в чукотско-камчатских (здесь формы перфекта развивают также характерные для плюсквамперфекта вторичные значения, такие, как интродуктивность, отступление от линии повествования [Волков и др. 2012: 437, Волков, Пупынина (наст.сб.)]), но и в языках, где отдельная форма плюсквамперфекта есть, например, древнерусском, итальянском, немецком или пермских (см. подробнее [Сичинава 2013: 97–102], [Кашкин 1991: 63–64]). В. Б. Кашкин отметил даже пример [там же: 65], где такой «эгоцентрический» перфект (в прямой речи) появился в переводе одного и того же русского предложения: *Я долго* ***была больна****; а когда выздоровела, Алексей Иванович… принудил отца Герасима выдать меня ему* (Пушкин, «Капитанская дочка») на все (!) исследованные им пять европейских языков, включая французский, испанский и английский.

К этому списку после исследования нашего корпуса добавляется и литовский язык, где В. Чепайтис использовал перфект в позиции плюсквамперфекта, стоящего в оригинале и большинстве переводов:

(19) EN: *Then suddenly he remembered a story which Christopher Robin* ***had told*** (PPF) *him about a man on a desert island who had written something in a bottle and thrown it in the sea* [WP: IX]
LT: *Ir tada jis staiga atsiminė, kad Jonukas* ***yra pasakojęs*** *apie vieną žmogų negyvenamoje saloje; tas žmogus parašė laiškelį, įdėjo jį į butelį ir įmetė į jūrą*
‘И вдруг он вспомнил историю, которую **рассказывал** ему Кристофер Робин, — историю про человека на необитаемом острове, который написал что-то на бумажке, положил ее в бутылку и бросил бутылку в море’.

В этом предложении действия человека на необитаемом острове, также выраженные плюсквамперфектом в оригинале, переданы претеритом. Напомним, переводчик изначально имел

перед глазами польский текст, где везде употребляются простые претериты (польский плюсквамперфект в XX в. редок и стилистически маркирован): *Wtem przypomniał sobie, co Krzyś* ***opowiadał*** *mu o pewnym człowieku na bezludnej wyspie i jak ten człowiek napisał karteczkę, włożył ją do butelki i butelkę wrzucił do morza.*

(20) EN: *And he began to wonder if all the other animals would know that it was a special Pooh Party, and if Christopher Robin had told them about The Floating Bear and the Brain of Pooh, and all the wonderful ships he* ***had invented*** *and* ***sailed*** (PPF) *on.* [WP: X]
LT: *Ir ėmė spėlioti, ar kiti žvėreliai sužinos, kad pokylis surengtas jo garbei, ir ar Jonukas pasakojo jiems apie «Plaukiojantį Meškiuką» ir «Pūkuotuko Protą», ir apie visus stebuklingus laivus, kuriuos Pūkuotukas* ***yra išradęs*** *ir kuriais* ***yra plaukiojęs.***
'И он стал раздумывать, будут ли Все-Все-Все знать, что это специальный торжественный Пиргорой в честь Пуха, и рассказал[8] ли Кристофер Робин Всем-Всем-Всем про «Плавучего Медведя» и про «Мудрость Пуха», и про все[9] те чудесные корабли, которые Пух **придумал** и **спустил** на воду'.

И здесь один из плюсквамперфектов, *had told*, передан претеритом, а два выделенных — перфектом (польский текст даёт претериты: *opowiedział*, *wynalazł*, *pływał*). Не лишено вероятности, что в примерах (19) и (20) выбор перфекта определяется экспериенциальным характером ситуации; в языках «среднеевропейского стандарта» плюсквамперфект нередко снимает различие между «перфектом в прошедшем» и «прошедшим в прошедшем» (см. [Salkie 1989, Squartini 1999, Сичинава 2013]), в то время как литовский язык позволяет подчеркнуть перфектный оттенок си-

[8] У Заходера ошибочно: «расскажет».

[9] У Заходера неточность: «— про те чудесные корабли…» (со знаком тире и без слова «все»), в то время как в оригинале, в литовском переводе и в польском тексте-посреднике речь идёт обо всех *других* кораблях, когда-либо снаряжавшихся Пухом в плавание, а не только об этих двух; для выбора перфекта это важно.

туации в плане предпрошедшего, не подчиняясь требованиям «согласования времен».

При этом плюсквамперфект (*buvo pasakojęs*) в переводе Чепайтиса тоже используется — но в основном не в таксисном значении, а в значении результата, достигнутого в плане прошлого (см. о литовском плюсквамперфекте [Вимер 2008: 169–170], [Сичинава 2013: 27–28]).

2.2. Перфект в составе отдельных конструкций

2.2.1. Прогрессив. Английская конструкция перфекта прогрессива имеет соответствие только в испанском (ср. [Кашкин 1991: 53]). В приводимом ниже предложении при переводе во всех языках утрачивается прогрессив, а в итальянском и на Балканах — также и перфект, заменяясь имперфектом:

(21) EN: *What* ***have you been doing*** *here?* [AW: VIII]
ES: *¡Qué diablos* ***habéis estado haciendo*** *aquí?*
IT: *Che* ***facevate*** (IPF) *qui?*
GR: *Τι* ***πηγαίνατε*** (IPF) *να κάνετε εδώ πέρα;*
MK: *Што* ***правевте*** (IPF) *тука досега?*
BG: *Какво* ***правехте*** (IPF) *тука?*
‘А что это вы тут **делали**?’

Ср. пример с непосредственным предшествованием и его отражение в балканских языках, выбирающих в данном контексте аорист:

(22) EN: *And she told her sister, as well as she could remember them, all these strange Adventures of hers that you* ***have just been reading*** *about* [AW: XII]
ES: *Y le contó a su hermana, tan bien como sus recuerdos lo permitían, todas las sorprendentes aventuras que* ***hemos estado leyendo****.*
MK: *и раскажа на сестра си, колку што можеше да се сети, за сите чудни Авантури за ко тукушто* ***прочитавте*** (AOR) *и сами*
BG: *И тя разправи на сестра си, доколкото си спомняше, всички тия чудни свои приключения, за които* ***четохте*** (AOR) *досега*
‘и рассказала сестре все, что запомнила о своих удивительных приключениях, про которые ты только что **читал**’

2.2.2. Пассив. В ряде случаев (с разной семантикой перфектной конструкции) отсутствие перфекта в переводе связано с затруднениями при образовании перфекта пассива (что потребовало бы двух вспомогательных глаголов); таким образом, эта конструкция также выступает как характерная черта английского языка, ср. (23). О лексическом ограничении на перфект от глагола ‘быть’ в немецком см. 2.1.4; по-видимому, налицо такое ограничение и в нидерландском. В примере (24) в иберо-романских языках для передачи иммедиатного значения характерно использование конструкции *acabar de* ‘только что’ (о ней в параллельном корпусе см., напр., [Кашкин 1991: 106–110]).

(23) EN: *but I* ***haven't been invited*** *yet* [AW: VI]
NL: *Maar ik* ***ben*** (PRAES) *nog niet uitgenodigd.*
BG: *но не* ***съм*** (PRAES) *поканена.*
‘Но меня еще не **пригласили**’

(24) EN: *this paper* ***has*** *just* ***been picked up*** [AW: XII]
DE: *dieses Papier* ***ist*** (PRAES) *soeben gefunden worden.*
NL: *Dit stuk* ***is*** (PRAES) *net gevonden.*
PT: *Esse papel* ***acabou de ser*** *descoberto.*
ES: ***Acaba de encontrarse*** *este papel.*
GR: *αυτό το χαρτί* ***έπεσε*** (AOR) *τώρα μόλις στα χέρια μας.*
MK: *токму што* ***пристигна*** (AOR) *овој лист хартија.*
‘Только что **был** найден один документ’

2.3. Группировка языков: NeighbourNet

При работе с программой NeighbourNet строится матрица, строки которой соответствуют языкам, а столбцы — предикациям текста; единица означает, что в этой точке встретился перфект, ноль — что употреблено другое средство выражения (ср. [von Waldenfels 2014]). На базе этой матрицы программа порождает граф расстояний между рядами данных, которые могут быть представлены также в виде таблицы; ср. таблицу 1 и 2 ниже, а также соответствующие им графы 1 и 2.

Сеть расстояний, которая отражает использование форм перфекта в переводах «Алисы в стране чудес», прежде всего «группирует» языки в объединения, примерно изоморфные гене-

тическим и ареальным (итальянский + испанский, английский + шведский, нидерландский + немецкий, македонский + болгарский). При этом перфект в шведском ближе к английскому, а в двух других германских языках — скорее к романским. Кроме того, рядом оказываются греческий и португальский языки, в которых перфект сохраняется прежде всего в контексте экспериенциального значения.

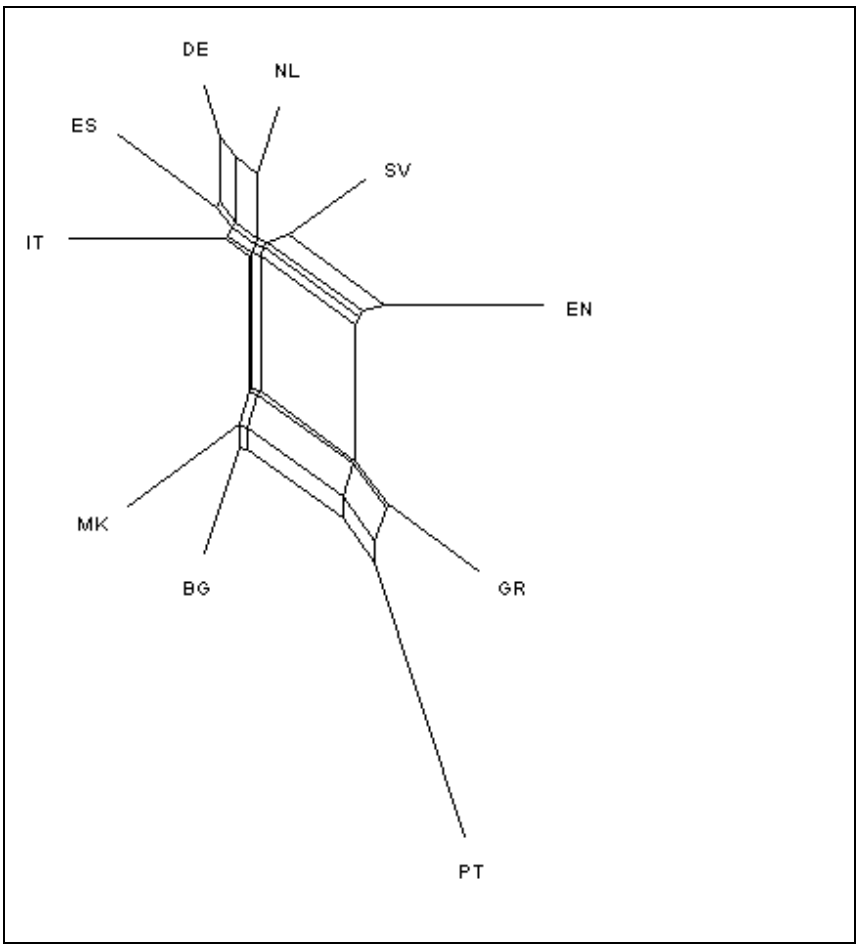


Рис. 1. NeighbourNet для перфекта в «Алисе в стране чудес»

Таблица 1. Расстояния между языками по выбору перфекта в переводе «Алисы в стране чудес»

	NL	DE	SV	IT	ES	PT	GR	MK	BG
EN	0,38	0,38	0,31	0,41	0,41	0,54	0,49	0,54	0,53
NL		0,15	0,25	0,29	0,26	0,72	0,49	0,37	0,29
DE			0,22	0,26	0,21	0,78	0,54	0,40	0,38
SV				0,28	0,25	0,68	0,44	0,38	0,37
IT					0,26	0,66	0,51	0,46	0,41
ES						0,72	0,43	0,43	0,47
PT							0,38	0,50	0,49
GR								0,35	0,43
MK									0,25

Аналогичные данные по переводам «Винни-Пуха» (где, напомним, во включенном в корпус материале отсутствовали португальский и греческий, но присутствовали два балтийских) показывают явную типологическую близость малоупотребительного в этом переводе литовского перфекта не к германским языкам с активно употребляющимся перфектом, а к балканским (самый близкий к литовскому языку — македонский), в то время как латышский перфект занимает скорее промежуточную позицию между литовским и близкими друг к другу английским и шведским, см. рис. 2. на следующей странице.

Таблица 2. Расстояния между языками по выбору перфекта в переводе «Винни-Пуха»

	NL	DE	SV	IT	ES	LT	LV	MK	BG
EN	0,43	0,51	0,18	0,39	0,44	0,57	0,32	0,49	0,44
NL		0,28	0,33	0,35	0,43	0,58	0,50	0,47	0,40
DE			0,50	0,24	0,35	0,75	0,69	0,58	0,60
SV				0,40	0,43	0,53	0,39	0,44	0,40
IT					0,22	0,79	0,60	0,60	0,58
ES						0,82	0,60	0,63	0,58
LT							0,36	0,25	0,32
LV								0,28	0,26
MK									0,15

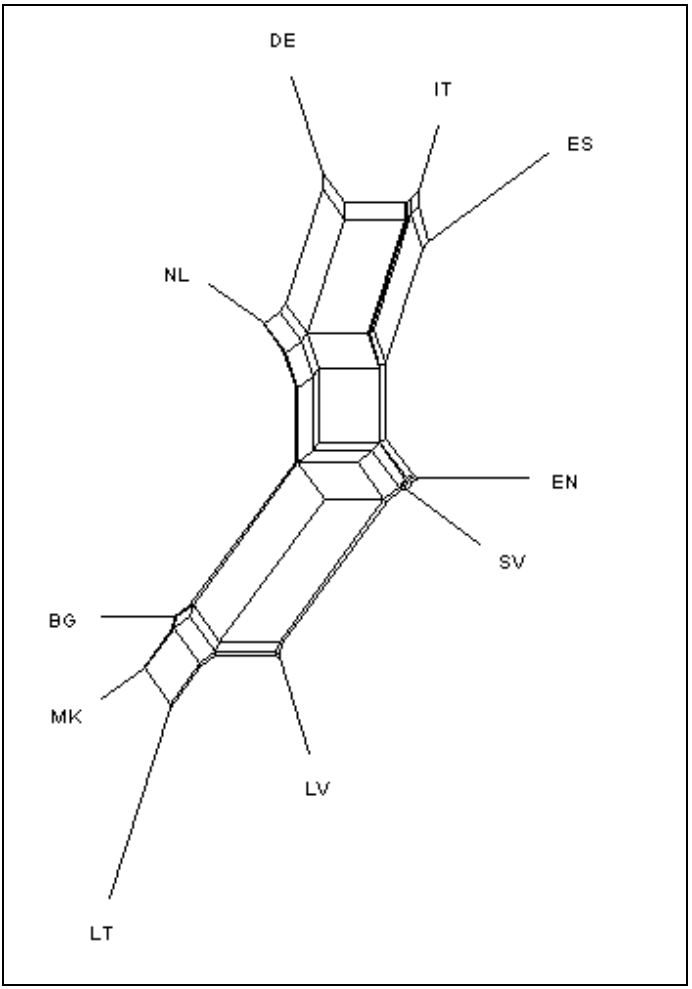


Рис. 2. NeighbourNet для перфекта в «Винни-Пухе»

Таким образом, данная методика помогает выявить сходства и различия в распределении перфекта между ареально и генетически близкими языками, а также обратить внимание на некоторые типологические схождения (схоже ведущая себя группа «слабого» или «специализированного» перфекта, объединяющая балканские, португальский и балтийские языки). Представляют интерес также абсолютные значения расстояний: так, порту-

гальский и литовский на этой карте располагаются максимально изолированно ото всех остальных, в то время как балканские и некоторые пары германских языков демонстрируют сильную близость. Отметим также заметные различия показателей для разных текстов: в преимущественно «нарративном» «Пухе» и преимущественно «экспериенциальной» «Алисе» теснота связи между английским и шведским или нидерландским и немецким заметно разная. Очевидно, в дальнейшем подсчёты должны делаться на большом корпусе текстов разного типа.

3. Англо-русский параллельный корпус: русские модели перевода перфекта

Во входящем в состав НКРЯ англо-русском параллельном корпусе (16 млн словоупотреблений, в основном переводы на русский язык английских художественных текстов) в большинстве случаев английский перфект передаётся русским прошедшим временем (обоих видов) без каких-либо дополнительных лексических средств. Перфекту с обстоятельством ограниченного периода времени в русском соответствует глагол СВ длительно-ограничительного способа действия (пердуратив) с приставкой *про-*[10]:

(25) *«Vicky», he said carefully. «I* ***have driven*** *fifteen hundred miles on turnpikes since we left Boston».*

[Stephen King. Children of the Corn (1977)]

‘— Вики, я **проехал** (//?ехал) по шоссе пятнадцать тысяч миль <…>’.

[Стивен Кинг. Дети кукурузы / Пер. не указан].

Обращает на себя внимание использование несовершенного вида прошедшего времени (выражающего одновременность ситуации) для передачи значения «результатив-в-прошедшем» (в составе инфинитива); СВ *осталось* в этом контексте менее вероятен. При этом фраза перестроена: вместо ‘что я оставила’ — *что у меня оставалось*. Если бы агентивная конструкция оригинала

[10] Ср. также статью [Федотов, Чуйкова (наст.сб.)] об использовании другого перфективного способа действия – делимитатива – как аналога перфекта.

была сохранена (*что я оставила достаточно времени*), то здесь как раз невозможен был бы НСВ (**что я оставляла…*).

(26) *I strolled for a bit, happy to **have left** enough time to get as lost as I was, and finally ducked into a deli for a cup of coffee.*
[Lauren Weisberger. The Devil Wears Prada (2003)]
'Я немного поблуждала, радуясь, что у меня еще **оставалось** на это время, и наконец толкнулась в закусочную, чтобы выпить чашку кофе'.
[Лорен Вайсбергер. Дьявол носит Прада / М. Маяков, Т. Шабаева].

Несовершенный вид выступает в случае, когда перфект сочетается с итеративным значением (фактически эта функция близка к таксисной):

(27) *Sometimes I try to call up old girl friends on the telephone late at night, after my wife **has gone** to bed.* [Kurt Vonnegut. Slaughterhouse-Five Or The Children's Crusade (1969)]
'Иногда поздно ночью, когда жена **уходит** спать, я пытаюсь позвонить по телефону старым своим приятельницам'
[Курт Воннегут. Бойня номер пять, или Крестовый поход детей / Р. Райт-Ковалёва]

Перфекту со значением «расширенного настоящего» (актуальной ситуации, охватывающей момент речи) в русском отвечает презенс:

(28) *And now for four or five lifetimes of men the Godkings **have ruled** all the four lands together, and made them an empire.*
[Ursula Le Guin. The Tombs of Atuan (1971)]
'И вот уже четыре или пять поколений Божественный Король **правит** всеми Четырьмя Странами, объединенными в Империю'
[Урсула Ле Гуин. Гробницы Атуана / Пер. не указан]

Перфект прогрессива передаётся несовершенным видом (настоящего либо прошедшего времени) в актуально-длительном значении. Отмечено такое лексическое средство для передачи охватывающего точку отсчёта перфекта прогрессива, как глаголы

типа *начать, решить,* указывающие на актуальность для текущего момента начального предела ситуации:

(29) *Perhaps people* ***have been celebrating*** *Bonfire Night early — it's not until next week, folks!*
[Joanne Kathleen Rowling. Harry Potter and the Sorcerer's Stone (1997)]
‘Кажется, народ уже **начал праздновать** день Порохового Заговора — рановато, господа, он будет только на следующей неделе!’
[Дж. К. Роулинг. Гарри Поттер и Волшебный камень / М. Спивак].

(30) *Well, it's a new thing the boss* ***has been trying****.*
[Stephen King. The Lawnmower Man (1975)]
— Это новая методика, которую **решил испробовать** наш босс. [Стивен Кинг. Газонокосильщик / Пер. не указан]

Перфект пассива в результативном значении передаётся стандартно выражающим «результатив-в-настоящем» русским презенсом пассива (ср. Князев 1983):

(31) *The golden rule of the crime scene, people, is don't touch anything until it* ***has been studied, photographed and charted.***
[Michael Connelly. City Of Bones (2002)]
‘Ребята, золотое правило осмотра места преступления заключается в том, что нельзя притрагиваться к находке, пока она **не осмотрена, не сфотографирована и не отмечена на плане’**
[Майкл Коннели. Город костей / Д. Вознякевич].

Ср. не вполне обычно звучащий перевод системного сообщения: *Установка Windows* ***была успешно завершена*** в соответствии с *has been (*was) successfully completed*. Действительно, по-русски претерит пассива употребляется скорее в антирезультативных контекстах или по крайней мере в нарративе, чем в контексте «свежих новостей» (hot news) и достигнутого в настоящем результата (ср., впрочем, поэтическое: *Москва, спалённая пожаром, французу отдана*).

Отметим употребление презенса для передачи перфекта при глаголе (пересказываемой) речи. Такая сочетаемость в кон-

текстах пересказа текста характерна для русского языка (*говорят, что…, ты пишешь, что…,* сюда же, вероятно, «вневременной презенс» типа *Аристотель делит формы государства на правильные и неправильные*). При этом перфект прогрессива (описывающий предшествующие моменту сообщения события) передан русским претеритом НСВ:

(32) *And finally, bird-watchers everywhere* ***have reported*** *that the nation's owls* ***have been behaving*** *very unusually today.*
[Joanne Kathleen Rowling. Harry Potter and the Sorcerer's Stone (1997)]
'И в завершение нашего выпуска, орнитологи страны **сообщают**, что сегодня повсеместно **наблюдалось** крайне странное поведение сов'.
[Дж. К. Роулинг. Гарри Поттер и Волшебный камень / М. Спивак]

Ср. аналогичную корреляцию презенса и перфекта в переводе с русского на английский:

(33) *Ведь целый ряд очень видных ученых* ***полагает****, что находки в зонах посещения способны изменить весь ход нашей истории.*
[А. Н. Стругацкий, Б. Н. Стругацкий. Пикник на обочине (1971)]
'After all, many very important scientists **have proposed** that the discoveries made in the Visitation Zones are capable of changing the entire course of our history'
[Arkady Strugatsky, Boris Strugatsky. Roadside Picnic / Antonina W. Bouis]

Перфекту в экспериенциальном значении соответствует несовершенный вид в общефактическом значении:

(34) *Until recently antimatter* ***has been created*** *only in very small amounts (a few atoms at a time).*
[Dan Brown. Angels and Demons (2000)]
'До недавнего времени антивещество **получали** лишь в мизерных количествах (несколько атомов за один раз)'
[Дэн Браун. Ангелы и демоны / Г. Косов]

(35) *“God damn it; who the hell* ***has been tampering*** *with this?”*
[Isaac Asimov. The Gods Themselves (1972)]
‘— Черт подери! Какой сукин сын **трогал** эту колбу?’
[Айзек Азимов. Сами боги / Н. Рыбакова]

4. Некоторые выводы и перспективы

Контекст, в котором большинство языков с перфектом выбирают эту форму — эксперенциальное значение, которое, таким образом, можно признать «ядром» европейского перфекта, или, вернее, зоной пересечения более активных и более «слабых» перфектных граммем, находящихся на разной стадии развития. Отметим, что «центральным и прототипическим значением перфекта» в типологии признаётся «текущая релевантность ситуации в прошлом» [Lindstedt 2000: 378]. При этом Линдстедт специально обсуждает случаи, когда семантика граммемы перфекта сдвинута в сторону «неопределенного прошедшего», то есть экспериенциальности (например, в американском английском или болгарском): «поскольку текущая релевантность и экспериенциальность логически не исключают друг друга, и часто в одном и том же высказывании содержатся элементы обоих значений, я склонен сохранить для таких случаев название перфекта» [ibid.: 378]. Отметим тот важный факт, что в нашем материале употребление перфекта для передачи экспериенциальности в оригиналах, написанных на британском английском, заметно ниже, чем в среднем в остальных языках; эта зона еще не стала не только доминирующей, но даже и просто диктующей выбор перфекта сама по себе.

Значения, нередко утрачиваемые при переводе с английского, особенно в языках с маргинально употребительным перфектом (балканские, балтийские, португальский) — это «расширенное настоящее» (в значительной степени специфика английского), результативность (особенно в сочетании с пассивом), «текущая релевантность» и непосредственное предшествование.

Корпусное сопоставление помогает выявить компоненты грамматического значения, важные при передаче смысла текста на другом языке и передаваемые лексически. Например, для «расширенного настоящего» при переводе на русский язык оказывается важной идея начальной точки отсчёта ситуации (среди

моделей перевода появляются глаголы инициирования ситуации типа *начать, решить*).

Изучение граммем на корпусном материале можно развивать в разных направлениях. Потребность в привлечении большего объёма параллельных текстов для повышения надёжности результатов и выявления редких контекстов не нуждается в специальном обосновании: например, В. Б. Кашкин в своем корпусе выделил целый ряд контекстов и соотношений, которые в нашем материале просто не встретились. Перспективно также исследование поливариантных параллельных корпусов, куда включено несколько переводов на один и тот же язык (ср. [Loiseau et al. 2013] и выстроенную на материале поливариантного параллельного русско-французского корпуса базу данных грамматических категорий: http://a179.ipi.ac.ru/corpora_dynasty/main.aspx). К сожалению, лишь для ограниченного круга текстов подобные корпуса в принципе можно построить — в этом смысле использованная Э. Далем Библия представляет собой идеальный пример культурно значимого текста, переводившегося на многие языки неоднократно. Ещё один способ учесть внутриязыковую вариативность при работе с параллельным корпусом — обращение к носителям языков с целью выяснить, могут ли в тех или иных контекстах употребляться наряду с исследуемой также и другие формы, и учёт таких «точек колебания» при статистическом исследовании. Таким образом объединилась бы методика многоязычных переводных анкет в духе работы [Dahl 1985] (ср. использование «перфектного вопросника» в [Dahl (ed.) 2000]) и «классический» метод работы с параллельными корпусами.

Литература

Барентсен 2014 — А. А. Барентсен. К сопоставительному изучению плюсквамперфекта в современных славянских языках // Международная конференция «Научное наследие и развитие идей Юрия Сергеевича Маслова». Тезисы. СПб.: СПбГУ, 2014. С. 22—26.

Волков и др. 2012 —О. С. Волков, М. А. Даниэль, М. Ю. Пупынина, Д. А. Рыжова. К характеристике аспектуальной системы чукотско-камчатских языков // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований, Т. VIII, Ч. 2: В. А. Плунгян (ред.) Исследования по теории грамматики. Выпуск 6: Типология аспектуальных систем и категорий. СПб.: Наука, 2012. С. 396–457.

Волков, Пупынина, наст. сб. — О. С. Волков, М. Ю. Пупынина. Категория перфекта в чукотско-камчатских языках // Настоящий сборник.

Кашкин 1991 — В. Б. Кашкин. Функциональная типология перфекта. Воронеж: ВГУ, 1991.

Майсак 2013 — Т. А. Майсак. Удинский перфект: анализ употреблений в параллельном корпусе // Семантика языковых единиц разных уровней. Вып.15. Махачкала, 2013. С. 97–110.

Майсак 2014 — Т. А. Майсак. Удинский перфект в параллельном корпусе (на материале перевода Евангелия от Луки) // Структурная и прикладная лингвистика, вып. 10, 2014. С. 119–142.

Маслов 1983 — Ю. С. Маслов. Результатив, перфект и глагольный вид // В. П. Недялков (ред.). Типология результативных конструкций: результатив, пассив, статив, перфект. Л.: Наука, 1983. С. 41—53.

Плунгян, наст. сб. — В. А. Плунгян. К типологии перфекта в языках мира: предисловие. // Настоящий сборник.

Сичинава 2012 — Д. В. Сичинава. Русская конструкция с было и белорусский плюсквамперфект: сопоставительный анализ на материале белорусско-русского и русско-белорусского параллельных корпусов // Компьютерная лингвистика: научное направление и учебная дисциплина. Выпуск 2, Гомель: ГГУ им. Франциска Скорины, 2012. С. 95–104.

Сичинава 2013 — Д. В. Сичинава. Типология плюсквамперфекта. Славянский плюсквамперфект. М.: Аст-Пресс, 2013

Федотов, Чуйкова, наст. сб. — М. Л. Федотов, О. Ю. Чуйкова. Русские делимитативные предикаты и семантика перфекта // Настоящий сборник.

Cysouw, Wälchli 2007 — M. Cysouw, B. Wälchli (eds.). Parallel Texts. Using Translational Equivalents in Linguistic Typology. Theme issue in Sprachtypologie & Universalienforschung STUF 60.2, 2007.

Dahl 1985 — Ö. Dahl. Tense and aspect systems. Oxford: Blackwell, 1985.

Dahl 2000 — Ö. Dahl (ed.), Tense and Aspect in the Languages of Europe. Berlin, New York: de Gruyter, 2000.

Dahl, Hedin 2000 — Ö. Dahl, E. Hedin. Current relevance and event reference // Dahl (ed.) 2000. P. 385–402.

Dahl 2014 — Ö. Dahl. The perfect map: Investigating the cross-linguistic distribution of TAME categories in a parallel corpus // Szmrecsanyi, Benedikt & Walchli, Bernhard. (eds.) Aggregating Dialectology, Typology, and Register Analysis. Linguistic Variation in Text and Speech. Linguae & litterae 28. Berlin: Walter de Gruyter, 2014. P. 268–289.

Huson, Bryant 2006 — D. H. Huson, D. Bryant. Application of phylogenetic networks in evolutionary studies. Molecular Biology and Evolution 23(2), 2006. P. 254–267.

Lindstedt 2000 — J. Lindstedt The perfect — aspectual, temporal and evidential // Dahl (ed.) 2000. P. 365–384.

Loiseau et al. 2013 — S. Loiseau, D. V. Sitchinava, A. A. Zalizniak, I. M. Zatsman. Information technologies for creating the database of equivalent verbal forms in the Russian–French multivariant parallel corpus // Информатика и её применения, 7:2, 2013. P. 100–109.

McCoard 1978 — R. W. McCoard. The English Perfect: Tense-Choice and Pragmatic Inferences. Amsterdam: North-Holland, 1978.

McCawley 1981 — J. D. McCawley. Notes on the English perfect // Australian journal of linguistics 1, 1981. P. 81–90.

Salkie 1989 — R. Salkie. Perfect and Pluperfect: What is the Relationship? // Journal of Linguistics 25, 1, 1989. P. 1–34.

Santos 1999 — D. Santos .1999. The Pluperfect in English and Portuguese: What Translations Patterns Show // H. Hasselgard, S. Oksefjell (eds.). Out of Corpora: Studies in Honour of Stig Johansson. Amsterdam-Atlanta: Rodopi. P. 283–299.

Squartini 1998 — M. Squartini. Verbal Periphrases in Romance: Aspect, Actionality and Grammaticalization. Berlin: Mouton de Gruyter, 1998.

Squartini 1999 — M. Squartini. On the semantics of pluperfect: evidences from Germanic and Romance // Linguistic Typology 3, 1999. P. 51–89.

von Waldenfels 2014 — R. von Waldenfels. Explorations into variation across Slavic: Taking a bottom-up approach // B. Szmrecsanyi, B. Walchli. (eds.) Aggregating Dialectology, Typology, and Register Analysis. Linguistic Variation in Text and Speech. Linguae & litterae 28. Berlin: Walter de Gruyter, 2014. P. 290–323.

П. М. Аркадьев

Институт славяноведения РАН — РГГУ — МПГУ, Москва

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПЕРФЕКТА И ОТРИЦАНИЯ В ЛИТОВСКОМ ЯЗЫКЕ: АРЕАЛЬНАЯ И ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА[1]

1. Введение

Данная статья посвящена одному частному и до сих пор не исследованному аспекту употребления аналитического перфекта в литовском языке — его взаимодействию с отрицанием. Нетривиальность этого явления состоит в том, что одному утвердительному предложению с перфектом, как в примере (1a), в литовском может соответствовать два отрицательных предложения, различающихся позицией отрицания: на вспомогательном глаголе, как в (1b), и на причастии смыслового глагола, как в (1c).

(1a) *Aš* ***es-u*** ***skait-ęs***
я:NOM AUX-PRS.1SG читать-PST.PA.NOM.SG.M
ši-ą *knyg-ą*.
этот-ACC.SG.F книга-ACC.SG
‘Я читал эту книгу.’

---

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, гранты № 12-34-01345 и 14-04-00580. Разные стадии исследования и их результаты были отражены в выступлениях на Круглом столе памяти Т. Н. Молошной (Институт славяноведения РАН, Москва, декабрь 2012 г.), на Рабочем совещании по типологии перфекта (Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, апрель 2013 г.), на семинаре Филологического факультета Вильнюсского университета (май 2013 г.), на 46-м Конгрессе Европейского лингвистического общества (Сплит, сентябрь 2013 г.) и на конференции по типологии перфекта в Тронхейме (ноябрь 2015 г.). Я благодарю всех слушателей указанных докладов, в первую очередь П. М. Бертинетто, Р. Микулскаса, Р. фон Вальденфельса, А. Хольфута и А. Б. Шлуинского, а также С. Иатриду, М. М. Макарцева и Б. Х. Парти за обсуждение и критику, Р. Микулскаса и Т. А. Майсака за замечания к первоначальному варианту текста, а кроме того ряд коллег, откликнувшихся на мой запрос в рассылку lingtyp. Ответственность за любые ошибки и неточности интерпретации всецело лежит на авторе.

(1b) *Aš* ***<u>ne</u>s-u*** ***skait-ęs***
я:NOM NEG.AUX-PRS.1SG читать-PST.PA.NOM.SG.M
ši-os *knyg-os.*
этот-GEN.SG.F книга-GEN.SG

(1c) *Aš* ***es-u*** ***<u>ne</u>-skait-ęs***
я:NOM AUX-PRS.1SG NEG-читать-PST.PA.NOM.SG.M
ši-os *knyg-os.*
этот-GEN.SG.F книга-GEN.SG
b = c ‘Я не читал этой книги.’

В фокусе внимания данной статьи будут в первую очередь находиться примеры типа (1c) и их семантические отличия от примеров типа (1b). В частности, будет показано, что формальное противопоставление двух вариантов отрицательного перфекта иконически отражает смысловое различие, в общем сводящееся к взаимной сфере действия перфекта и отрицания. Материалом исследования будут в первую очередь примеры из естественных текстов, представленных в корпусе современного литовского языка (LKT) и в интернете; в отдельных случаях будут привлекаться также примеры, сконструированные автором и проверенные с носителями языка.

Поскольку взаимодействие перфекта и отрицания, по крайней мере с точки зрения сферы действия, насколько мне известно, не было до сих пор предметом теоретического и типологического изучения, в настоящей статье, помимо обсуждения весьма показательного литовского материала, будет предложена теоретическая модель такого взаимодействия и рассмотрены различные типы её реализации, представленные в ряде языков балто-славянского, западноевропейского и других языковых ареалов.

В § 2 будет кратко рассмотрена история вопроса и предложена общая модель семантического взаимодействия перфекта и отрицания, а в § 3 кратко охарактеризована сама перфектная конструкция литовского языка. Центральным в статье является § 4, в котором будет подробно описано взаимодействие перфекта и отрицания в литовском языке. В § 5 будет рассмотрен материал идиомов, близких к литовскому, — латышского языка и славянских диалектов балто-славянского пограничья, а в § 6 будут приведены некоторые более далёкие параллели.

2. Видо-временные категории и отрицание: модель взаимодействия

Вопросам взаимодействия видо-временных категорий с отрицанием в лингвистической литературе уделялось не так много внимания (в отличие от взаимодействия отрицания с модальностью, по которому существует обширная литература; см., например, [de Haan 1997]). В немногочисленных типологических работах, например, [Miestamo 2005: Ch. 3; Miestamo, van der Auwera 2011], изучались по преимуществу случаи нейтрализации тех или иных противопоставлений в контексте отрицания. В исследованиях по видо-временным категориям отрицание, как правило, рассматривается в качестве малозначительного «побочного сюжета»; показательно, что в новейшей энциклопедии по виду и времени [Binnick (ed.) 2012] на более чем тысяче страниц текста отрицание специально рассматривается лишь в небольшом разделе в статье [de Swart 2012: 773–776], где, впрочем, делается ряд интересных наблюдений, релевантных для нашего дальнейшего обсуждения. Исследования о взаимодействии отрицания с видо-временными категориями в отдельных языках и группах языков, разумеется, существуют, однако эта проблематика явно находится на далёкой периферии темпорально-аспектологических исследований. Между тем, как я полагаю и как надеюсь показать в этой статье, изучение взаимодействия отрицания с отдельными темпоральными и аспектуальными значениями может дать ряд нетривиальных результатов как для описания конкретных языков, так и для теоретических и типологических исследований.

Наиболее общая модель взаимодействия (сентенциального) отрицания (NEG) с какими-либо ещё грамматическими операторами (OP) в конкретном языке должна отвечать на следующие вопросы:

1) Как соотносятся между собой семантические сферы действия NEG и OP? Какие из теоретически возможных соотношений сфер действия (NEG > OP, OP > NEG) допускаются?

2) Как взаимодействие NEG и OP проявляется на морфосинтаксическом уровне? В частности, если взаимная сфера действия NEG и OP не фиксирована, то отражается ли семантическое различие в формальном кодировании?

В дальнейшем сфера действия NEG > OP будет называться «верхней интерпретацией» отрицания, а сфера действия OP > NEG — «нижней интерпретацией».

Применительно к видо-временным категориям обсуждение этих вопросов осложняется тем, что в ряде случаев неясно, как на независимых основаниях определить взаимную сферу действия отрицания и того или иного темпорального или аспектуального значения, поскольку далеко не всегда потенциальное различие в сфере действия даёт семантически различные интерпретации. Так, любая взаимная сфера действия отрицания и прошедшего времени будет, как кажется, давать одинаковые значения (по крайней мере, с точки зрения условий истинности):

(2a) PAST > NEG. на отрезке времени до момента речи [не имеет места P]

(2b) NEG > PAST: неверно, что [на отрезке времени до момента речи имеет место P]

В случае некоторых аспектуальных значений семантически допустимой может оказаться лишь одна из теоретически возможных взаимных сфер действия отрицания и аспектуального оператора; так, по-видимому, комплетивный аспект допускает лишь верхнюю интерпретацию отрицания, поскольку отрицание предельного процесса само по себе уже не является предельным процессом и, следовательно, комплетивный оператор к нему неприменим (*не написал письмо* значит ‘неверно, что писание письма доведено до конца’, а не ‘доведено до конца не-писание письма’); ср. также замечания о взаимодействии отрицания и количественного аспекта в работе [Шлуинский 2005: 177–180]. Однако для других аспектуальных операторов это уже неверно; например, (де)лимитативное значение, применимое к ситуациям, имеющим длительность и необязательно имеющим предел, может в принципе взаимодействовать с отрицанием двояко. Так, в работе [Федотов, Чуйкова 2013: 193, 195] показано, что русский делимитативный префикс *по-* может как сам находиться в сфере действия отрицания, ср. пример (3a), так и — без изменения морфологической структуры — принимать отрицание в свою сферу действия, как в примере (3b).

РУССКИЙ

(3a) *Интернет* ***<u>не</u> поработал*** *нормально и дня...* [NEG неверно, что [DELIM в течение ограниченного времени [работал]]] [Федотов, Чуйкова 2013: 193]

(3b). *Если* ***<u>не</u> покурить*** *пару дней подряд...* [DELIM в течение ограниченного времени [NEG не [курить]]] [там же]

Примеры (3a,b) иллюстрируют, по-видимому, довольно распространённую в языках мира ситуацию, когда различие во взаимной сфере действия отрицания и другого оператора никак не отражается в морфосинтаксисе (например, в порядке показателей) и правильная интерпретация может быть понята лишь из более широкого контекста. Интересно, что существуют и обратные случаи, когда противоположные порядки показателей отрицания и видо-временного оператора имеют одинаковую интерпретацию — или, по крайней мере, интерпретации, различия между которыми трудно свести к взаимной сфере действия. Ср., например, следующие примеры из НКРЯ, иллюстрирующие разное взаиморасположение вспомогательного глагола и отрицательной частицы в формах будущего времени несовершенного вида.

РУССКИЙ

(4a) *Еще ничего не понимаю и долго* ***<u>не</u> буду понимать***. [М. И. Цветаева. Дневниковые записи (1917–1941)]

(4b) *Долговязый надвинулся на меня, спрашивая своим замораживающим взглядом, долго ли я еще* ***буду <u>не</u> понимать****, в чем дело*. [Георгий Владимов. Не обращайте вниманья, маэстро (1982)]

Как кажется, в обоих примерах предпочтительна нижняя интерпретация отрицания ([FUT в будущем [долго [NEG не имеет места: [я понимаю]]]]), однако лишь в примере (4b) это соотношение иконически отражается порядком соответствующих показателей.

Дальнейшее обсуждение общих вопросов взаимодействия отрицания с различными видо-временными значениями выходит за рамки этой работы, и ниже я сфокусирую своё внимание на категории перфекта, выбор которой в качестве объекта анализа мотивирован в первую очередь особенностями литовских данных. Поскольку наиболее изученным представителем данной катего-

рии до сих пор является английский перфект, не случайно, что те немногие работы, в которых ставится вопрос о сфере действия отрицания по отношению к перфекту, написаны на английском материале, преимущественно в рамках формальных направлений. Показательно при этом, что среди исследователей не было единодушия относительно того, фиксирована или вариативна взаимная сфера действия перфекта и отрицания в английском. Так, в специально посвящённой сфере действия аспекта, времени и отрицания статье [Jansen 1983: 84] говорится, что «отрицание всегда имеет более широкую сферу действия, чем перфект». Напротив, в обсуждающей ту же проблематику статье [McCawley 1999: 179] приводятся следующие примеры, демонстрирующие ошибочность утверждения Т. Янсена:

АНГЛИЙСКИЙ

(5a) *John* ***hasn't received*** *any encouragement.*
'Джон не получал никакого поощрения.' [NEG неверно, что [PERF получал]]

(5b) *John* ***has*** [***not*** ***returned*** *my calls*] *many times*.
'Джон много раз не отвечал на мои звонки.' [PERF многократно имело место, что [NEG не отвечал]]

В примере (5a) отрицание семантически включает в свою сферу действия перфект, а пример (5b) Дж. Макколи трактует как результат применения перфекта к глагольной группе, содержащей отрицание. Сходные наблюдения делаются также в работах [Zanuttini 1996: 189–190] и [de Swart, Molendijk 1999: 19], ср. также [de Swart 2012: 773]. К данным английского языка мы вернёмся в § 6, здесь же достаточно отметить, что, очевидно, в английском семантически допустимы как верхняя, так и нижняя интерпретации отрицания в перфектных конструкциях, которые схематически можно сформулировать следующим образом (опираясь на чрезвычайно общее и трудно формализуемое понятие «релевантности», current relevance):

(6a) верхняя интерпретация (NEG > PERF): неверно, что в точке отсчёта релевантны последствия ситуации V;

(6b) нижняя интерпретация (PERF > NEG): в точке отсчёта релевантны последствия отсутствия ситуации V.

Двоякая сфера действия отрицания по отношению к перфекту отмечена в ряде западноевропейских языков; при этом формальных различий[2] между верхней и нижней интерпретациями не наблюдается и выбор одного из двух пониманий целиком обусловлен контекстом (о весьма редких случаях так называемого «расщеплённого перфекта» в английском см. § 5). Ср. следующие примеры из болгарского (7), английского (8) и кастильского испанского (9).

БОЛГАРСКИЙ

(7a) ***Не*** ***съм работил*** *за Държавна сигурност.* NEG > PERF
‘Я не работал на Государственную Безопасность.’[3]

(7b) ***Не съм спал*** *от 4 дни.* PERF > NEG
‘Я не спал четыре дня.’[4]

АНГЛИЙСКИЙ

(8a) *I* ***have not worked*** *for State Security.* NEG > PERF
‘ = 7a’

(8b) *I* ***have not slept*** *for 4 days.* PERF > NEG
‘ = 7b’

ИСПАНСКИЙ

(9a) ***No he visto*** *gente más fea que en las manifestaciones.* NEG > PERF
‘Я не видел более неприятных людей, чем на манифестациях.’[5]

(9b) *Tengo una costilla rota y* ***no he comido*** *en dos días.* PERF > NEG
‘У меня сломано ребро и я не ел два дня.’[6]

Следует отметить, что нижняя интерпретация отрицания особенно легко возникает в контекстах, где не-V и особенно

[2] По крайней мере, таких, которые можно выявить на материале письменных текстов.

[3] http://tinyurl.com/qa92s6p

[4] http://tinyurl.com/o8kgvv8

[5] http://tinyurl.com/oael2pa

[6] http://tinyurl.com/p3hrkjr

его последствия сами по себе прагматически релевантны: ‘не есть’, ‘не пить’, ‘не спать’ и т. п. Ср. понятие «отрицательных событий» (“negative facts/events”) [Stockwell et al. 1973: 250–251; Horn 1989: 51–55]: «Есть случаи, когда отрицание события ... само может быть событием... С точки зрения семантики, такое «событие» кажется нарушением обычного или ожидаемого порядка вещей»[7]. Интересно, что сходные наблюдения были сделаны и на материале русского языка, ср. замечания А. В. Бондарко в Академической грамматике 1980 г. (§ 1452)[8]: «случаи, когда при помощи глагола несов. вида с отрицанием выражается состояние, вызванное последствиями неосуществленного действия ... Такое употребление характерно для немногих глаголов, лексическое значение которых предполагает возможность того, что отсутствие действия вызывает определенное состояние (голода, усталости и под.)». Можно предположить что такого рода лексические значения типологически склонны допускать нижнюю интерпретацию отрицания с различными операторами; данная гипотеза нуждается в эмпирической проверке на материале языков мира.

Литовский язык представляет особый интерес в связи с проблемой взаимодействия глагольных категорий и в частности перфекта с отрицанием, поскольку в литовском верхняя и нижняя интерпретации отрицания не только присутствуют на семантическом уровне, но и последовательно противопоставляются в морфосинтаксисе.

3. Общие замечания о литовском перфекте

Несмотря на то, что структуре и семантике перфектных конструкций (так называемых «сложных завершительных времён», [Амбразас (ред.) 1985: 215–217, 283–285]) в литовском языке посвящено немало работ (см. [Sližienė 1964, 1967, 1969, 1995; Генюшене, Недялков 1983; Geniušienė, Nedjalkov 1988; Генюшене 1989, 1990; Аркадьев 2012: 98–106]), целый ряд ас-

[7] “There are certain cases where a negation of an event may ... itself be an event... Semantically, the ‘event’ seems to be the breaking of a habitual or expected pattern of activity” [Stockwell et al. 1973: 250–251].

[8] http://rusgram.narod.ru/1437-1454.html

пектов их семантики и употребления до сих пор остаётся малоизученным[9].

С формальной точки зрения перфектные конструкции состоят из вспомогательного глагола *būti* ‘быть’ и активного причастия смыслового глагола, ср. пример (10)[10].

(10) *Tai turbūt geriausias anekdotas,*
kok-į ***es-u*** ***girdėj-ęs***.
какой-ACC.SG.M AUX-PRS.1SG слышать-PST.PA.NOM.SG.M
‘Это, наверное, лучший анекдот, какой я слышал.’ (LKT)

В принципе, можно говорить и о пассивном перфекте, в котором выступают пассивные причастия, однако ввиду того, что эти конструкции, во-первых, регулярно омонимичны с акциональным пассивом и, во-вторых, обладают лишь результативным значением, я исключаю их из своего рассмотрения. В перфектных конструкциях вспомогательный глагол может выступать в любой форме, как финитной, так и нефинитной, а в презенсе свободно опускается (что регулярно приводит к омонимии перфекта настоящего времени и эвиденциальных форм прошедшего времени, выражающихся причастиями без вспомогательного глагола, см. [Вимер 2007]); конструкции с опущенным вспомогательным глаголом рассматриваться также не будут. В конструкциях с конкретными формами вспомогательного глагола могут возникать специализированные значения, например, аннулированного результата у перфекта прошедшего времени (11) или эпистемическое у перфекта будущего времени (12); такие употребления здесь нас интересовать не будут.

(11) *– Pas mane kontoron šiandien*
buv-o ***už-ėj-ęs*** *Kaz-ys...*
AUX-PST(3) PRV-идти-PST.PA.NOM.SG.M Казис-NOM.SG
‘Ко мне в контору сегодня заходил <и уже ушёл> Казис.’ (LKT)

---

[9] Замечу, что литовский (равно как и латышский) перфект не рассматривается в соответствующих разделах сборника [Dahl (ed.) 2000], при том, что балтийские перфектные конструкции вне всякого сомнения очень важны для ареальной типологии европейских видо-временных систем.

[10] В целях экономии места и упрощения восприятия поморфемная запись даётся лишь для релевантных фрагментов примеров.

(12) *— Išgirdau kalbant, maniau,*
kad jau Anoj-as ***bus***
что уже Анойо-NOM.SG AUX.FUT(3)
atėj-ęs.
придти-PST.PA.NOM.SG.M
‘Я услышал разговоры, подумал, что уже Анойо, наверное, пришёл.’ (LKT)

Конструкции с формами сослагательного наклонения (ирреалиса) вспомогательного глагола могут интерпретироваться либо как ирреалис перфекта, либо как ирреалис прошедшего времени с контрфактивным значением, ср. примеры (13a) и (13b).

(13a) *Aš neprisimenu, kad tu*
bū-tum ***raš-ęs*** *apie*
AUX-IRR.2SG писать-PST.PA.NOM.SG.M об
ši-uos *krūm-us.*
этот-ACC.PL.M куст-ACC.PL
‘Я не помню, чтобы ты писал об этих кустах.’ (LKT)

(13b) *Aš pagalvojau, kad ir tu*
bū-tum ***priėm-ęs*** *komunij-ą,*
AUX-IRR.2SG принять-PST.PA.NOM.SG.M причастие-ACC.SG
jeigu bū-tum laisv-as.
если AUX-IRR.2SG свободный-NOM.SG.M
‘Я подумал, что и ты бы принял причастие, если бы был свободен.’ (LKT)

Ирреалис перфекта прошедшего времени (т.е. контрфактив перфекта) выражается с помощью «сверхсложной» конструкции, содержащей два вспомогательных глагола — один в форме ирреалиса и другой в форме активного причастия прошедшего времени, ср. пример (14).

(14) *Jis nužvelgė mane,*
lyg ***bū-čiau*** ***buv-ęs***
словно AUX-IRR.1SG AUX-PST.PA.NOM.SG.M
išvyk-ęs
уехать-PST.PA.NOM.SG.M
mažiausia šimtą metų.
‘Он посмотрел на меня, словно я был в отъезде (букв. был бы уехавши) по меньшей мере сто лет назад.’ (LKT)

В дальнейшем я буду по большей части рассматривать конструкции с настоящим и прошедшим временем вспомогательного глагола, но также остановлюсь отдельно на аналитических формах ирреалиса.

С семантической точки зрения литовский перфект, как и его аналоги в других европейских языках, неоднозначен (см. подробнее уже упомянутые работы); при этом по набору своих функций и по характерным моделям употребления литовский перфект весьма значительно отличается от, например, английского. Основных значений у литовского перфекта два: субъектно-результативное, реализующееся в общем случае лишь с глаголами, обозначающими изменение состояния, ср. примеры (15) и (16), и экспериентивное[11], допустимое в принципе с любыми глаголами, ср. примеры (10), (13а) и (17).

(15) *Miške sugebama ant savęs užsiversti pjaunamą medį, pjauti šaką, ant kurios*
pjovėj-as *pat-s* ***yra***
резатель-NOM.SG сам-NOM.SG.M AUX.PRS.3
at-si-sėd-ęs...
PRS-RFL-сесть-PST.PA.NOM.SG.M
‘В лесу возможно свалить на себя дерево, которое пилишь, пилить сук, на котором сидит (букв. усевшись) сам пилящий.’[12]

(16) *Tą vasarą Ūla*
buv-o ***ap-si-vilk-us-i***
AUX-PST(3) PRV-RFL-надевать-PST.PA-NOM.SG.F
nauj-a *suknel-e.*
новый-INS.SG.F платье-INS.SG
‘В то лето Ула была одета в новое платье.’
[Servaitė 1988: 84]

[11] Я использую термин «экспериентивное значение» в качестве перевода англ. experiential (perfect) вслед за работой [Вострикова 2010].

[12] http://tinyurl.com/mn82r3l

(17) *Mažid-as* ***buv-o*** ***žaid-ęs***
Мажидас-NOM.SG AUX-PST.3 играть-PST.PA.NOM.SG.M
dešimt-is *žaidim-ų.* *Dar* *niekuomet*
десяток-ACC.PL игра-GEN.PL ещё никогда
ne-buv-o ***pa-jut-ęs***
NEG-AUX-PST.3 PRV-чувствовать-PST.PA.NOM.SG.M
tokios aistros grumtis.
'Мажидас играл в десятки игр. Ещё никогда он не чувствовал такой страсти к сражению.' (LKT)

Стоит отметить, что литовский перфект, в отличие от английского и болгарского [Iatridou et al. 2001; Pancheva 2003], не употребляется при обозначении ситуации, начавшейся в прошлом и продолжающейся до точки отсчёта. Так, английское предложение в примере (18) может быть адекватно переведено на литовский лишь с использованием формы настоящего времени (19a); употребление в таком контексте перфекта однозначно указывает на то, что ситуация более не имеет места (19b).

АНГЛИЙСКИЙ

(18) *I* ***have been working*** *at the University for 2 years already.*
'Я работаю (проработал) в университете уже два года.'

ЛИТОВСКИЙ

(19a) *Universitet-e* ***dirb-u*** *jau*
университет-LOC.SG работать-PRS.1SG уже
dvej-us *met-us.*
двое-ACC.PL.M год-ACC.PL
'=(18)'

(19b) *#Universitet-e* ***es-u***
университет-LOC.SG AUX-PRS.1SG
dirb-ęs *dvej-us* *met-us.*
работать-PST.PA.NOM.SG.M двое-ACC.PL.M год-ACC.PL
'Я работал в университете два года [→ сейчас не работаю].' (≠18)

В свете сказанного выше общее значение литовского перфекта представляется возможным сформулировать не в терминах чрезвычайно абстрактного и трудно формализуемого

понятия «текущей релевантности»[13], а с помощью естественного расширения понятия результирующего состояния (см. аналогичный анализ английского перфекта в работах [Depraetere 1998; Nishiyama & Koenig 2010] или испанского перфекта в работе [Carrasco 2015]). Литовский перфект обозначает наличие в точке отсчёта, заданной временнóй формой вспомогательного глагола, состояния, являющегося результатом ситуации, выраженной в глагольной группе (содержащей, помимо собственно глагола, также его актанты и обстоятельства, семантически модифицирующие ситуации, например, обстоятельства длительности вроде ‘два года’ в (19)). В том случае, если глагольная группа обозначает предельную ситуацию, однозначно задающую результирующее состояние субъекта, например, ‘одеться в новое платье’, как в (16), то перфект по умолчанию выражает наличие в точке отсчёта этого вполне конкретного результирующего состояния, которое, опять-таки в зависимости от семантики ситуации, может иметь ограниченную во времени длительность. Напротив, если глагольная группа не предполагает никакого конкретного результирующего состояния субъекта (например, если она непредельная или задаёт состояние не субъекта, а объекта, как у большинства переходных глаголов), то перфект интерпретируется как выражающий свойство субъекта «быть таким, который участвовал с заданной семантической ролью в ситуации, обозначенной глагольной группой», т.е. экспериентивное значение, как в примере (13а) или (17).

Такая модель семантики литовских перфектных конструкций хорошо согласуется с тем, что в качестве вспомогательного глагола в них выступает бытийный предикат, роль которого фактически сводится к функции связки, выражающей предикативные категории (финитность, время, модальность, лицо) и, соответственно, соотносящей обозначаемое перфектной глагольной группой состояние с миром дискурса. Это вполне соответствует и отражённой в традиционных грамматиках интуиции, согласно которой перфектные формы «ещё окончательно не

[13] О попытке его формализации см. работу [Schaden 2012].

обособились» от собственно связочных конструкций с прилагательными или адъективированными причастиями [Амбразас (ред.) 1985: 282; Servaitė 1988: 87]. Ср. пример (20a), в котором активное причастие от глагола ‘испытать’ выступает в составе перфектной конструкции с экспериентивным значением, и пример (20b), где оно функционирует как прилагательное ‘опытный’[14].

(20a) *Aš gerai žinau, kas yra cenzūra, nes savo kailiu*
es-u ***patyr-ęs*** *j-os*
AUX-PRS.1SG испытать-PST.PA.NOM.SG.M 3-GEN.SG.F
klasting-ų *nag-ų* *aštrum-ą.*
коварный-GEN.PL коготь-GEN.PL острота-ACC.SG
‘Я хорошо знаю, что такое цензура, поскольку на своей шкуре испытал остроту её коварных когтей.’ (LKT)

(20b) *Tačiau* *j-is* *pakankamai* *sen-as* *ir*
однако 3-NOM.SG.M достаточно старый-NOM.SG.M и
patyr-ęs,
испытать-PST.PA.NOM.SG.M
kad suprastų, jog idealo neras.
‘Однако он достаточно стар и опытен, чтобы понимать, что не найдёт идеала.’ (LKT)

Предлагаемый здесь анализ семантики литовского перфекта также объясняет поведение отрицания в перфектных конструкциях, к рассмотрению которого мы переходим.

---

[14] Тем не менее, как справедливо указал автору Р. Микулскас, к связочным конструкциям sensu stricto можно отнести лишь обозначающий состояние результативный перфект, в котором форма презенса вспомогательного глагола может быть опущена, что характерно для связки (о проблемах, связанных с факультативностью вспомогательного глагола в литовском перфекте, см. например [Сведенцова 2003]). Напротив, экспериентивный перфект, по крайней мере, в нормативном языке, не допускает опущения вспомогательного глагола, тем самым отличаясь от связочных конструкций [Sližienė 1969: 20]. Справедливости ради следует заметить, однако, что в интернете встречаются примеры опущения вспомогательного глагола и в конструкциях с явно экспериентивным значением.

4. Перфект и отрицание в литовском языке

Как уже было сказано выше, литовский перфект допускает две морфологические позиции отрицания — при вспомогательном глаголе, как в примере (21a), и при причастии, как в примере (21b).

(21a) *Tokio nelaimingo aš jūsų*
dar ***nes-u*** ***mači-us-i***.
ещё NEG.AUX-PRS.1SG видеть-PST.PA-NOM.SG.F
'Таким несчастным я Вас ещё не видела.' (LKT)

(21b) *Ir nors iš Europos sostinių*
es-u ***ne-mači-us-i*** *tik*
AUX-PRS.1SG NEG-видеть-PST.PA-NOM.SG.F только
keli-ų,
несколько-GEN.PL
Viena paliko didelį ir labai gerą įspūdį.
'И хотя из европейских столиц я не видела лишь несколько, Вена оставила большое и очень хорошее впечатление.'[15]

Данная морфосинтаксическая особенность литовского аналитического перфекта отмечалась уже в работе [Sližienė 1967: 70], однако без подробного описания семантических различий между двумя позициями отрицания. Ниже я покажу, что место присоединения отрицательного префикса иконически отражает сферу действия отрицания относительно перфекта. Иными словами, в литовском действует следующая закономерность: отрицание на вспомогательном глаголе имеет верхнюю интерпретацию, а отрицание на причастии — нижнюю интерпретацию. Действительно, пример (21a) сообщает об отсутствии в опыте говорящей ситуации «видеть адресата таким несчастным», т.е. отрицание имеет перфект в своей сфере действия; напротив, в примере (21b) говорящая характеризует себя как «не видевшая лишь несколько европейских столиц», т.е. отрицание находится в сфере действия перфекта. Ещё более отчётливым образом это противопоставление проявляется в сконструированных примерах (22a) и (22b)[16].

[15] http://tinyurl.com/og3dw3f

[16] Впрочем, похожие примеры можно легко найти в корпусе и в интернете.

(22a) *Niekada* ***<u>ne</u>s-u*** ***miegoj-ęs***
никогда NEG.AUX-PRS.1SG спать-PST.PA.NOM.SG.M
lauke.
на.улице
‘Я никогда не спал на улице.’ (NEG > PERF, ‘неверно, что [когда-либо спал на улице]’)

(22b) *Jau* *dvi* *dien-as* ***es-u***
уже два:ACC.F день-ACC.PL AUX-PRS.1SG
<u>ne</u>-miegoj-ęs.
NEG-спать-PST.PA.NOM.SG.M
‘Я уже два дня не спал.’ (PERF > NEG, ‘нахожусь в состоянии, возникшем в результате того, что [не спал два дня]’)

Высказанные выше соображения о том, что литовский перфект выражает состояние, являющееся результатом ситуации, обозначенной глагольной группой, вполне непосредственным образом применимы к сочетаниям перфекта с отрицанием (попытку формализации этой интуиции в рамках композиционной теоретико-модельной семантики см. в работе [Arkadiev 2015]). Если конструкции с отрицанием на вспомогательном глаголе выражают отсутствие в точке отсчёта такого состояния и поэтому хорошо совместимы с результативным перфектом от предельных глаголов, ср. пример (23), то конструкции с отрицанием на причастии как правило употребляются для утверждения наличия в точке отсчёта состояния, возникшего в результате отсутствия соответствующего события. Как уже говорилось выше, отсутствие ситуации само по себе может быть событием, влекущим определённые последствия, как, например, в случае ситуаций вроде «не спать два дня» в примере (22b) или «ничего не есть с утра» в примере (24).

(23) *Jį laikė poetu ir tie, kurie tikriausiai*
<u>ne</u>-buv-o ***perskait-ę*** *nė*
NEG-AUX-PST.3 прочесть-PST.PA.NOM.PL.M ни
vien-os *j-o* *knyg-os*.
одна-GEN.SG.F 3-GEN.SG.M книга-GEN.SG
‘Его считали поэтом и те, кто скорее всего не прочёл ни одной его книги.’ (LKT)

(24) *Pamečiau penkis litus, todėl nuo ryto*
es-u *niek-o* ***ne-valg-ęs***.
AUX-PRS.1SG ничто-GEN NEG-есть-PST.PA.NOM.SG.M
‘Я потерял пять литов и поэтому с утра ничего не ел.’ (LKT)

Тем самым, можно утверждать, что в примерах типа (22b) или (24) мы имеем дело с результативным значением перфекта, парадоксальным образом возникающим в отсутствие предельного предиката и вообще какого-либо «положительного» события. Закономерно, что в подходящем контексте такие конструкции могут иметь и чисто экспериентивное значение, как в примерах (21b) и (25).

(25) *O* *armij-oje* ***es-u***
а армия-LOC.SG AUX-PRS.1SG
ne-miegoj-ęs *tr-is* *par-as*.
NEG-спать-PST.PA.NOM.SG.M три-ACC сутки-ACC.PL
‘В армии мне случалось не спать по трое суток.’[17]

Как показывает пример (21b), нижнее отрицание в литовском языке допускают далеко не только глаголы, регулярно порождающие «отрицательные события», вроде «не спать» или «не есть». Противопоставление между конструкциями с верхним и с нижним отрицанием подчас оказывается довольно тонким и прагматически обусловленным, однако, насколько можно судить, неизменно может быть интерпретировано в терминах сферы действия. Рассмотрим ещё несколько «минимальных пар».

grąžinti ‘возвращать’: В примере (26a) с верхним отрицанием отрицается существование хотя бы одного случая возврата покупки, в то время как в примере (26b) с нижним отрицанием утверждается факт невозврата конкретных долгов.

(26a) *Pats dėl tokių priežasčių*
niekada ***nes-u*** ***grąžin-ęs***
никогда NEG.AUX-PRS.1SG возвращать-PST.PA.NOM.SG.M
produkt-o...
продукт-GEN.SG
‘Я сам по такой причине никогда не возвращал товар...’[18]

[17] http://tinyurl.com/kskrggb
[18] http://tinyurl.com/l7dstzm

(26b) *...tvirtindamas, jog jo sūnus jam*
yra ***ne-gražin-ęs***
AUX.PRS:3 NEG-возвращать-PST.PA.NOM.SG.M
skol-ų.
долг-GEN.PL
'утверждая, что его сын не вернул ему долги' (LKT)

skaityti 'читать': В примере (27a) отрицается существование хотя бы одного события чтения, а в примере (27b) говорящий характеризует собеседника по признаку «быть таким, который не читал правил».

(27a) *Nei* *vien-o* *blog-o*
ни один-GEN.SG.M плохой-GEN.SG.M
komentar-o *apie* *j-uos*
комментарий-GEN.SG о 3-ACC.PL.M
nes-u ***skaič-ius-i***.
NEG.AUX-PRS.1SG читать-PST.PA-NOM.SG.F
'Ни одного плохого комментария о них я не читала.'[19]

(27b) *Galbūt* ***es-i***
может.быть AUX-PRS.2SG
ne-skaič-ius-i
NEG-читать-PST.PA-NOM.SG.F
klubo taisyklių ir nežinai, jog tokios temos netoleruojamos?
'Может, ты не читала правил клуба и не знаешь, что такие темы не допускаются?'[20]

mokytis 'учиться': В примере (28a) отрицается факт обучения, а в примере (28b) утверждается факт необучения и рассматриваются его последствия.

(28a) *Šio amato jis*
nėra *specialiai*
NEG.AUX.PRS:3 специально
mok-ęs-is...
учить-PST.PA.NOM.SG.M-RFL
'Этому ремеслу он специально не учился...' (LKT)

---

[19] http://tinyurl.com/mqxryty
[20] http://tinyurl.com/oqaoenh

(28b) *Teko su juo atskirai padirbėti ir labai daug, visus metus, kad galėtų baigti ketvirtą,*
nes ***buv-o*** ***<u>ne</u>-si-mok-ęs***
ибо AUX-PST(3) NEG-RFL-учить-PST.PA.NOM.SG.M
treči-oje *klas-ėje.*
третий-LOC.SG.F класс-LOC.SG
'Пришлось с ним отдельно поработать, и очень долго, целый год, чтобы он мог окончить четвёртый класс, потому что он не учился в третьем классе.' (LKT)

prarasti 'потерять': В примере (29a) отрицается наступление состояния «потерять сознание», в то время как в примере (29b) речь идёт о состоянии «отсутствия потери сознания» и его продолжении вопреки ожиданиям.

(29a) *Vyr-as* ***<u>ne</u>-buv-o***
мужчина-NOM.SG NEG-AUX-PST(3)
prarad-ęs *sąmon-ės,*
потерять-PST.PA.NOM.SG.M сознание-GEN.SG
tačiau pats paeiti jau negalėjo.
'Мужчина не потерял сознания, однако сам идти уже не мог.'[21]

(29b) *Pasak medikų ...*
j-is *dar* ***buv-o***
3-NOM.SG.M ещё AUX-PST(3)
<u>ne</u>-prarad-ęs *sąmon-ės*
NEG-потерять-PST.PA.NOM.SG.M сознание-GEN.SG
ir galėjo kalbėti.
'Согласно медикам ... он ещё не потерял сознания и мог говорить.' (LKT)

Во всех приведённых примерах (26)–(29) присоединение отрицания к вспомогательному глаголу либо к причастию, как кажется, не влияет на условия истинности высказывания, а семантическая разница между конструкциями с верхним и с нижним отрицанием сводится к прагматически обусловленному выбору говорящим точки зрения на описываемую ситуацию. Пред-

[21] http://tinyurl.com/loogj9p

ложения (26a)–(29a) с верхним отрицанием являются отрицательными высказываниями, в которых отсутствие некоторой ситуации в текущем мире дискурса противопоставляется возможным мирам, в которых эта ситуация имела место. Напротив, предложения (26b)–(29b) с нижним отрицанием являются утвердительными высказываниями, сообщающими, что в мире дискурса наблюдаются результаты отсутствия ситуации, или характеризующими субъект предложения как обладающий свойством неучастия в соответствующей ситуации.

Следует указать на то, что, несмотря на существенно более высокую частотность[22] конструкций с верхним отрицанием, которая могла бы указывать на «нейтральность» этой структуры, два типа отрицательного перфекта в литовском вступают скорее в эквиполентную, нежели в привативную оппозицию. Конструкции с верхним отрицанием, как правило, не употребляются в контекстах, однозначно указывающих на нижнюю интерпретацию отрицания (по крайней мере, среди нескольких сотен просмотренных мною примеров из LKT я не обнаружил ни одного, в котором отрицание с семантически узкой сферой действия присоединялось бы к вспомогательному глаголу; об особом случае ирреалиса см. ниже). По всей видимости, невысокая частотность конструкций с нижним отрицанием обусловлена тем, что сама по себе необходимость выразить семантику «отрицательной ситуации» возникает в дискурсе (по крайней мере, в тех типах дискурса, которые представлены в LKT) сравнительно редко.

В свете вышесказанного неудивительно, что верхнее и нижнее отрицания, пусть и крайне редко, могут быть употреблены в перфектной конструкции одновременно. Ср. примеры (30) и (31), выражающие экспериентивное значение с «отрицательным событием»; следует обратить внимание на то, что в примере (31) сочинены входящие в один семантический ряд причастие с отрицанием и без отрицания. В примере (32) представлено двойное отрицание в результативном перфекте.

---

[22] Хотя точных статистических данных в силу отсутствия в LKT морфологической разметки привести невозможно, число примеров с верхним отрицанием превышает число примеров с нижним отрицанием как минимум на порядок.

(30) *Niekada* ***nes-u*** ***ne-padėj-ęs***
никогда NEG.AUX-PRS.1SG NEG-помочь-PST.PA.NOM.SG.M
žmog-ui
человек-DAT.SG
vien dėl to, kad jis yra vienos ar kitos partijos narys.
'Никогда не было так, чтобы я не помог человеку только из-за того, что он член той или иной партии.' (LKT)

(31) *Ir dar niekada* ***ne-buv-o***
и ещё никогда NEG-AUX-PST.3
ne-atėj-ęs *ar*
NEG-придти-PST.PA.NOM.SG.M или
pavėlav-ęs.
опоздать- PST.PA.NOM.SG.M
'И ещё никогда не было такого, чтобы он не пришёл или опоздал.' (LKT)

(32) *Iš karo veiksmų matyti, kad nei viena, nei kita šiuo metu kariaujanti*
šal-is ***ne-buv-o***
страна-NOM.SG NEG-AUX-PST.3
ne-pasiruoš-us-i *atak-oms.*
NEG-подготовиться-PST.PA-NOM.SG.F атака-DAT.PL
'Из боевых действий видно, что ни та, ни другая воюющая в это время страна не была неподготовлена (букв. неподготовившаяся) к атакам.' (LKT)

Нижнее отрицание, по-видимому, делается обязательным в тех случаях (также весьма редких), когда перфект комбинируется с одним из так называемых «внешних» или словоизменительных префиксов [Аркадьев 2012: 49; Аркадьев 2013] — континуативным *tebe*-, ср. пример (33), или рестриктивным *te*-, ср. сконструированный и одобренный носителями пример (34), аналогов которому в литовском корпусе или в интернете, однако, не нашлось. В обоих случаях, впрочем, морфологическая позиция префиксов соответствует их сфере действия: в (33) отрицание находится в сфере действия континуативности ('[всё ещё [не потеряла]]'), а в (34) — рестриктивности ('[только третью [не слышала]]').

(33) *...humor-o* *jausm-o* ***tebėra***
юмор-GEN.SG чувство-GEN.SG CNT.AUX.PRS.3
ne-prarad-us-i *iki šiolei.*
NEG-потерять-PST.PA-NOM.SG.F до сих пор
'Она до сих пор всё ещё не потеряла чувства юмора.' (LKT)

(34) *Iš Beethoveno simfonijų*
tes-u ***ne-girdėj-us-i***
RSTR.AUX-PRS.1SG NEG-слышать-PST.PA-NOM.SG.F
treči-osios.
третий-GEN.SG.F.DEF
'Из симфоний Бетховена я не слышала только Третью.'

Вышеуказанные факты вызывают в принципе закономерный вопрос о синтаксическом статусе литовских перфектных конструкций как монопредикативных или бипредикативных: не является ли причастие в составе перфектной конструкции отдельной клаузой, закономерным образом способной принимать свои собственные модификаторы, в том числе отрицание? Действительно, литовские причастия, в том числе с отрицанием, способны выступать в качестве вершин полноценных клауз, например, определительных, примеры (35a,b), или обстоятельственных, примеры (36a,b). (Подробнее о функциях литовских причастий см., например, [Амбразас (ред.) 1985: 306–317; Аркадьев 2014]).

(35a) *"Nunešu aš savo vyrą ant pečių į kapines ir užkasu", –*
sak-ė [*jau* *visai* *vilt-į*
сказать-PST(3) уже совсем надежда-ACC.SG
prarad-us-i] *moter-is.*
потерять-PST.PA-NOM.SG.F женщина-NOM.SG
'Отнесу я своего мужа на плечах на кладбище и закопаю, — сказала уже совсем потерявшая надежду женщина.' (LKT)

(35b) *Vienintel-ė* *komand-a,*
единственный-NOM.SG.F команда-NOM.SG
[*dar* ***ne-prarad-us-i*** *tašk-ų*], –
ещё NEG-потерять-PST.PA-NOM.SG.F очко-GEN.PL
Vokietijos rinktinė.
'Единственная команда, ещё не потерявшая очков, — сборная Германии.' (LKT)

(36a) [***Prarad-us-i*** *idealizm-ą*],
потерять-PST.PA-NOM.SG.F идеализм-ACC.SG
visuomen-ė
общество-NOM.SG
tampa pažeidžiama...
‘Потеряв идеализм, общество делается уязвимым.’ (LKT)

(36b) [***Ne-prarad-us-i*** *vilt-ies,*
NEG-потерять-PST.PA-NOM.SG.F надежда-GEN.SG
kad Butkus jau atsirado],
j-i *grįž-o* *į* *kabinet-ą...*
3-NOM.SG.F вернуться-PST(3) в кабинет-ACC.SG
‘Не потеряв надежды, что Буткус уже нашёлся, она вернулась в кабинет...’ (LKT)

Подробное обсуждение этой проблемы увело бы нас слишком далеко от основной темы статьи, так что здесь я выскажу лишь следующие соображения. С одной стороны, вспомогательный глагол и причастная группа в составе литовского перфекта, несомненно, обладают каждый определённой степенью семантической и синтаксической автономности, которая, в частности, проявляется в их способности к наречной модификации: дейктические наречия, как правило, соотносятся со всей конструкцией в целом, ср. пример (37a), а наречия кратности или длительности, напротив, с причастием, ср. пример (37b).

(37a) *Jau* *dabar* ***es-a-me*** ***užsak-ę***
уже сейчас AUX-PRS-1PL заказать-PST.PA.NOM.PL.M
naują oratoriją kompozitorei Ramintai Šerkšnytei.
‘Сейчас мы уже заказали новую ораторию композитору Раминте Шеркснитe.’ (LKT)

(37b) ***Es-a-me*** *tr-is* *kart-us*
AUX-PRS-1PL три-ACC раз-ACC.PL
prarad-ę *nepriklausomyb-ę.*
терять-PST.PA.NOM.PL.M независимость-ACC.SG
‘Мы три раза теряли независимость.’ (LKT)

Ср. также пример (38), в котором представлено два обстоятельства, одно из которых (‘три года’) модифицирует всю конструкцию, а другое (‘дольше трёх часов подряд’) — причастие.

(38) *Kai gimė Erika,*
maždaug *3* *met-us* ***nes-u***
примерно 3 год-ACC.PL NEG.AUX-PRS.1SG
miegoj-us-i
спать-PST.PA-NOM.SG.F
ilgiau negu 3 valandas vienu kartu.
‘С тех пор как родилась Эрика, я примерно три года не спала дольше трёх часов подряд.’[23]

С другой стороны, вообще говоря, подобные примеры малопоказательны для решения вопроса о синтаксической структуре конструкции, поскольку, как хорошо известно (см., например, [Ernst 2004, 2007]), обстоятельства могут модифицировать разные уровни синтаксической структуры клаузы. В связи с этим неудивительно, что самостоятельная наречная модификация вспомогательного и лексического глаголов в составе перфекта встречается, например, в английском языке, ср. сходный с литовским примером (38) пример (39), в котором обстоятельство *now* ‘теперь’ относится ко всей перфектной конструкции, а обстоятельство *no less than 7 times* ‘не менее семи раз’ — к причастию смыслового глагола.

АНГЛИЙСКИЙ
(39) *Now I* ***have watched*** *the entire series through no less than 7 times...*
‘Теперь я посмотрел весь сериал не менее семи раз...’[24]

Важно отметить, что вспомогательный глагол в составе перфектных конструкций в литовском не обладает сколько-нибудь выраженной морфосинтаксической автономностью, в частности, не проецирует собственной актантной структуры, каковая полностью определяется лексическим глаголом в форме причастия. Так, в перфекте свободно употребляются «безличные» предикаты, не имеющие номинативного субъекта, причём это возможно как при верхнем отрицании, ср. пример (40a), так и при нижнем, ср. пример (40b)[25].

[23] http://tinyurl.com/ns887q6
[24] http://tinyurl.com/o7fefvx
[25] В обоих случаях причастие выступает в особой форме дефолтного согласования, традиционно именуемой «средним родом».

(40a) *Ni[e]kada* *man* ***nėra*** ***reikėj-ę***
никогда я:DAT NEG.AUX.PRS.3 быть.нужным-PST.PA.DF
joki-ų *paskol-ų*.
никакой-GEN.PL ссуда-GEN.PL
'Никогда мне не было нужно никаких ссуд.'[26]

(40b) *Beto,* *kažkur* *dvi* *savait-es*
кроме.того где.то два:ACC.F неделя-ACC.PL
buv-o ***ne-lij-ę***
AUX-PST.3 NEG-дождить-PST.PA.DF
tai gatvės pilnos tepalų, dulkių ir tt.
'Кроме того, кое-где две недели не было дождя, на улицах полно грязи, пыли и т. д.'[27]

В пользу моноклаузальности литовского перфекта может свидетельствовать также обязательная замена аккузативного оформления прямого объекта переходного лексического глагола на генитивное как при нижнем, так и при верхнем отрицании, ср. весьма многочисленные примеры выше (о генитиве отрицания в литовских полипредикативных конструкциях см. [Arkadiev 2016]). В тех случаях, когда причастие выступает в качестве несомненного самостоятельного сказуемого, например, при фазовом предикате *liautis* 'прекратить', замены аккузатива на генитив может не происходить, ср. пример (41).

(41) *Kryžiuočiai ir vėliau*
ne-si-liov-ė ***šmeiž-ę***
NEG-RFL-прекратить-PST.3 клеветать-PST.PA.NOM.PL.M
Vytaut-ą *ir* *Jogail-ą*.
Витовт-ACC.SG и Йогайла-ACC.SG
'Крестоносцы и позже не перестали клеветать на Витовта и Йогайлу.' (LKT)

Отдельно следует остановиться на ирреальных аналитических конструкциях. Их особенностью является то, что нижнее отрицание в этих контекстах не имеет, насколько можно судить, специфических импликаций, описанных выше в связи с индикативным перфектом. Объясняется это тем, что модальный опера-

[26] http://tinyurl.com/km2qtv8
[27] http://tinyurl.com/l7ztrv5

тор ирреальности в принципе имеет более широкую сферу действия, чем отрицание. Ср. следующие примеры:

(42) – *Gal ir geriau būtų buvę,*
jeigu ***bū-tum*** ***ne-atėj-ęs***.
если AUX-IRR.2SG NEG-придти-PST.PA.NOM.SG.M
‘Может и лучше было бы, если бы ты не пришёл.’ (LKT)

(43) *Ką gi, žinau,*
kad Tau ten beveik visk-as ***bū-tų***
что ты.DAT там почти всё-NOM AUX-IRR.3
ne-patik-ę...
NEG-нравиться-PST.PA.DF
‘Что ж, я знаю, что тебе там почти всё не понравилось бы...’
(LKT)

Тем не менее, даже в этом случае отрицание на вспомогательном глаголе является очевидно нейтральным и существенно более частотным вариантом, ср. следующие примеры, параллельные примерам (42) и (43):

(44) *T-as* *palyginim-as* *j-am*
DEM-NOM.SG.M сравнение-NOM.SG 3-DAT.SG.M
ne-bū-tų ***atėj-ęs***
NEG-AUX-IRR.3 придти-PST.PA.NOM.SG.M
į galvą...
‘Это сравнение не пришло бы ему в голову...’ (LKT)

(45) *Niekad nesu išvertęs eilėraščio,*
kur-is *man* ***ne-bū-tų***
который-NOM.SG.M я.DAT NEG-AUX-IRR.3
patik-ęs.
нравиться-PST.PA.NOM.SG.M
‘Я ни разу не переводил стихотворение, которое бы мне не понравилось.’[28]

Встречаются и единичные примеры двойного, по-видимому, эмфатического отрицания, ср. (46):

[28] http://tinyurl.com/krct648

(46) *... tai* ***ne-bū-tų*** ***ne-paminėj-ęs***
то NEG-AUX-IRR.3 NEG-упомянуть-PST.PA.NOM.SG.M
fraz-ės ⟨…⟩,
фраза-GEN.SG
jei būtų ją žinojęs.
'... то он бы упомянул (букв. не было бы так, что не упомянул) фразу ⟨…⟩, если бы знал её.' (LKT)

Наконец, в сверхсложных формах контрфактива перфекта отрицание теоретически может выступать в трёх позициях: на «верхнем» вспомогательном глаголе в форме ирреалиса, пример (47), на «нижнем» вспомогательном глаголе в форме причастия, пример (48), и на причастии смыслового глагола, пример (49). Последний случай отмечен лишь с контрфактивными формами пассива; впрочем, все три конструкции встречаются крайне редко и, по-видимому, в основном с лексикализованными (адъективированными) причастиями.

(47) *Jeigu* ***ne-bū-čiau*** ***buv-ęs***
если NEG-AUX-IRR.1SG AUX-PST.PA.NOM.SG.M
tok-s ***pakrik-ęs,***
такой-NOM.SG.M рассыпаться-PST.PA.NOM.SG.M
būčiau galėjęs pasijuokti iš šios absoliučiai idiotiškos scenos.
'Если бы я не был таким рассеянным (букв. рассыпавшийся), я бы мог посмеяться над этой абсолютно идиотской сценой.' (LKT)

(48) *...o jei* ***bū-čiau*** ***ne-buv-ęs***
а если AUX-IRR.1SG NEG-AUX-PST.PA.NOM.SG.M
pavarg-ęs
устать-PST.PA.NOM.SG.M
būčiau ėj[ę]s šunybių krėsti.
'... а если бы я не был усталым (букв. уставший), я бы пошёл делать пакости'[29]

[29] http://tinyurl.com/lwatfq5

(49) *Negalėjau atsisakyti pasiūlymo, skilimas Karalių būryje kitiems*
bū-tų ***buv-ęs***
AUX-IRR.3 AUX-PST.PA.NOM.SG.M
ne-suprant-a-m-as *ir nepriimtin-as...*
NEG-понять-PRS-PP-NOM.SG.M и неприемлемый-NOM.SG.M
'Я не мог отказаться от предложения, раскол в отряде Короля был бы непонятен и неприемлем для других...' (LKT)

В любом случае, семантические или дискурсивно-прагматические различия между верхним и нижним отрицаниями в составе литовских ирреальных и контрфактивных конструкций требуют дальнейшего изучения.

В заключение данного раздела я хотел бы указать на то, что, с одной стороны, рассмотренный материал свидетельствует о значимой роли взаимной сферы действия отрицания и перфекта в выборе позиции отрицательного префикса в литовских перфектных конструкциях, а, с другой стороны, анализ употребления конструкций с верхним и нижним отрицаниями в реальном дискурсе указывает на то, что первичную роль в функционировании этих конструкций может играть даже не желание говорящего или пишущего выделить тот или иной тонкий аспект смысла или дискурсивных структур, а сама морфосинтаксическая возможность присоединить отрицание к любому компоненту перфектной конструкции: коль скоро грамматика языка допускает в этом вариативность, она может «творчески» использоваться носителями для выражения сколь угодно неуловимых и необязательно конвенционализованных семантических различий.

5. Перфект и отрицание в языках восточно-балтийского ареала

По необходимости краткий и неполный обзор взаимодействия аналитического перфекта с отрицанием в языках, географически близких к литовскому, логично начать с его ближайшего родственника — латышского. Насколько можно судить по имеющимся данным, ситуация в латышском отличается от литовской и скорее ближе к тому, что наблюдается в западноевропейских языках. Во-первых, отрицание на вспомогательном глаголе в латышском свободно может иметь нижнюю интерпретацию, ср. примеры (50) и (51).

ЛАТЫШСКИЙ

(50) *Jāni, es tevis dēļ*
vis-u *nakt-i* ***ne-esmu***
весь-ACC.SG ночь-ACC.SG NEG-AUX.PRS.1SG
gulēj-is.
спать-PST.PA.NOM.SG.M
'Янис, я из-за тебя всю ночь не спал.'[30]

(51) *Es* ***ne-esmu*** ***ēd-us-i*** *div-as*
я:NOM NEG-AUX.PRS.1SG есть-PST.PA-NOM.SG.F два-ACC
dien-as.
день-ACC.PL
'Я не ела два дня.'[31]

Во-вторых, отрицание на причастии в латышском если и допускается, то, по-видимому, лишь в небольшом числе лексикализованных случаев, подобных представленному в примере (52).

ЛАТЫШСКИЙ

(52) *Un varu aizmirst,*
ka ***esmu*** ***ne-ēd-us-i,***
что AUX.PRS:1SG NEG-есть-PST.PA-NOM.SG.F
ne-izgulēj-us-ies *un*
NEG-выспаться-PST.PA-NOM.SG.F.RFL и
saslim-us-i.
заболеть-PST.PA-NOM.SG.F
'И могу забыть, что я неевшая, невыспавшаяся и больная [букв. «заболевшая»]'[32]

Примеры, подобные приведённым в предыдущем разделе литовским, в латышском если и встречаются, то явно маргинальны, а различие в употребительности перфекта с нижним отрицанием между литовским и латышским статистически существенно (насколько можно судить на основании данных поисковой системы Google на весну 2013 г.[33]), ср. таблицы 1 и 2.

[30] http://tinyurl.com/lokoqa
[31] http://tinyurl.com/kvc64p8
[32] http://tinyurl.com/mq4h7uw
[33] К сожалению, существующие корпуса латышского языка, в том числе параллельный литовско-латышский корпус, слишком невелики по

Таблица 1

‘я не спал’	литовский	латышский
верхнее отрицание	*nesu miegojęs* 37	*neesmu gulējis* ~ 300
нижнее отрицание	*esu nemiegojęs* 18	*esmu negulējis* 19
двусторонний вариант точного критерия Фишера: p < 0.0001		

Таблица 2

‘я не видел’	литовский	латышский
верхнее отрицание	*nesu matęs* ~ 400	*neesmu redzējis* ~ 500
нижнее отрицание	*esu nematęs* 34	*esmu neredzējis* 2
двусторонний вариант точного критерия Фишера: p < 0.0001		

Кроме того, в латышском конструкции с отрицанием на причастии почти не употребляются в характерных для литовского контекстах с обстоятельствами длительности — в них выступают конструкции с отрицанием на вспомогательном глаголе, как в примерах (50) и (51). Сопоставительные количественные данные представлены в таблице 3 и также статистически существенны.

Таблица 3

	литовский	латышский
верхнее отрицание	*X dienas nesu valgęs* 1 ‘я не ел X дней’ *nesu miegojęs dvi/tris* 0 ‘я не спал два/три’	X *dienas neesmu edis* 30 ‘я не ел X дней’ X *dienas neesmu gulējis* 5 ‘я не спал X дней’
нижнее отрицание	*X dienas esu nevalgęs* 6 ‘я не ел X дней’ *esu nemiegojęs dvi/tris* 4 ‘я не спал два/три’	X *dienas esmu needis* 0 ‘я не ел X дней’ X *dienas esmu negulējis* 0 ‘я не спал X дней’
двусторонний вариант точного критерия Фишера: p < 0.0001		

По-видимому, аналогична ситуация и в латгальском языке, где отрицание на вспомогательном глаголе, как и в латышском, может иметь нижнюю интерпретацию, ср. пример (53). Впрочем,

объёму и недружественны по отношению к пользователю, чтобы с их помощью можно было исследовать интересующее меня явление. Различия в абсолютной частотности ряда синонимичных конструкций между литовским и латышским языками, возможно, объясняются большей употребительностью перфекта в последнем.

данных по латгальскому языку слишком мало, чтобы можно было делать сколько-нибудь надёжные выводы.

ЛАТГАЛЬСКИЙ

(53) ***na-asmu*** *treis* *mēneš-i* *nik-uo*
NEG-AUX.PRS.1SG три месяц-NOM.PL ничто-GEN
ād-us-e...
есть-PST.PA-NOM.SG.F
'... я ничего не ела три месяца' (фольклорный текст)[34]

В прибалтийско-финских языках отрицание выражается с помощью особого вспомогательного глагола (спрягаемого в финском, неизменяемого в эстонском, ср. [Паперно 2012: 361–362]), что логически исключает сочетание отрицания с нефинитной формой смыслового глагола в аналитических перфектных конструкциях. Тем не менее, в прибалтийско-финских языках имеется способ выразить нижнее отрицание в перфекте — это конструкции с инфинитивом в форме абэссива, падежа, выражающего отсутствие референта (об этих конструкциях см., в частности, [Tamm 2011: 861–862, 875–876]). Ср. следующие примеры из южноэстонского языка (выру); пример (54a) иллюстрирует именное употребление абэссива, а пример (54b) — конструкцию с абэссивным инфинитивом.

ЮЖНОЭСТОНСКИЙ [Tamm 2011: 875]

(54a) *Üts'* *ilma* ***raha-ldaq*** *intõrnetimänge*
один без деньги-ABE интернет.игра.GEN.PL
lehekülg'
сайт(NOM.SG)
'сайт интернет-игр, где не нужно платить (букв. «без денег»)'

(54b) *Sis* *arotõl-da-s*, ... *midä* *om*
тогда обсуждать-IPS-PRS что:PTV.SG AUX.PRS.3SG
jo *ärq* *tett* *ja* *miä*
уже PTCL делать:PST.PP и что(NOM.SG)
om ***tege-mä-ldäq***.
AUX.PRS.3SG делать-INF-ABE
'Тогда обсуждается, что уже сделано, что <ещё> не сделано.'

[34] http://tinyurl.com/pwu2c9s

Согласно работе [Tamm 2011: 875–876], конструкции с абэссивным инфинитивом имеют более сильную пресуппозицию ожидания отрицаемой ситуации, чем конструкции со стандартным отрицанием, что делает их похожими на литовский перфект с нижним отрицанием. Перфектно-результативные конструкции с абэссивом представлены во всём прибалтийско-финском ареале: от эстонского, водского и ижорского языков [Tamm 2011: ibid.] до саамских [Miestamo 2014]; тем не менее, их вряд ли можно считать ареально связанными с литовским отрицательным перфектом, в первую очередь из-за отсутствия морфосинтаксического параллелизма между стандартным отрицанием и абэссивными конструкциями. О сходных стратегиях выражения нижнего отрицания в других языках Европы см. следующий раздел; о нетривиальной с формальной точки зрения двойственности сферы действия отрицания и результатива-перфекта в удалённом от прибалтийского региона мокша-мордовском языке см. [Козлов 2016: 61—67].

Нижнее отрицание в перфектных конструкциях отмечается в ряде славянских диалектов, географически смежных с балтийскими языками. При этом, поскольку в презенсе вспомогательный глагол не используется, показательны в интересующем нас отношении лишь плюсквамперфектные конструкции с вспомогательным глаголом в прошедшем времени. Противопоставление плюсквамперфектных конструкций с верхним и нижним отрицанием, по своей семантике сходное с аналогичными литовскими формами, (сопоставление севернорусского и балтийского перфектов см. в работе [Трубинский 1984: 172—179]) встречается в ряде севернорусских говоров, ср. примеры (55a) и (55b), и в белорусских говорах балто-славянского пограничья, ср. примеры (56)–(57)[35].

СЕВЕРОРУССКИЕ ГОВОРЫ (Новгородская область)

(55a) *Мы в колхозе* ***<u>не</u>*** ***были вошотши***.

‘Мы не вошли в колхоз.’ [Кузьмина, Немченко 1971: 183]

[35] Аналогичное противопоставление, видимо, имелось и в книжном древнерусском, ср. пример с нижним отрицанием из Киевской летописи (1185): Роусь же **бяхоуть <u>не</u> переѣхалѣ** еще рѣкѣ Сюрлия ‘Русь же ещё не переправилась через Сюурлий’ [Сичинава 2013: 188].

(55b) *Три ночи* ***не*** ***легши была***.
‘Я [тогда] три ночи не ложилась.’
[Кузьмина, Немченко 1971: 188]

ЗАПАДНО-БЕЛОРУССКИЕ ГОВОРЫ

(56a) *Я* ***не*** ***была глядзеўшы***.
‘Я не глядела.’ (Беларусь, Островецкий р-н, [Мацкевіч, Грынавецкене 1993: 106])

(56b) *Я* ***была*** *яшчэ* ***нееўшы***.
букв. ‘Я ещё была не поевшая.’ (Беларусь, Браславский р-н, [там же])

(57a) *вы шчэ з мал’ин* ***был’и н’а прышоўшы***.
‘Вы [тогда] ещё не пришли из малинника.’ (Беларусь, Полоцкий р-н, [Мацкевіч 1957: 46])

(57b) *тут н’и адз’ин чълав’ек* ***н’а быў астаўшыс’и.***
‘Тут [тогда] не остался ни один человек.’ [там же]

Между западно-белорусскими и литовскими конструкциями имеется полный морфосинтаксический параллелизм (за исключением того, что литовские причастия согласуются с субъектом, а белорусские — нет), отмечаемый в работе [Мацкевіч, Грынавецкене 1993: 107], ср. (58).

(58)	лит.	*Jis*	***buvo***	*tris*	*dienas*	***ne-valg-ęs***.
	бел.	*Ён*	***быў***	*тры*	*дні*	***ня-еў-шы***.
		он	AUX.PST	три	дня	NEG-есть-PST.PA

‘Он три дня не ел.’

Отмечаются конструкции с нижним отрицанием и в литературном белорусском, ср. пример (59), однако там они, по-видимому, маргинальны.

БЕЛОРУССКИЙ

(59) *Праўда, сыры аднойчы* ***былі не ўдаліся***...
‘Правда, сыры однажды <было> не удались...’ (Янка Брыль. Нижние Байдуны (пер. Д. Ковалев, 1977), НКРЯ, ср. [Сичинава 2013: 306])

Наконец, неудивительно, что противопоставление (плюсквам)перфекта с верхним и нижним отрицаниями встречается и в

польских говорах балто-славянского пограничья, в частности, в польщизне виленской, ср. примеры (60a)–(60b). Стоит, впрочем отметить, что примеры плюсквамперфекта с нижним отрицанием не отмечены ни в работах [Адомавичюте, Чекман 1991a, 1991b], ни в сборниках текстов [Maryniakowa et al. 1996] и [Grek-Pabisowa, Maryniakowa 1999].

ПОЛЬЩИЗНА ВИЛЕНСКА

(60a) *Do armii on vutki* ***n'e*** ***byl koštovafšy***.
'До армии он водки не пробовал.'
[Адомавичюте, Чекман 1991a: 100]

(60b) *Ja ot samego rana* ***byla*** ***n'e*** ***jatšy***, ***n'e*** ***pifšy***.
'Я [тогда] с самого утра не ела, не пила.' (сконструировано на основе [Адомавичюте, Чекман 1991б: 90] и подтвержде но носителем[36])

На основе рассмотренного материала можно с осторожностью предположить, что двойственное поведение отрицания в аналитических перфектных и плюсквамперфектных конструкциях, наблюдаемое в литовском и ряде славянских идиомов, является ареальной чертой. Вопрос о роли каждого из рассмотренных идиомов и контактов между ними в распространении (или сохранении) этой черты требует, разумеется, отдельного изучения с привлечением диахронических источников.

6. Параллели в других ареалах Евразии

Обратимся теперь к ряду случаев, сходных с литовским противопоставлением между конструкциями с верхним и с нижним отрицанием. Следует иметь в виду, что эти параллели могут быть весьма отдалёнными, в первую очередь из-за сильной типологической вариативности самой категории перфекта, а сам обзор является крайне фрагментарным и ограничен лишь языками Евразии, в основном потому, что лишь немногие грамматические описания уделяют внимание интересующему нас феномену.

Начнём с английского языка, где отмечаются сравнительно редкие конструкции, в которых обстоятельство «расщепляет»

[36] Я благодарю Эвелину Мокжецку и К.А. Кожанова за возможность консультации.

аналитический перфект и отделяет вспомогательный глагол от группы смыслового глагола с примыкающим к ней отрицанием. Ср. минимальную пару в примере (61), заимствованном из статьи [Zanuttini 1996: 189–190].

АНГЛИЙСКИЙ

(61a) *Mary* ***hasn't*** *always* ***paid*** *taxes.*
‘Мери не всегда платила налоги.’ (NEG > PERF > всегда)

(61b) *Mary* ***has*** *always* ***not paid*** *taxes.*
‘Мери никогда (букв. всегда) не платила налоги.’ (PERF > всегда > NEG)

Р. Дзануттини [ibid.] отмечает, что в итальянском языке двум семантически различным английским предложениям соответствует единственный перевод (62a), а помещение отрицания перед причастием делает предложение неграмматичным, ср. (62b).

ИТАЛЬЯНСКИЙ

(62a) *Maria* ***non ha*** *sempre* ***pagato*** *le tasse.*
(=58a, 58b)

(62b) **Maria* ***ha*** *sempre* ***non pagato*** *le tasse.*

Примеры, подобные (61b), можно найти и в естественных текстах, ср. (63a,b), тем не менее, они очень редки. Так, по данным корпуса BNC, цепочки *have/has sometimes/often/always not* встречаются 10 раз, в то время как цепочки *has/have not* — около 11 000 раз (при объёме корпуса в 100 млн. словоупотреблений).

АНГЛИЙСКИЙ

(63a) *They really love nursery and* ***have*** *sometimes* ***not wanted*** *to come home!*
‘Им очень нравится детский сад, и иногда бывало, что они не хотели идти домой!’[37]

(63b) *I* ***have*** *often* ***not slept*** *or* ***eaten*** *for 2 days at a time.*
‘Мне часто приходилось не спать или не есть по два дня подряд.’[38]

[37] http://tinyurl.com/mvvyvou
[38] http://tinyurl.com/phk2wkm

Показательно, что несмотря на то, что примеры вроде (61b) и (63) обсуждаются в литературе начиная по крайней мере с работы [Stockwell et al. 1973: 248–249], они даже не упоминаются в объёмном (более восьмисот страниц) исследовании английских глагольных конструкций [Declerck 2006]; по-видимому, статус перфекта с нижним отрицанием в английском языке маргинален.

Совершенно иная ситуация представлена в ирландском варианте английского языка, где разным значениям стандартного английского перфекта соответствуют несколько конструкций, см. [Harris 1984]. Среди них есть и сходная со стандартным английским конструкция со вспомогательным глаголом *have* и пассивным причастием, однако в ирландском варианте она образуется только от переходных глаголов, причастие в ней занимает позицию после прямого дополнения, а её семантика ограничена результативными (в широком смысле) контекстами. Иными словами, посессивный перфект в ирландском английском находится на существенно менее продвинутой стадии грамматикализации (как в плане содержания, так и в плане выражения), нежели его аналог в стандартном английском. Рассматриваемая перфектная конструкция в ирландском английском демонстрирует двойственность относительно отрицания, сходную с представленной в литовском, ср. пример (64). Следует отметить, однако, что в примере (64b), по-видимому, сохраняется посессивное значение, закономерным образом отсутствующее в литовском.

ИРЛАНДСКИЙ АНГЛИЙСКИЙ

(64a) *I* ***haven't*** *even it* ***made*** *yet*.
‘Я ещё не сделала этого.’ [Harris 1984: 312]

(64b) *I’**ve** a loaf* ***not touched***.
‘У меня есть нетронутая буханка.’ [ibid.]

Интересно, что в том же ареале встречается ещё один случай двойственного поведения отрицания в перфектных конструкциях. В валлийском языке, согласно работе [Borsley, Jones 2005: 131], отрицательный перфект может быть выражен двумя способами: конструкцией с отрицательным вспомогательным глаголом и отрицательной частицей, ср. пример (65a), и конструкцией с утвердительным вспомогательным глаголом и предлогом ‘без’, сходной с упоминавшимися выше абэссивными конструкциями при-

балтийско-финских языков, ср. пример (65b). О семантических различиях между двумя конструкциями авторы не сообщают.

ВАЛЛИЙСКИЙ

(65a) ***Dydy*** *Sioned* ***ddim*** ***wedi*** ***cyrredd***.
NEG.AUX.PRS.3SG Шонед NEG PRF приехать

(65b) ***Ma'*** *Sioned* ***heb*** ***gyrredd***.
AUX.PRS.3SG Шонед без MUT:приехать
'a = b Шонед не приезжала (Sioned has not arrived).'
[Borsley, Jones 2005: 131]

Аналогичное противопоставление имеется в испанском языке, однако не в перфектных, а в результативных конструкциях со вспомогательным глаголом *estar* и причастием, имеющих два отрицательных варианта, один из которых содержит предлог *sin* 'без' и инфинитив, ср. примеры (66a–c) [González Rodríguez 2014]. Согласно цитируемой работе, конструкции типа (66c) «утверждают отрицательное состояние», в отличие от конструкций с верхним отрицанием, в которых «отрицается свойство, обозначаемое причастием». Допускаются даже примеры с двойным отрицанием, ср. (66d).

ИСПАНСКИЙ

(66a) *El escaparate* ***está limpio***.
'Витрина вымыта.' [González Rodríguez 2015: 43]

(66b) *El escaparate* ***no está limpio***.

(66c) *El escaparate* ***está sin limpiar***.
'Витрина не вымыта.' [ibid.: 44]

(66d) *El escaparate* ***no está sin limpiar***.
'Витрина вымыта (букв. не без мытья).' [ibid.: 45]

Двойственность отрицательных перфектных конструкций маргинально представлена в шведском языке [Larsson 2009: 175–176], где она допускается лишь с результативной разновидностью перфекта и проявляется в употреблении общеотрицательной частицы (верхнее отрицание), пример (67a), и префикса термового отрицания, присоединяющегося к причастию (нижнее отрица-

ние), пример (67b). Впрочем, насколько можно судить, эти варианты эквивалентны по условиям истинности и различаются лишь семантическим акцентом.

ШВЕДСКИЙ

(67a) *Artikel-n* ***är*** ***inte*** ***skriv-en***.
статья-DEF AUX.PRS NEG писать-PST.PRT
'Статья не написана.' [Larsson 2009: 175]

(67b) *Artikel-n* ***är*** *fortfarande* ***o-skriv-en***.
статья-DEF AUX.PRS всё.ещё NEG-писать-PST.PRT
'Статья всё ещё не написана.' (букв. «является ненаписанной») [ibid.: 176]

За пределами Европы мне удалось обнаружить лишь спорадические примеры двойственного поведения отрицания в перфектных или результативных конструкциях. В хваршинском языке (цезская группа нахско-дагестанской семьи), как и в литовском, отрицательный суффикс может присоединяться либо ко вспомогательному глаголу, либо к нефинитной (деепричастной) форме смыслового глагола[39] [Khalilova 2009: 203–208], причём между этими двумя стратегиями наблюдается семантическое противопоставление, связанное со сферой действия [ibid.: 206–207]. Так, в примере (68a) отрицание на вспомогательном глаголе имеет широкую сферу действия относительно перфекта, а в примере (68b) — узкую.

ХВАРШИНСКИЙ

(68a) *žu* *e^{n}xu-ł* ***usan-un*** ***y-eč-un-ay***.
3:ABS река-INTER купаться-PFV.CNV F-AUX-PST-NEG
'Она [никогда раньше] не купалась в реке.'
[Khalilova 2009: 207]

(68b) *žu* *e^{n}xu-ł* ***usan-bič*** ***y-eč-un.***
3:ABS река-INTER купаться-NEG.CNV F-AUX-PST
'Она не купалась в реке [о конкретном случае].' [ibid.]

Сходная ситуация представлена и в агульском языке (лезгинская группа нахско-дагестанской семьи; Т. А. Майсак, личное

[39] Такая двойственность отрицания в целом характерна для аналитических форм в нахско-дагестанских языках (Т. А. Майсак, личное сообщение).

сообщение), однако семантика морфологического противопоставления неясна, ср. минимальную пару в примерах (69a) (отрицательная форма вспомогательного глагола) vs. (69b) (отрицательный префикс на деепричастии смыслового глагола).

АГУЛЬСКИЙ

(69a) *zun* ***ruχ.u-f-t:awa*** *me* *kitab.*
я читать.PFV-NML-AUX:NEG DEM книга
‘Я не читал эту книгу.’ (Т. А. Майсак, личное сообщение)

(69b) *sa* *ximu-gala* ***da-ʁarx.u-f-e*** *ge*
один сколько-раз NEG-ложиться.PFV-NML-AUX DEM
‘Сколько же раз он не спал!’
(Т. А. Майсак, личное сообщение)

Вариативность морфологической позиции отрицания отмечается и в других дагестанских языках, например, в цахурском [Кибрик, Тестелец 1999: 84] и багвалинском [Кибрик (ред.) 2001: 112], однако в этих описаниях практически не обсуждаются семантические различия между разными конструкциями; так, для багвалинского языка отмечается [Кибрик (ред.) 2001: 306], что при отрицании на вспомогательном глаголе (70a) кванторные слова имеют узкую сферу действия, а при отрицании на нефинитной форме (70b) — широкую. Аналогичное противопоставление представлено и в годоберинском языке [Kibrik (ed.) 1996: 105].

БАГВАЛИНВСКИЙ

(70a) *he=m=ʕagila* ***b=ē=r=o*** ***weč’e***.
кто=H=весь H.PL=прийти=H.PL=CNV AUX.NEG
‘(Я вижу,) не все пришли.’

(70b) *he=m=ʕagila* ***b=ē=r=č’ira=r=o*** ***ek̥’a.***
кто=H=весь H.PL=прийти=H.PL=NEG=HPL=CNV AUX.NEG
‘(Я вижу,) все не пришли.’ [Кибрик (ред). 2001 306]

Похожие явления встречаются и в восточной Азии. Так, в бирманском языке (тибето-бирманская ветвь сино-тибетской семьи) отрицание выражается с помощью сочетания ставящейся в конец предложения частицы и глагольного префикса; в аналитических формах последний может присоединяться как к смысловому, так и

ко вспомогательному глаголу, однако без видимых различий в значении[40] (М. Йенни, личное сообщение), ср. примеры (71a) и (71b).

БИРМАНСКИЙ

(71a) *θu* *ba-hmá* ***pyə̀*** ***mə-thà*** ***phù***.
3 что-либо сказать NEG-AUX NEG

(71b) *θu* *ba-hmá* ***mə-pyə̀*** ***thà*** ***phù***.
3 что-либо NEG-сказать AUX NEG
'a = b: Он ничего не сказал.' (М. Йенни, личное сообщение)

Напротив, в японском языке в аналитических формах так называемого «длительного вида», совмещающих значения прогрессива (преимущественно с непредельными динамическими предикатами) и результатива (с предельными предикатами), позиция отрицания связана со сферой действия (о сфере действия отрицания в японских сложных глагольных конструкциях см, в частности, [Kishimoto 2008, 2013]), ср. естественные примеры в (72) и минимальную пару в (73):

ЯПОНСКИЙ

(72a) *Ore* *wa* *daremo* ***korosh-ite*** ***i-na-i*** *yo.*
я TOP никто убивать-CNV AUX-NEG-PRS PTCL
'Я никого не убивал.' (отрицается наличие состояния 'быть убийцей') [Алпатов и др. 2008: 285]

(72b) *Sore* *o* ***wasure-nai-de*** ***i-te*** *kure*
это ACC забывать-NEG-CNV AUX-CNV AUX.IMP
'Не забывайте это!' (от слушающего просят, чтобы имело место длительное состояние 'не забывать это') [там же]

(73a) *John* *ga* *soko* *ni* ***suwat-te*** ***i-na-i***.
Джон NOM там DAT сесть-CNV AUX-NEG-PRS
'Джон не сидит там.' (букв. «не является севшим») [Kishimoto 2013: 147]

(73b) *John* *ga* *mada* *soko* *ni* ***suwara-nai-de*** ***i-ru***.
Джон NOM ещё там DAT сесть-NEG-CNV AUX-PRS
'Джон ещё не садился туда.' (букв. «ещё является не садившимся») [ibid.]

---

[40] Приведу комментарий М. Йенни: "There seems to be no difference in meaning between the two forms, the choice being rather an individual preference, with dialectal differences in some cases."

Наконец, для контраста интересно рассмотреть сравнительно редкий пример языка, в описании которого эксплицитно сообщается о запрете на нижнюю позицию отрицания. Это тибето-бирманский язык нуосу [Gerner 2013: 409], в котором отрицание может присоединяться лишь ко вспомогательному глаголу во всех типах конструкций, в том числе перфектно-результативных, ср. пример (74).

НУОСУ

(74a) *co* *cyx* *gge* *mu* ***la*** ***ap-sat***.
человек DEM CL все придти NEG-AUX
'Не все люди пришли.' [Gerner 2013: 409]

(74b) **co* *cyx* *gge* *mu* ***ap-la*** ***sat***.
человек DEM CL все NEG-придти AUX

Напротив, в двух других тибето-бирманских языках — лимбу и думи — отрицательный перфект образуется присоединением отрицательного показателя к нефинитной форме смыслового глагола [van Driem 1987: 178–181; van Driem 1993: 240–242], ср. пример (75), в котором представлена верхняя интерпретация.

ЛИМБУ

(75) *a-sira* *gɔˑ* *thaŋ* *kərə*
мой-удовольствие тогда подняться но
mɛn-ni-ʔeˑ ***waˑ-ʔɛ***.
NEG.CNV-видеть-NEG.CNV AUX-1SG.NPST
'Я уверен, что мне бы понравилось, но я никогда этого не видел.' [van Driem 1987: 179]

Интересно, что отрицательный конверб в лимбу, как и отрицательные причастия в литовском, способен образовывать обстоятельственные клаузы [ibid.: 181–182], ср. пример (76).

ЛИМБУ

(76) [*ku-ndzum-in* ***mɛn-uˑʔl-eˑ***] *peˑg-ɛ*.
его-друг-ABS NEG.CNV-звать-NEG.CNV уйти-PST
'Он ушёл, не позвав своего друга.' [ibid.: 182]

Заключить данный раздел можно тем соображением, что морфосинтаксическая двойственность отрицания в аналитических перфектных и результативных конструкциях встречается в самых

разных языках Евразии (и предположительно за пределами Евразии тоже) и что как правило (но не всегда!) формальная позиция отрицания — при вспомогательном vs. при лексическом глаголе — иконически отражает, соответственно, верхнюю vs. нижнюю интерпретацию. Морфосинтаксический запрет на присоединение отрицания к смысловому глаголу также встречается в различных языках, в части которых представлены конструкции, где нижнее отрицание выражается с помощью служебного слова или аффикса со значением ‘без’; в этих случаях нет морфосинтаксического параллелизма между разными типами отрицательного перфекта / результатива, как в прибалтийско-финских языках, где стандартная и «абэссивная» разновидности перфекта используют разные нефинитные формы. Немалый интерес представляет изучение того, с каким иными характеристиками глагольного морфосинтаксиса может коррелировать (не)допустимость морфосинтаксической двойственности отрицания в перфектных конструкциях, равно как и того, как этот параметр связан с генетическими и ареальными группировками языков.

7. Заключение

Выше были рассмотрены два типа отрицательных перфектных конструкций в литовском языке — с отрицанием на вспомогательном глаголе и на причастии смыслового глагола — и было показано, что это морфосинтаксическое противопоставление коррелирует с семантической сферой действия отрицания: синтаксически «верхнее» отрицание имеет широкую сферу действия по отношению к перфекту, а синтаксически «нижнее» отрицание — узкую. Это противопоставление в литовском языке является вполне продуктивным и активно используется носителями для выражения подчас весьма тонких смысловых оттенков скорее прагматического свойства.

Заведомо фрагментарный анализ сходных случаев в языках, географически близких к литовскому, а также в ряде языков Европы и Азии, показал, что нижняя интерпретация отрицания в перфектных конструкциях хорошо засвидетельствована в языках мира. С чисто логической точки зрения ничто не мешает ей быть универсальной; этот вывод косвенно подтверждает возможность

нижней интерпретации отрицания по отношению к результативному значению русского несовершенного вида в примерах типа *я два дня не ел*, которая возникает исключительно на семантическом уровне безо всякого участия (по крайней мере, поверхностного) морфосинтаксиса.

Напротив, возможность иконического выражения семантически нижнего отрицательного оператора с помощью морфосинтаксически нижнего отрицательного показателя является нетривиальным параметром межъязыкового варьирования, заслуживающим дальнейшего пристального изучения.

С ареально-типологической точки зрения отсутствие формального разграничения верхней и нижней интерпретации отрицания в перфектных конструкциях, наблюдающееся в германских, романских и балканских языках, можно трактовать как черту, характерную для языков «среднеевропейского стандарта» (SAE), возможно, коррелирующую с более высокой степенью грамматикализации перфекта и его постепенным превращением в аорист или претерит, для которых нижняя интерпретация отрицания менее релевантна, поскольку либо логически невозможна, либо тождественна верхней по условиям истинности. Интересно в этой связи, что языки, способные формально различать верхнюю и нижнюю интерпретации отрицания (литовский, славянские диалекты балто-славянского пограничья, прибалтийско-финские, ирландский английский, возможно, валлийский, не говоря уже о ряде языков Северного Кавказа), располагаются на окраинах зоны SAE. Не исключено, что допустимость морфосинтаксически нижнего отрицания в восточно-балтийской зоне также является ареальной чертой, требующей соответствующего диахронического анализа.

В заключение добавлю, что, как уже было сказано в § 2 статьи, выбор в качестве объекта исследования именно аналитических перфектных конструкций в их взаимодействии с отрицанием обусловлен в первую очередь нетривиальностью этого феномена в литовском языке. Разумеется, использованные здесь теоретические и методологические построения можно применить, mutatis mutandis, к взаимодействию отрицания с любыми другими глагольными категориями, причём необязательно выражающимися аналитически. Тем не менее я надеюсь, что вышеиз-

ложенное показало, что категории перфектно-результативной зоны демонстрируют интересные и заслуживающие самостоятельного изучения модели сочетания с отрицанием.

Список условных сокращений

ABE — абэссив, ABS — абсолютив, ACC — аккузатив, ADV — адвербиальная форма, AUX — вспомогательный глагол, CL — классификатор, CNT — континуатив, CNV — конверб, DAT — датив, DEF — определённость, DEM — указательное местоимение, DF — форма дефолтного согласования, ELAT — элатив, F — женский род, FUT — будущее время, GEN — генитив, H — класс людей, IMP — императив, INS — инструменталис, INTER — локализация «интер» (‘в массе’), IPS — имперсонал, IRR — ирреалис, LOC — локатив, M — мужской род, MUT — форма с мутацией, NEG — отрицание, NML — номинализация, NOM — номинатив, NPST — непрошедшее время, PA — активное причастие, PFV — перфектив, PL — множественное число, PP — пассивное причастие, PRF — перфект, PRS — настоящее время, PRT — причастие, PRV — преверб, PST — прошедшее время, PTCL — частица, PTV — партитив, RES — результатив, RFL — рефлексив, RSTR — рестриктивность, SG — единственное число, TOP — топик.

Источники

НКРЯ — Национальный корпус русского языка, www.ruscorpora.ru
BNC — British National Corpus, http://www.natcorp.ox.ac.uk/
LKT — Dabartinės lietuvių kalbos tekstynas, www.tekstynas.vdu.lt

Литература

Адомавичюте, Чекман 1991a —И. Э. Адомавичюте, В. Н. Чекман. Парадигма квазиперфектных форм на *-(f)šy* в «польщизне виленской» // J. Rieger, W. Werenicz (red.), *Studia nad polszczyzną kresową*, T. VI. Wrocław: Ossolineum, 1991. С. 95–105.

Адомавичюте, Чекман 1991b — И. Э. Адомавичюте, В. Н. Чекман. Образование и морфологический статус форм на *-(f)šy* в «польщизне виленской» // J. Rieger, W. Werenicz (red.), *Studia nad polszczyzną kresową*, T. VI. Wrocław: Ossolineum, 1991. С. 85–94.

Алпатов и др 2008 — В. М. Алпатов, П. М. Аркадьев, В. И. Подлесская. *Теоретическая грамматика японского языка*. Т. I. М.: Наталис, 2008.

Амбразас (ред.) 1985 — В. Амбразас (ред.). *Грамматика литовского языка*. Вильнюс: Мокслас, 1985.

Аркадьев 2012 — П. М. Аркадьев. Аспектуальная система литовского языка (с привлечением ареальных данных) // В. А. Плунгян (ред.), *Исследования по теории грамматики. Выпуск 6: Типология аспектуальных систем и категорий* (Acta Linguistica Petropolitana T. VIII. Ч. 2). СПб.: Наука, 2012. С. 45–121.

Аркадьев 2013 — П. М. Аркадьев. Комбинаторика «партикул» и литовские внешние префиксы. Статья для юбилейного сайта Т. М. Николаевой http://tnikolaeva.inslav.ru/statji/, 2013.

Аркадьев 2014 — П. М. Аркадьев. Критерии финитности и морфосинтаксис литовских причастий // *Вопросы языкознания* 5, 2014. С. 68–96.

Вострикова 2010 — Н. В. Вострикова. *Типология средств выражения экспериентивного значения*. Диссертация ... кандидата филол. наук. М., МГУ, ОТиПЛ, 2010.

Генюшене 1989 — Э. Ш. Генюшене. О взаимодействии перфекта и вида в литовском языке // *Baltistica* 3(2), 1989. С. 285–291.

Генюшене 1990 — Э. Ш. Генюшене. Перфект и вид в литовском языке // В. С. Храковский (ред.). *Типология и грамматика*. Л.: Наука, 1990. С. 135–140.

Генюшене, Недялков 1983 — Э. Ш. Генюшене, В. П. Недялков. Результатив, пассив и перфект в литовском языке // В. П. Недялков (ред.). *Типология результативных конструкций*. Л.: Наука, 1983. С. 160–166.

Кибрик (ред) 2001 — А. Е. Кибрик (ред.). *Багвалинский язык. Грамматика. Тексты. Словарь*. М.: Наследие, 2001.

Кибрик, Тестелец 1999 — А. Е. Кибрик, Я. Г. Тестелец (ред.). *Элементы цахурского языка в типологическом освещении*. М.: Наследие, 1999.

Козлов 2016 — А. А. Козлов. Мокшанский результатив и диахрония результативной конструкции // *Вопросы языкознания* 1, 2016. С. 51–75.

Кузьмина, Немченко 1971 — И. Б. Кузьмина, Е. В. Немченко. *Синтаксис причастных форм в русских говорах*. М.: Наука, 1971.

Мацкевіч 1957 — Ю. Ф. Мацкевіч. Некаторыя дыялектныя асаблівасці поўночна-ўсходніх беларускіх гаворак // *Працы Інстытута мовазнаўства АН БССР*, Т. III, 1957. С. 32–49.

Мацкевіч, Грынавецкене 1993 — Ю. Ф. Мацкевіч, Е. Грынавецкене. Дзеепрыслоўи на -(ў)шы ў беларускіх народных гаворках // *Lietuvių kalbotyros klausimai* 30, 1993. С. 105–108.

Паперно 2012 — Д. А. Паперно. Отрицательные конструкции финно-угорских языков как проблема теории языка // А. И. Кузнецова (отв. ред.). *Финно-угорские языки: фрагменты грамматического описания. Формальный и функциональный подходы*. М.: Языки славянских культур, 2012. С. 356–381.

Сичинава 2013 — Д. В. Сичинава. *Типология плюсквамперфекта. Славянский плюсквамперфект*. М.: АСТ-Пресс, 2013.

Трубинский 1984 — В. И. Трубинский. *Очерки русского диалектного синтаксиса*. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1984.

Федотов, Чуйкова 2013 — М. Л. Федотов, О. Ю. Чуйкова. К определению аспектуального значения делимитатива и вопросу об особенностях «делимитативной» деривации русского глагола // Е. И. Грехова (ред.). *Из прошлого в будущее. Сборник статей и воспоминаний к 100-летию профессора Ю. С. Маслова*. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2013. С. 153–203.

Шлуинский 2005 — А. Б. Шлуинский. *Типология предикатной множественности: количественные аспектуальные значения*. Диссертация ... кандидата филологических наук. М., МГУ, ОТиПЛ, 2005.

Arkadiev 2015 — P. M. Arkadiev. Negative events: Evidence from Lithuanian // П. М. Аркадьев, И. С. Капитонов, Ю. А. Ландер, Е. В. Рахилина, С. Г. Татевосов (ред.), *Donum semanticum: Opera linguistica et logica in honorem Barbarae Partee a discipulis amicisque Rossicis oblata.* М.: Языки славянской культуры, 2015. P. 7–20.

Arkadiev 2016 — P. M. Arkadiev. Long-distance genitive of negation in Lithuanian // A. Holvoet, N. Nau (eds.), *Argument Realization in Baltic*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2016. P. 37—81.

Binnick (ed.) 2012 — R. I. Binnick (ed.). *The Oxford Handbook of Tense and Aspect*. Oxford: Oxford University Press, 2012.

Borsley, Jones 2005 —R. D. Borsley, B. M. Jones. *Welsh Negation and Grammatical Theory*. Cardiff: University of Wells Press, 2005.

Carrasco 2015 —A. Carrasco. Perfect states // *Borealis* 4(1), 2015. P. 1–30.

Dahl (ed.) 2000 — Ö. Dahl (ed.). *Tense and Aspect in the Languages of Europe*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2000.

Declerck 2006 — R. Declerck. *The Grammar of the English Verb Phrase. Vol. 1. The Grammar of the English Tense System. A Comprehensive Analysis*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2006.

de Haan 1997 — F. de Haan. *The Interaction of Modality and Negation. A Typological Study*. New York, London: Garland, 1997.

Depraetere 1998 — I. Depraetere. On the resultative character of present perfect sentences // *Journal of Pragmatics* 29, 1998. P. 597–613.

de Swart 2012 — H. de Swart. Verbal aspect // Binnick (ed.) 2012. P. 752–780.

de Swart, Molendijk 1999 — H. de Swart, A. Molendijk. Negation and the temporal structure of narrative discourse // *Journal of Semantics* 16, 1999. P. 1–42.

Ernst 2004 — Th. Ernst. *The Syntax of Adjuncts*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.

Ernst 2007 — Th. Ernst. On the role of semantics in a theory of adverb placement // *Lingua* 117, 2007. P. 1008–1033.

Geniušienė, Nedjalkov 1988 — E. Geniušienė, V. P. Nedjalkov. Resultative, passive, and perfect in Lithuanian // V. P. Nedjalkov (ed.), *Typology of Resultative Constructions*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 1988. P. 369—386.

Gerner 2013 — M. Gerner. *A Grammar of Nuosu*. Berlin, Boston: Mouton de Gruyter, 2013.

González Rodríguez 2015 — R. González Rodríguez. Negation of resultative and progressive periphrases // *Borealis* 4(1), 2015. P. 31–56.

Grek-Pabisowa, Maryniakowa 1999 — I. Grek-Pabisowa, I. Maryniakowa. *Współczesne gwary polskie na dawnych kresach północno-wschodnich*. Warszawa: Instytut Slawistyki Polskiej Akademii Nauk, 1999.

Harris 1984 — J. Harris. Syntactic variation and dialect divergence // *Journal of Linguistics* 20(2), 1984. P. 303—327.

Horn 1989 — L. Horn. *A Natural History of Negation*. Stanford: CSLI Publications, 1989.

Iatridou et al. 2001 — S. Iatridou, E. Anagnostopoulou, R. Izvorski. Observations about the form and meaning of the perfect // M. Kenstowicz (ed.), *Ken Hale: A Life in Language*. Cambridge (MA): MIT Press, 2001. P. 189—238.

Janssen 1983 — Th. M. V. Janssen. Scope ambiguities of tense, aspect and negation // F. Heny, B. Richards (eds.), *Linguistic Categories: Auxiliaries and Related Puzzles*. Dordrecht: Reidel, 1983, 55–99.

Khalilova 2009 — Z. Khalilova. *A Grammar of Khwarshi*. Utrecht: LOT Publications, 2009.

Kibrik (ed.) 1996 — A. E. Kibrik (ed.). *Godoberi*. München, Newcastle: LINCOM Europa, 1996.

Kishimoto 2008 — H. Kishimoto. On the variability of negative scope in Japanese // *Journal of Linguistics* 44, 2008. P. 379—435.

Kishimoto 2013 — H. Kishimoto. Verbal complex formation and negation in Japanese // *Lingua* 135, 2013. P. 132—154.

Larsson 2009 — I. Larsson. *Participles in Time. The Development of the Perfect Tenses in Swedish*. Göteborg: Göteborgs Universitetet, 2009.

Maryniakowa et al. 1996 — I. Maryniakowa, I. Grek-Pabisowa, A. Zielińska. *Polskie teksty gwarowe z obszaru dawnych Kresów północno wschodnich*. Warszawa: Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy, 1996.

McCawley 1999 — J. D. McCawley. Some interactions between tense and negation in English // P. C. Collins, D. A. Lee (eds.), *The Clause in English: in Honour of Rodney D. Huddleston*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 1999. P. 177–185.

Miestamo 2005 — M. Miestamo. *Standard Negation. The Negation of Declarative verbal Main Clauses in a Typological Perspective*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2005.

Miestamo 2014 — M. Miestamo. Grammatical description in terms of symmetry and asymmetry with particular reference to negation in Skolt Saami. Presentation at *Syntax of the World's Languages VI*, Pavia, September 2014.

Miestamo, van der Auwera 2011 — M. Miestamo, J. van der Auwera. Negation and perfective vs. imperfective aspect // *Chronos 22,* 2011. P. 65–84.

Nishiyama, Koenig 2010 — A. Nishiyama, J.-P. Koenig. What is a perfect state? // *Language* 86(3), 2010. P. 611–646.

Pancheva 2003 — R. Pancheva. The aspectual makeup of perfect participles and the interpretation of the perfect // A. Alexiadou, M. Rathert, A. von Stechow (eds.), *Perfect Explorations*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2003. P. 277–306.

Schaden 2012 — G. Schaden. Formalizing current relevance // E. Chemla, V. Homer, G. Winterstein (eds.), *Proceedings of Sinn und Bedeutung 2012*. P. 491–508. (http://semanticsarchive.net/sub2012/)

Servaitė 1988 — L. Servaitė. Subjektinis rezultatyvas lietuvių kalboje (Perfekto formos su rezultatinės būsenos reikšme) // *Kalbotyra* 39(1), 1988. P. 81–89.

Sližienė 1964 — N. Sližienė. Apie sudurtines atliktines veiksmažodžio laikų ir nuosakų formas lietuvių literatūrinėje kalboje // *Lietuvių kalbotyros klausimai* 7, 1964. P. 81–95.

Sližienė 1967 — N. Sližienė. Lietuvių literatūrinės kalbos sudurtinių veiksmažodžio formų struktūra // *Lietuvių kalbotyros klausimai* 9, 1967. P. 63–84.

Sližienė 1969 — N. Sližienė. Sudurtinių atliktinių veiksmažodžio laikų reikšmės ir vartojimas // *Lietuvių kalbotyros klausimai* 11, 1969. P. 17–40.

Sližienė 1995 — N. Sližienė. The tense system of Lithuanian // R. Thieroff (ed.), *The Tense Systems in European Languages*, V. II. Tübingen: Niemeyer, 1995. P. 215–232.

Tamm 2011 — A. Tamm. Cross-categorial spatial case in the Finnic nonfinite system: focus on the absentive TAM semantics and pragmatics of the Estonian inessive *m*-formative nonfinites // *Linguistics* 49(4), 2011. P. 835–944.

van Driem 1987 — G. van Driem. *A Grammar of Limbu.* Berlin, New York, Amsterdam: Mouton de Gruyter, 1987.

van Driem 1993 — G. van Driem. *A Grammar of Dumi*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 1993.

Zanuttini 1996 — R. Zanuttini. On the relevance of tense for sentential negation // A. Belletti, L. Rizzi (eds.), *Parameters and Functional Heads. Essays in Comparative Syntax*. Oxford: Oxford University Press, 1996. P. 181–207.

В. В. Байда

МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва

ПЕРФЕКТНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В ИРЛАНДСКОМ ЯЗЫКЕ

В ирландском языке имеются три конструкции, выражающие перфектное значение в широком смысле, то есть такое, в котором совмещены два временных плана — результата и связанной с ним причинно-следственными отношениями предшествующей ситуации [Маслов 1983: 42]: это результатив, «после»-перфект и перфект с причастием. Настоящая статья посвящена последним двум конструкциям; результатив кратко рассматривается в связи с перфектом с причастием.

«После»-перфект представляет собой сочетание глагола бытия, предлога ‘после’ и глагольного имени и имеет акциональное иммедиатное или интенсивное перфектное значение.

Вторая перфектная конструкция включает в себя глагол бытия и причастие, при этом в случае с непереходными глаголами агенс занимает позицию подлежащего, а с переходными — косвенного дополнения. Перфект с причастием имеет результативно-перфектное и в некоторых случаях экспериенциальное значение.

Целью настоящей статьи является описание функционирования этих конструкций в современном ирландском языке, а также история их развития.

В ходе работы над статьей использовались следующие текстовые источники:

- «Новый корпус Ирландии» (*Nua-Chorpas na hÉireann*, NCÉ, www.corpas.focloir.ie), содержащий 6.264.072 словоупотреблений в части с непереводными текстами, в которой проводился поиск примеров. Корпус преимущественно состоит из художественных и публицистических текстов XX–XXI веков;

- «Корпус устного ирландского языка» (*Corpas na Gaeilge Labhartha*, CGL), подготовленный в Лингвистическом центре Тринити-колледжа в Дублине. Корпус представляет собой прежде всего расшифровки радиопередач;[1]
- исторический «Корпус ирландского языка 1600–1882» (*Corpas na Gaeilge 1600–1882*), подготовленный Королевской ирландской академией, содержащий тексты обозначенного в названии периода и насчитывающий 7,2 млн. словоупотреблений;
- тексты различных периодов, доступных в электронном виде на сайте «Корпуса электронных текстов» CELT (*Corpus of Electronic Texts*), созданном при Университете Корка (www.ucc.ie/celt).

В отдельных случаях использовались примеры из произведений ирландских писателей XX в., радио- и телепередач, а также сконструированные примеры.

1. Общие сведения

1.1. Общая характеристика грамматической системы

Ирландский язык, наряду с шотландским и мэнским, относится к гойдельской подгруппе кельтских языков. Выделяются три диалектные зоны ирландского языка — южная, западная и северная. Различия между диалектами значительные, в первую очередь на уровне фонетики и лексики, но также и в морфологии и, в меньшей степени, синтаксисе. Порядок слов фиксированный — VSO, определяющее следует за определяемым, коммуникативные типы предложений маркируются частицами, занимающими позицию перед глаголом. Ирландский язык синтетический, однако имеются существенные проявления аналитических черт, в том числе в лексике (высокая степень ее фразеологизации). Кодирование глагольных актантов номинативное, в некоторых аналитических конструкциях (в том числе перфектной с причастием) можно усмотреть зачаточную эргативную стратегию кодирования актантов (см. раздел 3.2.2).

---

[1] Автор благодарен руководителю этого проекта профессору Элейн И Гоннаха за предоставленный доступ к материалам корпуса.

1.2. Глагольная система

1.2.1. Время и вид. Выделяются следующие синтетические формы: презенс-хабитулис, футурум, претерит и имперфект. Также синтетическими являются кондиционалис (который, в том числе, используется как результат транпозиции форм будущего времени в план прошедшего) и формы настоящего и прошедшего времени субъюнктива. Глагол *bí*[2] ‘быть’ имеет в настоящем времени две синтетические формы: хабитуалис *bíonn* и настоящее дейктическое *tá*. Из аспектуальных категорий, обладающих облигаторностью, можно выделить следующие две: хабитуалис (повторяющиеся ситуации) и прогрессив (длящиеся динамические ситуации).

Хабитуалис актуален в первую очередь для плана прошедшего времени, где противопоставление простого претерита и имперфекта (традиционное название, по сути — хабитуалис прошедшего времени) присутствует уже в древнеирландском. В настоящем времени хабитуалис описывает как повторяющиеся, так и генерические ситуации. В древнеирландском хабитуалис в настоящем времени имел формальное выражение только у глагола бытия. В случае с другими глаголами хабитуалис является продолжением старого презенса, но со специфицированной функциональной сферой — результат его вытеснения прогрессивом из контекстов с длящимися ситуациями. В плане будущего времени хабитуалис не выделяется.

Прогрессив описывает длящиеся динамические ситуации. Все прогрессивные формы аналитические, а их вхождение в систему основывается на регулярных оппозициях с синтетическими формами. Прогрессив образуется с помощью глагола бытия, который сам может выступать в форме хабитуалиса: в последнем случае получаются конструкции со значением хабитуального прогрессива, указывающего на повторяющиеся непредельные ситуации-деятельности.

Ирландскую видовременную систему можно представить следующим образом в виде таблицы:

---

[2] Здесь и далее в качестве исходной формы глагола приводится форма 2 л. ед. ч. императива, представляющая собой, по сути, глагольный корень. В качестве перевода дается инфинитив как соответствующая словарная форма русского глагола.

Таблица 1. Видовременная система ирландского языка

Прошедшее время		
	– PROG	+ PROG
– HAB	*rinne* делать.PRET ‘делал, сделал’	*bhí ag déanamh* быть.PRET PROG делать.VN ‘делал (в опр. момент, некот. время)’
+ HAB	*dhéanadh* делать.IMPF ‘делал (обычно)’	*bhíodh ag déanamh* быть.IMPF PROG делать.VN ‘делал (обычно, каждый раз это занимало некоторое время)’
Настоящее время		
	– PROG	+ PROG
– HAB	–	*tá ag déanamh* быть.PRES PROG делать.VN ‘делает (в данный момент, в настоящее время)’
+ HAB	*déanann* делать.PRES.HAB ‘делает (обычно, вообще)’	*bíonn ag déanamh* быть.PRES.HAB PROG делать.VN ‘делает (обычно, каждый раз это занимает некоторое время)’
Будущее время		
	– PROG	+ PROG
	déanfaidh делать.FUT ‘сделает’	*beidh ag déanamh* быть.FUT PROG делать.VN ‘будет делать (в опр. момент, некоторое время)’

1.2.2. Залог. Альтернативу активной диатезе представляет безагентивная в виде так называемого имперсонала, который образуется как от переходных, так и от непереходных глаголов и в структуре которого агенс не выражается, а объект в случае переходных глаголов сохраняет позицию прямого дополнения, что видно в случаях с местоименными объектами, так как только личные местоимения 3 л. имеют специализированные объектные формы:

(1) *Tógadh* *é* *in* *1887*
строить.IMPRS.PRET 3SG.M.OBJ в 1887
‘Его [мост] построили в 1887 году’ [NCÉ]

Прогрессивные формы имеют вариант с пассивным оформлением аргументов глагола при кореферентности подлежащего и

притяжательного местоимения, указывающего на прямой объект при глагольном имени. Ср. пример активной конструкции (2) и пассивной (3):

(2)	*Tá*	*sé*	*ag*	*scríobh*	*litreach*
	быть.PRES	он	PROG	писать.VN	письмо.GEN
	‘Он пишет письмо’				

(3)	*Tá*	*litir*$_i$	*á*$_i$ *(< do-a*$_i$*)*	*scríobh*
	быть.PRES	письмо	PROG.POSS.3SG.F	писать.VN
	(aige)			
	у.3SG.M			
	‘Письмо пишется (им)’ (или ‘Он пишет письмо’)			

Однако использование конструкции с указателем деятеля обычно не имеет целью изменение коммуникативного ранга участников ситуации, а используется как аналог активной с прямым дополнением, то есть (3) прагматически аналогично (2) Обе конструкции свободно варьируются в употреблении, и их предпочтительность зависит от диалекта.

1.2.3. Глагольное имя. Каждый глагол в ирландском языке имеет форму **глагольного имени**, которое выступает при номинализации, в позициях, характерных для инфинитивов в других языках и в видовых конструкциях. Глагольные имена исторически представляют собой гетерогенный класс, что отражается и в отсутствии регулярного способа образования:

Таблица 2. Модели образования глагольных имен от основы глагола (императив 2 л. ед.ч.).

Императив 2 л. ед.ч.	Глагольное имя
glan ‘чистить’	*glan-adh*
athraigh ‘менять’	*athr-ú*
déan ‘делать’	*déan-amh*
tóg ‘поднимать’	*tóg-áil*
cuir [kir’] ‘класть’	*cur* [kur]
scríobh ‘писать’	*scríobh*
labhair ‘говорить’	*labhair-t*
éirigh ‘подниматься’	*éir-í*
mair ‘длиться, жить’	*mair-eachtáil*
leag ‘класть’	*leag-an*
tuig ‘понимать’	*tuisc-int*

Несмотря на отсутствие регулярности в способах образования глагольного имени, оно используется очень активно, что связано с тем, что до современного периода в ирландском языке (т.е. до XVIII в.) оно служило практически единственным способом нефинитного обозначения ситуации (позже появляется причастие). Распространены аспектуальные конструкции, образованные по модели «глагол бытия + предлог + глагольное имя»:

(4) ***Tá*** *sé* ***le/chun*** ***teacht***
быть.PRES он с/к приходить.VN
'Он собирается/должен прийти'

(5) ***Bhí*** *sé* ***ar tí*** ***dul*** *amach*
быть.PRET он на грани идти.VN наружу
'Он был готов выйти / вот-вот вышел бы'

(6) ***Tá*** *sé* ***tar*** ***éis teacht***
быть.PRES он после приходить.VN
'Он только что пришел'

Последняя конструкция имеет значение перфекта и рассматривается подробно в настоящей статье в разделе 2.1.

Отметим, что прогрессив (см. примеры (2-3) выше) также представляет собой конструкцию с предлогом и глагольным именем: частица PROG при глагольном имени здесь восходит к предлогу *ag* 'у', а с местоименным прямым дополнением — к предлогу *do* 'к'.

1.2.4. Причастие. Другим нефинитным элементом глагольной системы является **причастие**, или отглагольное прилагательное. Не все глаголы имеют соответствующее причастие: так, например, глагол бытия во всех диалектах и непереходные глаголы в речи традиционных носителей северных диалектов не имеют причастий. В то же время причастия относятся к глагольному словоизменению, так как их значение регулярно и предсказывается моделью образования, и, кроме того, у них проявляются залоговые противопоставления, связанные с типом исходной глагольной лексемы: причастия от переходных глаголов всегда пассивны, а от непереходных — активны.

В образовании причастий также проявляются фономорфологические и алломорфические явления и результаты действия

аналогии, не поддающиеся синхронному анализу, что дополнительно затрудняет регуляризацию формообразования. Также наблюдается большая диалектная вариативность в образовании причастий.

Упомянутая выше неоднозначность статуса причастия отражается в расхождениях в его описаниях: чаще всего его называют отглагольным прилагательным (ирл. *aidiacht bhriathartha*, англ. *verbal adjective*). Тем не менее, в современном языке формы на *-t(h)a/e* являются скорее причастиями, так как связаны с глагольными основами регулярными семантическими отношениями. В то же время древнеирландские отглагольные образования на *-t(h)ae*, к которым восходят современные причастия, были, по всей вероятности, именно отглагольными прилагательными или причастия, неспецифицированные по залогу, так как соотношение их значения с семантикой производящей основы не всегда регулярно, например, отглагольное прилагательное *bíthe* от *benaid* ‘бьет’[3], но ср. *bithe* в качестве глоссы к [*formidine*] *perculsus* ‘[страхом не] охваченный’ [Ml. 45d6]; другой пример приводит Д. Грин: *déntae* от *do-gní* ‘делает’ означает ‘сделанный мастером, искусно изготовленный, тщательно сделанный’, а про людей ‘выученный, приученный’, но чаще оно используется как существительное со значением ‘изготовленное изделие, здание’ [Greene 1979: 130]. Отглагольные прилагательные могли образовываться от непредельных глаголов: *céte* ‘поющийся, спетый’ от *canid* ‘поет’, *ætgnithi* ‘известные’ от *ad-gnin* ‘знает’, а также от глаголов, обозначающих ситуации, не приводящие к изменению объекта: *fulachtae* ‘поддержанный’ от *fo-loing* ‘помогает’, *messe* ‘представленный к рассмотрению’ от *midithir* ‘судит’. Эти факты указывают на то, что при образовании отглагольных прилагательных не было ограничений на семантические типы предикатов, связанных с аспектуальными и / или залоговыми характеристиками самих прилагательных, что подтверждает их адъективный статус и их связь с глагольной основой словообразовательными отношениями.

Таким образом, современные причастия представляют собой продолжение модели образования отглагольных прилага-

[3] Для древнеирландского в качестве исходной формы глагола принято приводить форму 3л. ед.ч.

тельных. О процессе втягивания отглагольных прилагательных в глагольную систему см. разделы 3.1.2 и 3.2.1.

2. Перфектные конструкции

2.0. Общие сведения

В ирландском языке есть две конструкции, которые принято называть перфектными[4], это так называемый «после»-перфект (7) и перфект с причастием (8):

(7) ***Tá*** *Siobhán* ***tar éis*** *litir* *a* ***scríobh***
быть.PRES Шивон после письмо PTCL писать.VN
'Шивон только что отправила письмо'

(8) ***Tá*** *litir* ***scríofa*** ***ag*** *Siobhán*
быть.PRES письмо написать.PRT у Шивон
'Шивон написала письмо'

В видовременной системе ирландского языка обе перфектные конструкции конкурируют с претеритом. Грубые подсчеты (без выверки всех примеров) случаев употребления некоторых из наиболее частотных глаголов (в плане настоящего и прошедшего времени) на основе данных корпуса NCÉ наглядно демонстрируют значительное расхождение в частотности претерита и перфектных конструкций:

Таблица 3. Частотность употребления некоторых глаголов в претерите и перфектных конструкциях

	претерит	перфект	«после»-перфект
tabhair 'давать'	11850	216	13
tar 'приходить'	10766	525	9
abair 'говорить'	10105	289	9
déan 'делать'	8695	1232	9
feic 'видеть'	6355	172	5
Всего: 50250	47771 (95,1%)	2434 (4,8%)	45 (0,1%)

[4] Результатив, который, также является перфектным в широком смысле, в литературе по ирландским перфектам обычно не рассматривается, но в этой статье он обсуждается в 2.2.2. в связи с перфектом с причастием.

Д. Грин отмечает, что в корпусе *Buntús Gaeilge* [1966], содержащем около 100 тысяч словоупотреблений, из 19 753 глагольных форм только одна представляет собой «после»-перфект и 434 — перфект с причастием против 6 273 случаев простого прошедшего времени [Greene 1979: 123]. Д. О Ше приводит данные по количеству употреблений перфекта с причастием в романе «Островитянин» Томаса О Крихиня: на 259 страниц текста приходится 220 примеров с перфектом и 4 с «после»-перфектом (из них два выступают в усеченных клаузах, то есть с опущенным вспомогательным глаголом) [Ó Sé 1992: 51; Ó Sé 2004: 236].

Значительные различия в частотности употребления перфектных конструкций и претерита отражают особенности их семантики и статус в системе: низкая частотность «после»-перфекта связана со специфицированностью его перфектного значения (о чем см. разделы 2.1.3.2 и 2.1.3.3) и невысокой степенью грамматикализации конструкции, в то время как перфект с причастием по количественным показателям было бы неправильно относить к грамматической периферии. Тем не менее, как мы увидим в дальнейшем, он выступает в тех же контекстах, что и претерит и не является облигаторным.

Коротко отметим, что конструкции «после»-перфекта присутствуют и в других современных кельтских языках — шотландском, мэнском и валлийском. В шотландском и мэнском «после»-перфект восходит к среднеирландской конструкции со старым предлогом *(i)ar*. В мэнском, насколько можно судить по письменным данным, он стал в XVIII в. грамматикализованным маркером перфекта, хотя позже начал вытесняться конструкцией с причастием. В шотландском «после»-перфект не обладает статусом облигаторной категории, а конструкция с причастием не получила такого же распространения, как ирландская, и сохраняет стативно-результативное значение. Валлийский — единственный из бриттских кельтских языков (группа, в которую также входят бретонский и корнский языки), в котором есть «после»-перфект, и в современном языке он фактически повторяет модель употребления английского перфекта. В валлийском причастий нет, однако в бретонском и корнском они есть и образуют перфектную конструкцию.

Рассмотрение перфектных конструкций будет построено следующим образом: сначала будет дано описание «после»-пер-

фекта, а потом — перфекта с причастием. Такой порядок мотивирован, в первую очередь, желанием выдержать структурное соответствие между частями статьи, рассматривающими конструкции в синхронии и диахронии: исторически более ранней моделью является именно «после»-перфект, и его же можно считать более оригинальным явлением для кельтских языков.

2.1 «После»-перфект

2.1.1 Строение конструкции. Эта конструкция состоит из глагола ‘быть’, предлога со значением «после» (варианты *tar éis* в южных (*t’réis*) и западных (*th’réis*, *théis*) диалектах и *i ndiaidh* (*i ndéidh*) — в северных)[5] и глагольного имени:

(9) ***Tá*** *Siobhán* ***tar éis*** ***teacht***
быть.PRES Шивон после приходить.VN
‘Шивон только что пришла’

(10) ***Tá*** *Siobhán* ***tar éis*** *litir* *a*
быть.PRES Шивон после письмо PTCL
sheoladh
отправлять.VN
‘Шивон только что отправила письмо’

В западных диалектах очень редко встречается пассивный вариант конструкции:

(11) ***tá*** *an* *bhó*$_i$ ***thar éis*** *a*$_i$
быть.PRES DEF корова после POSS.3SG.F
bleaghan
доить.VN
‘корову только что подоили’
[De Bhaldraithe 1977 (1953): 58]

О пассивности свидетельствует кореферентность подлежащего и притяжательного местоимения, указывающего на прямой объект при глагольном имени.

2.1.2. Значение и лексическая база конструкции. В работах, в которых обсуждается «после»-перфект, его семантика обычно опи-

[5] Далее рассматриваются только случаи с *tar éis*. Выводы, касающиеся конструкций с этим предлогом, справедливы и для конструкций с предлогом *i ndiaidh*.

сывается как иммедиатная. М. Диллон характеризует конструкцию как иммедиатный перфект, англ. *immediate perfect* [Dillon 1941: 50], Д. Грин и Д. О Ше в статьях, посвященных ирландским перфектным конструкциям, описывают ее значение как перфект недавнего прошлого, англ. *Recent Perfect* [Greene 1979: 124–130; Ó Sé 2004: 225–240], Б. Комри упоминает об этой конструкции также как о перфекте недавнего прошлого [Comrie 1976: 106], а Б. Хайне и Т. Кутева как об «ирландском перфекте горячих новостей», англ. *the Irish "hot-news" perfect* [Heine, Kuteva 2005: 93].

Как будет показано далее, эта конструкция может употребляться не иммедиатно, в случае чего, однако, проявляется одна особенность ситуации — интенсивность одного из ее параметров.

Таким образом, «после»-перфект представляет собой семантически специфицированную перфектную конструкцию: с одной стороны, она указывает на актуальность предшествующей ситуации в точке отсчета, а с другой — это значение сочетается с иммедиатностью и / или интенсивностью одного из параметров ситуации.

Акцент в семантике этой конструкции — на предшествующей ситуации, то есть в терминологии Ю. С. Маслова это акциональный перфект [Маслов 1983: 43–44].

Конструкция не имеет ограничений на семантические классы глаголов; ср. примеры с глаголом речи (12), с ментальным глаголом (13), с глаголом восприятия (14):

(12) ***Tá*** *mé* ***th' éis*** *a* ***rá*** *leat*
быть.PRES я после PTCL говорить.VN с.2SG
'Я тебе только что сказал' [NCÉ]

(13) *mar a* ***bheadh*** *sí* ***théis*** *a* ***thuiscint***
как PTCL быть.COND она после POSS.3SG.M понимать.VN
'как будто она вдруг поняла' [NCÉ]

(14) ***Tá*** *muid* ***tar éis*** *bád eile a* ***fheiceáil***
быть.PRES мы после корабль другой PTCL видеть.VN
'Мы только что видели другой корабль' [NCÉ]

Конструкция «после»-перфекта может быть образована, в отличие от перфекта с причастием, и от глагола *bí* ‘быть’[6]:

(15) ***Táimid*** ***tar éis*** ***a bheith*** *ar* *Aifreann*
быть.PRES.1PL после быть.VN на месса
‘Мы только что были на мессе’ [NCÉ]

Это также делает возможным встраивание в «после»-перфект прогрессива и перфекта с причастием, которые включают в себя в качестве вспомогательного глагол *bí* ‘быть’; ср. пример с встроенным в «после»-перфект прогрессивом в виде «прогрессивного глагольного имени», т.е. прогрессивной конструкцией, в которой вспомогательный глагол стоит в форме глагольного имени:

(16) [*Tá* *sé* *tar éis* [*a bheith* *ag* *rith*]].
быть.PRES он после быть.VN PROG бежать.VN
‘Он только что бежал’ [NCÉ]

«После»-перфект с прогрессивом обычно сочетается с предикатами, обозначающими непредельные процессы: *troid* ‘драться’, ‘бороться’, *caoineadh* ‘плакать’, *iascach* ‘рыбачить’, *rómhar* ‘копать’, *cleachtadh* ‘упражняться, заниматься’, *gol* ‘плакать’. Такая конструкция описывает процесс, происходивший в течение некоторого времени, прекратившийся, но актуальный в точке отсчета.

О встраивании перфекта с причастием в «после»-перфект см. раздел 2.2.6.

2.1.3. Особенности перфектного значения конструкции

2.1.3.1. Иммедиатность. Иммедиатность в семантике конструкции представляет собой временну́ю близость называемой глаголом ситуации по отношению к точке отсчета. Наречие *díreach* ‘только что’ употребляется как с «после»-перфектом, так и перфектом с причастием: в NCÉ *díreach* встречается 31 раз с «после»-перфектом и 59 раз с перфектом с причастием. При перфекте с причастием это наречие указывает на иммедиатность, в

[6] У перфекта с причастием это ограничение связано с отсутствием у глагола *bí* ‘быть’ формы причастия.

то время как «после»-перфект, как показывают приведенные выше примеры, сам по себе уже иммедиатен.

Иммедиатность «после»-перфекта является не контекстно обусловленной разновидностью перфектного значения (как в перфектах бытийно-посессивного типа), а обязательной составляющей его семантики, что требует некоторого комментария. Перфектность в «после»-перфекте основывается на значении предлога, именно он связывает два временных плана в ее семантике. В составе конструкции он оказывается в составе сказуемого, что дает дополнительный эффект, который не возникает в случае его использования в обстоятельствах типа «после приезда» или «после того как X приехал». Этот дополнительный эффект представляет собой актуализацию иммедиатного компонента семантики предлога «после», описывающим, вообще говоря, непосредственное (т.е. иммедиатное) следование: «X после Y» означает, что X представляет собой ближайший элемент сходной с Y структуры по выбранной оси (пространственной или временной), и, таким образом, имплицирует, что расстояние между X и Y незначительное. В пространственном контексте X и Y представляют собой объекты, в контексте времени — ситуации.

Наличие у такой конструкции значения иммедиатности (X непосредственно после Y), а не простого следования (X в любое время после Y, а не до Y) связано с тем, что конструкция представляет собой единую предикацию, и простое следование здесь невозможно, так как нет двух ситуаций, относительную последовательность которых необходимо определить. В таком случае на первый план выходит непосредственная временная близость ситуации, обозначаемой глагольной лексемой, по отношению к точке отсчета, определяемой вспомогательным глаголом.

В русском языке, например, предлог *после* в составе сказуемого в контексте с нейтральной интонацией означает именно непосредственное следование: ср. *«Спортивная» после «Фрунзенской»* (т.е. станция метро «Спортивная» — следующая после «Фрунзенской»), но не **«Университет» после «Фрунзенской»* (так как «Университет» не следующая станция после «Фрунзенской»). Последнее предложение, однако, возможно при интонационном контрастном выделении *после*: *Университет» // после «Фрунзенской»* (а не *до*).

Непосредственное следование ситуаций дает эффект временной иммедиатности, что, по-видимому, характерно для конструкций с предлогами со значением ‘после’ в славянских языках:

(17) *русск. Мне нездоровилось, я была после простуды.* [НКРЯ]

(18) *польск. Ja dziękuję, jestem po kolacji.*
‘Благодарю, я уже поужинал’, букв. ‘я после ужина’.
[NKJP, «Национальный корпус польского языка»]

(19) *хорв. Upravo sam bio poslije kupanja, kad su stigli gosti.*
‘Я только что искупался, когда пришли гости’, букв. ‘я был после купания’ [Р. Матасович, л.с.]

(20) *чешск. Jana je po promoci.*
‘Яна закончила (университет)’, букв. ‘Яна после окончания’ [Tommola 2000: 474]

2.1.3.2. Интенсивность. Гораздо реже, чем иммедиатные, встречаются употребления, в которых предшествующие ситуации расположены дистантно от точки отсчета или охватывают слишком длительный период, чтобы их можно было относить к недавнему прошлому. Эти случаи, однако, обладают одной особенностью — описываемые ими ситуации отличаются значительностью, интенсивностью которая и составляет их результирующий эффект в точке отсчета:

(21) *Agus* *le* *deich* *mbliana* *anuas*
и в течение десять год до настоящего момента
tá *an* *t-uafás* *daoine* ***tar éis*** ***a bheith***
быть.PRES DEF ужас люди после быть.VN
i *dtigh* *Bhig* *Brother*
в дом Большой брат.GEN
‘И за десять лет огромное количество людей побывало у «Большого брата»’ [CGL] (о телепередаче)

Этот тип употреблений «после»-перфекта, по-видимому, связан с прагматикой использования предлога в случаях описания ситуаций с интенсивной характеристикой: само прохождение ситуации, энергия, затраченная субъектом, или ее количественные параметры. Связь формального устройства и употребления

конструкции здесь можно сравнить с русск. *иметь за плечами*[7], фр. *avoir derrière soi*, англ. *have behind*, которые сочетаются с ситуациями с интенсивными параметрами: *У него за плечами двадцать лет работы в школе*, но ?? *У него за плечами две недели работы в школе*.

Ср. также употребление предлога *после* в эмоциональных контекстах типа русск. *И это после всего, что я для тебя сделала!* (но ?? *И это после того немногого, что я для тебя сделала!*), англ. *After all I've done for you!*, фр. *Après tout ce que j'ai fait pour toi!* Ср. ирландский пример предлога *tar éis* 'после' в нефинитной клаузе, который приводит Д. Грин и который как раз употреблен в эмоциональном контексте:

(22) *Tar éis* *dom* *fiche* *bliain* *a* *thabhairt*
после к.1SG двадцать год PTCL давать.VN
dá *teagasc…*
к.POSS.3SG.F обучать.VN
'[Господи!] После того как я двадцать лет потратил на ее обучение…' [из романа Мартиня О Каиня *Cré na Cille*, цит. по Greene 1979: 128]

В этом отношении интересно привести следующий пример, в котором похожая эмоциональная ситуация, однако здесь употреблена конструкция «после»-перфекта (с вспомогательным глаголом в прошедшем времени, что однако не меняет специфицированности значения конструкции):

(23) ***Bhí*** *sí* ***tar éis*** *gach* *cúnamh* *a*
быть.PRET она после каждый помощь PTCL
thabhairt *dó*
давать.VN к.3SG.M
'[Она его называла всем, чем можно — лицемером и еще другими словами.] Она ему помогала всем, чем могла, [когда он писал «Остров Араннн» несколько лет тому назад]'. [NCÉ]

2.1.3.3. Перфектная конструкция с отрицанием. «После»-перфект в иммедиатном значении не употребляется в отрицательных контекстах; действительно, необходимость указания на то, что

[7] Автор признателен М. Л. Федотову (л.с.) за идею этого сравнения.

некоторая ситуация в недавнем прошлом не имела места, то есть что «что-то только что не произошло», представляется сомнительной.

Тем не менее, примеры «после»-перфекта с отрицанием встречаются, хотя и крайне редко. Все они представляют собой употребления в интенсивных контекстах, причем, если в утвердительных предложениях подчеркивается высокая степень проявления того или иного параметра ситуации, то в отрицательном всегда содержится лексически выраженное в предложении указание на полное отсутствие проявления этого параметра:

(24) ***Níl*** *muid* ***tar éis*** ***dul*** *i* *ngleic*
NEG.быть.PRES мы после идти.VN в борьба
leis *seo* *ar* *bhealach* *ar bith* *córasach*
c.3SG.M это на путь какой-либо системный
‘Нам никаким системным образом не удалось взяться за решение этого’ [телепередача «*7 Lá*» от 28.01.2014]

Сочетаемость «после»-перфекта с отрицанием обусловлена не грамматическими ограничениями конструкции как перфектной, а именно ее синкретическими особенностями, связанными с семантикой лексической единицы, входящей в ее состав — предлога со значением ‘после’, и ее поведением в составе монопредикативной конструкции.

2.1.3.4. Эксклюзивность. Следует также отметить, что «после»-перфект предполагает эксклюзивность ситуации по отношению к точке отсчета, то есть предшествующая ситуация неизменно оказывается законченной к точке отсчета. Ср. англ. эксклюзивное *John is sweating, he has been running* ‘Джон вспотел, он (только что) бежал’ и инклюзивное *John has been running for 20 minutes* ‘Джон бежит (уже) 20 минут’. В ирландском языке возможно только первое употребление:

(25) ***Tá*** *sé* ***tar éis*** ***a bheith*** ***ag*** ***rith***.
быть.PRES он после быть.VN PROG бежать.VN
‘[Входит Щёрще.] Он только что бежал’ [NCÉ] (авторская ремарка в тексте пьесы)

Инклюзивное (континуативное) значение в ирландском языке передается неперфектными средствами, например, прогрессивом:

(26) ***Táim*** ***ag*** ***múineadh*** *Gaeilge*
быть.PRES.1SG PROG преподавать.VN ирландский язык
dhóibh *le* *seachtain*
к.3PL с неделя
‘Я неделю учу их ирландскому языку’ [LÓF: 176]

2.1.4. «После»-перфект в плане прошедшего времени. «После»-перфект употребителен и в плане прошедшего времени, при этом вспомогательный глагол *bí* ‘быть’ стоит в форме претерита. В этом случае также проявляется семантическая специфицированность «после»-перфекта: конструкция используется не просто для указания на предшествующую ситуацию, но на ее иммедиатность (27) или сочетается с интенсивной ситуацией (28):

(27) *gur* *mé* *a* ***bhí*** ***théis***
CONJ.COP я REL быть.PRET после
cnagadh
стучать.VN
‘что это я только что стучал’ [NCÉ]

(28) ***bhí*** *sí* ***théis*** *cheithre* *dhuine*
быть.PRET она после четыре человек
dhéag *clainne* *a* ***thabhairt*** *ar* *an*
десять дети PTCL приносить.VN на DEF
saol
жизнь
‘[Сама жена Джоузи сильно изменилась] […] она родила четырнадцать детей’ [NCÉ]

Ситуация, описываемая глаголом, также эксклюзивна:

(29) ***Bhí*** *sé* ***tar éis*** *salacharáil* *bheag*
быть.PRET он после морось небольшой
bháistí *a* ***dhéanamh***.
дождь.GEN PTCL делать.VN
‘(Только что) прошел небольшой дождь (до точки отсчета в прошлом)’ [NCÉ]

С отрицанием конструкция также неизменно сопровождается лексически выраженным указанием на полное отсутствие проявления ситуации:

(30) *Ní* ***raibh*** *aon* *athrú* ***tar éis***
NEG быть.PRET какой-либо изменение после
teacht *orthu*
прийти.VN на.3PL
‘Они совершенно не изменились (к точке отсчета в прошлом)’ [NCÉ]

2.1.5. Значение «после»-перфекта: выводы. «После»-перфект сохраняет прозрачную внутреннюю форму и имеет специфические черты, связанные со значением предлога в его составе. Фактически невозможно говорить о конкретно-результативном или экспериенциальном употреблениях «после»-перфекта, так как для него характерны только описанные выше значения: иммедиатность и/или интенсивность, а возможная результативная или экспериенциальная интерпретация являются скорее следствием этих значений: ситуация, имевшая место в недавнем прошлом, может имплицировать результат, а интенсивность может сочетаться с множественным проявлением ситуации. Инклюзивное (континуативное) употребление исключено, так как ситуация неизменно расположена эксклюзивно по отношению к точке отсчета.

Конструкцию можно охарактеризовать как акциональный перфект в том смысле, что акцент в ее семантике на предшествующей ситуации.

Оба значения конструкции вытекают из семантики предлога, что указывает на его неполную десемантизацию. Интерпретация предложной группы как предиката формально выделяет конструкцию как единое целое из синтаксического фона и сближает ее с группой синтаксически близких конструкций с предложными группами в составе сказуемого.

2.2. Перфектная конструкция с причастием

2.2.1. Строение конструкции. Эта конструкция представляет собой сочетание глагола бытия, причастия и предложного дополнения *ag* ‘у’ + $NP_{SUBJECT}$:

(31) ***Tá*** *litir* ***scríofa*** ***ag*** ***Siobhán***
быть.PRES письмо написать.PRT у Шивон
‘Шивон написала письмо’

В перфектной конструкции от непереходных глаголов субъект действия занимает позицию подлежащего:

(32) ***Tá*** *sé* ***tagtha***
быть.PRES он приходить.PRT
‘Он пришел’

Перфект от непереходных глаголов и от глаголов восприятия не встречается в северных диалектах.

Существует также конструкция без формально выраженного прямого объекта от глаголов с предложным управлением:

(33) *An* ***bhfuil*** ***cuimhinte*** *ar* *na* *focail*
INT быть.PRES помнить.PRT на DEF.PL слово.PL
agat*?*
у.2SG
‘Ты вспомнил слова (букв. ‘на слова’)?’ [NCÉ]

В южных диалектах встречаются отдельные примеры конструкции с опущенным объектом:

(34) *Nuair* *a* ***bhí*** ***ite*** *is* ***ólta*** ***acu****,*
когда PTCL быть.PRET есть.PRT и пить.PRT у.3PL
chuaigh *siad* *isteach* *sa* *seomra* *suí.*
идти.PRET они внутрь в.DEF комната сидение.GEN
‘Когда они поели и попили, они пошли в гостиную’ [NCÉ]

2.2.2. Перфект и результатив

Обсуждая структуру перфектной конструкции с причастием, следует уделить внимание статусу агентивного показателя, который, как может показаться, аналогичен агентивным дополнениям при пассивных конструкциях многих языков. В таком случае сама перфектная конструкция может представляться результативом с эксплицированным агенсом.

Действительно, в ирландском языке есть результативная конструкция, которая представляет собой сочетание глагола *bí* ‘быть’ с причастием:

(35) ***Tá*** *an* *litir* ***scríofa***
быть.PRES DEF письмо написать.PRT
‘Письмо написано’ [NCÉ]

Однако есть основания считать перфект и результатив различными конструкциями. Семантические отличия результатива

от перфекта проявляются, в частности, в следующих двух показательных случаях. Во-первых, обстоятельства длительности с результативом указывают на длительность состояния, а с перфектом — на время, за которое был достигнут результат:

(36) *go* ***raibh*** *an* *litir* ***scríofa*** *le*
CONJ быть.PRET DEF письмо писать.PRT с
cúig *lá*
пять день
‘что письмо было написано уже пять дней’ [NCÉ]

(37) *go* ***bhfuil*** *dul chun cinn* *mór* ***déanta***
CONJ быть.PRES прогресс большой делать.PRT
againn *le* *fiche* *bliain* *anuas*
у.1PL в течение двадцать год к настоящему моменту
‘что за последние двадцать лет мы достигли большого прогресса’ [NCÉ]

Во-вторых, в отношении ирландских конструкций справедливо, что «слова со значением «все еще», «по-прежнему» свободно сочетаются с результативами, обозначающими временное состояние, но обычно не сочетаются с другими результативами и с глаголами в перфекте» [Недялков 1983: 12]:

(38) ***Tá*** *sé* ***ceangailte*** *fós.*
быть.PRES он связать.PRT все еще
‘Он все еще связан’

(39) ****Tá*** *sé* ***ceangailte*** *fós* ***ag*** ***Seán***.
быть.PRES он связать.PRT все еще у Шон
‘Шон все еще связал его’

В целом, результатив обычно указывает на некоторое состояние объекта, наступившее в результате предшествующей ситуации, в то время как в перфекте результат более общего характера: это сама завершенность предшествующей ситуации и ее актуальность для точки отсчета («текущая релевантность»). Значение перфектной конструкции подробно рассматривается ниже.

Структурные различия результатива и перфекта схематически можно представить так:

Результатив

bí ‘быть’ Y PRT_{trans}

Перфект от непереходных глаголов

bí ‘быть’ X $PRT_{intrans}$

Перфект от переходных глаголов

bí ‘быть’ Y PRT_{trans} *ag* ‘у’ X[8]

Результатив образуется только от переходных глаголов, поэтому с аспектуальной точки зрения релевантно противопоставление результатива с перфектом от переходных глаголов. Перфект от непереходных глаголов и результатив структурно идентичны.

Таким образом, формально две конструкции различаются наличием или отсутствием предложного дополнения, наличие которого, таким образом, является обязательным для перфектной конструкции, а его отсутствие, соответственно, для результативной.

Возвращаясь к вопросу о статусе агентивного дополнения в перфектной конструкции, стоит отметить, что ирландский язык с точки зрения кодирования посессивных отношений относится к «быть»-языкам и для выражения обладания использует тот же предлог, что и в агентивном показателе — *ag* ‘у’ — в сочетании с глаголом бытия[9]:

(40) ***Tá*** *leabhar* ***ag*** *Siobhán*
быть.PRES книга у Шивон
‘У Шивон есть книга’

Следует также учитывать, что употребление агентивного предложного дополнения не похоже на использование агентивных дополнений с пассивом в других языках, где оно является стилистическим вариантом активной конструкции [Курилович 1946; Храковский 1974: 37]. В ирландском языке предложное дополнение никак не окрашено стилистически, являясь нормальным и высокочастотным элементом в сочетании с глаголом бытия и причастием в разговорном языке. Дж. МакКлоски, считая перфектную конструкцию по формальным признакам пассивной, признает ее непассивную семантику: «ирландский перфективный

[8] В приводимых схемах X — субъект, а Y — объект действия.

[9] О роли посессивности в формировании перфектной конструкции см. 3.2.1.

[«perfective», имеется в виду, «относящийся к перфекту» — *В.Б.*] пассив не имеет риторических и дискурсивных функций, обычно ассоциирующихся с пассивом, например, в английском языке» [McCloskey 1996: 255].

С точки зрения информационной структуры предложения предложное дополнение в ирландской перфектной конструкции функционально тоже не похоже на агентивные дополнения в других языках. Известно, что при глаголах типа «писать», «сделать», «сочинить», «построить» и т. п. агентивное дополнение при результативе составляет рему, характеризующую тему — подлежащее: нем. *Das Buch ist gescrieben von einem Arzt* ‘Книга написана врачом’ фактически сообщает, что автор книги — врач [Недялков 1983: 35]. В соответствующем ирландском предложении с перфектной конструкцией рему составляет достижение результата, то есть тот факт, что врач закончил написание книги, поэтому деятель в таких случаях обычно определенный.

Таким образом, предложное дополнение указывает на деятеля, однако эта информация не составляет ремы. Наличие же или отсутствие этого дополнения существенным образом влияет на аспектуальное значение целого, что означает, что оно может считаться формальным дифференцирующим признаком для перфектной и результативной конструкций, и дает основание утверждать, что перфектная конструкция является не модификацией результативной, а независимой конструкцией.

Тем не менее, следует отметить, что отсутствие или наличие предложного дополнения не всегда может служить надежным формальным различительным признаком результативной и перфектной конструкций. Так, в научных, научно-популярных и дидактических текстах встречаются конструкции без предложного дополнения, которые, тем не менее, имеют перфектное значение:

(41) ***Tá*** *stáidéar* ***déanta*** *cheana*
быть.PRES изучение делать.PRT уже/до этого
‘Ранее уже проводилось изучение’ [NCÉ]

В художественных текстах встречаются случаи, когда предложное дополнение опускается, если деятель понятен из контекста:

(42) *nuair* *a* ***bhí*** *mo* *phlean* *arfad*
когда REL быть.PRET мой план весь
mínithe *dóibh*
объяснять.PRT к.3PL
‘когда мой план был им объяснен’ [NCÉ]

Возможно, что эти случаи представляют собой наложение безагентивной диатезы (как в имперсонале) на перфект: деятель формально не выражен, но подразумевается и представляет собой лицо. Важно, что отсутствие выраженного деятеля не влияет на аспектуальную семантику конструкции: она выражает не результативное, а перфектное значение.

Недостаточное формальное противопоставление конструкций с результативным и перфектным значением указывает на их неполное обособление друг от друга и на незавершенность грамматикализации перфекта как самостоятельной конструкции.

2.2.3. Значение конструкции. Перфектная причастная конструкция образуется в первую очередь от предельных глаголов и имеет перфектно-результативное значение:

(43) ***tá*** *roinnt* *maisiúcháin*
быть.PRES несколько украшение.PL
déanta *anseo* ***agat***
делать.PRT здесь у.2SG
‘Вы здесь сделали несколько украшений’ [CGL]

(44) ***Tá*** *na* *scéalta* *ar fad* *anois*
быть.PRES DEF.PL история.PL все сейчас
faighte ***againn*** *ó* *Ruth*
получать.PRT у.1PL от Рут
‘Мы сейчас (уже) получили все новости от Рут’ [CGL]

(45) *Ach* ***tá*** *an* *saol* ***athraithe*** *anois.*
но быть.PRES DEF жизнь изменяться.PRT сейчас
‘Но жизнь теперь изменилась’ [CGL]

Перфектная конструкция может образовываться и от таких классов глаголов, как глаголы ментального действия и принятия решения:

(46) ***tá*** *an* *méid* *seo* ***tuigthe***
быть.PRES DEF количество этот понимать.PRT
agam *anois*
у.1SG сейчас
‘я теперь понял все это / мне теперь все это стало понятно’
[CGL]

(47) *Cad* ***tá*** ***beartaithe*** ***agat*** *a*
что быть.PRES решать.PRT у.2SG PTCL
dhéanamh *anois?*
делать.VN сейчас
‘Что ты решил делать теперь?’ [NCÉ]

Перфектные конструкции от глаголов речи и восприятия могут иметь экспериенциальное значение:

(48) ***Tá*** *sé* ***ráite*** ***agam*** *seacht*
быть.PRES он/оно говорить.PRT у.1SG семь
n-uaire *leo*
раз с.3PL
‘я им это семь раз говорил’ [NCÉ]

(49) *go* ***bhfuil*** *sé seo* ***feicthe*** *go* *minic*
CONJ быть.PRES это видеть.PRT ADV частый
cheana ***aige***
уже у.3SG.M
‘что он уже много раз видел это’ [NCÉ]

Причастия от глаголов восприятия фактически не используются за пределами перфектной конструкции, так как, вообще говоря, обозначаемые ими ситуации не имеют четко выраженного результата и, соответственно, не могут описывать результативные состояния. Таким образом, перфектная конструкция становится локусом функционирования причастий от глаголов восприятия и речи, контекстом более глубокой грамматикализации причастия как нефинитного элемента глагольной системы. С другой стороны, за счет включения причастий от этих групп глаголов происходит сдвиг в семантике самого перфекта в сторону экспериенциального значения.

Относительно большое количество примеров с глаголами восприятия — из нехудожественных текстов: публицистических и

дидактических. Здесь в большинстве случаев конструкция употребляется во фразах типа ‘как мы уже выдели…’ или ‘вы уже видели, что…’, которые отсылают к информации, встречающейся ранее в тексте. В других типах текстов перфектная конструкция от глаголов восприятия в основном встречается в сочетании с определенным или (чаще) квантифицированным подлежащим:

(50) ***Tá*** *mo* *dhóthain*
быть.PRES мой достаточное количество
feicthe ***agam***.
видеть.PRT у.1SG
‘Я достаточно увидел’.

(51) ***Tá*** *sé* *ar fad* ***cloiste*** *anois* ***a'm***.
быть.PRES это все слышать.PRT сейчас у.1SG
‘Я это сейчас уже все слышал’.

В подобных случаях именно наличие квантификатора предоставляет возможность для употребления перфекта, указывающего в таком случае на полный охват множества, что означает, что такие примеры следует интерпретировать как результативный перфект.

Экспериенциальное значение встречается и с предельными глаголами:

(52) ***Tá*** *sí* ***tagtha*** *anall* *dhá* *uair*
быть.PRES она приходить.PRT оттуда два раз
‘Она два раза приезжала’ [NCÉ]

Следует иметь в виду, что такие случаи редки, и с предельными глаголами конструкция обычно имеет результативно-перфектное значение.

2.2.4. Обстоятельства длительности при перфекте. Перфектные конструкции могут употребляться с обстоятельственными показателями длительности, однако их интерпретация скорее результативная, чем инклюзивная (континуативная):

(53) *Ba* *bheag* *obair* *a* ***bhí*** ***déanta***
COP.PRET небольшой работа REL быть.PST делать.PRT
le *coicíos* *anuas* ***aige***
в течение две недели к настоящему моменту у-него
‘Мало работы он сделал за две недели’ [NCÉ]

2.2.5. Перфект в плане прошедшего времени. В плане прошедшего времени перфектная конструкция (плюсквамперфект) может выступать как с результативным (54) или экспериенцальным (55) значением, так и для указания на предшествование ситуации моменту в прошлом (см. (56), где плюсквамперфект скорее выражает чистое предшествование, так как он образован от глаголов восприятия, которые описывают ситуации, не подразумевающие материального результата):

(54) *chur* *tú* *dath* *thríd* *[an]* *an* *almond* *paste*
класть.PRET Вы цвет через DEF DEF миндаль крем
a ***bhí*** ***déanta*** ***agat****?*
REL быть.PRT делать.PRT у.2SG
‘Вы придали цвет с помощью миндального крема, который у Вас был сделан?’ [CGL]

(55) *an* ***raibh*** *leabharlann* ***feicthe*** *riamh*
INT быть.PST библиотека видеть.PRT когда-либо
aige
у.3SG.M
‘видел ли он когда-нибудь библиотеку’ [NCÉ]

(56) *bhí* *muid* *ag* *cíoradh* ⟨…⟩ *gacha*
быть.PRET мы PROG обсуждать.VN каждый REL
raibh ***cluinte*** *agus* ***feicthe*** ***againn***
быть.PRET слышать.PRT и видеть.PRT у.1PL
‘мы обсуждали и разбирали все, что слышали и видели [в течение дня]’ [NCÉ]

В придаточных предложениях времени с *nuair* ‘когда’ перфектные конструкции имеют перфективное значение — ремой является указание на завершение ситуации:

(57) *aiféal* *láithreach* *orm* *nuair* *a*
сожаление немедленно на.1SG когда PTCL
bhí *sé* ***ráite*** ***agam***
быть.PRET он/оно говорить.PRT у.1SG
‘тут же пожалел, когда сказал это’ [NCÉ]

На перфективное значение в таких случаях указывает наступление ситуации, описываемой в главном предложении, не-

медленно по завершении ситуации, выраженной перфектом в придаточном предложении.

2.2.6. «После»-перфект и перфект с причастием. Акциональность «после»-перфекта и результативность перфекта с причастием определяет их различия, что можно продемонстрировать на случаях их соседства в тексте. «После»-перфект обычно описывает ситуацию, выделяя в ней акциональный компонент, а перфект с причастием — результативный:

(58) ***Bhí*** *sí* ***slogtha*** *ag an talamh;* ***bhí*** *sí* ***tar éis titim*** *isteach i seantobar fíoruisce*
‘Ее **проглотила** (ПЕРФЕКТ) земля; она **упала** («ПОСЛЕ»-ПЕРФЕКТ) в старый источник чистой воды’ [NCÉ]

(59) *An* ***bhfuil*** *an cinneadh ceart* ***déanta*** *ag Foras na Gaeilge nó an* ***bhfuil*** *Forás na Gaeilge aríst* […] ***théis*** *cinneadh a* ***dhéanamh*** *gan plé?*
‘**Приняло** (ПЕРФЕКТ) ли Агентство по ирландскому языку правильное решение или Агентство по ирландскому языку опять **приняло** («ПОСЛЕ»-ПЕРФЕКТ) решение без обсуждения?’ (радиопередача «*Iris Aniar*» от 04.02.2013)

В (58) перфект с причастием акцентирует внимание на состоянии пациенса, а «после»-перфект на действии, иммедиатно предшествующем точке отсчета. В (59) один и тот же предикат «принять решение» употреблен дважды: (1) в перфекте с причастием, где акцент на правильности принятого решения, и (2) в «после»-перфекте, где есть обстоятельство *без обсуждения*, характеризующее саму ситуацию принятия решения.

В плане прошедшего времени перфект с причастием может выступать в функции предпрошедшего, а «после»-перфект описывать ситуацию иммедиатную или расположенную ближе во времени к точке отсчета:

(60) *Bhí sé an-chairdiúil le Séamus Ó Tuathail a* ***bhí tar éis*** *an scéal seo a* ***scríobh*** *ach ní* ***raibh*** *tada* ***cloiste*** *ag Harris faoi.*
‘Он был очень дружен с Шемасом О Туахалем, который **написал** («ПОСЛЕ»-ПЕРФЕКТ) эту новость, но (сам) Харрис ничего не **слышал** (ПЕРФЕКТ) об этом (= о той ситуации, которая составляет новость)’ [NCÉ]

(61) *Ní* ***raibh*** *an drochscéal* ***cloiste*** *ag Mac Eoin mar* ***bhí*** *sé* ***tar éis teacht*** *thar n-ais ó choicíos saoire.*
‘Мак Оань не **слышал** (ПЕРФЕКТ) этой плохой новости, потому он (только что) **вернулся** («ПОСЛЕ»-ПЕРФЕКТ) из двухнедельного отпуска’ [NCÉ]

Как отмечалось выше, возможно встраивание перфекта с причастием в «после»-перфект. Д. Грин и Д. О Ше считают, что в них иммедиатность дополняется акцентом на завершенности предшествующей ситуации [Greene 1979: 127; Ó Sé 2004: 239]:

(62) [***Tá*** *na profaí* ***tar éis*** [***a bheith*** ***léite*** ***ag*** *cuid de na daoine*]]
быть.PRES DEF.PL гранки после быть.VN читать.PRT у часть из DEF.PL люди
‘Некоторые люди уже прочитали гранки’ [NCÉ]

2.3. Перфектные конструкции и претерит

2.3.1. Функциональные различия между перфектными конструкциями и претеритом. Претерит в ирландском языке имеет представляет собой флективную форму глагола, обозначающую любую ситуацию, предшествующую моменту речи. Эта ситуация может быть пунктивной, длящейся или множественной.

По мнению Д. Грина претерит всегда может заменить обе перфектные конструкции [Greene 1979: 123]. Действительно, перфектная конструкция и претерит встречаются в аналогичных контекстах:

(63) *le deich mbliana* ⟨…⟩ *anuas*
с десять год до настоящего момента
tá *fás mór* ***tágtha***
быть.PRES рост большой приходить.PRT
ar líon na mbeithíoch
на количество DEF.GEN.PL животные.GEN.PL
‘за последние десять лет количество животных значительно выросло’ [NCÉ]

(64) ***tháinig*** *fás mór ar an daonra* ⟨…⟩
приходить.PRET рост большой на DEF население

le deich mbliana anuas
с десять год до настоящего момента
‘за последние десять лет население значительно выросло’
[NCÉ]

Также ответы носителей указывают на возможность использования как перфекта, так и претерита для результативных ситуаций:

(65) *An bhfuil do chuid fiacla nite agat?*
Q быть.PRES твой часть зуб.PL мыть.PRT у.2SG
‘Ты почистил зубы?’

(66) *Ar ghlanais na fiacla?*
Q чистить.PRET DEF.PL зуб.PL
‘Ты почистил зубы?’

Однако Д. О Ше отмечает, что есть контексты, в которых претерит и перфект образуют смысловую оппозицию:

(67) ***Tá*** *seachtó míle míle* ***déanta aici***
быть.PRES семьдесят тысяча миля делать.PRT у.3SG.F
‘Она [машина] прошла семьдесят тысяч миль’
[Ó Sé 1992: 59]

(68) ***Rinne*** *sí seachtó míle mile*
делать.PRET она семьдесят тысяча миля
‘Она [машина] прошла семьдесят тысяч миль’
[Ó Sé 1992: 59]

Предложение (67) взято из рекламного объявления на радио о продаже автомобиля и описывает ситуацию, в которой пробег автомобиля актуален в настоящий момент. (68) скорее будет понято так, что машина уже не используется.

(69) ***Thá*** *sé* ***léite*** ***agam*** *go dtí so*
быть.PRES он читать.PRT у.1SG до здесь
‘Я прочитал ее [книгу] до этого места’ [Ó Sé 1992: 59]

(70) ***Léas*** *go dtí so é*
читать.PRET до здесь он.OBJ
‘Я прочитал ее [книгу] до этого места’ [Ó Sé 1992: 59]

В (69) подразумевается, что говорящий еще читает книгу, а в (70) говорящий не стал дочитывать книгу до конца.

Функцию перфекта в (67) и (69) можно назвать «хронометрическим»: перфект как бы засекает в точке отсчета количественное проявление ситуации, которое и составляет результат, отличительной особенностью которого является то, что он промежуточный.

Относительно экспериенциальных контекстов Д. О Ше отмечает, что для них более типичен претерит, перфект акцентирует достижение результата:

(71) *Ar* ***léigh*** *tú an leabhar sin riamh?*
INT читать.PRET 2SG DEF книга этот когда-либо
‘Вы когда-нибудь читали (PRET) эту книгу?’ [Ó Sé 1992: 55]

(72) *An* ***bhfuil*** *An tOileánach* ***léite*** ***agat****?*
INT быть.PRES Островитянин читать.PRT у.2SG
‘Вы прочитали (PRF) «Островитянина»?’ [Ó Sé 1992: 56]

В (71) вопрос относится к опыту собеседника, а (72) «может быть задан преподавателем, чтобы узнать, дочитал ли студент определенную книгу из списка до конца» [Ó Sé 1992: 56].

Несмотря на наличие этих смысловых оппозиций, противопоставление перфекта претериту все же нельзя считать до конца сформировавшимся как облигаторное. Так, опрос носителей языка показал, что, например, в контексте типа (71) возможен и претерит.

Таким образом, можно говорить только об общей тенденции, по которой перфект с причастием больше характерен для результативных контекстов, в то время как претерит может употребляться в любых контекстах.

2.3.2. Сочетаемость перфекта и претерита с наречиями. На материале корпуса NCÉ можно проследить употребление перфекта и претерита в контекстах с наречиями *cheana* ‘уже, до этого’ (экспериенциальный контекст), *riamh* ‘когда-либо’ с отрицанием (экспериенциальный), *fós* ‘все еще’ (результативный или экспериенциальный), *cheana féin* ‘уже’ (результативный или экспериенциальный), а также с *díreach* ‘только что’.

В предложениях с наречием *cheana* ‘уже, до этого’, сигнализирующим экспериенциальный контекст, распределение следующее:

Таблица 4. Претерит и перфектная конструкция с причастием в контексте с наречием *cheana* ‘уже, до этого’

Претерит[10]	318 (84%), из них:
- глаголы речи	170 (47%)
- глаголы восприятия	20 (20%)
Перфект	61 (16%), из них:
- глаголы речи	26 (42%)
- глаголы восприятия	10 (16%)
Всего	379 (100%)

Отметим, что более половины случаев употребления перфекта с *cheana* ‘уже, до этого’, — это перфекты от глаголов речи и восприятия, которые с точки зрения семантики не являются результативными, т.е. обозначаемые ими ситуации не имеют материального результата.

В противоположных наречию *cheana* по полярности контекстах отрицательных предложений с *riamh* ‘когда-либо, никогда’ перфект практически не употребляется (удалось найти только один пример).

Перфект, напротив, возможен в отрицательных предложениях с *fós* ‘все еще’:

Таблица 5. Претерит и перфектная конструкция с причастием в контексте с наречием *(ní) fós* ‘еще (не)’

Претерит	52 (52%), из них:
- глаголы речи	6 (12%)
- глаголы восприятия	12 (23%)
Перфект	48 (48%), из них:
- глаголы речи	1
- глаголы восприятия	1
Всего	100 (100%)

[10] В приводимых таблицах данные по претериту приводятся без учета случаев с глаголом бытия, так как он конструктивно невозможен в перфекте (у него отсутствует форма причастия) и, таким образом, по умолчанию не может иметь оппозиции претерит-перфект.

Этот контекст подразумевает обманутое ожидание в сочетании с результативной семантикой и выступает как синонимичный *ní ... riamh* ‘не … когда-либо, никогда’ с экспериенциальной. Экспериенциальными являются случаи с глаголами речи и восприятия, а также 4 случая в претерите с другими глаголами (3 с глаголами со значением ‘встречаться’ и 1 случай с *déan* ‘делать’). Перфект, как видно из таблицы, в этом контексте сочетается почти исключительно с результативными глаголами.

В предложениях с наречием *cheana féin* ‘уже’, сочетающимся как с результативным, так и с экспериенциальным значением, распределение следующее:

Таблица 6. Претерит и перфектные конструкции в контексте с наречием *cheana féin* ‘уже’

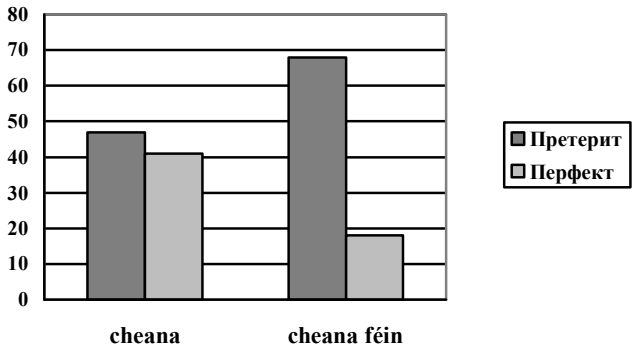
Претерит	46 (34%)
- глаголы речи	31 (67%)
- глаголы восприятия	3 (7%)
Перфект	83 (62%)
- глаголы речи	15 (18%)
- глаголы восприятия	4 (5%)
«После»-перфект	5 (4%)
Всего	134 (100%)

Вполне ожидаемо, что перфект, в целом, будет более востребован в контекстах с *cheana féin* ‘уже’, поэтому его доля в общем количестве таких контекстов превышает долю претерита.

Доля нерезультативных глаголов речи и восприятия с *cheana féin* ‘уже’ значительно меньше, чем в контекстах с *cheana* ‘уже, до этого’, и при этом они преимущественно сочетаются с претеритом, что согласуется с их нерезультативностью.

Если в экспериенциальном контексте претерит и перфект имеют примерно одинаковую долю употребления с нерезультативными глаголами, то в вариативном контексте с *cheana féin* ‘уже’ предпочтения этих глаголов резко смещаются в сторону претерита, что можно продемонстрировать на примере употребления глаголов речи:

Схема 1. Доля глаголов речи в употреблениях претерита и перфекта с *cheana* ‘уже, до этого’ и *cheana féin* ‘уже’



В экспериенциальном употреблении (контекст *cheana* ‘уже, до этого’) перфект встраивается в систему употребления глагольных форм, фактически повторяя модель употребления претерита. В вариативном (результативном или экспериенциальном) контексте с *cheana féin* ‘уже’ есть функциональное разделение между претеритом, выступающим в экспериенциальных контекстах, и перфектом, маркирующим результативность, что отражается в предпочтениях нерезультативных глаголов.

Типично перфектным является контекст с наречием *díreach* ‘только что’, в котором причастная перфектная конструкция встречается 59 раз, а «после»-перфект 31 раз. Претерит встречается только 9 раз с дополнительным маркером *anois* ‘сейчас’.

Таким образом, можно сделать вывод, что в тех чисто экспериенциальных контекстах, где результативная интерпретация невозможна, перфект, хотя и значительно менее частотен, способен подменять претерит, особенно с глаголами речи и восприятия, в то время как в контекстах, в которых возможно как результативное, так и экспериенциальное значение, перфект сохраняет результативность и противопоставляется экспериенциальному претериту.

Перфектная конструкция выражает перфектно-результативное значение, а с глаголами восприятия и речи и иногда с другими типами глаголов — экспериенциальное, однако конструкция не является облигаторной, так как отсутствуют контексты ее употребления, в которых не допускается претерит.

2.4. Влияние английского языка

Ирландские исследователи сходятся во мнении, что функциональное распространение перфекта в последнее время является результатом влияния английского языка. Не отрицая этого, хочется отметить, что это воздействие не представляет собой последовательного наложения матрицы одного языка на другой, но скорее состоит в обнаружении в ирландском языке способов выражения категорий английского (причем ирландского варианта английского, самого испытавшего определенное влияние ирландского языка) и последующем расширении их функциональности. Последнее, однако, не охватывает всю лексику, как может происходить в случае изучения языка, но в большей степени проявляется с одними группами глаголов, в то время как другие оказываются более устойчивыми к изменениям: так, экспериенциальное употребление перфектной конструкции в первую очередь возможно с глаголами восприятия и речи, и гораздо реже — с другими типами глаголов. Это указывает на учет глагольной семантики и сложившихся в языке способов выражения тех или иных значений и говорит об относительной естественности таких изменений, хотя они, возможно, и мотивированы внешними факторами.

3. Перфектные конструкции: диахрония

3.0. Общие сведения

«После»-перфект представляет собой более раннюю конструкцию: он засвидетельствован с XII в. До XVII в. он образуется со старым предлогом *(i)ar* ‘после’, а с XV в. встречаются примеры с новыми предлогами. Эти две реализации модели «глагол бытия + предлог ‘после’ + глагольное имя» можно было бы считать одной конструкцией, претерпевшей в определенный момент обновление формальных средств выражения, однако, учитывая то, что конструкции со старым и с новыми предлогами имели определенные структурные и семантические различия, можно говорить о двух разных конструкциях, использующих одну модель. Обе конструкции имели активный и пассивный варианты, функционально отличавшиеся друг от друга. Перфект с причастием представляет собой относительно позднюю конструкцию, засвидетельствованную с XVIII в. Наличие рассматриваемых конструкций в текстах разных веков удобно представить в виде таблицы:

Таблица 7. Перфектные конструкции в источниках по векам

век / тип конструкции	12	13	14	15	16	17	18	19	20
Активный «после»-перфект со старым предлогом *(i)ar*									
Пассивный «после»-перфект со старым предлогом *(i)ar*									
Активный «после»-перфект с новыми предлогами									
Пассивный «после»-перфект с новыми предлогами									
Перфект с причастием									

Следует отметить, что частотность всех конструкций в текстах на всем протяжении их функционирования низкая, что указывает на то, что ни одна из них не была в достаточной мере втянута в систему обязательных грамматических оппозиций. Исключением, вероятно, может считаться пассивная конструкция «*(i)ar* ‘после’ + кореф. подлежащему притяж. мест. + глагольное имя», которая, в отсутствие морфологического причастия в ирландском языке, выступала как его функциональный аналог.

3.1. «После»-перфект

3.1.1. «После»-перфект со старым предлогом (i)ar ‘после’. Первые примеры перфектной конструкции с предлогом *(i)ar* ‘после’ встречается в текстах среднеирландского периода (X–XII вв.). Стоит отметить, что в трех примерах, относящихся к этому периоду, конструкция имеет четко выраженное иммедиатное значение. Приведем один из примеров:

(73) *mar* *bad* ***ar*** ***marbad*** *a* *hathar*
как COP.PRET после убить.VN ее отец.GEN
robeth ***ar*** *na* ***adluccun***
быть.PRF после.3SG.M хоронить.VN
‘[И был меч короля покрыт кровью в ее руке,] как будто она (только что) убила своего отца и похоронила его’
[TTebe 1932]

Далее эта конструкция встречается на протяжении всего ранненовоирландского периода (XIII–XVII вв.), но очень редка и обычно имеет широкое перфектное значение, например:

(74) *a* ***tai*** ***ar*** ***cur*** *do* *chongáiri*
быть.PRES.2SG после класть.VN твой голос
‘ты прокричал’ [Ir. Texts 2, 11, цит. по Ó Sé 2004: 188]

(75) *in* *drong* ***bis*** ***ar***
DEF группа быть.PRES.HAB.REL после
térnugad *co firinneach* *on* *easlainti*
выздоравливать.VN истинно от нездоровье
‘те, кто вполне оправился от болезни’ [RS 9264-5]

В случаях с непереходными глаголами трудно определить, выражают ли конструкции результирующее состояние, или это значение имплицируется, а сама конструкция указывает на предшествующее действие. Это неудивительно, так как результатом ситуации, выраженной непереходным глаголом, является состояние субъекта действия.

3.1.2. Пассивная конструкция с (i)ar ‘после’. Более широко используется пассивный вариант этой конструкции «*(i)ar* ‘после’ + притяж. мест, кореферентное с подлежащим + глагольное имя».

(76) ***do bátar***$_i$ ***ar*** *n-a*$_i$ ***gcréchtnugad***
быть.PRET.PL после POSS.3PL ранить.VN
‘они были ранены’ [CML 385/6]

В отличие от активной конструкции, где синтагма «предлог + глагольное имя» всегда сопровождается глаголом бытия, пассивный вариант «предлог + притяжательное местоимение + глагольное имя» может использоваться и самостоятельно, выступая в функции аналитического пассивного причастия:

(77) *co* *n-acca* *in* *tech* *lér-gníma*
CONJ видеть.PST.1SG DEF дом благоустроенный
iar *n-a* ***thugaid*** *d'* *imm*
после POSS.3SG.M крыть.VN от мед.DAT
'и я увидел благоустроенный дом, крытый медом'
[AMCG 791-2]

Конструкция с глаголом бытия имела результативное значение:

(78) ***atá*** *Dún* *Delgan* ***ar****na* ***losgad***
быть.PRES Дун Делган после.3SG.M сжечь.VN
'Дун Делган сожжен' [ACC 90, цит. по Greene 1979/80]

(79) *an* *saoghal* *a* ***tá*** ***ar*** *n-a*
DEF мир REL быть.PRES после POSS.3SG.M
dhéanamh *ó* *Dhia*
делать.VN от Бог
'мир, который создан Богом' [Des. 5128]

Эта конструкция могла также использоваться для обозначения стативных ситуаций, не являющихся результатом предшествующего действия:

(80) ***Atá*** ***ar*** *n-a* ***suidhiughadh*** ⟨…⟩
быть.PRES после POSS.3SG.F расположить.VN
ar *ferann* *chomthrom* *choimréidh*
на территория ровный плоский
'он [город] расположен на ровной плоской территории' [TÓC]

В XVII в. встречаются примеры, в которых эта конструкция сочетается с непредельными глаголами, указывая на процесс:

(81) *noch* ***ata*** ***iar****-na* ***riaghludh****,*
REL быть.PRES.3SG.REL после-POSS.3SG.F править.VN
agus ***iar****-na* ***stiurudh*** *maille* *ris*
и после-POSS.3SG.F управлять.VN вместе с
an *Spioraid* *Naoimh* *cheanna*
DEF дух святой тот же
'[церковь] которая управляется и направляется святым духом' [CTS 49]

Пример (81) переводит лат. *quae ab eodem spiritu sancto* ***regitur*** *atque* ***dirigitur***, то есть пассивная конструкция передает значение латинского акционального пассива.

Стоит отметить, что такие примеры немногочисленны и встречаются только в переводных текстах. Их появление может быть связано с тем, что к XVII в. аналитическое причастие начало замещаться отглагольным прилагательным. Бонавентура О Хоса в грамматике, составленной в 1607–1614 гг., отмечал, что эта замена не принималась образованными кругами, [Mac Aogáin 1968: 64]. Учитывая этот факт, можно предположить, что примеры аналитического причастия с непереходными глаголами могут быть отражением того, что оно продолжало использоваться только в письменных текстах, в то время как в речи его место уже заняло причастие на *-t(h)a/e* (из отглагольного прилагательного). Прескриптивный статус аналитического причастия как варианта бытовавшего в речи причастия на *-t(h)a/e*, то есть его существование вне устной языковой системы, могло привести к тому, что оно могло более «вольно» использоваться авторами переводов в качестве пассивного причастия, не содержащего таксисного компонента значения.

3.1.3. Активная и пассивная конструкции с (i)ar ‘после’. Таким образом, если активная конструкция включала в себя глагол бытия как обязательный компонент, изначально имела иммедиатное значение, на всем протяжении ее бытования имела ограниченное употребление в качестве конструкции с нечетко очерченным перфектным значением и вышла из употребления к XVIII в., то пассивная конструкция использовалась гораздо чаще и вплоть до конца XIX в. (причем она используется в ограниченном контексте и в современном языке), не включала в себя глагол бытия как обязательный компонент и могла использоваться независимо в качестве пассивного причастия, никогда не проявляла иммедиатного значения, но с самого начала была результативной, а позже, в текстах XVII в. используется для передачи акционального пассива.

3.1.4. «После»-перфект с новыми предлогами. Конструкция «после»-перфекта с новыми предлогами (в основном *tar éis* и *d’éis*) встречается в текстах с XV в. Многие из них имеют иммедиатное значение:

(82) *Lá* *éiccin* *dia* ***raibhe*** *Brenainn*
день некоторый из.REL быть.PRET Брендан
tar eis *aifrinn* *do* ***radha***
после месса PTCL говорить.VN
‘Однажды, когда Брендан прочитал мессу’ [BNÉ I, 71]

(83) *noch* *do* ***bhí*** ***d'éis*** ***teachta***
REL PTCL быть.PRET после прийти.VN
‘который только что пришел’ [AÓS, 220]

Конструкция встречается с неиммедиатным значением в интенсивных контекстах:

(84) ***dobhí*** *an* *liaigh* ***tar éis*** *mórán*
быть.PRET DEF врач после много
do ***chaitheamh***
PTCL тратить.VN
‘врач потратил много [чтобы построить дом]’ [BSF, 62]

В историческом корпусе ирландского языка «Corpas na Gaeilge», охватывающем период с 1600–1882 г., содержится 69 случаев «после»-перфекта с предлогами *d’éis* и *tar éis* ‘после’. Данные по типам конструкций и по значениям приведены в таблице 8.

Таблица 8. «После»-перфект с *d’éis* и *tar éis* ‘после’ в Corpas na Gaeilge 1600-1882

специализированные значения / структурные типы конструкции		всего	из них		
			иммедиатных	интенсивных	иммедиатных и/или интенсивных
актив	VN + NP_{GEN} (старое управление)	1			
	NP + PTCL + VN (новое управление)	21	13	6	
	местоименное дополнение	5	1	2	
	непереходные глаголы	22	12	2	2
Пассив		15	2	1	
неопределенные случаи		5	2	1	1
Всего		69	30	12	3

Иммедиатность и интенсивность проявляются в большинстве примеров (65%) и в первую очередь в активных конструкциях (78%), которых также значительно больше (71%), чем пассивных (22%).

Пассив менее характерен для «после»-перфекта с предлогом *d'éis/tar éis* 'после', и в пассивных примерах меньше проявляются иммедиатность и интенсивность. Возможно, что пассивные примеры с новыми предлогами являются результатом влияния модели старой конструкции с предлогом *(i)ar*, которая чаще встречается именно в пассиве и не имеет указанных значений.

3.1.5. «После»-перфект с (i)ar и с новыми предлогами

3.1.5.1 Структурные различия. Есть ли связь между «после»-перфектом с *(i)ar* и «после»-перфектом с новыми предлогами и можно ли говорить об их преемственности?

С формальной стороны между ними есть одно структурное различие: в «после»-перфекте с *(i)ar* прямой объект следует за глагольным именем в форме генитива, что представляло собой старую модель управления прямого объекта глагольным именем, отражавшую его номинативную природу, в то время как в «после»-перфекте с новыми предлогами прямой объект оформляется по новой модели, которая постепенно сменяла старую во всех случаях, где глагольное имя выступало в функции нефинитного глагола:

старая модель VN + NP_{GEN} → новая модель NP + PTCL *do* + VN

(i)ar + VN + NP_{GEN} *tar éis, d'éis* + NP + PTCL *do* + VN

Новая модель управления появилась в результате переоформления целевого оборота «*do* 'к' + VN» и уже в древнеирландском имела признаки инфинитивного оборота [Stüber 2009], что соответствует общетипологическим моделям [Haspelmath 1989]. Отличие ирландского языка состоит в том, что употребление частицы *do*, в современном языке редуцировавшейся почти везде в *a*, не выходит за пределы случаев с прямым объектом, а глагольное имя в инфинитивной функции с непереходными глаголами оформляется без него, за исключением глагола 'быть' во всех диалектах и глаголов 'идти' и 'приходить' в западных и северных диа-

лектах. Таким образом, частица не стала чисто инфинитивной, сохранив в своем синтаксическом поведении связь с исходным предложным оборотом. Тем не менее, эта модель начиная с древнеирландского периода постоянно расширяла свою функциональную сферу и стала обязательной в современном языке, полностью вытеснив старую.

Сохранение старой модели оформления прямого объекта в «после»-перфекте с *(i)ar* при ее постепенной замене на новую модель в других контекстах должна указывать на определенную степень выделения этой конструкции из общего синтаксического фона и, следовательно, ее идиоматизации. В современном ирландском языке есть две конструкции, которые сохранили старую модель: прогрессив, являющийся грамматикализовавшимся членом видовременной системы глагола, и целевая конструкция, также отличающаяся высокой степенью идиоматизации (подробнее см. [Байда 2006]). Таким образом, сохранение старого порядка слов может служить признаком идиоматизации конструкции, и, учитывая переход предлога *(i)ar*, по сути, в разряд таксисных показателей к времени появления первых примеров «после»-перфекта с новыми предлогами, можно предположить, что новая конструкция не была результатом «обновления» формы старой конструкции с *(i)ar*.

3.1.5.2. Семантические различия. Активный «после»-перфект с *(i)ar* в ранненовоирландском имеет общеперфектное значение, а с новыми предлогами — в основном, иммедиатное или интенсивное (так же как и «после»-перфект с *(i)ar* в небольшом количестве среднеирландских примеров). Таким образом, синхронно с точки зрения семантики старый и новый «после»-перфект неравнозначны. С другой стороны, пассивные варианты нового «после»-перфекта семантически расходятся с активными, что может указывать на образование и употребление по аналогии с моделью старой конструкции, которая была значительно более употребительна в пассивном варианте, чем в активном, и не имела значений, свойственных конструкции с новыми предлогами. Ср. следующие два примера, где *tar éis* образует пассивную результативную неиммедиатную конструкцию, возможно, под влиянием модели старой пассивной конструкции:

(85) *óir* *is* *mar* *so* ***atá*** *sé*$_i$
так как COP.PRES как это быть.PRES он
ar-na$_i$ ***sgríobhadh*** *ag* *an* *bhfáidh*
после-POSS.3SG.M писать.VN у DEF пророк
‘ибо так написано через пророка’ (Мт. 2:5) [TN]

(86) ***Tá*** *ag* *Ainselmus* *naomhtha* ***tar éis*** *a*$_i$
быть.PRES у Ансельм святой после POSS.3SG.M
sgríbhinn [*gur*…]$_i$
писать.VN CONJ.COP
‘У святого Ансельма написано, что…’ [BC 18]

В обоих случаях пассивность выражается с помощью коиндексации подлежащего (во втором примере выраженного клаузой) и притяжательного местоимения, указывающего на объект при глагольном имени.

Следует учитывать факт лингвистической осведомленности авторов этой эпохи, многие из которых проходили специальное обучение в бардических школах и могли иметь представление о более раннем значении и происхождении тех или иных слов.

Так или иначе, конструкция «после»-перфекта с новыми предлогами имеет в первую очередь акциональное иммедиатное значение в современном языке, и в этом она сохраняет, как представляется, особенности, свойственные ей изначально и связанные с семантикой входящего в нее предлога со значением «после».

А. О Коррань объясняет иммедиатное значение «после»-перфекта в современном языке действием «четвертого закона аналогии» Е. Куриловича [Kuryłowicz 1947], т.е. сужения функциональной сферы элемента и его спецификации во вторичной функции в результате вытеснения из контекстов его первичной функции новым элементом, в случае с перфектом — вытеснение «после»-перфекта перфектом с причастием из всех контекстов, кроме иммедиатных [Ó Corráin 2007: 202; О’Коррань 2007: 86]. Однако предполагать сужение функциональной сферы «после»-перфекта отнюдь не является необходимым, так как было показано, что ранние употребления «после»-перфекта со старым предлогом *(i)ar* проявляют иммедиатную семантику, что более широкое перфектное значение старой конструкции может быть свя-

зано с размытием семантики самого этого предлога, превратившегося, по сути, в таксисный показатель, что конструкции с новыми предлогами, в свою очередь, снова проявляют семантику, связанную со значением предлога «после»: иммедиатность и интенсивность, и что в большинстве случаев конструкция акциональна, и поэтому ее функциональная сфера не обязательно пересекается с употреблением результативного перфекта с причастием. При объяснении через вытеснение и спецификацию также остается непонятным, почему перфект с причастием не вытеснил «после»-перфект и в иммедиатных контекстах, так как он вполне совместим с этим значением; в частности, он сочетается с наречием *díreach* ‘только что’. Кроме того, подобного рода вытеснение, как кажется, может приводить к спецификации только в случае с обязательными элементами системы, так как у них должна быть четко очерченная общая семантическая область, в рамках которой и происходит конкуренция; не зря у Куриловича этот процесс рассматривался в контексте явлений в морфологии. В случае с перфектными конструкциями в ирландском языке мы имеем дело с тем, что принято называть «периферийными» элементами, функциональная область которых, вообще говоря, строго не определена, как не обязательно и их употребление в соответствующих контекстах. Перфектная конструкция с причастием, однако, как менее специфицированная могла помешать функциональному расширению «после»-перфекта и таким образом способствовать сохранению его исходной семантики.

3.2.1. Перфектная конструкция с причастием. Происхождение перфектной конструкции с причастием трудно отследить, хотя она и довольно поздняя. Напомним, что в ирландском языке долгое время не было причастий, а те элементы, к которым восходят современные причастия, по сути, представляли собой отглагольные прилагательные, значение которых не всегда предсказывалось моделью образования. Однако пассивные перфектные конструкции «предлог + местоимение + глагольное имя» фактически функционировали как аналитические причастия и позже были заменены в этой функции отглагольными прилагательными [O’Rahilly 1932: 135].

Отглагольные прилагательные засвидетельствованы с самого раннего периода, однако, как было отмечено выше, они

долго не были причастиями, так как их значение не всегда предсказывалось значением глагольной лексемы и моделью образования. С другой стороны, аналитические причастия изначально были глагольными конструкциями и таким образом были связаны с производящей основой регулярными отношениями. Их грамматикализация привела к формированию категории причастия, что создало возможность для замены аналитических причастий отглагольными прилагательными. Так, в частности, появились результативные конструкции в том виде, в котором они представлены в современном языке.

Выше уже приводился отрывок из грамматики Бонавентуры О Хоса, в котором говорится о замене аналитических причастий на отглагольные прилагательные в разговорном языке начала XVII в. и о неприятии этого процесса в образованных кругах. Можно предположить, что последнее связано с культивировавшимися в бардических школах представлениями о языке в его классической форме, закрепленной в грамматических трактатах. Тем не менее, в разговорном языке эта замена уже происходила, и к XVIII в. отглагольные прилагательные в функции причастий становятся широко представленными в текстах.

Ситуация с собственно перфектными конструкциями с причастиями несколько сложнее. Несмотря на то, что имеются примеры употребления аналитических причастий с предложными распространителями *ag* + NP, наряду с этим предлогом употреблялись и другие (*ó* ‘от, из’ *le* ‘с’) в той же функции, а именно для маркирования агенса при пассивных формах глагола. В современном языке, однако, перфект с причастием не имеет пассивной семантики, а предложный распространитель не является агентивным дополнением при пассивной конструкции. Следует отметить также, что пассив как категория фактически исчез из современного ирландского языка, а те формы, которые в XVII в. были пассивными и при которых могло быть агентивное дополнение с приведенными выше предлогами, сейчас являются неопределенно-личными (безагентивными или, более традиционно, имперсональными). Таким образом, эти предлоги перестали употребляться с пассивом, но один из них, а именно *ag* ‘у’, также использующийся в посессивной конструкции *tá Y ag X* ‘у X-а есть Y’, сохранился в перфектной конструкции, которая не имеет пас-

сивного характера. Это может указывать на то, что агентивное дополнение *ag* + NP было семантически переосмыслено как посессивное; такое переосмысление предполагал еще Х. Циммер [Zimmer 1901].

Первые примеры, формально совпадающие с перфектной конструкцией, относятся к XVII в., однако, по-видимому, здесь представлены результативы в посессивном контексте:

(87) *nách* *cóir* *dhúinn* *polláiri* *clí* ⟨…⟩
CONJ.NEG правильный к.1PL ноздря.PL левый
do ***bheith*** ***osgoilthe*** *aguind*
PTCL быть.VN открывать.PRT у.1PL
'[Объясняя,] что нам не следует иметь левые ноздри [ревности и зависти к добрым делам наших соседей] открытыми' [Des. 113095-7]

Позже, в XVIII в. появляются примеры, которые порой трудно квалифицировать как пассивно-результативные или перфектные, что может отражать процесс переоформления семантики конструкции, описанный выше.

Таким образом, для реконструкции возникновения перфектной конструкции с причастием имеются следующие факты:

- конструкция с аналитическим причастием и агентивным дополнением с предлогами *ó* 'от, из', *le* 'с' и *ag* 'у' имела пассивное результативное значение;
- причастие, возникшее на базе отглагольного прилагательного, заменяло аналитическое причастие;
- в современном языке пассива как категории нет, пассивные формы глагола утеряли возможность сочетаться с предложными агентивными маркерами и стали безагентивными;
- современное причастие сочетается в перфектной конструкции (которая не имеет пассивной семантики) только с предложным дополнением с *ag* 'у', которое также используется в посессивной конструкции;
- первые примеры XVIII в. конструкции, формально совпадающей с современной, трудно однозначно интерпретировать как пассивные или перфектные.

По мере того, как пассивные элементы теряли возможность иметь при себе выраженный агенс и переосмыслялись как безагентивные, предложное дополнение с *ag* ‘у’ в сочетании с глаголом бытия было переосмыслено как посессивное, так как это сочетание также использовалось в посессивной конструкции. Такое переосмысление должно было повлиять на семантику конструкции с причастием в целом, а именно привести к сдвигу семантики конструкции в сторону перфектной: сочетания причастий с бытийными и посессивными глаголами являются одним из основных источников перфектных конструкций (см. [Bybee, Dahl 1989: 57, 67–77]).

Переосмысление пассивной конструкции как посессивной не означало разрушения ее идиоматичности: предложное дополнение, переосмысленное как маркер посессора, не стало обозначать обладателя объекта, на котором отразился результат действия, а сохранило функцию указания на деятеля. Глагол бытия, выполнявший в пассивной конструкции функцию связки, был переосмыслен как носитель семантики бытийности в соответствии с его семантикой в посессивной конструкции. Таким образом, глагол бытия сообщал о наличии результата действия, обозначенного причастием, агенс которого маркировался предложным дополнением.

Ирландская перфектная конструкция с причастием не имела источником посессивные обороты с причастием, характеризующим обладаемый объект, а стала результатом переосмысления пассивно-результативной конструкции с агентивным дополнением как посессивной на фоне элиминации категории пассива и агентивных маркеров; такое переосмысление стало возможным ввиду формального совпадения одного из агентивных маркеров при пассиве и маркера обладателя в посессивной конструкции.

3.2.2. Статус предложного дополнения в перфектной конструкции. Описанный процесс возникновения перфектной конструкции с причастием как результат переосмысления семантики пассивно-результативной конструкции объясняет, почему так трудно однозначно определить функцию предложного дополнения в перфектной конструкции в современном языке. Так, Ж. Вандриес [Vendryes 1937], М. Диллон [Dillon 1941], и Х. Вагнер [Wagner 1959] считали его посессивным. Д. О Ше [Ó Sé 1992:

52–54; 2004: 182–5] также квалифицирует его как посессивное. М. Диллон полагал, что конструкция появилась на базе предложений, в которых предложное дополнение употреблялось при прилагательном:

(88) ***Tá*** *sé* *ullamh* ***agam***
быть.PRES он/оно готовый у.1SG
'Он/оно у меня готов(о)' [Ó Sé 2004: 185]

Кроме того, О Ше приводит факты диалектов английского языка в тех областях, где ирландский язык до недавнего времени существовал в быту: например, в некоторых районах графства Керри как в перфектных, так и в посессивных конструкциях используется предлог *by*:

(89) *where the trees are set by me*
'где я посадил деревья' [Ó Sé 1992: 54]

(90) *It's over there by him (= He has it over there)*
'Оно у него вон там' [Ó Sé 1992: 54]

То же касается острова Мэн, где сходные модели мэнского языка в обоих случаях калькируются с помощью предлога *at*:

(91) *It's forgot at-me.*
'Я его забыл' [Ó Sé 1992: 54]

Тем не менее, как кажется, предложное дополнение нельзя считать чисто посессивным, так как оно не обозначает обладателя объекта, на котором выражен результат действия.

Другие исследователи, например, Х. Хартманн [Hartmann 1954: 97], Н. Стенсон [Stenson 1981: 148–9] и Дж. МакКлоски [McCloskey 1996], считают перфектную конструкцию пассивной, а предложное дополнение агентивным. При этом МакКлоски, как уже упоминалось выше (см. 2.2.2), признает непассивную семантику конструкции, указывая на отсутствие у нее риторических и дискурсивных функций, ассоциирующихся с пассивом.

Действительно, перфектная конструкция семантически активна, на что, например, указывает то, что, в отличие от пассива, агентивное дополнение в перфектной конструкции не может составлять рематическую часть (см. раздел 2.2.1).

В современном языке, таким образом, предложное дополнение не является ни агентивным в том смысле, что оно маркирует деятеля при пассиве, ни посессивным, так как не указывает на обладателя объекта, на котором проявился результат действия. Это не мешает носителям осмыслять его как посессивный и при калькировании использовать посессивные маркеры другого языка для отражения ирландской структуры.

Агенс переходного глагола выражен специализированно как предложное дополнение, а объект занимает позицию немаркированного подлежащего, получая такое же выражение, как и субъект непереходного глагола. Это дало основание P. Orpy определить стратегию оформления актантов в перфектной конструкции с причастием как «зачаточную эргативную» («embryonic ergativity») [Orr 1984; 1989]. Анализ перфектной конструкции как эргативной позволяет объяснить тот факт, что формально пассивная конструкция функционирует как активная.

3.2.3. Влияние английского языка. Следует отметить, что нельзя не принимать во внимание влияние английского языка на развитие перфекта в современном ирландском языке, в первую очередь с причастием. При этом речь не идет о «функциональном калькировании», т.е. моделировании поведения ирландской перфектной конструкции по аналогии с английским перфектом, — на это указывает как относительно низкая частотность ирландской конструкции, так и ее ограниченность преимущественно результативно-перфектными значениями и, в некоторых случаях, экспериенциальными, а также отсутствие облигаторности в ее употреблении. Английская категория перфекта скорее оказывает катализирующее воздействие, в соответствии с которым выбор в потенциально перфектных контекстах может делаться в пользу перфектной конструкции, однако такой выбор происходит с учетом семантики ирландской конструкции.

Отметим также, что имело место и обратное влияние ирландского языка на английский язык Ирландии. Так, ирландская конструкция «после»-перфекта была калькирована в ирландский английский, в котором с XVII в. засвидетельствована конструкция *be after V-ing* с иммедиатным значением. С другой стороны, наличие ирландской перфектной конструкции с причастием сделало возможным сохранение в ирландском английском конструк-

ции *have something done* с перфектно-результативным значением. (О влиянии ирландского языка на английский в Ирландии см. [Filppula 1999].)

4. Заключение

На протяжении большей части зафиксированной в текстах истории его развития ирландский язык имел способы выражения перфектного значения, которое, однако, никогда не становилось частью обязательного набора глагольных категорий, оставаясь квазиграммемой [Плунгян 2000: 133–136]. С точки зрения строения конструкций выделяются две модели перфекта: (1) с предлогом ‘после’ и глагольным именем и (2) с причастием.

«После»-перфект представляет собой более раннюю модель, успев дважды реализоваться в истории ирландского языка: первый раз со старым предлогом *(i)ar*, и позже с новыми составными предлогами. Старый «после»-перфект представляет собой случай неудавшейся грамматикализации: его активный вариант, судя по письменным источникам, так и не получил широкого распространения, в то время как пассивный вариант «после»-перфекта в отсутствие причастия оказался более востребован и фактически стал основой для формирования категории причастия в ирландском языке, а позже был заменен в этой функции втянутым в глагольную систему отглагольным прилагательным. Если причина «грамматикализационной неудачи» пассивного варианта конструкции кажется более понятной — он был вытеснен отглагольным прилагательным, возможно, из-за того что оно было морфологически проще, — то в случае с активным вариантом конструкции ситуация несколько менее понятна. В ранненовоирландском эта конструкция уже имела широкое перфектное значение, однако она все же не стала распространенной, постепенно выйдя из употребления в Ирландии, но до сих пор сохраняясь в Шотландии и также не получая более широкого распространения. Это можно объяснить тем, что сама конструкция «после»-перфекта является довольно прозрачной, представляя, по сути, вербализованную структуру перфектного значения, в котором одна ситуация буквально расположена *после* другой. С самого начала «после»-перфект являлся акциональным, как бы обойдя обычный путь грамматикализации перфекта и уже сразу

оказавшись на его завершающей стадии. Можно предположить, что отсутствие процесса приспособления конструкции к глагольной лексике и другим элементам глагольной системы, грамматикализационной «проработки» значения конструкции с расширением лексической базы за счет преодоления ограничений, связанных с исходным значением отдельных элементов и, соответственно, их десемантизацией и грамматической идиоматизацией всего целого привело к тому, что конструкции не удалось встроиться в систему обязательных глагольных категорий.

«После»-перфект с новыми предлогами, вероятно, повторяет тот же путь, что и старый «после»-перфект, с той разницей, что в современном языке есть результативный перфект с причастием, который позволяет «после»-перфекту сохранять специфицированность своего значения.

Перфект с причастием появляется относительно поздно, в XVII–XVIII вв., что связано, в первую очередь, с отсутствием до этого времени причастия как категории. Однако даже грамматикализация пассивного варианта «после»-перфекта и его замена отглагольным прилагательным были недостаточны для появления перфектной конструкции. Решающим фактором оказалась перестройка залоговых противопоставлений в ирландском языке, в результате которой пассив был переоформлен как безагентивная диатеза, при которой невозможно выражение деятеля. Побочным эффектом этой перестройки оказалось переосмысление сочетания глагола бытия и причастия с одним из предлогов, маркировавших агенс при пассиве, как посессивной конструкции, так как тот же предлог маркировал обладателя в собственно посессивных контекстах. Такое переосмысление смещало акцент в семантике глагола бытия в сочетании с причастием с функции глагола-связки на собственно бытийность, которая является компонентом значения тех глаголов, которые типично образуют перфекты с причастием — ‘быть’ и ‘иметь’. Агентивный маркер, переосмысленный как посессивный, однако, не перестал указывать на деятеля, и с появлением перфекта от непереходных глаголов, в котором агенс занимал позицию подлежащего, сложилась ситуация, в которой агенс переходного глагола ввиду специализированного способа маркирования по способу кодирования оказался противопоставлен субъекту непереходного и пациенсу переход-

ного глаголов, что фактически привело к эргативной модели кодирования актантов глагола в рамках перфектной и нескольких других аспектуальных конструкций.

Расширение функциональной сферы перфектной конструкции с причастием является одним из активных процессов в современном языке, что не в последнюю очередь связано с внешними факторами, которые, однако, являются скорее мотивирующими, нежели навязывающими модель для функционального копирования, так как материал показывает, что этот процесс происходит с учетом семантики ирландской конструкции, и преодоление ограничений происходит с теми глагольными лексемами, которые предоставляют для этого наиболее естественные условия.

Список условных сокращений

COND — кондиционалис, CONJ — союз, COP — глагол-связка, DAT — дательный падеж, DEF — определенный артикль, EMPH — эмфатическая клитика, F — женский род, GEN — генитив, HAB — хабитуалис, IMPF — имперфект, IMPRS — имперсонал, INT — вопросительная частица, NEG — отрицательная частица, OBJ — объектная форма местоимения, PL — множественное число, POSS — притяжательное местоимение, PRES — настоящее время, PRET — претерит, PRF — перфект, PROG — прогрессив, PRT — причастие, PTCL — частица, PTV — партитив, REL — релятивизатор, SG — единственное число, VN — глагольное имя, 1,2,3 — показатели лица.

Источники

ACC — Aided Con Culainn. // A. G. van Hamel (ed.). Compert Con Culainn and other stories. Dublin, 1968. P. 69-133.

AMCG — Aislinge Meic Con Glinne. K. H. Jackson (ed.). Dublin, 1990.

AÓS — Cinnlae Amhlaoibh Uí Shúileabháin, IV. M. McGrath (ed.). London, 1937.

BC — Beatha Chríost. Á. Ní Chróinín (ed.). Dublin, 1952.

BNÉ — Bethada Náem nÉrenn // Lives of the Irish Saints. C. Plummer, R. I. Best (eds). Oxford, 1922 (repr. 1968).

BSF — Beatha San Froinsias. P. Ó Súilleabháin (ed.). Dublin, 1957.

CCath. -In Cath Catharda: The civil war of the Romans: An Irish version of Lucan's Pharsalia. W. Stokes (ed.) / W. Stokes, E. Windisch (eds). Irische Texte 4, ii. Leipzig, 1909.

CML — Cath Maighe Léna. K. Jackson (ed.). Mediaeval and Modern Irish Series. No. IX. Dublin Institute for Advanced Studies, Dublin, 1990 (1938).

CTS — Theobald Stapleton. Catechismus seu doctrina Christiana Latino-Hibernica, Reflex Facsimiles. Dublin, 1945.

Des. — F. Ó Maolchonaire. Desiderius. T. F. O'Rahilly (ed.). Dublin, 1941.

Ir. Texts 2 — J. Fraser, J. G. O'Keeffe (eds.). Irish Texts. Fasc. 2: Poems on the O'Donnells 1200-1600. London, 1931.

LÓF — L. Ó Flaithearta. Dúil. BÁC, 1972 (1953).

Ml. — The Milan glosses on the Psalms. Thesaurus Palaeohibernicus: a collection of Old-Irish glosses, scholia, prose, and verse. W. Stokes, J. Strachan (eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 1901-03.

NFF — Stair Nuadat Find Femin: Die Geschichte des Nuada Find Femin. K. Müller-Lisowski (ed.) // Zeitschrift für Celtische Philologie, 13. Halle/Saale: Max Niemeyer, 1921. P. 195–250

RS — S. Ó Ceithearnaigh (ed.). Regimen na sláinte. Dublin, 1942.

TN — U. O'Domhnaill. Tiomna Nuadh Ar dTighearna agus Ar Slanuightheóra Íosa Críosd. London: British and Foreign Bible Society (Dublin), 1835 (1603).

TÓC — The Flight of the Earls by Tadhg Ó Cianáin, edited from the author's manuscript, with translation and notes. P. Walsh (ed.). St. Patrick's College, Maynooth, 1916.

TTebe — Togail na Tebe: the Thebaid of Statius. G. Calder (ed.). Cambridge, 1922.

Литература

Байда 2006 — В. В. Байда. Аналитическая форма прогрессива и синтаксис глагольного имени в кельтских языках // Д. Б. Никуличева и др. (ред.). Аналитизм в языках различных типов сорок лет спустя. Материалы чтений памяти В. Н. Ярцевой. Выпуск 2. М.: Эйдос, 2006. С. 225–230.

Курилович 1946 — Ю. Г. Курилович. Эргативность и стадиальность в языке // Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. Т. V. Вып. 5. М., 1946. С. 387–393.

Маслов 1983 — Ю. С. Маслов. Результатив, перфект и глагольный вид // В. П. Недялков (ред.). Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект). Л.: Наука, 1983. С. 41–54.

Недялков 1983 — В. П. Недялков. Теоретические вопросы изучения результативных конструкций // В. П. Недялков (ред.). Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект). Л.: Наука, 1983. С. 5–41.

О'Коррань 2007 — А. О'Коррань. Перфектные конструкции в островных кельтских языках // Вопросы языкознания № 5, 2007. С. 73–88.

Плунгян 2000 — В. А. Плунгян. Общая морфология: Введение в проблематику. М.: Эдиториал УРСС, 2000.

Храковский 1974 — В. С. Храковский. Пассивные конструкции // А. А. Холодович (ред.). Типология пассивных конструкций. Л.: Наука, 1974. С. 5-45.

Buntús Gaeilge 1966 — Buntús Gaeilge. Baile Átha Cliath, 1966.

Bybee, Dahl 1989 — J. L. Bybee, Ö. Dahl. The Creation of Tense and Aspect systems in the Languages of the World // Studies in Language 13, 1989. P. 51–103.

De Bhaldraithe — T. De Bhaldraithe. Gaeilge Chois Fharraige. Baile Átha Cliath: Institiúid Ard-Léinn Bhaile Átha Cliath, 1977 (1953).

Dillon 1941 — M. Dillon. Modern Irish atá sé déanta agam 'I have done it' // Language 17, 1, 1941. P. 49–50.

Filppula 1999 — M. Filppula. The Grammar of Irish English: Language in Hibernian Style, Routledge Studies in Germanic Linguistics 5, London & New York: Routledge, 1999.

Gillies 1977 — W. Gillies. Courtly and satiric poems in the Book of the Dean of Lismore // Scottish Studies 21, 1977. P. 35–53.

Gougenheim 1971 (1929) — G. Gougenheim. Etude sur les périphrases verbales de la langue française. Paris: Nizet (réimpr.), 1971 (1929).

Greene 1979 — D. Greene. Perfects and Perfectives in Modern Irish // Ériu 30, 1979. P. 122–141.

Hartmann 1954 — H. Hartmann. Das Passiv. Heidelberg: C. Winter, 1954.

Haspelmath 1989 — M. Haspelmath. From purposive to infinitive — a universal path of grammaticization // Folia Linguistica Historica 10, 1–2, 1989. P. 287–310.

Heine, Kuteva 2005 — B. Heine, T. Kuteva. Language Contact and Grammatical Change. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.

Kuryłowicz 1947 — J. Kuryłowicz. La nature des procès dits analogiques // Acta linguistica 5, 1947. P. 121–138.

Léard 1995 — J.-M. Léard. Grammaire québécois d'aujourd'hui. Comprandre les québécismes. Montréal: Guérin Universitaire, 1995.

Mac Aogáin 1968 — P. Mac Aogáin (ed.). Graiméir Ghaeilge na mBráthar Mionúr. Dublin: Institiúid Ard-Léinn Bhaile Átha Cliath, 1968.

McCloskey 1996 — J. McCloskey. Subjects and subject positions in Irish // R. D. Borsley, I. Roberts (eds.). The syntax of the Celtic languages: a comparative perspective. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. P. 241-183.

Ó Corráin 2007 — A. Ó Corráin. On the Origins and Development of Periphrastic Perfects in Irish // Studia Celtica Upsaliensia 7, 2007. P. 187–207.

Ó Sé 1992 — D. Ó Sé. The perfect in Modern Irish // Ériu 43, 1992. P. 39–67.
Ó Sé 2004 — D. Ó Sé. The ‘after’ perfect and related constructions in Gaelic dialects // Ériu 54, 2004. P. 179–248.
O’Rahilly 1932 — T. F. O’Rahilly. Irish dialects past and present: with chapters on Scottish Gaelic and Manx. Dublin: Dublin Institute for Advanced Studies, 1932.
Orr 1984 — R. Orr. An Embryonic Ergative Construction in Irish? // General Linguistics 24, 1984. P. 38–45.
Orr 1989 — R. Orr. A Russo-Goidelic syntactic parallel: U nego svoja izba postavlena/Tá sé déanta agam // General Linguistics 29, 1, 1989. P. 1–21.
Stenson 1981 — N. Stenson. Studies in Irish syntax. Tübingen: Günter Narr, 1981.
Stüber 2009 — K. Stüber. Der altirische *do*-Infinitiv — eine verkannte Kategorie. Bremen: Hempen, 2009.
Tommola 2000 — H. Tommola. On the Perfect in North Slavic // Ö. Dahl (ed.) Tense and Aspect in the Languages of Europe. Berlin: Walter de Gruyter, 2000. P. 441–478.
Vendryes 1937 — J. Vendryes. Sur l'emploi de l'auxiliaire “avoir” pour marquer le passé // Melanges de linguistique et de philologie offerts a Jacq. van Ginneken. Paris: C. Klincksieck, 1937. P. 85–92
Wagner 1959 — H. Wagner. Das Verbum in den Sprachen der Britischen Inseln. Tübingen: M. Niemeyer, 1959.
Zimmer 1901 — H. Zimmer. Grammatische Beitrage, 2. Ober verbale Neubildungen im Neuirischen // Zeitschrift für Celtische Philologie 3, 1901. P. 61–98.

А. Л. Макарова

ИЛИ РАН, Санкт-Петербург

О ФОРМАХ И ФУНКЦИЯХ ПЕРФЕКТА В ЗАПАДНОМАКЕДОНСКИХ ДИАЛЕКТАХ[1]

1. Введение

Претеритальная система македонского языка располагает богатым инвентарем глагольных форм. Известно, что в рамках славянской языковой семьи только идиомы болгаро-македонского диалектного континуума (равно как и соответствующие стандартные, т.е. литературные языки)[2] сохранили в полном объеме и живом употреблении унаследованные из общеславянского языкового состояния синтетические претеритальные формы: аорист и имперфект. Семантика аориста заключается в обозначении *законченного действия в прошлом*, совершенного, пережитого или увиденного лично говорящим. Имперфект выражает *процесс выполнения действия в прошлом*, совершенного, пережитого или увиденного лично говорящим [Friedman 1977; Конески 1982: 411–430; Тополињска 1995, 1997: 214; Усикова 2003; Mišeska Tomić 2012].

В таблице 1 приведены образцы парадигм аориста и имперфекта.

---

[1] Настоящая статья основывается на материале магистерской работы автора, защищенной в 2013 г. на Филологическом факультете СПбГУ. Исследования выполнены при финансовой поддержке РНФ; проект № 14-18-01405.

[2] В глагольной системе сербских и хорватских диалектов (и соответствующих стандартных языков) аорист и имперфект за редкими исключениями занимают скорее маргинальное положение, будучи вытесненными перфектом (общеславянского типа — глагол «быть» + *л*-форма: *јеси дошла / дошла си* ‘ты пришла’), который взял на себя практически весь спектр претеритальных значений [Стевановић 1967: 71, 102].

Таблица 1. Пример парадигмы аориста и имперфекта

Аорист глагола *дојде* ‘прийти’	
дојдов	*дојдовме*
дојде	*дојдовте*
дојде	*дојдоа*
Имперфект глагола *доаѓа* ‘приходить’	
доаѓав	*доаѓавме*
доаѓаше	*доаѓавте*
доаѓаше	*доаѓаа*

Помимо данных «простых прошедших времен», в македонском языке имеется три ряда аналитических форм, демонстрирующих широкий спектр перфектных (результатив, экспериенциал) и модальных (эвиденциал, адмиратив, оптатив) значений. В грамматической традиции македонистики эти формы принято называть *перфектами*. Таким образом, македонский язык известен широкому кругу типологов как «язык с тремя перфектами» (см., в частности, [Graves 2000], где описаны основные характеристики каждой из трех форм как в литературном языке, так и в некоторых диалектах; особое внимание уделяется группе говоров регионов Охрида и Струги, так как именно в ней наиболее четко очерчены функциональные и семантические различия этих форм).

В настоящей статье представлен краткий обзор «трех перфектов» в западномакедонских диалектах во внутрилингвистическом и ареально-типологическом аспекте.

Македонское языковое пространство отличается большой диалектной раздробленностью. До момента своей кодификации в середине XX века македонский язык существовал в виде диалектов, использовавшихся только в неофициальном общении [Усикова 2003: 5–9]. Стандартизация была осуществлена в 1945 г. после вступления Республики Македонии в СФРЮ, и с того момента македонский литературный язык развивается быстрыми темпами. Сегодня македонский — это полноценный национальный язык, обладающий высокоразвитыми функциональными стилями, профессиональными и социальными жаргонами и т. д. [Усикова 1997: 6; Конески 1982: 11–75].

В порядке исторической справки отметим, что процесс кодификации (в частности, выбор диалектной основы) был явно

политически ангажирован: требовалось, чтобы язык молодой македонской нации был далек, насколько это возможно, как от болгарской литературной нормы, так и от сербской. В результате выбор кодификаторов пал на наиболее специфичную группу македонских диалектов — западную (точнее, центрально-западную), которая демонстрирует наибольшее количество балканизмов — общих для языков Балканского языкового союза (БЯС) особенностей [Конески 1982: 53—59; о БЯС см. Соболев 2003; Русаков, Соболев 2008]. Именно Западная Македония, как зона особенно интенсивных многовековых языковых и культурных контактов между носителями «ядерных» языков БЯС (арумынский, албанский, македонский), считается центром многих «балканизирующих» инноваций. К числу таковых, по всей вероятности, следует отнести и появление двух типов перфекта, которые именуются «новыми» и речь о которых пойдет ниже.

2. Перфект I: «быть» + *л*-причастие[3]

Первый перфект образован по общеславянскому типу: презенс глагола «быть» + *л*-причастие (вспомогательный глагол опускается в третьем лице) [Mišeska Tomić 2006: 338; Mišeska Tomić 2012]. В литературе по македонистике данный перфект часто называется «старым» т. к. он, наряду с формами аориста и имперфекта, был унаследован еще из общеславянского состояния и регулярно встречается в македонских письменных памятниках, начиная с самых ранних [Конески 1966].

(1a) *сум* *дош-ол*
быть.IPFV.PRS.1SG прийти.PFV-PART.SG.M
‘я пришел’ (букв. я есть пришедший)

(1b) *сум* *доаѓа-л*
быть.IPFV.PRS.1SG приходить.IPFV-PART.SG.M
‘я приходил’ (букв. я есть приходивший)

[3] Примеры, если не указано иное, взяты из полевых материалов автора, собранных в экспедиционных поездках в Западную Македонию (области Дебарско, Преспанско) в 2011–2014 гг. Примеры приведены в македонской кириллице, без учета нерелевантных для данной статьи фонетико-фонологических особенностей исследуемых говоров.

Семантика данной формы, описанная в классических грамматиках македонского языка, связана преимущественно с категорией так называемого «пересказа» (эвиденциальности): «формы неопределенного прошедшего времени служат для пересказа действий, которые мы не восприняли лично, а которые были сообщены нам из другого источника, в то время как формы определенного прошедшего времени [аорист и имперфект] всегда предполагают совершение действия в нашем присутствии и личное восприятие...» [Конески 1982: 459–475]. *Л*-перфектом оформляются любые сведения, полученные косвенным образом (непрямой эвиденциал):

(2) ***Седела**, **лежала**, велаат, негде по солунски меки постели, **јала** слатко и благо и еве ти ја овде кај Сукаловци.*
‘Сидела, говорят, лежала где-то по мягким постелям в Салониках, ела и сладко и вкусно, и вот, ты посмотри, теперь она у Сукаловых’ (J. Бошковски, по [Конески 1982: 471]).

(3) *Но малу по малу започнаа разговор и таа разбра оти тој **бил** од Прилеп, оти **имал** мајка, помал брат и две сестри, дека го **гонела** полиција како антифашист и дека **сакал** да оди в планина да се бори против окупаторите.*
‘Но мало-помалу завязался разговор, и она узнала, что он из Прилепа, что у него была мать, младший брат и две сестры, что его преследовала полиция как антифашиста и что он хотел уйти в горы, чтобы бороться с оккупантами’ (Р. Петковски, по [Конески 1982: 471]).

(4) *�eровато, он веќе **знаел** за тоа.*
‘Вероятнее всего, он уже знал об этом’.

В исследуемом нами говоре, как и в большинстве диалектов Западной Македонии, *л*-перфект также встречается, главным образом, в «пересказывательной» функции, например, во всех формах нарративов, где речь идёт о народной мифологии, оформленных как рассказы старших (в контексте «сами мы не видели, но вот старики рассказывали, что…»):

(5) ***лупало** му, **викало** му, **јадел**, **јаделе**...*
‘Стучали, мол, ему, кричали ему, ел, ели…’ (в рассказе о человеке, в чей дом наведывались вампиры).

Данные диалектных текстов и литературного языка позволяют говорить, что *л*-форма переживает процесс постепенной потери собственно перфектной (результативной) семантики и сдвиг сторону модальной специализации в категории эвиденциальности. *Л*-перфект не проходит главный контекстный «тест» на, собственно, перфектность — невозможность оформлять последовательное повествование: «Когда перфект начинает употребляться как нарративное время, он перестает быть перфектом» [Lindstedt 2000: 371]. *Л*-перфект является основной формой, оформляющей сказки[4] в диалектных текстах из Западной Македонии (см. диалектные тексты в Видоески 2000), что нашло подтверждение и в нашем полевом материале:

(6) *...зашо можот така ја* ***испратил*** *неа. Не* ***фаќала*** *нишо ни да плетет ни да работат дома ни да онедат. А,* ***рекол*** *можот, на бачило, со козите! И ја* ***фатиле****... ја* ***фатило*** *невреме*
‘Потому что муж так ее прогнал. Не умела ничего: ни плести, ни работать дома, ни трудиться. А, сказал муж, в хижину пастушескую, с козами! И там ее схватили… схватила буря’.

Л-перфект — это главное «нарративное» время, не ограниченное произведениями фольклора. Именно он чаще всего используется в исторической литературе:

(7) *Во тој период, треба да се подсетиме, династијата Обреновиќ во Белград* ***била*** *симната од престолот. Односите меѓу Србија и Хабсбуршка Империја потоа* ***се нарушиле****. Истовремено, смртта на Калај го* ***прекинала*** *неговото долго владеење во Босна и Херцеговина, а Куен-Хедервари го* ***напуштил*** *Загреб да стане унгарски премиер.*
‘В этот период, напомним, династия Обреновичей была свергнута с престола в Белграде. Отношения между Сербией и Габсбургской Империей испортились. В то же время смерть Калая прервала его долгое правление Боснией и Герцеговиной, а Куэн-Хедервари покинул Загреб, чтобы стать премьер-министром Венгрии’ (Б. Јелавич).

[4] Ренарратив — частный случай эвиденциала; об *л*-перфекте в сказках из различных диалектных зон см. [Гајдова 2010].

Л-перфект возможен (редко) в перфектных значениях даже в «засвидетельственных» контекстах: *Скопје многу пати* ***сум била*** ‘Я много раз была в Скопье’ (экспериенциальный перфект); *другар ни премногу* ***се променил*** ‘наш друг очень изменился’ (результативный перфект);

Встречаются примеры употребления *л*-перфекта в значении прекращенного прошедшего, в рассказах о далеком прошлом:

(8) *И сеа веруваме и, ето, напред* ***сме верувале.***
‘И сейчас мы верим и, вот, раньше верили’.

(9) *Напред* ***шиеле****, знаш?* ***Шиеле****.*
‘Раньше шили, знаешь? Шили’.

При этом часто можно встретить употребление *л*-перфекта в данной функции в излюбленном для пожилого балканского человека (выросшего в традиционной среде) контексте противопоставления «правильного» прошлого и «неправильного» настоящего:

(10) *Многу имат разлика шо* ***било*** *порано. Порано се* ***имало*** *поштивање, сеа немат поштовање. Дечкофците и девојки си се сами сеа, а по старо време* ***оделе*** *родители.*
‘Много различий с тем, как было раньше. Раньше имелось уважение, а теперь нет уважения. Парни и девушки теперь сами по себе, а раньше ходили [т. е. сватали] родители’.

Все это позволяет говорить о развитии двух омонимичных парадигм на базе *л*-формы: *«пересказывательного наклонения»* (механизм, возможно, запущенный под сильным влиянием турецкого языка на болгаро-македонские диалекты в средневековый период; обзор литературы по вопросу см. в [Макарцев 2014: 136–137]) и утрачивающего результативную семантику *прошедшего времени*[5] (иллюстрируя классический процесс развития гла-

[5] Блаже Конески, один из кодификаторов македонского языка, пишет в «Грамматике» о возможности замены форм аориста формами *л*-перфекта в засвидетельствованных нарративах: «… граница между ними затемняется общим временным контекстом высказывания. Может дойти до того, что разница между этими двумя временами проявится только на стилистическом уровне, в то время как с точки зрения семантики формы одного времени могут заменять формы другого» [Конески 1982: 462].

гольной формы от результатива к претериту через «перфектную» стадию) [Bybee et al. 1994: 68; Плунгян 2011: 292]. Эвиденциальность при этом — не единственная категория, на которой может специализироваться *л*-форма, теряя перфектное значение. Вообще, следует заметить, что мы имеем дело с самой полифункциональной глагольной формой в македонском языке. Помимо «эвиденциальной» и постепенно утрачиваемой «перфектной», он может выполнять ряд иных модальных функций [Макарцев 2014: 108—110; Конески 1982]:

Таблица 2. Периферийные значения *л*-перфекта

адмиратив	*Колку* ***се изменил****!* ‘Как он изменился!’ [В. Иљоски, по Конески 1982]
дубитатив[6]	*Јас* ***сум*** *му ги* ***зел*** *парите!?* ‘Это я-то у него взял деньги!?’ [Конески 1982: 478]
оптатив	*Ристос ти* ***помогал****!* ‘Да поможет тебе Христос!’ [ibid.]
адхортатив	*Да не* ***сум*** *те* ***видел*** *веќе во овој сокак, разбра ли?* ‘Чтоб я больше тебя не видел на этой улочке, понял?’ [В. Иљоски, по Конески 1982]
гномическое прошедшее[7]	***Се мажила*** *мома, да не седи дома* ‘Вышла замуж девушка, чтобы дома не сидеть’; *Будала* ***дал****, итар* ***јал*** ‘Дурак дал, хитрый съел’ [ibid.]

Потерю результативного перфекта в виде *л*-формы македонский язык компенсировал, развив две конкурирующие инновационные формы перфекта.

3. Перфект II: «иметь» + пассивное причастие

Посессивный перфект имеет следующую структуру: полноспрягаемый вспомогательный глагол *има* ‘иметь’ и пассивное причастие в форме ср. р. ед. ч. [Mišeska Tomić 2006: 340]. Он может быть образован от переходных и непереходных глаголов обоих видов.

[6] Наклонение, выражающее сомнение или невозможность.

[7] Употребляется во «вневременных» изречениях, чаще всего в пословицах.

(11a) *има-м* *дојд-ен-о*
иметь.IPFV/PFV.1SG прийти.PFV.-PART.PASS-SG.N
‘я пришел’ (букв. я имею прийдено)

(11b) *има-м* *доаѓа-н-о*
иметь.IPFV/PFV.1SG приходить.IPFV.-PART.PASS-SG.N
‘я приходил’ (букв. я имею (при)хожено)

Има-перфект регулярен и стабилен только в западных диалектах, где он имеет широкую дистрибуцию и практически полностью берет на себя перфектно-результативную функцию, утраченную *л*-перфектом:

(12) *мојте деца што и* ***имам родено*** *ја*
‘мои дети, которых я родила’

(13) *не ја* ***имам прочитано*** *книгата и немам ништо што да кажам*
‘Я не прочитала эту книгу, и мне нечего сказать’.

Има-перфект встречается в экспериенциальной функции: *и волна* ***имам работено*** ‘и с шерстью я работала’; ср. также:

(14) *ќе одеше вака, ќе зборвеше сама, не беше во ред... за такви* ***имам плашено***
‘ходила, бывало, вот так, разговаривала сама с собой, не в порядке была… О таких я пугала’ (о том, как пугали детей, чтобы они не выходили ночью из дома).

Следует заметить, что в семантической области экспериенциальности наблюдается конкуренция форм *има*- и *л*-перфекта (а также, редко, третьего перфекта, о котором речь пойдет ниже), которые могут быть взаимозаменяемы в подобных контекстах.

В литературном языке *има*-перфект до сих пор воспринимается как инновация и как яркий, экспрессивный коллоквиальный оборот, что делает употребление данных форм сильным стилистическим средством [Минова-Ѓуркова 2003: 166]. Впервые подобная форма была зафиксирована в рукописи из монастыря Крнино (около г. Кичево), датированной 1706 г.: кои кетъ мислитъ да го оукрадетъ имамъ гѡ афоресанъ и проклетъ и ꙁавеꙁанъ до страшенъ сѵтъ ‘Кто подумает его украсть, того я объявляю (букв. имею) отлученным, проклятым и обреченным до Страшного суда’.

Такие согласованные по роду конструкции, как предполагается, были начальным этапом появления *има*-перфекта [Конески 1966: 171]. При этом, данный вид перфекта регулярен в македонской эпической поэзии западного региона [Димитровски 1983: 93]. В авторской литературе на македонских диалектах и впоследствии в литературном языке мы практически не встречаем этой конструкции вплоть до 1950-х гг. [Bužarovska, Mitkovska 2010: 43].

Очагом возникновения данной инновации принято считать юго-западные говоры, причем на крайней юго-западной периферии данный тип перфекта полностью вытеснил старый *л*-перфект [Bužarovska, Mitkovska 2010: 45] (о распределении функций между различными формами перфекта в тех говорах, где они сосуществуют, будет сказано в заключительном разделе).

Посессивный перфект в других южнославянских языках употребляется (ненормативно) крайне редко и с ярким результативным оттенком значения (исключительно от переходных глаголов совершенного вида). Его, в частности, можно встретить в сербском [Nomachi 2006] и во фракийских диалектах болгарского языкового пространства, находящихся в тесном контакте с греческим, чем традиционно и объясняет данный феномен болгарская диалектология [Бояджиев 1968]. В. Георгиев, впрочем, в 1957 году отмечал, что подобные формы переживают активное развитие, которое впоследствии может привести к их полной грамматикализации в болгарском языке [Георгиев 1957].

4. Перфект III: «быть» + пассивное причастие

Третий перфект — это аналитическая конструкция, которая состоит из глагола *сум* ‘быть’ в презенсе и пассивного (по форме) причастия, которое согласуется с субъектом. Как и *има*-перфект, он возможен от глаголов как совершенного, так и несовершенного вида [Mišeska Tomić 2012].

(15a) *сум* *дојд-ен-ø*
быть.IPFV.1SG прийти.PFV-PART.PASS-SG.M
‘я пришел’ (букв. я прийден)

(15b) *сум* *доаѓа-н-ø*
быть.IPFV.1SG приходить.IPFV-PART.PASS-SG.M
‘я приходил’ (букв. я (при)хожен).

В македонском литературном языке перфект III образуется, главным образом, от непереходных глаголов[8] [Mišeska Tomić 2010: 346]. Данное обстоятельство говорит (согласно [Соболев 1999: 214]) о том, что в западномакедонских (как и в северно-русских) диалектах причастие на *-н*/*-т* выходит за рамки категории залога. Первоначально пассивная форма используется вне пассивных конструкций, что должно расцениваться как безусловная инновация и «разрушение “нормальнославянского” состояния». Формы типа «глагол *сум* + пассивное причастие от переходного глагола»[9] (ср. *И демек зетот имат одело,* ***облечени се*** *во нив* ‘И, значит, у жениха есть костюм, одеты они в них’) регулярны и должны рассматриваться как типичный для славянских языков объектный результатив (ср. рус. *дверь открыта*). Норма допускает лишь ограниченное количество лексикализованных оборотов, где конструкция «*сум* + пассивное причастие от переходного глагола» употребляется в активном значении и может считаться перфектом (в результативных контекстах): *сум јаден* ‘я ел’ (букв. я съеден)*; сум пиен* ‘я пил’ (букв. я (вы)пит).

(16) *Салата* ***сум јаден****.*
‘Я ел салат’.

Однако в западных диалектах мы обнаружили примеры употребления третьего перфекта от несколько более широкого круга переходных глаголов (в активном значении), что говорит о большей степени грамматикализации данной конструкции в этом регионе: ***Сум чуена*** *от постари ‘Я слышала от старших’.*

Основное значение конструкции — результативный перфект.

(17) *А тие,* ***дојдени сме*** *за девојката да си ја просиме.*
‘А они: мы за девушкой пришли, чтобы сватать ее’.

(18) *А ние* ***остарени*** *вејќе* ***сме****, не можеме, немојќни сме и така.*
‘А мы состарились уже, не можем, слабые мы, вот так’.

---

[8] Норма допускает лишь ограниченное количество лексикализованных оборотов вроде *сум јаден; сум пиен* ‘я ел; я пил’ (букв. ‘я «еден»; я пит’).

[9] О грамматикализации результативных конструкций с пасивным причастием в северных русских диалектах см. [Соболев 1998].

(19) *Ако се најдеш со него добро ќе биде и за тебе. Тој* ***е пойден*** *порано и повеќе има научено, А,* ***е седен*** *и во Влашко, со мајстори, доста години.*
‘Если встретишься с ним, будет и тебе на пользу. Он раньше ушел, и больше выучил. А был и у влахов, с мастерами, много лет’ (Р. Крле).

Результативные второй и третий перфекты конкурируют друг с другом. В редких случаях третий перфект можно встретить и в экспериенциальном значении:

(20) *Во Лерин, Костур и Бугарија* ***сум одена****.*
‘Я ездила в Лерин, Костур и Болгарию’.

Третий перфект употребляется достаточно часто, но имеет сильные контекстные ограничения: он возможен от весьма ограниченного набора глагольных лексем; редко используется в ситуациях, где субъектом является предмет или животное.

В целом, можно сказать, что данная форма — самая молодая из трех перфектов. По всей вероятности, сегодня она переживает стадию перехода из результатива к перфекту, что может доказываться постепенным расширением круга переходных глаголов, которые могут ее образовывать (центром этого процесса определенно следует считать именно Западную Македонию). Подобное развитие когда-то пережил и *има*-перфект: сегодня это полноценная грамматикализованная форма перфекта, уже начинающая двигаться в сторону темпорализации (*има*-перфект, в отличие, от формы с глаголом *сум,* сочетается с обстоятельствами времени, хотя все еще невозможен в последовательном нарративе).

5. Система перфектов в свете языковых контактов

Перфект II и перфект III, по-видимому, можно считать довольно поздней инновацией (напомним, посессивный перфект зафиксирован в памятниках только с XVIII в.). Именно поэтому, возможно, в македонских диалектах не развилась система, подобная центральноевропейской, в которой бы сосуществовали две лексически обусловленные перфектные парадигмы с разными вспомогательными глаголами [Сичинава 2008]. Очевидно, что у

македонской глагольной системы был потенциал к подобному развитию (ср. итал. *sono venuto / venuta* vs. *ho letto* и мак. *сум дојден / дојдена* vs. *имам прочитано*).

Причину появления этих конкурирующих форм следует искать, во-первых, во внутриязыковом стремлении системы восстановить равновесие, то есть обзавестись новым классическим результативным перфектом в замену нестабильному старому; во-вторых – в контактогенных «балканизирующих» процессах албано-македоно-арумынской языковой конвергенции. В результате массового мультилингвизма и, как следствие, межъязыкового калькирования, в данных идиомах сложилась изоморфная глагольная система. Часть этой системы — изоморфные и отчасти изофункциональные перфекты; см. Таблицу 3, в которой представлены формы 1 л. ед. от глаголов *чуе* (мак.), *ascult*^{u} (арум.), *dëgjoj* (алб.), *ακούω* (греч.) ‘слышать’.

Таблица 3. Изоморфные формы перфекта

Глагольная форма	македонский	арумынский	албанский	новогреческий
Л-перфект	*сум чул* ‘я слышал’			
Има-перфект	*имам чуено*	*am*^{u} *ascultat*^{ə}	*kam dëgjuar* (актив)	έχω ακούσει
Сум-перфект	(диал.) *сум чуен*	*esk*^{u} *ascultat*^{u}	*jam dëgjuar* (пассив)	

Наиболее наглядно идентичность функциональных особенностей изоморфных перфектов наблюдается в претеритальной системе македонских и арумынских диалектов охридского региона.[10] В македонских говорах данной группы каждый из трех перфектов выполняет строго определенную семантическую функцию, которые почти не пересекаются (за исключением результативного значения, которое могут иметь как *има*-, так и *сум*-перфект). «Новые» перфекты обладают широкой дистрибу-

[10] Обзору дистрибуции форм перфекта в охридских говорах посвящен специальный раздел статьи [Graves 2001: 489—493].

цией, что доказывает возможность их образования от вспомогательных глаголов – *има* ‘иметь’ и *биде* ‘быть’(*имам имано, имам бидено, сум биден, сум иман*). *Има*-конструкция характеризуется как типичная форма для выражения всего спектра значений категории «перфект». Также важно заметить, что в отношении этой формы действует ограничение на употребление с темпоральным детерминантом. «Старый» *л*-перфект в охридском диалекте употребляется только в эвиденциальных или дубитативных[11] контекстах. Выбирая эту форму, носитель охридского диалекта подчеркивает, что информация, которую он передает, была воспринята им из некоего косвенного источника: *Сестра ми вели дека* ***дошол*** *кралот* ‘Моя сестра говорит, что пришел король’ [Graves 2000: 490, 492]. Значение *сум*-перфекта Гравес описывает как «экстремально-результативное» (как, например, *тој* ***е умрен*** ‘он умер’). Иногда, впрочем, он встречается и в экспериенциальном контексте: *Бидена си во Австралија?* ‘Ты была в Австралии?’ [Graves 2000: 491; Марковиќ 2001; Марковиќ 2007: 143–144].

В западных диалектах к северу от Охрида, как показывают опубликованные диалектные тексты и подтверждают наши полевые материалы, система более громоздка и демонстрирует конкуренцию трех форм перфекта в экспериенциальном (все три формы) и результативном (первая и вторая форма) значении, однако для *л*-перфекта основной сферой употребления уже является эвиденциальность.

Дистрибуцию значений между тремя формами хорошо показывает следующий нарратив (*има*-перфекты выделены полужирным, *л*-перфекты выделены подчеркиванием прямой линией, *сум*-перфект — волнистой):

(21) *Ко шо се* ***имат чуено****, чујав...* *имале вампири. Дома влегале, труале, јаделе. Таке по сум чуена от постари. А ја за да зном, то еве ја имам шеесет и пет години, такво нешто* ***немам видено****. Ама таке чујав от старитр. Тие јаделе, тропале, викале, тие работи. А ја ко сум била во тие години,* ***нема приметено*** *таја нешто.*

[11] Например, — *Ти си стар! — Е, јас* ***сум бил*** *стар!* ‘— Ты старый! — Это я-то старый?’ [Макарцев 2014: 109; Усикова 2003: 220].

‘Как мы слышали (букв. как слышалось), я слышала... Были вампиры. В дом входили, травили, ели. Так я слышала от старших. А я чтобы знала, вот, мне шестьдесят пять лет, ничего такого я не видела. Но так я слышала от старших. Они, мол, ели, стучали, кричали, эти дела. А я когда в то время жила, ничего такого не заметила’.

Л-перфекты здесь употреблены в незасвидетельствованных контекстах (ренарратив), *има*-перфект – в результативных (*немам видено* ‘я не видела’, *немам приметено* ‘я не заметила’.

В арумынских говорах (охридские арумыны-фаршероты пришли на берег Охридского озера из южной и центральной Албании около 150 лет назад [Марковиќ 2007: 7–11]) существует несколько сложных глагольных форм. Те из них, которые демонстрируют функциональные и семантические свойства категории «перфект», образуются с помощью глаголов *esk*^{и} (esse) и *am*^{и} (habere), обнаруживая при этом полную изоморфность македонской ситуации с *има*- и *сум*-перфектами.[12] Марьян Маркович [Марковиќ 2007: 152–153], сопоставляя македонский и арумынский говоры охридско-стругского региона, заключает, что в данном регионе наблюдается почти идентичное употребление *habere*- и *esse*-перфектов. Вообще, сложные глагольные формы во всех трех языках, присутствующих в этом регионе, демонстрируют некую общую систему, которая сложилась путем постепенного «приспосабливания» языков друг к другу. Каждый язык использовал как свои внутренние, так и заимствованные средства, чтобы восполнить пробелы в своей первоначальной модально-

[12] Арумынский перфект первого типа образуется при помощи презенса вспомогательного глагола *am*^{и} (иметь) и перфектного причастия (единственного партиципа в арумынском языке) в форме женского рода ед. ч., который функционально соответствует славянскому среднему роду в аналогичных конструкциях: *am*^{и} *lucrat*^{э} (= мак. *имам работено* ‘я работал’[Gołąb 1984: 133]. Перфект второго типа образуется при помощи презенса глагола *esk*^{и} и причастия, которое изменяется по родам и числам [Gołąb 1984: 125]. Так же как и македонский *сум*-перфект, арумынский *esk*^{и}-перфект может быть образован от переходных глаголов: *esk*^{и} *askultat*^{и} (= мак. диал. *сум чуен* ‘я услышал’), *esk*^{и} *mekat*^{и} (= мак. *сум јаден* ‘я поел’) [Gołąb 1984: 134].

темпоральной системе. Так, например, арумынский язык, не имея в собственном инвентаре «лишней» формы, заимствовал формальный показатель адмиратива из албанского (зафиксировано только в одном говоре [Friedman 1994]). Македонский язык, напротив, развил эту категорию, воспользовавшись внутренними средствами, а именно «ослабленной позицией» *л*-перфекта.

В балканистической литературе не раз говорилось о ключевой роли именно балканороманских языков в процессе генезиса посессивного перфекта и *сум*-формы. Так, Збигнев Голомб утверждает, что македонский *има-* и *сум-* перфекты представляют собой результат калькирования с арумынского. Схематически процесс этого калькирования можно представить так [Gołąb 1984: 14]:

Таблица 4. Появление *сум*-перфекта и *esk*^{u}-перфекта в македонском и арумынском языках.

	Македонский	Арумынский
Стадия I	*сум вечерал* 'я поужинал' (оригинальная славянская конструкция)	*am*^{u} *cinat*^{ə} 'я поужинал' (оригинальная арумынская конструкция)
Стадия II	*сум вечерал : имам вечерано* (заимствовано)	← *am*^{u} *cinat*^{ə}
Стадия III	*имам вечерано : сум вечерал* →	*esk*^{u} *cinat*^{u} : *am*^{u} *cinat*^{ə} (заимствовано)
Стадия IV	*имам вечерано : сум вечеран* (заимствовано)	← *esk*^{u} *cinat*^{u}

Как показывает схема, македонский язык мог калькировать посессивный перфект из арумынского, арумынский, в свою очередь, мог калькировать *л*-перфект из македонского. При этом активное славянское причастие на *-л* нашло эквивалент в виде причастия типа *cinat*^{ə}, — единственного партиципа в арумынской глагольной системе, — исторически представляющего собой participium passivi. Затем, на четвертой стадии, форма esk^{u} cinat^{ə} (esse + participium passivi) повторно заимствуется («reborrowed» [Gołąb 1984: 14]) македонским языком. Причастие при этом теряет залоговое значение пассива (отделяя *сум*-перфект от объектного результатива).

Данный механизм взаимного калькирования можно охарактеризовать как результат взаимодействия языка-субстрата и языка-суперстрата: македонский язык в условиях многовекового отсутствия собственной государственности у балканских народов, находившихся под османской властью, не только сохранил свою жизнеспособность, но и стал доминантным языком (суперстратом) для арумынского субстрата. Структурные параллели западных македонских диалектов и арумынских говоров как в именной (см., например [Миндак 1987]), так и в глагольной системе объясняются постепенной славянизацией значительных групп арумынского населения, долгим периодом билингвизма и, в конечном счете, языковым сдвигом, который данный романский субэтнос пережил еще в позднем средневековье, став языком-субстратом для македонских диалектов. [Gołąb 1984: 14].

Литература

Видоески 2000 — Б. Видоески Текстови од дијалектите на македонскиот јазик. Скопје: Институт за македонски јазик «Крсте Мисирков», 2000.

Гајдова 2011 — У. Гајдова. Употребата на сум-перфектот при раскажувањето на народните приказни во дијалектите на македонскиот јазик // Перифрастични конструкции со «esse» и «habere» во словенските и во балканските јазици (проект: Местото на македонскиот јазик во словенскиот и во балканскиот јазичен свет). Скопје: МАНУ (Истражувачки центар за ареална лингвистика), 2011. С. 19—28.

Конески 1966 — Б. Конески. Историја македонског језика. Београд: Просвета, 1966.

Конески 1982— Б. Конески. Граматика на македонскиот литературен јазик. Скопје: Култура, 1982.

Макарцев 2014 — М. М. Макарцев. Эвиденциальность в пространстве балканского текста. Москва,СПб.: Нестор-История, 2014.

Марковиќ 2001 — М. Марковиќ. Дијалектологија на македонскиот јазик. Кн. I. Скопје: МАНУ, 2001.

Марковиќ 2007 — М. Марковиќ. Аромaнскиот и македонскиот говор од охридско-струшкиот регион во балкански контекст. Скопје: Графотисок, 2007.

Миндак 1987 — Ј. Миндак. Морфосинтаксички западномакедонско-албански паралели // Македонски јазик. 1987. Кн. XXXVIII. Скопје: Филозофски факултет. С. 151–163.

Минова-Ѓуркова 2003 — Л. Минова-Ѓуркова. Стилистика на современиот македонски јазик. Скопје: Магор, 2003.

Плунгян — В. А. Плунгян. Введение в грамматическую семантику. М.: РГГУ, 2011.

Русаков, Соболев 2008 — А. Ю. Русаков, А. Н. Соболев. Субстанционально-функциональная теория балканского языкового союза и славянские языки. Доклад. XIV международный съезд славистов (Охрид, Македония, 10–16 сентября 2008 г.). СПб.: Наука, 2008.

Сичинава 2008 — Д. В. Сичинава. Связь между формой и семантикой перфекта: одна неизученная закономерность // А. В. Бондарко и др. (ред.). Динамические модели: Слово. Предложение. Текст. Сб. статей в честь Е. В. Падучевой. М.: ЯСК, 2008. С. 711–749.

Соболев 1998 — А. Н. Соболев. О предикативном употреблении причастий в русских диалектах // Вопросы языкознания 5, 1998. С. 74–89.

Соболев 1999 — А. Н. Соболев. О залоговых значениях славянских причастий на *-н*/*-т* // Wyraz i zdanie w jezykach slowianskich. Wroclaw, 1999. С. 209–215

Соболев 2003 — А. Н. Соболев. Южнославянские языки в балканском ареале. XIII международный съезд славистов (Любляна, август 2003). Marburg: Institut für Slavische Philologie, 2003.

Стевановић 1967 — М. Стевановић. Функције и значења глаголских времена. Београд: САНУ, посебна издања. Књ. XDXXII. 1967.

Тополињска 1995, 1997 — З. Тополињска. Македонските дијалекти во Егејска Македонија. Книга прва. Синтакса. I, II дел. Скопје: МАНУ, 1995, 1997.

Усикова 1997 — Р. П. Усикова. Кон «балканскоста» на современиот македонски јазик // Македонски јазик. 1997. Кн. XLVIII. Скопје: Филозофски факултет. С. 1–8.

Усикова 2003 — Р. П. Усикова. Грамматика македонского литературного языка. М.: Муравей, 2003.

Bužarovska, Mitkovska 2010 — E. Bužarovska, L. Mitkovska. The Grammaticalization of the Habere Perfect. Balkanistica. 2010. Vol. 23. Mississippi: The University of Mississippi Printing Services of Oxford, P. 43–65.

Friedman 1977— V. Friedman. The Grammatical Categories of the Macedonian Indicative. Columbus: Slavica, 1977.

Gołąb 1984 — Zb. Gołąb. The Arumanian dialect of Kruševo in SR Macedonia, SFR Yougoslavia. Skopje: MANU, 1984.

Graves 2000 — N. Graves. Macedonian — A Language with Three Perfects? // Tense and Aspect in the Languages of Europe. Berlin — N.-Y.: Mouton de Gruyter, 2000. P. 479—494.

Lindstedt 2000 — J. Linstedt The perfect — aspectual, temporal and evidential // Tense and Aspect in the Languages of Europe. Berlin – N.-Y.: Mouton de Gruyter, 2000. P. 365–383.

Mišeska Tomić 2006 — O. Mišeska Tomić. Balkan Sprachbund Morpho-Syntactic Features. Dordrecht: Springer, 2006.

Mišeska Tomić — O. Mišeska Tomić. A Grammar of Macedonian. Bloomington: Slavica, 2012.

Nomachi — M. Nomachi. Nekoliko napomena o tzv. posesivnom perfektu u srpskom jeziku / Naš jezik. 2006. Knj. 37. Beograd: SANU, C. 43–51.

II.

Ilja A. Seržant
University of Leipzig

PERIPHRASTIC PERFECT / RESULTATIVE IN TOCHARIAN

1. Introduction

Tocharian is known as the most eastern Indo-European language originally spoken in the northern part of Tarim Basin (province Xinjiang, China), for which a coherent grammatical description was only provided at the beginning of the twentieth century by two German indologists Emil Sieg and Wilhelm Siegling. Tocharian is divided into two major dialects or languages: Tocharian A (henceforth: TA) and Tocharian B (henceforth: TB) with the latter exhibiting further variational subdivision. These languages were spoken at least during the last centuries of the first millennium AD and have, since then, been extinct.

In this paper, I analyze the Tocharian perfect/resultative that is periphrastically formed by means of the auxiliary 'to be' (omitted under certain conditions) and the past participle (PP), henceforth *the PP construction*. As will be argued in the paper, this Tocharian PP construction encodes a grammatical category that can be referred to as perfect with both resultative and more general perfect meaning. Both resultatives and perfects are characterized by a complex temporal structure invoking two temporal layers: past (the event time) and present (the reference time).

Thomas (1957: 245) was the first to conclude that the PP construction primarily has the perfect meaning in Tocharian. The aim of this paper is to elaborate on his findings. Regarding the data underlying this study, I draw on Thomas' (1957: 244–306) work with a large body of examples and their interpretation. In addition to this collection, I have confined myself to Maitreyasamiti-Nāṭaka fragments (TA) which retained larger text pieces (as edited in Ji et al. (1998)), in order to have the context available when determining the temporal-aspectual function of the PP. Additionally, I have used the extensive digital text collection CEToM. For statistical purposes, I have selected 97 in-

stances of the PP in total from Maitreyasamiti-Nāṭaka excluding the following: repetition, lack of context and, hence, no possible interpretation, the passage regarding the 32 marks of the Great Man (namely, Buddha) as it is heavily influenced by the respective Buddhist Sanskrit or Middle Indic notions. In what follows, I refer to these 97 examples as *the sample*.

The paper is structured as follows. First, I provide a brief description of the morphological (section 2) and some syntactic properties (section 3) of the PP and the construction based thereon. Then, I discuss the meaning (section 4): purely resultative uses of the PP in Tocharian including lexicalized resultatives are treated in section 4.1; section 4.2, in turn, is devoted to the more general and more frequent meaning of the PP, the perfect. Section 5 examines the meaning of the PP headed by the imperfect auxiliary (5.1) and by the preterite auxiliary (5.2). Finally, section 6 summarizes the main results.

2. Morphological properties of the PP construction

Tocharian uses the *complex resultative form* strategy (according to the classification in Nedjalkov & Jaxontov (1988: 19)) to encode not only the resultative, but also, as will be demonstrated below, the perfect: the tense and mood are marked on the auxiliary *to be*, while resultativity is expressed by the PP of the lexical verb. The auxiliary is not obligatory and typically dropped in the present tense.

The past participle (traditionally *participium preteriti*) is formed from the verbal root by means of the weak grade of the root (if the root is capable of having vowel gradation / ablaut), the suffix (TA) *-u* / *-o* and (TB) *-u* / *-au* in the nominative case and, in most instances, by the reduplication of the initial consonant (with special rules for initial consonant clusters).

Out of a total of 71 occurrences of the PP in Maitreyasamiti-Nāṭaka, as the head of the clause (i.e. excluding 24 instances of the NP-internal use and 2 ambiguous instances), PPs were not accompanied by the auxiliary 56 times. In 15 instances, there was an auxiliary. The following table provides the overview of the tense-aspect-mood distribution of the auxiliary (given the low total number, the figures must be considered preliminary):

Table 1: The tense-aspect-mood distribution of the auxiliary in the sample

Auxiliary	Present	Imperfect	Preterit	Future/Subjunctive	Optative
Overtly expressed	8 (9%)	3 (3%)	0	4 (4%)	0
Absent	56 (62%)				

The Tocharian PP construction is, thus, not particularly special in the cross-linguistic perspective with regard to its coding strategy. It adheres to the cross-linguistically common pattern in which the auxiliary provides the meaning of the (present) state while the past participle (PP) refers to a dynamic situation in the past (cf. Bybee et al.1994: 67–68).

The following table provides a brief overview of the morphological forms of the auxiliary found in texts, based on Krause & Thomas (1960: 196), Thomas (1957: 251f):

Table 2: The third singular form of the auxiliary based on the verb TA *nas-* / TB *nes-* 'to be' and TB *mäsk-* 'to be found/placed'

	Present	Imperfect	Preterite	Future/ Subjunctive	Optative
TA	*naṣ, mäskatär*	*ṣeṣ*	*tāk*	*tāṣ*	*tākiṣ*
TB	*(nesäṃ) ste/star-/stāre*[1]*, mäsketär*	*ṣai*	*tāka*	*tākaṃ*	*tākoy*

In Tocharian B, different verbs denoting 'to be' are used interchangeably, and the third singular form *nesäṃ* does not seem to occur in the PP construction at all (Itkin, p.c.).

3. Syntactic properties of the PP construction

Differently to many languages (e.g., most of the European languages), resultative / perfect PPs are not part of the passive voice system in Tocharian. Although PPs may have P-orientation in Tocharian, surfacing thereby syntactically quite similar to passives, they are rarely used as purely passive forms to some active ones in terms of a syntactic and information-structure device not altering temporal-as-

[1] Cf. MSL 19, 160 (Thomas 1957: 251).

pectual semantics. Instead, various tense, aspect and mood forms of the Tocharian passive are formed inflectionally by means of a dedicated middle/passive inflection (the *r*-endings set). The PPs primarily have functions from the domain of aspectuality, which implicationally determines their syntactic orientation (see section 3.1).

At the same time, Tocharian PPs are not restricted regarding the syntactic positions they may occupy: they may be used attributively to an NP, be the head of an NP itself (and then inflected for case), can head independent clauses, and can be used in various kinds of subordinate clauses (complement clauses, adverbial clauses and, perhaps, relative clauses), cf. section 3.2.

3.1. Orientation

Syntactic orientation is the effect of the semantics or, more precisely, of the event structure of the PPs whose original function was resultative. Resultatives describe a state — a situation that generally involves only one core participant. They highlight the state of affairs after the action denoted by the lexical verb has already taken place, and focus on the participant affected by this preceding event. Even if the preceding event involved two participants, the presence of the participant other than the affected one is not necessary at this post-stage. This is why resultatives typically have only one core participant in their event structure. This makes the recovery of the agent participant quite vague if not impossible. Thus, the resultant state denoted, e.g., by the PP (TB) *neneku* 'X is destroyed' is potentially compatible with the following three types of preceding events:

(a) *X destroyed itself (on purpose)* [intransitive agentive, corresponding to the middle-voice inflection of the finite verb]

(b) *X vanished (involuntarily, due to X-external factors)* [intransitive non-agentive, corresponding to the middle-voice inflection of the verb]

(c) *Y destroyed X* [transitive agentive, corresponding to the active-voice inflection of the verb]

In (a), X is both the agent and the affected participant, while the agent is Y in (c) and there is no agent implied in (b) at all. The event structure denoted by resultatives does not contain the information about the event structure of the preceding event. To give an example,

consider the verb *tsälp-* 'to liberate (from smth.)' (cf. Seržant 2014: 77):

(1) *winäsam-ci* *kāsu-tsälpont*
praise.PRS.1SG-2SG.OBL well-liberate.PP.OBL.SG
riṣakäṃ[2]
wiseman.OBL.SG
'I praise you as a well-redeemed wise man.' [TA 230 a2][3]

(2) *brahmāyu* *pācar* *śaśälpu ñi*
Brahmāyu.NOM father.NOM.SG liberate.CAUS.PP.NOM.SG
saṃsār-äṣ
1SG.OBL saṃsāra.SG-ABL
'[My] father Brahmāyu has been liberated by me from Saṃsāra.' [Thomas 1957: 263; TA 258 b5]

Now, both forms *tsälpo* and *śaśälpu* do not differ from each other in the participial morphology: the only difference is that the first PP is formed out of the inagentive verb base (meaning 'to become free') while the second PP is formed from the respective causative verb base (involving palatalization of the initial *ts-* into *ś-*) with the meaning 'to make someone become free'. In effect, the former PP presupposes a less controlled (at least not externally controlled), intransitive preceding event of 'becoming free' while the latter implies a preceding transitive event of 'making free'. Crucially, the very morphological form of the PP does not favor the first or the second meaning, only the underlying word stems which themselves contain diathesis-related morphology.

Many languages have either ergative-like alignment in the resultative domain, grouping P- and S-oriented resultatives together, or the accusative-like alignment with a distinction between A/S-oriented resultatives, on the one hand, and P-oriented resultatives, on the other

[2] Note that, for the sake of clarity, I skip all the auxiliary philological signs like brackets for amendments, square brackets for an unclear reading, etc. in all examples.

[3] Here and elsewhere, I indicate the source of the example by providing the fragment number in a simplified manner (without the provenience sigla for TB) preceded by the abbreviation for the dialect: TA (for Tocharian A) or TB (for Tocharian B) in square brackets.

(I adopt the macroroles A, S, P as in Comrie 1989; Lazard 2002). To give an example, in Baltic, e.g. in Latvian, the resultative/perfect participles align accusatively: *iedzer-**i**-s* (drink-A/S.RESULT-NOM.SG.M) 'drunken (e.g. a person)' and *iemidz-**i**-s* (fall.asleep-A/S.RESULT-NOM.SG.M) 'fallen asleep' with the suffix *-i-* (and its allomorphs) vs. *izdzer-**t**-s* (drink-P.RESULT-NOM.SG.M) 'drunk up (e.g. a beer)' with the suffix *-t-*. In contrast, Tocharian exhibits the neutral alignment in this domain with no formal distinction between A-, S- or P-oriented uses of the PP. The Tocharian PPs are *contextually oriented* participles in terms of Haspelmath (1994: 154), which means that if the underlying lexical verb admits more than one argument, its PP can be dependent on and select any of these arguments for agreement. The only verbal information that is encoded by the PP's morphology is their aspectual function.

The head noun of the PP may be missing and the PP itself be nominalized and inflected for case but, at the same time, exhibit a verby, accusative government:

(3) *kleśas* *wawikuntāp* *el*
kleśa.OBL.PL disappear.CAUS.PP.GEN.SG gift.OBL.SG
wawurā
give.PST.CONV
'Having made a gift to someone who has driven away the Kleśas[4]' [Ji et al. 1998: 185; TA YQ 1.20 1/1 b8]

There is an asymmetry in how orientation appears in different participles of Tocharian: while present participles typically show active (A/S) orientation (this is valid for all active present participles), the PP does not show any significantly frequent orientation. Consider the following table on the basis of the sample:

Table 3: Orientation distribution of PPs in the sample

	hits	in percentages
S	53	55 %
A	20	23 %
P	24	25 %

[4] Kleśas are parts of human psychology that always cause sufferings to human beings.

Note that the unproportionally high number for the S orientation does not prove anything on itself as it is just the effect of the fact that there were approximately as many intransitive (53) as transitive (20+24=44) verbs in the text sample. Thus, Tocharian adheres only partly to the cross-linguistically frequent asymmetries whereby present participles tend to have active orientation while past participles exhibit passive orientation, cf. Comrie (1981), Haspelmath (1994; 2008: 200). The PPs do not show any significant inclination towards P or A orientation.

3.2. Adverbial and subordinate clauses headed by bare PPs

In addition to the NP-internal, attributive use (i.e. the coreferential NP and the PP form one constituent), the Tocharian PPs are also employed in various subordinate clauses, mostly without conjunctions.

Table 4: Syntactic distribution of the PP in the sample
(total — 97 hits, 2 hits are unclear)

Main clause	Subordinate clause	NP-internal, attributive
22 (23%)	50 (53%)	23 (24%)

The presence of the copular auxiliary in subordinate clauses is highly infrequent (Thomas 1957: 273). Thus, among the 50 uses in subordinate clauses, there was not a single hit with an auxiliary expressed except for the following relative clause introduced by the relative pronoun *kusne*:

(4) *nmuk ṣäk pi wäkn-ā kusne*
ninty six PRT way.OBL.SG-PERL 3SG.REL.NOM
waṣt-äṣ lantuṣ neñc
house.SG-ABL leave.PP.NOM.PL be.PRS.3PL
'Those who left home in ninety six ways'
[Ji et al. 1998: 23; TA YQ 1.30 1/1 b3]

Often it is quite difficult to tell the following two syntactic constellations apart:

(i) *same constituent*: the PP is used attributively or the nominalized PP forms a constituent on its own, or, alternatively,

(ii) *different constituents:* the PP is the predicate of a subordinate clause; the agreeing NP and the PP are parts of different constituents (cf. Thomas 1957: 244)

Given that the language is dead, constituency tests cannot easily be carried out here. The surface structure in (i) and (ii) is quite similar — in both cases there is typically an overt or *pro*-dropped NP somewhere in the sentence that agrees with the PP in case, number and gender.

There are just few criteria that may be helpful to distinguish between these two: (a) word order and (b) case inflection. Regarding (a), Tocharian word order is not rigidly constrained and is sensitive to information-structure related considerations. However, on average, the default word order within the adjectival phrase is clearly adjective / participle — noun (cf. examples in Krause & Thomas 1964: 91–92) and not the other way around. Reversely, any deviations from this word order may be plausibly interpreted as an indication for the PP heading a subordinate clause (ii).

Moreover, as regards (b), the position of the inflectional affixes of the so-called secondary cases, that is, cases that are attached agglutinatively to the singular or plural form of the noun / adjective / participle / determiner in the oblique case, may be decisive. Crucially, in Tocharian, the affixes need not be attached to all members of the constituent but may be realized only once ("Gruppenflexion") and, in this case, on the constituent final noun (Krause & Thomas 1964: 91). Here, a PP that semantically belongs to a noun in a secondary case and agrees with it by its oblique case (which yields the morphological base for the secondary cases affixes) has to be analyzed as (i).

I will not concentrate on the same-constituent uses of the PP here, cf. (6) below. What follows aims to provide evidence for the use of the PP as the predicate heading a subordinate clause. In the following example from TA, the PP *nāṃtsuṣ* 'having become' together with *weyem* 'astonished' may potentially be either interpreted as attributive to *manarkāñ* 'the brahmin youth', namely, as 'the astonished brahmin youth', or as an adverbial subordinate clause encoding an anterior process lit. 'having become astonished again, they say':

(5) *kaklyuṣuräṣ* *manarkāñ* *wtākot* *weyem*
hear.PST.CONV youth.NOM.PL again astonished.INDECL
nāṃtsuṣ *träṅkiñc*
be.PP.NOM.PL say.PRS.3PL
'Having heard (that), the brahmin youths, astonished again, say…' [Ji et al. 1998: 121; TA YQ 1.11 1/2 a2]

The analysis of the PP as an attributive adjective is unlikely in view of the word order found here: the PP occupies the position next to the main verb and not next to the coreferential NP, which is the regular word order in Tocharian for adjectival use of the PP as illustrated by the following example:

(6) *pissaṅkis* *el* *wawu*
community.GEN.SG gift.NOM.SG give.PP.NOM.SG
pissaṅk-am ***kalko*** ***el***
community.SG-LOC go.PP.NOM.SG gift.NOM.SG
träṅkträ
say.PRS.3SG.PASS
'A gift that is given to the Community is called "gift gone to the Community" (i.e. skt. *saṃghālambana* or Pāli *saṃghāgata-*).'
(cf. Ji et al. 2001: 177, 180 fn. 10–12; YQ 1.41 1/1 b3)

Semantic considerations might also speak against the attributive interpretation of the PP in (5). While in (6) the restrictive meaning of the PP is found, the restrictive meaning *'the again astonished youth' is not felicitous in (5). It is, of course, theoretically possible that the PP was used in (5) non-restrictively. However, given that attributive PPs are mostly used restrictively and the PP's position next to the main verb, the subordinate interpretation is much more likely.

In a similar way to the adverbial subordination, it is difficult to entirely set apart control constructions such as *accusativus-cum-participio* from PPs used attributively. Consider the following example with a verb of perception:

(7) *ptāñkätt* *ats* *wāwrunt* *lkām*
Buddha-god.OBL.SG PRT awake.PP.OBL.SG see.PRS.1SG
'I see the Buddha-god awakened indeed.'
[Ji et al. 1998: 57; TA YQ 1.3 1/1 b3]

Verbs of perception are typical candidates for taking subordinate complement clauses cross-linguistically. The meaning found here is not the one of a non-restrictive relative clause *'I see the Buddha-god who has awakened', but rather about the fact that the very state of being awakened is being observed: 'I see the Buddha-god and I see that he has awakened'. This interpretation is suggested by the context of (7) which is, in short, about the Brahmin Bādhari who has just heard about Buddha's fate and awakening. The following example from a medical text in TB is comparable:

(8) *po* *yenteṃ* *kektsen-ne*
all.INDECL wind.OBL.PL body.OBL.SG-LOC
stmauwa *lk-āṣṣ-äṃ*
stand.PP.OBL.PL see-PRS-3SG
'He sees all winds standing in the body.'
[Carling 2000: 345; TB 41 b6]

The resultative *stmauwa* 'standing' (as a result of having been vertically placed/put) is also part of the observation referred to by the matrix verb 'to see', i.e. lit. 'He sees the winds and he sees that they have stood up and are standing now'.

The following example contains a conjunction that provides unequivocal evidence for the subordinate-clause analysis of the PP *papāṣṣos* (here, the head of a conditional clause):

(9) *anaiśi* *kwri* *papāṣṣoṣ* *walke* *klyentär*
carefully if care.PP.NOM.PL long stand.PRS.3PL.MID
kokalyi
cart.NOM.PL
'If carefully preserved, carts hold long.'
[Thomas 1957: 271; TB 5 b2]

In other cases, PPs are used in the way similar to (restrictive) relative clauses as regards the word order and semantics (cf. [Cristofaro 2003: 195]). Thus, in the following example, the object NP of the main verb 'head' is provided additional information by the PPs *kärsont* 'known' and *ākṣiṃññunt* 'taught' with an overtly expressed agent (by the genitive case on the noun 'Buddha-god'), thereby semantically yielding a complete proposition:

(10) *mäntne* *yas* *manarkān* *mrāc*
as you.NOM.PL youth.NOM.PL head.OBL.SG
p-kärsäs *ptāññäkte*
IMPV-know.2SG Buddha-god.GEN.SG
kärsont *ākṣiṃññunt*
know.PP.OBL.SG teach.PP.OBL.SG
'Therefore, you, oh brahmin youths, recognize that as the "top" which is known and taught by the Buddha-god.'
[Ji et al. 1998: 121; TA YQ 1.11 1/1 b2]

Even though no relative pronoun is used here, from the functional point of view, both PPs seem to have the restrictive meaning here 'that top that was known and taught by Buddha'.

When it comes to the aspectual function of the PP in subordination, it is notoriously difficult to tell whether PPs just denote anterior events that are completed by the time before the main event begins, or, alternatively, whether they denote both the completion and the resultative state lasting over the time period of the matrix event. Thus, there is no way to differentiate between the resultative meaning 'to stand' for *kākätkuṣ* (TA) derived from *kātk-* 'arise' and the anteriority meaning 'having arisen' with no post-state of standing:

(11) *āsān-äṣ* *kākätkuṣ* *lāṃtsāṃ* *keneñc*
throne.SG-ABL rise.PP.NOM.PL queen.OBL.SG call.PRS.3PL
'Having risen from the throne they call out to the queen.'
[Ji et al. 1998: 165; TA YQ 1.24 1/1 b8].

Having said this, the anteriority meaning is unlikely in certain cases, e.g. in (9), for pragmatic reasons: *'after having been carefully preserved, the carts hold long'.

3.2. Part of Speech of the PP

Haspelmath (1994: 152) defines participles as "… words that behave like adjectives with respect to morphology and external syntax, but are regularly derived from verbs." He furthermore lists additional features typical of participles such as verbal valence and being part of the verbal paradigm. Tocharian PPs fit this description in many respects: they represent an inflectional category morphologically derived from verbs only and have actional meaning; they behave as adjectives syntactically if used attributively and typically retain the verbal semantic valence (not necessarily in terms of argument realization). Furthermore, the PPs in Tocharian are inflected for case and can be nominalized. At the same time, a number of properties that clearly distinguish PPs from adjectives are found. First, the argument realization pattern need not be retained: it might be inverted into an ergative one, e.g. genitive-marking for the A argument and nominative-marking for the P-argument. Secondly, they are at least partly different from adjectives with respect to the external syntax since they can

themselves head clauses and, thus, pattern with finite verbs in heading clauses as well as with converbs in modifying the main predication.[5]

3.3. The use of the PP with the present indicative auxiliary

While the presence of the auxiliary is necessary to signal non-indicative mood as well as the non-present tenses, the present indicative is the default interpretation and, therefore, the auxiliary can and is often dropped. In certain contexts, however, the auxiliary nevertheless also appears in the present indicative where it does not seem to contribute any additional semantic component to the meaning. One potential reason for having the present indicative auxiliary might be related to reference tracking on the inter-clausal level. The subject NP is typically dropped in Tocharian whereas the verb desinences are used as *weak referential devices* (in terms of Kibrik 2011) to provide the reference for discourse-activated referents and speech act participants. Therefore, in clauses with subject shift, there must be at least one referential device indicating the shifted subject referent: the subject pronoun or noun phrase, or, alternatively, a finite verb carrying the referential desinences. To give an example, consider the following sentence:

(12) *mā* *kāswone* *kaklyuṣu* *na-ṣt*
NEG virtue.OBL.SG hear.PP.NOM.SG be-PRS.2SG
mā *tuṅk* *naś=śi* *metrakn-aṃ*
NEG love.NOM.SG be.PRS.3SG=2SG.OBL Metrak.OBL-LOC
'You have not heard of [his] virtue. You have no love for Metrak' [Ji et al. 1998: 40; TA YQ 1.17 1/1 b1]

The sentence consists of two coordinated clauses or two simple sentences with non-coreferential subjects: the subject of the first clause 'you' is not identical with the subject of the second clause '(your) love'. The omission of the present indicative auxiliary *naṣt* 'you are (SG)' might create ambiguity in interpreting the referent of the first clause, because the referent of the PP will automatically be construed then as co-referential with the referent of the second clause's subject, namely, *tuṅk* 'love'. Moreover, the present auxiliary

[5] Tocharian has dedicated converbs – these are non-agreeing and indeclinable deverbal nouns derived from PPs in the ablative (rarely in the perlative) case. However, as has been shown, PPs themselves equally can head subordinate clauses.

indicates the syntactically independent status of the PP clause which otherwise might also have been ambiguous between the main and subordinate clause interpretation. Thus, in terms of truth conditions, it indicates an independent assertion.

4. Aspectual semantics of the PP construction

The PP construction of Tocharian — although referring to events in the past — is different from other past tenses such as the imperfect and preterite. There are two main objective arguments to claim this: (i) its combinability with time adverbials and (ii) its co-occurrence with other tenses.

Regarding (i), as far as I can tell, the PP construction is found with the time adverbials referring to the present time relative to the speech time such as TA *tāpärk* 'now', while I have not come across any example where the PP construction would have been used with such time adverbials as TA *tmäṣ* 'then' (except for its second meaning 'when'). The PP construction is not used in a narrative discourse for enumeration of events that happened after one another. In these cases, the imperfect or, more frequently, the preterite is used. Moreover, concerning (ii), I have examined all examples of the PP construction headed by auxiliary in the present tense, mentioned in Thomas (1957: 246–255) with both the "active and passive use" of the PP construction regarding which tense follows the PP construction. Unfortunately, 16 examples thereof were not valid for two reasons: fragment lacunas and being at the end of a discourse chunk:

Table 4: Co-occurrence with other tenses

	Non-past reference			Past reference
	Present	Subjunctive/Future	Optative	Preterite
	10	2	1	2
Total	13			2

Although the number of examples is not significant, one may observe that the PP construction clearly favors contexts with present tense reference. One of the two examples showing co-occurrence with the preterite (i.e. a seeming exception) does, in fact, also have present tense reference:

(13) *wältsant-yo* *pūkl-ā* *kätkont*
thousand.PL-INS year-PL.NOM pass.**PP.**NOM.PL
nä=m ***tāpärk*** *śwātsiyis*
AUX.PRS.3SG=2PL.OBL now.ADV eat.INF.GEN.SG
ñom *was* *mākk* *ats* *klyoṣāmäs:* *śwātsi*
name.OBL.SG 1PL NEG PRT hear.**PRET**.1PL eat.INF
pälko *mā* *opyāc* *nä=m*
see.PP.NOM.SG NEG memory.SG.ALL be.**PRS**.3SG=2PLOBL
'In [their] thousands the years **have now passed** on us, the word "food" we **have not heard** at all. We **do not remember** anyone who has seen food.' [TA 340 a6][6]

The time adverbial *tāpärk* 'now' clearly indicates the present tense reference (relative to the speech time). Additionally, the third clause contains a full verb in the present tense (the same one is used as the auxiliary in the PP construction). Regarding the other example with PP co-occurring with a preterite [TB 17 a2], it seems that the presential meaning is also found there, but I do not have any non-interpretational evidence to corroborate this. In sum, there is evidence suggesting a present-tense reference of the PP construction.

I turn to a detailed discussion of the exact nature of this category. In what follows, I consider two typologically established categories that both refer to some past event concurrently exhibiting a presential meaning: the resultative (4.1) and the perfect (4.2). I argue that both meanings can be found with the PP construction but the perfect meaning clearly prevails, as has already been suggested in Thomas [1957: 245].

4.1. Resultative

Nedjalkov & Jaxontov (1988: 6) define resultatives as follows:

(14) "The term resultative is applied to those verb forms that express a state implying a previous event."

Thus, predicates such as *to hang* and *to be hung* denote the same state, but only the latter additionally provides information about how this state came about (Nedjalkov, Jaxontov 1988: 6), which is why *to be hung* is only felicitous in the contexts that are compatible with the preceding event they entail:

[6] Adapted from Gerd Carling, CEToM, retrieved on 14.01.2015; (Thomas 1957: 246).

(15a) *There hangs a picture on the wall*

(15b) *A picture is hung on the wall*

(16a) *There are apples hanging on branches*

(16b) **Apples are hung on branches*

In order for a verb to have a potential to form resultative, its lexical semantics must entail some inherent (cf. Depraetere 1995) or intrinsic (cf. Sasse 2002) endpoint constituting a change-of-state and yielding a new, resultant state at one of the event participants. From this, it follows that one of the verb's arguments must be "affectable" by the action, because if an argument is affected by the action, a new, resultant state with this argument can emerge (Haspelmath 1994: 160–161). As Haspelmath [ibid.] notes, the affectable participant is typically the patient argument (e.g. *the destroyed house*), but not always, and such verbs as *to wear* or *to learn* also entail affectedness on the part of the agent. The resultant state of the agent triggers the "active" orientation of the resultative participle.

While the definition in (14) neatly differentiates resultatives from simple states, it is only a necessary but not a sufficient condition. Contrasting with perfects, the resultant state must be integrated into the lexical semantics of the verb denoting the previous/preceding event:

(17a) *John has broken a stick*

(17b) *The stick is broken*

Thus, if (17a) is true, (17b) must also hold true regardless of the context because the resultant state in (17b) is integrated lexically into the verb *to break*. The following definition of resultatives incorporates this insight and will be used in this paper:

(18) Resultatives denote a state that entails a preceding event whereby this state is the lexically integrated and context-independent consequence of the preceding event

This definition helps to delineate resultatives from perfects — the latter denote a situation whose results are context and situation dependent (see below, section 4.2). Moreover, it also provides the basis for distinguishing lexicalized resultatives. Lexicalized resultatives equally entail a resultant state and a preceding event. The relation between the

resultant state and the preceding event, however, is not semantically straightforward and requires additional semantic operations such as semantic extension or semantic narrowing. Crucially, even with lexicalized resultatives, the resultant state is context-independent — which can be observed in the fact that they always have one and the same resultant state in different contexts. Thus, although the resultant state and the preceding event are not straightforwardly related with lexicalized resultatives logically and semantically, there is, nevertheless, one-to-one correlation integrated into the lexical semantics of the verb.

While resultatives may generally impose restrictions regarding tense (typically present tense), person (e.g. in Selkup (Samoyedic / Uralic, Siberia), third person only is possible), and polarity (e.g. Nivkh (isolate, Outer Manchuria & Sakhalin) has affirmative resultatives only) (Nedjalkov & Jaxontov 1988: 36–37), to the best of my knowledge, there are no such restrictions in Tocharian.

4.1.1. Regular resultative meaning. As has been noted above, the resultative meaning is more frequently found when it is used as part of an NP constituent, as an NP modifier. Clear instances of the resultative meaning in the predicative position are less frequent. The resultative meaning of the PP is found in the following examples:

(19) *ciñcrone* *puk* *kälymentw-aṃ*
charm.NOM.SG all direction.PL-LOC
sätko *tñi*
expand.PP.NOM.SG 2SG.POSS
'Your [scil. Bhadrā's] charm is expanded into all directions.' [Thomas 1957: 257; TA 66 a2]
'expanded to all regions' > 'is in all regions'

(20) *$k_u$se* *no* *ost-meṃ* *ltu* *yāṣṣu*
who.NOM but house.SG-ABL leave.PP.M.NOM alms
śawāñca *kwri* *sū*
eat.PARTC.PRS.ACT if this.NOM.SG.M
krauptär *waipeccenta*
collect.PRS/SUBJ.3SG property.PL.OBL
'The one who is a monk (lit. left from home) and eats alms bread (lit. the eating-alms one), if he collects properties, (then he) …' [Thomas 1957: 269; TB 33 a6–7])
'having become a monk' > 'is a monk'

The verb *lä-n-t-* 'to leave' if combined with *ostmeṃ* 'from house' has the meaning 'to become a monk', i.e. lit. 'to leave the house'. In turn, the resultative (TB) *ostmeṃ ltu* (lit. house.SG-ABL leave.PP) just means 'being a monk'. Note the coordination with a present participle *śawāñca* 'eating' that is also indicative of the present-time reference of the PP *ltu*.

It has been noted in the literature that resultatives are often restricted with regard to tense, primarily occurring in the present tense only. Thus, Nedjalkov & Jaxontov (1988: 36) provide the following hierarchy entailing the probability of a particular tense form of the resultatives:

(21) present tense > past tense > future tense

Tocharian PPs, in turn, are flexible regarding tense. They are compatible with the future time reference (coded by the auxiliary in the subjunctive). Furthermore, past tense auxiliary in the imperfect tense (cf. subsection 5.1 below) and, somewhat infrequently, the preterite are also found (cf. subsection 5.2). The conditioning factor here seems to be that the stative meaning of the PP should match with aspectual meaning of the auxiliary. While there is not enough knowledge about aspectuality in Tocharian on the functional differences between the preterite and the imperfect[7], the correlation of the imperfect with the imperfective viewpoint-aspect meaning and, respectively, of the preterite with the perfective interpretation is, *grosso modo*, not unjustified.[8] Having said this, it is not unexpected that states are rather compatible with the imperfective viewpoint.

[7] Exceptions are Thomas (1957), Itkin (2014).

[8] I refer to the bi-dimensional approach to aspectuality (*inter alia*, (Bertinetto 1997, Smith 1997, Sasse 2002). There are two dimensions that are orthogonal to each other: the viewpoint aspect or ASPECT_1 in (Sasse 2002) and actionality (also termed, e.g., as Aktionsart or ASPECT_2 in (Sasse 2002). While both dimensions operate within the boundaries of an event, they differ from each other as to whether the boundaries are (a) inherent (cf. Depraetere 1995 or intrinsic (cf. Sasse 2002) in case of actionality or ASPECT_2 or (b) just temporally established in case of viewpoint aspect or ASPECT_1 (Sasse 2002: 205–206). Actionality refers to the inherent organization of an event such as, e.g., referred to by Vendler's classes (*activity, achievement, accomplishment* or *state* (Vendler 1967) or by such compositional properties as *telicity* (telic *vs.* atelic) or *dynamicity*. In turn, the viewpoint aspect is more subject to the speaker's construal and that pertains to such domains as discourse organization or pragmatics and not to the very semantics of the event.

4.1.2. Development of the simple stative meaning. While both resultatives and simple statives such as *to sit* or *to stand* are states in terms of Vendler's classes (Vendler 1967), the main distinction is whether or not the state is conceived of as a result of some preceding event: simple statives do not entail a preceding event while resultatives do. Yet, in the course of semantic development, resultatives may lose this *preceding-action-entailment* and become in no way different from simple states except for the morphological form which, in turn, generally tends to be more conservative than semantics. This development is especially likely if the resultant state expresses conventional states like *to lie, to stand,* etc. and not states like *to be destroyed*. Moreover, the conventional states tend to expand on the respective inchoatives. Recall examples (15) and (16) with the English verb *to hang* and its resultative *to be hung* above. Both these predicates denote exactly the same state. The difference between these two is that the former additionally has the completive dynamic reading 'to place smth. into a hanging position' from which the resultative meaning *to be hung* is derived, while the latter entails the preceding action described by this reading which its stative counterpart *to hang* does not. In turn, the verbs like *to destroy* are less likely to develop the simple stative meaning, because *destroyed* does not encode a conventional state.

There are a number of instances in Tocharian attesting this development. Thus, the PP *stmau* (TB) 'standing' is derived from the verb *käly- / stäm-* 'to stand oneself, to place oneself' and should be semantically a regular resultative with the meaning 'to be / stand somewhere after having been placed / having placed oneself there'. However, examples of TB *stamau* are found where the context rather excludes the second part of this meaning, namely, the *preceding-action-entailment*:

(22) *wreme* *emalyaṣṣe* *kektseṃ-ne*
thing.NOM.SG hot.OBL.SG body.OBL.SG-LOC
stmauṣ *avasth* *yainmu*
stand.PP.OBL.SG state.OBL.SG achieve.PP.NOM.SG
'A thing that has achieved the hotness state [the temperature] that is found in the body.'
[Thomas, Krause 1964: 70 fn. 1; TB 197 b4]

The temperature found in the body is nothing that could have placed itself or that could have been placed there by someone else at some earlier point but rather, so to say, is always there. Thus, there is no implication of some preceding event of placing the temperature into the body. The next example is equally incompatible with some preceding event: a meaning 'they had placed themselves with tearful eyes and now they are standing with tearful eyes' is semantically unlikely:

(23) *ṣṭmoṣ* *ākärnunt* *aśä(nyo)*
stand.PP.NOM.PL.M tearful.OBL.PL eye.PL.INS[9]
'They are/were standing with tearful eyes' [TA 44 b2][10]

Compare the PP (TB) *weweñu* 'to be called' (cf. German *heißen*) in (24) and the finite middle form in (25), which both have identical meaning:

(24) *kreñc* *tne* *weweñoṣ* *$k_u$se* ...
good.NOM.PL here call.PP.NOM.PL who.NOM
'[Those] are called the good ones here who …'
[Thomas 1957: 269; TB 15a6=17a7]

(25) *somo-aiñyai* *somo* *ytārye*
alone-passable.NOM.SG.F alone.NOM.SG.F way.NOM.SG.F
kā *we-s-tär*
why call-PRS-3SG.MID
'The only traversable [way], why it is called the only way?'
[Adams 2013: 658; TB 29 b1]

Both are derived from the verb (TB) *we-* 'to speak, say, state, tell' (cf. Adams 2013: 658). The verb *to say, tell* is normally an activity verb and does not entail any inherent result (cf. 'to speak') unless it is used with an object, the latter use being quite infrequent. Equally, the meaning 'to be called' found in the finite middle-voice forms of the same verb (as in (25)) is rather a state and not a verb entailing some inherent result. One can, of course, argue that the PP *weweñu* is

[9] According to Burlak, Itkin (in print), there is no paralis / dual in Tocharian A and the form must be regarded as plural.

[10] Gerd Carling, Fanny Meunier and Michaël Peyrot, in: CEToM, retrieved Nov. 11, 2014.

semantically a resultative and is opposed to the finite verb *westär* 'is called (PRS.3SG.MID)' in the same way as English *to be hung* is semantically opposed to the finite verb *to hang*. However, there is a difference: while the English predicates are indeed different with respect to the preceding-action entailment, logically there can be no such difference with the PP *weweñu* 'called' and the finite form *westär* 'is called'.

In the next example, the PP *yutkos* does not entail a preceding event:

(26) *tämyo* ***yutkos*** *lmos*
therefore be.anxious.PP.NOM.SG.F sit.PP.NOM.SG.F
ṣeṣ
be.IMPF.3SG
'Therefore, she was sitting there anxious.'
[Thomas 1957: 302; TA 111 a1]

The PP *yutkos* 'anxious' from the experiencer verb *yutk-* 'to be anxious' cannot be analyzed as semantically resultative because it does not imply any new situation that would have emerged as a result from some previous situation of 'being anxious' encoded by the finite verb. Differently to *to sit down*, which is an achievement verb, the latter verb is a stative one and, hence, should not be compatible with a resultative at all:

(27) *nātäk* *taṃ* *ṣurmaṣ* *tu* *mar*
lord this because-of 2SG.NOM NEG.PROHIB
yutk-a-tār *$k_u$yalte*
worry-PRS-3SG.MID because
'Oh lord, do not worry because of that, for …' [TA 66 a6][11]

There are also other experiencer verbs that do not distinguish between the meaning of the finite verb forms and the PP, both denoting the experiential state with no preceding-action-entailment. Consider the following examples with the verb *späntˇ* 'to trust, to have confidence in something':

[11] Gerd Carling, Georges-Jean Pinault, Melanie Malzahn, in: CEToM, retrieved Nov. 20, 2014.

(28) *lareṃ* *pātär-ś* *soṃśke* *ra*
dear.OBL.SG father.OBL.SG-ALL son.NOM.SG also
ṣārtai *po* *su* ***spänt-e-tär***
encouragment.OBL.SG all this.SG.M trust-PRS-3SG.MID
'Like the son for his dear father, [so] everyone has confidence in [your] encouragement.' [TB PK AS 17C b4][12]

(29) *sak* *wat* *tu* *ste* *wakitse*
luck.NOM.SG or here be.3SG supreme.NOM.SG
lareṃ *lak-a-ṃ* *kakāccoṣ*
dear.OBL.SG see-SUBJ-3SG rejoice.PP.OBL.SG.M
späntoṣ *skwasont*
trust.PP.OBL.SG.M happy.OBL.SG.M
'Or, this [is] supreme happiness, if one sees the dear one rejoicing, trusting, and happy.' [TB PK AS 17C a5-6][12]

Note, furthermore, that the verb *kātk-* 'to rejoice' is in no way semantically different from the PP *kakāccoṣ* 'rejoicing' in the above example.

The meaning of the PP (TA) *nāṃtsu* is 'having become' (cf. example (33) below). There are, however, instances in which the PP *nāṃtsu* 'having become' has lost its entailment of some preceding change of state, although such contexts excluding a resultative interpretation are quite rare (for example, all attestations of *nāṃtsu* in Maitreyasamiti-Nāṭaka are compatible with the resultative meaning):

(30) *cami* *ālāsuneyis* *nu* *tsraṣṣune*
this.GEN.SG inertia.GEN.SG PRT energy.NOM.SG
pratipakṣ *nāṃtsu*
hindrance.NOM.SG be.PP.NOM.SG
'For the inertia, energy is a hindrance'
(cf. Sieg 1944: 5; TA 2 a6)

The stative non-resultative translation 'is', i.e. German 'ist', is given in Sieg (1944: 5), and it is motivated by the context which does not presuppose that things have ever been different before: the state-

[12] Georges-Jean Pinault (in collaboration with Melanie Malzahn), in: CEToM, retrieved: Nov. 28, 2014

ment in (30) is a rather generic one and is not to be interpreted as the result of some preceding event. The following example is fully aligned:

(31) *waṣt-lmā-lune-yis* *ñäkcy* *ārkiśoṣi-s*
house-sit-NMLZ-GEN.SG divine.OBL.SG world-GEN.SG
śkaṃ *tsmār* *nāṃtsu* *amok*
and root.NOM.SG be.PP.NOM.SG virtuosity.NOM.SG
'For the household and for the divine world, the virtuosity is the root.' (cf. Sieg 1944: 5; TA 3 a1)

Moreover, the PP *nāṃtsu* 'having become' from (TA) *nas-* 'to be, to exist' is used as the resultative/stative of the light verb with a number of indeclinable adjectives including the indeclinable present middle participle (TA) *kātkmāṃ* 'to be happy' from *kātk-* 'to rejoice':

(32) *träṅkäṣ* *klyom* *metrak*
say.PRS.3SG noble.NOM.SG Metrak.NOM
kātkmāṃ *nasam*
rejoice.PARTC.PRS.MID.INDECL be.PRS.1SG
'(Bādhari) says: Noble Metrak, I am fully of joy.'
[Ji et al. 1998: 23; TA YQ 1.30 1/1 b1]

The following indeclinable predicatives[13] are found in the sample: *weyeṃ* 'surprising, surprised', joyful', *lyutār* 'more, over', *pākär* 'evident', in combination with the PP *nāṃtsuṣ* with the respective meaning 'having become surprised', 'having become joyful', 'having outweighed', 'having become evident'. In many instances, the meaning is indeed resultative and the implication of some preceding change of state is likely as in the following example:

[13] I refer to these words as *predicatives* and not conventionally as *adjectives* because they seem to mostly occur in predicative positions and not as noun attributives as far as I can tell. Moreover, they often head clauses themselves in the present indicative without a finite form of the copula. To encode the respective change of state they take the PP *nāṃtsu* 'having become' of the verb *nas-* 'to be, to exist' for a change of state in the past and, interestingly, not the respective present form *naṣ* 'be.3SG.ACT' (which only has the copular meaning here), but rather the present form of the synonymous verb *mäsk-* (TA) *mäskatär* 'be.3SG.MID', otherwise also meaning 'to be, to exist' (cf. also Batke 1999: 42ff). Occasionally *wsok* 'happy' may appear as an indeclinable predicative, but it may also be inflected (Ilya Itkin, p.c.).

(33) *śiśk-i* *ypesuṃnts-āṃñ* *kāts-ā* *klawrä*
lion-NOM.PL tigress-NOM.PL belly.SG-PERL fall.IMPF.3PL[14]
wsok *nāṃtsunt*
happy.ADJ.INDECL be.PP.NOM.PL
'Lions and tigresses fell down on their bellies, full of joy.'
lit. 'having become full of joy'
[Ji et al. 1998: 102; TA YQ 1.5 1/2 a6],

Yet, the meaning of the respective finite forms of the verb *nas-* is only 'to be, to exist' and not 'to become' (cf. Thomas & Krause 1964: 109), for which the otherwise synonymous verb *mäsk-* 'to be, to become' can be used. The semantic relationship between the finite forms of the verb *nas-* 'to be' and its PP *nāṃtsu* is, therefore, no longer transparent. Most probably, the original meaning of *nas-* was not only 'to be', but also 'to become' — a development very frequently found across Indo-European languages, cf. Sanskrit *bhū-* 'to be' or Baltic and Slavic **bū-* 'to be' which originally stem from Proto-Indo-European verb **b^hu̯eh$_2$-* 'to grow, to become', cf. Ancient Greek *phýō-o-mai* 'grow.PRS.1SG.MID'. The meaning 'to become' was lost with TA *nas-* (and its TB correlate *nes-*) but was partly retained in the resultative meaning of its PP. The latter, however, as will be shown in the subsection immediately below, also gradually loses the resultative meaning in favor of the simple stative meaning 'to be', cf. (31).

Nedjalkov & Jaxontov (1988: 14) call this type of expressions *quasi-resultatives*. However, it seems to be misleading to refer to these verb forms as resultatives in terms of a semantically well-defined category since they violate the definition given in (18) above by not entailing any preceding event. Apart from the morphological form, they do not distinguish themselves from simple statives.

4.1.3. Lexicalized stative meaning

There are some PPs that have a stative meaning that is not directly derivable from the lexical meaning of the underlying verbs. There are two types of semantic shifts here: (i) lexicalization of the resultative meaning and (ii) loss of the preceding-event-entailment (as in 4.1.2 above). Consider the PP *kaknu* (TA) 'to be endowed with, to

[14] Identified as imperfect in Malzahn (2010: 264) and Itkin (2014: 34) with more details.

have' formed from the verb *kän-* 'to arise' and governing the instrumental case:

(34) *wärṣṣältsune-yo* *kaknu*
energy.SG-INS arise.PP.NOM.SG
'[The being / person] endowed with energy'
[Thomas 1983: 19; TA 214 b1]

The Tocharian B counterpart *kekenu* 'endowed with (perlative)' has the same meaning, not presupposing a preceding action of 'providing with' (cf., e.g., the utterance in PK AS B5 a4).

The alleged meaning of the PP should have been and assumedly was 'arisen' which is suggested by the meaning of the verb. However, in some instances, as in the above, it does not entail any preceding event whatsoever. Moreover, the meaning 'to be endowed with' does not directly follow from the lexical meaning of a verb *to arise*. I assume the following semantic development:

Table 5: Development of PP TA *kaknu* / TB *kekenu* 'endowed with'

Resultative		Lexicalized Resultative	Lexicalized State
arisen >	*arisen with X >*	*having acquired X >*	*being endowed with X*

In turn, PP *rittau* (TB) / *rito* (TA) — originally a resultative with the meaning 'connected with' (from the verb TA *ritw-*/TB *ritt-* 'to connect') — patterns as a preposition, governing the comitative case in TB with the meaning 'related to'. It equally does not entail any preceding event, nor is it semantically, straightforwardly related to the event of *connecting*. Parallel to the PP *kaknu* above, there is an extension or bleaching of the meaning from a very specific form of *being related*, namely *being connected,* into any kind of *being related.* In the same manner as with *kaknu*, there is a subsequent loss of the preceding-event-entailment. Thus, both the PP *rittau* (TB) / *rito* (TA) and PP *kekenu* (TB) / *kaknu* (TA) involve both changes mentioned above: (i) lexicalization of the resultative meaning and (ii) loss of the preceding-action entailment.

4.2. Perfect

There are a few remnants of the old morphological perfects in Tocharian A inherited from Proto-Indo-European. These perfect forms were originally formed morphologically by means of the reduplica-

tion, the **o* vs. **ø* (zero grade) ablaut in the verbal root and dedicated perfect endings. The old aorist (perfective past) and the old perfect merged into the *preterite* in Tocharian having mostly aorist functions (very much in the same way as it happened in Latin). Nevertheless, there are some "synonymous" preterite forms for one and the same verb which I interpret as remnants of the old aorist and the old perfect, respectively (Seržant 2014: 93–97). Thus, the Tocharian A *sa-srukā-t* (REDUPL-kill-3SG.MID) '[he] has killed himself' and *sruk-sā-t* (kill-PRET(=AOR)-3SG.MID) '[he] killed himself' from the root *sruk-* 'to die/to kill'[15] differ in that the former seems to still preserve the perfect meaning of current relevance while the latter, historically an aorist, still functions as an aorist, cf. the following example with the present time adverbial (unlikely to be used with an aorist):

(35) *säm* *tāpärk* *kip* *ṣurmaṣi* *ṣñi*
3SG.NOM.M now shame.OBL.SG because RFL.POSS
āñcäm ***sasrukāt***
self.OBL.SG kill.PERF.3SG.MID
'He now has committed suicide because of shame.'
(adapted from Sieg 1952: 12; TA 9a5)

There are very few verbs that unequivocally attest old perfects in Tocharian A (Seržant 2014: 93–97). Having said this, I now turn to the PP construction that replaces the old perfects functionally as has already been suggested in Thomas (1957: 245).

Resultatives frequently undergo the expansion of their meaning, developing thereby into perfects (*inter alia*, Kuryłowicz 1962: 141–155; Serebrennikov 1974: 234–236; Nedjalkov & Jaxontov 1988: 41). The development of perfects from constructions containing a copula with a past participle of the lexical verb is widely attested cross-linguistically

[15] It is quite difficult to determine the basic meaning of this verb: in the dedicated inagentive, middle-like paradigm (present III, subjunctive V, preterit I) it has the meaning 'to die' while in the paradigm of preterit III it has the meaning 'to kill'. I have argued in detail that the paradigm of present VIII, subjunctive I/II and preterit III constitute the basic paradigm in the Tocharian verbal system (Seržant 2014: 1–16). Hence, the meaning 'to kill' is likely to be basic here, while the meaning 'to die' is a derived meaning due to the inagentivizing morphology of the paradigm of present III, subjunctive V, preterit I.

(Bybee, Dahl 1989: 678). This process has been described by Lindstedt (2000: 368) as "the generalization of meaning from 'current result' to 'current relevance'". Lindstedt (2000: 366) gives the following two definitional criteria of *perfects*:

(36a) "the relevance of a past situation from the present point of view and

(36b) detachment from other past facts, i.e., non-narrativity."

Dahl & Hedin (2000: 392) elaborate on the notion of *current relevance* (first introduced in McCoard 1978) in (36), stating that — in contrast to resultatives (resultative perfects in their terms) — current relevance perfects imply repercussions that "are not directly derivable from the meaning of the verb" but rather from "the specific knowledge about the situation or about some conventions." To illustrate this point, they adduce the following example:

(37) *The gong has sounded.*

Dependent on the context, this utterance may have current relevance by indicating the beginning of the dinner time or by signaling that a round in a boxing match is over (Dahl & Hedin 2000: 392). That is to say, while resultatives denote a specific result that is rooted in the lexical semantics of the verb, current-relevance perfects, in contrast, encode a result that is derivable from the situation and general conventions associated with the event denoted by the verb. One of the most obvious consequences of this is that verbs that do not entail an inherent endpoint (atelic verbs) become compatible with the category (cf. Bybee et al. 1994: 68–69; Dahl & Hedin 2001).

Indeed, this state of affairs is found in Tocharian. As far as I can tell, Tocharian does not seem to impose any selectional restrictions onto which verbs may form the PP. Prototypically atelic verbs such as *to go* are frequently attested here in the PP form. The following table provides an overview over the proportional distribution of the Vendler's classes in the PP construction in Maitreyasamiti-Nāṭaka. Note that the assignment of a particular verb to one or another class is preliminary, based only on the meaning of the verb and not on any aspectual tests:

Table 6: The distribution of the PPs across the actional classes in the sample

accomplishment	gradual accomplishment	achievement	activity	state
15 (15%)	19 (19%)	47 (49%)	10 (10%)	6 (6%)

Accomplishments: *ritw-* (caus.) 'to connect, to compose'; *yām-* 'to make' (6)[16]; *läm-* 'to sit down' (2); *wät-* 'to put'; *twāṅk-* 'to pack, to wrap'; *nāsk-* 'to spin'; *wik-* (caus.) 'to expel'; *wäs-* 'to wear, to put on' (2).

Gradual accomplishments: *kur-* 'get old' (3); *krop-* 'to gather, to collect' (5); *näm-* 'to bend' (3); *yät-* (caus.) 'to adorn' (3); *kātk-* 'to rise'[17] (4); *päk-* 'to ripen'.

Achievements: *e-* 'to give' (2); *lä-n-t-* 'leave' (2); *wār-* 'to wake up'; *ents-* 'to grasp' (3); *tärk-* 'to release'; *wäl-* 'to die'; *täm-* 'to be born, to arise' (4); *ar-* 'to evoke, to cause, to produce'; *käm-* 'to come' (13); **weyeṃ nas-* 'to become amazed'[18] (2); *kātkmāṃ nas-* 'to become joyful' (5); *wsok nas-* 'to become joyful'; *pākär nas-* 'to become evident'; *nas-* *'to become'; *kän-* 'to become' (4); *kälp-* 'to attain, to obtain' (4); *tsälp-* 'to liberate'.

Activity verbs: *päl-* 'to praise'; *wnisk-* 'to oppress, to torment'; *nu-* 'to roar'; *āks-* 'to declare, to teach' (2); *ārt-* 'to praise'; *yärkā yām-* 'to honor'; *we-* 'to say'; *kärs-* (caus.) 'to instruct, tell'; *prutk-* 'to crowd'.

States: *kärs-* 'to know'; *klyos-* 'to hear' (2); *spänt-* 'to trust'; *lyutār nas-* 'to outweigh, outdo'; *kätk-* 'to exceed'.[19]

I am thus inclined to categorize the PP construction of Tocharian primarily as that of a *perfect with properties of a resultative* to use

[16] Number of occurrences if more than one is indicated in the brackets.

[17] This verb has two meanings: gradual accomplishment 'to rise' and achievement 'to arise, to appear'.

[18] The verb *nas-* means 'to be, to exist'. However, the PP *nāṃtsu* presupposes the older meaning 'to become', see section 4.1.2 above.

[19] More frequently, this verb has the meaning 'to cross something' (e.g. the ocean) and is rather an accomplishment. However, in the context it is used in here, it has the stative meaning: "a piece of clothing **having exceeded** human dresses in refinements" [Ji et al. 1998: 169; TA YQ 1.25 1/2 a3].

Nedjalkov & Jaxontov's terminology (1988: 43). On the whole, they list the following six operational criteria (C) that can be used to distinguish between a resultative and a perfect:

C1: "The after-effects of the action expressed by the perfect are non-specific, and they are not attributed to any particular participant of the situation" (Nedjalkov & Jaxontov 1988: 15);

C2: The perfect can be derived from any verb, unlike the resultative (only telic verbs), because the current-relevance meaning of the perfect does not require any inherent endpoint in the semantics of the verb, cf. *John has sung* (Nedjalkov & Jaxontov 1988: 15);

C3: The perfect of transitive verbs is usually transitive, while the resultative thereof is usually intransitive, because "the state resulting from a previous event is attributed only to one participant (either the underlying subject or object of this event)" (Nedjalkov & Jaxontov 1988: 15);

C4: Time duration adverbials such as *for two hours, since morning, all day long* measure the preceding event with perfects but rather the resultant state with resultatives. Moreover, only resultatives combine with adverbs of unlimited duration, such as *still* or *as before*, cf. **She has still gone* vs. *She is still gone* (Nedjalkov, Jaxontov 1988: 15; Lindstedt 2001: 367).

C5: The same is true of momentary time adverbials such as *at 7 o'clock in the morning*: "[w]ith resultative, such an adverbial can only indicate a moment at which the state is in existence", whereas with perfects they indicate "the moment at which the action took place" (Nedjalkov & Jaxontov 1988: 16).

C6: In the same vein, resultatives of verbs of motion rather combine with essive locations (at which place?) whereas the respective perfects are used with lative expressions (towards which place?) (Nedjalkov & Jaxontov 1988: 16–17).

In what follows I examine the criteria C1–C6 against the Tocharian data to show that the PP (construction) has acquired the meaning of the perfect here.

I do not distinguish between the finite and non-finite uses of the PP with regard to aspectual properties because — as far as I can tell

— there are no differences relating to the perfect vs. resultative meaning between these two. Note that the function of anteriority is expressed by the means of a dedicated anteriority converb — that is related to perfect/resultative only derivationally: the anteriority converb is formed from the deverbal noun in the ablative (or rarely perlative) case, morphologically derived from the PP by means of the suffix *-r*.

4.2.1. C1: Current relevance. As has been mentioned above, the meaning of *current result* is extended to a more general concept of *current relevance* that also subsumes the former (Comrie 1976: 52; Lindstedt 2000: 368; Dahl & Hedin 2000). The consequence is that there is no requirement for the verb to have a lexically inherent boundary after which the same action cannot continue as such and verbs that are atelic become temporally delimited such as in the sentence *Someone has been here* (Lindstedt 2000: 368).

Thomas (1957: 245) was first to argue for the *current relevance* function of the PP construction in Tocharian. He speaks about after-effects ("Nachwirkungen") subsequent to the action having been completed. Consider the following example in which the PP *tatmu-ṣ* 'born' (TA) signals the *current relevance* and not just the resultative state of being born:

(38) Some wild animals speak to Metrak and ask him for a permission to follow him in order to understand the Saṃsāra and to be freed from all woes. Metrak approves this and tells them to avoid evil deeds and explains:
omäskenäṃ *lyalypur-ā* *yas* *caṃ*
evil.OBL.SG deed.OBL.SG-PERL 2PL.NOM.PL this.OBL.SG
śon-aṃ *tatmu-ṣ*
bad.form.of.existence.OBL.SG-LOC give.birth.PP-NOM.PL
na-ś
be.PRS-2PL
'Because of your bad actions you have been born in this reincarnation class.' [Ji et al. 1998: 103; TA YQ 1.5 1/1 b2]

This sentence is not just about animals being in a particular reincarnation class (resultative meaning), but rather about the lasting after-effects of this fact, namely, the woes that animals have and want be released from at the reference time (current relevance meaning). Note that these repercussions are not part of the lexical meaning of the

verb *täm-* 'to arise, to be born' and can only be retrieved from the context. The meaning of *tatmu-* is thus the one of the current-relevance perfect, despite the fact that the verb *täm-* 'to arise, to be born' is telic and is, in principle, capable of yielding a resultative. The following example is similar:

(39) *bādhari* *träṅkäṣ* *perāk,* *ñi* *se*
Bādhari.NOM.SG say.PRS.3SG credible 1SG.POSS son
kᵤyalte *kaklyuṣu* *ñi* *neṣinäs*
because hear.PP.NOM.SG 1SG.POSS early.OBL.PL
knānmānäñcäs *käṣṣis-äṣ*
know.PRS.PARTC.OBL.PL teacher.OBL.PL-ABL
mäskatär
be.PRS.3SG.MID
'Bādhari says: My son, it is to be believed, because I [have] heard it from the clever wise men of the past.'
adapted from [Ji et al. 1998: 69; TA YQ 1.2 1/2 b2-3 + A 214 a7]

The meaning of *kaklyuṣu* is not resultative *'it is heard by me (to me)' or *'it is known (to me)'. There is no particular focus on the result at the P argument (*the thing heard*, namely, the fact that in a short lifetime a Buddha will appear in the world, cf. Ji et al. 1998: 69) here, but rather on the whole event including the source of the information, namely, the wise men of the past. This is all relevant because it provides the motivation for why 'it should be believed'. The reference time coincides with the speech time but not with the event time that precedes both. Moreover, note that the clause containing the PP construction has the subjunction *kᵤyalte* 'because'[20] and hence provides an explanation for the content of the preceding clause. It has been shown that, for example, the English perfect is often used in clauses which provide "a causal explanation of state-of-affairs referred to in another clause" (Dahl & Hedin 2000: 393). Dahl & Hedin (ibid.)

[20] This interpretation has been suggested independently by Itkin (p. c.), while Ji et al. [1998: 69] interpret *kᵤyalte* as a sentence containing just this word and translate it as 'Why?'. However, even with their interpretation, the clause with the PP must be interpreted as the answer to this question and would still conform to the typical use of perfect as the "causal explanation" suggested in Inoue (1979) and Dahl & Hedin (2000).

rely on Inoue (1979) who even claims "that a sentence in the Present Perfect conveys an explanatory sense."

As has been mentioned above, time adverbials that are preferably used here are TA *tāpärk* 'now' in contrast to, e.g., *tmäṣ* 'then' (this.ABL.SG) that is employed to link subsequent events. Thus, among the 97 examples in the sample, I found 2 examples with the adverbial *tāpärk* 'now' and no examples with any other time adverbial. Consider the following example: The teacher Bādhari, too old to go and see Buddha, sends his 16 disciples to Buddha and tells them they should become Buddha's disciples but is so desperate about the necessity to be separated from his disciples and particularly from Metrak that he figuratively says:

(40) *nu* *tāpärk* *wtākotā* *walu* *nasam*
PRT now again die.PP.NOM.SG be.PRS.1SG
'But now for a second time I have died.'
[Ji et al. 1998: 83; TA YQ 1.8 1/2 a7]

The two adverbs 'now' and 'for the second time' scope over this exact change-of-state and not the result. Thus, the time adverbial 'now' refers to the change of state and not to a time at which the resultant state holds true (C5). The situation referred to is not about Bādhari's being dead, but about the fact that it happened right now (due to the necessity to be separated). It is about the emotional consequences thereof. I take this as evidence for the perfect interpretation of this PP and not a resultative one *'now I am dead for the second time'.

Another example comes from the verb *päl-* 'to praise', which is an activity verb and does not presuppose any natural inherent endpoint. Hence, no resultative reading is possible with this verb for semantic reasons:

(41) *sne* *emtsāl(u)ne* *pe* *ṣokyo* *pāplu*
without clinging also extremely praise.PP.NOM.SG
śāsträntw-aṃ
śāstra.OBL.PL-LOC
'[He says :] ... Not clinging to property is also highly praised in the Śāstras (i.e. the tenets, instructions).'
(cf. Ji et al. 1998: 45; TA YQ 1.16 1/2 a2)

Consider now the finite (present-tense) use of the same verb in the following example:

(42) *we-ṣ-eñc-ai-mpa* *ṣeme* *wäntre*
say-PRS-PARTC-OBL.SG-COM one.OBL.SG thing.OBL.SG
mask-e-mar *mā* *tu-sa* *kātkau* *mā*
be-PRS-1SG.MID NEG this-INS rejoice.PP.NOM.SG NEG
tu *päl=lā-mar*
this praise=PRS-1SG.MID
'I am together with someone who tells a thing [and] I am neither happy about it [scil. the thing] nor am I praising it.'
(cf. Thomas 1954: 728; TB 596 a3-4)

Except for the P-oriented diathesis of the PP *pāplu* in (41) as opposed to the active use of (formally middle form) of the verb *päl-* in (42), there seems to be no difference. I assume that the difference here is exactly the one made between a stative current-relevance meaning of a perfect in (41) and the dynamic activity meaning in (42). The current relevance is seen in the fact that the sentence is used to corroborate the speaker's argument, very much in the sense of Dahl & Hedin's (2000: 393) "causal explanation", while the present tense in (42) indicates the very process of praising. Note that this verb is a deponent one which means that the passive meaning cannot be formally distinguished from the active one. Possibly, the additional reason for the use of the PP *pāplu* in (41) instead of the synonymous finite form is the wish to demote the A argument, which is also natural given the uncertainty about the authorship of different Śāstras.

4.2.2. C2: Atelic verbs. This property is notoriously difficult to assess precisely. The reason is that telicity is a language specific property and may vary across languages even with verbs that are otherwise synonymous. In order to have certainty, one has to carry out aspectual tests. Thus, the verb *i-* / *kälk-* 'to go' may be considered as a typically atelic verb, for example, in English. Nevertheless, it can or could form the resultative in English, cf. *He is gone*. For the resultative, a slightly different, metonymically altered meaning of the verb must be assumed, namely, *to go* in the sense of 'to leave' which, in turn, is telic. The same holds true for Tocharian as well. The PP *kälko* (TA) and *yku* (TB) derived from the verb 'to go' have rather a

telic meaning of ‘go from/to’, cf. examples (52), (53) and (54) as well as Itkin (2014: 41–44). Nevertheless, there are unequivocal atelic verbs attested in the PP construction, e.g., the atelic verb *päl-* ‘to praise’ discussed in details in (41) and (42) above. Moreover, there are no input restrictions on the formation of the PP in Tocharian, whatsoever. This suggests that atelic verbs were possible in the PP construction as well.

In what follows, I provide evidence separately for PPs used as predicates of main clauses (4.2.2.1) and subordinate clauses (4.2.2.2). I leave out evidence where the PP is used as an NP-internal modifier.

4.2.2.1. Subordinate clause. In the following example, there is no inherent result that would be entailed by the very semantics of the verb (TA) *pās-* ‘to take care of, retain, guard’. Instead, a repetition of the delimited actions of preservation and taking-care-of has the after-effect in that the carts are in the appropriate condition. This after-effect is not part of the lexical meaning of the underlying verb thus violating the definition in (18):

(43) *anaiśi* *kwri* *papāṣṣoṣ* *walke*
carefully if preserve.PP.NOM.PL long
klyentär *kokalyi*
stand.PRS.3PL.MID cart.NOM.PL
‘If carefully preserved, carts hold long.’
[Thomas 1957: 271; TB 5 b2]

The following example has already been discussed above as (26) and is repeated here for convenience:

(44) *tämyo* *yutkos* *lmos*
therefore be.anxious.PP.NOM.SG.F sit.PP.NOM.SG.F
ṣeṣ
be.IMPF.3SG
‘Therefore, she was sitting there anxious.’
[Thomas 1957: 302; TA 111 a1]

The PP *yutkos* (TA) is derived from the verb *yutk-* ‘to be anxious’ which is an atelic verb.

Example (10) repeated here for convenience contains two PPs, both of which are derived from atelic verbs, namely, the stative verb *kärs-* ‘to know’ and the activity verb *ākṣ-* ‘to teach’:

(45) *mäntne* *yas* *manarkān* *mrāc*
as you.NOM.PL brahmin.youth.NOM.PL head.OBL.SG
p-kärsäs *ptāññäkte* *kärsont*
IMPV-know.2SG Buddha-god.GEN.SG know.PP.OBL.SG
ākṣiṃññunt
teach.PP.OBL.SG
'Therefore, you, oh brahmin youths, recognize that as the "top" which is known and taught by the Buddha-god.
[Ji et al. 1998: 121; TA YQ 1.11 1/1 b2]

Note that the PP *ākṣiṃññunt* is intended here as an action performed for a certain period of time and then ceased, i.e. as a delimitative 'he taught for a period of time / he has been teaching'. An arbitrary temporal delimitation of the preceding event is only compatible with perfects and not with resultatives.

4.2.2.2. Main clause. In the next example, the verb *kärs-* 'to know' is used in the causative form *śaśärs-* 'to inform' (lit. 'to let someone know smth.') which is rather an activity verb with no inherent endpoint:

(46) *Haimavati* *träṅkäṣ* *tāpärk* *ṣakkats* *klyom*
Haimavati.NOM say.PRS.3SG now surely noble.NOM.SG
metrak *śuddhavā=ṣi-näs* *ñäktas-ā*
Metrak.NOM Śuddhāvāsa=ADJ-OBL.PL god.OBL.PL-INS
śaśärsu
know.CAUS.PP.NOM.SG
'Haimavati says: Now, surely the noble Metrak was instructed by the Suddhāvāsa gods.'
[Ji et al. 1998: 23; TA YQ 1.30 1/2 a]

The translation provided by Ji et al. (1998: 23) above cannot be correct as regards the rendering of the PP, it also clashes with the time adverbial 'now'. There are two translations possible depending on the time of the instruction: (i) the adverbial 'now' has the preceding event in scope, or (ii) the adverbial 'now' has the resultant situation in scope and the instruction took place sometime in the past. The problem here is that the context preceding this sentence is missing. If one accepts the claim that the PP has perfect meaning, the second interpretation is then more likely: 'Now the situation is such that the noble Metrak is instructed by the S. gods (and knows all the things he has to know)'.

The context of the following example is more unequivocal in suggesting the interpretation of a perfect:

(47) *mā* *kāswone* *kaklyuṣu* *naṣt* *mā*
NEG virtue.OBL.SG hear.PP.NOM.SG be.PRS.2SG NEG
tuṅk *naś=śi* *metrakn-aṃ*
love.NOM.SG be.PRS.3SG=2SG.OBL Metrak.SG-LOC
'You have [not] heard of his virtue. You have no love for Metrak.' [Ji et al. 1998: 40; TA YQ 1.17 1/1 b1]

The PP construction is used on the experiential or non-referential reading of perfect here. In its narrower definition, an experiential perfect presupposes an animate agent since it expresses the fact that "certain qualities or knowledge are attributable to the agent due to past experiences" (Bybee et al. 1994: 62). In a broader definition, it only means that "a given situation has held at least once during some time in the past leading up to the present" (Comrie 1976: 58). Indeed, the PP construction in (47) does fit the narrow definition, expressing the property of the A argument of not having heard about the virtues of Metrak until the moment of speech. Moreover, there are other indications typical of perfects and not of resultatives in (47), e.g., there is no particular result that can be attributed to one of the arguments of the verb *klyos-* (TA) 'to hear' (C1). The reference point is, in turn, the moment of speech which is confirmed by the coordination with the following present-tensed possessive clause.

4.2.3. C3: Transitive PPs. With regard to the orientation of the Tocharian PPs, it also provides evidence for the development from a pure resultative category into the perfect. Thus, there are a number of occurrences with A-oriented PPs with verbs that typically do not allow A-resultatives because they do not entail any affectedness on the part of the A. One of the PPs that is most frequently used in the A-orientation is the TA *eṃtsu* 'taken' with a canonical object. Note, however, that the A-orientation of the resultative of this particular verb is not unexpected on semantic and typological grounds: resultatives select the argument of the verb which is affected by the result of the action (Nedjalkov & Jaxontov 1988: 23). The subject of the transfer verbs such as *to take* or *to receive* can indeed be construed as affected because it acquires another participant into its possession which might be interpreted as affectedness. Therefore, the NOM-ACC (i.e. NOM-OBL) alignment of the PPs from

transfer verbs does not necessarily represent a violation of the definition of the resultatives (e.g. such as (18) above). Transitive resultatives formed out of these verbs, called *possessive resultatives,* frequently occur in grams used to encode resultatives only with no semantic affinity to perfects as, for example, in Nivkh (isolate, Outer Manchuria & Sakhalin) (Nedjalkov & Jaxontov 1988: 23). In turn, the existence of A-oriented resultatives out of causatives in Tocharian is indeed a violation of C3 and a strong indication for the development into a perfect:

(48) from Buddhastotra, a praise of Buddha:
puk *kleśā-ṣi-näṃ* *wraske*
all Kleśa-ADJ-OBL.SG sickness.OBL.SG
wawiku
disappear.CAUS.PP.NOM.SG
'[You] have removed the sickness of all Kleśas.'
(cf. Thomas 1957: 280; TA 246 b2)

The A participant is hardly affected by the preceding event of removing, while it is the P participant (the sickness) that is affected and, hence, should have been the agreeing NP of the PP on the resultative reading of the latter. Notably, the transitive use of the PP makes it semantically and syntactically indistinguishable from the respective finite forms of this verb.

4.2.4. C4: I have no evidence corroborating or speaking against this property.

4.2.5. C6: Combination with essive vs. lative locations. Certain criteria are less applicable to the Tocharian data. Thus, C6 is not a strong predictor due to the more general essive-lative homonymy in Tocharian. In what follows, I examine the verb (TA) *i-* / *kälk-* 'to go'. The finite forms of this verb are, as expected, always used with the allative case with animate NPs, and mostly with inanimate NPs:

(49) *orkmac* *kälkāc*
darkness.SG.ALL go.SUBJ.2SG
'You will go to the dark.' [Ji et al. 1998: 103; TA YQ 1.5 1/1 b3]

Occasionally, the locative case with inanimate NPs is also found:

(50) *wart-aṃ* *y-māṃ* *lwā*
forest.SG-LOC go-PARTC.PRS.MID animal.OBL.PL
tuṅkiññā
love.PRET/IMPF.3SG

'When going to the forest, he was kind to the animals…'
[Ji et al. 1998: 103; TA YQ 1.5 1/1 b4]

Theoretically, the sentence may also mean 'while walking in(side) the forest' (essive), but cf. the following example where this interpretation is not a possible option:

(51) *$k_u$yal* *mā* *näṣ* *śol*
why NEG 1SG.NOM life.OBL.SG
raryuräṣ *ksaluney-aṃ* *kälk-i-m*
give.up.PST.CONV extinction.SG-LOC go-OPT-1SG
'Why shouldn't I, having given up life, go into nirvāṇa?'
[Peyrot 2013: 242; TA YQ 1.36 1/2 b1]

Fully parallel to this, the respective PP *kälko* 'gone' (TA) is found with both the locative and the allative case. Consider the following example with the NP-internal use of the PP *kälko* in which the PP, despite its being a verb of movement, takes a locative case-marked location phrase:

(52) *pissank-am* *kälko* *el*
community.SG-LOC go.PP.NOM.SG gift.NOM.SG
'gift gone into the Community'[21]
[Ji et al. 1998: 180.9; TA YQ 1.41 1/1 b1]

I have checked all the attestations in CEToM (around 20 in total). In most of the cases, indeed, the PP *kälko* 'gone' (TA) and PP *yku* 'gone' (TB) are used with the locative case (the essive strategy), which is in contrast to the use of the respective finite forms, because the latter have a clear preference for the allative case (the lative strategy), cf.:

(53) *om* *no* *ce_u* *kaläl-ne* *ykuweṣ*
there then 3SG.OBL womb.SG-LOC go.PP.OBL.SG
kau-tsi-śco *speltkeyam-aṣ-äṃ*
kill-INF-ALL effort.OBL.SG do-PRS-3SG
'There it [scil. the lie] makes efforts to kill him who entered the womb (lit. 'gone in the womb').'
(cf. Thomas 1954: 755; TB 333 a4)

[21] An idiomatic expression rendering Pali *saṃghagata* 'supporting the Community' (Ji et al. 1998: 180 fn. 9).

There was, however, one exception to this. Here, the PP *yku* 'gone' (TB) is combined with a location adverbial marked by the bare oblique case. The oblique-case-marked adverbials exclusively denote directions *to* a landmark and never a position *within* a landmark and represent just a more conservative instance of the lative strategy than the allative case-marking (Thomas 1983):

(54) *tswaiñe* *ka* *yku* *past* *kreṃnt*
just PRT go.PP.NOM.SG away good.OBL.SG
ṣamāññe-meṃ *ṣañ* *oskai*
monk.OBL.SG-ABL RFL.POSS house.OBL.SG
'Just after having gone from the good monkhood into his house.' [TB 44 b6][22]

To summarize, there is indeed some preference for the essive strategy with PPs as opposed to the preference for the lative strategy with the respective finite verbs of movement. Even though this distinction is not a clear-cut rule, as a significant tendency it is another piece of evidence for my claim that PPs have stative aktionsart as opposed to the actional / dynamic aktionsart of the respective finite forms of the verbs of movement.

5. Pluperfect

In this section, the PP construction consisting of the PP itself and a past-tense auxiliary is examined: section 5.1 is devoted to the PP construction with an imperfective past auxiliary (traditionally and in the glossings: *imperfect*), while section 5.2 is about the perfective past auxiliary (traditionally and in the glossings: *preterite*). This alleged aspectual relationship between the preterite as the past perfective and imperfect as the past imperfective in Tocharian is a description advocated for in (Thomas 1957) in detail, and also accepted in (Batke 1999: 55, Malzahn 2010). It indeed accounts for most of the cases; see, however, (Itkin 2014) on the imperfect of the verb *i-* 'to go' which may be used as a perfective, that is, as a preterite and some other perfective-like uses of the imperfect.

Following Krause (1957: 296ff) I refer to this category as the *pluperfect:* it codes an event that took place before the reference time

[22] Ed. by Hannes A. Fellner, CEToM, retrieved 15.01.2015; cf. also Sieg & Siegling (1949: 64–65).

which, in turn, lies in the past relative to the speech time. I have not found any secure attestations of an anteriority use of the pluperfect nor a remote past use. In many instances, it is just a perfect or resultative with the time reference in the past (relative to the speech time) and does not represent a grammaticalized independent category on its own.

5.1. Imperfective pluperfect

Consider the following example:

(55) *Upanande-ṃ-śc* *ājivike* *śem*
Upananda-OBL-ALL Ājīvika.NOM come.PRT.3SG
rätreṃ *kampās* *ausū* *ṣai*
red.OBL.SG coat.OBL.SG dress.PP.NOM.SG be.IMPF.3SG
'Ājīvika came to Upananda. He had worn a red coat.'
[Thomas 1957: 297; TB 337 a4]

Pragmatically, the pure anteriority interpretation is less felicitous: (?) 'Having worn a red coat, he (then) came to Ājīvika'. This sentence must be interpreted differently. The resultant state of 'having a red coat on' is a background state, and its reference time includes the reference time of the perfective event of 'coming' (coded by the preterite). In effect, this, of course, does imply that the very event time, i.e. the change-of-state of *wearing,* is anterior to the event of *coming,* but I claim that this is not the primary function of the imperfective pluperfect here. The primary function is to communicate that the resultant state of 'being dressed in a red coat' provides a background situation to the main action (coming), i.e. I interpret (55) as 'Ā. came to U. and he had a red coat on'. The function of the PP with the imperfect auxiliary is, thus, one of *past resultative* here. Given that this is a stative predicate, it is natural to not be temporally delimited and, therefore, extend across the whole time frame of the respective discourse chunk.

The following example is analogical. It is about the Śākya women being originally excluded from the preaching of the Buddha-god which, later in the narration, results in the inclusion of the women. The main events are described by perfective past events iteratively coded by the same verb in preterite *kälpānt* 'they acquired for themselves'. In turn, the last clause with the PP and the imperfect auxiliary provides the background situation that holds at every event of preaching and acquiring:

(56) *okät* *tmāṃ* ⟨…⟩ *paräṃ* *kälpānt*
eight ten_thousands glory.OBL.SG acquire.PRET.3PL.MID
trit *ākṣiññā* *śtwar* *tmāṃ* *śākkiñ*
third preach.PRET.3SG four ten.thousands Śākya.NOM.PL
paräṃ *kälpānt* ⟨…⟩ *okāk*
glory.OBL.SG acquire.PRET.3PL.MID up_to
śākki-ṣi *kᵘli* *paräṃ*
Śākya-ADJ.NOM.SG.F woman.NOM.SG.F glory.OBL.SG
mā *kälpos* *ṣeṣ*
NEG acquire.PP.NOM.SG.F be.IMPF.3SG
'Eighty thousand [scil. of Śākya men] … acquired the glory. He preached for the third time, [and] forty thousand Śākya [men] attained the glory… not a [single] Śākya woman [lit. 'not up to one woman'] had attained the glory.'
[Ji et al. 1998: 151; TA YQ 1.22 1/2 a4-5]

The story continues by stating that the women complained about this and demanded to be taught the Law, as well. The PP construction has the following meaning: '[while] not a [single] woman had the glory to listen to Buddha's preaches [as the result of having acquired the glory]'. Note that the context does not allow the interpretation of the PP construction in terms of an event in a sequence of events of acquiring, like *'80000 (Ś. men) acquired …, then 40000 (Ś. men) acquired … then not a single Śākya woman acquired'. Rather, the meaning of the sentence is that for each instance of acquiring the glory achieved by the Śākya men there was no respective acquisition by the Śākya women.

The following example, this time from TB, illustrates the same effect of the PP with the auxiliary in the imperfect form. The imperfective pluperfect *eroṣ ṣeyeṃ* 'they were in the state after having evoked the wrong idea', that is, 'they had the bad idea' also introduces the background scene in the past against which events like *naksante* 'they destroyed' (perfective past) and *tesar* 'they put' (perfective past) took place:

(57) *wnolmi* *tāllāñco* *naksante*
being.NOM.PL miserable.NOM.PL destroy.PRET.3PL.MID
ṣañ *añm* *eroṣ* *pilko*
RFL.POSS self.OBL evoke.PP.SG.PL view.SG.OBL
aṅkaiṃ *ṣeyeṃ* *tesar* *ṣ*
false.INDECL be.IMPF.3PL put.PRET.3PL and
nāki *krentäṃt-sa*
blame.SG.OBL good.OBL.PL-INS

‘The suffering beings destroyed themselves — they had evoked the false idea — and put blame on the good ones.’ (cf. Thomas 1957: 297; TB 17 a6)

Notably, in the three examples (55)–(57), the clause with the PP follows the clause with the perfective past (preterite), even though the action described by the preterite (such as ‘they destroyed’ in (57)) is logically posterior to the event referred to by the PP clause. Since there is no conjunction (such as ‘before’), this order would have been misleading for the interpretation. However, exactly because the PP clause does not denote the preceding event but rather does denote the resultant state which lasts during the whole discourse chunk, there is no mismatch between the sequence of the events and the sequence of their clauses in the discourse.

The next example is similar. Here, the resultative situation after ‘having descended at my house’, i.e. ‘staying at my house’ holds true in the past and is not bounded in any way — it stretches across the whole period of the narration. Note that the painter feigned committing suicide while staying at mechanic’s house:

(58) The host [the mechanic] went to the king to inform him about the fact that the painter who stayed at the painter’s place committed suicide:

nātäk *ālu* *ype-ṣi* *pekant*
Lord other.GEN.SG land-ADJ.NOM.SG painter.NOM.SG
yeṣ *ñi* *waṣt-ā* *kākärpu*
go.IMPF.3SG 1SG.POSS house.SG-PERL descend.PP.NOM.SG
ṣeṣ *säm* *tāpärk* *kip*
be.IMPF.3SG 3SG.NOM.M now shame.OBL.SG
ṣurmaṣi *ṣñi* *āñcäm*
because RFL.POSS self.OBL.SG
sasrukāt
kill.PERF.3SG.MID

‘Oh Lord, a painter of another country came, he was staying (after having descended) in my house. He now has committed suicide because of shame.’ (cf. Sieg 1952: 12; TA 9a4–5)

Example (12) repeated here for convenience is somewhat different:

(59) *mā* *kāswone* *kaklyuṣu* *naṣt* *mā*
NEG virtue.OBL.SG hear.PP.NOM.SG be.PRS.2SG NEG
tuṅk *naś=śi* *metrakn-aṃ*
love.NOM.SG be.PRS.3SG=2SG.OBL Metrak.OBL-LOC
tamyo *tṣaṃ* *mā* *kakmu* *ṣet*
therefore here NEG come.PP.NOM.SG be.IMPF.2SG
'You have not heard of his virtue. You have no love for Metrak. Therefore, you did not come here…'
[Ji et al. 1998: 40, TA YQ 1.17 1/1 b1]

The first two clauses have the present time reference: the experiential perfect 'you have not heard', that is why 'you don't know', and the present state 'you don't have love' because both situations are still true at the moment of speech. The resultative-stative meaning 'you were not in the situation of ever having come here' holding true in the past provides a scene or background information for the present events here: 'you had not come here', i.e. 'you were not here'. The only difference to the preceding examples is that the reference time of the preceding clauses is not prior to the moment of speech (past tense) but contemporary to it: 'You don't know [after not having heard] the virtues, you don't love Metrak, therefore, you [never] were here.' As in this English rendering, the fact of 'not having been here' might also be true for the speech time (present). However, this is not due to the temporal-aspectual semantics of the imperfect PP construction. Rather, this is just an effect of a conventional implicature. Note that the meaning of the PP construction headed by the imperfect auxiliary is not committal to any temporal boundaries.

To conclude, the PP accompanied with the auxiliary in the imperfect tense typically denotes a resultative state or after-effects with the time reference in the past relative to the speech time. This resultative state or the after-effects are construed as not delimited temporally in the past, and, therefore, they typically embrace the reference time of the other actions in the discourse. The event leading to the result/after-effects takes place prior to the time reference, hence the relation to the category of pluperfect. Due to the effect that the result/after-effects tend to encompass the whole time frame of the respective discourse chunk, the imperfect PP has a flavor of providing background information. Indeed, this is not unexpected, since the imperfect in general is often found to provide circumstantial information, cf. Pinault (2008: 569).

5.2. Perfective pluperfect

In this section I discuss the PP construction formed by means of the preterite forms of the same auxiliary. Generally, the Tocharian preterite encodes perfective past or perfects (Thomas 1957). Occurrences of the PP with the preterite auxiliary are, thus, somewhat unexpected given the clash between the durational and stative (and hence imperfective-like) actionality of the PP and the perfective, punctual aspect of the Tocharian preterite. Indeed, they are quite rare (cf. Thomas 1957: 287).[23]

While the construction with the PP with imperfect auxiliary typically provides information about a background state that holds true prior to the moment of speech and is not temporally delimited, the construction containing the preterite (i.e. past perfective) auxiliary, not unexpectedly, refers to temporally delimited results/after-effects from the preceding event. It provides foreground information.

Consider the following fragment which is about a painter visiting the mechanic at his house. There he sees a beautiful girl. The whole discourse chunk can be divided into three parts: first, (a) there is narration of events (all in past perfective, i.e. preterite), then, (b) there is a historical present to highlight the culmination (though the time reference is still in the past), finally, (c) the perfect with current relevance:

(60a) *tmäṣ pekant śla tuṅk yantärṣināṃ śomine tsarā eṃtsuräṣ tmäk säm yaṃtär wekat pkänt pkänt kratswañ śorkmi ṣutkmi klār-äṃ śomiṃ mā śkaṃ tāk täm pälkoräṣ pekant*
'When the painter then, full of love [lit. with love], reached (past converb) for the hand of the artificial girl, she immediately broke apart (pret.), and her rags, ropes [and] pins fell apart (pret.), and there was (pret.) no longer a girl. When the painter saw (past converb) this,'

(60b) *wiyo=ki* *lākey-äṣ* *kākätku*
frighten.PP.NOM.SG=as_if bed.SG-ABL rise.PP.NOM.SG
āneñci *pälkoräṣ* *träṅkäś:*
precisely see.CONV say.PRS.3SG
'as if distraught (PP), risen (PP) from his bed and after regarding (past converb) it well he says (pres.):'[24]

[23] Thus, no examples of this have been found in the sample.

[24] The English translations by Gerd Carling (CEToM, retrieved 01.12.2014) were adjusted to the analysis suggested here.

(60c) *hai* *ṣokyo* *nu* *kakätwu* *tākā*
oh very PRT fool.PP.NOM.SG be.PRET.1SG
yaṃtrācāreṃ *käṣṣin-ā*
mechanic.OBL.SG teacher.OBL.SG-PERL
'Oh, I have been highly fooled by the foreman-mechanic!'[25]
[Thomas 1957: 288; TA 7 b1–2]

This is followed by some sentences in the present tense with generic reference. The sentence in (b) is a historical present used to highlight the culmination of the story. Hence, both PPs in (b) are formally present resultatives but with past time reference, exactly like the third singular 'says' in the same sentence. Both resultative PPs *kākätku* 'risen' and *wiyo* 'distraught' encompass all situations in (b) and (c) and are not different from the imperfective pluperfects in 5.1 above with regard to their tense and aspect properties. As for (c), the whole sentence is dynamic with the focus on the preceding event, meaning: 'an event of fooling had taken place'. Judging from the context, it was not intended to communicate the bare fact that the painter was in the state of a deluded person but rather to focus on the very event that led to this state. Moreover, this resultative state 'I was a fooled one' is delimited temporally, because the context refers to the particular happenings with the artificial girl and the after-effects thereof: 'I was in situation for a while in which I was fooled and suffered from the consequences.'

Just a few lines later in the same story, there is another PP with the auxiliary in the preterite and its interpretation is aligned: highlighting a particular event that took place prior to the speech time:

(61) *säs* *wram* *nu* *yaṃtrācāreṃ*
this.NOM.SG thing.NOM.SG PRT mechanic.OBL.SG
käṣṣin-ā *ṣñi* *amok-aṃ* *opäśśune*
teacher.OBL.SG-PERL RFL.POSS art-LOC.SG skills.NOM.SG
nṣ-ac ***laläkṣu*** ***tāk*** *kyal* *mā*
1SG-ALL see.CAUS.PP.NOM.SG be.PRET.3SG why NEG
näṣ *penu* *cami* *ṣñi* *amok*
1SG.NOM also 3SG.GEN RFL.POSS art.OBL.SG
lkātsi *āyim*
see.INF give.OPT.1SG

[25] English translations are by Gerd Carling, CEToM, retrieved 01.12.2014.

'This thing [scil. the mechanical girl] **has been shown** to me by the mechanic-teacher as virtuosity in his [scil. the mechanic's] art. Why shouldn't I also show him my own art?'
(cf. Thomas 1957: 288; TA 8 a1–2)

A resultative meaning of the PP *laläkṣu* 'shown' can be securely excluded. Although the PP is P-oriented, the A argument is equally salient which is evidenced by the causative morphology and the overt agent phrase. Recall that resultatives introduce a state with just one participant (except for the possessive resultatives not found here). In turn, the interpretation as a perfect is suggested by the context. There is current relevance of the preceding event of showing with the reference time in the past, meaning something like 'I was exposed to this thing for some period of time in the past'. Similarly, as in the example above, the resultative state of 'being exposed to the mechanic's art' is terminated because the mechanical girl fell asunder immediately after this moment. The after-effects, namely the need for a response on the part of the painter, are still valid at the reference time.

The following example is also likely to be interpreted as a perfect with a current-relevance meaning as the reference time is in the past but simultaneous and not prior to the reference time of the preceding discourse:

(62) *oṅkälmäśśi* *nätäk* *ṣokyo* *nu* *mäski*
elephant.GEN.PL lord.NOM.SG very PRT hard
yämläṃ *wram* *yämäṣt* *ṣñi*
make.GER thing.OBL.SG make.PRET.2SG RFL.POSS
kaknu ***tāk*** *te* *caṃ* *tñi*
become.PP.NOM.SG be.PRET.3SG QST this.OBL.SG 2SG.POSS
saräs *puskās* *śwāl* *āṅkaräs*
vein.OBL.PL sinew.OBL.PL flesh.OBL.SG tusk.OBL.PL
(räswāluney-aṃ *klop-yo)* *särkiñco*
rip_out.NMLZ.SG-LOC pain.SG-INS finally
siñlune
satisfaction.NOM.SG
'O lord of elephants, indeed a thing extremely hard to do you did. Was there, by any chance, satisfaction for you (in) this (pain of ripping out) your veins, sinews, [your] flesh [and your] tusks?' [TA 67 a3-4][26]

[26] Amended by Sieg (1952: 14–15); the translation is adapted from Gerd Carling, CEToM, retrieved 01.12.2014.

Again, the PP construction headed by the preterite auxiliary has to be interpreted as a perfect, namely, the experiential perfect. The question of whether there has been satisfaction or not does not refer to some particular event in the past but rather generically to any kind of event that fits the description. Analogically to the previous examples, the reference time here is the same as of the discourse introduced by the preceding clause 'you did'. G. Carling coherently translates this example with the English present perfect (as quoted above). This has, though, one undesirable implication that the after-effects are still felt at the present. It seems that it is more likely that the question is about the after-effects of the satisfaction felt at the time introduced by the preceding clause '…you did'. A true pluperfect (e.g. in English) would imply that the satisfaction would be something resulting from an event before the action of 'you did' clause which is obviously also not intended here. One should, therefore, translate this example with 'Was there … satisfaction for you …'. The past tense reference of the after-effects is visible in the answer in which the auxiliary is repeated in the preterite, that is, indicating past reference:

(63) *träṅkäṣ* *mā* *ontaṃ* *tāka-ñi*
say.PRS.3SG NEG at_all be.PRET.3SG-1SG.OBL
'He says: by no means was there [satisfaction] for me.'
[TA 67 a4][27]

To summarize, the crucial difference from PPs accompanied by the auxiliary in the present, imperfect tense or just bare PPs heading a clause is that the preterite auxiliary additionally indicates that the after-effects or results from the preceding event hold only for a certain period of time at the reference time.

In the same way as for the imperfect PP construction, the preterite PP construction does not always fit the notion *pluperfect*. The PP with the imperfect auxiliary may be compatible with present-time reference (or contemporaneity) as well (cf. ex. (59) above) due to not committing to temporal boundaries. This is, however, excluded with "real" pluperfects, e.g., in English. In turn, the PP with the preterite auxiliary may denote situations which are the result of events that are

[27] Translation is adapted from Gerd Carling, CEToM, retrieved 01.12.2014

contemporary and not prior to other past events in the discourse chunk (cf. ex. (62) above). This is again a deviation from pluperfects like English.

6. Conclusions

I have argued that the only meaning the Tocharian PPs have is their aspectuality-related function *sensu lato*. They are neither directly related to the grammatical category of passives, nor are they in any way marked for their orientation, exhibiting thereby neutral alignment. Moreover, there are no restrictions for the PPs whatsoever regarding which syntactic position they occupy: (i) the attributive slot within an NP, (ii) head of the NP, (iii) main verb (with or without auxiliary), (iv) adverbial clause heads (in terms of an agreeing converb), (v) relative clause head (with or without the auxiliary, and with or without the relative pronoun). In this respect, it is quite difficult to determine the part-of-speech association of the PPs with regard to their syntactic properties. They can pattern as nouns, adjectives, converbs and finite verbs. The three types (i)+(ii), (iii) and (iv) do not show any significant frequency differences.

There is evidence for the fact that PPs could head various types of subordinate clauses such as adverbial, complement and possibly relative clauses; subordination conjunctions are relatively rare here. In the subordinate function, PPs can have resultative, perfect and the taxis-related, anteriority meaning, while in the attributive position to an NP they tend to have the resultative meaning.

Regarding the aspectuality function of the PP, I have argued that present-tense PPs (i.e. with a present-tense auxiliary or with no auxiliary at all) combine with time adverbials referring to the moment of speech such as TA *tāpärk* 'now' and typically occur in the context where the neighboring clauses are headed by non-past-tense predicates. The preference in selecting the essive strategy with the PP but the lative strategy with respective finite forms of the verb 'to go' in Tocharian indicates that there is a change in actionality between these two: the former are rather states and hence the essive strategy, while the latter are dynamic actions naturally selecting for the lative strategy.

Furthermore, although PPs may have a resultative meaning, e.g. in the attributive position to an NP, on the whole, the category denoted by the PP has to rather be defined as *perfect with properties of a resultative* according to Nedjalkov & Jaxontov's typology (1988: 43), cf. also Thomas (1957: 245). Indicative for this are the following criteria: (i) there are no selectional input restrictions concerning which verbs may or may not form the PP construction: even though telic verbs are much more frequent, atelic verbs are also found here; (ii) in many instances, the respective contexts suggest the current-relevance interpretation of the PP construction; (iii) the PP construction has uses typical of perfects in other languages: as a discourse device it provides explanations to the next clauses (cf. Inoue 1979), it attests experiential or generic meaning; finally, other criteria are found, such as the occasional transitive alignment (rather atypical for resultatives outside the possessive resultatives).

The so-called "pluperfect" — if formed with the auxiliary in the imperfect tense — typically provides background information that holds true for the whole time frame of the narrowest discourse chunk. In turn, in the rare case where the auxiliary is in the preterite (i.e. perfective past), the overall meaning belongs to the foreground information crucial for the given discourse chunk. It denotes a resultative state or just any kind of repercussions holding for just a delimited period of time at the reference time which is prior to the speech time. This aligns very much with the findings about the difference between the imperfect and preterite use in Tocharian of Pinault (2008: 569) who claims that the imperfect itself codes typically circumstantial meanings.

The imperfect and preterite auxiliaries invoke considerably different temporal constellations: while the imperfect auxiliary indicates no temporal boundaries of the resultative state or the after-effects in the past, the PPs headed by the preterite auxiliary typically denote after-effects or results that are temporally delimited. The PP construction headed by an auxiliary is, thus, fully compositional in meaning and not grammaticalized into a grammatical category in its own right. Except for the inherent past time reference, the PP construction with an imperfect or preterite auxiliary deviates from typical pluperfects: it does not have any taxis-related conditioning (anteriority vs. posteriority); such meanings as remote past or the counterfactual meaning have not been found in Tocharian as yet.

Acknowledgments

I cordially thank the reviewers and the editors of the present volume for all their comments, help and patience: first of all Timur Maisak and Ilya Itkin without whom this paper would not have been possible. I also thank Vladimir Plungian for inviting me to this project. All shortcomings are mine.

Abbreviations

ABL — ablative, ACT — active, ADJ — adjective, ADV — adverb, ALL — allative, AUX — auxiliary, CAUS — causative, COM — comitative, CONV — converb, F — feminine, FUT — future, GEN — genitive, IMPF — imperfect, IMPV — imperative, INDECL — indeclinable, INF — infinitive, INS — instrumental, LOC — locative, M — masculine, MID — middle, NEG — negation, NMLZ — nominalization, NOM — nominative, NP — Nominal phrase, OBL — oblique, OPT — optative, PARTC — participle, PASS — passive, PERF — perfect, PERL — perlative, PL — plural, POSS — possessive, PRET — preterite, PRT — particle, PP — past participle, PRS — present, PST — past, QST — question, REL — relative pronoun, RESULT — resultative, RFL — reflexive, SG — singular, SUBJ — subjunctive, TA — Tocharian A, TB — Tocharian B.

References

Adams 2013 — D. Q. Adams. More thoughts on Tocharian B prosody. // Tocharian and Indo-European Studies 14, 2013. P. 3–30.

Batke 1999 — C. Batke. Das Präsens und Imperfekt der Verben für “Sein” im Tocharischen, Tocharian and Indo-European Studies 8, 1999. P. 1–74.

Bertinetto 1997 — P. M. Bertinetto. Il domino tempo-aspecttuale: Demarcazioni, intersezioni, constrasti. Torino: Rosenberg and Sellier, 1997.

Breu 1987 — W. Breu. Resultativität, Perfekt und die Gliederung der Aspektdimension. Slavistische Linguistik 1987, P. 42–74.

Burlak, Itkin, in print — S. A. Burlak, I. B. Itkin. Formal’naja grammatika toxarskogo A jazyka: Fonologija. Morfonologija. Morfologija. Moskva. [A Formal Grammar of Tocharian A: Phonology. Morphonology. Morphology.], (in print).

Bybee, Dahl 1989 — J. Bybee, Ö. Dahl. The creation of tense and aspect systems in the languages of the world, Studies in Language 13 (1), 1989. P. 51–103.

Bybee et al. 1994 —J. Bybee, R. Perkins, W. Pagliuca. The Evolution of Grammar: Tense, aspect and modality in the languages of the world. Chicago: University of Chicago Press, 1994.

Carling 2000 — G. Carling. Die Funktion der lokalen Kasus im Tocharischen, Berlin / New York: de Gruyter, 2000.

CEToM — A Comprehensive Edition of Tocharian Manuscripts, URL: http://www.univie.ac.at (retrieved: Nov. 12, 2014)

Comrie 1967 —B. Comrie. Aspect. An Introduction to the Study of Verbal Aspect and Related Problems. Cambridge: Cambridge University Press, 1967.

Comrie 1981 — B. Comrie. Aspect and voice: some reflections on perfect and passive. // P. J. Tedeschi, A. Zaenen (eds.). Tense and Aspect. (Syntax & Semantics, 14) New York etc.: Academic Press, 1981. P. 65–78.

Comrie 1989 — B. Comrie. Language universals and linguistic typology: Syntax and morphology. 2nd ed. Oxford: Blackwell, 1989.

Cristofaro 2003 — S. Cristofaro. Subordination. Oxford: Oxford University Press, 2003.

Dahl & Hedin 2000 — Ö. Dahl, E. Hedin. Current relevance and event reference. // Ö. Dahl (ed.). Tense and aspect in the languages of Europe, Berlin: Mouton de Gruyter, 2000. P. 385–401.

Depraetere 1995 — I. Depraetere. On the necessity of distinguishing between (un)boundedness and (a)telicity, Linguistics and Philosophy 18(1), 1995. P. 1–19.

Haspelmath 1994 — M. Haspelmath. Passive participles across languages. // B. Fox, P. J. Hopper (eds.). Voice: Form and Function. Amsterdam: Benjamins, 1994. P. 151–177

Haspelmath 2008 — M. Haspelmath. Creating economical morphosyntactic patterns in language change. // J. Good (ed.). Language universals and language change. Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 185–214.

Inoue 1979 — K. Inoue. An analysis of the English present perfect, Linguistics 17, 1979. P. 561–590.

Itkin 2014 — I. Itkin. Nekotorye nabljudenija nad formami imperfekta v Toxarskom A jazyke. // Voprosy Jazykoznanija 2014 (2). P. 27–45. [Some observations on Tocharian A forms of the imperfect]

Ji et al. 1998 — Xian-li Ji, W. Winter, G.-J. Pinault. Fragments of the Tocharian A Maitreyasamiti-Nāṭaka of the Xinjiang Museum, China. Transliterated, translated and annotated by Ji Xianlin in collaboration with Werner Winter, Georges-Jean Pinault. Trends in Linguistics. Studies and Monographs 113. Berlin/New York: De Gruyter, 1998.

Kibrik 2011 — A. A. Kibrik. Reference in Discourse, [Oxford Studies in Typology and Linguistic Theory]. Oxford: OUP, 2011.

Krause & Thomas 1960 — W. Krause, W. Thomas. Tocharisches Elementarbuch, Band I. Grammatik. Heidelberg: Carl Winter Verlag, 1960.

Kuryłowicz 1964 — J. Kuryłowicz. The inflectional categories of Indo-European. Heidelberg: Carl Winter, 1964.

Lazard 2002 — G. Lazard. Transitivity revisited as an example of a more strict approach in typological research, Folia Linguistica 36(3–4), 2002. P. 141–190.

Lindstedt 2000 — J. Lindstedt. The perfect — aspectual, temporal and evidential. // Ö. Dahl (ed.). Tense and Aspect in the Languages of Europe. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2000. P. 365–383.

Malzahn 2010 — M. Malzahn. The Tocharian Verbal System. [Brill's Studies in Indo-European Languages & Linguistics, 3]. Leiden / Boston: Brill, 2010.

McCoard 1978 — R. W. McCoard. The English perfect: Tense choice and pragmatic inferences. Amsterdam: North Holland, 1978.

Nedjalkov & Jaxontov 1988 — V. P. Nedjalkov, S. Je. Jaxontov. The Typology of Resultative Constructions. // V. P. Nedjalkov (ed.). Typology of Resultative Constructions. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins, 1988. P. 3–63.

Peyrot 2013 — M. Peyrot. The Tocharian subjunctive, A study in syntax and verbal stem formation. (Brill's Studies in Indo-European Languages & Linguistics 8.) Leiden / Boston: Brill, 2013.

Pinault 2008 — G.-J. Pinault. Chrestomathie tokharienne. Textes et grammaire. Leuven–Paris: Peeters, 2008.

Sasse 2002 — H.-J. Sasse. Recent activity in the theory of aspect: Accomplishments, achievements, or just non-progressive state? Linguistic Typology 6, 2002. P. 199–271.

Serebrennikov 1974 —B. A. Serebrennikov. Verojatnostnye obosnovanija v komparativistike. Moscow: Nauka, 1974.

Seržant 2014 — I A. Seržant. Das Kausativ im Tocharischen. [LINCOM Studies in Indo-European Linguistics 44] München: Lincom, 2014.

Sieg 1944 — E. Sieg. Übersetzungen aus dem Tocharischen I, in: Abhandlungen der preußischen Akademie der Wiss., Philosophisch-historische Klasse, Jg. 1943, Nr. 16.

Sieg 1952 — E. Sieg. Übersetzungen aus dem Tocharischen II. Aus dem Nachlass herausgegeben von Werner Thomas, // Abhandlungen der deutschen Akademie der Wiss. zu Berlin, Klasse für Sprachen, Literatur und Kunst, Jg. 1951, Nr. 1.

Sieg, Siegling 1949 — E. Sieg, W. Siegling. Tocharische Sprachreste. Sprache B. Heft 1. Die Udānālaṅkāra-Fragmente. Text, Übersetzung und Glossar, Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1949.

Smith 1997 — C. S. Smith. The Parameter of Aspect. 2nd ed. Dordrecht: Kluwer, 1997.

Thomas 1954 — W. Thomas. Die Infinitive im Tocharischen. Asiatica. Festschrift Friedrich Weller. Zum 65. Geburtstag, gewidmet von seinen Freunden, Kollegen und Schülern, Leipzig: Harrassowitz, 1954. P. 701–764.

Thomas 1957 — W. Thomas. Der Gebrauch der Vergangenheitstempora im Tocharischen. Wiesbaden: Harrassowitz, 1957.

Thomas 1983 — W. Thomas. Der tocharische Obliquus im Sinne eines Akkusativs der Richtung. Akademie der Wissenschaften und der Literatur. Abhandlungen der Geistes- und Sozialwissenschaftlichen Klasse. Jahrgang 1983, Nr. 6. Mainz / Wiesbaden: Verlag der Akad. der Wiss., 1983.

Thomas, Krause 1964 — W. Thomas, W. Krause. Tocharisches Elementarbuch. Band II. Texte und Glossar, von Werner Thomas unter Mitwirkung von Wolfgang Krause. Heidelberg: Carl Winter, 1964.

Vendler 1967 — Z. Vendler. Linguistics in Philosophy. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1967.

Кс. П. Семёнова

МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва

СЕМАНТИКА ФОРМ ПЕРФЕКТА В ДРЕВНЕАРМЯНСКИХ ЕВАНГЕЛИЯХ[1]

1. Вводные замечания

Настоящая работа посвящена описанию семантики аналитических глагольных форм древнеармянского языка[2], состоящих из причастной формы на *-eal* и вспомогательного глагола-связки *em* ‘быть’ в форме настоящего времени. Традиционно в арменистике такие сочетания называются перфектом[3]; само причастие, на наш взгляд, правильнее всего называть результативным (если вообще ставить перед собой такую цель более нюансированного именования), что следует из анализа его употреблений — как атрибутивных в рамках именной группы, так и в составе аналитических конструкций (мы сосредоточим основное внимание на последних). Сочетания причастия со связкой в форме прошедшего времени (т.е. плюсквамперфектные контексты), а также в форме сослагательного наклонения (подобные конструкции по своей семантике вообще находятся ближе к зоне модальности, нежели аспекта или таксиса) подробно рассматриваться не будут, мы лишь в самых общих чертах опишем их семантику (см. раздел 3); в целом же эти конструкции к перфектным в узком понимании не относятся и требуют отдельного анализа.

---

[1] Автор выражает искреннюю благодарность Г. Мартиросяну за высказанные ценные замечания, а также Т. А. Майсаку и В. А. Плунгяну за крайне продуктивное обсуждение статьи. Все неточности остаются, безусловно, на совести автора.

[2] Древнеармянский язык (или классический армянский, или грабар) занимает генетически изолированное положение в рамках индоевропейской языковой семьи; первые письменные памятники относятся к V в. н. э.

[3] Тезисно вопрос освещён в [Плунгян, Семёнова 2012].

Материалом для настоящего исследования послужили тексты четырёх Евангелий, представленные на сайте проекта PROIEL[4], выполняемого в Университете Осло. Наш корпус ограничивается 127 вхождениями (при этом в общей сложности число сочетаний причастной формы на *-eal* и глагола-связки составляет 312 употреблений); во всех случаях в качестве вспомогательного глагола используется глагол *em*. В конструкциях со связкой в форме сослагательного наклонения наравне с *em* ‘быть’ употребляется и *linim* ‘становиться’ — 12 случаев из 45.

Мы не будем специально останавливаться на вопросе возникновения аналитических перфектных конструкций в грабаре — хотя он, конечно, представляется крайне интересным, — поскольку наше исследование ориентировано скорее на синхронный анализ данных. Для полноты картины, однако, нельзя не упомянуть, что древнеармянский язык полностью утратил индоевропейскую модель образования перфекта с помощью редупликации основы (в случае с аналитической формой можно было бы ожидать редупликации в «смысловой» её части, т.е. во входящем в её состав причастии). Этот факт отмечается во множестве работ, главным образом, компаративистически направленных; см., например, [Туманян 1971: 339], впрочем, без объяснения причин произошедшей перестройки. Единственным исключением является форма причастия от глагола *aṙnel* ‘делать’ — *arareal* вместо ожидаемого *aṙneal*.

Прежде чем перейти к основной части изложения, упомянем в целом отсутствие каких-либо формальных закономерностей в том, что касается взаимного расположения компонентов исследуемой аналитической конструкции. Связано это, надо полагать, с тем, что глагольные формы в грабаре в основном синтетические (собственно, основной случай аналитизма и представляют собой описанные выше сочетания причастия с вспомогательным глаголом[5]) и тот или иной узус просто не был закреплён.

---

[4] Pragmatic Resources in Old Indo-European Languages: http://foni.uio.no:3000/.

[5] Второй класс аналитических конструкций — это в целом редкие сочетания того же вспомогательного глагола *em* ‘быть’ с причастной формой на *-loc‘*, выражающие в основном отнесённость к будущему времени с различными модальными оттенками.

Связка употребляется линейно как до, так и после причастия; возможно как контактное, так и дистантное расположение (при этом перенос связки от причастия, вероятнее всего, не связан с механизмами фокусного маркирования, как это имеет место в современном восточноармянском языке; см. краткий обзор вопроса в [Семёнова 2014]). Единственное правило касается контекстов с отрицанием — в этом случае отрицательный компонент линейно предшествует причастной форме (что, впрочем, с типологической точки зрения совсем не удивительно). При этом однако показатель отрицания не всегда образует клитический комплекс именно с глаголом-связкой (ср. (1)), что делает возможными примеры вроде (2), где показатель отрицания предшествует причастию, а вспомогательный глагол — следует за ним (ср. также аналогичные контексты Ин. 6:17 и Ин. 8:20 с глаголом в форме прошедшего времени):

(1) *č'-ew* ***ē*** ***has-eal*** *žamanak* *im*
NEG-и AUX.PRES.3SG придти-PTCP время мой
'ещё **не пришёл** час Мой' (Ин. 2:4)[6]

(2) *č'-ew* *ews* ***el-eal*** ***em*** *aṙ* *hayr* *im*
NEG-и снова идти-PTCP AUX.PRES.1SG к отец мой
'ещё **не восшёл** к Отцу Моему' (Ин. 20:17)

Кроме того отрицание в грабаре оформляется не только при помощи показателя *č'*-, но и при помощи элемента *oč'* (в работе Туманян 1971 называемого «модальным словом», см. Туманян 1971: 431), и выбор того или иного способа не всегда кажется очевидным — ср. два крайне характерных с этой точки зрения примера:

(3) *manuk-n* *oč'* ***ē*** ***meṙ-eal*** *ayl*
ребёнок-DEF не AUX.PRES.3SG умереть-PTCP но
nnǰ-ē
спать-PRES.3SG
'девица **не умерла**, но спит' (Мк. 5:39)

[6] Русский текст Евангелий цитируется по Синодальному переводу. Здесь и далее аналитические формы с причастием на *-eal* выделены полужирным. Нулевой показатель номинатива единственного числа в глоссах не обозначается.

(4) *zi* ***č'-ē*** ***meṙ-eal*** *ayl nnǰ-ē*
ведь NEG-AUX.PRES.3SG умереть-PTCP но спать-PRES.3SG
'**не умерла**, но спит' (Лк. 8:52)

Подчеркнём ещё раз, что вне зависимости от того, каким именно способом выражается отрицание — лексически или же морфологически — компонент, выражающий отрицание, всегда линейно предшествует причастной форме.

Вопрос об отрицании в грабаре, безусловно, представляется крайне интересным, однако, в рамках данного исследования мы не имеем возможности останавливаться на нём подробнее. Достаточно детальный обзор на эту тему представлен в работе [Minassian 1977].

В завершение краткого обзора вопросов, связанных с древнеармянским перфектом, но остающихся за рамками нашей работы, скажем ещё несколько слов о его диатезном типе[7]. Речь идёт, в первую очередь, о статусе перфектных форм переходных глаголов, которые представляют собой особую конструкцию, формально сходную с так называемым «ленивым пассивом» (с понижением исходного подлежащего и сохранением исходного маркирования прямого дополнения; связка при этом стоит в форме 3SG, ср. (6) и (7) ниже), но без специфической пассивной морфологии глагола. При непереходных глаголах подлежащее перфектной конструкции оформляется номинативом; конструкция имеет активную диатезу, ср. (1), (3). В случае с переходными глаголами возможно два типа конструкций: стандартная пассивная с продвижением исходного дополнения в позицию подлежащего, оформляемого номинативом (ср. (5)), и «неполная пассивная» (сходная с так называемым «ленивым пассивом»), при которой исходное дополнение сохраняет аккузативное оформление, а исходное подлежащее подвергается «понижению» и оформляется генитивом (связка стоит при этом в форме 3SG), ср. (6).

(5) *anuan-k'* *jer* ***gr-eal*** ***en***
имя-NOM.PL ваш писать-PTCP AUX.PRES.3PL
y-erkin-s
PREP-небо-LOC.PL
'имена ваши **написаны** на небесах' (Лк. 10:20)

[7] Данной проблематике посвящено немалое число исследований, начиная с классических работ [Benveniste 1952] и [Meillet 1962]; среди недавних можно отметить, например, [Скирру 2012] и особенно [Kölligan 2013] и [Meyer 2014].

(6) *z-inč‘* *gorc* ***gorc-eal*** ***ē*** *k‘o*
PREP-что дело делать-PTCP AUX.PRES.3SG ты.GEN
‘что Ты **сделал**?’ (букв. ≈ ‘какое дело сделавши у тебя?’)
(Ин. 18:35)

Выбор той или иной диатезной интерпретации в значительной степени лексически обусловлен; для ряда лексем, однако, возможно как активное, так и пассивное употребление — правда, как кажется, проявляется это только в контекстах со связкой в форме прошедшего времени[8], ср.:

(7) *minč‘č‘ew* ***ēr*** *P‘ilippos-i* ***koč‘ec‘-eal***
пока.не AUX.PAST.3SG Филипп-GEN.SG называть-PTCP
z-k‘ez ⟨…⟩ *tes-i* *z-k‘ez*
PREP-ты.ACC видеть-AOR.1SG PREP-ты.ACC
‘прежде нежели **позвал** тебя Филипп, <…> Я видел тебя’
(активная конструкция с понижением подлежащего; букв. ≈ ‘было у Филиппа позвавши тебя’) (Ин. 1:48)

(8) *Ełisabet‘* ⟨…⟩ *or* *amul-n* ***koč‘ec‘-eal***
Елисавета REL бесплодный-DEF называть-PTCP
ēr
AUX.PAST.3SG
‘Елисавета, <…> **называемая** неплодною’ (Лк. 1:36)
(пассивная конструкция)

2. Семантика форм перфекта

В области изучения семантики древнеармянского перфекта важнейшим вкладом остаётся монография [Lyonnet 1933]; ряд ценных дополнений имеется в статьях [Ouzounian 2002, 2007]. Согласно исследованию Лионне, основным — и практически единственным — значением перфекта является (в современных терминах) результативное, причём имеется субъектный результатив у непереходных и переходных глаголов (у последних — в генитивной конструкции), а также объ-

[8] О невозможности противопоставления активной и пассивной конструкции в контекстах со связкой в форме настоящего времени для глаголов *grel* ‘писать’, *asel* ‘говорить’, *tal* ‘давать’ ср. также [Ouzounian 2002: 17].

ектный результатив, совмещённый с пассивом (о распределении этих конструкций у переходных глаголов подробнее было сказано выше). В отношении семантики Лионне сближает древнеармянский перфект с древнегреческим (как кажется, не вполне оправданно, поскольку древнегреческий перфект к эпохе эллинизма в значительной степени эволюционировал в сторону размывания результативного прототипа — из многочисленных работ на эту тему см. подробнее, например, [Haug 2008, Crellin 2012, 2014]). Узунян придерживается более нюансированной трактовки, отмечая ряд дискурсивных значений (как, например, parfait polémique, употребляющийся в контекстах, когда есть разница в оценке ситуации говорящим и другими участниками ситуации [Ouzounian 2002: 23]), которые не вполне сводятся к результативному, особенно в переходных активных конструкциях. Во всех исследованиях также отмечается, что в ещё большей степени отходят от результативного прототипа многие употребления плюсквамперфекта (такое положение дел, впрочем, вовсе не является чем-то типологически уникальным, ср. [Сичинава 2013][9]).

Тем не менее, основными для древнеармянского перфекта всё же действительно являются **результативные** употребления (их доля от общего числа составляет чуть менее 70%, см. таблицу 1 в приложении). Таковыми оказываются, например, все перфектные контексты с глаголом *grel* ‘писать’ (типа ‘в законе написано’ или как в примере (5) выше) — самым частотным в нашем корпусе употреблений (Мф. 2:5, 4:4, 4:6, 4:7 и др.; Мк. 1:1, 9:12, 9:13, 11:17 и др.; Лк. 2:23, 3:4, 4:4, 4:8, 4:10 и др.; Ин. 6:31, 8:17, 10:34, 15:25; всего 28 вхождений). Ср. также:

(9) *dur-k‘-d* ***p‘ak-eal*** ***en***
дверь-NOM.PL-POSS закрыть-PTCP AUX.PRES.3PL
‘<не беспокой меня,> двери уже **заперты**, <и дети мои со мною на постели>’ (Лк. 11:7)

[9] В связи с семантикой древнеармянского плюсквамперфекта нельзя не упомянуть работы Н. А. Козинцевой, например, [Козинцева 1998]; также тезисно вопрос освещён в работе [Дундуа, Семёнова 2014].

(10) *ayl jer ew amenayn isk her glx-oy*
но ваш и всё но волос голова-GEN.SG
t'u-eal ē
считать-PTCP AUX.PRES.3SG
'у вас же и волосы на голове все **сочтены**' (Мф. 10:30)

(11) *sirt-k' noc'a* ***heřac'-eal*** *i bac'eay*
сердце-NOM.PL он.GEN.PL удаляться-PTCP далеко
en *y-inēn*
AUX.PRES.3PL PREP-я.ABL.SG
'сердце же их далеко **отстоит** от Меня' (букв. ≈ 'сердца их удалились') (Мк. 7:6)

Однако результативное значение у древнеармянского перфекта как минимум не единственное (что отмечалось и у Лионе, и, в особенности, у Узунян). На наш взгляд, помимо результативных контекстов целесообразно выделять ещё два основных класса употреблений, которые мы предлагаем называть стативными и экспериенциальными.

Следует отметить наличие следующей — впрочем, достаточно очевидной — общей связи между акциональным типом предиката, оформляемого перфектом, и семантическим классом передаваемого значения: все перфекты, образованные от глаголов состояния, имеют стативную семантику (но, разумеется, не только они — ср. (12) ниже, где представлена форма перфекта со стативным значением, образованная от глагола процесса), события и предельные процессы в подавляющем большинстве случаев употребляются результативно. Здесь важно иметь в виду принципиальную невозможность однозначного разделения всех предикатов древнеармянского языка по акциональным классам. Мы вполне допускаем, что в ряде случаев возможна иная трактовка данных. Впрочем, как кажется, на основных результатах работы это не должно сказываться: для нас в первую очередь существенно, что аналитические конструкции с причастием на *-eal* образуются в грабаре не только от глаголов класса состояний и предельных процессов, но и от предикатов, обозначающих процессы непредельные (таких, как *karcel* 'думать', *nnǰel* 'спать' и др.), что явным образом свидетельствует о том,

что мы имеем дело с перфектом, а не с «узким» результативом с ограниченной сочетаемостью.

О **стативном** значении перфекта имеет смысл говорить в тех случаях, когда форма выражает состояние в чистом виде, без апелляции к предшествующему событию / процессу (которые в каких-то случаях могут и вовсе отсутствовать; ср. близкое понятие «квазирезультатива» в [Недялков, Яхонтов 1983: 11][10]). Это второй по частотности тип употреблений форм перфекта (порядка 20%). Ср., например:

(12) *zi* ***xṙov-eal*** ***ēk‘***
что тревожиться-PTCP AUX.PRES.2PL
‘что **смущаетесь**?’ (Лк. 24:38)

(13) *Movsēs* *y-or* *du-k‘-n* ***yusac‘-eal***
Моисей PREP-REL ты-NOM.PL-DEF надеяться-PTCP
ēk‘
AUX.PRES.2PL
‘Моисей, на которого вы **уповаете**’ (Ин. 5:45)

(14) ***k‘aw-eal*** ***em*** *es* *y-aren-ē*
покаяться-PTCP AUX.PRES.1SG я.NOM PREP-кровь-ABL.SG
ardar-oy-d *aydorik*
праведник-GEN.SG-POSS который тут
‘**невиновен** я в крови Праведника Сего’ (букв. ≈ ‘я раскаиваюсь в крови Праведника Сего’) (Мф. 27:24)

(15) *ew* *ard* *du-k‘* *yoyž* ***molor-eal***
и теперь ты-NOM.PL сильно заблуждаться-PTCP
ēk‘
AUX.PRES.2PL
‘Итак, вы весьма **заблуждаетесь**’ (Мк. 12:27).

---

[10] В указанной работе квазирезультативами называются результативные формы, образованные от глаголов, «уже обозначающих состояния»; отмечается, что квазирезультативы наиболее характерны для «эмотивных» (типа ‘сердиться’ > ‘быть сердитым’) и «контактных» (типа ‘окружать’ > ‘быть окружённым’) глаголов; среди языков, в которых формы с квазирезультативным значением широко распространены, указывается, в частности, и современный восточноармянский (рассматриваемый подробно в статье [Козинцева 1983] в том же сборнике).

Здесь (вполне в согласии с наблюдениями В. П. Недялкова и С. Е. Яхонтова) форма перфекта обозначает эмоциональное состояние без явной отсылки к процессу, ведущему к появлению данного состояния — о чём, кстати, свидетельствуют и решения, принятые в Синодальном переводе: во всех указанных случаях в русском выступают формы презенса (заметим, что в греческом в разных случаях соответствия разные, так что последовательный выбор перфекта в контекстах типа (12)–(15) отражает его семантическую специфику именно в древнеармянском).

Также чётко выделяется немногочисленный класс **экспериенциальных** употреблений форм перфекта, когда в фокусе оказывается не результат ситуации, а характеристика субъекта как имеющего (или не имеющего) опыт совершения некоторого действия. Основное отличие данных контекстов от стативных заключается в том, что если для стативных употреблений идея предшествующего действия в целом не релевантна (описывается имеющее место в момент речи состояние), то для экспериенциальных употреблений, напротив, этот компонент является существенным (субъекту приписаны свойства, вытекающие из его участия в предшествующей ситуации). К экспериенциальным могут быть отнесены следующие примеры:

(16) *zi hing ayr* ***p‘ox-eal*** ***ē*** *k‘o*
ведь пять мужчина менять-PTCP AUX.PRES.3SG ты.GEN
‘ибо у тебя **было** пять мужей’ (букв. ≈ ‘пятерых мужей сменено у тебя’) (Ин. 4:18)

(17) *ek-ayk‘ tes-ēk‘ z-ayr mi or*
идти-IMP.2PL видеть-IMP.2PL PREP-мужчина один REL
asa-c‘ inj z-amenayn or inč‘ im
говорить-AOR.3SG я.DAT PREP-всё REL что я.GEN
gorc-eal ***ē***
делать-PTCP AUX.PRES.3SG
‘пойдите, посмотрите Человека, Который сказал мне все, что я **сделала**’ (Ин. 4:29)

(18) ***č‘-ē*** ***yaruc‘-eal*** *i cnund-s*
NEG-AUX.PRES.3SG восстать-PTCP PREP рождение-LOC.PL
kananc‘ mec k‘an z-Yovhannēs Mkrtič‘
женщина.GEN.PL большой чем PREP-Иоанн Креститель
‘из рожденных женами **не восставал** больший Иоанна Крестителя’ (Мф. 11:11)

Экспериенциальными являются все употребления глагола *ənt'ełnul* 'читать', попавшие в нашу выборку: это десять примеров типа *č'ic'ē / oč' ic'ē ənt'erc'eal jer* 'не читали ли вы?' со связкой в форме сослагательного наклонения и отрицанием (префиксальным либо аналитическим). Характерен также, например, следующий контекст (также со связкой в конъюнктиве):

(19) *erani* *or-oc'* *oč'* ***ic'ē***
благословен REL-DAT.PL не AUX.CON1.3SG
tes-eal *ew* *hawat-asc'en*
видеть-PTCP и верить-CON2.3PL
'<ты поверил, потому что увидел Меня;> блаженны **невидевшие** и уверовавшие' (Ин. 20:29)

Заметим, что армянский перевод в (19) грамматически не следует оригиналу: в греческом тексте обе сочинённых глагольных формы (как и в русском) являются причастиями прошедшего времени, тогда как в армянском используется относительная конструкция с сочинением двух грамматически различных форм — перфекта и аориста конъюнктива, имеющего здесь своё основное значение перфективного будущего (букв. ≈ 'блаженны, у которых не будет увидевши и поверят').

Экспериенциальные контексты, безусловно, дальше отходят от результативного прототипа, чем стативные; их появление также свидетельствует о начавшейся грамматической эволюции результатива в сторону перфекта.

Заметим, что для ряда авторов экспериенциальное значение является вообще центральным для перфекта, ср. формулировки типа subject participation, предлагавшиеся для описания перфектной семантики в целом в таких работах, как [Smith 1997, Giorgi, Pianesi 1997] и ряде других. Можно также упомянуть работу [Lindstedt 2000], автор которой высказывает мнение, что появление экспериенциального значения у граммемы можно расценивать как свидетельство разрушения категории перфекта; впрочем, речь идёт о ситуации, когда экспериенциальное значение становится доминирующим[11], что явным образом неверно для грабара.

[11] «…the meaning of a gram has strongly shifted towards indefinite past (experiential — *КС*)» [Lindstedt 2000: 272].

В качестве теоретического дополнения, отметим здесь, что результатив может, вообще говоря, разрушаться двумя путями, и оба они, похоже, представлены в древнеармянском. Во-первых, речь идёт о расширении лексической дистрибуции, когда показатели результатива начинают сочетаться с предикатами, обозначающими непредельные процессы, в результате чего возникают новые типы контекстов с иной семантикой, форма становится полисемичной и можно говорить о возникновении категории перфекта. Другой путь — не расширяя сочетаемость (то есть оставаясь внутри акциональных классов состояний и предельных процессов), расширять семантику употреблений формы: так, к собственно результативным значениям могут прибавляться экспериенциальные. Один сценарий, разумеется, не исключает другой — напротив, логично было бы предположить, что в языке они сосуществуют и, выражаясь метафорически, совместными усилиями атакуют базовый результатив и размывают его прототип.

Коль скоро мы уже отвлеклись на теоретические рассуждения, отметим также, что понятие текущей релевантности (англ. *current relevance*), давно и прочно ассоциируемое с категорией перфекта, на наш взгляд, для описания данных древнеармянского языка является избыточным. Перфект того типа, который представлен в грабаре, проще и непротиворечивей описывается как комбинация (исходного) результативного значения с рядом производных, в той или иной степени отдаляющихся от результативного прототипа. Для перфекта такой кластерной структуры веских оснований для введения дополнительных терминов вроде текущей релевантности нет.

Возвращаясь к семантике форм древнеармянского перфекта, остановимся ещё на двух значениях, уже не столь очевидных и выделяемых с меньшей степенью строгости: иммедиатном и значении отсутствия события / нарушенного ожидания.

Об **иммедиатном** значении можно говорить, например, в следующем случае:

(20) *amenayn* *inč‘* ***katar-eal*** ***ē***
всё что совершать-PTCP AUX.PRES.3SG
‘<Когда же Иисус вкусил уксуса, сказал:> **совершилось**!’
(Ин. 19:30)

Конечно, следует признать, что результативное толкование для (20) имеет не меньшее право на существование, поскольку речь здесь идёт о событии, о котором заранее было известно, что оно должно произойти и произойдёт, а такое положение дел не кажется прототипическим фоном для возникновения иммедиатной семантики. С ещё большей оговоркой иммедиатным можно считать следующее употребление:

(21) *z-ayn* *nšan-s* ***arar-eal*** ***ē*** *nora*
PREP-этот знак-POSS делать-PTCP AUX.PRES.3SG он.GEN.SG
'<Потому и встретил Его народ, ибо слышал, что> Он **сотворил** это чудо' (Ин. 12:18).

Речь идёт о входе Господнем в Иерусалим, под чудом подразумевается воскресение Лазаря, и можно было бы говорить о типичном «hot news» perfect, если бы не два обстоятельства. Во-первых, заметный временной интервал между чудом воскресения и входом в Иерусалим (а иммедиатность подразумевает как раз минимальную временную дистанцию); во-вторых, в ряде других источников (например, на сайте проекта TITUS[12]) приводится вариант со связкой в форме прошедшего времени, и в таком случае перед нами обычное таксисное употребление плюсквамперфекта. Мы приводим эти примеры здесь не с целью убедить читателя в наличии надёжно выделяемого класса иммедиатных употреблений, а скорее чтобы продемонстрировать, так сказать, семантический потенциал форм перфекта в древнеармянском, который мог не полностью проявиться в Евангельских текстах.

Наконец, в ряде случаев значение формы перфекта можно назвать, условно, значением **отсутствия события** / **нарушенного ожидания**: это примеры (1) и (2) и три места про дочь Иаира — (3)–(4) выше и (22):

(22) *zi* *oč' et'ē* ***meṙ-eal*** ***ē*** *aljik-d*
ведь не COMP умереть-PTCP AUX.PRES.3SG девица-POSS
ayl *nnǰ-ē*
но спать-PRES.3SG
'ибо **не умерла** девица, но спит' (Мф. 9:24)

[12] Thesaurus Indogermanischer Text- und Sprachmaterialien: http://titus.uni-frankfurt.de/indexe.htm.

Указанное значение во всех перечисленных случаях обусловлено наличием отрицания, т.е., строго говоря, оно не является значением формы перфекта как таковой — если отрицание опустить, мы получим обычные результативные употребления. Примечательна, однако, сама возможность сочетания аналитической формы с причастием на *-eal* с показателями отрицания: не раз отмечалось (см. хотя бы [Недялков, Яхонтов 1983: 26]), что прототипический результатив как утверждение о наличии результирующего состояния в силу очевидных прагматических причин плохо совместим с отрицанием. Таким образом, примеры выше могут служить дополнительным свидетельством начавшейся семантической эволюции результатива в грабаре в сторону перфекта.

3. Семантика форм плюсквамперфекта и конструкций со связкой в форме сослагательного наклонения

Коль скоро чуть выше в связи с экспериенциальными употреблениями мы коснулись аналитических глагольных конструкций, с формальной точки зрения не являющихся перфектом (то есть включающих в свой состав вспомогательный глагол не в форме настоящего времени), но однако же имеющих во многом ту же результативно-экспериенциальную семантику, уместно будет сделать краткое отступление о всей системе форм с причастием на *-eal*[13].

Итак, как было сказано ранее, причастие на *-eal* в грабаре входит в состав аналитической глагольной формы в сочетании со связкой в настоящем или прошедшем времени и также в сослагательном наклонении. Надо отметить, что в оригинальных древнеармянских текстах, которые мы в рамках данной работы не рассматриваем, сравнительно частотны употребления причастия как самостоятельной глагольной формы, наравне с имперфектом или аористом оформляющей сменяющие друг друга действия в нарративной цепочке (подробнее об этом см., например, [Lyon-

[13] Основные семантические классы употреблений плюсквамперфекта и ирреальных контекстов кратко суммированы в таблицах 2 и 3 в приложении.

net 1933: 153–160], а также [Дундуа 2015]); впрочем, и в Евангелиях подобные употребления можно встретить.

Существенной чертой всех трёх форм аналитической конструкции вида «причастие на *-eal* + вспомогательный глагол» является доминирование результативной семантики. Это вполне ожидаемо для перфекта на ранних этапах эволюции (а ситуация в древнеармянском, как мы уже отмечали, именно такова), но, пожалуй, не столь очевидно для плюсквамперфекта и уж тем более для ирреальных контекстов, с которыми мы имеем дело, когда связка стоит в форме сослагательного наклонения. И тем не менее более трети как плюсквамперфектных, так и ирреальных употреблений в нашей выборке имеет вполне каноническую результативную семантику (ср. примеры (23)–(26)). Преобладание этого типа значений у всех трёх форм конструкции с причастием на *-eal*, на наш взгляд, свидетельствует в пользу того, что само это причастие корректнее называть результативным — а не «прошедшим», как это делается, например, в работе [Туманян 1971: 410][14], поскольку временные значения, как можно видеть, выражаются вспомогательным глаголом.

(23) *k‘anzi* *i veray* *vim-i* ***hastat-eal***
потому что на камень-GEN.SG основать-PTCP
ēr
AUX.PAST.3SG
‘<и пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и устремились на дом тот, и он не упал,> потому что **основан был** на камне’ (Мф. 7:25)

(24) *ew kanayk‘* *omank‘* *or*
и женщина.NOM.PL некоторый.NOM.PL REL
bžšk-eal ***ēin*** *y-ays-oc‘*
лечить-PTCP AUX.PAST.3PL PREP-дух-ABL.PL

[14] Возможно, Э. Г. Туманян употребляет термин «прошедшее причастие» по той причине, что формы на *-eal* образуются в подавляющем большинстве случаев от основы аориста — в противоположность упоминаемому в начале настоящей работы причастию на *-oc‘*, образуемому исключительно от основы презенса (впрочем, следуя такой логике, его нужно было бы называть «презентным», в то время как в работе [Туманян 1971] оно называется «будущим»).

č‘ar-ac‘ *ew* *i* *hiwandut‘-eanc‘*
злой-ABL.PL и PREP болезнь-ABL.PL
‘и некоторые женщины, которых Он **исцелил** от злых духов и болезней’ (букв. ≈ ‘которые были исцелены’)
(Лк. 8:2)

(25) *zi* *ur* ***ic‘en*** *erku* *kam* *erek‘* ***žołov-eal***
ведь где AUX.CON1.3PL два или три собраться-PTCP
y-anun *im* *and* *em* *es* *i* *mēǰ*
PREP-имя мой там быть.PRES.1SG я PREP между
noc‘a
он.GEN.PL
‘ибо, где двое или трое **собраны** во имя Мое, там Я посреди них’ (Мф. 18:20)

(26) *aha* ***t‘ol-eal*** ***lic‘i*** *jez* *tun-d* *jer*
вот отпустить-PTCP AUX_L.CON1.3SG вы.DAT дом-POSS ваш
‘Се, **оставляется** вам дом ваш пуст’ (Лк. 13:35).[15]

Для полноты картины стоит отметить, что плюсквамперфектные и ирреальные контексты «унаследовали» от перфектных семантику не только результативную, но и стативную. И так же, как в случае с конструкциями со связкой в форме настоящего времени, этот тип значений является сравнительно частотным: для плюсквамперфекта это порядка 20% от общего числа вхождений, для сочетаний со связкой в форме сослагательного наклонения — порядка 11%.

(27) *Na* *ēr* *črag-n* *or* ***luc‘-eal***
он быть.PAST.3SG светильник-DEF REL светить-PTCP
ēr *ew* *cagē-r*
AUX.PAST.3SG и освещать-IPF.3SG
‘Он был светильник, **горящий** и светящий’[16] (Ин. 5:35)

---

[15] В древнеармянском нет специального показателя будущего времени, в этой функции употребляется как раз форма конъюнктива. Таким образом, буквальный перевод примеров (25) и (26) мог бы быть, соответственно, ‘где двое или трое соберутся’ и ‘оставлен будет вам дом ваш’.

[16] Об оформлении однородных сказуемых в рамках одного предложения формами плюсквамперфекта и имперфекта см. [Дундуа, Семёнова 2014: 55–56] и [Дундуа 2015].

(28) *Erani* *ē* *or* ***k‘ałc‘-eal***
благословен быть.PRES.3SG REL алкать-PTCP
ic‘en *ayžm* *zi* *yag-esc‘in*
AUX.CON1.3PL сейчас ведь утешаться-CON2.3PL
‘Блаженны **алчущие** ныне, ибо насытитесь’[17] (Лк. 6:21).

Интересен также следующий случай экспериенциального употребления плюсквамперфекта — продолжение истории про Иисуса и самаритянку (для сравнения повторим пример (17) с формой перфекта, приводимый ранее).

(29) *ek-ayk‘* *tes-ēk‘* *z-ayr* *mi* *or*
= (17) идти-IMP.2PL видеть-IMP.2PL PREP-мужчина один REL
asa-c‘ *inj* *z-amenayn* *or* *inč‘* *im*
говорить-AOR.3SG я.DAT PREP-всё REL что я.GEN
gorc-eal ***ē***
делать-PTCP AUX.PRES.3SG
‘пойдите, посмотрите Человека, Который сказал мне все, что я **сделала**’ (Ин. 4:29)

(30) *vasn* *ban-i* *knoǰ-n*
из-за слово-GEN.SG женщина.GEN.SG-DEF
vkaye-l-oy *et‘ē* *asa-c‘* *inj*
заявлять-INF-GEN.SG COMP говорить-AOR.3SG я.DAT
z-amenayn *or* *inč‘* *im* ***gorc-eal*** ***ēr***
PREP-всё REL что я.GEN делать-PTCP AUX.PAST.3SG
‘<И многие Самаряне из города того уверовали в Него> по слову женщины, свидетельствовавшей, что Он сказал ей все, что она **сделала**’ (Ин. 4:39).

В этом случае появление плюсквамперфекта с экспериенциальным значением может объясняться тем, что весь соответствующий фрагмент в (30) является трансляцией фрагмента (29) в план прошедшего: если в (29) в качестве точки отсчёта выступает момент речи (ср. открывающие его формы императива), то в (30) — уже ряд других событий, относящихся к прошлому. В дискурсивном плане (30) является ретроспективным пересказом произошедших ранее событий, что представ-

[17] Интересно, что в продолжении стиха — ‘Блаженны плачущие ныне, ибо воссмеетесь’ — употреблена уже не аналитическая конструкция от глагола ‘плакать’ (*lac‘eal ic‘en*), а форма PRES.3PL — *lan*.

ляет собой наиболее естественный контекст для появления плюсквамперфектных форм.

Ещё одна интересная иллюстрация дискурсивных функций плюсквамперфекта — употребление его в случаях, когда «рассказ о ситуации нарушает естественный порядок развития событий и говорящий позволяет себе отступление (“**дигрессию**”) от основной линии повествования» [Плунгян 2004: 285]. Рассмотрим следующий пример (для экономии места глоссы не приводятся; глагольная форма помечается нижним индексом):

(31) 22: *Ew aha mi i žołovrdapetac‘n gayr*$_{IPF}$ *orum anun ēr*$_{IPF}$ *Yayros; ibrew etes*$_{AOR}$ *zna. ankaw*$_{AOR}$ *ar̓ ots nora;* 23: *ałač‘ēr*$_{IPF}$ *zna yoyž ew asēr*$_{IPF}$*; t‘ē dustr nora merj i mah ē. zi ekeal*$_{PTCP}$ *dnic‘ē*$_{CON1}$ *nma jeŕn orpēs zi apresc‘i* $_{CON2}$ *ew kec‘c‘ē*$_{CON2}$*:* 24: *Ew gnac‘*$_{AOR}$ *ənd nma; ert‘ayr*$_{IPF}$ *ew žołovurd bazum zhet nora. ew nełēin*$_{IPF}$ *zna:* 25: *Ew kin mi ēr*$_{IPF}$ *i teŕatesut‘ean arean zerkotasan am;* 26: *ew yoyž* ***vštac‘eal***$_{PTCP}$ *i bazum bžškac‘. ew* ***caxeal***$_{PTCP}$ *zinč‘s iwr zamenayn ew* ***č‘ēr***$_{PAST}$ *inč‘* ***awgteal***$_{PTCP}$ *aył ews arawel* ***zayrac‘eal***$_{PTCP}$*:* 27: *Ibrew luaw*$_{AOR}$ *zYisusē, ekn*$_{AOR}$ *i mēǰ amboxin yetoy ew buŕn ehar*$_{AOR}$ *zhanderjē nora,* 28: *k‘anzi xorhēr*$_{IPF}$ *i mti t‘ē miayn merjec‘ayc‘*$_{CON2}$ *i handerjs nora p‘rkec‘ayc‘*$_{CON2}$*:*

‘22: И вот, приходит один из начальников синагоги, по имени Иаир, и, увидев Его, падает к ногам Его 23: и усильно просит Его, говоря: дочь моя при смерти; приди и возложи на нее руки, чтобы она выздоровела и осталась жива. 24: Иисус пошел с ним. За Ним следовало множество народа, и теснили Его. 25: Одна женщина, которая страдала кровотечением двенадцать лет, 26: много **потерпела** от многих врачей, **истощила** всё, что было у ней, и **не получила** никакой пользы, но **пришла** еще в худшее состояние, 27: услышав об Иисусе, подошла сзади в народе и прикоснулась к одежде Его, 28: ибо говорила: если хотя к одежде Его прикоснусь, то выздоровею’ (Мк. 5:22–28).

Как видно, плюсквамперфект оформляет весь фрагмент, описывающий попытки женщины вылечиться, — и только его; остальное повествование ведётся в аористе и имперфекте (взаимодействие этих двух форм в древнеармянском нарративе — задача для отдельного исследования, здесь мы не имеем возможности на ней останавливаться, из недавних работ на эту тему см.

[Дундуа 2015]). Обращаем внимание читателя на тот факт, что оформление дигрессии является **дискурсивной** функцией плюсквамперфекта; семантически же здесь мы имеем дело с экспериенциальным употреблением, как и в предыдущем примере (30).

Упомянем кратко ещё один класс употреблений аналитической глагольной конструкции с результативным причастием. Речь идёт об обозначении т.н. «верхней границы». Этот — возможно, не вполне прозрачный — ярлык мы применяем в случае, когда имеется сложная ситуация, состоящая из двух событий, одно из которых предшествует другому на оси времени, и более позднее из этих событий (собственно, верхняя граница ситуации) оформляется аналитической конструкцией с причастием. Такие употребления мы находим как у форм плюсквамперфекта, так и у форм со связкой в конъюнктиве — ср. ниже пример (32), где предикат, обозначающий пение петуха, которое по времени следует за моментом отречения Петра, оформлен причастием со связкой в конъюнктиве:

(32) ***č'-ic'ē*** *aysawr* *haw-n* ***xaws-eal***
NEG-AUX.CON1.3SG сегодня петух-DEF говорить-PTCP
minč'ew *eric's* *ur-asc'is* *z-is*
до трижды объявить-CON2.2SG PREP-я.ACC
č'-gite-l
NEG-знать-INF
'<… говорю тебе, Петр,> **не пропоет** петух сегодня, как ты трижды отречешься, что не знаешь Меня'[18] (Лк. 22:34).

Плюсквамперфект в аналогичной функции представлен в уже приводимом примере (7) 'Прежде нежели позвал тебя Филипп, Я видел тебя': первый на оси времени предикат оформлен аористом (*tesi* 'я видел'), а следующий за ним — плюсквамперфектом (*ēr koč'ec'eal* 'он позвал'). Ср. также следующий случай:

(33) *Ew* *minč'č'ew* ***ek-eal*** ***ēin*** *nok'a*
и пока не идти-PTCP AUX.PAST.3PL они
ałač'ē-in *z-na* *ašakert-k'-n*
просить-IPF.3PL PREP-он.ACC ученик-PL-DEF

[18] Остальные места про отречение Петра (Мф. 26:34, 26:75; Мк. 14:30, 14:72; Лк. 22:61) с точки зрения употребления глагольных форм построены аналогичным образом.

ew	*asē-in*	*ṙabbi,*	*hac‘*	*ker*
и	говорить-IPF.3PL	равви	хлеб	есть.IMP.2SG

‘Между тем ученики просили Его, говоря: Равви! ешь’.
(Ин. 4:31).

Дословный перевод с древнеармянского мог бы быть таким: ‘И пока они (самаряне, которых позвала женщина) не пришли, ученики просили Его и говорили: Равви! ешь’. Надо отметить, что в греческом оригинале клауза, соответствующая оформленной плюсквамперфектом в грабаре, отсутствует, как, впрочем, и в Синодальном и других доступных нам переводах.

К сожалению, мы не готовы представить хоть сколько-нибудь удовлетворительного объяснения такому парадоксальному, идущему вразрез с основной таксисной функцией причастных конструкций употреблению — выражению не предшествования, как ожидалось бы, а следования. Можно лишь упомянуть, что схожие примеры засвидетельствованы для немецкого плюсквамперфекта — см., например, [Eroms 1983, Weinrich 1993] (впрочем, также без объяснения возможных причин такого узуса).

В завершение раздела рассмотрим ещё одну пару контекстов:

(34)	*z-inč‘*	*gorc*	***gorc-eal***	***ē***	*k‘o*
= (6)	PREP-что	дело	делать-PTCP	AUX.PRES.3SG	ты.GEN

‘что Ты **сделал**?’ (Ин. 18:35)

(35)	*z-inč‘*	*inč‘č‘ar*	***arar-eal***	***ic‘ē***	*dora*
	PREP-что	что злой	делать-PTCP	AUX.CON1.3SG	этот.GEN.SG

‘какое же зло **сделал** Он?’ (Мк. 15:14)

В Евангелиях от Матфея (Мф. 27:23) и Луки (Лк. 23:22) в этом вопросе Пилата используется форма аориста: *zinč‘ č‘ar arar (sa)*; в греческом тексте во всех четырёх Евангелиях мы также видим аорист второго и третьего лица (*ἐποίησας* и *ἐποίησεν*, соответственно)[19]. Интерес представляет не столько несоответствие в

[19] Эти же контексты рассматривает и А. Узунян [Ouzounian 2002: 24–25], однако её анализ не представляется нам достаточно убедительным — основная идея заключается в том, что перфект является «дейктической формой», якобы не встречающейся в нарративных фрагментах (опровержение чему в непереводных текстах найти совсем не сложно), и способен получать полноценную интерпретацию исключительно в контексте диалогового взаимодействия, в то время как высказывание в аористе может рассматриваться изолированно.

примерах (34)–(35) глагольных форм греческому оригиналу (мы уже имели возможность убедиться в том, что древнеармянский перевод крайне непоследовательно «копирует» греческие формы), сколько различие форм связки, входящей в состав аналитической глагольной конструкции. На наш взгляд, сослагательное наклонение в примере (35) можно объяснить добавлением эпистемической модальности сомнения: это вопрос о вине, наличие которой для говорящего не очевидно. Помимо этого, возможно, роль играет тот факт, что в случае (34) вопрос задаётся адресату, одновременно являющему и исполнителем действия, в то время как в (35) эти две роли не совпадают — вопрос адресован толпе, а исполнителем действия является Иисус.

4. Выводы

Итак, приведённые факты свидетельствуют, что с точки зрения типологии перфектных форм позиция древнеармянского может быть определена в самом начале перфектного континуума — доминирующим в Евангельских текстах является результативное употребление, однако «результативный прототип» уже начинает разрушаться. Прежде всего это подтверждается расширением лексической сочетаемости — предикаты, обозначающие непредельные процессы, свободно употребляются в аналитической конструкции. Помимо (и отчасти вследствие) этого отчётливо выделяются классы стативных и экспериенциальных контекстов, а также ряд других — более спорных, но также демонстрирующих некоторую семантическую эволюцию формы.

Основная информация о семантических классах употреблений форм перфекта отражена в таблице 1 приложения.

Приложение: дистрибуция семантики аналитической конструкции с причастием на *-eal* в тексте Евангелий

Общее число вхождений аналитической конструкции, состоящей из связки и результативного причастия на *-eal*, составляет 312. Внутри этого корпуса мы различаем а) конструкции со связкой в форме настоящего времени (собственно перфектные) — 127 контекстов; б) конструкции со связкой в форме прошедшего времени (плюсквамперфектные) — 134 контекста; в) конструкции со связкой в форме презенса конъюнктива — 49 контекстов. Дважды

(Мф. 19:21, Мк. 10:21) связка входит в состав аналитической формы в инфинитиве: *et ‘ē kamis* ***katareal linel*** ‘если хочешь **быть совершенным**, <пойди, продай имение твое и раздай нищим>’. В таблицах ниже мы приводим распределение по основным значениям с указанием процентного соотношения; в скобках после места в Евангелии указывается (и выделен полужирным) номер примера в данной статье, если соответствующий стих нами цитировался.

Таблица 1. Семантика употреблений форм перфекта в древнеармянском.

семантический класс	%	место в Евангелии
результатив	67,8	Мф. 1:20, 2:5, 3:2, 4:4, 4:6, 4:7, 4:10, 4:17, 10:7, 10:30 (**10**), 12:28, 13:11, 15:8, 17:12, 19:11, 20:23, 21:13, 25:41, 26:18, 26:24, 26:31, 26:45; Мк. 1:1, 1:15, 1:38, 3:26, 4:11, 6:2, 7:6 (**11**), 8:3, 9:12, 9:13, 11:17, 14:21, 14:27, 14:41; Лк. 2:23, 3:4, 4:4, 4:6, 4:8, 4:10, 4:12, 7:45, 8:10, 10:9, 10:11, 10:15, 10:20 (**5**), 10:26, 11:7 (**9**), 11:20, 12:7, 13:12, 15:27, 19:46, 21:5, 22:37, 23:15, 24:27, 24:29; Ин. 3:18, 3:28, 3:29, 4:47, 6:31, 6:50, 8:17, 9:21, 9:34, 10:34, 11:28, 13:1, 15:25, 16:11, 16:32, 17:10, 18:37, 19:28.
статив	23,6	Мф. 5:48, 11:8, 22:4, 27:24 (**14**); Мк. 5:39, 12:24, 12:27 (**15**); Лк. 1:42, 2:11, 7:8, 7:37, 10:41, 12:6, 13:4, 20:6, 21:35, 24:17, 24:38 (**12**); Ин. 4:35, 5:45 (**13**), 7:21, 9:41, 11:3, 11:6, 12:27, 14:10, 15:5, 15:6.
отсутствие события / нарушенное ожидание	3,9	Мф. 9:24 (**22**); Мк. 5:39 (**3**); Лк. 8:52 (**4**); Ин. 2:4 (**1**), 20:17 (**2**).
экспериентив	3,1	Мф. 11:11 (**18**); Ин. 4:18 (**16**), 4:29 (**17**, **29**), 18:35 (**6**, **34**).
иммедиатив[20]	1,6	Ин. 12:18 (**21**), 19:30 (**20**).

[20] О допустимости выделения класса иммедиатных употреблений перфекта в древнеармянских Евангелиях см. выше. Если мы не готовы считать данные контексты иммедиатными, они попадают в группу результативных.

Таблица 2. Семантика употреблений форм плюсквамперфекта в древнеармянском языке[21]

семантический класс	%	место в Евангелии	
			дигрессия
результатив	47,9	Мф. 7:25 (**23**), 12:10, 14:24, 22:11, 27:44; Мк. 1:6, 1:33, 3:1, 3:3, 6:52, 8:1, 9:6, 14:40, 14:44, 15:26, 15:32, 15:41, 15:46, 16:4, 16:8; Лк. 1:7, 2:21, 2:26, 4:29, 5:17, 6:6, 6:8, 6:48, 8:2 (**24**), 8:27, 8:30, 9:45, 9:53, 13:11, 15:24, 15:32, 18:34, 23:38, 23:53, 24:16; Ин. 13:5, 19:32.	Мк. 15:7, 16:9; Лк. 22:47; Ин. 4:8, 4:45, 11:19, 11:45, 11:57, 12:12, 12:37, 18:2.
статив	16,1	Мф. 4:24, 9:10, 26:57; Мк. 1:13, 1:16, 2:15, 6:19, 6:51, 7:25, 10:24, 10:32, 11:18, 16:10, 16:14; Лк. 1:36 (**8**), 2:33, 5:29, 8:27, 8:43, 10:40, 11:22, 13:19, 23:49, 23:51, 24:41; Ин. 5:35 (**27**), 18:20, 20:19.	Лк. 8:29.
предшествование[22]	13	Мф. 9:10, 25:22, 25:24; Мк. 3:22, 7:1; Лк. 1:3, 2:21, 8:2, 8:35, 8:38, 19:15, 23:25, 23:48, 23:55; Ин. 13:2, 19:17, 19:33.	
гипотетическое / контрафактическое условие	10	Мф. 11:21, 11:23, 26:24; Мк. 9:42, 13:20, 14:21; Лк. 10:13; Ин. 11:21, 15:22, 15:24, 19:11.	
отсутствие события / состояния	5,6	Ин. 3:24, 6:17, 7:5, 7:30, 8:20, 11:30.	Ин. 6:22.

[21] Дискурсивно обусловленные употребления плюсквамперфекта, т.е. контексты с дигрессией (10,5% от общего числа плюсквамперфектных вхождений), выделены в отдельный столбец.

[22] Имеется в виду таксисное употребление плюсквамперфекта.

Таблица 2. Семантика употреблений форм плюсквамперфекта в древнеармянском языке (продолжение)

семантический класс	%	место в Евангелии	
			дигрессия
гипотетическое / контрафактическое следствие	3,7	Мф. 11:21; Лк. 10:13; Ин. 11:21, 14:2, 14:28.	
верхняя граница	1,5	Ин. 1:48 (**7**), 4:31 (**33**).	
экспериентив	1,5	Ин. 4:39 (**30**).	Мк. 5:26 (**31**).
отменённый результат	0,7	Ин. 4:45.	

Таблица 3. Семантика употреблений аналитических форм с результативным причастием и связкой в форме сослагательного наклонения в древнеармянском языке

семантический класс	%	место в Евангелии
результатив	34,7	Мф. 9:2, 9:5, 16:19, 18:18, 18:20 (**25**), 23:38; Мк. 3:21, 10:40; Лк. 5:20, 7:47, 7:48, 12:9, 13:35 (**26**).
экспериентив	28,6	Мф. 12:3, 12:5, 19:4, 21:16, 21:42, 22:31; Мк. 2:25, 12:10, 12:26, 15:14 (**35**); Лк. 6:3; Ин. 5:29, 6:46, 20:29 (**19**).
верхняя граница	16,3	Мф. 26:34, 26:75; Мк. 14:30, 14:72; Лк. 22:15, 22:34 (**32**), 22:61; Ин. 4:49.
статив	12,2	Мф. 5:10, 18:13; Лк. 6:21 (**28**), 9:62; Ин. 11:39, 15:11.
гипотетическое условие	8,2	Мк. 3:26; Ин. 3:27, 15:4.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ABL — аблатив; ACC — аккузатив; AOR — аорист; AUX — вспомогательный глагол-связка *em* ‘быть’; AUX_L — вспомогательный глагол-связка *linim* ‘становиться’; COMP — комплементайзер; CON1 — презенс конъюнктива; CON2 — аорист конъюнктива; DAT — датив; DEF — определённый артикль; GEN — генитив; IMP — императив; INF — инфинитив; IPF — имперфект; LOC — локатив; NEG — отрицание; NOM — номинатив; PAST — прошедшее время глагола-связки; PL — множественное число; POSS — посессив; PREP — предлог; PRES — настоящее время; PTCP — причастие; REL — относительное местоимение; SG — единственное число.

Литература

Дундуа 2015 — Д. Д. Дундуа. Имперфект и причастие в древнеармянском языке. Дипломная работа бакалавра. М.: Кафедра теоретической и прикладной лингвистики МГУ, 2015.

Дундуа, Семёнова 2014 — Д. Д. Дундуа, Кс. П. Семёнова. Об имперфекте и плюсквамперфекте в древнеармянском языке // О. В. Кузнецова (ред.). Одиннадцатая конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Тезисы докладов. СПб.: Нестор-История, 2014. С. 54–58.

Козинцева 1983 — Н. А. Козинцева. Результатив, пассив и перфект в армянском языке // В. П. Недялков (ред.). Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект). Л.: Наука, 1983. С. 204–215.

Козинцева 1998 — Н. А. Козинцева. Плюсквамперфект в армянском языке // М. Ю. Черткова (ред.). Типология вида: проблемы, поиски, решения. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 207–219.

Недялков, Яхонтов 1983 — В. П. Недялков, С. Е. Яхонтов. Типология результативных конструкций // В. П. Недялков (ред.). Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект). Л.: Наука, 1983. С. 5–40.

Плунгян 2004 — В. А. Плунгян. О контрафактических употреблениях плюсквамперфекта // Ю. А. Ландер, В. А. Плунгян, А. Ю. Урманчиева (ред.). Исследования по теории грамматики, вып. 3, М.: Гнозис, 2004. С. 273–291.

Плунгян, Семёнова 2012 — В. А. Плунгян, Кс. П. Семёнова. О некоторых особенностях употребления перфекта в древнеармянском языке // Н. Н. Казанский, П. А. Кочаров, В. А. Крылова, Дж. Р. Рассел (ред.). Тезисы IX Международной конференции по армянскому языкознанию. СПб.: Нестор-История, 2012. С. 169–173.

Семёнова 2014 — Кс. П. Семёнова. Механизмы фокусного маркирования в современном восточноармянском языке // Н. Н. Казанский (ред.). Colloquia Classica et Indo-Germanica. VI. Памяти Л. Г. Герценберга. (Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. X. Ч. 1). СПб.: Наука, 2014. С. 838–853.

Сичинава 2013 — Д. В. Сичинава. Типология плюсквамперфекта. Славянский плюсквамперфект. М.: АСТ-Пресс, 2013.

Скирру 2012 — Дж. Скирру. Древнеармянский перфект в сравнительной перспективе // Н. Н. Казанский, П. А. Кочаров, В. А. Крылова, Дж. Р. Рассел (ред.). Тезисы IX Международной конференции по армянскому языкознанию. СПб.: Нестор-История, 2012. С. 203–206

Туманян 1971 — Э. Г. Туманян. Древнеармянский язык. М.: Наука, 1971.

Benveniste 1952 — É. Benveniste. La construction passive du parfait transitif. Bulletin de la Société de linguistique de Paris 48 (1), P 52–62.

Crellin 2012 — R. Crellin. The Greek perfect active system: 200 BC — AD 150. PhD thesis, U. of Cambridge, 2012.

Crellin 2014 — R. Crellin. The Greek perfect through Gothic eyes: evidence for the existence of a unitary semantic for the Greek perfect in New Testament Greek // Journal of Greek linguistics, 2014, 14, 5-42.

Eroms 1983 — H.-W. Eroms. Relativer und absoluter Gebrauch des Plusquamperfekts im Deutschen // John Ole Askedal et al. (eds.). Festschrift für Laurits Saltveit zum 70. Geburtstag. Oslo: Universitetsforlaget, 1983. S. 58-71.

Giorgi, Pianesi 1997 — A. Giorgi, F. Pianesi. Tense and aspect: from semantics to morphosyntax. Oxford: OUP, 1997.

Haug 2008 — D. Haug. From resultatives to anteriors in Ancient Greek: on the role of paradigmaticity in semantic change // T. Eythorsson (ed.). Grammatical change and linguistic theory: The Rosendal papers. Amsterdam: Benjamins, 2008. P. 285-305.

Kölligan 2013 — D. Kölligan. Genitive subjects in Classical Armenian // Ilja A. Serzant, Leonid Kulikov (eds.). The Diachronic Typology of Non-Canonical Subjects. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2013. P. 73-89.

Lindstedt 2000 — J. Lindstedt, 2000. The Perfect — Aspectual, Temporal and Evidential // Ö. Dahl (ed.). Tense and Aspect in the Languages of Europe. Berlin: Mouton de Gruyter, 2000. P. 365-384.

Lyonnet 1933 — S. Lyonnet. Le parfait en arménien classique, principalement dans la traduction des Evangiles et chez Eznik. Paris: Champion, 1933.

Meillet 1962 — A. Meillet. Études de linguistique et de philologie arméniennes. l. Recherches sur la syntaxe comparée de l'arménien, suivies de la composition en arménien. Lisboa: Imprensa Nacional de Lisboa, 1962.

Meyer 2014 — R. Meyer. Morphosyntactic Alignment, Pattern Replication, and the Classical Armenian Periphrastic Perfect // Stephanie W. Jamison, H. Craig Melchert, and Brent Vine (eds.). Proceedings of the 26th Annual UCLA Indo-European Conference. Bremen: Hempen, 2014. P. 117–133.

Minassian 1977 — M. Minassian. La négation en arménien classique // Revue des études arméniennes, 12, Paris: Sorbonne University, 1977. P. 21–84.

Ouzounian 2002 — A. Ouzounian. Le parfait en arménien classique // Revue des études arméniennes, 28, Paris: Sorbonne University, 2002. P. 13–27.

Ouzounian 2007 — A. Ouzounian. Le parfait en arménien classique: Notes à propos de *lsem* 'entendre' // Revue des études arméniennes, 30, Paris: Sorbonne University, 2007. P. 15–30.

Smith 1997 — C. Smith. The parameter of aspect. Dordrect: Kluwer, 1997, 2nd ed.

Weinrich 1993 — H. Weinrich. Textgrammatik der deutschen Sprache. Mannheim / Leipzig / Wien / Zürich: Dudenverlag, 1993.

Т. А. Майсак

ИЯз РАН, Москва

ПЕРФЕКТ И АОРИСТ В НИДЖСКОМ ДИАЛЕКТЕ УДИНСКОГО ЯЗЫКА[1]

1. Введение

В удинском языке имеются две основные перфективные формы прошедшего времени. Форма с суффиксом *-i* наиболее частотна, это основное средство описания последовательности событий в нарративе. Форма с суффиксом *-e* как нарративное время не используется, однако имеет широкий круг употреблений от описания текущего состояния (у некоторых глаголов) до выражения экспериентивности. В данной статье будет показано, что в то время как форма на *-i* представляет собой достаточно стандартный аорист, форма на *-e* хорошо соотносится с межъязыковой категорией перфекта; тем самым, противопоставление двух основных перфективных форм прошедшего времени можно охарактеризовать как противопоставление Аориста vs. Перфекта. Имеется также производный от Перфекта Плюсквамперфект.

Удинский язык является, по-видимому, наиболее необычным представителем восточнокавказской (нахско-дагестанской) языковой семьи, включающей более 30 языков, носители которых живут в Дагестане, Чечне и Ингушетии, а также в сопредельных районах на севере Азербайджана и на востоке Грузии. Удины исторически проживали на территории Северного Азербайджана, и в настоящее время там сохраняется единственное место их компактного расселения — поселок Нидж в Габалинском районе Азербайджана, где живет около четырех тысяч удин. Еще большее их число проживает сейчас в других государствах на постсоветском пространстве, прежде всего в России. Так, по данным Всероссийской переписи населения 2002 года число указавших

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 13-04-00345а) и РФФИ (проект № 11-06-00481а).

свою национальность как удины составило 3721 чел., по переписи 2010 года — 4267 чел. (в городах проживало 2485 чел., в сельской местности 1782 чел.)[2].

Внутри восточнокавказской семьи удинский входит в лезгинскую группу, занимая в ней наиболее периферийное положение — он первым отделился от пралезгинского языка, что произошло, по современным оценкам, приблизительно 3,7 тысяч лет назад ([Коряков 2006: 21]; [Касьян 2014]). На протяжении веков он испытывал значительное влияние со стороны языков Восточного Закавказья (прежде всего иранских, армянского и азербайджанского), которое не могло не сказаться и на глагольной системе. Диахронический и ареальный аспекты, однако, далее будут затронуты лишь в минимальной степени.

Настоящая статья основана на данных современного ниджского диалекта. Материалом послужили как результаты полевых исследований, так и тексты на удинском языке — это корпус устных текстов, записанных в 2002—2006 гг. в с. Нидж Д. С. Ганенковым, Ю. А. Ландером и автором настоящей статьи, а также публикации на ниджском диалекте начиная с середины 1990-х гг. (сборники прозы и поэзии, составленные Г. А. Кечаари, а также переводы некоторых библейских книг). Второй диалект удинского языка, варташенский, был распространен в райцентре Огуз (бывш. Варташен) на севере Азербайджана, однако к настоящему времени почти все удинское население переселилось оттуда в Россию. К этому же диалекту относится и небольшой говор с. Зинобиани (бывш. Октомбери) Кварельского района Грузии, основанного переселенцами 1920-х гг. Две формы прошедшего времени, которые описываются ниже, существуют и в варташенском диалекте, однако их употребление, судя по имеющимся данным, не вполне тождественно тому, что наблюдается в ниджском диалекте.

Далее в разделе 2 будет дана общая характеристика глагольной парадигмы и образования основных перфективных форм. Раздел 3 посвящен семантике Аориста, а самый большой по объ-

[2] Официальные данные на сайте Всероссийской переписи населения 2002 года (http://www.perepis2002.ru/) и на сайте Госкомстата (http://www.gks.ru).

ему раздел 4 — семантике Перфекта. Раздел 5 суммирует наблюдения об использовании Перфекта в нарративных текстах. Употребление Плюсквамперфекта, производной от Перфекта формы с показателем «ретроспективного сдвига», кратко описано в разделе 6. В разделе 7 отдельно рассмотрен вопрос об образовании и употреблении отрицательного Перфекта (и Плюсквамперфекта), поскольку в этом отношении он имеет особенности, отличающие его от большинства других форм. Гипотезы о происхождении Аориста и Перфекта представлены в разделе 8. Наконец, в заключительном разделе содержится обсуждение некоторых нерешенных вопросов и перспектив в изучении удинского Перфекта.

За консультации по употреблению удинских глагольных форм мы искренне признательны В. В. Дабакову (Шахты) и А. Р. Кочарян (Москва), а также Ф. Я. Данакари (Нидж) и Ю. Р. Даллари (Шахты). Благодарим В. С. Мальцеву, А. Ю. Урманчиеву и И. А. Фридмана за комментарии к начальной версии статьи, способствовавшие ее улучшению; все недочеты остаются всецело на совести автора.

2. Аорист, Перфект и Плюсквамперфект в глагольной парадигме

2.1. Образование основных глагольных форм

Парадигма финитных форм индикатива в ниджском диалекте включает одно настоящее время (Презенс), две уже упоминавшиеся формы прошедшего времени (Аорист и Перфект) и периферийную форму «второго Перфекта», а также три будущих времени (Будущее основное, Будущее потенциальное и Будущее долженствования); см. Таблицу 1. Все эти формы образуются при помощи суффиксов от глагольной основы. Для многих глаголов — например, *bak-* ‘быть, стать’, *akː-* ‘видеть’ или *karχ-* ‘жить’ — эта основа во всех формах едина. У других лексем выделяется более одной основы — в частности, основа совершенного вида, основа несовершенного вида и основа инфинитива, — от каждой из которых образуется своя группа форм (подробнее см. [Майсак 2008а]).

Так, Аорист, Перфект и Перфект II образуются от основы совершенного вида: ср. у глаголов ‘уходить’ и ‘говорить’ суппле-

тивные основы *tac-* и *p-* соответственно. Презенс образуется от той же основы, что и инфинитив (глагол ‘говорить’ является исключением: у него форма Презенса имеет уникальную основу *neχ-* и не включает суффикс *-sa*). Будущие времена образуются от основы несовершенного вида[3]: ср. у глаголов ‘уходить’ и ‘говорить’ в этих формах супплетивные основы *taʁ-* и *ukː-*.

Таблица 1. Основные финитные формы глагола.

Формы	‘быть, стать’	‘уходить’	‘говорить’
Перфект	*bak-e*	*tac-e*	*p-e*
Аорист	*bak-i*	*tac-i*	*p-i*
Перфект II	*bak-ijo*	*tac-ijo*	*p-ijo*
Презенс	*bak-sa*	*taj-sa*	*neχ*
Будущее потенциальное	*bak-o(n)*	*taʁ-o(n)*	*ukː-o(n)*
Будущее основное	*bak-al*	*taʁ-al*	*ukː-al*
Будущее долженствования	*bak-ala*	*taʁ-ala*	*ukː-ala*

Большинство указанных в Таблице 1 форм совпадают с теми или иными нефинитными формами глагола, хотя диахронические отношения между финитной и нефинитной формой не всегда очевидны. Так, Презенс на *-sa* тождествен дательному падежу инфинитива; Будущее основное совпадает с регулярно образуемым именем деятеля, а Будущее долженствования — с причастием несовершенного вида. Перфективная форма на *-i*, выступающая в качестве вершины финитной клаузы как Аорист (AOR), также возглавляет подчиненные нефинитные предикации — прежде всего обстоятельственные (где ее функция аналогична деепричастию совершенного вида,

[3] Тот факт, что будущие времена образуются от основы несовершенного вида, связан со специфическим «дрейфом» ряда имперфективных форм в футуральную область и эволюцией бывшего презенса в неиндикативную форму (Конъюнктив); новый же Презенс возник на основе локативной конструкции типа ‘находиться в ситуации’. Подробнее о системе ниджских форм настоящего и будущего времени и их предполагаемой эволюции см. [Майсак 2008б].

ср. далее сокращение AOC < aorist converb) и относительные (где ее функция аналогична причастию совершенного вида, ср. сокращение AOP < aorist participle); см. подробнее обсуждение свойств данной формы в работах [Ландер 2008; 2011]. В примере (1) употреблены три формы на *-i*, причем одна из них *eχlätbi* возглавляет обстоятельственную клаузу («рассказав свекрови, у кого работала»), другая *äšpːi* — клаузу, характеризующую имя *očIal* ‘земля’ («я сегодня работавшая», т.е. ‘на которой я работала’), а третья *pi* ‘сказала’ является вершиной всего предложения и сопровождается личной клитикой.

(1) *rutː-en* *ši* *tːoˀʁoˀl* *äš-b-sun-a*
Руфь-ERG [чей возле работать-LV-MSD-DAT
qːajnako ***eχlät-b-i,*** ***p-i=ne,***
свекровь(DAT) разговаривать-LV-AOC] говорить-AOR=3SG
«ʁe *zu* ***äš-pː-i*** *očIal-i* *qːonʒIuʁ-oj*
[сегодня я работать-LV-AOP] земля-GEN хозяин-GEN
cːi *boaz=e».*
имя Боаз=3SG
‘Руфь рассказала свекрови, у кого на поле она была: «Человека, на поле которого я сегодня была, зовут Боаз»’[4].
(Руфь 2:19)

Перфект II на *-ijo* формально соответствует субстантивированной форме перфективного причастия на *-i*: здесь *-o* — показатель субстантивации в абсолютиве ед.ч., а эпентеза /j/ регулярно происходит при зиянии после передней гласной. Собственно Перфект является исключением — нефинитной формы на *-e*, которая могла бы пролить свет на происхождение Перфекта, в современном удинском языке нет (см., однако некоторые соображения о его возможном происхождении в Заключении).

Как видно по примеру (1), финитные клаузы отличаются от нефинитных тем, что обязательно содержат показатель субъектного лично-числового согласования. Эти показатели (согласно традиционному подходу, они имеют статус клитик) могут линейно располагаться как на глаголе, так и на другой составляю-

[4] Здесь и далее современный русский перевод библейского текста приводится по изданию [Библия 2011].

щей — а именно, той, которая находится в фокусе высказывания [Harris 1996; 2000]. Личный показатель маркирует правую границу фокусной составляющей, которая всегда находится в предглагольной позиции и чаще всего, хотя не всегда, непосредственно перед глаголом.

На глагольной словоформе у клитики, как правило, есть две возможных позиции: энклитическая, т.е. после видо-временного суффикса (ср. Перфект *tac-e=ne* ‘ушел’ с показателем 3-го л. ед.ч.) либо эндоклитическая, т.е. внутри основы, перед последней ее согласной (ср. Аорист *ta=ne=c-i* ‘ушел’ с тем же показателем *=ne*). В последнем случае исторически простая основа разделяется на два компонента: условно, «лексический», идентифицирующий лексическое значение глагола, и «функциональный», который является локусом видо-временного маркирования (ср. соответственно *ta=* и *=c-* в случае формы ‘ушел’). У сложных глаголов, которые исходно состоят из двух частей, «неспрягаемой» и собственно глагольной, эндоклитика располагается между ними[5]. Таким образом, в зависимости от линейной позиции, личный показатель может фокусировать либо всю глагольную форму в целом, либо только ее «лексический» компонент.

Замечательный факт состоит в том, что глагольные формы различаются в отношении того, какую из позиций лично-числового показателя они предпочитают по умолчанию; эти варианты на примере показателя 3-го л. ед.ч. показаны в Таблице 2. Почти во всех приводимых далее примерах лично-числовой показатель на форме Перфекта занимает энклитическую позицию; обратная ситуация рассмотрена в разделе 7.1, а краткое обсуждение того, чем может быть вызвано предпочтение данной позиции, см. в разделе 8.2.

---

[5] Заметим, что подавляющее большинство служебных глаголов имеет основу из одной согласной, что делает еще менее строгим противопоставление между простыми и сложными глаголами на синхронном уровне (ср. Аорист *kːal=e=p-i* ‘прочитал; позвал’ от сложного глагола *kːal-p-* ‘читать; звать’, состоящего из неспрягаемой части *kːal-* и служебного глагола *p-* ‘говорить’, и Аорист *kar=e=χ-i* ‘жил’ от простого глагола *karχ-* ‘жить’ с аналогичной слоговой структурой).

Таблица 2. Основные финитные формы глагола (с показателем 3SG).

Формы	‘быть, стать’	‘уходить’	‘говорить’
Перфект	*bak-e=ne*	*tac-e=ne*	*p-e=ne*
Аорист	*ba=ne=k-i*	*ta=ne=c-i*	*p-i=ne*
Перфект II	*ba=ne=k-ijo*	*ta=ne=c-ijo*	*p-ijo=ne*
Презенс	*ba=ne=k-sa*	*ta=ne=sa*	*neχ=e*
Будущее потенциальное	*ba=ne=k-o(n)*	*ta=ne=ʁ-o(n)*	*u=ne=kː-o(n)*
Будущее основное	*bak-al=e*	*taʁ-al=e*	*ukː-al=e*
Будущее долженствования	*bak-ala=ne*	*taʁ-ala=ne*	*ukː-ala=ne*

2.2. «Ретроспективные» формы

Все указанные в таблицах индикативные формы, кроме Аориста, способны присоединять на правой периферии словоформы (т.е. при наличии лично-числового показателя — после него) клитику прошедшего времени *=j*; см. формы в Таблице 3. Ее функцию более точно можно определить как сдвиг временной референции в план прошлого либо «сверхпрошлого» по отношению с исходной, т.е. «ретроспективный сдвиг» в терминах [Плунгян 2001]. Например, удинский Имперфект является ретроспективной производной Презенса, Плюсквамперфект — результатом ретроспективизации Перфекта, будущие времена с показателем *=j*, как правило, выражают контрфактическое значение (‘сделал бы’) и т.п.

Аорист, по крайней мере в современном языке, не имеет производной формы с клитикой *=j*. Такие формы не встречаются в текстах, а формы, искусственно построенные как ретроспективные производные Аориста (типа **ba=ne=k-i=j*, **ta=ne=c-i=j* и пр.), не признаются. Другой возможный вариант «ретроспективного Аориста», с обеими клитиками справа, выглядел бы как *bak-i=ne=j*, *tac-i=ne=j* и пр., однако такие формы в лучшем случае воспринимаются как фонетически неточные варианты Контрфактива *bak-iji=n=ij* ‘если бы был’, *tac-iji=n=ij* ‘если бы пошел’ и пр. Контрфактив — одна из неиндикативных удинских форм, образуемая от основы совершенного вида при помощи суффикса *-iji* (часто сокращаемого в речи до *-ij*) и включающая в свой состав частицу

прошедшего времени *=j* (вариант *=ij* используется после согласного, в данном случае редуцированного показателя 3 л. ед.ч. *=n*). Ср. типичное использование Контрфактива в протасисе нереальной условной конструкции; в аподосисе употреблено Будущее потенциальное в прошлом[6]:

(2) *bez* *tängä* ***bak-ij=n=ij,*** *zu*
мой деньги быть-CTRF=3SG=PST я
šähär-e=z *haqː-o=j* *kːož.*
город-LOC=1SG брать-POT=PST дом
'Если бы у меня были деньги, я бы купил дом в городе.'

Таким образом, основной Плюсквамперфект в ниджском диалекте только один, от Аориста аналог плюсквамперфекта не образуется (а «второй Плюсквамперфект» на *-ijo=j* — форма еще более редкая, чем сам «второй Перфект»).

Таблица 3. Основные ретроспективные формы глагола (с показателем 3SG).

Формы	'быть, стать'	'уходить'	'говорить'
Плюсквамперфект	*bak-e=ne=j*	*tac-e=ne=j*	*p-e=ne=j*
Плюсквамперфект II	*ba=ne=k-ijo=j*	*ta=ne=c-ijo=j*	*p-ijo=ne=j*
Имперфект	*ba=ne=k-sa=j*	*ta=ne=sa=j*	*neχ=e=j*
Будущее потенциальное в прошедшем	*ba=ne=k-o=j* / *ba=ne=k-on=ij*	*ta=ne=ʁ-o=j* / *ta=ne=ʁ-on=ij*	*u=ne=kː-o=j* / *u=ne=kː-on=ij*
Будущее основное в прошедшем	*bak-al=e=j*	*taʁ-al=e=j*	*ukː-al=e=j*
Будущее долженствования в прошедшем	*bak-ala=ne=j*	*taʁ-ala=ne=j*	*ukː-ala=ne=j*

2.3. Аорист, Перфект и два Юссива

Формально Аорист и Перфект сходны в том, что именно от них образуются две формы Юссива, выражающие повеление по отношению к 3-му лицу, а также используемые в целевых клау-

[6] Примеры, не сопровождаемые указанием на источник, получены в ходе полевой работы и переведены носителями языка.

зах. Показателем юссивов является клитика *=q:a*, за которой всегда следует лично-числовой показатель, ср. *bak-e=q:a=n* ‘пусть будет’, *bak-e=q:a=t:un* ‘пусть будут’. При том, что функции Юссива, образуемого от Аориста, и Юссива, образуемого от Перфекта, идентичны, между ними есть различие, аналогичное, тому, что наблюдается у самих Аориста и Перфекта в «дефолтном» расположении клитик. А именно, только в клаузе с формой Перфекта юссивный показатель по умолчанию примыкает энклитически к глагольной словоформе (3), тогда как в клаузе с Аористом он располагается на предшествующей глаголу фокусной составляющей (4)[7]:

(3) *šo-t:-ajnak:* *sa* *ʁusmi* – *šIum* *eč-a=nan,*
DIST-NO-BEN один сыр хлеб приносить-IMP=2PL
nac:il-b-e=q:a=n.
закусывать-LV-PERF=JUSS=3SG
‘Принесите ему сыр и хлеб, пусть перекусит.’
[Keçaari 2001]

(4) *šo-t:-in* *čäj=q:a=n* ***uˁʁ-iˁ***.
DIST-NO-ERG чай=JUSS=3SG пить-AOR
‘Пусть он попьет чаю.’ [Keçaari 2001]

2.4. Аорист и Перфект в литературе

Переходя к обсуждению значения форм прошедшего времени, отметим, что в целом семантика глагольных категорий удинского языка пока еще крайне редко становилась объектом пристального внимания. Сама идентификация двух основных форм как Аориста и Перфекта не является общепринятой: хотя именно так (Aorist и Perfectum) формы на *-i* и на *-e* были названы еще в первой удинской грамматике А. Шифнера [Schiefner 1863: 26], у А. Дирра они фигурируют как «прошедшее совершенное I» и «прошедшее совершенное II» [Дирр 1904: 55, 57, 64–66], а в грузинских работах [Джейранишвили 1971] и [Пан-

[7] Комплекс «*=q:a* + лично-числовой показатель» сам по себе также может располагаться внутри глагола (как эндоклитика), однако принципиальным в различии, продемонстрированным в примерах (3) и (4), является то, что именно Перфект «притягивает» юссивный показатель в позиции энклитики, тогда как Аорист выбирает иное расположение.

чвидзе 1974] — как «аорист I» и «аорист II» (это обозначение заимствовано также в очерках [Панчвидзе, Джейранишвили 1967; Гукасян 1974] и в [Harris 2002: ch. 2]). Из современных исследователей характеристике данных форм как Аориста и Перфекта следует В. Шульце, см. в частности [Schulze-Fürhoff 1994; Schulze 2001].

Единственная известная нам работа, в которой делается попытка проанализировать аспектуальное противопоставление между двумя формами — статья [Гигинейшвили 1959], основанная на сравнении удинского (варташенского) перевода Четверовангелия конца XIX в. и русского синодального перевода. Ее автор, впрочем, приходит к парадоксальному выводу о том, что форма на *-i* выражает «длительный» вид, тогда как форма на *-e* — «моментный», причем удинский глагольный суффикс *-i* как показатель длительности сопоставляется с частицей прошедшего времени *=j* в составе Имперфекта и с суффиксом *-i* в картвельских языках (см. также обсуждение в [Schulze 1982: 166—168]). В действительности, конечно, как Аорист, так и Перфект относятся к перфективному аспекту, а корреляция между нарративными употреблениями удинского Аориста типа *isusen pine* ‘Иисус сказал’ и русскими формами несовершенного вида в контекстах «настоящего исторического» типа *(Тогда) Иисус говорит...* никак не может являться основанием для отождествления аспектуального значения.

Использованию удинского Перфекта в библейских текстах посвящены также недавние работы [Майсак 2013; 2014], где проанализировано соотношение удинской формы на *-e* и английской формы *Present Perfect*, которая нередко рассматривается как «образцовый» представитель межъязыковой категории перфекта. Материалом для сравнения послужили современные удинские переводы Книги Руфь, Книги пророка Ионы и Евангелия от Луки на ниджский диалект и один из современных английских переводов Библии (*New International Version*). Как было показано, перфекты двух сравниваемых языков соответствуют друг другу примерно в половине случаев, а несоответствия могут объясняться как формальными причинами, связанными с синтаксическими особенностями языка (например, преобладанием нефинитных

стратегий оформления зависимых клауз в удинском), так и различием в семантике перфектных форм.

3. Употребление Аориста

3.1. Аорист как перфективная форма

Аорист может иметь только перфективную, но не имперфективную (прогрессивную/дуративную) интерпретацию в прошедшем времени. В этом отношении он аспектуально противопоставлен Имперфекту, который выступает как основная имперфективная форма прошедшего времени.

Примеры (5) и (6) иллюстрируют употребление Аориста с обстоятельствами ограниченного интервала в классических перфективных контекстах: комплетивном (‘сделал за пять минут / за три часа’) и лимитативном (‘поделал пять минут / три часа’). Обстоятельства первого типа в удинском выражаются именной группой в эргативном падеже, второго типа — в абсолютиве.

(5а) *zu qo däjв-in-en k:azet-a* ***k:al=ez=p-i.***
я [пять минута-O-ERG] газета-DAT читать=1SG=LV-AOR
‘Я прочитал газету за пять минут.’

(5б) *gena-n χib saad-en čöl-ä* ***ez=e=b-i.***
Гена-ERG [три час-ERG] поле-DAT пахать=3SG=LV-AOR
‘Гена вспахал поле за три часа.’

(6а) *sa qo däjвa* ***k:al=ez=p-i*** *k:azet-a.*
один [пять минута] читать=1SG=LV-AOR газета-DAT
‘Я почитал газету минут пять[8] {а потом меня позвали на улицу}.’

(6б) *gena-n χib saad* ***ez=e=b-i*** *čöl-ä.*
Гена-ERG [три час] пахать=3SG=LV-AOR поле-DAT
‘Гена пахал поле три часа {а потом пошел обедать}.’

Следующие примеры показывают, что Аорист не может выражать протекание процесса в момент наблюдения; в такой функции должен быть использован Имперфект (7а, 8а). Аорист в

[8] Приблизительность числовой оценки («минут пять») выражается при помощи частицы *sa*, исходно — числительное ‘один’.

аналогичном контексте указывает на осуществление ситуации после точки отсчета, но не одновременно с ней (7б, 8б).

(7) *zu* *kːoj-a* *qaj-bak-atːan*[9],
я дом-DAT возвращаться-LV-TEMP

а. *...naa-n* *za-jnakː* *χupː=e* ***boχ-sa=j***.
мать-ERG я-BEN плов=3SG варить-PRS=PST
‘Когда я вернулся домой, мама варила мне плов.’

б. *...naa-n* *za-jnakː* *χupː=e* ***boχ-i***.
мать-ERG я-BEN плов=3SG варить-AOR
‘Когда (после того как) я вернулся домой, мама сварила мне плов.’

(8) *zu* *dükän-χo-j* *beˁšI* *eʁ-atːan,*
я магазин-PL-GEN перед приходить-TEMP

а. *...gena-n* *čäj=e* ***uˁʁ-sa=j***.
Гена-ERG чай=3SG пить-PRS=PST
‘Когда я пришел в центр[10], Гена пил чай.’

б. *...gena-n* *čäj=e* ***uˁʁ-i***.
Гена-ERG чай=3SG пить-AOR
‘Когда (после того как) я пришел в центр, Гена выпил чай.’

3.2. Аорист в нарративе

Аорист является самым частотным средством оформления основной линии повествования в нарративных текстах о прошлом: как в рассказах о событиях, лично пережитых говорящим (9), так и в текстах сказок, легенд, анекдотов (10), а также в переводе библейских книг (11)[11]. В приводимых далее примерах фо-

---

[9] Обстоятельственная форма на *-atːan* имеет достаточно общее значение: она описывает ситуацию, задающую временные рамки для основной ситуации, выраженной финитным глаголом (‘когда произошло/происходило P’).

[10] Центр села в ниджском диалекте обозначается как *dükänχo*, букв. «магазины, лавки», поскольку именно там в Нидже располагаются сельские магазины и кафе.

[11] Два других нарративных времени — Презенс и Будущее потенциальное — распространены в меньшей степени, хотя «исторический» Презенс достаточно характерен для разговорной речи [Майсак 2008б: 166–167].

новые клаузы для краткости опущены (их переводы даны в фигурных скобках); правый и левый контекст, важный для понимания фрагмента, также дается в фигурных скобках.

(9) *sa* *käräm,* *sa* *käräm* ***ta=s=c-i***
один раз один раз уходить=1SG=ST-AOR
maskːv-in-a ⟨...⟩ *tac-i* ***cir-i=z***
Москва-O-DAT уходить-AOC спускаться-AOR=1SG
vnukːovo *ajrapːortː-a.* *tːejin* *arc-i*
Внуково аэропорт-DAT DLOC:ABL сидеть-AOC
p-i=zu, *za* *šähär-e* *taš-a.*
говорить-AOR=1SG я:DAT город-LOC уносить-IMP
ta=ne=šer-i *šähär-e.* *šähär-e*
уносить=3SG=ST-AOR город-LOC город-LOC
cir-i=z.
спускаться-AOR=1SG
‘Как-то раз, как-то раз я поехал в Москву. {Это было в первый раз, я ни одного места там не знал.} Прилетел и вышел в аэропорту Внуково. Сел (в такси) и сказал: «Вези меня в город!» Он отвез в город. В городе я вышел.’

(Текст 2004 года)

(10) *sun-tː-aj* *beli-n* *kːož-in* *beˀšI*
один-NO-GEN скот-GEN дом-GEN впереди
χaˀ-juʁ-on *üše* ***burːtːunːq-i***
собака-PL-ERG ночью начинать=3PL=ST-AOR
baˀp-s-a. *šo-tː-in* *tüfäng-ä* *eˀχ-tː-i*
лаять(+LV)-INF-DAT DIST-NO-ERG ружье-DAT брать-LV-AOC
cir=e *mähäl-n-e.* *alloj* *säs-en*
спускаться+AOR=3SG улица-O-LOC высокий звук-ERG
p-i=ne ⟨...⟩ *oša=al* *hav-in-a* *sa*
говорить-AOR=3SG потом=ADD воздух-O-DAT один
pːatːron=e ***tär-b-i.***
патрон=3SG отпускать-LV-AOR
‘У одного человека перед хлевом ночью начали лаять собаки. Он схватил ружье и вышел на улицу. Громко сказал: {«Кто есть на чердаке, пусть спустится вниз! А не то буду стрелять!»} И он один раз выстрелил в воздух.’

[Keçaari 2001]

(11) {Там было большое стадо свиней, оно паслось на горе. Бесы просили Иисуса, чтобы Он позволил им войти в свиней. Он позволил.}
ʒin-urχo amdar-aχun č:er-i boˀq:-uˀrχo-j
бес-PL человек-ABL выходить-AOC свинья-PL-GEN
boš=t:un ***bac-i.*** *sürü=äl al-aχun oq:-a*
внутри=3PL входить-AOR стадо=ADD верх-ABL низ-DAT
göl-ä baft:-i ***q:aˀq:aˀ=ne=c-i.*** *boˀq:*
озеро-DAT падать-AOC тонуть=3SG=LV-AOR свинья
otariš-al-χo-n mo-t:-oʁ-o ak:-i, me
пасти(+LV)-AG-PL-ERG PROX-NO-PL-DAT видеть-AOC PROX
χavar-a šähär-moʁ-o=q:a ajiz-moʁ-o
весть-DAT город-PL-DAT=COORD село-PL-DAT
jäjmiš=t:un=b-i. *ʒamaat k:ä*
распространять=3PL=LV-AOR народ что:NA
bak-sun-a tamaša-b-s-a=ne ***č:er-i.***
быть-MSD-DAT смотреть-LV-INF-DAT=3SG выходить-AOR
‘Бесы, выйдя из человека, вошли в свиней, но стадо ринулось с кручи в озеро и утонуло. Пастухи, увидев, что произошло, побежали и сообщили об этом в городе и окрестностях. Люди пошли посмотреть, что произошло... {пришли к Иисусу и обнаружили, что человек, из которого вышли бесы, сидит одетый и в здравом уме у ног Иисуса}.’
(Лука 8:33—35)

3.3. Аорист со значением будущего времени

Более необычное употребление Аориста отмечается в контекстах, когда ситуация, находящаяся на грани осуществления, представляется как уже осуществленная, ср.:

(12) {Услышав, что на чердак в хлеву кто-то забрался, хозяин взял ружье и крикнул:}
uˀʁ-n-ä k:oj-a šu bu=ne,
чердак-O-DAT дом-DAT кто BE=3SG
cir-e=q:a=n oq:-a! te=ne,
спускаться-PERF=JUSS=3SG низ-DAT NEG=3SG
doˀp=uz=d-i!”
стрелять=1SG=LV-AOR
‘Кто есть на чердаке, пусть выходит! А не то буду стрелять (букв. я выстрелил)!’ [Keçaari 2001]

(13) {Один человек часто обзывал своих товарищей названиями животных. Однажды, увидев у забора двух ослов, он сказал жене:}
bezi *dostː-ur* *har-e=tːun,* *zu*
мой друг-PL приходить-PERF=3PL я
ta=z=c-i.
уходить=1SG=ST-AOR
‘Мои друзья пришли, я пойду (букв. я пошел).’
[Keçaari 2001]

Впрочем, оно не является типологически уникальным для перфективных форм: аналогичное употребление Аориста отмечалось в агульском языке лезгинской группы [Мерданова 2004: 87; Майсак 2012: 267—268], ср. использование аористов в двух языках в сходных контекстах:

АГУЛЬСКИЙ
(14) *laha* *nekː* ***lajš.u-ne!***
DEML:PRED молоко {SUPER-ELAT}уходить.PF-AOR
‘Смотри, сейчас молоко убежит (букв. вон убежало)!’
[Мерданова 2004: 87]

УДИНСКИЙ
(15) *aχar,* *beˀʁ-a,* *mučIanaqː* ***pos=e=p-i!***
VOC.F смотреть-IMP молоко разливаться=3SG=LV-AOR
‘Эй, смотри, сейчас молоко убежит (букв. убежало)!’

3.4. Усечение показателя Аориста

Лично-числовая парадигма Аориста имеет одну особенность, которая может указывать на его бóльший возраст по сравнению с другими перфективными формами (либо, впрочем, может отражать лишь его бóльшую частотность в речи). А именно, у группы глаголов, имеющих односложную основу совершенного вида на *-r* (к ним относятся некоторые частотные глаголы движения типа *har-* ‘приходить’, *lar-* ‘подниматься’ и др., а также *pːur-* ‘умирать’) и примыкающего к этой группе глагола *käj-* ‘есть’ в 3-м лице происходит усечение показателя Аориста *-i*, ср.

har=e вместо ожидаемого **har-i=ne*[12]. В Перфекте показатель *-e* сохраняется у этой группы глаголов во всех формах, см. Таблицу 4.

Отметим, что, несмотря на структуру CVC, основы совершенного вида на *-r* / *-j* не допускают эндоклитизацию (**ha=ne=r-i*), поэтому в Аористе лично-числовой показатель примыкает к ним энклитически[13]. Связано это, по всей видимости, с тем, что конечный *-r* / *-j* таких основ является не корневым согласным, а дополнительным «аугментом» перфективной основы. У других глаголов, не допускающих эндоклитизацию в связи с тем, что их основа состоит из одной согласной (*p-* ‘говорить’, *b-* ‘делать’), усечения показателя *-i* в форме Аориста не наблюдается.

Таблица 4. Аорист и Перфект нерегулярных глаголов

	‘приходить’, Перфект	‘приходить’, Аорист	‘говорить’, Аорист	‘говорить’, Перфект
1л. ед.ч.	*har-e=zu*	*har-i=zu*	*p-i=zu*	*p-e=zu*
2л. ед.ч.	*har-e=nu*	*har-i=nu*	*p-i=nu*	*p-e=nu*
3л. ед.ч.	*har-e=ne*	*har=e*	*p-i=ne*	*p-e=ne*
1л. мн.ч.	*har-e=jan*	*har-i=jan*	*p-i=jan*	*p-e=jan*
2л. мн.ч.	*har-e=nan*	*har-i=nan*	*p-i=nan*	*p-e=nan*
3л. мн.ч.	*har-e=t:un*	*har=t:un*	*p-i=t:un*	*p-e=t:un*

4. Употребление Перфекта

4.1. Удинский Перфект и межъязыковая категория перфекта

Форма на *-e* в ниджском диалекте хорошо соотносится с межъязыковой категорией перфекта, центральным для которой является значение текущей релевантности имевшей место ситуации. Ср. следующие примеры, адаптированные из типологической «Анкеты по перфекту» (*The Perfect Questionnaire*, фразы №№ 2, 3, 5), опубликованной в [Dahl (ed.) 2000: 800–809]:

---

[12] В описании, представленном в [Майсак 2008а: 113–114], формы типа *har=e* ошибочно интерпретировались как «сокращенные» варианты Перфекта, а не Аориста.

[13] Аналогично, у глаголов движения на *-r*, основа которых двусложна, эндоклитизация происходит не перед *-r*, а перед предшествующим согласным, ср. Аорист *ta=ne=šer-i* ‘унес’ (**taše=ne=r-i*) при перфективной основе *tašer-*.

(16) {— Ты не знаешь, как там наш учитель, он жив?}
tä, šo ***p:ur-e=ne***.
нет DIST:NA умирать-PERF=3SG
‘— Нет, он умер’.

(17) {— Можно я пойду гулять?}
hun *därs-urχo* ***b-e=nu****?*
ты урок-PL делать-PERF=2SG
‘— А ты сделал уроки?’

(18) {— Твой брат что, вообще не читает книги?}
he-t:-u *görä* *ki,* *k:al=e=ne,* *me*
что-NO-DAT ради PTCL читать=3SG=LV:PRS PROX
girk-ä ***k:al-p-e=ne*** *šo-t:-in.*
книга-DAT читать-LV-PERF=3SG DIST-NO-ERG
‘— Ну почему же, читает, вот эту книгу он прочитал!’

Аналогично, в текстах подавляющее большинство употреблений Перфекта приходится именно на введение ситуации, результат которой значим в момент речи, ср.:

(19) {У нас в семье шесть человек: мама, папа, бабушка, дедушка, брат, я.}
vič-en *išk:ol* ***čärk:-e=ne***.
брат-ERG школа заканчивать-PERF=3SG
‘Брат школу закончил.’

(Текст 2004 года)

(20) {В автобусе поэт подслушал разговор читателей газеты, где было опубликовано его стихотворение про жену.}
šo-t:-in=al *p-i=ne=ki,*
DIST-NO-ERG=ADD говорить-AOR=3SG=COMP
k:ä-vak-e*?* *p-i=ne,* *p:oj* *te=n*
что:NA+3SG:Q-быть-PERF говорить-AOR=3SG PTCL NEG=2SG
ak:-sa, *memija* *k:azet-a* ***cam-p-e=ne=****ki*
видеть-PRS RDP:PLOC газета-DAT писать-LV-PERF=3SG=COMP
iz *čuχ* *me-tär=e,* *pis=e* ⟨…⟩
свой жена PROX-ADV=3SG плохой=3SG
‘Тот сказал: «Что случилось?» — а он (первый) сказал: «Разве не видишь, он тут в газете написал, что его жена такая-сякая, плохая... {на базар не ходит, обед не варит}».’

(Текст 2004 года)

(21) {После нападения коршуна птицы повсюду ищут петуха.}
tac-i *beˀ=tːun=ʁ-sa,* ***bac-e=ne***
уходить-AOC смотреть=3PL=ST-PRS входить-PERF=3SG
sa *o-j-e* *oqː-a,* ***čːapː-pːe-e=ne.***
один сено-O-GEN низ-DAT прятаться-LV-PERF=3SG
neχ=tːun, *ä,* *ek-i,* *čovak-i*
говорить:PRS=3PL VOC:M приходить-IMP проходить-AOC
tac-e=ne *qːiźɨlqːuš.*
уходить-PERF=3SG коршун
‘Смотрят, а он забрался под сено, спрятался. Они говорят: «Эй, иди сюда, коршун уже улетел».’ (Текст 2004 года)

В последнем примере две первые формы Перфекта (*bace=ne* ‘влез’, *čːapːpːee=ne* ‘спрятался’) употреблены в нарративе «от третьего лица», причем не в прямой речи персонажа, а в словах рассказчика. Тем самым, в строгом смысле Перфект обозначает здесь релевантность ситуации не для момента речи, а для определенной точки в нарративной последовательности: такое употребление мотивировано тем, что сама нарративная последовательность выдержана в Презенсе («настоящем историческом»); см. также раздел 6 ниже.

4.2. Перфект и описание фактов

Сочетаемость Перфекта с обстоятельствами достаточно широка. Так, каких-либо запретов на указание конкретного времени осуществления ситуации не выявлено. Ср. следующие примеры, первый из которых является вариантом ответа на вопрос из примера (16) выше:

(22) *šo* *pːaˀ* *usen* *beˀšI* ***pːur-e=ne.***
DIST:NA [два год впереди] умирать-PERF=3SG
‘Он умер два года назад.’

(23) *usub* *ämi,* *neχ=tːun* *čːovak-i* *šü*
Усуб дядя говорить:PRS=3PL [проходить-AOP ночь]
vi *qːonši* *bäjlär-ä=qːa* *χojid* *beˀʁ-ala*
твой сосед Байлар-DAT=COORD поле смотреть-PT:IPF
aslan-a *enkːevede-n-en* ***tašer-e=ne.***
Аслан-DAT НКВД-O-ERG уносить-PERF=3SG

‘Дядя Усуб, говорят, что прошлой ночью НКВД увел твоего соседа Байлара и Аслана, который следит за рисовым полем.’ [Keçaari 2001]

(24) *nizami 1141-ʒi usen-a gänʒä šähär-e ⟨...⟩ käsib*
Низами [1141-ORD год-DAT] Гянджа город-LOC бедный
sa amdar-e koj-a=ne ***nana-χun bak-e***.
один человек-GEN дом-DAT=3SG мать-ABL быть-PERF
‘Низами родился в городе Гянджа в семье бедняка в 1141 году.’ [Aydınov, Keçaari 1996b]

В последнем примере использовано сочетание *nanaχun bake*, букв. «стал от матери», которое по-удински является конвенциональным средством выражения смысла ‘родился’. Что касается формы Перфекта, то она стандартно используется при описании факта рождения, в т.ч. при указании года, независимо от того, идет речь о ныне живущем или давно умершем человеке.

В целом, для употребления Перфекта необязательно, чтобы непосредственный результат действия сохранялся в момент речи; речь идет именно об имевшем место *факте* в прошлом[14]. Так, ниже Перфект используется и в вопросе (25), заданном по поводу ситуации, результат которой (открытое окно) в момент речи налицо, и в вопросе (26) относительно ситуации, результат которой аннулирован (ср. «Анкету по перфекту», фразы №№ 37, 40). О контекстах с аннулированным результатом речь пойдет также

[14] Ср. известное противопоставление между *фактами* и *событиями*, суть которого, согласно метафорической характеристике Н. Д. Арутюновой, состоит в том, что события принадлежат «потоку происходящего в реальном пространстве и времени» и составляют «среду погружения человека в мир», тогда как факты соотносятся с «миром знания» и являются «результатом погружения мира в сознание человека» [Арутюнова 1988: 103, 168]. Значение факта, начиная с влиятельной работы [Kiparsky, Kiparsky 1971], изучалось прежде всего применительно к различным типам предикатов с сентенциальными актантами: *фактивными* предикатами называются такие, пропозициональное дополнение которых обладает пресуппозицией истинности; ср. примеры Е. В. Падучевой *Я помню, что мы купались в мае в Москве-реке* (факт) vs. *Я помню, как мы купались в мае в Москве-реке* (событие). Применительно к категории перфекта значение факта обсуждается в статье [Козлов 2016].

ниже при обсуждении Плюсквамперфекта; в отличие примеров с Плюсквамперфектом, Перфект в высказываниях типа (27) не выражает именно «прекращенное» прошедшее, а служит для нейтрального введения в рассмотрение ситуации как важной, пусть и больше не имеющей места.

(25) {Окно открыто.}
ajn-in-a *hun=nu* ***qaj-p-e****?*
окно-O-DAT ты=2SG открывать-LV-PERF
‘Это ты открыл окно?’

(26) {Окно закрыто, но в комнате холодно.}
ajn-in-a ***qaj-p-e=nu****?*
окно-O-DAT открывать-LV-PERF=2SG
‘Ты открывал окно?’

(27) *šähär-ä* *köš-kː-al-tː-oχun* *beˀšI* *jan*
город-DAT переселяться-LV-PT:IPF-NO-ABL впереди мы
aiz-e=jan ***jäšäjnš-e****.*
село-LOC=1PL жить(+LV)-PERF
‘До переселения в город мы жили в селе.’

Ориентированность Перфекта на описание фактов проявляется и в том, что он регулярно используется при рассказе о том, что имело место раньше (в т.ч. очень давно), даже если подразумевается, что для настоящего времени соответствущее положение дел неверно. Так, в (28) говорится о практике употребления спиртных напитков в старые времена, а в повествовании об истории удинского языка и письменности (29) перечисляются факты как древней, так и современной истории без подчеркивания того, что какие-то из них уже утратили свою актуальность.

(28) {Раньше у нас была больше распространена виноградная водка.}
tːe *vaχtː-in* *išqːar-χo-n,* *micːikː* *äjäqː-en,*
DIST время-GEN мужчина-PL-ERG маленький стакан-ERG
čːečː-in *äräqːi=tːun* ***uˀʁ-e****.*
выжимка-GEN водка=3PL пить-PERF
‘Мужчины того времени пили маленькими стаканами виноградную водку.’ (Текст 2006 года)

(29) *t:e vaχt: beši udi-n muz-in cam-uruχ=al*
DIST время наш удин-GEN язык-INS письмо-PL=ADD
bak-e=ne *⟨...⟩ oša šo-roχ* ***ačI-e=ne,***
быть-PERF=3SG потом DIST-PL теряться-PERF=3SG
bat-k:-e=ne *⟨...⟩ šo-t:-oχun oša, beši*
пропадать-LV-PERF=3SG DIST-NO-ABL потом наш
cam-uruχ ***baj-i te=ne,*** *armi-n*
письмо-PL быть-AOP NEG=3SG армянин-GEN
muz-in=jan ***cam-p-e.*** *isä, me aχɨrɨmʒi*
язык-INS=1PL писать-LV-PERF сейчас PROX последний
bačIusen-ast:a urus-in muz=jan ***č:ovak-e.***
столетие-AD русский-GEN язык=1PL переходить-PERF
‘В древности у нас была и письменность на удинском языке... Потом она пропала, изчезла… после этого у нас письменности не было, мы писали на армянском. Теперь, в последнее столетие мы перешли на русский язык’
(Текст 2006 года)

Как видно по этим примерам, в подобных рассказах о прошлом речь нередко идет о повторяющихся, обычных ситуациях, в связи с чем формы Перфекта нередко сочетаются с хабитуальными наречиями типа ‘постоянно’ или ‘всегда’, ср. также:

(30) {Из рассказа о членах семьи. Бабушка всегда занималась с детьми.}
kalna-n ene постоянно äjl-oχun
бабушка-ERG еще [постоянно] ребенок-PL+ABL
futbol=e ***äči-p-e.*** *⟨...⟩ hämišä*
футбол=3SG играть-LV-PERF [всегда]
čur-ec-e=ne=ki *jan k:al-k:-a=jan.*
хотеть-LV-PERF=3SG=COMP мы учиться-LV-SUBJ=1PL
‘Бабушка еще постоянно с детьми в футбол играла. ⟨…⟩ {Когда мы поступили в вузы, она обрадовалась.} Она всегда хотела, чтоб мы учились.’ (Текст 2004 года)

4.3. Перфект и результативность

Некоторые глаголы в форме Перфекта выражают классическое результативное значение (в смысле работы [Недялков, Яхонтов 1983]) и обозначают текущее состояние субъекта как результат предшествующего действия. К таким глаголам от-

носятся *arc-* ‘садиться, сидеть’, *čur-p-* ‘останавливаться, стоять’, *baskː-* ‘ложиться, спать’, *bit-* ‘падать, лежать’[15]:

(31) {Пропавшую корову долго искали, а утром видят:}
čur *bazar-i* *beli* *toj-eʁ-ala* *paj-n-u*
корова базар-GEN скот продаваться-LV-PTːIPF часть-O-LOC
žIomo *aˀm-b-i* ***čur-p-e=ne***.
рот открывать-LV-AOC стоять-LV-PERF=3SG
‘Корова с открытым ртом стоит в той части базара, где продают скот.’ [Keçaari 2001]

(32) *beˀ=neˀ=ʁ-i,* *sa* *ostːahar* *darvaz-in*
смотреть=3SG=ST-AOR один сильный ворота-GEN
bo-n-a *nu=akː-ec-i,* *sa* *šavatː*
внутри-O-DAT NEG=видеть-DETR-AOP один хороший
χüjär=e ***arc-e***. *izi* *kːaˀkːaˀpː-el=al*
девушка=3SG сидеть-PERF свой колено-SUPER=ADD
sa *maˀjiˀn* *dev=e* ***baskː-e***.
один черный дэв=3SG спать-PERF
‘Он посмотрел: за крепкими воротами сидит удивительная, красивая девушка. А у нее на коленях спит черный дэв.’ [Dabakov 2007]

(33) {Поискав пропавшего Ростома, друзья находят его тело в саду.}
beˀ=tːunʁ-i, *šon-o* *pːur-i* *kːinä*
смотреть=3PL=ST-AOR DIST-NA умирать-AOP словно
bit-e=ne.
падать-PERF=3SG
‘Посмотрели: а он лежит, как мертвый.’ [Dabakov 2007]

Указанные глаголы в Перфекте способны сочетаться с наречием *hälä(ki)* ‘еще’ в значении сохранения состояния ‘всё еще’ (34)[16]. Напротив, с Перфектом других глаголов наречие может означать лишь ‘еще и, вдобавок’ (35).

---

[15] Первый из двух глаголов лежания обозначает состояние ‘спать’ или ‘лежать’ как результат ситуации ‘ложиться’, второй — ‘лежать’ как результат ситуации ‘падать’ (в т.ч. о неодушевленном объекте).

[16] С динамическими глаголами в форме Презенса наречие *hälä(ki)* имеет значение продолжения процесса, ср. *hälä u=ne=k-sa* ‘он(а) все еще ест’.

(34) *hälä* *arc-e=ne* / *čur-p-e=ne.*
еще сидеть-PERF=3SG стоять-LV-PERF=3SG
‘Он всё еще сидит / стоит.’

(35) *hälä* *har-e=ne* / *cam-p-e=ne.*
еще приходить-PERF=3SG писать-LV-PERF=3SG
‘Он еще и пришел / написал {помимо всего прочего}.’

Аналогично, только «результативные» глаголы в форме Перфекта сочетаются с наречием *häjsä* ‘сейчас’ в значении ‘в данный момент, в настоящее время’ (36); так же интерпретируется наречие и с формой Презенса в актуально-длительном значении. С прочими глаголами в Перфекте, как и с формой Аориста, это наречие означает ‘только что’, поскольку описывается не состояние в настоящем, а недавнее действие в прошлом (37).

(36) *häjsä* *arc-e=ne* / *čur-p-e=ne.*
сейчас сидеть-PERF=3SG стоять-LV-PERF=3SG
‘Он сейчас сидит / стоит.’

(37) *häjsä* *har-e=ne* / *cam-p-e=ne.*
сейчас приходить-PERF=3SG писать-LV-PERF=3SG
‘Он сейчас (= только что) пришел / написал.’

Перфекты других глаголов, передающие близкое к результативному значение, не сочетаются с *hälä* в значении ‘все еще’ или с *häjsä* в значении ‘сейчас, в данный момент’, что, впрочем, может объясняться не только отсутствием стативного компонента в значении формы, но и семантикой самой ситуации[17]. В некоторых случаях, однако, допускается сочетание с обстоятельством в аблативе, указывающем на начало периода, в который состояние имеет место, ср. (38) и (39).

(38) {Ты что, разбил окно?}
tää, *näjn-in-aχun* ***χoχ-p:-e=t:un*** *ajn-in-a.*
нет вчера-O-ABL разбивать-LV-PERF=3PL окно-O-DAT
‘Нет, окно еще со вчерашнего вчера было разбито (букв. со вчера разбили).’

[17] Так, в работе [Недялков, Яхонтов 1983: 12] отмечается, что обстоятельства типа ‘все еще’ или ‘по-прежнему’ «свободно сочетаются с результативами, обозначающими временное состояние, но обычно не сочетаются с другими результативами и с глаголами в перфекте».

(39) {Когда будет готово письмо?}
namakː gele vaχtː-aχun ***cam-ec-e=ne.***
письмо много время-ABL быть.написанным-LV-PERF=3SG
‘Письмо уже давно (букв. с давнего времени) написано.’

В таких случаях, однако, разделить перфектное и результативное значение затруднительно. Отметим, например, что в примере (38), близком к объектному результативу, характеризуется состояние пациенса (‘окно’), однако он не является субъектом данной клаузы, будучи выраженным дательным падежом, а не абсолютивом[18].

4.4. Другие значения Перфекта

Перфекту свойственно употребление в экспериентивных контекстах, т.е. при указании на то, что ситуация имела место хотя бы однажды на протяжении жизни индивида. Следующие примеры адаптированы из «Анкеты по перфекту» (фразы №№ 1, 4); ср. также отрицательную форму в (84) ниже. Аорист в соответствующих контекстах оценен как неприемлемый. Подобное употребление для удинского Перфекта закономерно, учитывая, что он вводит в рассмотрение релевантные на момент речи факты.

(40) {Ты читал что-нибудь из этого?}
ho, ***kːal-p-e=zu*** *(*kːal=ez=p-i) ke*
да читать-LV-PERF=1SG читать=1SG=LV-AOR MED
girk-ä.
книга-DAT
‘Да, я читал эту книгу.’

(41) *bez kalba* ***akː-e=nu*** *(*a=n=kː-i)*
мой дедушка видеть-PERF=2SG видеть=2SG=ST-AOR
sal?
вообще
‘Ты когда-нибудь видел моего деда?’

[18] Прямой объект в удинском языке может быть маркирован как абсолютивом (в этом случае представлена классическая эргативная стратегия кодирования), так и дативом (последнее свойственно определенным референтам).

Некоторые примеры употребления Перфекта можно интерпретировать как выражающие «универсальное» или «инклюзивное» значение (‘ситуация началась в прошлом и продолжается в настоящее время’), которое вслед за [McCawley 1971: 104] и [Comrie 1976: 60] иногда выделяется среди значений «перфектного круга». Это касается, в частности, сочетаний с обстоятельством открытого интервала, указывающим на период наличия состояния (аналогичное русскому *уже год как*) и выражаемым связочной конструкцией — абсолютивной именной группой с личным показателем 3-го лица ед.ч.:

(42) *zu sa usen=e süpür* ***mand-e=zu.***
я [один год=3SG] вдовец оставаться-PERF=1SG
‘Я уже год как овдовел.’ [Keçaari 2001]

(43) *man-u ki тиʁес:с:е usen=e šejtan-en*
который-NA COMP [18 год=3SG] дьявол-ERG
ʁač:I-p:-e=ne ⟨…⟩
связывать-LV-PERF=3SG
‘...и Сатана целых восемнадцать лет держал ее связанной! (букв. которая восемнадцать лет связана Сатаной)’
(Лука 13:16)

Вместе с тем, сочетаемость с данным типом обстоятельств не запрещена и для Аориста. Кроме того, и для самого для Перфекта она лексически ограничена и допустима далеко не для любого глагола. Более свободно для выражения инклюзивного значения используется Презенс (44), тогда как Перфект скорее обозначает именно завершившуюся ситуацию в прошлом (45). Примеры типа (45) выражают уже обычное «фактивное» значение и включают нейтральное обстоятельство замкнутого интервала в абсолютиве (ср. также (6) выше).

(44) *boris-en χib saad=e t:elevizor=e beˀʁ-sa*
Борис-ERG [три час=3SG] телевизор=3SG смотреть-PRS /
**beˀʁ-e.*
смотреть-PERF
‘Борис смотрит телевизор уже три часа.’

(45) *boris-en χib saad t:elevizor=e* ***beˀʁ-e.***
Борис-ERG [три час] телевизор=3SG смотреть-PERF
‘Борис три часа смотрел телевизор.’

Что касается еще одного традиционно связываемого с категорией перфекта значения «горячих новостей», то в удинском оно скорее действительно закреплено за формой Перфекта. Естественных контекстов, однозначно иллюстрирующих данное значение, нам не встретилось, однако при переводе предложений типа (46) и (47) (адаптированных из «Анкеты по перфекту», фразы №№ 56, 58), в качестве первого варианта выбирается именно Перфект; употребление Аориста, впрочем, здесь также не запрещено.

(46) {Что там за шум у ворот?}
q:опаʁ-χо=пе ***har-e!***
гость-PL=3SG приходить-PERF
'Гости приехали!'

(47) {Что за грохот на кухне?}
pišik:=e, *t:alik:=e* ***χaˢχaˢ-p-e.***
кошка=3SG тарелка=3SG разбивать-LV-PERF
'Это кошка, она тарелку разбила.'

В отличие от многих других нахско-дагестанских языков, в т.ч. лезгинской группы, в которых перфекты связаны с выражением косвенной засвидетельствованности, в удинском Перфект нейтрален с точки зрения эвиденциальных противопоставлений. В целом, категория эвиденциальности не грамматикализована в современном удинском языке, в чем иногда усматривается ареальное влияние азербайджанского и (возможно, опосредованно) персидского языков [Chirikba 2008: 52][19].

5. Перфект в нарративе

В нарративных текстах Перфект в большинстве случаев встречается в прямой речи персонажей, ср. примеры (20), (21) или (23) выше. По подсчетам, выполненным на материале удин-

[19] Заметим, что несмотря на ослабление эвиденциального значения перфекта в азербайджанском [Johanson 2000: 74; 2003: 288], различные значения косвенной засвидетельствованности выражаются в нем клитической связкой *-(i)mIş*, которая сочетается с различными видовременными формами (и аналога которой нет в удинском).

ского перевода Евангелия от Луки, на употребления в прямой речи приходится 95% всех форм Перфекта, в то время как Аорист встречается в прямой речи лишь в пятой части случаев [Майсак 2014: 132][20]. Тем не менее, Перфект может использовать и сам рассказчик, причем в различных компонентах нарративного текста. Рассмотрим такие случаи подробнее.

5.1. Перфект в инициальной формуле

Перфектом оформляются формы глагола ‘быть, стать’ в традиционном сказочном зачине, вводящем главного героя, наподобие «жил-был X» (буквально, «был, не был X»). Подобная инициальная формула в целом характерна для Кавказа и Закавказья, в том числе для сказок народов Дагестана [Ганиева 2011: 10].

(48) ***bak-e=ne,*** ***te=ne*** ***bak-e*** *sa* *čoval.*
быть-PERF=3SG NEG=3SG быть-PERF один воробей
‘Жил-был один воробышек.’ [Dabakov 2007]

В сборнике [Keçaari 2001] с подобного зачина начинаются две сказки, в сборнике фольклора [Dabakov 2007] — восемь. Аорист в данном зачине не используется. Отметим также, что в половине из встретившихся случаев формула «был, не был» непосредственно не вводит персонажа, поскольку за ней следует полная клауза со своим сказуемым, которое может располагаться как в начале клаузы (49), так и на своем каноническом месте — в конце (50):

(49) ***bak-e=ne,*** ***te=ne*** ***bak-e,*** ***bak-e=ne***
быть-PERF=3SG NEG=3SG быть-PERF быть-PERF=3SG
sa *padčaв.*
один царь
‘Жил-был, жил один царь.’ [Keçaari 2001]

[20] В целом, имеется значительная асимметрия Аориста и Перфекта с точки зрения частотности сочетаний с различными лично-числовыми значениями: для Аориста очевидно абсолютное преобладание 3-го лица (95%), тогда как у Перфекта 3-е лицо занимает более скромное, хотя также доминирующее место (68%), но при этом гораздо частотнее использование с 1-м лицом (20%), особенно 1-м лицом ед.ч. [Майсак 2014: 131—132].

(50) ***bak-e=ne,*** ***te=ne*** ***bak-e,*** *sa* *qːoža*
быть-PERF=3SG NEG=3SG быть-PERF один старик
išqːar=e ***bak-e.***
мужчина=3SG быть-PERF
‘Жил-был, жил один старик.’ [Dabakov 2007]

В интродуктивной части нарратива, — хотя не в данном зачине, — характерно также использование Плюсквамперфекта, см. ниже[21].

5.2. Перфект в фоновых предложениях и коде

Как уже было показано в примере (21) выше, Перфект может обозначать релевантность ситуации не для момента речи, а для определенной точки в нарративной последовательности — как правило, в случае, если эта последовательность выдержана в «настоящем историческом» (в этом случае подвижная точка отсчета в нарративе и момент речи «как бы» совпадают). Переключение с нарративного режима на фоновый нередко происходит при помощи клаузы с глаголом ‘смотреть’ (как в (21), (32) и (33)) или ‘видеть’ (52):

(51) {У сельского бригадира был козел, который везде ходил за хозяином. Однажды он пропал, а утром увидели, что собаки грызут кости того козла.}
hun *ma=up-a*[22]*,* *üše* *ul-urχo-n*
ты PROH=говорить-IMP ночью волк-PL-ERG
šo-tː-o ***car-p-e=tːun.*** *uˀqːen-χo=al*
DIST-NO-DAT разрушать-LV-PERF=3PL кость-PL=ADD
χaˀ-juʁ-ojnakː *paj=tːun* ***ef-e.***
собака-PL-BEN часть=3PL держать-PERF
‘Оказывается, ночью волки его разорвали. А часть костей досталась и собакам.’ [Keçaari 2001]

---

[21] Хотя употребление перфектных форм в интродуктивных контекстах не является типологически тривиальным, оно отмечалось еще в ряде языков, в т.ч. чукотско-камчатских [Волков, Пупынина (наст. сб.)] и энецком [Ханина, Шлуинский (наст.сб.)].

[22] Выражение *hun maupa* ‘оказывается’ (букв. ты не говори) — по всей видимости, калька с азербайджанского *sən demə* ‘оказывается’, имеющего аналогичную внутреннюю форму.

(52) {Весь день Руфь подбирала на поле колосья. Вечером она вернулась в город.}

qːajnako-n *a=ne=kː-sa* *ki,* *šo-tː-in*
свекровь-ERG видеть=3SG=ST-PRS COMP DIST-NO-ERG
bašaʁ=e ***ečer-e.***
упавшие.колосья=3SG приносить-PERF
‘Ее свекровь увидела, что она принесла колоски.’

(Руфь 2:18)

Подобные предложения демонстрируют особый тип фоновых фрагментов, отличающийся от интродуктивной части. В начале нарратива описываются общая обстановка («сеттинг»), в которой будет происходить действие; с точки зрения темпоральных отношений соответствующие клаузы независимы от собственно нарративных клауз, на которых построена основная линия (ср. в этой связи противопоставление *narrative clauses* и *free clauses* в известной концепции дискурсивной структуры, разработанной У. Лабовым [Labov 1972]). Что же касается случаев типа (51) и (52), то здесь ситуации ‘его разорвали волки’ или ‘она собрала колоски’, лежащие вне основной линии, тем не менее напрямую зависят от нее и являются, так сказать, темпорально «связанными»[23]. Отметим, впрочем, что фоновая функция более характерна для Плюсквамперфекта, выражающего релевантность результата по отношению к точке отсчета в прошлом, см. раздел 6.

Кроме того, Перфект отмечается и еще в одном типе дискурсивных фрагментов, не относящихся к основной линии — а именно, в заключительных, резюмирующих предложениях нарративов, подводящих итог повествованию («кода»). Таких примеров немного; ср. ниже один из них, завершающий легенду о двух домах, которые ушли под землю после того, как жившие в них жених и невеста были разлучены и девушка умерла от горя[24]

[23] Ср. в этой связи противопоставление «фона$_1$» (*background$_1$*), независимого от основной линии, и «фона$_2$» (*background$_2$*), тесно с ним связанного темпоральными отношениями, в работе [Hooper 1998: 122—123], развивающей идеи У. Лабова на более «экзотическом» языковом материале.

[24] Сказуемое в данном предложении — выражение со значением ‘происходить, возникать, образовываться’, калька с азербайджанского *əmələ gəlmək*.

(53). Данное употребление Перфекта полностью соответствует его основной функции — обозначению текущей релевантности ситуации, имевшей место в прошлом.

(53) *bav-oʁ-oj* *eχlät-en* *ajiz-e* *tːambatan* *kːinä*
отец-PL-GEN беседа-ERG село-LOC Тамбатан словно
čalχ-eʁ-ala *pːaˀ* *orajin*
быть.знакомым-DETR-PT:IPF два родник
me-tär=e ***ämäl-ä*** ***har-e.***
PROX-ADV=3SG дело-DAT приходить-PERF
‘Вот как, по словам предков, в селе возникли два родника, известные как (озеро) Тамбатан.’ [Keçaari 2001]

5.3. Перфект при описании последовательности фактов

Перфект может быть употреблен и при передаче последовательности ситуаций, однако в специфических условиях. Так, следующий фрагмент нарратива (54) — из той же легенды о женихе и невесте — выдержан в Перфекте. Вместе с тем, он не имеет в повествовании такого же статуса, что предшествующие и последующие события, а фактически представляет собой завязку второй части рассказа. Если в первой части речь шла о том, что родившиеся в двух знакомых семьях мальчик и девочка были обручены с колыбели и все ждали их свадьбы, то затем следует отступление, предваряющее дальнейшие драматические события: «Говорят, что от судьбы нельзя убежать. Но дьявол не спит, он прячется в темноте. Ищет, как бы разрушить счастье двух молодых людей». Затем идет фрагмент (54), а затем — уже в Аористе, как и в первой части нарратива, — говорится о событиях, последовавших за советом гадальщицы (родители парня нашли ему новую невесту, а помолвленная с ним девушка вскоре умерла). Таким образом, «мини-нарратив» в Перфекте представляет собой описание комплексной ситуации, не встроенной напрямую в основную нарративную линию, а служащую исходной точкой для последующих событий.

(54) *sa* *ʁi* *p-i=tːun,* *ʁar-e* *kːoj-a*
один день говорить-AOR=3PL парень-GEN дом-DAT
sa *falči* *karnu=ne* ***har-e.*** *mom-a*
один гадальщик старуха=3SG приходить-PERF воск-DAT
χe-b-i ***bap-e=ne*** *χe-n-en*
растапливать-LV-AOC класть.внутрь-PERF=3SG вода-O-ERG
buj *ǯam-e* *boš.* *fal=e*
полный миска-GEN внутри гадание=3SG

qaj-p-e.	*oša=al*	*nana* –	*bava*
открывать-LV-PERF	потом=ADD	мать(DAT)	отец(DAT)

p-e=ne=*ki* ⟨…⟩
говорить-PERF=3SG=COMP
‘Однажды (в селе) сказали, что в дом парня приходила старуха-гадальщица. Она растопила воск и положила его в чашу, наполненную водой. Стала гадать. Потом она сказала отцу и матери... {что невеста из бедной семьи и помолвку с ней надо расторгнуть}.’ [Keçaari 2001]

Аналогично, выдержанные в Перфекте краткие биографические рассказы типа приведенного ниже (для экономии места текст дается без поморфемного разбора) по сути не являются нарративами. В них каждая ситуация значима сама по себе, а не только как элемент хронологического ряда, и в целом текст служит скорее характеристикой человека, чем рассказом о последовательности событий.

(55) *q:oasari vorošil 1932-ži usena q:äbälä rajonin niˢžIe ajizene* ***nanaχun bake***.	Ворошил Коасари (Гукасян) **родился** в 1932 году в селе Нидж Габалинского района.
bip: usenin bakat:an bava ***ačI-esp:ene***.	Когда ему было четыре года, он **лишился** отца.
sa viči sa χunči nanaj umuda-t:un ***mande***.	Брат и сестра **остались** на попечении матери.
niˢžIe ajizin biˢʁiˢn išk:ola, bäkün šähäre universit:et:e ***čark:e***.	Он **окончил** ниджскую среднюю школу и университет в Баку.
oša boχoj usenχo muzurχoj loχol äšbi gele äsärχone ***cam-pe***.	Затем он много лет занимался изучением языков и **написал** множество работ.
šot:aj sa girk 1974-ži usenane ***č:ere***.	Одна из его книг **вышла** в 1974 году.
p:uranna ošat:un ***tärbe***.	Две книги **издали** после.
q:[oasari] vorošil gele muč:I-amuz amdare ***bake***.	Г. Ворошил **был** очень добрым человеком.
aˢχiˢl-iˢšIa hema amdara kule ***p:ap:esp:e***. *šot:ajnak:al čalχal-χoj ejeχun tene č:ejsa.*	Он **помогал** многим людям. Поэтому знавшие его люди не забывают его. [Aydınov, Keçaari 1996a]

6. Употребление Плюсквамперфекта

6.1. Плюсквамперфект как «перфект в прошлом»

Плюсквамперфект морфологически является производной от Перфекта «ретроспективной» формой, функционально же это аналог Перфекта в плане прошлого (или «сверхпрошлого»). Его основная функция — введение в рассмотрение ситуации, релевантной не на момент речи, а по отношению к точке отсчета в прошлом. Эта точка отсчета может быть задана в контексте эксплицитно, либо она может относиться к неопределенному плану прошлого, расцениваемому говорящим как далекий от настоящего момента.

Так, в примере (56) ситуация ‘урок начался’ описывается как уже имевшая место к точке отсчета ‘(вчера) я пришел в школу’.

(56) *näjni zu išk:ol-a eʁ-at:an, därs-urχo*
вчера я школа-DAT приходить-TEMP урок-PL
burq-e=ne=j.
начинаться-PERF=3SG=PST
‘Вчера, когда я пришел в школу, уроки уже начались.’

Основная функция Плюсквамперфекта в нарративном тексте — введение в рассмотрение ситуации, имевшей место до точки отсчета в прошлом:

(57) {Жители села спрятались от завоевателей в зарослях камыша. Всего их было около ста человек, включая женщин и детей.}
ʁarʁajin-χo-n ič-oʁ-oj dav-in sursat-χo=al
юноша-PL-ERG сам-PL-GEN война-GEN припасы-PL=ADD
eˢχ-t:-e=t:un=ij.
брать-LV-PERF=3PL=PST
‘Молодые люди взяли с собой свое оружие.’ [Keçaari 2001]

(58) {По совету завистливого соседа герой бросил коконы шелкопряда в огонь. На следующий день он пришел на место, где горел костер, и не поверил глазам.}
bok:-i kulbak:-χo-j har soʁ-o
гореть-AOP кокон-PL-GEN каждый один-NA
tara-p-i ***bak-e=ne=j*** *sa q:iził.*
поворачиваться-LV-AOC быть-PERF=3SG=PST один золото
‘Все сгоревшие коконы превратились в золото.’ [Keçaari 2001]

(59) {Ирод, увидев Иисуса, очень обрадовался:}
šo-tː-aj *barada* *gele* *šej-urχo=ne*
DIST-NO-GEN про много вещь-PL=3SG
i-bak-e=j, *ič-u=val* *akː-sun=e*
слышать-LV-PERF=PST сам-DAT=ADD видеть-MSD=3SG
čur-e-sa=j.
хотеть-LV-PRS=PST
'...ему (с давних пор) хотелось Его повидать, потому что он был о Нем наслышан (букв. много о нем слышал)...'
(Лука 23:8)

Второй распространенный контекст, в котором Плюсквамперфект встречается в удинских нарративах — это начальное предложение текста (или эпизода), которое вводит основного персонажа и содержит завязку дальнейшего сюжета. Ср. следующие примеры, взятые из текстов, в которых следующая за вводным предложением основная линия выдержана в Аористе.

(60) *sa* *išqːar* *čuв-oχun* *sagala* *bazar-e=ne*
один мужчина жена-ABL вместе базар-LOC=3SG
tac-e=j.
уходить-PERF=PST
'Один человек вместе с женой пошел на базар.' [Keçaari 2001]

(61) *sun-tː-in* *kːamaǯ-χo* *bul-ur* *oqː-a,* *tum-ur*
один-NO-ERG саженец-PL голова-PL низ-DAT корень-PL
al-a=ne ***bitː-e=j.***
верх-DAT=3SG сеять-PERF=PST
{В колхозе сажали шелковичный сад.} 'Один человек посеял саженцы вершками книзу, а корешками кверху.'
[Keçaari 2001]

(62) *sun-tː-in* ***i-bak-e=ne=j,*** *zoqːal-na*
один-NO-ERG слышать-LV-PERF=3SG=PST кизил-ATR
χod-al-χun *bit-al-o* *tara-p-i*
дерево-SUPER-ABL падать-PT:IPF-NA поворачиваться-LV-AOC
elem=e *bak-sa.*
осел=3SG быть-PRS
'Один человек услышал, что тот, кто падает с кизилового дерева, превращается в осла.' [Keçaari 2001]

Данное дискурсивное употребление вполне соответствует базовой функции Плюсквамперфекта с поправкой на то, что здесь точкой отсчета является эксплицитно не заданный неопределенный план прошлого («когда-то, как-то раз в прошлом»)[25].

6.2. Результативный Плюсквамперфект

Будучи аналогом Перфекта, Плюсквамперфект выражает стативное значение в прошлом у нескольких глаголов позиции, ср. (63) и (64), которые описывают состояние, имевшее место в точке отсчета в прошлом. Заметим, что в (64) стативный Плюсквамперфект глагола ‘сидеть’ входит в сочинительную последовательность с предикатами в Имперфекте, передающем здесь дуративное значение.

(63) *hun* *zäng-b-atːan,* *zu* ***baskː-e=zu=j.***
ты звонить-LV-TEMP я спать-PERF=1SG=PST
‘Когда ты позвонил, я спал.’

(64) {Потеряв Иисуса, через три дня Его нашли в Храме.}
isus *määlim-χo-j* *tːoˀʁoˀl* ***arc-e=ne=j,***
Иисус учитель-PL-GEN возле сидеть-PERF=3SG=PST
šo-tː-oʁ-o *uˀmuˀχ=e* *laχ-sa=j,*
DIST-NO-PL-DAT ухо=3SG класть.сверху-PRS=PST
χavar=e *haqː-sa=j.*
весть=3SG брать-PRS=PST
‘Он сидел посреди учителей, слушая их и задавая вопросы.’
(Лука 2:46)

6.3. Плюсквамперфект и удаленное/прекращенное прошлое

В предложениях (65) и (66), адаптированных из «Анкеты по перфекту» (№№ 6, 7), удинский Плюсквамперфект выражает экспериентивное значение: факт участия субъекта в ситуации отнесен к отдаленному прошлому. В обоих случаях ответ мог бы содержать форму Перфекта, уже без эффекта удаленности во времени.

[25] О данном типе употребления плюсквамперфекта («сдвиг начальной точки») в типологической перспективе см., прежде всего, [Сичинава 2013: 104–124].

(65) {Ты когда-нибудь видел моего деда?}
micːikː bak-atːan ***akː-e=zu=j.***
маленький быть-TEMP видеть-PERF=1SG=PST
‘Я видел (его), когда был маленьким.’

(66) {В этом озере можно плавать?}
ho, zu tːija ***ocːkːal-p-e=zu=j.***
да я DLOC купаться-LV-PERF=1SG=PST
‘Да, я (когда-то) плавал в нем.’

В следующих примерах речь идет уже не столько об удаленном, сколько о «прекращенном» прошлом (‘раньше’; в терминах [Плунгян 2001] — ‘ситуация имела место в некоторый момент в прошлом, но потом перестала иметь место’):

(67) *zu maskːv-in-a jäšäjš-atːan, magazin-a=z*
я Москва-O-DAT жить(+LV)-TEMP магазин-DAT=1SG
äš-pː-e=j.
работать-LV-PERF=PST
‘Когда я жил в Москве, работал в магазине.’

(68) *me ʁar* ***pːur-e=ne=j,*** *beˀjin=e*
PROX сын умирать-PERF=3SG=PST воскресший=3SG
bak-i, ko ***ačI-e=ne=j,***
быть-AOR MED:NA теряться-PERF=3SG=PST
baˀʁaˀ=ne=c-i.
быть.найденным=3SG=LV-AOR
{Ведь это мой сын:} ‘он был мертв (букв. умер), а теперь ожил, пропадал (букв. пропал) и нашелся.’
(Лука 15:24)

Как показывают следующие примеры (адаптированы из «Анкеты по перфекту», №№ 80, 81), Плюсквамперфект может не только указывать на принадлежность ситуации к удаленному или «прекращенному» прошлому, но и выражать «антирезультативность» (‘результат ситуации перестал иметь место’)[26]. В (69) речь идет о строении, которое существует в настоящий момент, и Плюсквамперфект неуместен; напротив, в (70) сомнительна форма Перфекта, поскольку здание более не существует.

[26] Предыдущий пример (68) также можно интерпретировать как выражающий значение аннулированного результата.

(69) *ši-n=a* ***biq:-e*** *(??biq:-e=j)* *me*
кто-ERG=3SG:Q строить-PERF строить-PERF=PST PROX
kilis-in-ä?
церковь-O-DAT
{Стоя у здания церкви:} ‘Кто построил эту церковь?’

(70) *ši-n=a* ***biq:-e=j*** *(??biq:-e)* *me*
кто-ERG=3SG:Q строить-PERF=PST строить-PERF PROX
kilis-in-ä?
церковь-O-DAT
{Стоя у развалин церкви:} ‘Кто строил эту церковь?’

6.4. Плюсквамперфект в авертивной конструкции

Одним из типов употреблений, свойственных плюсквамперфектным формам типологически, является условное предложение с контрфактическим значением [Dahl 1985: 146]. Удинская форма в подобных случаях не отмечена: как уже говорилось выше, в нереальном условии (‘сделал бы’) используется особая форма Контрфактива, тогда как в аподосисе соответствующих конструкций — ретроспективные формы «будущего в прошедшем». Тем не менее, имеется ирреальный контекст, в котором допустим и Плюсквамперфект. Речь идет о конструкции, вводимой выражением *mal=e mandi* (букв. ‘немного осталось’)[27] и выражающей авертивное значение, как оно описано в работе [Kuteva 2001: 78]: ‘ситуация была на грани осуществления, но не осуществилась’. Как правило, глагол в данной конструкции имеет форму Контрфактива, однако многие носители допускают и употребление Плюсквамперфекта без существенной разницы в значении:

(71) *mal=e* *mand-i* *bit-ij=zu=j* /
мало=3SG оставаться-AOR падать-CTRF=1SG=PST
bit-e=zu=j.
падать-PERF=1SG=PST
‘Я чуть не упал.’

[27] Исходно данное выражение представляет собой матричный предикат, зависимое которого может вводится при помощи факультативного субординатора *ki* (ср. *mal=e mandi ki bitijzuj*, букв. ‘немного осталось, чтобы я не упал’), и является калькой с азербайджанского *az qaldı ki* с аналогичным составом компонентов. В речи *malemandi* близко к лексикализованному модальному слову со значением ‘чуть было не’.

(72) *javaš* *bak-a,* *mal=e* *mand-i* *χe-n-a*
тихий стать-IMP мало=3SG оставаться-AOR вода-O-DAT
cip-ij=nu=j / ***cip-e=nu=j.***
проливать-CTRF=2SG=PST проливать-PERF=2SG=PST
‘Осторожно, ты чуть воду не пролил.’

(73) *näjni* *beš* *kːož* *mal=e* *mand-i*
вчера наш дом мало=3SG оставаться-AOR
bokː-iji=n=ij / ***bokː-e=ne=j.***
гореть-CTRF=3SG=PST гореть-PERF=3SG=PST
‘Вчера наш дом чуть не сгорел.’

Как отмечает В. А. Плунгян, между значениями удаленного и «прекращенного» прошлого, аннулированного результата и ирреалиса «имеется достаточно очевидная семантическая общность; более того, в ряде случаев между разными значениями трудно провести четкую границу или они оказываются совместимы» [Плунгян 2001: 71]. Удинский плюсквамперфект в целом соответствует отмечаемой в языках мира тенденции — выступать в качестве особой категории, которая «обозначает не просто прошлое событие, а событие, отдаленность которого от момента речи тем или иным образом специально усилена — так сказать, некоторое “сверхпрошлое”» [Плунгян 2001: 71], ср. также [Сичинава 2013: 40–42].

7. Отрицательный Перфект и Плюсквамперфект

7.1. Стратегии отрицания в финитных клаузах

Перфект и его ретроспективный коррелят ведут себя особым образом с точки зрения отрицания. В целом в удинском языке имеется три отрицательных показателя, распределение которых зависит от синтаксического типа клаузы и, шире, от типа высказывания [Майсак 2009]. Все они могут располагаться либо в препозиции к глагольной форме, либо внутри нее (как эндоклитики). Тем самым, в отличие от лично-числовых энклитик, у которых морфосинтаксическая сфера действия (опорное слово) располагается слева, в формальную сферу действия показателей отрицания входит то, что находится справа — т.е. глагол или его часть. Семантически же сферой действия показателей отрицания является вся клауза целиком.

Отдельный показатель *ma=* закреплен за отрицательными повелительными высказываниями (клаузы с формами Императива, Гортатива, Юссива и др.), ср. *ma=upa* ‘не говори’ в (51). Показатель *nu=* используется во всех нефинитных и некоторых неиндикативных клаузах (с формами Кондиционала, Контрфактива и др.), ср. *nu=akːeci* ‘невиданный, удивительный’ в (32). Финитные же клаузы, возглавляемые формами индикатива, образуют отрицательные эквиваленты при помощи показателя *te=*, к которому справа всегда примыкают лично-числовые клитики (ср. *te=z* ‘NEG=1SG’, *te=n* ‘NEG=2SG’, *te=ne* ‘NEG=3SG’ и т. п.). Комплекс «отрицание *te=* + лично-числовая клитика» также может предшествовать глагольной словоформе либо располагаться внутри глагола в эндоклитической позиции. Как правило, глагольные формы допускают оба варианта в зависимости от темо-рематической структуры высказывания; ср. формальную «парадигму» отрицаний в Таблице 5[28].

Таблица 5. Отрицание у основных форм глагола *bak-* ‘быть, стать’ (3SG).

Формы	утвердительная форма	отрицание: препозиция	отрицание: «эндоклизис»
Перфект	*bak-e=ne*	*te=ne bak-e*	*ba=te=ne=k-e*
Аорист	*ba=ne=k-i*	*te=ne bak-i*	*ba=te=ne=k-i*
Перфект II	*ba=ne=k-ijo*	*te=ne bak-ijo*	*ba=te=ne=k-ijo*
Презенс	*ba=ne=k-sa*	*te=ne bak-sa*	*ba=te=ne=k-sa*
Будущее потенциальное	*ba=ne=k-o(n)*	*te=ne bak-o(n)*	*ba=te=ne=k-o(n)*
Будущее основное	*bak-al=e*	*te=ne bak-al*	*ba=te=ne=k-al*
Будущее долженствования	*bak-ala=ne*	**te=ne bak-ala*	**ba=te=ne=k-ala*

[28] Отметим, что не все формы в последнем столбце таблицы одинаково употребительны: например, отрицательное Будущее основное типа *ba=te=ne=k-al* ‘не будет’ допустимо, но встречается чрезвычайно редко. В целом, однако, эндоклитизация отрицательного комплекса происходит свободнее, чем эндоклитизация личной клитики в утвердительной клаузе: так, форма Будущего основного эндоклитизации одной только лично-числовой клитики вообще не допускает (ср. **ba=ne=k-al*). То же верно и относительно неиндикативных форм: например, в повелительных формах расположение отрицания *ma=* внутри основы широко распространено, тогда как для личных показателей это невозможно.

С точки зрения семантической сферы действия как препозитивное, так и эндоклитическое отрицания можно охарактеризовать как сентенциальные, т.е. включающие всю клаузу. Различие между двумя стратегиями проявляется не всегда четко, однако, по всей видимости, связано не со сферой действия отрицания как таковой, а с *фокусом отрицания*, т.е. с коммуникативно выделенной частью внутри сферы действия (о понятии фокуса отрицания см., например, [Jäger 2008: 20–23]). Подобно тому, как в утвердительных высказываниях фокусируемая составляющая чаще всего располагается непосредственно перед глаголом (см. раздел 2.1), в отрицательных высказываниях коммуникативно выделенная позиция находится перед комплексом «показатель отрицания + глагол».

Различие между двумя стратегиями отрицания можно проиллюстрировать следующими примерами, в которых используется форма Аориста одного и того же глагола *bak-* ‘быть’ (с зависимым предложением, возглавляемым инфинитивом, этот глагол имеет значение ‘мочь, быть способным’). Пример (74) представляет собой более нейтральный случай, в котором показатель отрицания предшествует всей глагольной форме. Что же касается (75) с эндоклитизацией отрицания, то здесь в морфосинтаксическую сферу действия показателя входит только вторая, «отделяемая» часть основы вместе с флексией (*-k-i*), а первая часть (*ba-*) оказывается в «предглагольной» позиции.

(74) {Спасшиеся от завоевателей сельчане спрятались в лесах и горах.}
sa *paj=al* *mačIukːal* *tːitː-es* ***te=ne***
один часть=ADD никуда бежать-INF [NEG=3SG
bak-i.
быть-AOR]
‘А часть не смогла никуда убежать.’ [Keçaari 2001]

(75) *sa* *üše* *šon-o* *gele* *usun=e* *baskː-i,*
один ночью DIST-NA много быстро=3SG спать-AOR
ama *nepːaχ-ec-es* ***ba=te=ne=k-i.***
но засыпать-LV-INF быть=[NEG=3SG=ST-AOR]
‘Однажды ночью он рано лег спать, но заснуть не смог.’
[Кечаари 1996]

У Перфекта противопоставление двух стратегий устроено аналогично. Судя по имеющимся текстам (где, впрочем, отрицательных форм Перфекта вообще не так много), вариант с препозитивным отрицанием типа *te=ne bak-e* распространен в наибольшей степени. Клаузы с таким типом отрицания вводят ситуации, не имеющие места в действительности; ср. его использование в формуле сказочного зачина выше (примеры (48)–(50)), а также в следующих примерах:

(76) {После прогулки дети сообщают бабушке, что ее внука, видимо, унесла река.}
heqːara qaˀv-eˀc-e=jan, te=jan baˀʁaˀ-b-e.
сколько искать-LV-PERF=1PL [NEG=1PL находить-LV-PERF]
‘Сколько мы ни искали (его), не нашли.’ [Keçaari 2001]

(77) *šejtan te=ne baskː-e, bajinqː-un ga-l-a*
дьявол [NEG=3SG спать-PERF] темнота-GEN место-O-LOC
čːapː-bak-e=ne.
прятаться-LV-PERF=3SG
‘Дьявол не спит, он спрятался в темноте.’ [Keçaari 2001]

Эндоклитический вариант отрицания типа *ba=te=ne=k-e*, в котором отрицательный комплекс предшествует «функциональному» компоненту глагольной формы, ее морфосинтаксическому локусу, используется реже (это вполне соответствует и крайней редкости эндоклитизации лично-числового показателя в утвердительном Перфекте, о чем уже упоминалось выше). Происходит это в случаях, когда акцент делается на том, что не имела места именно определенная ситуация; как правило, наличие подобной ситуации является ожидаемым, так что ее отрицание корректирует данное ожидание. Так, (78) можно неформально перефразировать как ‘такого, что я выпил водки, не было’, (79) — как ‘такого, что мы что-то делили, не было’, а (80) — как вопрос ‘верно ли, что не было такого, что вы читали?’.

(78) {А.: Да ты, похоже, выпил! Б.:}
tä, äräqːi uˀ=te=z=ʁ-e.
нет водка пить=[NEG=1SG=ST-PERF]
‘Нет, я не пил водку!’

(79) {Младший брат опровергает слухи о том, что старший брат обобрал его:}
jan hik:k:al ***ǯöj=te=jan=b-e,*** *jan*
мы ничто разделять=[NEG=1PL=LV-PERF] мы
sun-aχun *jöni=jan* ⟨…⟩
друг.друга-ABL хороший=1PL
‘Мы ничего не делили, мы друг с другом хорошо (живем)...’ (Текст 2006 года)

(80) {Некоторые из фарисеев сказали: — Вы зачем делаете то, чего нельзя делать в субботу!}
david-en=q:a *iz* *t:oˀʁoˀl* *bak-i-t:-oʁ-on*
Давид-ERG=COORD свой возле быть-AOP-NO-PL-ERG
busa *bak-at:an* *k:ä-b-sun-a*
голодный быть-TEMP что:NA-делать-MSD-DAT
k:al=te=nan=p-e*?*
читать=[NEG=2PL=LV-PERF]
‘– А разве вы не читали, что сделал Давид, когда сам он и люди его голодали? {— ответил им Иисус.}’ (Лука 6:3)

Вынесение «лексического» компонента глагола в предглагольную позицию, ассоциируемую с коммуникативным выделением, позволяет оперировать с ним при построении информационной структуры высказывания как с самостоятельной единицей. Так, при препозитивной стратегии отрицания возможно лишь контрастивное выделении в предглагольной позиции аргумента или адъюнкта, ср. противопоставление объектов ‘мясо’ и ‘картофель’ в (81) (в примерах ниже контрастивные группы выделены подчеркиванием). «Узкое» же отрицание позволяет включить в противопоставление лексическое значение предиката, носитель которого тем самым оказывается как раз в позиции перед «собственно глагольной» частью — как в (82), где противопоставлены ситуации ‘сварить (мясо)’ и ‘пожарить (мясо)’:

(81) *nana-n* *jeq:-a* ***te=ne*** ***žIal-d-e,***
мать-ERG мясо-DAT [NEG=3SG кипятить- LV-PERF]
k:art:op:-in-a=ne *žIal-d-e.*
картофель-O-DAT=3SG кипятить-LV-PERF
‘Мама сварила не мясо, а КАРТОШКУ.’

(82) *nana-n* *jeqː-a* ***žIal=te=ne=d-e,***
мать-ERG мясо-DAT кипятить=[NEG=3SG=LV-PERF]
tːatːa=ne=p-e.
жарить=3SG=LV-PERF
‘Мама мясо не сварила, а ПОЖАРИЛА.’

Как правило, утвердительная форма Перфекта выступает с эндоклитическим лично-числовым показателем именно при противопоставлении такого типа, как представлено во второй части (82), т.е. с фокусированием «лексического» компонента глагола (в данном случае выделен компонент *tːatːa-* ‘жарить’, т.е. ‘то, что произошло, было именно ситуацией жарения’). Ср. также следующий пример, в котором персонажи осознают, что́ именно они сделали ночью:

(83) {Увидев, как им казалось, хороший ореховый куст, двое друзей ночью в тайне друг от друга приходили к нему: один — чтобы стрясти с него орехи, другой — чтобы очистить место под кустом для последующего сбора орехов. Утром они пришли и обнаружили, что проделали все это с ольхой.}
sun-tː-in *ʁološI-na* *χod-a* ***tːapː=e=p-e,***
один-NO-ERG ольха-ATR дерево-DAT бить=3SG=LV-PERF
sun-tː-in=al ***cap=e=p-e.***
один-NO-ERG=ADD косить=3SG=LV-PERF
‘Один по ольхе бил, другой (под ней) косил.’
(Текст 2004 года)

7.2. Конструкция с постпозитивным отрицанием

Перфект проявляет исключительность в том, что у него имеется третья разновидность отрицания — причастие / деепричастие совершенного вида с отрицательным комплексом в постпозиции, ср. *bak-i te=ne* ‘не был’. На первый взгляд, эта конструкция должна формально считаться третьим отрицанием Аориста, поскольку в ней использована форма на *-i*, а не на *-e*. Тем не менее, такая интерпретация исключена по меньшей мере двум причинам. Во-первых, в удинском языке существует жесткое ограничение на расположение фокусной составляющей по отношению к финитному глаголу: она не может располагаться после глагольной вершины. Как видно по обязательной позиции личной

клитики, фокусной составляющей в отрицательных индикативных клаузах является показатель отрицания *te=*, и он может находиться либо перед глаголом, либо «внутри» него (во втором случае он располагается перед «функциональной» частью глагола), ср. (81) vs. (82) выше. Именно поэтому конструкции с постпозитивным отрицанием у финитных глагольных форм невозможны (ср. **bak-e te=ne* с Перфектом, **bak-sa te=ne* с Презенсом, **bak-o te=ne* с Будущим потенциальным и пр.). Таким образом, форма на *-i* в конструкции типа *bak-i te=ne* ‘не был’ — это не вершина клаузы, не финитный Аорист, а совпадающая с ним нефинитная форма причастия / деепричастия. Во-вторых, третий тип отрицания семантически соответствует именно Перфекту, а не Аористу: он имеет перфектное значение и почти всегда признается синонимичным именно формам типа *te=ne bak-e*, но не *te=ne bak-i*.

Судя по имеющимся текстам, частотность постпозитивного отрицания Перфекта далеко не так высока, как препозитивного отрицания, однако несколько превышает эндоклитическое, которое для Перфекта явно маргинально и отмечено в единичных случаях.

Третий тип отрицания также имеет широкую сферу действия, включающую всю пропозицию; его отличие от препозитивного отрицания, однако, удается выявить не до конца. Так, в приведенных ниже примерах вместо формы с постпозитивным отрицанием можно было бы употребить и препозитивное (*te=ne bak-e*, *te=ne tadec-e*, *te=z akː-e*). Напротив, отрицательный Аорист в соответствующих контекстах имел бы чисто событийное значение (‘мой брат не поехал в город’, ‘я тебя не увидел’ и пр.).

(84) *bez vači maskːv-in-a* ***ba-j***[29] ***te=ne***.
мой брат Москва-O-DAT быть-AOP NEG=3SG
‘Мой брат не бывал в Москве.’

[29] В удинской разговорной речи распространены редуцированные формы причастия / деепричастия СВ и Перфекта от частотного глагола ‘быть, стать’: согласный основы /k/ в таких формах выпадает, в результате чего исходное /baki/ превращается в /baj/ (как в примере (84)), а /bake/ — в /be(j)e/ (как в примерах (21) и (86)); см. подробнее [Майсак 2008a: 144–145].

(85) {Из предисловия к изданию удинского фольклора.}
me *паʁɨl-χo* *hälä* *čap-a* ***tad-ec-i***
PROX сказка-PL еще печать-DAT давать-DETR-AOP
te=ne.
NEG=3SG
'Эти сказки еще не издавались.' [Dabakov 2007]

(86) *gele* *vaχtː=e* *va* ***akː-i*** ***te=zu,***
много время=3SG ты:DAT видеть-AOP NEG=1SG
kːä=n *badal-be-e!*
что:NA=2SG меняться-LV-PERF
'Давно я тебя не видел, как же ты изменился!'

У Плюсквамперфекта, как и в целом у «ретроспективных» форм, также возможны два основных варианта отрицания, соответствующих отрицательному Перфекту, но с дополнительной клитикой прошедшего времени на правой периферии словоформы: ср. *te=ne bak-e=j* (< *te=ne bak-e* + *=j*) с отрицательным комплексом в препозиции к глаголу и *ba=te=ne=k-e=j* (< *ba=te=ne=k-e* + *=j*) — внутри него. Третья разновидность отрицания, также построенная на основе отрицательного Перфекта, состоит из причастия / деепричастия совершенного вида и отрицательного комплекса с клитикой прошедшего времени, ср. *bak-i te=ne=j* (< *bak-i te=ne* + *=j*). Все три возможных типа отрицания отмечаются в текстах; относительно их распределения верно то же, что было сказано о Перфекте выше. Ср. (87) с препозитивным расположением показателя, (88) с его эндоклитизацией и (89) с постпозицией.

(87) {Дети предложили Чукуди пойти с ними в лес, чему он весьма обрадовался.}
šo-tː-in *hälä* *sa* *čːäläj* ***te=ne*** ***akː-e=j.***
DIST-NO-ERG еще один лес NEG=3SG видеть-PERF=PST
'Он еще никогда не видел леса.' [Keçaari 2001]

(88) {Посмотрите, как растут лилии: они не трудятся, не прядут. Но, говорю вам,}
solomon-en=al ⟨…⟩ *me* *vard-urχo-j* *saj-ʒä-tː-ul*
Соломон-ERG=ADD PROX роза-PL-GEN один-RESTR-NO-SUPER
larikː ***la=te=ne=p-e=j.***
словно надевать=NEG=3SG=ST-PERF=PST
'...сам Соломон, (при всем своем блеске,) не одевался так, как любая из них.' (Лука 12:27)

(89) {Пропавшего мальчика искали, но никак не могли найти.}
u=n=kː-o *sal* ***bak-i*** ***te=ne=j***.
говорить=2SG=ST-POT вообще быть-AOP NEG=3SG=PST
‘Как будто[30] его вообще не было.’ [Keçaari 2001]

8. Проблема происхождения Аориста и Перфекта

8.1. Аорист как более старая форма

Установление происхождения и исторического развития грамматических форм является непростой задачей для нахско-дагестанских языков, для которых отсутствуют сколько-нибудь древние письменные памятники. Удинский язык как потомок языка Кавказской Албании, обладавшего оригинальным алфавитом и литературой, представляет собой исключение: благодаря обнаружению и недавней публикации двух древних рукописей с фрагментами библейских текстов мы в общих чертах представляем грамматическое устройство древнеудинского языка, в том числе его глагольную систему[31].

Согласно краткому грамматическому очерку в [Gippert et al. 2008], написанному Й. Гиппертом и В. Шульце, ядро видо-временной системы индикатива в языке кавказско-албанских палимпсестов составляли настоящее время, совпадающее с презентной основой на *-a*, и прошедшее время, образуемое от основы претерита при помощи суффикса *-j* (*-i*); обе эти формы использовались и в функции причастий. Две производные от них аналитические фор-

[30] Модальное слово *u=n=kː-o* (лексикализованная форма ‘ты скажешь’) имеет значение ‘как будто’, ‘можно подумать’ и, по всей видимости, является калькой с азербайджанского *deyəsən* ‘кажется’ либо *deyərsən* ‘как будто’ (‘говорить’ в форме 2-го лица ед.ч. оптатива на *-ə* либо будущего времени на *-r*).

[31] Издание двух кавказско-албанских рукописей, найденных в монастыре Св. Екатерины на Синае грузинским историком Зазой Алексидзе, было осуществлено коллективом ученых, в состав которых вошел и немецкий специалист по удинскому языку Вольфганг Шульце. Рукописи, представляющие собой палимпсесты с трудно читаемым нижним (собственно кавказско-албанским) слоем, включают Евангелие от Иоанна и лекционарий, сборник литургических чтений, — в общей сложности это около 120 страниц текста, созданного в промежутке между концом VII в. и X в. [Gippert et al. 2008]; см. также обзор [Майсак 2010].

мы, имперфект и плюсквамперфект, включали служебный элемент *-hej* (*hē*) — клитическую форму прошедшего времени от глагола *ihesun* ‘быть, стать’. Судя по всему, современный удинский Аорист на *-i* восходит именно к форме прошедшего времени на *-j* (*-i*); клитика же прошедшего времени *-hej* скорее всего послужила источником показателя «ретроспективного сдвига».

Фиксация «предка» Аориста в наиболее древних из существующих памятников удинского языка вполне соответствует его интуитивному восприятию как формы, грамматикализованной раньше остальных форм прошедшего времени. На это предположительно указывает, в частности, упомянутая выше редукция показателя *-i* в 3-м лице нерегулярных глаголов (раздел 3.4). Кроме того, само по себе значение перфективного прошедшего нередко является поздним этапом исторической эволюции (которому диахронически предшествует значение перфекта, см. ниже). Впрочем, трудно судить, возник ли Аорист на *-j* (*-i*) как перфектная форма — и, следовательно, за прошедшие века прошел существенный путь семантического развития, — либо он изначально имел чисто аористное значение.

Связь финитной формы перфективного прошедшего и нефинитной перфективной формы (как правило, деепричастия) является стандартной для языков лезгинской группы. Так, в цахурском языке аорист совпадает с перфективным деепричастием, которое, в свою очередь, тождественно перфективной основе [Кибрик, Тестелец (ред.) 1999: 86–87, 209][32]. Аорист лезгинского языка совпадает с перфективным деепричастием, которое образуется от основы перфектива при помощи суффикса *-na* [Haspelmath 1993: 131–132]. В агульском аорист также производен от перфективного деепричастия на *-na*, но является морфологизованной аналитической формой — сочетанием деепричастия и постпозитивной связки [Мерданова 2004: 72; Майсак 2012: 236–237]. В крызском языке аорист представляет собой субстантивированное перфективное причастие, без вспомогательного глагола [Authier 2009: 141]. Аналогичный источник — деепричастие или причастие от перфективной основы, возможно, исходно в сочетании

[32] Форма аориста совпадают с перфективной («терминативной») основой и в арчинском языке, хотя в качестве нефинитной формы она не используется [Кибрик 1977: 83, 86, 192].

со связкой (впоследствии утраченной), — правдоподобен и для удинского (и кавказско-албанского) Аориста.

8.2. Перфект как более молодая форма

Отсутствие в древнеудинских источниках формы, которая могла бы рассматриваться как предшественник Перфекта, может свидетельствовать о том, что Перфект появился в языке лишь позднее (либо находился в соответствующий период на периферии грамматической системы и не был зафиксирован в текстах). Как представляется, некоторые внутриязыковые особенности в поведении данной формы в сочетании с тем, что известно о положении дел в родственных удинскому языках и о путях развития глагольных категорий в целом, позволяют представить вероятный сценарий языковой эволюции удинского Перфекта.

С семантической точки зрения взгляд на Перфект как на сравнительно молодую форму оправдывается тем, что он в значительной степени сохраняет результативное значение, которое предшествует перфектному диахронически: ср. путь грамматикализации «РЕЗУЛЬТАТИВ > ПЕРФЕКТ > ПЕРФЕКТИВНОЕ ПРОШЕДШЕЕ» (или альтернативное развитие «РЕЗУЛЬТАТИВ > ПЕРФЕКТ > ИНФЕРЕНТИВНОЕ / ЗАГЛАЗНОЕ ПРОШЕДШЕЕ»), рассматриваемый на широком типологическом материале в [Bybee et al. 1994: ch. 3], однако известный в аспектологической литературе и раньше (см., в частности, [Маслов 1983]). Удинская форма, тем самым, не слишком далеко «ушла» по данному пути развития от исходной точки, пока еще не продвинувшись дальше собственно перфектного этапа.

Не вполне коррелирует с семантической «молодостью» план выражения Перфекта: он является синтетической формой с суффиксом *-е* при том, что типологически перфектные формы имеют сильную тенденцию к аналитической структуре. Так, в выборке, проанализированной в книге [Dahl 1985: 129], перфект имеет аналитическое выражение примерно в 85% случаев; как правило, исходная конструкция представляет собой причастие или аналогичную нефинитную форму в сочетании со связкой (либо другим вспомогательным глаголом). Подобные исходные структуры характерны для перфектных форм и в лезгинских языках. Например, в арчинском и цахурском языках перфекты представляют собой сочетание перфективных деепричастий и связок настоящего времени [Кибрик 1977: 86–87, 195; Кибрик,

Тестелец (ред.) 1999: 86–87, 209]. Перфекты в лезгинском и агульском языках образованы от перфективного деепричастия на *-na* при помощи вспомогательного глагола ‘быть, находиться внутри’ в настоящем времени [Haspelmath 1993: 131; Мерданова 2004: 72; Майсак 2012: 236–237]; в обоих языках эти сочетания морфологизованы и чаще употребляются уже в синтетическом виде. В крызском языке перфект представляет собой морфологизованное сочетание деепричастия предшествования и экзистенциальной связки [Authier 2009: 142]. Таким образом, хотя перфекты в названных языках и восходят к аналитическим конструкциям, в настоящее время они либо полностью, либо в значительной степени превратились в синтетические формы (что неудивительно, учитывая, что постпозитивный вспомогательный глагол, как правило, безударен и легко становится суффиксом либо вовсе утрачивается).

Аналогичную исходную структуру можно предполагать и для удинского Перфекта, признав его бывшей аналитической формой, претерпевшей быструю морфологизацию. В этом случае суффикс *-e* отражает слияние показателя нефинитной формы (причастия или деепричастия) и связки / вспомогательного глагола.

Как представляется, признание удинского Перфекта сравнительно недавно грамматикализованной формой позволяет понять и некоторые особенности его морфосинтаксиса. Во-первых, это упомянутое в разделе 2.1 предпочтение энклитической позиции лично-числового показателя (ср. *bak-e=ne*) перед эндоклизисом, свойственным таким наиболее частотным индикативным формам, как Аорист или Презенс (ср. *ba=ne=k-i*, *ba=ne=k-sa*). Одним из объяснений такого предпочтения может быть именно относительный возраст Перфекта: у исходной для него аналитической структуры личный показатель должен был находиться на постпозитивном вспомогательном глаголе, и современная энклитическая позиция отражает это расположение. В этом смысле эндоклизис личного показателя у Аориста или Презенса связан с тем, что эти формы были грамматикализованы раньше и связь с исходными для них структурами уже успели утратить[33]. При та-

[33] Не исключен и такой вариант, что Аорист и Презенс вообще не восходят к аналитическим конструкциям, а появились в результате синтаксической реинтерпретации нефинитных форм — соответственно,

ком подходе дефолтный эндоклизис личного показателя следует считать «нормальным» для финитных форм индикатива; соответственно, те более молодые формы, для которых эндоклизис затруднен или невозможен (последнее свойственно также Будущему общему и Будущему долженствования) еще не достигли этого «нормального» состояния [Maisak 2014].

Теоретически, позиция личного показателя может быть связана и не со структурными факторами, а с семантическими. Поскольку в целом расположение личных клитик отражает коммуникативную перспективу, эндоклизис свойствен тем глагольным формам, которые по умолчанию фокусируют пропозициональное содержание (в случае Аориста — ‘имела место ситуация типа P’); напротив, энклитический показатель включает в свою сферу действия всю глагольную форму и помещает в фокус истинностную оценку (в случае Перфекта — ‘то, что имела место ситуация P, является фактом’). При таком подходе, однако, неясно, почему наиболее близкая к Перфекту по значению форма, а именно Перфект II на *-ijo* (см. о нем Заключение), с точки зрения позиции личного показателя ведет себя не как Перфект, а как Аорист.

8.3. Постпозитивное отрицание и структура Перфекта

Второе явление, которое скорее всего напрямую связано с исходной аналитической структурой Перфекта, — это наличие у него отрицания с постпозицией комплекса «*te=* + лично-числовой показатель». Именно такая структура отрицания и ожидалась бы у исходной аналитической формы «причастие/деепричастие + связка»: в лезгинских языках отрицательные эквиваленты аналитических глагольных форм включают отрицательную (как правило, супплетивную) форму вспомогательного глагола. Отсутствие структуры с постпозицией отрицательного комплекса у таких форм, как Аорист или Презенс, свидетельствует, как и в случае с рассмотренным выше противопоставлением дефолтного эндоклизиса vs. энклизиса, либо о том, что эти формы уже успели утра-

перфективного причастия / деепричастия и дательного падежа инфинитива (согласно гипотезе, высказанной в [Майсак 2008б], удинский Презенс развился на основе отглагольной формы с локативным значением типа ‘находиться в делании’).

тить какую-либо «память» об изначальном аналитизме, либо о том, что они исходно и не были аналитическими[34].

Наличие постпозитивного отрицания у Перфекта позволяет уточнить его исходную структуру и утверждать, что в ее состав входило именно причастие, а не деепричастие (точнее, «форма на *-i* в функции причастия», поскольку эти две функции скорее всего совмещались у одной формы и на этапе возникновения Перфекта). Оснований для такого утверждения два. Первое состоит в том, что структура постпозитивного отрицания Перфекта (и Плюсквамперфекта) соответствует структуре предиката связочных предложений. Строго говоря, формально выраженной связки в современном удинском языке нет: предложения идентификации, характеризации, таксономии имеют структуру «[СУБЪЕКТ] [ПРЕДИКАТ]», при этом за предикатом следует личный показатель или отрицательный комплекс: ср. утвердительное предложение (90), отрицательное предложение (91), отрицательное предложение прошедшего времени (92).

(90) *bezi* *kalna-j* *pop-ur* *macːi=**ne**.*
[мой бабушка-GEN волосы-PL] [белый]=3SG
‘У моей бабушки белые волосы (букв. волосы моей бабушки белые).’ [Aydınov, Keçaari 1996a]

(91) *bezi* *kalna-j* *pop-ur* *macːi* ***te=ne**.*
[мой бабушка-GEN волосы-PL] [белый] NEG=3SG
‘У моей бабушки волосы не белые (букв. волосы моей бабушки белые не есть).’

(92) *bezi* *kalna-j* *pop-ur* *macːi* ***te=ne=j.***
[мой бабушка-GEN волосы-PL] [белый] NEG=3SG=PST
‘У моей бабушки волосы не были белыми (букв. волосы моей бабушки белые не были).’

---

[34] Финитные и нефинитные синтетические формы в лезгинских языках (если они не представляют собой морфологизованные аналитические конструкции) имеют префиксальное отрицание. Иногда именно стратегия образования отрицания позволяет различить совпадающие формы, ср. в лезгинском аорист *fena* ‘пошел’, тождественный перфективному деепричастию *fena* ‘пойдя’, при различии отрицательного аориста *fena-č* ‘не пошел’ и отрицательного деепричастия *te-fena* ‘не пойдя’ [Haspelmath 1993: 127].

Точно так же в клаузах с отрицательными Перфектом и Плюсквамперфектом отрицательный комплекс следует за предикатом. Поскольку причастие является более естественным кандидатом на роль вешины сказуемого в связочном предложении, чем деепричастие, именно его можно ожидать в исходной структуре наподобие **b-i te=ne* ‘не есть сделавший’, впоследствии грамматикализованной в аналитическую глагольную форму (> ‘не сделал’).

Второй довод в пользу причастия состоит в параллели между постпозитивным отрицанием Перфекта и постпозитивным отрицанием будущего времени, в котором отрицательный комплекс следует за причастием несовершенного вида на *-ala*. В отличие от подсистемы перфектива, имперфективное причастие на *-ala* не совпадает с деепричастием, эта форма используется только как вершина определительной клаузы (ср. ее использование в примерах выше — [*χojid beˤʁ-ala*] *aslan* ‘Аслан, который смотрит за полем’ в (23), *bazari* [*beli tojeʁ-ala*] *paj* ‘часть базара, где продается скот’ в (31) и др.). Финитная форма на *-ala*, Будущее долженствования типа *bak-ala=ne*, имеет дебитивное или проспективное значение (93). Особенность этой формы в том, что она образует отрицание по нефинитной стратегии — при помощи показателя *nu=* (ср. *nu=bak-ala=ne*); стандартные для индикативных форм отрицательные эквиваленты **te=ne bak-ala* и **ba=te=ne=k-ala* для нее невозможны.

(93) *insan-i ʁar-en gele äzjät* ***zapː-kː-ala=ne*** ⟨…⟩
человек-GEN сын-ERG много страдание тянуть-LV-DEB=3SG
‘Сын человеческий должен претерпеть много страданий...’
(Лука 9:22)

При этом структура с постпозитивным отрицанием *bak-ala te=ne* существует, но имеет не дебитивное/проспективное значение, а чисто футуральное (94), из-за чего кажется логичным считать его одной из разновидностей отрицания другой формы — Будущего общего на *-al*. Как и другие финитные формы, Будущее общее имеет отрицательные эквиваленты с препозицией и с эндоклитизацией отрицательного комплекса (ср. *te=ne bak-al*, *ba=te=ne=k-al*). Третий вариант отрицания, построенный на основе имперфективного причастия, тем самым проявляет асимметрию,

сходную с той, что наблюдается в случае Аориста / Перфекта: постпозитивное отрицание, построенное вроде бы на основе Будущего долженствования на *-ala*, семантически является отрицанием Будущего общего на *-al*[35].

(94) *ägär denis-en näjni bilet: **haq:-i** **te=ne**,*
если Денис-ERG вчера билет брать-AOP NEG=3SG
*ʁe **eʁ-ala** **te=ne**.*
сегодня приходить-PT:IPF NEG=3SG
'Если вчера Денис не купил билет, он сегодня не приедет.'

Не вдаваясь в подробности соотношения футуральных форм на *-al* и *-ala* и их происхождения (см. об этом [Майсак 2008б]), подчеркнем, что ключевым является использование в отрицательной структуре типа *bak-ala te=ne* именно причастия. Это позволяет говорить о постпозитивном отрицании Перфекта *bak-i te=ne* как тоже основанном на причастной форме (поэтому в примерах выше форму на *-i* в отрицательном Перфекте мы обозначаем как AOP).

Сходство в поведении между Перфектом и двумя будущими временами проявляется и в предпочтении энклитического расположения личного показателя (у будущих времен на *-al* и *-ala* эндоклизис личной клитики в утвердительных клаузах не просто маркирован, как у Перфекта, а вообще запрещен). Тем самым, достаточно вероятен сценарий, при котором Перфект и Будущее общее возникли позже других ядерных форм индикатива из конструкций с причастиями (соответственно, перфективным и имперфективным) и постпозитивным вспомогательным глаголом (связкой), что находит отражение в современных морфосинтаксических особенностях этих форм.

В пользу подобного сценария свидетельствует и еще одна параллель. В современном удинском языке практически не распространены классические аналитические формы с вспомогательным глаголом 'быть, стать', характерные для лезгинских языков. Однако именно от перфективного причастия на *-i* и имперфективного причастия на *-ala* такие формы встречаются (хотя и

[35] У Будущего общего постпозитивный отрицательный вариант типа *ʔbak-al te=ne* встречается в письменных текстах, однако не употребителен в речи и, как правило, не признается носителями.

не являются частотными), причем они имеют соответственно перфектное / результативное и проспективное / дебитивное значение[36]. Вспомогательный глагол *bak-* ‘быть, стать’ выступает в роли морфосинтаксического локуса и выражает те дополнительные видо-временные и модальные значения, которые недоступны простым формам Перфекта (собственно перфект / результатив настоящего времени) и Будущего долженствования (собственно проспектив / дебитив настоящего времени). Ср. ниже примеры с причастиями и вспомогательным глаголом в форме Кондиционала: аналитическая форма в (95) используется в функции «перфекта условного наклонения», тогда как сочетание в (96) имеет значение «условного дебитива».

(95) {Из биографии рано умершего удинского поэта.}
šon-o mal=al ***karχ-i*** ***bak-aji=n,*** *pːaˀ*
DIST-NA мало=ADD жить-AOP быть-COND=2/3SG два
drama ⟨…⟩, *vicː-urχo-n šeir, maˀʁ-urχo-jnakː*
драма десять-PL-ERG стихотворение песня-PL-BEN
äjit-muχ=e cam-p-e.
слово-PL=3SG писать-LV-PERF
‘Хотя он и мало прожил, он написал две драмы ⟨…⟩, десятки стихотворений, слова к песням.’ [Кечаари 1996]

(96) {Из собрания примет и поверий: Вечером нельзя отдавать из дома закваску.}
tad-ala ***bak-aji=n,*** *izi tːoˀʁoˀl kömür=tːun*
давать-PT:IPF быть-COND=2/3SG свой рядом уголь=3PL
laχ-o.
класть.сверху-POT
‘Если нужно (кому-то) дать, рядом кладут древесный уголь.’ {Если не положить, на скот нападет порча.}
[Keçaari 2001]

---

[36] Синтаксические свойства «результативной конструкции» — сочетания формы на *-i* и вспомогательного глагола *bak-* ‘быть, стать’ — кратко рассматриваются в [Ландер 2008: 69—71], где показано, что она не имеет структуру обычного эквативного предложения со связкой (‘это тот, кто сделал P’), а подверглась грамматикализации. При этом, по предположению Ю. А. Ландера, форма на *-i* выступает в составе данной конструкции скорее в функции деепричастия, а не причастия.

Наличие подобных аналитических конструкций показывает, что за выражение собственно значения перфекта / результатива (как и значение проспектива / дебитива в случае формы на *-ala*) «ответственна» прежде всего форма причастия, а значит именно к этой форме имеет смысл возводить современный синтетический Перфект на *-e*.

9. Заключение: итоги и перспективы

Итак, на материале ниджского диалекта мы рассмотрели две основные перфективные формы прошедшего времени в современном удинском языке — Аорист и Перфект. Их соотношение является достаточно типичным для лезгинских, а во многом и нахско-дагестанских языков в целом: обе формы относятся к перфективной подсистеме, при этом первая из них является стандартным перфективом прошедшего времени, активно используемым в нарративе, а вторая выражает прежде всего перфектное значение. Значение результатива — по всей видимости, диахронически исходное, — у Перфекта также сохраняется, однако говорить о дальнейшей грамматикализации этой формы в сторону простого прошедшего или средства выражения косвенной засвидетельствованности нет оснований.

Несмотря на типичность самого противопоставления аориста и перфекта, удинские формы имеют ряд интересных морфосинтаксических особенностей, таких как выпадение показателя Аориста в 3-м лице у нерегулярных глаголов, противопоставление позиции личного показателя, используемой по умолчанию (эндоклитика у Аориста vs. энклитика у Перфекта), стратегии образования отрицания (одна из них отмечается только у Перфекта, но не у Аориста), а также сам синтетический статус Перфекта, для аналогов которого в других языках более характерно аналитическое выражение. Очевидно, что все или почти все из перечисленных особенностей объясняются историей возникновения и развития рассматриваемых форм, хотя возможные попытки представить эту историю в отсутствие достоверных диахронических данных носят сугубо гипотетический характер.

Вместе с тем, материал родственных языков, а также учет тех закономерностей эволюции грамматических категорий, которые были выявлены в типологических исследованиях, позволяют

предложить сценарий диахронического развития удинских форм, который представляется достаточно правдоподобным. А именно, наиболее вероятен путь возникновения Аориста на основе перфективного деепричастия (возможно, исходно в сочетании с постпозитивной связкой, впоследствии утраченной), а Перфекта — на основе перфективного причастия со связкой или вспомогательным глаголом. Как видно, две исходные структуры достаточно близки, особенно если учесть, что в современном языке деепричастие и причастие перфективной подсистемы формально не различаются, а являются функциями одной и той же формы на *-i*. В случае, если такое совпадение имело место и в прошлом, исходные модели Аориста и Перфекта различались либо типом вспомогательного глагола (как это имеет место, например, в восточнолезгинских языках, где перфекты образуются при помощи вспомогательного глагола ‘быть, находиться внутри’, а не связки), либо тем, что в исходной модели Аориста вспомогательный глагол отсутствовал. В таком случае развитие Аориста представляло собой случай «инсубординации» (в терминах работы [Evans 2007]), то есть синтаксической реинтерпретации бывшей зависимой клаузы в качестве финитной[37]. Не исключено, что результатом подобного процесса в удинском языке явилось не

[37] Рассматривая случаи «инсубординации» (*insubordination*) на широком языковом материале, Н. Эванс в качестве отдельного типа отмечает возникновение финитных видо-временных форм за счет «смены дейктического центра» (*deictic recentring*) у нефинитных. Имеется в виду, что в подобных случаях происходит переосмысление отношения временно́й последовательности: если исходно оно устанавливалось между вершиной зависимой клаузы и главным предикатом, то затем — между ставшей независимой вершиной и моментом речи (так, например, инфинитив, обозначающий цель и не имеющий собственной временной референции, может стать формой будущего времени) [Evans 2007: 405—410]. Еще один сценарий использования зависимых форм в независимых предложениях предлагает М. Митун: по ее мнению, в ряде языков нефинитные формы начинают выражать свои функции уже не на уровне предложения, а на более высоком дискурсивном уровне; при этом атрибутивные нефинитные формы склонны использоваться в фоновых фрагментах нарративов, а обстоятельственные — обозначать последовательность тесно связанных подсобытий, которые говорящий хочет представить в виде единого комплекса [Mithun 2008].

только возникновение Аориста, но и других форм (например, Презенса или Будущего потенциального), и именно противопоставление между формами, претерпевшими «инсубординацию» и формами, восходящими к «настоящим» аналитическим конструкциям, и обусловило морфосинтаксические различия, связанные с позицией личного согласования и стратегией отрицания.

В заключение укажем на несколько аспектов, без которых исследование Аориста и Перфекта не может быть полным, однако которые остались за пределами настоящей работы.

Во-первых, внутри собственно ниджской глагольной системы это употребление формы на *-ijo*, наиболее близкой по значению Перфекту, в связи с чем для нее был выбран условный ярлык «Перфект II». Эта форма, как уже указывалось выше, совпадает с субстантивированным перфективным причастием: *-o* — это показатель субстантивации абсолютива ед.ч., и в роли вершины именной группы формы типа *har-ijo*, *p-ijo* означают ‘тот, кто пришел’, ‘тот, кто сказал’ (или ‘то, что было сказано’) и т.п.; ср. использование субстантивированных форм прилагательного, перфективного и имперфективного причастий в (97):

(97) *aχɨr šu=va kal-o, sulf-in bačI:an-e*
наконец кто=3SG:Q большой-NA скатерть-GEN спина-LOC
arc-i-jo, *joχsa q:ulluʁ-b-al-o?*
сидеть-AOP-NA или служить-LV-PT:IPF-NA
‘Ведь кто больше (букв. большой)? Тот, кто сидит за столом (букв. севший), или тот, кто ему прислуживает (букв. служащий)?’ (Лука 22:27)

В текстах финитная форма Перфекта II встречается гораздо реже основного Перфекта (хотя она достаточно употребительна в поэзии Г. А. Кечаари) и, согласно суждению носителей, может быть заменена на Перфект без потери смысла. Разница между двумя перфектами, судя по всему, лежит не в области грамматической семантики, а в специфических прагматических нюансах или коммуникативной перспективе, которая ассоциируется с формой на *-ijo*. Так, наиболее характерными примерами ее использования признаются высказывания, которые содержат объяснение или оправдание (98), апелляцию к известному факту (99), описа-

ние положения дел, характерного для прошедшего периода времени (100):

(98) {Бригадир спрашивает у сидящего на стоге сена мужика, что он там делает. Тот говорит: — Ничего особенного.}
valla, *uˀʁ-e=z,* *lac-i*
клянусь пить-PERF=1SG подниматься-AOC
bas=ez=kː-ijo.
спать=1SG=ST-PERF2
‘Клянусь, я (просто) выпил, поднялся сюда и заснул.’
(Текст 2004 года)

(99) *zu mija bez äš-urχo bos-i=z* ***har-ijo*** ⟨…⟩
я PLOC мой дело-PL бросать-AOC=1SG приходить-PERF2
‘Я ведь все дела бросил и сюда приехал...’ {а он со мной так поступает!}

(100) {Начало рассказа о сельскохозяйственных работах прошлого.}
beˀšI-aχun *tütün-ä=ne* ***äš-pː-ijo.***
впереди-ABL табак-DAT=3SG работать-LV-PERF2
‘Раньше разводили табак.’ (Текст 2004 года)

Противопоставление между видо-временными формами, построенными на основе причастий, и формами другого происхождения характерно для ряда других лезгинских языков — ср. [Кибрик, Тестелец (ред.) 1999: 394–419] об «атрибутивных» vs. «неатрибутивных» глагольных формах в цахурском, [Майсак 2012] и [Майсак, Мерданова (наст. сб.)] об особой серии «причастных» аналитических форм в агульском. В книге Е. Ю. Калининой, обобщающей данные об использовании причастий и деепричастий в роли вершин независимых предложений, инвариантом грамматической семантики причастных форм предлагается считать «редукцию ассертивности» (под ассертивностью имеется в виду способность нести фокус); использование причастия связывается также с выражением факта в противопоставление событию [Калинина 2001: 195, 201–202]. Относительно удинского Перфекта II в целом также складывается ощущение, что его употребление подчеркивает известность ситуации в прошлом, и выбор именно данной формы происходит не с целью ввести в рассмот-

рение новое положение дел, а с целью подчеркнуть истинность уже известного факта, в том числе в качестве объяснения другой ситуации[38]. Впрочем, эти предварительные соображения требуют проверки и уточнения в ходе дальнейшего исследования.

Во-вторых, данные ниджского диалекта нуждаются в сопоставлении с данными варташенского диалекта (включая зинобианский говор). Можно ожидать, что употребления Аориста и Перфекта в других диалектных разновидностях удинского языка не будет полностью тождественным, и установление различий окажется плодотворным для понимания природы этих форм. Ситуация осложняется тем, что в настоящее время корпус современных варташенских текстов отсутствует; основной массив имеющихся источников относится лишь к концу XIX — началу XX вв. и представлен переводом Четвероевангелия и сказками [Бежанов 1902; Дирр 1904; Dirr 1928].

Наконец, в-третьих, в еще более широкой перспективе, нуждается в осмыслении роль ареального компонента в развитии удинской видо-временной системы. На протяжении многих веков удинский язык находился в контакте с другими языками восточного Закавказья, прежде всего армянским, азербайджанским и иранскими, и роль контактного влияния со стороны этих языков на удинский трудно переоценить. Выше, предлагая возможные пути грамматикализации удинских видо-временных форм, мы исходили из того, что они возникли «сами по себе», на основе исключительно внутриязыковых ресурсов. Между тем, по край-

[38] Эти свойства Перфекта II (как отчасти и основного Перфекта, см. раздел 4.2) во многом соответствуют характеристикам фактивных сентециальных актантов. Так, в одном из недавних исследований фактивности — выполненном, правда, в основном на материале английского языка, — отмечается, что фактивные зависимые клаузы имеют «время наблюдения» (*topic time*), предшествующее или частично пересекающееся со «временем наблюдения» матричного предиката, и что фактивное зависимое содержит информацию о ситуации, относящейся к «данному», т.е. уже введенному ранее в дискурс, либо непосредственно к ситуации коммуникации или общим знаниям ее участников [Schulz 2003: 19–20, 57–58, 64–66]. Все это напрямую связано с пресуппозитивным статусом фактивных зависимых, часто выражаемых причастиями или другими типами номинализованных глагольных форм.

ней мере в истории некоторых форм значительную роль могло сыграть копирование соответствующих моделей из других языков. Одним из ярких примеров ареальной параллели в видо-временной парадигме является удинский Презенс на *-sa*, который морфологически представляет собой дательный падеж (исходно — инэссив) на *-a* от инфинитива на *-es*. В родственных языках модель образования презенса на основе падежной формы отглагольного имени не отмечается, тогда как в азербайджанском имеется явное соответствие: форма дуративного презенса на *-maq-da*, где *-maq* — показатель инфинитива, а *-da* — суффикс локативного падежа [Майсак 2008б: 169–172; Maisak 2011: 40–43]. Удинская глагольная система проявляет сходство с азербайджанской и в том, что целый ряд финитных синтетических форм (не включающих связку) совпадает с причастиями, ср. азербайджанский перфект / перфектное причастие на *-miş*, будущее время / причастие будущего времени на *-acaq*, долженствовательное наклонение / причастие долженствования на *-malı* и др. [Ширалиев, Севортян (ред.) 1971: 119, 125, 137, 139]. Выяснение того, насколько неслучайны подобные структурные параллели в языках, давно контактирущих с удинским, является интересной задачей на будущее.

Список условных сокращений

1SG, 1PL, 2SG, 2PL, 3SG, 3PL — показатели субъектного лично-числового согласования; 3SG:Q — вопросительный показатель 3 л. ед.ч.; ABL — аблатив; AD — адэссив; ADD — аддитивная частица; ADV — адвербиальный показатель; AG — имя деятеля; AOC — аористное деепричастие; AOP — аористное причастие; AOR — аорист; ATR — атрибутивный показатель; BE — бытийный глагол; BEN — бенефактив; COMP — комплементайзер; COORD — сочинительный показатель; CTRF — контрфактив; DAT — датив; DEB — будущее долженствования; DEML:PRED — предикативный демонстратив (в агульском); DETR — детранзитив; DIST — дальний демонстратив; DLOC — дальний локативный демонстратив; ELAT — элатив (в агульском); ERG — эргатив; GEN — генитив; IMP — императив; INF — инфинитив; INS — инструменталис; JUSS — юссив; LOC — локатив; LV — служебный глагол (в сложных глаголах); MED — средний демонстратив; MSD — масдар; NA — показатель номинализации (абсолютив); NEG — отрицание; NO — показатель номинализации (косвенная основа); O — косвенная основа; ORD — показатель

порядкового числительного; PERF — перфект; PERF2 — перфект II; PF — перфективная основа (в агульском); PL — множественное число; PLOC — ближний локативный демонстратив; POT — будущее потенциальное; PROH — прохибитив; PROX — ближний демонстратив; PRS — презенс; PST — клитика прошедшего времени; PT:IPF — имперфективное причастие; PTCL — частица; RDP — редупликация; RESTR — рестриктивный показатель; ST — часть простой глагольной основы (отделяемая эндоклитиками); SUBJ — конъюнктив; SUPER — суперэссив (в агульском — локализация ‘супер’); TEMP — темпоральный конверб; VOC.F — вокативная частица (жен.р.); VOC.M — вокативная частица (муж.р.).

Литература

Арутюнова 1988 — Н. Д. Арутюнова. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988.

Бежанов 1902 — С. Бежанов. Господа Нашего Иисуса Христа Святое Евангелие от Матфея, Марка, Луки и Иоанна на русском и удинском языках // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. XXX. Тифлис, 1902.

Библия 2011 — Библия. Современный русский перевод. М.: РБО, 2011.

Волков, Пупынина, наст. сб. — О. С. Волков, М. Ю. Пупынина. Категория перфекта в чукотско-камчатских языках // Настоящий сборник.

Ганиева 2011 — А. М. Ганиева. Волшебные сказки народов Дагестана // А. М. Ганиева (сост.) Свод памятников фольклора народов Дагестана. Том 2. Волшебные сказки. М.: Наука, 2011.

Гигинейшвили 1959 — Б. Гигинейшвили. О категории аспекта в удинском языке // Иберийско-кавказское языкознание. Т. 11. Тбилиси, 1959. С. 361–383. [На груз. яз.]

Гукасян 1974 — В. Л. Гукасян. Краткий очерк грамматики удинского языка // В. Л. Гукасян. Удинско-азербайджанско-русский словарь. Баку, 1974.

Джейранишвили 1971 — Е. Ф. Джейранишвили. Удийский язык: Грамматика. Хрестоматия. Словарь. Тбилиси, 1971. [На груз. яз.]

Дирр 1904 — А. Дирр. Грамматика удинского языка // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. XXXIII. Тифлис, 1904.

Калинина 2001 — Е. Ю. Калинина. Нефинитные сказуемые в независимом предложении. М.: ИМЛИ РАН, 2001.

Касьян 2014 — А. С. Касьян. К формальной генеалогической классификации лезгинских языков // Вопросы языкового родства 11, 2014. С. 63–80.

Кечаари 1996 —Ж. Кечаари (сост.). Нана очъал. Баку, 1996. [На удин. яз.]

Кибрик 1977 — А. Е. Кибрик. Опыт структурного описания арчинского языка. Т. 2: Таксономическая грамматика. М.: МГУ, 1977.

Кибрик, Тестелец 1999 — А. Е. Кибрик, Я. Г. Тестелец (ред.). Элементы цахурского языка в типологическом освещении. М.: Наследие, 1999.

Козлов 2016 — А. А. Козлов. Мокшанский результатив и диахрония результативной конструкции // Вопросы языкознания 1, 2016. С. 51–75.

Коряков 2006 — Ю. Б. Коряков. Атлас кавказских языков. М.: Пилигрим, 2006.

Ландер 2008 — Ю. А. Ландер. Причастные конструкции или некатегориальное подчинение? // М. Е. Алексеев, Т. А. Майсак (отв. ред.). Удинский сборник: грамматика, лексика, история языка. М.: Academia, 2008. С. 54–95.

Ландер 2011 — Ю. А. Ландер. Удинская цепочечная деепричастная конструкция // П. А. Магомедова (ред.). Андийские языки среди языков народов Дагестана. Материалы научно-практической конференции языковедов (6–8 июня 2011 года). Махачкала, 2011. С. 53–61.

Майсак 2008а — Т. А. Майсак. Глагольная парадигма удинского языка (ниджский диалект) // М. Е. Алексеев, Т. А. Майсак (отв. ред.) Удинский сборник: грамматика, лексика, история языка. М.: Academia, 2008. С. 96–161.

Майсак 2008б — Т. А. Майсак. Семантика и происхождение глагольных форм настоящего и будущего времени в удинском языке // М. Е. Алексеев, Т. А. Майсак (отв. ред.). Удинский сборник: грамматика, лексика, история языка. М.: Academia, 2008. С. 162–222.

Майсак 2009 — Т. А. Майсак. Синтаксис и семантика в распределении показателей отрицания (на материале удинского языка) // Н. Д. Арутюнова (ред.). Логический анализ языка. Ассерция и негация. М.: Индрик, 2009.

Майсак 2010 — Т. А. Майсак. К публикации кавказско-албанских палимпсестов из Синайского монастыря // Вопросы языкознания 6, 2010. С. 88–107.

Майсак 2012 — Т. А. Майсак. Причастные формы в видо-временной системе агульского языка // В. А. Плунгян (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. VI: Типология аспектуальных систем и категорий. Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. VIII. Ч. 2. СПб.: Наука, 2012. С. 228–289.

Майсак 2013 — Т. А. Майсак. Удинский перфект: анализ употреблений в параллельном корпусе // Семантика языковых единиц разных уровней. Вып. 15. Махачкала, 2013. С. 97–100.

Майсак 2014 — Т. А. Майсак. Удинский перфект в параллельном корпусе (на материале перевода Евангелия от Луки) // Структурная и прикладная лингвистика. Вып. 10. СПб., 2014. С. 119–142.

Майсак, Мерданова, наст. сб. — Т. А. Майсак, С. Р. Мерданова. Перфект и смежные значения в агульском языке // Настоящий сборник.

Маслов 1983 — Ю. С. Маслов. Результатив, перфект и глагольный вид // В. П. Недялков (ред.). Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект). Л.: Наука, 1983.

Мерданова 2004 — С. Р. Мерданова. Морфология и грамматическая семантика агульского языка (на материале хпюкского говора). М.: Советский писатель, 2004.

Недялков, Яхонтов 1983 — В. П. Недялков, С. Е. Яхонтов. Типология результативных конструкций // В. П. Недялков (ред.). Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект). Л.: Наука, 1983.

Панчвидзе 1974 — В. Н. Панчвидзе. Грамматический анализ удинского языка. Тбилиси, 1974. [На груз. яз.]

Панчвидзе, Джейранишвили 1967 — В. Н. Панчвидзе, Е. Ф. Джейранишвили. Удинский язык // Языки народов СССР. Т. IV. Иберийско-кавказские языки. М.: Наука, 1967.

Плунгян 2001 — В. А. Плунгян. Антирезультатив: до и после результата // В. А. Плунгян (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. I: Грамматические категории. М.: Гнозис, 2001. С. 50–88.

Сичинава 2013 — Д. В. Сичинава. Типология плюсквамперфекта. Славянский плюсквамперфект. М.: АСТ-Пресс, 2013.

Ханина, Шлуинский, наст. сб. — О. В. Ханина, А. Б. Шлуинский. Энецкий перфект: дискурсивные употребления у эвиденциально-адмиративного перфекта // Настоящий сборник.

Ширалиев, Севортян 1971 — М. Ш. Ширалиев, Э. В. Севортян (ред.). Грамматика азербайджанского языка. Баку: Элм, 1971.

Authier 2009 — G. Authier. Grammaire Kryz (Langue caucasique d'Azerbaïdjan, dialecte d'Alik). Leuven–Paris: Peeters, 2009.

Aydınov, Keçaari 1996a — Y. A. Aydınov, J. A. Keçaari. Əlifba (TIetiir). Bəkü, 1996a.

Aydınov, Keçaari 1996a — Y. A. Aydınov, J. A. Keçaari. Udin muz (Udi dili), 3. Bəkü, 1996b.

Bybee et al. 1994 — J. L. Bybee, R. Perkins, W. Pagliuca. The evolution of grammar: Tense, aspect and modality in the languages of the world. Chicago: University of Chicago Press, 1994.

Chirikba 2008 — V. A. Chirikba. The problem of the Caucasian Sprachbund // P. Muysken (ed.). From linguistic areas to areal linguistics. Amsterdam: John Benjamins, 2008. P. 25–94.

Dabakov 2007 — V. V. Dabakov (сост.). Udiğoy folklor: Nağılxo. Legendoox. Астрахань, 2007.

Dahl 1985. — Ö. Dahl. Tense and aspect systems. Oxford: Basil Blackwell, 1985.

Dahl 2000 — Ö. Dahl (ed.). Tense and aspect in the languages of Europe. Berlin: Mouton de Gruyter, 2000.

Dirr 1928 — A. Dirr. Udische Texte // Caucasica 5, 1928. P. 60–72.

Evans 2007 — N. Evans. Insubordination and its uses // I. Nikolaeva (ed.). Finiteness: Theoretical and empirical foundations. Oxford: Oxford University Press, 2007.

Gippert et al. 2008 — J. Gippert, W. Schulze, Z. Aleksidze, J.-P. Mahé. The Caucasian Albanian palimpsests from Mt. Sinai. Edition and interpretation. Vol. 1. Turnhout: Brepols, 2008.

Harris 1996 — A. C. Harris. Focus in Udi // H. I. Aronson (ed.). NSL 8: Linguistic studies in the non-Slavic languages of the Commonwealth of Independent States and the Baltic Republics. Chicago: Chicago Linguistic Society, 1996. P. 201–220.

Harris 2000 — A. C. Harris. Where in the word is the Udi clitic? // Language 76, 2000. P. 593–616.

Harris 2002 — A. C. Harris. Endoclitics and the origins of Udi morphosyntax. Oxford: Oxford University Press, 2002.

Haspelmath 1993 — M. Haspelmath. A grammar of Lezgian. Berlin: Mouton de Gruyter, 1993.

Hooper 1998 — R. Hooper. Universals of narrative pragmatics: a Polynesian case study // Linguistics 36, 1998. P. 119–160.

Jäger 2008 — A. Jäger. History of German negation. Amsterdam: John Benjamins, 2008.

Johanson 2000 — L. Johanson. Turkic indirectives // L. Johanson, B. Utas. (eds.). Evidentials: Turkic, Iranian and neighbouring languages. Berlin & New York: Mouton de Gruyter, 2000. P. 61–87.

Johanson 2003 — L. Johanson. Evidentiality in Turkic // A. Y. Aikhenvald, R. M. W. Dixon (eds.). Studies in evidentiality. Amsterdam & Philadelphia: John Benjamins, 2003. P. 273–290.

Keçaari 2001 — Ҡ. Keçaari. Orayin. Bakı, 2001.

Kiparsky, Kiparsky 1971 — P. Kiparsky, C. Kiparsky. Fact // D. Steinberg, L. Jacobovits (eds.). Semantics. Cambridge, MA: University Press, 1971. P. 345–369.

Kuteva 2001 — T. Kuteva. Auxiliation: an enquiry into the nature of grammaticalization. Oxford: Oxford University Press, 2001.

Labov 1972 — W. Labov. The transformation of experience in narrative syntax // W. Labov. Language in the inner city: Studies in the Black English vernacular. Philadelphia: University of Pensylvania Press, 1972. P. 354–396.

Maisak 2011 — T. Maisak. The Present and the Future within the Lezgic tense and aspect systems // G. Authier, T. Maisak (eds.). Tense, aspect, modality and finiteness in East Caucasian languages. Bochum: Brockmeyer, 2011. P. 25–66.

Maisak 2014 — T. Maisak. Person agreement, information structure and reduced finiteness in Udi. Paper presented at the Syntax of the World's Languages VI, Pavia, 8–10 September 2014. https://www.academia.edu/18376047/

McCawley 1971 — J. D. McCawley. Tense and time reference in English // Ch. Fillmore, T. Langendoen (eds.). Studies in linguistic semantics. New York: Holt, Rinehart & Winston. P. 96—113.

Mithun 2008 — M. Mithun. The extension of dependency beyond the sentence // Language 84, 2008. P. 69–119.

Schiefner 1863 — A. A. Schiefner. Versuch über die Sprache der Uden. St. Petersburg, 1863.

Schulz 2003 — P. Schulz. Factivity: Its nature and acquisition. Tübingen: Niemeyer, 2003.

Schulze 1982 — W. Schulze. Die Sprache der Uden in Nordazerbajdžan. Studien zur Synchronie und Diachronie einer süd-ostkaukasischen Sprache. Wiesbaden: Harrassowitz, 1982.

Schulze 2001 — W. Schulze. The Udi Gospels. Annotated text, etymological index, lemmatized concordance. Munich/Newcastle: Lincom Europa, 2001.

Schulze-Fürhoff 1994 — W. Schulze-Fürhoff. The Udi language. A grammatical sketch // R. Smeets (ed.). The indigenous languages of the Caucasus. Vol. IV: The North East Caucasian Languages, Part 2. Delmar, N.Y.: Caravan, 1994.

Удинские переводы библейских книг приводятся по изданиям:

Rut', Iona. Chambersburg, 2009.

Luk'an exlətbi Mŭq Xavar. Bakı, 2011.

Т. А. Майсак, С. Р. Мерданова

ИЯз РАН, ИЯз РАН — Московский городской психолого-педагогический университет, Москва

ПЕРФЕКТ И СМЕЖНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ В АГУЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ[1]

1. Введение: агульский глагол и идентификация перфекта

В настоящей статье рассмотрены средства выражения перфектного значения и ряда смежных значений в агульском языке — одном из языков лезгинской группы нахско-дагестанской семьи. Глагольная система агульского языка достаточно богата и, в частности, включает несколько форм прошедшего времени индикатива. Некоторые из этих форм выражают значения, в типологической перспективе ассоциируемые с перфектом. Тем не менее, ответ на вопрос о том, имеется ли в агульском языке специализированная форма перфекта (‘ситуация имела место в прошлом и сохраняет текущую релевантность’), не так прост по причинам, которые будут обсуждаться ниже.

Работа основана на данных одноаульного агульского диалекта, на котором говорят жители небольшого села Хпюк Курахского района Республики Дагестан. В целом диалектная система агульского языка, большинство носителей которого проживает в двух десятках сел южного Дагестана, достаточно разветвлена; большая группа «собственно агульских» диалектов и кошанский диалект даже не являются взаимопонятными. Внутри собственно агульской группы выделяется центральная группа говоров, а также керенский, буркиханский, цирхинский, фитинский и хпюкский диалекты: последний проявляет сходство как с керенским диалектом, так и с некоторыми центральными говорами, что отражает смешанный характер засе-

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке РНФ, проект № 14-18-02624 «Диахронически нестабильные аспектуальные категории».

ления села Хпюк (по всей видимости, возникшего позже остальных агульских поселений).

Ядро видо-временной системы индикатива устроено во всех агульских диалектах сходным образом[2]. К нему относятся аналитические по происхождению формы, представляющие собой сочетания смыслового глагола в форме перфективного или имперфективного деепричастия, инфинитива или одного из нескольких причастий и постпозитивного вспомогательного глагола — именной связки *е* либо локативного стативного глагола *а* (*аа*, *аjа*) ‘быть, находиться внутри’. Вспомогательный глагол может иметь форму настоящего либо прошедшего времени; стандартное отрицание также выражается на вспомогательном глаголе (супплетивной формой). Деепричастия при этом сочетаются с обоими вспомогательными глаголами, инфинитив и причастия — только со связкой.

Формы от деепричастий и инфинитива регулярного глагола *аq’as* ‘делать’ приведены в таблице 1. Как хорошо по ней видно, формы от деепричастий образуют симметричную «прямоугольную» систему 4×2. В ней, с одной стороны, реализуется основное видовое противопоставление между перфективным vs. имперфективным рассмотрением ситуации (по форме смыслового глагола). С другой стороны, финитная форма вспомогательного глагола (настоящее vs. прошедшее время) определяет принадлежность ситуации к «плану настоящего» либо «плану прошедшего» — в рамках этого противопоставления вспомогательный глагол маркирует временную референцию (или, более точно, актуальность по отношению к моменту речи)[3].

---

[2] Глагольная система хпюкского говора, в т.ч. семантика грамматических форм, описана в [Мерданова 2004], а также, несколько под другим углом, в [Майсак 2012] (последняя работа основана главным образом на данных корпуса хпюкских текстов).

[3] В соответствии с конвенцией, получившей распространение после выхода работы [Comrie 1976], далее названия конкретно-языковых форм (например, агульского Перфекта) даются с прописной буквы, а аналогичные названия межъязыковых категорий — со строчной.

Таблица 1. Аналитические формы от деепричастий и инфинитива.

Структура	Подсистема СВ	Подсистема НСВ
CONV + COP:PRS	Аорист *aq'une* < **aq'una e* 'сделал'	Хабитуалис наст. вр. *aq'aje* < *aq'aj e* 'делает (обычно)'
CONV + COP:PST	Прошедшее неактуальное *aq'unij* < **aq'una ij* 'сделал (тогда)'	Хабитуалис прош. вр. *aq'aji* < *aq'aj ij* 'делал (обычно)'
CONV + 'be in'.PRS	Результатив *aq'unaa* / *aq'unaja* < *aq'una a* / *aja* 'сделал, сделано'	Презенс *aq'aa* / *aq'aja* < *aq'aj a* / *aja* 'делает'
CONV + 'be in'.PST	Результатив прош. вр. *aq'unaji* < *aq'una aji* 'было сделано (к тому моменту)'	Имперфект *aq'aji* < *aq'aj aji* 'делал (в тот момент)'
INF + COP:PRS	—	**Подсистема инфинитива** Будущее время *aq'ase* < *aq'as e* 'сделает'
INF + COP:PST	—	Ирреалис *aq'asij* < *aq'as ij* 'сделал бы'

«Причастная» подсистема финитных аналитических форм симметрична «деепричастной» и также может быть представлена в виде «прямоугольника» 4×2, в котором половина форм относится к «плану настоящего» (и включает связку в настоящем времени), а половина — к «плану прошедшего». В Таблице 2 каждой из форм данной подсистемы приписан условный ярлык, подчеркивающий параллелизм «причастной» формы и одной из форм «деепричастной» подсистемы; подробнее о природе этого параллелизма см. [Майсак 2012].

Аналитические формы образуются от четырех причастий, которые выступают в субстантивированной форме с показателем *-f*. Два из них — это простые перфективное и имперфективное причастия, совпадающие с соответствующими аспектуальными основами, ср. *aq'u-f* 'сделавший, сделанный', *aq'a-f* 'делающий,

делаемый’. Еще два причастия — результативное и презентное — сами по себе имеют аналитическое происхождение: результативное причастие *aq’unaje-f*, как и Результатив, восходит к сочетанию перфективного деепричастия и локативного глагола (*aq’una aje-f*), а презентное причастие *aq’aje-f*, как и финитный Презенс, восходит к сочетанию имперфективного деепричастия и локативного глагола (*aq’aj aje-f*). Отличие лишь в том, что вспомогательный локативный глагол в данном случае имеет не финитную форму, как в Результативе и Презенсе, а форму причастия *aje-f* ‘находящийся’[4].

Таблица 2. Аналитические формы от причастий.

Структура	Подсистема СВ	Подсистема НСВ
PT + COP:PRS	«Причастный» аорист *aq’ufe* < *aq’uf e* ‘делал (однажды)’	«Причастный» хабитуалис наст. вр. *aq’afe* < *aq’af e* ‘свойственно, положено делать’
PT + COP:PST	«Причастное» прош. неактуальное *aq’ufij* < *aq’uf ij* ‘сделал (когда-то, однажды)’	«Причастный» хабитуалис прош. вр. *aq’afij* < *aq’af ij* ‘имел обыкновение делать’
PT:RES / PT:PRS + COP:PRS	«Причастный» результатив *aq’unajefe* < *aq’unajef e* ‘уже сделано’	«Причастный» презенс *aq’ajefe* < *aq’ajef e* ‘обычно делает; собирается делать’
PT:RES / PT:PRS + COP:PST	«Причастный» результатив прош. вр. *aq’unajefij* < *aq’unajef ij* ‘было сделано (к тому моменту)’	«Причастный» имперфект *aq’ajefij* < *aq’ajef ij* ‘собирался делать’

[4] Не исключено, что аналитические формы типа *aq’unajef-e* и *aq’ajef-e* представляют собой результат стяжения не собственно причастий *aq’unajef* и *aq’ajef* с вспомогательным глаголом-связкой *e*, а деепричастий *aq’una* и *aq’aj* с «причастной» формой презенса вспомогательного глагола *ajef-e* (ср. *aq’unajef-e* < **aq’una ajef-e*, *aq’ajef-e* < **aq’aj ajef-e*); для дальнейшего изложения это не принципиально.

При обсуждении перфектной зоны нас будут интересовать формы перфективной подсистемы «плана настоящего»; в таблицах 1 и 2 они затенены. Три наиболее частотных из этих форм используются при переводе первых семи предложений «Анкеты по перфекту» (*The Perfect Questionnaire*), представленной в [Dahl (ed.) 2000: 800—809][5]:

(1) {A: Я хочу дать твоей сестре почитать какую-нибудь книгу. Она читала что-нибудь из этих книг? B:}
aw, gi ***ruχ.u-f-e*** *me kitab.* •
да DEMG(ERG) читать.PF-S-COP DEMM книга
‘Да, она читала эту книгу.’

(2) {A: Твоя сестра, похоже, не дочитывает книги до конца. B: Нет, почему же.}
me kitab gi k’ildi ***ruχ.u-ne.*** •
DEMM книга DEMG(ERG) целиком читать.PF-AOR
‘Эту книгу она прочитала.’

(3) {A: Жив ли еще царь этой страны?}
wa?, ge ***k’.i-ne*** / ***k’.i-naa.*** •
нет DEMG умирать.PF-AOR умирать.PF-RES
‘Нет, он умер.’

(4) *wa-s* ***ag.u-f-e-wa*** *ze či?* •
ты-DAT видеть.PF-S-COP-Q мой сестра
‘Ты (когда-нибудь) видел мою сестру?’

(5) {Ребенок: Можно я пойду гулять? Мама:}
wun dars-ar ***aq’.u-ne-wa*** / ***aq’.u-na-wa?*** •
ты урок-PL делать.PF-AOR-Q делать.PF-RES-Q
‘А ты сделал уроки?’

(6) {Вопрос: Ты знаешь мою сестру? Ответ:}
aw, za-s ***ag.u-f-e*** *ge.* •
да я-DAT видеть.PF-S-COP DEMG
‘Да, я видел ее.’

[5] Здесь и далее примеры, полученные в ходе элиситации, маркированы знаком • (прочие примеры заимствованы из корпуса хпюкских текстов, см. ниже).

(7) {Вопрос: Можно ли плавать в этом озере? Ответ:}
aw, zun sa ximu-gala ǯan-ar ʕučː.u-f-e
да я один сколько-раз тело-PL мыть.PF-S-COP
gi-sa-ʕ. •
DEMG-LOC-INTER
‘Да, я в нем плавал (купался) уже несколько раз.’

«Анкета по перфекту» представляет собой расширенную версию «Анкеты по виду, модальности и времени» (*The TMA questionnaire*), использованной в типологическом исследовании [Dahl 1985], и призвана помочь в изучении употребления перфектных или близких к ним форм в языках мира. Первые семь предложений анкеты позволяют предварительно идентифицировать в языке форму перфекта: лучшим кандидатом на эту роль является та форма, которая использована в большинстве из этих семи предложений и выражает при этом определенное отношение между событием в прошлом и текущим положением дел [Dahl (ed.) 2000: 806]. Независимо от того, используется ли во всех семи случаях (или в большинстве из них) одна форма, либо же имеет место конкуренция между несколькими грамматическими средствами, собственно перфекта среди кандидатов в итоге может и не оказаться — это становится ясно при привлечении дополнительных контекстов.

В хпюкских переводах фраз (1)—(7) использованы три формы — Аорист (2, 3, 5), «причастный» Аорист (1, 4, 6, 7) и Результатив (3, 5); в большинстве предложений допустим и «причастный» Результатив, однако он не возникает как первый и наиболее нейтральный вариант перевода. Каждая из этих форм, следовательно, «не чужда» одной из интерпретаций, типологически свойственных перфектам. Вопрос, однако, состоит в том, не является ли значение данных форм более широким, так что собственно перфектный компонент не играет в семантике соответствующей формы ключевой роли. Ответу на этот вопрос посвящены разделы 2—5, в каждом из которых рассмотрена одна из форм — кандидатов на роль перфекта. В разделе 6 дается краткий обзор возможных плюсквамперфектов — эквивалентов Аориста, «причастного» Аориста, Результатива и «причастного» Результатива в «плане прошлого». Итоги обсуждения подведены в Заключении.

2. Аорист: перфективное прошедшее

Форма на *-ne*, называемая нами Аористом (либо «Прошедшим перфективным»), наиболее проста с точки зрения проблемы идентификации перфекта в агульском языке. Несмотря на то, что она употреблена в примерах (2), (3) и (5) (в двух последних — в качестве одного из вариантов), перфектом она считаться не может.

Во-первых, данная форма имеет гораздо более общее значение, чем обозначение ситуации в прошлом, релевантной для текущего момента. Собственно, значение релевантности для данной формы хотя и является возможным, но далеко не обязательно; перфектное прочтение для формы на *-ne* всего лишь не исключается[6]. Семантически данная форма представляет собой достаточно нейтральное (лишенное каких-то специфических особенностей) перфективное прошедшее время.

Так, в (8), адаптированном из фразы №27 «Анкеты...», Аорист может использоваться для нейтрального обозначения события ‘она уже ушла’ — тогда как Результатив акцентирует внимание на наступившем состоянии ‘она ушла; ее уже здесь нет’ (см. также раздел 4).

(8) {Вопрос: Твоя сестра еще дома? Ответ:}
wa?, te *uže* ***q-uš.u-ne*** / ***q-uš.u-naa.***
нет DEMT уже RE-уходить.PF-AOR RE-уходить.PF-RES
‘Нет, она уже ушла.’

Во-вторых, Аорист не может быть квалифицирован как перфектная форма, поскольку он является основным средством выражения последовательности событий в нарративном режиме. Перфектам такая функция, как правило, не свойственна, и некоторые определения перфекта эксплицитно запрещают подобный тип употребления. Приведенное выше «операциональное» определение, принятое в «Анкете...», имеет и вторую часть: помимо того, что форма, квалифицируемая как перфект, должна употребляться во всех или в большинстве контекстов (1)—(7), она не должна ис-

[6] Заметим, что для подчеркивания отсутствия релевантности ситуации для текущего момента используется Прошедшее неактуальное, «ретроспективный» эквивалент Аориста; см. далее раздел 6.

пользоваться в основной линии нарратива [Dahl (ed.) 2000: 807], ср. также [Lindstedt 2000: 366]. Для проверки нарративного употребления в «Анкете...» даны для перевода четыре кратких текста, включающих пять точечных событий (герой случайно наступает на змею, она кусает его, он берет камень, бросает в змею, змея умирает) и различающихся тем, является ли героем повествования сам говорящий или другое лицо, и тем, когда происходило действие. Во всех четырех мини-нарративах в агульском переводе может быть употреблена форма Аориста. Однако и без перевода данного фрагмента «Анкеты...» понятно, что Аорист является главным нарративным временем в агульском языке: в нашем корпусе текстов эта форма глагола по частотности намного превосходит все прочие именно в силу того, что в нем преобладают нарративные тексты. Ср. ниже один из типичных примеров (фрагмент рассказа о том, как школьники подшучивали над учителем)[7]:

(9) *mi-štːi=ra* *p.u-na* *ča-s*
DEMM-ADV=ADD говорить.PF-CONV мы:EXCL-DAT
qa-ajč'.u-ne *me.* ***fajqaj-ne***
RE-{IN}вылезать.PF-AOR DEMM RE:приносить:PF-AOR
ʔu-d-pu *палка,* ***q-alix.i-ne*** *gi*
два-S-ORD палка RE-{SUPER}класть.PF-AOR DEMG(ERG)
gi-sa-l. *ha-ge* *палка=ra* *arʕ.u-na*
DEMG-LOC-SUPER EM-DEMG палка=ADD ломать.PF-CONV
q-alix.i-ne *čin* *uč.i-n* *žiga.ji-l.*
RE-{SUPER}класть.PF-AOR мы:EXCL сам-GEN место-SUPER
ha-ge *xibu-d-pu* *палка=ra* *jaq'u-d-pu-f=ra*
EM-DEMG три-S-ORD палка=ADD четыре-S-ORD-S=ADD
ha-gi-štːi ***q'.u-ne****...*
EM-DEMG-ADV делать.PF-AOR
'Сказав это нам, он опять вышел. Принес вторую палку, опять положил туда. И эту палку мы тоже сломали и положили на место. И с третьей палкой, и с четвертой палкой сделали то же самое...'

[7] Текстовые примеры заимствованы из корпуса, записанного в 2004—2008 гг. Д. С. Ганенковым и авторами настоящей статьи и включающего расшифровки устных спонтанных нарративов и диалогов на хпюкском говоре.

В качестве нарративного времени Аорист конкурирует с Результативом (который более ограничен в данной функции, см. ниже), а также «настоящими историческими» — Презенсом и Хабитуалисом, которые, в свою очередь, обычно выступают для передачи последовательности событий в рамках определенных эпизодов, но не всей основной линии (см. также [Майсак 2012: 251, 258]).

В целом, Аорист используется для ввода в рассмотрение события в прошлом либо как встроенного в нарративную последовательность, либо как относительно недавнего и сохраняющего актуальность. Так, именно его употребление наиболее приемлемо в контекстах типа (10) и (11) (фразы из «Анкеты...» №№ 56 и 58), которые иллюстрируют «иммедиатную» функцию перфекта, известную также как перфект «горячих новостей» (“hot news” perfect).

(10) {А. увидел, что в село приехал начальник, которого никто не ждал. Он сообщает остальным:}
rajanu ***ad.i-ne***. •
районо приходить.PF-AOR
‘Зав. районо приехал!’

(11) {А. выходит из кухни и оживленно сообщает В. о том, что он там видел:}
χuj.i *xe* *k’at’lit’-ar* ***ʕut’.u-ne***. •
собака(ERG) наш:INCL котлета-PL есть.PF-AOR
‘Собака съела наши котлеты!’

Напротив, при введении в рассмотрение изолированного факта из прошлого Аорист не подходит, в данном случае уместны лишь «причастные» перфективные формы, ср. (12) (фраза из «Анкеты...» № 25). Аорист подошел бы для описания не факта, а события ‘Колумб прибыл в Америку в 1492 году’ в рамках описания цепочки событий, одним из которых было прибытие Колумба.

(12) {Вопрос: Когда Колумб впервые прибыл в Америку? Ответ:}
k:alumb amerik:.i-s 1492 is.a ***ad.i-f-e*** /
Колумб Америка-DAT 1492 год(TMR) приходить.PF-S-COP
ad.i-naje-f-e / ??***ad.i-ne***. •
приходить.PF-PT:RES-S-COP приходить.PF-AOR
‘Колумб прибыл в Америку в 1492 году.’

Таким образом, Аорист, который ни в коем случае не может быть квалифицирован как форма, соответствующая межъязыковой категории перфекта, является при этом наиболее приемлемым средством выражения одного из значений перфектной зоны — иммедиатного (хотя и не центрального для перфекта значения «текущей релевантности»).

Кроме того, связь агульского Аориста с категорией перфекта достаточно вероятна на диахроническом уровне. На это указывает сама структура данной формы — «перфективное деепричастие + связка настоящего времени». Типологически такая структура относится к наиболее распространенным источникам грамматикализации перфектных форм [Dahl 1985: 129; Bybee et al. 1994: 56, 64], поэтому агульский Аорист исходно вполне мог возникнуть именно как форма перфекта. В таком случае его превращение в простое или перфективное прошедшее является примером одного из наиболее типичных путей эволюции перфекта в языках мира, отражающего постепенную утрату компонента ‘релевантность ситуации для момента речи’ [Маслов 1983: 46—51; Bybee et al. 1994: 81—87]. Впрочем, такой сценарий является сугубо гипотетическим: в современном языке нет каких-либо явных свидетельств того, что Аорист в прошлом имел перфектное значение, а письменные памятники, которые бы отражали более древние состояния языка, для агульского отсутствуют.

3. «Причастный» Аорист: экспериентивное прошедшее

Форма, условно называемая «причастным» Аористом (или «Прошедшим общефактическим»), используется в первых семи предложениях «Анкеты...» больше остальных — именно она наиболее приемлема в четырех фразах (1), (4), (6), (7). Как легко видеть, все эти примеры иллюстрируют экспериентивное значение, т.е. глагольная форма в них указывает на то, что соответствующая ситуация имела место хотя бы раз в жизни участника. Так, в (1) утверждается, что говорящий «имел опыт» чтения одной из показанных адресатом книг, в (4) — что он по крайней мере раз видел сестру адресата, в (7) — что он по крайней мере раз купался в озере, о котором идет речь; (6) содержит вопрос о том, имела ли место хотя бы раз ситуация ‘видеть сестру’.

Экспериентивное значение в типологической перспективе традиционно ассоциируется с перфектом (особенно начиная с классической работы [Comrie 1976: 58]), хотя, как было показано уже в [Dahl 1985: 139—144], в языках мира существуют и формы, которые специализируются на выражении экспериентивности, не имея базового перфектного значения текущей релевантности. К формам последнего типа можно отнести и агульский «причастный» Аорист, типичными контекстами использования которого являются именно экспериентивные, как в указанных выше примерах[8]. Ср. аналогичные употребления данной формы из корпуса текстов:

(13) *ge* *ǯiga* *ag^{w}ar-aq'* *za-s,* *za-s*
DEMG место видеть-делать(IMP) я-DAT я-DAT
ag.u-f-tawa.
видеть.PF-S-COP:NEG
'Это место покажи мне, я не видела.'

(14) *lacː-ar,* *k'ur-ar,* *kur-ar,* *wuri* ***q'.u-f-e***
известняк-PL дрова-PL дело-PL все делать.PF-S-COP
zun=na *ha-gi-sa-ʔ.*
я=ADD EM-DEMG-LOC-IN
'Известняк, дрова, другие работы, я тоже всё это делала там.'

Помимо собственно экспериентивного, «причастный» Аорист выражает близкое к нему, но более общее экзистенциальное значение: в этом случае утверждается существование ситуации в прошлом безотносительно к идее характеризации «топикального» участника (субъекта опыта)[9].

---

[8] Как специализированный экспериентив эта агульская форма анализируется и в типологической работе [Вострикова 2010].

[9] Такое понимание близко к характеристике экспериентивного перфекта у Б. Комри, которая не привязана к конкретному участнику: "a given situation has held at least once during some time in the past leading up to the present" («ситуация имела место хотя бы раз за прошедший период и вплоть до настоящего момента») [Comrie 1976: 58], ср. также [Вострикова 2010: 42, 47].

(15) {Конец рассказа о случае из жизни сельчан.}
mahmi-štːi *kar* ***x.u-f-e*** *sa-gala.*
RDP:DEMM-ADV(GEN) дело стать.PF-S-COP один-раз
‘Вот такое дело случилось однажды.’

(16) {Чтобы не шел град, в селе проводят ритуал: обводят барана вокруг границы села. Однажды барана не обводили.}
sa *is.a* ***jaгн.u-f-e*** *xe-tː-ar.i-s* *χar.*
один год(TMR) бить.PF-S-COP наш:INCL-S-PL-DAT град
‘Один раз нас побило градом.’

Хотя в экзистенциальных предложениях отрезок времени, в котором имела место ситуация, часто бывает неопределенным, это не является обязательным. «Причастный» Аорист свободно употребляется и с обстоятельствами конкретной временной локализации, ср. (12) выше, а также:

(17) *jaχc’ur=na* *ʔu-d-pu* *is.a-n* *ijun.di-n* *waz.ala* ⟨…⟩
40=и два-S-ORD год-GEN июнь-GEN месяц(TMR)
deʕü.ji-s ***š.u-f-e*** *če.*
война-DAT уходить.PF-S-COP наш:EXCL
‘В июне месяце 42-го года... на войну ушел наш (отец).’

Итак, в целом «причастный» Аорист противопоставлен обычному Аористу как форма, выражающая осуществление ситуации определенного типа хотя бы раз в прошлом, форме, вводящей в рассмотрение событие с конкретной временно́й локализацией. Аналогичная характеристика эксперентивам дается в работе [Dahl, Hedin 2000: 388], где их базовая функция формулируется именно как утверждение о наличии определенного типа ситуации (event-type) в некоторый период времени, а не введение события как нового дискурсивного референта. Экспериентивность как способ представления ситуации в прошлом названа также «type-focussing event reference» (т.е. способом референции к ситуации, фокусирующим ее тип), в противовес другому способу — «token-focussing event reference» (референция к ситуации, фокусирующая ее конкретную реализацию); только при втором способе ситуация имеет привязку к определенному времени и месту осуществления. Классическое же перфектное значение является третьим способом представления ситуации в прошлом —

как имеющей релевантность в текущий момент [Dahl, Hedin 2000: 395—396]. Первому и второму способу в агульском соответствуют специальные глагольные формы — «причастный» Аорист и обычный Аорист, — которые собственно перфектное значение не выражают; тем самым, в отличие от многих языков мира, экспериентив выражается в агульском не совмещенной с перфектом формой.

С семантическим противопоставлением двух агульских перфективных прошедших времен наглядным образом коррелирует их морфологическая сруктура. Если в основе Аориста лежит модель «перфективное деепричастие + связка настоящего времени», то в основе «причастного» Аориста — «перфективное причастие + связка настоящего времени»; как и в других аналитических формах, причастие субстантивировано. Как известно, различные функции причастия в нахско-дагестанских языках — и не только в них — в целом связаны с выражением факта в противовес событию и, в более широкой перспективе, с «редукцией ассертивности» (см. обсуждение на материале багвалинского языка в [Калинина 2001: 191—202]). Одним из проявлений данной закономерности является использование причастной формы предиката в конструкциях с аргументным фокусом, когда предикат заведомо не входит в ассертивную часть высказывания[10]. Собственно Аорист — как и другие формы от деепричастий — может быть использован только в случае, когда предикат относится к ассертивной части; если же предикат относится к пресуппозиции, а фокусируется другая составляющая, глагол имеет форму причастия, а связка примыкает к той составляющей, которая коммуникативно выделена. Так, в (18) в фокусе находится именная группа *medun zarar* ‘ущерб от утраты сиропа’ (числительное *sa* выполняет ограничительную функцию ‘только’), а в (19) — вопросительное слово *fas* ‘почему?’.

[10] В данном случае речь идет о прагматической ассерции и прагматической пресуппозиции — понятиях, близких «новому» и «данному», которые связаны с описанием информационной структуры высказывания и отражают представление говорящего о состоянии знаний адресата [Lambrecht 1994; 2001] (они не соотносятся напрямую с ассерцией и пресуппозицией в логическом смысле).

(18) *xä-s* *sa* *med.u-n* *zarar* ***e***
мы:INCL-DAT [один сироп-GEN ущерб] COP
x.u-f.
стать.PF-S
‘Мы лишились ТОЛЬКО СИРОПА {зато хорошенько поели, попили и пришли домой}.’

(19) *fas* ***e*** *wun* ***q’eš.u-f*** *p.u-naa.*
[почему] COP ты мокнуть.PF-S говорить.PF-RES
‘«ПОЧЕМУ ты промок?» — спросил (тот).’

Логично предположить, что причастная форма маркирует пресуппозитивный («известный») статус предиката и в том случае, когда связка непосредственно следует за причастием, как в примерах типа (13)—(17) выше. В этом случае в ассерцию входит только выражаемая связкой истинностная оценка, т.е. утверждение о том, что данный факт имел место.

Идея о том, что построенные на основе причастий экспериентивные формы в агульском и даргинском языках являются результатом особой коммуникативной структуры — в которой в фокус попадает предикат, оформленный как известная информация (пресуппозиция), — была высказана в работе [Вострикова 2009: 29—30]. В более развернутой версии исследования [Вострикова 2010: 79—83] возникновение «причастных» экспериентивных форм интерпретируется как результат грамматикализации контрастивного фокуса на глаголе; имеются в виду примеры типа (20), где причастие оформляет смысловую часть предикатов, лексическое значение которых противопоставляется. Последнее утверждение, однако, кажется слишком сильным: вряд ли источником экспериентивного и экзистенциального значения должны быть непременно высказывания с узким фокусом на предикате (‘то, что имеет место, это именно P [, а не Q]’); см. также [Майсак 2012: 282—283].

(20) {– Твой дед на войне умер или пропал?}
te ***k’.i-f-tːawa,*** ***gul.u-f-e***
DEMT умирать.PF-S-COP:NEG исчезать.PF-S-COP
deʕü.ji-ʔ.
война-IN
‘– Он не УМЕР, он ПРОПАЛ на войне.’ [Вострикова 2010: 80]

4. Результатив: от состояния в настоящем к косвенной засвидетельствованности в прошлом

Форма Результатива настоящего времени используется в семи «диагностических» предложениях «Анкеты по перфекту» всего два раза — ср. (3) и (5), — причем в обоих случаях в качестве одного из возможных вариантов наряду с Аористом. Различие в выборе формы касается того, делается акцент на самом событии: ‘умер’, ‘сделал уроки’ (Аорист), либо на наступившем в результате него состоянии: ‘его больше нет в живых’, ‘уроки сделаны’ (Результатив).

4.1. Результативное значение

Как показывает само название формы, одним из ее основных значений является собственно результативное: ‘в момент речи имеет место состояние, представляющее собой естественный результат предшествующего действия’. В зависимости от ситуации речь может идти как о состоянии ее единственного участника (при непереходном глаголе), так и ее пациенса либо, реже, агенса (при переходном глаголе); соответственно, можно говорить о противопоставлении нескольких диатезных типов результатива, в терминах работы [Недялков, Яхонтов 1983]. Так, пример (21) ниже иллюстрирует субъектно-результативное значение: состояние ‘сидит верхом’ возникло в результате действия ‘сел верхом’. В (22) описывается результирующее состояние пациенса ‘быть выпитым’ (объектный результатив), а в (23) — агенса переходного глагола ‘быть выпивши, находиться в состоянии опьянения’ (посессивный результатив).

(21) {Едут однажды Малла Насреддин и его сын.}
uč ***aluq’.u-naa*** *degi-l,* *gada*
сам {SUPER}садиться.PF-RES осел-SUPER сын
xilaba *ʕʷ.a-a* *χup:aqaj.*
пешком идти.IPF-PRS сзади
‘Сам сидит на осле, а сын идет сзади пешком.’

(22) *wuri* *nek:* ***uχ.u-naa.*** •
все молоко пить.PF-RES
‘{Молока дома больше нет,} всё молоко выпито.’

(23) *gi* *uχ.u-naa.* •
DEMG(ERG) пить.PF-RES
{Врач не может сейчас оперировать,} ‘он выпивши’.

В связи с тем, что действия, завершающиеся определенным результатом, описываются предельными глаголами, наличие собственно результативного значения ожидается только от глаголов данного класса. Существуют языки, в которых формы результатива, действительно, образуются исключительно от предельных глаголов [Недялков, Яхонтов 1983: 25; Bybee et al. 1994: 65—66], однако агульский проявляет гораздо бóльшую степень грамматикализации исходной результативной конструкции.

4.2. Перфектное значение

Как и другие индикативные формы, агульский Результатив не имеет лексических ограничений и образуется от любых глаголов, у которых есть перфективная основа[11]. С большинством глаголов он не выражает стативное значение в настоящем времени, хотя также указывает на результат предшествующей ситуации. Говоря словами В. А. Плунгяна, речь в таких случаях идет уже не о «естественном (лексикографически детерминированном)» результате ситуации, а о любых ее последствиях, значимых для момента речи [Плунгян 2011: 387—388; ср. Недялков, Яхонтов 1983: 12]. Иначе говоря, такого рода «ослабленный» результатив является уже собственно перфектом — акциональной, а не статальной, формой, подчеркивающей текущую релевантность ситуации в прошлом.

Собственно перфектное значение агульского Результатива можно проиллюстрировать следующими примерами из текстов — в каждом из них описывается ситуация в прошлом, результат которой релевантен в точке отсчета: ‘я забыл имя’ (24) актуально, потому что рассказчик предполагал назвать его в предыдущей фразе, ‘осел потерялся’ (25) — потому что Малла Насреддин оза-

[11] Не имеют перфективной основы около двух десятков стативных глагольных лексем: ментальные и эксперименциальные глаголы ‘знать’, ‘болеть’, ‘хотеть, любить’, ‘бояться’, а также две группы глаголов с локативными префиксами, образованные от корней ‘быть, находиться’ и ‘все еще быть, оставаться’.

бочен его поисками, ‘вы попали в такое место’ (26) — потому что участнику предстоит выручать женщин из беды.

(24) {В Курахе жил мужчина по имени Абдулвахаб. А у нас в Хпюке его называли...}
wa... ge k’ʷal-as ***š.u-naa*** *ze fi-jči,*
нет DEMG в_памяти-ELAT уходить.PF-RES мой что-INDEF
aχpːa ʁ.a-s-e zun gi-n tːur.
потом говорить.IPF-INF-COP я DEMG-GEN имя
‘Нет... я забыл как (букв. из моей памяти ушло), потом скажу, как его называли.’

(25) {Малла Насреддин пригнал в село девять ослов, сидя на десятом. Увидев, что он чем-то обеспокоен, дети спрашивают его, в чем дело, на что Малла отвечает: — У меня было десять ослов, а осталось девять.}
sa degi ***gul.u-naa*** *ze.*
один осел исчезать.PF-RES мой
‘У меня пропал один осел.’

(26) {Увидев женщин, упавших в яму, прибывший на помощь мужчина говорит:}
wuw p.u-ne=ʁaj, čun fi-štːi
INTJ говорить.PF-AOR=CIT вы что-ADV(GEN)
ǯiga.ji ***arx.u-naa*** *p.u-ne=ʁaj.*
место(IN) {IN}попадать.PF-RES говорить.PF-AOR=CIT
‘«Ой, — говорит, — в какое же место вы попали!» — говорит.’

С непредельными глаголами, описывающими процессы, не подразумевающие достижения определенного результата, форма Результатива регулярно используется при передаче идеи «насыщенности» участника процессом. Релевантный результат заключается в данном случае в том, что время (или степень) вовлеченности участника в процесс является «достаточной» — например, для того, чтобы не участвовать в ситуации данного типа снова. Ср. подобные интерпретации у глаголов ‘смотреть’ — *zun χutːurfunaa* ‘я уже смотрел (и теперь могу не смотреть)’, ‘играть’ — *zun dürününaa* ‘я уже поиграл (и наигрался)’, ‘драться’ — *zun uqːunaa* ‘я уже дрался (и больше не буду ввязываться)’ и т.п., или

у глагола ‘есть’ без объекта — *zun ʕut’unaa* ‘я уже поел (и больше не хочу)’. Впрочем, не все лексемы допускают указанное «сатуративное» прочтение: так, контекста, в котором приемлемо было бы употребление Результатива глагола ‘смеяться’ — ср. *zun elqünaa* ‘я (по)смеялся’ — найти не удалось.

В аспектуальном отношении форма Результатива неоднозначна и может описывать как текущее состояние (субъекта или объекта), так и событие в прошлом, сохраняющее релевантность на момент речи. Одним из тестов для разграничения «акциональных» и «статальных» интерпретаций может служить сочетаемость Результатива с различными наречными выражениями (ср., в частности, обсуждение ряда диагностических контекстов в [Недялков, Яхонтов 1983]). Так, наречие *hahal* ‘сейчас’ со значением ‘в данный момент’ совместимо именно со «статальным» прочтением Результатива и может сочетаться с достаточно широким кругом глаголов — ср., с одной стороны, *ge hahal uq’unaa* ‘он сейчас сидит’ (от глагола ‘садиться, сидеть’) или *ge hahal ʁarxunaa* ‘он сейчас спит’ (от глагола ‘ложиться, засыпать’), а с другой — *ge hahal qajnaa* ‘он сейчас здесь, он вернулся’ или *ge hahal ušunaa* ‘его сейчас тут нет, он ушел’ (от глаголов ‘возвращаться, приходить’ и ‘уходить’ соответственно). Ряд лексем в сочетании с этим наречием, однако, допускают только значение непосредственного предшествования ‘только что’, ср. *bawa hahal uzunaa нüni* ‘мать только что подоила корову’ или *qːunšis hahal qaǯik’inaa k’eruq* ‘сосед только что нашел (пропавшего) теленка’.

Продолжение существования состояния (‘все еще’) может быть выражено наречием *hal=la* (< *hal* ‘сейчас, теперь’ с аддитивной клитикой *=ra*, т.е. буквально ‘и сейчас’), ср. *hal=la uq’unaa* ‘все еще сидит’, *hal=la ʁarxunaa* ‘все еще спит’ и пр. Однако наиболее естественным спобом выражения континуативности является использование грамматикализованной конструкции с перфективным деепричастием и вспомогательным глаголом *amea* ‘оставаться’: *uq’una amea* ‘все еще сидит’ (букв. остается севши), *qajna amea* ‘все еще здесь’ (букв. остается пришедши) и т.п., ср. также (27). Интересно, при этом, что ряд глаголов в континуативной конструкции имеют несколько иное значение — они описывают не продолжение результирующего состояния, а скорее «насыщенность» действием, ср. *ruχuna amea* ‘уже доста-

точно почитал’ («начитался»), *upuna amea* ‘уже достаточно говорил (например, поучал, предупреждал)’, *zehmet duuna amea* ‘уже достаточно потрудился’[12] и т.п. (выше уже упоминалось аналогичное значение Результатива от некоторых глаголов). Как правило, так могут интерпретироваться лексемы, обозначающие процессы, которые воспринимаются говорящим как не очень приятные или принудительные и продолжения участия в которых он не желал бы.

(27) {Проснувшись среди ночи, герой выходит во двор. На улице лежит снег...}
rakː-ar=ra ***qik’.i-na*** ***ame-a,***
дверь-PL=ADD запирать.PF-CONV {IN}оставаться-PRS
sa *kas=ra* *a-dawa.*
один человек=ADD {IN}быть-PRS:NEG
‘и ворота по-прежнему закрыты, никого нет.’

Напротив, наречия конкретной временнóй локализации (типа *naq’* ‘вчера’) фокусируют событийный компонент (‘сделал’) и собственно результативное прочтение в настоящем времени исключают, ср. *naq’ lik’inaa k’eǯ* ‘вчера написал письмо’, *naq’ qainaa burǯ* ‘вчера отдал долг’ и т.п. То же верно для выражений со значением ограниченного временнóго интервала (типа *ʔu seʔeti* ‘два часа, в течение двух часов’ с темпоральной формой имени[13]), которые определяют лимитативную интерпретацию ситуации (‘поделал некоторое время’), ср. *ʔu seʔeti ʁarxunaa* ‘поспал два часа’, *ʔu seʔeti kar aq’unaa* ‘поработал два часа’ и пр. При этом в случае сильной контекстной поддержки перфективной интерпретации глагольная форма понимается прежде всего как описывающая незасвидетельствованную ситуацию (‘сам я этого не видел’); только в сочетании с эвиденциальным компонентом

[12] Сложный глагол *zehmet duas* ‘трудиться, работать’ состоит из именного компонента *zehmet* ‘труд’ и глагола *duas* ‘тянуть’.

[13] В отличие от адвербиальной формы типа *seʔet-tːi*, которая образуется от существительного *seʔet* в абсолютиве при помощи наречного показателя *-di* (*seʔet-tːi* < **seʔet-di*), темпоральная форма имени *seʔet.i* представляет собой косвенную основу существительного (совпадающую с эргативом).

Результатив может выражать перфективное аспектуальное значение в чистом виде.

4.3. Заглазность

Агульский Результатив, как и результативно-перфектные формы многих языков, является регулярным грамматическим средством выражения непрямой засвидетельствованности (впервые этот факт был отмечен в статье [Майсак, Мерданова 2002]). При помощи этой формы описываются события в прошлом, свидетелем которых говорящий не был лично, а получил о них информацию в результате логического вывода либо с чужих слов. Так, в ситуации личного наблюдения говорящим приезда начальника, которая в (10) описывается при помощи формы Аориста, Результатив употреблен быть не может. Форма Результатива *adinaa* ‘приехал’ допустима в случае, если говорящий знает о приезде со слов других (пересказывательность) либо наблюдал не собственно приезд заврайоно, а его последствия — например, людей, бегущих на главную площадь (инферентивность). Аналогично, в ситуации с поеданием пирога собакой, которая в (11) при личной засвидетельствованности передается Аористом, Результатив *ʕut’unaa* ‘съела’ может быть употреблен, если, например, говорящий увидел выбегающую из кухни собаку, а затем обнаружил на полу остатки пирога. Ср. также пример (28) из «Анкеты по перфекту» (№ 14), в котором приемлема именно форма Результатива; Аорист мог бы выступать в данном контексте только при дополнительном выражении семантики предположения или субъективной оценки лексическими средствам (*zas наʃ* ‘по-моему’, *agʷa нalaris* ‘по всей видимости’).

(28) {Утром А. смотрит в окно и видит, что на улице мокро:}
ʔüš.i *uʁal* ***uʁ.u-naa.*** •
ночь(TMR) дождь дождить.PF-RES
‘Ночью(, похоже,) прошел дождь.’

Непрямая засвидетельствованность не является обязательным компонентом значения Результатива — иначе говоря, эта форма может вводить как ситуацию, засвидетельствованную говорящим (и представляемую им как релевантную на момент речи), так и незасвидетельствованную (независимо от оценки ее текущей релевантности). Эта «амбивалентность» агульского Ре-

зультатива проявляется, в частности, в сочетаемости с 1-м лицом субъекта, которая, как отмечает С. Г. Татевосов, является одной из диагностик того, относится ли грамматическая форма к показателям непрямой засвидетельствованности (indirect evidence markers) [Tatevosov 2001: 446]. В тех языках, где значение косвенной засвидетельствованности у «перфектоподобных» форм в полной мере конвенционализировано, высказывания с 1-м лицом субъекта неизменно обнаруживают «эффект потери контроля», проявляющийся в том, что говорящий участвовал в описываемой ситуации, не полностью осознавая происходящее (например, он мог находиться в состоянии опьянения или же полностью забыть о своем участии в ситуации и узнать о нем лишь постфактум со слов окружающих)[14]. В агульском подобные примеры возможны, и в них приемлема именно форма Результатива, ср. (29), адаптированный из аналогичного багвалинского примера в работе [Tatevosov 2001]; Аорист в данном случае был бы использован только с общим значением констатации совершения определенной ситуации в прошлом, без сопутствующего оттенка неожиданного обнаружения или удивления.

(29) {Говорящий обнаруживает, что перепутал семена культур и посеял не пшеницу:}
zun *sül* ***uz.u-naa,*** *χabar=ra* *a-dawa-j!* •
я рожь сеять.PF-RES весть=ADD {IN}быть-NEG-CONV
‘(Оказывается,) я рожь посеял, сам того не заметив!’

В целом, однако, агульский Результатив способен свободно сочетаться с 1-м лицом, описывая полностью засвидетельствованные говорящим ситуации, как в следующих примерах. В этих случаях речь не идет о неожиданности ситуации для говорящего; скорее, в фокусе находится результат описываемого

[14] Так обстоит дело, в частности, в багвалинском (андийская группа) и кубачинском языке (даргинская группа), которые рассмотрены в статье [Tatevosov 2001]. О проявлении «эффекта потери контроля» при употреблении форм косвенной засвидетельствованности, адмиратива и эпистемической модальности см. также [Татевосов, Майсак 2000].

события: ‘я нашел деньги, и теперь они у меня есть’, ‘я принес еще одно яйцо, и вот оно’, ‘я пришел, и вот я здесь’.

(30) {Мальчик-слуга окликает хозяина. Тот спрашивает, что случилось.}
za-s *pul* ***ʒik’.i-naa,*** *pul*
я-DAT деньги находить.PF-RES деньги
p.u-ne=ʁaj *uč.i.*
говорить.PF-AOR=CIT сам(ERG)
‘«Я деньги нашел, деньги», — сказал он.’

(31) {Жена сообщает вернувшемуся домой мужу, что продала волшебное яйцо.}
o, *sa-d* *qara* ***faqaj-naa*** *zun,*
INTJ один-S еще RE:приносить:PF-RES я
aʁ.a-j-e *mi.*
говорить.IPF-CONV-COP DEMM(ERG)
‘«О, я еще одно принес», — говорит он.’

(32) {Говорящий, которого попросили починить прохудившийся кувшин, приходит и сообщает о своем присутствии:}
maha *zun* ***qaj-naa,*** *naj-sa*
DEMM:PRED я RE:приходить:PF-RES какой-LOC(IN)
a *arʕ.u* *gʷarʔ•*
{IN}быть:PRS ломаться.PF кувшин
‘Вот я уже пришел, где разбитый кувшин? {Я его починю.}’

В качестве заглазного прошедшего времени Результатив особенно распространен в нарративах: как правило, именно при помощи этой формы передаются повествования о событиях, свидетелем которых не был рассказчик. Среди таких текстов — сказки, легенды, анекдоты о Малле Насреддине, рассказы о давних временах и пр.[15], ср. пример из анекдота:

[15] Форма Результатива также последовательно использована при переводе Евангелия от Луки на говор с. Тпиг (райцентр Агульского района); см. [Инджил 2005]. Этот перевод остается самым большим по объему произведением на агульском языке, опубликованным на данный момент.

(33) {Однажды Малла Насреддин сидел дома и молился: «О Аллах, пошли мне сто рублей».}

me ***un-x.u-naa*** *me* *dak'ar.i*
DEMM звук-стать.PF-RES DEMM окно(GEN)
k'en.a-k-as *ti-č* *ʕʷ.a-je*
низ-SUB/CONT-ELAT DEMT-LAT идти.IPF-PT:PRS
sa *kas.t:i-s.* *mi=ra* *ʁuš.u-na*
один человек-DAT DEMM(ERG)=ADD брать.PF-CONV
uč.i-n *кошелёк.t:i-ʔ* ***ik'.i-naa*** *jaq'uq:a-n=na*
сам-GEN кошелек-IN {IN}совать.PF-RES 80-S=и
c'ejarčʷa *manat,* ***fatx.i-naa*** *kürmeʕ.i-as*
19 рубль бросать.PF-RES дымоход-(IN)ELAT
aq *malla* *nesredil.a-s.* *ahaʔ* ***p.u-naa***
вниз Малла Насреддин-DAT INTJ говорить.PF-RES
malla *nesredil.a,* *ze-f* *ad.i-ne.*
Малла Насреддин(ERG) мой-S приходить.PF-AOR
'Это услышал один человек, который проходил под окнами. И он положил в свой кошелек девяносто девять рублей и бросил его Малле Насреддину через дымоход. «Ага, — сказал Малла Насреддин, — это мне (букв. мое пришло)».'

В целом, «результативная» нарративная стратегия включает не только собственно форму Результатива (как аналог Аориста, маркированный по косвенной засвидетельствованности), но и ряд аналитических форм, в которых форму Результатива имеет вспомогательный глагол[16]. Так, оба следующих примера взяты из «заглазных» нарративов, в которых основная линия оформлена Результативом. В (34) форма «заглазного Имперфекта» *ic'aj xunaa* 'давал (давая был)' имеет вид «деепричастие несовершенного вида + глагол 'стать' в Результативе»; при нейтральной стратегии данной форме соответствовал бы обычный Имперфект *ic'aji* 'давал'. В (35) использована форма «заглазного Плюсквамперфекта» *kičik'ina xunaa* 'уже похоронили (похоронив были)',

[16] Аналогичное противопоставление («претеритная» vs. «перфектная» серии форм) описано для багвалинского языка, где оно также выражает привативную оппозицию по категории эвиденциальности (немаркированная эвиденциальность vs. косвенная засвидетельствованность) [Татевосов 2001: 294].

состоящая из деепричастия совершенного вида и глагола ‘стать’ в Результативе; немаркированным по эвиденциальности аналогом данной формы был бы Результатив прошедшего времени *kičik’i-naji* ‘(уже) похоронили’.

(34) {После революции Кабанай учил людей в нашем селе. Ты знаешь пекарню Гюризат?}
ha-le *xur.a-k* *dars-ar* ***ic’.a-j***
EM-DEML пекарня-SUB/CONT урок-PL давать.IPF-CONV
x.u-naa, *нarf-ar* *нar-aq’.a-j* *χalq’-ar.i-s.*
стать.PF-RES буква-PL знать-делать.IPF-CONV народ-PL-DAT
‘В этой пекарне он давал уроки, учил людей грамоте.’

(35) {У Маллы Насреддина умерла мать. Он пошел за саваном и принес его через месяц.}
me-wr.i *baw* ***kičik’.i-na***
DEMM-PL(ERG) мать {SUB/CONT-LAT}совать.PF-CONV
x.u-naa.
стать.PF-RES
‘А они уже к тому времени мать похоронили.’

Использование в нарративах легендарного или сказочного характера именно Результатива не является строго обязательным: Аорист также допустим в таких случаях, к тому же в спонтанных текстах сама нарративная стратегия редко бывает последовательной (в рамках одного повествования основная линия может оформляться несколькими разными формами, в т.ч. Аористом, Результативом, Презенсом и Хабитуалисом). Нередко при этом для подчеркивания того факта, что излагаемые события известны рассказчику с чужих слов, Аорист и «настоящие исторические» времена маркируются специальным показателем пересказывательности *вaj*, который восходит к глаголу *авas* ‘говорить’ и означает ‘как говорят’, ‘как мне рассказывали’ и т.п.[17]; ср. (36) из рассказа о случае с односельчанкой, приведшем к ее смерти.

[17] Источник информации может при этом быть как безличным, так и конкретным — как, например, при рассказе о знакомом человеке, передаваемом с его слов; в последнем случае показатель *вaj* означает скорее ‘согласно его (ее) словам’ (примером такого рода является (39) ниже).

(36) {Однажды она пасла овец в горах. Был очень знойный день.}
aχpːaj alčux.u-na, ***uχ.u-ne=ʁaj*** *xed.*
потом склоняться.PF-CONV пить.PF-AOR=CIT вода
ha-le xed, čʼičʼ uš.u-ne-wa,
EM-DEML вода травинка уходить.PF-AOR-Q
fi-jči=ra ***š.u-ne=ʁaj*** *li-s,*
что-INDEF=ADD уходить.PF-AOR=CIT DEML-DAT
fun.i-s.
живот-DAT
‘Ну вот, она наклонилась и попила, говорят, воды. И то ли вода, то ли травинка попала, что-то попало, говорят, ей в желудок.’

На то, что Аорист с показателем *ʁaj* и «заглазный» Результатив в целом эквивалентны как нарративные формы прошедшего времени, маркирующие незасвидетельствованность, указывает возможность чередования этих средств в рамках одного эпизода без какой-либо ощутимой разницы; ср. следующий фрагмент из сказки:

(37) {Брат, расследующий пропажу коров по ночам, начинает подозревать свою сестру и обращается к родителям.}
laha ***p.u-naa,*** *xe ruš.a-s*
DEML:PRED говорить.PF-RES наш:INCL дочь-DAT
un-aqʼ ***p.u-ne=ʁaj.***
звук-делать(IMP) говорить.PF-AOR=CIT
ad.i-ne=ʁaj *ruš. laha we χil*
приходить.PF-AOR=CIT дочь DEML:PRED твой рука
agʷar-aqʼ, ***p.u-naa*** *mi.*
видеть-делать(IMP) говорить.PF-RES DEMM(ERG)
agʷar-aqʼ.u-naa *mi čapːluq χil. ʜülʒen*
видеть-делать.PF-RES DEMM(ERG) левый рука правый
χil agʷar-aqʼ ***p.u-ne=ʁaj.***
рука видеть-делать(IMP) говорить.PF-AOR=CIT
‘«А ну-ка, позовите нашу сестру», — сказал он. Пришла сестра. «А ну-ка, покажи свою руку», — сказал он. Она показала левую руку. «Покажи правую руку», — сказал он.’

Вместе с тем, показатель *ʁaj* подчеркнуто передает именно значение пересказывательности, т.е. подразумевает наличие некоторого вербального сообщения, из которого говорящему известно о ситуации (причем автор этого сообщения, возможно, был непосредственным свидетелем или участником событий). Результатив имеет более обобщенное эвиденциальное значение и может быть использован в нарративе и в том случае, когда говорящий производит «реконструкцию» событий, делая предположение о произошедшим на основе собственного жизненного опыта, исходя из собственных знаний об участнике и положения дел в мире; ср. гипотетический пример (38):

(38) *za-s* *на-f,* *ge* *mi-štːi* *x.u-naje-f-e,*
я-DAT знать-S DEMG DEMM-ADV стать.PF-PT:RES-S-COP
ge ***qaj-naa*** *χul.a-s,* ***ag.u-naa***
DEMG RE:приходить:PF-RES дом-DAT видеть.PF-RES
χul.a-ʔ *qːačaʁ-ar* *uč'.u-naje-f,* ***ʁuš.u-naa***
дом-IN разбойник-PL {IN}лезть.PF-PT:RES-S брать.PF-RES
tufang, ***jaгн.u-naa*** *te-wur.i-s,* *aχpːa* *guč'*
ружье бить.PF-RES DEMT-PL-DAT потом страх
x.u-na, *uč* ***qa-hiš.i-naa***. •
стать.PF-CONV сам RE-убегать.PF-RES
'Мне кажется, это случилось так: он вернулся домой, увидел, что в дом залезли грабители, взял ружье, выстрелил в них, а потом, испугавшись, сам сбежал.'

Заметим, что возможно использование и самого Результатива с цитативным показателем, однако в этом случае не происходит «наслоения» пересказывательного значения клитики на значение косвенной засвидетельствованности глагольной формы: в подобных примерах Результатив используется с собственно результативным или перфектным значением, описывая фоновое состояние в точке отсчета (см. также далее раздел 6). Как правило, это характерно для нарративных эпизодов, выдержанных в режиме «настоящего исторического» типа (39): здесь Презенс устанавливает точку отсчета в настоящем, и результирующее состояние описывается как имеющее место и/или релевантное в данной точке (безотносительно к засвидетельствованности исходной ситуации).

(39) {Из рассказа о случае с бабушкой рассказчицы, известном с ее слов: Бабушка с подругой шли по горному склону и в какой-то момент потеряли друг друга из виду.}
aχpːa *uč.i-s* *eminat* ***agʷ.a-a=ʁaj,***
потом сам-DAT Эминат видеть.IPF-PRS=CIT
mi-štːi *яма* *suman* *ha-ge* *sa*
DEMM-ADV(GEN) яма словно EM-DEMG один
ǯiga.ji ***arx.u-naa=ʁaj.***
место(IN) {IN}попадать.PF-RES=CIT
'И тогда она видит [Презенс], что Эминат попала [Результатив] в такое место вроде ямы.'

Использование Результатива как «заглазного» нарративного времени создает определенную проблему при квалификации его как перфектной формы с точки зрения тех определений перфекта, в которых эксплицитно указывается на невозможность его использования в нарративе (см. выше). Так, по словам Й. Линдстедта, «когда перфект может быть использован в качестве нарративного времени... он перестает быть перфектом» [Lindstedt 2000: 371]. Данный вывод, однако, представляется верным главным образом в отношении того пути эволюции перфекта, который приводит к появлению перфективного прошедшего времени, ср. историю *л*-формы в русском языке или *passé composé* во французском (см. также конец раздела 1). Одну и ту же форму нельзя интерпретировать и как перфект, и как «простое» прошедшее, если под последним понимать форму, немаркированную с точки зрения значения текущей релевантности и допускающей по данному параметру как одно, так и другое прочтение. В случае же агульского мы имеем дело с развитием по второму пути: от результатива к перфекту и далее к форме прошедшего времени косвенной засвидетельствованности ('инферентив' + 'пересказывательность')[18].

[18] В работе [Bybee et al. 1994: 105] два упомянутых пути развития представлены немного иначе: один идет от результатива к перфекту и перфективному прошедшему, другой — от результатива к инферентиву и косвенной засвидетельствованности. Нам, однако, представляется более аргументированной позиция, обозначенная в статье [Tatevosov 2001: 461—462], согласно которой перфект и инферентив лежат не на разных «ветвях» соответствующей семантической

Более того, агульская форма охватывает всю эту область, начиная от исходного значения результатива и до конечного значения «заглазного» прошедшего. В данном случае, однако, старые значения не утрачиваются с приобретением новых, как это происходит при превращении перфекта в общее прошедшее время. В зависимости от контекста, одна и та же глагольная форма в принципе может выражать любое из указанных четырех значений (результативное при этом является наиболее лексически ограниченным[19]). Таким образом, глагольная форма может продолжать оставаться как перфектом, так и, в качестве одной из своих ипостасей, «заглазным прошедшим» в нарративе.

Вновь обращаясь к позиции Й. Линдстедта, процитируем предлагаемую им универсалию, согласно которой «в случае, если грамматический показатель (gram) выражает значение текущей релевантности, он выражает и одно из следующих значений: результатив, экспериентив (неопределенное прошедшее), инферентив, репортатив. Если центральным или единственным значением показателя является результативное или индирективное (инферентив и/или репортатив), то это еще не перфект либо уже не перфект» [Lindstedt 2000: 378]. Несмотря на частотность нарративного Результатива в агульских текстах — просто в силу того, что они в основном представляют собой именно нарративы, — все-таки нельзя утверждать, что значение косвенной засвидетельствованности является для данной формы центральным. Тем самым, ее квалификация как перфектной формы (хотя и с более широкой дистрибуцией, чем у классических перфектов) представляется вполне адекватной.

карты, а на одной, и эволюция грамматических показателей проходит через этапы ‘результатив’ > ‘перфект’ > ‘инферентив’ > ‘косвенная засвидетельствованность’.

[19] Наиболее доступным, в свою очередь, является значение заглазного прошедшего (особенно в интерпретации ‘с чужих слов’) — вероятно, в силу того, что получить вербальное сообщение можно о ситуации любого типа. Так, Результатив от непредельных глаголов, для которых собственно результативная интерпретация невозможна, а перфектная затруднена (ср. обсуждаемое выше *zun elqünaa* ‘я (по)смеялся’), по умолчанию понимается именно как обозначающий незасвидетельствованность (например, ‘мне рассказали, что я смеялся во сне’).

5. «Причастный» Результатив: фактивность и «объяснительность»

Хотя форма «причастного» Результатива не встретилась в переводе первых семи предложений из «Анкеты...», ее рассмотрение в рамках перфектной семантической зоны в агульском языке важно по двум причинам. Во-первых, эта форма все же используется в некоторых контекстах из «Анкеты...» за пределами первых фраз, ср. (12) выше или (40). Во-вторых, «причастный» Результатив является структурным аналогом обычного Результатива, который семантически наиболее близок к межъязыковой категории перфекта.

(40) {Экскурсовод рассказывает об истории города.}

če	*šahar*	***lix.i-naje-f-e***	*1550*
наш:EXCL	город	{SUPER}класть.PF-PT:RES-S-COP	1550
is.a. • год(TMR)			

‘Наш город был основан (букв. построили) в 1550 году.’
[Фраза № 23 из «Анкеты...»]

Как и собственно Результатив, «причастный» Результатив, судя по всему, также восходит к сочетанию смыслового глагола в форме перфективного деепричастия и вспомогательного глагола ‘быть внутри, находиться’ — только не в форме обычного презенса *a* (*aja*), а в форме «причастного» презенса *ajefe* (< причастие *ajef* ‘находящийся’ + связка *e*). Наличие причастия в структуре формы приводит к эффекту, сходному с тем, что обсуждался выше для «причастного» Аориста типа *aq’ufe*. Формы типа *aq’unajefe* также выражают факт, а не событие, они не служат для введения в рассмотрение ситуации как нового дискурсивного референта и не используются в качестве нарративного времени.

Основная функция «причастного» Результатива состоит в указании на релевантность результата прошлой ситуации, в этом смысле он является конкурентом обычного Результатива в качестве перфектной формы. Однако, в отличие от обычного Результатива «причастный» Результатив используется практически исключительно в случаях, когда описываемое положение дел уже известно и вводится в качестве пояснения или создания «фона» для другой ситуации, либо при подтверждении слов собеседника; все эти функции напрямую связаны с пресуппозитивной семантикой причастной формы. Так, в вопросно-ответной паре (41) го-

ворящий использует форму «причастного» Результатива просто для утвердительного ответа на вопрос-уточнение адресата (‘да, он ушел, и я это знаю’); альтернативно, в ответе могла бы быть воспроизведена и та же форма, которая употреблена в исходном вопросе (в данном случае Аорист *qušune*). Результатив *qušunaa* ‘он ушел, его нет’, напротив, подразумевал бы, что соответствующая ситуация вводится впервые и был бы более уместен при ответе на другой вопрос: ‘не знаешь, где он?’.

(41) — *direktːur* ***q-uš.u-ne*** *=ʁaj-wa?*
директор RE-уходить.PF-AOR=CIT-Q
— *aw, ge* ***q-uš.u-naje-f-e.*** •
да DEMG RE-уходить.PF-PT:RES-S-COP
‘ — Директор ушел, говорят?
— Да, он ушел.’

С другой стороны, в (42) и (43) при помощи данной формы описываются положения дел ‘я стал деревом’ и ‘я вернулся’, наличие которых очевидно участникам коммуникации, однако они вводятся повторно в связи с объяснением того, как возникли соответствующие положения дел.

(42) {Отец, разыскивающий своих детей, сначала находит дерево, в которое превратилась его дочь, а затем видит другое дерево, которое сообщает ему, что это его сын. Сын рассказывает о произошедшем и поясняет: — Я обратился с мольбой к Аллаху...}
za-k-as=ra *ha-mi-sa-l* *dar*
я-SUB/CONT-ELAT=ADD EM-DEMM-LOC-SUPER дерево
x.u-naje-f-e *p.u-naa.*
стать.PF-PT:RES-S-COP говорить.PF-RES
‘и я тоже превратился здесь в дерево, — сказал (он).’

(43) {Молодой сельчанин решает подшутить над пожилой женщиной и, изображая голос давно умершего человека, обращается к ней со спины. На ее вопрос, как он оказался снова здесь, он отвечает:}
ha-mi-štːi *jurk’.ura-l* *alʁarx.u-na*
EM-DEMM-ADV сердце-SUPER {SUPER-UP}попадать.PF-CONV
zun ***qaj-naje-f-e.***
я RE:приходить:PF-PT:RES-S-COP
‘Да мне что-то вздумалось, и я вернулся.’

Поскольку собственно ситуация, выраженная формой «причастного» Результатива, относится к известному, пресуппозитивному компоненту, прагматически выделенными оказываются другие компоненты содержания — участники либо обстоятельства. Так, в (40) новым элементом сообщения является время основания города (тот факт, что город был когда-то основан, известен и так), в примере (43) — мотивация прихода говорящего в селение. Во фразе (44) ниже, резюмирующей обсуждение имевших место событий несколькими участникам диалога, к важной информации относится то, что не подвергалось сомнению: в ситуации участвовали три человека и они пошли с целью кражи. Сам факт того, что кто-то подговорил других на кражу, уже был введен в начале рассказа, поэтому функция (44) — еще раз сформулировать исходную обстановку в точке отсчета:

(44) {Рассказчик начинает сбивчивое повествование о случае в селе, когда ночью трое мужчин пошли украсть овцу из кошары, в результате чего один из них был убит двумя другими. Возникает диалог с собеседниками по поводу того, как звали участников событий и как именно развивались события. Затем рассказчик возвращается к последовательному изложению произошедшего:}

kː^{w}ereldi *te-wur* *xibu* *kas*
короче DEMT-PL три человек
š.u-naje-f-e *qatːk'.a-s.*
уходить.PF-PT:RES-S-COP красть.IPF-INF
'Короче, они пошли воровать втроем.'

Заметим, что прагматическое выделение обсуждаемого типа не является ярко выраженным, в отличие от специального морфосинтаксического механизма фокусирования, использующего конструкцию с причастием. Как и простое перфективное причастие (см. раздел 3), результативное причастие может оформлять предикат в фокусной конструкции, где связка располагается после фокусируемой составляющей; предикат в таком случае относится к пресуппозитивной части высказывания. В таких примерах, однако, прагматическое выделение фокусируемого элемента гораздо сильнее: так, в (45), описывающем реакцию лезгина, приехавшего в Баку в 1930-е гг. и услышавшего родную речь,

подчеркивается, что фраза была произнесена именно по-лезгински, а не на каком-то другом языке (например, русском или азербайджанском).

(45) *lezgi* *č’al.a-l-di* *e* *mi-s*
[лезгинский речь-SUPER-LAT] COP DEMM-DAT
p.u-naje-f.
говорить.PF-PT:RES-S
‘Тот ведь ПО-ЛЕЗГИНСКИ ему сказал.’

В примерах с «причастным» Результативом подобной семантики выбора одной из множества альтернатив нет, участники либо обстоятельства ситуации вводятся более нейтрально. Тем не менее, именно «сопутствующие обстоятельства» оказываются при употреблении этой формы наиболее важным фрагментом сообщения, учитывая, что сам факт осуществления ситуации представляется как известный.

В отличие от основного Результатива, «причастный» Результатив не выражает собственно результативного значения (в этом смысле именно он в большей степени напоминает перфект; см. также обсуждение в Заключении далее). Будучи средством описания фактов, «причастный» Результатив во многом близок «причастному» Аористу и может выражать экспериентивное значение, как в (46) и (47), а также экзистенциальное значение, как в (48) — завершающем предложении нарратива. Ключевое отличие «причастного» Результатива состоит в том, что эта форма подчеркивает сохранение результата к моменту речи (‘я сделал это в прошлом, и сейчас у меня есть этот опыт’), тогда как «причастный» Аорист нейтрален в этом отношении.

(46) {Говорят, медведь в горах может бросить в человека камень, чтобы сбросить в пропасть.}
za-s *ze* *ul-ar.i-l-di* ***ag.u-naje-f-e,***
я-DAT мой глаз-PL-SUPER-LAT видеть.PF-PT:RES-S-COP
sa *ximu-bara* *alčarx.u-na*
один сколько-раз встречаться.PF-CONV
saji-štːi *č’ir-ar.i-ʔ.*
другой-ADV(GEN) трава-PL-IN
‘Я своими глазами видел, не один раз встречал в других местах.’

(47) {Из обсуждения мусульманского погребального обряда с пожилым мужчиной, не раз принимавшим в нем участие: — У нас принято заворачивать покойника в семь саванов.}
zun *hal* *sa* *ximu-d* *kafan-ar.i-ʔ*
я теперь один сколько-S саван-PL-IN
ik'.i-naje-f-e *zun.*
{IN}совать.PF-PT:RES-S-COP я
'Я ведь теперь уже скольких завернул в саван.'

(48) *ha-me* *kar* ***alčarx.u-naje-f-e***
EM-DEMM дело {SUPER-LAT}попадать.PF-PT:RES-S-COP
χant'ir-ar.i *ran.u-ʔ.*
Хантирар-PL(GEN) мельница-IN
'Вот такое дело случилось на мельнице Хантирар.'

Значение косвенной засвидетельствованности «причастному» Результативу в полной мере не свойственно (по крайней мере в том, что касается пересказывательности). Тем не менее, он отмечается при описании ситуаций в прошлом, наличие которых говорящий только предполагает, хотя и не наблюдал их сам, ср. *gi wuri upunajefe* '(похоже, что) он всё рассказал' или *ge alurq'unajefe* '(мне кажется, что) он упал'. Разновидность инферентивного прочтения, которую мы здесь видим, является более субъективной и «ослабленной» по сравнению с инферентивным значением Результатива. В случае последнего те следы ситуации, которые имеются на момент речи, позволяют сделать вывод о наличии ситуации в прошлом достаточно однозначно: ср. *ge alurq'unaa* 'похоже, он упал (например, судя по тому, что у него испачканы брюки)' или *ge ʔašunaa* 'похоже, она плакала (я вижу, что у нее покрасневшие и мокрые глаза)' или пример (28) выше. Используя же форму «причастного» Результатива, говорящий делает утверждение скорее на основе своего общего впечатления о наблюдаемом положении дел — поведении и характере участника или даже общих знаний о мире. Так, *ивunajefe* 'видимо, (в горах) дождь шел' может быть сказано, например, в случае, если говорящий видит, что овцы спускаются с гор со слипшейся шерстью; *ge ʔašunajefe* 'похоже, она плакала' — при отсутствии явных следов слез на лице, однако при странных особенностях поведения (например, девушка отводит глаза, у нее дрожащий голос); *dada aluнunajefe rušas* 'похоже, отец поругал дочь' — в случае, если

поведение девушки, которая вела себя грубо с окружающими, изменилось после приезда отца, и т.п.

Данный тип инференциальности близок к тому, что в работах последних лет иногда называют презумптивом[20]. Тем не менее, для агульского ключевым различием инференциальных высказываний с простым и с «причастным» Результативом является именно свойственная последнему «объяснительная» семантика: описывая наблюдаемые признаки, говорящий называет ту ситуацию, которая, по его мнению, наиболее вероятно ассоциируется именно с этими признаками и позволяет объяснить наблюдаемое положение дел.

6. Плюсквамперфекты: форма и значение

Четыре формы, рассмотренные в разделах 2—5, исторически включают в свой состав вспомогательный глагол настоящего времени. Всем им в глагольной парадигме соответствуют и структурно параллельные формы с вспомогательным глаголом прошедшего времени — простое и «причастное» Прошедшее неактуальное, простой и «причастный» Результатив прошедшего времени (см. таблицы 1 и 2). Формы этого ряда имеют характерную «плюсквамперфектную» структуру — в них маркирована как перфективность (деепричастие или причастие смыслового глагола), так и собственно временна́я референция к плану прошедшего (вспомогательный глагол). Значения этих форм, хотя и достаточно разнородные, в целом также соответствуют тому, что типологически ожидаемо от плюсквамперфектов[21].

---

[20] Ср.: «основное различие между презумптивными и инферентивными показателями состоит в том, что первые опираются лишь на знания говорящего о мире и его способность к логическому выводу, тогда как вторые — на непосредственные наблюдения говорящего (и лишь косвенным образом — на его способность к логическому выводу)» [Плунгян 2011: 465].

[21] Подробный обзор употреблений, типологически свойственных плюсквамперфектным формам, содержится в книге [Сичинава 2013: 21–42], где рассмотрены, в частности, предшествование в прошлом и наличие результирующего состояния в прошлом, прекращенная ситуация и аннулированный результат, давнопрошедшее, экспериентивное, эвиденциальное и различные модальные значения и пр.

По сравнению с формами, включающими вспомогательный глагол в настоящем, формы с вспомогательным глаголом прошедшего времени имеют то же аспектуальное значение, однако относят описываемую ситуацию к плану прошедшего или, более точно, к неактуальному временно́му плану. Наиболее четко это видно по Аористу и «причастному» Аористу в плане прошедшего: первая из этих форм описывает конкретную точечную ситуацию (49), а вторая — осуществление ситуации определенного типа (50), причем подчеркивается отнесенность ситуации в «закрытый временной интервал» в прошлом и отсутствие связи с моментом речи[22].

(49) {Это было в год, когда случилось землетрясение; был, по-моему шестьдесят шестой год.}
ha-te *is.a* ***eχtːijar*** ***i-nij***
EM-DEMT год(TMR) разрешение давать:PF-AOR:PST
переселят *x.a-jde...*
<переселять> стать.IPF-PT:HAB
'В тот год дали разрешение переселиться (из горного села на равнину)...'

(50) {Говорят, в 1930-е годы в окрестностях села орудовала банда. На той нашей дороге ставили котлы,}
ha-ge-wur.i-s *ʕut'.a-tː-ar=ra* ***hazur***
EM-DEMG-PL-DAT есть.IPF-S-PL=ADD готовый
aq'.u-f-ij=ʁaj, *ruk:.u-na* *mal-ar=ra.*
делать.PF-S-COP:PST=CIT зарезать.PF-CONV корова-PL=ADD
'резали скотину и готовили им еду.'

Для семантики этих форм более важна именно идея «разрыва» описываемого положения дел с моментом речи, нежели ориентация на определенную точку отсчета в прошлом (именно поэтому наиболее подходящим ярлыком для данных форм нам представляется «прошедшее неактуальное»). Напротив, формы с результативной семантикой — собственно Результатив прошедшего времени и «причастный» Результатив прошедшего времени — передают такие более тесно ассоциируемые с плюсквамперфектом значения, как предшествование в прошлом и перфектность или результативность в прошлом.

[22] Ср. термин «discontinuous past», т.е. 'прошедшее, «оторванное» от настоящего', используемый применительно к показателям подобного рода в работе [Plungian, Auwera 2006].

Так, Результатив прошедшего времени семантически является перфектом / результативом, «сдвинутым» в план прошедшего. Он описывает результирующее состояние в прошлом (51) либо событие, имевшее место до точки отсчета в прошлом и сохраняющее релевантность в этой точке (52):

(51) {Дядю Ахмада вызвали на зимние пастбища, чтобы бороться с засильем змей. Он ездил по стоянкам чабанов и уничтожал змей.}
q’̥anc’il-ar.i *χul-ar.i-ʔ* ***uq’.u-naji.***
Канциль-PL(GEN) дом-PL-IN садиться.PF-RES:PST
‘Он жил (букв. сидел) в доме канцильцев’[23].

(52) {Пожилая женщина рассказывает о своем детстве: — Мы жили вдвоем с мамой. Присутствующая родственница спрашивает: — А отца у тебя не было, тетя? Рассказчица отвечает:}
dad ***k’.i-naji,*** *dad* ***k’.i-naji.***
отец умирать.PF-RES:PST отец умирать.PF-RES:PST
‘Отец уже умер (к тому времени), уже умер.’

«Причастному» Результативу прошедшего времени, не имеющему «статального» прочтения, свойственно второе из этих употреблений; по-видимому, именно эта форма наиболее близка чисто таксисному пониманию плюсквамперфекта как средства выражения «предшествования в прошлом».

(53) {Из рассказа о встрече в горах с призраком умершего человека.}
qaj-ne *zun,* *jo,* *rahmat* *x.a-ǯe*
RE:приходить:PF-AOR я INTJ покой стать.IPF-PT:OPT
ʔabdullah *aʁ.a-jde (...)* *me*
Абдуллах говорить.IPF-PT:HAB DEMM
am-e-f-tːuj *te* *waχtː.una,*
{IN}оставаться-PT-S-COP:PST:NEG DEMT время(TMR)
k’.i-naje-f-ij.
умирать.PF-PT:RES-S-COP:PST
‘Вернулся я — ой, покойный по имени Абдуллах (...) а его в это время уже не было на свете, умер уже.’

[23] Канциль — табасаранское село в Хивском районе Дагестана.

В нарративном дискурсе обе эти формы, как это и свойственно плюсквамперфектам, используются для ввода ситуаций, находящихся «out-of-sequence», т.е. вне основной нарративной последовательности упорядоченных во времени точечных событий. Результатив прошедшего времени, как правило, описывает фоновые фрагменты (54), тогда как его «причастный» аналог встречается и в нарративном зачине (функция «сдвига начальной точки», в терминологии Д. В. Сичинавы), ср. (55):

(54) {В молодости я ходил на похороны читать молитвы. Со мной часто ходил пожилой мужчина по имени Абдуллах.}
xibuqːa-n=na ic'u – c'aʕfu is ***x.u-naji***
60-S=и десять 15 год стать.PF-RES:PST
ti-n te-guna.
DEMT-GEN DEMT-TEMP
'Ему тогда было лет 70—75.'

(55) *gal.u-q-di нupː-ar.i-q* ***š.u-naje-f-ij***
кутан-POST-LAT овца-PL-POST уходить.PF-PT:RES-S-COP:PST
zun=na me menemed-zahir...
я=ADD DEMM Магомед-Загир
'Мы с этим Магомед-Загиром... приехали на кутан (зимнее пастбище) пасти овец.'

Обеим результативным формам прошедшего времени свойственна неоднозначность, упоминаемая Б. Комри при описании английского плюсквамперфекта [Comrie 1976: 56]. Фраза типа *Bill had arrived at six o'clock* 'Билл приехал в шесть часов' может означать как то, что Билл приехал именно в шесть (и это предшествовало какому-то другому событию в прошлом), так и то, что он приехал до шести, но к шести уже заведомо был на месте. Аналогично, оба агульских результатива прошедшего времени в (56) в сочетании с обстоятельственной группой 'в шесть часов' могут иметь обе интерпретации:

(56) *ge bagajmi jerxi-j.i-s* ***ad.i-naji*** /
DEMG утром шесть-S-DAT приходить.PF-RES:PST
ad.i-nae-f-ij.
приходить.PF-PT:RES-S-COP:PST
'1. Он пришел (ровно) в шесть утра.
2. В шесть утра он уже пришел (был уже пришедши).'

При том, что важной составляющей семантики Результатива настоящего времени является косвенная засвидетельствованность, Результатив прошедшего времени, как и другие перфективные формы «плана прошедшего», нейтрален с точки зрения эвиденциальных противопоставлений. В нашем корпусе текстов имеются единичные примеры использования Результатива прошедшего времени с контрфактивным значением (‘сделал бы’), ср. (57). Вместе с тем, ни эта форма, ни какой-либо из остальных агульских плюсквамперфектов форм не служит регулярным средством выражения контрфактивного условия. Специализированной для данной функции является форма Ирреалиса, структурно представляющая собой «будущее в прошедшем» и в «плане настоящего» соответствующая основной футуральной форме (со смысловым глаголом в инфинитиве, ср. таблицу 1).

(57) *ismil ʕazim da-ruχ.u-na-j-či, gada*
исмил азим NEG-учиться.PF-RES-CONV-COND сын
k’.i-naji *dad.a-f-as.*
умирать.PF-RES:PST отец-APUD-ELAT
‘Если бы не выучился «исмил-азиму»[24], то сын погиб бы от руки отца.’

7. Заключение: три перфекта или ни одного?

Итак, как показало предшествующее изложение, среди четырех перфективных агульских форм прошедшего времени, каждая из которых хоть в какой-то мере затрагивает перфектную область, нет формы, которую можно было бы назвать «чистым» перфектом. Значит ли это, что специализированного перфекта в агульском языке нет и значения перфектной области просто «распылены» по видо-временной системе? Как представляется, такой вывод был бы слишком поспешным.

Дальше всех от перфектного статуса, безусловно, находится Аорист, который синхронно «роднит» с перфектом только использование в иммедиатных контекстах; в остальном же эти две формы выглядят скорее антиподами. На периферии «перфек-

[24] Под этим термином рассказчица понимает духовную практику, связанную с терпением и позволившую герою повествования избежать убийства.

топодобных» форм находится и «причастный» Аорист, специализированный на экспериентивном (и экзистенциальном) значении: как уже упоминалось выше, хотя типологически это значение часто ассоциируется именно с перфектом, в языках мира оно способно получать и независимое выражение.

Что же касается собственно Результатива и «причастного» Результатива, то эти формы, на наш взгляд, могут быть квалифицированы именно как разновидности перфекта — тем самым, их более адекватным наименованием следует считать скорее «Перфект/Результатив» и «причастный Перфект/Результатив» соответственно. Действительно, хотя у формы, названной выше Результативом, и сохраняется собственно результативное значение, в целом ее семантика значительно шире результативной (тем более что образуется она от всех глаголов, а не только от тех, которые могли бы допускать классическое результативное прочтение). Более того, обладая значением, предшествующим на пути грамматикализации собственно перфекту, эта форма достигла уже и стадии, следующей за перфектом (косвенная засвидетельствованность), не утратив при этом способности обозначать ситуацию в прошлом, имеющую текущую релевантность. Заглазная интерпретация для Результатива не является обязательной — в этом смысле, если вспомнить процитированную выше формулировку Й. Линдстедта, эту форму неправомерно было бы считать «уже не» перфектом. Не исключено, что агульский Результатив движется в сторону превращения в заглазное прошедшее и со временем станет чисто эвиденциальной формой, полностью покинувшей перфектную область, — однако никаких оснований считать, что такой исход близок, у нас нет. В настоящее время агульская форма типа *aq'unaa* / *aq'unaja* преставляет собой, таким образом, «широкий перфект», т.е. перфект с широкой дистрибуцией, включающей как результативные, так и «индирективные» контексты, причем никакие из них нельзя отнести к периферийным.

Заметим, что «широкие перфекты» такого типа встречаются и в ряде других нахско-дагестанских языков. Так, в [Tatevosov 2001: 445—452] формы перфекта в багвалинском языке андийской группы и в кубачинском языке даргинской группы описываются именно как выражающие результативное, перфектное значение и косвенную засвидетельствованность. Аналогична семантика пер-

фекта в аштынском даргинском, наиболее близком кубачинскому [Беляев 2012: 201—203; О. И. Беляев, личное сообщение]. Все три значения имеет и аварский перфект («прошедшее неочевидное»), состоящий из перфективного деепричастия и связки [Маллаева 2007: 196—206]. С другой стороны, в нахско-дагестанских языках представлены и перфекты более «узкого» типа, не достигшие стадии заглазного прошедшего либо, напротив, утратившие результативное значение. К последним относится, например, арчинская форма на *-li* (исходно — показатель перфективного деепричастия), которая выражает перфектное и заглазное значение, но не результатив (закрепленный за другой формой), ср. обсуждение в [Tatevosov 2001: 455—459][25]. О наличии результативного значения не сообщается также в описании ингушского перфекта, который выражает косвенную засвидетельствованность и текущую релевантность результата (и совместим с субъектом 1-го лица) [Nichols 2011: 254—256][26]. Напротив, перфект удинского языка имеет результативное и перфектное значение, но не выражает заглазность, которая в удинской видо-временной системе оказывается не грамматикализованной [Майсак, наст. сб.]. Аналогично, согласно существующим описаниям, перфект лезгинского языка, структурно изоморфный агульскому Результативу («перфективное деепричастие + локативный глагол наст. вр.»), выражает только значения перфекта и результатива [Haspelmath 1993: 143–145; Гайдаров и др. 2009: 193–194].

Что касается отпричастной формы типа *aq'unajefe*, то ее аналоги в видо-временных системах других языков предъявить сложнее в силу специфического совмещения значений текущей релевантности и «объяснительности». Дистрибуция данной фор-

---

[25] Изложение С. Г. Татевосова в целом базируется на разделе книги [Кибрик 1977: 228–231], однако его интерпретация формы на *-li* отличается: в исходном описании А. Е. Кибрика эта форма рассматривается не как перфект, а как сочетание аориста с показателем заглазности *-li*, и соответственно у данного сочетания выделяется только собственно значение заглазности, но не перфектное значение.

[26] Значение примера, которое Дж. Николс называет результативным («An example in speech, where the sense is resultative»), мы интерпретируем как собственно перфектное: ср. *fy* ***dead*** *hwuona?* 'что с тобой случилось? (what happened to you?)' [Nichols 2010: 256].

мы, напротив, более ограничена, нежели ожидается у перфекта: она не только не выражает собственно результативность и заглазность, но и описывает лишь ситуации, особым образом интегрированные в состояние знаний говорящего.

Наш итоговый вывод о наличии перфекта в агульском языке (по крайней мере в том, что касается хпюкского диалекта), таким образом, сводится к следующему: в глагольной системе представлены две перфектные формы, одна из которых представляет собой достаточно частотный перфект с широкой дистрибуцией, а другая — относительно периферийный перфект с фактивным оттенком; особо следует отметить наличие специализированного экспериентива.

Список условных сокращений

ADD — аддитивная частица; ADV — наречный показатель; AOR — аорист; APUD — локализация ‘возле’; CIT — пересказывательность; COND — условная форма глагола; CONV — деепричастие; COP — связка; DAT — датив; DEMM / DEMG / DEML / DEMT — базовые серии демонстративов; EM — эмфатический префикс демонстративов; ELAT — элатив; ERG — эргатив; EXCL — эксклюзив; GEN — генитив; IMP — императив; IN — локализация ‘внутри’; INCL — инклюзив; INDEF — серия неопределенных местоимений; INF — инфинитив; INTER — локализация ‘в массе; между’; INTJ — междометие; IPF — несовершенный вид; LAT — латив; LOC — локативная серия демонстративов; NEG — отрицание; ORD — порядковое числительное; PF — совершенный вид; PL — множественное число; POST — локализация ‘сзади’; PRED — предикативная серия демонстративов; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; PT — причастие; PT:HAB — хабитуальное причастие; PT:OPT — оптативное причастие; PT:PRS — презентное причастие; PT:RES — результативное причастие; PTCL — частица; Q — общий вопрос; RDP — редупликация; RE — рефактивный префикс; RES — результатив; S — показатель субстантивации; SUB / CONT — локализация ‘под’ / ‘в контакте’; SUPER — локализация ‘сверху’; TEMP — темпоральная форма демонстратива; TMR — темпоральная форма имени; UP — направление ‘вверх’.

Показатели косвенной основы имен и аспектуальных основ глаголов отделяются точкой. Знак = используется для отделения клитик. Локативные префиксы не отделяются и в строке глоссирования обозначаются в фигурных скобках. Немаркированные категории в строке глоссирования не отмечаются (номинатив, единственное число, эссив), а при совпадении с косвенной основой заключаются в круглые скобки (эргатив, локализация IN, генитив, темпоралис).

Литература

Беляев 2012 — О. И. Беляев. Аспектуально-темпоральная система аштынского даргинского // В. А. Плунгян (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. VI: Типология аспектуальных систем и категорий [Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. VIII. Ч. 2.] СПб.: Наука, 2012. С. 181–227.

Вострикова 2009 — Н. В. Вострикова. Экспериентивные предложения: грамматикализация дискурсивных функций // Вопросы языкознания. 2009. № 3. С. 19–31.

Вострикова 2010 — Н. В. Вострикова. Типология средств выражения экспериентивного значения. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2010.

Гайдаров и др. 2009 — Р. И. Гайдаров, А. Г. Гюльмагомедов, У. А. Мейланова, Б. Б. Талибов. Современный лезгинский язык. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2009.

Инджил 2005 — Инджил: Лукайин Китаб. Месигь Іисайихъас Идже Хабар. М.: Институт перевода Библии, 2005.

Калинина 2001 — Е. Ю. Калинина. Нефинитные сказуемые в независимом предложении. М.: ИМЛИ РАН, 2001.

Кибрик 1977 — А. Е. Кибрик Опыт структурного описания арчинского языка. Т. 2. Таксономическая грамматика. М.: МГУ, 1977.

Майсак 2012 — Т. А. Майсак. Причастные формы в видо-временной системе агульского языка // В. А. Плунгян (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. VI: Типология аспектуальных систем и категорий [Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. VIII. Ч. 2.] СПб.: Наука, 2012. С. 228–289.

Майсак, наст. сб. — Т. А. Майсак. Перфект и Аорист в ниджском диалекте удинского языка // Настоящий сборник.

Майсак, Мерданова 2002 — Т. А. Майсак, С. Р. Мерданова. Категория эвиденциальности в агульском языке // Кавказоведение. 2002. №1. С. 102–112.

Маллаева 2007 — З. М. Маллаева. Глагол аварского языка: структура, семантика, функции. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2007.

Маслов 1983 — Ю. С. Маслов. Результатив, перфект и глагольный вид // В. П. Недялков (ред.). Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект). Л.: Наука, 1983. С. 41–54.

Мерданова 2004 — С. Р. Мерданова. Морфология и грамматическая семантика агульского языка (на материале хпюкского говора). М.: Советский писатель, 2004.

Недялков, Яхонтов 1983 — В. П. Недялков, С. Е. Яхонтов. Типология результативных конструкций // В. П. Недялков (ред.). Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект). Л.: Наука, 1983. С. 5–41.

Плунгян 2011 — В. А. Плунгян. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: Изд-во РГГУ, 2011.

Сичинава 2013 — Д. В. Сичинава. Типология плюсквамперфекта. Славянский плюсквамперфект. М.: АСТ-Пресс, 2013.

Татевосов 2001 — С. Г. Татевосов. Косвенная засвидетельствованность // А. Е. Кибрик, К. И. Казенин, Е. А. Лютикова, С. Г. Татевосов (ред.). Багвалинский язык: Грамматика. Тексты. Словари. М.: ИМЛИ РАН, 2001.

Татевосов, Майсак 2000 — С. Г. Татевосов, Т. А. Майсак. Пространство говорящего в категориях грамматики, или Чего нельзя сказать о себе самом // Вопросы языкознания. 2000. №5. С. 68–80.

Bybee et al. 1994 — J. L. Bybee, R. Perkins, W. Pagliuca. The evolution of grammar: Tense, aspect and modality in the languages of the world. Chicago: University of Chicago Press, 1994.

Comrie 1976 — B. Comrie. Aspect: An introduction to the study of verbal aspect and related problems. Cambridge: Cambridge University Press, 1976.

Dahl 1985 — Ö. Dahl. Tense and aspect systems. Oxford: Basil Blackwell, 1985.

Dahl 2000 — Ö. Dahl (ed.). Tense and aspect in the languages of Europe. Berlin: Mouton de Gruyter, 2000.

Dahl, Hedin 2000 — Ö. Dahl, E. Hedin. Current relevance and event reference // Ö. Dahl (ed.). Tense and aspect in the languages of Europe. Berlin: Mouton de Gruyter, 2000. P. 385—402.

Haspelmath 1993 — M. Haspelmath. A grammar of Lezgian. Berlin: Mouton de Gruyter, 1993.

Lambrecht 1994 — K. Lambrecht. Information structure and sentence form. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.

Lambrecht 2001 — K. Lambrecht. A framework for the analysis of cleft constructions // Linguistics 39, 2001. P. 463–516.

Lindstedt 2000 — J. Lindstedt. The perfect — aspectual, temporal and evidential // Ö. Dahl (ed.). Tense and aspect in the languages of Europe. Berlin: Mouton de Gruyter, 2000. P. 365—384.

Nichols 2010 — J. Nichols. Ingush Grammar. Berkeley: University of California Press, 2010. (https://escholarship.org/uc/item/3nn7z6w5)

Plungian, Auwera 2006 — V. A. Plungian, J. van der Auwera. Towards a typology of discontinuous past marking // Sprachtypologie und Universalienforschung 59, 2006. P. 317–349.

Tatevosov 2001 — S. G. Tatevosov. From resultatives to evidentials: Multiple uses of the perfect in Nakh-Daghestanian languages // Journal of Pragmatics 33, 2001. P. 443–464.

III.

О. В. Ханина, А. Б. Шлуинский

ИЯз РАН — ИЯз РАН, МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва

ЭНЕЦКИЙ ПЕРФЕКТ: ДИСКУРСИВНЫЕ УПОТРЕБЛЕНИЯ У ЭВИДЕНЦИАЛЬНО-АДМИРАТИВНОГО ПЕРФЕКТА[1]

1. Введение

В настоящей работе на материале энецкого языка рассматривается функционирование «зрелой» граммемы перфекта, перфектные употребления которой сравнительно маргинальны, в то время как много более распространены развившиеся на их базе инференциальные и адмиративные употребления, а кроме того, широко представлены употребления, которые мы называем дискурсивными, — обусловленные функцией клаузы в структуре дискурса. Сосуществование дискурсивных употреблений с собственно перфектными приводит к тому, что рассматриваемая граммема имеет нетривиальную полисемию: в частности, может выражать как ситуацию, актуальную в точке отсчета, так и, в определенных условиях, ситуацию подчеркнуто неактуальную.

В разделе 1 даны общие сведения об энецком языке, его видо-временной системе и обзор исходных сведений о Пер-

---

[1] Работа выполнена в рамках проекта РНФ № 16-18-02081.

Материалом работы послужили данные, полученные в рамках проекта «Документация энецкого языка: оцифровка и анализ архивных материалов и полевая работа с последними носителями» при финансовой поддержке международного фонда «Программа документации языков, находящихся под угрозой исчезновения» (“Endangered Languages Documentation Programme”, ELDP), 2008–2011 гг.

Благодарим за обсуждение наших двух докладов по теме статьи участников соответствующих мероприятий — рабочего совещания «Семантика перфекта в языках мира» (Санкт-Петербург, 2013 г.) и конференции Ассоциации лингвистической типологии (Лейпциг, 2013 г.), — в частности Б. Вельхли, Т. А. Майсака, Е. К. Скрибник, А. Ю. Урманчиеву. Т. А. Майсака и А. Ю. Урманчиеву благодарим также за комментарии к предварительному варианту статьи.

фекте[2] в энецком языке. В разделах 2–4 подробно описываются употребления Перфекта: собственно перфектные в разделе 2, адмиративные, инференциальные и цитативные в разделе 3, дискурсивные в разделе 4. Наконец, в разделе 5 предлагается обсуждение материала с попыткой объяснить нетривиальные аспекты наблюдаемого набора употреблений.

1.1. Энецкий язык и материал исследования

Энецкий язык относится к северно-самодийской группе самодийской ветви уральской языковой семьи и представлен двумя диалектами — лесным (бай, далее Л) и тундровым (сомату, маду, далее Т). Носители обоих диалектов проживают на территории Таймырского муниципального района Красноярского края. Оба диалекта находятся в настоящее время под сильной угрозой исчезновения — всего мы насчитываем не более 50 носителей обоих диалектов с компетенцией разного уровня.

Основным материалом исследования послужил корпус естественных энецких текстов, созданный авторами и включающий как современные тексты, записанные и транскрибированные в последнее десятилетие, так и тексты, которые были при участии современных носителей языка транскрибированы с архивных аудиозаписей 1960-1990-х гг.[3] Суммарный объем использованных нами транскрибированных звучащих текстов составляет около 25 часов для лесного диалекта и около 7,2 часов для тундрового.

---

[2] Следуя распространенной конвенции, предложенной в [Comrie 1976], для ярлыков, приписываемых конкретным граммемам энецкого языка, мы используем написание с прописной буквы, а для типологически релевантных категорий — со строчной.

[3] Современные тексты были записаны и транскрибированы 2005-2010 гг. авторами, З. Н. Болиной, М. А. Овсянниковой, В. Н. Пальчиным, Н. М. Стойновой и С. А. Трубецким. Архивные тексты, транскрибированные тем же коллективом, были записаны в разные годы Д. С. Болиной, Н. Н. Болиной, О. Э. Добжанской, К. И. Лабанаускасом, И. П. Сорокиной, Е. А. Хелимским; их аудиозаписи были любезно предоставлены Дудинским отделением ГТРК «Норильск», Таймырским Домом народного творчества, Д. С. Болиной, О. Э. Добжанской, И. П. Сорокиной и А. Ю. Урманчиевой. Всем названным лицам и организациям, как и всем, кто делился с нами знанием энецкого языка, мы выражаем свою самую глубокую благодарность.

1.2. Видо-временная система энецкого языка

В данном разделе представлена краткая справка о видо-временной системе энецкого языка. Мы оставляем в стороне многочисленные энецкие модальные категории и рассматриваем здесь только средства для выражения значений времени и вида. Как кажется, этого достаточно для понимания общей системы, частью которой является энецкий Перфект, хотя сама эта категория, особенно в области своих инференциальных и адмиративных употреблений, выходит за рамки собственно видо-временной системы. Более подробная информация об энецкой глагольной системе содержится в [Урманчиева 2006, Сорокина 2010: 265–289, Siegl 2013: 247–324].

Категория вида в энецком языке, как и других самодийских (см. подробнее, в частности, [Кузнецова и др. 1980: 209–210, 217–233, Иосад и др. 2005, Гусев 2012]), является словоклассифицирующей и имеет существенное сходство со славянской: представлены два класса глаголов — перфективные и имперфективные[4] — и регулярные деривационные средства для образования имперфективных глаголов от перфективных и наоборот. Семантическое различие, состоящее в том, рассматривается ситуация как завершенная или как длящаяся, последовательно проводится во всех глагольных формах, но наиболее явно проявляется в форме так называемого Неопределенного времени, которая, согласно нашему анализу, имеет нулевое маркирование, но для большинства морфологических классов образуется от особой основы (от которой также образуется часть форм Императива)[5]. С перфективными глаголами эта форма имеет референцию к про-

[4] В поморфемном глоссировании мы тщательно отражаем видовое значение энецкого глагола видовым значением русского, переводя энецкие имперфективные глаголы русскими глаголами несовершенного вида, а перфективные — глаголами совершенного вида. Из этого, однако, не следует, что мы имеем в виду, что дистрибуция видовых граммем в энецком и русском языках идентична.

[5] См., например, [Урманчиева 2006, 2013], где предлагается альтернативный анализ, при котором не постулируется отдельная основа Аориста-Императива, а имеются отдельные ненулевые показатели с непростой морфонологией для Неопределенного времени и соответствующих форм Императива.

шлому, а с имперфективными — к настоящему. Для единичной длящейся ситуации это единственный способ выразить референцию к настоящему.

Форма Будущего времени с показателем *-da* (*-za, -ta*) имеют временну́ю референцию к будущему. Форма Хабитуалиса с показателем Л. *-ubi* / Т. *-obi* выражает регулярно повторяющуюся ситуацию в настоящем или в прошлом[6]. Форма Перфекта с показателем *-bi* (*-pi*) будет основным предметом нашего рассмотрения.

Кроме того, средством выражения временны́х значений являются серии лично-числовых окончаний. Помимо базовой серии лично-числовых окончаний, которая используется во всех упомянутых видо-временных формах, представлена производная от нее претериальная серия[7]. Претериальная серия может быть использована со всеми вышеперечисленными формами, образуя соответственно формы Прошедшего времени, Будущего-в-прошедшем, Хабитуалиса-в-прошедшем и Перфекта-в-прошедшем. Форма Прошедшего времени имперфективных глаголов выражает ситуацию, длящуюся относительно точки отсчета в прошлом. Форма Будущего-в-прошедшем малоупотребительна, и на данный момент можно сказать лишь о том, что ее семантика относится к модальной сфере. Распределение прочих простых (Неопределенное время перфективных глаголов, Хабитуалис, Перфект) и соответствующих им претериальных форм (Прошедшее

---

[6] С морфологической точки зрения, показатели Будущего времени и Хабитуалиса существенно отличаются от прочих глагольных показателей своим поведением в отрицательной конструкции. Отрицательная конструкция в энецком языке, как и в других уральских языках, состоит из отрицательного глагола, принимающего на себя словоизменение, и смыслового глагола, стоящего в специализированной нефинитной форме Коннегатива. Показатели Будущего времени (всегда) и Хабитуалиса (за редкими исключениями), тем не менее, присоединяются в отрицательной конструкции к смысловому глаголу перед показателем Коннегатива.

[7] Мы предпочитаем, в качестве синхронного описательного решения, не членить лично-числовые показатели претериальной серии, но возможна и альтернативная трактовка — описывать их как комбинацию лично-числовых показателей с претериальным «постфиксом» *-ʃ* — как в [Урманчиева 2005; 2006], [Siegl 2013].

время перфективных глаголов, Хабитуалис-в-прошедшем, Перфект-в-прошедшем) оказывается далеко не очевидным и требует дальнейшего исследования: претериальные формы всегда имеют референцию к прошлому, но и соответствующие им простые также имеют или могут иметь референцию к прошлому.

1.3. Исходные сведения об энецком Перфекте

Как было сказано, форма с показателем *-bi*, составляющая предмет нашего рассмотрения, представляет собой такую манифестацию типологически релевантной категории перфекта, у которой широко развиты эвиденциальные употребления. В то же время известно, что развитие инференциальных и, шире, вообще эвиденциальных употреблений является одним из типологически устойчивых путей семантической эволюции перфекта (см. обсуждение в разделе 5). Следовательно, можно по праву называть энецкую категорию «зрелым» перфектом. Добавим, что в связи с такой полисемией в литературе данная форма в энецком языке характеризуется и как перфект [Сорокина 1980, Лабанаускас 1982, Siegl 2013: 263–264], и как эвиденциальная форма [Künnap 2002], в частности — как «инференциалис» [Урманчиева 2006].

С точки зрения диахронических источников энецкий Перфект сходен с европейскими ‘быть’-перфектами и восходит к именному употреблению причастия предшествования[8]. Само причастие сохранилось в обоих энецких диалектах, но в синхронном состоянии крайне непродуктивно и употребляется с ограниченным набором производящих глагольных основ; примеры его употребления (1)–(2).

[8] В уральских и алтайских языках широко представлены именные предикации без глагольной связки, в которых глагольные лично-числовые окончания присоединяются непосредственно к именному предикату — существительному или, например, причастию. В силу этого энецкий Перфект нельзя назвать напрямую перфектом, возникшим из конструкции типа ‘быть’ / ‘иметь’, хотя грамматические контексты его использования действительно иллюстрируют тот же путь грамматикализации, что и европейские перфектные граммемы с глаголами ‘быть’ / ‘иметь’.

Л[9]

(1) [[*lata-xaz* **mɛ-bi**] *lɔte-za*],
доска-ABL.SG сделать-PTCP.PRF ящик-NOM.SG.3SG
lɔte-za *tɔne-ʔ* *nʲi-uʔ*
ящик-NOM.SG.3SG иметься-CONN NEG-3SG.S.CONT[10]
‘Из досок сделанный ящик, ящик есть’.

Т

(2) *udʲa* *ɔɔ-da,* *ulʲajgo-one*
мясо есть-FUT.3SG.S маленький-PROL.SG
[[**pire-bi**] *kare*] *ɔɔ-da*
сварить-PTCP.PRF рыба есть-FUT.3SG.S
‘Мясо будет есть и немного вареную рыбу будет есть’.

Отправной точкой настоящего исследования является нетривиальная возможность употребления энецкого Перфекта в семантически противоположных друг другу контекстах. С одной стороны, данная форма имеет собственно перфектные употребления, будучи представленной в контекстах, где подчеркивается актуальность уже совершившейся ситуации и ее результата. Так, например, в (3) приводится прямая речь врача, который принимал роды у жены рассказчика и сообщает рассказчику о том, что у него только что родился сын. С другой стороны, та же форма употребляется в интродуктивных контекстах, вводящих нарратив, временна́я локализация которого относится к неактуальному прошлому, или вообще в известном смысле отсутствует. Так, в (4) приведена начальная клауза сказки о двух шаманах, повествующей о событиях, которые заведомо не могут иметь релевантных для говорящего и слушающего последствий.

---

[9] Помета *Л* при примере соответствует лесному диалекту, помета *Т* — тундровому.

[10] В (2), как и во многих других примерах, представлена своеобразная конструкция энецкого языка, в которой отрицательный глагол в сочетании с т. н. контрастивной серией лично-числовых окончаний, имеет аффирмативное употребление со значением заведомой истинности (ср. русские частицы *же*, *ведь*); подробнее см. [Шлуинский 2010]. С точки зрения семантики, к этой конструкции примыкают также аффирмативные употребления отрицания в тундровом диалекте, которые обсуждаются ниже.

Л

(3) *vratʃ man-ʔ nʲi-uʔ,* ⟨…⟩
врач сказать-CONN NEG-3SG.S.CONT
mense-r, man-ʔ nʲi-uʔ,
старуха-NOM.SG.2SG сказать-CONN NEG-3SG.S.CONT
kasa nʲe ***sɔja-bi***
мужчина ребенок родиться-PRF.3SG.S
‘Врач сказал: «У твоей жены, — он сказал, — сын родился!»’

Л

(4) *ʃize entʃe-giʔ* ***dʲiri-bi-xiʔ***
два человек-DU жить-PRF-3DU.S
‘Жили-были два человека’. [Два человека, один из них энец, а другой, говорят, эвенк. Оба шаманы. Оба шаманы. Они, конечно, все время хвастались друг перед другом. Один из них сказал: «Если я захочу, я тут же тебя съем». А другой тоже сказал: «Если я захочу, ты увидишь, что я тебя прикончу, тебя съем». ⟨…⟩][11]

Хотя материал включает примеры типа (3), которые, собственно, позволяют характеризовать энецкую форму с показателем *-bi* как относящуюся синхронно к перфектной семантической зоне, дистрибуция этой формы не соответствует «классической» дистрибуции перфекта (см., в частности, [Dahl 1985: 129–138]). Так, энецкий Перфект вовсе не занимает функциональную нишу контекстов актуального события или его результата полностью — например, в (5) употреблена форма Неопределенного времени перфективного глаго-

[11] Поскольку работа выполнена на материале естественных текстов, мы пользуемся возможностью в необходимых случаях привести широкий контекст употребления интересующей нас граммемы, включающий несколько предложений. Чтобы, однако, не перегружать текст, мы приводим этот контекст только в виде русского перевода, который берется в квадратные скобки. Расположение такого фрагмента до или после энецкого примера соответствует фактическому расположению в тексте.

Современные энецкие тексты характеризуются сравнительно высокой частотностью переключения кодов — часть клауз, входящих в текст, бывают сказаны по-русски. Если такие клаузы входят в расширенный контекст примера, перед ними в круглых скобках стоит помета «(по-русски)».

ла. То же в еще большей степени относится к перфектному контексту актуальных новостей (hot news perfect), в котором форма Неопределенного времени перфективного глагола еще более обычна, как в (6). Наконец, энецкий Перфект, в отличие от «классических» европейских перфектов, никогда не употребляется в экспериенциальных контекстах, сообщающих об опыте участия индивида в определенной ситуации, — в этих контекстах представлена форма Прошедшего времени имперфективных глаголов, как в (7).

Л

(5) *nʲe-jʔ* *anʲ* *aga* *entʃeʔ-iʃ*
ребенок-NOM.SG.1SG и большой человек-TRANSL
kanʲe
уйти.3SG.S
‘И сын у меня уже стал взрослым’.
[Нужно искать ему человека (т.е. жену).]

Л

(6) *tɔz* *lɛuka-zʔ* *anʲ,* *man-ʔ*
так вскрикивать-1SG.S и сказать-CONN
nʲe-zuʔ, *bɔgulʲa* ***toɔ***
NEG-1SG.S.CONT медведь прийти.3SG.S
‘Я кричу, говорю: «Медведь пришел!»’

Л

(7) *modʲ-xoo* *kuna-xoo* ***ooŋa-zutʃ*** *tɔrse* *ɔsa*
я-TOP где/когда-TOP есть-1SG.S.PST такой мясо
‘Я-то когда-то ел такое мясо’.

В тундровом диалекте энецкого языка представлены аффирмативные употребления отрицательной конструкции с разными видо-временными формами (8), в том числе с Перфектом (9). Как и простые отрицательные употребления Перфекта (10), мы рассматриваем в данной работе аффирмативные употребления отрицательной конструкции, так как контексты их использования очевидно такие же, как и контексты использования Перфекта без отрицания, но как и в случае простого отрицания, не обсуждаем подробно семантический вклад отрицательного компонента этих конструкций[12].

[12] Аффирмативные употребления отрицательной конструкции в случае Перфекта нередко имеют дополнительный модальный компо-

Т

(8) *tʃi* *lapka-do* ***nʲe-biʔ***
вот магазин-DAT.SG NEG-1DU.S/SOsg
kane-doʔ, *bese-ku-zi-nʲiʔ*
уйти-FUT.CONN деньги-DIM-DEST.PL-PL.1DU
pe-goa-jʔ
попросить-MOD-1DU.S/SOsg
‘Мы же в магазин пойдем, денежки давай попросим.’

Т

(9) *balʲnʲis-xone* ***i-bi-ʔ*** ***dʲigu-o-ʔ***
больница-LOC.SG NEG-PRF-3PL.S не_иметься-INC-CONN
‘Они в больнице умерли, наверное’.

Т

(10) *naa-bi-ʔ,* ***i-bi-za***
говорить-PRF-3PL.S NEG-PRF-3SG.SOsg
nɔboza-ʔ *mezo-ʔ* *nɔɔʔ*
впустить-CONN дом-OBL на
‘Говорят, он их не впустил в дом.’

Помимо собственно формы Перфекта на *-bi* в обоих диалектах представлена форма Перфекта-в-прошедшем, в которой используется претериальная серия лично-числовых кончаний, как в (11)–(12). Далее мы не рассматриваем эту форму, хотя в целом круг ее употреблений имеет сходство с употреблениями Перфекта.

Л

(11) *teza* *tʃike-za* ***dʲago-bi-ʃ***
сейчас этот-NOM.SG.3SG не_иметься.INC-PRF-3SG.S.PST
‘Сейчас она у него умерла’.

Т

(12) *ee-nʲiʔ* *iri-xoa*
мать-OBL.SG.1SG дедушка-TOP
dʲigu-bi-ʃi *male*
не_иметься.INC-PRF-3SG.S.PST уже
‘Мамин дед-то умер уже’.

нент сниженной достоверности, как в (9), однако это происходит не всегда, ср. примеры (42) и (47) ниже.

В тундровом диалекте представлено также сочетание Перфекта с ассертивной частицей *nʲiuʔ*, как в (13), которое имеет некомпозициональное значение и которое мы поэтому далее исключаем из рассмотрения.

T
(13) *tɔdʲi* *ŋuiʲi* ***tenʲe-bi-do*** ***nʲiuʔ***
ты очень знать-PRF-2SG.S ведь
‘Ты ведь хорошо умеешь (это делать)’.

В остальном функционирование Перфекта в обоих диалектах энецкого языка можно считать практически идентичным: и в лесном, и в тундровом диалекте засвидетельствованы как собственно перфектные (раздел 2) так и адмиративно-инференциальные (раздел 3), и дискурсивные употребления (раздел 4).

2. Перфектные употребления

Перфектные употребления характеризуются тем, что ситуация в прошлом актуальна в настоящем. Актуальность в настоящем события в прошлом в нашем понимании соответствует распространенному англоязычному понятию “current relevance”, часто используемому как семантическая характеристика перфекта. Для перфектных употреблений не существен источник информации — как правило, говорящий знает о ситуации непосредственно или, по крайней мере, никак не подчеркивает, что его знание опосредованное.

2.1. Перфектные употребления с актуальным результатом

В подавляющем большинстве случаев перфектные употребления энецкого Перфекта характеризуют актуальность результата ситуации, выражаемой глаголом, а не более общую актуальность всего события в целом (типологически характерную для перфектных граммем). Из контекста перфектных употреблений с актуальным результатом ясно, что непосредственная результирующая фаза ситуации, наступающая после ее завершения, сохраняется на момент речи. Так, в (14) дикие олени на момент речи продолжают находиться в окрестностях поселка Потапово, в

(15) адресат речи продолжает вести образ жизни непьющего человека, а в (16) дети женщины, о которой идет речь, продолжают находиться в детском доме.

Л

(14) *a teza-xoa εke pɔ-xan tʃi*
а сейчас-TOP этот год-LOC.SG вот
kezer-ʔ oka-an ***to-bi-ʔ***
дикий_олень-PL много-PROL.SG прийти-PRF-3PL.S
‘А сейчас-то в этом году вот много диких оленей пришло’.

Л

(15) [Работаешь, это самое, ты же в больнице работаешь. Ага, сейчас водку ты не пьешь.]
sɔjza entʃeʔ-iʃ ***kanʲe-bi-d***
хороший человек-TRANSL уйти-PRF-2SG.S
‘Ты стала порядочным человеком’.

Т

(16) [(по-русски) Ну вот, это, ее же лишили родительского права.]
nio-za ***kada-ra-bi-zoʔ***
ребенок-NOM.PL.3SG взять-PASS-PRF-3PL.M
‘Детей у нее отобрали’.

Более того, чаще всего из контекста ясно, что говорящий апеллирует к засвидетельствованности именно результата ситуации, а не самой ситуации в целом. Если в (14)-(16) не до конца понятно, какие именно фазы ситуации могли составить зону наблюдения, то в (17)-(18) ясно, что говорящий ориентируется именно на наблюдаемую им результирующую фазу — ни процесс попадания окуней в сети, ни процесс засыхания чешуи не отслеживались.

Л

(17) *mɔdi-tʃa-r teza ʔ, sεuku*
увидеть-Q-2SG.SOsg сейчас сколько
dʲexa-ʔ ***poga-bi-zʔ***
окунь-PL попасться-PRF-3PL.M
‘Ты сейчас видел, сколько окуней попалось?’

Л

(18) *εke-r* *sej-za* *mu,*
этот-NOM.SG.2SG чешуя-NOM.PL.3SG PLC
tira-bi-ʔ
высохнуть-PRF-3PL.S
‘Вот у этой (рыбы) чешуя, это самое, засохла’.
[Сейчас мы ее чешую снимем.]

Разновидностью перфектных употреблений с актуальным результатом нам представляются перфектные употребления, в которых результат актуален не относительно момента речи, как в (14)–(18), а относительно точки отсчета в нарративе[13]. Примеры (19)–(21) имеют следующую структуру: рассказчик повествует о некоторой последовательности событий, после одного из которых обнаруживается, что актуален результат уже совершившейся ранее ситуации.

Л

(19) [Я пошел вперед. Я вижу, ага, когда я подошел ближе к оленям, я вижу. Это, кажется, мои сани. Это, кажется, мои сани.]
ezbine-jʔ *kɔdo-nʲʔ* *ezuʔo* *iru*
вожжа-NOM.SG.1SG санки-OBL.SG.1SG полоз под
tadi-bi. *edo* ***tanaxu-bi-za,***
наступить-PRF.3SG.S вот раздавить-PRF-3SG.SOsg
edo ***tanaxu-bi-za***
вот раздавить-PRF-3SG.SOsg
‘Моя вожжа попала под полоз саней. Так ее придавило, так ее придавило’.

Л

(20) [Уже стемнело, и он вернулся домой.]
εε, *kasa-xuu-za* *uʒe* ***to-bi-xiʔ***
да мужчина-DU-NOM.PL.3SG уже прийти-PRF-3DU.S
‘Да, его товарищи уже пришли’.

---

[13] Здесь и ниже мы опираемся прежде всего на понятия речевого vs. нарративного режимов интерпретации в терминах работ Е. В. Падучевой — см. [Падучева 1986; 1993; 1996: 13–14, 271–284]. В частности, по сравнению с речевым режимом смещаются точка отсчета, не совпадающая в нарративном режиме с моментом речи, и наблюдатель, не совпадающий в нарративном режиме с говорящим.

Т

(21) [Поев, я вышел на улицу.]
tee-nʲiʔ, ⟨…⟩ *pɔne-de-nʲiʔ*
олень-PL.1SG делать-PTCP.SIM-PL.1SG
tee-nʲiʔ ⟨…⟩ ***aza-bi-zuʔ***
олень-PL.1SG развязать-PRF-3PL.SOnsg
‘Моих оленей, которые были у меня запряжены, они отпустили’.

Существенно отметить, однако, что, несмотря на то, что результат события актуален, с точки зрения собственно аспектуальной семантики энецкий Перфект является именно перфектной, а не результативной формой, так как описывает не длящееся результирующее состояние, а завершенную ситуацию в прошлом — именно так, в частности, определяется различие между результативом и перфектом в [Недялков, Яхонтов 1983: 12]. Можно показать, что обстоятельства длительности или срока в сочетании с Перфектом характеризуют само событие, а не результат — так, в (22) обстоятельство *pi daxaʔ* ‘за ночь’ выражает срок достижения точки кульминации, после которой процессная фаза замерзания сменяется стативной фазой нахождения в замерзшем состоянии, а не срок пребывания в этой стативной фазе. Таким образом, несмотря на то, что сохранность результирующей стативной фазы в точке отсчета ясна из контекста в (14)-(21), энецкий Перфект описывает наступление этой фазы, а не ее саму.

Л

(22) *pi* *daxaʔ* *to-r* ***kɔdi-bi***
ночь за озеро-NOM.SG.2SG замерзнуть-PRF.3SG.S
‘За ночь озеро замерзло’.

2.2. Перфектные употребления без актуального результата

Собственно перфектные употребления энецкого Перфекта без актуального результата также представлены в материале обоих диалектов, но редки. Речь идет об употреблениях, в которых из контекста очевидно, что непосредственная стативная результирующая фаза, наступающая после достижения естественного предела, в точке отсчета не актуальна, но в то же время сам факт осуществления ситуации в точке отсчета актуа-

лен с точки зрения своих более опосредованных последствий или импликаций. Так, в (23) говорящий рассказывает своему собеседнику о том, что в недавнем прошлом он и его напарник поймали много рыбы определенного сорта; из контекста ясно, что непосредственная результирующая фаза этой ситуации (‘рыба поймана и находится в наличии’) в момент речи не сохраняется, так как рыба уже была отдана собакам и ими съедена; в то же время сам факт того, что рыбу недавно удалось поймать, актуален, так как несет в себе информацию о том, что такой рыбы в данный момент в Енисее много. Аналогично, в (24) непосредственная результирующая фаза ситуации набивания табака в трубку в точке отсчета не актуальна, так как табак уже выкурен; в то же время сам факт, что табак был набит в трубку, причем в недостаточном количестве, в точке отсчета важен, так как имеет прямое отношение к обманутым ожиданиям говорящего насчет того, что камуса[14] уже должны были высохнуть. Особенно показателен пример (25), где форма Перфекта образована от имперфективного глагола *oor-* ‘есть’, у которого, как и у других имперфективных глаголов, результирующая фаза в принципе не предусмотрена, что, однако, не мешает процессу поедания грибов иметь опосредованные последствия в виде желудочно-кишечного недомогания. Характерно, что примеры типа (25), в которых представлены перфектные употребления имперфективных глаголов, еще более редки, чем в целом собственно перфектные употребления на фоне перфектных употреблений с актуальным результатом.

Л

(23) [Позавчера ночью мы ходили.]

oka-an ***kaza-bi-jʔ***

много-PROL.SG добыть-PRF-1DU.S/SOsg

tɔrse *kare-ʔ*

такой рыба-PL

‘Мы много поймали такой рыбы’.

[Всё собакам отдали. Вон на берегу оставили.]

[14] Камус — шкура с ног оленя, которую после выскабливания и вымачивания используют для пошива обуви.

Т

(24) [Он расстелил камуса, расстелил шкуру. Табак свой курит. Он взял свое это самое, взял свою табакерку. И прикурил, трубку прикурил, закурил. «Вот я сейчас докурю, а после этого я соберу эти свои, все свои шкуры». Он курит и курит. Его табак уже кончился, его табак. Он подумал: «Мои вещи уже высохли. Вот уже готово, вот сейчас соберу их и пойду домой». Посмотрел он на них — какие были мокрые, такие и остались. Ничего не высохло. «Дай-ка еще закурю».]

navernoje *ul^{j}ajgo-one*
наверное маленький-PROL.SG
эта-zo-j? ***pu-bi-zo?*** ⟨…⟩
табак-DEST.SG-NOM.SG.1SG положить-PRF-1SG.S
‘Я мало набил табаку в трубку, наверное’.
[Поэтому они, наверное, и не высохли.]

Л

(25) [«Катенька, Катенька! У тебя живот сильно болит, у тебя живот сильно болит, ой!]

эbu ***oo-bi-d,*** *эbu* ***oo-bi-d*** *?*
что есть-PRF-2SG.S что есть-PRF-2SG.S
‘Что ты ела, что ты ела?»’

mod^{j} *man-?* *n^{j}e-zu?,* *gribi*
я сказать-CONN NEG-1SG.S.CONT грибы
oo-bi-z?, *gribi*
есть-PRF-1SG.S грибы
‘Я говорю: «Я грибы ела, грибы»’.

Итак, в обоих энецких диалектах форма Перфекта имеет собственно перфектные употребления, характеризующиеся следующим: эта форма выражает ситуацию, имевшую место ранее точки отсчета; факт совершения этой ситуации актуален в точке отсчета; контекст не подразумевает адмиративных или эвиденциальных семантических компонентов — ситуация не вызывает слишком сильного удивления у говорящего, а знает он о ней непосредственно (или, по крайней мере, никак не подчеркивает, что источник знания опосредованный). Точкой отсчета для перфектных употреблений может быть момент речи или, в нарративе,

некоторая другая временна́я точка. Чаще всего актуальность ситуации, выражаемой энецким Перфектом, состоит в том, что в точке отсчета сохраняется результирующая фаза ситуации, наступающая после достижения ею естественного предела; в то же время представлены и маргинальные употребления, где результирующая фаза ситуации не сохраняется или не заложена в семантике глагола, а актуальность имеет более опосредованный, определяемый прагматикой, характер.

3. Адмиративные, инференциальные и цитативные употребления

Вторую группу употреблений энецкого Перфекта составляют модально-эвиденциальные, которые, исходя из типологических ожиданий, диахронически производны от перфектных. Во-первых, это адмиративные употребления, в которых ситуация представлена как удивительная для говорящего. Во-вторых, это инференциальные употребления, в которых говорящий делает утверждение о ситуации не на основании непосредственного знания о ней, а на основании ее косвенных последствий. В-третьих, это цитативные употребления, в которых источник информации также косвенный, но говорящий знает ее с чужих слов. Поскольку связь адмиративного значения с эвиденциальным широко известна (см., в частности: [DeLancey 1997, 2001, Lazard 1999, Aikhenvald 2004: 195–215]), мы рассматриваем соответствующие употребления Перфекта как тесно связанные друг с другом.

3.1. Адмиративные употребления

Адмиративное значение состоит в специфическом соотношении между ситуацией и ожиданиями говорящего — сам факт осуществления ситуации интерпретируется не как нейтральный, а как не согласующийся с изначальной системой знаний говорящего (и, предположительно, слушающего) о мире[15]. Так, пример (26) взят из предваряющего фрагмента тек-

[15] В [DeLancey 1997: 33] это лаконично сформулировано так: “This is the status of the proposition with respect to the speaker’s overall knowledge structure”. В [Плунгян 2011: 426] семантика адмиратива ха-

ста, в котором пожилая рассказчица далее рассказывает об участии энцев в принудительных тяжелых работах, о которых в современном мире никто не знает; она подчеркивает, что одна из целей ее рассказа — вызвать чувство удивления у кого-то из других людей после обнаружения фактов, о которых им ранее вообще ничего не было известно; это чувство удивления отражено в реплике, оформленной как прямая речь. В (27) (пример взят из диалога) и (28) (это прямая речь персонажа) говорящий внезапно обнаруживает, что слушающий повел себя не так, как от него ожидалось, и находился или находится не там, где его искали. Наконец, в (29), взятом из фрагмента сказки с описанием антропоморфной ведьмы, сообщается о не замеченной ранее неожиданной особенности ее внешнего облика. В (26)–(28) субъектом адмиративной оценки ситуации является говорящий (включая «говорящего», которому приписывается прямая речь), а в (29) — не совпадающий с рассказчиком наблюдатель в нарративе — персонаж, который по сюжету замечает факт, о котором идет речь. В (26)–(27) временна́я референция Перфекта стандартна и согласуется с прочими его употреблениями — ситуация имеет место до точки отсчета; примеры (28) и (29), однако, показывают, что адмиративные употребления с имперфективными глаголами допускают и синхронную временну́ю референцию — с моментом речи (28) или с точкой отсчета в нарративе (29).

Л

(26) [Об этом надо говорить, об этом надо рассказывать! Там где-нибудь хоть люди бы сказали:]
ɔu, *tɔr-xoa* *entʃeu-ʔ* *tɔnane-duʔ*
EXC так-TOP человек-PL когда_то-OBL.SG.3PL
mɔzara-bi-ʔ *tɔʔ*
работать-PRF-3PL.S сюда
‘О, тогда люди так работали, оказывается!’

рактеризуется также через более общее понятие эпистемической оценки: если более обычная семантика эпистемической модальности характеризует ожидание осуществления гипотетической ситуации, то адмиратив также вводит такую характеристику, но для ситуации, которая уже имела место.

Т

(27) *tɔdʲi* *peo-xozo* *ʃii?* ***ɔte-bi-do***
ты улица-ABL.SG я.ACC ждать-PRF-2SG.S
‘Ты меня на улице ждала, оказывается’.

Л

(28) *xɔu,* *tʃikon* ***ɛ-bi-d***
ого этот.LOC.SG быть-PRF-2SG.S
‘О, ты, оказывается, здесь!’

Л

(29) [Глаза у нее есть, рот есть, руки есть.]
ɔu, *kɔzi-za* *anʲ* *dʲabu* ***ɛ-bi-?***
EXC ноготь-NOM.PL.3SG и длинный быть-PRF-3PL.S
‘Ой, а ногти-то у нее длинные, оказывается’.

Перфектные и адмиративные употребления энецкого Перфекта не полностью противопоставлены друг другу: перфектный и адмиративный компонент могут сосуществовать в одном и том же контексте — за счет чего и возможна перфектно-адмиративная полисемия. Так, общий контекст произнесения (30) таков, что говорящий приходит в определенное место после перерыва и обнаруживает, что там произошли изменения; с одной стороны, существенно, что результат этих изменений актуален и сохраняется в момент речи; с другой стороны, общий смысл высказывания состоит в выражении удивления говорящего, который этих изменений не ожидал.

Л

(30) *dʲa-za* *dʲɔgode-iʃ* ***kanʲe-bi***
земля-NOM.SG.3SG другой-TRANSL уйти-PRF.3SG.S
‘Земля другой стала’.
[Это самое, этой зелени, этих цветов здесь не было. Зелени не было, этих кустов тоже не было.]

3.2. Инференциальные употребления

Инференциальное значение состоит в том, что говорящий знает о ситуации не благодаря собственному непосредственному восприятию (каким бы то ни было органом чувств), а опосредованно — благодаря тому, что может наблюдать какие-то ее последствия. Тривиальным последствием ситуации является для-

щаяся результирующая фаза — и когда говорящий своими глазами наблюдал результирующую фазу, об инференциальном значении мы не говорим; соответствующие контексты разбирались в ряду перфектных в разделе 2. Прочие последствия ситуации, которые могут обусловить ее актуальность, определяются прагматически; если делается указание на сам факт наличия таких последствий, то речь о собственно перфектном употреблении, а если эти последствия имеют значение как источник информации, то об инференциальном. Так, в (31) говорящий обнаруживает свою лодку не в том месте, где он ее оставлял накануне, и делает из этого вывод, что кто-то ею пользовался в его отсутствие. В (32) говорящий видит следы собаки и по ним устанавливает, куда она пошла. В (33) говорящий узнает из реплики собеседника, как другие люди прошли мимо, и, располагая какой-то дополнительной информацией, делает уверенное предположение о том, куда именно они шли. В нарративе субъектом инференции является не говорящий, а наблюдатель — основной персонаж рассказчика; в (34) наблюдатель в нарративе совпадает с рассказчиком (повествование ведется от первого лица), но в (35) в роли наблюдателя выступает сказочный персонаж.

Л

(31) [Принесем-ка сюда вон ту мою лодку.]

ʃee-xoo ***pɔnʲi-bi-za*** *tʃe-no-ju*

кто-TOP делать-PRF-3SG.SOsg вчера-ADV-RESTR.ADJ

‘Кто-то брал ее вчера’.

[Мы ее здесь оставляли.]

Л

(32) [Собачий след, след.]

bunik *u-ta,* *taxa-no-ju*

собака след-NOM.SG.3SG за-ADV-RESTR.ADJ

biz *baru-xon* ***kanʲe-bi***

вода.OBL край-LOC.SG уйти-PRF.3SG.S

‘Собачий след, она дальше по берегу ушла’.

Т

(33) [Они прошли здесь. —]

aaa, *ʒenʲka-da* *me-to* ***kane-bi-ʔ***

ааа Женька-OBL.SG.3SG дом-DAT.SG уйти-PRF-3PL.S

‘Ага, они к Женьке на квартиру пошли’.

Т

(34) *sira-xane* *tea* *ɔze-zo*
снег-LOC.SG олень след-NOM.PL.3PL
ɔzi-ʔ, ***kanʲe-bi-ʔ***
быть_видимым-3PL.S уйти-PRF-3PL.S
‘На снегу видны оленьи следы, они ушли’.

Л

(35) *mɔdee,* *ʃee-xoo* ***dʲɔzu-bi***
видеть.3SG.S кто-TOP идти.MULT-PRF.3SG.S
mɛ-ta *ke-xon*
чум-OBL.SG.3SG сторона-LOC.SG
‘Она видит, кто-то ходил около её дома’.

Инференциальные употребления не полностью противопоставлены перфектным и адмиративным: представлены контексты, в которых сосуществуют и перфектный, и адмиративный, и инференциальный семантические компоненты. Так, в (36) описываются повадки мифологического персонажа Дёа, склонного к хитрости и обману, и в частности — ситуация, в которой может оказаться человек, вступивший с ним во взаимодействие и обнаруживший себя без денег: с одной стороны, ясно, что сохраняется актуальный результат того, что Дёа забрал деньги, что характерно для перфектных употреблений; с другой стороны, если человек сам не заметил, что отдал Дёа деньги, факт их исчезновения является неожиданным; с третьей стороны, тот факт, что деньги забрал Дёа, не был замечен и устанавливается по его последствиям — а именно, отсутствию денег.

Л

(36) [А этот хитрец так тебя обманет. Ты даже не знаешь, что деньги отдал. Ты сам их отдашь. А потом ты начнешь их искать (а оказывается:)]
ɛkon *ɛ-j* *anʲi* *dʲɔa-r*
этот.LOC.SG быть-PTCP.ANT и Дёа-NOM.SG.2SG
bɛʃi-nʲʔ *tʃuktʃi* ***kada-bi-za***
железо-PL.1SG весь унести-PRF-3SG.SOnsg
‘Плут, который тут был, все мои деньги забрал!’

3.3. Цитативные употребления

Цитативное значение состоит в том, что говорящий знает о ситуации не благодаря каким-либо своим наблюдениям — прямым или косвенным, — а с чужих слов. Так, в (37) говорящий рассказывает о своем предке, о котором знает только со слов родственников, в (38) говорящий говорит о возрастной разнице между собой и покойном мужем, о которой в традиционной культуре можно знать только со слов людей, которые знали обоих сравниваемых младенцами. (39) представляет собой фрагмент бытовой истории, в которой часть событий происходили непосредственно при участии рассказчика (и соответствующие им клаузы не оформлены Перфектом), а часть событий — одновременно в другом месте и известны, как легко понять, только со слов их непосредственных участников (и в соответствующих им клаузах употреблен Перфект). В (37) и (38) цитативная семантика передается не только Перфектом, но и использованной в них вводной конструкцией с глаголом речи — и такое сочетание является весьма характерным; но в то же время, как видно из (39), дополнительное распределение формы Перфекта в цитативных контекстах с другими формами (Неопределенным или Прошедшим временем) в нецитативных возможно и без контекстной поддержки.

Л

(37) *kupets* **ɛ-bi,** *mana-ʔ* *anʲi*
купец быть-PRF.3SG.S сказать-3PL.S и
‘Он был купец, говорят’.

Т

(38) *nʲitoda,* *baxoʔo-jʔ,* *nezonʲiʔ* *ŋuʔ* *pɔa-xane*
он(а) старик-NOM.SG.1SG я.ABL один год-LOC.SG
uze, *uze* *a-bi,* *mana-ʔ*
младше младше быть-PRF.3SG.S сказать-3PL.S
‘Говорят, он, муж мой, младше был меня на 1 год’.

Л

(39) [Осенью, в августе месяце вертолет всегда бывает. Он нам продукты закидывает, чтобы до зимы, до того как снег упадет, хватило. Продукты нам привозят. Если у нас есть дети, школьники, наши дети уезжают этим вертолетом.]

tɔrse *vertalʲɔt* ***to-bi,*** ***tʃi-bi***
такой вертолет прийти-PRF.3SG.S улететь-PRF.3SG.S
ʃizna? ***i-bi*** *ko-?*
мы.ACC NEG-PRF.3SG.S найти-CONN
‘Такой вертолет пришел, улетел. Нас он не нашел’.
te-saj *modʲna?* *dʲɔzu-ŋa-a?*
олень-COM мы идти-MULT-1PL.S/SOsg
‘Мы с оленями ходим’.
⟨…⟩
bɔlok *mɔdi-tʃ,* *bɔlki-xi-na?*
болок увидеть-CVB болок-DAT.PL-PL.1PL
adu-bi-z?
сесть-PRF-3SG.M
‘Увидев болки[16], он сел к нашим болкам’.
tɔz *nɛku* *dʲeri-xon* *ratsij-xon*
так другой день-LOC.SG рация-LOC.SG
man-? *nʲi-m?*
сказать-CONN NEG-3PL.S.CONT
‘Так на другой день они сказали по рации:’
modʲina? *ʃizza?* *nʲe-atʃ* *ko-?*
мы вы.ACC NEG-1PL.S/SOsg.PST найти-CONN
‘Мы вас не нашли’.

Энецкий Перфект засвидетельствован только в цитативных контекстах с референцией к прошлому; в цитативных контекстах с референцией к настоящему, как в (40), представлена форма Неопределенного времени.

Л
(40) *no,* *saame-?* ***tɔne-?,*** *man-?*
ну волк-PL иметься-3PL.S сказать-CONN
nʲi-m?
NEG-3PL.S.CONT
‘Ну, говорят, волки есть’.

Итак, в обоих энецких диалектах форма Перфекта имеет употребления адмиративно-эвиденциальной семантической зоны:

[16] Болок — сарай на полозьях, используемый для поездок по тундре или проживания в тундре.

адмиративные, в которых дается оценка ситуации как неожиданной, инференциальные, в которых ситуация известна по ее косвенным последствиям, и цитативные, в которых ситуация известна с чужих слов. Адмиративные и инференциальные употребления могут быть ориентированы как непосредственно на говорящего, так и на наблюдателя в нарративе, тогда как цитативные употребления и в нарративе ориентированы только на рассказчика-говорящего, но не на наблюдателя.

4. Дискурсивные употребления

Дискурсивные употребления отличаются от прочих тем, что присутствие определенной глагольной формы (в данном случае — Перфекта) обусловлено не семантикой клаузы, а ее функцией в структуре дискурса. Следует оговорить, что фактически под дискурсивными употреблениями мы понимаем употребления в нарративе, включая и вкрапления нарратива в тексты другого жанра. С одной стороны, это обусловлено тем, что именно нарратив имеет наиболее сложную структуру среди известных дискурсивных жанров, причем структуру в наименьшей степени привязанную к пространственно-временным координатам акта речи; с другой стороны, корпус наших данных, что вполне естественно, характеризуется известным «перекосом» в сторону преобладания текстов именно нарративного жанра. Так или иначе, все дискурсивные употребления, о которых мы говорим, обусловлены именно структурой нарратива, а не какого-либо еще типа дискурса[17].

Говоря о структуре нарратива, мы, имея в виду внушительный массив литературы по этой теме, опираемся прежде всего на известную работу [Labov 1972: 354–396] и на публикацию [Hooper 1998], в которой, в частности, обобщается система понятий, касающихся организации этого дискурсивного жанра. Нарративом называется дискурс, повествующий о последовательности завершенных событий. Клаузы, описывающие события, входящие в эту цепочку, являются собственно нарративными и образуют ос-

[17] В нашем корпусе данных тундрового диалекта довольно много диалогов, однако в них не наблюдается никаких особых, специфичных для этого жанра дискурса, употреблений собственно Перфекта.

новную линию (foreground); клаузы, предваряющие собственно нарративные и сообщающие, о ком и чем пойдет речь, являются интродуктивными (setting, orientation); клаузы, прерывающие основную линию и дающие информацию о сопутствующих обстоятельствах, являются фоновыми (background)[18].

Дискурсивные употребления энецкого Перфекта являются самыми «молодыми», поскольку семантика глагольной формы в данном случае размывается в наибольшей степени. Можно говорить о следующих типах дискурсивных употреблений энецкого Перфекта. Во-первых, это ренарративные употребления — такая стратегия оформления нарратива, при которой большинство клауз оформляется оформляются при помощи Перфекта. Во-вторых, это интродуктивные употребления, состоящие в том, что Перфект используется в интродуктивных клаузах нарратива. В-третьих, это ключевые употребления, в которых Перфект используется для маркирования выделенных клауз в структуре нарратива.

4.1. Ренарративные употребления

Под ренарративными[19] употреблениями Перфекта в энецком языке мы понимаем такую стратегию построения нарратива, при которой Перфект используется для клауз основной линии в рамках всей нарративной цепочки. Такая стратегия нарратива может быть использована (но совсем не обязательно должна быть использована) только в том случае, когда вся описываемая последовательность событий известна говорящему с чужих слов, иными словами, он пересказывает сюжет, который был ему рассказан кем-то другим. Так, в (41) рассказчик излагает историю, которая произошла до его рождения (как он предварительно со-

[18] Мы опускаем прочие возможные элементы структуры нарратива, не существенные для обсуждения энецкого Перфекта: также говорят, в частности, о резюме (abstract), предваряющем нарратив, и о коде (coda), его закрывающей.

[19] Термин «ренарратив» именно для таких употреблений энецкого Перфекта и когнатной ему ненецкой формы на *-wi* мы заимствуем из [Буркова 2004] и [Урманчиева 2006]. Сам термин имеет существенно бóльшее распространение (в частности, в балканистике), но в других случаях он, по-видимому, применяется к более широкому кругу контекстов, включая цитативные.

общает по-русски, еще до революции) и которую он, таким образом, от кого-то слышал. Все клаузы в (41) оформлены показателем Перфекта[20].

Л

(41) [(по-русски) Это было еще до революции. <…>]

man-ʔ *nʲe-zuʔ,* *ɔbu,* *ŋo-lʲu*
сказать-CONN NEG-1SG.S.CONT что один-RESTR
buuse-je *pogu-dʲ* *aga* *dʲɔdazu*
старик-PEJ сеть.MULT-CVB большой щука
nɔʔo-bi
схватить-PRF.3SG.S
‘Я говорю, один старик в сети большую щуку поймал’.
⟨…⟩
mu-za, *tʃuktʃi* ***nizu-pi-za***
PLC-NOM.SG.3SG весь порвать-PRF-3SG.SOsg
poga-da
сеть-OBL.SG.3SG
‘Это самое, она порвала всю его сеть’.
bine-xon ***sɛru-bi-za***
веревка-LOC.SG подвязать-PRF-3SG.SOsg
maxa-da *mu,* *bɛko-da* *nʲeon*
спина-OBL.SG.3SG PLC шея-OBL.SG.3SG по
‘Он обвязал веревкой ее спину через шею’.
ɛɛ ***ɔzide-bi-za***
да вынуть-PRF-3SG.SOsg
‘Да, он вытащил ее’.
i *mu,* ***biʃeri-bi***
и PLC сойти_с_ума-PRF.3SG.S
‘И это самое, с ума сошел’. <…>

В (42) говорящий рассказывает о хорошо знакомом ему человеке, Хамбе Силкине, не прибегая к использованию Перфекта. Однако внутри его повествования оказывается история, непосредственным свидетелем которой говорящий не был, и почти все предложения этой истории оформляются либо Пер-

[20] На месте фрагмента, обозначенного <…>, имелся фоновый комментарий на русском языке.

фектом, либо аффирмативной отрицательной конструкцией с Перфектом, упоминавшейся в Разделе 1.3. После этой истории говорящий добавляет еще несколько предложений, которые передают такие факты, вытекающие из этой истории, которые уже он лично видел: в этих предложениях используется Неопределенное время.

T

(42) [(по-русски): Был один старичок... Хамба был, Хамба, Хамба Силкин. Летом, зимой были у него саночки, на санях спит зимой и летом. Торговать закончит и опять чай пить к нам домой приходит. Всегда потел. <…> У него была, жена у него была, вот, у старика. Старик Нэлки был его этим…]

tʃike ***i-bi-za*** ***mu-ʔ,***
этот NEG-PRF-3SG.SOsg PLC-CONN

i-bi-za ***kasogu-ʔ***
NEG-PRF-3SG.SOsg шаманить-CONN

‘Вот этот [=Нэлки] это же делал, он же шаманил над ним [=над Силкиным]’.

kasogu-ze-xe-da *mu-xone*
шаманить-PTCP.SIM-DAT.SG-OBL.SG.3SG PLC-LOC.SG

i-bi-za ***bɔreso-ʔ***
NEG-PRF-3SG.SOsg поранить-CONN

‘Пока он шаманил, тот [=Силкин] его этим порезал’.

[После этого вот, не в то время, а поближе эта женщина после мужа (священный) шов оборвала. Так и она потерялась. Сколько-то осталось, несколько, может три километра осталось до Троицка, так говорят. Умерли. А муж-то ее в поселке (запил)... У этого Нэлки, говорят, были шайтаны. Она их сушила. После того как шайтаны замерзли, она сушила их, а вот…][21]

kaa-da *ne* ***tɔ-bi***
родственник-OBL.SG.3SG женщина прийти-PRF.3SG.S

anʲe ʔ
и

‘Жена мужниного товарища пришла’.

[21] В целях экономии места мы приводим только начало и конец этой истории по-энецки, однако в середине также используется практически исключительно Перфект.

mu-xone *tɔno-ku* ***bero-bi-za***
PLC-LOC.SG тот-DIM бросить-PRF-3SG.SOsg
‘Тогда взяла и выкинула в сторону’.
tɔzo *tʃiko-xozo* *tʃi* *nexuʔ-aj* *dʲigua-ʔ*
так этот-ABL.SG вот три-TRANSL не_иметься-3PL.S
‘После этого их нет троих’.
[Его саночки, у этого старика сани оборвала, одни саночки все время (с собой), он таскал их. Русскую рубашку не носил, под малицей, только кожа была, которую мать сшила. Хватит, наверное.]

Как можно видеть, ренарративные употребления по своей сути очень близки к цитативным и тем самым находятся на стыке дискурсивных и эвиденциальных: в обоих случаях функция Перфекта состоит в том, чтобы показать, что сообщаемая информация известна говорящему от другого человека. Тем не менее, есть и существенное различие: в случае цитативного употребления форма Перфекта «работает» на уровне клаузы, а в случае ренарративного — на уровне текста в целом; в первом случае с чужих слов известен один конкретный факт, а во втором — весь сюжет.

Как и в случае цитатива, употребление Перфекта в ренарративном контексте не строго обязательно — так, нарратив, из которого взят приводимый ниже пример (53) (где единичное употребление Перфекта имеет другую функцию), описывает события, в которых не участвовал непосредственно рассказчик и которые он тем самым знает со слов непосредственного участника, и оформлен Неопределенным временем. Как и в случае цитатива, можно предположить, что здесь имеет место прагматическое различие по «степени доверия»: так, в (53) рассказчик знает о событиях непосредственно со слов их участника, а в (41)–(42) — со слов третьих лиц, которые, возможно, также не сами их наблюдали; но и в данном случае количество контрастирующих примеров не так велико, чтобы сделать уверенные выводы.

4.2. Интродуктивные употребления

Интродуктивные употребления Перфекта в энецком языке устроены так, что Перфект употребляется только в клаузах нарративного дискурса, сообщающих изначальную информацию о составе участников событий и сопутствующих обстоятельствах.

Такие употребления были проиллюстрированы приводившимся выше примером (4), в котором Перфект употреблен в единственной глагольной интродуктивной клаузе. Другим примером могут служить (43)–(44), где Перфект употреблен в целом ряде начальных клауз нарративного дискурса, все из которых, однако, относятся к интродуктивной зоне и сообщают своего рода «исходные данные», на фоне которых будет развертываться последовательность событий, описанных в собственно нарративных клаузах с помощью Неопределенного времени.

Л

(43) *tɔnne-da* *ŋob* *nɛ* ***tɔnie-bi***
когда_то-OBL.SG.3SG один женщина иметься-PRF.3SG.S
‘Когда-то жила-была одна женщина’.
ʃize *nʲe-za* ***ɛ-bi***
два ребенок-NOM.SG.3SG быть-PRF.3SG.S
‘У нее было два ребенка’.
tʃike *nɛ-r* ***kade-bi,***
этот женщина-NOM.SG.2SG болеть-PRF.3SG.S
kadeŋa, *kadeŋa*
болеть.3SG.S болеть.3SG.S
‘Эта женщина болела, болеет, болеет’.
ʃize *bu* *nʲe-za* *tʃike*
два он(а) ребенок-NOM.SG.3SG этот
nʲe-kutʃa-xuu-za *ʃize-iʃ* *nɛ*
ребенок-DIM-DU-NOM.PL.3SG два-TRANSL женщина
ɛdʲuku-xiʔ ***ɛ-bi-xiʔ***
ребенок-DU быть-PRF-3DU.S
‘Два ее ребенка, эти ее детишки обе были девочки’.
[Эти девочки на улице всегда играли, играли.]
ɔbu *dʲodʲi-gon* *ɛɛ-ziʔ*
что время-LOC.SG мать-NOM.SG.3DU
mɛ-koz *lɛuŋa*
чум-ABL.SG кричать.3SG.S
‘Как-то их мать из чума кричит:’
[«Детки, принесите мне воды, у меня во рту пересохло!» Этих ее детей все нет. В какое-то время она, может быть, задремлет на своей постели, может быть, нет. Потом она опять кричит: «Деточки, куда вы ушли, принесите мне во-

дички!» Всё их нет. Может, один день прошел, может, два дня прошло. Они на улице бегают или куда-то ушли. И вот эта женщина встала, как бы ни болела. Она встала со своей постели. Она стала рыться в своем углу. ⟨…⟩]

T

(44) [Я сказку рассказываю. Она называется «Ёмпу».]

ŋuʔ aga enetʃeʔ ***ire-bi,*** *ne-saj*
один большой человек жить-PRF.3SG.S женщина-COM
‘Жил один старый человек, с женой.’

[С ним жил Ёмпу. Так они живут, живут втроем.]

tʃike aga entʃe-ro mu-za
этот большой человек-NOM.SG.2SG PLC-NOM.SG.3SG
tɔnea-bi, *nio-za*
иметься-PRF.3SG.S ребенок-NOM.SG.3SG
‘У старика был этот, ребенок’.

nio-za mu ***a-bi,***
ребенок-NOM.SG.3SG PLC быть-PRF.3SG.S
ŋu-ʲeɔ sei-za
один-RESTR глаз-NOM.SG.3SG
‘Ребенок был такой, одноглазый’.

[Потом старик ушел, пошел на охоту. Он сказал этому, ребенку своему, Ёмпу: «Сваришь это. Когда приду, есть буду». (Старик) пошел <…>]

Существенно, что нарративы, в которых засвидетельствована стратегия оформления Перфектом интродуктивных клауз, принадлежат к той разновидности, которую можно назвать нарративами неактуальными, — это сказки или традиционные истории, временна́я локализация которых находится в далеком прошлом относительно рассказчика, и вообще не очевидно, что соответствующие события действительно когда-либо имели место в реальном мире, как в примере (43), представляющем собой начало известной самодийской сказки о кукушке, сюжет которой повествует о женщине, покинувшей своих непослушных детей, превратившись в птицу. Если сравнить нарративы в (43)–(44), где Перфект употреблен в интродуктивных клаузах, с нарративами в (41)–(42), где Перфект оформляет всю основную линию, то можно видеть, что в (41)–(42) отношение говорящего к достоверности

повествуемых событий принципиально иное: хотя говорящему и важно отстраниться от нарратива и показать, что он знает рассказываемую историю с чужих слов, он предполагает, что рассказываемые им события имели место в действительности. И хотя в обоих случаях верно, что нарратив в целом лишь воспроизводится рассказчиком, который не был свидетелем описываемых событий, в (41)–(42) такими свидетелями были известные ему люди, а потому особо подчеркивается то обстоятельство, что он им не был, тогда как в (43)–(44) рассказчик в принципе не мог быть свидетелем этих событий, так что достаточно использования Перфекта в интродуктивных клаузах, семантика которых (как и, очевидно, общая прагматика коммуникативной ситуации) уже задает незасвидетельствованность.

В тундровом диалекте, судя по всему, сфера употребления интродуктивного Перфекта несколько расширилась и стала включать в себя не только начало неактуальных нарративов, как в (44), но и прочие интродуктивные контексты, ср. (45).

T

(45) <это часть интервью, до этого были реплики про настоящее, после которых интервьюер попросил говорящего рассказать о своей жизни ребенком, когда родители были живы>

ese-jʔ *ʲiʲi* *mana-ʔ* ***a-bi***
отец-NOM.SG.1SG Лили сказать-3PL.S быть-PRF.3SG.S
‘Отец мой Лили был, говорят.’

[Пилько Лили, он энец, а мать моя Ашляпкина.]

nʲitoda *nʲi-da* *uʲa,* *uʲjana* ***a-bi***
он(а) имя-NOM.SG.3SG Ульяна Ульяна быть-PRF.3SG.S
‘Ее звали Уля, Ульяна.’

[Ульяна Алексеевна. Всегда в тундре живут они, жили.]

tee-naʔ ***tɔnea-bi-ʔ*** *mana-ʔ*
олень-PL.1PL иметься-PRF-3PL.S сказать-3PL.S
‘Олени, говорят, были у нас’.

mɔdʲinaʔ *nio-ʔa* *teto-baʔ*
мы.PL ребенок-TRANSL четыре-1PL.S/SOsg
a-bi-aʔ
быть-PRF-1PL.S/SOsg
‘Детей нас было четверо’.

[Один мальчик, три девочки. Хорошо жили, помню. Кушать было у нас, и олени всегда у нас были. Всегда в тундре жили. Мать моя вперед отца умерла. Когда мать умерла, я в шестом классе училась в Карауле. <…>]

Стоит отметить, что в наших данных представлены и промежуточные случаи между ренарративными употреблениями Перфекта и интродуктивными. Так, в примере (46), представляющем собой, как и (43), начало сказки, Перфект сначала употреблен в интродуктивной клаузе (‘Два мужчины шли по лесу’), а потом и в некоторых других начальных клаузах, принадлежащих к основной линии, чередуясь с формой Неопределенного времени, далее уже полностью исчезая из стратегии оформления данного нарративного дискурса.

Л

(46) *ʃize kasa, kasa entʃe-gi? mu-xon,*
два мужчина мужчина человек-DU PLC-LOC.SG
moga meon ***dʲazu-bi-xi?***
лес по идти-PRF-3DU.S
‘Два мужчины это самое, по лесу шли’.
[Куда они шли? То ли они шли проверять сети, то ли собирать ягоды. Вот пока они шли по лесу,]
ɔru-dʲi? nin, nin mu bɔgulʲa
перед-OBL.SG.3DU в в PLC медведь
ɔzi-bi
быть_видимым.INC-PRF.3SG.S
‘Перед ними это самое, медведь появился’.
nɛku-ju tɛxɛ sɛju-za
другой-RESTR.ADJ там сердце-NOM.SG.3SG
kanʲe anʲi
уйти.3SG.S и
‘Один из них испугался.’
pɛ nʲi? ***tɔda-bi-zʔ,*** ***ʃimu-bi-zʔ***
дерево на залезть-PRF-3SG.M убежать-PRF-3SG.M
‘Он на дерево залез, убежал’.
pɛ, pɛ ubu nʲi? ***tɔda-bi-zʔ,***
дерево дерево конец на залезть-PRF-3SG.M
tɛkru-bi-zʔ
спрятаться-PRF-3SG.M
‘Он на макушку дерева залез и спрятался’.

[А другой как стоял,]
ne-ʃ *tɔr* *kaja*
стоять-CVB так остаться.3SG.S
‘так и остался стоять’.
bɔgulʲa-r, *znatʃit,* *mu,* *toɔ* *anʲi*
медведь-NOM.SG.2SG значит PLC прийти.3SG.S и
‘Медведь, значит, это самое, пришел’.
tʃike-r *tɛxɛ* *nɛk* *kasa-za*
этот-NOM.SG.2SG там другой мужчина-NOM.SG.3SG
anʲi *mu* *tɛxɛ,* *dʲa* *nʲiʔ* ***sumɔ-bi-zʔ***
и PLC там земля на упасть-PRF-3SG.M
‘А этот второй товарищ это самое, на землю упал’.
[Не дышит, не шевелится.]
bɔgulʲa *ke-xo-da* *tɔɔ-j-zʔ*
медведь сторона-DAT.SG-OBL.SG.3SG дойти-M-3SG.M
‘Медведь подошел к нему’.
[Он понюхал его, стал его нюхать. Он понюхал его и, кажется, подумал: «Кажется, это мертвый человек. Он не шевелится, не дышит». Медведь понюхал его и вот ушел. Он не тронул его. <…>]

В (47) Перфект также используется в начальных клаузах истории, хотя и не в самой первой. Употребление Перфекта знаменует собой переход к собственно истории, услышанной из чужих уст, в то время как самая первая клауза описывает, как рассказчик услышал эту историю. Далее используется Перфект (точнее, аффирмативная отрицательная конструкция с Перфектом, см. Раздел 1.3) для первого предложения истории, после чего идут предположения рассказчика о том, когда произошла эта история, и используются модальные глагольные формы. И наконец, в следующих нескольких предложениях, принадлежащих уже к основной сюжетной линии, наблюдается Перфект, а после них вся оставшаяся история рассказывается с помощью форм Неопределенного времени. Тем самым этот случай тоже представляет собой промежуточный между ренарративными и интродуктивными употреблениями Перфекта, хотя и несколько иного рода, чем (46).

T

(47) *kudaxaaʔ* *baxoʔo-jʔ* *baza-ʃi*
долго старик-NOM.SG.1SG говорить-3SG.S.PST
‘Раньше муж мой рассказывал’.
sɔpka-xazo ***i-bi*** ***tɔ-ʔ*** *eoʔ*
Сопкарга-ABL.SG NEG-PRF.3SG.S прийти-CONN сюда
mii-goa
что-TOP
‘Из Сопкарги сюда пришел кто-то [= пришло что-то]’.
aga *dʲere* *mii-goa* *a-to-ba,*
большой день что-TOP быть-PROB-Q.3SG.S
maj *a-si* *a-bu-ta*
май быть-PTCP.ANT быть-CVB.COND-OBL.SG.3SG
‘Какой-то праздник [= большой день] был, май, наверное, был’.
kaza-da *me-to* ***tʃu-bi***
бабушка-OBL.SG.3SG дом-DAT.SG войти-PRF.3SG.S
‘К бабушке домой пришел’.
tɔzo *tʃiko-xozo* *peɔ-do* ***nɔɔro-bi-ʔ,***
так этот-ABL.SG улица-DAT.SG встать-PRF-3SG.M
peɔ *nɔɔ-ku*
улица на-DIM
‘Потом он на улице встал’.
nɔɔro-bi-ʔ, *ixota,* *nu* *ʃajtan* *nɔɔʔ*
встать-PRF-3SG.M курить.3SG.S ну Шайтанка на
sɔɔŋa
смотреть.3SG.S
‘Встал, курит, на Шайтанку (гору) смотрит’.
[Шайтанка здесь есть у нас. Потом говорит: «Бабушка, иди сюда, вон там, посмотри, что такое?». Что-то появилось. Ну, его бабушка на улицу вышла. «Где?» — говорит. «Вон, посмотри». «Ой, что это?» — говорит. Что-то… Человек появился, в сокуй[22] одет. <…>]

[22] Сокуй — мужская верхняя одежда из шкур мехом наружу, с капюшоном.

4.3. Ключевые употребления

Ключевые употребления Перфекта в энецких нарративах состоят в том, что Перфект употребляется в выделенных клаузах, требующих особого внимания слушающего. Выделенные клаузы могут принадлежать как к основной линии нарратива, так и к фону. Так, в (48)–(50) Перфект употреблен в клаузах, описывающих одно из событий в последовательности, которая образует нарратив; эти события отличаются от прочих тем, что от них существенно зависит последующая линия, а потому следует усвоить их. Например, в (48) тот факт, что росомаха бросила рыбу, объясняет ее возможность залезть на дерево, а дальнейшее повествование как раз о том, как рассказчик пытается пристрелить росомаху, сидевшую на дереве. В (49) момент возгорания самокрутки с вялыми листьями, призванными заменить рассказчику табак, как бы отвечает на вопрос, что же вышло из попыток курить вместо табака то, что было под рукой. В (50) болезнь и смерть долганской шаманки в Казачке объясняет, почему именно в этом месте главной героине истории привиделись люди, которые что-то пили из кружек, а это видение и составляет центральное событие нарратива.

Л

(48) [Как-то раз я опять поехал рыбачить. На лед озера спустился. О, моя лунка там… Это самое, росомаха ушла. Росомаха ушла. От лунок она что-то тащит. Большая щука. Эту щучищу она тащит. Вроде она тащит. Про себя я так подумал. Я так подумал. Я тоже, я тоже по берегу, прямо по берегу я поехал, чтобы она меня не увидела. Все равно она меня увидела, а когда меня увидела, на этот же берег… На берегу, на берегу лиственница стояла. Она на лиственницу залезла. Вот она какая быстрая!]

kare-da	***bɛɛ-bi,***	*kare.*
рыба-OBL.SG.3SG	бросить-PRF.3SG.S	рыба

‘Она рыбу бросила, рыбу’.

pɛ	*nʲiʔ*	*tɔd-e-zʔ*
дерево	на	залезть-M-3SG.M

‘Она на дерево залезла’.

[У меня ружье было. Это было малокалиберное ружье, моя малопулька. А это самое, а патроны у меня, патроны у меня плохие были. Я ближе к дереву подошел. ⟨…⟩ Ружьем щел-

каю. Никак выстрелить не могу. Сколько-то пулек я выкинул. Я еще один патрон зарядил. Все равно так же щелкаю. Патроны-то у меня плохие, плохие были. Пока так было дело, пока я мучился, даже мой зверь на землю упал, спрыгнул. На землю как он спрыгнул, в сторону леса так бегом и убежал. ⟨…⟩]

Л

(49) [Когда-то в тундре, когда мы были оленеводами, у нас кончились папиросы. Это в конце августа. Мы ждем вертолета. Его долго не было. Что будем делать? Курить, мы хотим курить. Один товарищ говорит: «Я-то чай, крошки чая сейчас курил. Хорошо, — он говорит. — Но, — говорит, — его дым плохо пахнет». А мы, мы, это, говорим: «Дай! Попробуем-ка и мы!» И вправду пахнет. Я говорю, вон, вялые листья тальника соберем-ка! Я собрал их. Ага, я их высушил возле печки. Я это в бумагу завернул. Вначале я их в ладошку завернул. Они крошками стали, ага, как настоящий табак. Так вот, так вот, я курю.]

tʃike ʃardʲi-m *lɔkuri*
этот папироса-NOM.SG.1SG вдруг
lɔjru-bi-zʔ *i-ʃ* *tɔsa-ʔ*
разгореться-PRF-3SG.M NEG-CVB встревожиться-CONN
‘Эта моя папироса вдруг загорелась неожиданно’. <…>

Т

(50) [В Казачке раньше там долганская девушка жила. Шаманка. Нет, она не русская, настоящая долганская женщина, девушка.]

tʃike-ro ***kaadoro-bi-ʔ*** *i*
этот-NOM.SG.2SG заболеть-PRF-3SG.M и
kaa-bi
умереть-PRF.3SG.S
‘Потом она заболела и умерла’.

[Там когда-то была коряга, деревяшка, вот там. Сейчас нету. Ну, русские, наверное (убрали)… Ну, вот. Тулба старуха жила. Муж у ней был Кача, Кача-старик. Он в Воронцово ушел. Что-то, наверно, покупать пошел. Пешком пошел. Он еле ходил, старик. И вот, она мужа ждет, бабка Тулба мужа

ждет. «О, когда он придет?» — старик ее. Как посмотрела на рыбраздел (там рыбраздел был, в Казачке, ну, рыбу когда ловят — люди рыбу ловили и туда клали): совсем много людей сидят там. Кружки так у них и показываются. «Ой! Почему муж не приходит домой? Домой не дошел, как так?» Бегом пошла, ага, бабка пошла бегом. «Голова, говорит, у меня замерзла. Эти люди тоже ушли куда-то. Догнать не могу, не могу догнать». Идет, идет туда, через некоторое время старуха сказала: «Ой, я, наверно, к шаманам попала». Так встала — и ничего нету там. Домой дошла, (некоторое время) прошло, муж ее появился.]

В (51), (52) и (53), напротив, Перфект употреблен в клаузах, сообщающих сопустствующие последовательности событий обстоятельства, но эти обстоятельства оказываются решающими для всего сюжета. В (51) то, что у героя в нужный момент было заряжено ружье, объясняет его последующие действия — стрелять в медведя, о которых далее и идет речь. В (52) именно тот фоновый факт, что накомарник был дырявый, является ключевым в рассказе о том, как рассказчика покусали комары и мошка. В (53) фоновый факт, состоящий в том, что человек, о котором идет речь, ранее жил в Игарке, раскрывает всю коллизию рассказа и объясняет интригу неожиданного обнаружения семьи живущей в тундре. В (54) то обстоятельство, что когда-то на этой земле образовали совхоз Тухард, как раз объясняет нынешний повсеместный алкоголизм, о котором сокрушается говорящий: до образования совхоза купить водку в тех местах было затруднительно.

Л

(51) [Здесь был такой Николашка. Он и сейчас живой. В то время он не был слепой. Это самое, удить, на реку он ходил удить, на Сиговую речку. Пока он удил, медведь пришел сзади.]

tuɲʲi-za,	*tuɲʲi-za*	*sɔbu-j*
ружье-NOM.SG.3SG	ружье-NOM.SG.3SG	набить-PTCP.ANT
ɛ-bi,	*ke-xon-da*	
быть-PRF.3SG.S	сторона-LOC.SG-OBL.SG.3SG	
ɛ-bi		
быть-PRF.3SG.S		

‘Ружье у него было заряжено и было возле него’. ⟨…⟩

Л

(52) [Чуть нас мошка не съела. Мои товарищи хорошо вот это, накомарники надели, накомарники, да. Их-то мошка не покусала, а меня…]

nenag poga-jʔ ibl^{j}εjgu-on
комар сеть-NOM.SG.1SG маленький-PROL.SG
ʃe-saj ***ε-bi***
дыра-COM быть-PRF.3SG.S
‘А мой накомарник немного дырявый был’.
ʃe-saj ***ε-bi,*** *axa*
дыра-COM быть.PRF-3SG.S ага
‘Дырявый был, ага’.
[Мошка через дырки вот пролазит. У меня это самое, горло, все мои глаза мошка поела. ⟨…⟩]

Л

(53) [Там, когда я работал перед пенсией на берегу одного озера, я спустился на одно озеро там. На берегу, на той стороне озера, на краю леса дымок виден. Как я туда пошел, там рядом с домом, дом. Это не дом, а такой маленький домик. Там собаки привязаны, шесть собак, шесть больших собак. Мужчина вышел. «О, откуда ты пришел?» «Мы здесь пасем оленей. Мы недалеко от тебя. Случайно, я сказал, я тебя увидел. Дым, я ведь увидел дым огня. И сюда пришел». «О, давай зайдем в дом, мол, в доме поговорим. Чаю попьем». «Ну, чаю попьем». Ну, когда мы зашли в дом, его жена там, в доме, четверо детей у него. Рот у него ой какой, он вовсю разговаривает. Он ведь захотел разговаривать, этот человек, которого я случайно нашел.]

tɔnane-da igarka-xan d^{j}iri-j
когда_то-OBL.SG.3SG Игарка-LOC.SG жить-PTCP.ANT
entʃeʔ ***ε-bi***
человек быть-PRF.3SG.S
‘Раньше этот человек жил в Игарке’.
[Он сказал: «Я долго там не могу, я не могу, он сказал, жить в городе. Водку, я начинаю пить водку». <…>]

T

(54) [<…> На всякой земле водку найдешь, Поэтому так, поэтому кругом пьяные люди, всегда пьяные. А вот это дело сперва надо закрыть — водку, пьют которую водку. Это ни за чем не нужно. Так-то всегда в магазине есть. Ну, раньше в магазине много было.]

savxoz *tuxard* ***a-bi***

совхоз Тухард быть-PRF.3SG.S

‘Совхоз Тухард был’.

[Вон в магазине много стоят, такие пьяные. Раньше таких пьяных не было, а сейчас — сейчас даже оленей продают (за водку). Люди такие стали, а кушать у них сейчас нету. ⟨…⟩]

Ключевые употребления Перфекта могут иметь больший или меньший адмиративный семантический компонент: в целом, если некоторая информация является ключевым местом в рассказе, можно ожидать, что она же является нетривиальной и вызывает удивление. Но степень противоречия ожиданиям может быть разной — так, в (48) тот факт, что росомаха, убегая от человека, могла бросить рыбу, не противоречит ожиданиям рассказчика или слушающего так уж сильно; в (49), напротив, именно неожиданность события и составляет основную интригу рассказа. Нет ничего особенно удивительного в том, что некий человек может заболеть и умереть, как в (50), или в том, что у охотника и рыбака при себе заряженное ружье, как в (51), и уж тем более в (52) нет ничего неожиданного для рассказчика в том, что накомарник у него был дырявый. В (53) то, что человек, ведущий отшельнический образ жизни в тундре, ранее был городским жителем в Игарке, напротив, является нетривиальным фактом, ради которого, во многом, и рассказывается история. В (54) слушающий, несомненно, прекрасно знает, что в этих местах был совхоз Тухард, т.е. адмиративный компонент отсутствует полностью, что не мешает этой клаузе быть ключевой в данной части нарратива.

Итак, в энецком языке Перфект имеет три ясно выраженных типа дискурсивных употреблений в нарративе: ренарративные, маркирующие весь нарратив как известный с чужих слов, интродуктивные, в начальных клаузах маркирующие нарратив как неактуальный, и ключевые, отмечающие клаузы, в которых

сообщается наиболее важная для содержания нарратива информация. Ренарративные и интродуктивные употребления тесно связаны между собой — и в том смысле, что имеются промежуточные между ними случаи, и в том смысле, что имеют общее семантическое основание: рассказчик не является очевидцем сообщаемых событий; кроме того, ренарративные употребления семантически крайне близки к цитативным. Ключевые употребления, напротив, не связаны с другими дискурсивными, но часто имеют адмиративный семантический компонент, связывающий их с адмиративными употреблениями как таковыми.

5. Интерпретация семантического развития энецкого Перфекта в типологической перспективе

Описав употребления энецкого Перфекта, попробуем дать интерпретацию их семантическим связям, в том числе с диахронической точки зрения: как одни употребления могли развиться на базе других. При этом интересно также соотнести такие семантические связи с имеющимися типологическими ожиданиями, т. е. моделями развития грамматической семантики, известными по другим языкам мира. Мы рассмотрим три наиболее интересных особенности функционирования энецкого Перфекта: специфику его перфектно-инференциальной полисемии, интродуктивные употребления в нарративе и ключевые употребления в нарративе.

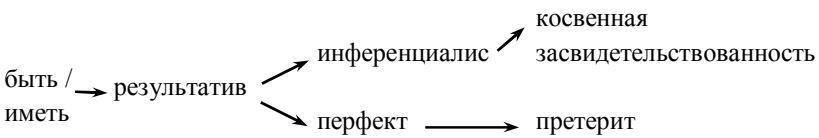
5.1. Перфектно-инференциальная полисемия

Сам факт полисемии показателя, принадлежащего одновременно к перфектной и к эвиденциальной семантической зонам, не представляет собой ничего типологически неожиданного, однако представляют интерес семантические связи между частными значениями.

Согласно семантической карте, предложенной в [Bybee et al. 1994: 105] (ее фрагмент представлен на Схеме 1), инференциальное значение (в терминологии Дж. Байби и ее соавторов, ‘inference from result’) развивается на базе результативного (то есть, описывающего длящееся результирующее состояние, синхронное точке отсчета), а перфект (то есть, описание завершенной ситуации, актуальной в точке отсчета) представляет собой альтернативный путь развития результатива. На базе инференциалиса раз-

вивается более общее значение косвенной засвидетельствованности, а на базе перфекта — чисто видо-временное значение перфективного прошедшего времени.

Схема 1. Перфектно-эвиденциальные пути диахронического развития по [Bybee et al. 1994: 105][23]



В [Tatevosov 2001], на материале нахско-дагестанских языков, были приведены убедительные свидетельства того, что инференциальное значение семантически и диахронически связано с перфектным, а не с результативным.

Данные энецкого языка соотносятся с рассматриваемыми значениями довольно своеобразно. С одной стороны, они, наряду с материалами С. Г. Татевосова, показывают, что инференциальное значение синхронно сосуществует именно с перфектным: в современном состоянии энецкого языка мы наблюдаем сосуществование перфектных употреблений с инференциальными (а также адмиративными и цитативными), тогда как результативные употребления не засвидетельствованы и могут быть только реконструированы из морфологического источника рассматриваемой формы — причастия предшествования. С другой стороны, очевидно, не случайно, что представленные в наших данных перфектные употребления энецкого Перфекта имеют своего рода «ограниченный статус» по сравнению с диахроническими ожиданиями относительно дистрибуции категории перфекта. А именно, во-первых, энецкий Перфект не употребляется в контекстах актуальных новостей (hot news perfect) и в эксперименциальных контекстах, а во-вторых, и в зоне собственно перфектных употреблений, предполагающих актуальность завершенной ситуации для настоящего, в подавляющем большинстве случаев энецкий Перфект

[23] В [Bybee et al. 1994: 105] и, в частности, в оригинале приводимой семантической карты, типологически релевантная категория перфекта именуется anterior.

предполагает актуальную сохранность результирующего состояния в точке отсчета. Таким образом, несмотря на то, что энецкий Перфект в своих перфектных употреблениях является именно перфектом, а не результативом, так как выражает завершенную ситуацию, а не длящееся результирующее состояние, его семантическая связь с результативом существенно более тесная, чем у перфектов с более широкой дистрибуцией. Можно предположить, таким образом, что инференциальное значение прежде всего связано именно с разновидностью перфекта, представленной в энецком языке, — с перфектом с актуальным результирующим состоянием, и ровно данная интуиция и отражена в семантической карте Дж. Байби и ее соавторов (хотя их понимание результатива соответствует нашему и тем самым фактически эта семантическая карта неверна). Проверить справедливость данного предположения поможет дальнейшее изучение дистрибуции перфекта в других языках с перфектно-инференциальной полисемией.

5.2. Интродуктивные употребления неактуального нарратива

Анализ эвиденциальных употреблений энецкого Перфекта позволяет построить правдоподобное объяснение упоминавшемуся в разделе 1.3 (см. примеры (3)-(4)) сосуществованию у этой формы употреблений, казалось бы, противоположных по значению: перфектных, в которых Перфект используется для выражения актуальности ситуации в точке отсчета, и интродуктивных неактуальных, в которых Перфект маркирует отнесение ситуации к плану неактуального прошлого.

Если восстановить всю цепочку употреблений, промежуточных между перфектом (как в примере (3)) и интродуктивом неактуального нарратива (как в (4)), то становится ясно, что связь между каждой парой конкретных звеньев в этой цепочке выглядит логично и предсказуемо. Сама цепочка отражена на Схеме 2.

Схема 2. Предполагаемое развитие
интродуктивных употреблений энецкого Перфекта

ПЕРФЕКТ > ИНФЕРЕНЦИАЛИС > ЦИТАТИВ > РЕНАРРАТИВ >
ИНТРОДУКТИВ НЕАКТУАЛЬНОГО НАРРАТИВА

Развитие инференциальных употреблений энецкого Перфекта на базе перфектных употреблений с актуальным результирующим состоянием обсуждалось выше в 5.1. Расширение инференциальных употреблений до более широких употреблений в контекстах косвенной засвидетельствованности происходит за счет появления у перфектной формы цитативных употреблений; семантическая близость между инференциальными употреблениями и цитативными очевидна: в обоих случаях описывается ситуация, известная говорящему не по результатам собственного восприятия, а косвенно — по опосредованным последствиям или с чужих слов. Связь между цитативом и ренарративом обсуждалась выше: если цитативные употребления используются для того, чтобы показать, что говорящему с чужих слов известна конкретная ситуация, описываемая клаузой, то ренарративные — чтобы показать, что с чужих слов известен в целом весь рассказ, но «пересказательный» статус сообщаемой информации является общим признаком. Наконец, интродуктивные употребления вводят повествование, свидетелем которого говорящий не был и не мог быть, в силу чего достаточно указать на этот факт в интродуктивных клаузах. Таким образом, по своей сути интродуктивные употребления очень близки к ренарративным, так как в обоих случаях маркируется непрямая засвидетельствованность целой цепочки событий. Кроме того, есть промежуточные случаи между ренарративными употреблениями и интродуктивными, когда Перфект употребляется в интродуктивных клаузах и некоторых клаузах основной линии ближе к началу повествования. Таким образом, приведенная цепочка семантических связей объясняет внешне парадоксальную ситуацию, состоящую в том, что актуальное событие в (как правило, недавнем) прошлом, результирующее состояние которого сохраняется в точке отсчета, маркируется так же, как подчеркнуто неактуальное событие в (давнем и условном) прошлом.

В [Урманчиева 2006] ренарративные и интродуктивные употребления энецкого Перфекта в лесном диалекте объясняются ненецким влиянием, так как в ненецком языке когнатная форма на *-wi* имеет очень близкий набор употреблений (см. [Буркова 2004]), а энецкий лесной диалект длительное время находился в тесном контакте с ненецким языком. Скорее всего, сходное раз-

витие Перфекта в ненецком языке и в лесном диалекте энецкого языка действительно связано с контактным взаимодействием близкородственных идиомов, причем основное направление влияния более естественно предполагать от распространенного на широкой территории ненецкого к территориально ограниченному лесному диалекту энецкого. В свою очередь ренарративные и интродуктивные употребления в тундровом диалекте, описанные в настоящей работе, могут объясняться в том числе и тем, что все носители тундрового диалекта, тексты от которых входят в наш корпус данных, свободно владеют ненецким языком, а потому их система также могла подвергнуться ненецкому влиянию. В то же время нам кажется необходимым объяснить саму возможность наблюдаемой полисемии вне зависимости от того, является ли она результатом самостоятельного развития глагольной системы энецкого языка или же результатом развития этой системы под влиянием другой системы, где изначально эта полисемия возникла. Ключевые употребления не рассматриваются в [Урманчиева 2006] ни для одного из энецких диалектов, а между тем также требуют объяснения.

Интродуктивные употребления энецкого Перфекта имеют следующие типологические параллели, ни одна из которых притом не дает в точности аналогичной картины. Первые два случая разбираются в типологической перспективе в [Сичинава 2008: 266–267].

Во-первых, возможно использование перфектных форм в интродуктивных клаузах актуального, а не неактуального, нарратива, и функция перфекта в этом случае состоит в том, чтобы «придвинуть» последовательность событий к моменту речи. В качестве примера Д.В. Сичинава упоминает немецкий т. н. Überschriftsperfekt. Такое использование перфекта в интродуктивных клаузах, однако, прямо противоположно неактуальным интродуктивным употреблениям перфекта, которое мы наблюдаем в энецком языке.

Во-вторых, нетривиальный пример использования именно формы перфекта в интродуктивных клаузах неактуального нарратива дает удинский язык, см. [Майсак, наст. сб.]. В определенном смысле удинская ситуация ставит под сомнение предлагаемые нами выводы: там перфект имеет некоторый круг употреблений в

результативных и перфектных контекстах, но не имеет никаких эвиденциальных употреблений, а потому удинские интродуктивные употребления у перфекта не являются результатом семантического развития эвиденциальных. В [Сичинава 2008] удинские интродуктивные употребления объясняются как следующий шаг в развитии после интродуктивных употреблений в актуальном нарративе, повествующем о событиях в недавнем прошлом. Мы, однако, считаем, что энецкий случай естественно объяснить именно предложенным нами способом, потому что засвидетельствованы все промежуточные случаи между инференциальными употреблениями и интродуктивными.

В-третьих, в [Wälchli 2000] описано употребление перфекта, имеющего также и эвиденциальные употребления, в начальных клаузах легенд о происхождении мира в языках балтийского ареала — эстонском, ливском, литовском (в диалектах) и латышском. Однако в отличие от энецкого речь идет, во-первых, о дискурсивных жанрах несколько иного типа (не о сказочных нарративах), а во-вторых, не о собственно интродуктивных клаузах, а о начальных клаузах типа резюме (abstract), где делается утверждение об основном событии, о котором пойдет речь в легенде.

Наконец, наиболее близкую типологическую параллель к интродуктивным употреблениям энецкого Перфекта дает перфект в чукотско-камчастских языках, использование которого описано в [Волков, Пупынина, наст. сб.]. Хотя авторы данной работы не выстраивают диахроническую интерпретацию этих употреблений, аналогичную нашей, приводимые ими данные укладываются в нашу схему развития интродуктивных употрблений перфекта в неактуальном нарративе.

5.3. Ключевые употребления

Внешне удивительная особенность ключевых употреблений энецкого Перфекта состоит в том, что он способен маркировать как клаузы, относящиеся к основной линии, так и клаузы, относящиеся к фону. В то же время в литературе, посвященной употреблению глагольных форм в нарративе, сформулировано типологическое ожидание о том, что одна из функций видо-временных противопоставлений — именно различение основной линии и фона нарративного дискурса, как было замечено, в частности, еще в [Hopper 1979]. Однако если внимательно посмотреть

на энецкие данные, то очевидно, что основная линия и фон все же противопоставлены в ключевых употреблениях энецкого Перфекта тем же образом, что и за пределами этих употреблений: так же использованы именно перфективные глаголы в клаузах, принадлежащих к основной линии, и имперфективные в клаузах, принадлежащих к фону, т.е. морфологический показатель Перфекта присоединяется к глаголу, который всегда не нейтрален в видовом отношении. Иными словами, в энецком языке два основных типа клауз в нарративе всегда различаются с помощью глагольного вида, и примечательный факт состоит в том, что дискурсивная функция морфемы Перфекта, которая может накладываться на оба эти типа клауз, работает не на поддержание или усиление этого противопоставления, а действует в принципиально ином направлении. Как кажется, такое поведение Перфекта требует объяснения.

Как и в случае интродуктива, убедительным объяснением нам кажется наличие цепочки употреблений, промежуточных между перфектом и ключевыми употреблениями в нарративе, см. Схему 3. Как и в случае Схемы 2, здесь также связь между каждой парой конкретных звеньев абсолютно естественна.

Схема 3. Предполагаемое развитие ключевых употреблений энецкого Перфекта.

ПЕРФЕКТ > АДМИРАТИВ > КЛЮЧЕВОЙ ФАКТ
С АДМИРАТИВНЫМ КОМПОНЕНТОМ > КЛЮЧЕВОЙ ФАКТ

Появление адмиративных употреблений у перфекта, имеющего также и инференциальные употребления, типологически устойчиво и ожидаемо[24]. Как было показано, среди ключевых

[24] Следует, однако, оговорить, что в настоящей работе мы оставляем в стороне весьма нетривиальный вопрос о семантическом и диахроническом соотношении адмиративных употреблений и инференциальных. Здесь на данный момент сложилась парадоксальная ситуация: совмещение адмиратива и инференциалиса хорошо известно как типологически устойчивое, также хорошо известно развитие обоих употреблений на базе перфектных, но в то же время остается открытым вопрос о том, что первично — инференциальные употребления или адмиративные (хотя см. обсуждение в [DeLancey 2001]). Рассматрива-

употреблений есть существенная группа ключевых употреблений с адмиративным семантическим компонентом: с одной стороны, как и в случае собственно адмиратива, в соответствующих клаузах представлена информация, противоречащая ожиданиям, а с другой стороны, с точки зрения структуры нарратива, эти клаузы являются ключевыми фактами; при этом корреляция в структуре нарратива ключевых фактов с фактами, противоречащими ожиданиями говорящего, как уже было сказано, кажется более чем предсказуемой. Далее происходит конвенционализация ключевых употреблений с адмиративным компонентом до ключевых употреблений в целом.

6. Заключение

В настоящей работе мы рассмотрели функционирование перфектного показателя в обоих диалектах энецкого языка — лесном и тундровом. Употребления этого показателя можно разделить на семантические, то есть обусловленные семантикой конкретной клаузы, в которой он употреблен, и дискурсивные, то есть обусловленные структурой дискурса. Примечательно, что и семантические, и дискурсивные употребления являются общими для двух диалектов энецкого языка.

Все употребления энецкого Перфекта, включая дискурсивные, укладываются в два пути семантического развития. Исходной точкой для обоих являются перфектные употребления, круг которых в энецком языке существенно у́же, чем у «классических» перфектов: в подавляющем большинстве случаев описывается завершенная ситуация в прошлом, у которой актуально в точке отсчета результирующее состояние, а не какие-либо последствия более общего характера.

Первый путь развития касается перфектно-инференциальной полисемии. На базе перфектных употреблений развиваются широко распространенные в энецком языке инференциальные, а далее, с обобщением значения до косвенной засвидетельствованности, — цитативные. С цитативными употреблениями связаны

емый нами энецкий материал, в котором представлены оба типа употреблений, также не дает никаких оснований сделать определенные выводы на этот счет.

два типа дискурсивных — ренарративные и, через них, интродуктивные в неактуальном нарративе.

Второй путь развития опирается на адмиративные употребления перфекта (связанные с инференциальными). На базе адмиративных употреблений как таковых возникает использование данной формы для маркирования ключевых фактов с адмиративным семантическим компонентом, которое далее обобщается до ключевых употреблений в целом.

Рассмотренный материал позволяет сделать некоторые уточнения к типологии инференциально-перфектной полисемии, объяснить использование перфекта в интродуктивных клаузах неактуального нарратива и ввести в научный оборот ключевые употребления как особый дискурсивный контекст, релевантный для употребления видо-временных форм.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо, ABL — аблатив, ACC — аккузатив, ADV — адвербиализатор, CAR — каритив, COM — комитатив, CONN — коннегатив, CONT — «контрастивная» видо-временная серия лично-числовых окончаний, CVB — деепричастие/инфинитив, CVB.COND — деепричастие условия, DAT — датив, DEST — дестинатив, DIM — диминутив, DU — дв. число, EXC — экскламативная частица, FUT — будущее время, INC — инцептив, LOC — локатив, M — медиальная серия лично-числовых окончаний, MOD — модальная категория с неясной семантикой, MULT — мультипликатив, NEG — отрицательный глагол, NOM — номинатив, OBL — косвенный падеж, PASS — пассив, PEJ — пейоратив, PL — мн. число, PLC — словозаместитель, PRF — перфект, PROB — пробабилитив, PROL — пролатив, PST — видо-временная серия лично-числовых окончаний прошедшего времени, PTCP.ANT — причастие предшествования, PTCP.PRF — перфектное причастие, PTCP.SIM — причастие одновременности, RESTR — рестриктивный показатель, RESTR.ADJ — рестриктивный показатель прилагательных и наречий, Q — интеррогатив, S — субъектная серия лично-числовых окончаний, SG — ед. число, SOnsg — субъектно-объектная серия лично-числовых окончаний для объекта дв. или мн. числа, SOsg — субъектно-объектная серия лично-числовых окончаний для объекта ед. числа, TOP — показатель топика (‘-то’), TRANSL — транслатив.

Литература

Буркова 2014 — С. И. Буркова. Эвиденциальность и эпистемическая модальность в ненецком языке // Ю. А. Ландер и др. (ред.). Исследования по теории грамматики 3. Ирреалис и ирреальность. М.: Гнозис. С. 353–374.

Волков, Пупынина, наст. сб. — О. С. Волков, М. Ю. Пупынина. Категория перфекта в чукотско-камчатских языках // Наст. сб.

Гусев 2012 — В. Ю. Гусев. Аспект в нганасанском языке // Acta Linguistica Petropolitana. Труды ИЛИ VIII(2). СПб.: Наука, 2012. С. 311–360.

Иосад и др. 2005 — П. В. Иосад, А. Г. Пазельская, М. А. Цюрупа. Типологически значимые параметры глагольной лексики: имперфективирующие деривации ненецкого языка // В. И. Подлесская и др. (ред.). Четвертая типологическая школа. М.: РГГУ, 2005. С. 171–177.

Кузнецова и др. 1980 — А. И. Кузнецова, Е. А. Хелимский, Е. В. Грушкина. Очерки по селькупскому языку. М.: Издательство МГУ, 1980.

Лабанаускас 1982 — К. Лабанаускас. К изучению прошедших времен ненецкого и энецкого языков // Советское финно-угроведение 18, 1982. С. 125–133.

Майсак, наст. сб. — Т. А. Майсак. Перфект и Аорист в ниджском диалекте удинского языка // Наст. сб.

Недялков, Яхонтов 1983 — В. П. Недялков, С. Е. Яхонтов. Типология результативных конструкций // В. П. Недялков (ред.). Типология результативных конструкций. Л.: Наука, 1983. С. 5–41.

Падучева 1986 — Е. В. Падучева. Семантика вида и точка отсчета // Известия АН СССР, серия литературы и языка 45(5), 1986. С. 413–424.

Падучева 1993 — Е. В. Падучева. Говорящий как наблюдатель: об одной возможности применения лингвистики в поэтике // Известия РАН, серия литературы и языка 52(3), 1993. С. 33–44.

Падучева 1996 — Е. В. Падучева. Семантические исследования. М.: Языки русской культуры, 1996.

Плунгян 2011 — В. А. Плунгян. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011.

Сичинава 2008 — Д. В. Сичинава. «Сдвиг начальной точки»: употребление некоторых глагольных форм в интродуктивной функции // В. А. Плунгян и др. (ред.). Исследования по теории грамматики, вып. 4: Грамматические категории в дискурсе. М.: Гнозис, 2008. С. 241–274.

Сорокина 1980 — И. П. Сорокина. Энецкий перфект // Советское финно-угроведение 16, 1980. С. 212–215.

Сорокина 2010 — И. П. Сорокина. Энецкий язык. СПб.: Наука, 2010.

Урманчиева 2005 — А. Ю. Урманчиева. «Прошедшее время» энецкого языка // О. А. Осипова и др. (ред.). Сравнительно-историческое и типологическое изучение языков и культур. Томск: Дельтаплан, 2005. С. 99–104.

Урманчиева 2006 — А. Ю. Урманчиева. Время, вид или модальность? Глагольная система энецкого языка // Вопросы языкознания, 2, 2006. С. 84–100.

Урманчиева 2013 — А. Ю. Урманчиева. Образование форм аориста в самодийских языках // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. IX., Ч. 2. СПб.: Наука, 2013. С. 734—767.

Шлуинский 2010 — А. Б. Шлуинский. «Контрастивные» глагольные окончания в лесном диалекте энецкого языка // С. И. Буркова (ред.). Материалы 3-й международной конференции по самодистике. Новосибирск: Любава, 2010. С. 247–260.

Aikhenvald 2004 — A. Yu. Aikhenvald. Evidentialty. Oxford: Oxford university press, 2004.

Bybee et. al 1994 — J. L. Bybee, R. Perkins, W. Pagliuca. The Evolution of Grammar: Tense, aspect and modality in the languages of the world. Chicago: University of Chcago Press, 1994.

Comrie 1976 — B. Comrie. Aspect: an introduction to the study of verbal aspect and related problems. Cambridge: Cambridge University Press? 1976.

Dahl 1985 — Ö. Dahl. Tense and Aspect Systems. Oxford: Blackwell, 1985.

DeLancey 1997 — S. DeLancey. Mirativity: The grammatical marking of unexpected Information // Linguistic Typology l, 1997. P. 33–52.

DeLancey 2001 — S. DeLancey. The mirative and evidentiality // Journal of Pragmatics 33, 2001. P. 369–382.

Hooper 1998 — R. Hooper. Universals of narrative pragmatics: a Polynesian case study // Linguistics 36, 1998. P. 119–160.

Hopper 1979 — P. Hopper. Aspect and foregrounding in discourse // T. Givón (ed.). Discourse and Syntax. New York: Academic press, 1979. P. 213–241.

Künnap 2002 — A. Künnap. On the Enets evidential suffixes // Linguistica Uralica 38(2), 2002. P. 145–153.

Labov 1972 — W. Labov. Language in the inner city: studies in the Black English vernacular. Philadelphia: University of Pensylvania Press, 1972.

Lazard 1999 — G. Lazard. Mirativity, evidentiality, mediativity, or other? // Linguistic Typology 3, 1999. P. 91–109

Siegl 2013 — F. Siegl. Materials on Forest Enets, an indigenous language of northern Siberia. Helsinki: Société Finno-Ougrienne, 2013.

Tatevosov 2001 — S. Tatevosov. From resultatives to evidentials: Multiple uses of the Perfect in Nakh-Daghestanian languages // Journal of Pragmatics 33, 2001. P. 443–464.

Wälchli 2000 — B. Wälchli. Infinite predication as a marker of evidentiality and modality in the languages of the Baltic region // Sprachtypologie und Universalienforschung 53(2), 2000. P. 186–210.

А. Ю. Урманчиева

ИЛИ РАН, Санкт–Петербург,
ИЯз РАН, Москва

«АНТИПОДЫ» ПЕРФЕКТА В САМОДИЙСКИХ ЯЗЫКАХ: НЕНЕЦКОЕ ПРОШЕДШЕЕ ВРЕМЯ[1]

Во всех живых самодийских языках — ненецком, энецком, нганасанском и селькупском — представлена форма так называемого прошедшего времени. Особенность темпоральных систем всех перечисленных языков состоит в том, что форма прошедшего времени не является единственным способом грамматического маркирования ситуаций, относящихся к плану прошедшего — эту же функцию выполняют формы так называемого аориста[2], а также формы инферентива. Если инферентив четко противопоставлен аористу и прошедшему времени по линии очевидности ~ неочевидности действия (т. е. в рамках категории эвиденциальности), описать правила выбора между формой аориста и формой прошедшего времени не так просто. Именно эта конкуренция двух форм прошедшего времени является темой данной статьи. Почему эта проблематика оказалась связанной с перфектом? На мой взгляд, самодийская форма прошедшего времени оказывается по ряду свойств «антиподом» перфекта. И в целом тот фрагмент темпоральной системы самодийских языков, который связан с планом прошедшего, оказывается как бы зеркальным отражением тех более привычных темпоральных систем, где в сфере прошедшего времени конкурируют прошедшее время и перфект.

---

[1] Исследование выполнено в рамках проекта РНФ «Диахронически нестабильные аспектуальные категории» № 14-18-02624.

[2] В нганасанском в ходе позднейшей перестройки глагольной системы аорист был заменен двумя формами, распределенными в зависимости от аспектуальной характеристики основы, однако это не снимает проблемы семантического соотношения двух форм с семантикой прошедшего времени.

1. Системы с конкуренцией двух прошедших времен

Несмотря на то, что перфект чаще трактуется как аспектуальная граммема, в ее значении столь же бесспорно присутствует темпоральный компонент. И если сформулировать максимально неформально проблему описания сематики перфекта, она выглядит примерно так: как сделать выбор между формой перфекта и формой прошедшего времени? Далее, можно указать на асимметричный характер, который носит конкуренция в сфере прошедших времен: прошедшее время в этой системе имплицитно трактуется как «дефолтная» граммема, правила употребления которой специально не рассматриваются, тогда как перфект выступает как «функционально маркированная» граммема — в том смысле, что описанию подлежат условия употребления именно этой формы. При этом оказывается, что с семантической точки зрения оппозиция перфекта и «простого» прошедшего времени является неэквиполентной. Если считать, что перфектная форма — наряду с формой прошедшего — используется для обозначения референции к прошлому, то оказывается, что в глагольной системе представлено две граммемы со значением прошедшего времени. При этом одна из них (перфект) имеет дополнительный семантический компонент (традиционно описываемый как ‘сохранение текущей релевантности ситуации’), а вторая *никак* не охарактеризована по этому признаку. Тем самым, перфект и прошедшее время образуют скорее *привативную* оппозицию. Видимо, именно этот факт предопределяет то, насколько сложно формализовать правила выбора одной из двух граммем — значение, передаваемое перфектом, не исключено и у части употреблений формы простого прошедшего времени. В ряде употреблений эти формы образуют отчетливый семантический контраст, но в остальных случаях представляются (и, как показывают данные экспериментов, в которых испытуемых просят заполнить лакуны в тексте, см., например, [Schwenter 1994] для испанского языка, в действительности являются) вполне взаимозаменимыми.

Нетипичность такой ситуации — наличие привативной оппозиции в грамматической системе, где ожидается эквиполентность противопоставленных элементов — как раз и делает перфект таким сложным объектом описания. Дело в том, что исследователи при описании перфекта стремятся реализовать именно

тот подход, который «работает» при описании эквиполентных оппозиций, а такой подход в данном случае является изначально неадекватным объекту описания (как неадекватен он был бы, к примеру, при попытке описать разницу в значении диминутивной и недиминутивной форм существительного). При таком подходе в идеале следует стремиться к тому, чтобы описания двух противопоставленных форм оказывались бы семантически непересекающимися. Именно с этих позиций некоторые исследователи критикуют понятие текущей релевантности при описаниии семантики перфекта как недостаточно полное и точное на основании того, что это значение может передаваться и формой прошедшего времени. Однако при описании не эквиполентых, а привативных оппозиций добиться семантически непересекающегося описания граммем в принципе невозможно.

Можно было бы предполагать, что трудности в разграничении употреблений перфекта и прошедшего времени связаны с тем, что перфект является, как правило относительно «молодой» формой грамматической системы (в частности, он, как правило, имеет аналитическое выражение). Можно было бы считать, что мы наблюдаем молодую граммему в период конкуренции со старой граммемой, когда еще не произошло жесткого закрепления за перфектом определенных контекстов. Однако, как показывают сценарии развития перфектной формы, развитие перфекта никогда не приводит к формированию темпоральной системы с двумя прошедшими временами, которые были бы противопоставлены «удобным для описания» образом. Так, в [Плунгян 2011: 391–393] описывается два основных сценария развития темпоральных систем, в которых представлена форма перфекта. В первом случае перфект вытесняет старую форму прошедшего времени, принимая на себя ее функции, в результате чего в темпоральной системе остается единственная форма прошедшего времени. Во втором случае перфект опять-таки занимает место старого прошедшего времени, однако одновременно с этим в языке возникает новая форма перфекта, благодаря чему оппозиция перфекта и прошедшего сохраняется в глагольной системе данного языка. Таким образом, ни один из этих сценариев не подразумевает, что грамматикализация перфекта приводит к какой бы то ни было «стабилизации» распределения контекстов между перфектом и

прошедшим временем и в результате — к возникновению такой оппозиции двух форм прошедшего времени, разницу между которыми легко было бы формализовать. Таким образом, некоторая семантическая «неуловимость» перфекта является не побочным эффектом ранней стадии грамматикализации, а непременным условием существования перфекта в грамматической системе: если перфект утрачивает эти свойства, существует тенденция к обновлению оппозиции за счет создания новой перфектной формы. Вероятно, следует признать, что грамматические формы, в употреблении которых говорящий обладает определенной свободой, востребованы не только в сфере деривационной морфологии (напр., оценочные суффиксы типа диминутивов-аугментативов[3]), но и в сфере сильно грамматикализованных значений. В данном случае такая форма — перфект — занимает существенное место в глагольной системах языков мира.

2. Конкуренция форм со значением прошедшего времени в ненецком

Вначале необходимо дать краткую характеристику «дефолтной» формы — в ненецком это форма, традиционно называемая аористом[4]. Аорист, образованный от имперфективных глаголов, передает значение настоящего времени, тогда как аорист, образованный от перфективных глаголов, передает значение прошедшего времени. Эта ситуация, по всей вероятности, была характерна для прасамодийского состояния; она сохраняется в ненецком, энецком и селькупском. Приведу примеры на употребление

[3] Замечу, что пользование этими суффиксами стало бы почти бессмысленным, если бы они приобрели фиксированные контексты употребления.

[4] Эту форму можно назвать дефолтной как с содержательной точки зрения (она является наиболее частотной), так и с позиций формальной морфологии, так как исторически на базе этой формы построены и форма будущего времени (этимологически представляющая собой аорист от глаголов с имперфективным показателем), и форма прошедшего времени: прошедшее время образуется при помощи постфикса, присоединяющегося к аористной форме в позиции после личных показателей.

аориста с имперфективными и перфективными глаголами[5] в тундровом ненецком:

- *имперфективные глаголы*

(1) *Маня′ такла* ***иле-Ø-ва′.***
мы спрятаться жить-Aor-s1Pl
‘Мы живем скрываясь’ [ЭПН: 150].

(2) *Ябта Саля′ не, си-т юд′ по-′*
$PN_{1,2}$ женщина PronAcc-2 десять год-Pl
тюр-ӈа-ва′.
искать-Aor-s1Pl
‘Жена [Хозяина] Ябта Саля, мы **ищем** тебя десять лет’ [ЭПН: 150].

- *перфективные глаголы*

(3) *Нюдя Яригэця,* ***ха-сь*** ***пя-Ø-н.***
Младший PN **умереть-VAinf** **начать-Aor-s2**.
Ано-р ***тэвы-Ø.***
Лодка-2 **дойти.Aor-s3**
‘Младший Яригэця, ты **умираешь** (досл.: **начал умирать**). **Подошла** твоя лодка’ [ЭПН: 320].

(4) *Пыр* ***то-Ø-н,*** *нюдя Ламдо тэта*
Ты **прийти-Aor-s2** младший PN оленевод
ханяна хэ-б-та?
куда уйти-VAcond-3
‘— Ты **пришел**, а где Младший Ламдо?’ [ЭПН: 440].

Итак, аорист в ненецком является «дефолтной» формой, выражающей прошедшее время от перфективных глаголов. Наряду с этой формой в ненецком представлена форма прошедшего времени, которая в равной степени сочетается как с перфективными, так и с имперфективными основами. Таким образом, система в сфере прошедшего времени выглядит несколько асимметрично: имперфективные глаголы имеют единственную форму прошедшего времени, а перфективные — две конкурирующих. Ниже бу-

[5] В ненецком любая глагольная основа, как производная, так и непроизводная, имеет определенную аспектуальную характеристику; существуют деривационные средства перфективации и имперфективации.

дет сделана попытка описать, чем отличаются прошедшее время и аорист при употреблении с перфективными основами.

3. Прошедшее время в ненецком: аспектуальные и темпоральные употребления.

До разбора конкретных употреблений формы прошедшего времени следует сказать, что, если в семантической сфере — как я надеюсь показать — эта форма является антиподом перфекта, в функциональной сфере она является ее аналогом в том отношении, что ее употребление в ненецких фольклорных текстах ограничено (за одним небольшим исключением) диалогическим регистром.

В предыдущих работах я описывала когнатную форму энецкого языка как форму так называемого «прекращенного прошлого», или «сверхпрошлого». В [Плунгян 2011: 356–357] граммема «сверхпрошлого» характеризуется следующим образом: «это значение такого прошлого, которое эксплицитно не продолжается в настоящем. В отличие от обычного прошедшего времени это значение иногда называют “сверхпрошлым”, и мы в дальнейшем также будем использовать этот термин. Различные семантические типы “сверхпрошлого” были выделены в ряде типологических исследований, из которых в первую очередь следует назвать: Dahl 1985: 146–149 и Squartini 1999; более подробно о специфике этого значения в типологическом плане см. работы: Плунгян 2001 и Plungian, van der Auwera 2006 (в последней статье предложен новый англоязычный термин для обозначения “сверхпрошлого” — discontinuous past)»[6]. Однако привлечение большего количества примеров требует корректировки предложенного ранее описания самодийской формы прошедшего времени.

[6] Очевидно, что значение прекращенного прошлого кажется сходным с перфектным значением в том отношении, что обе этих граммемы подразумевают сопоставление некоторой ситуации в прошлом с положением дел в текущий момент. Тем не менее, значение прекращенного прошлого выглядит более «однозначным», чем значение перфекта: представление о «ликвидированной» ситуации выглядит гораздо более ярким и с описательной точки зрения гораздо легче формализуемым, чем понятие ситуации, сохраняющей текущую релевантность, на зыбкость и неформализуемость которого указывали многие исследователи.

Эти примеры показывают, что прошедшее время может употребляться и для обозначения ситуаций в прошлом и в тех случаях, когда в коммуникативные намерения говорящего, очевидно, не входит намерение подчеркнуть, что ситуация не имеет места в настоящий момент. Учет этих примеров, как будет показано ниже, заставляет нас принять более «расплывчатое» толкование формы прошедшего времени: ‘прошедшее время используется для обозначения ситуаций, не имеющих текущей релевантности’ — и при таком толковании прошедшее время самодийских языков выглядит семантическим антиподом перфектной формы.

Понятие *текущей релевантности* — точнее, применительно к самодийскому прошедшему времени, понятие *отсутствия текущей релевантности* — является достаточно сложным. В данном случае кажется более продуктивным не рассматривать эту инвариантную характеристику как единое целое, а проанализировать три более частных ее проявления: *аспектуальное*, *темпоральное* и *коммуникативное*. Поскольку именно в сфере коммуникативных употреблений прошедшее время конкурирует с аористной формой, рассмотрение этих контекстов выделено в отдельный — четвертый — раздел статьи.

3.1. Аспектуально ориентированные употребления прошедшего времени

Я рассматриваю данные употребления как аспектуальные на основании того, что в отношении внутренней структуры ситуации данные употребления прошедшего времени имеют значительное сходство с аспектуальной семантикой перфекта. Если при употреблении перфекта обозначается как сама ситуация, так и сохранение ее результирующей фазы в момент речи, то рассматриваемые употребления прошедшего времени в ненецком обозначают как саму ситуацию, так и *отсутствие* ее результирующей фазы в момент речи.

Итак, при проявлении понятия текущей релевантности на уровне **аспекта** как раз и происходит сопоставление ситуации в прошлом с текущим положением дел. При этом «нарушение» связи ситуации в прошлом и положения дел в настоящем может проявляться в нескольких вариантах. В некоторых случаях эта связь является в аспектуальном отношении достаточно тесной;

это происходит тогда, когда интересующей нас формой описывается отсутствие в настоящий момент результативного компонента относящейся к прошлому ситуации. В этом случае мы имеем дело с так называемым *антирезультативным значением*.

Так, в примере (5) описывается ситуация ‘я думал одним образом,[7] но текущая ситуация заставила меня изменить свое мнение’:

(5) *— Ылька-м* *вад-вэ-м′.* ***Ма-Ø-ма-зь,***
чудовище-Acc вести-Infer-s1. **Сказать-Aor-s1-Praet**
не-м′ *вад-накэ-м′.*
женщина-Acc вести-ProbAor-s1
‘— Оказывается, я веду чудовище. А я-то **думал**, что веду женщину’ [ЭПН: 220].

В примере (6) ситуация в прошлом отменена тем, то обещанное в прошлом должно было быть выполнено к настоящему моменту, но выполнено не было:

(6) *Сене′* ***ма-Ø-ць:*** *тюн-та* *эсогана*
Раньше **сказать-Aor-s3Pl.Praet** свадьба-GenPl.3 через
эдра-гу-ва′. *Амгэ-лт* *вада* *ягу-Ø,*
отпустить-Hort-s1Pl. Что-Emph речь не.иметься-Aor.s3
вада-сялм-а-′.
речь-VDNCarit.Incept-Aor-s3Pl
‘Раньше они сказали: «Отпустим [домой] в то время, когда была свадьба». Они об этом не вспоминают, молчат’ [ЭПН: 318].

Наконец, в примере (7) представлено очень интересное чередование форм прошедшего времени и форм аориста и инферентива. Формами прошедшего времени [1] и [3] описываются ситуации, которые аннулированы следующими за ними ситуациями — [2] и [4], соответственно: ситуация ‘я умирал’ (досл. ‘я закончил умирать’) аннулирована ситуацией ‘она меня оживила’ (ао-

[7] Несовершенный вид в данном случае — эффект перевода, так как в русском языке именно несовершенный вид используется для передачи антирезультативного значения; в ненецком используется перфективный глагол ‘сказать’, то есть более близким к оригиналу был бы перевод: ‘я было сказал себе, что веду женщину’.

рист), а ситуация ‘я победил его (на земле)’ аннулирована ситуацией ‘он победил меня (под землею)’[8]:

(7) — *Мань ха-г-ва-м′* ***ёльце-Ø-ма-зь***$_{[1]}$.
Я умереть-Dur-NDVIpfv-Acc закончить-Aor-s1-Praet$_{[1]}$.
Не няда′ ха-ва
Женщина сестра-Gen.2Pl умереть-Emph
ха-гу-ма-зь[9]. *Пыда си′и-м* ***илебте-Ø***$_{[2]}$.
умереть-Fut-s1-Praet. Pron3 PronAcc-1 оживить-Aor.s3$_{[2]}$.
Ылька тыго-д я-на мань
Чудовище тунгус-Acc.2 земля-Loc я
ва-′а-ма-зь$_{[3]}$, *я-′ ыл-на пыда*.
одолеть-Aor-s1-Praet$_{[3]}$ земля-Gen под-Loc Pron3
ва-′мы-Ø$_{[4]}$
одолеть-Infer-s3$_{[4]}$
‘— Я умирал$_{[1]}$. Если бы не ваша сестра, я бы умер. Она меня оживила$_{[2]}$. На земле я победил было$_{[3]}$ чудовище-тунгуса, а под землей он одолел$_{[4]}$ меня’ [ЭПН: 382].

Как уже говорилось, форма прошедшего времени является способом маркировать отнесенность ситуации к прошлому у имперфективных глаголов (так как аорист от этих глаголов обозначает настоящее время, а не прошедшее, как от перфективных основ). Тем не менее, хотя эта форма является единственной «доступной» для имперфективных основ формой прошедшего и, тем самым, можно было бы ожидать, что она будет передавать значение прошедшего, близкое к «дефолтному», в сочетании с имперфективными основами очень часто актуализуется именно значение прекращенного прошлого. Вероятно, это связано с тем, что имперфективные глаголы часто выражают стативные ситуации, по отношению к которым не ожидается, что они будут прекращены;

[8] Последняя ситуация описана формой инферентива, который в данном случае передает адмиративную семантику: ‘под землей он оказался сильнее меня’.

[9] Данная форма является представителем еще одного класса глагольных форм, в составе которых присутствует энклитика со значением прошедшего времени: это случаи, когда показатель прошедшего времени прибавляется к форме с потенциальной семантикой (в данном случае — к форме будущего времени). сообщая ей ирреальное значение.

иными словами, такая стабильная ситуация, начавшись, в нормальном случае сохраняется неизменной вплоть до настоящего момента, и когда такая ситуация оказывается отнесена к прошлому, то — в силу отсутствия у нее естественного предела — это означает, что ситуация была именно *прекращена.* В примере (8) с показателем прошедшего времени употреблены два стативных предиката — ‘быть’ и ‘виднеться’, в примере (9) — стативный предикат ‘не иметься’, а также существительное ‘чум’ в предикативной позиции:

(8) *Сеня-′* *мядо-до′* *тюку* *хой-′* *ыл-на*
раньше-LatAdv чум.Pl-3Pl этот хребет-Gen под-Loc
э-Ø-ць. *Мяд′* *ни-Ø-′* *адю-′,*
быть-Aor-s3Pl.Praet. Чум.Pl Neg-Aor-s3Pl виднеться-Conn
сеня′ ***ади-Ø-ць***.
раньше виднеться-Aor-s3Pl.Praet
‘Раньше их чумы стояли у подножия этой сопки. Сейчас чумов не видно, раньше они были видны <отсюда>’ [ЭПН: 244].

(9) *Сене-′* *си′ив* *Хаглава-′* *тас* *юр′*
раньше-LatAdv семь PN-Gen целый сто
мя-то-зь, *теда′* *сидя* *юр′* *мя-то′.*
чум-3Pl[-Pred]-Praet теперь два сто чум-3Pl[-Pred].
Сеня′ *Ваю-на′* ***ягу-Ø-ци-′нё′.***
Раньше PN-GenPl.1Pl не.иметься-Aor-s3Pl.Praet-Emph.
Пыдо′ *тикэн′* *эсо-вы-′.*
Pron3Pl сюда встать.чумами-Infer-s3Pl
‘Раньше у семи Хаглава **было сто чумов**, а теперь двести чумов. Раньше **не было** чумов Вай. Они сюда стали чумами’ [ЭПН: 327].

На то, что «сверхпрошлое» тяготеет к употреблению с основами стативной семантики, указывает и В. А. Плунгян: «Наиболее распространены показатели «сверхпрошлого» при глаголах, обозначающих состояния или свойства (в книге Dahl 1985 этот тип значений «прекращенных состояний» называется Past Habitual)» [Плунгян 2011: 359].

До сих пор рассматривались те контексты, в которых «взаимодействие» ситуации в прошлом с текущей ситуацией является

наиболее тесным — а именно, текущая ситуация «ликвидирует» релевантность прошедшей ситуации для настоящего момента, так как положение дел существенным образом меняется. Связь может быть и более опосредованной — ситуация в прошлом не была «отменена» последующими событиями, но при этом отчетливо *противопоставлена* текущему положению дел, см. (10)–(13):

(10) *Сеня-′* *мюдта-б′на-нь′* *по-н′*
Раньше-LatAdv аргишить-VAcond-1Du год-Lat
ми-ӈа-ня-зь. *Теда′* *апой* *яле-на*
двигаться-Aor-s1Du-Praet. Теперь один день-Loc
мада-Ø-в.
отрезать-Aor-o1
‘Прежде, когда ехали с аргишами, мы **ехали** долго. Теперь я переехала <море> за один день’ [ЭПН: 375].

(11) — *Сеня-′* *си-т* ***эдра-Ø-ма-зь.***
Раньше-LatAdv PronAcc-2 отпустить-Aor-s1-Praet.
Теда′ *ни-Ø-м′* *савада-гу′.*
Теперь Neg-Aor-s1 пожалеть-Fut-Conn.
‘— Раньше я тебя **отпустил**. Теперь я тебя не пожалею’ [ЭПН: 222].

(12) — *Тикэ-ва* *тюле-ва-′* *пир* *э-вы-Ø-нё′.*
этот-Emph ввести-NDVIpfv-Gen размер быть-Infer-s3-Emph.
Ма-зё-на′ *сид-на′* ***ни-Ø-н-си-нё′***
Pron1-Emph-1Pl PronAccPl-1Pl Neg-Aor-s2-Praet-Emph
тюле-′, ***питар-ӈа-н-си-нё′.***
ввести-Conn прогнать-Aor-s2-Praet-Emph
‘Этого, оказывается, можно ввести в чум. Ты нас **не ввел** в чум, ты нас **выгнал** (говорят люди, сидящие снаружи)’ [ЭПН: 243].

Два этих варианта можно было бы описывать термином «прекращенное прошлое», однако есть и еще один тип контекстов, в которых происходит *сопоставление* ситуации в прошлом с ситуацией в настоящем. В этом случае делается утверждение о том, что в прошлом имела место некоторая ситуация P, и также она имеет место и в текущий момент: ‘как раньше P, так и сейчас P’, см. (13)–(14):

(13) *Сидя хибя-ри-м′ я′м-сеты-м′, сеня-′*
два кто-Lim-Acc не.мочь-Acc-s1 раньше-LatAdv
я′м-Ø-на-сь, *теда′ о′ я′мы-н.*
не.мочь-Aor-opl1-Praet теперь хоть не.мочь.Aor-opl1
‘Я не могу бороться против двух людей, раньше **не мог** и теперь не могу’ [ЭПН: 249].

(14) — *Си′м няда-вазь ту-тго-накы-Ø.*
PronAcc-1 помочь-Sup прийти-Fut-ProbAor-s3
Сеня-ва-′ ***то-Ø-сь.***
раньше-Emph-LatAdv прийти-Aor.s3-Praet
‘— Он, наверное, приедет помогать мне. Раньше он **приезжал’** [ЭПН: 244].

Поскольку в последнем случае говорить о прекращении ситуации, локализованной в прошлом, было бы неверно, правильнее всего объединить три рассмотренных варианта термином *контрастивное прошлое*. Итак, были рассмотрены те употребления ненецкого показателя прошедшего времени, которые можно назвать аспектуальными в том смысле, что при помощи этих форм фактически описывается двухкомпонентная ситуация: собственно событие, локализованное в прошлом, и положение дел в настоящий момент, причем две этих ситуации составляют отчетливый контраст.

3.2. Темпоральные употребления прошедшего времени

Далее будут рассмотрены те употребления показателя прошедшего времени, которые скорее хочется трактовать как сугубо темпоральные. В этом случае не происходит контрастивного сопоставления ситуации в прошлом и текущей ситуации — события в прошлом являются, так сказать, самодостаточным объектом описания, и упоминание их не служит для того, чтобы особым образом осветить, оттенить текущее положение дел, как это происходит при аспектуальном употреблении формы прошедшего времени. В темпоральных употреблениях прошедшее время выражает значение, близкое к значению прошедшего отдаленного. Тут надо отметить еще один зеркальный параллелизм «типологического портрета перфекта» и ненецкого прошедшего времени: обе этих граммемы имеют тенденцию в каче-

стве второстепенного значения выражать значение из области временной дистанции (возможно, корректнее было бы говорить о том, что в качестве прагматической импликатуры у обеих граммем может возникать ассоциация с определенными значениями из этой сферы). Неудивительно, что перфект при этом выражает значения из сферы близкого прошедшего («предельным» случаем развития перфекта в этом направлении стало возникновение у испанского перфекта значения сегодняшнего прошедшего). В свою очередь, контрастивное прошедшее самодийских языков столь же естественным образом связывается со значением отдаленного прошедшего:

(15) — *Тюку сидя тэ-р аць э-б'на-ди'*
Этот два олень-2 молодой быть-VAcond-3Du
ули' ***сава-'е-Ø-сь,*** *ю'* *по-'*
очень хороший-Augm[-Pred]-s3-Praet десять год-Gen
тя-на ***ми-'а-й-на-сь.*** ⟨…⟩ *Мань*
назад-Loc дать-Aor-Opl-opl1-Praet. ⟨…⟩ Я
ми-'а-й-на-сь, *нётла'-нэ*
дать-Aor-Opl-opl1-Praet калым-Ess
хае-Ø-й-на-сь. *Ани'* *ты-м'*
оставить-Aor-Opl-opl1-Praet другой олень-Acc
ня'мра по-н' *э-гу-Ø,* *апой*
ловить год-Lat быть-Fut-s3 один
хан-хана *ха-я-ди'.*
нарта-Loc уйти-Opt-s2Du
'— Эти два оленя <на которых ты приехала>, когда были молодые, **были** очень **хорошие**, десять лет тому назад я их **отдал**. Я **отдал** их, я **отдал** их как калым. Других оленей ловить долго будет, поезжайте на одной нарте'
[ЭПН: 406–407].

Еще один тип темпоральных употреблений связан с точной временной локализацией ситуации в прошлом: в этом случае необходимо употребить показатель прошедшего времени. В этом отношении прошедшее время также демонстрирует свойства, диаметрально противоположные свойствам перфекта: как известно, во всяком случае английский перфект не допускает (либо допускает с трудом) сочетание с обстоятельствами конкретного времени:

(16) — *Хабэй* *иле-гу-ˈм?* *Няр′* *по-′* *тя-на*
Мертвый жить-Fut-s3-Emph? Три год-Gen назад-Loc
Хаглави-′ *я-на* ***хан′а-Ø-ма-зь,***
PN-GenPl земля-Loc уезжать-Aor-s1-Praet
ма-Ø-ць: *«Эва-′* *едя-на*
сказать-Aor-s3Pl.Praet голова-Gen боль-Loc
ха-Ø-сь». *Хабэй* *юрк-гу-′*
умереть-Aor.s3-Praet Мертвый встать-Fut-Conn
вани-Ø-′.
NegEmph-Aor-r3
‘— Разве мертвый оживет? Три года тому назад я **ездил** в землю Хаглава. Мне **сказали**: «Он умер от головной боли». Мертвый не встанет’ [ЭПН: 326].

(17) — *Сидя* *Сэротэта* *сит-тэ′* *ягу-Ø-′.*
Два PN два-3Du не.иметься-s3Du
— *Ханяна* *хая-′?*
куда уйти.Aor-s3Du
— *Ханяна* *хан-та-ṇа-′?* *Саля-′* *харда-на′*
куда уйти-Fut-Aor-s3Du? Мыс-Gen город-Lat
си′ив *тя-на* ***хая-зь.***
семь назад-Loc **уйти.Aor-s3Du.Praet**
‘— Сэротэта обоих нет.
— Куда они ушли?
— Куда они пойдут? Неделю назад они **уехали** в поселок’ [ЭПН: 219–220].

Помимо точных обстоятельств времени, прошедшее время самодийских языков часто употребляется с наречиями *нер′* ‘прежде, некоторое время назад’ (18) или *сеня′ ~ сене′* ‘раньше, прежде’ (19), *авхона* ‘когда-то’ (20):

(18) *Теда′* *мяду-ṇа-ва′,теда′* *иле-Ø-ва′.*
теперь угощаться-Aor-s1Pl теперь жить-Aor-s1Pl.
Нер′ ***ма-да-ци-нё′,*** *амгэ-м′* *манэ-′а-м′.*
раньше **сказать.Aor-s2Pl-Praet-Emph** что-Acc увидеть-Aor-s1
Тикы *тира-рха-в* *саю-в′* *э-вы-′.*
Это туча-Comp-1 войско-Emph быть-Infer-s3Pl.

‘Теперь мы угощаемся, теперь мы живы. Давеча вы **сказали** — что я увидел? Это похожее на облако — войска’ [ЭПН: 247].

(19) *Ненэся-да* *о′* *сеня-′* *ид-′* *ерв-′*
Правда-3 хоть раньше-LatAdv вода-Gen хозяин-Gen
не *ню* ***ма-Ø-сь:*** *«Сидя* *не-м′*
женщина ребенок **сказать-Aor.s3Pl-Praet**: «Два жена-Acc
хо-гу-н.» *Не-ю-н* *о′*
найти-Fut-s2». Жена-DuPoss-1 хоть
есита-ṇа-′, *паской-Ø-ха′.*
иметь.украшение-Aor-s3Du красивый-Aor-s3Du.
‘Когда-то дочь Хозяина воды мне **говорила**: «Найдешь двух женщин». Мои жены обе в украшениях и обе красивые’ [ЭПН: 323].

(20) *— Иле* *няс-на-н* *ни-вэ-н* *э-’,*
жить подходить-PtPraes-s2 Neg-Infer-2 быть-Conn
ха-сь *мана-т.* *Авхона* *си-т*
умереть-VAinf увидеть-impo2. Когда.то PronAcc-2
хада-вазь ***ни-Ø-ма-зь*** *мэ-′.*
убить-Sup **Neg-Aor-s1-Praet** **собираться-Conn**
‘— Ты не годишься в товарищи, ты увидишь смерть. А раньше **я не хотел** тебя убивать’ [ЭПН: 376].

Непосредственно к темпоральному значению примыкают употребления, близкие к таксисным: в том случае, если рассказчик в нарративной цепочке нарушает естественную последовательность событий и описывает ранее произошедшие ситуации после тех, которые произошли позже, он также прибегает к использованию формы прошедшего времени. Отмечу, что в ненецких фольклорных нарративах это единственный случай употребления форм прошедшего времени не в диалогическом, а в нарративном регистре.

Вероятно, при этом слишком сильным было бы утверждение о том, что прошедшее время в ненецком может иметь таксисную функцию: такие примеры являются крайне редкими, так что не приходится говорить о специальной нарративной стратегии с нарушением естественного порядка описываемых ситуаций; та-

кие примеры встречаются в случае «корректировки» нарратива, когда говорящий забыл в должный момент упомянуть о какой-то ситуации и восполняет этот пробел позже по ходу повествования. На мой взгляд, в данном случае можно говорить не о таксисных употреблениях в полном смысле слова, а об окказиональной стратегии исправления нарративной цепочки. Форма прошедшего времени в данном случае может быть использована благодаря свойствам отсылать к ситуациям в прошлом, отдаленным во времени от текущего момента, которым в данном случае является текущий момент повествования:

(21) *Тарця вади намда-сь мя-дико-до'*
Такой слово.AccPl услышать-VAinf чум-Dim-3Pl
нё-м', нё-м' нягар-ńа-м'. Нё-м'
дверь-Acc дверь-Acc распахнуть-Aor-s1 дверь-Acc
няга-рка-ва' и-ми таня-сь,
распахнуть-Att-NDVIpfv-Gen разум-1 иметься-Aor.s3-Praet
тикэд и-ми ёхо-вы-Ø. Ын-'
потом разум-1 потеряться-Infer-s3 лук-Gen
*пед-'ма-м' **намда-Ø-ма-зь**, и-в*
выстрелить-NDVRes-Acc **услышать-Aor-s1-Praet** разум-1
ёхо-вы-Ø.
потеряться-Infer-s1
'Услыхав такие слова, я распахнул дверь их маленького чума. Когда я распахивал дверь, я был в полной памяти, а потом потерял сознание. **Услыхал** звук [летящей] стрелы и потерял сознание' [ЭПН: 477][10].

В ряде контекстов значение отдаленного прошлого и контрастивного прошедшего (ситуация в прошлом упоминается ради обсуждения ситуации в настоящем) фактически сосуществуют при описании одной и той же ситуации, например:

[10] Первое лицо в данном случае не должно вводить в заблуждение: это отрывок не из диалога, а из фольклорного нарратива, для построения которых в ненецком часто используется стратегия повествования от первого лица, однако употребление темпоральных форм в таких нарративах ничем не отличается от употребления в нарративах, в которых с протагонистом соотносится не первое, а третье лицо.

(22) — *Аць эба'н мэё ся' панын*
молодой быть-VAcond-1 крепкий железо-Gen одежда-Pl.1
тане-Ø-'ци-нё', *сер-го-накы-да.*
иметься-Aor-s3Pl.Praet-Emph надеть-Fut-Prob.Aor-o3
'— Когда я был молодым, у меня **ведь была** железная одежда, пусть он ее наденет' [ЭПН: 322].

(23) — *Ири-в, хада-в, ня-на-да' иле-ба'-н*
тесть-1 теща-1 с-Loc-2Pl жить-VAcond-1
сава-дя-зь. *Тикы-' е'мня ню-д-ди'*
хороший-s2Du-Praet это-Gen ради дочь-Dest-2Du
хае-Ø-м'.
оставить-Aor-s1
'— Тесть и теща, когда я жил у вас, вы хорошо ко мне относились. За это я оставил вам вашу дочь' [ЭПН: 329].

4. Коммуникативно обусловленные употребления прошедшего времени и конкуренция аориста и прошедшего времени

Теперь, когда описана определенная часть употреблений формы прошедшего времени в ненецком языке, можно сформулировать следующий вопрос: есть ли какая-то общая семантическая характеристика, которая, с одной стороны, объединяет описанные употребления формы прошедшего времени, а, с другой стороны, противопоставляет эту форму аористу, также выражающим референцию к прошлому?

До сих пор были описаны две группы значений прошедшего времени: аспектуальные (контрастивное прошедшее) и темпоральные (отдаленное прошедшее). Но в каких-то отношениях употребления этой формы могут выглядеть диаметрально противоположными по семантике. Так, если обратиться к примерам с контрастивным прошедшим, то в ряде случаев это оказывается ситуация с аннулированым результатом (5)–(7). Но в то же время, например, в предложениях (22) и (23) с помощью этой же формы описывается ситуация в прошлом, которая с очевидностью сохраняет свою релевантность для текущего момента, так как она обуславливает какие-то ситуации в настоящем, что видно из контекста. Вместе с тем, по отношению к последним двум примерам

можно говорить о том, что описываемые события отделены от настоящего момента значительным промежутком времени. Однако форма прошедшего времени может употребляться и применительно к ситуациям, которые произошли недавно и результат которых сохраняется в текущий момент. Так, пример (24) демонстрирует, что употребления интересующей нас формы выходят за пределы семантической зоны «сверхпрошлого» или семантической сферы прошедшего отдаленного:

(24) *Ти мядо-ӈа-ва’. Си’в’ мядо-ӈа-ва’.*
Вот угощаться-Aor-s1Pl. Семь угощаться-Aor-s1Pl.
Нюдя Тасиний ябел-такы-’ нябара-ӈэ
младший PN опьянеть-ProbAor-r3 разговорчивый-Ess
о’ хая-Ø. Пыда таре-м’ ма-Ø:
хоть уйти.Aor-s3. Pron3 такой-Acc сказать-Aor.s3:
— Сидя Эбт$_1$ Яб$_2$, сидя ирика-в, не
два $PN_{1,2}$ два шурин-1 женщина
папа-б-ть’ хана-Ø-ва-сь,
младший.сиблинг-Acc-2Du **увезти-Aor-o1-Praet**
та-Ø-ва-сь. ⟨…⟩ *Тас по’ яба-н’ сидя*
привезти-Aor-o1-Praet. Целый год-Gen длина-Lat два
идэ-м-да ***ни-на-сь*** ***маста-’***.
пола-Acc-3 **Neg.Aor-o1-Praet** **измазать-Conn**.
Ехра-Ø-м’, не э-б-т, ни-б-т.
не.знать-Aor-s1 женщина быть-VAcond-3 Neg-VAcond-3
‘Вот мы угощаемся. Младший Тасиний, видимо, опьянел, стал разговорчивым. Он так сказал:
— Два Эбт Яб, два моих шурина, я вашу сестру **увез** и снова **привез** ее. Целый год я **не прикасался** к ней. Я не знаю, женщина она или нет’ [ЭПН: 278].

Таким образом, оказывается, что и отдаленность ситуации во времени, и аннулированный характер результата и вместе, и по отдельности являются достаточными, но не являются необходимыми условиями для употребления формы прошедшего времени. Тем самым, мы вплотную подходим к вопросу о конкуренции форм прошедшего времени и аористных форм, также описывающих ситуации в прошлом. Именно при рассмотрении вопроса о конкуренции форм мы переходим к той сфере употреблений, ко-

торую я выше обозначила как коммуникативные употребления (чтобы отграничить их от аспектуальных и темпоральных употреблений, уже описанных выше). Для описания этой конкуренции необходимо представлять себе ту семантическую нишу, которую занимает аорист в глагольной системе ненецкого языка.

4.1. Значение аористных форм

Описание удобно начать с тех контекстов, в которых аорист семантически четко противопоставлен прошедшему времени. Прежде всего, это контексты перфектного характера. Самые семантически яркие контексты — те, в которых ситуация имела место непосредственно до момента речи, и ее результирующая стадия сохраняется в момент речи:

(25) — *Тямда,* *Марць*$_1$ *Саг*$_2$ *хаби* *тызя-да-н* ***та-'***
вот PN$_{1,2}$ раб аркан-Dest-1 **дать-Conn**
ни-Ø-в'.
Neg-Aor.s3-Emph
'— Вот раб Марць Сяг **дал** мне аркан' [ЭПН: 505].

(26) *Маста-'* *ни-да-в'.* *Пазрана*$_1$ *не-р*$_2$
тронуться-Conn Neg-Aor-o3-Emph. PN$_{1,2}$-2
ма-Ø:
сказать-Aor.s3:
— *Эбт*$_3$ *Яб'*$_4$ *папа,* *маста-д.*
PN$_{3,4}$ младший.сиблинг трогаться-impo2.
Нерде-ня-р ***хая-Ø.*** *Нё-н*
быть.впереди-PtPraes-2 **уйти.Aor-s3**. Neg-imps2
хаюр-'.
отставать-Conn
'Он тронулся с места. Пазрана Не сказала:
— Младшая сестра Эбт Яб, поезжай, ведущий впереди **уехал**. Не отставай' [ЭПН: 270].

Непосредственно к этому примыкают такие контексты, когда затруднительно указать точную временную локализацию ситуации. Она может быть и неважна — ср. (27), где первые две реплики касаются ситуации, завершившейся непосредственно перед моментом речи, а следующие две — ситуации, отстоящей от момента речи, как мы знаем из контекста, на несколько дней,

причем сначала девушка ходила к бабушке за стрелами, а потом за дочерью Вэхля, но то, что в данном случае при описании событий диалоге нарушается их относительная хронология, также оказывается неважным:

(27) — *Вэхля-′ не ню-м′ та-Ø-ру-в′?*
PN-Gen женщина ребенок-Acc **привести-Aor-o2-Emph**
— *Та-Ø-в, пи-ня яда-Ø.*
привести-Aor-o1 снаружи-Loc идти-Aor.s3
— *Хада-в муг-ду-в та-ӈа-Ø-в′?*
бабушка-1 стрела-Dest-1 **дать-Aor-s3-Emph**?
— *Сян ваде-ця-н, табир та-Ø.*
сколько сказать-Interr-2 то.размер **дать-Aor.s3**
‘— Ты привела дочь Вэхля?
— Я привела ее, она на улице, идет.
— Дала бабушка для меня стрелы?
— Сколько ты просил, столько она и дала’ [ЭПН: 221].

Таким образом, аорист с очевидностью передает значение ситуации, имеющей текущую релевантность. Часто такая ситуация оказывается отделена от настоящего момента незначительным промежутком времени (что является скорее прагматической импликатурой, чем собственно темпоральным значением этой формы).

4.2. Конкуренция аориста и прошедшего времени в диалогических «микронарративах»

Итак, можно обозначить два семантических полюса, которые занимают, с одной стороны, форма аориста, с другой — форма прошедшего времени:

- аорист обозначает ситуации, которые имеют текущую релевантность; часто такие ситуации относятся к недавнему прошлому;

- прошедшее время описывает такие ситуации, которые составляют отчетливый контраст с положением дел, наблюдающимся в настоящий момент. Эта форма может также использоваться для описания событий, отнесенных к более или менее далекому прошлому[11].

[11] Как можно видеть, эти предварительные семантические характеристики аориста и прошедшего времени не вполне функционально

Однако есть немало примеров, когда ситуации одного и того же временного плана в рамках одной и той же диалогической реплики описаны частично с помощью аориста, частично с помощью прошедшего времени. Как кажется, именно такие расширенные реплики, фактически представляющие собой небольшие нарративы, позволяют продемонстрировать, какие именно факторы регулируют выбор глагольной формы. Так, в (28) ниже глагольные формы [1]–[10] относятся к ситуациям одного и того же временного плана. Но две из них ([1] и [6]) являются формами аориста, остальные — формами прошедшего времени.

(28) — *Тюку* *муг-ˈе* *ненадо* *э-вы-Ø-ню′.*
этот стрела-Augm приметный быть-Infer-s3-Emph.
Тюку *муг-ˈе-м′* *ханяд* *хо-Ø-ра′*[1]*?*
этот срела-Augm-Acc где найти-Aor-o2Pl
— *Тей* *яля-′* *мюд-′* *ир′-мня*
вчера день-Gen аргиш-Gen возле-Prol
эдалёр-ṇа-ва-ць[2], *тюку* *муг-ˈе-м′*
ездить.на.нарте-Aor-s1Pl-Praet, этот стрела-Augm-Acc
тикэ-на *хо-Ø-ва-ць*[3]. *Мюд-′* *ир′-мня*
этот-Loc найти-Aor-s1Pl-Praet аргиш-Gen возле-Prol
эдалёр-па′-на′ *тет* *Вара* *я-н′*
ездить.на.нарте-VAcond-1Pl четыре PN земля-Lat
тэворъ-я-нацъ[4], *янадо′-на′* *мя-т′.*
дойти-Iter-AorRfl-r1Pl-Praet сват-Gen.1Pl чум-Lat.
Пэвсю-б′ *пуня-′* *эдала-′*
свечереть-VAcond позади-Lat отправиться.на.нарте-Conn
ни-ся-на-м′[5]. *Мадорота* *яха-м′* *хо-Ø-ва′*[6].
Neg-Interr-s1Pl-Emph лесистый река-Acc найти-Aor-s1Pl
Яха-м′ *мада-би-ва-ць*[7]. *Нюдя* *Тыгосе*
река разрéзать-Dur.Aor-s1Pl-Praet. Младший тунгус
нерде-Ø-сь[8], *лэбара-да* *ер-т′* *муг*
впереди.быть-Aor.s3-Praet грудь-[Gen.]3 середина-Lat стрела
теба-Ø-сь[9], *ен* *пехэды-ць*[10].
ударить-Aor.s3-Praet тетива прозвучать.AorRfl-r3.Praet

симметричны в том отношении, что у аориста семантический компонент ‘текущая релевантность’ выражен всегда, а у прошедшего времени семантически противоположный ему компонент ‘контраст с текущим положением дел’ выражен только в части контекстов.

‘— Эта стрела, оказывается, приметная, где нашли[1] эту стрелу?
— Вчера мы ездили[2] возле аргишей, эту стрелу мы там и нашли[3]. Когда мы ездили возле аргишей, мы доезжали[4] до земли четырех Вара, до чумов наших сватов. Вечером мы поехали[5] обратно. Мы встретили[6] реку с лесистыми берегами. Мы переезжали[7] реку. Младший Тунгус ехал[8] впереди. Зазвенела[10] тетива, прямо ему в грудь попала стрела[9]’ [ЭПН 434].

В этом примере форма аориста использована дважды: первый раз это реплика-вопрос. Второй раз аористная форма однократно «разрывает» ряд форм прошедшего времени. Пропозиция, которая маркирована формой аориста, выделяется на фоне остальных тем, что именно она является ответом на вопрос о том, где нашли стрелу (это произошло у реки с лесистыми берегами). Таким образом, можно считать, что эта ситуация является наиболее актуальной для текущего момента. Причем текущая релевантность ситуации обеспечивается не ее аспектуальной структурой (нельзя сказать, что результирующая фаза этой ситуации сохраняется вплоть до момента речи), а ее прагматической значимостью (из целого ряда предикаций, которые описывают случившееся, выделяется одна, которая является точным ответом на вопрос).

В целом оказывается, что выбор такой прагматически актуальной ситуации не всегда очевиден. Так, в примере (29) приводится еще один фрагмент из того же текста, в значительной степени повторяющий только что приведенный: было совершено еще одно загадочное убийство, которое обсуждается в следующих трех репликах:

(29) *— Тюку* *муг-ˈэ-мˈ* *ханяд* *хо-Ø-раˈ*[1]*?*
этот стрела-Augm-Acc где найти-Aor-o2Pl
— Тей *яля-ˈ* *янодоˈ-наˈ* *мя-тˈ*
вчера день-Gen сват-Gen1Pl чум-Lat
эдалёр-ня-ва-ць[2]*,* *тет* *Вай* *мя-тˈ*
ездить.на.нарте-Aor-s1Pl-Praet четыре PN чум-Lat
эдалёр-ня-ва-ць[3]*.* *Пуня-ˈ*
ездить.на.нарте-Aor-s1Pl-Praet позади-LatAdv

пэвсю-б′ эдалэ-й-на-ць[4].
свечереть-VAcond отправиться.на.нарте-AorRfl-r1Pl-Praet
Мадорота яха-м′ мада-би-ва-ць[5], *ен*
лесистый река-Acc разрéзать-Dur-s1Pl-Praet тетива
педы-ць[6]. *Муг Нюдя Тасиний-′*
выстрелить.AorRfl-r3.Praet стрела младший PN-Gen
лэбара-н′ теба-Ø-сь[7], *тэри хан-да*
грудь-Lat ударить-Aor.s3-Praet просто нарта-Gen.3
ни-′ лясэ-й-′[8]. *Тэри мэна*
на-Lat упасть.навзничь-AorRfl-r3 просто простой
муг-хава ни-вы-Ø а-′. Тэри тарця
стрела-Emph Neg-Infer-s3 быть-Conn. Просто такой
хибя-ри тюку муг-′ ни-вэ-да эда-′. ⟨…⟩
кто-Lim этот стрела[-Acc] Neg-Infer-o3 выпустить-Conn
— *Тюку муг-′ тенева-б′ хибя-ри-м′*
этот стрела[-Acc] знать-VAcond кто-Lim-Acc
тумду-в-′ пир э-рха-вы-Ø.
узнать-NDVIpfv-Gen размер быть-Comp-Infer-s3.
Нерня-ку-′ пэр-та ня-ва′
впереди-Dim[-Acc] держать-PtPraes товарищ-1Pl
ха-Ø[9], *таня-харт-′ ни-Ø-на′*
умереть-Aor.s3 туда-‘даже’-LatAdv Neg-Aor-r1Pl
тэв-′[10]. *Мале сидя сава ня-ва′*
дойти-Conn уже два хороший товарищ-1Pl
ха-Ø[11], *таня-′ тэв-ба′-на′*
умереть-Aor-s3 там-LatAdv дойти-VAcond-1Pl
тара-гу-зь.
необходимым.быть-Fut-s3Du.Praet
‘— Где нашли[1] вы эту стрелу?
— Вчера мы ездили[2] к чуму сватов, ездили[3] к чуму Четырех Вай. Обратно мы поехали[4] вечером. Мы переезжали[5] реку с лесистыми берегами. Зазвенела[6] тетива. Стрела попала[7] прямо в грудь Младшему Тасиний, он так прямо и упал[8] навзничь на нарту. Это не простая стрела. Эту стрелу пустил не обычный человек. ⟨…⟩
— Можно было бы узнать человека, если бы я знал стрелу. Наш вожак умер[9], [а] мы даже не доехали[10] до нашей стоянки. Уже умерли[11] два наших хороших товарища. Они бы пригодились, если бы мы туда приехали’ [ЭПН: 435].

Как и пример (28), приведенный в (29) диалог открывается вопросом ‘Где вы нашли эту стрелу?’, где употреблена аористная форма. Однако в ответной реплике, которая также состоит из цепочки форм прошедшего времени, в качестве ситуации, являющейся прагматически актуальной, выбрана не ситуация, указывающая на локализацию действия, а «кульминационный» момент всего рассказа, который является действительно прагматически наиболее актуальным: «упал навзничь (будучи убитым)». Показательно, что с предложенной трактовкой согласуется то, что в (28) локализация произошедшего выделена в отдельное предложение (описывающее не какую-то ситуацию, а то, в каком месте оказался говорящий со спутниками), а в (29) она описывается попутно с описанием одного из звеньев сюжетной цепи. Напротив, в (29) ситуация гибели протагониста называется прямо (при этом клауза открывается «оценочным» словом *тэри* ‘просто, прямо, так и’, являющимся одним из лексических средств выражения эмфазы), тогда как в (28) этого нет:

	локализация произошедшего	ситуация гибели
(28)	Вечером мы поехали[5] обратно. **Мы встретили[6] реку с лесистыми берегами.** Мы переезжали[7] реку.	Младший Тунгус ехал[8] впереди. Зазвенела[10] тетива, прямо ему в грудь попала стрела[9]
(29)	Обратно мы поехали[4] вечером. Мы переезжали[5] реку с лесистыми берегами — зазвенела[6] тетива.	Зазвенела[6] тетива. Стрела попала[7] прямо в грудь Младшему Тасиний, **он так прямо и упал[8] навзничь на нарту.**

В примере (29) интересна также третья реплика, употребление глагольных времен в которой я пока не прокомментировала. В этой реплике глагольные формы [9] и [11] относятся к тем же ситуациям, которые описаны в (28) и (29) — тем самым, если рассматривать аспектуальную (сохранение результирующей фазы в момент речи) и темпоральную (отдаленность во времени от момента речи) характеристики этих ситуаций, они полностью совпадают с аспектуальными и темпоральными характеристиками тех ситуаций, которые описаны в (28) и (29) цепочками предикаций с формой прошедшего времени. Тем самым, формальных оснований для того, чтобы [9] и [11] были маркированы не про-

шедшим временем, а аористом, казалось бы, нет. Однако между второй и третьей репликами в (29) есть существенная прагматическая разница: несмотря на то, что они относятся к одному и тому же событию, во второй реплике это событие *описывается*, а в третьей — *обсуждается*. Иными словами, говорящий не рассказывает о том, что произошло, а оценивает возможный риск дальнейших действий, причем степень этого риска прямо связана с тем, что погибли два сильных воина. Соответственно, это объясняет употребление глагола *хась* ‘умереть’ в форме аориста: эта ситуация прагматически релевантна, так как она влияет на возможность успешного исхода военного предприятия. Это позволяет выявить еще одну важную семантическую характеристику формы прошедшего времени: прошедшее время употребляется только для ***описания событий***, для рассказа о том, что произошло, но не для их ***обсуждения*** (то есть не для обозначения тех событий, которые тем или иным образом хороши или плохи для развития текущей ситуации).

В начале статьи говорилось о семантических особенностях противопоставления, в которое вовлечена семантика перфектности: такие противопоставления в принципе невозможно описать со строго формальных позиций, ориентируясь на непересекающееся и однозначное распределение контекстов между двумя формами. Мне кажется, что исходя из этого противопоставление аориста и прошедшего времени в ненецком можно не столько описать, сколько продемонстрировать на достаточно большом количестве примеров с комментариями.

В диалоге в примере (30) в ряду форм с показателем прошедшего времени дважды употреблена форма аориста. Первое употребление аориста — в реплике-вопросе ‘Почему же ты пришла пешком?’ В ответ на этот вопрос, объясняя, почему она не приехала на тех оленях, которых прислал для нее мужчина, женщина рассказывает небольшую историю (в ответной реплике 12 глагольных форм, которые описывают, соответственно, 12 ситуаций). В этом ряду единственный — последний — предикат имеет форму аориста, а не прошедшего времени. Он выделяется двумя важными особенностями. Во-первых, именно он является наиболее непосредственным ответом на вопрос о том, почему женщина пришла пешком — потому, что она отдала свою нарту двум людям, кото-

рых она оживила по пути. Во-вторых, он не включается в тот мини-рассказ, который составляет реплику женщины:

(30) — *Ты-н* *эдарэ-и-н-си-нё′.* *Амгэ*
олень-GenPl1 отправить-AorOpl-opl1-Praet-Emph. Что
яда *то-Ø-н?* *Хаби′* *ня′мбато′*
идти прийти-Aor-s2? Раб-Pl поймать-NDVIpfv-Lat
тара-Ø-сь.
быть.необходимым-Aor.s3-Praet.
— *Иб′* *ням-′* *ни-си-до-м′*[1].
ведь поймать-Conn Neg-Interr-o3Pl-Emph
Эдлы-ма-зь[2]. *Няка-в*
ехать.на.нарте.Aor-s1-Praet старший.брат-Acc.1
хо-Ø-ма-зь[3], *хабэй* *э-вы-Ø-сь*[4].
найти-Aor-s1-Praet мертвый быть-Infer-s3-Praet
Илебте-Ø-ва-сь[5], *пуня-′*
оживить-Aor-o1-Praet позади-LatAdv
эдра-Ø-ва-сь[6]. *Ань′* *эдлы-ма-зь*[7].
отправить-Aor-o1-Praet еще ехать.на.нарте.Aor-s1-Praet
Пыдар *няка-б-т* *хо-Ø-ма-зь*[8]. *Хабэй*
ты брат-Acc-2 найти-Aor-s1-Praet мертвый
э-вы-сь[9]. *Илебте-Ø-ва-сь*[10], *хану-в*
быть-Infer-s3-Praet оживить-Aor-o1-Praet нарта-Acc1
няка-т′ *ми-′а-ва-сь*[11]. *Ма-Ø-ма-зь*[12]:
брат[-Lat]-2 дать-Aor-o1-Praet сказать-Aor-s1-Praet
«Эдлёбат *ня-п* *хо гу р.* ⟨…⟩».
ехать.на.нарте-VAcond-2 товарищ-Acc найти-Fut-o2
Сидя *хибя-ри-н′* *хану-в* *ми-′а-в*[13].
два кто-Lim-Lat нарта-1 отдать-Aor-o1.
‘— Я ведь отправил своих оленей. Почему ты пешком пришла? Рабы должны были поймать этих оленей.
— Они поймали[1] этих оленей. Я ехала[2]. Я нашла[3] моего старшего брата, он был[4] мертвым. Я его оживила[5] и отправила[6] в чум. Я опять ехала[7]. Я нашла[8] твоего старшего брата. Он тоже был[9] мертвым. Я его оживила[10], нарту отдала[11] твоему старшему брату. Я сказала[12] ему: «Когда поедешь, найдешь товарища. ⟨…⟩». Я отдала[13] нарту двум людям’ [ЭПН: 245].

Прокомментирую пример подробнее: глаголы [1]–[11] описывают цепочку последовательно сменяющих друг друга ситуаций, составляя с этой точки зрения классическую нарративную последовательность. Глагольная форма [13], хотя и относится к тому же событию, не может быть привязана к временной оси этого нарратива: она не описывает одну из ситуаций этого мини-сюжета, а представляет собой как бы «резюме» этого нарратива, выделяя в нем тот основной момент, который объясняет, почему женщина вернулась без нарты. Здесь мы вновь встречаемся с уже обсуждавшимся противопоставлением форм, ориентированных собственно на рассказ, описание (прошедшее время) и форм, ориентированных на «обсуждение» событий (аорист)[12].В следующем примере (31) также приведен диалог, по структуре похожий на только что обсуждавшийся: ответная реплика представляет собой микронарратив. Из ряда форм прошедшего времени (ситуации, в отличие от предыдущего диалога, не так четко упорядочены хронологически: глагольные формы [5]–[7] являются ретроспективными по отношению к формами [1]–[4] и передают значение прекращенного прошлого, описывая те мысли, намерения и эмоции, которые испытывала девушка, пока не поняла, что найденный ей человек жив) выделяется аористная форма [4], которая является непосредственным ответом на реплику о том, что она, оказывается, вернулась не одна. В отличие от предыдущего диалога (в ответной реплике которого — напомню — аористная форма служила своего рода резюме), в данном диалоге маркированная аористом ситуация

[12] Здесь необходимо сделать одно важное терминологическое замечание: возможно, не слишком удачное терминологическое противопоставление «описания» и «обсуждения» не следует отождествлять с противопоставлением нарративного и диалогического регистров, хотя на первый взгляд эти понятия, возможно, кажутся похожими. Дело в том, что прошедшее время и аорист ориентированы на дихотомию описание ~ обсуждение именно *в пределах* диалогического регистра. В рамках фольклорного нарратива функции прошедшего времени ограничиваются плюсквамперфектными употреблениями, в рамках персонального нарратива (насколько можно судить по энецким и нганасанским персональным нарративам, имеющимся в моем распоряжении), прошедшее время также не используется для описания звеньев основной сюжетной цепи.

встраивается в нарратив как одно из звеньев сюжета, так что в этом случае употребление аористной формы предопределено только текущей релевантностью ситуации; противопоставление «описание ~ обсуждение» в данном случае не задействовано:

(31) — *Хибя-ри-м′ хо-вэ-н-нё′.*
кто-Lim-Acc найти-Infer-s2-Emph.
— *Пя′-на-н хонё-вы-Ø-сь*[1]. *Хутар-ма-н*
дерево-Loc-1 спать-Infer-s3-Praet стучать-NDVIpfv-Gen.1
сер′ хар-та юркы-ць[2]. *Нема-да*
во.время сам-3 встать.AorRfl-r3.Praet сон[-Acc]-3
хая-сь[3], *сода-Ø-в*[4]. *Пя′-н хэв-хана*
выйти.Aor-s3.Praet взять-Aor-o1 дерево-Gen1 бок-Loc
юседа-б-та ма-Ø-ма-зь[5] *хабэй*
лежать-VAcond-3 сказать-Aor-s1-Praet мертвый
э-накы-Ø. *Хае-вазь мэ-Ø-ва-сь*[6],
быть-ProbAor-s3 оставить-Sup собраться-Aor-o1-Praet
пина-Ø-ма-зь[7].
бояться-Aor-s1-Praet[7].
‘— Ты, оказывается, привезла человека.
— Он спал[1] около моих дров. Когда я стучала бревнами, он сам встал[2]. Он проснулся[3], я взяла[4] его с собой. Когда он лежал около моих дров, я подумала[5], что он мертвый. Я хотела[6] его оставить, боялась[7]’ [ЭПН: 322].

В примере (32) также приводится диалог, в более развернутой — ответной — реплике которого чередуются прошедшее время и аорист. Эта ответная реплика также представляет собой микронарратив. При этом прошедшее время употреблено в первой фразе, которая описывает дурное предзнаменование (‘упали три капли крови’), которое заставило женщину выйти на улицу. Аорист же употреблен в той фразе, которая описывает, что именно увидела женщина, выйдя на улицу — ‘поднялось облако, конца ему не было’[13]; это означает, что движутся войска. Именно эта

[13] Интересно, что в данном случае аористом маркирован имперфективный глагол, который явно описывает ситуацию в прошлом, не имеющую места в момент речи: облаку не было конца в тот момент, когда женщина это наблюдала, а не в момент разговора с мужем (она говорит «раньше днем», то есть это происходило по крайней мере за неко-

часть нарратива является существенной для сообщения мужу: на первый взгляд кажется, что в данной фразе описано два предзнаменования, — упавшие капли крови и поднявшееся облако, и не вполне понятно, почему их описание грамматически маркировано различным образом. Однако первое предзнаменование касалось лично женщины и это предзнаменование исчерпывалось тем, чтобы заставить женщину осмотреться, выйдя на улицу. Там она увидела второе предзнаменование, которое касается уже в равной степени и ее мужа (причем самым непосредственным образом, заставляя его готовиться к предстоящему сражению). Таким образом, аористом опять маркирована та часть нарратива, которая содержит релевантную для текущего момента ситуацию:

(32) — *Мэ-ˈмда* *вада-р* *тане-дакы-Ø.*
собраться-PtFut слово-2 иметься-ProbAor-s3.
Мэ-т-ва.
положить-impo2-Emph
— *Нерˈ* *яля-ˈ* *сэдора-баˈ-н* *вэя-ˈ*
прежде день-Gen шить-VAcond-1 кровь-Gen
тэс-ˈе *няр′* *сюра* *хаˈмы-ць.*
капля-Augm три кружиться упасть.AorRfl-r3.Praet
Тикы-м′ *манэ-са-ˈма-да-н* *пи-н′*
Этот-Acc увидеть-VDNRes-El-1 снаружи-Lat
тарпы-ва-ць. *Ибаде* *яд* *париденя* *тир*
выйти.AorRfl-r1-Praet южный земля-El черный туча
танэ-й-ˈ, *мал-да* *ягу-Ø.* *Тарця-м′*
подняться-Aor-Rfl-r3 конец-3 не.иметься-Aor.s3 такой-Acc
манэ-паˈ-н *ни-сьты-Ø* *сава* *а-ˈ.*
видеть-VAcond-s1 Neg-Hab-s3 хорошо быть-Conn
‘— У тебя, наверное, есть слово, которое хочешь сказать. Скажи его.
— Когда я днем шила, три капли крови, кружась, упали. Увидев это, я вышла на улицу. С южной стороны поднялось черное облако, у него не видно было конца. Когда я такое вижу, бывает плохо’ [ЭПН: 219].

торое время до их разговора, а не непосредственно перед ним). Тем не менее, несмотря на «аспектуальные» факторы, диктующие употребление формы прошедшего времени, в данном случае перевешивают прагматические факторы, располагающие к употреблению аористной формы.

В примере (33) ниже оппозиция аористных форм и форм прошедшего времени является прагматически очень яркой. Именно при помощи этих глагольных форм актуализуется отмеченное выше противопоставление обсуждения и описания:

(33) — *Ня-м-да′* *ня′м-′* *ни-Ø-ра′*[1]. *Амгэ*
товарищ-Acc-2Pl догнать-Conn Neg-Aor-o2Pl. Что
тэ′л-пи-ра′[2]*?* *Хада-ва-н′*
придавить-Dur.Aor-o2Pl? Убить-NDVIpfv-Lat
харва-Ø-ра′-м[3]*?* *Сид-да′* *мание-Ø-ма-зь*[4]*:*
хотеть-Aor-o2Pl-Emph? PronAccPl-2Pl увидеть-Aor-o1-Praet
ня-да′ *удо* *пару-пи-да-ць*[5]
товарищ-Gen2Pl след[-AccPl] обойти-DurAor-s2Pl-Praet
(обойти-DurAorOpl-opl2Pl-Praet)
‘[Меня не догнали. Я замертво упала на дрова, которые лежали около двери. Девушки, бежавшие за мной, все упали на меня. ⟨…⟩ Пазрана Не, Яйрана Не вскочила. Этих девушек она всех стукнула по головам. Она сказала:]
— Вы ведь не догнали[1] подругу. Почему вы на нее легли[2]? Вы хотите[3] ее убить? Я всё видела[4]: вы обходили следы вашей подруги’ [ЭПН: 275].

Коммуникативная цель тех высказываний, в которых употреблен в (33) аорист ([1] и [2]) — не сообщить девушками информацию об их собственных действиях, а осудить эти действия как неправильные. Форма прошедшего времени от перфективного глагола используется в следующем предложении ([3]). Очевидно, что общая коммуникативная цель этого высказывания иная: не прямое осуждение их действий, а именно *сообщение им определенной информации* — о том, что она видела их нечестную игру. Таким образом, именно различные коммуникативные намерения регулируют в данном случае употребление аориста (обсуждение) и прошедшего времени (сообщение)[14].

В примере (34) ниже также хорошо видно указанное противопоставление: к сфере обсуждения относится только вопрос ‘Ты

[14] Это противопоставление дублируется тем, что фрагмент, содержащий описание, занимает ретроспективную позицию по отношению к фрагменту, содержащему обсуждение — в связи с этим см. ниже про использовании прошедшего времени в функции комментария.

не сломала нарты?’, и именно он содержит форму аориста [1], все прочее относится к сфере описания — соответственно, используется цепочка форм прошедшего времени [2–4]:

(34) — *Хану-д* *малье-ˈ* *ни-Ø-д*$_{[1]}$*?* *Яха-мˈ*
нарта-Acc.2 сломать-Conn Neg-Aor-s2$_{[1]}$? Река-Acc
хо-Ø-ваˈ-циˈ-нёˈ$_{[2]}$. *Нюдя* *Тасиний*
найти-Aor-s1Pl-Praet-Emph младший PN
*хаи-Ø-сь**[3]**.* *Мань* *ма-Ø-ма-зь**[4]**:*
остаться.Aor-s3-Praet я сказать-Aor-s1-Praet
«Си-т *лэдбу-вазь* *хаё-дакы-Ø».*
PronAcc-2 караулить-Sup остаться-ProbAor-s3.
‘— Ты не сломала$_{[1]}$ нарты? Мы ведь переезжали$_{[2]}$ реку. Младший Тасиний остался$_{[3]}$. Я подумала$_{[4]}$: «Он, наверное, остался для того, чтобы караулить тебя»’ [ЭПН: 269].

Следующий пример также является микронарративом, составляющим диалогическую реплику. Этот микронарратив организован при помощи трех форм: аориста, инферентива и прошедшего времени. В этом микронарративе ситуации также делятся по уже знакомому принципу на те, которые имеют текущую релевантность и те, которые являются простой констатацией фактов более или менее далекого прошлого. Этот пример интересен тем, что ситуации, имеющие текущую релевантность, в нем относятся к двум планам: с одной стороны, это ситуации, релевантные для говорящего — а именно, те ситуации, которые касаются его сына. Во-первых, это глагольная форма [6]: ‘сын безоленного старика приехал сюда’. Несмотря на то, что ситуация является нерезультативной в силу того, что юноша уехал дальше, причем довольно давно, эта ситуация сохраняет для старика-отца релевантность, так как именно с приезда юноши, который позвал с собой сына говорящего, и начались все беды старика. Во-вторых, это глагольная форма [10]: ‘мой сын уехал (и после пропал)’ — комментировать релевантность этой ситуации для старика-отца излишне. К другому плану относятся ситуации, релевантные для слушающего: в сущности, реплика старика является ответом на фразу девушки о том, что она не знает рода своего отца, и в реплике старика рассказ о судьбе собственного сына является только прелюдией к той части микронарратива, которая относится собственно к судьбе отца девушки. Поскольку о его судьбе

говорящему известно с чужих слов, он пользуется формой инферентива ([13], [14], [15] и [16]). Поскольку инферентив также может оформляться показателем прошедшего времени, отсутствие этого показателя уравнивает данные употребления инферентива с точки зрения текущей релевантности с формами аориста. Таким образом, в примере (35) прошедшее время используется для простой констатации фактов с перфективными глаголами [5, 8], с имперфективными прошедшее время выражает дополнительный антирезультативный компонент, ср. [1, 3, 4, 7][15]. Ситуации, сохраняющие текущую релевантность, описаны в случае прямой засвидетельствованности формой аориста [6, 9], в случае косвенной засвидетельствованности — формой инферентива [13, 14, 15, 16], употреблены также две формы пробабилитива [11 и 12]:

(35) — *Ехра-Ø-м′,* *нися-н* *тэз-да* *амгэ*
не.знать-Aor-s1 отец-Gen1 род-3 что
э-б-та. *Нися-в* *тэри* *тэ-сь-да*
быть-VACond-3. Отец-1 просто олень-CaritVerb-PtPraes
вэско-ва *пэр-цеты-до′.*
старик-Emph держать-Hab-o3.
— *Авхонда* *тэ-сю-′* *вань-ся-Ø*$_{[1]}$.
когда-то олень-CaritVerb-Conn NegEmph-Praet-s3[16]
Тикы-′ *ню-н* *э-вэ-н-нё′*$_{[2]}$. *Авнада*
Тот-Gen ребенок-Pred2 быть-Infer-s2-Emph раньше
я-′ *ни-мня* *тэта-Ø-сь*$_{[3]}$.
земля-Gen на-Prol оленевод-Pred3-Praet
Ваде-та-т *вэско-т* *хасва* *ню-да*
говорить-PtPraes-2 старик-2 мужчина ребенок-3

[15] Отмечу, что актуальная для слушающего ситуация в прошлом (которая при этом не имеет антирезультативного компонента), выраженная имперфективным глаголом [13], маркирована только показателем инферентива, без показателя прошедшего времени, хотя сам по себе инферентив от имперфективных глаголов обозначает синхронную моменту наблюдения ситуацию и передает в этом случае только адмиративное значение (ср. [2]), так что вне контекста эта фраза должна пониматься как ‘он, оказывается, не хочет умирать’.

[16] У эмфатического отрицательного глагола сохраняется старая форма прошедшего времени, морфологически идентичная интеррогативу у остальных глаголов.

тане-Ø-сь[4]. *Хаглави-′ я-н′ неду-вазь*
иметься-Aor.s3-Praet PN-GenPl земля-Lat жениться-Sup
хая-Ø-сь[5]. *Тюкова ту-′ ни-Ø-в′*[6].
уйти.Aor-s3-Praet сюда приехать-Conn Neg-Aor.s3-Emph
Мань′ апой ню-ми-зь[7]. *Апой ню-й′*
мы.Du один сын-1Du-Praet один сын-Acc1Du
хана-Ø-сь[8]. *Мань′ ни-я-зь*
увести-Aor.s3-Praet мы.Du Neg-Opt-s1Du.Praet
эдра-бю-′, *хая-Ø*[9]. *Тенад ягу-Ø-′*[10]
отпустить-Dur-Conn уйти.Aor-s3 теперь не.иметься-Aor-s3Du
ха-накэ-′[11]. *Тадикэд ню-дя ха-вакы-Ø*[12].
умереть-ProbAor-s1Du потом сын-3 умереть-ProbInfer-s3
иле′мя-м-да *Хаглава-′ тана-вэ-до′*[13].
домашний.олень-Acc-3 PN-Pl увести-Infer-o3.
Ха-ва-н′ *ни-вы-Ø* *харва-′*[14].
умереть-NDVIpfv-Lat Neg-Infer-s3 хотеть-Conn
туё′-мы-Ø[15]. *Ты-да* *сэв-та*
покориться-Infer-s3. Олень[-Acc]-3 глаз-GenPl3
сыр-ць *хана-вы-до′*[16].
смотреть-VAinf увести-Infer-o3Pl

‘— Я не знаю рода моего отца. Моего отца называют безоленным стариком.

— Он не всегда был безоленным[1]. Ты, оказывается[2], его дочь. Раньше он был богатым оленеводом[3] земли. У старика, о котором ты рассказываешь, был[4] сын. Его сын уехал[5] за женой в землю Хаглава. Он приехал[6] сюда. У нас был[7] один сын. Сын этого старика увез[8] нашего сына. Мы не отпустили бы, но он уехал[9]. Их до сих пор нет[10], наверное, они умерли[11]. Потом у этого старика, наверное, умер[12] сын. Хаглава угнали[13] его оленей. Этот старик не захотел умереть[14], он попросил пощады[15]. Его оленей увели[16] у него на глазах’ [ЭПН: 303].

В следующем примере (36) также четко видно выделение при помощи аориста прагматически значимой информации. В ответной реплике девушки прошедшим временем маркированы те ситуации, которые не относятся к коммуникативному фокусу. Важен не сам факт того, что Младший Ябтонэ послал девушку к великану Пыряти, а то, по какой причине он послал ее: именно те

ситуации, которые являются причиной этого действия, описаны аористными формами [2]–[4]. Точно так же, глагол речи *мась* ‘сказать’ важен не сам по себе как обозначение ситуации речевого акта: он используется только для передачи чужих слов, и прагматически важна та информация, которая заключена в этих словах:

(36) *— Не ацекы, Ябтоӈэ-′ папа,*
женщина молодой.человек PN-Gen младший.сиблинг
а тэв-вэ-н!
далеко достичь-Infer-r2
— Пырити сюдбя, си′-м нюдя Ябтоӈэ
PN великан PronAcc-1 младший PN
эдара-Ø-сь[1]. Нюдя Ябтоӈэ няр′ я-′
послать-Aor.s3-Praet младший PN три земля-Gen
сюдбя-′ пя-′ ни-Ø-до-м′[2]. Сид-на′
великан-Pl начать-Conn Neg-Aor-s3Pl-Emph PronAccPl-1Pl
хада-Ø-′[3]. Нюдя Ябтоӈэ выдара
убить-Aor-s3Pl Младший PN ослабевать
пя-Ø[4]. Пыда таре-м′ ма-Ø-сь:
начать-Aor.s3 Pron3 тот-Acc сказать-Aor.s3-Praet
«Ар-цод-да-н ни-никы-Ø ту-т-′.»
помочь-NInstr-Dest-1 Neg-ProbAor-s3 прийти-Fut-Conn
‘— Девушка, младшая сестра Ябтонэ, ты далеко заехала.
— Великан Пыряти, меня послал Младший Ябтонэ. На Младшего Ябтонэ напали великаны трех земель. Они напали на нас. Младший Ябтонэ стал ослабевать. Он так сказал: «Не придет ли мне помогать [великан Пыряти]»’
[ЭПН: 405].

Рассмотренная серия примеров иллюстрирует те факторы, которыми обусловлено противопоставление аориста и прошедшего времени в микронарративах, составляющих диалогические реплики. Во всех этих примерах был очевиден «скачок» прагматической значимости при переходе от форм прошедшего времени к формам аориста. Тем самым, разбор примеров (28)–(36) позволил, как можно надеяться, показать семантику и коммуникативную нагрузку аориста и прошедшего времени в рамках этих реплик.

Суммирую то, что можно сказать о значении этих форм. Семантика аористных форм, как и семантика форм прошедшего времени, проявляется в нескольких планах: аспектуальном, темпоральном и прагматическом. В аспектуальном плане семантика аориста проявляется в том, что он используется для описания событий, результирующая фаза которых сохраняется в момент речи. Темпоральное значение аориста непосредственно связано с его аспектуальной семантикой: сохранение результирующей фазы в момент речи чаще всего подразумевает, что событие произошло относительно недавно. Соответственно, аорист часто соотносится с ситуациями, отделенными от настоящего момента незначительным промежутком времени. Однако следует подчеркнуть, что аорист не специализируется на выражении временной референции; это значение реализуется как импликатура аспектуального значения текущей релевантности. Говоря об аспектуальной и темпоральной семантике аориста, как кажется, уместно вспомнить понятие «расширенного настоящего», которое некоторые исследователи предлагают использовать для описания семантики перфекта. Как уже говорилось, самодийский аорист характеризуется тем, что он передает значение настоящего времени у имперфективных глаголов и значение прошедшего времени — у перфективных. Если пытаться предложить для форм такого типа единое описание, без разделения употреблений на две группы в зависимости от аспектуальных характеристик глагольной основы, то именно понятие «расширенного настоящего» кажется очень подходящим: самодийский аорист описывает либо ситуации в настоящем времени, либо ситуации в недавнем прошлом, непосредственно «примыкающие» на временной оси к моменту речи.

Как было показано, есть достаточно широкий круг контекстов, в которых употребление аориста и прошедшего времени невозможно объяснить ни с опорой на аспектуальную, ни с опорой на темпоральную семантику. Именно эти употребления целесообразно рассматривать как прагматически обусловленные. Прагматически обусловленные употребления аориста и прошедшего времени в конечном итоге также связаны с наличием либо отсутствием текущей релевантности, однако это понятие в данном случае приложимо не к внутренней, аспектуальной

структуре ситуации, а к ранжированию коммуникативной значимости предикаций.

Прагматически обусловленные употребления рассматриваемых форм удобно разделить на две группы. В первую попадают такие контексты, в которых аористные формы образуют с формами прошедшего времени единую нарративную цепочку. В этом случае аорист используется для обозначения ситуаций, которые обладают внутри нарратива **повышенной значимостью** с точки зрения говорящего (при этом одни ситуации могут быть значимы для говорящего, а другие, с его точки зрения, для слушающего, напомню пример (35)). В ряде случаев эта повышенная значимость ситуации связана с важностью описываемого события, имевшего более или менее сильное влияние на жизнь говорящего. В частности, именно такие события, как уже говорилось, он может описывать с определенной долей эмоциональности. В других случаях повышенная значимость ситуации не обусловлена экстралингвистическими факторами, а определяется внутри данного коммуникативного акта. Так, было показано, что в том случае, если проанализированные примеры представляли собой микронарративы, составляющие в рамках диалога ответ на определенный вопрос, формами аориста в рамках этого повествования выделялись те ситуации, которые являлись наиболее непосредственным ответом на заданный вопрос. Таким образом, текущая релевантность события с прагматической точки зрения часто определяет коммуникативными намерениями говорящего. В зависимости от различных коммуникативных намерений одна и та же ситуация может быть описана как имеющая текущую релевантность или как не имеющая таковой.

Во вторую группу прагматически обусловленных употреблений аориста и прошедшего времени попадают такие контексты, в которых прошедшее время и аорист не составляют единой нарративной цепочки и противопоставлены по линии *описание*, или простая передача информации (прошедшее время) vs. *обсуждение*, или обозначение тех событий, на которые собеседники должны отреагировать определенным образом, как минимум эмоционально, а, нередко и действием, совершая дальнейший поступки с учетом этих событий (аорист).

В серии микронарративов (28)–(36) аорист на первый взгляд выглядит как прагматически маркированная форма, а прошедшее время — как прагматически нейтральная форма, маркирующая «дефолтный» режим повествования. Однако, парадоксальным образом, прагматическая асимметрия этих форм ориентирована диаметрально противоположным образом. А именно, в ненецком языке в нарративах — как в фольклорных, так и в персональных — прошедшее время никогда не используется как основная повествовательная форма; эту функцию выполняет аорист. Поскольку нелепо было бы считать, что исключением из этого правила являются только рассмотренные микронарративы, составляющие распространенные диалогические реплики, следует признать, что функцией прошедшего времени в данном случае не является функция организации нарратива. Следует говорить о том, что для диалога, который в целом всегда (ср. хотя бы коммуникативные постулаты Грайса) ориентирован на *обсуждение* релевантных для собеседников ситуаций дефолтной является именно форма аориста, которая, как уже было показано, как раз и ориентирована на режим *обсуждения*. Таким образом, прагматически маркированным является употребление в диалоге именно прошедшего времени: оно используется для «подавления» коммуникативной значимости информации об описываемых ситуациях. По сути прошедшее время маркирует отступление от непосредственного обсуждения, расширенный до формата микронарратива комментарий, представляющий собой *описание* определенных событий в прошлом. Ключевым в данном случае оказывается, что выяснение / сообщение этой информации не является целью диалога и, тем самым, не вполне совпадает с коммуникативными намерениями собеседников.

Ниже будут приведены примеры, которые более ярко раскрывают указанную особенность семантики прошедшего времени. Эти примеры также представляют собой диалогические реплики. Однако до сих были рассмотрены диалогические реплики особого рода — реплики, содержащие микронарративы. Однако реплики могут быть и существенно более краткими, не включающими нарративную цепочку. Контрастивный анализ подобных примеров также иллюстрирует действие уже описанных семантических механизмов, регулирующих выбор аориста либо прошедшего времени.

4.3. Конкуренция аориста и прошедшего времени в диалогах-обсуждениях

Есть достаточно яркая пара примеров, которая иллюстрирует противопоставление аориста и прошедшего времени в диалогическом регистре. Приведенные ниже примеры (37) и (38) являются диалогами, относящимися к одной и той же ситуации: у женщины сломалась нарта. Первый диалог (37) — это диалог женщины с ее мужем, он происходит непосредственно в том месте, где сломалась нарта. В этом диалоге используются формы аориста [1] и [2], что вполне ожидаемо для обозначения ситуаций, обладающих текущей релевантностью (причем здесь текущая релевантность имеет наиболее яркое аспектуально-темпоральное «обоснование»: ситуация произошла непосредственно перед моментом речи и ее результирующая фаза сохраняется в момент речи):

(37) — *Амгэ-р* ***хадкэ-Ø****?*
что-2 случиться-Aor-s3
— *Хану-в* ***мали-Ø****, лабце я'мы-'.*
нарта-1 сломаться.Aor-s3 держаться не.мочь.AorRfl-r3
'— Что у тебя **случилось**?
— Нарта **сломалась**, не держится' [ЭПН: 276].

В следующем примере диалог, относящийся к той же ситуации, происходит позже, когда женщина, у которой сломалась нарта, уже догнала едущих впереди. Этот разговор происходит не на месте поломки, а постфактум, уже, так сказать, после ликвидации проблемы. Диалог в (38) начинается с реплик, которые фактически совпадают с первыми репликами диалога в (37), в них употребляются те же глаголы, но оформленные показателем прошедшего времени, а не аориста. Объяснить употребление прошедшего времени в данном случае, как кажется, не представляет труда: если в (37) аорист соотносится с ситуациями, результирующая фаза которых сохранялась в момент речи, то в (38) однозначно оценить результирующую фазу несколько сложнее. Безусловно, в данном примере не выражено значение антирезультатива — иными словами, прошедшее время здесь не маркирует контраста ситуации в прошедшем с ситуацией в настоящем, что подразумевало бы, в частности, прекращение результирующей фазы к моменту речи. Тем не менее, можно, безусловно, говорить о том, что в узком ас-

пектуальном понимании результирующая фаза ситуации в (38) до момента речи не продолжается (в момент разговора двух женщин они не стоят у сломанной нарты, которая требует починки):

(38) — *Евазадако-в, амгэ-р* ***хадкэ-са-Ø****?*
миленький-1 что-2 случиться-Interr-s3?
Ня-на′ пон′ мэ-Ø-н.
c-LatAdv.1Pl долго собираться-Aor-s2
— *Хану-в* ***мали-Ø-сь****.*
нарта-1 сломаться.Aor-s3-Praet
‘— Моя миленькая, что у тебя **случилось**? Тебя очень долго не было.
— У меня **сломалась** нарта’ [ЭПН: 276].

Однако такое «удобное» противопоставление аориста и прошедшего времени, не выходящее за рамки аспектуально-темпоральных оппозиций, можно видеть далеко не всегда. Самым трудным для описания оказывается тот факт, что прошедшее время может соотносится с ситуациями, результирующая фаза которых имеет место в момент речи. Относительно просто можно объяснить выбор между аористом и прошедшим временем в следующей паре примеров, где обе этих формы относятся к ситуации, результирующая фаза которой сохраняется в момент речи. В этих примерах представлены два очень близких по содержанию диалога. Тем не менее, первый диалог происходит непосредственно после приезда оленевода Хаторо и произнесенная им реплика фактически содержит два утверждения а) ‘да, я приехал’ и б) ‘приехал для того, чтобы посмотреть, как вы живете’:

(39) — *Хаторо тэта, тев′ тэв-вэ-н!*
PN оленевод приехать достичь-Infer-s2
— *Тев′ тевы-в′. Юнси′*
достичь достичь.AorRfl-r1. Без.вести
иле-вог-да-на′ сид-да′ вэду-мазь
жить-???-PtPraes-Gen1Pl PronAccPl-2Pl навестить-Sup
то-Ø-м′*.*
приехать-Aor-s1
‘— Оленевод Хаторо, ты приехал сюда!
— Приехал сюда, чтобы знать, как вы живете, я **приехал** вас навестить’ [ЭПН: 461].

В (40) приехавший мужчина говорит фактически о том же самом — о том, что он приехал, чтобы посмотреть, как живут его собеседники. Тем не менее, существенное отличие от ситуации в (39) состоит в том, что он уже достиг цели своего приезда — его реплика открывается фразой ‘Вы хорошо живете’; напротив, в (39) он еще не успел составить себе мнение о том, как обстоят дела у его собеседников:

(40) *Тикы то-вы хибя-ри пыда ма-мано-да:*
тот приехать-PtPraet кто-Lim Pron3 сказать-Aud-3
— *Теда-ри′ со′ иле-вэ-да′. Сид-да′*
теперь-Lim хорошо жить-Infer-s2Pl PronAcc-2Pl
вэдо-мазь ***то-Ø-ма-зь,*** *хурка-ва*
навестить-Sup прийти-Aor-s1-Praet какой-Emph
иле-ва-м-да′ *манэ′-мазь.*
жить-NDVIpfv-Acc-2Pl увидеть-Sup
‘Тот приехавший человек, слышно, говорит:
— Пока вы хорошо живете. Я **приехал** навестить вас, посмотреть, как вы живете’ [ЭПН: 347].

Тем самым, мы наблюдаем следующее противопоставление: ситуация приезда актуальна, пока не достигнута цель приезда — в противном случае говорящему уже незачем оставаться здесь дальше, и актуальность его приезда тем самым как бы аннулируется. Таким образом, противопоставление аориста и прошедшего времени в данном случае передает именно это противопоставление актуальности ~ неактуальности, и то, что результирующая фаза ситуации (приехал и **находится здесь**) в момент речи сохраняется, не играет роли. Интересно, что и в переводе в (40) допустима замена формы совершенного вида *я приехал* на форму несовершенного вида *я приезжал*, тогда как в (39) такая замена невозможна.

Но имеются и более сложные случаи, в которых ситуация с сохранением результирующей фазы может быть описана как аористом, так и прошедшим временем. Так, в примерах (41) и (42) ниже приводятся два диалога, относящихся к одной и той же ситуации. Результирующая фаза ситуации ‘приехать’ (= ‘находиться здесь в момент речи’) в обоих случаях имеет место. Более того, эти два диалога происходят непосредственно друг за дру-

гом, так что время, отделяющее ситуацию от момента речи, также не может играть здесь определяющей роли. Тем не менее, в (41) ситуация приезда обозначена аористными формами [1] и [2] (в вопросе) и [3] (в ответной реплике):

(41) *— Нюдя Тасиний, пыр э-дакэ-н?*
младший PN ты быть-ProbAor-2
Мядо-ма-′ е′мня′ ***то-Ø-ди-м′***[1],
гостить-NDVIpfv-Gen для приехать-Aor-2Du-Emph
ань ***хуны-ди-м′***[2]*?*
еще убежать-AorRfl-2Du-Emph?
— Хаця′ хун-ва-′ тарув′ ***то-Ø-нь′***[3].
едва убежать-NDVIpfv-Gen используя прийти-Aor-s1Du
Я мадал-й-′ пыра′ я-да′ ед′.
земля разрезать-AorRfl-r3 вы земля-2Pl на.
‘— Младший Тасиний, это ты? Вы **приехали**[1] в гости или вы **сбежали**[2]?
— Мы **приехали**[3] почти крадучись. Против вашей земли поднялись[4] войска’ [ЭПН: 277].

А в примере (42) те же ситуации обозначены в вопросе инферентивной формой [1] (употребление инферентива обусловлено тем, что говорящая не наблюдала лично приезд своей собеседницы), а в ответе — формой прошедшего времени [2].

(42) *— Сава ни-нэкэ-дь′ ту-′. Апой*
хороший Neg-ProbAor-s2Du прийти-Conn один
хан-хана то-вэ-дь′[1]. *Сава-ва мяду-мазь*
нарта-Loc прийти-Infer-s2Du хороший-Emph гостить-Sup
эдра-вэ-дь′ э-ба-ть′ сидя
отправить-PtPraet-2Du быть-VAcond-2Du два
хана-рь′ э-гу-Ø-сь.
нарта-2Du быть-Fut-s3-Praet.
— Хаце′ тале-ва-′ тарув′
едва воровать-NDVIpfv-Gen используя
то-Ø-ни-зь[2]. *Мюду-в* ***хаи-зь***[3].
прийти-Aor-s1Du-Praet аргиш-1 оставить.AorRfl-r3.Praet
Мюд-′ пува ***эдра-Ø-ва-сь***[4].
аргиш-Gen[Pl] позади отправить-Aor-o1-Praet

‘— Вы, наверное, приехали не с хорошими вестями. Вы приехали[1] на одной нарте. Если бы вас отправили в гости по-хорошему, вы приехали бы на двух нартах.
Я сказала:
— Мы **приехали**[2] почти крадучись. Мой аргиш **остался**[3]. Я **отправила**[4] его за аргишами’ [ЭПН: 278].

В данном случае ситуация ‘мы приехали почти крадучись’, имея одинаковые аспектуальные и темпоральные характеристики, тем не менее, маркируется в двух примерах различными глагольными формами. Таким образом, причины следует искать опять в сфере прагматики. Действительно, описание одной и той же ситуации включается в этих двух примерах в высказывания, имеющие разные коммуникативные цели. С одной стороны, в (41) описание этой ситуации а) является для слушающего новой информацией (он спрашивает, приехали ли Тасиний с женой в гости или украдкой) и б) цель этого высказывания в целом — оповестить о приближающейся опасности, ср. вторую фразу реплики ‘против вашей земли поднялись войска’. Таким образом, в целом это высказывание ориентировано на то, чтобы передать информацию, релевантную при планировании дальнейших действий. С другой стороны, в (42) эта же ситуация а) не представляет для слушающей новой информации (ее реплика, открывающая диалог, показывает, что она в курсе того, что ее собеседница с мужем приехали на одной нарте и, более того, понимает, что если бы они уехали не украдкой, у них были бы две ездовые нарты и аргиш) и б) высказывание, составляющее ответную реплику, служит **описанием** того, как именно говорящая с мужем тайно уехали — тем самым, это высказывание не имеет текущей релевантности в том смысле, что оно не ориентировано на передачу информации, которую следует учитывать при планировании дальнейших действий.

Тем не менее, остается открытым один важный вопрос. Как было показано выше, текущая релевантность является сложным понятием, реализующимся на разных уровнях: аспектуальном, темпоральном и прагматическом. В каком смысле можно говорить о том, что ситуации в (42) не обладают текущей релевантностью? Если понимать текущую релевантность в прагматической трактовке как важность информации для собеседников, говорить

об ее отсутствии кажется нонсенсом: если один собеседник спрашивает у другого, что произошло, то, очевидно, он считает, что была запрошена релевантная информация — в противном случае сам факт диалога нарушил бы постулат релевантности П. Грайса («говори о том, что в данный момент имеет отношение к делу»). Таким образом, понятие релевантности должно быть каким-то образом сужено — от грайсовского понимания, в котором любой коммуникативный акт не содержит нерелевантной информации — к прагматически более узкому, позволяющему разграничить употребление двух грамматических форм.

Кажется, достаточно продуктивным было бы то понятие текущей релевантности, которое было предварительно уже обозначено выше: текущую релевантность имеет такая ситуация, которую говорящий либо сам собирается учитывать в своих дальнейших планах, либо призывает собеседника принять эту ситуацию во внимание при планировании дальнейших действий. Рассмотрим подробнее такие контексты. Чтобы текущая релевантность ситуации в прошлом была наиболее очевидна, были выбраны такие примеры из диалогов, где текущая релевантность эксплицитно обозначена в контексте. Если ситуация имеет а) текущую релевантность, б) результирующая фаза ее сохраняется в момент речи и в) ситуация произошла незадолго до момента речи, то, казалось бы, сочетание трех этих условий должно однозначно предопределять употребление аористной формы. Таких примеров, действительно, немало, см (43–46). Как уже говорилось, во всех примерах из контекста видна текущая релевантность события в прошлом — а именно, эксплицитно обозначена обусловленная этим событием ситуация в настоящем или в будущем. Такие элементы контекста выделены разрядкой:

(43) *— Теда′ не вато-та мири*
теперь женщина условие-GenPl.3 цена.AccPl
ёльце-Ø-ва′, *тюн-Øна′ ся′*
закончить-Aor-s1Pl, свадьба-Pl.1Pl когда
э-го-б′на-до′?
быть-Fut-VACondFut-1Pl?
‘— Теперь мы о цене женщины **договорились** (с приехавшими), а когда мы будем справлять свадьбу?’ [ЭПН: 513].

(44) — *Мани′ а-т* ***ту-р-ӈа-ни′,*** *тикэд*
мы.1Du далеко-ElAdv прийти-Iter-Aor-s1Du потом
сяха′ ту-та-ни′? *Тюн-на′ те-да′*
когда приехать-Fut-s1Du? Свадьба-Pl.1Pl теперь
мэ-п′-на′ *хурка э-б-та?*
быть-VACond-1Pl как быть-VAcond-3
‘— Мы **приехали** издалека, потом когда мы еще сумеем приехать? Что если мы теперь справим свадьбу?’ [ЭПН 513].

(45) — *Нюдя Сюхуний, таӈок илебя-м′*
младший PN так.много домашний.олень-Acc
та-Ø-дь′, *маня′ ты-на′*
привести-Aor-s2Du, мы домашний.олень-1Pl
ока-′. *Сёбя$_1$ Сэр$_2$-′ ня хар-ти′*
много[-Pred]-s3Pl PN$_{1,2}$-Gen с свой-2Du
эсы-н′ *хан-та-накэ-дь′.*
стобище-LatPl уйти-Fut-ProbAor-s2Du
‘— Младший Сюхуний, вы много оленей **привели**, и у нас оленей много. Вы с Сёбя Сэр станьте отдельным стойбищем’ [ЭПН: 251].

(46) — *Еваз ий-ко, Хаби$_1$ Ерво$_2$ О′ма$_3$, тюку′*
милый зять-Dim PN$_{1,2,3}$ этот
вади-на′ ***ни-Ø-ду-в′*** ***намдор-′,*** *хуна*
слово.AccPl-1Pl Neg-Aor-s2-Emph слышать-Conn где
мэ-ва-′ *пир не-м′,*
взять-NDVIpfv-Gen высота женщина-Acc
не-м′ *тенева-Ø-н?*
женщина-Acc знать-Aor-s2
‘— Милый зятюшка Хаби Ерв Ома, ты **слышал** [вот этот] наш разговор, может, ты знаешь, где есть женщина, которую можно взять [в жены]?’ [ЭПН: 517].

Однако есть достаточно количество примеров, где ситуации, имеющие текущую релевантность, произошедшие непосредственно до момента речи и сохраняющие в момент речи результирующую фазу описываются формой прошедшего времени, ср. (47–51):

(47) *Тэри мядо-ма-′ е′мня′ маня′*
просто гостить-NDVIpfv-Gen для мы
мя-к-на′ то-да′. Не-м′
чум-Lat-1Pl прийти-imps2Pl женщина-Acc
та-Ø-ва-ць *ани я-д.*
привезти-Aor-s1Pl-Praet другой земля-Lat.
Тюня-′ хазуй-ӈэ мяду-да-да′.
Свадьба-Gen замена-Ess гостить-Fut-s2Pl.
‘Приезжайте в гости в наш чум. Мы **привезли** женщину из другой земли. Вместо свадьбы будете угощаться’ [ЭПН: 272].

(48) *Нюдя Яригэця, уда-сяда ям-гана*
Младший PN след-CaritAttr море-Loc
май-зи′ ха-гу-н. Си-т сюри′
мука-CaritAdv умереть-Fut-s2 PronAcc-2 нарочно
хана-Ø-ва-ць. *Май-зи′ ха-гу-н.*
увезти-Aor-s1Pl-Praet Мука-CaritAdv умереть-Fut-s2
‘Младший Яригэця, в безлюдном море ты без мук умрешь. Мы **увезли** тебя нарочно. Ты умрешь без мук’ [ЭПН: 319].

(49) *Мя-ту-в мяра-Ø-нь′. Пазрана*
Чум-Dest-1 поставить.чум-Aor-s1Du PN
не ма-Ø:
женщина сказать-Aor.s3
— *Мядда-′* ***то-Ø-ць.*** *Мя-ква-н′*
гость-Pl прийти-Aor-s3Pl.Praet чум-Emph-Lat
хан-та-м′. ***Мя′-м эвды-Ø-сь.***
пойти-Fut-s1 чум-1 быть.в.состоянии.покоя.Aor-s3-Praet
Мяр-вы мя-ква-на хар-т
поставить.чум-PtPraet чум-Emph-Loc сам-2
ни-Ø-ну-в′ тода-гу-′.
Neg-Aor-s2-Emph развести.огонь-Fut-Conn.
‘Мы [двое] поставили для меня чум. Пазрана не сказала: — **Приехали** гости ко мне. Я пойду в свой чум. Мой чум не **кочевал**. В поставленном [для тебя] чуме сама разожжешь костер’ [ЭПН: 273].

(50) — *Хаби*$_1$ *Ерво*$_2$ *О'ма*$_3$, *айбад-ха*
PN$_{1,2,3}$ мясо.для.еды.в.сыром.виде-Emph
табада-Ø-ць, *хурка-м'*
потребовать-Aor-s3Pl.Praet, какой-Acc
та-го-б'на-н?
привести-Fut-VACondFut-s1?
'— Хаби Ерв Ома, меня **послали** за оленем в стадо, какого мне привести?' [ЭПН: 514].

(51) — *Тэмда-сь тэмда-вэ-до'*$_{[1]}$, *ий-ӈэ*
купить-VAInf купить-Infer-s3, зять-Ess
хае-вэ-до'$_{[2]}$. *Мина-ць* ***хая-ць***$_{[3]}$.
оставить-Infer-s3Pl быстрым.быть-VAInf уйти.Aor-s3Pl.Praet
'— Купить купили ее, брата своего оставили зятем. Они **кочевали**, не останавливаясь' [ЭПН: 268].

Несмотря на значительное сходство с примерами (43–46), примеры (47–51) отличают определенные прагматические характеристики тех ситуаций, которые описаны формой прошедшего времени. Это — пониженная прагматическая значимость этих ситуаций: их обозначение не является коммуникативной целью говорящего, они включены в диалог только как объяснение, информационное подкрепление утверждений о прагматически важных ситуациях. Так, коммуникативная цель (47) — позвать собеседника в гости, а не сообщить о том, что была привезена невеста, коммуникативная цель (48) — раскрыть свой замысел погубить собеседника, а не сообщение о том, что они его увезли (эта информация является, очевидно, избыточной), коммуникативная цель (49) — сообщить о том, что женщина оставит младшую подругу одну в чуме, а не о том, что к старшей женщине приехали гости, коммуникативная цель (50) — спросить у хозяина стойбища, какого оленя следует заколоть, а не сообщить о том, что он выполняет поручение старших и идет за оленем в стадо. И, наконец, коммуникативная цель (51) — сообщить о том, что проезжающие мимо люди заплатили за невесту выкуп, однако, вместо того, чтобы увезти ее с собой, оставили мужчину из своего рода пожить зятем у родни невесты (это повод для насмешек). Коммуникативной целью при этом не является сообщение о том, что проезжающие мимо люди

кочевали, не останавливаясь (вероятно, собеседнику эта ситуация известна, и само по себе сообщение о ней вообще не имеет смысла) — эта ситуация является только основанием для инференции (на основании [3] делается вывод о [1] и [2], поэтому в примере (51) употреблены формы инферентива).

Показательно также, что в (43)–(46) порядок следования предикаций чаще таков: ситуация в прошедшем времени — предопределенная ей коммуникативно значимая ситуация. Напротив, в (47)–(51) в трех примерах из пяти (а именно, в (47), (48) и (51)) мы наблюдаем обратный порядок следования предикаций: коммуникативно значимая ситуация — предопределившая ее ситуация в прошлом. Таким образом, предложение, содержащее прошедшее время, является своего рода дополнением, комментарием. Можно было бы считать, что такая инверсия имеет определенной сходство с плюсквамперфектным значением, и именно этим обусловлено употребление формы прошедшего времени — однако два примера, (49) и (50), в которых прошедшее время употребляется в отсутствие инверсии, показывают, что для употребления прошедшего времени важно именно вынесение ситуации за рамки коммуникативных намерений говорящего.

Далее, можно рассмотреть контексты, в которых ситуация также имеет текущую релевантность, однако важно не сохранение результирующей фазы в момент речи, а сам факт того, что эта ситуация имела место в прошлом. В таких контекстах также возможно употребление аориста:

(52) *Сэротэта вэско, пухця ма-ӈа-′:*
PN старик старуха сказать-Aor-s3Du:
— *Сида-нь′* ***илебте-Ø-н,*** *ню-й′*
PronAccPl-1Du оживить-Aor-o1, ребенок[-Acc]-1Du
я-′ *ыла-д* ***тюл-ӈа-н.*** *Хадри′*
земля-Gen под-El поднять-Aor-o1. Наверняка
хэвя-цо-дда-т *илебте-вэкэ-р.*
находиться.сбоку-NInstr-Dest-2 оживить-ProbInfer-o2.
‘Старик и старуха Сэротэта сказали:
— Ты нас **спасла** от смерти и **достала** из-под земли нашего сына. Видимо, ты оживила его для того, чтобы выйти за него замуж’ [ЭПН: 305].

(53) *Савув-ˈма-да-н* *хада-в* *пилиˈ*
поправиться-NDVRes-El-1 свекровь-1 всегда
тэдор-цеты-Ø, *ма-зьты-Ø:*
ругаться-Hab-s3 сказать-Hab-s3:
Таӈок *ты* ***хада-Ø-н***.
так.много олень[-Acc] убить-Aor-o1
Иле-ва-нˈ *пыр-хор* *харва-вэ-н-нёˈ*.
Жить-NDVIpfv-Lat ты-Emph хотеть-Infer-s2-Emph
‘Когда я поправилась, свекровь меня все время ругает, она говорит:
— Столько оленей ты **убила**. Ты, оказывается, хочешь жить’ [ЭПН: 380].

(54) *— Я-нˈ* *похобэн.* *Э-в* *вэнь-коˈ*
земля-Lat молодец[-Pred]-2 нога[-Acc]-1 собака-LatPl
ни-вэ-р *мис-ˈ.* *Хар-т* ***лабцете-Ø-р***.
Neg-Infer-o2 дать-Conn сам-2 прикрепить-Aor-o2
‘— Ты молодец. Ты не отдал мою ногу собакам. Ты сам **прикрепил** мою ногу’ [ЭПН: 324].

Однако есть немалое количество примеров, когда в таких контекстах употребляется прошедшее время. В приведенных высказываниях прошедшее время, ожидаемым образом, маркирует то, что сообщение информации о данной ситуации не является целью данного высказывания. В частности, и здесь есть несколько примеров, в которых такие ситуации обозначают как бы добавленный постфактум комментарий, так, что наблюдается инвертированный порядок следования предикаций: *ситуация в настоящем, будущем, или, реже, прошедшем — предопределившая ее ситуация в прошлом*, ср. (55–56). Так, коммуникативная цель (55) — узнать, не сломала ли собеседница нарту, коммуникативная цель (56) — упросить собеседника пощадить брата женщины, которой принадлежит эта реплика:

(55) *— Хануд* *малье́* *нид?*
нарта-Acc.2 сломать-Conn Neg-Aor-s2?
Яха-мˈ ***хо-Ø-вaˈ-ци-ˈнёˈ***.
река-Acc найти-Aor-s1-Praet-Emph
‘— Ты не сломала нарты? Нам ведь по дороге **встретилась** река’ [ЭПН: 269].

(56) — *Евазадако-в, нюдя Сэротэта, ня-п*
миленький-1 младший PN товарищ-Acc
нё-р хада-'. Ты-' амя-хат,
NegImp-o2 убить-Conn домашний.олень-Gen молоко-El
вэно-' амя-хат ***вада-Ø-ва-сь***.
собака-Gen молоко-El вырастить-Aor-o1-Praet.
'— Мой миленький Младший Сэротэта, не убивай товарища. Я **вырастила** его на оленьем молоке, на собачьем молоке' [ЭПН 218].

В следующих трех примерах предикации расположены в прямом, неинвертированном порядке: *ситуация в прошлом — мотивированная ей ситуация в настоящем или будущем*. Однако и в данном случае сообщение о ситуациях, маркированных прошедшим временем, не входит в коммуникативное намерение говорящего. Эти ситуации упомянуты только в качестве *аргумента, обоснования* предложения помочь в деле сватовства (57), предсказания того, что против собеседника, одолевающего говорящего, еще выступят более сильные воины (58) или утверждения о том, что все сложилось бы по-иному, если бы собеседник в свое время прислушался к совету говорящего (59). Таким образом, обозначение этих аргументов не является центром коммуникативного намерения говорящего, и он не стал бы упоминать эти ситуации, если бы ему не надо было бы подкрепить с помощью этой информации то, что он принял то или иное решение.

(57) — *Хаби$_1$ Ерво$_2$ О'ма$_3$, хадри' тэй*
PN$_{1,2,3}$ наверняка тот
я-та'-на' ар-цо-дда-ва'
земля-ElPl-1Pl помочь-NInstr-Dest-1Pl
сода-' ***вань-ся-ва***
взять.с.собой-Conn NegEmph-Praet-s1Pl
пя-гуда-накэ-й'.
начать-Fut-ProbAor-s1Du
'— Хаби Ерв Ома, мы **ведь не взяли** оттуда (из своего стойбища — З. К.) себе помощника, поедем-ка (с нами в чумы Неркхы свататься)' [ЭПН 516].

(58) *Пи-′ яба-н′ пэръ-и-н.*
ночь-Gen продолжительность-Lat держать-AorOpl-opll.
Мал′ хадэ-и-н, апой хаё-вы-Ø —
Весь убить-AorOpl-opl1 один остаться-Infer-s3
Пырити-′ вадара. Я-′ сид′ я-н′
PN-Gen воспитанник Земля-Gen далекий земля-Lat
варилибте-да-Ø. Пыда ма-Ø:
побежать.быстро.семеня.Np-Aor.s3 Pron3 сказать-Aor.s3:
— Нюдя Сэротэта, си′ив я-т
младший PN семь земля-GenPl.2
тер ***хада-′*** ***вань-си-д.***
внутренность[-AccPl] убить-Conn Neg.Emph-Praet-s2
Мал′ иле-Ø-′, ту-та-′.
все жить-Aor-s3Pl прийти-Fut-s3Pl.
‘Я сражаюсь с ними целую ночь. Всех перебил, остался только один воспитанник Пыряти. Он побежал в неизвестном направлении. Он сказал:
— Младший Сэротэта, ты **не убил** жителей семи земель. Они все живы, придут [еще]’ [ЭПН: 217].

(59) *— Сеня* ***ма-Ø-м-зи-нё′:*** *«Мань хану-в*
раньше сказать-Aor-s1-Praet-Emph: я санка-1
мэ-′, ты-н мэ-′». Си-т
взять-imps2 домашний.олень-Pl1 взять-imps2 PronAcc-2
тэвра-гу-Ø-ць.
довезти-Fut-s3Pl.Praet
‘— Прошлый раз я **ведь сказала** тебе: «Возьми мою нарту и моих оленей». Они бы тебя довезли’ [ЭПН: 550].

4.4. Прошедшее время в ответах на вопрос

Указанная особенность формы прошедшего времени — маркирование ситуаций, сообщение информации о которых не является центром коммуникативных намерений говорящего — проявляется еще в одном типе употреблений. А именно, прошедшее время часто употребляется в ответах на вопрос — вне зависимости от того, был ли задан сам вопрос с использованием формы прошедшего времени или с использованием формы аориста. Чем это объясняется? Можно заметить одну важную особенность приводимых ниже диалогов, обусловли-

вающую употребление прошедшего времени: ответные реплики всегда содержат информацию, которую говорящий без вопроса-стимула не стал бы сообщать. Таким образом, перед нами, так сказать, *вынужденные* реплики: сообщение этой информации не входит в первоначальные коммуникативные намерения говорящего, и он сообщает об этих ситуациях только потому, что должен ответить на заданный ему вопрос. Итак, сообщаемая в ответных репликах информация не считается говорящим актуальной и сообщение ее не входит в его коммуникативные намерения — именно это маркировано употреблением формы прошедшего времени[17].

---

[17] Очевидно, что далеко не во всех диалогах ответные реплики содержат информацию, сообщение которой является вынужденным в указанном выше смысле: несмотря на то, что информация в любом случае выдается в ответ на вопрос-стимул, отвечающий может считать сообщаемую информацию актуальной и потому входящей в его коммуникативные намерения. Так, в примере ниже с формами аориста говорящий сообщает о том, что он совершил то, что намеревался совершить (в данном случае — разведать, насколько сильны те люди, на которых собираются напасть говорящий и его собеседники):

(i) *— Сидя Эбт$_1$ Яб$_2$ хурка-рха-’?*
два PN$_{1,2}$ какой-Comp[-Pred]-3Du?
Мэбета-рха-’?
Сильный-Comp[-Pred]-3Du?
— Тэри не ня-хва-м-до’ вада-си’
просто женщина товарищ-Emph-Acc-3Pl слово-CaritAdv
та-Ø-до’. *Илебця-дь’* ***хаи-’.***
отдать-Aor-o3Pl домашний.олень-3Pl остаться.Aor-s3Pl
Маня’ ня-на-на’ ты-’
мы к-LocAdv-1Pl домашний.олень-Pl
тара-Ø-’. *Ня-ю-м’*
необходимым.быть-Aor-s3Pl товарищ-Select-Acc
ни-Ø-ва’ ***манэс-’.*** *Хурк хибя*
Neg-Aor-s1Pl видеть-Conn. Какой кто
э-б-та, *хоны-Ø.*
быть-VACond-3 спать.Aor-s3.
‘ — Как себя чувствуют два Эбт Яб? Сильны ли они?
— Сестру-то отдали без слов. У них остались олени. Нам нужны олени. Другого брата мы не видели. Не знаем мы, какой он человек, он спит’ [ЭПН: 270].

(60) — *Хибя-кова э-накэ-н? Си-т ехэра-Ø-м'.*
кто-Emph быть-ProbAor-s2 PronAcc-2 не.знать-Aor-s1
— *Небя-в тадья' хан-' мю-д*
мать-1 только.что нарта-Gen внутри-ElAdv
тюл-ńа-Ø-сь. *Пыда* ***ма-Ø-сь:***
вынуть-Aor-s3-Praet Pron3 сказать-Aor.s3-Praet
«Няка-р ха-сь пя-Ø.
старший.брат-2 умереть-VAInf начать-Aor.s3
Нылану-вазь то-я-Ø пыдар хэ-'мя-да-т».
отдыхать-Sup прийти-Opt-s3 ты уйти-NDVRes-El-2
'— Кто ты? Я тебя не знаю.
— Моя мать только что достала меня из грузовой нарты. Она сказала: «Твой старший брат умирает. Когда ты придешь, пусть он идет отдыхать»' [ЭПН 221].

(61) — *Тамна хабэй-' ни-Ø-н хо-'?*
еще умерший-Acc Neg-Aor-s2 найти-Aor?
— *Тамна апой хальмер-'* ***хо-Ø-ма-зь.***
еще один покойник-Acc найти-Aor-s1-Praet
Манэса-р-' *о'* ***ни-Ø-ва-сь,***
увидеть-Iter-Conn хоть Neg-Aor-o1-Praet
илебте-бю-' *о'* ***ни-Ø-ва-сь.*** *Маня'*
оживить-Dur-Conn хоть Neg-Aor-o1-Praet. Мы
хибя-ри-ва' ***ни-Ø-сь*** ***а-'.***
кто-Lim-Emph Neg-Aor.s3-Praet быть-Conn
'— Ты не находила еще одного мертвого?
— Я **нашла** еще одного мертвого. Я его **не разглядывала** и **не оживляла**. Это **не был** наш человек' [ЭПН 245].

(62) — *Такы хибя? Сеня' тур-па'-на'*
тот кто раньше прийти-Iter-VACond-1Pl
тарця хибя-ри ягу-Ø-сь.
такой кто-Lim не.иметься-Aor.s3-Praet
— *Маня' тоса-Ø-ва'.* *Неркхы-' ня-'*
мы остерегаться-Aor-s1Pl. PN-Gen c-LatAdv
абт' ***эсы-ва-ць.*** *Тикэ-р*
вместе встать.чумами.Aor-s1Pl-Praet. Этот-2
ехра-б'на-т арка Неркхы.
не.знать-VACondFut-2 большой PN

‘— Кто это? Когда мы приезжали, такого человека не было.
— Мы остерегаемся. Мы **поставили чумы** вместе с Неркыхы. Если ты этого [человека] не знаешь, то это Неркыхы’ [ЭПН: 277].

(63) — *Сеня′ е-кця-′е-в хаи-Ø-си-нё′.*
раньше нога-Dim-Augm-1 остаться.Aor-s3-Praet.
Э-в вэн-′ а-макэ-до′.
нога-1 собака-Pl съесть-ProbInfer-o3Pl.
Э-си′ мань я-н тер-′
нога-CaritAdv я земля-Gen внутренность-Pl
пили′ хада-ва-н′ харва-Ø-′.
всегда убить-NDVIpfv-Lat хотеть-Aor-s3Pl
Авнадо′ мал′ ня-да-н пина-Ø-ць.
раньше все к-ElAdv-1 бояться-Aor-s3Pl.Praet.
— *Я-н′ вэнь-ко-х-ва′* ***ни-Ø-ва-ць***
земля-Lat собака-Dim-Lat-1Pl Neg-Aor-s1Pl-Praet
мис-′. *Хан-′ ни-′*
отдать-Conn нарта-Gen на-LatAdv
мэ-Ø-ва-сь, *та-та-в.*
положить-Aor-o1-Praet принести-Fut-o1.
‘— Тогда у меня осталась [здесь] нога. Мою ногу, наверное, съели собаки. [Теперь,] когда я без ноги, жители моей земли меня все норовят убить. Когда-то они меня боялись.
— Собакам мы **не отдали** ее. Я **положил** твою ногу на нарту, принесу ее’ [ЭПН 324].

(64) — *Небя-в пухуця, тюку амза-е-д′ хяняд*
мать-1 старуха этот мясо-Augm-Acc.2 где
хо-я-д? Тякуна тарця амзи
найти-Aor-s2? Раньше такой мясо.AccPl
ни-сеты-ни′ авор-′.
Neg-Hab-s1Du есть-Conn
— *Нер′ арка Вай-′ не*
давеча большой PN-Gen женщина
та-вы-да-сь.
принести-Infer-o3-Praet
‘— Старуха-мать, где ты взяла это мясо? Мы раньше такого мяса не ели.
— Давеча жена старшего Вай **принесла**’ [ЭПН 509].

В следующем примере хорошо видно, что в ответной реплике противопоставляется информация, сообщение которой входит в коммуникативные намерения говорящего (содержание вещего сна, аористные и инферентивные формы [2–5]) и информация, которую говорящий сообщает только потому, что его об этом спросили (форма прошедшего времени [1], при помощи которой девушка подтверждает, что ей снился сон, хотя сам по себе этот факт важен только в связи с тем, что содержание сна указывает на грозящую ее семье опасность; помимо прошедшего времени, инферентивом эта форма маркирована потому, что в ненецкой грамматической картине мира бессознательные состояния описываются как недоступные непосредственному восприятию):

(65) — *Евазадако-в, юдэ-са-ну-в′?*
миленький-1 видеть.сон-Interr-s2-Emph?
Тамару-′а-н-си-нё′. *Ань′* *амгэ-м′*
Метаться.во.сне-Aor-s2-Emph. Еще что-Acc
манэ-па-т?
видеть-VACond-2?
— *Ненсяда о′* ***юдэ-вэ-ма-зь***$_{[1]}$. *Неняг*
правда хоть **видеть.сон-Infer-s1-Praet**. PN
тэта-′ *ню* *тадьбя-д-да* *хо-вы*$_{[2]}$
оленевод-Gen сын шаман-Dest[-Acc]-3 найти-Infer-s3
тавысо′ *тадьбя.* *Няр′* *по-′* *удо-на′*
нганасан шаман три год-Gen след-AccPl.1Pl
пюрь-и-да$_{[3]}$. *Няр′* *по-′* *эсогана*
искать-AorOPl-opl3 три год[-Gen] через
хо-′ *ни-Ø-да-в′*$_{[4]}$. ⟨…⟩ *Ань′* *сид-на′*
найти-Conn Neg-Aor-o1-Emph Опять PronAccPl-1Pl
хо-Ø$_{[5]}$.
найти-Aor.s3
‘— Моя миленькая, ты видела что-то во сне. Ты металась во сне. Что ты опять увидела?
— Да, мне **снился сон**. Сын оленевода Ненянг нашел себе шамана — шамана-нганасана. Он три года искал наши следы. <…> Он нас нашел’ [ЭПН: 299–300].

5. Выводы

Таким образом, форма прошедшего времени в ненецком языке по ряду характеристик является симметричной перфектной форме в «перфектных» языках, причем в функциональной сфере эта симметрия оказывается прямой, а в семантической сфере — зеркальной.

Функциональная симметрия перфекта в «перфектных» языках и прошедшего времени в ненецком проявляется в том, что

— обе формы тяготеют к диалогическому регистру, не употребляясь в нарративе;

— обе формы являются прагматически маркированными в том отношении, что они образуют *привативную* оппозицию с дефолтной глагольной формой, использующейся для описания событий в прошлом. Для перфекта дополнительный семантический компонент, обуславливающий привативный характер оппозиции — наличие текущей релевантности события, для прошедшего времени, соответственно — отсутствие текущей релевантности. Важно, что жестко разграничить употребления членов подобной привативной оппозиции в принципе невозможно. Причем важно понимать, что такая ситуация не является «дефектом» глагольной системы, возникающим, например, за счет слабой грамматикализации перфекта: нам неизвестно ни одного случая, когда система, в которой представлен перфект, развилась бы в систему с жесткой оппозицией двух прошедших времен. Типология показывает, что такие системы либо редуцируются до систем с единственным прошедшим временем, либо проходят циклическое развитие, при котором старый перфект «ослабляется» до значения нейтрального прошедшего, но при этом в грамматической системе возникает новая форма с перфектным значением. Такие грамматикализационные циклы наглядно демонстрируют, что в некоторых фрагментах грамматической системы имеется потребность именно в таких принципиально нежестко организованных семантических оппозициях. При использовании подобных глагольных форм говорящий обладает значительной свободой выбора, и эта степень свободы позволяет ему использовать глагольные формы, ориентируясь не на объективные параметры описываемой ситуации, а на собственные коммуникативные намерения.

Тем самым, попутно возникает интересный вопрос, связанный с понятием обязательности. Вполне устоявшееся определение грамматической категории базируется на том, что грамматическая категория должна обладать свойством обязательности в том смысле, что каждое употребление слова определенного класса должно содержать один из показателей данной грамматической категории. В таком понимании перфект (или прошедшее время типа ненецкого), безусловно, является обязательным грамматическим значением. Тем не менее, обязательный характер грамматического значения предполагает также «несвободу» говорящего при употреблении грамматических показателей. Выражение грамматической семантики в общем случае считается во многом вынужденным диктатом языковой системы и не имеющим ничего общего с коммуникативными намерениями говорящего, ср.: «сообщаемые <…> сведения имеют разный статус по отношению к исходному замыслу говорящего, а именно, среди них есть такие, сообщить которые говорящий намеревался, а есть и такие, сообщить которые он, может быть, и не намеревался, но от сообщения которых он тем не менее, говоря по-русски, не мог уклониться. Вот эти «вынужденно» сообщенные им сведения («вынужденные» грамматикой языка) и считаются грамматическими значениями (именно они образуют ядро грамматических значений), и именно к таким значениям и применяется понятие обязательности» [Плунгян 2011: 20].

Нетрудно заметить, что прошедшее время ненецкого языка составляет отчетливый контраст с этим определением за счет того, что в употреблении этой граммемы значительную роль играют прагматические факторы. С этой точки зрения такую граммему можно назвать *граммемой свободного выбора*. Такая граммема входит в состав определенной грамматической категории (в данном случае — в состав грамматической категории времени), однако с другими членами этой категории она образует не эквиполентную, а привативную оппозицию, и употребляется в значительном числе контекстов не в силу диктата грамматической системы, а в соответствии с коммуникативными намерениями говорящего. Иначе говоря, у такой граммемы незначительным явля-

ется удельный вес жестко ассоциированных с ней контекстов в общем числе ее употреблений[18].

Семантические свойства ненецкого прошедшего времени, как уже говорилось, являются ***зеркальными*** по отношению к семантическим свойствам перфекта. В общем его значение можно определить как отсутствие текущей релевантности[19], причем эта характеристика проявляется в аспектуальной, темпоральной и прагматической сферах:

— в **аспектуальной** сфере прошедшее время ненецкого языка близко к перфекту в том отношении, что оно также подразумевает сопоставление ситуации в прошлом с текущим моментом. Однако связь ситуации в прошлом и ситуации в настоящем в случае прошедшего времени зеркально противоположна той, которая имеет место в случае перфекта. А именно, прошедшее время выражает противоположное перфектному значение *контрастивного прошедшего*, которое объединяет а) собственно антирезультативное значение, б) значение ситуации в прошлом, составляющей контраст с ситуацией в настоящем и в) значение ситуации в прошлом, сопоставляемой с ситуацией в настоящем. Очевидно, что значения *а*, *б* и *в* представляют собой последова-

[18] Очевидно, что граммемы свободного выбора и «традиционные» граммемы образуют скорее шкалу, на одном полюсе которой располагаются граммемы свободного выбора, обладающие максимальной степенью свободы, а на другой — синтаксические граммемы. При этом важно подчеркнуть, что место граммемы на этой шкале определяется ее семантикой, а не степенью грамматикализации: вероятно, говорящему необходимы такие граммемы, которые позволяют ему маркировать информацию о событиях в соответствии со своими коммуникативными намерениями. Очевидно, что и у традиционных граммем есть сфера употреблений «свободного выбора» — прежде всего, это дискурсивные функции, позволяющие ранжировать в дискурсе информацию о различных ситуациях — и отличие граммем свободного выбора состоит в том, что для них такие прагматически ориентированные употребления являются, по сути, центральными, а выражение определенной грамматической семантики (в случае прошедшего времени — антирезультативное значение) является скорее периферийным.

[19] Напомню, что по крайней мере в ненецком понятие текущей релевантности ассоциировано с тем, должны ли собеседники учитывать информацию о ситуации при планировании дальнейших действий.

тельное «удаление» от понятийного центра аннулированного результата, где *а* занимает центральную сферу, а *в*, соответственно, периферийную;

— в **темпоральной** сфере прошедшее время ненецкого языка имеет тенденцию ассоциироваться с отдаленными во времени событиями — в противоположность перфекту, который тяготеет к событиям недавнего прошлого. Обстоятельства конкретного времени, локализующие ситуацию в прошлом, требуют употребления прошедшего времени, но блокируют употребление перфекта;

— в **прагматической** сфере отсутствие текущей релевантности проявляется в том, что прошедшее время используется для обозначения событий, сообщение о которых по тем или иным причинам не является коммуникативной целью говорящего.

Во-первых, прошедшим временем могут быть маркированы события, информация о которых приведена в качестве аргумента в пользу того рассуждения, которое является основной коммуникативной целью говорящего.

Во-вторых, в том случае, когда на тот или иной вопрос, касающийся актуальной для обоих собеседников ситуации, говорящий вынужден ответить достаточно развернуто, целым микронарративом, прошедшее время используется для того, чтобы маркировать те события, которые не являются прямым ответом на вопрос, а проясняют сопутствующие обстоятельства. В связи с этим необходимо указать, что диалогические реплики (напомню, что прошедшее время употребляется именно в диалогическом регистре) могут состоять из высказываний двух типов: высказывания могут быть ориентированы либо на **обсуждение** некоторой ситуации, либо на **описание** некоторой ситуации. Поскольку любой диалог в целом ориентирован, очевидно, именно на обсуждение, описания в данном случае играют подчиненную роль и как раз и представляют собой дополнительные комментарии. Прошедшее время ассоциируется именно с описанием; применительно к перфекту дихотомия описание ~ обсуждение, насколько мне известно, никогда не применялась, но можно было бы ожидать, что перфект — в противоположность прошедшему времени ненецкого языка — будет ориентирован как раз на обсуждение.

В-третьих, прошедшее время часто используется в ответах на вопрос — в том случае, когда отвечающий без вопроса-стимула не сообщил бы информацию о соответствующем событии. В последнем случае сообщение этой информации также не входит в коммуникативные намерения говорящего, поскольку реплика является в определенном смысле «вынужденной».

Очевидно, что аспектуальные, темпоральные и прагматические значения представляют собой не три изолированных друг от друга семантических блока, а скорее различные семантические пласты, которые могут быть актуализованы в конкретном употреблении как по отдельности, так и в комбинации друг с другом. Так, например, обозначение ситуации с аннулированным результатом часто подразумевает, что с прагматической точки зрения информация об этой ситуации не является центром коммуникативного намерения говорящего, и она упомянута только чтобы оттенить сообщение о том, что в текущий момент ситуация принципиально изменилась.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо ; Acc — винительный падеж; Adv — форма падежного суффикса с пространственным значением (лативного, локативного либо элативного), использующаяся в пространственных наречиях и послелогах; Aor — аорист ; Augm — аугментатив; CaritAdv — суффикс, образующий наречия с каритивным значением (‘не имея чего-либо’); CaritAttr — суффикс, образующий прилагательныее с каритивным значением (‘не имеющий чего-либо’); CaritVerb — суффикс, образующий глаголы с каритивным значением (‘не иметь чего-либо’); Comp — суффикс со значением подобия; Conj — конъюнктив; Conn — коннегатив (неизменяемая форма смыслового глагола, употребляющаяся в сочетании со спрягаемым отрицательным глаголом); Dest — дестинатив (предназначительная форма имени, например, *авра-ду-в* — еда-для-меня); Dim — диминутив; Du — двойстенное число; Dur — дуратив; El — элатив; Emph — эмфатический показатель; Ess — эссив; Fut — будущее время; Gen — генитив; Hab — хабитуалис; Hort — хортатив; Imp — императив; Incept — инцептив (вхождение в состояние); Inch — инхоатив; Infer — инферентив; Interr — интеррогатив (вопросительная форма); Iter — итератив; Lat — латив; Lim — лимитатив; Loc — локатив; NDVIpfv — отглагольное имя с имперфективным значением; NDVRes — отглагольное имя с результативным значением; Neg — отрицательный глагол; NInstr — отглагольное имя со значением инструмента; Np — имперфектив; o — личные показатели объктного типа спряжения; Opl — показатель объект-

ного типа спряжения с объектом множественного числа; Opt — оптатив; Pl — множественное число; PN — имя собственное; Potent — потенциалис; Praet — прошедшее время; Pred — предикативное употребление имени; Prob — пробабилитив; Prol — пролатив; Pron — местоимение; PtAbess — абессивное причастие ; PtPraes — причастие настоящего времени; PtPraet — причастие прошедшего времени; r — личные показатели рефлексивного типа спряжения; Rfl — показатель рефлексивного типа спряжения; s — личные показатели субъектного типа спряжения; Select — селективная форма (‘тот из них, который …’); Sg — единственное число; Sup — супин; VAcond — условное деепричастие; VAinf — инфинитивное деепричастие ; VDN — отыменной глагол

Литература

Буркова 2010 — С. И. Буркова. Краткий очерк грамматики тундрового диалекта ненецкого языка (по материалам говоров, распространенных на территории Ямало-ненецкого автономного округа) // С. И. Буркова, Н. Б. Кошкарева, Р. И. Лаптандер, Н. М. Янгасова. Диалектологический словарь ненецкого языка. Екатеринбург, 2010.

Плунгян 2001 — В. А. Плунгян. Антирезультатив: до и после результата // В. А. Плунгян (ред.) Исследования по теории грамматики. Вып. 1: Глагольные категории. М.: Русские словари, 2001. С. 50–88.

Плунгян 2011 — В. А. Плунгян. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: Издательство РГГУ, 2011.

ЭПН — З. Н. Куприянова (сост.). Эпические песни ненцев. Москва: «Наука», 1965.

Dahl 1985 — Ö. Dahl. Tense and aspect systems. Oxford: Blackwell, 1985.

DeLancey 2012 — S. DeLancey. Still mirative after all these years. *Linguistic Typology* 16 (2012), p. 529–564.

Donabédian 2001 — A. Donabédian. Towards a semasiological account of evidentials: An enunciative approach of *-er* in Modern Western Armenian. Journal of Pragmatics 33. p. 421–442.

Plungian, van der Auwera 2006 — V. A. Plungian, J. van der Auwera. Towards a typology of diacontinuous past marking // Sprachtypologie und Universalienforschung. 2006. Vol. 59. № 4. S. 317–349.

Schwenter 1994 — S. A. Schwenter. The Grammaticalization of an Anterior in Progress: Evidence from a Peninsular Dialect. Studies in Language, 1994. V. 18. P. 71–111.

Squartini 1999 — M. Squartini. On the semantics of the Pluperfect: evidence from Germanic and Romance // Linguistic Typology. 1999. Vol. 3. № 1. P. 51–89.

О. С. Волков, М. Ю. Пупынина

НИУ ВШЭ — ИЯз РАН, Москва,
ИЛИ РАН, Санкт-Петербург

КАТЕГОРИЯ ПЕРФЕКТА В ЧУКОТСКО-КАМЧАТСКИХ ЯЗЫКАХ[1]

1. Введение

В настоящей статье рассматриваются формы, классифицируемые как перфект в языках чукотско-камчатской семьи: чукотском, корякском, алюторском и ительменском. Первые три языка обычно выделяются исследователями в отдельную чукотско-корякскую ветвь, к ней же относится мёртвый керекский язык, не рассматриваемый в данной работе. Ительменский язык составляет вторую ветвь чукотско-камчатской семьи или же, согласно иной точке зрения, является языком-изолятом (см. [Володин 1976: 17–19]).

Данная работа является логическим продолжением статьи [Волков и др. 2012], где была представлена общая типологическая характеристика аспектуальной системы чукотско-камчатских языков, за исключением ительменского, имеющего принципиальные отличия от чукотско-корякских языков в структуре видовременной системы. Однако перфект является той точкой парадигмы, в которой можно наблюдать существенное формальное и функциональное сходство между ительменским и чукотско-ко-

---

[1] Раздел 4.1 «Чукотский язык» в основном написан М. Ю. Пупыниной (при поддержке РГНФ, проект №13-04-00416 «Языковые изменения в идиомах, не имеющих письменной традиции (на материале алтайских, палеоазиатских и уральских языков)» и программы Президиума РАН «Корпуса на языках Дальнего Востока»); раздел 4.2 «Ительменский, алюторский, корякский языки» в основном написан О. С. Волковым (при поддержке гранта РНФ № 14-18-02624 «Диахронически нестабильные аспектуальные категории»). Остальные разделы написаны авторами совместно.

рякскими языками (ср. (1) и (2)), в связи с этим ительменские данные мы также рассматриваем ниже.

(1) чукотский
Etʔəm *Weɬwə-ne* ***ɣe-tuɬʔet-ɬinet!***
видимо Вэлвын-ERG **PF-красть-3PL.PF**
‘Видимо, Вэлвын украл их (оленей).’

(2) ительменский
Kəzza *kəmma-n* *novaes* ***k-čʼiri-ʔin?***
ты я-POSS еда **PF-украсть-PF**
‘Ты мое кушанье украла?’ [Володин 2008: T13, 105]

Для чукотского языка основным источником данных для исследования послужили экспедиционные материалы М. Ю. Пупыниной — тексты и (в редких случаях) анкеты, собранные ею в 2008–2013 гг. в ходе экспедиций в Чукотский автономный округ, а также опубликованные тексты других авторов. Примеры из анкет и опубликованных текстов ниже имеют соответствующие пометы; примеры из текстов, записанных авторами статьи, не помечены. В случае с корякским, алюторским и ительменским языками материалом исследования, в первую очередь, являются изданные тексты: для алюторского — тексты, представленные в книге «Язык и фольклор алюторцев» ([Кибрик, Кодзасов, Муравьева 2000], далее просто ЯиФА), а также в [Нагаяма 2003], для корякского — тексты из [Жукова 1988], для ительменского — тексты из [Worth 1961], [Володин 2008], а также полевые материалы О. С. Волкова, собранные в 2014 г. в Камчатском крае.

2. Чукотско-камчатские языки: общие сведения

Чукотский язык распространён в Чукотском автономном округе и на северо-востоке республики Саха (Якутия); по данным переписи 2010 года чукотским владеют 5095 человек. Носители корякского языка проживают в основном на севере Камчатского края, их количество по данным переписи — 1665 человек. Для корякского языка характерна значительная диалектная раздробленность. Алюторский и ительменский языки находятся в крити-

ческом состоянии: алюторским владеет 25 человек, проживающих преимущественно в Олюторском районе Камчатского края, ительменским — 6 человек, проживающих дисперсно на территории Камчатского края.

Грамматика чукотского языка подробно описана в работах [Скорик 1961], [Скорик 1977] и [Dunn 1999], грамматика корякского языка — в работе [Жукова 1972], алюторского — в ЯиФА и [Нагаяма 2003], грамматика ительменского — в [Володин 1976]. Глагольной системе алюторского языка посвящена монография [Мальцева 1998]; чукотско-корякские видовременные формы более подробно описаны в [Недялков и др. 1984], а также в [Волков и др. 2012].

Морфология чукотско-корякских языков характеризуется высокой степенью агглютинации и продуктивной инкорпорацией. Падежное маркирование ядерных актантов эргативно, глагольное согласование устроено сложно и демонстрирует сочетание эргативной стратегии с номинативно-аккузативной, при этом влияние на него также оказывают иерархии, отражающие степень вовлеченности партиципанта в речевой акт (см. подробнее [Comrie 1980], [Mel'čuk 1986], [Кибрик 1997], а также [Bobaljik 1998]). Синтаксис преимущественно номинативно-аккузативный, с эргативными чертами [Comrie 1979: 20]. Система финитных форм глагола состоит из собственно глагольных и «адъективных» форм, различающихся набором согласовательных аффиксов и стратегией согласования. Морфологическая структура адъективных форм аналогична формам адъективов в предикативной и приименной позициях. Личные формы в переходном спряжении полиперсональны, адъективные — моноперсональны.

Ниже воспроизводится таблица из [Волков и др. 2012], в которой приведены видовые и временные формы чукотского, алюторского и корякского языков и их показатели[2].

[2] В чукотском языке присутствует регулярная гармония гласных, в корякском и ительменском её система менее последовательна, в алюторском гармония гласных отсутствует. В настоящей работе в случае возникновения вариативности мы по умолчанию приводим варианты показателей со «слабым» вокализмом.

Таблица 1. Опорные глагольные формы чукотского, корякского и алюторского языков

Чукотский		Алюторский		Корякский	
личные	адъективные	личные	адъективные	личные	адъективные
[∅] Аорист	*ɣe-…-łin* Перфект	[∅] Аорист	*ɣa-…-łin* Перфект	[∅] Аорист	*ɣa-…-łin* Перфект
-rkən Презенс	*nə-…-qin* Имперфектив	*-tkən* Имперфектив	*nə-…-qin* Квалитатив?	*-jkən* Имперфектив ирреалиса	*nə-…-qin* Квалитатив?

Таблица отражает систему значений адъективных и личных форм в индикативе. Система личных форм вклюНчает также будущее время, кондиционалис и императив.

Морфология ительменского языка характеризуется высокой степенью агглютинации; инкорпорация, в отличие от остальных чукотско-камчатских языков, отсутствует. Падежное маркирование ядерных актантов — нейтральное. Глагольное согласование устроено сложно (см. [Bobaljik, Wurmbrand 2002]), возможно согласование с косвенным объектом; кроме того, в текстах частотна нефинитная стратегия без согласования. Глагольная система ориентирована на временные противопоставления: так, различаются прошедшее, настоящее и будущее время; из аспектуальных показателей наибольшей продуктивностью обладает аффикс *-qzu* с широкой имперфективно-инхоативной семантикой. Выделяется большое количество нефинитных форм, часть из них может выступать в предикативной позиции.

3. Структура и происхождение показателей перфекта

Показатели чукотско-корякских языков, рассматриваемые в данной статье, впервые были названы перфектными в работе [Benveniste 1970]; ительменский же показатель в грамматических описаниях обычно нотируется как «инфинитив III» (см. [Воло-

дин 1976: 294]). Показатели перфекта во всех чукотско-камчатских языках структурно схожи — это циркумфиксы, инициаль которых совпадает с инициалью циркумфиксов комитативных падежей (в чукотском и корякском — *ɣe-*, в алюторском — *ɣa-,* в ительменском — *k-*). В чукотско-корякских языках перфект является одной из адъективных форм, по морфологической структуре он составляет пару к имперфекту — второй адъективной форме (см. Таблицу 1). В ительменском языке словоформы, маркированные перфектом, различаются лишь по числу и не различаются по лицу.

В чукотско-корякских языках финаль перфектного циркумфикса, используемая для референции к 3-му лицу (*-łin, -łinat, -łaŋ* для корякского и алюторского, *-łin, -łinet* для чукотского), встречается исключительно в составе данного циркумфикса, остальные же финали употребляются в качестве суффиксов в различных типах номинализаций и имеют чётко прослеживаемое прономинальное происхождение (см. подробнее [Dunn 1999: 191]).

В ительменском языке используются два различных варианта финали перфектного циркумфикса — *-knen* и *-ʔin*[3]. В большинстве контекстов они употребляются в одинаковых функциях, при этом дистрибуция подчинена жёстким правилам: циркумфикс *k-...-knen* сочетается с непереходными глаголами и группой переходных глаголов (т.н. глаголы 1-го спряжения), *k-... -ʔin* же сочетается с остальными переходными глаголами (т.н. глаголы 2-го спряжения; распределение переходных глаголов между первым и вторым спряжением неясно). Языковые данные позволяют предположить, что на более ранней стадии циркумфиксы выполняли разные функции и такая четкая дистрибуция не прослеживалась; в частности, на синхронном этапе встречаются непереходные глаголы, оформленные показателем *k-... -ʔin*.

[3] Носители северного (седанкинского) диалекта ительменского языка, лексически и грамматически более близкого корякскому языку, чем южный (напанский) диалект, используют в речи, помимо ительменских, корякские показатели, а также совмещенные корякско-ительменские варианты показателей (ительменская инициаль совмещается с корякской финалью или корякская инициаль — с ительменской финалью).

Показатель *-ʔin* совпадает с суффиксом именной посессивности, *-knen* же тождествен суффиксу так называемого IV инфинитива, то есть объектной номинализации (см. (3)); данная форма является реликтовой.

(3) ительменский
Aŋqa *maʔ* ***wetat-knen*** *či-z-wen*
какая.то где **работать-INF.IV** иметься-PRS-3SG
‘Есть ли где-нибудь какая-то работа?’ [Володин 1976: 302]

В Таблице 2 представлены показатели перфекта по четырём языкам (формы даны в 3SG).

Таблица 2. Показатели перфекта

чукотский/корякский	ɣe-…-ɬin
алюторский	ɣa-...-ɬin
ительменский	k-...-knen / k-...-ʔin

Как уже говорилось, в чукотско-корякских языках перфект как адъективная форма характеризуется моноперсональным спряжением и по умолчанию согласуется с пациенсом. Однако в чукотском языке в некоторых лично-числовых комбинациях к форме перфекта облигаторно присоединяется инверсивный показатель *ine-* или *-tku*, в результате чего форма согласуется с агенсом. Таких комбинаций у чукотского перфекта гораздо меньше, чем у чукотского имперфекта (вторая адъективная форма), т.е. перфект более ориентирован на пациентивное согласование, благодаря чему иногда приобретает «пассивную» окраску и часто переводится на русский с помощью пассивной конструкции. Ительменская модель является неспрягаемой, однако допускает согласование по числу с пациенсом или аргументом непереходного глагола (множественное число маркируется гортанной смычкой).

Предположительным источником перфекта является посессивная форма, в чукотско-корякских языках имеющая те же лично-числовые показатели, что и перфект. Посессивная форма выступает в функции посессивного предиката (чукотский, алюторский, корякский), адвербиала (алюторский, корякский) или атрибута (ительменский).

(4) чукотский: посессивный предикат
Janra *ɣət* *çinit* ***ɣe-ɣrep-iɣət=əm.***
отдельно ты.ABS сам **POSS-песня-2SG=EMPH**
‘У тебя твоя собственная песня есть.’

(5) алюторский: посессивный предикат
kətavan *mətan.ruʔə-tkən,* *avis(ka)*
обязательно появляться.о.комарах-IPFV много
ənnə-ʔən *allə* *a-tku-ka* *itə-tkən,*
рыба-NOM+SG не A-кончаться-PRED быть-IPFV
ənnə.ruʔə-tkən, *jappə* ***ɣa-nnə-muru***
идти.о.рыбе-IPFV ещё **PF-рыба-1PL**
jappə ***ɣa-tuju-muru.***
ещё **POSS-запасы-1PL**
… (когда) комары появляются {т.е. весной}, много рыбы (еще) имеется [=не кончаясь есть], (и когда новая) рыба идёт, мы ещё (со старой) рыбой, мы (ещё) с запасами. [ЯиФА: Т33, 34]

(6) алюторский: копредикат
Ɣəttə ***ɣa-tumɣ-iɣət*** *təłəŋ* *awwav-i?*
ты **POSS-товарищ-2SG** туда отправиться-AOR.2SG
Ты с товарищем туда отправился? [Нагаяма 2003: 94]

(7) корякский: посессивный предикат
Meŋiju ***ɣe-jetem-łine-w,*** *ŋanenəjək*
который.3ABS.PL **POSS-ровдуга-POSS-3PL** тот.3ERG.PL
ne-tejkə-new *jatam-połoq-aw*
3PL.A-делать-3PL.P ровдуга-палатка-ABS.PL
Которые с ровдугами[4] (которые обладали ровдугами), те построили яранги. [Жукова 1988: 11]

(8) ительменский: атрибут
Kəmma *tx’l-čen* ***k-pxal-ʔan*** *urwaq*
я 1SG.надевать-1SG **PF-дыры-PF** рубашка
Я надел дырявую рубашку (рубашку с дыркой).
[Володин 1976: 298]

[4] Замша из оленьей шкуры.

(9) ительменский: предикат

*Ti*ʔ*n* *u*ʔ*w* *l*ʲ*wi* ***k-sŋak-ʔan***

этот дерево очень **PF-сук-PF**

Это дерево очень сучковатое (с сучками).

[Володин 1976: 298]

Происхождение перфекта из посессивной конструкции с глаголом ‘иметь’ (правда, чаще через стадию результатива) характерно для некоторых языков Европы (например, для романских и германских языков) — перфекты такого типа традиционно называют *have*-перфектами. Однако эволюция перфекта из морфологического показателя посессивности достаточно нетривиальна. Нужно отметить, что наличие транскатегориальных показателей вообще характерно для чукотско-камчатских языков: так, показатели деепричастий произошли от маркеров падежей, а личные показатели, присоединяемые к перфекту и имперфекту, могут также употребляться с существительными в предикативной позиции.

4. Семантика перфектных показателей

Мы придерживаемся традиционной трактовки перфекта, опирающейся на понятие текущей релевантности (current relevance): форма перфекта связывает два временных плана, во многих случаях это план прошедшего и настоящего. Основной корпус текстов на языках, рассматриваемых в данной статье, — нарративы, и формы перфекта, используемые в них, часто связывают не прошедшее и настоящее, а условную подвижную точку отсчета, находящуюся в определенный момент в фокусе внимания говорящего, с ситуацией, возникшей до или после нее. Также мы пользуемся терминами **статальный перфект/результатив** (акцент делается на результирующем состоянии, обусловленном предшествующей ситуацией) и **акциональный перфект** (акцент сделан на предшествующем точке отсчета временном плане, прямо или косвенно связанном с точкой отсчета), введенными в [Маслов 1983].

Одним из основных свойств перфекта считается его диахроническая нестабильность: едва появившись, перфект начинает эволюционировать во что-то другое — см. [Lindstedt 2000: 366].

Перфект чукотско-камчатских языков также развил ряд других значений, отличающихся от ядерного, причем эволюция перфекта в разных языках протекала по-разному.

Поскольку перфектные показатели в корякском, алюторском и ительменском языках демонстрируют существенное сходство в семантике, ниже они будут описаны вместе, но отдельно от показателей чукотского перфекта, который функционально отличен от них.

В примерах по возможности приводится широкий контекст — либо только в русском переводе (в квадратных скобках), либо и в строке оригинала (в этом случае контекст иногда дается без поморфемной нотации, помечены исключительно глагольные формы). Это помогает более наглядно продемонстрировать место перфекта в ряду других глагольных форм, употребленных в том же фрагменте дискурса. Без широкого контекста также бывает трудно определить, в какой функции выступает перфектная форма в том или ином предложении. В некоторых случаях дается также этнографический комментарий.

Так как в нарративах употребление перфекта подчинено особым правилам, в дальнейшем изложении нарративные контексты рассматриваются отдельно от диалоговых.

4.1 Чукотский язык

Впервые свойства чукотского перфекта были рассмотрены в работе [Недялков и др. 1983]. Ниже на основе обширного полевого материала предложен несколько иной анализ чукотских перфектных форм.

Чукотский перфект чаще, чем аналогичные формы других чукотско-камчатских языков, используется для связи двух временных планов. Однако помимо этого показатель перфекта в чукотском языке развил ряд типологически частотных дополнительных значений, среди которых центральным является экспериенциальное.

4.1.1. Основные значения перфекта. Большинство чукотских текстов, доступных для исследования, — нарративы. В связи с этим в нашем распоряжении оказалось совсем немного примеров перфекта из актуализованного дискурса. Однако перфект, разумеется, активно используется в живой разговорной речи. Ср. примеры (10) и (11):

(10) *Itək* *ewən* *ɣənmməl* ***ɣe-jew-łin***
DEICT INTJ недавно **PF-просыпаться-3SG.PF**
[Что-то у Андрея не бьют в бубен]. ‘Да он же недавно проснулся.’

(11) ***Ɣe-rʔeçintet-łinet*** *ənqena-t* *wannə-qaɣ-te*
PF-отсоединиться-3Pl.PF этот-PL зуб-DIM-ABS.PL
ʔəttʔəjoł-kena-t *ɣərɣoça-kena-t=əm* *ənnin*
перед-REL-PL верх-REL-PL=EMPH EMPH
wajpanrewə-k ***ɣe-çe-łinet***
DEICT ослабевать-CONV **PF-делать-3PL.PF**
[Что с тобой? — спросила (AOR) мама. Я показываю (PRES) ей рот:] ‘Выдернули мне эти зубки передние верхние, вот такими они их сделали.’

Перфектные формы из (10) и (11) обладают свойством текущей релевантности и маркируют актуализованный тип дискурса: для их интерпретации необходимо обращение к моменту речи. Этот перфект можно охарактеризовать как акциональный в терминах [Маслов 1983]: в центре оказывается действие, «оставляющее после себя те или иные последствия, следы, создающие какую-то специфическую ситуацию» [Маслов 1983: 43]. Этим действием может быть объяснено или обосновано более позднее положение дел. В (10) это положение дел эксплицитно обозначено как странное для говорящего отсутствие звуков бубна в доме Андрея (левый контекст, по сути, обозначает вопрос: *почему у Андрея не бьют в бубен?*), т. к. в момент речи уже должен был начаться традиционный оленеводческий праздник, непременно сопровождающийся игрой на бубне. Также и в (11) объяснение девочки было вызвано ее внешним видом и вопросом матери о том, почему она так выглядит. Ср. подтип чукотского перфекта, выделенный в [Недялков и др. 1984: 235] — «перфект в ответах на вопрос о причине».

В работе [Недялков и др. 1983] статальное, или собственно результативное значение приписывается чукотской форме результатива, маркированной суффиксом *-twa*. Перфект же, употребленный в похожих контекстах, по мнению авторов, не выражает значение результирующего состояния напрямую, а, «обозначая законченное действие, имплицирует наступление опреде-

ленного состояния» [Недялков и др. 1983: 107]. Однако, по нашим данным, сейчас (возможно, в связи с постепенным выходом языка из повседневного употребления) граница между этими употреблениями стирается. Чукотский результатив является скорее словообразовательным показателем и в настоящее время не очень продуктивен. Таким образом, можно говорить о том, что в синхронии чукотский перфект имеет и результативные употребления. В (12а) и (12б) для сравнения даны элицитированные примеры форм перфекта и результатива соответственно (носителями языка, давшими эти переводы, разница между этими употреблениями не осознается):

(12а) *ʔəttʔə-t* ***ɣe-kwut-łinet***
собака-ABS.PL **PF-привязывать-3PL.PF**
Собаки привязаны/собак привязали. [анкета]

(12б) *ʔəttʔə-t* ***nə-wotə-twa-qenat***
собака-ABS.PL **IPFV-привязывать-RES-3PL.IPFV**
Собаки привязаны. [анкета]

4.1.2. «Расширенный перфект».

4.1.2.1. Экспериенциальное значение. По-видимому, экспериенциальное значение (ситуация имела место хотя бы один раз в жизни говорящего, см. [Comrie 1976: 58]) для чукотского перфекта является одним из центральных. Это единственное значение, легко и практически всегда обнаруживаемое при элицитации. Однако в записанных текстах (преимущественно нарративах) экспериенциальные употребления редки — такова специфика экспериенциальной семантики.

(13) *Ɣət* ***ɣe-kenəłʔet-iɣət?***
ты.ABS **PF-ездить.на.оленьей.упряжке-2SG**
Ты (когда-нибудь) ездил на оленьей упряжке? [анкета]

(14) *Ɣənin* *ənequ* ***ɣe-kełitku-łin*** *kałetkora-k?*
твой старший.брат.ABS.SG **PF-учиться-3SG.PF** школа-LOC
‘Твой старший брат учился в школе?’ [анкета]

(15) *Qejwe=əm* *ənqen* *ɣəmnan* ***ɣe-kełi-łin***
правда=EMPH это я.ERG **PF-писать-3SG.PF**
‘Правда, я об этом (уже) писала...’

4.1.2.2. Инферентив / адмиратив: сдвиг в сторону эвиденциальности / оценочной модальности? Учитывая, что имеются данные об эвиденциальных употреблениях перфекта в чукотско-камчатских языках (см. [Волков и др. 2012]), можно было бы ожидать чего-то подобного и в чукотском. Однако выражение косвенной засвидетельствованности события не очень характерно для чукотского перфекта. Тем не менее, в (16) интересно сравнить употребление аористной и перфектной формы одного и того же глагола. При первом упоминании («убили они его», финитная форма, аорист) ситуация представлена просто как факт (хотя еще не проверенный), во втором случае («он убит», стативная форма, перфект) — как логическое следствие обнаружения останков покойного — значение, близкое к инферентивному (логический вывод на основании наблюдаемых результатов):

(16) *Ewən=əm* *nə-çiçɛw-qinet,* *n-iw-qinet:*
значит=EMPH IPFV-понимать-3SG.IPFV IPFV-говорить-3SG
Ənŋot=əm ***na-ntmə-ɣʔa-n.***
так=emph **INV-убивать-AOR.3SG.A-3SG.P**
Untwəmek-wʔe-t, *ikw-ʔe-t,*
успокаиваться-AOR-3PL говорить-AOR-3PL
n-ʔəttʔəm-ɬʔu-ɣʔe-n: *Ewən* *ŋan*
INV-кость-видеть-AOR-3SG.P значит DEICT
ɣa-ntmə-łɛn.
PF-убивать-3SG.PF
‘Значит, понимали, говорили: ага, убили они его! Успокоились, сказали, увидели кости: вот, убили его!’
[Богораз 2004: 8]

Еще раз оговоримся, что использование перфекта в таких контекстах ни в коем случае не является обязательным. Ср. также не самое характерное цитативное употребление:

(17) *Naqam meł-iwə-łʔə-t* *ənqen,* *Wəkwəraɣłən-a*
однако APPR-говорить-NMLZ-3PL DEICT Выквыраглын-ERG
ɣe-tułʔet-łin *ɣərep* *ɣənin.*
PF-красть-3SG.PF песня.ABS.SG твой
‘Однако, говорят так, Выквыраглын украл твою песню.’

И снова заметим, что в клаузах, вводимых «говорят…», использование перфекта отнюдь не облигаторно: здесь может быть употреблена любая другая глагольная форма.

Вероятно, в целом для чукотского перфекта характерно скорее типологически менее предсказуемое движение к оценочной модальности, чем к эвиденциальности, т.к. адмиративные употребления более частотны по отношению к эвиденциальным, ср. использование форм перфекта с адмиративным лексическим маркером *qətłəγi* ‘оказывается’:

(18) *Ətł$^{?}$a* *muryin* *n-iw-qin,* *rəγewə-k*
мать.ABS.SG наш IPFV-говорить-3SG.IPFVбудить-CONV
na-łwawə-n — ***qətłəγi*** *ənkə* ***γe-pełqet-łin.***
INV-мочь-3SG.P **оказывается** DEICT **PF-умирать-3SG.PF**
‘Мать моя говорила, разбудить не могли — оказывается, он умер.’

(19) ***Qətłəγi=əm*** *ŋałwəł-ijŋə-n* *kejŋ-in*
оказывается=EMPH стадо-AUG-ABS.SG медведь-POSS
γe-pkit-łin
PF-прибывать-3SG.PF
[Наконец, все вышли из жилища (AOR). Медведи набросились на них (AOR).] ‘Оказывается, огромное стадо медведей прибыло.’ [Kurebito 2004: 7]

Хотя в адмиративных контекстах в сочетании с «оказывается» могут выступать и другие глагольные формы, преимущественное употребление в них перфекта является статистически значимым ($p<0,05$), см. Таблицу 3.

Таблица 3. Статистика употребления перфекта с показателем адмиративности «оказывается»

	Употребление с «оказывается»	Общее число употреблений в текстах
Перфект	6	51
Остальные глагольные формы (имперфект, презенс, аорист)	5	225

4.1.3. Перфект в нарративе

4.1.3.1. Перфект в нарративе и точка отсчета. Как известно, нарратив — это изложение цепочки событий, следующих друг за другом в хронологической последовательности и не обязательно связанных между собой причинно-следственными отношениями. В функции нарративной формы в чукотском обычно используется аорист. Форма перфекта, использованная в нарративе в результативном значении, не продвигает действие вперед, но может, например, описывать некое состояние, возникшее *до* условной точки отсчета, ср.:

(20) *Anə* ***ɣ-iłqemłi-łin*** *ŋałwəł-ijŋə-n*
PART **pf-крутиться-3SG.PF** стадо-AUG-ABS.SG
[Начали угонять (оленей) в сторону тундры (IPFV)]. ‘Стадо (к тому времени уже) крутилось на месте.’ [С трудом угнали (AOR).]

(21) *Ewən* *kəjek-w^{ʔ}i* *jejwəł-qej—*
действительно просыпаться-AOR.3SG сирота-DIM.ABS.SG
ɣ-^{ʔ}ətwə-tkən-at-łenat.
PF-байдара-палуба-VB-3SG.PF
[…Укочевали (AOR) они]. ‘Проснулся сиротка, (а) они (уже) едут в байдаре (=успели уже отъехать).’ [Такакава 1974: 50]

При использовании аориста в (20) форма имела бы акциональное значение «вхождение в процесс»: ‘закрутилось’, то же относится и к примеру (21) — форма аориста глагола ‘ехать в байдаре’ имела бы инцептивное значение ‘отправились на байдаре’ и продвинула бы повествование вперед по шкале времени.

Итак, говорящий с помощью изложения последовательности событий в аористе моделирует ситуацию, устанавливая подвижную точку отсчета (для перфекта это предшествующая его употреблению и описанная в аористе/имперфекте ситуация), и использует перфект в случае, если ему необходимо добавить информацию о событии, начало которого относится к более раннему периоду. Некоторые из таких употреблений могут иметь выраженный адмиративный оттенок — см. пример (22): говорящая не ожидает увидеть в детском подгузнике сироты личинок и шокирована этим (об адмиративности чукотского перфекта см. выше 4.1.2.2). Другие примеры могут быть отнесены к объясни-

тельному дискурсу, см. (23): говорящий комментирует тот факт, что после крика оленевода олени спустились к хозяину (по поводу объяснительного дискурса см. 4.1.3.1.).

(22) *Çit* *ənan* *piri-k* *ewən*
PART он.ERG брать-CONV действительно
łəγen *makakwə-n* *łeγłeγ-e*
правда комбинезон-ABS.SG личинка-ERG
γe-jərʔet-łin
PF-наполнять-3SG.PF
[Никто его (сироту) не брал (IPFV).] ‘Когда она его взяла, «подгузник» полон личинок мух был.’

(23) *Arʔała* ***γe-kułiγ-jułet-łin*** *ŋełwəłʔ-e* *etə-n!*
Очень **PF-голос-изучить-3SG.PF** стадо-ERG хозяин-ABS.SG
[Сильно крикнул он (AOR). ‘И тут же все стадо бегом спустилось (AOR) к хозяину. Там на открытом месте кучно уложил (AOR) их]. Олени даже изучили голос своего хозяина!’

В других случаях, однако, перфект скорее описывает не результат событий, произошедших ранее (до аористной цепочки), а релевантное *следствие* событий, изложенных с помощью форм аориста/имперфекта, ср. примеры (24) и (25):

(24) *Aʔmən* *ənin* *mənγə-t* ***γe-peŋʔiwet-łinet***
ой его рука-ABS.PL **PF-устать-3PL.PF**
[Он во все стороны поворачивался (IPFV), из лука стрелял (IPFV) все время.] ‘Ох и устали руки у него.’

(25) *Ujŋe* *e-wiłu-kə-łʔ-in*
NEG NEG-ухо-NEG-NMLZ-3SG
meç-e-wiłu-kə-łʔ-in=əm *ənkʔam*
APPR-NEG-слышать-NEG-NMLZ-3SG=EMPH и
a-wetγaw-ka ***γe-nʔe-łin.***
NEG-говорить-NEG **PF-стать-3SG.PF**
[И он (в результате лечения шамана) встал (AOR)]. ‘Совсем или почти неслышащим и неговорящим стал.’

Итак, разница между примерами (20)–(23), с одной стороны, и (24) и (25), с другой стороны, заключается в том, что в первом случае перфектом выражен результат действия, начавше-

гося *до* точки отсчета, а во втором — *после* точки отсчета. В первом случае состояние, обозначенное перфектом, может быть причиной событий, произошедших в точке отсчёта — ср. нарративное значение перфекта «перфект обозначает результат предыдущего действия» в [Недялков и др. 1984: 237]. Во втором случае, наоборот, формой перфекта может выражаться (косвенное) следствие предшествующих событий. Представляется, что именно во втором случае может возникнуть конкуренция между аористом и перфектом (см. [Недялков и др. 1984: 215] и 4.1.4.2. ниже): говорящий либо увидит логическую связь между предшествующими событиями («точкой отсчета») и неким другим событием, следующим за ними, и употребит для описания последнего перфект, либо же, не усмотрев этой связи, ограничится перечислением нескольких событий в аористе.

4.1.3.2 Дискурсивный перфект. Чукотский перфект широко используется в нарративе в интродуктивных фрагментах. Так, многие сказки начинаются с глагола *nəmətwa-* 'жить, проживать' в форме перфекта.

(26) *Enmen* **ɣa-nəmətwa-łenat** *qławəł* *ətri*
DEICT **PF-жить-3PL.PF** мужчина.ABS.SG и
ŋewəcqet
девушка
'Жили-были юноша и девушка.'

Именно в перфектном режиме слушатель вводится в курс дела, узнает об «общих контурах» ситуации, в рамках которой будет происходить действие нарратива, о новых персонажах и т.п. Ср. следующие примеры интродуктивных фрагментов: характерный для чукотских сказок зачин с отсылкой к давности произошедших событий (27а), сообщение о факте, более подробному рассказу о котором посвящено дальнейшее повествование (27б) и введение персонажа (27в). Все три примера взяты из одного нарратива и следуют друг за другом. Далее повествование, как правило, переключается на формы аориста:

(27а) *Ənqen* **ɣa-twa-łen** *tełenjep.*
это **PF-быть-3SG.PF** давно
'Это было давно.'

(27б) *Qoł* ***ɣ-it-łin*** *remkən*
другой **PF-aux-3SG.PF** народ-ABS.SG
ɣa-raçwəŋ-łen *çama*
PF-соревнова ться.в.беге-3SG.PF также
ɣe-rʔiłe-łinet
PF-ехать.на.оленях-3PL.PF
‘Однажды (=другой раз было дело) проводились соревнования по бегу и по езде на оленьих упряжках.’

(27в) ***Ɣa-raçwəŋə-çqew-łen*** *neməqej*
PF-соревноваться.в.беге-PURP-3SG.PF тоже
qoł *aʔaçek*
один юноша
Соревновался в беге и один юноша. [Оленей запряг (AOR), все приготовил (AOR)]. [Kurebito 2004: 18]

В середине текста формы перфекта используются также тогда, когда рассказчик дополняет, уточняет, обобщает — в общем, каким-то образом комментирует изложенную им ранее информацию (ср., например, (23) выше). Используется перфект и для сообщения информации о «положении дел» во время рассказа: формами перфекта часто сообщается о времени года, погоде и прочих сопутствующих основному повествованию событиях, ср. (28):

(28) ***Ɣ-ʔajŋa-ŋŋo-łen=əm*** *ewən* *ŋełwəł.*
PF-идти.о.гоне-INCH-3SG.PF=EMPH DEICT стадо.ABS.SG
[Мы с Гивынкеу уложили стадо (AOR) вечером как-то поздно осенью.] ‘Начинался гон производителей.’

В заключительных фрагментах нарратива перфект чаще всего используется для обобщения ранее сказанного, ср. замечание-вывод (29) в конце рассказа об излечении уже умершего «пациента» шаманом, в то время как ранее процесс «оживления» был изложен в аористе, и типичный завершающий фрагмент (30).

(29) *łəɣen* *nə-meł-qin,* ***ɣe-nmełewet-łin,***
DEICT IPFV-хороший-3SG **PF-выздоравливать-3SG.PF**
ɣe-nłəɣqutet-łin *orawetłʔa-n.*
PF-поднимать-3SG.PF человек-ABS.SG
‘Действительно, все хорошо (было): выздоровел он, поднял он (шаман) человека’

(30) *ənŋin* *wa-ɬʔə-n* *waɣərɣə-n* ***ɣa-twa-łen***
так быть-NMLZ-3SG жизнь-ABS.SG **PF-быть-3SG.PF**
tełenjep.
давно.
‘Такой жизнь была раньше’

Обобщая основные варианты употребления перфекта в дискурсивной функции, можно предположить, что перфект в чукотском языке часто используется в качестве маркера объяснительного дискурса (см. рабочую классификацию типов дискурса в [Плунгян 2008: 21]).

4.1.3.3. Перфект в заглазном режиме повествования. Выше мы уже касались вопроса о том, можно ли приписывать чукотскому перфекту движение в сторону приобретения эвиденциального значения. Теперь, описывая нарративные значения перфекта, нужно упомянуть об одном зафиксированном случае употребления перфекта в заглазном режиме повествования. В алюторском, корякском и ительменском языках (см. ниже) повествование в сказках, легендах, рассказах не о себе (то есть в широких эвиденциальных контекстах с косвенной засвидетельствованностью) часто ведётся в перфектном режиме. В чукотском же повествование в текстах любого типа, как правило, ведётся с использованием форм аориста. Однако на юге Чукотки, на границе с Камчатским краем, был записан чукотский текст с оттенком косвенной засвидетельствованности; это небольшой нарратив, который целиком приведён ниже в (31).

Рассказав текст, информантка по-русски несколько раз выразила крайнюю неуверенность в том, что приведенная история на самом деле произошла, а не является чьей-то выдумкой. Однако текст очень небольшой, и перфект в нем может быть употреблен как бы для ввода некоторого «комплексного» факта («вот что однажды случилось»). Таким образом, вопрос о возможном нарративном (эвиденциальном?) употреблении чукотского перфекта остается открытым.

(31) *Ɣəmə̄ka-ɣtə* *mikəne* *pəŋəł*
я-ALL кто.ABS.SG рассказ.ABS.SG
n-ena-twə-qen ⟨…⟩
IPFV-INV-рассказывать-3SG

ɣa-krəçmə-çqiw-łinet *əmət̓ʔo* *ət̓ʔa-t* *ət̓ʔəɣə-t*
PF-праздник-PURP-3PL.PF все мать-ABS.PL отец-ABS.PL
koɬe-ramk-etə. *Ənkʔam* *ənqen* ***ɣa-peɬat-łenat***
другой-народ-ALL. и DEICT **PF-оставаться-3PL.PF**
ŋinqe-ɣti *qutti* *nə-mejən-qinet*
ребенок-ABS.PL другой.ABS.PL ATTR-большой-3PL
qutti *nə-ppəɬu-qinet.* *Wuɬqətwi-k*
другой.ABS.PL ATTR-большой-3PL вечер-LOC
ənnan-jara-k ***ɣ-umeket-łinet.*** *Etʔəm*
один-яранга-LOC **PF-собираться-3PL.PF** наверное
nə-çe-qinet *taŋə-məɬʔo* *ŋenku* *jara-k.*
IPFV-что.делать-3PL INTS-все там яранга-LOC
łuut *ne-ɬʔu-net* *ŋinqe-ɣti -* *qoo*
вот INV-находить-3PL.O дети-ABS.PL не.знаю
ɣe-çʔet-łinet — ***ɣe-peɬqet-łinet***
PF-что.делать-3PL.PF **PF-умирать-3PL.PF**
naqam *taŋaw-etə.*
однако улыбаться-CONV
‘Мне кто-то сказку (историю) рассказал. Уехали все — матери, отцы — в соседнее стойбище на праздник. И так остались дети, одни большие, другие маленькие. Вечером в одной яранге собрались. Что-то там делали все там в яранге. Вот, нашли детей — не знаю, что случилось. Умерли однако улыбающимися.’

4.1.4. Конкуренция перфекта с другими глагольными формами

4.1.4.1. Перфект со снятой перфективностью vs. имперфект. Чукотский перфект свободно сочетается с наречиями длительности. Так, словоформа *əm-ʔəłoŋet* 'целый/весь день' почти повсеместно встречается именно с формами перфекта:

(32) *Enmen* ***ɣa-qʔoła-łen*** *taŋ-ʔəm-ʔəłoŋət...*
DEICT **PF-выть-3SG.PF** INTS-REST-день
‘Она тоскливо выла весь день’ [Такакава 1974: 10]

Как указано в [Недялков и др. 1984], перфект также свободно сочетается с наречиями «долго» (84% употреблений именно с перфектом) и «всегда» (18% употреблений). При элицитации в таких случаях возникает конкуренция форм перфекта и импер-

фекта. Возможно, более приемлемым для (32) будет лимитативный вариант перевода ‘Она тоскливо **про**выла целый день’.

4.1.4.2. Перфект vs. аорист. Как уже было сказано, чукотский перфект, в отличие от аориста, как правило, не используется в нарративной цепочке. Однако в переводах он может использоваться с темпорально специфицированными обстоятельствами, с которыми чаще используется аорист — ср. пример из переводного текста:

(33) *Ətłon* *1920* *ɣiwik* *ʔəwekuçi-k* *reen*
она 1920 год-LOC муж-LOC COMIT
ɣ-ʔirə-łin *Ałaçka-ɣtə.*
PF-переезжать-3SG.PF Аляска-ALL
Она в 1920 году вместе с мужем переехала на Аляску.
[Леонтьев 1988: 94]

При сочетании с наречиями типа *ajwe* ‘вчера’, *qətur* ‘в прошлом году’ (ср. пример (36б)) перфект обозначает длительное действие как целостный факт (имеет лимитативное прочтение) и конкуренцию аористу не составляет.

Конкуренция аориста и перфекта очень высока в нарративах. Ср. два употребления с глаголом *jəłqetə-* ‘спать, засыпать’ в значении вхождения в состояние:

(34а) *Ənqen* *wəkwə-nə-tɣəła-w-ma*
DEICT камень-**CAUS**-нагреваться-**CAUS-CONV**
kejŋən, ***ɣe-jəłqet-łin.***
медведь-ABS.SG **PF-спать-3SG.PF**
‘Камни нагрел когда медведь (=устав нагревать камни), он заснул.’ [Беликов 1979: 28]

(34б) *Tekiçɣə-t* *ənke-kin* *ru-ninet,* ***jəłqet-ɣʔi.***
мясо-ABS.PL там-REL есть-AOR.3PL.P **спать-AOR.3SG.P**
‘Тамошнее мясо съели, заснули.’ [Проснувшись, отправились (AOR)]. [Беликов 1979: 229]

Как мы уже отмечали выше, говорящий может рассматривать следующее действие как следствие предыдущего и использовать перфект для выражения логического следствия, либо же не усматривать между событиями связи и использовать аорист.

Существуют, однако, глаголы, употребления которых в перфекте и в аористе будут чётко различаться, ср. инцептив в аористе (35а) vs. результативное значение в перфекте (35б):

(35а) *Ənkʔam* *ətri* *melek-wʔi*
и они.ABS выздоравливать-AOR.3SG
‘И они стали выздоравливать.’

(35б) *Ətri* ***ye-meɬew-ɬinet***
они.ABS **PF-выздоравливать-3PL.PF**
‘Они выздоровели.’ [анкета]

В следующей же паре примеров противопоставлены инцептив/пунктив в аористе (36а) и указание на ограниченно длительное действие в прошлом в перфекте (36б):

(36а) *Yəm* ***tʔəɬ-yʔi*** *ɣətka-ɣtə*
я.ABS **болеть-AOR.3SG** нога-ALL
‘Я сделал больно ноге.’ [анкета]

(36б) *Ajwe* *ɣətka-t* ***ye-tʔeɬ-ɬin***
вчера нога-ABS.PL **PF-болеть-3SG.PF**
‘Вчера ноги болели.’ [анкета]

Для более полной характеристики данной группы глаголов необходимы дополнительные исследования по акциональности.

4.2 Ительменский, алюторский, корякский языки

В ительменском, алюторском и корякском языках в диалоговом режиме у показателей перфекта выделяются перфектно-результативное значение и эвиденциальное значение; для ительменского языка интерес представляет также квалитативное значение показателя *k-…-ʔin*. В нарративном режиме перфект может использоваться как основная повествовательная форма, маркирующая последовательность событий; такое употребление показателя перфекта является на синхронном уровне наиболее частотным, в диахроническом же плане оно вторично.

4.2.1 Перфектно-результативное значение. Результативное значение и развившееся из него перфектное значение, по-видимому, являются исконными для перфектных показателей в рассматриваемых языках. При этом в текстах достаточно сложно

найти однозначные примеры на эти значения: с одной стороны, из-за того, что не всегда ясно, к какому акциональному классу относится предикат, оформленный перфектным показателем, перфектное и результативное значения может быть трудно различить; с другой стороны, в некоторых контекстах можно предположить эвиденциальную трактовку показателя. Такая неоднозначность характерна для языков, в которых перфект дрейфует в сторону эвиденциальности, поскольку инферентивное и результативное значения зачастую практически неразличимы контекстуально.

Форма перфекта обычно употребляется тогда, когда говорящий непосредственно наблюдает результат.

(37) алюторский: результатив / перфект
təttal$_j$ ŋənvə.q ***ɣa-wwa-laŋ***
очень много **PF-попадать-PF + 3PL.S.**
raɣ-uwwi to mil$_j$uta-w.
куропатка-NOM + PL и заяц-NOM+PL
[Утром подошел (AOR) к петлям.] ‘Очень много (туда) попало куропаток и зайцев.’ [ЯиФА: Т2, 12]

(38) алюторский: результатив / перфект
əŋē, numal ŋəvu-tkə-ni-n
INTJ снова начинать-IPFV-3SG.A+3P-3SG.P
kəja = saŋsi-squ-k, num tavalŋəla-tkən,
пятка = топтать-ITER-INF снова оборачиваться-IPFV
ənta·wət mi.ɣərŋ-u
теперь рябиновые.кусты-EQU
ɣa-n$^{?}$al-ləqiv-lin.
PF-становиться-LQIV-RES+3SG.S
‘Ой, снова начинает наступать на пятки, (та) снова поворачивается, теперь (лисица) превратилась в рябиновые кусты.
[ЯиФА: Т14, 56]

(39) корякский: результатив
Ku-ɣite-nin kəmiŋ-u
IPFV-смотреть-3SG.P ребенок-ABS.PL
ɣe-nejeçɣe-łinew *wəɣ-ajtɣuł-e*
PF-покрывать-3PL.P трава-одеяло-INST
[Подожди-ка, схожу я навестить детей. Пришел (AOR) ночью.] ‘Смотрит — дети покрыты одеялом из травы.’
[Жукова 1988: 18]

(40) корякский: результатив / перфект
Ŋełłə ***ɣa-manaŋał-łen*** *qaŋjawnołŋə-k.*
стадо.ABS.SG **PF-разбредаться-3SG.PF** лощина-LOC
[Авав, кончив пить чай, быстро запряг (AOR) оленей и отправился (AOR), не мешкая, в стадо. На оленьей упряжке (AOR) подъехал Авав.] ‘Стадо разбрелось по лощине.’
[Жукова 1988: 37]

(41) ительменский: результатив / перфект
A nweʔn lilixłeʔn qetkeneŋ-anke χene-z-weʔn
а те сестра.PL брат-LOC говорить-PRES-2PL
aŋqa piłfu ***k-k’oł-knen.***
что обжора **PF-приходить-PF**
‘А те сестры говорят брату: что за обжора пришла?’
[Володин 2008: T11, 69]

(42) ительменский: результатив
Neta-xʔal młim ese-z-en k-əłčku-xeʔn
нутро-ABL кровь идти-PRES-3SG IMP-смотреть-2SG
kuriteʔ młime-ł ***k-txnu-ʔin***
корыто кровь-INSTR **PF-наполнить-PF**
imts k’enk daze kuriteʔ x-nin-s-en.
хоть кто даже корыто IMP-выливать-PRES-3SG
‘Из нутра кровь идет, посмотри, корыто наполнено кровью, хоть бы кто даже вылил корыто.’
[Володин 2008: T13, 108]

В ительменском в некоторых случаях словоформа, оформленная перфектным показателем в результативном значении, может выступать в атрибутивной позиции:

(43) ительменский: результатив в атрибутивной позиции
K-č’e-knen lʲełk’eʔn fsakoj mełqew
PF-входить-PF мышь.PL всякий корни
k-kokazo-ʔan *ʼk-t’xł-knen a*
PF-варить-PF PF-приносить-PF а
Kotx-anke aŋqa i nada.
Кутх-LOC что и надо

‘Мыши вошли, принесли всяких вареных корешков, а Кутху того и надо.’ [Володин 2008: T15, 78]

Для некоторого класса лексем употребление форм, маркированных показателем перфекта, в атрибутивной позиции является регулярным. К таким лексемам принадлежат, например, *kəmnekas* ‘наряжаться’ — *kkəmneknen* ‘нарядный’, *txlotekas* ‘стариться, о женщине’ — *ktxoteknen* ‘старый, о женщине’, *soqkas* ‘гнить’ — *ksuqknen* ‘гнилой’, *χakanʲłkas* ‘злиться’ — *kχaqanʲłʔin* ‘злой’ и др.

4.2.2 Эвиденциальное значение. В некоторых контекстах перфектный показатель может использоваться для выражения личной незасвидетельствованности. В большинстве примеров встречается эвиденциальность инферентивного типа, однако присутствует и цитативная. Как это нередко случается в языках мира, такой показатель может приобретать адмиративную семантику. В некоторых случаях эвиденциальное прочтение показателя может конкурировать с результативным.

(44) ительменский: инферентив
Da jak nu Kutx ***k-łivekli-knen****.*
да это уж Кутх **PF-бедокурить-PF**
(Бабушка-шаманка сучит нитку и видит, что она идёт узлами, что является свидетельством какого-то нехорошего происшествия.) ‘Да уж это Кутх набедокурил.’
[Володин 2008: T15, 158]

(45) ительменский: инферентив
Kəzza kəmma-n nowałes ***k-čʔiri-ʔin****?*
ты я-POSS еда **PF-украсть-PF**
Ты мое кушанье украла*?* [Володин 2008: T13, 105]

(46) алюторский: инферентив
tinɣa: ŋavə.sq.e ***ɣa-pəlq.al-laŋ****.*
что.ж девушка+NOM+PL **PF-тонуть-PF+3PL.S**
[Дальние люди девушек потеряли (AOR). В поисках их искавшие как-то сюда пришли (AOR).] (Сказали, глядя на воду:) ‘Наверное, девушки утонули.’ [ЯиФА: T8, 74]

(47) ительменский: инферентив / адмиратив
Xač jaq amesa-te-s-čen mask'elaj uu babu
ну вот рыться-ITER-PRES-3PL.P мешок INTJ бабушка
mizwin widre-ʔin ŋosχ ***k-meč-knan.***
у.нас Выдра-POSS хвост **PF-пропадать-PF**
'Ну вот роются они в мешке: ой, бабушка, у нас пропал хвост выдры!' [Володин 2008: T15, 110]

Примеры (48) и (49) демонстрируют сложный случай: при адмиративной трактовке показателя не ясно, для кого именно ситуация является неожиданной — для говорящего-рассказчика или для одного из действующих лиц нарратива. Представляется, что в данных случаях повествователь ведёт речь от лица одного из героев (и адмиративный показатель в таком случае выражает неожиданность ситуации для этого героя).

(48) алюторский: адмиратив / перфект
Allə tinγa, am-kuka-ŋa naqam
не что только-котелок-NOM+SG только
nəmi-nəm ***γa-nʔal-lin.***
бульон-NOM+SG **PF-становиться-PF + 3SG.S**
[Вошла мать (AOR), начала накрывать (AOR) на стол, заглянула (AOR) в миску.] '(А там) ничего (нет), миска пустая, только бульон остался.' [ЯиФА: T11, 16]

(49) корякский: адмиратив / перфект
Ewən ***γe-łi-łin*** *teqeŋ Kełe*
DEICT **PF-становиться-3SG.PF** будто Кэле
jəmγəmγə-jŋən.
страшилище-AUG.ABS.3SG
[Приплыла (AOR) мать к детям.] 'В самом деле, стала как Кэле-страшилище.' [Жукова 1988: 18]

В примере (50) словоформа, оформленная перфектом, может трактоваться как имеющая цитативную интерпретацию, однако возможна и собственно перфектная трактовка:

(50) ительменский: цитатив / перфект
Potom okes kəzza ***k-χeʔluči-ʔɬ-qzo-knen***
потом рассказывать.INF ты **PF-игра-VB-IMP-PF**
nweʔn nawerno i izli-weʔn.
они наверное и ожить-3PL
[Мити говорит ему: Кутх, когда мы ходили за яйцами, ты обиделся и остался там]. ‘Потом ты рассказывал, ты играл в куклы, они, наверное, и ожили.’
[Володин 2008: T14, 51]

Важным свидетельством в пользу цитативной интерпретации некоторых ительменских примеров является употребление перфекта в единственном бытовом нарративе, зафиксированном В. И. Иохельсоном в 1910–11 годах. Рассказчик описывает свою поездку в соседний поселок, и перфект используется им лишь единственный раз, в цитативной функции, когда он рассказывает о том, что делал его товарищ в другом поселке и о чем он, тем самым, знает только со слов товарища (см. (51)); в основной линии повествования используется аорист.

(51) ительменский: цитатив[5]
Ipłx kíma-n Sámzat-k qun álxt-gen,
друг я-POSS Тигиль-LOC один провести.день-3SG
qanáŋ ína Mayak-ánke sxezí-gen.
сразу он Маяк-ALL отправился-3SG
ŋun k-níŋ-knen, wétwa Nápn-ake
там PF-взять.ношу-PF прямо Напана-LOC
k-sxézi-knen, *Sámzatlā-n k-cel-ín.*
PF-отправился-PF тигилец-PL PF-быть.с.кем.то-PF
‘Мой друг провел день в Тигиле (вместе с говорящим), потом в Маяк отправился. Там он взял груз и отправился прямо в Напану вместе с людьми из Тигиля.’
[Worth 1961: 27]

Безусловно, имея столь ограниченное количество примеров из ительменских бытовых нарративов, не представляется возможным с уверенностью постулировать способность перфект-

[5] Пример дан в оригинальной орфографии издания [Worth 1961].

ного показателя получать цитативную трактовку, однако именно из цитативных употреблений, по-видимому, перфект мог развить свои специфические нарративные функции.

4.2.3 Употребления в нарративе. В ительменском языке показатели перфекта используются для маркирования цепи последовательных событий в народных сказках, при этом аспектуальная семантика перфекта снимается. Такой режим повествования характерен исключительно для сказочных нарративов, в бытовых рассказах в данной функции обычно используется аорист.

(52) ительменский: нарративный режим
k-sunʲł-qzu-kneʔn *Sinʲaŋewt da Ememqut*
PF-жить-IMP-PF Синяневт и Эмемкут
I fse aŋqa xi-nmita ***k-sk-qzo-ʔan*** *tχ-ʔin*
и все что INTS-ловкий **PF-делать-IMP-PF** они.OBL-POSS
Xorowal Sinʲaŋewt aŋqa-n ***k'-it-knen.***
вдруг Синяневт что-POSS **PF-случаться-PF**
Qaʔm əŋqə-nke əlft-kaq ***k'-le-knen.***
NEG что-DAT любить-NEG **PF-становиться-PF**
'Жили-были Синяневт и Эмэмкут. И все-все у них очень ловко выходило. Вдруг с Синяневт что-то случилось. Ничто стало ей не мило.' [Володин 2008: T7, 1–4]

В ительменских сказочных нарративах перфектом оформляются не только интродуктивный фрагмент и фоновая информация (как это происходит в чукотском языке, см. выше), но и вообще все предикаты, относящиеся к основной линии повествования:

(53) ительменский: нарративный режим
Kat ***k-kził-knen*** *Kutx-aǰ pexal zatpetki*
уже **PF-собираться-PF** Кутх-PEOR шапка задом.наперед
k-txł-ʔin *i čʼopaqeʔn salʔan kasoŋ kłfanʲčke*
PF-надевать-PF и штаны задний сторона вперед
k-ənsxozŋa-ʔan *i* ***k-sit-knen.***
PF-поворачивать-PF и **PF-подпоясываться-PF**
'Вот Кутх собрался, надел шапку задом наперед и штаны вывернул задней стороной вперед и подпоясался.'
[Володин 2008: T8, 6]

Для того, чтобы маркировать отступление от основной линии повествования и ввести фоновую информацию, используются формы презенса или хабитуалиса.

В алюторских нарративах также можно встретить схожую стратегию, однако встречается и аористный режим повествования (см. подробнее [Волков и др. 2012: 429–437]). В текстах, выдержанных в аористном режиме, перфект может использоваться в контекстах, характерных для чукотского дискурсивного перфекта: в интродуктивном фрагменте и при маркировании фоновой информации.

(54) алюторский: фоновая информация в середине текста
qutkinɲnɲaqu *ar.γiŋ-ki* *levə.tku-tkən.*
Qutkinnaqu+NOM+SG берег-LOC гулять-IPFV
ˢoro *juˀə-lqiv-ni-n* *awinaŋ*
после встретить-LQIV-3SG.A+3P-3SG.P краб+NOM+SG
rəltil-ləˀə-n. ***γa-mal-ˀar.γiŋ-lin***
лежать-ATR-NOM+SG **PF-совсем-обезводиться-PF + 3SG.S**
ar.γiŋ.
берег+NOM+SG
‘Гулял по берегу Куткинняку. Встретил (AOR) он лежащего краба. Совсем высох [= обезводился] берег.’ [«О краб, отвези меня в открытое море».] [ЯиФА: Т4, 1–3]

В корякских нарративах для перфекта также характерно употребление в интродуктивном фрагменте:

(55) корякский: интродуктивный фрагмент / фоновая информация
Ajŋoon *əççu* *tanəŋ-o* *çawçəwa-w*
раньше они враг-ABS.PL коряк-ABS.PL
γa-tanŋəçeł-łeŋaw. *ˀəjə-te* ***γa-tanŋəçeł-łenaw.***
PF-воевать-PF.3SG лук-INST **PF-воевать-PF.3SG**
‘Некогда чукчи и коряки враждовали. Луками воевали.’
[Жукова 1988: 14]

4.2.4 Квалитативное значение. Как отмечалось выше, показатель *k-…-ˀin* в ительменском языке обычно сочетается лишь с переходными глаголами 2-го спряжения. Однако в некоторых случаях допускается и сочетание данного показателя с непере-

ходными глаголами, в таких случаях циркумфикс передаёт квалитативное значение. Словоформа, маркированная показателем с квалитативной семантикой, выражает действие, являющееся постоянным свойством субъекта; она может выступать в предикативной или атрибутивной позиции.

(56) ительменский: квалитатив
kat *k-k'enezi-knen* *davaj* *lutse*
уже PF-думать-PF давай лучше
m-ŋax-k *etakoj* *kəmma* ***k-wetat-ʔan.***
1SG.IMP-жениться-1SG.IMP этакой я **PF-работать-PF**
'Вот подумал он: давай лучше женюсь я, такой я работящий.' [Володин 2008: Т8, 3]

(57) ительменский: квалитатив
Gorbuska *esqčaq* *turi-s-kinen* *uuu*
горбуша сильно трепыхаться-PRES-3SG INTJ
qamzan *lʲwi* *lʲwi* ***k-maʔɨ-ʔan.***
муж очень очень **PF-играть-PF**
'Горбуша сильно трепыхается: у-у, муж очень игривый.' [Володин 2008: Т7, 11]

Данное значение может возникать и при сочетании показателя с именными основами.

(58) *Tiʔn* *uʔw* *lʲwi* ***k-sŋak-ʔan.***
этот дерево очень **PF-сук-PF**
'Это дерево очень сучковатое.' [Володин 1976: 298]

В алюторском языке схожую функцию имеет циркумфикс *n-…-qin* [Волков и др. 2012: 442–443].

Таким образом, на синхронном уровне квалитатив в ительменском языке возможен только от непереходных глаголов. Согласно гипотезе А. П. Володина, именно квалитативное (в его терминах — «стативное») значение показателя *k-…-ʔin* является диахронически первичным. По его мнению, появление показателя *k-…-knen* связано с разделением глагольной лексики на переходную и непереходную, а этот процесс А. П. Володин считает сравнительно поздним [Володин 1976: 297–300]. Мы в целом согласны с этой точкой зрения, добавим лишь, что появление второго варианта циркумфикса — *k-…-knen* — могло стать следст-

вием развития квалитативного значения в результативное и перфектное (в сочетании с переходными глаголами), а также последующей необходимости разграничения квалитативного и перфектного значения у непереходных глаголов.

5. Заключение

Анализ семантики перфектных форм в чукотско-камчатских языках позволяет сделать несколько обобщений, касающихся, с одной стороны, свойств перфектной граммемы в целом, и с другой — отношений между языками чукотско-камчатской семьи.

Одно из основных наблюдений, напрашивающихся после вышеизложенного рассмотрения перфектной семантики, состоит в том, что значения, характеризующие перфектную граммему, распространяются ареально. Можно говорить о континууме значений, соответствующем географическому расположению районов, в которых говорят на исследуемых языках, — от севера к югу. Северная часть континуума соответствует Чукотке, южная — Камчатке. Языки на этом пространстве расположены так: чукотский — южные диалекты / говоры чукотского — корякский / алюторский — ительменский. Основное различие между полюсами континуума состоит в том, что на юге четко прослеживается переход перфекта в заглазное прошедшее время, на севере же такой переход не является частотным, там перфектно-результативное значение дополняется широким кругом «эмфатических» значений. Второе различие состоит в том, что на полюсах континуума в нарративе перфект используется в разных стратегиях: если на севере перфектом маркируется фоновая информация, то на юге перфект — напротив, основная нарративная форма, использующаяся для продвижения повествования вперед, в связи с этим перфектом обычно оформляются нарративы целиком. Показательно, что в южных чукотских диалектах такая функция перфекта тоже присутствует (см. пример (31)). Представляется вероятным, что эти различия взаимосвязаны, и нарративные употребления перфекта в южных языках развились с опорой на эвиденциальную семантику формы.

Характерно, что перфект является одной из немногих категорий, представленных и в чукотско-корякских, и в ительменском

языках. При этом корякский, алюторский и ительменский перфекты демонстрируют между собой множество общих семантических и структурных черт, отличающих их от чукотского перфекта. Такая ситуация в целом не характерна для чукотско-камчатских языков, в большинстве случаев симметричными оказываются соответствующие категории чукотского, корякского и алюторского языков, ительменский же язык демонстрирует существенные различия с данными языками. Близость ительменского и корякского перфекта, по-видимому, вызвана ареальным характером данной категории в чукотско-камчатских языках.

Существенным фактом является то, что в рассматриваемых языках употребление перфектной формы во многих случаях кажется немотивированным, тогда как в других контекстах оно вполне оправданно, но при этом не обязательно. Значения, которые может приобретать перфектный показатель, на синхронном уровне зачастую не являются близкими. Представляется, что основным значением рассматриваемой формы во всех чукотско-камчатских языках на каком-то этапе являлось перфектное значение, последующая же эволюция этого перфектного показателя происходила по-своему во всех языках и диалектах. Таким образом, нестабильность и неопределенность рассматриваемых показателей определяют два фактора — вариативность эволюции перфекта в языках мира в целом и сильное расхождение языков и диалектов чукотско-камчатской семьи.

Перфектное значение, однако, как уже было отмечено, не является исходным для рассматриваемой формы, при этом неясным является, что произошло раньше, разделение чукотского и корякского языков или семантический сдвиг от приименного обладания к перфекту. Можно констатировать лишь, что в чукотском языке перфектный показатель прошёл меньше стадий эволюции, чем в корякском и алюторском. При этом кажется верным тот факт, что показатель с перфектным значением не может быть возведен на общий прачукотско-камчатский уровень; в ительменском языке, как кажется, перфектная семантика рассматриваемых форм появилась в результате контактных влияний, исконное же значение данной формы — стативное.

Список условных сокращений

A — Агенс; ABS — абсолютив; ALL — аллатив; AOR — аорист; APPR — аппроксиматив; ATR — атрибутив; AUG — аугментатив; AUX — вспомогательный глагол; CAUS — каузатив; COMIT — комитатив; COND — кондиционалис; CONV — деепричастие; DAT — датив; DEICT — дейктический элемент; EMPH — эмфатическая частица; ERG — эргатив; EQU — экватив; FUT — будущее время; IMP — императив (личная форма); IMP1 — императив (неличная форма); IN — инессив; INCH — инхоатив; INF — инфинитив; INTJ — междометие; INST — инструменталис; INTS — интенсификатор; INV — инверсив; IPFV — имперфектив; IRR — ирреалис; ITER — итератив; LOC — локатив; NMLZ — номинализатор; P — Пациенс; PART — частица; POSS — посессивность; PRS — настоящее время; PURP — пурпозив; S — аргумент непереходного грагола; NEG — отрицание; NMLZ — номинализация, PRED — предикатив; REL — относительное прилагательное; REST — рестриктив; SG — единственное число; VB — вербализатор; / — показатель комбинации Агенса и Пациенса (например, 3Sg/3Pl); 1, 2, 3 — показатели лица.

Литература

Беликов 1979 — Лымн’ылтэ: чукотские народные сказки и предания . Сост. Л. В. Беликов. Магадан: Кн. изд-во, 1979.

Богораз 2004 — Чукотские мифы и фольклорные тексты, собранные В. Г. Богоразом. // ELPR Publication Series A2-046. Kyoto, 2004.

Волков и др. 2012 — О. С. Волков, М. А. Даниэль, М. Ю. Пупынина, Д. А. Рыжова. Аспектуальная система чукотско-камчатских языков. // Исследования по теории грамматики. Вып. 6: Типология аспектуальных категорий. Acta linguistica petropolitana T. VIII, Ч. 2. Спб: 2012. С. 396–457.

Володин 1976 — А. П. Володин. Ительменский язык. Л., 1976.

Володин 2008 — А. П. Володин. Ительменские тексты. Том 1. Фольклорные тексты. Южный диалект. Спб., 2008.

Жукова 1972 — А. Н. Жукова. Грамматика корякского языка. Фонетика. Морфология. СПб.: Наука, 1972.

Жукова 1988 — А. Н. Жукова. Материалы и исследования по корякскому языку. СПб. — Наука, 1988.

Кибрик 1997 — А. Е. Кибрик. Иерархии, роли, маркированность и «аномальная» упаковка грамматической семантики // Вопросы языкознания, 4, 1997. С. 25–53.

ЯиФА — А. Е. Кибрик, С. В. Кодзасов, И. А. Муравьева. Язык и фольклор алюторцев. М, 2000.

Леонтьев 1988 — В. В. Леонтьев. «Увэлек’ин н'инк'эй». Магадан, 1988.

Мальцева 1998 — А. А. Мальцева. Морфология глагола в алюторском языке. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998.

Маслов 1983 — Ю. С. Маслов. Типология результативных конструкций // В. П. Недялков (ред.). Типология результативных конструкций. Результатив, перфект и глагольный вид. Л.: Наука, 1983. С. 41–53.

Нагаяма 2003 — Ю. Нагаяма. Очерк грамматики алюторского языка (ELPR Publication Series A2-038). Osaka Gakuin Univ., 2003.

Недялков и др. 1983 — В. П. Недялков, П. И. Инэнликей, В. Г. Рахтилин. Результатив и перфект в чукотском языке // В. П. Недялков (ред.). Типология результативных конструкций. Результатив, статив, пассив, перфект. Л.: Наука, 1983. С. 101–108.

Недялков и др. 1984 — В. П. Недялков, П. И. Инэнликей, И. В. Недялков, В. Г. Рахтилин. Значение и употребление чукотских видовременных форм // Теория грамматического значения и аспектологические исследования. Л.: Наука, 1984. С. 200–260.

Плунгян 2008 — В. А. Плунгян. Предисловие: дискурс и грамматика // Грамматические категории в дискурсе. Исследования по теории грамматики, вып. 4. М.: «Гнозис». 2008.

Скорик 1961 — П. Я. Скорик. Грамматика чукотского языка. Ч. 1. Фонетика и морфология именных частей речи. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961.

Скорик 1977 — П. Я. Скорик. Грамматика чукотского языка. Ч. 2. Глагол, наречие, служебные слова. Л.: ЛО изд-ва «Наука», 1977.

Такакава 1974 — «Кто самый сильный на земле?», Чукотские сказки. Сост. М. Такакава. Магадан, 1974.

Benveniste 1970 — E. Benveniste. Definition d’un parfait en Paleo-Siberien oriental. Tokyo, 1970.

Bobaljik 1998 — J. D. Bobaljik. Pseudo-Ergativity in Chukotko-Kamchatkan Agreement Systems. // L. Nash (ed.). Recherches linguistiques de Vincennes, vol 27. Special issue on Ergativity, P. 21–44. 1998.

Bobaljik, Wurmbrand 2002 — J. D. Bobaljik, S. Wurmbrand. Notes on Agreement in Itelmen. Linguistic Discovery 1.1, 2002.

Comrie 1976 — B. Comrie. Aspect. Cambridge: Cambridge University Press, 1976.

Comrie 1979 — B. Comrie. Degrees of Ergativity: Some Chukchee Evidence. // F. Plank (ed.). Ergativity. London: Academic Press, 1979. P. 219–240.

Comrie 1980 — B. Comrie. Inverse Verb Forms in Siberia: Evidence from Chukchee, Koryak, and Kamchadal’ // Folia Linguistica Historica 1. P. 61–74.

Dunn 1999 — M. Dunn. A Grammar of Chukchi. Ph. D. Diss., Australian National University, 1999.

Kurebito (ed.) 2004 — T. Kurebito (ed.). Chukchi Folktales I. Chukotka Studies Committee. Japan, 2004.

Lindstedt 2000 — J. Lindstedt. The Perfect — Aspectual, Temporal and Evidential. // Tense and aspect in the languages of Europe. Empirical approaches to language typology 20–6. Berlin: Mouton de Gruyter. 2000. P. 365–383

Mel'čuk 1986 — The Dualizer and Pluralizers in the Alutor Verb. // B. Elson (ed.). Language in global perspective. Dallas, TX: Summer Institute of Linguistics. 1986. P. 421–488.

Worth 1961 — D. S. Worth. Kamchadal Texts Collected by W. Johelson. Los Angeles: Mouton: 's-Gravenhage. 1961.

Е. В. Перехвальская

ИЛИ РАН, Санкт-Петербург

ПЕРФЕКТ В УДЭГЕЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Наличие специализированной граммемы перфекта не характерно для тунгусо-маньчжурских языков. В этом отношении среди других языков этой группы выделяется удэгейский, где в настоящее время[1] имеется специализированная граммема перфекта.

Удэгейский перфект появился в языке недавно, по-видимому, уже в XX веке, явившись переосмыслением форм прямой эвиденциальности, которые характерны и для других тунгусо-маньчжурских языков.

1. Претерит и перфект

В современном удэгейском языке в области глагольных форм, выражающих временную отнесенность действия к прошлому, противопоставляются п р е т е р и т, нейтральный в отношении выражения видовых значений, и п е р ф е к т, обладающий типологически достаточно характерным набором грамматических значений. И. Николаева и М. Тольская рассматривали перфект как форму, не имеющую особого аспектуального значения, относя претерит (простое прошедшее) и перфект к «общему виду» (General aspect) [Nikolaeva, Tolskaya 2001: 216]. Е. Р. Шнейдер, называвший соответствующие формы Прошедшее I и Прошедшее II, определял Прошедшее II как форму, выражающую прямую засвидетельствованность. [Шнейдер 1936: 118–119]. Таблица 1 показывает соответствие терминологии, принятой разными авторами, описывавшими данный фрагмент грамматики удэгейского языка[2].

---

[1] О «современном состоянии» языка можно говорить с некоторой долей условности, имея в виду, что язык находится на грани исчезновения, и речь идет о языке самого старшего поколения удэгейцев (более 75 лет).

[2] Я не буду учитывать точку зрения, высказывавшуюся некоторыми исследователями, согласно которой формы «прошедшего I» и «прошедшего II» полностью синонимичны.

Таблица 1. Соответствие терминов, используемых в научной литературе

Шнейдер	Николаева–Тольская	Перехвальская
Прошедшее I	Past (General aspect)	Претерит
Прошедшее II	Perfect (General aspect)	Перфект

В дальнейшем изложении я буду для краткости называть данные формы «перфект» и «претерит», в том числе и для ситуации начала XX века, когда они имели несколько иное значение.

1.1. Функции форм перфекта

Формы перфекта в современном удэгейском языке выражают следующие грамматические значения, типологически достаточно характерные для форм, обычно обозначающихся термином «перфект»:

1) Собственно перфектное значение — ‘действие в прошлом не утратило актуальности или имеет актуальные последствия’:

(1) *Bi uja-gə-i!*
1SG промазать-PRF-1SG
‘Я промазал!’

(2) *Miŋʒə gaiti ʒəgdə-li-gə, ŋəgʒəm*
смола сразу гореть-INC-PRF светло
ədə-gə-ə.
становиться-PRF-EMPH
‘Смола сразу вспыхнула, стало светло’ (Kancuga.I.3).

2) Экспериенциальное значение:

(3) *Si ali-da ‘ai-wa umi-gə-i?*
2SG когда-INDEF водка-ACC пить-PRF-2SG
‘Ты когда-нибудь пил водку?’

3) Авертивное значение[3]:

(4) *Nua-ni kətigə tiŋməl’ə.*
он-3SG почти падать.PRF
‘Он чуть не упал.’

[3] Речь идет о значении «намечавшейся, но не реализовавшейся ситуации», для которого В.А. Плунгян вслед за Т. Кутевой предлагает термин «авертив» (Плунгян 2011: 283).

С авертивным смыкается значение неудачной попытки совершить действие (‘не смог’, ’не сумел’):

(5) *Nia aki-ndə-mi, nia ə-sə-i ətə-wənə.*
снова колоть-SEM-1SG снова VNEG-PRF-1SG резать-CAUS
‘Снова кольнув, снова не пробил (шкуру рыбы)’
(Kancuga.I.3).

4) Репортативное значение с оттенком адмиративности:

(6) *Ɉala-ʒi ʒawa-asi diga-li-gə-i.*
рука-INS брать-PC.SS есть-INC-PRF-1SG
‘[Потом притащив брюкву, Костя ее обстругал. Он мне нарезал,] я, схватив руками, стал есть. [Поедая, очень горько стало у меня во рту].’
(Kancuga.I.1).

(7) *Läsi patina-li-gə dawa.*
очень трепыхаться-INC-PRF кета
‘[Отец ловко вонзил острогу в самца и сразу забросил в бат, отцепив о перекладину]. Сильно забилась кета’
(Kancuga.I.3)

1.2. Морфология

Формы претерита и перфекта исторически образовались путём присоединения агглютинативных суффиксов: *-hA*[4]*-/-si-/-ki-* в претерите и *-‘A/-gA/-kA* — в перфекте; см. примеры образования форм от основ разных типов в Таблице 2 на след. стр.

В результате возникновения в удэгейском языке гласных сложного образования, аспирированных и глоттализованных, для глагольных основ на гласные (кроме *-u, -i*) — а именно этот тип является наиболее продуктивным — следует постулировать для хорского диалекта образование претерита путем мены конечного гласного основы на соответствующий долгий аспирированный ([a] > [a^{h}a], на письме: *aha*), а перфекта — на долгий глоттализованный ([a] > [aˀa], на письме *‘a*). В других диалектах (бикинском, самаргинском, иманском) в результате утраты аспирированными гласными придыхательного элемента формы

[4] Заглавной *A* обозначается гласный, изменяющийся по правилам сингармонизма.

претерита от основ на *-а, -о, -ə, -ä, -ö* образуется путем удлинения гласного основы[5]. К тому же в указанных диалектах в большей степени, чем в хорском, наблюдается уподобление парадигм глаголов, принадлежащих разным морфологическим классам, единой модели. В претерите все глаголы тяготеют к изменению по модели глаголов с основами на *а, -о, -ə, -ä, -ö* (*dianaa-ni* вместо этимологического *diaŋ-ki-ni*); в перфекте суффикс *-ga/-gə/-go* распространяется на глаголы с основами на *-а, -о, -ə, -ä, -ö* (*ətətə-gə* вместо этимологического *ətət'ə*.

Таблица 2. Образование форм претерита и перфекта в хорском диалекте (по Е. Р. Шнейдеру)[6]

Тип основы	Претерит	Перфект
на *-а, -о, -ə, -ä, -ö* *ətətə* 'работать'	*ətətə-hə-ni*	*ətət'ə* < *ətətə-'ə*
на *-u* *bu* 'давать'	*bu-ho-ni*	*bu-gə*
на *-i* *umi* 'пить'	*umi-hə-ni*	*umi-gə*
на *-n* *diɣan-* 'говорить'	*diɣaŋ-ki-ni*	*diɣaŋ-ka*
на *-g* *nag-* 'попасть в цель'	*nak-ki-ni*	*nak-ka*
на *-p, -m* *bap-* 'понимать'	*bak-pi-ni*	*bak-pa*
bi- 'быть', *xuli* 'ездить', отриц. гл. *ə-*	*ə-si-ni*	*əsə*

В Таблице 3 приведено образование форм претерита и перфекта от глаголов с разными типами основ в хорском и бикинском диалектах.

[5] О гласных сложного образования в диалектах удэгейского языка см.: [Перехвальская 2010].

[6] Даны формы 3 лица ед. ч.: претерит, исторически представляющий собой личные формы причастий, имеет в 3 лице личный показатель *-ni*; перфект — этимологически собственно глагольная форма — в 3 лице имеет нулевой показатель.

Таблица 3. Формы перфекта и претерита в хорском и бикинском диалектах

	Претерит	Перфект
	Хорский / Бикинский	Хорский / Бикинский
agda- ‘причаливать’	*agdaha-ni* / *agdaa-ni*	*agd‘a* / *agd‘a*
ətətə- ‘работать’	*ətətəhə-ni* / *ətətəə-ni*	*ətət‘ə* / *ətət‘ə, ətətə-gə*
bu- ‘давать’	*bu-ho-ni* / *bu-o-ni, bu-ə-ni*	*bu-gə* / *bu-gə*
damisi- ‘курить’	*damisi-hə-ni* / *damisi-ə-ni*	*damisi-ga* / *damisi-ga*
diɣana- ‘говорить’	*diɣaŋ-ki-ni* / *dianaa-ni, diaŋ-ki-ni*	*diɣaŋ-ka* / *dian‘a, diaŋ-ka*
bi- ‘быть’	*bi-si-ni* / *bi-si-ni*	*bisə* / *bisə*

2. Другие тунгусо-маньчжурские языки

Обе рассмотренные выше формы прошедшего времени имеют хорошую тунгусо-маньчжурскую этимологию. Формы претерита восходят к причастным формам (или являются спрягаемыми причастными формами, см. об этом [Калинина 2001]). Формы перфекта являются собственно глагольными формами.

Таблица 4. Суффиксы форм прошедшего времени в нанайском языке (по [Аврорин 1961: 105]).

	I тип	II тип	III тип	IV тип
Суффиксы прошедшего времени причастия	*-хан/-хэн*	*-хан/-хэн*	*-кин*	*-чин*
Суффиксы прошедшего времени глагола	*-ка/-кэ*	*-ка/-кэ*	*-ка/-кэ*	*-ча/-чэ*

По данным О. П. Суника, «наиболее употребительными <суффиксами причастий прошедшего времени> являются: в маньчжурском языке -ха (~ -хэ ~ -хо), -ка (~ -кэ ~ -ко), в нанайском и ульчском -хан, -кин, -чин, в удэйском -ha(н), -ки(н), -са, -си, в эвенском -чā, -чи, в эвенкийском -чā, -чин...» [Суник 1962: 228]. При этом так называемые «причастия прошедшего вре-

мени», как указывал В. А. Аврорин[7] и как подтверждает исследование Е. Ю. Калининой, не обладают собственно категорией времени, а указывают на таксис (действие закончилось относительно какого-то другого действия). Такое значение можно представить и как аспектуальное: «имена действия в нанайском языке не обладают грамматической категорией времени и то, что принято называть их настоящим и прошедшим временами, есть по сути дела категории основных для этого языка видов: неокончательного, обозначающего действие-состояние, мыслимое как не имеющее конца, и окончательного, обозначающего действие-состояние, мыслимое как имеющее конец» [Аврорин 1949: 63].

Казалось бы, формы прошедшего времени, являющиеся «спрягаемыми» причастиями, имели бы больше шансов получить значение перфекта. Известно, что для того, чтобы обрести собственно темпоральное значение, причастные формы употребляются со связкой, которая указывает на отношение действия, обозначаемого данным причастием, к моменту речи. В таком случае сочетание «связка + перфективное причастие (указывающее на законченность действия)» является первым кандидатом на грамматикализацию в виде специализированной формы перфекта. Этого, однако, не произошло ни в одном тунгусо-маньчжурском языке. Возможно, препятствием явилось значение прямой засвидетельствованности, входящее в комплекс значений собственно глагольных форм в противоположность формам причастия в финитном употреблении.

Следующее описание значений данных форм в нанайском языке у В. А. Аврорина можно интерпретировать как указание на наличие такого значения. Аврорин пишет относительно собственно личных глагольных форм утвердительного наклонения: «Наиболее употребительны формы 1-го лица единственного

[7] Аврорин называл их также «именами действия», не желая сопоставлять эти формы с «причастиями» индоевропейских языков: «Применение к ней <глагольной форме> термина “причастие” оправдывается лишь тем, что по некоторым своим свойствам она сходна с причастиями европейских, в частности русского, языков. Наиболее характерным для нее признаком является исключительная, можно сказать, максимальная, полифункциональность в синтаксическом отношении» [Аврорин 1949: 62].

числа в обоих временах, особенно в настоящем. Различие между этими формами и личными причастиями лично-притяжательной формы 1-го лица единственного числа в значительной степени (в большей, чем у форм других лиц) стерлось… хотя некоторый оттенок субъективной утвердительности у первых из них все же сохраняется (в большей степени — у формы прошедшего времени). Но даже и эти наиболее употребительные формы глагола утвердительного наклонения в практической речи встречаются значительно реже, чем соответствующие им причастные формы: *Ми ундии* ‘Я говорю’ (констатация факта); *Ми ундэмби* ‘Я (ведь) говорю’ (констатация факта со слабым оттенком утверждения); *Ми ункимби* ‘Я сказал, говорил’ (констатация факта); *Ми ункэи* ‘Я (ведь) сказал, говорил’ (констатация факта с несколько более сильным оттенком утверждения) ⟨…⟩ Весьма редко употребляются формы настоящего времени 3-го лица ... эти формы имеют резко выраженный утвердительный оттенок значения и поэтому употребляются почти исключительно в предложениях с восклицательной интонацией» [Аврорин 1961: 105–106].

Из описания Аврорина следует, что основная функция собственно глагольных форм — эмфатическая; более нейтральным оказывается употребление причастных форм. Однако, представляется, что глагольные формы, выражающие «констатацию факта с оттенком утверждения» несут значение прямой засвидетельствованности. Это доказывается также тем, что различие в значении глагольных и причастных форм наиболее ярко выражено для форм 3-го, а не 1-го лица.

Ситуацию в орокском языке оценить трудно. В недавно вышедшей грамматике этого языка [Озолиня 2013] автор ограничивается рассмотрением морфологии частей речи, мало уделяя внимания функциям данных форм и полностью обходя вниманием грамматическую семантику и синтаксис. О причастиях и деепричастиях Озолиня пишет: «…в отличие от глагольных форм, эти слова не могут выступать в качестве простого глагольного сказуемого ⟨…⟩ Поэтому все ранее включавшиеся Т. И. Петровой в глагольную систему в качестве форм отглагольные образования (причастия, деепричастия и так называемые особые отглагольные образования) выведены из системы глагола» [Озолиня 2013: 96–97]. Т. И. Петрова в своем, к сожалению, очень

кратком очерке орокского языка действительно пишет: «личные формы активных причастий, употребляясь в роли сказуемого, входят в систему наклонений глагола в качестве настоящего и прошедшего времени изъявительного наклонения [Петрова 1967: 99], замечая, однако, что «выражаемое данными причастными формами название действия или состояния всегда бывает названием действия или состояния определенного лица или лиц» [там же]. Таким образом, Озолиня полностью вводит спрягаемые причастные формы в систему финитных форм.

Весьма краткой оказалась и недавно вышедшая грамматика наиболее близкого к удэгейскому орочского языка, поскольку опубликованная грамматика [Аврорин, Болдырев 2001][8] содержит лишь морфемику, и практически не дает анализа функций представленных морфологических форм.

3. Формирование удэгейского перфекта

По крайней мере, в ареально смежном с удэгейским нанайском языке наблюдается картина, во многом сходная с описанной Е. Р. Шнейдером для удэгейского языка в 1920-е — 1930-е гг. Шнейдер считал, что значение *подчеркивания* действия («оттенок утверждения», в терминах Аврорина) связано с выражением прямой засвидетельствованности.

Именно такое значение рассматриваемых форм зарегистрировано в грамматическом очерке Е. Р. Шнейдера: «Смысловая разница между I и II формами заключается в том, что прошедшее II выражает действие, которому говорящий был сам свидетелем, а I форма — действие, о котором говорящему только известно. 1-е лицо II формы употребляется тогда, когда говорящий хочет подчеркнуть факт совершения (или несовершения) им дейст-

[8] Грамматика орочского языка написана Б. В. Болдыревым за исключением раздела «Фонетика» и «Место орочского языка среди тунгусо-маньчжурских языков», что дало ему основание сделать В. А. Аврорина своим соавтором. При этом в тексте имеются многочисленные пассажи типа «В.А. Аврорин, на наш взгляд, делает не совсем верные выводы»; «требует уточнения и следующее высказывание В. А. Аврорина…» [Аврорин, Болдырев 2001: 90]. Такие высказывания выглядят более чем странно, учитывая авторство, указанное на титульной странице.

вия, в противоположность 1-му л. I формы, где это подчеркивание отсутствует)» [Шнейдер 1936: 118–119].

Если внимательно прочесть написанное Шнейдером, становится ясно, что эвиденциальное значение он приписывает только формам не 1-го лица, поскольку для последних значение «непрямой эвиденциальности» не имеет смысла. В данном случае удэгейские глагольные формы демонстрируют те же свойства, что и нанайские в описании Аврорина.

Для форм 1 л., следовательно, можно постулировать указание на актуальность прошлой ситуации, что дало возможность переосмыслить данную глагольную форму как перфектную.

Можно сделать вывод, что в середине и во второй половине XX века в удэгейском языке произошло переосмысление комплекса значений собственно глагольных личных форм прошедшего времени. Удэгейский перфект, таким образом, произошел из форм, выражающих помимо временных значений прямую эвиденциальность.

Приведу примеры (р а з р я д к а — п е р ф е к т; **полужирный шрифт — претерит**) из текстов 1930-х гг. и современных текстов.

(8) Рассказ о реальных событиях[9] (Anuj14):

Bi əji tuəni Mœudu b i s ə i, t a t u s i g a i.	Этой зимой я б ы л в Николаевске, у ч и л с я.
Bi dī bəœwa t a t u s i g a i.	Я (про)у ч и л с я четыре месяца.
U n i l i g ə i bəgdiʒī, tiŋəʒī.	Я з а б о л е л ногами, грудью.

(9) Фольклорный нарратив (информант тот же) (Shneider_Anuj18.001–004):

Ото mərgə ***bagdəhœni***.	**Жил-был** один мóлодец.
Əj'əixi ***ŋənəhəni****, taluga mōwəni* ***b'ahani***.	**(По)плыл** он вниз по течению, **нашел** березу.

[9] Рассказ ведется от первого лица, для которого прямая и непрямая засвидетельствованность не так очевидна по значению. Тем не менее, рассказчик ведет повествование в формах перфекта. Возможно, дело в актуальности событий для рассказчика. По-видимому, это еще не перфектное значение.

Ot'osi ***tuktilihəni****, talugawa* ***ukkilihəni****.*	**Стал влезать**, **стал** кору **драть**.
Taluga ***tiŋməgihəni****, utinəgə* ***osini****.*	Берёста **упала**, оморочкой **сделалалась**.

(10) Современный текст (Автобиография А. А. Канчуги) (Kancuga.I.1):

Əmnə-gdəli (mindu ilənti aŋani ***ŋənəliəni****)*	Однажды (мне **пошел** третий год)
Bu 'anau j'əu-kə bitalani ***agdaani****.*	наш бат **пристал** к какой-то косе.
Bi mənə əniŋəi kiälani ***bisimi****.*	Я **был** рядом с матерью.
Bi amii ag'aʒigə-də j'əuxi-kə ***ətəəti****.*	Мой отец и старшие братья куда-то **исчезли**.
J'əuxi ***ŋənəktəəti****?*	Куда они **поразошлись**?
Əsimi-də saa.	Я **не знал**.

В текстах, записанных у современных носителей, в рассказе о реальных событиях основной формой является претерит. Формы перфекта утратили значение прямой засвидетельствованности, а также значение «констатации совершения действия», получив набор собственно перфектных значений. Они выражают ситуацию, «последствия которой (не обязательно естественный результат!) существуют в момент речи» [Плунгян 2011: 389].

Важнейшим источником для изучения развития удэгейского языка в XX веке служат недавно введенные в научный оборот тексты (главным образом, фольклорные), записанные в 1936 г. у самаргинских удэгейцев Е. Н. Баскаковой. При всей непоследовательности в записи удэгейских слов[10], они дают интересные данные, проливающие свет на формирование современного перфекта.

В обработанной к настоящему времени части архива (примерно половина текстов, или 17600 слов), были выбраны все случаи использования глагольных форм прошедшего времени (со-

[10] Записи делались на слух по ходу рассказа и не были обработаны и переведены, так как исследовательница была репрессирована, см. подробнее: [Перехвальская 2012].

временный перфект). В выборку не вошли случаи употребления глагола *bi-* ‘быть’, выписывались только формы полнозначных глаголов, в том числе и в отрицательной форме (то есть с отрицательным глаголом в форме перфекта). Не учитывались также формы в повторяющихся предложениях. Всего таких форм было найдено 91.

Для каждой из них отмечались формы лица, числа, а также то, появилась ли данная форма в «основной линии» нарратива или «прямой речи» персонажа. Последний параметр имеет смысл лишь для форм 3 лица, для которых, заметим, релевантно и выделение прямой засвидетельствованности. Для форм 1-го и 2-го лиц употребление в прямой речи (персонажа) является единственно возможным. Формы распределились следующим образом:

Таблица 5. Встречаемость форм перфекта в текстах 1936 г.

	Всего	Из них мн.ч.	Из них в основной линии
1 лицо	23	6 (эксклюзив)	–
2 лицо	4	3	–
3 лицо	55	–	15

Реже всего перфект засвидетельствован для форм 2 л. ед.ч. — 1 форма. Следует заметить также, что формы перфекта 2 л. встретились только в *вопросительных* предложениях. Нет ни одного случая употребления форм перфекта с инклюзивным 1 мн.

Подавляющее большинство форм встретились в предложениях, представляющих собой прямую речь персонажей либо в текстах, повествующих о реальных событиях (таких в архиве два). Употребление перфекта в основной линии нарратива ограничено (15 из 91, т. е. ок. 16%).

По функции случаи употребления перфекта в текстах Е.Н. Баскаковой довольно разнородны. Если попытаться выделить то общее, что, возможно, есть во всех примерах, то это некая эмфаза, или, как пишет Аврорин для нанайского языка, «оттенок утверждения».

Интересно, что в примерах, где перфект употреблен не в прямой речи персонажа, а в авторской речи рассказчика (где, следовательно, нет места значению прямой засвидетельствован-

ности), эта эмфатическая составляющая наиболее очевидна. Так, 6 форм из 15 сопровождаются адмиративной частицей *gunə* (об этих частицах см. [Гусев 2014]):

(11) *Gakpa-ha-ni,* *sifita* ***ŋən'ə,*** ***gunə.***
стрелять-PST-3SG прямо.в.цель идти.PRF ADM
'Выпустил он стрелу, прямо в цель пошла, вот как!'
(Baskakova I.02).

Отметим, что в (11) первая предикация выражена претеритом. Перфект появляется при указании на прагматически важное действие — стрела попала прямо в цель.

Адмиративная частица *gunə* при этом лишь один раз встретилась в прямой речи персонажа, и шесть раз — в авторской речи.

Есть примеры, где прагматическая адмиративная частица отсутствует, однако использование формы перфекта для эмфатического выделения очевидно:

(12) *Utadigi-tənə Piodə-da ila nii-wə gələ-hə-ni,*
тогда-FOC Пётр-FOC три человек-ACC просить-PST-3SG
Guŋganu-w ***gələ'ə,*** *minə-wə, Simiənə-wə* ***gələ'ə.***
Гунгану-ACC просить.PRF 1SG-ACC Семен-ACC просить.PRF
'Тогда Петр позвал трех человек, позвал Гунгану, меня и Семена' (Baskakova III.12).

Форма перфекта появляется только при перечислении людей, которых позвал Петр, что важно для рассказчика, поскольку он сам принимал участие в описанных событиях. Однако тот факт, что Петр кого-то позвал, выражен претеритом. Употребление форм показывает, что говорящий делает акцент на том, кого именно позвали.

Похожих примеров много. Все это свидетельствует о том, что в языке самаргинских удэгейцев в 1930-е годы «перфект» (то есть собственно глагольные формы) часто употреблялся для прагматического выделения сказуемого, что соответствует ситуации, описанной В. А. Авророиным для нанайского языка.

Однако есть и другие случаи. Некоторые из них очень напоминают современное состояние и демонстрируют употребления, типичные для перфекта в языках мира.

1) Действие, недавно совершившееся, имеющее актуальные последствия:

(13) *Od'o: Sundu* ***ŋənə'ə,*** *uli-lə* ***əjə'ə,*** *guŋ-ki-ni.*
дед 2PL.DAT идти.PRF вода-LOC течь.PRF сказать-PST-3SG
‘А дед: «Она к вам ушла, по реке уплыла», — сказал’
(Baskakova III.13).

(14) *Ag'a, mafa xokto-wə-ni* ***b'a-ga-u,***
брат медведь след-ACC-3SG найти-PRF-1PL.EXCL
waŋna-gi-ʒa-fi!
идти.убить-REV-OPT-1PL.INCL
‘Брат, мы медвежьи следы нашли. Пойдем убьем его!’
(Baskakova III.14).

2) В авертивной конструкции:

(15) *Əhinəŋi si səwəxi-di-hi kətigə-də* ***ə-sə-i***
сегодня 2SG идол-DAT-2SG почти-FOC VNEG-PRF-1SG
waa-u.
убить-PASS
‘Сегодня твои идолы меня чуть не убили (идолами едва не была убита)’ (Baskakova V.06).

3) Результативное значение:

(16) *Jəu-dələ amba-ni* ***igbəsi-gə***.
что-INDEF амба-3SG прогонять-PRF
‘Какой-то черт (добычу) прогнал’ (Baskakova I.01).

Каждый из этих примеров можно проинтерпретировать как пример с прагматически выделенным сказуемым («с сильным утверждением», по Аврорину), но их можно проинтерпретировать и как перфектные. Носители удэгейского языка, родившиеся в 1930-х гг., по-видимому, восприняли перфектное значение как основное, чем объясняется появление впоследствии эксперименциального значения у этих форм (которое в текстах Баскаковой не обнаружено).

Переход значения от прямой засвидетельствованности к прагматической выделенности, а от нее к перфекту легко объяснить. Прямая эвиденциальность предполагает, что говорящий лично был свидетелем некоторой ситуации. Если речь идёт о формах 1-го лица, то эти формы могут означать прагматическое выделение факта, о котором идет речь. Такое значение подразу-

мевает, что данная ситуация не утратила актуальности в момент речи. А это уже перфектное значение.

Ср. пример из текстов, опубликованных Шнейдером:

(17) *Sinə-wə* *bi* *mafa-i* *cind'a* *silə-wə-ni*
2SG-ACC 1SG старик-1SG птичка отвар-ACC-3SG
umi-nə-jə, *guŋ-kə,* *guŋ-ki-ni.*
пить-GO-IMP сказать-PRF сказать-PST-3SG
‘«Тебя мой муж велел позвать, приходи поесть похлебки из птиц», — сказала она’ (Sh:Selemege).

Здесь глагол *gunə-* ‘сказать’ употреблен дважды: в перфекте *guŋkə* (прямая речь персонажа) и в претерите *guŋkini* (авторская речь). Форму перфекта можно толковать как передающую прямую эвиденциальность (героиня была свидетелем того, что муж приглашал соседа), но она же может интерпретироваться и как форма прошедшего, сохраняющего актуальность в настоящем (это объяснение ее прихода к соседу).

Большинство форм перфекта из опубликованных текстов 1930-х допускают такое толкование, хотя, по-видимому, следует доверять Шнейдеру в его описании семантики данной формы и считать, что эвиденциальное значение данных форм было основным. Ср. следующий пример:

(18) *Ami-mi* *baa-gi-hə-hi* *-jəu?*
отец-SS.SG найти-REV-PST-2SG -Q
Baa-gə-i, *guŋ-ki-ni.*
найти-PRF-1SG сказать-PST-3SG
‘(Мать спросила:) «Своего отца нашел ли?» — «Нашел», — сказал он’ (Sh:Selemege).

В вопросе использована форма претерита, т. к. спрашивающий не был свидетелем ситуации, в ответе употреблен перфект, подчеркивающий достижение результата. Ещё пример:

(19) *Sul'ainʒiga* *səə-ni* *bəjə-ni* *Dəukciŋkə,* *bi* *utə-bədə*
Суляндзига род-3SG тело-3SG Дэукчинка 1SG так-как
dogdi-go-i. *Uti-də* *bagdi-ŋaha-fəi* *mənə*
слушать-PRF-1SG этот-FOC жить-IC-SS.PL REFL
səə-nə-fəi *o-ho-ti.*
род-DEST-SS.PL делать-PST-3PL

‘Подлинный род Суляйндзига — (это) Дэукчинка, я так слышал. Они тоже, когда жили, сами себе род образовали’ (Anuj4).

В первом предложении использована форма перфекта — речь идет о самом говорящем. Во втором предложении использован претерит, так как речь идёт о событиях давних лет, которым говорящий не был свидетелем.

Противопоставление претерита и перфекта в приведенных примерах трудно интерпре-тировать как противопоставление аспектуальных значений. В примерах (18)—(19) претерит связан с непрямой эвиденциальностью, а также с неактуальностью события. Ср. также:

(20) *Uti* *təluŋu-ni-də* *əhi* *biə,* *bi* *bəjə-wə-də*
этот история-3SG-FOC VNEG быть 1SG тело-ACC-FOC
is’ə-i.
видеть.PRF-1SG
‘Это вовсе не легенда, я саму [женщину] видел’ (Anuj6).

Дальнейшее повествование ведется в претерите. Форма перфекта употреблена, поскольку говорящий видел героиню рассказа сам, однако эта форма может быть легко проинтерпретирована как перфект с экспериенциальным значением.

Некоторые примеры, однако, показывают, что формы перфекта сохраняли значение прямой эвиденциальности в речи некоторых говорящих и в 1960-е гг. Ср. пример из текстов, опубликованных И. В. Кормушиным:

(21) *Bi* *giusə-ŋi-i əuxi* *ətə-ə-ni.*
1SG косуля-ALIEN-1SG сюда прийти-PST-3SG
Dauna-ja *xələ* *sus’a.*
наводить.переправу-IMP быстро убегать.PRF.3SG
‘Моя косуля сюда пришла (вроде). Брось переправу, а то убежала’ (Kormushin.I).

Форма претерита в данном примере выражает косвенную эвиденциальность (суждение по косвенным признакам) — герой предполагает, что косуля (на самом деле, сбежавшая от него девушка), возможно, пришла туда, где происходит диалог (к реке). То, что она ранее убежала из его дома — это факт, который герой сказки наблюдал своими глазами. Перфект выражает прямую эвиденциальность.

4. Заключение

Современное противопоставление перфекта и претерита в удэгейском языке сформировалось во второй половине XX века, при этом перфект возник в результате переосмысления форм с эвиденциальным значением (прямая засвидетельствованность) через стадию выражения прагматической выделенности описываемой ситуации.

Список сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ABL — аблатив (падеж); ACC — аккузатив (падеж); DAT — датив (падеж); DIR — директив (падеж); DIST — дистрибутив (глагольная множественность); EXCL — эксклюзив; FOC — показатель фокуса (частица); FUT — будущее время; GER — герундий; IM — имперфектив; INCL — инклюзив; INDEF — неопределенное местоимение; INS — инструменталис (падеж); LOC — локатив (падеж); PL — множественное число; PP — перфективное причастие; PR — презенс ; PRF — перфект; PRO — проспектив; PRP — имперфективное причастие; PST — претерит; REC — реципрок; REV — реверсив; SEM — семельфактив; SG — единственное число; SS — кореферентный субъекту; VNEG — отрицательный глагол

Источники

Anuj — Шнейдер Е.Р. Материалы по языку анюйских удэ. Главсевморпуть при СНК СССР. Научно-исследовательская ассоциация Института Народов Севера им. И. Г. Смидовича, вып. 11. М.-Л., 1937.

Baskakova — Баскакова Е. Н. Материалы по языку и фольклору народа удэ на р. Самарга, собранные Баскаковой Е. в сентябре 1936 года в колич. 5 тетрадей. Архив МАЭ РАН «Кунсткамера», Фонд К II, оп. 1, № 74.

Kancuga — Канчуга А. Багдисэ хокто тэлуҥуни. Автобиографическая повесть. Часть I. Детство. Исследования по тунгусоведению 22. Саппоро, 2003.

Kormushin — Кормушин И. В. Удыхейский язык. М., 1998.

Novosibirsk — Фольклор удэгейцев: ниманку, тэнунгу, эхэ (сост. М.Д. Симонов, В.Т. Кялундзюга, М.М. Хасанова). Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 18. Новосибирск, 1998.

Sh:Selemege — Шнейдер Е. Р. Сэлэмага. Сказки народа удэ. Л.: Государственное издательство детской литературы, 1935.

Литература

Аврорин 1948 — В. А. Аврорин. О категории времени и вида в нанайском языке // Язык и мышление. Т.11. 1948.

Аврорин 1961 — В. А. Аврорин. Грамматика нанайского языка. Т. 2. М.-Л., 1961.

Аврорин 1949 — В. А. Аврорин. О категориях времени и вида в маньчжурском языке. Изв. АН СССР, Отд. языка и литературы. 1949. Т. VIII, вып. 1.

Аврорин, Болдырев 2001 — В. А. Аврорин, Б. В. Болдырев. Грамматика орочского языка. Новосибирск: СО РАН, 2001.

Гусев 2014 — В. Ю. Гусев. От цитатива к «новому знанию»: эволюция цитативной частицы в тунгусо-маньчжурских языках Нижнего Амура // Труды ИЛИ РАН. Т. X, № 3. СПб, 2014. С. 212–231.

Калинина 2001 — Е. Ю. Калинина. Нефинитные сказуемые в независимом предложении. М.: ИМЛИ РАН, 2001.

Озолиня 2013 —Л. В. Озолиня. Грамматика орокского языка. Новосибирск: Гео, 2013.

Перехвальская 2010 — Е. В. Перехвальская. Аспирированные и глоттализованные гласные в диалектах удэгейского языка // Вопросы языкознания, 2010, № 6. С. 60–87.

Перехвальская 2012 — Е. В. Перехвальская. Рукописный архив Е. Н. Баскаковой 1936 г. (тексты на самаргинском диалекте удэгейского языка)) // Вопросы языкознания, 2012, № 5. С. 88–100.

Петрова 1967 — Т. И. Петрова. Язык ороков (ульта). Л.: Наука, 1967.

Плунгян 2011 — В. А. Плунгян. Введение в грамматическую семантику. М.: РГГУ, 2011.

Суник 1962 — О. П. Суник. Глагол в тунгусо-маньчжурских языках: Морфологическая структура и система форм глагольного слова. М.–Л.: Наука, 1962.

Шнейдер 1936 — Е. Р. Шнейдер. Краткий удэйско-русский словарь. М.–Л.: Учпедгиз, 1936.

Nikolaeva, Tolskaya 2001 — I. Nikolaeva, M. A. Tolskaya. Grammar of Udihe. Berlin — New York: Mouton de Gruyter, 2001.

А. С. Шварц (Хорошкина)

Институт Мировой Культуры МГУ, Москва

ПОКАЗАТЕЛИ ПЕРФЕКТА В СОВРЕМЕННОМ КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

1. Введение

В настоящей статье рассматривается вопрос о наличии показателя перфекта в современном литературном китайском языке (или, как его принято называть в англоязычной литературе, мандаринском диалекте). Известно, что китайский язык даже в своем современном состоянии тяготеет к изолирующему строю, и грамматических глагольных категорий в нем немного. Тем не менее, ряд исследователей полагает, что категория перфекта в нем выражена, хотя относительно того, какой именно показатель является маркером перфектности, существуют разные мнения. Одна из гипотез состоит в том, что таковым является суффикс *guo* (过), традиционно определяемый как показатель экспериенциалиса (ср. [Smith 1997]); другая представленная в литературе точка зрения — что это сентенциальная частица *le* (了), определяемая в первую очередь как показатель «изменения положения дел» (ср. [Li, Thompson 1981]). Ниже мы рассмотрим значения и употребление обоих показателей. Поскольку перфектное значение связано с перфективной семантической зоной, то прежде чем перейти к разговору собственно о «перфектных» показателях, мы приводим обзор перфективных маркеров в китайском.

Статья имеет следующую структуру: во втором разделе описываются перфективный показатель *le* (了) и результативная конструкция. В третьем разделе обсуждаются значения первого кандидата на перфектность — экспериенциального показателя *guo* (过). Особое внимание уделено проблеме наличия у этого показателя эвиденциального значения. В пятом разделе описаны

свойства и значения сентенциальной частицы *le* (了)[1]. Наконец, в заключении суммируются свойства двух показателей и анализируется их соотнесенность с категорией перфекта. В качестве корпуса примеров использовался Корпус Пекинского Университета; некоторые примеры цитируются по предыдущим исследованиям. Кроме того, мы опирались на переводы примеров из анкеты по перфекту, опубликованной в [Dahl (ed.) 2000].

2. Обзор перфективных показателей

В современном китайском языке аспект — пожалуй, одна из наиболее сильно грамматикализованных глагольных категорий. Временные и таксисные значения грамматически, как правило, не выражаются: существуют только два показателя, находящихся в процессе грамматикализации из модальных глаголов в показатели будущего времени: *yao* 要(долженствование; происходит из глагола ‘нужно’) и *hui* 会 (эпистемическая вероятность; происходит из глагола ‘уметь, мочь’). Ср. примеры их употребления:

(1) *míngtiān* *tā* ***yào*** *jiēhunle*
завтра он DEB жениться CRS
‘Он завтра женится (= собирается жениться).’

(2) *xià* *yī* *nián* *tā* ***huì*** *yǒu* *gèn* *hǎo* *de* *biǎoxiàn*
следующий один год он PROB иметь еще хороший ATTR представление
‘В следующем году он (вероятно) покажет себя еще лучше.’

В описаниях китайской грамматики традиционно выделяют два перфективных показателя: суффиксы *le* 了 (перфектив) и *guo* 过 (эксперинциалис); оба суффикса имеют глагольное происхождение, однако в современном языке сильно грамматикализованы. В этой же категории иногда рассматривают так наз. резуль-

[1] Сентенциальную частицу не следует путать с перфективным показателем: они омонимичны в современном языке, но имеют разное происхождение и разные функции, см. разделы 2.1 и 4.1.

тативную конструкцию (комплетив или результатив)[2]. Кроме того, сюда можно отнести и конструкцию с редупликацией глагольного корня, имеющую функцию лимитатива.

Рассмотрим последовательно основные показатели перфектива.

2.1. Суффикс le (了)

Суффикс le следует отличать от омонимичной ему частицы, употребляющейся в абсолютном конце предложения. Суффиксом мы будем называть его потому, что, в отличие от сентенциальной частицы, он не отделяется от глагола (даже прямое дополнение следует за ним, а не предшествует ему, как в случае частицы).

Исторически данный суффикс восходит к полнозначному глаголу *liǎo* со значением ‘завершать’ (подробнее об истории возникновения этого суффикса будет сказано в пятом разделе). А. А. Драгунов [1952: 129] отмечает, что значение завершенности особенно четко проявляется в контекстах, где «одно действие должно завершиться до наступления другого»:

(3) *lái, lái, wǒmen chī-**le** fàn*
Приходить приходить мы есть-PFV рис
zài tán ba!
еще болтать HORT
‘Идем-идем, поедим, потом еще поговорим!’
[Драгунов 1952: 129]

Важно отметить, что, вопреки традиционным китайским описаниям, глагол с данным суффиксом не обязательно имеет референцию к прошедшему, ср. совместимость перфективного показателя с описанием ситуации в будущем:

(4) *wǒ xià yī nián jiù huíqù-**le**.*
я следующий один год уже возвращаться-PFV
‘Я вернусь в следующем году.’

В отрицательном контексте вместо сочетания суффикса *le* с показателем отрицания употребляется специальный показатель *méi(yǒu)* 没(有).

[2] Выделяется также классическая глагольная форма результатив (статив), образуемая с помощью суффикса *zhe* (着), см. об этом [Яхонтов 1983].

(5) *zuìfàn* *Wú* *Lìhóng* *shī-shēng*
преступник У Лихун терять-голос
jiào-dào: *“wǒ* ***méi***
воскликнуть-закончить я NEG.PFV
xiǎng-dào *yǒu* *nàme* *duō*
думать-закончить иметься столько много
zhèngrén!”
свидетель
‘Преступник У Лихун не смог сдержать возгласа: «Мне не пришло в голову что [здесь] так много свидетелей!»’

Суффикс *le* сочетается с предикатами разных акциональных типов, выражая, соответственно, различные варианты перфективного значения. Так, при присоединении к глаголу состояния или прилагательному он выражает инцептив (вступление в состояние):

(6) *tā* *hóng-**le*** *liǎn*
он красный-PFV лицо
‘Он покраснел.’

При сочетании с событиями суффикс *le* приобретает значение пунктива (обозначает мгновенное событие):

(7) *tā* *qù* *nián* *sǐ-**le***
он прошлый год умереть-PFV
‘Он умер в прошлом году.’[3]

(8) *děng* *wǒ* *juédìng-**le,*** *yídìng* *huì*
ждать я решить-PFV обязательно мочь
tōngzhī *dàjiā*
сообщить все
‘Подождите, я решу и тогда обязательно всем сообщу.’[4]

---

[3] В китайском языке глагол si ‘умереть’ описывает именно событие; так, невозможно сочетание si с показателями прогрессива *zhe* и дуратива *zai*: ср. **ta si zhe* в отличие от русского «он умирает»).

[4] Глагол *jueding* ‘решить’ также не имеет длительности; он обозначает мгновенное событие принятия решения, ср. невозможность редупликации со значением лимитатива ‘делать некоторое время’ **jueding le jueding*, **jueding yi jueding*).

В сочетании с процессами возможны разные интерпретации суффикса *le*. Он может служить показателем пунктива:

(9) *xiángxì* ***xùshù-le*** *zìji*
обстоятельно рассказывать-PFV сам
xīxíng-de *jīnglì* *yú* *yìndù,*
поход.на.запад-ATTR переживание и Индия,
zhōngyà *gè* *dì* *fójiào*
Средняя.Азия каждый земля буддийский
qíngkuàng
обстановка
‘[Он] обстоятельно рассказал о своем опыте поездки на запад и о ситуации с буддизмом в Индии и Средней Азии’

или лимитатива, что особенно ярко проявляется при сочетании с обстоятельством длительности:

(10) *qí-**le*** ***yī-ge*** ***xiǎoshí**-de* *chē,*
ехать-PFV один-CL час-ATTR машина
zhǎo-dào-le *Lìfāng-de* *jiā.*
искать-закончить-PFV Лифан-ATTR дом
‘Час проездил на автобусе и нашел дом Лифана.’

Кроме обстоятельства длительности, глагол может модифицироваться сочетанием числительного с так называемым глагольным счетным словом (то есть классификатором для «квантов» действия). В случае, если используется числительное ‘один’, глагол приобретает значение, близкое к семельфактивному; соответственно, если числительное больше ‘одного’, то к мультипликативному. В обоих случаях возможно употребление *le*.

(11) *Lǔxùn* *yǎng-zhe* *tóu,* ***chōu-le*** ***yī-kǒu***
Лу Синь поднять-CVB голова, курить-PFV один-CL
yán, *xiǎng-le-xiǎng,* *wēiwei*
табак, думать-PFV-думать, немножко
xiào-zhe *shuō.*
улыбаться-CVB сказать
‘Лу Синь, подняв голову, затянулся (букв. втянул один рот табака), подумал, слегка улыбнувшись, сказал.’

Такое сочетание значений (инцептив, пунктив, лимитатив, семельфактив) в [Плунгян 2011] связывается именно с перфективом, что не противоречит общепринятой терминологии для суффикса *le*, хотя в китаеведческой традиции под этим термином обычно понимается более узкое значение (только пунктив).

2.2. Результативная конструкция

В современном китайском языке существует конструкция, которую целесообразно рассматривать вместе с другими аспектными показателями — так называемая результативная конструкция, или результативный «сложный глагол» (resultative verb compound). Она образуется путем присоединения к глаголу второго компонента — предикатива (глагола или прилагательного) или специального суффикса, грамматикализованного из глагола со значением завершенности. Например:

(12) *tā* *kàn-wán-le* *shū*
он читать-закончить-PFV книга
‘Он дочитал книгу.’

(13) *tā* *kū-hóng-le* *liǎn*
она плакать-красный-PFV лицо
‘Она так плакала, что покраснела (букв. доплакалась до того...).’

В примере (12) глагол wan ‘закончить’ сильно грамматикализован и может считаться глагольным аффиксом: он не тонируется и имеет широкую сочетаемость. Пример (13) отличается тем, что оба предикатива являются полнозначными.

Значение результативной конструкции (V1-V2) можно описать следующим образом: ‘имела место ситуация V1, в результате которой наступила ситуация V2’. Например, «V1=она (по)плакала, в результате чего V2=у нее красное лицо». (Аналогией в европейских языках могут служить примеры из германских языков типа *I hit him dead, Ich schlug ihn tot* ‘Я убил его до смерти’, букв. «ударил–мертвый»).

В некоторых случаях конструкция имеет оттенок сильной степени (‘до такой степени V1, что V2’), ср.:

(14) *wǒ* *lèi-sǐ-le*
я устать-умереть-PFV
‘Я устал до смерти (букв. устал так, что умер).’

Сяо и МакЭнери [Xiao, McEnery 2004] предлагают выделять два типа результативных конструкций — комплетивные и собственно результативные, в зависимости от того, находится ли в фокусе значения завершенность или результирующее состояние. Нам представляется, что это различие непосредственно связано с тем, насколько сильно грамматикализован второй компонент конструкции. Для грамматикализованных компонентов характерно комплетивное значение:

(15) *tā* *xiě-hǎo-le* *wénzhāng*
он писать-хороший-PFV статья
‘Он дописал статью.’

тогда как полнозначные предикативы чаще имеют в такой конструкции результативное значение:

(16) *tā* *bǎ* *yīfu* *xǐ-gānjìng-le*
она DO одежда мыть-чистый-PFV
‘Она выстирала одежду дочиста.’

3. Суффикс *guo* (过)

Согласно некоторым работам, перфектным показателем в мандаринском диалекте следует считать суффикс *guo*. Такой точки зрения придерживаются, например, К. Смит [Smith 1997] и Х. Чэпел [Chappell 2004]. Эта гипотеза продиктована в первую очередь наличием у guo экспериенциального значения, которое в языках мира довольно часто выражается перфектным показателем.

Суффикс *guo*, как и все остальные суффиксы в современном языке, имеет глагольное происхождение. Происходит он от глагола со значением ‘пересекать, проходить’, прошедшего через стадию результативного аффикса результативной конструкции.

Отрицательный вариант формы с суффиксом *guo*, также как и с показателем *le*, использует специальную частицу *mei*, хотя в данном случае суффикс *guo* сохраняется:

(17) *wǒ* ***méi*** *qù-**guo*** *Měiguó,* *suǒyi*
я NEG.PFV уходить-EXP америка поэтому
shuō-cuò-le *yě* *bié* *xiào.*
сказать-ошибиться-PFV даже PROH смеяться
‘Я не бывал в Америке, поэтому не смейтесь, если я ошибусь.’

Рассмотрим значения этого суффикса.

3.1. Эксперинциалис

Основное значение суффикса, которое описывается во всех работах, посвященных аспектуальной системе китайского языка, — эксперинциальное. Присоединение к глаголу V суффикса guo в этом значении описывается как «хотя бы однажды V»:

(18) *wǒ* *bù* *néng* *shuō* *fēidié*
я NEG мочь сказать летающая.тарелка
yídìng *cúnzài,* *dànshi* *wǒ*
непременно существовать, но я
quèshí *kàn-jiàn-**guo*** *wúmíng fēixíng-wù*
действительно видеть-увидеть-EXP НЛО
‘Я не могу сказать, что летающие тарелки непременно существуют, но я в самом деле видел НЛО.’

Употребление *guo* как эксперинциального суффикса не ограничивается контекстами с одушевленными субъектами: значение *guo* можно определить как ‘ситуация хотя бы раз имела место на протяжении определенного промежутка времени’, при этом субъект действия — не обязательно одушевленное лицо, претерпевающее некоторый опыт. Ср., например, пример из [Tantucci 2013]:

(19) *shìjiè-shàng* *cúnzài-guo* *kǒnglóng*
мир-LOC существовать-EXP динозавры
‘На земле (когда-то) водились динозавры.’

Как видно из примера, *guo* может употребляться не только в том случае, когда некто имел определенный опыт в прошлом, но и в том случае, когда некоторая ситуация вообще имела место, неважно при этом, был ли у ситуации одушевленный субъект. Такое «расширение» эксперинциального значения (то есть экзи-

стенциалис, см. [Вострикова 2010]) не противоречит определениям экспериенциального значения, приведенным в [Comrie 1976][5] и [Dahl 1985][6].

3.2. Отмененный результат

Суффикс guo имеет еще одно важное значение: *guo* обозначает ситуацию с неналичествующим, т.е. отмененным результатом (выражая discontinuity, если использовать распространенный в англоязычной литературе термин). То есть некоторая ситуация, обозначенная основным глаголом, завершилась, но ее результат больше не имеет места или не наблюдается. В этом значении суффикс *guo* противопоставлен перфективному суффиксу *le*, ср. пример из [Chao 1968] (цитируется по [Smith 1997: 267]):

(20) *wǒ* *shuāiduàn-**le*** *tuǐ*
я сломать-PFV нога
'Я сломал ногу (=не уточняется: возможно, она все еще в гипсе).'

(21) *wo* *shuāiduàn-**guo*** *tuǐ*
я сломать-EXP нога
'Я сломал ногу (=она с тех пор зажила).'

Третьим участником этого противопоставления (инклюзивным маркером, указывающим на сохранение результата) является сентенциальная частица *le*; см. об этом ниже.

4. Эвиденциальность

Некоторые недавние исследования (ср. [Chappell 2004] и [Tantucci 2013]) посвящены вопросу о наличии категории эвиденциальности в мандаринском диалекте. В этих работах утверждается, что суффикс *guo* является показателем эвиденциальности

[5] "A given situation has held at least once during some time in the past leading up to the present" [Comrie 1976: 58].

[6] "The basic use of the experiential is in sentences in which it is asserted (questioned, denied) that an event of a certain type took place at least once during a certain period up to a certain point in time" [Dahl 1985: 141].

(«иммедиатива», т.е. прямой засвидетельствованности, или инферентива, т.е. вывода на основании умозаключения).

Чэпел проводит в своей статье сравнение нескольких китайских диалектов и приходит к выводу, что *guo* в большинстве из них (в том числе, в мандаринском) имеет инферентивное значение. По ее мнению, экспериенциальность неверно было бы считать базовой семантикой этого показателя, поскольку экспериенциальное значение релевантно только для одушевленных субъектов в первом лице (что, впрочем, не согласуется с определениями Даля и Комри, процитированными выше). Ссылаясь на исследования в области эвиденциальности, она говорит, что одним из источников для развития показателей эвиденциальности являются перфектные показатели, и *guo* и его аналоги в других китайских диалектах не являются исключением из этого правила. Таким образом, по мнению Чэпел, *guo* является перфектным показателем, на пути дальнейшей грамматикализации развившем инферентивное значение.

Однако предложения с *guo* с субъектом в первом лице не имеют инферентивного прочтения в китайском. Чэпел объясняет это тем, что субъект первого лица участвует в ситуации лично, и, следовательно, оценивает ее не на основании логического вывода, а наблюдает непосредственно. Тем не менее, инферентивность с первым лицом встречается в языках мира: эта проблема обсуждается, в частности, в [Майсак, Татевосов 2000], где приведены примеры инферентива с первым лицом в багвалинском языке и мишарском диалекте татарского. Говорящий, пусть даже он был инициатором описываемого действия, мог по каким-либо причинам не знать или забыть, что он это действие произвел, и впоследствии воспроизвести его в сознании на основании логического вывода.

Примеры, которые приводились в [Chappell 2004] и впоследствии в [Tantucci 2013], действительно, можно трактовать как эвиденциальные, ср. (19) выше. Тот факт, что на земле водились динозавры, доступен говорящему исходя из некоторого общего знания, пишет Тантуччи, это общее знание есть тот источник информации, на который указывает эвиденциальный показатель. Однако, как нам представляется, «носителем» эвиденциального значения нельзя считать в данном предложении суффикс *guo*,

потому что если заменить его на показатель дуратива *zai*, то источником информации по-прежнему останется некоторое общее знание.

Кроме того, существуют контексты, где грамматическая эвиденциальность была бы обязательно выражена, но которые не допускают употребления *guo* (пример из опросника Э. Даля [Dahl 2000]):

(22) *xiǎotōu tōngguo zhè shān chuānghu jìn le*
вор через этот CL окно войти PFV
fángzi.
дом
[Следователь расследует ограбление и, увидев следы под окном, говорит:] ‘Вор, похоже, проник в дом через это окно.’

Так как *guo*, как было сказано выше, может указывать только на отмененный результат, то в этом предложении этот показатель был бы неграмматичен. *Guo* возможно употребить только в примерах типа нижеследующего:

(23) *nǐ kāi-guo chuānghu (le) ma?*
ты открыть-EXP окно (CRS) Q
‘[Говорящий входит в комнату и чувствует,что в ней холодно, окно при этом закрыто:] Ты открывал окно?’

На основании того, что в комнате холодно, говорящий делает некоторое логическое умозаключение. Поскольку при этом выполнено условие, что результат действия отменен, то возможно употребление *guo*. Если же говорящий предполагает, что окно все еще открыто (например, он не видит его с того места, где стоит, а только чувствует холод), то *guo* употребить нельзя.

Таким образом, на основании всего вышесказанного, нельзя утверждать, что *guo* является в мандаринском диалекте грамматикализованным показателем инферентива. Употребление *guo* возможно только в некоторых инферентивных контекстах и с определенными ограничениями.

5. Сентенциальная частица *le* (了)

Другим «претендентом» на показатель перфекта в современном китайском языке является частица *le* (了). Обосно-

ванию такой трактовки, в частности, посвящена известная работа [Li, Thompson, Thompson 1982]. Следом за этими авторами о перфектной природе *le* писали и другие исследователи. Такой трактовки, следом за Ли и Томпсон, придерживаются также Дж. Байби [Bybee et al. 1994: 70] и Э. Даль [Dahl 1985: 180].

Большую трудность в изучении поведения этой частицы составляет тот факт, что в современном языке она омонимична перфективному глагольному аффиксу *le* (см. раздел 2.1). Хотя аффикс следует за глаголом, а частица оформляет всю клаузу, в случае, если глагол занимает финальную позицию, отличить один показатель от другого бывает проблематично. В данной работе мы постарались приводить только такие примеры, где порядок слов однозначно указывает на употребление того или другого показателя, чтобы избежать неоднозначности, ср.:

(24) *tā* *chī-**le*** *fàn.*
он есть-PFV рис
‘Он поел’.

(25) *tā* *chī-fàn* ***le.***
он есть-рис CRS
‘Он поел / он ест (=новая ситуация)’[7]

Слово *fan* ‘рис‘ является (хотя и формальным, но) дополнением, и при прямом порядке слов следует за глаголом. Если употреблен аффикс *le*, то он находится в позиции непосредственно после глагола, перед дополнением; если же употреблена частица, то она ставится после прямого дополнения, в конце предложения.

Два показателя не исключают друг друга и могут оба присутствовать в клаузе:

(26) *tā* *chī-**le*** *fàn* ***le.***
он есть-PFV рис CRS
‘Он поел’ (=новая ситуация).

[7] Частица *le* глоссируется как CRS (от Currently Relevant State – «состояние, имеющее текущую релевантность»), как это предложено в [Li, Thompson 1981].

5.1. История происхождения двух показателей le

Перфективный аффикс *le* (了), по версии большинства исследователей (см., например, [Shi 1989]), произошел из полнозначного глагола *liǎo* (了) со значением ‘закончить, завершить’. В раннем среднекитайском языке (в западной хронологии — Early Mandarin, X—XV вв.) он начал вытеснять другие глаголы сходного значения в конструкции типа V O 了 [Зограф 2005]. Потом постепенно конструкция V O 了 заменилась на V 了 O, т. е. глагол 了 стал непосредственно следовать за основным глаголом. В это же время произошла фонетическая редукция из *liǎo* в *le*. К XV в. процесс превращения 了 в аффикс, по-видимому, завершился.

История возникновения клитики *le* (了) не совсем прозрачна. Сяо и МакЭнери предполагают, опираясь, в том числе, на работы других исследователей, что сначала из глагола *liǎo* развилась финальная частица *le*, а потом из нее возник глагольный показатель *le* [Xiao, McEnery 2004]. Эта гипотеза не объясняет, почему финальная частица встречается именно в такой позиции и сочетается с самим перфективным аффиксом. Более вероятным представляется объяснение [Sun 1996], согласно которому клитика *le* произошла от глагола *lái* (来) ‘приходить, приближаться’, который в среднекитайском языке стал употребляться как перфектный показатель, окончательно утвердившись в этой роли примерно к XV в. Впоследствии, вероятно, произошла фонетическая редукция *lái* в *le*, в результате чего перфективный аффикс и перфектная клитика оказались омонимичны и стали обозначаться одним иероглифом.

5.2. Некоторые свойства частицы le

1) Оформление клаузы

В статье [Shi 1990] содержится меткое наблюдение о том, что частица *le*, в отличие от прочих сентенциальных частиц современного китайского языка, имеет сферой действия клаузу, а не всё предложение. Действительно, при построении сложного предложения (например, темпорального или относительного) частица *le* может оформлять только зависимую клаузу, ср. примеры из [Shi 1990]:

(27) *Chī-fàn* ***le*** *de* *rén...*
есть-рис CRS ATTR люди …
‘Люди, которые поели...’

(28) *Chī-fàn* ***le*** *yǐhòu…*
есть-рис CRS после…
‘После того, как поели...’

В этом состоит отличие данного показателя, например, от вопросительной частицы *ma*, которая также является сентенциальной, однако способна оформлять только главную предикацию, ср.:

(29) **Chī-fàn* ***ma*** *de* *rén…*
есть-рис Q ATTR люди

(30) **Chī-fàn* ***ma*** *yǐhòu...*
есть-рис Q после

2) Отрицание

В отличие от аффиксального *le*, сентенциальная частица может сочетаться как с отрицанием mei, так и с отрицанием *bu* (в зависимости от того, к какому временному плану относится отрицание):

(31) *kuài* *chī* *diǎn* *ba,* *nǐ* *yǒu*
быстро есть немного HORT ты иметь
hěn *jiǔ* *méi* *chī-fàn* ***le****!*
очень долго NEG есть-рис CRS
‘Скорее поешь, ты очень давно ничего не ел!’

(32) *Wǒ* *bù* *chī-fàn* ***le,*** *qǐng* *tā*
я NEG есть-рис CRS просить он
bǎ *fàn* *ná-zǒu.*
DO рис взять-уходить
‘Я не буду есть, попроси его унести еду.’

5.3. Значения частицы le

Общим компонентом разных значений частицы *le* можно считать релевантность некоторого события по отношению к положению дел в момент речи. На этом основании многие исследователи называют эту частицу показателем перфекта.

Первым автором, который употребил термин «перфект» в отношении частицы *le*, был А. А. Драгунов, ср.: «Модальная частица ла употребляется, как известно, в тех случаях, когда говорящий желает подчеркнуть, что то или иное действие или состояние (рассматриваемое как новое потому, что оно раньше не имело места или на него до этого не обращалось внимания, или же наступление его не предвиделось) либо уже налицо в момент речи, либо же будет налицо в ближайшем, достоверном будущем и поэтому может рассматриваться как уже реализованное. В модально-временном плане эта частица подчеркивает достижение известной точки на линии времени и имеет, следовательно, перфектное значение: «к данному моменту уже произошло или непременно произойдет то-то и то-то», и поэтому эту частицу можно было бы назвать модальным показателем настояще-прошедшего времени» [Драгунов 1952: 136].

К сожалению, эта работа не была известна западным исследователям, поэтому право открытия этой категории приписывается гораздо более поздней работе Ли, Томпсон и Томпсон [Li, Thompson, Thompson 1982].

Несмотря на то, что у всех употреблений перфекта есть общий компонент релевантности по отношению к моменту речи, конкретные значения перфектных показателей в разных языках сильно различаются. Рассмотрим те значения, которые выражает в современном китайском языке сентенциальная частица le.

5.3.1 Изменение положения дел. Значение сентенциального le, которое, вслед за [Li, Thompson, Thompson 1982] выделяет большинство исследователей — это так называемое «изменение положения дел» (change of state). Некоторая ситуация в прошлом релевантна для момента речи, если релевантны те изменения, которые она за собой повлекла. Ср. примеры:

(33) *tā* *yǐjīng* *zhīdào* *nèi* *jiàn* *shì* ***le***
он уже знать этот CL дело CRS
‘Он уже об этом знает (= раньше не знал).’

Аналогичное предложение, употребленное без частицы *le*, было бы просто констатацией того факта, что он нечто знает; частица *le* подчеркивает, что раньше положение дел было другим, то

есть ситуация является новой по отношению к предыдущей: раньше он этого не знал.

(34) *wǒ* *jīntiān* *lǐng-le* *gōngzī,* *kěyǐ* *gěi*
я сегодня получить-PFV зарплата, можно DAT
nǐ *mǎi* *píjiǔ* ***le***.
ты купить пиво CRS.
‘Я получил сегодня зарплату, поэтому могу купить тебе пиво (= раньше не мог).’

Ситуация ‘я могу купить тебе пиво’ является новой по отношению к предыдущему положению дел: получение говорящим зарплаты привело к изменению, в результате которого он может купить пиво; поэтому закономерно употребление *le*.

Изменение положения дел может быть не только объективным, но и субъективным; иначе говоря, *le* может также обозначать, что ситуация является новой с точки зрения говорящего, даже если на самом деле она уже имела место раньше. В предложении ниже, цитировавшемся во многих работах, *le* может быть употреблено не только в случае, если дождь только что начался, но также и в случае, когда он начался давно, но говорящий только что это заметил:

(35) *Xià* *yǔ* *le.*
спускаться дождь CRS
‘Идет дождь (= он только что начался; или: я только что это заметил)’

Фунции сентенциального *le* хорошо описывает недавно разработанное в аспектологических исследованиях понятие ямитива (iamitive, см., например, работу Б. Оллсона [Ollson 2013]) . Под ямитивом понимается показатель, обладающий двумя главными свойствами: он маркирует наступление некой «новой ситуации» после изменения положения дел и одновременно указывает на последствия, которые ситуация имела для ее участников [Ollson 2013: 41]. Первое свойство, как отмечает Оллсон, характерно также для наречий типа «уже», а второе — для показателей перфекта.

Сентенциальное *le* обладает этими свойствами, и разделяет некоторые другие отмеченные в этой работе свойства ямитивов,

как то: при присоединении к стативному предикату означает начало состояния (*zhè duo huā hóng le — этот цветок стал красным*); не сочетается с наречиями типа «только» (downward-entailing quantifiers), находится в сфере действия присоединяемого отрицания и др.; в то же время, часть характерных для ямитивов свойств, таких как описание «ожидаемой» ситуации, ему не присущи.

Такие примеры, как (35), можно было бы трактовать и как инферентивные: *le* в этом предложении возможно употребить в случае, если говорящий не наблюдает непосредственно идущий дождь, но, например, слышит стук капель по крыше или видит мокрую мостовую. Однако, по-видимому, нельзя сказать, что *le* является грамматикализованным показателем инферентива: как было сказано выше, существуют контексты, в которых инферентивное прочтение напрашивается, но грамматически никак не выражено (см. раздел 4 об эвиденциальном значении *guo*).

5.3.2. «Вопреки ожидаемому». Другое значение *le*, отмечаемое в некоторых исследованиях, — значение нереализованного ожидания. В работе [Li, Thompson 1981] оно обозначается как “correcting a wrong assumption”, в работе [Soh 2009] — “contrary to expectation”. Речь идет о случаях, когда ситуация, описываемая говорящим, не совпадает с представлениями, которые раньше имел о ней слушающий. Можно сказать, что в этом случае подчеркивается релевантность для момента речи именно описываемого положения дел.

(36) *hāi, guāguā! nǐ wàng běifang*
эй, кря-кря! ты в.направлении север
qù ***le!***
уходить CRS
[Из сказки: собака кричит своей подруге-утке, которая пролетает над ней, считая, что улетает на юг:] Эй, кря-кря! Ты летишь на север! (= а не на юг, как ты считала).
[Li, Thompson 1981]

В высказывании собаки употреблено *le*, чтобы подчеркнуть, что предположение утки, что она летит на юг, неверно. Без частицы *le* это высказывание имело бы значение простой констатации: ты летишь на север.

(37) *Zhè piàn xīguā hěn tián* ***le***.
этот CL арбуз очень сладкий CRS.
Bú bì jiā táng ***le***.
NEG нужно добавить сахар CRS
‘Этот арбуз очень сладкий, сахар добавлять необязательно (= слушающий считал, что нужно добавить сахар).’
[Soh 2009]

Частица *le*, употребленная в данном предложении, указывает на то, что слушающий ожидал другого положения дел, а именно, он считал, что требуется посахарить арбуз. Говорящий указывает на то, что это предположение неверно. Другое толкование этого предложения (изменение положения дел: раньше арбуз был несладкий, но теперь стал сладким) невозможно потому, что наречие *hěn* ‘очень’ употребляется исключительно при свойствах и не допускает инхоативного толкования; в противном случае оно было бы опущено (ср. *zhè piàn xīguā tián le* ‘этот арбуз стал сладким’).

В некотором отношении это значение *le* обратно адмиративному значению: их не следует смешивать, так как значение адмиратива — несоответствие положения дел тому, чего ожидает говорящий, тогда как в данном значении несоответствие ожиданий и текущего положения дел обнаруживается у слушающего, и говорящий его корректирует.

В этом значении (ситуация не совпадает с ожидаемой) частица *le* сближается с употреблением в русском языке контрастивных частиц типа *же*, *все-таки*, *таки*, а также немецкого *doch*, французского *si* и других: «Я же уже пил кофе!» означает, что слушающий забыл или выпустил из вида тот факт, что говорящий пил кофе, и говорящий ему об этом напоминает. Ср. словарную статью ЖЕ из словаря [Ожегов, Шведова 1999]: «Частица. Подчеркивает сказанное с нек-рым оттенком раздражения, недовольства по поводу того, что приходится говорить об известном, очевидном, повторять сказанное, напоминать или требовать снова. *Ты же знаешь, что этого нельзя делать. Я же не спорю, не нужно сердиться. Дождь же, надень плащ*».

Нам кажется, что «оттенок раздражения или недовольства» необязательно входит в значение *же*; этот компонент может быть, скорее, прагматическим следствием, а основным значением

является именно несоответствие положения дел, сообщаемого говорящим, тому, о котором предполагает слушающий. Именно в этом значении она сближается с китайской частицей.

5.3.3 Инклюзивность. Можно выделить еще одно «перфектное» значение частицы *le*, которое не очень часто встречается в языках мира (среди европейских языков оно представлено, например, в английском и испанском языках), и которое обычно не выделяется авторами-китаеведами. Это «инклюзивное» значение: в данном случае обозначается не столько результат ситуации, сколько тот факт, что сама ситуация еще не завершилась в момент речи.

(38) *tā* *yǐjīng* *kàn-le* *sān-ge* *xiǎoshí*
она уже смотреть-PFV три-CL часа
[*de* *diànshì*] ***le***.
[ATTR телевизор] CRS.
‘Она уже три часа смотрит телевизор.’

Употребление *le* в этом предложении определяет его инклюзивное прочтение: «она уже три часа смотрела телевизор и до сих пор его смотрит». Без частицы *le* то же самое предложение позволяло бы обе интерпретации: ‘смотрела и закончила смотреть’, или ‘смотрела и до сих пор смотрит’.

Два предложения ниже иллюстрируют противопоставление с точки зрения инклюзивности при употреблении частицы *le* vs. суффиксов *le* и *guo*: предложение с частицей *le* переводится как инклюзивное: «до сих пор здесь живу», тогда как *guo*, как было сказано выше, имеет значение отмененного результата и, следовательно, допускает только перевод «больше не живу»; суффикс *le*, нейтральный с точки зрения инклюзивности, допустим в обоих контекстах.

(39) *wǒ* *zài* *zhèli* *zhù-le* *qī* *nián* ***le***
я в здесь жить-PFV 7 год CRS
‘Я прожил здесь 7 лет (и до сих пор здесь живу)’

(40) *wǒ* *zēng* *zài* *zhèli* *zhù-**guo**(/-**le**)* *qī* *nián,*
я уже в здесь жить-EXP(/-PFV) 7 лет,
dàn *hòulái* *wǒ* *bèipò* *bān-zǒu-le.*
но потом я должен переехать-уйти-PFV
‘Я прожил здесь 7 лет, но потом мне пришлось переехать.’

5.3.4. Модальное значение: смягчение категоричности. У частицы *le* есть еще одно значение, не связанное прямым образом с перфектной областью, то есть с релевантностью результата относительно момента речи: это значение смягчения категоричности. Так, одно и то же высказывание «Не опаздывай!» может быть оформлено по-разному в зависимости от категоричности тона говорящего, ср.:

(41) *bié* *chídào!*
PROH опаздывать
'Не опаздывать!' (говорит учительница детям в школе)

(42) *bié* *chídào* ***le****!*
PROH опаздывать CRS
'Не опаздывай!' (говорит мама ребенку, опасаясь, что он задерживается)

Несмотря на некоторую удаленность модального значения от перфектной семантической зоны, смягчение категоричности тоже можно объяснить через понятие «текущей релевантности»: говорящий, употребляя *le*, показывает свою заинтересованность в слушающем, свою причастность к ситуации и, тем самым, ее значимость. Недаром это употребление очень характерно для императивов: *le* в императиве подчеркивает личную заинтересованность говорящего в том, чтобы повеление было выполнено.

Ли и Томпсон относят эту группу примеров к значению «завершенности высказывания» (closing a statement). Они усматривают связь завершенности высказывания и его релевантности по отношению к моменту речи, объясняя это тем, что завершенное высказывание имеет важность само по себе, как некоторая новость, не требующая ответа на вопрос «и что с того?». И действительно, примеры, которые они приводят, довольно хорошо вписываются в значение смягчения категоричности: в основном, контексты различаются тем, говорят ли друг с другом малознакомые или хорошо знакомые люди. Два близких приятеля, прощаясь друг с другом, скажут (пример из [Li, Thompson 1981]):

(43) *hǎo,* *míngtiān* *jiàn* ***le****!*
хорошо завтра увидеть CRS
'Хорошо, встретимся завтра!'

тогда как партнеры по бизнесу, скорее всего, частицу *le* не употребят. Итак, выделяется несколько значений частицы *le*, все из них так или иначе можно обобщить как обозначающие релевантность события по отношению к моменту речи; это обобщение позволяет считать *le* показателем, близким к зоне перфектных значений, так как общим значением этой категории как раз и является наличие такой релевантности.

6. Заключение

Мы рассмотрели свойства и значения двух показателей в мандаринском диалекте китайского языка, которые претендуют на звание показателей перфекта. Оба они имеют глагольное происхождение и развились из компонентов результативной конструкции.

Суффикс *guo* имеет в качестве основного значения экспериенциальность, дополнительным значением является значение отмененного результата. Грамматическим показателем эвиденциальности, как было показано выше, этот суффикс, по-видимому, все-таки не является.

Частица *le* выражает значения изменения положения дел, инклюзивности и значения «вопреки ожиданиям», а также модальное значение смягчения категоричности. Эвиденциальная семантика этого показателя также является вторичной.

Таким образом, два показателя разделяют между собой характерные для перфекта функции, так что разнобой мнений относительно того, который из них все-таки считать перфектным, вполне правомерен. Нам представляется, однако, что значение «отмененного результата», которое имеет суффикс *guo*, несколько противоречит общей семантике перфектной категории как обозначающей релевантность результата ситуации относительно момента речи. Можно, впрочем, возразить на это, что отмененный результат также является результатом и его отсутствие может быть релевантным. (В таком случае нам придется усматривать значение, близкое к перфектному, для случаев типа русского несовершенного вида в предложениях вроде «ты открывал окно?»).

Значения частицы *le* лучше вписываются в перфектную семантику, поэтому неудивительно, что сторонников идеи, что именно она является перфектным показателем, больше. Некоторую

сложность привносит тот факт, что она не является, строго говоря, частью глагольной парадигмы, так как оформляет всю клаузу.

Список условных сокращений

ATTR — определение; CL — классификатор; CRS — сентенциальная частица *le*; CVB — одновременное действие; DAT — дативный объект; DEB — дебитатив / будущее время; DO — показатель инверсированного прямого объекта; EXP — экспериенциалис; HORT — гортатив; LOC — локативный объект; NEG — отрицание; NEG.PFV — отрицание при перфективе; PFV — перфектив; PROB — пробабилитив / будущее время; PROH — прохибитив; Q — вопросительная частица.

Источники:

Электронный корпус Пекинского Университета (Center for Chinese Linguistics PKU)
http://ccl.pku.edu.cn:8080/ccl_corpus/index.jsp

Литература

Вострикова 2010 — Н. Вострикова. Типология средств выражения экспериентивного значения. Дисс. ... канд. филол. наук. М.: МГУ, 2010.

Драгунов 1952 — А. А. Драгунов. Исследования по грамматике современного китайского языка. Москва — Ленинград: Издательство академии наук СССР, 1952.

Зограф 2005 — И. Т. Зограф. Среднекитайский язык. Опыт структурно-типологического описания. Санкт-Петербург: Наука, 2005.

Майсак, Татевосов 2000 —Т. А. Майсак, С. Г. Татевосов. Пространство говорящего в категориях грамматики, или чего нельзя сказать о себе самом // Вопросы языкознания, №5, 2000. С. 68–80.

Ожегов, Шведова 1999 — С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., дополненное. М.: Азбуковник, 1999.

Плунгян 2011 — В. А. Плунгян. Введение в грамматическую семантику. Москва: РГГУ, 2011.

Яхонтов 1983 — С. Е. Яхонтов. Результатив в китайском языке // В. П. Недялков (ред.). Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект). Ленинград: Наука, 1983. С. 67–80.

Bybee et al. 1994 — J. Bybee, R. Perkins, W. Pagliuca. The Evolution of Grammar. Tense, aspect, and modality in the languages of the world. Chicago: The University of Chicago press, 1994.

Chappell 2004 — H. Chappell (ed.). Sinitic Grammar: Synchronic and Diachronic Perspectives. Oxford: Oxford University Press, 2004.

Comrie 1976 — B. Comrie. Aspect. Cambridge: Cambridge University Press, 1976.

Dahl 1985 — Ö. Dahl. Tense and Aspect Systems. Oxford: Blackwell, 1985.

Dahl 2000 — Ö. Dahl (ed.). 2000. Tense and aspect in the languages of Europe. Berlin: Mouton de Gruyter.

Li, Thompson 1981 — C. N. Li, S. A. Thompson. Mandarin Chinese: a functional reference grammar. Berkeley: University of California press, 1981.

Li, Thompson, Thompson 1982 — C. N. Li, S. A. Thompson, R. M. Thompson. The discourse motivation for the perfect aspect: The Mandarin Particle *LE*. // Hopper (ed.) Tense-Aspect: Between Semantics and Pragmatics. Amsterdam: Benjamins. 1982.

Ollson 2013 — B. Ollson. Iamitives: Perfects in Southeast Asia and beyond. Thesis. Stockholm: Stockholm University, 2013.

Smith 1997 — C. Smith. The parameter of aspect. Dordrecht:: Kluwer Academic Publishers, 1997.

Soh 2009 — H. Soh. Speaker presupposition and Mandarin Chinese sentence-final -*le*: a unified analysis of the “change of state” and the “contrary to expectation” reading. Natural Language & Linguistic Theory. Volume 27, Issue 3, 2009. P. 623–657.

Sun 1996 — C. Sun. Word order change and grammaticalization in the history of Chinese. Stanford: Stanford University Press, 1996.

Tantucci 2013 — V. Tantucci. Interpersonal evidentiality: the Mandarin V-*guo* construction and other evidential systems beyond the ‘source of information’ Journal of Pragmatics, 57, 2013. P. 210-230.

Xiao, McEnery 2004 — R. Xiao, T. McEnery. Aspect in Mandarin Chinese: A corpus-based study. Amsterdam: John Benjamins, 2004.

И. М. Горбунова

Институт лингвистики РГГУ, Москва

О ПЕРФЕКТЕ И СМЕЖНЫХ КАТЕГОРИЯХ В АТАЯЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ

1. Вводные замечания

Атаяльский язык принадлежит к атаялической группе австронезийских языков [Blust 2009: 29]. Он распространен на острове Тайвань в префектурах городов Тайпей, Таоюань, Синьджу, Мяоли, Тайджун, Наньтоу, Хуалянь и Илань. Базовый порядок слов (по [Liu 2004: 13]) — VOS, однако широко распространенная в данном языке топикализация делает возможными порядки OVS и SVO. О том, является ли атаяльский язык номинативным или эргативным, нет единого мнения (подробнее см. [Huang 1994; Starosta 1999; Liao 2004; Yeh, Huang 2006; Chen 2007; Huang, Lin 2012]).

В настоящей статье представлены результаты исследования некоторых глагольных форм атаяльского языка в говоре поселка Пьянан (китайское название поселка — Наньшань; расположен в префектуре Илань, район Датун). В качестве основного материала исследования используются примеры из устного корпуса текстов, собранного нами в указанном поселке в период с 2009 по 2010 гг., а также данные опроса информантов, проводившегося в 2010 и 2011 гг.

Ввиду того, что разработанная для атаяльского языка графика не имеет общепринятой нормы, а большинство жителей поселка Пьянан не владеют грамотой, для записи примеров в настоящей работе используется фонологическая транскрипция (обратим внимание, что наша запись лексем может отличаться от записи в других источниках).

Во втором разделе статьи будет дана краткая справка о глаголе и глагольных категориях в атаяльском языке. В последующих разделах будут рассмотрены две формы глагола, каждая из которых анализируется в некоторых источниках как форма прошедшего времени. При этом для каждой из этих форм суще-

ствуют употребления, сближающие ее с перфектом. В третьем разделе будет показано, что синтетическая форма «прошедшего времени» на самом деле представляет собой форму «нерезультативного прошедшего» (non-resultative past по [Dahl 1985]), и тем самым представляет собой скорее антипод перфекта. В четвертом разделе подробный анализ будет предложен для аналитической формы «прошедшего времени». Будет показано, что эта форма близка к перфекту, но имеет дополнительную комплетивную семантику (в терминах [Dahl 1985; Bybee et al. 1994; Майсак 2005]), что может свидетельствовать о диахроническом переходе от одного значения к другому. Пятый раздел посвящен анализу контекстов, в которых допустимы обе проанализированные формы.

2. Общие сведения о глаголе

Глагольные аффиксы в атаяльском языке в большинстве своем являются словообразовательными («вторичные аффиксы» по [Rau 1994: 35]). Словоизменительные аффиксы образуют формы четырех фокусов (о них речь пойдет ниже) и двух наклонений (индикатива и неиндикатива, см. [Rau 1994; Ross 2002; Сирк 2008]). Система фокусов и наклонений представлена в таблице 1.

Таблица 1. Показатели форм фокуса и наклонения в атаяльском языке (адаптировано из [Rau 1992])

	Индикатив[1]	Неиндикатив	
		Атемпорал	Субъюнктив
агентивный фокус (AF)	*Ø, m-, -m-*	*Ø*	*-a*
пациентивный фокус (PF)	*-un*	*-i*	*-aw*
локативный фокус (LF)	*-an*	*-i*	*-ay*
инструментальный фокус (IF)	*s-*	*s-*	(n/a)

[1] Формы индикатива не всегда маркируются показателями фокуса. Так, показатели фокуса не сочетаются с маркером проспектива / потенциалиса *p-*.

Фокус (по другой терминологии «залог»)[2] маркирует глагол с точки зрения распределения семантических ролей между именными группами. В частности, если все участники выражены прономинально, то лишь одно местоимение маркируется номинативом (полноценная именная группа в пьянанском варианте атаяльского языка крайне редко маркируется падежом). Позиция такого местоимения является тем самым синтаксически привилегированной. То, какая семантическая роль соответствует этой синтаксически привилегированной позиции, зависит от «фокуса».

Как показано в таблице 1, глаголы в атаяльском языке, в отличие от глаголов в типичных залоговых системах, различают более двух «залогов», причем в разных «залогах» синтаксически привилегированную позицию может занимать не только ядерный актант (агенс, пациенс, стимул, экспериенцер и т.п.), но также инструмент, место, время действия или бенефициант ситуации. Среди форм фокуса нельзя выделить одну, относительно которой остальные формы считались бы формально производными: большинство предикатов имеют ненулевой показатель фокуса во всех формах. Кроме того, «залоговая» форма, при которой привилегированную позицию в предложении занимает агенс («активный залог»), как и во всех австронезийских языках филиппинского типа, обладает наибольшей инактивностью (см. [Сирк 2008: 283]). Тем самым, категория фокуса в австронезийских языках, хотя и имеет некоторое формальное сходство с залогами, и, безусловно, принадлежит к разряду операций над аргументной структурой, очевидно, отличается от «залога» в привычном понимании этого термина. К акциональной и аспектуальной интерпретации высказывания категория фокуса прямого отношения не имеет.

---

[2] В работах ведущих австронезистов преобладает термин «залог» (см. книги [Сирк 2008; Wouk, Ross (eds) 2002], в особенности статью [Himmelmann 2002]). Термин «фокус» используется в основном тайваньскими исследователями для того, чтобы подчеркнуть разницу между «залогом» в австронезийском смысле и «залогом» в других языках. Так, в литературе об атаяльском языке термин «залог» используется в работах С. Эгерода ([Egerød 1965]), В. Рау ([Rau 1992]) и Л. Хуан до 1995 года (ср. [Huang 1991]). Термин «фокус» в литературе об атаяльском языке последние 20 лет доминирует, и в настоящей статье предпочтение отдано ему.

Лишь два аффикса, отмечаемые в индикативных формах, имеют, согласно принятым в различных описаниях точкам зрения, темпоральную или темпорально-аспектуальную семантику. Это префикс *p-* (не сочетается с маркерами фокуса, используется только в синтаксических структурах агентивного фокуса и имеет аспектуально-модальную семантику, близкую к проспективу (1) и потенциалису (2)) и инфикс *-in-* (о нем пойдет речь ниже).

(1) ***p-htuw****=ku* *tanux* *qasa* *ga*
PROS-выйти=1SG.N дверь тот TOP
niu *m-ita* *biru* *yaya=mu*
PRG/RES AF-читать книга мама=1SG.G
‘Когда я **собирался выходить** из дома, моя мама читала книгу’

(2) *yasa* *ga* ***p-kyap****=nha* *qa* *byok* *rgiax*
тот TOP PROS-поймать=3PL.G DEF свинья горы
lasa *hya*
такой он
‘Таким (капканом) **можно поймать** и дикого кабана’

Форма индикатива, не маркированная никакими показателями, кроме показателей фокуса, и не участвующая в аналитических (видовых или модальных) конструкциях, является в данном языке формой фактатива[3] («нейтральный вид» по [Egerød 1965]; «нейтральная видо-временная форма» по [Сирк 2008: 302]). Эта форма в зависимости от контекста и акционального класса предиката может обозначать событие в прошлом (3) или будущем (4), состояние (5–6) или процесс (7–8) в прошлом или настоящем, а также регулярно повторяющуюся ситуацию (9).

(3) *sasan* *soni* ***k‹m›ayal*** *squleq* *mha*
утро сегодня <AF>говорить человек CMPL
p-behuy *kira* *ma*
PROS-ветер сейчас QUOT
‘Утром **сказали**, что сегодня будет тайфун’

[3] Термин «фактатив» был предложен в [Welmers 1973] для форм, видо-временная интерпретация которых зависит от акционального класса предиката и контекста. Подробнее о фактативе в языках мира см. [Шлуинский 2012].

(4) ***m-wah*** *suxan* *ssuy=mu* *kneril*
AF-прийти завтра старший.родственник=1SG.G женщина
‘Завтра **приедет** моя старшая сестра’

(5) *s-raran* *ga* ***qyinut****=sami* *balay*
ADV-древний TOP бедный=1PL.EXC.N настоящий
‘В древности мы **были** очень **бедны’**

(6) ***m-naga****=ku* *raŋi=mu*
AF-ждать=1SG.N друг=1SG.G
‘Я **жду** друга’

(7) *ana* *niu* *m-oyay* *balay* *qu* *squleq* *qani*
хотя PRG/RES AF-устать очень DEF человек этот
si *ga* ***m-hnaŋi*** *ha*
AFF TOP AF-идти.пешком EMPH
‘Хотя этот человек очень устал, он все же **идет’**

(8) ***m-qumah****=sami* *tiqah* *shera*
AF-работать.в.поле=1PL.EXC немного вчера
‘Мы вчера немного **поработали** в поле’

(9) ***m-qumah****=ku* *krriax*
AF-работать.в.поле=1SG.N постоянно
‘Я постоянно **работаю** в поле’

В то же время, в данном языке, наряду с немаркированной формой, имеющей такой широкий спектр допустимых видо-временных интерпретаций, существуют аналитические конструкции, имеющие узко специфичное значение. Например:

Авертив (‘ситуация была на грани осуществления, но не произошла’). Аналитическая конструкция со вспомогательным глаголом *aki* (лексическое значение — ‘существовать / быть где-либо’):

(10) ***aki****=ku* ***m-usa*** *rqiax* *soni* *kt.an.l.ga*
AVER=1SG.N AF-идти горы сегодня в.итоге
mqwalah *la*
AF.дождь DCNT
‘Я **собирался было пойти** в горы сегодня, но идет дождь (и я не пошел)’

Экспериентив (‘ситуация имела место по меньшей мере однажды’)[4]. Аналитическая конструкция со вспомогательным глаголом *nbaq* (форма глагола *baq* ‘уметь / знать’ с инфиксом *-in-*[5]):

(11) *yat=ku* ***nbaq*** ***pnet*** *quleh*
NEG=1SG.N EXP AF.удить рыба
‘Я никогда не **удил** рыбу’

Прогрессив (12)/ **Результатив** (13).[6] Аналитическая конструкция с парой вспомогательных глаголов *tiu(x)* или *niu(x)* (лексическое значение — ‘находиться вдали / вблизи от говорящего’). Выбор вспомогательного глагола зависит исключительно от того, как расположено место ситуации относительно дейктического центра. В большинстве случаев конструкция имеет прогрессивную интерпретацию. Результативная интерпретация возможна лишь с малым классом глаголов (в частности, с глаголом *quji* ‘вешать / висеть’). Для предикатов этого класса выбор интерпретации зависит от фокуса: при агентивном фокусе имеет место прогрессивная интерпретация, в то время как при неагентивном — результативная интерпретация.

(12) ***niu****=ku* *traŋ* ***q‹m›uji*** *lukus*
PRG/RES=1SG.N FPRG <AF>вешать/висеть одежда
‘Я как раз сейчас **вешаю** одежду’

(13) ***tiu****=mu* ***s-quji*** *lukus*
PRG/RES=1SG.G NAF-вешать/висеть одежда
‘~Одежда **повешена** мной (и **висит там**)’

Конструкции со вспомогательным глаголом *wa(l)* (< *wayal* ‘уйти’) посвящен четвертый раздел настоящей статьи.

Еще одна грамматическая категория, о которой стоит упомянуть прежде, чем приступать к анализу интересующих нас

---

[4] Данная форма не описана ни в одном из известных нам источников по атаяльскому языку. Специально данная форма не изучалась, и ее дистрибутивные свойства и тонкости семантики не до конца ясны.

[5] Аффикс *-in-*, имеет несколько алломорфов: префиксы *in-*, *n-* и инфиксы *-in-*, *-n-*. Выбор алломорфа зависит от основы и фокуса. Подробнее об этом речь пойдет в разделе 2.

[6] Об использовании одной конструкции для выражения этих двух значений в языках мира см. [Ebert 1995].

форм, — категория фазовой полярности (подробнее см. [Горбунова 2011; 2014]). В атаяльском языке существует пара частиц *na* и *la*, по семантике близких к русским наречиям *еще* и *уже*. Употребление этих частиц в некоторых контекстах оказывается обязательным (что отличает их от русских наречий):

(14) *wa* *m-slaqi* *sajiŋ* *laqi*
PRF AF-родить два ребенок
qu *qsuyan=mu* *kneril* ***(la)**
DEF старший=1SG.G женщина DCNT
‘Моя старшая сестра (букв. ‘**уже**’) родила двух детей’

(15) *ini=ta* *q.aneq* ***(na)** *ga*
NEG=1PL.INC DEP.кушать CNT TOP
lama=ta *mima* *qba*
сначала=1.PL.INC мыть рука
‘Перед едой (букв. ‘**еще** не поев’) мы сперва моем руки’

Как и аналогичные фазовые наречия, частицы в атаяльском языке сопоставляют полярность ситуации, с одной стороны, с моментом времени в прошлом, а с другой стороны — с ожидаемым или ожидавшимся положением вещей. Так, частица *na* (континуатив) обозначает, что ситуация имела место в прошлом и имеет место в настоящем, хотя ожидалось (или ожидается), что она перестанет иметь место. Частица *la* (дисконтинуатив) обозначает, что ситуация не имела места в прошлом, но имеет место в настоящем, хотя ожидалось или ожидается, что она не будет иметь места. Отсутствие фазовых частиц обозначает, что у говорящего нет и не было ожиданий касательно того, что описываемая ситуация не должна иметь места в настоящем или должна не иметь места в будущем. Ср. следующие примеры:

(16) *swa* *ini* *ʔabi* ***na*** *laqi* *qani*
почему NEG спать CNT ребенок этот
‘Почему этот ребенок **еще** не спит?’

(17) *ini=ku* *ʔabi* ***la***
NEG=1SG.N спать DCNT
‘Я **уже** не сплю’

(18) *ini=ku* *ʔabi*
NEG=1SG.N спать
‘Я не сплю (и неверно, что я недавно проснулся или собирался в ближайшее время спать)’

Итак, атаяльский глагол в индикативе имеет, с одной стороны, форму фактатива с необычайно широким спектром видо-временных интерпретаций, и с другой стороны, набор форм и конструкций с достаточно узким аспектуально или модально-аспектуальным значением. Не рассмотренными выше остались две формы, согласно грамматике [Rau 1992], обозначающие прошедшее время: синтетическая форма с инфиксом *-in-* и аналитическая конструкция со вспомогательным глаголом *wa(l)* (< *wayal* ‘уйти’). Так как прошедшее время может обозначаться и формой фактатива, было бы логично предположить, что эти формы имеют дополнительное аспектуальное или модально-аспектуальное значение. Перфект мог бы быть значением (или одним из значений) одной из этих форм.

3. Синтетическая форма: нерезультативное прошедшее

Аффикс *-(i)n-*, о котором пойдет речь в данном разделе, имеет четыре алломорфа: префиксы *in-* и *n-* и инфиксы *-in-* и *-n-*. Выбор алломорфа зависит от основы, формы фокуса и фонетического контекста. Так, в сочетании с предикатом *kayal* ‘говорить/сказать’ данный аффикс принимает вид инфикса *-n-* (*k‹n›ayal* ‘говорил прежде’), а в сочетании с предикатом *wah* ‘идти (сюда) / прийти’ — вид префикса *n-* (*m-n-wah* ‘приходил’, где первый префикс *m-* маркирует агентивный фокус). Наличие гласного, видимо, зависит от фонетического контекста. В дальнейшем, апеллируя к этому аффиксу, для удобства мы будем говорить просто «инфикс *-in-*». Форма с инфиксом *-in-* очень продуктивна, однако встречаются лексемы, не имеющие этой формы: например, *pnet* ‘ловить (рыбу) сетью’. Причины дефектности парадигм таких предикатов не изучены.

Форма с инфиксом *-in-* в различных описаниях трактуется как форма прошедшего времени ([Rau 1992]) или перфектива ([Egerød 1965; Liu 2004]). В качестве иллюстрирующих примеров приводятся такие (пример из [Rau 1992: 49], транскрипция сохранена, глоссы и перевод адаптированы):

(19) ***iyat***=*saku'* ***m-n-wah*** *k‹**m**›ut* *kun* *hiya'* *ru'*
NEG=1SG.N AF-FP-идти <AF>резать я тот &
'Я сам **никогда не ходил** резать (головы китайцев)'

Приведенный пример демонстрирует одно из самых частотных значений данной формы — экспериентивное значение. Действительно, в большинстве экспериентивных контекстов используется эта форма и только она (если такая форма у данной основы есть; в противном случае используется перифрастическая конструкция, продемонстрированная в примере (11)[7]). Аналогичные примеры были получены нами в поселке Пьянан:

(20) ***yat***=*ku* ***m-in-ŋilis*** *qnxan*=*mu* *qani*
NEG=1SG.N AF-FP-плакать жизнь=1SG.G этот
'Я в жизни **не плакал**'

(21) ***m-in-nbuw***=*ku* *qwaw* *tayal*
AF-FP-пить=1SG.N вино атаял
'Я (минимум раз в жизни) **пил** атаяльское вино'

(22) ***p‹in›yuʔ-an***=*mu* *yugi* *qani* *la*
<FP>танцевать-NAF=1SG.G танец этот DCNT
'Я уже **танцевал** этот танец' (в ответ на предложение потанцевать новый танец)

Однако экспериентив — не единственное значение данной формы. Экспериентивная интерпретация в первую очередь характерна для предикатов, обозначающих процесс или мгновенное событие, не влекущее за собой естественного результата. С предикатами другой акциональной характеристики у данной формы наблюдаются другие значения. Так, у стативных предикатов данная форма имеет значение сверхпрошлого ('ситуация имела место до момента речи и не имеет места в момент речи'; также именуется discontinuous past [Plungian, van der Auwera 2006] и framepast [Dahl 1985]). Примеры такого употребления интересующей нас формы даны ниже:

(23) ***m-in-smoya***=*ku* *tiqah* *gal-an* *pcbaq* *biru*
AF-FP-хотеть=1SG.N немного брать-NAF учить книга
'Я **(раньше) хотел** работать учителем (теперь не хочу)'

[7] При этом примеров перифрастической конструкции для лексем, допускающих форму с инфиксом *-in-*, в нашем материале нет.

(24) ***m-n-aki**=ku* *gako* *soni*
AF-FP-находиться=1SG.N школа сегодня
‘Я сегодня **был** в школе (и уже ушел оттуда)’

Для предикатов, обозначающих ситуацию, влекущую за собой естественный результат, данная форма имеет значение отмененного результата:

(25) ***m-in-shreq*** *likuy=nia* *qu* *kneril* *qasa*
AF-FP-покинуть мужчина=3SG.G DEF женщина тот
‘Та женщина **уходила** от мужа (а потом снова к нему вернулась, сейчас она с ним)’

(26) ***m-n-wah*** *shera* *ssuy=mu*
AF-FP-прийти вчера старший.родственник=1SG.G
kneril *la*
женщина DCNT
‘Вчера **приезжала** моя старшая сестра (а потом уехала, сейчас она уже не здесь)’

Это значение предсказуемо для формы, имеющей значение сверхпрошлого, учитывая анализ, предложенный в [Plungian, van der Auwera 2006]. Если сверхпрошлое (или, по терминологии указанной статьи, discontinuous past) акцентирует тот факт, что некоторая ситуация была ограничена во времени и не имеет места на момент речи, то применительно к предельным глаголам употребление данной формы имеет смысл только в том случае, когда ограниченность во времени — это свойство последующего (результирующего) состояния, а не самой ситуации, обозначаемой данным глаголом.

Тем самым, форма с инфиксом *-in-* в зависимости от класса предиката может иметь значения экспериентива, сверхпрошлого или отмененного результата. Мы предлагаем такой кластер значений называть «нерезультативным прошедшим» (термин «non-resultative past» был предложен в работе [Dahl 1985] для форм, совмещающих значения экспериентива и сверхпрошлого), в отличие от кластера «сверхпрошлого», который, судя по данным [Plungian, van der Auwera 2006], не включает в себя экспериентивное значение.

4. Аналитическая форма: перфект, комплетив или перфектив?

Если значения формы с инфиксом *-in-* достаточно легко укладываются в одну семантическую зону, то для аналитической формы со вспомогательным глаголом *wa(l)* (< *wayal* ‘уйти’[8]) сложно выделить логически цельный кластер значений.

Рассматриваемая форма чаще всего используется для обозначения ситуации, достигшей результата в прошлом, причем ее результат релевантен на момент речи:

(27) ***wa***=*ku* ***m-lukus*** *la*
PRF=1SG.N AF-надевать DCNT
‘Я уже **оделся’** (левый контекст: «Уже можно зайти? — Да, можно: …»)

(28) ***wa***=*mu* ***plwan-an*** *yaba=su* *la*
PRF=1SG.G звать-NAF отец=2SG.G DCNT
‘Я уже **позвал** твоего отца (и он сейчас идет сюда)’

Исходя из примеров (27)–(28) можно сказать, что данная форма имеет значение перфекта или результатива. Согласно [Nedjalkov, Jaxontov 1988] различие перфекта и результатива состоит в акциональной характеристике обозначаемых ситуаций. Перфект обозначает ситуацию, имеющую релевантный результат (момент наступления релевантного результата), в то время как результатив обозначает само результирующее состояние. Это различие легко продемонстрировать при помощи теста на сочетае-

[8] Грамматика [Rau 1992] не возводит форму *wal* (*waN* в ее транскрипции) ни к каким реальным формам, но переводит ее как ‘go’, из чего можно заключить, что эта форма встречалась В. Рау в качестве самостоятельного предиката. В материале из поселка Пьянан в качестве самостоятельного предиката используется форма *wayal* ‘уйти’, а в качестве вспомогательного глагола – форма *wa*, однако носители языка поясняют, что это разговорный, «сокращенный» вариант, а в более официальной речи следует употреблять форму *wayal*. В текстах также редко, но встречается «полная» форма в качестве вспомогательного глагола. В речи старшего поколения встречается также вариант *wal*. Для удобства в дальнейшем, апеллируя к вспомогательному глаголу, мы будем называть его *wa*, имея в виду все три возможных варианта.

мость с фазовыми наречиями типа *еще*. В атаяльском языке это различие проявляется в допустимости или недопустимости показателя континуатива *na* в предикации. Так, в примере (29) приведена форма результатива, и эта форма может сочетаться с показателем континуатива. С другой стороны, в (30) мы видим, что форма со вспомогательным глаголом *wa* не допускает этот показатель:

(29) *tiu=mu* *s-quji* ***na*** *lukus*
PRG/RES=1SG.G NAF-вешать/висеть CNT одежда
‘Одежда (которую я повесил) все **еще** висит там’ (букв. ‘Одежда **все еще** там повешена мной’)

(30) *wa=mu* *s-quji* ***(*na)*** *lukus* ****(la)***
PRF=1SG.G NAF-вешать/висеть CNT одежда DCNT
‘Я повесил одежду’

Как показано в примере (30), форма со вспомогательным глаголом *wa* в таком употреблении[9] требует в обязательном порядке наличия показателя дисконтинуатива *la*. Аналогичным свойством обладает немаркированная форма пунктивных предикатов, ср.:

(31) *pgyaw* *hojil=mu* ****(la)***
AF.потерять собака=1SG.G DCNT
‘У меня потерялась собака’

С другой стороны, далеко не во всех употреблениях формы со вспомогательным глаголом *wa* показатель дисконтинуатива оказывается обязательным. Так, в следующем примере показатель *la* не употребляется:

[9] Речь идет не только о перфектном значении данной формы, но и о некоторых особенностях контекста. Например, в случае, когда инкрементальная тема оказывается посчитанной (‘выпил две бутылки’, ‘повесил две рубахи’), показатель дисконтинуатива не обязателен. Это свойство дисконтинуатива объясняется в [Горбунова 2014] и не имеет прямого отношения к теме данной статьи. Обязательность показателя *la* в примере (30) здесь в первую очередь говорит о том, что форма перфекта в данном случае несомненно обозначает моментальное событие, то есть имеет акциональное значение пунктива, в отличие от формы результатива, которая обозначает состояние.

(32) ***wa***=*ku* ***m-ita*** *toke* *soni*
PRF=1SG.N AF-смотреть/видеть часы сейчас[10]
'Я только что **взглянул** на часы (и поэтому я знаю, сколько сейчас времени)'

Можно предположить, что показатель дисконтинуатива обязателен лишь в том случае, если результат, релевантный для говорящего, является естественным результатом обозначаемой ситуации. Действительно, в примере (30) релевантный результат ситуации — тот факт, что говорящий одет, — является естественным результатом процесса одевания. Пример (30) без показателя дисконтинуатива, по свидетельству информантов, в заданном контексте употреблен быть не может. Однако на данный момент для того, чтобы доказать или опровергнуть эту гипотезу, материала недостаточно. Так или иначе, обязательность показателя дисконтинуатива не связана напрямую с анализируемой формой.

Итак, с одной стороны, примеры (27, 28, 30, 32) дают основания приписывать данной форме значение перфекта. Однако по сравнению с классическим перфектом, атаяльская форма имеет ряд особенностей, о которых нужно сказать отдельно.

Во-первых, согласно [Майсак 2005], грамматикализация глагола движения типа *уходить* в показатель перфекта крайне маргинальна. Однако такой случай зафиксирован как минимум в языке кокама семьи тупи-гуарани [Bybee et al. 1994: 64]. Атаяльская форма, возможно, также относится к числу исключений из общей тенденции.

Во-вторых, если с предикатами, обозначающими предельные процессы или мгновенные события, данная форма последовательно имеет значение завершения ситуации в прошлом при наличии релевантного результата в настоящем, то с предикатами других акциональных классов она демонстрирует совершенно неожиданные для перфекта значения. Так, с некоторыми стативными предикатами эта форма имеет инхоативное значение:

---

[10] В атаяльском языке существует несколько адвербиалов, обозначающих отрезок времени, близкий к моменту речи. Тонкости семантики этих адвербиалов не ясны; зачастую в зависимости от контекста один и тот же адвербиал может означать «сегодня», «теперь», «только что». Один из таких адвербиалов – *soni*.

(33) ***wa**=ku* ***baq*** *pnet* *quleh* *la*
PRF=1SG.N AF.уметь AF.удить рыба DCNT
‘Я **научился** удить рыбу’

(34) ***wa*** ***betunux*** *balay* *laqi* *sayun* *la*
PRF AF.красивый очень ребенок С. DCNT
‘Дочь Саюн очень **похорошела’**

Однако с большинством стативных предикатов данная форма не сочетается:

(35) ****wa=ku*** ***m-naga*** *raŋi=mu* *la*
PRF=1SG.N AF-ждать друг=1SG.G DCNT
(Ожидаемое значение: ‘Я **начал ждать** друга’)

Предположительно, инхоативное употребление формы со вспомогательным глаголом *wa* допустимо лишь в том случае, когда состояние, обозначаемое предикатом, является неконтролируемым. Так, состояние умения не наступает и не прекращается по желанию объекта, равно как и состояние «красивый». С другой стороны, человек может по желанию начать и прекратить ждать друга. Это ограничение на дистрибуцию можно объяснить с точки зрения базовой семантики перфекта следующим образом. Форма со вспомогательным глаголом *wa* в первую очередь обозначает текущую релевантность некоторого события. Эта форма для стативных предикатов обозначает не просто вхождение в состояние, а только такое, которое имплицирует релевантность этого состояния на момент речи. Если состояние контролируемо и может в любой момент прекратиться по желанию контролера, то факт вхождения в состояния ничего не имплицирует. В случае же неконтролируемого состояния (например, ‘уметь’), если состояние начало иметь место, то вероятнее всего, что оно имеет место на момент речи, а значит, результат вхождения в состояние имеет характеристику текущей релевантности. Такое употребление перфекта можно было бы назвать инхоативно-перфектным (противопоставляя его, например, классическим результативно-перфектным употреблениям). Однако за недостаточностью материала это предположение о характере дистрибуции инхоативных (инхоативно-перфектных) употреблений анализируемой формы остается лишь гипотетическим.

В нарративе анализируемая форма атаяльского глагола употребляется редко, лишь в случае, когда говорящий хочет под-

черкнуть факт достижения ситуацией результата (зачастую необратимого). Ср. отрывок из рассказа о ду́хах:

(36) *baq-un=maku* *k:m:ut* *qhoneq* *ro* ***wa*** ***takuy***
знать-NAF=1SG.N AF:резать дерево & PRF AF.упасть
sasan *meyiboq* *s-an* *m-ita* *l-ga*
утро рано идти-NAF AF-смотреть DCNT-TOP
ini *k-takuy*
NEG DEP-упасть
‘Мне показалось, что (кто-то) срубил дерево и оно **упало**, но рано утром, когда я пошел посмотреть, оно не упало’.

В частности, данная форма нередко встречается в заключительных предложениях легенд или в таких эпизодах, где один из героев легенды исчезает (уходит и не возвращается, как в (37, 39); падает и умирает, как в (38); и т.п.).

(37) *qutux* *mlikuy* *hya* *ga* *si=nia* *kta-y*
один мужчина он TOP AFF=3SG.G видеть-DEP.NAF
niu *mgiway* *lhlahuy* *ro* *qsinuw* *qu*
быть.тут только леса & зверь SPEC
tinbwanan *qani* *lro* ***wal*** ***si*** ***usa*** ***myup***
место.обитания этот DCNT.TOP PRF AFF уйти AF.войти
squ *innwahan=nia* *pinsbkan* *loyi* *ma*
в место.выхода=3SG.G место.раскола обратно QUOT
‘Один мальчик увидел, что здесь, где мы живем, одни леса и звери, и **вошел** обратно, в расколотый камень, из которого вышел (и не вернулся)’. (Из легенды о появлении атаяльского народа)

(38) *ma-gal* *soki* *qu* *kneril*
AF-брать серп DEF женщина
ptŋ-an=nia *qba* *na* *ŋarux*
отсечь-NAF=3SG.G рука GEN медведь
wa ***m-hotaw*** *kahol* *waweq* *qu* *ŋarux*
PRF AF-упасть из верх DEF медведь
l-ro *m-hoqil* *la*
DCNT-& AF-умереть DCNT
‘Девушка взяла серп, отсекла медведю лапу, медведь **упал** с высоты и умер’. (Завершение легенды о двух сестрах и медведе)

(39) *ipay* *qasa* *l-ga* ***wa*** ***m-yup*** *ska* *rgiax* *ro*
и. этот DCNT-TOP PRF AF-войти в горы &
wa ***m-yuŋay*** *l-ga* *ro* ***wayal*** *ɯyi*
PRF AF-обезьяна DCNT-TOP & PRF.уйти тоже
ska *rgiax* *ro* *ini* *wah* *la*
в горы & NEG DEP.прийти DCNT
'И поэтому в конце концов Ипай **ушла** в горы, **совсем стала** обезьяной, **ушла** в горы и больше не вернулась'. (Завершение легенды о женщине, которая превратилась в обезьяну)

В некоторых случаях перевод, предложенный информантами для конструкции со вспомогательным глаголом *wa*, может содержать указание на то, что завершенное действие затронуло весь объект целиком. Так, в примере (39) выше вторая предикация (*wa myuŋay la*) была переведена носителем как «совсем, окончательно стала обезьяной». Похожий семантический эффект наблюдается в примерах (40)–(41):

(40) ***wa***=*ku* ***s:m:liap*** *miquy* *la*
PRF=1SG.N AF:полоть трава DCNT
'Я **выполол всю** траву'

(41) ***wa*** ***koh-un*** *masiŋ* *qu* *ŋarux* *qasa* *la*
PRF пугать-NAF M. DEF медведь тот DCNT
'Масин уже **до смерти напугал** того медведя'

Поведение данной формы в нарративе и семантика полного охвата позволяют предположить, что форма со вспомогательным глаголом *wa* имеет дополнительное значение комплетива ('ситуация завершилась полностью'). Согласно [Майсак 2005], глаголы со значением центробежного движения довольно часто грамматикализуются именно в показатели комплетива, однако считать комплетивное значение основным для данной формы было бы ошибочным. Такая семантика наблюдается у формы со вспомогательным глаголом *wa* далеко не всегда. Так, в примере (42) оттенок полного достижения предела отсутствует, а в примере (43) комплетивная семантика не совместима с контекстом ('чуть-чуть'):

(42) ***wa*** ***m-qleh*** *qsia* *la*
PRF AF-испаряться вода DCNT
‘Вода спала (**испарилась так, что уровень воды понизился**, но не вся)’

(43) ***wa*** ***m-eblaq*** *hayi* *qnxan=mian…*
PRF AF-улучшиться чуть-чуть жизнь=1PL.EXC.GEN
‘Жить нам **стало получше**…’

Итак, в атаяльском языке форма со вспомогательным глаголом *wa*, с одной стороны, употребляется в типичных перфектных контекстах, а с другой стороны, демонстрирует нетипичную для перфекта дополнительную семантику комплетива и инхоатива. Между тем, в [Bybee et al. 1994] приводятся языки, в которых у формы перфекта (*anterior*, согласно принятой у них терминологии) также наблюдаются комплетивные или инхоативные употребления. В указанной работе наличие таких употреблений считается свидетельством развития комплетива в перфект [ibid.: 69–74] и перфекта в перфектив [ibid.: 74–78]. Возможно, в атаяльском языке мы наблюдаем постепенный переход показателя комплетива в показатель перфектива через перфект. Однако, согласно [Bybee et al. 1994: 51–105], развитие комплетива в перфект засвидетельствовано в основном для конструкций со вспомогательным глаголом, восходящим к предикату со значением ‘закончить’, а таким конструкциям не свойственно в сочетании со стативными предикатами развивать инхоативную семантику [ibid.: 74–78].

5. Общие контексты рассмотренных форм

С одной стороны, можно сказать, что семантика конструкции со вспомогательным глаголом *wa* (в дальнейшем для удобства — перфект) и формы с инфиксом *-(i)n-* (в дальнейшем — нерезультативное прошедшее) антонимична. Возьмем следующие примеры:

(44) ***wa*** ***m-takuy*** *shera* *qhoneq* *qasa* *la*
PRF AF-упасть вчера дерево тот DCNT
‘То дерево вчера **упало** (и, скорее всего, до сих пор лежит)’

(45) ***m-in-takuy****=ku* *shera*
AF-FP-упасть=1SG.N вчера
‘Я вчера **падал** (и с тех пор поднялся)’

Оба события падения имели место в прошлом, в один и тот же отрезок времени. Однако если результат первого события сохраняется на момент речи (дерево не встало обратно, оно все еще лежит или его уже увезли), то результат второго события, наоборот, больше не имеет места (говорящий на момент речи опять стоит).

Однако существуют значения, присущие обеим формам. Это аспектуальные значения экспериентива и делимитатива, а также таксисное значение предшествования.

Для некоторых (но далеко не для всех) предикатов форма перфекта в атаяльском языке может иметь экспериентивную интерпретацию. Так, приведенные ниже высказывания по свидетельству информанта имеют одно и то же значение:

(46) ***p‹in›yuʔ-an****=mu* *yugi* *qani* *la*
<FP>танцевать-NAF=1SG.G танец этот DCNT
‘Я уже **танцевал** этот танец’ (Контекст: ответ на предложение потанцевать этот новый танец).

(47) ***wa****=mu* ***s-pyuy*** *yugi* *qani* *la*
PRF=1SG.G NAF-танцевать танец этот DCNT
‘Я уже **танцевал** этот танец’ (без контекста, предложено как фраза, синонимичная предыдущей)

Другая пара примеров, где обе формы имеют экспериентивную интерпретацию:

(48) ***m-in-mehuy*** *qsia* *qa* *la*
AF-FP-кипеть вода этот DCNT
‘Эта вода уже **кипела’**

(49) ***wa*** ***m-ehuy*** *qsia* *qa* *la*
PRF AF-кипеть вода этот DCNT
‘Эта вода уже **кипела’**

Эта взаимозаменяемость вполне естественна, поскольку, с одной стороны, утверждается, что ситуация кипения была реализована к моменту речи как минимум один раз, а с другой стороны — раз вода кипела, она кипяченая и ее можно пить, то есть имеет место релевантный для говорящего результат. Первое обу-

словливает возможность формы нерезультативного прошедшего, второе — допустимость конструкции перфекта.

Если наш анализ верен, то между приведенными парами примеров должна существовать разница импликатур. Так, примеры (46)–(47) предположительно различаются тем, что естественный контекст для (46) — «… и я больше не хочу его танцевать», в то время как естественный контекст для (47) — «… и я могу показать, как его танцуют». Другими словами, согласно анализу [Вострикова 2010], пример (46) имеет экзистенциальное значение («существование ситуации в неопределенном прошлом»), а пример (47) — собственно экспериентивное значение («существование ситуации в неопределенном прошлом + идея характеризации»). Однако на данный момент нет материала, способного подтвердить или опровергнуть данную гипотезу.

Второе значение, присущее форме перфекта (неагентивного фокуса) и — в гораздо большей мере — форме нерезультативного прошедшего (локативного фокуса), — это значение делимитатива (в терминологии [Плунгян 2011]). Обе формы могут использоваться в случае, когда длительная ситуация, не имеющая естественного предела, рассматривается как ограниченная во времени и оценивается с точки зрения протяженности во времени, как в примерах (50)–(51):

(50) *tiuwal* *riax* ***p‹in›lukus=mu***
три день <FP.LF>надевать/носить=1SG.G
lukus=mu *qani* *la*
одежда=1SG.G этот DCNT
‘Я **ношу** эту одежду уже три дня’

(51) *tiuwal* *riax* ***wa=mu*** ***pkus-un***
три день PRF=1SG.G надевать/носить-NAF
lukus=mu *qani* *la*
одежда=1SG.G этот DCNT
‘Я **ношу** эту одежду уже три дня’

Может показаться, что речь идет об инклюзивном значении перфекта (“perfect of persistent situation” по [Comrie 1976]) — ‘ситуация началась в прошлом и все еще продолжается’. Однако это не так: значение инклюзивности в приведенных примерах обеспе-

чивается наличием частицы *la*. Без нее эти примеры останутся грамматичными, но будут означать, что ситуация уже не имеет места на момент речи:

(52) *tiuwal* *riax* ***p‹in›lukus****=mu*
три день <FP.LF>надевать/носить=1SG.G
lukus=mu *qani*
одежда=1SG.G этот
‘Я **проносил** эту одежду три дня’

(53) *tiuwal* *riax* ***wa****=mu* ***pkus-un***
три день PRF=1SG.G надевать/носить-NAF
lukus=mu *qani*
одежда=1SG.G этот
‘Я **проносил** эту одежду три дня’

Для формы перфекта в атаяльском языке значение делимитатива не является частотным. В частности, при опросе информантов эта форма ни разу не была предложена для перевода соответствующих китайских предложений (китайский использовался при работе с носителями как язык-посредник). Однако с большинством предикатов эта форма в рассматриваемом значении признается информантами допустимой. Если наше предположение о том, что форма перфекта в атаяльском языке постепенно приобретает значение перфектива, верно, то наличие у нее делимитативного значения представляется вполне закономерным. С другой стороны, вполне возможно, что форма перфекта в делимитативном употреблении отличается от формы нерезультативного прошедшего тонкими импликатурами. Например, можно предположить, что перфектная форма и в делимитативном употреблении имеет значение текущей релевантности, в то время как форма нерезультативного прошедшего — нет. К сожалению, в нашем материале нет данных, способных подтвердить или опровергнуть такое предположение.

Наконец, еще одно общее значение у форм перфекта и нерезультативного прошедшего в атаяльском языке — таксисное значение предшествования: ср. полипредикативные конструкции в (54) и (55), где соответствующие формы выражают ситуации, имевшие место раньше, чем ситуации, обозначенные во второй клаузе.

(54) *qaliŋ* *qasa* *kia* ***m-in-takuy*** *ga*
кипарисовник этот там AF-FP-упасть TOP
s-ʔaras-nha *hrhel*
NAF-брать-3PL.G ручная.пила
‘После того, как кипарисовник (дерево) **падал**, они (предки) брали ручную пилу’

(55) *niu=ta* *sqasan* ***wa=ta*** ***m-aqux***
PRG=1PL.INC праздновать PRF=1PL.INC AF-победить
‘Мы празднуем то, что мы **победили’**

Это пересечение семантических полей перфекта и нерезультативного прошедшего предсказуемо по следующим причинам. С одной стороны, значение предшествования в прошлом совместимо со значениями антирезультатива и сверхпрошлого ([Плунгян 2001]), а также со значением экспериентива (см. [Сичинава 2005; Вострикова 2010]). С другой стороны, плюсквамперфект многими исследователями включается в число значений перфектной формы того или иного языка, а в [Bybee et al. 1994: 54] считается, фактически, базовым значением категории *anterior*, соответствующей перфекту. Показательно, что форма с инфиксом *-(i)n-* в полипредикативных конструкциях выражает таксисное значение предшествования в целом, а не более специфическое плюсквамперфектное значение (предшествование в прошлом), ср.:

(56) ***k‹n›ʔabi****=ku* *l-ga* *p-ʔabi=ku* *la*
<FP>ужинать=1SG.N DCNT-TOP PROS-спать=1SG.N DCNT
‘**Поужинав**, я лягу спать’

Конструкция перфекта в атаяльском языке в таких контекстах вроде бы недопустима.

Тем самым, несмотря на то, что базовые значения форм перфекта и нерезультативного прошедшего создают семантическую оппозицию (по признаку наличия / отсутствия релевантного результата описываемой ситуации), существуют контексты, общие для этих двух форм, что свидетельствует об их семантическом родстве.

6. Выводы

Итак, мы проанализировали две формы глагола в атаяльском языке — форму со вспомогательным глаголом *wa* и форму с инфиксом *-(i)n-*. По итогам анализа можно с некоторой степенью осторожности утверждать следующее:

– В атаяльском языке существует форма, обладающая свойствами перфекта и дополнительной семантикой комплетива. Кроме того, у этой формы в некоторых случаях наблюдается инхоативное, делимитативное, экспериентивное и плюсквамперфектное употребления. Возможно, мы наблюдаем развитие формы комплетива через перфект в перфектив — путь, допускаемый в [Bybee et al. 1994: 105].

– В атаяльском языке существует форма нерезультативного прошедшего, противопоставленная форме перфекта/комплетива в большинстве контекстов по признаку наличия/отсутствия релевантного результата.

Изучение видо-временных систем других австронезийских языков Тайваня и других диалектов атаяльского языка может в будущем существенно прояснить обрисованную здесь ситуацию с атаяльским перфектом и его антиподом.

Список условных сокращений

1/2/3 SG/PL — лично-числовая характеристика прономинальной клитики; ADV — адвербиал; AF — агентивный фокус; AFF — положительная полярность; AVER — авертив; CAUS — каузатив; CMPL — комплементайзер; CNT — континуатив; DCNT — дисконтинуатив; DEF — определенный артикль; DEP — зависимая форма; EMPH — эмфатическая частица; EXC — эксклюзив; EXP — экспериентив; FP — нерезультативное прошедшее (по одному из значений, framepast); FPRG — фокусированный прогрессив; G — генитив лично-числового показателя; GEN — генитив именной группы; INC — инклюзив; LF — локативный фокус; N — номинатив лично-числового показателя; NAF — неагентивный фокус; NEG — отрицание; POT — потенциалис; PROS — проспектив; PRF — перфект; PRG/RES — прогрессив / результатив; Q — вопросительная частица; QUOT — квотатив; TOP — топикализация; & — союзность.

Литература

Вострикова 2010 — Н. В. Вострикова. Типология средств выражения экспериентивного значения. Диссертация ... канд. филол. наук. М.: МГУ.

Горбунова 2011 — И. М. Горбунова. Категория фазовости в языке атаял // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т VII, ч.3. СПб.: Наука, 2011. С. 283–288.

Горбунова 2014 — И. М. Горбунова И.М. Категория фазовой полярности в атаяльском языке // Вопросы языкознания №3, 2014.С. 34–54

Майсак 2005 — Т. А. Майсак. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. М.: Языки славянских культур, 2005.

Плунгян 2001 — В. А. Плунгян. Антирезультатив: до и после результата // В. А. Плунгян. (ред). Исследования по теории грамматики. Вып.1: Глагольные категории. М.: Рус. словари, 2001.

Плунгян 2011 — В. А. Плунгян. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011.

Сирк 2008 — Ю. Х. Сирк. Австронезийские языки. Введение в сравнительно-историческое изучение. М.: Восточная литература, 2008.

Сичинава 2005 — Д. В. Сичинава. Типология глагольных систем с синонимией базовых элементов парадигмы. Диссертация канд. филол. наук. М.: МГУ.

Шлуинский 2012 — А. Б. Шлуинский. Фактатив и смежные категории: опыт типологии // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. VIII, ч. 2. СПб.: Наука, 2012. С. 950–996.

Blust 2009 — R. Blust. The Austronesian languages. Canberra: Pacific Linguistics 602, 2009

Bybee et al. 1994 — J. L. Bybee, R. Perkins, W. Pagliuca. The Evolution of Grammar: Tense, Aspect, and Modality in the Languages of the World. Chicago: University of Chicago Press, 1994.

Chen 2007 — V. Y.-An Chen. Transitivity and grounding in Atayal folk tales (泰雅傳說故事之及物性與定景). M.A. thesis. Providence University, Taiwan, 2007.

Dahl 1985 — Ö. Dahl. Tense and Aspect Systems. Oxford: Blackwell, 1985.

Ebert 1995 — K. Ebert. Ambiguous prefect-progressive forms across languages. // P. M. Bertinetto, V. Bianchi, Ö. Dahl, M. Squartini (eds.). Temporal reference, aspect, and actionality. Vol. 2, P. 185–204.

Egerød 1965 — S. Egerød. Verb Inflexion in Atayal. // Lingua, 15. P. 251–282

Huang 1994 — L. M. J. Huang. Ergativity in Atayal. // Oceanic Linguistics 33.1, P. 129–143.

Huang, Lin 2012 — Z.-R. Huang, K.-Ch. J. Lin. Placing Atayal on the Ergativity Continuum. LSA Annual Meeting Extended Abstract

Liao 2004 — H.-Ch. Liao. Transitivity and Ergativity in Formosan and Philippine languages. Ph.D Dissertation, University of Hawaii at Manoa, 2004.

Liu 2004 — A. K-l. Liu. On relativization in Squliq Atayal. MA Thesis. 2004.

Nedjalkov, Jaxontov 1988 — V. P. Nedjalkov, S. Je. Jaxontov. The typology of resultative constructions. // V. P. Nedjalkov. (ed.) 1988. Typology of resultative constructions. Amsterdam: Benjamins, P. 3–63.

Plungian, van der Auwera 2006 — V. A. Plungian, J. van der Auwera. Towards a typology of discontinuous past marking. // Sprachtypologie und Universalienforschung, 59: 4, 2006.

Rau 1992 — V. D.-Hw. Rau. A Grammar of Atayal. Taipei: The Crane Publishing, 1992.

Ross 2002 — M. D. Ross. The history and transitivity of Western Austronesian voice and voice-marking. // F. Wouk, M. Ross (eds). The history and typology of Western Austronesian voice systems. Canberra: PL, 2002. P. 17–62.

Starosta 1999 — S. Starosta. Transitivity, Ergativity, and the Best Analysis of Atayal Case Marking. // E. Zeitoun and P. J. Li (eds.). Selected Papers from the Eighth International Conference on Austronesian Linguistics. P. 371–392). Taipei, Taiwan : Academia Sinica, 1999

Welmers 1973 — W. Welmers. African language structures. Berkeley: University of California Press, 1973.

Yeh, Huang 2006 — Yu-T. Yeh, Sh.-F. Huang. Transitivity and ergativity in Squliq Atayal. Paper presented at ICAL 10, January 17–20. Paluan, Phillipines, 2006.

IV.

И. А. Фридман

Православный Свято-Тихоновский Гуманитарный Университет, Москва

СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА ПЕРФЕКТА В АМХАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Когда некоторое время назад я встретился с другом-эфиопом, с которым до этого не виделся несколько лет, он с тревогой отметил, что я стал хуже владеть амхарским языком. С огорчением я признал справедливость его упрека, добавив: *bəzu rässahu*[1]; он немедленно поправил меня, сказав: *bəzu räsəččallähu*[2]. Поскольку меня уже длительное время интересовало различие в употреблении простого и составного «перфекта», я тут же сделал запись об этом разговоре и об обстоятельствах, при которых он состоялся. В 1964 году я вновь встретил того же самого друга, и на сделанный им упрек в продолжающемся ухудшении владения амхарским я с гордостью возразил: *bəzu räsəččallähu*. «Неправильно», сказал он, "*bəzu rässahu*". Меня охватили отчаяние и растерянность, ибо оба разговора — отделенные один от другого всего парой лет — были идентичными во всех отношениях. Я оказался перед соблазном счесть любые различия между двумя «временами» или «аспектами» (или какое бы еще терминологическое ухищрение не прицепил к ним кто-либо) плодом чистой фантазии — как, собственно, и делается в одной из последних работ по амхарской грамматике.

Э. Уллендорф [Ullendorff 1977: 319][3]

---

[1] Я многое позабыл (*амх.*); глагол в претерите.

[2] Я многое позабыл (*амх.*); глагол в перфекте.

[3] Написанию статьи содействовала работа автора в качестве сотрудника проекта "ETHIO-Spare: Cultural Heritage of Christian Ethiopia. Salvation, Preservation, Research", руководителю которого Д. А. Носницыну (Гамбургский университет) я приношу искреннюю благодарность. Хотел бы поблагодарить также всех тех, кто оказывал мне помощь в различных аспектах работы и на разных ее стадиях: М. С. Булах (Институт восточных культур и античности РГГУ), проф. А. Баузи и М. Кшыжановску (Гамбургский университет), Т. А. Майсака (Институт языкознания РАН), Г. Гольденберга и О. Капелюк (Еврейский университет,

Чувства, охватившие одного из ведущих современных эфиопистов при сопоставлении двух противоречивых высказываний об одном и том же предмете, сделанных его эфиопским другом, были, надо думать, как искренними, так и сильными. Впоследствии Э. Уллендорф посвятил семантике амхарского перфекта отдельную статью (из которой и заимствован эпиграф к настоящей работе). Эта статья и отклик на нее израильского лингвиста-семитолога О. Капелюк [Kapeliuk 1971–72] на сегодняшний день остаются, насколько нам известно, единственными исследованиями, специально посвященными данной теме. Кроме того, ряд очень важных наблюдений над функциями амхарского перфекта содержится в статье чешского эфиописта З. Полачека [Poláček 1972], посвященной анализу общих закономерностей организации видо-временной сферы в амхарском языке, а также в соответствующем разделе диссертации Г. Гольденберга [Goldenberg 1966: 175–192], посвященной структурно-функциональному описанию глагольных форм амхарского языка как целостной системы.

Предметом настоящей статьи являются семантические и прагматические аспекты функционирования граммемы перфекта в амхарском языке. После краткой типологической характеристики языка (раздел 1) и необходимого экскурса в область грамматической терминологии (раздел 2) мы описываем морфологическую структуру амхарского перфекта (раздел 3). Диахронический по своему характеру раздел 4 посвящен особенностям употребления перфекта в т. наз. староамхарских текстах. Далее следует краткое резюме семантики перфекта в языках мира (раздел 5.1), после которого дается описание семантики амхарского перфекта с упором на центральные компоненты классического «пер-

Иерусалим). Отдельная благодарность — носителям языка и другим информантам, чья языковая интуиция оказалась в некоторых случаях незаменимым подспорьем: д-ру Гетие Гэлае (Гамбургский университет), Авэту Вольдэ-Микаэлю Товольдэ (Калифорнийский университет, Лос-Анджелес), д-ру Аббэбэ Кыфлейесусу (университет г. Асмэра, Эритрея), д-ру Ангесса Дуга Чала и д-ру Ныгуссие Кассае Вольдэ-Микаэлю (Москва) и в особенности — Абрыхаму Адунья (Аддис-Абебский университет), заполнившему анкету на употребление перфектных форм, опубликованную в [Dahl (ed.) 2000: 800–809].

фектного кластера» в одном из его вариантов — значение прагматически важного результата события и экспериенциальное значение (раздел 5.2); завершает обсуждение амхарского перфекта на типологическом фоне анализ результатов заполнения типологической анкеты, опубликованной в [Dahl (ed.) 2000: 800–809], и попытка их предварительной интерпретации (раздел 5.3). Затем формулируются ограничения, налагаемые на использование перфектных форм системными факторами (контексты нейтрализации противопоставления «претерит/перфект») (раздел 6). Последующие два раздела работы объединяет преимущественное внимание к наименее тривиальным аспектам функционирования перфекта в современном литературном языке. Раздел 7 рассматривает употребление перфекта в историческом нарративе (7.1) и в языке прессы (7.2). Следующий раздел посвящен своеобразным метаморфозам, характерным для семантики перфекта глаголов, включаемых в два особых акциональных класса: стативов (8.1) и перформативов (8.2). В разделе 9 затронут вопрос о системных взаимоотношениях перфекта с некоторыми другими глагольными конструкциями современного языка. В Заключении кратко сформулированы выводы настоящего исследования.

Материалом для нашего исследования послужили художественные, публицистические и историографические тексты, созданные в Эфиопии в течение позапрошлого, прошлого и нынешнего столетий (более старым текстам специально посвящен раздел 4; список источников см. в конце статьи).

1. Краткая типологическая характеристика амхарского языка

Амхарский язык — основной рабочий язык современной Эфиопии, до 1991 г. — единственный язык страны, имевший статус государственного. Согласно классификации О. Рёсслера — Р. Хецрона [Коган 2009: 24], он относится к эфиосемитской группе западносемитской ветви семитской языковой семьи, входящей в состав афразийской макросемьи[4].

[4] Опущены те классификационные подразделения, реальность которых до сих пор носит более проблематичный характер.

В плане фонологической типологии амхарский язык характеризуется отсутствием противопоставления гласных по долготе-краткости. Все согласные, за исключением ларингальных, способны удваиваться; геминация согласных играет значительную роль в глагольном словообразовании и словоизменении, а в системе имени в основном присутствует как лексически обусловленная особенность. Общесемитские «эмфатические» согласные отражаются в амхарском как глоттализованные эйективные (смычные *p′*, *t′*, *k′* и аффрикаты *c′*, *č′*). Ударение слабое, нефонологическое (вопрос о характере амхарской просодии на сегодняшний день в целом разработан неудовлетворительно).

Общесемитское противопоставление существительных мужского и женского рода в амхарском языке находится на пути к исчезновению: к женскому роду относятся обозначения существ женского пола, а также (как правило) названия небесных светил, дней недели и весьма ограниченное количество других субстантивов. Амхарский язык обладает двухпадежной системой: определенно-референтный прямой объект регулярно маркируется клитическим показателем *-(ə)n*, присоединяемым либо к существительному, либо (при наличии у него определений) — обычно к одному из этих определений; неопределенный и нереферентный прямой объект, как и имя во всех остальных синтаксических позициях, маркируется нулевым показателем.

Глагольная морфология отличается сложностью. Глаголу свойственно полиперсональное спряжение с максимальным согласованием словоформы с двумя актантами. Для амхарского глагола характерна широко используемая система аппликативных показателей. Аппликативная актантная деривация применяется как для переходных, так и для непереходных глаголов, причем система маркеров аппликатива устроена таким образом, что позволяет формально различать бенефактив и малефактив. Показатели малефактива, помимо своего основного значения, обладают способностью кодировать внутри глагольной словоформы периферийный актант — инструмент, а также сирконстанты — причину, место и время действия; показатели бенефактива в некоторых контекстах передают также субституативное значение (совершение действия вместо/от имени кого-л.).

Основных видовременных форм индикатива[5] пять. 1) суффиксально спрягаемый синтетический претерит *säbbärä*; 2) презенс-футурум[6] *yəsäbr(all)*, спрягаемый при помощи префиксов, в определенных случаях выступающих в комбинации с суффиксами; 3) перфект *säbrwall*; 4) аналитический плюсквамперфект *säbro näbbär*, состоящий из деепричастия предшествования смыслового глагола и неизменяемой формы связки в претерите; 5) прошедшее длительное / многократное *yəsäbr näbbär*, аналитически образуемое при помощи простого презенса смыслового глагола и неизменяемой претериальной формы связки.

Помимо приведенных пяти форм, образующих как бы «костяк» системы глагольного словоизменения, амхарский язык располагает большим количеством аналитических глагольных конструкций разной степени грамматикализованности, передающих зачастую весьма тонкие оттенки аспектуальной и модальной семантики; здесь можно привести такие примеры, как конструкция со значением постепенной интенсификации действия / свойства: *əyyäbasä hedä/mät't'a* ‘он постепенно ухудшался’ (букв. «он-ухудшаясь он-уходил/приходил»); конструкция, передающая отрицательное экспериенциальное значение: *bäləččе alawk'əmm* ‘я никогда не ел’ (букв. «я-поев не-знаю») или конструкция со значением вероятности наступления события — *saygäza ayk'ärəmm* ‘он, вероятно, купит’ (букв. «он-не-купив не-останется»). В диахроническом плане к аналитическим формам относится и перфект; в современном языке, однако, эта глагольная форма практически перестала осознаваться носителями языка как аналитическая, о чем свидетельствует прежде всего слитное написание форм перфекта в современной орфографии, а также некоторые особенности морфологической организации этих форм (см. ниже).

---

[5] В качестве образца приведены соответствующие формы от правильного трехсогласного глагола *säbbärä* ‘ломать, разбивать’.

[6] Презенс-футурум (в дальнейшем для краткости именуемый просто презенсом) имеет две формы — полную *yəsäbrall* и краткую (исторически первичную) *yəsäbr*. Если не входить в излишние подробности, то можно утверждать, что различие в их употреблении обусловлено синтаксическим статусом предикации: полные формы используются в главных клаузах, а краткие — в зависимых.

Причастий нет; их отсутствие восполняется наличием релятивных глагольных форм, чрезвычайно употребительных как в устной, так и в письменной речи, в особенности в качестве компонента фокусных конструкций. От прототипических причастий релятивные формы отличает прежде всего полная парадигма спряжения по лицу, числу и роду субъекта и объекта.

В области синтаксиса основной типологической особенностью амхарского языка является последовательно левоветвящийся характер порядка слов в предложении. Исключений из принципа левого ветвления крайне мало. Единственное значимое исключение — амхарский язык располагает как послелогами, так и предлогами, причем нередки предложно-послеложные конструкции, обрамляющие именные группы и обладающие единым значением, напр.: ***bä-****sat'ənu* ***wəst'*** ‘**в** ящике’, ***kä-****wändəmme* ***gar*** ‘**с** моим братом’[7]. Подобно многим языкам «алтайского» синтаксического типа, амхарский язык обнаруживает ярко выраженную тенденцию к построению сложно организованных периодов большой протяженности; нередко в подобных периодах встречаются вложенные предикации, причем языковая система проявляет большую гибкость, используя разные глагольные формы для передачи семантически различных взаимоотношений между зависимыми и матричными клаузами.

Для некоторых из приводимых ниже текстовых примеров важно следующее примечание: в том случае, если одним из актантов предиката является имя, обозначающее уважаемое в обществе лицо с относительно высоким социальным статусом (прежде всего это относится к священнослужителям, государственным деятелям, а также, как правило, к старшим родственникам говорящего), предикат согласуется с этим актантом по мно-

[7] Согласно нормативной орфографии амхарского языка, лексемы, изображаемые единственной графемой (а также ряд других служебных слов), пишутся не отдельно от других лексем, а слитно либо с последующей, либо с предшествующей лексемой. В верхней строке транскрипционной записи языковых примеров мы следуем этой норме, сознавая ее условность.

жественному числу, что находит отражение в глоссах к соответствующим глагольным формам[8].

2. Некоторые терминологические соображения

Прежде, чем перейти к описанию морфологической структуры амхарского перфекта, представляется целесообразным сделать экскурс в терминологию. В большинстве работ, посвященных грамматическому описанию амхарского языка (как отечественных, так и зарубежных), парадигма, которую мы в данной статье называем перфектом, именуется по-иному, причем терминологический разнобой достигает весьма высокой степени, так что прояснение зависимости одного исследователя от другого становится трудноразрешимой задачей.

Так, автор наиболее полной на сегодняшний день фундаментальной амхарской грамматики В. Леслау [Leslau 1995: 387–390) называет эту форму “compound gerund”. Это название базируется на структуре формы и не имеет прямого отношения к ее семантике. Е. Г. Титов [Титов 1991: 126–127] дает рассматриваемой граммеме название «прошедше-настоящего времени», приводя также (правда, в скобках) название «перфектное время». В грамматике известного французского семитолога М. Коэна [Cohen 1936: 187] эта форма именуется как “parfait-présent”, так и “résultatif-présent”. Э. Б. Ганкин именует данную форму «сложным перфектом» или «настоящим совершенным временем» [Ганкин 1969: 935–936]; такое же обозначение (“il perfetto composto“) принято и в грамматике И. Гвиди [Guidi 1952: 53–54]. Как станет ясно из дальнейшего изложения, термин «сложный перфект», с одной стороны, отнюдь не случаен, с другой, не имеет никакого отношения к собственно перфектной семантике формы. Й. Хартман [Hartmann 1980: 198–199] вообще избегает какого-либо терминологического обозначения граммемы, предпочитая описательное наименование “Gerundium + /ʔ*all*/”. Л. Малер [Mahler 1906: 47, 51, 53–54] употребляет (наряду с иными обозначениями) для двух основных глагольных форм прошедшего действия полностью кор-

[8] Гонорифические формы амхарского глагола сходны с распространенными в прошлом в русском языке употреблениями типа «Барин почивать *изволили*».

ректные названия «претерит» (das Präteritum) и «перфект» (das Perfektum); однако общее описание глагольной системы амхарского языка страдает у него столь существенными недостатками, что они практически сводят на нет корректность этих терминов.

По-видимому, ближе многих других исследователей подошел к определению семантической природы амхарского перфекта Ф. Преториус [Praetorius 1878: 369–372]. Хотя в качестве основного термина для этой граммемы у него фигурирует достаточно громоздкое и с точки зрения современного языкознания совершенно устаревшее обозначение “zusammengesetzter tatwörtlicher Infinitiv” («сложный глагольный инфинитив»), тем не менее в своем описании значений формы он не раз подчеркивает ее перфектный характер и сравнивает ее с аналитическими формами с глаголом «иметь» и пассивным причастием смыслового глагола в итальянском, французском и немецком языках.

Избегание исследователями термина «перфект» для обозначения рассматриваемой формы связано с давно укоренившейся и до сих пор еще весьма влиятельной в семитологии традицией, согласно которой названия «перфект» и «имперфект» (или полностью синонимичные им в старых работах наименования «перфектив» и «имперфектив»[9]) закреплены за двумя основными парадигмами семитского глагола, восходящими — если не содержательно, то по крайней мере формально — к прасемитскому языковому состоянию. При этом семантика этих форм в засвидетельствованных родственных языках более поздних ступеней принимается во внимание лишь в качестве второстепенного фактора. Подобный подход на практике приводит, во-первых, к тому, что «перфектом» и «имперфектом» в грамматических описаниях различных семитских языков, как правило, именуются именно *формы* (или, что то же самое, *парадигмы*, опознаваемые как родственные по материальной структуре)[10], в то время как сферы

[9] Подробнее по этому вопросу см., напр., [Waltke, O’Connor 1990: 461–478].

[10] Данное замечание, разумеется, не касается аккадской глагольной системы, имеющей чрезвычайно существенные отличия от систем всех остальных семитских языков. Речь идет о семитских языках за исключением аккадского, объединяемых в классификации Р. Хецрона в западную ветвь.

значений, скажем, у древнееврейского и эфиопского «имперфекта» могут и очень заметно различаться. Во-вторых, и это для избранной нами темы еще важнее, ставшее в семитологии общераспространенным употребление терминов «перфект» и «имперфект» не имеет ничего общего с употреблением этих терминов в современной теории грамматики, где они обозначают явления, сочетающие в своей семантике как аспектуальные, так и темпоральные моменты. Напротив, традиционное семитологическое употребление этих двух обозначений весьма близко к использованию в современной аспектологии терминов «перфектив» и «имперфектив».

В рамках данной статьи мы сочли целесообразным применить к анализируемой глагольной форме именно название «перфект». При этом мы руководствовались семантическими критериями, подробному рассмотрению которых и посвящена основная часть работы. Что же касается наиболее традиционной в семитском языкознании системы терминов глагольной морфологии, то она принимается нами лишь с весьма значимой оговоркой: противопоставление «перфекта/перфектива» и «имперфекта/имперфектива» релевантно только в рамках сравнительно-исторических (в меньшей степени — вообще диахронических) исследований и не может с успехом применяться для типологического изучения отдельных языков.

3. Морфологическая структура форм перфекта

Как упомянуто выше, В. Леслау называет амхарский перфект “compound gerund”. Этот термин указывает на структуру формы. Перфект любого глагола в амхарском языке образуется по следующей модели: деепричастие предшествования[11] смысло-

[11] В англоязычной терминологии эта разновидность амхарских конвербов именуется “gerund”. Термин «деепричастие предшествования» по отношению к данной форме до сих пор практически не применялся. Тем не менее, по нашему мнению, он достаточно адекватно отражает основной компонент семантики формы, так как в современном амхарском языке в большинстве случаев самостоятельного употребления этот конверб передает идею предшествования обозначаемого им события другому событию, выражаемому какой-либо иной глагольной формой,

вого глагола + соответствующая форма вспомогательного глагола *allä*, который в качестве полнозначной лексемы имеет значение ‘быть, иметься (в наличии), существовать, находиться’[12]. Наиболее яркое морфологическое отличие амхарских деепричастий предшествования (в дальнейшем вне текстовых примеров — просто деепричастий) от деепричастий, скажем, русского языка состоит в том, что в отличие от вторых первые спрягаются, т. е. имеют полную парадигму изменения по категориям лица и числа, а в 2SG и 3SG также и рода. Этим фактом амхарской морфологии объясняется то, что, глоссируя приводимые ниже текстовые примеры, мы при формах деепричастий (как самостоятельных, так и входящих в состав перфектной словоформы) наряду с пометой ANTCONV регулярно указываем также лицо и число, а в релевантных случаях — и род деепричастия.

Ниже приведена парадигма спряжения деепричастия предшествования, образованного от правильного трехсогласного глагола типа А[13] *säbbärä* ‘ломать’. Суффиксальные показатели, согласующие деепричастие в лице, числе и роде с подлежащим, отделены от основы деепричастия дефисом:

выступающей в качестве вершинного предиката. Термин «деепричастие предшествования» соответствует англ. converb of anteriority, активно используемому авторами сборника [Haspelmath, König (eds.) 1995].

[12] Глагол *allä* является, по сути, единственным «претеритно-презентным» глаголом амхарского языка: будучи по своей морфологической структуре и типу спряжения глаголом прошедшего времени, в плане значения он принадлежит настоящему времени (образуя свой претерит супплетивно, при помощи того же самого глагола *näbbär(ä)*, что и глагольная связка; глагол *näbbär(ä)* не имеет собственных форм презенса). Глагол *allä* в качестве вспомогательного имеет в амхарском языке довольно многообразные употребления, и применение его в перфектных формах — лишь одно из них; в дальнейшем, глоссируя встречающиеся в примерах перфектные формы, мы везде обозначаем морфему, исторически восходящую к глаголу *allä*, как PRF, а в других случаях использования *allä* как вспомогательного элемента глоссируем его как AUX.

[13] У глаголов типа А диахронически предпоследний корневой согласный подвергается геминации лишь в претерите и в образуемых на его основе формах; в противоположность этому, глаголы типа В удваивают этот корневой согласный во всех без исключения формах своей парадигмы. Глаголов типа А в амхарском языке большинство.

Таблица 1. Образец спряжения деепричастия предшествования

SG		PL	
1	*säbərr-e*[14]	1	*säbr-än*
2M	*säbr-äh*	2	*säbr-aččuh*
2F	*säbr-äš*		
3M	*säbr-o*	3	*säbr-äw*
3F	*säbr-a*		

Что касается второго составного элемента перфектных форм, то здесь важно отметить, что формы глагола *allä*, присоединяемые к деепричастию, образуют как бы самостоятельную парадигму, не тождественную парадигме глагола *allä* как отдельной полнозначной лексемы. Для сравнения приведем обе парадигмы в полном виде:

Таблица 2. Спряжение глагола *allä*

allä как полнозначная лексема				*allä* как вспомогательный глагол при образовании перфекта			
SG		PL		SG		PL	
1	*allähu*	1	*allän*	1	*-allähu*	1	*-all*
2M	*alläh*	2	*allaččuh*	2M	*-all*	2	*-all*
2F	*alläš*			2F	*-all*		
3M	*allä*	3	*allu*	3M	*-all*	3	*-all*
3F	*alläčč*			3F	*-alläčč*		

Из таблицы видно, что полные формы глагола *allä* при образовании перфекта сохраняются лишь в 1SG и в 3F.SG; во всех остальных случаях представлена одна и та же усеченная форма *-all*[15].

---

[14] В форме 1SG последний согласный основы в обязательном порядке подвергается геминации. Кроме того, если последним согласным основы является дентальный, то он также обязательно палатализируется: *t > čč, t' > č'č', d > ǰǰ, s > šš, c' > č'č', z > žž, n > ɲɲ, l > yy*.

[15] Сохранение полных форм *-allähu* и *-alläčč* легко объяснимо, если принять во внимание слабость фонетической «поддержки» морфологических процессов в этих двух формах: гласные суффиксы *-e* и *-a* как правило (а последний даже всегда) подвергаются перед формами глагола *allä* элизии. Таким образом, при употреблении в этих двух случаях усеченной формы глагола *allä* исчезла бы возможность эксплицитного выражения согласовательных категорий. В остальных формах элизии согласовательных элементов не происходит.

Итак, по способу своего образования амхарский перфект ближе всего стоит к наиболее типичному для языков мира типу, включающему претеритное причастие смыслового глагола и вспомогательный глагол-связку[16]. Однако полного тождества с этим морфологическим типом не наблюдается: место причастия (отсутствующего в системе амхарского глагола) занимает конверб предшествования.

Остается отметить, что единственный разряд морфем, способных занимать в перфектной словоформе позицию между деепричастием и вспомогательным глаголом — это объектные местоименные показатели трех рядов (присутствие в словоформе показателя одного из этих рядов в норме исключает одновременное присутствие показателей двух других рядов): 1) суффиксы прямого объекта; 2) суффиксы аппликативного бенефактивного объекта и 3) суффиксы аппликативного малефактивного объекта[17].

4. Особенности употребления перфекта в староамхарских текстах

Прежде, чем перейти к рассмотрению функционирования перфекта в современном амхарском языке, и для того, чтобы адекватнее понимать место, занимаемое перфектом в системе глагольных форм современного языка, полезно проследить диахроническую эволюцию этой граммемы, обратившись с этой целью к анализу т. н. «староамхарских» текстов.

Староамхарскими принято называть тексты на амхарском языке, записанные до сер. XIX в., т. е. до того периода, который ознаменован появлением устойчивой литературной традиции на

[16] Ср. наблюдение Э. Даля: «Обычно (в языках, представленных в выборке автора — *И. Ф.*) используются конструкции, в состав которых входит связка или какой-либо вспомогательный глагол, а также какое-либо причастие прошедшего времени или подобная глагольная форма» [Dahl 1985: 129].

[17] Суффиксы последних двух рядов являются морфологически не элементарными образованиями, и при глоссировании соответствующих форм в приводимых ниже примерах мы расчленяем их на две морфемы, приписывая первой значение аппликативного бенефактива или малефактива, а последующей — значение согласователя.

этом языке. Датировка подобных текстов, как правило, представляет серьезные затруднения, так как в манускриптах во многих случаях отсутствует информация (колофоны, упоминания царствующих монархов и митрополитов и т. п.), которая позволила бы датировать рукопись в пределах нескольких лет или даже десятилетий. В этих условиях единственным более или менее надежным критерием датировки выступают палеографические особенности текста, однако этот критерий удовлетворительно работает также не всегда, так как для эфиопской палеографии характерна высокая степень консервативности.

Нами были проанализированы три староамхарских текста (в списке источников в конце статьи им присвоены наименования DA, FP и RC). Текст DA представляет собой толкование на Никейский Символ веры (примерный объём текста составляет 1.700 слов). Публикатор текста не имел непосредственного доступа к содержащей его рукописи и пользовался списком, сделанным его коллегой; разумеется, в таких условиях даже приблизительная датировка текста вряд ли возможна. Языковые особенности текста, тем не менее, носят явно архаичный характер и свидетельствуют о его письменной фиксации до сер. XIX в. В этом ненарративном по своей жанровой принадлежности, однако содержащем и нарративные фрагменты тексте перфектные глагольные формы употреблены 7 раз: *täzägtäwallu* ‘они (церкви) закрылись / закрыты’ (DA 116), *tähanṣäw allu* ‘они (языческие храмы) построены’ (DA 116), *bəlonall* ‘он сказал нам’ (DA 118) и тождественные по значению формы *täbəhläw allu*, *täbəhläwallu* и *täbəhläwall* ‘о них (пророках; Моисее[18]; израильском народе) сказано’ (DA 122, 124), *bəläwallu* ‘они (участники Никейского Собора) сказали’ (DA 132).

Обращают на себя внимание следующие факты. Во-первых, сами перфектные формы встречаются весьма редко (по сравнению с современными амхарскими текстами большинства жанров). Во-вторых, в 3PL.PRF употребляются полные (не синкопированные, см. выше) формы вспомогательного глагола, хотя воз-

[18] По отношению к Моисею употреблена гонорифическая глагольная форма, которая, как отмечено выше, аналогична форме 3PL.

можно — как об этом свидетельствует последний из приведенных примеров — и использование усеченной формы *-all*. Полные формы глагола *allä*, в отличие от норм современной орфографии, иногда пишутся отдельно от деепричастия. В-третьих, среди перфектных форм преобладают формы пассивного залога (показателем которого является префикс *tä-*).

Все перечисленные особенности в еще большей степени свойственны тексту FP. Это — один из наиболее известных староамхарских текстов; отрывок из него был впервые опубликован зачинателем научной эфиопистики И. Лудольфом в 1698 г. Текст, таким образом, не моложе XVII в. Основную часть «Фрагмента Пика» составляет Erzählung («повествование» в терминологии Х. Вайнриха, Weinrich 2001 (и более ранние издания)), чередующийся с более или менее значительными пассажами, носящими характер Besprechung, или «обсуждения». На протяжении всего достаточно объемного текста (около 1.300 слов) перфектная форма встречается лишь однажды[19]:

(1) *allakkon* *mädhane*
allä-əkkon *mädhane*
иметься.PRS.3M.SG-воистину Спаситель.CSTR
aläm *käsämay* *wärdo* *kädəngəl*
aläm *kä-sämay* *wärd-o* *kä-dəngəl*
мир с-небо спускаться.ANTCONV-3M.SG от-Дева
täwäldo ***allä***
tä-wäld-o *allä*
PASS-рождать.ANTCONV-3M.SG иметься.PRS.3M.SG
'Воистину, есть Спаситель мира; сойдя с неба, Он родился от Девы...' (FP 8).

[19] В языковых примерах верхняя строка представляет собой транскрипционную запись текста; во второй строке дается транскрипционная запись текста с разбиением словоформ на морфемы, причем каждая морфема приводится в своей фонетически инвариантной форме, существующей «до» контекстуальных фонотактических изменений; третья строка — строка поморфемной нотации; ниже дается перевод высказывания на русский язык. Местоименный согласовательный показатель в составе глагольной словоформы при отсутствии в строке глоссирования помет OBJ или APPL следует понимать как субъектный.

Здесь мы вновь видим аналитическую форму, состоящую из двух отдельных лексем: деепричастия полнозначного глагола *täwälläda* ‘быть рожденным’ и вспомогательного глагола *allä* в полной форме. Это снова форма пассивного залога.

Данные третьего текста (в списке источников — RC, сборник катехизических наставлений, содержится в рукописи XIX в., однако языковые особенности с несомненностью указывают на существование текста задолго до фиксации его в данной рукописи) заметно отличают его от двух уже рассмотренных. Здесь перфект также весьма редок — встречается всего дважды[20], но оба раза автор употребляет в перфекте динамические глаголы в активном залоге:

(2) *yäsäwəmm* *ləbbun* *säyt'an*
yä-säw-əmm *ləbb-u-n* *säyt'an*
ATTR-человек-ADD сердце-DEF-DO сатана
bäda mədr ***asmässəlowall***
bäda.mədr *asmässəl-ow-all*
пустыня уподоблять.ANTCONV-3M.SG-PRF
‘Человеческое же сердце сатана уподобил пустыне.’

(3) *ah^{w}ənəmm* *yəhən* *h^{w}əllu* *kəfun*
ah^{w}ən-əmm *yəh-ən* *h^{w}əllu* *kəfu-n*
теперь-ADD этот-DO весь злой-DO
nägär *bäsäw* *bäləbbu*
nägär *bä-säw* *bä-ləbb-u*
дело в-человек в-сердце-3M.SG.POSS
zärrabbätənna
zärra-bb-ät-ənna
сеять.PRT.3M.SG-APPL(MAL)-3M.SG.OBJ-и
t'əre *bäda* ***adrəgowall***
t'əre *bäda* *adrəg-ow-all*
сплошной пустыня делать.ANTCONV-3M.SG-PRF
‘Ныне же он посеял все эти злые дела в человеке, в сердце его, и сделал его темной пустыней.’

[20] Текст RC опубликован издателем в виде факсимиле, поэтому определение его объема затруднительно. В целом можно утверждать, что объем текста RC сопоставим с объемом каждого из двух ранее рассмотренных текстов.

В т. наз. «царских песнях» — древнейших письменных памятниках амхарского языка, датируемых XIV–XVI вв., формы перфекта, согласно данным Р. Рихтер [Richter 1997: 550], не встречаются вовсе.

В то же время, если рассмотреть тексты, созданные вскоре после середины XIX в. — традиционного рубежа, отделяющего долитературную стадию развития языка от литературной — то в них частота встречаемости перфектных форм будет существенно иной. Так, согласно подсчетам О. Капелюк [Kapeliuk 1971–72: 79], в хронике правления императора Теводроса II, написанной в 1880–1881 гг., перфектные формы употреблены 58 раз (на 64 страницах текста). В хронике одного из последующих императоров, Менелика II, составленной в 1908–1909 гг., соотношение сходное: на 64 первых страницах текста — 55 глаголов в перфекте. Согласно нашим собственным подсчетам, на первых девяти страницах упомянутой хроники Теводроса II перфектные формы употреблены 7 раз; четыре из них — это перфект, за которым следует клитическая частица *-əppa* (о ней см. ниже, прим. 38). В отличие от употребления этой клитики в современном литературном языке, во второй пол. XIX в. она, как кажется, ещё не приобрела стандартной каузальной интерпретации.

Необходимо учесть тот факт, что бóльшая часть этих форм в обоих текстах употреблена в прямой речи персонажей, а не в нарративных фрагментах; имеются основания для предположения о том, что в обыденной разговорной речи встречаемость перфекта уже тогда была еще более высокой[21].

Итак, по всей видимости амхарский перфект начинает свою семантико-функциональную эволюцию с непереходных глаголов и глаголов в пассивном залоге, т. е. с форм, у которых результативная интерпретация преобладает над перфектной, а зачастую и является единственно возможной. Такое начало весьма типично типологически; на ранних этапах своего существования перфектные формы, как правило, выражают такой результат некоего

[21] Это предположение подтверждается данными Дж. Иди [Eadie 1924]: в составленной им хрестоматии, тексты для которой были получены от информантов в 1913 г., на 21 первой странице перфект встречается 50 раз (ср. [Kapeliuk 1971–72: 80].

события, который осознается говорящим как естественный для данного события, закономерно вытекающий из самого его характера, в определенном — и очень важном! — смысле неотделимый от события, органически с ним связанный. Для такого «зарождающегося» перфекта явилось бы совершенно атипичным употребление, скажем, в следующей ситуации: говорящий, желая привлечь особое внимание слушающего к необходимости садиться за обеденный стол, произносит предложение *Мама сварила суп*, употребляя сказуемое в форме перфекта. В самом деле, прагматические следствия произнесения фразы *Мама сварила суп* могут варьировать в очень широких пределах; следствием же события, выражаемого предложением *Суп сварился* / *сварен*, в общем случае мыслится именно состояние, в котором пребывает суп в данный момент, и ничто иное; более того, мы вряд ли ошибемся, если скажем, что следствие это относится скорее к области семантики, нежели к прагматике. Эволюционируя же (или, в терминологии Ю. С. Маслова, становясь из «статального» перфекта «акциональным», ср. [Маслов 1983: 42–43]), перфект из «семантической» граммемы все более превращается в граммему с подчас сложными и нетривиальными, различающимися от языка к языку прагматическими коннотациями.

5. Семантика амхарского перфекта на типологическом фоне.

5.1. Краткие сведения о семантике перфекта в языках мира. В наиболее общем плане определение семантики прототипического перфекта может быть сформулировано следующим образом: «событие V имело место до точки отсчета на временной оси (в частном, но наиболее часто встречающемся случае совпадающей с моментом речи) и имеет результат, совпадающий по времени с этой точкой отсчета и по каким-либо соображениям рассматриваемый говорящим как прагматически особо значимый». Особая прагматическая значимость ситуации, обозначаемой перфектной глагольной формой, есть, в первом приближении, ее «текущая релевантность» (англ. current relevance).

Здесь следует сделать важное уточнение. Определение, данное выше, вступает в известное противоречие с определением перфекта, сформулированным выдающимся отечественным аспектологом Ю. С. Масловым: перфект есть «видо-временная фор-

ма глагола (*собственно перфект*), обозначающая состояние в настоящем как результат предшествующего действия, изменения (так называемый *статальный* перфект) и/или действие, событие, состояние прошлого, чем-либо важное для настоящего, рассматриваемое с точки зрения настоящего, вне связи с другими фактами прошлого (*акциональный* перфект)» [Маслов 1990: 372]. Однако противоречие здесь скорее кажущееся; как отмечает Й. Линдстедт [Lindstedt 2000: 366], первая часть формулировки Маслова, определяющая «статальный перфект», имеет отношение к отдельной глагольной граммеме, именуемой результативом. К настоящему времени семантические отличия результатива от «перфекта текущей релевантности» и формальные критерии их различения достаточно четко определены[22].

Благодаря работам ряда исследователей можно считать достаточно четко определенными и основные группы употреблений, характерные для перфектных форм глагола в языках мира. Так, Б. Комри [Comrie 1976: 56–61] выделяет здесь следующие основные группы: а) результативный перфект[23] — глагольная форма обозначает релевантность (в самом широком смысле) некоего прошедшего события для ситуации в настоящем. Типичный контекст употребления результативного перфекта, например, таков: *Мама* ***вышла*** *в магазин [и поэтому не может ответить на телефонный звонок]*; б) экспериенциальный перфект, указывающий на то, что рассматриваемая ситуация имела место в прошлом хотя бы однажды и в силу этого ее одушевленный партиципант обладает неким обусловленным ею опытом. Контекст, типичный для экспериенциального перфекта: *Вы когда-нибудь* ***ели*** *пломбир? — Нет,* ***не довелось*** *ни разу в жизни*; в) перфект длящейся ситуации[24], характеризующий событие как начавшееся в определенный момент в прошлом и продолжающееся вплоть до настоящего момента включительно: *Мальчик уже два часа* ***пытается*** *собрать самолет из деталей автомобильного конструктора.* Данное употребление перфекта встречается реже первых двух и

[22] Ключевой в этом отношении работой явилась коллективная монография [Недялков (ред.) 1983], в особенности ее вступительный раздел.

[23] Не путать с результативом = статальным перфектом Ю. С. Маслова.

[24] В ряде других работ называется также инклюзивным.

даже там, где встречается (напр., в английском языке), как правило, выражается особыми, структурно более сложно организованными формами; г) перфект недавнего прошлого[25], при употреблении которого общая идея релевантности прошедшего события для настоящего трактуется преимущественно или исключительно в смысле временнóй близости первого к последнему: *Дядя только что (недавно, сию минуту)* ***приехал***[26].

В целом следуя этой четырехчастной классификации, Э. Даль [Dahl 1985: 132–153] делает по крайней мере одно весьма важное добавление: он выделяет в особую семантическую зону квотативный перфект, или просто квотатив, служащий для указания на то, что говорящий сам не является свидетелем прошедшего события и сообщает о нем с чужих слов или по каким-либо иным признакам. Необходимо учесть, что постулирование Э. Далем пятого, «квотативного» блока значений перфекта имело место до всеобщего признания взгляда на эвиденциальность как на особую морфологическую категорию глагола. К настоящему времени эвиденциальные функции перфектных форм достаточно хорошо засвидетельствованы в языках мира, продолжается их изучение.

5.2. Семантическое ядро амхарского перфекта: результативное и экспериенциальное значения. Из всех вышеперечисленных значений авторы краткого очерка о перфекте во «Всемирном атласе языковых структур» считают обязательными для того, чтобы данную глагольную форму можно было классифицировать как перфектную, первые два, т. е. результативное и экспериенциальное [Dahl, Velupillai 2011]. Оба эти значения у амхарского

[25] В ряде других работ именуется также иммедиатным.

[26] Отметим, что между иммедиатным и результативным перфектом далеко не всегда можно провести четкую семантическую границу: действие, происшедшее совсем недавно, как правило, будет оформлено перфектом в том случае, если его результат все еще релевантен для настоящего момента. Обратившись к приводимому примеру, можно утверждать, что, если дядя приехал пять минут назад, а три минуты назад снова уехал, то носитель языка с очень высокой вероятностью предпочтет обозначить первое из действий дяди какой-либо иной видо-временной формой глагола, но не перфектом.

перфекта имеются. На результативное значение приходится (как и полагается настоящему перфекту) львиная доля употреблений. Вот несколько примеров:

(4) *fək'r mängäd* ***hedoall*** *wädä*
fək'r mängäd hed-o-all wädä
NPR путь уходить.ANTCONV-3M.SG-PRF к
ŋŋa zänd mät'tačču h ədäru
əŋŋa zänd mät't-aččuh ədär-u
мы около приходить.ANTCONV-2PL ночевать.IMPER-PL
‘Любовь[27] отправилась в путь. Приходите к нам и ночуйте’ (WL 28).

(5) *yəhunənna ənnäŋŋih əsər bet wəst'*
yəhunənna ənnä-əŋŋih əsər.bet wəst'
однако PL-этот тюрьма в
yasalläfnaččäw sost samməntat
y-asalläf-n-aččäw sost sammənt-at
ATTR-проводить.время.PRT-1PL-3PL.OBJ три неделя-PL
sost amät abro
sost amät abr-o
три год соединяться.ANTCONV-3M.SG
yänorä g^{w}addäŋŋa
yä-nor-ä g^{w}addäŋŋa
ATTR-жить.PRT-3M.SG товарищ
yahl ***astäsasräwnall***
yahl astäsasr-äw-n-all
приблизительно соединять.ANTCONV-3PL-1PL.OBJ-PRF
‘Однако же эти три недели, которые мы провели вместе в тюрьме, связали нас друг с другом так, будто мы прожили вместе три года (AKL 9).’

(6) *säwəyyew yäpolätika səddätäŋŋa*
säw-əyye-w yä-polätika səddätäŋŋa
человек-SINGUL-DEF ATTR-политика эмигрант
bihonumm
bə-yə-hon-u-mm
CONC-3-быть.PRS-PL-CONC

[27] Имя собственное аллегорического персонажа.

kallaččäw *t'änkarra*
kä-(yä)-all-aččäw *t'änkarra*
от-(ATTR)-иметься.PRS.3M.SG-3HON.OBJ сильный
yähagär *fək'r* *səmmet* *yätänässa*
yä-hagär *fək'r* *səmmet* *yätänässa*
ATTR-родина любовь чувство по причине
bäbärkatta *ityop'p'əyawəyan* *zänd* *akbərot*
bä-bärkatta *ityop'p'əyawi-an* *zänd* *akbərot*
у-очень.многие эфиоп-PL около уважение
fək'rənna *tädämač'ənnät* *lämaträf*
fək'r-ənna *tädämač'ənnät* *lä-maträf*
любовь-и авторитет для-получать.прибыль.INF
bäk't äwall
bäk't-äw-all
быть.достаточным.ANTCONV-3HON-PRF
‘Несмотря на то, что человек этот был политэмигрантом, из-за сильного чувства любви к Родине, которым он обладал, ему удалось завоевать уважение, любовь и авторитет у весьма многих эфиопов’ (AKL 7).

(7) *yan* *mərərr bəla*
ya-n *mərərr bəl-a*
тот-DO *горький LV.ANTCONV-3F.SG
yaläk'k'äsäččäwən *hullu*
yä-aläk'k'äs-äčč-äw-ən *hullu*
ATTR-плакать.PRT-3F.SG-DEF-DO все
rästawalläčč
räst-a-w-alläčč
забывать.ANTCONV-3F.SG-3M.SG.OBJ-PRF
yək'ər bəlalläčč
yək'ər bəl-(a)-alläčč
*извинение LV.ANTCONV-(3F.SG)-PRF
Все то, о чем горько плакала она, она позабыла, простила (HA 27).

(8) *ənnate* *nat* *yämotäčč*
ənnat-e *n-at* *yä-mot-äčč*
мать-1SG.POSS COP-3F.SG ATTR-умирать.PRT-3F.SG
wäyəss *abbate*
wäyəss *abbat-e*
или отец-1SG.POSS

ənnatəhəmm *abbatəhəmm*
ənnat-əh-əmm *abbat-əh-əmm*
мать-2M.SG.POSS-ADD отец-2M.SG.POSS-ADD
arfäwall *alä*
arf-äw-all *al-ä*
скончаться.ANTCONV-3PL-PRF сказать.PRT-3M.SG
däbtära *bäyyänä*
däbtära *bäyyänä*
дэбтэра NPR
«Мать моя умерла, или отец»? — «И мать твоя, и отец твой скончались», — сказал дэбтэра[28] Бэййэнэ (HA 63).

Что касается экспериенциальных употреблений, то они в текстах на амхарском языке также отнюдь не редки:

(9) *käzzih* *k'ädmo* *and*
kä-zzih *k'ädm-o* *and*
от-это предшествовать.ANTCONV-3M.SG один
gize ***täsasəččallähu***
gize *täsasəčč-(e)-allähu*
раз ошибаться.ANTCONV-(1SG)-PRF.1SG
Я уже (прежде) один раз ошибся (L 42).

(10) *käbrežnev* *əskä* *indəra* *gandi* *kafrika* *əskä*
kä-brežnev *əskä* *indəra* *gandi* *k-afrika* *əskä*
от-NPR до NPR NPR от-NPR до
amerika *bəzu* *märiwoččən* *yämagnät*
amerika *bəzu* *märi-wočč-ən* *yä-magnät*
NPR много руководитель-PL-DO ATTR-встречать.INF
əddəl ***gät'moŋŋall***
əddəl *gät'm-o-ŋŋ-all*
шанс случаться.ANTCONV-3M.SG-1SG.OBJ-PRF
‘Я имел возможность встретиться со многими лидерами — от Брежнева до Индиры Ганди, от Африки и до Америки (GA 61).’

[28] Дэбтэра — представитель особого сословия не имеющих сана церковнослужителей, характерного для Эфиопской Церкви и не имеющего параллелей в других христианских Церквах.

(11) *bäərgət'* *bähayläsəllase* *zämän* *amerikan* *agär*
bäərgət' *bä-(yä)-hayläsəllase* *zämän* *amerikan* *agär*
конечно в-(ATTR)-NPR время NPR страна
kandemm hulätte *heǯǯe*
kandemm hulätte *heǯǯ-e*
неоднократно идти.ANTCONV-1SG
bäsiaye ***sält'əŋŋallähu***
bä-siaye *sält'əŋŋ-(e)-allähu*
в-NPR обучаться.ANTCONV-(1SG)-PRF
'Разумеется, в царствование Хайле Селассие я несколько раз ездил в Америку и проходил подготовку в ЦРУ'
(GA 70).

(12) *ac'e* *tewodros* *ras* *alin* *kandemm hulätte*
ac'e *tewodros* *ras* *ali-n* *kandemm hulätte*
государь NPR рас NPR-DO неоднократно
dəl ***adrəgäwaččäwall***
dəl *adrəg-äw-aččăw-all*
поражение делать.ANTCONV-3HON-3HON.OBJ-PRF
'Государь Теводрос не раз наносил поражение расу[29] Али'
(L 297).

Во всех вышеприведенных примерах на экспериенциальное употребление перфектные формы сопровождаются обстоятельствами, конкретизирующими количество «осуществлений» ситуации типа «однажды», «неоднократно».

По мнению Й. Линдстедта [Lindstedt 2000: 367–369], эволюция семантики перфектных форм по траектории «результатив → прототипический перфект → экспериенциальный перфект» свидетельствует о том, что перфект в рассматриваемом языке все более утрачивает характеристики граммемы категории аспекта и постепенно приобретает свойства граммемы категории времени. Подробнее об исходном пункте этой эволюции — значении классического результатива у староамхарских перфектных форм — было сказано выше, в разделе 4.

[29] Рас (от амх. *ras* 'голова') — один из высших военно-феодальных титулов в монархической Эфиопии.

Важным параметром, позволяющим определить позицию, занимаемую перфектом конкретного языка в конкретный период его развития на континуальной шкале «аспект-время», является и сочетаемость перфектных глагольных форм с обстоятельствами точного времени[30]. Широко известен тот факт, что в нормативном английском языке формы перфекта не могут употребляться в клаузах, содержащих такое обстоятельство. Так, например, грамматически неприемлемым является следующее английское предложение:

(13a) **Such a lake has been discovered in America in 1905.*

Между тем амхарский аналог этого английского высказывания полностью приемлем для носителей языка:

(13b) *yəhäw* *hayk'* *bä1905*
yəhäw *hayk'* *bä-1905*
именно.такой озеро в-1905
amerika *wəst'* ***tägäŋtwall***[31]
amerika *wəst'* *tägäŋt-o-all*
NPR в быть.найденным.ANTCONV-3SG.M-PRF
'Такое озеро было открыто в Америке в 1905 году'
(AA 150).

Ср. также:

(14) *yäʔityop'p'əya* *həzb* *betä mäc'ahəft* *wä-mäzäkkər…*
yä-ʔityop'p'əya *həzb* *betä.mäc'ahəft* *wä-mäzäkkər*
ATTR-NPR народ библиотека и-музей
tənant *käčekozlovakiya* *mängəst*
tənant *kä-čekozlovakiya* *mängəst*
вчера от-NPR правительство

---

[30] Ср. в этой связи замечание Й. Линдстедта: «Я полагаю, что степень несовместимости обстоятельств точного времени с перфектом в конкретном языке свидетельствует о том, в какой степени перфект стал прежде всего экспериенциальной формой и, следовательно, разновидностью [категории] времени» [Lindstedt 2000: 370].

[31] В этом предложении глагол *tägäŋŋä* употреблен в своем динамическом значении пассивного залога к *agäŋŋä* 'находить', а не в стативном значении 'находиться, иметься, быть в наличии'. Подробнее о различии в значении перфекта у динамических и стативных глаголов см. ниже, раздел 8.1.

yätälakällätən
yä-tä-lak-ä-ll-ät-ən
ATTR-PASS-посылать.PRT-3M.SG-APPL(BEN)-3M.SG.OBJ-DO
and mäto *mäc'haf* ***täk'äbbəlwall***
and.mäto *mäc'haf* *täk'äbbəl-o-all*
сто книга принимать.ANTCONV-3M.SG-PRF
'Эфиопская национальная библиотека и музей получили вчера сто книг, направленных им правительством Чехословакии' (UAH 39).

(15) *Ralph Waldo Emerson*
Ralph Waldo Emerson
NPR
yätäbaläw
yä-tä-bal-ä-w
ATTR-PASS-говорить.PRT-3M.SG-DEF
bät'am *yätawwäk'äw* *yamerika*
bät'am *yä-t-awwäk'-ä-w* *y-amerika*
очень ATTR-PASS-знать.PRT-3SG.M-DEF ATTR-NPR
därasi *bä1831* *bäc'afäw*
därasi *bä-1831* *bä-(yä)-c'af-ä-w*
писатель в-1831 в-(ATTR)-писать.PRT-3M.SG-DEF
Journal *yämmikkättäläwən*
Journal *yämmə-yə-kkättäl-äw-ən*
NPR ATTR-3M.SG-следовать.PRS-DEF-DO
amälkətwall
amälkət-o-all
указывать.ANTCONV-3M.SG-PRF
'Весьма известный американский писатель Ральф Уолдо Эмерсон в дневнике, написанном им в 1831 году, отметил следующее' (BD 26).

Обращает на себя внимание тот факт, что обстоятельства конкретного времени, употребленные в приведенных выше предложениях, являются как дейктическими (пример 14), так и не дейктическими (примеры 13, 15; подробнее об этом различии см. [Ландер 2002]. По мнению Ю. А. Ландера [Ландер 2002: 311], «чем меньше 'потенциальная дейктичность' обстоятельства, тем больше вероятность того, что сочетающаяся с ним перфектная

форма утрачивает свое исходное значение» и эволюционирует в сторону нейтрального прошедшего времени (претерита). Вообще допустимо утверждать, что амхарский перфект сочетается с обстоятельствами конкретного времени вне зависимости от того, соотнесены ли эти последние прямо с временем речевого акта или нет. С нашей точки зрения, альтернатива «перфект/претерит» в рассматриваемых условиях разрешается носителями языка исходя из иного параметра — все той же кардинальной для семантики и одновременно прагматики перфекта текущей релевантности события. В примере 13 текущая релевантность сообщения об открытии в Америке подземного озера усматривается в том, что до этого открытия науке не было известно о факте существования подземных озер, т. е. в достигнутом приросте научного знания. Что касается примера 15, то для современного амхарского языка вообще чрезвычайно характерно использование именно перфекта для оформления высказываний о составлении какими-либо (выдающимися) деятелями прошлого и настоящего письменных текстов. В таких высказываниях глагол *c'afä* ‘писать’ и его полные или частичные контекстуальные синонимы оформляются перфектом в подавляющем большинстве случаев.

5.3. Амхарский перфект в типологической анкете: результаты и попытка интерпретации. При заполнении носителем амхарского языка анкеты на употребление перфектных форм, опубликованной в книге [Dahl (ed.) 2000: 800–809], выяснились следующие закономерности и тенденции:

а) Ситуативные высказывания (E01)–(E07) этого теста имеют «диагностическое» предназначение: если во всех или в большинстве из них носитель языка предпочитает употребить глагольную форму, в отношении которой существует «подозрение» на перфектную семантику, то в данном языке налицо морфологически самостоятельный перфект. Информант употребил перфектные формы во всех семи ситуативных высказываниях первого блока. Приведем некоторые примеры:

(16)	*nəgusu*	*əskahun*	*bähəywät*	*allu*
	nəgus-u	*əskahun*	*bä-həywät*	*all-u*
	царь-DEF	доныне	в-жизнь	иметься.PRS-3HON

yällumm ***motäwall***
yäll-u-mm *mot-äw-all*
иметься.PRS.NEG-3HON-NEG умирать.ANTCONV-3HON-PRF
‘Царь до сих пор жив? — Нет, он умер.’

(17) *əhəten*
əhəten
сестра-1SG.POSS-DO
täwawk'ähatall
täwawk'-äh-at-all
знакомиться.ANTCONV-2M.SG-3F.SG.OBJ-PRF
‘Ты [уже] познакомился с моей сестрой?’

(18) *ahun* *mähed* *əčəlallähu* *yäbet*
ahun *mähed* *ə-čəl-allähu* *yä-bet*
сейчас идти.INF 1SG-мочь.PRS-AUX ATTR-дом
sərahən ***särtähall***
səra-h-ən *särt-äh-all*
работа-2M.SG.POSS-DO делать.ANTCONV-2M.SG-PRF
‘(Ребенок спрашивает мать:) Мне можно идти? — (Мать спрашивает в ответ:) А ты сделал домашнее задание?’

б) Ситуативные высказывания (E08)–(E11) представляют собой в достаточной степени развернутые нарративы о событиях прошлого; перфектные формы в соответствующих контекстах не ожидаются. Информант отказался от употребления перфекта во всех предложениях этого фрагмента теста. Результат сам по себе вполне предсказуемый, однако перфектные формы в амхарском нарративе все-таки употребляются (см. далее, раздел 7.1).

в) Ситуативные высказывания (E14)–(E27) предназначены для проверки возможности употребления перфекта с различными временны́ми обстоятельствами, в том числе с обстоятельствами конкретного времени. Высказывания (E18) и (E19) не показательны, так как в них употреблены отрицательные формы глагола; высказывания (E16), (E17), (E23), (E25), (E26) не показательны, так как их амхарские аналоги построены по модели фокусной конструкции (см ниже, раздел 6, о синтаксических ограничениях на употребление перфекта). Информант употребил перфектные формы в высказываниях (E14), (E15), (E20) и (E21) (соответственно обстоятельства *lelit* ‘ночью’, *bəzu gize* ‘часто/много раз’,

zare ‘сегодня’, *tənant* ‘вчера’). В высказываниях (E22) и (E24) употреблен претерит (соответственно обстоятельства ‘1 августа 1950 года’ и ‘в этом (1550) году’). Подробнее об употреблении перфекта с обстоятельствами точного времени см. выше, в разделе 5.2.

г) В высказывании (E27) (Is your sister still at home? — No, she *has* already *gone* away) носитель языка предпочел перфектную форму, оставив без перевода наречие already, не имеющее в амхарском лексического эквивалента[32].

д) В высказываниях (E48)–(E50) «временная рамка» объединяет планы прошедшего и настоящего (типа *Я живу в этом городе семь лет*). Несмотря на то, что все три высказывания в целом однотипны, информант проявил колебания в выборе временных форм сказуемых: в первом и третьем случаях он употребил претерит, во втором — перфект.

е) Высказывания (E51)–(E74) реализуют разнообразные значения, входящие в семантическую зону эвиденциальности. Вполне предсказуемым образом информант исключил использование перфекта во всех этих высказываниях — в амхарском, как и в подавляющем большинстве других семитских языков, эта грамматическая категория не имеет морфологического выражения[33].

---

[32] Обращает на себя внимание тот факт, что носители амхарского языка (особенно преподающие язык иностранцам), как правило, объясняют семантику перфекта именно через наречие *уже* или его английский аналог *already*. При этом данное объяснение представляется им вполне исчерпывающим, и они сталкиваются с серьезными затруднениями при дальнейших расспросах о значении перфектных форм.

[33] Явления, подобные, к примеру, отмеченному в статье В. Л. Цукановой [Цуканова 2008: 307] употреблению особых глагольных форм кувейтского арабского языка в эвиденциальной функции, носят в рамках семитской семьи периферийный характер. Те семитские языки, которые по традиции именуются «классическими» (аккадский, литературный арабский, библейский иврит, сирийский, геэз и т. д.), вообще не знают специальных форм, служащих для указания на источник информации, или даже системного употребления в этой функции тех форм, которые обладают и иной семантикой. Мы, разумеется, не причисляем к морфологическим маркерам эвиденциальности показатели типа квота-

ж) Высказывания (E75)–(E79) и (E81) нацелены на выявление в исследуемом языке граммемы плюсквамперфекта. В большинстве этих высказываний информант употребил форму именно этого времени (в амхарском оно образуется аналогично перфекту, только вместо глагола *allä* в качестве второго элемента выступает неизменяемая супплетивная форма претерита этого глагола *näbbär(ä)*). В тех высказываниях, где вместо плюсквамперфекта употреблены иные формы, их использование вызвано в принципе теми же синтаксическими ограничениями, которые применяются и к перфекту (см. раздел 6).

з) Высказывания (E82)–(E88) направлены на выявление в языке еще одной структурно соотносимой с перфектом граммемы — будущего времени типа англ. Future Perfect. Подобная граммема в амхарском языке отсутствует, информант последовательно употребляет презенс-футурум.

Итак, по рассмотрении результатов теста можно сделать следующие предварительные выводы. В амхарском языке налицо глагольная граммема, ядерным значением которой является значение прагматически важного результата обозначаемого глаголом события, т. е. перфект. Несмотря на соотнесенность с результатом, амхарский перфект может использоваться и в таких предложениях, где есть указания на конкретное время совершения события, причем просматривается тенденция к предпочтению перфектных форм во временных контекстах, близких к моменту речевого акта, и к их избеганию в контекстах иного характера. Инклюзивное значение перфекта в целом не характерно для амхарского языка; здесь, вероятно, перед нами зона максимальной неустойчивости, в которой индивидуальные предпочтения носителей языка имеют наибольший простор для реализации. Совершенно нехарактерны для амхарского перфекта эвиденциальные значения. В плане системных взаимоотношений перфекта с другими глагольными категориями особенно интересным представляется исследование таких взаимоотношений с плюсквамперфектом.

Рассмотренная анкета не выявляет еще одной важной особенности функционирования амхарского перфекта, которая тем не

тивной частицы -*ʔa* в геэзе, так как эти показатели способны присоединяться не только к глаголу, но и к другим частям речи.

менее отмечается в большинстве грамматик языка (ср., напр., [Leslau 1995: 389–390]). Состоит она в том, что перфектные формы стативных глаголов регулярно употребляются в тех же контекстах, употребление в которых динамических глаголов требует постановки их в форму презенса-футурума. Подробнее об этой особенности амхарского перфекта будет сказано в разделе 8.1.

6. Контексты нейтрализации противопоставления «претерит / перфект»

Поскольку нашей темой является семантика перфектных форм амхарского языка, представляется необходимым указать контексты, в которых морфологическое противопоставление форм перфекта и «простого прошедшего времени» (претерита) нейтрализуется. Наиболее важный и частотный из подобных контекстов — это *употребление отрицательных форм глагола*. Амхарский перфект не имеет собственной отрицательной парадигмы и пользуется в необходимых случаях отрицательной парадигмой претерита. Используемые в современном языке негативные формы типа *säbro yällämm*, с точки зрения структуры представляющие собой полное соответствие аффирмативному перфекту, употребляются только в вопросительных предложениях, преимущественно риторического характера (см. [Leslau 1995: 379–380]), ср. пример:

(19) *məsa* *därso*
məsa *därs-o*
обед прибывать.ANTCONV-3M.SG
yällämm
yäll-ä-mm
иметься.PRS.NEG-3M.SG-NEG
‘Разве обед (ещё) не готов?’ (Leslau 1995: 379)

Ср. следующую тройку предложений, в которой предложение (20c) служит общим отрицательным эквивалентом для предложений (20a) с претеритом и (20b) с перфектом:

(20a) *ləǯu* *dabbowən* *bälla*
ləǯ-u *dabbo-w-ən* *bälla*
ребенок-DEF хлеб-DEF-DO есть.PRT.3M.SG
‘Ребенок (съ)ел хлеб.’

(20b) *ləǯu* *dabbowən* ***bältwall***
ləǯ-u *dabbo-w-ən* *bält-o-all*
ребенок-DEF хлеб-DEF-DO есть.ANTCONV-3M.SG-PRF
'Ребенок съел хлеб.'

(20c) *ləǯu* *dabbowən* *albällamm*
ləǯ-u *dabbo-w-ən* *al-bälla-mm*
ребенок-DEF хлеб-DEF-DO NEG-есть.PRT.3M.SG-NEG
'Ребенок не ел/съел хлеба.'

Второй частотный контекст нейтрализации — это *предложения, построенные по модели выделительной конструкции (cleft sentences)*. Предикативное ядро в таких предложениях образуют релятивная форма (презентная или претериальная) смыслового глагола и (спрягаемый или неизменяемый) глагол-связка *näw* 'быть', обыкновенно обрамляющие находящийся в фокусе элемент высказывания[34]. Амхарский перфект, как правило, не имеет собственной релятивной формы и при релятивизации практически всегда пользуется соответствующей формой претерита[35]. Так, для следующих двух предложений (21a) и (21b), в первом из которых глагол употреблен в форме претерита, а во втором — в перфекте, результат трансформации релятивизации (21c) и образованная с помощью этого результата фокусная конструкция (21d) будут одними и теми же:

(21a) *ləǯwo* *səniwən* *säbbärä*
ləǯ-wo *səni-w-ən* *säbbär-ä*
ребенок-2HON.POSS чашка-DEF-DO разбивать.PRT-3M.SG
'Ваш ребенок разбил чашку.'

---

[34] Подобное обрамление иногда может и отсутствовать; главный фактор, конституирующий фокусную конструкцию — расположение коммуникативного фокуса непосредственно перед связкой.

[35] В своей грамматике В. Леслау предусматривает возможность образования форм собственно релятивного перфекта путем «расщепления» синтетической перфектной формы на деепричастие и вспомогательный глагол и оформления последнего релятивным маркером *y(ä)-* [Leslau 1995: 390]. Формы типа *säbro yallä(w)*, однако, практически не встречались нам не только в корпусе текстов, избранных материалом для настоящего исследования, но и вообще в текстах на амхарском языке. Опрошенный нами информант считает эти формы диалектной особенностью, однако с определением конкретного диалекта затрудняется.

(21b) *ləǯwo* *səniwən*
ləǯ-wo *səni-w-ən*
ребенок-2HON.POSS чашка-DEF-DO
säbrwall
säbr-o-all
разбивать.ANTCONV-3M.SG-PRF
‘Ваш ребенок разбил чашку.’

(21c) *səniwən* *yäsäbbäräw* *ləǯ*
səni-w-ən *yä-säbbär-ä-w* *ləǯ*
чашка-DEF-DO ATTR-разбивать.PRT-3M.SG-DEF ребенок
‘Ребенок, разбивший (= который разбил) чашку.’

(21d) *səniwən* *yäsäbbäräw*
səni-w-ən *yä-säbbär-ä-w*
чашка-DEF-DO ATTR-разбивать.PRT-3M.SG-DEF
ləǯwo *näw*
ləǯ-wo *n-äw*
ребенок-2HON. POSS COP-3M.SG
‘Это Ваш ребенок разбил чашку.’

Наконец, третий и очень важный контекст нейтрализации образуют *зависимые клаузы в сложноподчиненных предложениях*. Это связано с тем, что формы перфекта в амхарском языке не сочетаются с подчинительными союзами. В амхарском синтаксисе действует правило, согласно которому сказуемое подчиненной клаузы всегда располагается в ее конце и союзы, обозначающие данный тип подчинительной связи, присоединяются именно к глагольной форме (либо препозитивно — и тогда они составляют с ней единый фонетический комплекс с частыми и регулярными морфонологическими процессами на стыке союза и глагольной формы, либо — в редких случаях — постпозитивно). Союз не может быть присоединен ни к одной другой лексеме в клаузе, кроме глагольной формы. Более того, выбор союза, вводящего данную клаузу, в большинстве случаев однозначно предопределяет выбор временной формы сказуемого[36]. Так, напри-

[36] Из данного правила есть исключения, но, во-первых, они немногочисленны, во-вторых, они допускают и иную интерпретацию, представляющуюся более корректной. Рассмотрение этого вопроса, однако, не входит в наши задачи.

мер, применение для выражения реального условия союза *kä-* ‘если’ обязывает говорящего употребить после него глагол в форме претерита, в то время как использование циркумфиксального уступительного союза *bə-…-(ə)mm* требует постановки глагола в форму презенса:

(22) *ləǯu* *bərč'ək'k'owən* *käsäbbärä*
ləǯ-u *bərč'ək'k'o-w-ən* *kä-säbbär-ä*
ребенок-DEF стакан-DEF-DO COND-разбивать.PRT-3M.SG.
ənnatu *tək'ät'awalläčč*
ənnat-u *tə-k'ät'a-w-alläčč*
мать-3M.SG.POSS 3SG.F-наказывать.PRS-3M.SG.OBJ-AUX
‘Если ребенок разобьет стакан, его мать накажет его.’

(23) *ləǯu* *bərč'ək'k'owən*
ləǯ-u *bərč'ək'k'o-w-ən*
ребенок-DEF стакан-DEF-DO
bisäbrəmm *ənnatu*
bə-yə-säbr-əmm *ənnat-u*
CONC-3M.SG-разбивать.PRS-CONC мать-3M.SG.POSS
alk'ät't'aččəwəmm
al-k'ät't'a-čč-əw-əmm
NEG-наказывать.PRT-3SG.F-3M.SG.OBJ-NEG
‘Хотя ребенок разбил стакан, его мать не наказала его.’

Форма же перфекта не допускает присоединения к себе почти никакого подчинительного союза. Единственная существующая в речи субординативная форма на основе перфекта — это его сочетание с союзом *sə-*. Данный союз в сочетании с простой формой презенса в норме используется для оформления придаточных предложений времени, в которых событие придаточной клаузы одновременно событию матричной клаузы (обычные русские переводы таких предложений оперируют союзом *когда*). Понятно, что в случае оформления этим союзом перфектной словоформы одновременным событию матричной клаузы оказывается уже не само событие придаточной клаузы, а его (прагматически важный) результат. Воспользуемся примерами из литературы, приводимыми Г. Гольденбергом:

(24) *and* *k'än* *wädä* *adän* ***wät'to***
and *k'än* *wädä* *adän* *wät't-o*
один день на охота выходить.ANTCONV-3M.SG
sallä *bädəngät*
s-all-ä *bä-(yä)-dəngät*
TEMP-иметься.PRS-3M.SG INSTR-(ATTR)-неожиданность
mot *motä*
mot *mot-ä*
смерть умирать.PRT-3M.SG
'Однажды, выйдя на охоту, он умер внезапной смертью'
[Goldenberg 1966: 189]'

(25) *yäzarew* *yäʔityop'p'əya* *mängəst*
yä-zare-w *yä-ʔityop'p'əya* *mängəst*
ATTR-сегодня-DEF ATTR-NPR правительство
bäʔewropa *t'orənnät* *gize* *təllək'*
bä-(yä)-ʔewropa *t'orənnät* *gize* *təllək'*
в-(ATTR)-Европа война время большой
wäräta ***adrəgo***
wäräta *adrəg-o*
благодеяние делать.ANTCONV-3M.SG
sallä *sayastawwək'*
s-all-ä *s-a-y-astawwək'*
TEMP-иметься.PRS-3M.SG TEMP-NEG-3M.SG-сообщать.PRS
k'ärrä
k'ärr-ä
оставаться.PRT-3M.SG
'Нынешнее эфиопское правительство, сделав много благих дел во время европейской войны, не объявило [о них] во всеуслышание' [Goldenberg 1966: 191].

В случае оформления глагола в перфекте союзом *sə-* глагольная форма вновь приобретает аналитическую структуру: вспомогательный глагол *allä*, входящий в состав перфектной словоформы, имеет полное спряжение, аналогичное его спряжению в качестве полнозначной лексемы (см. выше, раздел 3); сама глагольная словоформа согласно орфографической норме пишется раздельно; между двумя её компонентами в устной речи возможна небольшая пауза.

Причину неупотребительности перфекта в зависимых предикациях, по нашему мнению, никак не следует искать в особенностях семантики перфекта. В самом значении перфектных глагольных форм нет ничего, что препятствовало бы им функционировать в качестве сказуемого придаточной клаузы (о чем свидетельствует и возможность их употребления с союзом *sə-*). Причина кроется в особенностях морфологической структуры перфекта и ее системного соотношения с некоторыми другими сложными (исходно — аналитическими) глагольными формами амхарского языка. Мы имеем в виду прежде всего определенную морфологическую и синтаксическую корреляцию между перфектом и сложным презенсом: унаследованные от общесемитского языкового состояния формы префиксального спряжения («имперфекта» традиционной семитологической терминологии, «краткого» презенса современной амхарской грамматики) в современном амхарском языке используются лишь как неконечные (нефинитные) сказуемые[37]; в этом своем качестве они активно сочетаются с союзами. С другой стороны, в главной клаузе презентное (и футуральное) значение может быть выражено только сложными формами презенса, состоящими из только что упомянутых простых форм и утерявших самостоятельность форм того же самого вспомогательного глагола *allä*; правда, в отличие от перфекта, в сложном, или полном презенсе этот глагол выступает в формах, практически полностью тождественных его же формам при самостоятельном спряжении. Мы хотим обратить внимание на параллелизм между синтаксическим поведением перфекта, с одной стороны, и сложного презенса, с другой: обе эти исконно аналитические, но ставшие в современном языке синтетическими парадигмы употребляются лишь в качестве главных сказуемых и, как следствие, не обладают способностью присоединять подчинительные союзы[38].

---

[37] Использование этих форм в качестве конечных, главных сказуемых ограничено языком поэзии, а также пословицами и поговорками; однако даже здесь оно реализуется эпизодически, не являясь строгим правилом.

[38] Мы намеренно исключаем из рассмотрения случаи употребления перфектных форм с энклитической частицей *-(ə)nna*. Эта энклитика

Подытоживая сказанное выше и одновременно предваряя одно из положений, обсуждаемых в статье в дальнейшем, следует отметить, что целый ряд синтаксических ограничений, налагаемых на употребление перфектных форм — запрет на их использование в отрицательных, релятивных и придаточных контекстах — служит, по нашему мнению, указанием на весьма недавнее закрепление этой формы в литературном амхарском языке. Положение это находит подтверждение при сравнительном анализе текстов, составлявшихся в XIX столетии и ранее, с одной стороны, и текстов нескольких последних десятилетий, с другой (подробнее см. выше, раздел 4).

7. Типологически нетривиальные зоны употребления перфекта

7.1. Перфект в амхарском историческом нарративе

основная масса речевых употреблений перфекта в амхарском языке приходится собственно на перфект текущей релевантности; конкретные условия использования этого семантического типа перфекта, однако, имеют довольно знаменательные отличия от сходных условий в некоторых других языках. Отличия эти наиболее рельефно видимы в текстах нарративного характера.

Для начала уместно привести несколько по видимости противоречащих друг другу точек зрения на функции амхарского перфекта вообще и их соотношение с семантикой претерита в особенности. Еще в позапрошлом столетии Ф. Преториус писал, что перфект «никоим образом не есть время, используемое в быстро развивающемся и никак не связанном с настоящим историческом

может присоединяться не только к перфектным, но и к некоторым другим видо-временным формам глагола, неизменно придавая предикации каузальный (причинный, передаваемый рус. предлогом *из-за*) смысл. В целом вопрос о статусе форм с *-(ə)nna* в амхарской глагольной системе достаточно сложен и не подлежит рассмотрению в рамках нашей темы; скажем лишь, что имеются определенные основания не включать клаузы с частицей *-(ə)nna* в число придаточных предложений. Подробное, хотя едва ли строго системное описание функций форм с *-(ə)nna* см. в Leslau 1995: 895-898. В дальнейшем мы сосредоточим внимание лишь на употреблении перфекта без частицы *-(ə)nna*.

повествовании» [Praetorius 1878: 371]. Ему вторит и Й. Хартман [Hartmann 1980: 199], отмечающий: «когда речь идет о действии, имеющем чисто историческое значение или вымышленном и не состоящем ни в каком отношении к настоящему, Gerundium + /ʔ*all*/ не может использоваться; в таком случае должен быть употреблен перфект (т. е. претерит — *И. Ф.*)». Ч. Армбрустер придерживался мнения, что «простой перфект (т. е. претерит — *И. Ф.*) выражает как наше прошедшее неопределенное время, так и наше настоящее совершенное; составной же перфект (т. е. перфект — *И. Ф.*) — лишь последнее» (Armbruster 1908: 72). Спустя почти полвека после Армбрустера авторы одного из американских учебников амхарского языка утверждают, что претерит и перфект в амхарском практически взаимозаменяемы — «между ними нет сколько-нибудь серьезного различия в значении» [Obolensky et al. 1964: 127]. Автор краткого очерка амхарской грамматики, опубликованного всего несколько лет назад [Appleyard 2003: 237], уже склонен считать отсутствие яркой семантической разницы между двумя граммемами само собой разумеющимся, а наличие такой разницы — исторически пережиточным явлением: «иногда все еще имеется аспектуальное различие между простым прошедшим, напр. *säbbärku* ‘я разбил’, и составным деепричастием *säbərreyallähu*, при котором последнее может подразумевать особую значимость для настоящего, что отчасти сходно с настоящим совершенным временем английского языка (‘I have broken’), или же указывать на недавнее прошедшее время».

Существует ли возможность примирить между собой приведенные точки зрения, а если такой возможности нет, то не указывает ли ее отсутствие на определенную хронологическую эволюцию в семантике и прагматике амхарского перфекта?

Общепризнанно, что ключевым для семантической характеристики перфекта является понятие релевантности результатов события для настоящего момента. Термин «текущая релевантность» (англ. current relevance) встречается во многих работах, посвященных как специально перфекту, так и общим вопросам морфологической семантики (ср., напр., [Comrie 1976, McCoard 1978, Dahl 1985] и мн. др.). Между исследователями, однако, до сих пор нет согласия в определении содержательного напол-

нения термина current relevance[39]. Нижеследующие наблюдения и выводы из них являются в конечном счете попыткой продемонстрировать, что корректное и исчерпывающее определение этого термина невозможно без принятия во внимание тесной связи, существующей между собственно семантикой перфектной ситуации и прагматическими факторами, влияющими на высказывание об этой ситуации.

Представляется целесообразным поочередно рассмотреть «вклад» в значение этого термина каждого из составляющих его слов. Каков объем понятия «текущая»? Если понимать это прилагательное как указывающее исключительно на время речевого акта, в ходе которого употреблена перфектная форма, то мы неизбежно столкнемся с массой употреблений, противоречащих такому пониманию. Вот лишь несколько текстовых примеров:

(26) *yädəmmätwa* *mərt'* *alläbabäs*
yä-dəmmät-wa *mərt'* *alläbabäs*
ATTR-кошка-DEF отборный наряд
nəgusun ***markotall***
nəgus-u-n *mark-o-t-all*
царь-DEF-DO пленять.ANTCONV-3M.SG-3M.SG.OBJ-PRF
'Роскошное одеяние кота пленило царя' (AA 63).

(27) *bərdənna* *hazän* *əndihumm* *rähabu*
bərd-ənna *hazän* *əndihu-mm* *rähab-u*
холод-и печаль также-ADD голод-DEF
täräbarbäw *angätun*
täräbarb-äw *angät-u-n*
помогать.друг.другу.ANTCONV-3PL шея-3M.SG.POSS-DO
asdäffətäwtall
asdäffət-äw-t-all
наклонять.ANTCONV-3PL-3M.SG.OBJ-PRF
'Холод и печаль, а также голод, соединившись, заставили его повесить нос'[40] (AA 78).

---

[39] Детальный критический обзор существующих точек зрения на значение этого термина составляет основную часть монографии [McCoard 1978].

[40] Идиоматическое выражение *angätun asdäffa(w)* (букв. 'наклонить шею') имеет значение 'ввергать в уныние'.

(28) *ask'äyyamiw* *č'ač'ut* *ahun*
ask'äyyami-w *č'ač'ut* *ahun*
уродливый-DEF птенец теперь
yädäss *däss* *yaläwənna*[41]
yä-däss *däss* *y-alä-w-ənna*
ATTR-*радость *радость ATTR-LV.PRT.3M.SG-DEF-и
käk'ädmow *yätäläyyä*
kä-k'ädmo-w *yä-tä-läyyä*
от-давнее.время-DEF ATTR-PASS-отделять.PRT.3M.SG
wäf ***honwall***
wäf *hon-o-all*
птица становиться.ANTCONV-3M.SG-PRF
'Теперь гадкий утенок превратился в прекрасную птицу, непохожую на то, чем он был прежде' (AA 84).

Все эти предложения взяты из сказок, где они являются частью нарратива. Везде время ситуации, обозначенной глаголом в перфекте — это не время речевого акта (т. е. рассказывания сказки), а время, являющееся «настоящим» для героев данной сказки.

Для объяснения данного факта целесообразно прибегнуть к понятию reference time (возможные русские переводы — «точка отсчета» или «период сохранения результата»), впервые введенному Г. Райхенбахом [Reichenbach 1947]. Оно было применено, в частности, авторами известной статьи о перфекте в современном китайском языке, которые усматривают основную функцию перфекта именно в соотнесении событий с reference time, т. е. либо со временем развертывания нарратива, либо с моментом речевого акта [Li et al. 1982: 19]. Выбор между этими двумя альтернативами в решающей степени определяется жанровой спецификой текста.

Что касается второго компонента рассматриваемого термина — слова «релевантность» — то в его понимании между исследователями имеются наиболее значительные расхождения. Не углубляясь в данную проблематику, относящуюся скорее к области общей теории глагольного аспекта, мы хотели бы сосредоточить внимание на данных амхарского языка, прежде всего — на данных языка историографической прозы.

[41] О глаголах подобной структуры и принятых здесь правилах их глоссирования см. примечание после списка морфемных глосс в конце статьи.

Практически во всех языках, где имеется морфологически самостоятельный перфект, тексты нарративного характера являются в лучшем случае периферийной зоной применения перфектных форм, а иногда и вообще исключают использование последних. Подобные «взаимоотношения» перфекта и нарратива довольно легко понять, если принять во внимание тот факт, что центральным моментом семантики перфекта является утверждение значимости прошедшего события для настоящего времени, в то время как нарративный текст по самой своей природе есть более или менее последовательный рассказ о событиях прошлого *именно как о не имеющих прагматически важной связи с настоящим*. Так, например (здесь намеренно говорится о предельно общем случае), в типичной сказке, рассказываемой в типичной жизненной ситуации и для типичной аудитории, место для перфектных форм может найтись разве что в диалогах и репликах персонажей, в их прямой речи, но никак не в основной линии нарратива (это, разумеется, не относится к эвиденциальному перфекту, как раз очень широко используемому в текстах подобного жанра; повторим — речь сейчас идет только о «ядре» перфектной семантической зоны, в которое мы бы включили прежде всего результативный, а также — ближе к периферии — инклюзивный и иммедиатный перфект).

В то же время между языками с морфологически самостоятельным перфектом наблюдаются небезынтересные различия в конкретных способах функционирования перфектных форм в нарративных текстах. Известно, что события прошлого сильно различаются по степени своей релевантности для настоящего момента, и логично было бы ожидать, что эти различия в релевантности получат и соответствующее грамматическое оформление.

Как известно, в английском языке в сочинениях, относящихся к историографическому жанру, перфект употребляется совсем нечасто, в основном — в тех случаях, когда автор включает в повествование прямую речь персонажей. Так, например, в восьмой главе книги Ч. Диккенса «История Англии для детей», повествующей о событиях, весьма значимых для последующего хода английской истории — короновании и первых годах правления Вильгельма Завоевателя — перфект не употреблен ни разу; в другой главе той же книги, посвященной правлению Оливера Кромвеля, перфект употреблен всего трижды, причем одно из

этих употреблений приходится на авторскую ремарку (“as I have said”), а еще одно — на прямую речь персонажа, обращенную к другому действующему лицу[42].

Если теперь от английских примеров мы перейдем к сочинениям амхароязычных историков, то столкнемся с целым рядом случаев употребления перфекта вне как прямой речи персонажей, так и авторских ремарок, схожих с упомянутой выше. Разумеется, с точки зрения употребления тех или иных глагольных форм в любом нарративном по своей жанровой принадлежности тексте важно разграничить по меньшей мере два «слоя» информации: первый из них включает собственно событийную канву, которая и составляет основной предмет повествования, в то время как второй содержит в себе те или иные «фоновые» сведения — размышления автора, описание некоторых сопутствующих основному сюжету обстоятельств, и т. д[43]. Разграничение это, имеющее фундаментальное значение для динамики смены глагольных форм в нарративном тексте, в классической форме было произведено Х. Вайнрихом [Weinrich 2001 и более ранние издания]. Безусловно, в амхарской историографической прозе, точно так же, как и в сочинениях этого же жанра на любом ином языке, в котором имеется перфект, значительная часть перфектных употреблений приходится именно на второй из упомянутых информационных «слоев», который Вайнрих обозначил термином Besprechung.

Однако — и в этом, по нашему мнению, состоит наиболее знаменательное отличие в использовании перфета в амхарском языке от применения той же граммемы в ряде европейских языков — существенная часть этих употреблений приходится на Erzählung, т. е. собственно повествовательный план текста. Вот несколько примеров[44]:

---

[42] Мы «засчитываем» только употребление финитных форм Present Perfect tense, исключая из рассмотрения нефинитные глагольные формы и формы иных времен английского перфектного ряда.

[43] Для обозначения этих двух планов нарративного текста часто используются также англ. термины foreground и background соответственно. С более детальным членением background’а можно ознакомиться, напр., в [Плунгян 2008: 19-24].

[44] Нижеследующие пять примеров не снабжены глоссами как ввиду их большого объема, так и по причине относительно малой реле-

(29) *yäsabaw nəgus yəhudawiw finhas bägəzatu bänagran kätäma yallutən krəstiyanoččˇ səläfäžžä krəstiyanu yaksum nəgus ac'e kaleb hedo yayhudən nəgus finhasən täwagto* ***gädlotall***
‘Поскольку сабейский царь, иудей Финхас, истребил христиан, проживавших в его владениях, в городе Награн, то христианский царь Аксума, государь Калеб, пошел, сразился с иудейским царем Финхасом и **убил его’** (ТСМ 15).

(30) *...ras əslam sägäd kätəgre mäk^{w}ännən täklä iyäsus gar hono bayfärs t'orənnät täwagto bäzari* ***motwall***
‘...рас Ыслам-Сэгэд, выступив на стороне тиграйского губернатора Тэкле-Иесуса и сразившись в бою при Айфэрс, **погиб** в Зари’ (ТСМ 321).

(31) *ərsumm rasu bac'e dawit gize siwwagga* ***motwall***
‘Он сам **погиб** в бою во времена государя Давида’ (ТСМ 638).

(32) *käk'ädmow yäbällät'ä bahunu gize läwäräraw yämmiyagäläggəläw t'orənna yät'or mässariya* ***azzägažtwall***
‘Теперь он **приготовил** еще больше воинов и оружия для нападения, нежели прежде’ (ТСМ 458).

(33) *...wərži abun yämmibbaläwən wädä zäyla wädäb ləko and təllək' kä-mädab yätäsärra hulätt tənannəš kä-bərät yätäsärru mädfoččˇ asgäzzəto kä-hulätt yähənd mädfäŋŋoččˇ gar* ***asmät't'ətwall***
‘…послав человека по имени Вурджи Абун в порт Зейлы, он **велел** ему купить одну большую медную и две меньшего размера железные пушки и **привезти**[45] их вместе с двумя пушкарями-индийцами’ (ТСМ 458).

Весьма интересной разновидностью исторических текстов в плане употребления перфектных глагольных форм являются

вантности морфемной нотации для прояснения употребления перфектных форм. Перфектные формы и их русские переводы выделены жирным шрифтом.

[45] Глагол *asmät't'a* по своей форме является каузативом к каузативному же глаголу *amät't'a* ‘приносить/приводить’ и означает ‘велеть принести/привести что-л. или кого-л.’

биографические очерки известных лиц — общественных деятелей, людей науки и искусства и т. п. Для детального анализа возьмем лишь один чрезвычайно показательный в этом отношении текст — краткую биографию известного политического и культурного деятеля Эфиопии Хыруя Вольдэ-Селассие, опубликованную в качестве послесловия к одной из его книг (HWS, последняя стр. обложки). В этом небольшом (одна страница стандартного формата) тексте 27 главных предикаций. Из них сказуемое употреблено в претерите — 9 раз, в перфекте — 10 раз; остальную часть употреблений составляют предложения с выделительной конструкцией (как мы уже говорили, в предикациях подобной структуры противопоставление претерита перфекту нейтрализуется) и со сказуемым в презенсе.

Итак, на «конкурирующие» граммемы — претерит и перфект — здесь приходится примерно поровну употреблений. В подобной ситуации логично обратиться к содержательной стороне высказываний, в которых встречаются интересующие нас формы. Распределение их таково:

Претерит	**Перфект**
• Рождение Х. В.-С. • Достижение мастерства в искусстве сочинения кыне[46] • Замена имени учителем кыне • Женитьба • Визит в Европу в качестве лица, сопровождающего наследника престола • Назначения на различные государственные посты и деятельность на этих постах	• Завершение образования в школе церковного пения • Рождение детей в браке • Посещение Лондона в составе официальной делегации для участия в коронации Георга V • Приобретение обширных познаний в результате частых путешествий за границу • Выход первой печатной Библии на амхарском языке как плод усилий героя очерка

[46] Кыне — один из наиболее своеобразных жанров традионной эфиопской поэзии, первоначально — стихотворения, импровизируемые клириками в определенные моменты богослужения и содержащие различные вариации на заданную богослужебную тему.

	• Пребывание на высшем из занимавшихся им постов — министра иностранных дел страны и деятельность на этом посту • Труды по просвещению народа (переводческая и писательская деятельность)

Сразу же можно заметить следующее: 1) при помощи перфекта оформляются в основном те из высказываний, в которых речь ведется о выдающихся достижениях героя очерка и его заслугах перед страной и народом (последние четыре пункта из семи во второй колонке); 2) высказывания о событиях одного оценочного плана — завершении курса обучения в певческой школе и в школе традиционной поэзии, женитьбе и рождении детей, двух официальных визитах в Европу — достаточно неожиданно оформляются различными глагольными граммемами; 3) еще более неожиданным образом сказуемое того предложения, где говорится о замене имени юноши его учителем кыне, поставлено не в перфекте, а в претерите — а ведь именно под новым, полученным от учителя именем Хыруй он и вошел в историю!

При обращении за консультацией к носителям языка были получены следующие разъяснения:

1) в предложении, где речь идет о рождении у героя очерка детей, употребление претерита *agäŋŋu* вместо перфекта *agŋətäwall* ‘он (уважит.) обрел’ означало бы, что все дети родились у Хыруя Вольдэ-Селассие одновременно, а затем (не исключено, что еще при жизни отца) умерли. Употребление же перфектной формы акцентирует внимание, во-первых, на том, что его дети «остались после него», пережили своего отца, во-вторых, на том, что они рождались в разное время;

2) употребление перфектной формы *hedäwall* ‘он (уважит.) поехал’ в предложении, рассказывающем о визите в Англию для участия в коронации монарха, носитель языка счел неудачным, заявив, что гораздо лучше было бы употребить здесь претерит *hedu* или же плюсквамперфект *hedäw näbbär*;

3) использование перфектной формы *abk'ətwaččäwall* ‘ему (уважит.) удалось [стать]’ при сообщении о приобретении героем очерка обширных познаний сигнализирует о достижении им некоторого состояния, результаты которого обычно не подлежат отмене;

4) сообщения о различных деяниях героя очерка, направленных на распространение народного просвещения, оформлены перфектом потому, что характеризуют его деятельность на протяжении длительного времени, а не одномоментные действия, для которых более естественным выглядело бы оформление претеритом. От себя добавим, что все эти предикаты обозначают также действия, завершение которых знаменуется некими результатами, весьма важными для страны и народа в целом, т. е. результатами, в самом благоприятном смысле «пережившими» самого деятеля.

Невозможно в то же время не обратить внимания на факт взаимозаменимости форм претерита и перфекта как в большинстве предложений анализируемого текста, так и во многих случаях употребления перфекта в историческом нарративе вообще. Именно как взаимозаменимые охарактеризовали значительную часть этих форм в данном очерке двое информантов (для одного из них амхарский является родным языком, другой владеет им как вторым, но на весьма высоком уровне).

Предварительный вывод, который может быть сделан из данного обсуждения, носит «двоякий» характер: с одной стороны, относительно высокая частотность употребления перфекта в нарративе вкупе с взаимозаменяемостью — во многих случаях — претерита и перфекта свидетельствуют о правоте тех исследователей, которые говорят об их семантической близости в современном языке (ср. цитаты выше в этом разделе). Сходство в семантике, однако, пока не приводит к сколь-нибудь заметному оттеснению претерита на задний план; обе граммемы употребляются весьма активно.

С другой стороны, если и просматривается некоторая непоследовательность в разграничении семантики и прагматики претерита и перфекта, то непоследовательность эта не носит абсо-

лютного характера. Для авторов историографических[47] нарративных текстов перфект является своего рода «маркированной граммемой»: он употребляется ими в тех случаях, когда представляется желательным (но не строго необходимым) привлечь к данному событию особое внимание читателя, «пометить» событие как выступающее из ряда вон по своей релевантности для общего хода повествования, и прежде всего — для понимания последующих событий.

7.2. Особенности употребления перфекта в материалах прессы

В современной амхароязычной прессе просматривается очень четкая закономерность, впервые подмеченная, по-видимому, О. Капелюк [Kapeliuk 1997: 496–497]: предикат первого предложения в пресс-сообщении оформляется претеритом, предикаты всех остальных предложений — перфектом. Таково общее правило, реализуемое в отсутствие семантических и прагматических требований, предписывающих употребить презенс, клефт-конструкцию, плюсквамперфект, и т. д. В качестве примера приведем текст произвольного выбранного пресс-сообщения (в данном случае языковой пример не сопровождается поморфемной нотацией. Перфектные формы главных сказуемых в амхарском тексте и их русские эквиваленты выделены **полужирным шрифтом**. Формы претерита и их эквиваленты выделены подчёркиванием. Формы презенса и их эквиваленты выделены *курсивом и подчёркиванием*. Зависимые предикаты и их эквиваленты выделены *курсивом*):

[47] Важно подчеркнуть, что речь идет лишь о нарративах данного литературного жанра — в других типах повествовательных текстов (прежде всего в сказках и прочих фольклорных нарративах) перфект по-прежнему весьма редок, его появление в подавляющем большинстве случаев обусловлено особыми мотивами, не имеющими прямого отношения к специфике нарративного текста (напр., употребление перфекта со стативными глаголами, см. раздел 8.1, или привязка reference time перфектной формы к времени развертывания нарратива).

(34)

1	PREZIDANT GƏRMA BÄ-RIYAD ƏYYÄTAKKÄMU NÄW	ПРЕЗИДЕНТ ГЫРМА НАХОДИТСЯ НА ЛЕЧЕНИИ В ЭР-РИЯДЕ
2	prezidant gərma wäldä giyorgis bäsawdi arəbiya riyad həkmənnaččäwən əyyätäkätattälu mähonu tägälläc′ä	Сообщается, что президент Гырма Вольдэ Гийоргис проходит курс лечения в Эр-Рияде (Саудовская Аравия).
3	prezidant gərma balläfäw räbuə məššət bät′änna *tammäw* koriya hospital *gäbtäw* k′ədame käsaʔat bäh^{w}ala kähospitalu *mäwt′ataččäwən* mənč′očč **gälc′äwall**	Источники **сообщили**, что президент Гырма, серьёзно *заболев* вечером в прошедшую среду, *был помещён* в госпиталь в Эр-Рияде и в субботу после полудня *выписался* из больницы.
4	prezidantu käzziya bäfit bät′or hayloččˇ hospital *sittakkämu əndänäbbärəmm* lämawäk′ **täčəlwall**	Также **удалось** узнать, что ранее президент *находился на лечении* в госпитале вооружённых сил.
5	bätənantənnaw əlät prezidant gərma **arfäwall** yämmil wäre bätäläyayyu sošal midiyawoččənna bäkätämaw wəst′ *sinnaffäs yänäbbärä bihonəmm* prezidantu bäriyad hospital bä-mälkam t′enənnät lay *əndämmiggäŋŋu* tammaŋ mənč′očč läriportär **gälc′äwall**	Надёжные источники **сообщили** [агентству “Ethiopian] Reporter”, что, *несмотря на то, что* в различных СМИ и в городе *циркулировала* новость о том, что президент Гырма **скончался**, президент *находится* в больнице в Эр-Рияде в добром здравии.
6	prezidant gərma bäriyad yämmiyadärgutən həkmənna bäk′ərbu *č’ärrəsäw* wädä agär bet *əndämmimmälläsu* mənč′očču akläw **gälc′äwall**	Эти источники также **сообщили**, что президент Гырма вскоре *завершит* проводимый в Эр-Рияде курс лечения и *вернётся* на родину.

7	yäsämaniya səmmənt amätu azawənt prezidant gərma bärkatta gizeyat *bät'*enaččäw *mägg^{w}adäl məknəyat* bätädägagami wädä riyad *bämähed* yähəkmənna ərdata *yəddärrägəllaččäwall*	Престарелый 88-летний президент Гырма неоднократно *ездил* в Эр-Рияд, где ему *оказывается* медицинская помощь, *так как* его здоровье много раз *подвергалось опасности*.
8	prezidantu yäsamba məčč yädäm bəzatənna yäsəkk^{w}ar bäššəta *tät'äk'i mähonaččäwəmm yəttawwäk'all*	*Известно* также, что президент *страдает* от воспаления лёгких, гипертонии и сахарного диабета.
9	prezidant gərma lasra and amätat yäʔityop'p'əya prezidant *honäw əyyagäläggälu sihon* yähulättäŋŋaw zur yäsəlt'an zämänaččäw bämäč'iw mäskäräm wär *yət't'änak'k'äk'all*	Президент Гырма *является* президентом Эфиопии уже 11 лет; второй срок его полномочий *истекает* в будущем сентябре.
10	prezidant gərma käzzih k'ädämm bäbärkatta yämängəstənna yägəl täk'^{w}amočč bätäläyayyu yähalafinnät botawočč lay **agälgəläwall**	Ранее президент Гырма **служил** на различных ответственных постах во многих государственных и негосударственных учреждениях.
11	prezidant gərma oromiŋŋa təgrəŋŋa t'aliyanəŋŋa ənglizəŋŋanna färänsayəŋŋa k'^{w}ank'^{w}awoččən männagär *yəčəlallu*	Президент Гырма *владеет* оромо, тигринья, итальянским, английским и французским языками.

Информационное сообщение
(www.ethiopianreporter.com)

Приведенные амхарские данные достаточно резко контрастируют с употреблением перфекта в англоязычной прессе, где *финитные* перфектные формы ограничены почти исключительно 1) прямой или косвенной (в пересказе журналиста) речью персонажей сообщений; 2) придаточными контекстами (в которых перфект как раз не может быть использован в амхарском), либо 3) первыми, открывающими сообщение предложениями.

Само собой понятно поэтому, что частота употребления амхарского перфекта в прессе гораздо выше, чем английского.

По нашим подсчетам на материале пресс-сообщений, размещаемых на сайте www.ethiopianreporter.com, из 56 конечных (главных) сказуемых в пресс-сообщениях 6 употреблены в претерите (из них 5 — в открывающих сообщения предложениях), 31 — в перфекте и 19 — в презенсе.

В принципе сходную статистику приводит Э. Уллендорф (датируется 1965 г.): в проанализированных им газетных сообщениях из 100 форм с референцией к плану прошлого 64 перфектные и 36 претериальных, при этом распределение форм по позиции в тексте не приводится [Ullendorff 1977: 355; Kapeliuk 1971-72: 79]. Больший процент претериальных форм в выборке Уллендорфа, по нашему мнению, может получить объяснение, если учесть более раннюю дату проведения его исследования — перфект еще не занял в системе амхарских глагольных форм того весьма видного места, которое принадлежит ему сегодня. Можно, таким образом, говорить о тенденции к экспансии перфекта в сферу, ранее занимавшуюся претеритом. Однако тот конкретный путь, по которому пошла эта экспансия, по нашему мнению, все еще нуждается в объяснении — таком объяснении, которое не только принимало бы во внимание данные амхарского языка, но и включало бы их в широкую типологическую перспективу.

О. Капелюк выдвинула следующее предположение: известно, что ранее в заголовках амхарской прессы нормативно использовался претерит. Несколько десятков лет назад в амхарских газетах получили широкое распространение подзаголовки, которые в отношении употребления временных форм глагола «копировали» традиционные заголовки. Впоследствии (по всей видимости, с введением компьютерного набора, хотя об этом нельзя утверждать с полной уверенностью) подзаголовки вышли из употребления и стали включаться в основной текст сообщений, сохраняя при этом, однако, свою особенность в плане использования временных глагольных форм [Kapeliuk 1997: 496–497].

С нашей точки зрения, данное объяснение, скорее всего, является верным в фактическом отношении; оно, однако, не проясняет причин коренного различия в стратегиях употребления претерита и перфекта в амхаро- и англоязычной прессе. Кроме

того, оно оставляет неясным и другой возникающий у исследователя вопрос. С прагматической точки зрения следовало бы ожидать, что как раз в заголовках пресс-сообщений, где впервые и в максимально сжатом виде вводится обладающая текущей релевантностью информация, будет употреблен перфект, в то время как в тексте самого сообщения, детализирующего информацию, уже в общем известную читателю и в силу этого как бы несколько снизившую уровень своей текущей релевантности, будет, напротив, использоваться претерит. Между тем в реальности происходит обратное ожидаемому.

8. Перфект с глаголами особых семантических классов

8.1. Перфект стативных глаголов

Во многих грамматиках амхарского языка регистрируется особенность семантического наполнения перфекта в том случае, если эта граммема сочетается со стативными глаголами (ср. [Leslau 1995: 389–390; Титов 1991: 127). Особенность эта заключается в том, что перфект стативных глаголов носит, в терминологии Ю. С. Маслова, статальный характер, в то время как перфект глаголов динамических является акциональным. Если принять во внимание тот факт, что в семантике перфекта определенным образом совмещаются план прошедшего события и план его прагматически важного для настоящего результата, то мы должны будем констатировать, что перфект амхарского динамического глагола акцентирует предшествующий временной план, т. е. само произошедшее в прошлом событие; перфект же стативного глагола сосредоточивает внимание на последующем временно́м плане, т. е. на результате события.

Вот несколько примеров на результативное значение перфекта стативных глаголов:

(35) *färäse* *bät'am* ***däkmwall***
färäs-e *bät'am* *däkm-o-all*
лошадь-1SG.POSS очень быть.усталым.ANTCONV-3M.SG-PRF
‘Моя лошадь очень устала’ (Leslau 1995: 389).

(36) *däbdabbew* *t'əru* *wäre*
däbdabbe-w *t'əru* *wäre*
письмо-DEF хороший новость

yəzwall
yəz-o-all
содержать.ANTCONV-3M.SG-PRF
‘Письмо содержит хорошие новости’ (Leslau 1995: 389).

(37) *baddarašu* *k'ut'ər* *səfər*
b-addaraš-u *k'ut'ər* *səfər*
в-зал-DEF число количество
yälelläw *wärk' bərr*
yä-lell-ä-w *wärk' bərr*
ATTR-не.иметься.PRS-3M.SG-DEF золото серебро
ənk'u *almaz* *bäyyäfärǯu*
ənk'u *almaz* *bäyyä-färǯ-u*
драгоценный.камень алмаз DISTR-составная.часть-DEF
tädärdərwall
tä-därdər-o-all
PASS-расставлять.ANTCONV-3M.SG-PRF
‘В зале были по порядку разложены бесчисленные [предметы из] золота, серебра, драгоценных камней, алмазов’ (AA 10).

(38) *lə^{ʔ}ulunna* *lə^{ʔ}əltwa* *bäc'ät't'əta*
lə^{ʔ}ul-u-nna *lə^{ʔ}əlt-wa* *bä-c'ät't'əta*
принц-DEF-и принцесса-DEF в-тишина
täŋŋətäwall
täŋŋət-äw-all
спать.ANTCONV-3PL-PRF
‘Принц и принцесса спали спокойно’ (AA 147).

(39) *waššaw* *wəst'* *läbəččaw*
wašša-w *wəst'* *läbəččaw*
пещера-DEF в в.одиночестве
yäk'ärräw *aladdin*
yä-k'ärrä-w *aladdin*
ATTR-оставаться.PRT.3M.SG-DEF NPR
bäfərhat ***täwət'wall***
bä-fərhat *tä-wət'-w-all*
INSTR-страх PASS-поглощать.ANTCONV-3M.SG-PRF
‘В пещере оставшийся в одиночестве Аладдин был объят страхом’ (AA 38).

Ряд амхарских глаголов допускают как динамическую, так и стативную интерпретацию. Сюда относятся такие лексемы, как, напр., *yazä* ‘брать’, ‘держать’, ‘содержать’ (ср. выше, пример 36), *läbbäsä* ‘надевать’, ‘носить (одежду)’, а также его контекстуальный синоним *adärrägä*[48]. В особенности сказанное касается глаголов с показателем пассивного залога *tä-*, у которых совмещение в одной лексеме динамической и стативной интерпретации является общим правилом (ср. выше, примеры 37 и 39). Такие глаголы вряд ли можно признать стативными в строгом смысле; скорее это предельные динамические глаголы, в форме результатива обозначающие состояние. У подобных глаголов акциональная и статальная интерпретация перфекта, по сути, неотделимы друг от друга: так, ношение одежды является закономерным и естественным результатом её надевания в определенный момент в прошлом, поглощенность человека страхом (пример 39), т. е. эмоциональное *состояние*, есть естественный результат того, что в определенный момент прошлого страх поглощает человека, т. е. совершает *действие*.

Имеются и другие параметры, указывающие на внутреннюю неоднородность класса стативных глаголов в амхарском языке. Важным критерием дифференциальной диагностики акционального и статального употреблений перфекта является его сочетаемость с временны́м обстоятельством «(все) еще»: стативные предикаты, обозначающие временные, преходящие состояния, такое сочетание обычно допускают, динамические запрещают его. Что касается амхарских стативов, то они ведут себя в этом отношении по-разному: такие, например, глаголы, как *k'omä* ‘стоять’, *zəmm alä* ‘молчать’ вполне допускают употребление в перфекте с обстоятельством *əskahun* ‘все еще’, другие же предикаты, напр. *tammämä* ‘болеть’, не допускают такого употребления. Предложению **ərsu əskahun tammoall* ‘он все еще болен’ с глаголом в перфекте предпочитается предложение *ərsu əskahun yätammämä näw*, в котором сказуемое представляет собой аналитическую конструкцию, состоящую из претериальной релятивной формы смыслового глагола и презенса глагола-связки («тот-который-заболел есть»). В то же время с упомянутыми выше глаго-

[48] Основное значение ‘делать’.

лами *k'omä* и *zəmm alä* неграмматичной является как раз данная аналитическая конструкция.

По сравнению с динамическими глаголами для амхарских стативов характерен системный сдвиг в употреблении граммем времени, который был детально исследован чешским языковедом З. Полачеком [Poláček 1972]. Его выводы вкратце сводятся к следующему: у динамических глаголов презенс имеет а) процессивное, б) хабитуальное, в) фреквентативное и г) футуральное значения, перфект же соотносит планы прошлого и настоящего, помещая в коммуникативном фокусе результат события. Что касается стативных глаголов, то у них презенс реализует лишь а) хабитуальное («состояние S имеет место в течение длительного времени или всегда») и б) футуральное значение, в то время как перфект ответствен за реализацию процессивного значения («состояние S имеет место в данный момент»). Перфект стативного глагола может иметь собственно перфектное прочтение (аналогичное обычному значению перфекта у динамических глаголов) лишь в одном случае — при соединении стативного глагола с обстоятельством времени, указывающим на определенный период в прошлом. Так, предложение:

(40) *tənantənna* ***täŋŋətwall***
tənantənna *täŋŋət-w-all*
вчера спать.ANTCONV-3M.SG-PRF
'Вчера он спал' (Poláček 1972: 223).

почти эквивалентно по значению предложению *tənantənna täŋŋa*, в котором глагол поставлен в форму претерита, но при этом акцентирует какой-либо прагматически важный результат события.

На данном этапе исследования вопроса можно говорить о том, что в современном амхарском языке у части глаголов, в число которых входят преимущественно глаголы с преобладающей стативной интерпретацией, налицо сохранение результативного (в узком смысле этого термина) значения перфекта. Этот результатив практически во всех случаях является субъектным, т. е. носителем результирующего состояния мыслится подлежащее данного непереходного глагола. Картина, однако, становится менее четкой из-за того, что целому ряду амхарских глагольных

лексем свойственна как собственно стативная, так и инхоативная интерпретация, поэтому в некоторых случаях затруднительно решить, какое именно прочтение предиката реализуется в данном предложении.

8.2. Перфект перформативных глаголов

Как известно, перформативами называются глаголы, обозначающие действия, совершение которых сущностно совпадает с произнесением этих глаголов от первого лица (налицо соблюдение принципа эквиакциональности, т. е. тождественности действия и сообщения о действии). В ряде семитских языков перформативы характеризуются особенностями грамматического поведения, выделяющими их из числа других глаголов. Так, известно, что в классическом арабском языке глаголы в перформативных высказываниях нормативно употребляются в прошедшем времени (претерите) (см., напр., [Wright 1996: 1]). Эта же особенность характеризует и перформативы в финикийском языке [Лявданский 2009(а): 287], раннем библейском иврите [Коган и др. 2009(б): 346], имперском арамейском языке [Лёзов 2009: 519]. Недавно Шт. Венингер [Weninger 2000], исследовав корпус примеров из текста Библии на эфиопском языке (геэзе), убедительно показал, что в общем, немаркированном[49] случае перформативные глаголы этого языка также выступают в претерите.

Проблема функционирования перформативов в амхарском языке была затронута в статье эфиопского исследователя Дэмисе Манахлота [Demissie Manahlot 1988]. Основной и небезынтересный для общего языкознания вывод автора статьи заключается в следующем.

В амхарском языке, как и в других языках, перформативные глаголы подразделяются на две группы с различной семантикой. К одной из них относятся такие понятия, как, напр., ‘приказывать’, ‘разрешать’, ‘награждать’, ‘назначать (на должность)’, ‘увольнять’, ‘завещать’ и т. п.; в другую входят такие глаголы, как ‘обещать’, ‘просить’, ‘сообщать’, ‘предлагать’, ‘клясться’, ‘благодарить’ и т. п. Семантическое различие между глаголами

[49] Маркированным случаем, согласно логике рассуждений автора, следует считать «давление» на эфиопского переводчика языка Vorlage (в данном случае — греческого языка Септуагинты и Нового Завета

двух групп состоит в том, что глаголы первой группы обозначают перформативные акты, требующие в качестве обязательной предпосылки своего успешного осуществления наличия у говорящего особых полномочий для совершения данного речевого акта-действия. Глаголы, входящие во вторую группу, подобной особенностью не обладают — такие действия, как внесение просьбы или предложения, принесение клятвы или благодарности, могут совершаться говорящим вне зависимости от наличия или отсутствия у него формальных и признаваемых обществом полномочий. Наличие этих двух групп перформативов было обнаружено еще Дж. Л. Остином и Дж. Р. Серлом [Searle 1981: 7]; автор же рассматриваемой статьи установил, что глаголы второй группы в амхарских перформативных высказываниях употребляются в презенсе (пример 41), в то время как глаголы первой группы в норме требуют перфекта (пример 42).

(41) *mistär* *smiz* *lik'ä mänbär* *əndihonu*
mistär *smiz* *lik'ä.mänbär* *əndə-yə-hon-u*
мистер NPR председатель EXPL-3-становиться.PRS-PL
hassab *ak'ärballähu*
hassab *ak'ärb-allähu*
мысль предлагать.PRS.1SG-AUX
‘Я предлагаю, чтобы мистер Смит стал председателем (= Предлагаю сделать мистера Смита председателем)’ (L 990).

(42) *sälä* *əgzəʾtənä* *maryam*
sälä *əgzəʾt-ənä* *maryam*
ради госпожа-1PL.POSS NPR
mərrewallähu
mərr-e-w-allähu
миловать.ANTCONV-1SG-1M.SG.OBJ-PRF
‘Ради Владычицы нашей Марии я дарую ему прощение’[50]
(MVC 5).

То, что перфект требуется именно в нормативном, общезначимом случае употребления данных глаголов, может быть продемонстрировано на следующем контрастном примере. Глагол

[50] Высказывание императора Теводроса II об одном из его политических противников.

adära alä ‘отдавать на хранение; просить, умолять (о сохранении)’[51] по самой своей семантике способен входить как в первую, так и во вторую из указанных групп; решающим фактором для его грамматического оформления, таким образом, оказывается конкретная речевая ситуация и соотносительный общественный статус участников речевого акта. Именно поэтому рас Мэконнын, предчувствуя близкую кончину и отдавая своего сына Тэфэри (будущего императора Хайле Селассие) на попечение придворных, говорит:

(43) *ləǯen* *täfärin* *käəgziabher* *gara*
ləǯ-e-n *täfäri-n* *kä-əgziabher* *gara*
ребенок-1SG.POSS-DO NPR-DO с-Бог с
adära bəyyaččh^{w}allähu
adära bəyy-(e)-aččh^{w}-allähu
залог LV.ANTCONV-(1SG)-2PL.OBJ-PRF
‘Я поручаю вам, с Богом, моего сына Тэфэри’ (HS 6).

С другой стороны, для передачи обращения апостола Павла к его ученику Тимофею в 1 Тим 5:21 современный амхарский переводчик Библии закономерным образом избрал постановку того же глагола в форму презенса:

(44) *bäəgziabherənna* *bäkrəstos* *iyäsus*
bä-əgziabher-ənna *bä-krəstos* *iyäsus*
перед-Бог-и перед-Христос NPR
bätämärrät'utəmm
bä-(yä)-tä-märrät'-u-t-əmm
перед-(ATTR)-PASS-выбирать.PRT-3PL-DEF-ADD
mälaʔəkt *fit* *ənnäzzihən* *təʔəzazat* *yalä*
mälaʔəkt *fit* *ənnä-zzih-ən* *təʔəzaz-at* *yalä*
ангел.PL перед PL-этот-DO заповедь-PL без
adləwo *əndəttət'äbbək'ənna* *andačəmm*
adləwo *əndə-ttə-t'äbbək'-ənna* *andačəmm*
лицеприятие EXPL-2M.SG-хранить.PRS-и ни.один
nägär *bämabbälalät'*
nägär *bä-mabbälalät'*
вещь INSTR-соревноваться.INF

[51] О внутренней структуре глаголов данного типа см. примечание после списка морфемных глосс в конце статьи.

əndattadärg
ənd-a-tt-adärg
EXPL-NEG-2M.SG-делать.PRS
adära ələhallähu
adära (ə)-əl-əh-allähu
залог (1SG)-LV.PRS-2M.SG.OBJ-AUX
‘Пред Богом и Господом Иисусом Христом и избранными Ангелами заклинаю тебя сохранить сие без предубеждения, ничего не делая по пристрастию’
(http://www.biblica.com/uploads/pdf-files/bibles/amharic/nt/bible-amharic-1timothy.pdf).

Выбор формы презенса в последнем случае обусловлен тем, что в отличие от раса Мэконнына, чье «начальственное» отношение к подчиненным является — по крайней мере в контексте социального строя монархической Эфиопии — само собой разумеющимся, авторитет апостола для его ученика носит совершенно иной характер и реализуется в иной сфере, в которой применение субъектом собственной «человеческой» власти не входит в правила коммуникации.

Из рассмотренных нами 22 случаев употребления перформативных глаголов в одном из существующих амхарских переводов Библии глагол имеет форму перфекта в единственном случае (Быт 48:22). Говорящим в данном речевом акте является патриарх Иаков, а адресатом — его сын Иосиф; предметом сообщения выступает дарование отцом сыну земельного участка. Естественно предположить, что выбор перфектной формы обусловлен наличием у отца власти завещать сыновьям собственность. С другой стороны, в нескольких случаях, когда говорящим является пророк Моисей, а слушающим — израильский народ, глаголы неизменно ставятся переводчиком в форму презенса, что может быть объяснено ролью Моисея как посредника между Богом и народом, ролью, опять-таки исключающей употребление исполняющим ее своей личной власти.

Касаясь возможных причин употребления перформативных глаголов языка геэз в прошедшем времени, Шт. Венингер пишет, что «действие, совершаемое посредством перформативного высказывания, может быть концептуализировано как нечленимое целое» [Weninger 2000: 92]. С нашей точки зрения, определяю-

щим фактором здесь является не столько внутренняя аспектуальная однородность, «точечный» характер перформативного высказывания-действия, сколько вытекающая из этой однородности и нечленимости его завершенность. Такие вербальные акты, как обещание, клятва, отдание приказания и т. п., концептуализируются сознанием участников общения как, с одной стороны, завершенные в самый момент своего осуществления, с другой же, самым непосредственным образом затрагивающие ближайшие коммуникативные перспективы (иными словами, имеющие чрезвычайно высокую степень текущей релевантности). Обе эти семантические грани как нельзя лучше укладываются в традиционное описание значений перфекта. Знаменательно, однако, что амхарский язык, располагая при оформлении перформативных высказываний возможностью выбора между двумя глагольными формами, отдает предпочтение презенсу в том случае, если высказывание не подразумевает наличия у говорящего специальных полномочий для совершения данного действия, но использует перфект, чтобы подчеркнуть обладание подобными полномочиями в той ситуации, когда они необходимы.

9. Перфект и некоторые глагольные конструкции со смежными значениями

В плане системных взаимоотношений перфекта с другими аналитическими глагольными формами особый интерес представляют взаимоотношения с теми конструкциями, в состав которых, как и в состав перфектной формы, в качестве первого компонента входит деепричастие предшествования. Здесь можно выделить прежде всего следующие три группы конструкций: 1) деепричастие предшествования + вспомогательный глагол *honä* (в форме презенса *yəhon(all)*), имеющий самостоятельное лексическое значение ‘становиться’, но в данной (и ряде иных) конструкций используемый в качестве эпистемического маркера предположительности ситуации; 2) деепричастие предшествования + глагол-связка *näw* в неизменяемой форме; 3) гораздо менее употребительная конструкция, состоящая из деепричастия предшествования и презенса, претерита либо перфекта глагола *tägäŋŋä* ‘находиться’.

Кроме того, в форме перфекта регулярно выступают довольно многочисленные в амхарском языке аналитические конструкции, общим значением которых является значение дуративности. Это прежде всего 1) конструкция «префиксальный союзный показатель *sə-* + простая форма презенса смыслового глагола + требуемая контекстом форма вспомогательного глагола *norä*, основное лексическое значение которого — ‘жить’»; 2) аналогичная по образованию конструкция, в которой в качестве последнего элемента выступает не глагол *norä*, а глагол *k'oyyä* с самостоятельным значением ‘оставаться, пребывать’.

Анализируя примеры на употребление упомянутых конструкций с деепричастием предшествования, а также перфектных употреблений указанных дуративных конструкций, мы пришли к выводу о том, что их грамматическая семантика, как общее правило, сводится к сумме значений входящих в них компонентов. Так, употребляя конструкцию *säbro yəhon(all)*, говорящий акцентирует и перфектно-результативный аспект ситуации, и свою субъективную оценку этой ситуации как предположительной, напр.:

(45) *käzziya* *dägmo* *käkrəstənna* *wädih*
käzziya *dägmo* *kä-krəstənna* *wädih*
после.этого же от-христианство впредь
zäračččäw *əsraʾelawəyan* *yähonu*
zär-aččäw *əsraʾelawi-an* *yä-hon-u*
потомство-3PL.POSS изральтянин-PL ATTR-быть.PRT-3PL
mənalbatəmm *käfitäŋŋočču* *sälomonawəyan*
mənalbat-əmm *kä-fitäŋŋ-očč-u* *sälomonawi-an*
вероятно-ADD от-прежний-PL-DEF NPR-PL
nägästat *yätärräfu* *mängəstən*
nägäst-at *yä-tärräf-u* *mängəst-ən*
царь.PL-PL ATTR-оставаться.в.живых.PRT-3PL царство-DO
əndägäna ***č'äbbət'äw***
əndägäna *č'äbbət'-äw*
снова держать.ANTCONV-3PL
yəhonall
yə-hon-all
3M.SG-становиться.PRS-AUX

‘А впоследствии, начиная от принятия христианства и позднее, те, кто, возможно, оставались [в живых из потомков] прежних соломонидских царей и по рождению являлись израильтянами, вновь пришли к власти[52] (ТСМ 12)’.

Конструкция «деепричастие предшествования + *tägäntwall*» иногда привлекает внимание как к результату ситуации, так и к неожиданности этого результата, по крайней мере, для говорящего. Таким образом, в рамках единой аналитической конструкции в части случаев употребления выражаются перфектное и адмиративное значения:

(46) *yäzändəro* *mərt*
yä-zändəro *mərt*
ATTR-нынешний.год урожай
kägämmätnäw *bälay*
kä-(yä)-gämmät-n-äw *bälay*
от-(ATTR)-оценивать.PRT-1PL-DEF сверх
hono ***tägäntwall***
hono *tägänt-o-all*
становиться.ANTCONV-3M.SG находиться.ANTCONV-3M.SG-PRF
‘Урожай в нынешнем году [оказался] больше, чем мы предполагали’ (Leslau 1995: 379).

Сходным образом складываются взаимоотношения с перфектом у дуративных конструкций — с той разницей, что здесь базовым, исходным служит именно значение длительности ситуации, к которому «добавляется» перфектное значение (в форму перфекта всегда ставится вспомогательный глагол):

[52] Излагая в данном абзаце (включающем, помимо приведенного, еще два главных предложения) собственную, авторскую гипотезу относительно описываемых событий, эфиопский историк подчеркнуто дистанцируется от отождествления ее с единственно верным пониманием их хода. Средством для занятия подобной позиции и выступают прежде всего глагольные формы типа *č'äbbət'äw yəhonall*, фигурирующие в качестве финитных во всех трех главных предикациях. Адекватно передать этот оттенок предположительности по-русски затруднительно; может быть, следовало бы использовать обороты типа «должно быть» или «надо полагать».

(47) *baksumočč* *gize* *yädäbrä dammo*
b-aksumočč *gize* *yä-däbrä.dammo*
в-(ATTR)-NPR-PL время ATTR-NPR
yamba c'ällämt *tärarawočč* *lässih* *gudday*
y-amba.c'ällämt *tärara-wočč* *lä-zzih* *gudday*
ATTR-NPR гора-PL для-этот дело
siyagäläggəlu ***noräwall***
sə-y-agäläggəl-u *nor-äw-all*
TEMP-3-служить.PRS-PL жить.ANTCONV-3PL-PRF
'Во времена аксумитов для этой цели служили горы Дэбрэ-Даммо и Амба-Цэллемт' (ТСМ 14–15).

(48) *əskahun* *dəräs* ***sənnəkäfləlləh***
əsk-ahun *dəräs* *s-ənnə-käfl-əll-əh*
доныне до TEMP-1PL-платить.PRS-APPL(BEN)-2M.SG.OBJ
k'oyyətänall
k'oyyət-än-all
пребывать.ANTCONV-1PL-PRF
'Доныне мы [всегда] платили за тебя' (Leslau 1995: 335)[53].

Исключением из общего правила композициональности грамматического значения является конструкция «деепричастие предшествования + связка *näw*». Семантико-прагматические особенности употребления этой формы в существующей литературе освещены недостаточно. В своей грамматике Е. Г. Титов именует ее «перфектным временем», называет в качестве ее основного значения «действие, которое осуществилось и результаты которого ощущаются в настоящее время» [Титов 1991: 132] и высказывает предположение о сравнительно недавнем возникновении этой конструкции в амхарском языке, которое, по его мнению,

[53] В связи с наличием подобных употреблений встает вопрос о целесообразности постулирования для амхарского глагола отдельной граммемы инклюзивного перфекта. По нашему мнению, вопрос этот должен решаться отрицательно: во-первых, для выражения в основном одного и того же инклюзивно-перфектного значения используются несколько «конкурирующих» конструкций; во-вторых, само их использование носит в амхарском языке характер менее регулярный, нежели употребление такого «классического» инклюзивного перфекта, как англ. Present Perfect Progressive Tense.

находится в прямой связи с постепенным смещением «старого» перфекта *säbrwall* в сторону претерита. Если принять такую трактовку, то необходимо будет констатировать развертывание в современном амхарском языке первого «перфектного цикла».

В. Леслау, не называя форму перфектной, тем не менее также постулирует в качестве основного и даже единственного для нее результативное значение [Leslau 1995: 377–378]. В отличие от Е. Г. Титова он, однако, обращает особое внимание на частотность ее употребления в фокусных конструкциях, построенных по обычной для амхарского модели клефта, в которых в фокусе (т. е. непосредственно перед глаголом-связкой) находится именно деепричастие предшествования. Все такие выделительные предложения стандартно имеют в амхарском языке каузальную интерпретацию, т. е. служат объяснением причины той или иной ситуации (зачастую эксплицитно сформулированной в вопросе, ответом на который такие клефты и служат):

(49) *yäk'ärrähut*
yä-k'ärrä-hu-t
ATTR-отсутствовать.PRT-1SG-DEF
amtoɲɲ ***aydällämm***
amt-o-ɲɲ *a-y-dällä-mm*
болеть.ANTCONV-3PL-1SG.OBJ NEG-3SG-COP.NEG-NEG
astämariwən ***färəččе*** ***näw***
astämari-w-ən *färəčč-e* *n-äw*
учитель-DEF-DO бояться.ANTCONV-1SG COP-3M.SG
'Я остался [дома] не из-за болезни, а из-за того, что боялся учителя' (Leslau 1995: 378).

Рематизированные элементы высказывания (*amtoɲɲ* 'я-заболев'[54] и *astämariwən färəččе* 'учителя я-убоявшись') каждый раз помещаются непосредственно перед (негативной или аффирмативной) формой связки, само же событие, причина которого разъясняется, выражается релятивной глагольной формой *yäk'ärrähut* 'то, что я отсутствовал'.

[54] *amtämä* 'болеть' — глагол, в котором экспериенцер маркируется показателями объекта (в традиционных грамматиках амхарского языка подобные глаголы именуются «безличными»).

Подавляющее большинство встретившихся нам примеров на употребление рассматриваемой конструкции подтверждает предположение о ее каузальном значении:

(50) *wəddəss* *aydällämm*
wədd-əss *a-y-dällä-mm*
дорогой-EMPH NEG-3SG-COP.NEG-NEG
gänzäb ***at'əččе*** ***näw***
gänzäb *at'əčč-e* *n-äw*
деньги не.иметь.ANTCONV-1SG COP-3M.SG
'Дорого-то не дорого, да у меня денег не было [, поэтому и не купил]' (Leslau 1995: 378).

Причина при этом может, в полном соответствии с аристотелевской философией, носить и целевой характер, ср.:

(51) *liyattalləlaččäw* *and* *yä-mändär*
lə-y-attalləl-aččäw *and* *yä-mändär*
PURP-3M.SG-обманывать.PRS-3PL.OBJ один ATTR-деревня
ləǯ ***amt'əto*** ***näw***
ləǯ *amt'ət-o* *n-äw*
девушка приводить.ANTCONV-3M.SG COP-3M.SG
'Чтобы обмануть их, он привел одну деревенскую девушку' (YMK 48).

Если это так и если «перфектная» конструкция «деепричастие предшествования + *näw*» является на самом деле не собственно перфектной, а каузальной, то нам кажется вполне допустимым предположение о том, что возникла и закрепилась она в языке именно по причине широкого употребления вышеприведенной разновидности выделительных предложений, а не в связи с эволюционированием перфекта *säbrwall* в сторону претерита, в прямой зависимости от которого она не находится.

10.Заключение

В типологической и вообще в лингвистической литературе неоднократно подчеркивалось, что ключевым для определения семантики и одновременно речевой прагматики перфекта является термин «текущая релевантность». В соответствии с таким пониманием постепенная утрата коннотаций текущей релевантности у

перфектных форм в том или ином языке должна интерпретироваться как путь к утрате самой граммемы перфекта и переходу представляющих ее глагольных форм в иные семантические зоны.

В то же время нельзя не отметить, что термин «текущая релевантность» носит чрезвычайно расширительный характер: «релевантность» того или иного события для настоящего момента или другой произвольно выбранной точки отсчета — понятие, в котором планы семантический (связывающий высказывание с внеязыковой и внеречевой реальностью) и прагматический (обуславливающий различные особенности построения высказывания временем и местом речевого акта и самыми разнообразными интенциями и ожиданиями его участников), вполне возможно, переплетены более тесным образом, нежели в любом другом термине из понятийной сферы грамматических категорий. Грань между «объективным» и «субъективным» (кавычки отражают условность этих обозначений двух вышеупомянутых планов) здесь становится предельно зыбкой, поэтому не следует удивляться тому, что речевая реализация граммемы перфекта столь ощутимо варьирует от языка к языку и обнаруживает типологически нетривиальные особенности, возможно, в большей степени, нежели реализация большинства других граммем грамматических категорий.

О. Капелюк обратила внимание на то, что текущая релевантность перфекта тесно связана с преобладающей, главной коммуникативной интенцией, которую реализует говорящий в данном высказывании. Так, в нижеследующем отрывке главная задача автора — пожаловаться на перебои в функционировании общественного транспорта; в соответствии с ней предикаты тех высказываний, которые не имеют прямого отношения к реализации этой коммуникативной задачи, оформляются не перфектом, а претеритом; перфектное же оформление получают предикаты тех высказываний, которые непосредственным образом осуществляют основную коммуникативную задачу и в силу этого обладают максимально высокой степенью текущей релевантности[55]:

(52) *kaddis abäba band säʾat tänästän fənotä sälam bassər säʾat därräsnä. awtobusu mängädun läk'k'o hedänna kand hotel*

[55] Пример приведен без морфемной нотации; формы перфекта и их русские эквиваленты обозначены полужирным шрифтом, формы претерита и их эквиваленты — курсивом.

at'ägäb k'omä; "nägä basra hulätt säʔat käzzih ənnəggänaŋŋ" alu näǯiw. guzow räžžəm əndämähonu, bəzu awtobusočč ***läwawəč'č'allähu****. bəzu läyaləy bä-mängäd lay* ***asalləffeyallähu****. säʔatu yəlläyayy ənǯi "bä-zzih säʔat ənnəggänaŋŋ" malät yätälämmädä yawtobus näǯiwočč k^{w}ank^{w}a hono* ***agnəččewallähu****.*

'Выехав из Аддис-Абебы в семь часов, мы *прибыли* в Фынотэ-Сэлам в четыре часа. Автобус *съехал* с дороги и *остановился* рядом с гостиницей. «Завтра в шесть часов встречаемся здесь», — *сказал* водитель. Дорога была долгой, и я **сделал** много пересадок. Я **провел** в пути много ночей. Пусть время дня и различалось, но я **нашел**, что «встречаемся в такое-то время» — любимое выражение водителей автобусов' [Kapeliuk 1971–72: 82].

Как известно, возникнув в конкретный период времени в конкретном языке, граммема перфекта имеет тенденцию развиваться далее по одному из конечного числа диахронических сценариев (подробнее об основных направлениях этого движения см., напр., [Плунгян 2011: 390–393]). Обычно выделяются два генеральных сценария эволюции перфекта, ведущей к исчезновению его самотождественности: превращение перфекта в претерит, во-первых, и приобретение им свойств заглазного прошедшего времени, во-вторых. На основании рассмотренных выше особенностей исторической эволюции и синхронной семантики и прагматики амхарского перфекта можно предположить, что в дальнейшем эта граммема будет развиваться по «претериальному» сценарию, т. е. постепенно приобретать значение нейтрального прошедшего времени[56].

Как бы то ни было, на нынешнем этапе языковой эволюции перфект еще далек от решительной «победы» над претеритом:

[56] Несмотря на то, что в целом для семитских языков характерна очень высокая устойчивость общесемитской парадигмы суффиксального спряжения, в амхарском языке эволюционировавшей в претерит, нельзя полностью исключить возможность того, что это развившееся из сегодняшнего перфекта нейтральное прошедшее время будет использоваться и в качестве немаркированной глагольной формы в связном повествовании. Об отсутствии оснований прогнозировать для амхарского перфекта «эвиденциальный» диахронический сценарий ср. выше, раздел 5.3, пункт F и сноску 33.

унаследованная от прасемитского языкового состояния суффиксальная парадигма, приобретшая в большинстве современных языков максимально обобщенное значение действия в прошлом, сохраняется в чрезвычайно активном употреблении и пока не демонстрирует явных признаков отмирания.

Несмотря на широкое и постоянно расширяющееся употребление в нарративе, амхарский перфект ещё не становится нарративным временем. Вкрапляясь в сюжетную линию повествования, перфект сигнализирует о большей прагматической важности обозначаемой им ситуации по сравнению с другими ситуациями, сообщающие о которых глаголы ставятся в претерите, прошедшем длительном времени или плюсквамперфекте.

Условные сокращения

1 — первое лицо; 2 — второе лицо; 3 — третье лицо; ADD — сочинительная / аддитивная клитика; ANTCONV — деепричастие предшествования; APPL(BEN) — аппликатив (бенефактив); APPL(MAL) — аппликатив (малефактив); ATTR — показатель атрибутивной зависимости (генитива у имен, релятивной формы у глаголов); AUX — вспомогательный глагол (глагол *allä* при образовании полных форм презенса); CONC — союз, вводящий уступительные придаточные предложения; COND — союз, вводящий условные придаточные предложения; COP — связка; CSTR — форма сопряженного состояния (в заимствованиях из геэза); DEF — определенный артикль; DISTR — дистрибутив; DO — (определенно-референтный) прямой объект; EMPH — эмфатическая энклитика; EXPL — союз, вводящий придаточные предложения с экспликативным значением; F — женский род; HON — гонорифическая форма; INSTR — предлог с инструментальным значением; IMPER — повелительное наклонение; LV — легкий глагол; M — мужской род; NEG — показатель глагольного отрицания; NPR — имя собственное; OBJ — объектный местоименный согласовательный показатель; PASS — пассивный залог; PL — множественное число; POSS — показатель личной притяжательности; PRF — перфект; PRT — претерит; PURP — союз, вводящий целевые придаточные предложения; SINGUL — сингулятив; SG — единственное число; TEMP — темпоральный союз со значением одновременности (‘в то время, когда’);

Сложные глаголы, включающие в свой состав в качестве спрягаемого компонента «легкий глагол» *alä* ‘сказать’, глоссируются следующим образом: в том случае, если их первая часть не функционирует как самостоятельная лексема, она снабжается помеченным звездочкой условным переводом, а эквивалентом глагола *alä* выступает глосса LV.

Источники

AA — Abaynäh Abärra. *Yäləǯočč aläm. Andäŋŋa mäc'haf.* Addis Abäba, 2004 (Абайнэх Абэрра. *Детский мир. Книга первая.* Аддис-Абеба, 2004).

AKL — At′nafsägäd Kidane. *Leyone*. Addis Abäba, 2000 (по эфиопскому летоисчислению) = 2008 (Атнафсэгэд Кидане. *Леоне*. Аддис-Абеба, 2008).

BD — Bərhanu Dənk'e. *Albo zämäd* (Бырхану Дынке. *Нет ближнего*). S. l., s. a.

DA — D. Appleyard. An ‘Old Amharic’ commentary on the Nicene Creed // *Aethiopica* 6 (2003), 111-136.

FP — R. Cowley. Ludolf’s Fragmentum Piquesii: An Old Amharic tract about Mary who anointed Jesus’ feet // *Journal of Semitic Studies* 28, 1 (1983), 1-47.

GA — Gännät Ayyälä. *Yäletäna kolonel Mängəstu Haylämaryam təzzətawočč.* Vol. 1. Addis Abäba, 1994 (по эфиопскому летоисчислению) = 2001/02 (Гэннэт Аййеле. *Мемуары подполковника Менгисту Хайлемариама.* Т. 1. Аддис-Абеба, 2001/02).

HA — Haddis Alämayyähu. *Fək'r əskä mäk'abər.* S. l., 1996 (Хаддис Алемайййеху. *Любовь до гроба.* Б. м., 1996).

HS — K'ädamawi Haylä Səllase, nəgusä nägäst zäItyop'p'əya. *Həywätenna yäItyop'p'əya ərməǯǯa. Andäŋŋa mäc'haf.* Bath, 1929 (по эфиопскому летоисчислению) = 1936 (Хайле Селассие I, император Эфиопии. *Моя жизнь и прогресс Эфиопии. Книга первая.* Бат, 1936).

HWS — Həruy Wäldä Səllase. *YäItyop'p'əya tarik. Kä-nəgəstä Saba əskä tallak'u yAdwa dəl.* Addis Abäba, 2006 (Хыруй Вольдэ-Селассие. *История Эфиопии. От царицы Савской до великой победы при Адуа.* Аддис-Абеба, 2006).

L — Leslau W. *English-Amharic Context Dictionary.* Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1973.

MVC — C. Mondon-Vidailhet. *Chronique de Théodoros II, roi des rois d’Éthiopie, 1853-1868. D’après un manuscrit original. Texte.* Paris: E. Guilmoto, 1904.

RC — R. Cowley. A text in Old Amharic // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London* 37, 3 (1974), 597-607.

TCM — Täklä C'adək' Mäk^{w}əriya. *YäGraŋŋ Ahmäd wärära.* Addis Abäba, 1966 (по эфиопскому летоисчислению) (Тэкле-Цадык Мэкурия. *Нашествие Ахмеда Граня.* Аддис-Абеба, 1973/1974).

UAH — Ullendorff E. *An Amharic Chrestomathy.* London: School of Oriental and African Studies, ^{2}1978.

WL — Həruy Wäldä Səllase. *Wädaǯe ləbbe. Yäsäwən t'äbayənna nuro bäməssale yämmigälc'.* Addis Abäba, 1915 (по эфиопскому летоисчислению) = 1922/1923 (Хыруй Вольдэ-Сылласе. *Друг мой — сердце мое. [Книга], в притчах объясняющая характер и жизнь человека.* Аддис-Абеба, 1922/1923).

YMK — Yämanä Krəstos Yərgu. *Mist käyät ənnamt'a.* Addis Abäba, 1957 (Йеманэ-Крыстос Йиргу. *Откуда нам привести жену?* Аддис-Абеба, 1957).

http://www.biblica.com/en-us/bible/bible-versions/ — Библия на амхарском языке онлайн.

http://ebooks.adelaide.edu.au/d/dickens/charles/d54ch/ — Dickens Ch. *Child's History of England.*

Литература

Ганкин 1969 — Э. Б. Ганкин. *Амхарско-русский словарь.* М.: Советская энциклопедия, 1969.

Коган 2009 — Л. Е. Коган. Семитские языки // *Языки мира: Семитские языки. Аккадский язык. Северозападносемитские языки.* М.: Academia, 2009. С. 15–112.

Коган, Лёзов 2009а — Л. Е. Коган, С. В. Лёзов. Аккадский язык // *Языки мира: Семитские языки. Аккадский язык. Северозападносемитские языки.* М.: Academia, 2009. С. 113–178.

Коган, Лёзов 2009б — Л. Е. Коган, С. В. Лёзов. Древнееврейский язык // *Языки мира: Семитские языки. Аккадский язык. Северозападносемитские языки.* М.: Academia, 2009. С. 296–374.

Ландер 2002 — Ю. А. Ландер. Перфект и обстоятельства конкретного времени // В. А. Плунгян, А. Ю. Урманчиева. (сост.) *Языки мира. Типология. Уралистика. Памяти Т. Ждановой. Статьи и воспоминания.* М.: Индрик, 2002. С. 300–312.

Лёзов 2009 — С. В. Лёзов. Имперский арамейский язык // *Языки мира: Семитские языки. Аккадский язык. Северозападносемитские языки.* М.: Academia, 2009. С. 496-530.

Лявданский 2009а — А. К. Лявданский. Финикийский язык // *Языки мира: Семитские языки. Аккадский язык. Северозападносемитские языки.* М.: Academia, 2009. С. 278–295.

Лявданский 2009б —А. К. Лявданский. Новоарамейские языки // *Языки мира: Семитские языки. Аккадский язык. Северозападносемитские языки.* М.: Academia, 2009. С. 660–692.

Маслов 1983 — Ю. С. Маслов. Результатив, перфект и глагольный вид // Недялков (ред.) 1983. С. 41–54.

Маслов 1990 — Ю. С. Маслов. Перфект // В. Н. Ярцева (ред.). *Лингвистический энциклопедический словарь.* М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 372.

Недялков (ред.) 1983 — В. П. Недялков (ред.). *Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект).* Л.: Наука, 1983.

Недялков, Яхонтов 1983 — В. П. Недялков, С. Е. Яхонтов. Типология результативных конструкций. // Недялков (ред.) 1983, С. 5–41.

Плунгян 2008 — В. А. Плунгян. Предисловие: Дискурс и грамматика // В. А. Плунгян, В. Ю. Гусев, А. Ю. Урманчиева (ред.). *Исследования по теории грамматики. Вып. 4: Грамматические категории в дискурсе.* М.: Гнозис, 2008. С. 7–34.

Плунгян 2011 —В. А. Плунгян. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011.

Титов 1991 — Е. Г. Титов. *Грамматика амхарского языка.* М.: Наука.

Цуканова 2008 — В. Л. Цуканова. Соотношение дискурсивных и видовременных значений глагольных форм (на примере анализа кувейтских нарративов) // В. А. Плунгян, В. Ю. Гусев, А. Ю. Урманчиева (ред.). *Исследования по теории грамматики. Вып. 4: Грамматические категории в дискурсе.* М.: Гнозис, 2008. С. 301–317.

Appleyard 2003 —D. Appleyard. Amharic // S. Uhlig (ed.). *Encyclopaedia Aethiopica.* Vol. 1. Wiesbaden: Harrassowitz, 2003. P. 232–238.

Armbruster 1908 — Ch. Armbruster. *Initia amharica. An Introduction to Spoken Amharic. Part I: Grammar.* Cambridge: Cambridge University Press, 1908.

Cohen 1936 — M. Cohen. *Traité de langue amharique (Abyssinie).* Paris: Institut d'éthnologie, 1936.

Comrie 1976 — B. Comrie. *Aspect: an Introduction to the Study of Verbal Aspect and Related Problems.* Cambridge: Cambridge University Press, 1976.

Comrie 1985 — B. Comrie. *Tense.* Cambridge: Cambridge University Press, 1985.

Comrie 1986 — B. Comrie. Tense in indirect speech // *Folia linguistica* 20 (3–4), 1986. P. 265–296.

Dahl 1985 — Ö. Dahl. *Tense and Aspect Systems.* Oxford: Blackwell, 1985.

Dahl, Velupillai 2011 — Ö. Dahl, V. Velupillai. The Perfect // M. S. Dryer, M. Haspelmath (eds.). *The World Atlas of Language Structures Online.* Munich: Max Planck Digital Library, chapter 68. Available online at http://wals.info/chapter/68. Accessed on 2011-08-21.

Dahl (ed.) 2000 — Ö. Dahl (ed.). *Tense and Aspect in the Languages of Europe.* Berlin: Mouton de Gruyter, 2000.

Demissie Manahlot 1988 — Demissie Manahlot. Some notes on Amharic performative verbs // *Proceedings of the Eighth International Conference of Ethiopian Studies.* Vol. 1. Addis Ababa — Frankfurt am Main: Institute of Ethiopian Studies, 1988. P. 623-628.

Eadie 1924 — J. I. Eadie. *An Amharic Reader.* Cambridge: Cambridge University Press, 1924.

Goldenberg 1966 — G. Goldenberg. *Maarekhet ha-zmanim be-amharit (The Amharic Tense-system).* Thesis presented for the Degree of Doctor of Philosophy. Jerusalem (рукопись, на яз. иврит).

Guidi 1952 — I. Guidi. *Grammatica elementare della lingua amarica.* Roma: Istituto per l'Oriente, 1952. (репринт третьего издания).

Hartmann 1980 — J. Hartmann. *Amharische Grammatik.* Wiesbaden: Franz Steiner Verlag (Äthiopistische Forschungen 3), 1980.

Haspelmath, König (eds.) 1995 — M. Haspelmath, E. König (eds.). *Converbs in cross-linguistic perspective: structure and meaning of adverbial verb forms — adverbial participles, gerunds.* Berlin; New York: Mouton de Gruyter, (Empirical Approaches to Language Typology 13), 1995.

Kapeliuk 1971–72 — O. Kapeliuk. Encore sur *rässähu* et *räsəččallähu* // *Rassegna di studi etiopici* 25, 1971–72. P 78–89.

Kapeliuk 1997 — O. Kapeliuk. Reflections on the Ethio-Semitic gerund // K. Fukui, E. Kurimoto, M. Shigeta. (eds.). *Ethiopia in broader perspective: papers of the 13th International Conference of Ethiopian Studies; 12.–17. Dec. 1997.* Vol. 1. Kyoto: Shokado, 1997. P. 492–498.

Leslau 1995 — W. Leslau. *Amharic Reference Grammar.* Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1995.

Li, Thompson 1982 —Ch. N. Li, S. A. Thompson, R. M. Thompson. The discourse motivation for the Perfect aspect: the Mandarin Particle *le* // P. J. Hopper (ed.). *Tense-Aspect: between Semantics and Pragmatics.* Amsterdam: John Benjamins (Typological Studies in Language 1), 1982. P. 19–44.

Lindstedt 2000 —J. Linstedt. The perfect — aspectual, temporal and evidential // Ö. Dahl (ed.). 2000, P. 365-383.

Mahler 1906 — L. Mahler. *Praktische Grammatik der amharischen (abessinischen) Sprache.* Wien: K. k. Universitätsbuchhandlung Georg Szelinski, 1906.

McCoard 1978 — R. W. Mc.Coard. *The English Perfect: Tense-Choice and Pragmatic Inferences.* Amsterdam: North Holland Publishing Company, 1978.

Obolensky et al.1964 — S. Obolensky, Debebow Zelelie, Mulugeta Andualem. *Amharic Basic Course.* Washington: Foreign Service Institute, 1964.

Poláček 1972 — Z. Poláček. Some problems of tense and aspect in Amharic // *Archiv orientální* 40, 1972. P. 206–237.

Praetorius 1878 — Fr. Praetorius. *Die amharische Sprache.* Halle: Verlag der Buchhandlung des Waisenhauses, 1878.

Reichenbach 1947 — H. Reichenbach. *Elements of Symbolic Logic.* New York: Free Press, 1947.

Richter 1997 — R. Richter. Some linguistic peculiarities of Old Amharic texts // K. Fukui, E. Kurimoto, M. Shigeta. (eds.). *Ethiopia in broader perspective: papers of the 13th International Conference of Ethiopian Studies; 12.–17. Dec. 1997.* Vol. 1. Kyoto: Shokado, 1997. P. 543–551.

Searle 1981 — J. R. Searle. *Expression and Meaning.* Binghamton: Voil-Ballou Press Inc, 1981.

Ullendorff 1977 — E. Ullendorff. *Rässahu* versus *räsəččallähu* // E. Ullendorff. *Is Biblical Hebrew a Language? Studies in Semitic Languages and Civilizations.* Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1977. P. 19–326 (перепечатка из издания: *Mélanges Marcel Cohen.* The Hague: Mouton and Company, 1970. P. 348-355).

Waltke, O'Connor 1990 — B. K. Waltke, M. O'Connor. *An Introduction to Biblical Hebrew Syntax.* Winona Lake (IN): Eisenbrauns, 1990.

Weinrich 2001 — H. Weinreich. *Tempus: besprochene und erzählte Welt.* München: Beck, 2001.

Weninger 2000 — St. Weninger. On performatives in classical Ethiopic // *Journal of Semitic Studies* 45 (1), 2000. P. 91–101.

Wright 1996 — W. Wright. *A Grammar of the Arabic Language.* Vol. 2. Beirut: Librairie du Liban, 1996.

В. Ф. Выдрин

Национальный институт восточных языков и цивилизаций (INALCO) — Лаборатория «Языки и культуры Чёрной Африки» (LLACAN) Национального центра научных исследований, Франция — Восточный факультет СПбГУ, Санкт-Петербург

ПЕРФЕКТ В ЯЗЫКЕ МАНИНКА ГВИНЕИ[1]

1. Введение

1.1. Постановка проблемы

В стандартном манинка Гвинеи (манден < западные манде < манде < нигер-конго), в отличие от значительно лучше изученных близкородственных языков бамана (Мали) и мандинка (Гамбия, Сенегал, Гвинея-Бисау), имеется специальная, полностью грамматикализованная (т. е. входящая ядерную парадигму глагольных ТАМ-конструкций) конструкция для выражения перфекта. В этой статье я попытаюсь описать грамматическую семантику этой конструкции, а также зоны её конкуренции с семантически смежными конструкциями, в первую очередь двумя аористными и результативно-стативной. Исследование проводилось на основе моих полевых данных, собранных (в частности, по анкетам Э. Даля [Dahl 1985: 198-206; Dahl 2000: 800-809] и модальной анкете Е. В. Перехвальской) в ходе ряда экспедиций в Гвинею; привлекались также данные Справочного Корпуса Манинка (во время работы над статьей — объёмом около 2,3 млн. словоупотреблений).

---

[1] Данное исследование выполнено в рамках гранта СПбГУ № 2.38.524.2013 «Языки народов Африки южнее Сахары: от структурного морфо-синтаксического анализа к функциональному синтезу парадигматических элементов языковой картины мира». This work is related to the research strand 3 "Typology and dynamics of linguistic sysems" of the Labex EFL (financed by the ANR/CGI).

Я хотел бы выразить глубокую признательность своему основному информанту, Мамади Диане, директору Института прикладных лингвистических исследований (IRLA) в Конакри за его безграничное терпение, энтузиазм и тонкую языковую интуицию.

1.2. Базовые сведения о языке манинка

Гвинейский манинка являетя родным языком для примерно 5 миллионов человек, главным образом в области Верхняя Гвинея, но также и в Лесной Гвинее, на Фута-Джаллоне, в столице Гвинеи, Конакри; имеется и весьма значительная диаспора гвинейских манинка в Сьерра-Леоне и Либерии. Ещё несколько миллионов человек пользуются гвинейском манинка как языком межэтнического общения.

В данной статье используется официальная гвинейская орфография для манинка, основанная на африканском варианте МФА (главные отличия от универсального МФА: *c* обозначает глухую среднеязычную аффрикату, *j* — звонкую среднеязычную аффрикату).

Допустимые типы слога в манинка — V, CV, CVn (*n* обозначает носовой элемент, который, возможно, следует считать гласным нулевой степени открытости с ограниченным распределением). Имеется два тона, высокий и низкий (обозначаются, соответственно, акутом и грависом), при этом сферой действия тона является, как правило, целое слово (независимо от его длины), поэтому для определения тонального контура слова достаточно обозначения тона первого слога. В некоторых типах именных и глагольных конструкций тон первого слова распространяется на всю синтагму, которая при этом функционирует как тонально-компактное единство. На поверхностном уровне реализация тонов регулируется достаточно сложными правилами (их краткое изложение дано в предисловии к словарю [Выдрин, Томчина 1999]). Знаком грависа в постпозиции к слову обозначается «плавающий» низкий тон, который выступает в манинка в функции референтного артикля.

Порядок слов в простом предложении фиксированный. В глагольном предложении: Подлежащее — Предикативный показатель — (Прямое дополнение) — Глагольное Сказуемое — (Косвенное / Непрямое дополнение / Сирконстант) — (Послелог). Предикативный показатель кумулятивно выражает видо-временные и модальные характеристики и полярность; показателем переходности глагола является наличие в препозиции к нему прямого дополнения (при опущении которого глагол автоматически

становится непереходным[2]). В именной группе зависимое существительное (именное определение или посессор) предшествует главному, атрибутивное определение (прилагательное, причастие) следует за определяемым.

В Таблице 1 на следующей странице представлены схемы грамматических глагольных конструкций, выражающие значения ТАМ (вида-времени-модальности, от англ. Tense-Aspect-Mood) и полярности в гвинейском манинка.

Теперь перейдём к рассмотрению особенностей перфектной конструкции.

2. Семантика перфектной конструкции[3]

Для перфекта в гвинейском манинка оказываются свойственны основные значения перфектно-результативного кластера [Плунгян 2011a, 2011b]: значение актуального прошлого (в т.ч. претериальный перфект) и экспериенциальное. Перфект употребляется также в контекстах, которые могут иметь результативное и инферентивное прочтения, однако тут речь идёт скорее о нейтральности перфекта к этим значениям.

Для предварительной проверки сравнительной частотности этих значений я выбрал текст охотничьего эпоса [Kulibali 1994] объёмом 4666 слов, записанный от сказителя родом из деревни неподалёку от г. Куруса. 54 случая употребления перфектной конструкции распределились следующим образом:

– актуальное прошлое: 23,
– экспериенциальное: 6,
– претериальный перфект: 3,
– нарративное прошлое: 18,
– результативное (?): 4.

[2] Лишь в первом аористе имеются формальные морфологические средства, различающие переходную и непереходную конструкции, см. 5.1.

[3] При иллюстрации различных значений я буду, как правило, сначала давать примеры, полученные элицитацией с помощью анкет Даля [Dahl 1985, 2000] (при этом предложения-стимулы, предлагаемые Далем, были в некоторых случаях модифицированы по экологическим соображениям), затем – примеры из естественных текстов.

Таблица 1. Система ТАМ гвинейского манинка

Значение конструкции	**Утвердительная конструкция**	**Отрицательная конструкция**
Прогрессив	S *yé* (DO-) VN-ART *lá, kàn*	S *té* (DO) VN-ART *lá, kàn*
Хабитуалис	S *yé* (DO) V-*la*	S *té* (DO) V-*la*
Предиктивное будущее	S *bénà, dínà* (DO) V	S *ténà/ténà* (DO) V-*la*
Волитивное/близкое будущее (потенциалис?)	S *dí* (DO) V	S *té* (DO) V
Проспектив/прогрессив	неперех.: S V-*tɔ,* перех.: S *kétɔ* DO V-*la*	неперех.:S V-*tɔ té* перех.: S *kétɔ té* DO V-*la*
Аорист-1	неперех.: S V-*da*/-*ra*/-*na* перех./неперех: S *kà* (DO) V	S *má* (DO) V
Аорист-2	S *nà/nɔ̀* (DO) V-*la*	
Перфект	S *báda* (DO) V[4]	
Результатив	S V-*nin/-nɛn (yé)*	S V-*nin/-nɛn té*
Недавнее прошлое	S V-*san (nè),* S *bán-san* DO V-*la*	—
Презумптив/ пробабилитив	S V-*nin/-nɛn dí ké*	S V-*nin té ké*
Уверенный презумптив	S V-*nin/-nɛn dínà ké*	S V-*nin/-nɛn ténà ké*
Инферентив	S *nɔ̀ dì ké* (DO) V-*la*	S *nɔ̀ tè ké* (DO) V-*la*
Императив	(DO) V	S *kánà* (DO) V
Коньюнктив	S *yé* (DO) V	
Оптатив	*Ála má/má`* (DO) V-*ra*	—
Кондиционалис	S *báa* (DO) V	—

[4] Предикативный показатель перфекта имеет свободный вариант *bára.* Свободное/диалектное варьирование *-d-* ~ *-r-* в серединной позиции в стопе (между двумя гласными) в целом характерно для гвинейского манинка (в некоторых диалектах предпочтение отдаётся вариантам с *-d-,* в других – вариантам с *-r-,* в третьих наблюдается свободное варьирование).

Примечания к Таблице 1.

1) В таблице используются следующие условные обозначения: S — подлежащее; DO — прямое дополнение (обязательное при переходных глаголах; в отсутствие прямого дополнения глагол интерпретируется как непереходный); V — глагольное сказуемое; VN (в конструкции прогрессива) — отглагольное имя (образованное от глагола по конверсии), ART — референтный артикль (тональный).

Через косую черту даны фонетические варианты (свободные или диалектные) грамматических показателей. Через запятую даются синонимичные показатели. В круглых скобках даны элементы, которые могут быть опущены в определённых условиях: копула *yé*, которая в утвердительной результативной конструкции чаще всего опускается; фокализатор *lè*/*nè,* который в конструкции недавнего прошедшего опускается при наличии наречия *kúda*; прямое дополнение, которое обязательно присутствует в переходной конструкции и отсутствует в непереходной.

2) В гвинейском манинка имеются два квазисинонимичных оператора, *tùn* и *tèdɛ,* семантически эволюционирующих от значения ретроспективного сдвига к значению прошедшего времени. Они взаимозаменимы практически во всех контекстах, однако несколько различаются по своему синтаксическому поведению: предикативный показатель / копула *yé* может быть факультативно опущен после *tèdɛ,* но не после *tùn,* что свидетельствует о большей грамматикализации *tèdɛ* (который, по-видимому, эволюционирует по пути превращения в полноценный предикативный показатель / копулу). Эти операторы не являются предикативными показателями и сочетаются с последними (в то время как два разных предикативных показателя друг с другом в норме не сочетаются). Они имеют диалектные варианты, соответственно, *tèrɛ* и *tìn.* Эти операторы помещаются в позицию непосредственно после подлежащего (т. е. перед предикативным показателем — в тех конструкциях, где таковой есть). Возможно и одновременное употребление обоих этих операторов (всегда в последовательности *tùn tèdɛ*) для выражения плюсквамперфектного значения.

Отметим при этом, что:

а) в этом тексте не встретилось ни одного случая сочетания операторов *tèdɛ* или *tùn* с предикативным показателем *báda,* и во всех 3 случаях реализации значения претериального перфекта речь идёт о «простой» перфектной конструкции, без операторов *tèdɛ* или *tùn.* (Впрочем, в целом сочетания этих операторов с показателем перфекта оказываются не такими уж редкими. В Справочном Корпусе Манинка (объёмом 3105879 словоупотреблений, июль 2016) *tùn báda* встретилось 205 раз (52 случая на млн. словоупотреблений), *tèdɛ báda* — 158 раз (40 случаев на млн. словоупотреблений).

б) употребление перфектной конструкции в консекутивном значении, т. е. как нарративного прошедшего, является особенностью именно данного текста (т. е., по-видимому, диалекта данного сказителя), оно не характерно для других текстов, написанных на стандартном гвинейском манинка (см. об этом в разделе 2.6.);

в) границу между значениями актуального прошлого и результативным нередко довольно трудно провести, в спорных случаях предпочтение отдавалось первому из этих значений.

Проиллюстрируем каждое из значений перфектной конструкции, сопровождая эти примеры, по мере необходимости, комментариями.

2.1. Завершённое действие с актуальным результатом

Это значение для перфектной конструкции оказывается наиболее частотным (что, собственно говоря, и даёт основания считать её именно перфектной). Как разновидность этого значения можно рассматривать и значение “hot news” (пример (3)).

(1) *À* *báda* *líwuru* *mèn* *kàran.*
3SG PRF книга этот читать
‘Он прочитал эту книгу’ (до конца, как ему было велено)[5].

(2) *À* *báda* *sà.*
3SG PRF умирать
‘Он умер’ (ответ на вопрос: «Король ещё жив?»)[6].

(3) *Mànsa-`* *báda* *fàa.*
царь-ART PRF убивать
‘Царя убили’ (контекст: «Ты слышал новость?..»).[7]

(4) *Í* *bád’* *í* *kò?*
2SG PRF 2SG мыть

[5] Предложение 55 из [Dahl 1985]. Французское предложение-стимул: [Q: Ton frère a-t-il fait ce que son professeur lui a dit de faire aujourd’hui? R:] (Oui,) il a lu ce livre (jusqu’à la fin, comme on lui a dit).

[6] Предложение 56 из [Dahl 1985]. Французское предложение-стимул: [Q: Le roi est-il toujours vivant? R:] (Non,) il est mort.

[7] Предложение 57 из [Dahl 1985]. Французское предложение-стимул: [A: Est-ce que tu as entendu les nouvelles? B: Non, qu‘est-ce qu‘il y a? A:] Le roi a été tué.

‘Ты помылся?’ (контекст: ребёнок хочет уйти; мать спрашивает его: …)[8].

Отметим, что действие может быть существенно отдалено от момента речи, важно при этом, чтобы оно сохраняло свою актуальность:

(5) *À* *báda* *sà,* *bì* *tɛ́!*
3SG PRF умирать сегодня COP.NEG
‘Он умер уже давно!’ (контекст: ламентации сказителя о том, что нынешние охотники — не чета прежним, среди которых упоминается и данный персонаж; факт его смерти актуален тем, что без него мир изменил своё качество).

(6) *Tùrabi-banku-`* *báda* *fɛ́n* *síyaman* *dómun!*
пыль-земля-ART PRF вещь многочисленный есть
‘Земля пожрала многих…’ (т.е. «многие уже умерли». Контекст: размышления сказителя о том что теперь уже нет таких героев, как раньше).

Перфектная конструкция оказывается нечувствительной к семантическим противопоставлениям по визуальности или адмиративности. Так, предложение *Mànsakɛ` báda nà.* ‘Приехал царь’ совершенно естественно употребляется и когда говорящий сам наблюдал это событие, и когда ему стало известно об этом от других людей; когда это событие ожидаемое или неожиданное (предложения 133, 134, 153 из анкеты [Dahl 1985]).

По-видимому, значение актуального прошлого реализуется и перфектной конструкцией в протазисе предложения реального условия в прошлом[9]:

---

[8] Предложение 64 из [Dahl 1985]. Французское предложение-стимул: [Enfant: Est-ce que je peux partir maintenant? Mère:] Est-ce que tu t‘es lavé? О возможности употребления в данном контексте аориста см. раздел 5.1.

[9] Ср. пример (13а), где это же значение выражено презумптивно-инферентивной конструкцией (последний способ информант счёл предпочтительным, по сравнению с перфектной конструкцией).

(7) *Ní* *wódi-`* *báda* *sɔ̀dɔn* *kánberen-`* *bólo,*
если деньги-ART PRF получать юноша-ART INSTR
à *báda* *kádo-`* *sàn*
3SG PRF подарок-ART покупать
dén-muso-nɛn-` *ɲɛ́.*
ребёнок-женский-DIM-ART для
‘Если юноша получил деньги, он купил подарок девушке’.

2.3. Экспериенциальное значение.

(8) *Ń* *báda* *à* *yé.*
1SG PRF 3SG видеть
‘Я его встречал’ (ответ на вопрос: «Знаком ли ты с моим братом?», при этом имеется в виду, что брат жив, т.е. данное предложение отвечает одновременно требованию «запрет на аннулированность результата действия»)[10].

Экспериенциальное прочтение может иметь и пример (1), например, в контекстах ответа на вопрос «Есть ли среди этих книг какая-нибудь, которую он читал?» ([Dahl 1985], предложение 53) или возражение на предположение «Похоже, твой брат никогда не дочитывает книги до конца» ([Dahl 1985], предложение 54).

Экспериенциальное значение оказывается доступным для перфектных конструкций с непредельными глаголами, как в примере (9):

(9) *Ń* *má* *lá* *à* *lá* *ní* *Mùsá* *báda*
1SG NEG.PFV класть 3SG на если Муса PRF
báara *lɛ̀kɔli-`* *lá.*
работать школа-ART на
‘Я не думаю, чтобы Муса когда-либо работал в школе’.

2.1. Результативное значение (?)

Перфект может употребляться в контекстах, которые могут интерпретироваться как результативные (состояние, являющееся

[10] Предложения 37–40, 42 из [Dahl 1985]: Французское предложение-стимул: [Q: Connaissez-vous mon frère? R:] (Oui,) je l’ai rencontré (donc je le connais; le frère est en vie).

результатом действия, обозначаемого глаголом), однако, как правило, в тех же случаях оказывается допустимая и собственно перфектная интерпретация (актуальное прошлое). По-видимому, точнее было бы считать, что перфектная конструкция нейтральна к выражению результативного значения.

Так, для следующего примера из типологической анкеты, где речь идёт о состоянии, являющемся результатом действия, выраженного перфектной конструкцией, значение текущей релевантности, по-видимому, может считаться предпочтительным по сравнению с результативным:

(10) *Ń báda fɛ̃nɛtrɛ-` láka.*
1SG PRF окно-ART открывать
‘Я открыл окно’ (ответ на вопрос: «Почему в комнате холодно?»; окно остаётся открытым)[11].

Довольно часты ситуации, когда значение актуального прошлого у перфектной конструкции оказывается очень близким к результативному, как, например, в следующем хрестоматийном тексте, описывающем утро в деревне (2).

(11) *Tèle-` bára bɔ́. Bón-da-`-lú bára*
солнце-ART PRF выходить дом-дверь-ART-PL PRF
láka. ⟨...⟩ *fɛ́n-misɛn síyaman bára*
открывать вещь-маленький многочисленный PRF
lá-bɔ tèle-` rɔ́. Dén-nin-`-nu
CAUS-выходить солнце-ART в ребёнок-DIM-ART-PL
fánan bára bɔ́ fɔ̃ɲɔ-` lá ⟨...⟩
тоже PRF выходить ветер-ART на
‘Солнце встало. Двери открылись. … многочисленные вещи вынесены на солнце. Дети тоже вышли на воздух…’
[Лабзина 1972: 24]

Впрочем, по стандартным тестам (возможность / невозможность сочетания с обстоятельствами длительности; требование преимущественной интранзитивности; наличие лексической

[11] Предложение 69 из [Dahl 1985]. Французское предложение-стимул: [Q: Pourquoi fait-il si froid dans la chambre? La fenêtre est ouverte, mais la personne qui pose la question ne le sait pas. La personne qui a ouvert la fenêtre répond:] J’ai ouvert la fenêtre.

избирательности, см. [Недялков 1983: 12–13]) такие значения будут отнесены скорее к перфекту, чем к результативу.

О конкуренции результативной конструкции с перфектной в результативном значении более подробно см. раздел 5.2.

2.4. Инферентивно-перфектное значение (?)

Как и в предыдущем случае, здесь имеет смысл говорить скорее о совместимости перфекта с инферентивным значением. Так, следующее предложение может иметь и инферентивную интерпретацию, если оно произносится в соответствующем контексте:

(12) *Sán-`* *báda* *nà.*
дождь-ART PRF приходить
'Прошёл дождь' (контекст: говорящий выглядывает из окна и видит, что земля мокрая)[12].

По-видимому, близкое к инферентивному презумптивное значение[13] реализуется в аподозисе реального условного предложения, действие которого относится к актуальному прошедшему:

(13a) *Ní* *wódi-`* *sɔ̀dɔn-nin* *kɛ́-ra*
если деньги-ART получать-RES делать-AOR1.INTR
kánberen-`* *bólo,* *à* ***báda*** *kádo-` *sàn*
юноша-ART INSTR 3SG PRF подарок-ART покупать
dén-muso-nɛn-` *ɲɛ́.*
ребёнок-женский-DIM-ART для
'Если юноша получил деньги, то он купил подарок девушке' (контекст: говорящий не знает, получил ли юноша деньги)[14].

Впрочем, в этом значении перфект конкурирует со специализированными инферентивно-презумптивными перифрастиче-

[12] Предложение 59 из [Dahl 1985]: Французское предложение-стимул: [On regarde par la fenêtre et voit que la terre est humide] Il a plu (il n'y a pas longtemps).

[13] О различиях между этими значениями см., в частности, [Плунгян 2011a: 465].

[14] Предложение 105 из [Dahl 1985]: Французское предложение-стимул: [Le locuteur sait que le garçon s'attendait à recevoir l'argent, mais il ne sait pas s'il l'a reçu.] Si le garçon a reçu l'argent (hier), il a acheté un cadeau pour la jeune fille.

скими конструкциями, см. Таблицу 1. То же значение, что и в (13a), может быть выражено и так:

(13b) *Ní* *wódi-`* *sɔ̀dɔn-nin* *ké-ra*
если деньги-ART получать-RES делать-AOR1.INTR
kánberen-`* *bólo,* *kádo-` *sàn-nin*
юноша-ART INSTR подарок-ART покупать-RES
dí *kɛ́.*
POT делать

2.5. Особой посессивной конструкции, аналогичной английской *I have fifty pages written by now,* в манинка нет. В аналогичных случаях используется обычная перфектная конструкция, например:

(14) *Ń* *báda* *kɔ́gbɛ* *bî-lóolu* *sɛ́bɛn.*
1SG PRF страницы десять-пять писать
‘Я написал (уже) пятьдесят страниц’.

2.6. Значение нарративного прошлого: диалект р-на Куруса.

В эпическом охотничьем тексте [Kulibali 1994] отмечен целый ряд употреблений перфектной конструкции в нарративе в значении прошлого, неактуального в момент речи, например:

(15) *Bíbi-`* ***bíd’*** *í* *lá,⟨...⟩* *kà*
орёл-ART PRF REFL ложиться INF1
mòso-kɔdɔ *tán* *wò* *tà,* *bàba,* *kà*
женщина-старый десять то брать отец INF1
wò-yi *sànba* *tùnbu-yi* *mà.*
то-PL дарить червь-PL ADR
Wò-yi *má* *bàabaa-`* *sànba* *bɔ́,*
то-PL NEG.PFV термит-ART подарок выходить
wò-yi ***báda*** *dòn* *dènka-`* *dɔ́.*
то-PL PRF входить яма-ART в
‘Орёл улёгся… взял этих десятерых старух и отдал их на съедение червям. Они были непригодны для того, чтобы отдать их термитам, они были брошены в яму’[15].

[15] *Bíbi* ‘Орёл’ — эпитет протагониста эпоса. Сказитель описывает его эпатирующие действия, которые должны доказать всем его необычное предназначение.

Обычно в текстах на стандартном манинка такое употребление перфекта невозможно. Надо сказать, что и в этом тексте первый аорист используется в нарративе несравненно чаще, чем перфектная конструкция. Остаётся предположить, что такое расширение семантики перфекта — специфическая особенность данного диалекта.

3. Таксисный перфект

3.1. Претериальный перфект (плюсквамперфект).

Образуется помещением в позицию перед перфектным предикативным показателем оператора *tùn* или *tɛ̀dɛ;* возможным оказывается также одновременное употребление обоих этих показателей, обязательно в последовательности *tùn tɛ̀dɛ,* ср. пример (18). Семантика такой конструкции — именно перфектная, она выражает значения результатива в прошедшем времени (16), актуального предпрошедшего (действия, совершённого перед референтным моментом в прошлом и сохраняющего по отношению к этому моменту свою актуальность) (17, 18) или претериального экспериенциалиса (19).

(16) *Káninba bán-nɛn ɲìn kàran-na, à kà*
Канимба кончать-RES это читать-INF2 2SG AOR1
sɛ́bɛ-` súnbun à dá-` lá múnùn,
бумага-ART нюхать 3SG рот-ART на теперь
hákɛto à báda díy' à ɲɛ́, báò
настолько 3SG PRF нравиться 3SG для потому.что
à fǎna tɛ̀dɛ ò lé mákɔ̀nɔn-` sìi-` dɔ́,
3SG тоже RETR то FOC ждать-ART сидеть-ART в
kàtúun, Námòri lá kó ***tɛ̀dɛ báda*** *díy'*
потому.что Намори POSS дело RETR PRF нравиться
à ɲɛ́ kàyíi bì tɛ́.
3SG для с сегодня COP.NEG
'Закончив читать, Канимба поцеловала это письмо, так оно ей понравилось, потому что она тоже сидела в ожидании его, ведь Намори понравился ей уже давно' [Kaba 2003].

(17) *Mànsa-`* *tùn/tèdɛ* *báda* *fàa.*
царь-ART RETR PRF убивать
‘Царь был убит’ (ответ на вопрос: «Что ты узнал, приехав вчера в город?»)[16].

(18) *Ǹ* *m’à* *tèdɛ* *yèn,* *à* *tùn/tèdɛ/tùn tèdɛ*
1SG PFV.NEG находить там 3SG RETR
báda *bɔ́.*
PRF выходить
‘Я не застал его там, он (тогда) вышел’ (ответ на вопрос: «Застал ли ты своего брата дома?)[17].

(19) *Ń* *tùn/tèdɛ* *báda* *à* *yé.*
1SG RETR PRF 3SG видеть
‘Я его (уже) встречал’ (ответ на вопрос: «Когда Вы приехали сюда год назад, Вы уже знали моего брата?»)[18].

Впрочем, намечается эволюция претериального перфекта в сторону значения отменённого (прямого) результата, при условии, что какие-то последствия этого действия сохраняют свою актуальность в момент речи:

(20) *Í* *tùn/tèdɛ* *báda* *fɛ̀nɛtrɛ-`* *lákà?*
2SG RETR PRF окно-ART открывать
‘Ты открывал окно?’ (контекст: в комнате холодно, но окно закрыто).

В таком же значении можно употребить и конструкцию первого аориста (*Í kà fɛ̀nɛtrɛ` lákà?*).

---

[16] Предложение 68 из [Dahl 1985]: Французское предложение-стимул: [Q: Qu‘est-ce que vous avez trouvé quand vous êtes venus dans la ville hier? R:] Le roi avait été tué.

[17] Предложение 89 из [Dahl 1985]: Французское предложение-стимул: [Q: Est-ce que vous avez trouvé votre frère à la maison? R:] (Non, nous ne l‘avons pas trouvé.) Il était sorti (avant mon arrivée).

[18] Предложения 48 и 49 из [Dahl 1985]: Французское предложение-стимул: [Q: Quand vous êtes venus ici il y a un an, est-ce que vous connaissiez mon frère?] (Oui,) je l‘avais rencontré (du moins une fois avant de venir ici) / (Oui,) je venais de le rencontrer (juste avant de venir ici).

Отметим, что перфектная конструкция может выражать таксисное значение в нарративе для обозначения действия, предшествовавшего основной линии повествования, однако такое употребление встречается практически только при передаче косвенной речи, как в (21).

(21) *Lón-` dó, jànkaro-ba-` dó kà Jàra-`*
день-ART один болезнь-AUGM-ART один AOR1 лев-ART
mìna. Wò ké, à kà kéla-` bìla
хватать то делать 3SG AOR1 посланец-ART класть
sòbo béɛ mà, kó àlu yé nà, à yé
зверь все ADR что 3PL CNJ приходить 3SG CNJ
*àlu mánìninka, mùnná àlê **bára** jànkaro*
3PL спрашивать почему 3SG.EMPH PRF болеть
‘Однажды Лев сильно заболел. И тогда он послал гонца ко всем зверям, чтобы они пришли, чтобы он спросил их, почему он заболел…’ [Лабзина 1972: 23].

В описываемой ситуации действие, обозначаемое перфектной конструкции («Лев заболел») предшествует основной линии («Лев послал гонца») и сохраняет свою актуальность по отношению к временному плану основного действия. При этом появляется перфектная конструкция в пересказе слов Льва, которые гонец должен передать зверям.[19]

3.2. Отсутствие футурального перфекта

Особой футуральной конструкции, симметричной претериальному перфекту, в гвинейском манинка нет. В предложениях реального условия в будущем (наиболее типичный контекст, в котором можно было бы ожидать появления футурального перфекта), в протазисе используются конструкции кондиционалиса (22a) или первого аориста (22b):

[19] В манинка, как и в других языках манде, разграничение прямой и косвенной речи нечёткое — точнее, для выражения различных значений этой зоны языки манде прибегают к стратегиям, кардинально отличающимся от стратегий индоевропейских языков. На эту тему см., в частности, [Nikitina 2012].

(22a) *Ń* ***báa*** *ń* *sàra-`* *tà* *lón-`* *mɛ́n-`,*
1SG COND 1SG зарплата-ART брать день-ART REL-ART
ń *dí* *sànbara-`* *sàn* *í* *ɲɛ́.*
1SG POT обувь-ART покупать 2SG для

(22b) *Ń* ***kà*** *ń* *sàra-`* *tà* *lón-`* *mɛ́n-`...*
1SG AOR1 1SG зарплата-ART брать день-ART REL-ART
'В тот день, когда я получу зарплату, я куплю тебе обувь'[20].

Во временном условном предложении, где предшествующее действие выражается в главной клаузе (в аподозисе), используется конструкция потенциалиса (23).

(23) *Sánnìn* *í* *yé* *í* *kɔ́sèyin,* *ń* ***dí***
прежде.чем 2SG CNJ 2SG возвращаться 1SG POT
ń *ná* *bón-`* *fère.*
1SG POSS дом-ART продавать
'Прежде чем ты вернёшься, я продам свой дом'[21].

4. Сочетаемость перфекта с временными наречиями

В своём значении актуального прошлого манинканский перфект не сочетается с временными наречиями (24) и другими сирконстантами (25, 26). В таких случаях употребляется конструкция аориста-1, а перфектная оказывается невозможной.

(24) *Ń* *bárin* *kà* *sɛ́bɛ-`* *lá-nà*
1SG брат.матери AOR1 бумага-ART CAUS-приходить
ń *mà* *kúnùn* ⟨...⟩
1SG ADR вчера
'Мой дядя по материнской линии прислал мне вчера письмо…' [Jànɛ 2007].

(25) *Sán-`* *nà-da* *sú-`* *dɔ́.*
дождь-ART приходить-AOR1.INTR ночь-ART в
'Ночью шёл дождь' (контекст: говорящий встаёт утром и видит, что земля во дворе мокрая)[22].

---

[20] Предложение 87 из [Dahl 2000]. Французское предложение-стимул: Le jour où je touche mon salaire, je t'acheterai les chaussures.

[21] Предложение 84 из [Dahl 2000]. Французское предложение-стимул: Avant que tu reviens, j'aurai vendu ma maison.

(26) *Ń sìi-nin tɛ̀dɛ mánkoro-ju-` kɔ́dɔ tùma-`*
1SG сидеть-RES RETR манго-ствол-ART под время-ART
mɛ́n-`, mánkoron-` dó bè-da
REL-ART манго-ART один падать-AOR1.INTR
ń kàn.
1SG на
‘Когда я сидел под манговым деревом, плод манго упал мне на голову’ (отдалённость действия от акта речи нерелевантна: час назад; когда говорящий был ребёнком…)[23].

Напротив, с наречием *bì* ‘сегодня’ перфект оказывается совместим, что можно считать вполне обычным явлением с точки зрения типологии:

(27) *Ń* ***báda*** *ń sàra-` tà bì, wò dɔ́*
1SG PRF 1SG зарплата-ART брать сегодня то в
ń dí sé kà sànbara-` sàn í ɲɛ́.
1SG POT мочь INF1 обувь-ART покупать 2SG для
‘Я получил сегодня зарплату, так что смогу купить тебе обувь’[24].

Отметим, что при замене наречия *bì* ‘сегодня’ на *kúnùn* ‘вчера’ обязательна и замена перфектной конструкции на аористную (*ń* ***kà*** *ń sàra’ tà kúnùn...* ‘вчера я получил зарплату…’).

Перфект также оказывается несовместимым с эксплицитным указанием на момент совершения действия в прошлом (результатом которого является состояние пациенса, релевантное в момент речи). В этом случае манинка прибегает к результативно-стативной конструкции (28, 29) или к аористу-1 (30):

(28) *Ń* ***kúnun-nin*** *kátrɛr sɔ̀ɔmà.*
1SG просыпаться-RES четыре.часа утром

[22] Предложение 14 из [Dahl 2000]. Французское предложение-стимул: Il a plu pendant la nuit.

[23] Предложения 12, 13 из [Dahl 2000]. Французское предложение-стимул: Quand j’ai été assis sous un manguier, un mangue est tombé sur ma tête.

[24] Предложение 20 из [Dahl 2000]. Французское предложение-стимул: J’ai touché mon salaire aujourd’hui, je pourrai donc t’acheter une paire de chossures.

‘Я проснулся (сегодня) в четыре часа утра’ (такая фраза может быть произнесена в любое время в течение дня, до наступления следующей ночи)[25].

(29) *Ń* ***sɔ̀dɔ-nin*** *sàn* *wáa* *kélen* *sàn* *kɛ̀mɛ*
1SG получать-RES год тысяча один год сто
kɔ̀nɔndon *àní* *bî-lóolu* *ní* *fìla.*
девять и десять-пять и два
‘Я родился в 1952 году’[26].

(30) *Án* *ná* *só-`* *tɛ̀ɛ-**da*** *sàn* *wáa*
1PL POSS деревня-ART резать-AOR1.INTR год тысяча
kélen *sàn* *kɛ̀mɛ* *kɔ̀nɔndɔn* *ní* *tán* *nè* *lá.*
один год сто девять и десять FOC на
‘Наша деревня была основана в 1910 году’[27].

Манинканский перфект не используется и для выражения продолжающегося (непредельного) действия, продолжительность которого известна; в этом контексте употребляют хабитуальную (31, 32a) или прогрессивную (32b) конструкции, а в значении «жить где-то» — аористную (33).

(31) *Ń* *yé* *báara-la* *Kɔ́nakiri* *sàn* *tán* *nè* *tèn.*
1SG BE работать-INF1 Конакри год десять FOC так
‘Я работаю в Конакри уже 10 лет’[28].

(32a) *À* *lɛ̀rɛ* *sàba* *lè* *tèn,* *à* *yé* *téle-`*
3SG час три FOC так 3SG BE телевизор-ART
máfɛnɛ-na.
смотреть-INF1

(32b) *À* *lɛ̀rɛ* *sàba* *lè* *tèn,* *à* *yé*
3SG час три FOC так 3SG BE

[25] Предложения 16, 17 из [Dahl 2000]. Французское предложение-стимул: Je me suis réveillé hier à quatre heures du matin.

[26] Предложение 22 из [Dahl 2000]. Французское предложение-стимул: [Quand est-ce que tu es né? —] Je suis né en 1952.

[27] Предложение 23 из [Dahl 2000]. Французское предложение-стимул: Notre village a été fondé en 1910.

[28] Предложение 49 из [Dahl 2000]. Французское предложение-стимул: Je travaille à Conakry depuis dix ans.

téle-mafɛnɛ-` *ná.*
телевизор-смотреть-ART на
‘Он уже три часа смотрит телевизор’[29].

(33) *Ń* *kà* *ń* *ná* *dúŋarɔtɛɛ-`* *bɛ́ɛ* *kɛ́*
1SG AOR1 1SG POSS жизнь-ART весь делать
só-` *kɔ́nɔ* *yàn.*
деревня-ART в здесь
‘Я прожил здесь, в этой деревне, всю свою жизнь’[30].

Если перфект реализует своё экспериенциальное значение, запрет на сочетаемость перфектной конструкции с обстоятельством времени ослабевает (34a), однако он сохраняется при упоминании точного времени события (34b):

(34a) *Ń* ***báda*** *à* *yé* *sùŋɛ* *síyaman* / *kó* *kélen.*
1SG PRF 3SG видеть раз многочисленный дело один
‘Я видел её много раз/ однажды’ (ответ на вопрос: «Встречали ли Вы когда-нибудь мою сестру?»)[31].

(34b) *Ń* ***kà*** *à* *yé* *fɛ́wriye-karo-`* *lá.*
1SG AOR1 3SG видеть февраль-месяц-ART на
‘Я видел её в феврале’ (тот же контекст).

5. Зона конкуренции с семантически смежными конструкциями

5.1 Конкуренция с аористной конструкцией: вопросительное предложение.

В гвинейском манинка имеются три аористные конструкции, две из которых (с предикативным показателем *kà* и с глагольным суффиксом *-da*) группируются в «первый аорист», а

[29] Предложение 48 из [Dahl 2000]. Французское предложение-стимул: Il regarde la télé pendant trois heures déjà.

[30] Предложение 50 из [Dahl 2000] (Французское предложение-стимул: J’ai vecu toute ma vie dans cette ville), в интерпретации «проводить жизнь», отвергаемой Далем (в манинка отсутствует глагол с семантикой «жить где-либо»).

[31] Предложения 15, 35 из [Dahl 2000]. Французское предложение-стимул: [As-tu jamais rencontré ma sœur? —] Je l’ai rencontré beaucoup de fois.

третья, существенно менее частотная (по-видимому, проникшая в стандартный манинка из периферийных диалектов) — «второй аорист», маркируется предикативным показателем *nà* (с диалектным вариантом *nɔ̀*), при этом глагол выступает в форме второго инфинитива (т. е. с суффиксом *-la*/*-na*). При этом аорист-2 в стандартном манинка может свободно замещать аорист-1 в подавляющем большинстве контекстов. В дальнейшем, говоря об аористе, я буду иметь в виду прежде всего аорист-1 (при том что, по-видимому, в тех же контекстах допустим и аорист-2).

Две конструкции первого аориста распределяются так: предикативный показатель *kà* употребляется как с переходными, так и с непереходными глаголами — за исключением пассивных непереходных глаголов[32]. Суффиксальная конструкция употребляется только с непереходными глаголами — как пассивными, так и активными. Таким образом, обе конструкции оказываются в отношениях свободного варьирования в непереходной конструкции с активным глаголом (при этом не удалось обнаружить какого бы то ни было семантического, стилистического или иного различия между ними), и дополнительно распределены в переходной конструкции (только предикативный показатель *kà*) и в пассивно-непереходной (только суффикс *-da*)[33].

Семантическая близость перфекта к аористу в гвинейском манинка проявляется, в частности, в том, что их противопоставление снимается при отрицании, где имеется только одна перфективная конструкция с предикативным показателем *má* (см. Таблицу 1).

---

[32] В манинка, как и во многих других языках манде, имеется регулярная пассивная лабильность: практически для всех формально-переходных глаголов, вне зависимости от их семантики, оказывается возможной морфологически немаркированная пассивизация. Об этом явлении см., в частности, [Grégoire 1985; Vydrine, Coulibaly 1994, 75-82; Выдрина 2011].

[33] В работе [Tröbs 2009] говорится о более простой модели распределения этих показателей: *kà* — в переходной конструкции, *-da* ~ *-ra* — в непереходной. Очевидно, такая модель, близкая к баманской, действительно релевантна для каких-то диалектов гвинейского манинка (в частности, в письменных текстах kà в непереходной конструкции почти не встречается), однако мой основной информант её отрицает.

В целом сферы употребления аориста и перфекта различаются достаточно отчётливо: аорист выражает пунктивные действия в прошлом, перфект — значения актуального прошлого, экспериенциалиса, иногда результатива. Однако обнаруживается один контекст, где значение актуального прошлого (или результатива; границу между этими двумя значениями не всегда легко провести) систематически выражается аористом. Это — вопросительное предложение (при этом безразлично, выражает ли оно частный или общий вопрос). Иногда в таком предложении перфект и аорист могут замещать друг друга без видимого различия в значении (35),[34] но если в клаузе имеется частица фокализации *lè/nè,* то предпочтение отдаётся аористной конструкции, а перфектная запрещается (36).

(35) *Í báda / kà bànanku-` sùsu?*
2SG PRF AOR1 маниок-ART толочь
‘Ты истолкла маниоку?’ (контекст: девочка отпрашивается гулять; мать спрашивает, всю ли свою работу она выполнила)[35].

(36) *Í lá màfen-` dí, ń yé à nɛ́nɛ...*
2SG POSS соус-ART давать 1SG CNJ 3SG пробовать
Ɛ́gbɛ, í ***kà/*báda*** *sùkara-` lè kɛ́ à lá?!*
чёрт 2SG AOR1/PRF сахар-ART FOC делать 3SG на
‘Дай твой соус попробовать… Чёрт, ты что, сахару туда положила?!’

В практически идентичных контекстах в вопросительных предложениях (37b, 38b) требуется аорист, а в утвердительных (37a, 38a) — перфект (правда, для примера 37a была сделана оговорка: «если дом построен недавно, и слушающий видит его впервые»).

(37a) *Ń báda bɔ́n mɛ̀n lɔ̀.*
1SG PRF дом этот строить
‘Этот дом построил я’.

(37b) *Jɔ̂n kà bɔ́n mɛ̀n lɔ̀?*
кто AOR1 дом этот строить

---

[34] См. также пример (4) выше.

[35] Предложение 5 из [Dahl 2000]. Французское предложение-стимул: As-tu pilé le manioc?

‘Кто построил этот дом?’ (контекст: спрашивающий стоит перед домом и смотрит на него)[36].

(38a) *Mùsa-`* *yé* *mín?* — *Mùsa-`* *báda* *à* *bólo-`*
Муса-ART BE где Муса PRF 3SG рука-ART
kádi.
ломать
‘Где Муса? — Муса сломал руку’ (и потому не пришёл).

(38b) *Mùsa-`* *kà* *à* *bólo-`* *kádi* *lè?*
Муса-ART AOR1 3SG рука-ART ломать FOC
‘Муса что, руку сломал?’

Нужно уточнить, что в обозначенном контексте возможен как первый (39a), так и второй (39b) аорист.

(39a) *À* *fɔ́* *kó* *dénmusonin-`* *nè* ***kà*** *à* *tíbi?!*
3SG говорить что девочка-ART FOC AOR1 3SG стряпать

(39b) *À* *fɔ́* *kó* *dénmusonin-`* *nè* ***nà***
3SG говорить что девочка-ART FOC AOR2
à *tíbi-**la**?!*
3SG стряпать-INF2
‘Неужели это (эту еду) приготовила девочка?!’

Такое распределение между перфектом и аористом по признаку иллокутивной силы может показаться парадоксальным. По-видимому, дело здесь в том, что, как показывают данные африканских языков, некоторые грамматические признаки являются ингерентно фокусными — это отрицание, вопросительность, императив (иногда также коньюнктив), прогрессив, перфект [Hyman, Watters 1984: 262–263].[37] В языках, где имеется грамматикализованные способы выражения фокуса, как правило, такие признаки плохо сочетаются со специализированным фокусным показателем (поскольку это привело бы к тому, что фокусное значение выражалось бы дважды). Заметим в этой связи, что в гвинейском манинка, где имеется специализированный фокусный показатель *lè* (*nè* после носового), он очень плохо сочетается с

[36] Предложение 80 из [Dahl 2000]. Французское предложение-стимул: Qui a bâti cette maison?

[37] Я благодарю А. В. Выдрину, привлекшую моё внимание к следующему далее объяснению этого феномена.

перфектной конструкцией. Проверка на небольшом корпусе текстов манинка (72012 словоупотреблений) дала следующие результаты: всего в тексте показатель фокуса *lè*/*nè* встретился 1771 раз (т.е. почти 2,5% всех словоупотреблений — этот показатель содержится примерно в каждой четвёртой клаузе). Показатель перфекта в этом же корпусе встретился 320 раз. При отсутствии какой бы то ни было корреляции, можно было бы ожидать, что примерно 80 клауз с перфектом содержали бы и фокусный показатель. В реальности же таких клауз оказалось 5, т.е. в 16 раз меньше ожидаемого.

Очевидно, отрицательная корреляция между перфектом и вопросительными предложениями — той же природы: и вопросительность (особенно если речь идёт о частных вопросах), и перфект являются ингерентно фокусными категориями, что и препятствует их совмещению в пределах одной клаузы.[38]

5.2. Конкуренция с результативно-стативной конструкцией.

Результативная конструкция в гвинейском манинка образуется формой результативного причастия смыслового глагола (показатель — суффикс *-nin*/*-nɛn*), за которой может следовать копула *yé*. В реальности копула почти всегда опускается[39], так что причастная форма остаётся единственным морфологическим маркером конструкции; можно считать, что в манинка наблюдается развитие причастной формы в финитную. Завершению такой эволюции препятствует то обстоятельство, что присутствие копулы остаётся обязательным в отрицательной результативной конструкции (см. Табл. 1). Глагол в результативной конструкции может быть только непереходным, при этом исходно-переходные глаголы выступают в своём пассивном значении (что весьма типично для результатива в различных языках мира).

Базовое значение этой конструкции — «классический» результатив: состояние, которое является результатом действия, обозначаемого глаголом (40). Допустимы и стативные употребления

[38] Оговорюсь, что мои выводы по этому вопросу следует рассматривать как сугубо предварительные. Соотношение фокализации с различными глагольными категориями и типами предложений заслуживает специального детального исследования.

[39] В отличие, в частности, от языка бамана, где в аналогичной конструкции опущение копулы невозможно.

при описании состояний, которые очевидным образом не являются результатами действий, обозначаемых соответствующими глаголами (41) — весьма типичное развитие результативного значения.

(40) *Bón-da-`* *lákà-nin.*
дом-дверь-ART открывать-RES
‘Дверь (дома) открыта’.

(41) *Yíri-ba-`* *lɔ̀-nin* *lú-kɛnɛ-`* *mà.*
дерево-AUGM-ART вставать-RES двор-площадка-ART ADR
‘Во дворе стоит дерево’.

Следует отметить и менее тривиальное развитие семантики результативной конструкции по направлению к аористному значению, минуя ожидаемую стадию перфекта. Для реализации такого значения обязательным оказывается наличие сирконстанта — чаще темпорального (42b), но хотя бы и локативного (42c) или иного (43), при этом очень типична (хотя и не строго обязательна) фокализация сирконстанта при помощи частицы *lè*. Ср. пример (42a), где, в отсутствие сирконстанта, конструкция выражает стандартное результативное значение.

(42a) *Fàanin-`* *kò-nin.*
одежда-ART мыть-RES
‘Одежда постирана’ (и сейчас она чистая).

(42b) *Fàanin-`* *kò-nin* *kúnùn.*
одежда-ART мыть-RES вчера
‘Одежда была постирана вчера’ (возможно, её уже опять запачкали).

(42c) *Fàanin-`* *kò-nin* *yàn* *nè.*
одежда-ART мыть-RES здесь FOC
‘Одежда была постирана здесь’ (возможно, её уже опять запачкали).

(43) *Dá-`* *lákà-nin* *sòn-`* *bólo*
дверь-ART открывать-RES вор-ART POSS
nɛ̀ɛ-kúdun-` *nè* *lá.*
железо-кусок-ART FOC на
‘Дверь была открыта вором при помощи железяки’ (в момент речи дверь уже может быть закрыта).

Если полагаться на языковую интуицию информантов, результативная конструкция с сирконстантом обозначает скорее не очень отдалённое во времени действие. Однако в естественных текстах обнаруживаются примеры использования её и для передачи исторического прошлого (44).

(44) *Sékù Tùrè nà-nin sán-` mên ná,*
Секу Туре приходить-RES год-ART REL на
sila-ba-` lá-nin wò sàn-` nè.
дорога-AUGM-ART класть-RES тот год-ART FOC
'В тот год, когда приезжал Секу Туре[40], была проложена эта большая дорога'.

Конструкция «результатив с сирконстантом» употребляется и в типичных инферентивных контекстах, конкурируя с перфективной и инферентивной конструкциями (см. ниже), ср. перевод примера 60 из анкеты Даля 1985 года:

(45) *Sòn-` dòn-nin bón-` kɔ́nɔ fɛ̀nɛtré mèn nè fɛ̀.*
вор-ART входить-RES дом-ART в окно этот FOC с
'Похоже, вор вошёл в дом через это окно' (контекст: полицейский оглядывает помещение, в котором совершена кража, и делает заключение).

Возвращаясь к собственно результативному значению этой конструкции, отметим, что она конкурирует с перфектной (также способной выражать такое значение, см. 2.1) в некоторых контекстах, особенно если глагол выражает действие, не ведущее к видимому изменению состояния участника, как в примерах (46a-b), но не только, см. (47a-b).

(46a) *Ɛ̀n-ɛ́n, à báda wá.*
нет 3SG PRF уходить

(46b) *Ɛ̀n-ɛ́n, à wá-nin.*
нет 3SG уходить-RES
'Нет, она в отъезде' (ответ на вопрос: «Вернулась ли твоя сестра?» (о которой известно, что она поехала в другой город))[41].

---

[40] Первый президент Гвинеи (1958-1984).
[41] Предложение 28 из [Dahl 2000].

(47a) *Mùsá báda sùnɔɔ.* = (47b) *Mùsá sùnɔɔ-nin.*
Муса PRF спать Муса спать-RES
‘Муса спит’, ‘Муса заснул’ (информант отмечает, что результативная конструкция в данном случае несколько менее употребительна по сравнению с перфектной).

Для глаголов, означающих исчезновение (уничтожение) партиципанта, результативное значение может выражаться только перфектной конструкцией, см. (48a, b) — впрочем, это как раз тот случай, когда именно перфектное прочтение, по-видимому, следует считать предпочтительным.

(48a) *Kínin-` báda bán.*
рис-ART PRF кончаться

(48b) **Kínin-` bán-nin.*
рис-ART кончаться-RES
‘Рис закончился’.

С другой стороны, при описании несколько более отвлечённой ситуации, которую можно рассматривать как состояние, возникшее в результате исчезновения признака, тот же глагол в результативе оказывается допустим (49).

(49) *Í màlo-` bán-nin!*
2SG стыд-ART кончаться-RES
‘Ты потерял всякий стыд!’, ‘Ты стал совсем бесстыжим!’

5.3. Соотношение значений перфекта и конструкции недавнего прошлого.

Конструкция недавнего прошлого в манинка образуется при помощи иммедиатного причастия (с суффиксом *-san*) смыслового непереходного глагола (50); если же смысловой глагол переходный, то он выступает в форме инфинитива-2 (т. е. с суффиксом *-la*), а форму иммедиатного причастия получает вспомогательный глагол *bán* ‘заканчиваться’, который управляет инфинитивом-2 (51).

(50) *À sɔ̀dɔn-san nè.*
Муса получать-IMMED FOC
‘Он только что родился’.

(51) *Ń kɔ̀dɔ-muso bán-san nè à*
1SG старший.сиблинг-женский кончать-IMMED FOC 3SG
fɔ̃-la ń ɲɛ́ kó pèrɛsidan-` báda nà.
говорить-INF2 1SG для что президент-ART PRF приходить
‘Моя старшая сестра только что сказала мне, что приехал президент’.

Иммедиатная конструкция этимологически непрозрачная: неясным остаётся происхождение суффикса иммедиатного причастия *-san*[42]. В отличие от перфекта, конструкция недавнего прошлого может означать действие, результат которого в момент речи аннулирован (полностью или частично, как в примере (52), где тот факт, что одежда испачкана, если не отменяет, то «дискредитирует» её покупку; совместимость иммедиатности со значением отменённого результата широко распространена в языках мира, см. [Федотов 2012]).

(52) *Fàanin-` mɛ̀n sàn-san nè nìn,*
одежда-ART этот покупать-IMMED FOC вот
wò báda nɔ́ɔ!
то PRF пачкаться
‘Одежду только купили, а она уже испачкалась!’

Эта конструкция, в составе сложного предложения, может иметь таксисное значение близкого предшествования какой-то точке отсчёта в прошлом:

(53) *Án nà-dá tùma-` mɛ̂n,*
1PL приходить-AOR1.INTR время-ART REL
éleksion-` kɛ́-san nè.
выборы-ART делать-IMMED FOC
‘Когда мы приехали, только что прошли выборы’.

---

[42] Весьма вероятно, что суффикс *-san* восходит к наречию *sísɛ̀n* ‘сейчас’ (которое имеет также фонетические варианты *sɛ̂n, sínɛ̀n, sísàn*), однако в синхронии эта связь уже совершенно неочевидна. Такой этимологии противоречит утверждение И. С. Конде (устное сообщение), что в некоторых диалектах манинка суффикс имеет вид *-sagan.* Отметим также, что форма с суффиксом *-san* может употребляться и в функции атрибута в составе именной группы, что и указывает на её причастную (а не финитно-глагольную) природу.

Как отмечалось в разделе 4, у перфектной конструкции значение близкого прошлого является дополнительным, оно возникает обязательно в совокупности со значением актуальности действия на момент речи. В то же время у конструкции недавнего прошлого всё иначе — центральным оказывается именно значение малой временной дистанции между событием и моментом речи (или какой-то точкой отсчёта в прошлом). Таким образом, эти две конструкции оказываются семантически достаточно чётко разграничены.

5.4. Конкуренция перфекта с инферентивной конструкцией.

В гвинейском манинка имеется специализированная инферентивная конструкция, S *nɔ̀ dì kɛ́* (DO) V-*la,* где смысловой глагол выступает в форме второго инфинитива, которым управляет вспомогательный глагол *kɛ́* ‘делать’ с футуральным предикативным показателем (в отрицательной конструкции заменяемом на отрицательный показатель *té* ~ *tɛ́*), которому предшествует оператор *nɔ̀*[43].

(54) *Ɲína-`-lú nɔ̀ dì kɛ́ bɔ̀dɔ-` sɔ̀ɔ-la.*
мышь-ART-PL INFR POT делать мешок-ART протыкать-INF2
‘Наверное, мешок погрызли мыши’ (контекст: говорящий пришёл проверить состояние мешка с едой, оставленного на хранение, и обнаружил, что в нём появились дыры; мышей он не застал, но рядом с мешком виден мышиный помёт).

Эта конструкция малочастотна (1-2 употребления на текстовый массив объёмом в 1 миллион словоупотреблений), что говорит о её невысокой грамматикализованности. Конкуренцию ей (в менее маркированных инферентивных контекстах или при наличии сильного инферентивного контекста) составляет перфектная конструкция, см. пример (12).

[43] Вероятнее всего, это служебное слово восходит к существительному *nɔ̀* ‘способность, мощь; победа’ (связанным по конверсии с глаголом *nɔ̀* ‘мочь, быть способным; удаваться; побеждать’), однако в данной конструкции оно уже достаточно грамматикализовалось (что проявляется, в частности, в невозможности иметь тональный артикль). Если принять это предположение, то значение инферентивной конструкции реконструируется как «возможность подлежащего сделается в совершении данного действия».

6. Этимология перфектного показателя. Выводы

Показатели перфекта, схожие по форме с манинканским (и, очевидно, этимологически тождественные ему), имеются в некоторых других языках семьи манде: в обоих языках группы сусу-джалонке (сусу *bárà ~ bátà* и джалонке *bántà*); в двух языках группы моколе (могофин *bárà, bátà*, какабе *bati*[44], коранко *bára, wára, ára* [Kastenholz 1987]); в группе манден (к которой принадлежит и гвинейский манинка) такой показатель обнаруживается (помимо гвинейских идиомов манден, которые можно рассматривать как диалекты манинка) также в сенегальском манинка р-на Ньоколо (*báta*[45]) и ивуарийских идиомах коро (*báa*), койага (*waa*) и мау (*wɛ́ɛ*) [Creissels 1997: 15; Tröbs 2009: 222–230]. В некоторых из этих идиомов показатель расширил своё значение до перфективного (коро; возможно, сусу), в других он, по-видимому, остаётся в основном в перфектной зоне (впрочем, отсутствие детального описания грамматической семантики ТАМ для большинства из этих идиомов заставляет высказывать подобные утверждения с осторожностью).

По предположению Дени Креселя [Creissels 1997: 15], перфектный показатель является результатом грамматикализации глагола *bán* ‘заканчиваться’ с перфективным / аористным суффиксом **-da ~ -ta* (который сохранился практически во всех языках группы манден). Эта гипотеза представляется правдоподобной, поскольку формирование перфекта из конструкций с глаголом «кончать» является одним из четырёх наиболее частых путей его грамматикализации [Bybee, Dahl 1989: 67–68]. Может показаться странным то, как этот показатель оказывается распределён по генетическим группам, поскольку изоглосса игнорирует границы таксонов нижнего уровня. Однако при взгляде на карту становится очевидным, что эта изоглосса — не генетической, а ареальной природы: она захватывает практически все языки манде Гвинеи (за исключением Лесной Гвинеи), заходя в смежную зону Сенегала (манинка Ньоколо), Сьерра-Леоне и Кот д’Ивуара. Глагол *bán* ‘заканчиваться’ представлен во

[44] Этот показатель в какабе имеет диалектные и свободные варианты *bat, ba, ti, t’* [Выдрина 2012]. Возможно, конечный гласный *-i* является результатом вокалической редукции в конечном безударном слоге.

[45] *báta* ‘prédicatif accompli’ в манинка Ньоколо упоминается в словаре Жерара Мейе [Meyer 1983], однако он отсутствует в идиоме, описанном Дени Креселем [Creissels 2013].

всех языках группы манден, в моколе и ваи, т. е. в большинстве групп ветви «большой манден», но за пределами этой ветви он почти не встречается (и там, где встречается, является вероятнее всего заимствованием из манден, как существительное *báán* ‘предел, конец’ в сусу). Для наглядности приведём генетическую классификацию центральной и сусу-югозападной групп манде (рубрикация отражает генетическую близость языков; инвентарь языков упрощён в тех фрагментах, которые несущественны для данной статьи). Названия идиомов, в которых имеется показатель, этимологически тождественный манинканскому *báda,* выделено полужирным.

1. Центральные:
- 1.1. Джого-джели
  - 1.1.1. Джели [jek]
  - 1.1.2. Джого
- 1.2. Большой манден
  - 1.2.1. Ваи-моколе
  - 1.2.1.1. Ваи-коно
    - 1.2.1.1.1. Ваи [vai]
    - 1.2.1.1.2. Коно [kno]
  - 1.2.1.2. Моколе
    - 1.2.1.2.1. **Могофин** [mfg]
    - 1.2.1.2.2. **Какабе** [kke]
    - 1.2.1.2.3. **Коранко** [knk]
    - 1.2.1.2.4. Леле [llc]
  - 1.2.2. Манден
  - 1.2.2.1. Восточный манден
    - 1.2.2.1.1. Бамана [bam]
    - 1.2.2.1.2. **Южный манинка**[emk]
    - 1.2.2.1.3. Восточный манинка [mwk]
    - 1.2.2.1.4. **Конья** [mku]
    - 1.2.2.1.5. **Манинка санкаран** [msc]
    - 1.2.2.1.6. Манья [mzj]
    - 1.2.2.1.7. Дьюла [dyu]
    - 1.2.2.1.8. **Мау** [mxx]
    - 1.2.2.1.9. **Дьюла одьенне** [jod]
    - 1.2.2.1.10. **Уородугу** [jud]
    - 1.2.2.1.11. Марка-дафин [rkm]
    - 1.2.2.1.12. Болон [bof]
    - 1.2.2.1.13. Дьюла Конга
  - 1.2.2.2. Западный манден
    - 1.2.2.2.1. Кагоро [xkg]
    - 1.2.2.2.2. Северный манинка [mlk]
    - 1.2.2.2.3. **Манинка**-хасонка [kao]
    - 1.2.2.2.4. Мандинка [mnk]

2. Сусу-югозападная группа:
- 2.1. Сусу-джалонке
  - 2.1.1. **Джалонке** [yal]
  - 2.1.2. **Сусу** [sus]
- 2.2. Югозападные
  - 2.2.1. Менде [men]
  - 2.2.2. Локо [lok]
  - 2.2.3. Банди {bza]
  - 2.2.4. Зиало [zil]
  - 2.2.5. Лоома
  - 2.2.6. Кпелле

Таким образом, предикативный перфектный показатель *bǎda* в манинка можно считать сравнительно поздней ареальной инновацией, возникшей в манинка или (менее вероятно) в прамоколе (т.е. языке-предке группы могофин-какабе-коранко-леле) и распространившейся на соседние языки манде. Можно предположить, что раньше зона перфектных значений в манинка обслуживалась конструкцией с показателем *kà,* которая после появления перфектной конструкции с *bǎda* сузила своё значение до аориста.

Анализ семантики манинканского перфекта показывает, что в её ядро, помимо актуального прошлого, входит также экспериенциальное значение — эти значения перфекта оказываются наиболее частотными в текстах, и для их выражения в манинка нет других специализированных глагольных конструкций[46]. Таким образом, манинканский перфект можно отнести к «классическому» типу. Другие его значения — результативное, инферентивное, недавнего прошлого — являются для перфекта более или менее маргинальными; на этой своей периферии он конкурирует с другими конструкциями, находясь с ними иногда в отношениях свободного варьирования, иногда — дополнительного распределения. Ситуация в диалекте манинка р-на Куруса, где наличие семантического компонента «актуальность действия» у перфектной конструкции перестаёт быть обязательным, говорит о том, что процесс эрозии перфектного значения и превращения пер-

[46] Если отвлечься от выражения значения актуального прошлого аористной конструкцией в вопросительных предложениях, о чём шла речь в разделе 5.1.

фекта в претерит (путём приобретения аористного и консекутивного значений) здесь уже начался.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — первое, второе, третье лицо; ADR — послелог с адресативным значением; AOR1 — показатель первого аориста; AOR2 — показатель второго аориста; ART — тональный артикль; AUGM — аугментативный суффикс; BE — утвердительная копула / предикативный показатель хабитуалиса и прогрессива; CAUS — каузативный префикс; CNJ — предикативный показатель конъюнктива; COND — предикативный показатель кондиционалиса; COP — копула; DIM — суффикс диминутива; DO — прямое дополнение; EMPH — эмфатическая серия личных местоимений; FOC — частица фокализации; IMMED — суффикс недавнопрошедшего; INF1 — первый инфинитив; INF2 — второй инфинитив; INFR — показатель инферентива; INSTR — послелог со значением инструменталиса; INTR — непереходность; NEG — отрицательная полярность; PFV — перфектив; PL — множественное число; POSS — посессивная связка; POT — предикативный показатель потенциалиса; PRF — предикативный показатель перфекта; REFL — рефлексивное местоимение; REL — релятивизатор; RES — результативное причастие; RETR — оператор ретроспективного сдвига; S — подлежащее; SG — единственное число; TAM — время, вид, модальность; V — глагольное сказуемое; VN — отглагольное имя

Источники

Лабзина 1972 — В. П. Лабзина. Язык манинка. Тексты, словарь. М.: Наука, 1972.

Jànɛ 2007 — B. M. Jànɛ. Kángbɛ lánɔ̀ɔyanɛn kán kùrundu báju ɲánatɔ̀mɔnnɛn nè. Káhìra, 2007.

Kàba 2003 — B. B. Kàba. Námɔ̀ri ní Kániba yàrabî kànfɔ̃: Ń dí mɔ̀ɔ mà ń ní mɛ́n` ká dí án ɲɔ́ɔn ɲɛ́. Kahira, 2003.

Kulibali 1994 — P. K. Kulibali . Manden Bori fasa. Récits de chasse. Éd. par Keita, Dramane; Kouyaté, Amadou; Aebersold, Denise. Vol. 1. Conakry: Bibliothèque Franco-Guinéenne, 1994.

Литература

Выдрина 2011 — А. В. Выдрина. Лабильность в языке какабе // Mandeica Petropolitana II / В. Ф. Выдрин (ред). (Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН / Отв. редактор Н. Н. Казанский. Т. VII. Ч. 2). СПб.: Наука, 2011. С. 174–217.

Выдрина 2012 — А. В. Выдрина. Тональное поведение предикативных макеров и соотношение лексических и грамматических тонов в языке какабе // В. Ф. Выдрин, А. Ю. Желтов (ред.). Между Нигером и Конго: Заметки на полях. К 60-летию Константина Игоревича Позднякова). СПб.: Нестор-История. 2012. С. 94–122.

Недялков 1983 — В. П. Недялков. Типология результативных конструкций // В. П. Недялков (ред.). Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект). Ленинград: Наука, 1983. С. 5–40.

Плунгян 2011a — В. А. Плунгян. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ. 2011.

Плунгян 2011b — В. А. Плунгян. К типологии перфекта в языках мира. Текст выступления на конференции «Перфект на Балканах и вне Балкан», С.-Петербург, 25 апреля 2011.

Федотов 2012 — М. Л. Федотов. Конструкция иммедиатного предшествования в языке гбан. Наброски к типологии иммедиатности // Е. М. Девяткина (отв. ред.). Проблемы языка: Сборник научных статей по материалам Первой конференции-школы «Проблемы языка: взгляд молодых ученых» (Москва, 20–22 сентября 2012 г., ИЯз РАН). М.: Институт языкознания РАН, 2012. С. 316–343.

Bybee, Dahl 1989 — J. L. Bybee, Ö. Dahl. The creation of tense and aspect systems in the languages of the world // Studies in Language 13, 1989. P. 50–103.

Creissels 2013 — D. Creissels. Le maninka du Niokolo (Sénégal Oriental). Esquisse phonologique et morphosyntaxique, liste lexicale, textes glosés // Mandenkan 49, 2013.

Dahl 1985 — Ö. Dahl. Tense and aspect systems. Oxford — New York, 1985.

Dahl 2000 — Ö. Dahl. The Perfect questionnaire // Ö. Dahl (ed.). Tense and aspect in the languages of Europe. Empirical approaches to language typology, 20, 6. Berlin ; New York: Mouton de Gruyter, 2000. P. 800–809.

Grégoire 1985 — C. Grégoire. L'expression du passif en maninka // Didier L. Goyvaerts (éd.). African Linguistics. Essays in memory of M. W. K. Semikenke. Studies in the Sciences of Language Series, Vol. 6. Amsterdam — Philadelphia, 1985. P. 189–208.

Hyman, Watters 1984 — L. M. Hyman, J. R. Watters. Auxiliary focus // Studies in African Linguistics, 13(3). P. 233–273.

Kastenholz 1987 — R. Kastenholz. Das Koranko. Ein Beitrag zur Erforschung der Nord-Mande-Sprachen. Dissertation. Universität zu Köln, 1987.

Lindstedt 2000 — J. Lindstedt. The perfect — aspectual, temporal and evidential // Ö. Dahl (ed.). Tense and aspect in the languages of Europe. Empirical approaches to language typology, 20, 6. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2000. P. 365–383.

Meyer 1983 — G. Meyer. Lexique élémentaire Malinké-Français, suivi d'élements de grammaire. Dialecte maninkaa du Niokolo (sous-préfecture de Bandafassi). Kédougou, 1983.

Nikitina 2012 — T. Nikitina. Personal deixis and reported discourse: Towards a typology of person alignment // Linguistic Typology 16(2). P. 233–64.

Tröbs 2009 — H. Tröbs. Sprachtypologie, TAM-Systeme und historische Syntax im Manding (West-Mande). (Mande Languages and Linguistics 8). Köln: Rüdiger Köppe Verlag, 2009.

Vydrine, Coulibaly 1994 — V. Vydrine, avec la collaboration de A. Coulibaly. Verbes réfléchis bambara. Part 1: Pronoms réfléchis. Dérivation verbale non-réfléchie // Mandenkan 28, 1994.

.

А. Б. Шлуинский

ИЯз РАН, Москва

ТЕРМИНАТИВ В ЯЗЫКЕ СУСУ: К ТИПОЛОГИИ ТЕРМИНАТИВНОЙ РАЗНОВИДНОСТИ ПЕРФЕКТА[1]

1. Введение

В настоящей работе на материале языка сусу рассматривается так называемый терминатив (ямитив) — специфическая разновидность типологически устойчивой категории перфекта, значение которой близко к значению русского наречия *уже* и, огрубленно, состоит в том, что ситуация завершилась или имеет место раньше ожидаемого. Рассматриваемый глагольный показатель в сусу является аналитическим глагольным маркером и имеет форму *bara*. Поскольку в сусу также представлена еще одна глагольная форма, с показателем *-xi*, значение которой принадлежит к перфектной семантической зоне, мы в целях сопоставления постоянно обращаемся и к этой форме тоже.

В разделе 2 мы характеризуем материал работы, категорию терминатива в целом и глагольную систему сусу. В разделе 3 представлены основные типы употреблений Терминатива сусу (в сопоставлении с Перфектом). В разделе 4 описано взаимодействие Терминатива сусу с акциональной структурой глагола. В разделе 5 предлагается типологическая и диахроническая перспектива, в которой делается попытка дать диахроническое объяснение наблюдаемой дистрибуции как Терминатива сусу, так и, гипотетически, других терминативных граммем.

---

[1] Работа выполнена в рамках проекта РГНФ №15-34-01237. Статья представляет собой развитие темы, по которой ранее автором были подготовлены публикации [Шлуинский 2006; 2008].

Автор благодарит Т.А. Майсака за комментарии к предварительному варианту статьи и участников рабочего совещания «Семантика перфекта в языках мира» (Санкт-Петербург, 2013 г.) за обсуждение доклада, на основе которого она написана.

1.1. Язык сусу и материал исследования

Язык сусу, образуя подгруппу самого дробного уровня с языком джалонке, относится к центральной группе западной ветви семьи манде и является относительно крупным языком Западной Африки: на нем говорят около 1 млн. человек в Республике Гвинея.

В исследовании были задействованы имеющиеся в настоящее время данные по языку сусу, включающие, во-первых, опубликованные грамматики [Houis 1963] и [Touré 1994], учебные издания [Friedländer 1974] и [Touré 2004], диссертацию [Фофана 1992], во-вторых, краткие опубликованные тексты [Виноградов, Фофана 1997], в-третьих, собственные грамматические данные автора, полученные от информанта[2], в частности, включающие перевод широко известной анкеты TMA Questionnaire (TMAQ), предложенной в [Dahl 1985]. Следует отметить, что хотя, таким образом, массив использованных данных достаточно велик, в основном его составляют изолированные предложения, в связи с чем, в отсутствие сколько-нибудь репрезентативного корпуса естественных текстов, полученные результаты следует считать предварительными. Более того, даже с учетом того обстоятельства, что естественных текстов в нашем распоряжении крайне мало, следует отметить разительный контраст между сравнительно низкой частотностью рассматриваемого показателя сусу в текстах и высокой — в грамматических материалах (наших собственных или опубликованных). Изолированное предложение с референцией к прошлому, призванное продемонстрировать определенную лексическую единицу или актантную структуру, вне контекста обычно переводится на сусу именно при помощи показателя *bara*, тогда как в текстах в очень показательных контекстах мы находим лишь единичные примеры; эта ситуация, безусловно, требует повторного обращения к данной теме после появления более представительного массива текстов.

---

[2] Автор выражает свою самую глубокую благодарность носителю языка сусу Умару Камара, с которым он имел возможность длительной плодотворной работы в Москве в 2004 и в 2007 гг.

1.2. Категория терминатива и ее отношение к перфекту

Терминативом, вслед за И. С. Аксеновой [Аксенова 1997: 104–105; 2003: 72], предложившей этот термин применительно к видо-временным системам банту[3], мы называем разновидность перфекта, имеющего, наряду с определяющим общим значением перфекта текущей релевантности в настоящем (широко называемым в англоязычной литературе “current relevance”), более частное значение ‘ужé’ — то есть, указание на то, что ситуация или ее определенная фаза завершилась или наступила ранее некоторого момента времени (в частности, раньше ожидаемого срока). Связь этого значения с перфектом в привычном понимании представляется естественной: для релевантной ситуации в прошлом, последствия которой сохраняют актуальность, важно время (и преждевременность) ее совершения.

В [Olsson 2013] для показателей такого типа используется также предложенный (устно) Э. Далем термин «ямитив». В этой работе, представляющей собой сопоставительное исследование терминатива на материале нескольких языков Юго-Восточной Азии с привлечением некоторых типологических параллелей, показано, что терминатив представляет собой типологически релевантную грамматическую категорию (universal gram-type в терминологии [Dahl 1985]), которая, однако, очень существенно пересекается с перфектом в своей дистрибуции. Что касается терминологического выбора, мы выбираем более ранний вариант «терминатив», который нам к тому же представляется более удачным, но хотели бы подчеркнуть, что по существу речь идет вне всякого сомнения о единой типологически релевантной категории. В [Dahl, Wälchli 2013] были представлены результаты исследования корреляции употребления в параллельных текстах типологически релевантной категории «просто» перфекта и категории терминатива / «ямитива»; показано, что эта корреляция далеко не абсолютная, но, в то же время, манифестанты категории «просто» перфекта в различных языках также не всегда коррелируют друг с другом в своих употреблениях; в этой перспективе нам кажется полностью оправданным рассмотрение терминатива как специфического варианта перфекта.

[3] Как указывает И. С. Аксенова, в традиционной бантуистике для обозначения этой частотной в данной языковой семье категории часто используется термин «усиленный перфект».

Отметим, что в конкретных употреблениях собственно терминативный компонент семантики рассматриваемой категории — как в материале сусу, так и, по-видимому, в других языках, где эта категория представлена, — может быть как в фокусе внимания говорящего, так и не играть существенной роли. В частности, в предложении (1), для которого представлен подробный контекст, существенно, что приезд вождя совершился ранее точки ожидания (что и делает необходимым присутствие наречия *уже* в русском переводе); напротив, предложение (2), по крайней мере, вне специального контекста, не подразумевает специального противоречия ожиданиям говорящего или слушающего, а только сообщает о том, что ситуация имела место до точки отсчета (каковой является момент речи). Фактически в имеющемся материале много чаще представлены примеры без специального акцента на терминативном компоненте, что, однако, естественно связать со спецификой корпуса данных.

(1) [Говорящий только что видел, что приехал вождь (раньше, чем его ждали)]
mɛngɛ *bara* *fa*[4]
вождь TRMN приезжать
‘Вождь уже приехал’. (TMAQ 153)[5]

(2) *a* *bara* *siga*
3SG TRMN уходить
‘Он (уже || только что) ушел’. [Friedländer 1974: 34]

---

[4] Как и почти все прочие языки манде, язык сусу является языком с фонологическими тональными различиями; на фоне многих других языков манде тональная система сусу является умеренной, поскольку он различает только высокий и низкий тоны, причем тонами различаются лексические, но не грамматические единицы. Тем не менее, в приводимых в статье примерах тоны не отмечены, потому что массив примеров из разнородных источников имеет противоречивую тонировку, а в то же время указание на лексические тоны не релевантно для обсуждаемой проблематики.

[5] Примеры, не имеющие ссылок на источник, получены от информанта. Если при таком примере представлено в круглых скобках сокращение типа (TMAQ X), то данный пример представляет собой перевод на сусу предложения номер X из уже упомянутой анкеты TMAQ из [Dahl 1985].

1.3. Глагольная система сусу

Прежде чем переходить к употреблению показателя терминатива, дадим краткую справку о глагольной системе сусу. Более подробно, с примерами употребления глагольных форм, данная информация суммирована в публикации [Плунгян, Урманчиева 2006], а еще бóльшая детализация (но с использованием традиционного описательного аппарата) может быть найдена в грамматиках [Houis 1963] и [Touré 1994].

Простое предложение имеет в языке сусу, как и в других языках манде, жесткий типологически нетривиальный порядок слов и может быть задано структурной схемой (i), где S, O и V соответствуют общеупотребительным ярлыкам для субъекта, объекта и глагола, X — любым прочим синтаксическим составляющим, а Aux и -suf — позициям, в которых могут быть представлены показатели, использующиеся для выражения модально-видо-временных значений. Показатели, занимающие позицию Aux, и показатели, занимающие позицию -suf, находятся в дополнительном распределении; для показателей группы Aux очевидно, что они являются аналитическими, а показатели группы -suf мы, ориентируясь на работы предшественников, рассматриваем как суффиксальные, хотя необходимо отметить и некоторую условность этого решения.

(i) S Aux O V(-suf) X

Перечислим показатели, представленные в глагольной системе сусу, с краткой характеристикой их употребления[6].

1. Фактатив (нулевой показатель) используется для выражения законченной ситуации в прошлом или длящейся ситуации в настоящем, причем эти две возможности распределены лексически в зависимости от семантики глагола. В отличие от многих языков (в том числе западноафриканского ареала), в которых представлена категория фактатива, в сусу фактатив не является

[6] Следуя распространенной конвенции, предложенной в [Comrie 1976], для ярлыков, приписываемых конкретным граммемам языка сусу, мы используем написание с прописной буквы, а для типологически релевантных категорий — со строчной. В то же время, выбирая ярлыки, мы по возможности используем как можно более близкие типологически релевантные термины — в частности, избегая терминов, используемых в [Houis 1963] и [Touré 1994].

«дефолтной» наиболее частотной формой, а употребляется редко и фактически находится на периферии глагольной системы (см. подробнее в разделе 4.2).

2. Прогрессив (суффиксальный показатель *-fe* или, как более архаичный вариант, конструкция из копулы *na*, занимающей позицию аналитического маркера, и формы с суффиксальным показателем *-fe*) выражает единичную длящуюся ситуацию, одновременную моменту речи (или, в сочетании с Ретроспективом, одновременную точке отсчета в прошлом).

3. Хабитуалис-Футурум (суффикс *-ma*) выражает регулярно повторяющуюся ситуацию в настоящем или прошедшем или единичную ситуацию в будущем.

4. Ассертив (суффикс *-nɛ*) описывает завершенную и коммуникативно выделенную ситуациию в прошлом (либо, в сочетании с Хабитуалисом-Футурумом, в будущем).

5. Перфект (суффикс *-xi*) используется для обозначения ситуации, сохраняющей релевантность, или длящегося состояния (подробнее см. раздел 2).

6. Терминатив (аналитический показатель *bara*) обозначает сохраняющую ситуацию, определенная фаза которой наступила ранее (ожидаемой) точки отсчета (подробнее см. раздел 2).

7. Ретроспектив (аналитический показатель *nu*) обозначает ситуацию в прошлом, в том числе в сочетании с другим видовременным показателем.

8. Консекутив (аналитический показатель *naxa*) обозначает ситуацию, следующую за другой ситуацией, выраженной употребленной ранее глагольной формой.

9. Конъюнктив-Оптатив (аналитический показатель *xa*) употребляется в некоторых зависимых предикациях, а также со значением желания говорящего.

10. Темпоралис (аналитический показатель *to*) употребляется в зависимых предикациях, являющихся обстоятельственными предложениями времени.

11. Императив (нулевой показатель) имеет значение побуждения к действию.

12. Прохибитив — Отрицательный оптатив (аналитический показатель *nama*) имеет функцию запрета или значение отрицательного желания говорящего.

13. Отрицание (аналитический показатель *mu*) имеет отрицательное значение.

Перечисленные показатели в основном не сочетаются друг с другом и образуют единый парадигматический ряд. В то же время есть исключения: Ассертив способен сочетаться с Хабитуалисом-Футурумом и Перфектом, а Ретроспектив, Темпоралис и Отрицание сочетаются с многими элементами парадигмы.

Основным предметом рассмотрения в настоящей статье является показатель Терминатива, но в разделе 2 мы сравним его употребление с употреблением семантически близкого ему показателя Перфекта, а в разделе 4.2 — с употреблением Фактатива. Информация о прочих показателях приведена лишь в качестве фоновой.

2. Перфектные категории сусу — Перфект и Терминатив

2.1. Собственно перфектные употребления

В глагольной системе сусу представлены две формы, семантика которых может быть описана как перфектная в широком смысле слова — Терминатив с показателем *bara* и Перфект с показателем *-xi*. Обе они описывают ситуацию, релевантную в точке отсчета (которой, по умолчанию, является момент речи), а потому остро встает проблема их дистрибуции; некоторые сведения о ней представлены в настоящем разделе.

Если обратиться к данным анкеты Э. Даля [Dahl 1985] и предлагаемому в той же работе способу интерпретировать эти данные, то на «звание» манифестанта типологически релевантной категории перфекта в языке сусу претендует Терминатив. В Таблице 1 приведены номера контекстов из указанной анкеты, в которых были употреблены рассматриваемые показатели. В Таблице 2, для сравнения, приводится (в русифицированной версии) набор контекстов, которые, согласно Э. Далю, являются прототипическими для перфекта.

Таблица 1. Употребление Перфекта и Терминатива в сусу в анкете Э. Даля

Терминатив (*bara*) TMAQ 37, 39, **42**, 43, 44, 48, **53**, **54**, 55, **56**, 57, **64**, 66, **67**, 68, 69, 107, 108, 120, 125, 126, 135, **136**, 138, **139**, 149, 153
Перфект (*-xí*) TMAQ 58, 60, 85, 115, 116, 122, 127, 128, 129, 130, 133, **134**, 147

Таблица 2. Прототипические употребления перфекта
по [Dahl 1985: 131–132]

TMAQ 53 [Я хочу дать твоему брату почитать одну книгу, но не знаю какую. Он читал какую-нибудь из этих книг?] (Да,) он ЧИТАТЬ[7] эту книгу. TMAQ 54 [Мне кажется, что твой брат никогда не дочитывает книгу до конца.] (Неправда.) Он ЧИТАТЬ эту книгу (целиком). TMAQ 56 [Вождь еще жив?] (Нет,) он УМИРАТЬ. TMAQ 42 Ты когда-нибудь (в течение жизни) ВСТРЕЧАТЬСЯ с моим братом? TMAQ 64 [Ребенок: Можно мне идти? — Мать:] Ты ЧИСТИТЬ зубы? TMAQ 67 [Что ты узнал, когда пришел вчера в город?] Вождь УМИРАТЬ. TMAQ 136 [Говорит человек, который слышал, что приехал вождь, которого давно ждали, но не видел своими глазами:] (Ты слышал новости?) Вождь ПРИЕЗЖАТЬ. TMAQ 139 Когда я вчера ПРИХОДИТЬ домой, мой брат уже ПИСАТЬ два письма (вот что он сделал за время моего отсутствия) TMAQ 134 [Говорит человек, который слышал, что неожиданно приехал вождь но не видел своими глазами:] (Ты слышал новости?) Вождь ПРИЕЗЖАТЬ.

Как можно видеть, подавляющее большинство (8 из 9) прототипических перфектных контекстов по [Dahl 1985] берет на себя в сусу именно форма Терминатива. В примерах (3)–(8) приводятся основные иллюстрации.

(3) *a* *bara* *yi* *kitabui* *xaran*
3SG TRMN этот книга читать
‘Он читал эту книгу’. (TMAQ 53-54)

[7] В TMAQ все глагольные формы даются в инфинитиве заглавными буквами, чтобы форма языка-посредника не повлияла на перевод.

(4) [Вождь еще жив?]
a *bara* *faxa*
3SG TRMN умирать
‘(Нет,) он умер’. (TMAQ 56)

(5) *i* *bara* *n* *tara* *to* *nun?*
2SG TRMN 1SG старший_сиблинг видеть EMPH
‘Ты когда-нибудь (в течение жизни) встречался с моим братом?’ (TMAQ 42)

(6) [Ребенок: Можно мне идти? Мама:]
i *bara* *i* *ɲinyi* *ma-xa?*
2SG TRMN 2SG зуб PLUR-мыть
‘Ты почистил зубы?’ (TMAQ 64)

(7) [Что ты узнал, когда пришел вчера в город?]
mɛngɛ *bara* *faxa*
вождь TRMN умирать
‘Вождь умер’. (TMAQ 67)

(8) [а. Вождя давно ждали. Говорящий только что его видел и сообщает:] (TMAQ 135)
[б. Человек, который слышал о случившемся, но не видел своими глазами:] (TMAQ 136)
mɛngɛ *bara* *fa*
вождь TRMN приходить
‘Вождь приехал’.

Форма Перфекта сусу засвидетельствована в материале только в одном прототипическом контексте перфекта (9b)[8], но представлена (иногда наряду с другими возможностями) в других контекстах TMAQ, которые имеют очевидную перфектную се-

[8] Отметим, что контексты анкеты Э. Даля, отраженные в (9) и в (8), очень близки — предполагаемое в анкете семантическое различие, лежащее в сфере эвиденциальности и адмиративности, по-видимому, совсем не релевантно для рассматриваемых форм, как и для глагольной системы сусу в целом. Мы не можем исключать, что, таким образом, употребление именно Результатива-Перфекта в (9b) и именно Терминатива в (8) является артефактом наших данных.

мантику. И в (10b), и в (11) описывается завершенная ситуация в прошлом, релевантная для точки отсчета в настоящем.

(9) [а. Говорящий только что видел, что приехал вождь, и говорит тому, кто этого не ожидал: — Ты слышал новости?] (TMAQ 133)

б. Человек, который слышал о случившемся, но не видел своими глазами:] (TMAQ 134)

(9a) *mɛngɛ* *fa-nɛ*
вождь приходить-ASS
‘Вождь приехал (и, может, уже уехал)’.

(9b) *mɛngɛ* ***fa-xi***
вождь приходить-PRF
‘Вождь приехал (и находится здесь)’.

(9c) *mɛngɛ* *fa*
вождь приходить.FAC
‘Вождь приехал’. [нейтрально]

(10) [Говорящий видит разбитую чашку и сердится:] (TMAQ 127)

(10a) *nde* *pɔti* *bɔ?*
INDF чашка ломать.FAC
‘Кто разбил чашку?’

(10b) *nde* *pɔti* ***bɔ-xi****?*
INDF чашка ломать-PRF
‘Кто разбил чашку?’

(11) [Как ты думаешь, вождь сейчас ляжет спать?]
a *tagan-xi*
3SG уставать-PRF
‘(Да,) он устал’. (TMAQ 58)

С одной стороны, Терминатив и Перфект далеко не взаимозаменимы в перфектных контекстах. Так, например, в (12) может быть употреблена только форма Терминатива (12a), тогда как форма Перфекта в этом контексте неприемлема (12b).

Отчасти такого рода различия сопряжены с акциональными свойствами глаголов, что подробнее показано в разделе 3. В то же время представлены и эквивалентные по структуре и близкие лексическому наполнению контексты, в которых засвидетельствованы и форма Терминатива, как в (13), и форма Перфекта, как в (14); мы подразумеваем, что в (13), в отличие от (14), представлен не отраженный в переводах терминативный семантический компонент, но такое утверждение трудно верифицировать.

(12) [Почему так холодно в комнате?]

(12a) *n* *bara* *wundari* *rabi*[9]
1SG TRMN окно открывать
‘Я открыл окно (и оно сейчас открыто)’. (TMAQ 69)

(12b) *#n* *wundari* *rabi-xi*
я окно открывать-PRF

(13) *dime-e* *bara* *fa* *bere-de*
ребенок-PL TRMN приходить играть-INF
tandee *ma*
двор к
‘Дети пришли играть во дворе’. [Touré 1994: 301]

(14) *mixi-ye* *fa-xi* *sali-de* *i*
человек-PL приходить-PRF молиться-INF 2SG
xa *gbuntunyi* *ra*
POSS веранда с
‘Люди пришли молиться на твоей веранде’.
[Touré 1994: 301]

[9] В сусу представлены два широкоупотребительных глагольных префикса — имеющий широкое значение глагольной множественности префикс *ma-* и имеющий аппликативное и каузативное значение префикс *ra-* (см. подробнее [Shluinsky 2014]). В настоящей работе мы отделяем эти префиксы при поморфемном глоссировании, когда засвидетельствовано самостоятельное употребление мотивирующей основы, и не отделяем, когда префикс может быть выделен только из структурно-этимологических соображений.

2.2. Перфектные употребления со смещенной точкой отсчета

Помимо собственно перфектных употреблений (включающих терминативную семантику), в которых релевантность ситуации отсчитывается от момента речи, у Терминатива сусу представлены употребления со смещенной точкой отсчета.

Одним способом задать смещенную точку отсчета является полипредикативная конструкция, причем то, как именно соотносятся синтаксически предикация, содержащая форму Терминатива, и предикация, задающая точку отсчета, не имеет значения. Так, в (15) Терминатив находится в главной предикации, а в зависимая, представляющая собой обстоятельственное предложение времени, указывает на момент времени, до которого событие будет завершено. В (16), напротив, Терминатив употреблен в зависимой предикации со значением времени, в которой подчеркивается, что на момент осуществления ситуации, описываемой главной предикацией, ситуация, выраженная зависимой предикацией, уже завершена. Наконец, в (17) и предикация, вводящая точку отсчета, и предикация, содержащая показатель Терминатива, являются зависимыми от третьей предикации. Заметим, что ни в одном из этих примеров ни одна из предикаций не содержит прямого указания на временну́ю референцию. Так, в (16) и (17) употреблен показатель Консекутива, опосредованно привязывающий соответствующие события к прошлому как следующие за упомянутыми ранее в тексте событиями в прошлом; в (15) временна́я референция к будущему и вовсе задается лишь контекстом.

(15) [Слушающий должен уйти]
benun *i* *ra-gbilen,*
перед_тем_как 2SG APPL-возвращаться
n *bara* *kɛdi* *sɛbɛ*
1SG TRMN бумага писать
‘Когда ты вернешься, я уже напишу письмо’. (TMAQ 107)

(16) *a* *to* *bara* *a* *maŋaxun,* *a*
3SG TEMP TRMN 3SG думать 3SG
naxa *yi* *sigi* *sa*
CONS этот песня класть
‘Когда он об этом подумал, он стал петь так…’
[Виноградов, Фофана 1997: 270]

(17) *a* *to* *gbilen,* *a* *naxa*
3SG TEMP возвращаться 3SG CONS
a *li,* *si* *bara* *bira*
3SG находить козел TRMN падать
bora, *a* *bara* *a* *ma-laxatan*
грязь 3SG TRMN 3SG PLUR-пачкать
‘Когда она вернулась, она обнаружила, что козел упал в грязь, испачкался’. [Фофана 1992: 212].

Другим способом задать смещенную точку отсчета — в данном случае только в прошлом — является сочетание показателя Терминатива с показателем Ретроспектива, как в (18)-(19). Очевидно, и само употребление Ретроспектива ориентировано на смещенную точку отсчета в прошлом, заданную более широким контекстом, но в самом сочетании Ретроспектива с Терминативом, мы наблюдаем стандартное взаимодействие Ретроспектива с другими показателями: Терминатив полностью сохраняет собственную семантику, а Ретроспектив смещает его точку отсчета.

(18) *a* *nu* *na* *a* *nande* *nan* *yi* *ra*
3SG RETR COP 3SG мачеха FOC этот с
a *nga* *tan* *nu* *bara* *faxa*
3SG мать FOC RETR TRMN умирать
‘Она жила со своей мачехой, ее мать-то уже умерла’.
[Виноградов, Фофана 1997: 269]

(19) [Ты застал своего брата дома?]
a *bara* *nu* *mini*
3SG TRMN RETR выходить
‘(Нет,) он ушел (до того как я пришел)’. (TMAQ 89, 90)

В отличие от Терминатива, для Перфекта употребления со смещенной точкой отсчета в материале практически не представлены.

2.3. Дуративные употребления

Во всех рассмотренных выше примерах форма Терминатива с аспектуальной точки зрения имела семантику перфективного видового ракурса, то есть вводила не длящуюся фазу ситуации, наблюдаемую в некоторый момент времени, а завершенную ситуацию в целом. Но, хотя перфективный ракурс действительно наиболее характерен для этой формы, существенную часть ее

употреблений составляют и обусловленные акциональными свойствами глагола дуративные употребления, где она имеет имперфективный ракурс, то есть описывает длящуюся ситуацию, синхронную точке отсчета (вне специальных условий — моменту речи)[10]. В (20)-(21) приведены примеры такого рода.

(20) *n* *tara* *bara* *a* *kolon,*
1SG старший_сиблинг TRMN 3SG знать
a *ye* *xinbeli*
COMP вода быть_холодным
‘Мой брат чувствует, что вода холодная’. (TMAQ 120)

(21) *n* *bara* *gaxo* *bare* *yara*
1SG TRMN бояться собака перед
‘Я (в данный момент) боюсь собаки’.

Интуиция, согласно которой в примерах типа (20)–(21), в отличие, например, от (1)–(2), аспектуальная интерпретация имперфективная, а временна́я референция — к настоящему, а не к прошедшему, подтверждается и при помощи классического теста на предельность из [Vendler 1957], проверяющему сочетаемость видо-временной формы определенного глагола с обстоятельствами типа ‘за время X’ / ‘в течение времени X’. В сусу оба эти значения — как ‘за’, так и ‘в течение’, выражаются беспослеложной количественной группой, но дают очевидный семантический контраст. С частью глаголов с показателем *bara* такое обстоятельство имеет значение ‘за’, квантифицирует ситуацию в прошлом и характеризует всё время ее совершения, как в (22), тогда как с другой частью глаголов такое обстоятельство имее значение ‘в течение’, квантифицирует ситуацию в настоящем и характеризует только тот срок, в течение которого на момент точки отсчета уже имела место длящаяся фаза ситуации, как в (23).

(22) *n* *tara* *bara* *nadɛɛ* *rabi*
1SG старший_сиблинг TRMN дверь открывать
militi *firin*
минута два
‘Мой брат открыл дверь за две минуты’.

[10] В рамках настоящей работы мы включаем в число дуративных употреблений все те, в которых имеющая длительность фаза ситуации рассматривается изнутри, то есть, частности, и процессы, и состояния.

(23) *n* *bara* *wa* *militi* *fìrin*
1SG TRMN плакать минута два
‘Я пла́чу уже две минуты’.

К дуративным употреблениям Терминатива с референцией к длящейся ситуации в настоящем примыкает его специфическое употребление в перформативных высказываниях — высказываниях[11], выражающих действие, состоящее в произнесении самого́ высказывания. Так, в (24), где употреблен показатель *bara*, описывается ситуация ‘давать имя / нарекать’, которая, собственно, состоит в произнесении этого предложения.

(24) *n* *bara* *yi* *di* *yɔre* *xili*
1SG TRMN этот ребенок маленький имя
fì *n* *tara* *ma*
дать 1SG старший_сиблинг к
‘Я даю этому ребенку имя моего старшего брата’.

Форма Перфекта с глаголами некоторых акциональных классов также имеет дуративные употребления и описывает с ними длящуюся в точке отсчета фазу ситуации, как в (25).

(25) [Что твой брат сейчас делает? (= Чем он сейчас занят?)]
a *dɔxɔ-xi* *gbɔnyi* *ma,*
3SG сидеть-PRF стул к
a *buki* *xaran-fè*
3SG книга читать-PROG
‘Он сидит на стуле и читает книгу’. (TMAQ 85)

Употребления Перфекта, как в (25), контрастируют с формой Прогрессива, образованной от тех же глаголов. Если Перфект используется для выражения синхронной точке отсчета фазе длящегося состояния (26a), то Прогрессив — для выражения синхронной точке отсчета фазе длящегося подготовительного процесса, завершение которого приводит к этому состоянию (26b). Это позволяет интерпретировать употребления типа (25) / (26a) как результативные, поскольку выраженная в них

[11] Употребление показателя перфектной семантической зоны в перформативных высказываниях имеет типологические параллели — перфект в перформативах в языке хауса, см. [Щеглов 1970: 51].

стативная фаза является результирующей по отношению к фазе, выраженной в (26b), хотя интуитивно такие употребления скорее выражают «естественное состояние» (в терминах [Недялков, Яхонтов 1983]).

(26a) *n* *dɔxɔ-xi*
1SG сидеть-PRF
‘Я сижу’.

(26b) *n* *dɔxɔ-fe*
1SG сидеть-PROG
‘Я сажусь’.

3. Терминатив и акциональная классификация глаголов

Как было сказано, распределение перфектных и дуративных употреблений как Терминатива, так и Перфекта имеет лексический характер и определяется акциональным значением конкретной глагольной лексемы.

Акциональным классом[12] мы называем семантическую характеристику глагольной лексемы (или, точнее, глагольной лексемы с заполненными аргументными позициями), релевантную для ее взаимодействия с семантикой аспектуальных грамматических категорий (в первую очередь — «собственно вида», т. е. категории, противопоставляющей перфективное и имперфективное значения, или «ракурсы»). Частное значение конкретной аспектуальной формы конкретного глагола является результатом взаимодействия двух независимых семантических единиц: аспектуальной семантики глагольной грамматической категории и акционального значения глагола. Глаголы, имеющие одно и то же акциональное значение и, таким образом, одинаково взаимодействующие со значениями аспектуальных категорий, составляют единый акциональный класс. Базовая акциональная классификация была, как известно, предложена на материале английского языка в [Vendler 1957], но в

[12] В силу того, что понятия акциональности глагола, акционального класса и акциональной классификации достаточно активно обсуждаются в литературе в последнее время, в настоящей работе мы опускаем как перечисление альтернативных терминов для обозначения этого явления, так и обширную библиографию по данной проблематике.

настоящее время ясно, что в целом как состав акциональных классов, так и принадлежность к ним глаголов с конкретными лексическими значениями варьируют от языка к языку. Возможная методика эмпирического описания акциональной классификации релеватной для глагольной лексики конкретного языка была предложена в [Tatevosov 2002] / [Татевосов 2005]; ниже мы содержательно в существенной мере опираемся на эту методику.

Мы исходим из того, что в семантике каждой глагольной лексемы задана ее акциональная структура — последовательность имеющих длительность стативных фаз (состояний) или динамических фаз (процессов) и точечных кульминационных фаз, завершающих динамические фазы или/и начинающих стативные или и динамические. Определенная видо-временная форма глагола вычленяет из его акциональной структуры определенную фазу; видо-временная форма, имеющая перфективный видовой ракурс, вводит эту фазу целиком, а видо-временная форма, имеющая имперфективный видовой ракурс, рассматривает ее изнутри как длящуюся; в силу этого имперфективный видовой ракурс может сочетаться только с фазами, имеющими длительность, а перфективный видовой ракурс принципиально сочетается с фазами обоих типов, хотя предпочитает точечные фазы; перфективный ракурс не может сочетаться с временнóй референцией к настоящему (и шире, с референцией, синхронной некоторой точке отсчета), тогда как имперфективный ракурс возможен с любой временнóй референцией относительно любой точки отсчета. Видо-временные формы могут как иметь с любой глагольной лексемой единственный перфективный или имперфективный видовой ракурс, так и вариативный, зависящий от лексических свойств глагола. Терминатив и Перфект в сусу, как было показано в 2.3, представляют собой именно такой случай, а в разделе 4 эта возможность будет рассмотрена в более широкой перспективе.

Ниже мы, не претендуя на полное описание акциональной классификации глаголов в языке сусу, охарактеризуем пять акциональных классов, релевантных для аспектуальной интерпретации Терминатива и частично Перфекта. Как было сказано выше, мы говорим о перфектных vs. дуративных употреблениях этих форм, имея в виду их семантику в целом, но здесь можно сосредоточиться на различии перфективного vs. имперфектив-

ного видовых ракурсов, которые сопряжены с этим более широким семантическим различием.

3.1. Предельные глаголы

Акциональная структура предельных глаголов включает имеющую длительность фазу процесса и следующую за ней точку кульминации, в которой процесс достигает своего естественного предела. С предельными глаголами Терминатив имеет перфективный ракурс и описывает завершающую точечную фазу, как видно в (27)–(30).

(27) *n* *bara* *yi* *kitabui* *xaran*
1SG TRMN этот книга читать
‘Я прочитал эту книгу’.

(28) *a* *xa* *banxi* *bara* *dun* *xoro*
3SG POSS дом TRMN гореть вчера
‘Его дом сгорел вчера’. [Houis 1963: 58]

(29) *soge* *bara* *dula*
солнце TRMN исчезать
‘Солнце ушло’. [Houis 1963: 72]

(30) *banani* *bara* *mɔ*
банан TRMN соревать
‘Банан созрел’. [Фофана 1992: 36]

3.2. Непредельные динамические глаголы

Непредельные динамические глаголы содержат в своей акциональной структуре единственную фазу — имеющую длительность фазу процесса. С глаголами данного класса Терминатив также имеет перфективный ракурс и описывает завершенный в прошлом процесс, как в (31)–(35).

(31) *a* *bara* *sɔnxɔ*
3SG TRMN кричать
‘Он крикнул’.

(32) *a* *bara* *fode* *bɔnbɔ*
3SG TRMN Фоде бить
‘Он побил Фоде’. [Touré 1994: 37]

(33) *i* *tan* *nan* *bara* *e* *ma-fɛ̀n*
2SG FOC FOC TRMN 3PL PLUR-искать
‘Это ты их искал[13]’. [Houis 1963: 72]

(34) *ali* *bara* *tugan*
Али TRMN прыгать
‘Али прыгал’. [Фофана 1992: 38]

(35) *n* *bara* *sali*
1SG TRMN молиться
‘Я молился’. [Фофана 1992: 67]

3.3. Ингрессивные глаголы

Акциональная структура ингрессивных глаголов содержит точечную кульминационную ингрессивную фазу, соответствующую началу процесса, и результирующую имеющую длительность динамическую фазу, описывающую сам этот процесс. Терминатив имеет с ингрессивными глаголами имперфективный ракурс и описывает длящийся процесс в настоящем, как в (36a) и (37). Точечная ингрессивная фаза выражается у глаголов этого класса формой Перфекта, который, таким образом, имеет с ними перфективный ракурс, как в (36b).

(36a) *yɛ* *bara* *satun* *militi* *mɔxɔ̀ɲɛn*
вода TRMN кипеть минута двадцать
‘Вода кипит уже двадцать минут’.

(36b) *yɛ* *satun-xi-nɛ* *militi* *mɔxɔ̀ɲɛn*
вода кипеть-PRF-ASS минута двадцать
‘Вода закипела за двадцать минут’.

(37) *mixi* *bara* *xi* *naxan* *fa*
человек TRMN спать REL приходить
‘Человек, который пришел, спит’. [Фофана 1992: 187]

[13] В (33)–(35) мы переводим Терминатив сусу русскими глаголами несовершенного вида, имея в виду его так называемое общефактическое значение, которое, как известно, используется для выражения перфективного ракурса.

3.4. Инцептивные глаголы

В акциональной структуре инцептивных глаголов представлены сходные фазы — точечная кульминационная инцептивная, соответствующая началу состояния, и результирующая имеющая длительность стативная фаза, соответствующая самому этому состоянию. С инцептивными глаголами Терминатив имеет перфективный ракурс и вводит точечную инцептивную фазу, как в (38), (39a), (40a), (41a). Длящаяся стативная фаза выражается у этих глаголов формой Перфекта, который, таким образом, имеет с ними имперфективный ракурс, как в (39b), (40b), (41b).

(38) *a* *bara* *a* *nga* *to*
3SG TRMN 3SG мать видеть
'Он увидел свою мать'. [Houis 1963: 13]

(39a) *n* *bara* *sa* *sade* *ma* *militi* *firin*
1SG TRMN лежать кровать к минута два
'Я лег на кровать за две минуты'.

(39b) *n* *sa-xi* *sade* *ma*
1SG лежать-PRF кровать к
'Я лежу на кровати'.

(40a) *ali* *bara* *fura*
Али TRMN болеть
'Али заболел'.

(40b) *a* *nu* *fura-xi-nɛ*
3SG RETR болеть-PRF-ASS
'Он был болен'. [Фофана 1992: 30]

(41a) *yi* *donma* *bara* *nɔxɔ*
этот рубашка TRMN быть_грязным
'Эта рубашка испачкалась'.

(41b) *yi* *donma* *nɔxɔ-xi*
этот рубашка быть_грязным-PRF
'Эта рубашка грязная'. [Фофана 1992: 36]

3.5. Стативные глаголы

Стативные глаголы имеют в акциональной структуре единственную фазу — имеющую длительность фазу состояния. Со

стативными глаголами Терминатив имеет имперфективный ракурс и выражает эту единственную фазу как длящуюся (42)–(43), (44a). Несмотря на то, что инцептивная точечная фаза отсутствует в акциональной структуре этих глаголов, Терминатив ясно сохраняет с ними терминативный семантический компонент — так, в (44a) нашим информантом был предложен подходящий контекст для употребления данной формы, в котором естественно указание на то, что длящаяся стативная ситуация *уже* наступила, тогда как в (44b), где употреблена форма Прогрессива, также вводящая ту же единственную длящуюся стативную фазу, такого компонента нет. Стативные глаголы характеризуются тем, что форма Перфекта с ними затруднена, ср. (44c).

(42) *fatu* *bara* *furu*
Фату TRMN быть_беременным
‘Фату беременна’. [Фофана 1992: 30]

(43) *ali* *bara* *fori*
Али TRMN быть_старым
‘Али старый’. [Фофана 1992: 31]

(44a) *n* *bɛlɛxɛ* *bara* *n* *xɔnɔ*
1SG рука TRMN 1SG болеть
‘У меня уже рука болит {например, после долгого бросания мяча}’.

(44b) *n* *bɛlɛxɛ* *na* *n* *xɔnɔ-fe*
1SG рука COP 1SG болеть-PROG
‘У меня болит рука’.

(44c) ??*n* *bɛlɛxɛ* *n* *xɔnɔ-xi*
1SG рука 1SG болеть-PRF

Таким образом, при рассмотрении сочетания Терминатива сусу с глаголами пяти основных акциональных классов обнаруживается, что с тремя из них — предельными, непредельными динамическими и инцептивными — Терминатив имеет перфективный видовой ракурс и перфектное употребление, а с двумя — ингрессивными и стативными — имперфективный видовой ракурс и дуративное употребление. Распределение акциональных классов между двумя типами видовых ракурсов и употреблений

терминатива нельзя назвать тривиальным: безусловно, совсем неудивительно, что предельные глаголы дают перфективный ракурс, а стативные — имперфективный, но распределение прочих классов не может быть описано ни в терминах динамичности vs. стативности, ни в терминах отсутствия vs. наличия кульминационной точки. Еще более нетривиальный факт представляет собой асимметричное поведение ингрессивных и инцептивных resp. непредельных и стативных глаголов: с глаголами, выражающими непредельные процессы Терминатив имеет имперфективный ракурс, если в акциональной структуре есть инхоативная точечная фаза, а с глаголами, для выражающими состояния, напротив, — если ее нет. Возможным объяснением этих нетривиальных фактов может быть системный фактор — если дуративные употребления Терминатива рассматривать как диахронически более поздние, чем перфектные, то Терминатив заполняет функциональные слоты, в которых не употребляется Перфект: как можно видеть, с ингрессивными и инцептивными глаголами у семантики этих двух форм дополнительное распределение, при этом у Перфекта выбор имперфективного ракурса с инцептивными глаголами и перфективного — с ингрессивными более естествен.

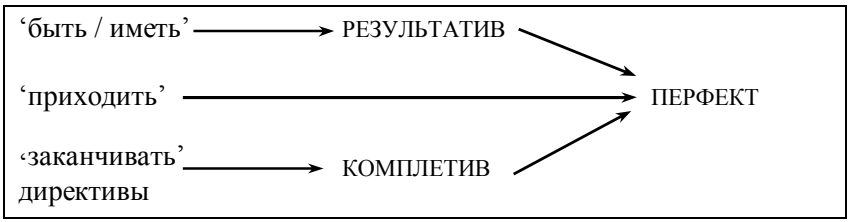
4. Типологическая перспектива и диахроническая интерпретация

4.1. Терминатив и перфект

В [Vydrine 1999] (см. также [Lüpke 2005: 123]) рассматриваемый нами показатель Терминатива сусу *bara* возводится к глаголу со значением ‘заканчивать’. По-видимому, именно такой диахронический источник на данный момент отмечается для всех обсуждаемых в литературе примеров типологически релевантной категории терминатива — так, в [Аксенова 2008: 30–32] по результатам массового обследования лексических источников видовременных показателей в языках банту показано, что терминативы систематически грамматикализуются именно из глаголов со значением ‘заканчивать’. В [Olsson 2013] так же характеризуется происхождение исследуемых в этой работе терминативов языков Юго-Восточной Азии — малайского, тайского, вьетнамского и пекинского китайского.

В то же время хорошо известно, что глаголы со значением ‘заканчивать’ являются одним из наиболее типичных источников грамматикализации перфекта. На Схеме 1 представлен фрагмент семантической карты из [Bybee et al. 1994: 105]; согласно этой работе, есть три основных пути грамматикализации перфекта[14]: из результативных конструкций с глаголами-связками ‘быть’ и ‘иметь’; из глагола ‘приходить’; из комплетива, образующегося на базе глагола ‘заканчивать’ или директивных показателей.

Схема 1. Пути грамматикализации перфекта по [Bybee et al. 1994: 105].



Значение комплетива, промежуточное между лексическим фазовым значением ‘заканчивать’ и типологически релевантным значением перфекта, Дж. Байби и ее соавторы характеризуют как ‘сделать полностью и до конца’ с возможным эмфатическим компонентом, приводя в пример английские сочетания *to shoot someone dead* и *to eat up*. Такое значение у конструкций с глаголами с исходным лексическим значением ‘заканчивать’, действительно, легко может быть обнаружено в языках разной ареальной и генетической принадлежности. Так, например, в языке эве представлены, как в (45a–d), сериальные конструкции с глаголом *vɔ* ‘заканчивать’, который может быть переведен на русский язык собственно как ‘заканчивать’, может быть не отражен в переводе, а может быть учтен при помощи лексических средств. Обратим внимание на то, что данная конструкция в эве никак не может быть охарактеризована как перфект (тем более, сильно грамматикализованный): ее употребления маргинальны и не имеют специального значения актуальности в настоящем.

[14] В [Bybee et al. 1994: 105] и, в частности, в оригинале приводимой семантической карты, типологически релевантная категория перфекта именуется anterior.

ЭВЕ (< КВА)

(45a) *kofi* *klɔ* *e-ŋtɔ* *vɔ*
Кофи мыть 3SG-себя заканчивать
‘Кофи закончил мыться’. [личные данные]

(45b) *kofi* *fo* *ama* *vɔ*
Кофи ударять Ама заканчивать
‘Кофи ударил Аму’. [личные данные]

(45c) *da-nye* *sa* *abolo* *la* *vɔ* *keŋkeŋ*
мать-1SG продавать хлеб DEF заканчивать весь$_{RED}$
‘Моя мать продала весь хлеб’. [Агбоджо 1986: 91]

(45d) *lã̃* *sia-wo* *ku* *vɔ* *keŋ*
животное этот-PL умирать заканчивать весь
‘Эти животные все вымерли’. [Агбоджо 1986: 91]

Возникает вопрос о том, как соотносятся с точки зрения диахронического развития значения комплетива, терминатива и собственно перфекта. Примечательно, что в [Bybee et al. 1994: 61] о семантическом переходе от комплетива к перфекту говорится как о гипотезе, а ясных примеров конкретноязыковых категорий, дистрибуция которых включала бы как употребления со значением ‘полностью / до конца’, так и перфектные употребления нет. В то же время, как было показано в настоящей работе на конкретно-языковом материале сусу, дистрибуция сильно грамматикализованного терминатива существенно пересекается с дистрибуцией перфекта, а терминативный семантический компонент часто бывает не актуализован. Это позволяет предположить, что в пределе именно терминативный семантический компонент может быть утрачен полностью, и, таким образом, именно терминатив, а не комплетив составляет промежуточное звено между фазовым значением ‘заканчивать’ и перфектом.

Еще более нетривиальный вопрос касается дуративных употреблений терминатива с имперфективным ракурсом, которые он имеет с глаголами некоторых акциональных классов. В целом для категории перфекта типологически вполне характерно сосуществование употреблений, в которых в перфективном ракурсе вводится событие в прошлом, актуальное в настоящем, и употреблений, в которых в имперфективном ракурсе вводится

длящееся состояние в настоящем — известно понятие «статального перфекта». Но такого рода полисемия прежде всего ожидаема и легко объяснима для перфекта, возникающего диахронически как развитие результатива. Результатив определяется как категория, выражающая длящееся состояние, синхронное точке отсчета — ср. [Недялков, Яхонтов 1983]. При развитии у результатива перфектных употреблений сохраняются и сосуществуют с ними и результативные, и таким образом, конкретно-языковая категория может выражать и перфективный, и имперфективный ракурс.

Однако такое естественное диахроническое объяснение дуративных употреблений неприменимо к категориям, диахронически восходящим к глаголу со значением ‘заканчивать’: данное фазовое значение, как и значение комплетива, предполагают целиком завершенную ситуацию. При этом случай терминатива в сусу, который имеет дуративные употребления, никак нельзя назвать исключительным. В (46a–b) приведены примеры, показывающие сосуществование перфектных употреблений с дуративными у терминатива аква, но сходная ситуация засвидетельствована и для терминативов в языках Юго-Восточной Азии, рассматриваемых в [Olsson 2013], и для не имеющего терминативного семантического компонента перфекта, восходящего к глаголу со значением ‘заканчиваться’ — такие случаи разбираются в [Bybee et al. 1994: 71–74], наиболее подробно — на примере монкхмерского языка палаунг, также принадлежащего к ареалу Юго-Восточной Азии.

АКВА (банту, бенуэ-конго)

(46a) *Osona* *a-se-to-um-a*
Осона 3SG-TRMN-брать-PASS-NTR
‘Осона уже вышла замуж’. [Аксенова, Топорова 2002: 198]

(46b) *o-ndego* *amba* *bisu* *o-se-seng-a*
CL-дружба POSS 1PL CL-TRMN-длиться-NTR
‘Наша дружба длится уже долго’.
[Аксенова, Топорова 2002: 198]

В [Bybee et al. 1994: 71–74] дуративные употребления перфекта, восходящего к глаголу со значением ‘заканчивать’, интерпретируются как результат генерализации собственно перфектных

употреблений, возникших ранее у глаголов, имеющих в своей акциональной структуре точку кульминации, на всю глагольную лексику, включающую также глаголы, акциональная структура которых содержит только имеющую длительность фазу, в том числе фазу состояния-«качества»[15], характеризующую постоянные свойства объекта. Действительно, предположение о том, что у конструкций, возникающих на основе глагола со значением ‘заканчивать’, первичны дуративные употребления, описывающие длящееся состояние, полностью противоречит интуиции и всякому здравому смыслу; следовательно, единственно возможно вынужденное предположение ad hoc о том, что дуративные употребления развиваются из перфектных (включая терминативные). В то же время очевидно, что сама по себе потребность генерализации категории перфекта на всю глагольную лексику не требует возникновения дуративных употреблений — так, перфект в европейских языках не имеет лексических ограничений и в то же время всегда имеет перфективный ракурс с референцией к прошлому. Следовательно, дуративные употребления перфекта с глаголами какой бы то ни было акциональной структуры никак не следуют автоматически из самого факта, что перфектное значение должно быть генерализовано на всю глагольную лексику, а должны объясняться действием каких-то дополнительных системных факторов. Ниже рассматривается возможный фактор такого рода в глагольной системе сусу.

---

[15] В настоящей работе мы используем термин «качество» в противопоставлении «явлению», заимствованный из известной работы [Булыгина 1982]; для данного понятия используются также термин «предикат индивидного уровня» в противопоставлении «предикату стадиального уровня» (введенный в [Carlson 1977] и с тех пор часто использующийся в формально-семантических работах), а также термин «устойчивое состояние» в противопоставлении «вре́менному состоянию» (в [Падучева 1985]). С одной стороны, семантически «качества» представляют собой разновидность состояний — как и в случае всех прочих состояний, речь идет об имеющей длительность ситуации, протекающей без каких-либо изменений. С другой стороны, «качества» могут быть противопоставлены всем прочим ситуациям («явлениям») вне зависимости от их акциональной структуры, потому что, в отличие от них, составляют постоянную характеристику объекта (индивида), присущую ему в течение всего срока его существования.

4.2. Терминатив в зеркале фактатива

Нефиксированный перфективный vs. имперфективный ракурс у Терминатива в сусу и его связь с временно́й референцией к прошлому vs. к настоящему (которые, как было сказано, обнаруживаются и у других описанных в литературе представителей типологически релевантной категории терминатива), а также выбор видового ракурса и сопряженной с ним временно́й референции в зависимости от акциональной структуры глагола обнаруживают очень яркое сходство с тем, как выбирается видовой ракурс и временна́я референция у представителей типологически релевантной категории фактатива.

Фактативом мы, вслед за [Welmers 1973], называем видо-временную форму, которая имеет перфективную vs. имперфективную аспектуальную интерпретацию и, соответственно, временну́ю референцию к прошлому vs. к настоящему в зависимости от семантических свойств глагольной лексемы. В [Swift, Bohnemeyer 2004] для содержательно сходной категории используется термин «дефолтный вид». В [Шлуинский 2012] предложен типологический обзор фактатива, где, в частности, показано, что фактором, отвечающим за выбор видо-временно́й интерпретации этой категории, является акциональная структура глагола, причем на одном полюсе находятся глаголы «качества», описывающие постоянные свойства объекта, с которыми фактатив всегда имеет имперфективный ракурс, а на другом — предельные глаголы, описывающие динамическую ситуацию, завершающуюся точкой кульминации, с которыми фактатив всегда имеет перфективный ракурс; распределение глаголов с иной акциональной структурой между двумя интерпретациями фактатива составляет разнообразие типологических возможностей. Поскольку, во-первых, именно такое распределение не случайно (для глаголов «качеств» наиболее характерно употребление со значением длящейся ситуации в настоящем, а для предельных глаголов — употребление со значением завершенной ситуации в прошлом), а во-вторых, фактатив не имеет дополнительной семантической нагрузки, эта форма, как правило, оказывается наиболее широкоупотребительной, что часто сопряжено с ее тенденцией к нулевому маркированию. В (47) в качестве примера фактатива приводится нулевая форма в языке девоин; в (47a), в сочетании с предельным глаголом, она описывает завершенное событие в прошлом, а в (47b), в сочетании с глаголом «качества», она описывает длящееся событие в настоящем.

ДЕВОИН (кру)

(47a) *ɔ́* ***pī*** *sāyɛ̀*
он готовить мясо
‘Он приготовил мясо’. [Marchese 1986: 31]

(47b) *ī́* ***bélé*** *bélé*
я иметь полотенце
‘У меня есть полотенце’. [Marchese 1986: 31]

Как ясно из предшествующего изложения, можно легко подобрать для Терминатива сусу пару примеров, сходную с (47). Так, в (48a) представлена данная форма глагола предельного акционального класса, а в (48b) — глагола «качества», относящегося к стативному акциональному классу; в соответствии с тем, что было описано в разделе 3, (48a) имеет референцию к прошлому и описывает завершенное событие, а (48b) имеет референцию к настоящему.

(48a) *tela* *bara* *donma* ***dɛgɛ***
портной TRMN рубашка шить
‘Портной сшил рубашку’. [Фофана 1992: 46]

(48b) *gine-e* *bara* ***fata*** *kurɛ* *ra*
женщина-PL TRMN уметь велосипед с
‘Женщины умеют ездить на велосипеде’. [Фофана 1992: 64]

Таким образом, Терминатив сусу (как и, вероятно, другие терминативы, имеющие дуративные употребления) отличается от фактатива наличием дополнительной, более сложной, терминативной семантики — завершение события или, напротив, его наступление ранее определенного срока, а также его общая актуальность в точке отсчета. «Выветривание» этой семантики, ведущее к превращению терминатива с дуративными употреблениями в фактатив, кажется весьма правдоподобной диахронической перспективой.

Если обратиться к глагольной системе сусу, то, как упоминалось в 1.3, в сусу также есть глагольная форма, которую можно охарактеризовать именно как фактатив: речь идет о морфологически не маркированной форме, которая, в зависимости от акциональной структуры глагола, может выражать завершенную ситуацию в прошлом, как в (49a), и длящуюся ситуацию в настоящем, как в (49b).

(49a) *dime-e* ***siga***
ребенок-PL уходить.FAC
‘Дети ушли’. [Touré 1994: 240]

(49b) *n* ***fata*** *kɛdi* *xaran-de*
1SG уметь.FAC бумага читать-INF
‘Я умею читать’.

Существенное отличие Фактатива сусу от более привычных фактативов других языков (материал которых, в частности, разбирается в [Шлуинский 2012]), связано не с его семантикой, а с узусом: в синхронном состоянии сусу Фактатив вовсе не является наиболее широко употребительной формой, а находится на периферии и мало представлен и в текстах, и в изолированных примерах (в частности, в примерах, полученных при переводе анкеты Э. Даля), потому что вытесняется показателями, имеющими более частную семантику, занимающими соответствующие функциональные ниши. Такой процесс, как известно, абсолютно типичен в целом для грамматических показателей в диахронии — в частности, именно так бывает устроен жизненный цикл форм с перфектным и претериальным значением: перфект вытесняет претерит вначале в перфектных контекстах, подразумевающих актуальность события в прошлом для точки отсчета, а далее и во всех прочих контекстах с референцией к прошлому, теряя таким образом перфектную семантику и становясь новым претеритом (см., в частности, [Bybee et al. 1994: 105]). Если посмотреть на соотношение употреблений Терминатива и Фактатива в сусу, то в базовых случаях оно очень похоже на соотношение перфекта и претерита — Терминатив употребляется в контекстах с референцией к прошлому, предполагающих какую-то актуальность события (в том числе и через его наступление ранее определенного момента), как в (50a), тогда как Фактатив обнаруживается в контекстах с референцией к неактуальному прошлому, как в (50b). Сходное соотношение представлено и в употреблениях Терминатива и Фактатива с референцией к настоящему: в контексте, для которого можно предполагать уместность терминативного семантического компонента (о ситуации уместно сказать, что она *уже* имеет место), употребляется Терминатив, как в (51a), а в контексте, в котором речь идет просто о длящейся ситуации в настоящем, употребляется Фактатив, как в (51b).

(50a) *a* *bara* *faxa*
3SG TRMN умирать
‘Он умер’. [Фофана 1992: 55]

(50b) *a* *faxa* *rakuya*
3SG умирать.FAC давно
‘Он давно умер’. [Фофана 1992: 55]

(51a) *gine-e* *bara* ***fata*** *kurɛ* *ra*
женщина-PL TRMN уметь велосипед с
‘Женщины умеют ездить на велосипеде’.
[Фофана 1992: 64] (=48b)

(51b) *n* ***fata*** *kɛdi* *xaran-de*
1SG уметь.FAC бумага читать-INF
‘Я умею читать’. (=49b)

Можно предположить, что для развития дуративных употреблений у Терминатива сусу мог быть существен системный фактор: диахроническое развитие Терминатива состоит в том, что он постепенно занимает функциональную нишу Фактатива (а не отсутствующего в глагольной системе сусу претерита), а потому берет на себя и те употребления из этой ниши, которые изначально не ожидаются для исходной фазовой семантики окончания действия. Дальнейшие исследования терминативных граммем в других языках могут подтвердить или опровергнуть это предположение: мы ожидаем, что дуративные употребления будут отсутствовать (или будут иметь другое объяснение) у терминативов в языках, видо-временная система которых включает претерит и презенс, но не фактатив.

5. Заключение

В настоящей работе мы рассмотрели употребление глагольной граммемы терминатива (ямитива) в языке сусу — граммемы, принадлежащей к семантической зоне перфекта, но имеющей специфический семантический компонент завершения или наступления ситуации ранее некоторой точки отсчета. Было показано, что, при совпадении точки отсчета с моментом речи, Терминатив сусу имеет два типа употреблений, различающихся видовым ракурсом и временно́й референцией: выражающие за-

вершенную ситуацию перфективные употребления с референцией к прошлому и выражающие длящуюся ситуацию имперфективные употребления с референцией к настоящему. Выбор между этими двумя типами употреблений определяется акциональной структурой глагола (мы рассмотрели основные пять акциональных классов сусу), и в этом отношении Терминатив сусу, как и, по-видимому, терминативные граммемы других языков, очень близок к глагольной граммеме фактатива, также имеющей оба возможных видовых ракурса и соответствующие им временные референции в зависимости от акционального класса глагола. Как и его типологические параллели, Терминатив в языке сусу восходит к глаголу со значением ‘заканчивать’, что, с одной стороны, ставит вопрос о соотношении терминатива с соответствующим путем грамматикализации перфекта, а с другой — о возможных причинах появления дуративных употреблений, не ожидаемых у данного лексического источника. Мы предполагаем, что именно терминатив (а не комплетив, как это предполагалось ранее) может быть промежуточным звеном между фазовым значением окончания действия и собственно значением перфекта. Кроме того, мы предполагаем, что системным фактором, объясняющим появление дуративных употреблений у терминатива (в частности, у Терминатива сусу) является наличие в системе граммемы фактатива, функциональную нишу которой берет на себя терминатив. Оба предположения могут быть впоследствии верифицированы данными других языков с граммемой терминатива.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо, APPL — аппликатив, ASS — ассертив, CL — показатель именного класса, CONS — консекутив, COP — глагольная связка, COMP — подчинительный союз, DEF — показатель определенности, EMPH — показатель эмфазы, FAC — фактатив, FOC — показатель фокуса, INDF — показатель неопределенности, INF — инфинитив, NTR — показатель непереходности, PASS — пассив, PL — мн. число, PLUR — показатель предикатной множественности, POSS — показатель посессивности, PRF — перфект, PROG — прогрессив, REL — показатель относительного предложения, RED — редупликация, RETR — ретроспектив, SG — ед. число, TEMP — темпоралис, TRMN — терминатив.

Литература

Агбоджо 1986 — К. О. Агбоджо. Глагол и предикат в изолирующем языке (на материале языка эве). Дисс. ... к.ф.н. Пятигорск: ПГПИИЯ.

Аксенова 1997 — И. С. Аксенова. Категории вида, времени и наклонения в языках банту. М.: Наука.

Аксенова 2003 — И. С. Аксенова. Глагол в языках банту // В. А. Виноградов, И. Н. Топорова (ред.). Основы африканского языкознания. Глагол. М.: Восточная литература. С. 41–180.

Аксенова 2008 — И. С. Аксенова. Лексические источники показателей вида, времени и модальности в языках банту // В. А. Виноградов (ред.). Основы африканского языкознания. Лексические подсистемы. Словообразование. М.: Academia. С. 13–122.

Аксенова, Топорова 2002 — И. С. Аксенова, И. Н. Топорова. Грамматика языка аква. М.: УРСС.

Булыгина 1982 — Т. В. Булыгина. К построению типологии предикатов в русском языке // О. Н. Селиверстова (ред.). Семантические типы предикатов. М.: Наука.

Виноградов, Фофана 1997 — В. А. Виноградов, М.-С. Фофана. Сказки и пословицы сосо // В. А. Виноградов (ред.). Язык африканского фольклора. Африканская сказка II. М.: Восточная литература. С. 264–276.

Недялков, Яхонтов 1983 — В. П. Недялков, С. Е. Яхонтов. Типология результативных конструкций // В. П. Недялков (ред.). Типология результативных конструкций. Л.: Наука. С. 5–41.

Падучева 1985 — Е. В. Падучева. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М.: Наука.

Плунгян, Урманчиева 2006 — В. А. Плунгян, А. Ю. Урманчиева. К описанию глагольной системы языка сусу (в сопоставлении с джалонке) // Актуальные проблемы африканского языкознания 2005. М.: ИЯз РАН. С. 187–202.

Татевосов 2005 — С. Г. Татевосов. Акциональность: типология и теория // Вопросы языкознания, №1. С. 108–141.

Фофана 1992 — М.-С. Фофана. Синтаксис простого предложения в языке аналитического типа (на материале языка сосо). Дисс. ... к.ф.н. М.: ИЯз РАН.

Шлуинский 2006 — А. Б. Шлуинский. Аспектуальная система языка сусу: взаимодействие показателя *bara* с глагольной лексикой // Международная научная конференция «Востоковедение и африканистика в университетах Санкт-Петербурга России, Европы. Актуальные проблемы и перспективы». Тезисы. СПб.: СПбГУ. С. 369–370.

Шлуинский 2008 — А. Б. Шлуинский. Акциональность глаголов языка сусу и ее взаимодействие с показателем *bara* // Е. И. Зеленев и др.

(ред.). Востоковедение и африканистика в университетах Санкт-Петербурга, России и Европы: Международная научная конференция 4-6 апреля 2006 г. Доклады и материалы. СПб.: Изд-во СПбГУ. С. 413–427.

Шлуинский 2012 — А. Б. Шлуинский. Фактатив и смежные категории: опыт типологии // Acta Linguistica Petropolitana (Труды Института лингвистических исследователей РАН), VIII(2). СПб.: Нестор-история. С. 950–996.

Щеглов 1970 — Ю. К. Щеглов. Очерк грамматики языка хауса. М.: Наука.

Bohnemeyer, Swift 2004 — J. Bohnemeyer, M. Swift. Event realization and default aspect // Linguistics and Philosophy 27(3). P. 263–296.

Bybee, Perkins, Pagliuca 1994 — J. L. Bybee, R. Perkins, W. Pagliuca. The Evolution of Grammar: Tense, aspect and modality in the languages of the world. Chicago: University of Chicago Press.

Carlson 1977 — G. Carlson. Reference to Kinds in English. Ph.D. diss. Amherst: University of Massachussets.

Comrie 1976 — B. Comrie. Aspect: an introduction to the study of verbal aspect and related problems. Cambridge: Cambridge University Press.

Dahl 1985 — Ö. Dahl. Tense and Aspect Systems. Oxford: Blackwell.

Dahl, Wälchli 2013 — Ö.Dahl, B. Wälchli. Disentangling the variability of the perfect gram type. Paper presented at ALT X, Leipzig, 2013.

Friedländer 1974 — M. Friedländer. Lehrbuch des Susu. Leipzig: Verlag.

Houis 1963 — M. Houis. Étude descriptive de la langue susu. Dakar.

Lüpke 2005 — F. Lüpke. A grammar of Jalonke argument structure. Ph.D. Proefschrift. Nijmegen, Radboud Universiteit.

Marchese 1986 — L. Marchese. Tense/aspect and the development of auxiliaries in Kru languages. Arlington: SIL.

Olsson 2013 — B. Olsson. Iamitives: Perfects in Southeast Asia and beyond. M. A. thesis. Stockholm: Univ. of Stockholm.

Shluinsky 2014 — A. Shluinsky. Verbal prefixes *mà-* and *rà-* in Susu and lexical features of verbal stems // Mandenkan 52.

Tatevosov 2002 — S. Tatevosov. The Parameter of Actionality // Linguistic Typology 6 (3). P. 317–401.

Touré 1994 — A. Touré. Eléments de description de la langue soso. Thèse de doctorat. Grénoble.

Touré 2004 — A. Touré. Parlons soso. Paris: L'Harmattan.

Vendler 1957 — Z. Vendler. Verbs and Times // The Philosophical Review 66(2). P. 143–160.

Vydrine 1999 — V. Vydrine. Manding-English Dictionary. Vol. 1. St. Petersburg: D. Bulanin.

Welmers 1973 — W. E. Welmers. African language structures. Berkeley — Los Angeles — London: University of California press.

И. А. Виноградов

ИЯз РАН, Москва

ПРИЧАСТНЫЕ И ФИНИТНЫЕ ПЕРФЕКТНЫЕ ФОРМЫ В ЯЗЫКАХ МАЙЯ[1]

1. Введение

В лингвистическую семью майя входит 30 языков, на которых говорят около 6,5 миллионов человек в Мексике, Гватемале и Белизе [Lewis et al. 2013]. Центральным звеном глагольной грамматики всех языков майя является единая категория аспекта-модальности-времени (*ТАМ-категория*), объединяющая в себе значения из указанных семантических областей (Tense-Aspect-Mood). Перфект, как аспектуальная грам-мема, в некоторых языках семьи входит в состав ТАМ-категории и в рамках парадигмы её показателей противопоставляется другим граммемам[2]. Показатель ТАМ-категории с синтаксической точки зрения является показателем финитности, и мы будем говорить, что в этом случае перфект выражается финитным способом. Вне зависимости от того, входит ли перфект в число ТАМ-граммем или нет, во всех языках майя перфектное значение может также выражаться причастными формами. Такие формы образуются с помощью специальных суффиксов, обычно различающихся в зависимости от переходности глагола, а иногда и от залога (активного или пассивного). Данная статья посвящена проблеме соотношения финитного и причастного перфекта в языках майя. Семантические особенности майянского перфекта рассматриваются через призму сопоставительного анализа различных языков семьи.

---

[1] Исследование выполнено в рамках проекта РНФ «Диахронически нестабильные аспектуальные категории» № 14-18-02624 (рук. — В. А. Плунгян).

[2] В ТАМ-категорию в языках майя обязательно входят граммемы перфектива и имперфектива (в майянистике они обычно называются *комплетивом* и *инкомплетивом*, соответственно). Кроме них в конкретных языках могут также присутствовать граммемы дуратива, потенциалиса, оптатива и некоторые другие.

Языковая семья майя генетически делится на шесть подгрупп: уастеканскую, юкатеканскую, чоланско-цельталанскую, чухско-канхобаланскую, кичеанскую и мамеанскую[3]. Материалом для анализа в рамках данной статьи послужили оригинальные тексты на языках из всех шести подгрупп: на уастекском (единственном живом языке уастеканской подгруппы), юкатекском (наиболее распространённом языке юкатеканской подгруппы), на цельтале, цоциле, чоле и чорти (все четыре языка принадлежат к чоланско-цельталанской подгруппе), на акатекском, канхобале и чухе (все три языка принадлежат к чухско-канхо-баланской подгруппе), а также на киче и маме (основных языках кичеанской и мамеанской подгрупп, соответственно). Тексты, в основном, взяты из сборников майянских легенд и сказок, опубликованных в Мексике и Гватемале и снабжённых переводом на испанский язык. Некоторые тексты также взяты из приложений к грамматическим описаниям или из научно-популярных журналов, издаваемых на майянских языках и находящихся в свободном доступе в сети Интернет. В ходе исследования также привлекались данные грамматик и некоторых теоретических работ. Материал по языку цоциль, который приводится в данной работе, частично был получен нами в ходе работе с носителями синакантанского диалекта этого языка в штате Чиапас в Мексике в октябре — ноябре 2011 года[4].

Данная статья устроена следующим образом. Первый раздел посвящён морфологическим особенностям перфектных форм в языках майя. Отдельное внимание уделяется этимологии финитных показателей перфекта, которая достаточно разнообразна и варьирует по языкам. Во втором разделе рассматриваются дополнительные способы выражения перфекта, которые в отдель-

---

[3] В русской лингвистической традиции нет общепринятых названий для генетических подгрупп семьи майя. Чоланско-цельталанская и чухско-канхобаланская подгруппы могут более кратко называться *цельталанской* (или *цельтальской*) и *канхобаланской* (или *канхобальской*), соответственно. Кичеанская подгруппа иногда называется *кичейской*, а мамеанская – *мамейской* или *мамийской*.

[4] Экспедиция по сбору цоцильского материала была осуществлена при поддержке Программы Президиума РАН «Корпусная лингвистика». Мы выражаем благодарность Учебно-научному центру по социальной антропологии в городе Сан-Кристобаль-де-лас-Касас (Мексика), а также Роберто Савале, Эладио Матео Толедо и Телме Кан Пишабах.

ных языках сосуществуют с причастными и финитными формами. Так, перфектное значение иногда может быть передано с помощью показателя ирреалиса, показателя перфектива или посредством присоединения специальной энклитики к предикативному элементу или к показателю ТАМ-категории. В третьем разделе исследуется семантика майянского перфекта и выявляются семантические различия между причастными и финитными формами. Проводится параллель между перфектом и проспективом — двумя аспектуальными значениями, выражающими состояния субъекта, — которые, в отличие от других аспектуальных значений в языках майя, имеют тенденцию выражаться причастными формами. В последнем подразделе исследуется использование перфектных форм в нарративном режиме.

2. Морфология и этимология перфектных форм

Прототипическое перфектное значение[5] в языках майя может быть выражено с помощью причастий. Перфектные причастия есть, по-видимому, во всех языках семьи, однако частота их использования по конкретным языкам может значительно варьировать. В языках с финитным перфектом причастный перфект обычно используется значительно реже, чем в языках без финитного перфекта.

Финитные формы перфекта, в отличие от причастных, надёжно фиксируются только в шести языках семьи. Причём языки с финитным перфектом принадлежат к четырём разным генетическим подгруппам. Финитный перфект есть в юкатекском и лакандоне (это языки юкатеканской подгруппы), в уастекском, в кекчи (этот язык принадлежит к кичеанской подгруппе), а также в двух мамеанских языках: маме и теко. Есть некоторые свидетельства в пользу того, что финитный перфект также может быть выделен в кекчи (этот язык принадлежит к кичеанской подгруппе) и некоторых чухско-канхобаланских языках.

[5] Под прототипическим значением перфекта мы понимаем его «результативное» значение [Comrie 1976: 56]: описание события в прошлом, результат которого релевантен в данный момент. Нередко семантика перфектных форм распространяется и на состояние, которое имеет место в данный момент и является результатом прошлого события. Более подробно семантика майянского перфекта рассматривается в разделе 3.

2.1. Морфология перфектных причастий

Причастия образуются с помощью специальных суффиксов, которые различаются в зависимости от переходности глагола. В большинстве современных языков майя суффиксы перфектных причастий восходят к протосуффиксам *-*V:m* и *-*inaq*, которые восстанавливаются в [Robertson 1992: 52] для переходных и непереходных глаголов, соответственно. Именно в таком виде эти суффиксы сохранились, например, в языке киче: (1).

КИЧЕ

(1а) *u-k'aq-**om*** *jun* *u-su't*
3SG.POSS-набрасывать-**PRF** один 3SG.POSS-одежда
chuwi *u-teleb*
PREP 3SG.POSS-плечо
'Одежда была наброшена ей на плечо' [Petrich 1998б: 63]

(1б) *kam-**inaq*** *chi* *ri* *r-amigo* *pa*
умирать-**PRF** PART DEF 3SG.POSS-друг LOC
ri *joron* *cha'*
DEF река QUOT
'Говорят, его друг умер в реке' [Petrich 1998a: 86]

В отличие от киче, в большинстве современных языков суффиксы перфектных причастий претерпели существенные изменения; так, в примерах (2) представлены перфектные причастия в языке цоциль.

ЦОЦИЛЬ

(2а) *k'al* *yul* *x-ch'ulel=e* *s-tuk*
когда приходить.PFV 3.POSS-душа=ENCL 3.POSS-только
xa *s-lap-**oj*** *i* *tsekil=e*
уже 3.POSS-надевать-**PRF** DEF юбка=ENCL
'Когда он проснулся (букв. "пришла его душа"), на нём была надета только юбка' [Laughlin 1977: 49]

(2б) *komo* *lub-**em*** *un=e,* *i-bat*
так.как уставать-**PRF** тогда=ENCL PFV-уходить
x-ch'ulel
3.POSS-душа
'Так как он сильно устал, он уснул' [Laughlin 1977: 63]

От переходных глаголов в некоторых языках могут быть образованы два типа перфектных причастий: активное и пассивное: ср. (2а) и (3), соответственно.

ЦОЦИЛЬ

(3) *ch-al* *mol* *Antun* *ti* *k'us-tik*
IPFV-говорить дон Антонио SUB что-PL.EXT
*al-**bil*** *komel*
говорить-**PRF.PASS** DIR(оставаться)
y-u'un *s-tot* *s-me'=e*
3.POSS-RN(причина) 3.POSS-отец 3.POSS-мать=ENCL
'Дон Антонио рассказывает то, что рассказали ему отец и мать' [ESRAZ: 26]

Необходимо также сделать небольшое оступление, посвящённое синтаксической особенности майянских причастий. Они крайне редко употребляются в атрибутивной функции[6] (4); синтаксически причастия обычно являются вершинами предикации, как в предложениях (1)–(3) выше.

ЦЕЛЬТАЛЬ

(4) *ay=la* *junta* *ta*
EXIST=QUOT встреча PREP
*s-man-**bil*** *k'inal*
3.POSS-покупать-**PRF.PASS** участок
'Говорят, у него встреча на купленном участке'
[Polian 2013: 585]

Достаточно распространённым явлением является, однако, субстантивация некоторых перфектных причастий: (5).

ЧОЛЬ

(5) *mach* *ti* *pejtel-ob-ik* *mi'* *k'ux-ob* *jini*
NEG PREP все-PL-IRR IPFV есть.IPFV-PLDEF
***chäm-eñ**-o'=bä*
умирать-PRF-PL=ENCL
'Они едят не всех мёртвых' [Whittaker, Warkentin 1965: 95]

[6] В цельтале, например, активные причастия от переходных глаголов вообще не могут употребляться в атрибутивной роли [Polian 2013: 169].

Редкое употребление причастий в атрибутивной функции, по-видимому, характерно для подавляющего большинства языков семьи. Тем не менее, даже употребляясь в функции предиката, они сохраняют черты прилагательных: например, в канхобаланских и цельталанских языках при отрицании причастия могут оформляться суффиксом ирреалиса, точно так же, как это делают имена (существительные, прилагательные, числительные, местоимения), но не финитные глагольные формы: ср. примеры (6).

ЦОЦИЛЬ

(6а) ***mu*** *na'-**bil-uk*** *k'uxi* *s-elan* *ta* *xanav-ik*
NEG знать-**PRF.PASS-IRR** что 3.POSS-вид IPFV ходить-PL
'Неизвестно, как они ходили' [Mondragón et al. 2002: 18]

(6б) *kavron,* *mi* ***mu*** *vinik-**ik**-ot*
козёл Q **NEG** мужчина-**IRR**-2SG.ABS
'Козёл, разве ты не мужчина?' [Laughlin 1977: 68]

(6в) ***mu*** *x-ak'* *x-jelav* *ta*
NEG IPFV-давать IPFV-проходить PREP
be=e *li* *jnaklom=e*
дорога=ENCL DEF семья=ENCL
'[Змея] не давала семье пройти по дороге' [ESRAZ: 22]

2.2. Финитные показатели перфекта

С точки зрения этимологии, финитные показатели перфекта в языках майя отличаются большим разнообразием. Можно выделить три различных источника показателей перфекта, которые дополнительно распределены в соответствии с генетической характеристикой конкретного языка: финитные показатели перфекта в юкатеканских языках произошли от глагола со значением 'заканчивать', в уастекском — от общемайянских суффиксов перфектных причастий, а в мамеанских и кичеанских языках — от показателя недавно прошедшего времени.

2.2.1. Финитный перфект в языках юкатеканской подгруппы. В юкатекском языке грамматический показатель финитного перфекта развился из глагола *ts'o'ok* 'заканчивать'[7]. Этот глагол утратил своё лексическое значение и стал употребляться как

[7] Подобное происхождение перфектных форм засвидетельствовано и в других языках мира: см. [Bybee, Dahl 1989: 68; Bybee et al. 1994: 56].

вспомогательный препозитивный элемент. В юкатекской грамматической традиции этот показатель обычно называется *терминативом*, но его семантика, как показали результаты нашего исследования и как свидетельствует, например, работа [Bohnemeyer 1998: 352], тождественна семантике результативного перфекта: (7).

ЮКАТЕКСКИЙ

(7а) ***ts'o'ok*** *in* *kaxt-ik* *táankuch* *reaal=i'*
PRF 1SG.A находить-IPFV половина реал=ENCL
'Я нашёл полреала' [Andrade, Máas Collí 1999: 327]

(7б) *ay* *papasito,* ***ts'o'ok*** *u* *kíim-il*
INTERJ папочка **PRF** 3.A умирать-IPFV
inw-íicham
1SG.POSS-муж
'Ай, папочка, мой муж умер' [Andrade, Máas Collí 1999: 58]

Фразу из примера (7а) произносит обезьяна, когда собирает деньги на оплату услуг парикмахера. Это не просто перфективная «констатация» события в прошлом, поскольку результат этого события релевантен в момент речи: далее обезьяна говорит, что теперь ей не хватает других полреала. То же касается и примера (7б). Жена убила своего мужа, воткнув ему в голову шип дикобраза, и теперь хочет сделать вид, что он умер сам. Произнося фразу (7б), она зовёт своего отца, чтобы тот пришёл и убедился в этом.

В некоторых диалектах юкатекского, согласно (Lehmann 1993), процесс грамматикализации пошёл ещё дальше, и данный глагол сократился до *ts'-*, превратившись в префикс, оформляющий лично-числовой показатель: (8)

ЮКАТЕКСКИЙ

(8) ***ts'-a*** *meyaj*
PRF-2.A работать.IPFV
'Ты поработал' [Lehmann 1993: 315]

По-видимому, аналогичный процесс наблюдается и в языке лакандон, также относящемся к юкатеканской подгруппе. По этому языку доступно гораздо меньше сведений, чем по юкатекскому, но, судя по грамматическому описанию [Bruce 1968: 81, 93], в лакандоне есть такой же грамматический показатель, вероятно, с чрезвычайно похожей семантикой (в цитируемой

грамматике он назван «иммедиатным прошедшим временем»). В двух других языках юкатеканской подгруппы — ица и мопане — глагол ‘заканчивать’ выступает как полноценный лексический глагол, обязательно оформляясь лично-числовыми показателями и «статусными» суффиксами[8]. Этот глагол не становится вспомогательным и не может рассматриваться как грамматический показатель.

Интересно отметить, что глагол со значением ‘заканчивать’ в языках семьи майя может быть диахроническим источником не только перфекта, но и другого аспектуального показателя — перфектива[9]. Такова этимология перфектива, например, в цоциле и цельтале [Robertson 1987: 432].

2.2.2. Финитный перфект в уастекском. Уастекский язык долгое время развивается в изоляции от других языков семьи майя и отличается инновативной суффиксальной аспектуальной морфологией. Все три уастекских ТАМ-показателя (перфектив, имперфектив и перфект) являются суффиксальными, что нехарактерно для остальных языков семьи майя (за исключением языка чонталь). Перфектные показатели в нём, по свидетельству [Watatani 1995: 175], произошли от общемайянских причастных показателей: (9).

УАСТЕКСКИЙ

(9a) *wa’ats* *yaan* <…> *jawa’* *in-t’aj-**aamal***
EXIST много DEM 3SG.ERG-делать-**PRF**
an *teepa’* *inik*
DEF Тепа человек
‘Есть много [сказок] о том, что сделал человек [по имени] Тепа’ [Edmonson 2001: 25]

---

[8] Под «статусными» суффиксами в юкатеканских языках (а также в чолано-цельталанском языке чоль) понимается особая парадигма суффиксов, обязательно сопровождающих финитные ТАМ-показатели. Эти суффиксы могут рассматриваться как особая ТАМ-категория, тесно взаимодействующая с другой ТАМ-категорией: см. теоретический анализ проблемы двух семантически и морфосинтаксически взаимосвязанных грамматических категорий в [Виноградов 2013].

[9] Диахроническое развитие перфекта в перфектив достаточно распространено в языках мира: см. [Bybee, Dahl 1989].

(9б) *tam* *thayk'an-**eenek*** *a* *iits'*
когда подниматься-PRF DEF луна
'Когда поднялась луна…' [Edmonson 2001: 46]

По всей видимости, под влиянием финитных суффиксальных показателей перфектива и имперфектива показатель перфекта, изначально причастный, переинтерпретировался в уастекском в финитный. Для причастий в уастекском предусмотрены другие показатели: например, в юго-восточном диалекте этого языка [Kondić 2012a: 101–102] причастия образуются при помощи суффиксов *-Vth*, *-Vtx* и *-at*: (10).

УАСТЕКСКИЙ
(10а) *ani* *taam* *k'waj-at* *ich* *ejtal* *an* *ataaj*
и когда EXIST-IPFV уже весь DEF дом
*juj-**uth***
покрывать.соломой-**PTCP**
'И когда весь дом уже покрыт соломой…' [Kondić 2012б: 70]

(10б) *axee'* *i* *ataaj* *t'aj-**atx*** *k'aal* *i* *akamlaap*
DEM INDEF дом делать-**PTCP** с INDEF столб
'Этот дом построен при помощи столбов' [Kondić 2012б: 65]

Как видно из примеров (10), уастекские причастия тоже употребляются в качестве предикативных вершин. Контраст между финитным и причастным перфектом в уастекском с синтаксической точки зрения оказывается несколько размытым. Более того, суффикс непереходного перфекта *-(V)nek* в некоторых работах рассматривается как причастный [Edmonson 1988: 183], и, по-видимому, формы с этим суффиксом действительно могут употребляться как атрибутивные модификаторы, см. (11):

УАСТЕКСКИЙ
(11) *tam* *t-in* *tsu'-u* *alwa'*
когда SUB-3PL видеть-PFV полностью
*wil-**enek*** *way-aamath*
быть.пьяным-**PRF** спать-PRF
'Когда они увидели, [что] он совершенно пьяный и сонный…'[10] [Edmonson 1988: 608]

[10] Английский перевод этой фразы в источнике выглядит следующим образом: "When they saw him thoroughly drunk, sleepy...".

Вполне вероятно, что в (11) мы имеем дело с «застывшими» старыми причастными формами, а не с использованием финитной формы в атрибутивной функции; см. разбор этого примера в [Watatani 1995: 170–171]. Тем не менее, вопрос о том, почему уастекские формы на *-(V)nek* и *-(V)mal*/*-(V)math* должны считаться именно финитными, а не причастными, в некоторой степени остаётся открытым. По-видимому, в случае с переходными глаголами финитность перфекта выражается в необходимости согласования перфектных форм с обоими актантами глагола, точно так же, как это происходит с формами в перфективе или имперфективе: ср. (12).

УАСТЕКСКИЙ

(12а) *tin* *kaniy-**al***
2SG>1SG[11] звать-**IPFV**
‘Ты зовёшь меня’ [Watatani 1995: 84]

(12б) *tin* *kaniy-**aamal***
2SG>1SG звать-**PRF**
‘Ты позвал меня’ [Watatani 1995: 85]

Причастия от переходных глаголов обязательно согласуются только с одним актантом путём прибавления лично-числовых посессивных префиксов (они в языках майя совпадают с эргативными показателями). Второй же актант, если это необходимо, выражается точно так же, как единственный актант при неглагольных предикатах: ср. (13а) и (13б). При этом финитные формы (например, в перфективе) устроены по-другому: (13в).

ЦУТУХИЛЬ

(13а) ***at*** *qa-ch’ey-oon*
2SG 1PL.POSS-бить-PRF
‘Ты побит нами’ [Dayley 1985: 88]

(13б) ***at*** *winaq*
2SG человек
‘Ты человек’ [Dayley 1985: 62]

[11] В уастекском сложилась так называемая «инверсивная» морфологическая система лично-числовых клитик; см. её подробное описание в [Zavala 1994] или [Watatani 1995].

(13в) *x-at-qaa-ch'ey*
PFV-2SG.ABS-1PL.ERG-бить
'Мы побили тебя' [Dayley 1985: 89]

С формами непереходных глаголов провести такое различие не получается, поскольку финитные и нефинитные предикаты в уастекском обычно сопровождаются одними и теми же формами местоимений: ср. (14).

УАСТЕКСКИЙ
(14а) ***in*** *t'ojn-al*
1SG работать-IPFV
'Я работаю' [Watatani 1995: 80]

(14б) ***in*** *ul-nek*
1SG приходить-PRF
'Я пришёл' [Kondić 2012a: 284]

(14в) ***in*** *teenek*
1SG уастек
'Я уастек' [Kondić 2012б: 59]

2.2.3. Финитный перфект в мамеанских языках и в кекчи. В кекчи и некоторых мамеанских языках (речь пойдёт о языке мам, но, судя по данным [Pérez Vail 2006: 158–169], аналогично устроена TAM-система в языке теко) перфект произошёл от показателя «недавнопрошедшего времени». Согласно диахроническому исследованию [Robertson 1992: 66], для протомайянского языка реконструируется появление противопоставления двух граммем перфектива по признаку удалённости во времени, которое засвидетельствовано в мамеанских и кичеанских языках колониального периода. В рамках данного исследования колониальные источники не анализируются, и семантические особенности показателей недавно прошедшего времени на данный момент остаются практически не изученными. В современном же языке мам показатель *ma*, произошедший от наречия времени **miy*/*may* 'ранее, но сегодня' [Robertson 1992: 99], передаёт не значение временной дистанции, а значение результативного перфекта: (15).

MAM

(15а) *li* ***ma****=a'* *ch=e'x* *b'aj=kya*
INTERJ **PRF**=EMPH 3PL.B=DIR заканчивать=3PL.EMPH
kuch *t-uj* *t'al* *xooq'l*
свинья 3SG.POSS-RN жидкий грязь
'Ох, свиньи попали в грязь' [England collection, текст 1: 8]

(15б) ***ma*** *chin=kya* *t-k'alo-'n=a*
PRF 1SG.B=DIR 2SG.A-связывать-TR=2SG/1SG
'Ты оставил меня связанным' [England collection, текст 8: 13]

То, что в предложениях (15) с помощью ТАМ-показателя *ma* выражается именно перфектная семантика, становится ясно из контекста. Фраза (15а) употреблена свинопасом в разговоре с хозяином свиней, когда он объясняет ему причину пропажи. Свинопас врёт, потому что он продал свиней, и положил в грязь только их хвосты, которые заранее отрезал, чтобы обмануть хозяина. Фразу (15б) произносит койот, когда встречается с кроликом во второй раз и пытается узнать причину, по которой в первую их встречу кролик так недружелюбно с ним обошёлся. Хотя результат действия в момент речи уже аннулирован, оно до сих пор является актуальным, поскольку койот хочет понять, можно ли доверять кролику.

Характерным признаком именно перфектных употреблений является также их активная сочетаемость с наречиями времени типа 'теперь, сейчас', выражающими релевантность прошедшего действия в момент речи: (16).

MAM

(16а) *aa'ny* ***ma****=a'=x* *tzan* *txi-qa*
INTERJ **PRF**=EMPH=всегда тогда идти-PL
t-b'aq' *q-witz* ***ja'la***
3SG.POSS-зрачок 1PL.POSS-глаз **теперь**
'Ай, теперь мы ослепли (букв. "ушли зрачки наших глаз")'
[England collection, текст 2: 9]

(16б) *baay* *tiiya* ***maa*** *tzan* ***ma***
хорошо дядя **сейчас** тогда **PRF**
kan-eet=a *w-u'n=a*
находить-PASS=2SG 1SG.POSS-RN(причина)=1SG
'Хорошо, дядя, теперь я тебя нашёл'
[England collection, текст 6: 17]

Значение близкой временной дистанции в маме действительно может выражаться перфектом, но это является проявлением перфектной семантики: очевидно, что чем меньше временная дистанция от события до момента речи, тем скорее оно окажется релевантным в момент речи. Ещё одним весомым аргументом в пользу именно перфектной трактовки рассматриваемого показателя *ma* является тот факт, что он способен употребляться в составе временных придаточных предложений, относящихся к будущему времени: (17).

MAM
(17а) *qa* ***ma*** *chiin-x=wa* *t-u'n*
если **PRF** 1SG.B-идти=1SG.EMPH 3SG.POSS-RN(причина)
t'iiw *ja'la* *b'i'x* *kb'-eel*
орёл сегодня сразу убивать-POT
w-u'n=a
1SG.POSS-RN(причина)=1SG
'Если орёл меня унесёт сегодня, я сразу его убью'
[England collection, текст 7: 4]

(17б) *nlaay* *qo-kan-eet* *b'ix* *nlaay*
невозможно 1PL.B-находить-PASS и невозможно
qo-kub' *porke* ***ma****=a'*
1PL.B-убивать потому.что **PRF**=EMPH
q-eew-a *q-iib'*
1PL.B-прятаться-1PL.EXCL 1PL.POSS-RN(REFL)
'Нас не смогут ни найти, ни убить, потому что мы уже спрячемся' [England collection, текст 8: 21]

В рамках данного исследования в связи с нехваткой оригинальных текстов не удалось провести анализ семантики соответствующей граммемы в языке теко. Поскольку он является ближайшим родственником языка мам, нет особых оснований полагать, что его ТАМ-система семантически сильно отличается от системы мама.

Ситуация, во многом аналогичная мамейской, наблюдается также и в некоторых языках канхобаланской подгруппы. Так, в канхобале есть три показателя перфектива: *x-*, *max-* (они выделяются во всех грамматических описаниях), а также нулевой маркер, который описан, например, в [Mateo Toledo 2003: 6]. Первые

два показателя синонимичны [ALMG 2005: 79; Robertson 1992: 154] и, по-видимому, являются взаимозаменимыми (во всяком случае, правила их дистрибуции нигде не описаны). Нулевой же перфективный показатель отличается от них тем, что может употребляться по отношению к действиям в далёком прошлом (например, сопровождаться наречием ‘в прошлом году’); *x-* и *max-* в таких контекстах, как утверждается в грамматиках, употребляться не могут.

В языке попти (другое название — хакальтекский) распределение показателей перфектива другое. Согласно [Delgado Rojas et al. 2007: 111–112], дистрибуция алломорфов в попти определяется лицом абсолютивного показателя, который следует за ТАМ-префиксом. Кроме того, в той же грамматике говорится о выражении значений временной дистанции совместно с ТАМ-значением перфектива: в первом и втором лице для маркирования близкой временной дистанции используются префиксы *mak-* и *xk-*, а в третьем лице — *ma-* и *x-*. Для маркирования далёкой временной дистанции используются префиксы *k-* и *x-*, соответственно. Таким образом, с третьим лицом абсолютива перфектив всегда маркирован префиксом *x-* и не различает дополнительного значения временной дистанции. В других грамматиках попти [Craig 1977; ALMG 2001], однако, про выражение временной дистанции кумулятивно с ТАМ-значениями ничего не говорится.

В любом случае, полного сходства ТАМ-систем мама и некоторых канхобаланских языков не наблюдается. В канхобаланских перфектив «распадается» на две граммемы, которые можно было бы назвать «близким перфективом» и «удалённым перфективом», либо только для отдельных лиц (как в попти), либо только в особых синтаксических конструкциях (как в канхобале). Поэтому на данном этапе выделять среди канхобаланских показателей перфектива «потенциальный» показатель перфекта, который может развиться из перфектива под влиянием семантического признака близкой временной дистанции, кажется нецелесообразным.

Язык кекчи, согласно некоторым трактовкам, может являться единственным языком кичеанской подгруппы, в котором есть ТАМ-граммема перфекта. Это один из самых крупных майянских языков по количеству носителей — на нём в общей сложности говорят более 800 тысяч человек [Lewis et al. 2013], — од-

нако доступных оригинальных текстов на кекчи немного. Приводимый здесь анализ базируется на теоретических описаниях этого языка.

В [Stewart 1980: 58–59] сказано, что префикс *x*- выражает «недавно прошедшее»: законченное действие, произошедшее сегодня или вчера. По признаку временной дистанции он противопоставлен префиксу *k*-, обозначающему действие в более отдалённом прошлом. Примерно так же обычно трактуется семантика аналогичной пары граммем в языке мам, где, как сказано выше, за таким описанием кроется противопоставление перфекта и перфектива, а разница во временной дистанции является скорее следствием этой аспектуальной оппозиции. Возможно, аналогичным образом следует анализировать и систему кекчи. В пользу описания префикса *x*- как показателя перфекта говорит и работа [DeChicchis 1996]. Префикс *x*- имплицирует релевантность прошедшего события для последующего за ним состояния, что, как справедливо отмечается в [DeChicchis 1996: 65], хорошо согласуется с описанием перфектной семантики, предложенным в [Comrie 1976]. В той же работе говорится и о том, что есть много примеров, где чередуются глагольные формы с префиксами *k*- и *x*-, и в таких случаях *x*- сигнализирует о «бэкграундной», или второстепенной информации. Этот факт также можно считать косвенным свидетельством того, что *x*- выражает именно перфектную семантику.

3. Дополнительные способы выражения перфекта

В некоторых языках семьи майя помимо перфектных причастий и специальной граммемы ТАМ-категории иногда встречаются другие способы выражения перфектной семантики. В этом разделе рассматриваются три таких способа: выражение отрицательного перфекта с помощью ирреалиса (раздел 3.1), совмещённое выражение перфекта и перфектива (раздел 3.2) и выражение перфекта с помощью особой энклитики, присоединяющейся к показателю ТАМ-категории или нефинитному предикату (раздел 3.3).

Все эти способы зафиксированы лишь в одном или нескольких языках семьи и требуют дополнительного изучения на более обширном языковом материале. В этом разделе только высказываются некоторые гипотезы и намечаются пути дальнейших

исследований. Интересно отметить, что дополнительные средства выражения перфектного значения встречаются обычно в тех языках, где перфект и без того может выражаться как причастными, так и финитными формами.

3.1. Ирреалис как маркер перфекта при отрицании

Перфектные формы в языках юкатеканской подгруппы не употребляются под отрицанием и заменяются на ирреалис[12]. Это касается как финитных, так и причастных форм. В этом случае глагольный комплекс теряет препозитивный ТАМ-показатель и оформляется суффиксом ирреального статуса (см. сноску 8), как в предложении (18).

ЮКАТЕКСКИЙ

(18) *ten=e'*, *mix* *jan-**ak**-en* *buka'aj* *k'iin=i'*
1SG=ENCL NEG есть-**IRR**-1.B несколько день=ENCL
'Я не ел несколько дней' [Andrade, Máas Collí 1999: 319]

Заметим, что использование ирреалиса для выражения отрицательного перфекта характерно не только для тех языков юкатеканской подгруппы, где есть финитный перфект (для юкатекского и лакандона), но и для тех языков, где глагол 'заканчивать' не грамматикализовался в препозитивный ТАМ-маркер (в ица и мопане)[13]. В последних двух языках перфект выражается с помощью причастий (которые часто выступают в предикативной функции). Но при отрицании перфектные причастия не используются; вместо них, как в юкатекском, употребляются ирреальные формы: (19).

ИЦА

(19) *in-ten=ej* *mix* *jum* *pak*
EMPH-1SG=FOC NEG один время
in *meyaj-t-**ej*** *a'=meyaj* *je'=lo*
1SG.A делать-TR-**IRR** DEF=работа DEM=DIST
'Что касается меня, я никогда не делал этой работы'
[Hofling 1991: 85]

---

[12] Редукция ТАМ-системы под отрицанием затрагивает не только перфект. Например, в юкатекском в отрицательных контекстах прогрессив совмещается с имперфективом, а некоторые модальные граммемы – с проспективом [Bohnemeyer 1998: 200–201].

[13] Взаимодействию перфекта и ирреалиса в ица посвящена статья [Hofling 1998].

3.2. Перфективно-перфектная полисемия

В юкатекском языке, согласно [Bohnemeyer 1998: 36], перфектив может выражать не только пунктивно-комплетивные аспектуальные значения, но и значение перфекта. Употребление перфектива в значении перфекта, по-видимому, носит маргинальный характер: оно свойственно немонологическому дискурсу (особенно при предикатах изменения состояния), и в проанализированных в ходе данного исследования текстах (ни один из них, правда, нельзя назвать немонологическим) таких употреблений не встретилось.

Юкатекская частица *ka* служит для разрешения этой перфективно-перфектной полисемии: контексты, оформленные этой частицей, не могут быть прочитаны как перфектные [Bohnemeyer 1998: 36]. Эта частица часто встречается в юкатекских текстах, сопровождая перфективную форму глагола. Действительно, перфектив в этом случае не может передавать значение перфекта, впрочем, как и в большинстве случаев, когда частица *ka* отсутствует: ср. (20) и (21).

ЮКАТЕКСКИЙ

(20а) ***ka*** ***t-u*** *kaxt-aj* *jun-p'éel* *seentaboj*
PUNT **PFV**-3.A находить-PFV один-CLF сентаво
'Он нашёл один сентаво' [Andrade, Máas Collí 1999: 327]

(20б) ***ka*** ***t-u*** *pit-aj* *xan* *u* *nook'*
PUNT **PFV**-3.A снимать-PFV тоже 3.POSS одежда
le *ko'olel=o'*
DEF женщина=ENCL
'Женщина тоже сняла одежду'[Andrade, Máas Collí 1999: 274]

ЮКАТЕКСКИЙ

(21а) *le* *ko'olel=a'* ***t-u*** *kiin-s-aj* *yíichan*
DEF женщина=ENCL **PFV**-3.A умирать-CAUS-PFV муж
'Эта женщина убила своего мужа'
[Andrade, Máas Collí 1999: 64]

(21б) *ka'alikil* *óotsil* *Jwaan=e'* ***t-u***
тем.временем бедный Хуан=ENCL **PFV**-3.A
pul-aj *u* *baj* *ichil* *ja'=e'*
бросать-PFV 3.POSS RN(REFL) внутрь вода=ENCL
'Тем временем бедный Хуан бросился в воду'
[Andrade, Máas Collí 1999: 312]

Насколько распространена полисемия перфектива и перфекта в языках семьи — остаётся не совсем понятным. С одной стороны, средств для её снятия, подобных юкатекской частице *ka*, насколько нам известно, в других языках не отмечалось. С другой стороны, исследование данного вопроса предполагает наличие большого количества текстов диалогического характера, которых на данный момент явно недостаточно. Тем не менее, сам факт, что, по крайней мере, в юкатекском языке перфектное значение может быть выражено не только ТАМ-граммемой перфекта, но и ТАМ-граммемой перфектива, безусловно, заслуживает внимания.

3.3. Перфектная транскатегориальная энклитика

В языках мам и теко, принадлежащих к мамеанской подгруппе семьи майя, наряду с финитным и причастным перфектом есть специальная предикативная энклитика, которая также способна передавать значение перфекта. В маме она имеет вид *=ta(q)*, а в теко — *=tuq*. Она может сочетаться с любыми аспектуальными показателями, неглагольными предикатами и с некоторыми наречиями. Она способна занимать позицию как перед глаголом, так и после него, или даже употребляться во фразе дважды [Pérez Vail 2006: 170].

В [England 2009: 214–215] семантика энклитики *=taq* в языке мам описывается примерно следующим образом. В зависимости от типа основы, с которой она употреблена, она может выражать как перфект, так и имперфект. В комбинации с показателем перфекта *ma* эта энклитика указывает на то, что действие началось, но неизвестно, закончилось ли. С показателем перфектива *o* она указывает, что действие является завершённым по отношению к какому-либо другому действию. С наречиями образа действия она выражает начавшееся действие, но с наречиями времени она указывает на то, что от момента совершения действия до момента речи прошёл определённый временной интервал. Наконец, с неглагольными предикатами эта энклитика может быть понята двумя способами: она выражает состояние, которое либо может продолжаться в момент речи, либо может быть уже прекращённым. Как можно заметить, сфера употребления этой энклитики весьма широка, а её значение чрезвычайно размыто и сильно зависит от контекста. В (22) проиллюстрирован наиболее частотный способ использования этой энклитики — с показателем перфектива. В этом случае, по-

видимому, её семантическая функция состоит в замене перфективного значения на перфектное.

MAM
(22а) *oo=**taq*** *b'aj* *t-qeeta-n* *Luuch* *t-tzii'*
PFV=**ENCL** DIR 3SG.A-резать-TR Педро 3SG.POSS-рот
'Педро прорезал дырки [в сосудах из тыквы]'
[England collection, текст 1: 11]

(22б) *oo=**taq*** *itz'j* *jun* *t-k'waa'l*
PFV=**ENCL** рождаться один 3SG.POSS-ребёнок
xjaal
человек
'У человека родился ребёнок'
[England collection, текст 7: 17]

(22в) *aj* *oo=**taq*** *tz'-ajb'laana-n* *ky-i'j* *t'iiw*
DEM PFV=**ENCL** 3SG.B-использовать-AP 3PL.POSS-RN орёл
'Тот [нож], который он использовал с орлами'
[England collection, текст 7: 20]

Семантика энклитики *=taq* в сочетании с показателем перфектива действительно чрезвычайно напоминает перфект: она выражает событие, результат которого релевантен в настоящий момент. Так, например, фраза (22а) произносится в тот момент, когда рассказывается о том, как хозяин коров увидел на ветках дерева сосуды из тыквы и принял их за головы живых коров. Педро, которому было поручено пасти коров, заблаговременно прорезал в сосудах дырки, и ветер, проходя через них, издавал характерные звуки, похожие на мычание коров. Контекст, сопровождающий фразу (22б), предполагает понимание этой фразы как описание результирующего состояния. Жители некоторого поселения ждали, чтобы прибывший к ним чужестранец родил ребёнка, прежде чем убивать его. Когда ребёнок родился, этот человек стал им больше не нужен, и тогда они смогли спланировать его убийство. В (22в) речь идёт о ноже, который человек, проглоченный китом, собирался использовать, чтобы выбраться наружу. Ранее он одолел с его помощью орлов, которые хотели убить его, и теперь это является своеобразным «свойством» ножа.

4. Семантика перфекта

В этом разделе будут рассмотрены семантические особенности причастных и финитных перфектных форм в современных языках семьи майя. Раздел 4.1 посвящён экспериенциальному значению, в разделах 4.2 и 4.3 рассматривается стативный оттенок перфектного значения, который обуславливает, во-первых, тенденцию к выражению перфекта с помощью причастий (в отличие от финитных форм), а во-вторых, широкое использование перфекта для выражения «плюсквамперфектного» значения: действий в прошлом, предшествующих другому действию в прошлом. В разделе 4.4 исследуется употребление перфекта в нарративном режиме.

Важно отметить, что майянский перфект не имеет никаких лексических ограничений: как финитные, так и причастные формы могут быть образованы от глаголов любых акциональных классов. В этом смысле в языках майя мы имеем дело именно с перфектом, а не с результативом, поскольку под последним термином обычно понимается достижение финала только у акционального класса предельных процессов.

4.1. Экспериенциальное значение перфекта

Помимо своего основного (результативного) значения, майянский перфект — как финитный, так и причастный — также в большинстве случаев способен выражать экспериенциальное значение, то есть наличие опыта совершения действия, (23):

ЦЕЛЬТАЛЬ

(23а) *ay* *k'o-**em**-on=ix* *ta* *a-na*
EXIST приходить-**PRF**-1SG.ABS=уже PREP 2.POSS-дом
'Я уже приходила к тебе домой'
[Alarcón Estrada et al. 1997: 262]

ЦОЦИЛЬ[14]

(23б) *mi* *oy* *a-tz'ot-**oj*** *karo*
Q EXIST 2.POSS-водить-**PRF** автомобиль
'Ты [когда-нибудь] водил машину?'

[14] Здесь и далее, если не указан источник примера, он получен в ходе полевой работы с носителем языка.

В значении, близком к экспериенциальному, часто употребляются перфектные формы от глаголов ‘делать’, ‘видеть’, ‘переживать’ и т.п. Эти формы широко используются в нарративах в качестве обобщающих или завершающих клише, как бы подтверждающих право рассказчика рассказывать то, о чём он рассказывает. Такие употребления особенно характерны для языков кичеанской ветви: (24).

КИЧЕ

(24а) *are’ wa’ ri nu-b’an-**om** are’ wa’ ri*
3SG DEM DEF 1SG.POSS-делать-**PRF** 3SG DEM DEF
*w-il-**om** pa ri nu-k’aslemal*
1SG.POSS-видеть-**PRF** LOC DEF 1SG.POSS-жизнь
‘Это то, что я делал, то, что я видел в своей жизни’
[Petrich 1998a: 78]

КАКЧИКЕЛЬ

(24б) *ya ri’ qa-b’an-**on** pe*
EMPH DEM 1PL.POSS-делать-**PRF** DIR
‘Этим мы занимались [в нашей жизни]’
[García Matzar, Rodríguez Guaján 1997: 479]

В тех языках майя, где сосуществуют финитные и причастные перфектные формы, семантическая разница между ними практически не прослеживается. По-видимому, отличие может заключаться в способности выражать экспериенциальное значение. Так, в [Bohnemeyer 1998: 352] применительно к юкатекскому языку отмечается, что оно может выражаться только финитными формами.

4.2. Причастный перфект как маркер состояния

Майянский перфект, как это было видно на примерах в предыдущих разделах, активно используется в значении результатива: он выражает не только прошедшее событие, релевантное в настоящий момент, но и то состояние, которое наступило в результате этого события. Таким образом перфект, в отличие, например, от перфектива или имперфектива, часто характеризует именно состояние, а не действие, что семантически сближает перфектные формы с прилагательными. Именно этим может объясняться тенденция языков майя к выражению перфектного значения с помощью причастных форм.

Не случайно проспектив — состояние, непосредственно предшествующее действию [Comrie 1976: 64–65], — в некоторых языках майя также выражается причастиями, а не финитными формами. Проспектив — гораздо более редкое аспектуальное значение, чем перфект; тем не менее, проспективные причастия надёжно фиксируются в языках ишиль и цоциль: (25).

ЦОЦИЛЬ

(25а) *ch'ay-**ebal*** *av-u'un* *li*
теряться-**PROSP** 2.POSS-RN(причина) DEF
s-jam-ovil *a-na=e*
3.POSS-открывать-INSTR 2.POSS-дом=ENCL
'Ты вот-вот потеряешь ключ'

(25б) *po'ot* *ti'-**ebal**-on*
почти кусать-**PROSP**-1SG.ABS
'Меня вот-вот укусят'

ИШИЛЬ

(25в) *i-kam-**e't*** *kuxh* *naj* *La's*
3.POSS-умирать-**PROSP** только MASC Франциско
ta'n *ch'o'm*
PREP болезнь
'Франциско вот-вот умрёт из-за болезни' [Ayres 1991: 110]

Эта параллель между проспективом и перфектом, как и наличие у перфекта экспериенциального значения, доказывает безусловное наличие «стативной» составляющей в семантике майянского перфекта. В [Dahl 1985: 135] отмечается существование категорий подобного рода в некоторых языках мира (применительно к ним предлагается использовать обозначение STAT/PFCT). Их семантика предполагает омонимию статива, результатива и экспериенциалиса. Конечно, майянский перфект не должен рассматриваться как такая стативно-перфектная граммема, поскольку в майя отнюдь не любое стативное значение может быть передано с помощью перфекта. На синхронном этапе мы лишь наблюдаем тенденцию перфекта к стативизации.

4.3. Причастный перфект как маркер предшествования в прошлом

В некоторых языках майя важной сферой употребления перфекта являются контексты «предпрошедшего времени», когда

с помощью перфекта задаётся относительная последовательность событий в прошлом. Перфектом маркируется действие, совершенное в более отдалённом времени, а второе, более близкое действие, обычно выражается перфективом. Оно происходит как бы на фоне состояния, возникшего в результате предыдущего действия и выраженного перфектной формой: (26).

ЦОЦИЛЬ

(26а) *ti* *vinik=e* ***i-s-k'el*** *la* *ti*
DEF мужчина=ENCL **PFV**-3.ERG-смотреть QUOT DEF
s-nichim=e, *takij-**em*** *xa* *la*
3.POSS-цветок=ENCL засыхать-**PRF** уже QUOT
'Мужчина увидел, что цветок уже засох'
[Pérez López et al. 1994: 98]

ЮКАТЕКСКИЙ

(26б) *le* *íicham-tsiil=o'* *ti'* *u* *ta'ak-**maj***
DEF муж-INDPOS=ENCL PREP 3.POSS прятать-**PRF**
u *baj* *ichil* *estaantée,* *le* *beet-ik*
3.POSS RN(REFL) внутри шкаф DEF делать-IPFV
ma' *il-**a'ab*** *tumen* *le* *nuxiib=o'*
NEG видеть-**PFV**.PASS PREP DEF старик=ENCL
'Муж спрятался в шкафу, поэтому старик его не увидел'
[Andrade, Máas Collí 1999: 274]

(26в) *ka* ***t-u*** *yil-aj* *yuum_k'iin=e'* ***ts'o'ok***
PUNT **PFV**-3.A видеть-PFV священник=ENCL **PRF**
u *láaj* *sa'at-al* *u* *keep*
3.A весь теряться-IPFV 3.POSS пенис
'Священник увидел, что его пенис совсем исчез (букв. «весь потерялся»)' [Andrade, Máas Collí 1999: 297]

КИЧЕ

(26г) *k'ate* ***x-r-il-o*** *noj-**inaq*** *che*
тогда **PFV**-3SG.ERG-видеть-SS заполняться-**PRF** PREP
taq *sub'*
PL тамаль[15]
'Тогда она увидела, что [кастрюля] была наполнена тамалями' [Florezcan las palabras: 22]

[15] Традиционное блюдо коренных народов Мезоамерики.

Языки семьи майя не имеют грамматической категории времени, и перфект оказывается удобным способом для выражения предшествования в прошлом. Предложения (26б) и (26в) показывают на примере юкатекского, что в языках с финитным перфектом в «плюсквамперфектной» функции могут использоваться как причастные, так и финитные формы.

Отметим, однако, что такие употребления перфекта, которые показаны в (26), встречаются не во всех языках семьи (или, по крайней мере, в некоторых языках они очень редки). Так, во всех проанализированных текстах на чорти был найден только один пример на употребление перфектного причастия для выражения прошедшего действия, предшествующего другому прошедшему действию: (27).

ЧОРТИ

(27) *konda* *sakojpa* *usta-**b'ir**=ix*
когда рассветать.**PFV** строить-**PRF**=уже
e *otot*
DEF дом
'Когда рассвело, дом был уже построен'

[Pérez Martínez 1996: 15]

В текстах на чоле подобных примеров вообще не встретилось. Когда в этом языке необходимо выразить два действия в прошлом, одно из которых предшествует другому, ожидаемо используются финитные перфективные формы: (28).

ЧОЛЬ

(28) ***tyi*** *i-päy-ä* *majlel* *k'äläl* *ya'* *baki*
PFV 3.A-звать-PFV DIR до DEM где
tyi *jub-i* *tyälel=i*
PFV спускаться-PFV DIR=ENCL
'Её отвели туда, где она спустилась'

[Relatos choles 2002: 30]

По всей видимости, предложения, подобные (28), неоднозначны: относительная хронология указанных в них двух событий средствами аспектуально-временного маркирования никак не выражена.

4.4. Перфект как маркер комментария в нарративном режиме

Нарратив, как определяется в классической работе [Labov, Waletzky 1967], — это описание прошедших событий с помощью последовательности клауз, порядок которых соответствует реальному порядку событий. Судя по этому определению, перфект вообще не должен употребляться в нарративном режиме, поскольку события, описываемые в рамках нарратива, обычно не являются актуальными в момент речи. Действительно, многочисленные теоретические работы, посвящённые нарративным особенностям аспектуально-временного маркирования, свидетельствуют о специфическом использовании настоящего и прошедшего времени или перфективного и имперфективного аспекта [Schiffrin 1981; Fleischman 1991], но не перфекта. На этом факте основаны и некоторые операциональные определения перфекта: см., например, [Lindstedt 2000: 366]; неупотребление в нарративах может служить отрицательным критерием для отличия перфекта от перфектива или прошедшего времени.

Та же закономерность подтверждается и материалом языков майя: см. исследование нарративных употреблений аспектуально-временных форм в языке мам [England 2009]. Однако нарратив по своей структуре может быть не совсем однородным. Нарративы содержат как хронологически упорядоченные события, так и не вписывающуюся в эту последовательность сопутствующую информацию: описания, комментарии рассказчика [Fleischman 1991: 79]. По всей видимости, чем более спонтанен нарратив, тем скорее рассказчик склонен нарушать реальную хронологию событий. Помимо описаний и комментариев, рассказчик также может вставлять в изложение события из более отдалённого прошлого, о которых не было сказано ранее или которые по тем или иным причинам необходимо повторить, в неподходящее им по хронологии место. Например, в (29) нарративный фрагмент на языке цоциль разрывается предложением ‘Под окном к их дому была привязана корова’, содержащим перфектное маркирование и описывающим событие, случившееся до основных событий сюжета.

ЦОЦИЛЬ

(29) *xchi'uk* *y-ajnil* ***ta*** *la* ***x****-vay-ik*
с 3.POSS-жена **IPFV** QUOT **IPFV**-спать-PL
ta *s-vay-eb-ik*
PREP 3.POSS-спать-LOC-PL
'Говорят, он спал в кровати со своей женой'
ta *la* *s-kob* *s-ba-ik*
IPFV QUOT 3.ERG-совокуплять 3.POSS-RN(REFL)-PL
ta *ak'ubal-tik*
PREP ночь-PL.EXT
'Говорят, ночью они занимались любовью'
ora, *te* *s-timan-****oj*** *j-kot*
теперь там 3.POSS-привязывать-**PRF** один-CLF
s-baka, *ta* *x-xokon* *s-na,*
3.POSS-корова PREP 3.POSS-RN(бок) 3.POSS-дом
ta *y-elav* *ventana*
PREP 3.POSS-RN(рядом) окно
'Под окном к их дому была привязана корова'
ora, *k'alal* ***ch****-laj* *y-ak'-be-ik=e…*
теперь когда **IPFV**-заканчивать 3.ERG-давать-APPL-PL=ENCL
'Когда они закончили заниматься любовью…'
[Laughlin 1977: 59]

Событие, выраженное в третьем предложении фрагмента (29), является релевантным не по отношению к моменту речи, но по отношению к «нарративной точке отсчёта» — к тому моменту, когда происходят основные сюжетные действия. То же явление иллюстрирует и пример (30): рассказчик разрывает хронологическую последовательность событий и маркирует с помощью перфекта тот факт, что событие не входит в нарративную линию.

ЦОЦИЛЬ

(30) *ti* *Sipakna=e* *s-nop-****oj*** *xa* *la*
DEF Сипакна=ENCL 3.POSS-думать-**PRF** уже QUOT
k'uxi *ta* *ts-poj* *s-ba*
что IPFV 3.ERG.IPFV-защищать 3.POSS-RN(REFL)
'Говорят, Сипакна уже подумал, как он будет защищаться'
[Mondragón et al. 2002: 22]

Фраза (30) взята из рассказа о том, как четыреста мужчин хотели убить гиганта по имени Сипакна. Они попросили его выкопать глубокую яму и затем хотели завалить его камнями, пока он находится внутри. Непосредственно перед предложением (30) сказано, что Сипакна стал копать яму, а четыреста мужчин были довольны, что работа продвигается быстро. Сипакна догадался об их намерениях заранее, и это «выпадение» из хронологии маркировано перфектом, которому в испанском переводе соответствует плюсквамперфект: “ya había pensado” [Mondragón et al. 2002: 23].

Данное употребление перфекта в некотором смысле похоже на то, которое было рассмотрено в предыдущем разделе. Но, если там речь шла о выражении «предпрошедшего времени» в рамках одного предложения, когда перфект служит для определения относительной последовательности двух действий, выраженных в главном и придаточном предложениях, то в этом разделе рассмотрено аналогичное явление в рамках более обширного дискурсивного отрезка.

5. Заключение

Языки майя демонстрируют примечательное разнообразие в средствах грамматического выражения перфекта, но при этом семантика перфекта варьирует достаточно слабо. Причастия — основной способ передачи перфектного значения в языках майя; он используется во всех современных языках и надёжно восстанавливается в праязыке. Финитный способ выражения перфекта развивается «на фоне» причастного лишь в очень небольшом числе языков (в шести из тридцати). О позднем появлении финитного перфекта свидетельствует и различная этимология этих показателей: в маме, теко и кекчи в показатель перфекта преобразовался показатель недавнопрошедшего времени, в юкатекском и лакандоне — глагол ‘заканчивать’, в уастекском — суффиксы перфектных причастий (сами причастия при этом получили новые суффиксы). В тех же языках, где финитные перфектные формы сосуществуют с причастными, развились и другие средства грамматического выражения перфекта: с помощью ТАМ-граммемы перфектива, категории ирреалиса или специальной энклитики, оформляющей предикат. По-видимому, эта закономерность не случайна и отражает тенденцию этих языков «встроить»

перфект в общую ТАМ-систему, присоединив его к остальным аспектуальным граммемам.

Главная семантическая особенность майянского перфекта, которая характерна для всех языков семьи, в той или иной степени рассмотренных в данной статье, — превалирование стативного компонента среди всего спектра его значений. Это подтверждается тем, что перфект в большинстве языков семьи выражается только причастными формами, а также параллелью с проспективом — аспектуальным значением, обозначающим предшествующее действию состояние, — который тоже выражается причастиями (хотя присутствует далеко не во всех языках семьи). Помимо этого, майянский перфект способен выражать экспериенциальное значение, то есть состояние, заключающееся в наличии опыта, полученного в результате (однократного или многократного) совершения действия в прошлом.

За счёт своих семантических особенностей и причастной формы выражения, отличающей перфект от других аспектуальных граммем, он оказывается удобным средством для передачи предшествования в прошедшем времени (то есть, «плюсквамперфектного» значения, для которого нет специализированных показателей). Семантика перфекта при этом несколько преобразуется, поскольку выражаемое состояние оказывается релевантным по отношению не к моменту речи, а к моменту совершения другого действия в прошлом. Причастная форма позволяет избежать сложных синтаксических конструкций с придаточными предложениями. Особую роль перфект играет и в нарративном режиме, маркируя отступления от сюжетной линии (те ситуации, которые не входят в нарративную последовательность).

Список условных сокращений

A — серия лично-числовых показателей A; ABS — абсолютив; AP — антипассив; APPL — аппликатив; B — серия лично-числовых показателей B; CAUS — каузатив; CLF — классификатор; DEF — определённый артикль; DEM — демонстратив; DIR — директив; DIST — дейктический маркер удалённости; EMPH — эмфаза; ENCL — энклитика; ERG — эргатив; EXCL — эксклюзив; EXIST — экзистенциальный предикат; EXT — экстенсив; FOC — фокус; INDPOS — неопределённый посессор; INSTR — инструменталис; INTERJ — междометие; IPFV — имперфектив;

IRR — ирреалис; LOC — локатив; MASC — мужской класс; INDEF — неопределённый артикль; NEG — отрицание; PART — частица; PASS — пассив; PFV — перфектив; PL — множественное число; POSS — посессив; POT — потенциалис; PTCP — причастие; PREP — предлог; PRF — перфект; PROSP — проспектив; PUNT — пунктив; Q — вопросительная частица; QUOT — цитатив; REFL — рефлексив; RN — относительное существительное; SG — единственное число; SS — суффикс категории статуса; SUB — субординатор; TR — транзитивизатор.

Литература

Виноградов 2013 — И. А. Виноградов. «Интерпретирующие» грамматические категории: к определению понятия // Вопросы языкознания, № 5, 2013: 28–45.

Alarcón Estrada et al. 1997 — Verónica Alarcón Estrada, Víctor Esponda Jimeno, Antonio Gómez Gómez, Enrique Pérez López (eds.). Cuentos y relatos indígenas, vol. VI. México D.F.: Universidad Nacional Autónoma de México, 1997.

ALMG 2001 — Gramática descriptiva Jakalteka (Popti'). Guatemala: Academia de lenguas mayas de Guatemala, 2001.

ALMG 2005 — Gramática descriptiva Q'anjob'al. Guatemala: Academia de lenguas mayas de Guatemala, 2005.

Andrade, Máas Collí 1999 — Manuel Andrade, Hilaria Máas Collí (eds.). Cuentos mayas yucatecos, vol. 1. Mérida: Universidad Autónoma de Yucatán, 1999.

Ayres 1991 — Glenn Ayres. La gramática Ixil. Guatemala: Centro de investigaciones regionales de Mesoamérica, 1991.

Bohnemeyer 1998 — Jürgen Bohnemeyer. Time Relations in Discourse: Evidence from a comparative approach to Yukatek Maya. Doctoral dissertation. Tilburg, Katholieke Universiteit Brabant. 1998.

Bruce 1968 — Roberto Bruce. Gramática del Lacandón. México D. F.: Instituto Nacional de Antropología e Historia, 1968.

Bybee, Dahl 1989 — Joan Bybee, Östen Dahl. The creation of tense and aspect systems in the languages of the world // Studies in Language, 13(1), 1989: 51–103.

Bybee et al. 1994 — Joan Bybee, Revere Perkins, William Pagliuca. The evolution of grammar: Tense, aspect, and modality in the languages of the world. Chicago: University of Chicago Press, 1994.

Comrie 1976 — Bernard Comrie. Aspect: An introduction to the study of verbal aspect and related problems. Cambridge: Cambridge University Press, 1976.

Craig 1977 — Colette Grinevald Craig. The structure of Jacaltec. Austin — London: University of Texas Press, 1977.

Dahl 1985 — Östen Dahl. Tense and aspect systems. Oxford: Basil Blackwell, 1985.

Dayley 1985 — Jon Philip Dayley. Tzutujil grammar. Berkeley: University of California Press, 1985.

DeChicchis 1996 — Joseph DeChicchis. Aspect in Q'eqchi' Mayan // Folia linguistica, XXX, 1996: 30–59.

Delgado Rojas et al. 2007 — Edna Patricia Delgado Rojas, José Aurelio Silvestre Sánchez, María Elizabeth Silvestre Díaz, Antonio Benicio Ross Montejo. Gramática normativa Popti' / Stz'ib'nheb'anil ab'xub'al Popti'. Guatemala: Cholsamaj, 2007.

Edmonson 1988 — Barbara Edmonson. A descriptive grammar of Huastec (Potosino dialect). Doctoral dissertation. Tulane University. 1988.

Edmonson 2001 — Barbara Edmonson, Cándido Hernández, Francisca Vidales. Textos huastecos // Tlalocan, XIII, 2001: 13–48.

England 2009 — Nora England. To tell a tale: The structure of narrated stories in Mam, A Mayan language // International Journal of American Linguistics, 75(2), 2009: 207–231.

England collection — Nora England collection. Тексты 1–11, 1972–1985. The archive of the indigenous languages of Latin America: www.ailla.utexas.org.

ESRAZ — Había una vez una noche… Cuentos, leyendas, historias desde las montañas de Chiapas. ESRAZ, [нет года]. Электронная публикация: http://www.serazln-altos.org/ habia_una_vez_una_noche_cast_tsotsil.pdf.

Fleischman 1991 — Suzanne Fleischman. Toward a theory of tense-aspect in narrative discourse // J. Gvozdanovic, T. Janssen (eds.). The function of tense in texts. Amsterdam: North Holland, 1991. P. 75–97.

Florezcan las palabras — Florezcan las palabras de los hombres de maíz / Kawachin na ri kitzij-kipixab' Qanan Qatat.
Онлайн: http:// 74.52.178.178/~ebiguate/images/stories/pdf.

García Matzar, Rodríguez Guaján 1997 — Pedro García Matzar, José Obispo Rodríguez Guaján. Gramática Kaqchikel / Rukemik ri Kaqchikel chi'. Guatemala: Cholsamaj, 1997.

Hofling 1991 — Charles Andrew Hofling. Itzá Maya texts with a grammatical overview. Salt Lake City: University of Utah Press, 1991.

Hofling 1998 — Charles Andrew Hofling. Irrealis and perfect in Itzaj Maya // Anthropological linguistics, 40(2), 1998: 214–227.

Kondić 2012a — Snježana Kondić. A grammar of South Eastern Huastec, a Mayan language from Mexico. Unpublished doctoral dissertation. Sydney, University of Sydney / Lyon, Université Lyon 2. 2012.

Kondić 2012б — Snježana Kondić. Narraciones en huasteco de San Francisco // Tlalocan, XVIII: 35–78.

Labov, Waletzky 1967 — William Labov, Joshua Waletzky. Narrative analysis: oral versions of personal experience // J. Helm (ed.). Essays on the verbal and visual arts. Seattle: University of Washington Press, 1967. P. 12–44.

Lehmann 1993 — Christian Lehmann. The genesis of auxiliaries in Yucatec Maya // Proceedings of the international congress of linguists, 15 (1993), vol. 2: 313–316.

Lewis et al. 2013 — M. Paul Lewis, Gary F. Simons, Charles D. Fennig (eds.). Ethnologue: languages of the world, 17th edition. Dallas, Texas: SIL International, 2013. Электронная версия: http://www.ethnologue.com.

Lindstedt 2000 — Jouko Lindstedt. The perfect — aspectual, temporal and evidential // Ö. Dahl (ed). Tense and aspect in the languages of Europe. Berlin — New York: Mouton de Gruyter, 2000. P. 365–384.

Mateo Toledo 2003 — B'alam Mateo Toledo. Revisitando la ergatividad mixta en Q'anjob'al (Maya) // Proceedings of the conference on indigenous languages of Latin America — I. Austin, Texas. 2003. Онлайн: http://ailla.utexas.org/site/cilla1/MateoToledo_Q7anjob7al.pdf.

Mondragón et al. 2002 — Lucila Mondragón, Jacqueline Tello, Argelia Valdéz (eds.). Relatos tzotziles / A'yej lo'il ta sot'il k'op. México D.F.: Dirección general de culturas populares e indígenas, 2002.

Pérez López et al. 1994 — Enrique Pérez López, Manuel Hidalgo Pérez, Antonio Gómez Gómez (eds.). Cuentos y relatos indígenas, vol. V. México D.F.: Universidad Nacional Autónoma de México, 1994.

Pérez Martínez 1996 — Vitalino Pérez Martínez. Leyenda maya Ch'orti'. Guatemala: Proyecto lingüístico Francisco Marroquín, 1996.

Pérez Vail 2006 — José Reginaldo Pérez Vail. Gramática descriptiva tektiteka. Guatemala: OKMA, 2006.

Petrich 1998a — Perla Petrich (ed.). Pueblos y santos del lago Atitlán. Guatemala: Casa de estudios de los pueblos del lago Atitlán, 1998.

Petrich 1998б — Perla Petrich (ed.). Vida de los ancianos del lago Atitlán. Guatemala: Casa de estudios de los pueblos del lago Atitlán, 1998.

Polian 2013 — Gilles Polian. Gramática del tseltal de Oxchuc. México D.F.: CIESAS, 2013.

Relatos choles 2002 — Relatos choles / Albilbä tyi lakty'añ. México D.F.: Dirección general de culturas populares e indígenas, 2002.

Robertson 1987 — John Robertson. The common beginning and evolution of the tense-aspect system of Tzotzil and Tzeltal Mayan // International Journal of American Linguistics, 53(4), 1987: 423–444.

Robertson 1992 — John Robertson. The history of tense / aspect / mood / voice in the Mayan verbal complex. Austin: University of Texas Press, 1992.

Schiffrin 1981 — Deborah Schiffrin. Tense variation in narrative // Language, 57(1), 1981: 45–62.

Stewart 1980 — Stephen Stewart. Gramática kekchí. Guatemala: Editorial académica centroamericana, 1980.

Watatani 1995 — Jun Watatani. Tense / aspect system of Wastek (Mayan). Unpublished master thesis. Eugene, University of Oregon. 1995.

Whittaker, Warkentin 1965 — Arabelle Whittaker, Viola Warkentin. Chol texts on the supernatural. Oklahoma: Summer Institute of Linguistics, 1965.

Zavala 1994 — Roberto Zavala Maldonado. Inverse alignment in Huastec // Función, 15–16, 1994: 27–81.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аркадьев Петр Михайлович — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела типологии и сравнительного языкознания Института славяноведения РАН, доцент Российского государственного гуманитарного университета, ведущий научный сотрудник Московского педагогического государственного университета, Москва.

Электронная почта: peterarkadiev@yandex.ru.

Байда Виктор Викторович — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры германской и кельтской филологии филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова.

Электронная почта: bajda-bajda@list.ru.

Виноградов Игорь Андреевич — кандидат филологических наук, младший научный сотрудник отдела типологии и ареальной лингвистики Института языкознания РАН.

Электронная почта: igor.vinogradov@iling-ran.ru

Волков Олег Сергеевич — преподаватель Школы лингвистики НИУ ВШЭ, младший научный сотрудник сектора типологии ИЯз РАН, Москва.

Электронная почта: kot_gitarist@mail.ru

Выдрин Валентин Феодосьевич — доктор филологических наук, профессор Института восточных языков и цивилизации (INALCO), Париж, преподаватель-исследователь Лаборатории «Языки и культуры Чёрной Африки» (LLACAN) Национального центра научных исследований, Франция, профессор Восточного факультета СПбГУ, Санкт-Петербург.

Электронная почта: vydrine@gmail.com

Горбова Елена Викторовна — доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург.

Электронная почта: elena-gorbova@yandex.ru,
e-gorbova@spbu.ru

Горбунова Ирина Михайловна — преподаватель кафедры восточных языков института лингвистики РГГУ, Москва; сотрудница компании ABBYY ИнфоПоиск, Москва.

Электронная почта: kmara63@gmail.com

Майсак Тимур Анатольевич — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела кавказских языков Института языкознания РАН (Москва).

Электронная почта: timur.maisak@gmail.com

Макарова Анастасия Леонидовна — аспирантка ИЛИ РАН, Санкт-Петербург.

Электронная почта: abeatina@rambler.ru

Мерданова Солмаз Рамазановна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела кавказских языков Института языкознания РАН (Москва), профессор кафедры лингводидактики и межкультурных коммуникаций факультета иностранных языков Московского городского психолого-педагогического университета.

Электронная почта: merdanov@rambler.ru.

Перехвальская Елена Всеволодовна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник ИЛИ РАН.

Электронная почта: elenap96@gmail.com

Плунгян Владимир Александрович — член-корреспондентРАН, доктор филологических наук. профессор, заведующий сектором типологии ИЯз РАН, Москва.

Электронная почта: plungian@gmail.com.

Пупынина Мария Юрьевна — кандидат филологических наук, младший научный сотрудник отдела языков народов России ИЛИ РАН, Санкт-Петербург.

Электронная почта: pupynina@gmail.com

Семёнова Ксения Павловна — лаборант кафедры теоретической и прикладной лингвистики МГУ имени М. В. Ломоносова.

Электронная почта: k.semion@philol.msu.ru.

Сержант Илья Александрович — PhD, сотрудник Лейпцигского университета.

Электронная почта: serzants@mail.ru.

Сичинава Дмитрий Владимирович — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела корпусной лингвистики и лингвистической поэтики Института русского языка РАН; сотрудник НИУ ВШЭ, Москва.

Электронная почта: mitrius@gmail.com.

Урманчиева Анна Юрьевна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела теории грамматики ИЛИ РАН, Санкт-Петербург.

Электронная почта: urmanna@yandex.ru

Федотов Максим Леонидович — аспирант лаборатории типологического изучения языков Института лингвистических исследований РАН, лаборант отдела языков народов России Института лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург.

Электронная почта: tequila.lime@gmail.com. Интернет-страница: http://iling-spb.academia.edu/MaksimFedotov.

Фридман Иосиф Александрович — старший преподаватель кафедры восточно-христианской филологии и Восточных Церквей богословского факультета Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного Университета (Москва).

Электронная почта: fridman_iosif@mail.ru.

Ханина Ольга Владимировна — кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела типологии и ареальной лингвистики ИЯз РАН, Москва.

Электронная почта: olesya.khanina@gmail.com

Чуйкова Оксана Юрьевна — аспирант кафедры общего языкознания СПбГУ, Санкт-Петербург.

Электронная почта: oxana.chuykova@gmail.com. Интернет-страница: http://spbu.academia.edu/OksanaChuikova.

Шварц (Хорошкина) Анна Сергеевна — научный сотрудник Института Мировой Культуры МГУ, Москва.

Электронная почта: annakhor@gmail.com

Шлуинский Андрей Болеславович — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела африканских языков Института языкознания РАН; член научного коллектива проекта по гранту РНФ №16-18-02081, выполняемого на филологическом факультете МГУ, Москва.

Электронная почта: ashl@yandex.ru

АННОТАЦИИ И КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

В. А. Плунгян. К типологии перфекта в языках мира: предисловие.

В предисловии к сборнику рассматриваются основные теоретические проблемы изучения перфекта. Первая из них состоит в определении самой семантики перфекта, показатели которого в языках мира демонстрируют высокую степень полисемии. В качестве наиболее перспективного предлагается подход к перфекту как к «разрушенному» результативу, утратившему акциональные ограничения; напротив, чисто «темпоральный» подход, связывающий значение перфекта с таксисной функцией предшествования моменту речи, представляется менее удачным. Предлагается разделение перфектных систем на два класса в точки зрения диахронического источника формы и ее семантической основы. «Стативный» перфект, характерный в том числе для европейских языков, представляет собой конструкцию с перфективным причастием и вспомогательным глаголом ‘быть’ или ‘иметь’ и исходно служит для выражения состояния участника. «Терминативный» перфект образуется на основе конструкций с вспомогательным фазовым глаголом типа ‘finire’ и указывает на завершенность ситуации в момент наблюдения (к последнему типу близка категория «ямитива»). Вторая группа проблем связана с местом перфекта в системе других глагольных категорий, в том числе с определением того, является ли перфект разновидностью вида или времени: наиболее разумно считать перфект именно аспектуальной граммемой особого типа, выражающей результативные или близкие к результативным «посттерминальные» значения. Третья проблема касается диахронии перфекта: перфект характеризуется диахронической нестабильностью и, как правило, является промежуточным этапом на пути от одного устойчивого семантического прототипа (например, результативного) к другому (например, перфективному или эвиденциальному). Выделяются три типа эволюции перфекта, или основные «перфектные сценарии»: «расширенный перфект», «специализированный перфект» и «слабый перфект». В заключение рассматривается структура и состав сборника.

Ключевые слова: вид, время, перфект, результатив, аспектуальность, эвиденциальность, диахроническая нестабильность, грамматикализация.

Е. В. Горбова. Результативность, экспериенциальность, инклюзивность, иммедиатность: чем определяется значение перфекта?

Статья посвящена обсуждению структуры семантики перфекта как кросс-лингвистической категории применительно к соответствующей испанской граммеме. Анализируется существующий перечень четырех типов (употребления) перфекта, ставятся вопросы об их взаимном соотношении, в том числе об их (не)сводимости к инварианту. Обсуждение языкового материала, полученного в рамках двух небольших корпусных исследований, позволяет сделать вывод об ограниченной применимости ставшего традиционным для типологии перечня из четырех типов употребления перфекта к испанскому репрезентанту этой граммемы. В то же время, результатом исследования являются аргументы в пользу наличия у граммемы перфекта (или, по крайней мере, у исп. Перфекта) инварианта в виде значения «текущей релевантности».

Ключевые слова: перфект, испанский язык, типологический подход, аспектуальная граммема, семантика перфекта, типы употребления перфекта, инклюзивность, иммедиатность, экспериенциальность, результативность, текущая релевантность, инвариантное значение

М. Л. Федотов, О. Ю. Чуйкова. Русские делимитативные предикаты и семантика перфекта.

В статье рассматривается употребление русских делимитативных предикатов с префиксом *по-* (*погулять*, *поработать*) в речевом режиме интерпретации. Как показывают наблюдения, делимитативные предикаты здесь практически обязательно получают перфектную интерпретацию (то есть практически во всех случаях — по крайней мере, рематических, — выражают семантику текущей релевантности). Это отличает их от трансформативных глаголов совершенного вида (СВ) (*написать*, *купить*), для которых перфектная интерпретация в речевом режиме также характерна, но легко отменяется.

В речевом режиме делимитативные предикаты также формируют функциональную оппозицию с «общефактическими» употреблениями соответствующих предикатов несовершенного вида (НСВ) (ср., например, *Я поспал* vs. *Я спал*). Если первые выражают собственно перфектное (конкретное текуще-релевантностное) значение — *Я поспал*; *Я уже погулял*, — то вторые выражают несовместимое с

ним экспериенциальное (~ «экзистенциальное») значение — *Я спал*; *Я уже гулял*.

Учитывая также высочайшую продуктивность делимитативной деривации (делимитативные предикаты образуются практически от любых глаголов несовершенного вида), можно сделать вывод, что делимитативная деривация выполняет в русском языке в том числе функцию специализированного перфекта для непредельных ситуаций / ситуаций, не достигающих предела. При этом практически обязательным её использование в этой функции является только в речевом режиме в рематических употреблениях. Роль «неперфектного» грамматического средства в аналогичных условиях выполняют соответствующие предикаты НСВ.

Ключевые слова: русский язык, делимитатив, перфект, текущая релевантность, общефактичность, экспериенциальность, речевой режим, рема

Д. В. Сичинава. Европейский перфект сквозь призму параллельного корпуса.

В статье рассматривается распределение граммемы перфекта в двенадцати языках Европы. При помощи программы NeighbourNet получены данные о расстояниях между рядами данных в многоязычном параллельном корпусе, включающем переводы «Алисы в стране чудес» и «Винни-Пуха». Обсуждаются семантические причины предпочтения перфекта в тех или иных языках и разбираются конкретные примеры. Кроме того, систематизируются переводные эквиваленты перфекта в двуязычном параллельном англо-русском корпусе.

Ключевые слова: перфект; граммема; типология; языки Европы; параллельный корпус; статистика; NeighbourNet

П. М. Аркадьев. Взаимодействие перфекта и отрицания в литовском языке: ареальная и типологическая перспектива.

В статье анализируется семантическое взаимодействие перфекта и отрицания в литовском языке, где отрицательный префикс может продуктивно присоединяться как ко вспомогательному, так и к лексическому глаголу в аналитических формах. Показано, что морфологическая позиция отрицания коррелирует с его семантической сферой действия относительно перфекта, что может прояв-

ляться как в различных условиях истинности соответствующих конструкций, так и в особенностях их прагматики. Литовские данные сопоставляются с материалом генетически и географически близких языков: латышского, славянских диалектов, прибалтийско-финских языков; выдвигается гипотеза о возможном ареальном характере литовско-славянских схождений в структуре отрицательного перфекта. Показано также, что, во-первых, формальная «двойственность» отрицания в аналитическом перфекте не представлена в языках среднеевропейского стандарта, и, во-вторых, параллели литовским конструкциям отмечены в целом ряде языков Азии.

Ключевые слова: перфект, отрицание, сфера действия, семантика, семантико-синтаксический интерфейс, литовский язык, славянские языки, прибалтийско-финские языки, языки Европы, языки Евразии, ареальная типология, типология.

В. В. Байда. Перфектные конструкции в ирландском языке.

В статье рассматриваются две перфектные конструкции ирландского языка в синхронии и диахронии: (1) перфект с причастием, образующийся по модели «*bí* ‘быть’ + причастие смыслового глагола + *ag* ‘у’ + агенс» для переходных глаголов и «*bí* ‘быть’ + причастие смыслового глагола» для непереходных, и (2) так называемый «после»-перфект «*bí* ‘быть’ + предлог со значением ‘после’ + глагольное имя смыслового глагола». Представляется полное описание значений и функций обеих конструкций, а также очерк их исторического развития.

Ключевые слова: ирландский язык, кельтские языки, перфект, результатив, аналитические конструкции.

А. Л. Макарова. О формах и функциях перфекта в западномакедонских диалектах.

В статье представлен краткий обзор претеритальной системы в западномакедонских диалектах во внутрилингвистическом и ареально-типологическом аспекте.

Помимо «простых прошедших времен», в македонском языке имеется три ряда аналитических форм, демонстрирующих широкий спектр перфектных (результатив, эксперенциал) и модальных (эвиденциал, адмиратив, оптатив) значений. В грамматической традиции македонистики эти формы принято называть перфектами. Предпола-

гается, что их появление в македонском языке обусловлено, помимо внутреязыковых причин, тесным взаимодействием с другими языками Балканского языкового союза (албанский, арумынский) и многоступенчатому процессу взаимного калькирования.

Ключевые слова: македонский язык, арумынский язык, перфект, Балканский языковой союз, калькирование, языковые контакты

И.А Сержант. Перифрастический перфект / результатив в тохарских языках

В статье рассматривается тохарская перифрастическая конструкция перфекта со свойствами результатива, состоящая из вспомогательного глагола «быть» (обычно опускаемого в индикативе настоящего времени) и результативного / перфектного причастия лексического глагола. Синтаксическая особенность данного причастия заключается в том, что его ориентация определяется контекстуально, — оно может употребляться в качестве как субъектного так и объектного результатива; отношения к залогу оно не имеет. Наряду с некоторыми примерами результативного значения, в большей части примеров данная конструкция имеет более общее, перфектное значение релевантности в настоящем, а также экспериенциальное значение. Типичные формальные признаки перфекта, свойственные данной конструкции, — это совместимость с наречием «сейчас», тенденция к употреблению в контекстах, не связанных с прошедшим временем, склонность глагола «идти» в данной форме к эссивной стратегии, отсутствие каких бы то ни было лексических ограничений. Соответствующие формы плюсквамперфекта образуются с помощью вспомогательного глагола (а) в имперфекте или (б) в претерите. Различие между двумя формами предположительно соответствует различию между имперфективным и перфективным рассмотрением собственно результата (в случае результатива) или ситуации, являющейся следствием действия в прошлом (в случае перфекта): тип (а) встречается в контекстах, не предполагающих временной границы, а тип (б), наоборот, в контекстах, из которых следует, что результат или ситуация-следствие имели место только до определенного момента времени.

Ключевые слова: тохарские языки, результатив, перфект, плюсквамперфект.

Кс. П. Семёнова. Семантика форм перфекта в древнеармянских Евангелиях.

Работа посвящена описанию семантики древнеармянского перфекта, то есть аналитических глагольных форм, состоящих из причастной формы на *-eal* и вспомогательного глагола-связки (*em* ‘быть’) в форме настоящего времени. Кроме того, кратко перечисляются основные семантические классы употреблений причастных конструкций со связкой в форме прошедшего времени («плюсквамперфект») и в форме презенса конъюнктива. Исследование проведено на материале текстов четырёх Евангелий.

С точки зрения типологии перфектных форм, позиция древнеармянского может быть определена в самом начале перфектного континуума – доминирующим является результативное употребление, однако «результативный прототип» уже начинает разрушаться: достаточно отчётливо выделяются классы стативных и экспериенциальных контекстов, а также ряд других – более спорных, но также демонстрирующих некоторую семантическую эволюцию форм перфекта.

Ключевые слова: древнеармянский язык, перфект, результатив, статив, экспериентив, причастие, аналитическая глагольная конструкция

Т. А. Майсак. Перфект и аорист в ниджском диалекте удинского языка.

В статье рассмотрены две основные перфективные формы прошедшего времени в ниджском диалекте удинского языка (лезгинская группа нахско-дагестанской семьи). Наиболее частотная форма с суффиксом *-i* может быть охарактеризована как простое перфективное прошедшее, или аорист; она является основным средством описания последовательности событий в нарративе. Форма с суффиксом *-e* более редка, однако имеет широкий круг употреблений, в т.ч. описание текущего состояния (результатив), текущая релевантность прошлой ситуции, экспериентивность; в целом, ее дистрибуция хорошо соотносится с межъязыковой категорией перфекта. От Перфекта при помощи показателя «ретроспективного сдвига» образуется Плюсквамперфект, представляющий собой достаточно типичный «перфект в прошлом». Одним из любопытных отличий между Перфектом и Аористом является предпочтительная позиция показателя личного согласования на глаголе: энклитическая в случае

Перфекта и эндоклитическая (интраклитическая) в случае Аориста. Кроме того, Перфект интересен тем, у него имеется особая отрицательная конструкция с постпозицией показателя отрицания. В статье выдвигается гипотеза, согласно которой эта конструкция исходно представляет собой сочетание перфективного причастия и отрицательного вспомогательного глагола, что может указывать и на происхождение самого Перфекта от причастия. Предложены наиболее вероятные диахронические сценарии эволюции аористной и перфектной форм в удинском языке, обсуждаются дальнейшие направления в изучении удинской системы прошедших времен.

Ключевые слова: аорист, перфект, плюсквамперфект, эндоклитики, отрицание, грамматикализация, нарратив, удинский язык.

Т. А. Майсак, С. Р. Мерданова. Перфект и смежные значения в агульском языке.

В статье рассмотрен фрагмент системы прошедших времен индикатива в агульском языке (лезгинская группа нахско-дагестанской семьи); все они восходят к аналитическим конструкциям с перфективным деепричастием либо причастием смыслового глагола. Значения, так или иначе ассоциируемые с перфектом, выражают четыре формы с вспомогательным глаголом настоящего времени. Вместе с тем, вопрос о том, имеется ли в агульском языке специализированная форма перфекта (‘ситуация имела место в прошлом и сохраняет текущую релевантность’), не имеет однозначного ответа. Так, Аорист является типичной перфективной формой прошедшего времени, хотя используется и в «иммедиатных» контекстах. «Причастный» Аорист представляет собой специализированное средство выражения экспериентивного и экзистенциального значения. Наиболее близки к «ядру» перфектной семантической зоны две формы — Результатив и «причастный» Результатив. Дистрибуция Результатива при этом гораздо шире: помимо перфектного, он выражает и собственно результативное значение, а также активно используется в качестве заглазного прошедшего (в т.ч. в нарративах). «Причастный» же Результатив, напротив, имеет более узкую дистрибуцию, связанную со специфическим оттенком значения: он указывает на релевантность результата ситуации, которая представляется как уже известная и вводится с целью пояснения или подтверждения. Таким образом, можно говорить о том, что в агульской системе представлены две

«перфектоподобные» формы, ни одна из которых не является классическим перфектом.

Четырем рассмотренным формам соответствуют четыре формы, включающие вспомогательный глагол в прошедшем времени; все они выражают значения «плюсквамперфектного» типа, такие как предшествование в прошлом, результирующее состояние в прошлом, прекращенное прошлое и пр.

Ключевые слова: аорист, перфект, экспериентив, результатив, косвенная засвидетельствованность, плюсквамперфект, агульский язык.

О. В. Ханина, А. Б. Шлуинский. Энецкий перфект: дискурсивные употребления у эвиденциально-адмиративного перфекта.

В статье рассматривается функционирование показателя перфекта в обоих диалектах энецкого языка – лесном и тундровом. Употребления этого показателя делятся на семантические, то есть обусловленные семантикой конкретной клаузы, и дискурсивные, то есть обусловленные структурой дискурса. К первым относятся собственно перфектные, эвиденциальные и адмиративные употребления, ко вторым – ренарративные, интродуктивные и ключевые. Высказываются предположения о двух независимых путях семантического развития показателя перфекта в энецком языке, в совокупности позволяющих объяснить наблюдаемую полисемию.

Ключевые слова: энецкий язык, перфект, эвиденциальность, адмиратив, дискурсивные употребления, нарратив.

А. Ю. Урманчиева. «Антиподы» перфекта в самодийских языках: ненецкое прошедшее время.

Статья появщена форме т. н. прошедшего времени ненецкого языка. С точки зрения семантики эта форма представляет собой противоположность перфектных граммем. Однако с точки зрения прагматики она, неожиданным образом, повторяет характерные черты перфекта. В том числе, ей свойственно обилие прагматически обусловленных дискурсивных употреблений, которые подробно рассмотрены в статье.

Ключевые слова: ненецкий язык, прошедшее время, дискурсивные употребления, нарратив.

О. С. Волков, М. Ю. Пупынина. Категория перфекта в чукотско-камчатских языках.

В статье рассмотрены формы перфекта в чукотско-камчатских языках. Перфектные показатели в корякском, алюторском и ительменском языках демонстрируют существенное сходство в семантике, поэтому в статье они описаны вместе, но отдельно от показателей чукотского перфекта, который функционально отличен от них.

В основной части статьи дается характеристика базовых значений перфекта — как центральных, так и значений группы «расширенного перфекта». Чукотский перфект часто используется в исходном значении, а одним из ядерных «расширенных» значений для него, по-видимому, является экспериенциальное. В алюторском и корякском частотны эвиденциальные употребления перфекта в заглазном режиме повествования. Ительменский перфект, в свою очередь, наиболее распространен в текстах различных типов как основная нарративная форма и может, кроме того, использоваться в квалитативном значении.

Предполагается, что в чукотском языке перфектный показатель прошёл меньше стадий эволюции, чем в корякском и алюторском. При этом кажется верным тот факт, что показатель с перфектным значением не может быть возведен на общий прачукотско-камчатский уровень; в ительменском языке, как кажется, перфектная семантика рассматриваемых форм появилась в результате контактных влияний, исконное же значение данной формы — стативное.

Ключевые слова: аспект, перфект, результатив, эвиденциальность, чукотско-камчатские языки, чукотский, корякский, алюторский, ительменский.

Е. В. Перехвальская. Перфект в удэгейском языке.

Наличие специализированной граммемы перфекта не характерно для тунгусо-маньчжурских языков. В этом отношении среди других языков этой группы выделяется удэгейский, где в настоящее время имеется специализированная граммема перфекта. Удэгейский перфект появился в языке недавно, по-видимому, уже в XX веке, явившись переосмыслением форм прямой эвиденциальности, которые характерны и для других тунгусо-маньчжурских языков.

Ключевые слова: аспект, перфект, эвиденциальность, тунгусо-маньчжурские языки, удэгейский.

А. С. Шварц (Хорошкина). Показатели перфекта в современном китайском языке.

В статье рассматривается категория перфекта в приложении к современному литературному китайскому языку (мандаринскому). В связи с понятием перфекта изучаются два показателя: глагольный суффикс *-guo* и сентенциальная частица *-le*. Суффикс традиционно определяется как показатель экспериенциалиса, а сентенциальную частицу обычно называют показателем «изменения состояния». Каждый из этих элементов обладает некоторыми свойствами, характерными для европейских показателей перфекта, но в то же время не все свойства совпадают со свойствами европейских показателей. По этой причине в литературе представлены обе точки зрения: некоторые авторы считают показателем перфекта суффикс, в то время как другие склонны считать таковым частицу. В нашей статье мы рассмотрим свойства обоих элементов последовательно, обращая особое внимание на связь этих свойств с такими понятиями, как эвиденциальность, а также ямитив.

Ключевые слова: перфект, китайский язык, ямитив, эвиденциальность, экспериенциалис.

И. М. Горбунова. О перфекте и смежных категориях в атаяльском языке.

В статье предлагается подробный анализ семантики двух глагольных форм атаяльского языка, которые так или иначе связанны с семантической зоной перфекта. Одна из этих форм употребляется в первую очередь в типичных контекстах перфекта результата, однако обнаруживает дополнительный комплетивный оттенок, а также некоторые употребления, нетипичные для перфекта. Вторая форма употребляется в экспериентивных контекстах и в таксисных конструкциях со значением предшествования, но в остальном ее семантика далека от перфектной.

Ключевые слова: австронезийские языки, атаяльский язык, аспект, перфект, сверхпрошлое, комплетив, экспериентив.

И. А. Фридман. Семантика и прагматика перфекта в амхарском языке.

Статья посвящена синхронному и диахроническому описанию семантики и прагматических коннотаций употребления перфекта в

литературном амхарском языке. Описывается морфологическая структура амхарского перфекта, особенности его употребления в текстах на староамхарском языке. Формулируются ограничения, налагаемые на использование перфектных форм системными факторами (контексты нейтрализации противопоставления «претерит/перфект»). Особо рассматриваются наименее тривиальные с типологической точки зрения сферы употребления перфекта: его функционирование в нарративных текстах, в т. ч. историографического характера, в языке прессы, а также своеобразные метаморфозы, характерные для семантики перфекта у стативных и перформативных глаголов. На основании рассмотренных в статье особенностей исторической эволюции и синхронной семантики и прагматики амхарского перфекта делается вывод о том, что в дальнейшем эта граммема, вероятнее всего, будет развиваться по «претериальному» сценарию, т. е. постепенно приобретать значение нейтрального прошедшего времени.

Ключевые слова: перфект, амхарский язык, староамхарский язык, историографический нарратив, синтаксические ограничения, язык прессы, стативные глаголы, перформативные глаголы.

В. Ф. Выдрин. Перфект в языке манинка Гвинеи.

В гвинейском манинка имеется специализированная перфектная утвердительная конструкция, основные значения которой — актуальное прошлое, эксперенциалис, таксисный перфект. При отрицании происходит нейтрализация противопоставления аористов и перфекта. В вопросительных предложениях значение актуального настоящего выражает чаще всего аорист. Наблюдается конкуренция перфекта со специализированными конструкциями в значениях результатива и инферентива. Показатель перфекта *báda* ~ *bára*, по-видимому, возник в манинка в результате грамматикализации глагола *bán* ‘кончать(ся)’ и был заимствован языками групп моколе и сусу-джалонке.

Ключевые слова: перфект, эксперенциалис, аорист, результатив, претериальный перфект, плюсквамперфект, манинка Гвинеи.

А. Б. Шлуинский. Терминатив в языке сусу: к типологии терминативной разновидности перфекта.

В статье рассматривается функционирование формы терминатива (ямитива) в языке сусу семьи манде в сопоставлении с другой

перфектной формой данного языка. Терминатив представляет собой разновидность перфекта, семантика которой осложнена компонентом ‘ужé’, указывающим на то, что ситуация завершилась или имеет место ранее ожидаемого срока. Обе перфектные формы в сусу имеют как употребления с перфективным собственно видовым ракурсом, так и дуративные употребления, описывающие имеющую длительность фазу ситуации, синхронную точке отсчета; выбор аспектуального ракурса связан с акциональным классом глагола. В свете типологических данных обсуждается возможное системное влияние формы фактатива на появление у терминатива дуративных употреблений.

Ключевые слова: язык сусу, перфект, терминатив, ямитив, акциональность.

И. А. Виноградов. Причастные и финитные перфектные формы в языках майя.

Статья посвящена различным способам выражения перфекта в современных языках семьи майя. Основной способ – перфектные причастия, они есть во всех языках майя и надёжно восстанавливаются в праязыке. Финитный способ выражения перфекта развивается «на фоне» причастного лишь в шести из тридцати языков. О позднем появлении финитного перфекта свидетельствует различная этимология этих показателей. Главная семантическая особенность майянского перфекта – превалирование стативного компонента среди всего спектра его значений. За счёт своих семантических особенностей и причастной формы выражения перфект оказывается удобным средством для передачи предшествования в прошедшем времени.

Ключевые слова: перфект, языки майя, причастие, стативность, экспериенциальность.

SUMMARIES AND KEY WORDS

Vladimir A. Plungian. Towards the typology of the perfect in the world's languages: introduction.

The introduction to the volume assesses the main theoretical problems in the study of the perfect. First, the very definition of the perfect meaning is problematic, given the highly polysemous nature of perfect markers cross-linguistically. It is suggested that the perfect should be regarded as a "faded" resultative, which has lost its actional restrictions. To the contrary, the purely "temporal" approach associating the perfect meaning with taxis, i.e. the precedence to the moment of speech, does not seem felicitous. It is also suggested that two types of the perfect systems can be distinguished from the point of view of both their diachronic sources and semantic base. The "stative" perfect, typical of European languages, arises as a periphrastic construction with the perfective participle and the auxiliary 'be' or 'have', its original function being the description of a participant's state. The "terminative" perfect has its origins in constructions with the auxiliary verb like 'finire' and points at the completeness of the situation by reference time (it is close to what has been recently described as the "iamitive" category). The second group of problems relates to the place of the perfect within the system of verbal categories, in particular as regards to its classification as an aspectual or a temporal gram. It seems most reasonable to treat the perfect as a special kind of aspect, expressing resultative and other "post-terminal" meanings. The third problem is the diachrony of the perfect, which is well-known to be diachronically unstable and often represents an intermediate step on a path from one stable semantic prototype (e.g. resultative) to another (e.g. perfective or evidential). It is suggested that there are the following three evolutionary stages of the perfect, or "perfect scenarios": the "extended" perfect, the "specialized" perfect and the "weak" perfect. The paper is concluded by an overview of the volume.

Keywords: perfect, resultative, aspectuality, temporality, evidentiality, diachronic unstability, grammaticalization.

Elena V. Gorbova. Perfect of result, experiential perfect, perfect of persistent situation, perfect of recent past: what determines the meaning of the perfect?

The article discusses the semantic structure of perfect as a cross-linguistic grammatical category with reference to the corresponding

grammeme in Spanish. The discussion is focused on the semantic scope of perfect with a list of four types of perfect, their mutual relationship, including their (non-)reducibility to an invariant. The study of language material gathered in two (micro)corpora leads to a conclusion that the traditional typological list of types of perfect is not fully applicable to the Spanish Perfect. Besides, the results of the analysis give grounds to consider "current relevance" to be the invariant meaning of the grammeme of perfect (or at least of Spanish Perfect).

Keywords: perfect, Spanish, typological approach, aspectual grammeme, semantics of perfect, types of perfect, perfect of persistent situation, perfect of recent past, experiential perfect, perfect of result, current relevance, invariant meaning

Maksim Fedotov, Oksana Chuikova. Russian delimitative predicates and perfect semantics.

The article focuses on the dialogical (non-narrative) uses of Russian delimitative predicates with prefix *po-* (*poguljat'*, *porabotat'*). In dialogical discourse, such predicates almost obligatorily receive perfect interpretation (i. e. almost in all cases — at least for non-topical predicates — they always express the semantics of current relevance). They differ in this respect from the transformative perfective verbs (*napisat'*, *kupit'*), which also frequently receive perfect interpretation in dialogical discourse, but it can be easily cancelled.

In addition, in dialogical discourse delimitative verbs form a functional opposition with the corresponding imperfective verbs (in their "general-factual" uses) (cf. a pair *Ja pospal* vs. *Ja spal*). While the former express perfect semantics proper (current relevance semantics) — *Ja pospal*; *Ja uže poguljal*, — the latter express opposite experiential ~ "existential" semantics — *Ja spal*; *Ja uže guljal*.

Given the fact that the delimitative derivation is highly productive in Russian (delimitative predicate can be formed from almost any imperfective verb), it can be considered to perform in Russian the role of a specialized perfect for atelic situations and for telic situations not achieving their natural endpoint. At the same time this device is (almost) obligatory in this function only in dialogical discourse in non-topical uses. The role of "non-perfect" grammatical device in the same conditions is performed by corresponding imperfective predicates.

Keywords: Russian, delimitative, perfect, current relevance, general-factual imperfective, experientiality, dialogical discourse, dialogical register, rheme, focus.

Dmitri Sichinava. European Perfect viewed from a parallel corpus.

The paper deals with the distribution of the perfect gram in twelve languages of Europe. A NeighbourNet network is built showing the distances between the language data in a multilingual parallel corpus that includes translations of Alice in Wonderland and Winnie-the-Pooh. Semantic conditions yielding some particular distributions are discussed. Additionally, translation equivalents of the perfect gram in English within a 16-million English-Russian bilingual parallel corpus are envisaged.

Keywords: perfect gram; typology; languages of Europe; parallel corpora; statistics; NeighbourNet.

Peter Arkadiev. Interaction of perfect and negation in Lithuanian: areal and typological perspectives.

The article analyses the interaction of perfect and negation in Lithuanian, where the negative prefix can attach both to the auxiliary and to the lexical verb in the periphrastic perfect/resultative construction. It is shown that the morphological position of the negation correlates with its semantic scope with respect to the perfect, which can have both truth-conditional and pragmatic repercussions. The Lithuanian data are compared to those of the genetically related and geographically neighbouring languages, such as Latvian, Slavic vernaculars and Baltic Finnic. The similarities between the Lithuanian and dialectal Slavic negated perfect constructions are hypothesized to constitute a potential areal feature. It is also shown that the formal "duality" of the negated perfect does not occur in the Standard Average European languages, but is attested in various languages of Asia.

Keywords: perfect, negation, semantic scope, semantics, semantics-syntax interface, Lithuanian, Slavic, Finnic, languages of Europe, languages of Asia, typology, areal typology.

Viktor V. Bayda. Perfect constructions in Irish.

The article discusses two perfect constructions in Irish from a synchronic and a diachronic perspective. These constructions are (1) the participial perfect «*bí* 'to be' + participle + *ag* 'at' + agent» for transitive and «*bí* 'to be' + participle» for intransitive verbs, and the so-called 'after'-perfect «*bí* 'to be' + a preposition meaning 'after' + verbal noun». A description on the full range of meanings and functions of both constructions is presented, as well as an outline of their historical development.

Key words: Irish, Celtic, perfect, resultative, periphrastic constructions.

Anastasiya L. Makarova. On the forms and functions of the perfect tense in the western Macedonian dialects.

This article provides a brief overview of the system in the preteritate system of western Macedonian dialects in both the linguistic-internal and areal-typological aspect.

In addition to the "simple past tenses", Macedonian has a tripartite series of analytical forms, showing a wide range of perfect (resultative, experiential) and modal (evidential, admirativ, optative) values. The grammatical tradition in Macedonian linguistics calls these forms "perfects". It is assumed that their appearance in the Macedonian language is due to, among linguistic-internal reasons, the fact that Macedonian has been in close contact with other languages of the Balkan linguistic union (Albanian, Aromanian) and a multi-step process of mutual calquing.

Keywords: Macedonian, Aromanian, perfect, Balkan linguistic union, calquing, linguistic convergence

Ilja A. Seržant. Periphrastic Perfect / Resultative in Tocharian.

The present paper is devoted to the perfect construction of Tocharian encoded periphrastically by means of an auxiliary (originally 'to be') typically dropped in the present indicative and the resultative / perfect participle of the lexical verb. The participle is contextually oriented and can surface as either A- or P-oriented; it is not related to voice. Functionally, this construction encodes perfect with properties of a resultative. Thus, while resultative meaning is found in some cases, mostly it is used with a broader meaning of perfect, denoting current relevance at reference time. Occasionally it is used as experiential perfect. The following formal criteria for its perfect meaning have been discovered: compatibility with the time adverbial 'now', strong tendency to occur in contexts with no past time reference, the tendency to employ the essive strategy with the verb 'to go' as opposed to the lative strategy of this verb elsewhere, no lexical input restrictions. The respective pluperfect forms are coded by means of the (a) imperfect or (b) preterit forms of the auxiliary. Tentatively, the difference between the two amounts to the difference between the imperfective and perfective viewpoint. Contexts that do not require commitments to a temporal boundary for the result or after-effects are found with (a) type pluperfects. In turn, (b) type pluper-

fects are found in the contexts that suggest a temporal delimitation for the result or after-effects at the reference time.

Keywords: Tocharian, resultative, perfect, pluperfect.

Xenia Semionova. The semantics of perfect forms in Classical Armenian Gospels.

The paper focuses on the semantic properties of Classical Armenian periphrastic verbal forms consisting of a participle in *-eal* and an auxiliary verb *em* 'to be'; the data are from the Armenian translation of the four Gospels. The present perfect forms (with the auxiliary in the present indicative) are the main topic, but a brief overview of the semantics of other verbal periphrases with the *-eal* participle, i.e. with the auxiliary in the past tense (= "pluperfect") and in the present subjunctive, is also provided.

The perfect in Classical Armenian represents an early stage of semantic evolution, being mostly a resultative perfect, but with two important and relatively homogeneous groups of non-resultative uses: the stative (where the emphasis is rather on the current state than on the preceding event) and the experiential (where the subject is ascribed a set of properties related to the fact of having participated / not participated in the past event or in a series of such events). Cross-linguistically, this is a not infrequent development of resultative-like perfects.

Keywords: Classical Armenian, perfect, resultative, stative, experiential, participle, verbal periphrases.

Timur Maisak. The Perfect and the Aorist in the Nizh dialect of Udi.

The paper focuses on the two most important perfective forms expressing past time reference in the Nizh dialect of Udi, a language of the Lezgic group of East Caucasian family. The form with the suffix *-i* is the most frequent in narrative texts, and can be properly characterized as the Aorist (perfective past). The form with the suffix *-e* is less frequent, but has a wide range of uses, including the expression of current relevance of past situations and the experiential meaning, as well as the resultative meaning (present state); on the whole, this form fits the crosslinguistic category of the perfect. There is also the Pluperfect, which is derived from the Perfect by means of the "retrospective switch" enclitic, and is semantically a "perfect in the past". Apart from the functional differences between the Aorist and the Perfect, there is a number of morphosyntactic ones. In particular, the default position of person markers on the verb is enclitic

in case of the Perfect, but endoclitic (intraclitic) in case of the Aorist. Also, there is a special negation strategy available only for the Perfect, which includes the perfective participle and the postpositional negative complex. According to the hypothesis put forward in the paper, this negation structure may at least partly disclose the origin of the Perfect form, which seems to be based on the participle. The diachronic scenarios of the Aorist and the Perfect origin and evolution are discussed in the paper, as well as the perspectives for future research of the system of past tenses in Udi.

Keywords: aorist, perfect, pluperfect, endoclitics, negation, grammaticalizaton, narrative, Udi.

Timur Maisak, Solmaz Merdanova. Perfect and related meanings in Aghul.

The paper describes the group of perfective past tenses in Aghul (Lezgic, East Caucasian), focusing on the expression of the perfect meaning. There are four verbal forms which can express the meaning of the perfect 'family'; at the same time, it is not obvious whether Aghul can be qualified as a language with a dedicated perfect form. All the four forms in question are periphrastic in origin, with the perfective converb or participle of the main verb and the postpositional auxiliary in the present tense. The Aorist is a typical perfective past used in narratives, although it is employed in the immediate ('hot news') contexts as well. The "participial" Aorist has an experiential or existential meaning, which is commonly associated with perfects. The Resultative is a polyfunctional form which expresses both perfect and resultative meanings, as well as indirect evidentiality in the past (in the latter function, it is a frequent tense used in 'second-hand' narratives). Finally, the "participial" Resultative has a narrower perfect meaning and introduces a currently relevant situation as already "known", the function of the corresponding clause being explanatory or confirmatory. Thus, Aghul can be said to possess two perfect-like forms, one with a wide distribution, and another with a more narrow distribution than expected of a 'classical' current-relevance perfect.

Each of the four forms has a counterpart with the 'pluperfect' structure, including the perfective converb or participle and the auxiliary in the past. These forms express the meanings that are typical of pluperfects cross-linguistically, including the resultant state in the past, the anteriority in the past, 'discontinuous' past etc.

Keywords: aorist, perfect, experiential, resultative, indirect evidentiality, pluperfect, Aghul.

Olesya Khanina, Andrey Shluinsky. Enets perfect: discourse-based uses of an evidential-admirative perfect gram.

This is a study of a perfect gram in the two Enets dialects, Forest Enets and Tundra Enets. Uses of this gram can be divided into two groups: semantic uses (determined by semantics of a clause) and discourse-based uses (determined by discourse structure). Semantic uses include perfect proper, evidential, and mirative; discourse uses include renarrative, introductory, and key uses. To explain the polysemy, we discuss two independent paths along which the semantic development of the Enets perfect gram could have happened.

Keywords: Enets, perfect, evidentiality, mirative, discourse-based uses, narrative.

Anna Yu. Urmanchieva. "Antipodes" of perfect in Samoyedic languages: Nenets past tense.

The paper describes the Nenets past tense. From the point of view of grammatical semantics it can be regarded as the opposite of perfect. But, interestingly, it the domain of pragmatics it shares with perfect some important features, such as a large variety of pragmatically motivated discourse uses.

Keywords: Nenets, past tense, discourse-based uses, narrative.

Maria Poupynina, Oleg Volkov. Perfect in Chukotko-Kamchatkan languages.

The paper deals with perfect in Chukotko-Kamchatkan languages. As perfect markers in Koryak, Alutor and Itelmen seem to be close functionally, they are described together in the same section, while the Chukchi perfect is dealt with separately.

The paper examines the meaning and functions of perfect markers. In Chukchi this marker tends to express the current relevance perfect, or in some contexts the experiential meaning. In Koryak and Alutor this marker is often used in evidential contexts as well. In Itelmen the perfect is the most frequent form in narratives, where it functions like a special narrative tense-aspect form; also it can have qualitative meaning.

We propose that in Chukchi the perfect marker is more young, while in Koryak, Alutor and Itelmen it went through more stages of diachronic evolution. The perfect semantics cannot be traced to the Proto-

Chukotko-Kamchatkan level; in Itelmen the perfect meaning of the marker in question seems to appear due to the areal contacts with Koryak.

Keywords: aspect, perfect, resultative, evidentiality, Chukotko-Kamchatkan languages, Chukchi, Koryak, Alutor, Itelmen.

Elena V. Perekhvalskaya. Perfect in Udihe.

The category of perfect is not characteristic for Manchu-Tungusic languages. In this respects Udihe stands out, as far as modern Udihe possesses a specialized perfect gram. It is argued, that the perfect gram arose in Udihe quite recently, within the XX century, due to semantic evolution of verbal forms of direct evidentials, which are well attested in other Manchu-Tungusic languages.

Key words: verbal aspect, perfect, evidentiality, Manchu-Tungusic languages, Udihe.

Anna Schwarz (Khoroshkina). The markers of perfect in modern Mandarin Chinese.

The paper looks at the category of perfect in modern Mandarin Chinese. Two markers are examined in relation to the notion of perfect: the suffix -*guo* and the sentential particle -*le*. The suffix is traditionally labeled as experientive marker, whereas the sentential particle is commonly regarded as a 'change of state' marker. Each element possesses certain features common for European perfect markers, but at the same time not all of their features are identical to what is traditionally noted as the perfect. For this reason, there exist both approaches in previous research: some authors claim the suffix to be the perfect marker in Mandarin, while others tend to consider the particle to be so. In our paper, we will examine the features of both elements in turn, giving special attention to the notion of evidentiality, as well as the notion of iamitive regarding both elements in question.

Keywords: perfect, Mandarin, iamitive, *le*, *guo*.

Irina Gorbunova. On Perfect and its relatives in Atayal.

The paper offers a detailed analysis of semantics of the two Atayal verbal forms that could be analyzed as perfect due to some of their functions. The first form, although labeled as "past tense form" in the grammar of Atayal, is mainly used in contexts which are considered typical for

the perfect of result. However, it also exhibits additional completive semantics, and sometimes is used where perfect is at least unexpected. The second form is also labeled "past tense form" in the grammar, and often called perfect or perfective form by other authors. Two of its main uses are experiential perfect and precedence. But apart from those two perfect-related uses, its semantics seems to be as far from perfect as possible.

Key words: Austronesian languages, Atayal, aspect, perfect aspect, discontinuative past, experiential perfect.

Iosif Fridman. Semantics and Pragmatics of Amharic Perfect.

The paper is devoted to synchronic and diachronic description of the semantics and pragmatic connotations of the usage of the Perfect in the literary Amharic language. The morphological structure of the Amharic Perfect and its peculiarities in Old Amharic texts are described. The author formulates restrictions imposed upon the use of the Perfect by systemic factors, or contexts in which the Preterit vs. Perfect opposition is neutralized. Special chapters discuss some typologically non-trivial issues in the use of the Perfect: the functions of the Perfect in narratives, including historical ones, and in the language of the press as well as the peculiar transformations which the semantics of the Perfect undergoes with stative and performative verbs. Departing from the peculiarities of the historical evolution and the synchronic semantics and pragmatics of the Amharic Perfect analyzed in the paper, the author arrives at the tentative conclusion that in the future this gram is likely to follow the "Preterit" diachronic scenario, i. e. to gradually acquire the meaning of a neutral past tense.

Keywords: Perfect, Amharic language, Old Amharic language, historical narrative, syntactic restrictions, language of the press, stative verbs, performative verbs.

Valentin Vydrin. The perfect in the Guinean Maninka.

In Guinean Maninka, there is a specialized affirmative perfect construction whose core grammatical semantics is constituted by the meanings of actual past, experiential, and perfect in the past. In negative sentences, the opposition of the perfect and aorist is neutralized. In interrogative sentences, the meaning of actual past is normally expressed by the aorist construction. The perfect construction can also express resultative and inferential meanings competing with the specialized resulta-

tive and inferential constructions. The auxiliary of the perfect construction, *báda ~ bára,* results from grammaticalization of the verb *bán* 'to end, finish' in Maninka; it was borrowed later by the languages of the Mokolo and Susu-Jallonke groups.

Keywords*:* perfect, experiential, aorist, resultative, perfect in the past, pluperfect, Maninka of Guinea.

Andrey Shluinsky. Terminative in Susu: a case study of the terminative variety of perfect.

The paper deals with the terminative (iamitive) gram of Susu, a Mande language. This gram is compared with another perfect gram of the same language. Terminative is a variety of perfect which has an additional meaning of 'already', i.e. indicates that an event finished or takes place earlier than it was expected. Both perfect grams in Susu have both uses with a perfective viewpoint aspect and durative uses where a process or a state is expressed which is synchronic to the reference time; the choice of the viewpoint aspect meaning depends on the actionality of the verb. In the context of cross-linguistic data, a possible influence of the factative gram on the development of the durative uses of the terminative is discussed.

Keywords: Susu, perfect, terminative, iamitive, actionality.

Igor Vinogradov. Participial and finite perfect forms in Mayan languages.

This paper focuses on different ways to express the perfect meaning in the modern languages of Mayan family. Perfect participles are the basic tool; they are present in all Mayan languages and can be reliably reconstructed in the proto-language. Finite means of perfect expression develops on the background of participial ones only in six of the thirty languages. Different etymological sources of the markers attest the later appearance of finite perfect forms. The main semantic feature of the Mayan perfect is the prevalence of the stative component among the entire spectrum of its values. The perfect turns out to be a convenient tool to express the precedence in the past due to its semantic features and participial form.

Key words: perfect, Mayan languages, participle, stativity, experientiality.

ОГЛАВЛЕНИЕ

В. А. Плунгян (Москва)
К типологии перфекта в языках мира:
предисловие 7

I.

Е. В. Горбова (Санкт-Петербург)
Результативность, экспериенциальность, инклюзивность,
иммедиатность: чем определяется значение перфекта? 39

М. Л. Федотов, О. Ю. Чуйкова (Санкт-Петербург)
Русские делимитативные предикаты и семантика перфекта 67

Д. В. Сичинава (Москва)
Европейский перфект сквозь призму параллельного корпуса 85

П. М. Аркадьев (Москва)
Взаимодействие перфекта и отрицания в литовском языке:
ареальная и типологическая перспектива 115

В. В. Байда (Москва)
Перфектные конструкции в ирландском языке 163

А. Л. Макарова (Санкт-Петербург)
О формах и функциях перфекта в западномакедонских
диалектах 217

II.

Ilja A. Seržant (Leipzig)
Periphrastic perfect / resultative in Tocharian 237

Кс. П. Семёнова (Москва)
Семантика форм перфекта в древнеармянских Евангелиях 289

Т. А. Майсак (Москва)
Перфект и аорист в ниджском диалекте удинского языка 315

Т. А. Майсак, С. Р. Мерданова (Москва)
Перфект и смежные значения в агульском языке 379

III.

О. В. Ханина, А. Б. Шлуинский (Москва)
Энецкий перфект: дискурсивные употребления
у эвиденциально-адмиративного перфекта 425

А. Ю. Урманчиева (Санкт-Петербург — Москва)
«Антиподы» перфекта в самодийских языках:
ненецкое прошедшее время 475

О. С. Волков, М. Ю. Пупынина (Москва, Санкт-Петербург)
Категория перфекта в чукотско-камчатских языках 535

Е. В. Перехвальская (Санкт-Петербург)
Перфект в удэгейском языке..... 569

А. С. Шварц (Хорошкина)(Москва)
Показатели перфекта в современном китайском языке 587

И. М. Горбунова (Москва)
О перфекте и смежных категориях в атаяльском языке..... 611

IV.

И. А. Фридман(Москва)
Семантика и прагматика перфекта в амхарском языке 637

В. Ф. Выдрин (Париж — Санкт-Петербург)
Перфект в языке манинка Гвинеи..... 709

А. Б. Шлуинский (Москва)
Терминатив в языке сусу: к типологии
терминативной разновидности перфекта..... 743

И. А. Виноградов (Москва)
Причастные и финитные перфектные формы в языках майя..... 777

Сведения об авторах..... 809

Аннотации и ключевые слова 813

CONTENTS

Vladimir A. Plungian
Towards the typology of the perfect in the world's languages: introduction .. 7

I.

Elena V. Gorbova
Perfect of result, experiential perfect, perfect of persistent situation, perfect of recent past: what determines the meaning of the perfect? 39

Maksim Fedotov, Oksana Chuikova
Russian delimitative predicates and perfect semantics 67

Dmitri Sichinava
European Perfect viewed from a parallel corpus..... 85

Peter Arkadiev
Interaction of perfect and negation in Lithuanian: areal and typological perspectives..... 115

Viktor V. Bayda
Perfect constructions in Irish..... 163

Anastasiya L. Makarova
On the forms and functions of the perfect tense in the western Macedonian dialects..... 217

II.

Ilja A. Seržant
Periphrastic Perfect / Resultative in Tocharian 237

Xenia Semionova
The semantics of perfect forms in Classical Armenian Gospels 289

Timur Maisak
The Perfect and the Aorist in the Nizh dialect of Udi..... 315

Timur Maisak, Solmaz Merdanova
Perfect and related meanings in Aghul 379

III.

Olesya Khanina, Andrey Shluinsky
Enets perfect: discourse-based uses
of an evidential-admirative perfect gram 425

Anna Yu. Urmanchieva
"Antipodes" of perfect in Samoyedic languages:
Nenets past tense 475

Maria Poupynina, Oleg Volkov
Perfect in Chukotko-Kamchatkan languages 535

Elena V. Perekhvalskaya
Perfect in Udihe 569

Anna Schwarz (Khoroshkina)
The markers of perfect in modern Mandarin Chinese 587

Irina Gorbunova
On Perfect and its relatives in Atayal 611

IV.

Iosif Fridman
Semantics and Pragmatics of Amharic Perfect 637

Valentin Vydrin
The perfect in the Guinean Maninka 709

Andrey Shluinsky
Terminative in Susu: a case study
of the terminative variety of perfect 743

Igor Vinogradov
Participial and finite perfect forms in Mayan languages..... 775

Contributors 809

Summaries and key words 825

Научное издание

ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН / Отв. ред. Н. Н. Казанский.
Т. XII. Ч. 2. Исследования по теории грамматики. Выпуск 7: Типология перфекта / Отв. ред. Т. А. Майсак, В. А. Плунгян, Кс. П. Семёнова. СПб.: Наука, 2016. — 840 с.

Утверждено к печати
Ученым советом Института лингвистических исследований РАН

Подписано к печати 01.04.2016
Формат 60x90 1/16
Усл. печ. л. 52,5. Уч.-изд. л. 45,2. Тираж 500 экз.
Санкт-Петербургская издательско-книготорговая фирма «Наука»
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 1
main@nauka.nw.ru
www.naukaspb.com

Печатается с оригинал-макета, изготовленного в ИЛИ РАН
Оригинал-макет подготовила А. Ю. Урманчиева

Отпечатано в типографии «Нестор-История»
тел./факс: (812)6220123
manager_nestor@list.ru

Подписка осуществляется по интернет-каталогу «Книга-сервис»
http://www.akc.ru/goods/1558086950

Материалы сборника доступны в электронном виде на сайте ИЛИ РАН
https://alp.iling.spb.ru/ru/issues.html

ISBN 978-5-02-039626-5
9 785020 396265